

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы имени А.М.Горького

Л Е Т О П И С Ь
литературных событий
в России
конца XIX — начала XX в.
(1891 — октябрь 1917)

Выпуск 3

1911 — октябрь 1917

Москва
ИМЛИ РАН
2005

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 98-04-06112а*

Под общей редакцией члена-корреспондента РАН А.В.Лаврова

Редактор-составитель к.ф.н. М.Г.Петрова
Ответственный секретарь издания И.С.Багдасарян

Рецензенты:
доктор филологических наук О.А.Клинг,
доктор филологических наук Д.М.Магомедова

Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Выпуск 3 (1911 — октябрь 1917). ИМЛИ РАН, 2005. — 672 с.

Панорама литературного движения 1910-х годов разворачивается на материалах, извлеченных из периодики, книжных изданий, а также на подлинных документах эпохи (письма, дневники и т.п.). Издание адресовано литературоведам, историкам и преподавателям.

От редакции

Общая характеристика «Летописи литературных событий в России конца XIX — начала XX в.» дана в предисловии к «Выпуску 1 (1891–1900)». М., 2002.

Издание, в главных чертах, основано на следующих приемах подачи материала:

1. Материал внутри каждого летописного месяца размещен в следующей последовательности: а) журнально-газетные публикации художественных произведений (по старшинству имен: В.Г.Короленко, М.Горький, И.А.Бунин и т.д.) с отзывами современников; б) журнально-газетная критика и публицистика; в) события с датой, а также письма, дневниковые записи в хронологической последовательности и композиционной целесообразности; г) альманахи, сборники, книги.

Многомесячные публикации, как правило, даны по месяцу окончания. Однако возможны исключения, когда отмечается и начало публикации: «Детство» М.Горького, «Петербург» Андрея Белого и др.

2. Так как каждая страница «Летописи» имеет колонтитул с обозначением года, то внутри летописного года данный год — при ссылках на периодику, переписку, дневниковые записи — не повторяется. Отдельные издания, в библиографических данных которых значился год текущий или будущий (на титульных листах книг, вышедших в свет, начиная с сентября–октября, часто указывался будущий год), — даются всегда с обозначением года.

3. Выход книг по месяцам дан, как правило, на основании *Книжной Летописи*. В редчайших случаях, когда книга не зафиксирована в *Книжной Летописи*, — по первой рецензии. Если существует другая дата выхода, расходящаяся с *Книжной Летописью*, то возможны два решения: а) при недостаточных мотивировках сохраняется дата *Книжной Летописи*, с оговоркой в примечании другой даты (см. январь 1913 г., выход сборника «Пошечина общественному вкусу»); б) при точных документальных свидетельствах и наличии печатных откликов — по

времени фактического выхода, с указанием в примечании даты, зафиксированной в *Книжной Летописи* (см. март 1912 г., выход сборника А.Ахматовой «Вечер»).

4. При ссылках на газеты дается только число, при ссылках на ежемесячные журналы — номер (месяц указывается при расхождении счета номеров с месяцем, напр.: № 1, окт.). Ежедельники даются с номером и числом. Если газета имела два выпуска — утренний и вечерний, то оговаривается только последний (веч. вып.). Приложения к газете также оговариваются.

5. Малоизвестные псевдонимы раскрываются в тексте в квадратных скобках. Анонимы (если они раскрыты в научных трудах или сборниках данного автора) также раскрываются в тексте в квадратных скобках. Например, неподписанные рецензии в журнале «Русское богатство» раскрыты в «Указателе анонимных рецензий», составленном М.Д.Эльзоном (ЛН, т. 87); иногда расшифровка дана по архивным источникам.

6. При ссылках воспроизводятся лишь содержательные заголовки статей и рецензий. Если просто констатируется заголовок рецензируемого произведения, то указывается только автор статьи и ссылка на печатное издание. При этом постоянная рубрика раздела («Критические заметки», «Литературные отражения») не повторяется.

7. Ссылки на журналы и сборники даются, как правило, без указания страницы, но так, чтобы читатель мог найти необходимый материал. В отдельных случаях, когда это затруднено, дается и страница.

При подготовке — по некоторым темам и персоналиям — составители пользовались дополнительными материалами, представленными: И.С.Багдасарян (*Книжная Летопись*, поэтические сборники, художественные выставки и др.), О.А.Богдановой (Вл.С.Соловьев, В.В.Розанов, С.Н.Булгаков), О.А.Клингом (В.Я.Брюсов), И.В.Корецкой (Ин.Ф.Анненский, Вяч.И.Иванов), А.Е.Парнисом (авангард).

Компьютерный набор В.М.Введенской, при участии И.Л.Ровинской.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Апол. — «Аполлон» (журнал)
Арт. — «Артист» (журнал)
Арх. Горького — тома «Архива А.М.Горького»
Бирж. Вед. — «Биржевые ведомости» (газета)
В. Л. — «Вопросы литературы» (журнал)
Вест. Евр. — «Вестник Европы» (журнал)
Вест. Зн. — «Вестник знания» (журнал)
Вопр. Фил. и Псих. — «Вопросы философии и психологии» (журнал)
Гиперб. — «Гиперборей» (журнал)
Гол. Мин. — «Голос минувшего» (журнал)
Горьк. Чт. — «Горьковские чтения»
Горький. Материалы — «М.Горький. Материалы и исследования»
Д. Нар. — «Дело народа» (газета)
Еж. РО ПД — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома»
Еж. Журн. — «Ежемесячный журнал»
Журн. Журн. — «Журнал журналов»
З. Руно — «Золотое руно» (журнал)
Зав. — «Заветы» (журнал)
Запр. Ж. — «Запросы жизни» (журнал)
Зап. Кн. — А.Блок. Записные книжки 1901–1920. М.; Л., 1965
Ист. Вест. — «Исторический вестник» (журнал)
Катанян — В.Катанян. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е. М., 1985.
Киев. Мысль — «Киевская мысль» (газета)
Л. Г. — «Литературная газета»
ЛН — «Литературное наследство»
ЛЖТ Горького — Летопись жизни и творчества А.М.Горького. Вып. 2, 3. М., 1958–1959.
Лет. — «Летопись» (журнал)
Лит. Арх. — «Литературный архив»
Лит. Обзор. — «Литературное обозрение» (журнал)
Мир Иск. — «Мир искусства» (журнал)
Моск. Вед. — «Московские ведомости» (газета)
Н. Л. — «Нижегородский листок» (газета)
Н. Вр. — «Новое время» (газета)
Н. Жизнь — «Новая жизнь» (газета)
Нов. Жизнь — «Новая жизнь» (журнал)
Нов. Журн. для всех — «Новый журнал для всех»
Н. М. — «Новый мир» (журнал)
Нов. Русь — «Новая Русь» (газета)
Нов. Сат. — «Новый сатирик» (журнал)
Нов. Сл. — «Новое слово» (журнал)
Од. Нов. — «Одесские новости» (газета)
Од. Обзор. — «Одесское обозрение» (газета)

- Орл. Вест. — «Орловский вестник» (газета)
Отеч. — «Отечество» (журнал)
Пб. Газ. — «Петербургская газета»
Пг. Л. — «Петроградский листок» (газета)
Полт. — «Полтавщина» (газета)
Пр. — «Правда» (журнал)
Правит. Вест. — «Правительственный вестник» (газета)
Приаз. Кр. — «Приазовский край» (газета)
Просв. — «Просвещение» (журнал)
Р. Бог. — «Русское богатство» (журнал)
Р. Вед. — «Русские ведомости» (газета)
Р. Воля — «Русская воля» (газета)
Р. Ж. — «Русская жизнь» (газета)
Р. Зап. — «Русские записки» (журнал)
Р. Иллюстр. — «Русская иллюстрация» (журнал)
Р. Л. — «Русская литература» (журнал)
Р. Молва — «Русская молва» (газета)
Р. Мысль — «Русская мысль» (журнал)
Р. Св. — «Русская свобода» (журнал)
Р. Сл. — «Русское слово» (газета)
Ран. Утро — «Раннее утро» (газета)
Св. Журн. — «Свободный журнал»
Св. Мысли — «Свободные мысли» (журнал)
Сев. Зап. — «Северные записки» (газета)
Сев. Сияние — «Северное сияние» (журнал)
Сиб. Огни — «Сибирские огни» (газета)
Совр. — «Современник» (журнал)
Совр. Мир — «Современный мир» (журнал)
Совр. Сл. — «Современное слово» (газета)
Т. и Иск. — «Театр и искусство» (журнал)
Тр. и Дн. — «Труды и дни» (журнал)
Утро Рос. — «Утро России» (газета)

При ссылках на следующие собрания сочинений указываются лишь том и страница (особые случаи оговорены ниже):

- А. Блок. Собрание сочинений в 8 томах. М.; Л., 1960–1963.
И. А. Бунин. Собрание сочинений в 9 томах. М., 1965–1967.
М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1949–1955.
Т. 23–30 (публицистика и письма с июня 1913 г.).
М. Горький. Полное собрание сочинений в 25 томах. М., 1968–1976 (с указанием: ПСС).
М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах. М., 1997–2003. Т. 1–10 (с указанием: Письма).
В. Г. Короленко. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1953–1956.
В. И. Ленин. Полное собрание сочинений в 55 томах. М., 1958–1965.
В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений в 13 томах. М., 1955–1961.

1911 год

Январь

В Петербурге выходит первая книга нового ежемесячного журнала литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни — «Современник». Редакционно-издательский комитет: А.В.Амфитеатов, В.Ф.Боцяновский, М.М.Коялович, П.И.Певин (он же издатель журнала), В.А.Тихонов. Ведущую роль в организации журнала играл А.В.Амфитеатов. Постоянным сотрудником в объявлении о журнале был назван М.Горький, что вызвало его возражения (письмо А.В.Амфитеатову от 6 (19) дек. 1910 г. Письма. Т. 8, с. 206). В статье «От редакции» изложена платформа журнала: верность традициям 60-х годов, верность реализму, внепартийность.

Платформа эта была, в целом, сочувственно принята в либеральных кругах. «Идея во втором десятилетии XX века возродить самый влиятельный журнал шестидесятых годов XIX столетия» способна «привлечь к себе общественный интерес»; «Журнал ставит своею задачей осуществить идейный синтез мировоззрения современной левой интеллигенции» и «надо ли говорить, как огромна эта задача»; «перед нами живо составленный беспартийный левый журнал», но в первом номере нет ни одной статьи, «в которой бы реально выразилось стремление... оказать на современное общество то влияние, которое когда-то имел “Современник” 60-х годов». Сочувственно отмечены художественные ориентации журнала: «Это — удачный шаг: несомненно, русское общество стремится теперь к “реализму”, но нельзя также не видеть, что “нынешний реализм” не может быть “реализмом” 60-х годов. Программная редакционная статья это понимает» (А.С.Изгоев [А.С. Ланде]. «Речь», 2 февр.).

Продолжая традиции русской журналистики, «журнал все приносит в жертву политике и общественности. Мистические, философские и этические движения оцениваются журналом с точки зрения их “реакционности”, поэты признаются им чужими из-за “политического разномыслия”». В программе «Современника» «многогранное слово “реализм” — самое дорогое»,

«реализм этот — не старый, но обновленный», а в журнале печатаются романы «совершенно допотопные»: «Закат старого века» Амфитеатрова и «Карьера» Тихонова; «литература — последняя забота журнала» (Евг. Зноско-Боровский, Рус. худ. лет., № 5, март).

«Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Т. I. М., 1911. Тираж — 7200. Том второй, вып. второй, изд. «Посредника» второе с первого изд., напечатанного под личным наблюдением Л.Н.Толстого. М., 1911. Книга была изъята из продажи*.

Андрей Белый — «Лев Толстой» (Р. Мысль, № 1).

Автор «очень проникновенно» усматривает в «уходе» Толстого соприкосновение «двух сфер творчества»: «гений жизни и гений слова соединились в высшем единстве» (Евг. Зноско-Боровский, Рус. худ. лет., № 6, март).

А.Блок писал 11 января Н.С.Архиповой: «Толстой всем нам теперь помогает и светит» (т. 8, с. 325).

П.Б.Струве — «На разные темы» (Р. Мысль, № 1). В полемике с «безрелигиозной интеллигенцией» и ее печатными органами отрицает связь Толстого с идеями русской революции: «я не представлял себе, чтобы возможна была подобная откровенная фальсификация Толстого»; «Все яснее и яснее обнаруживается, в какой мере Толстым владела *религиозная* мысль, в какой мере он действительно жил религией». «Как бы ни велики разногласия религиозно настроенных людей с Толстым, им он близок как живое воплощение в русской жизни религиозного начала».

Большевистский журнал «Мысль» в «Полемических заметках» Р. (№ 2, янв.) выступает с критикой статьи Струве и других статей о Толстом, помещенных в «Русской мысли» (А.С. Изгое-

* Освещение в «Летописи» 1911 г. наследия Л.Толстого и споров вокруг него несколько отступает от принятого в «Летописи» порядка расположения материала (см. предисловие к 1 выпуску). В пределах отдельного месяца материалы о Толстом собраны воедино независимо от их характера (идет ли речь о текстах самого писателя, книгах или статьях о нем, а также других связанных с ним литературных и общественных событиях) и даны в начале месяца. Этим подчеркнута особо важное значение имени Толстого для русской литературной жизни в год, наступивший после смерти писателя.

ва, С.Н.Булгакова, С.Л.Франка): «Тут, кратко говоря, из всех сил “обрабатывают” Толстого под “Вехи”». В том же номере заканчивается печатанием статья Г.В.Плеханова «Смещение представлений (Учение Л.Н.Толстого)», начатая в № 1, дек., за 1910 г.

22 января в газете «Звезда» публикуется статья В.И.Ленина «Л.Н. Толстой и его эпоха».

Публикуются документальные и мемуарные материалы о Толстом (в том числе, о последних днях его жизни): «Жизнеописание Льва Николаевича Толстого в письмах его секретаря В.Ф.Булгакова». № 1. Библи. Л.Н.Толстого. Под ред. П.И.Бирюкова. М., 1911, тираж — 1000; «Дни нашей скорби. Сборник статей и известий о последних днях Льва Толстого». М., 1911, тираж — 700; записки В.Г.Черткова «О последних днях Льва Николаевича Толстого» (Р. Вед., 16, 18 янв.); очерк М.М.Пришвина «Вагон Толстого» (Р. Вед., 19 янв.).

В.Вересаев — «Живая жизнь. Часть 1. О Достоевском и Льве Толстом». М., 1911, тираж — 5000.

«Превосходно выяснил г. Вересаев основной элемент толстовской науки и творчества: великую всепроницающую жизнерадостность, глубочайшее животное чутье, первобытный инстинкт жизни» (Совр., № 3, Нов. Кн.). Отмечая «бодрое мирозерцание автора», Вяч. Полонский не соглашается с главным положением книги: «будто одна стихийная сила жизни, жизненный инстинкт, способна преодолеть трагедию» (Нов. Жизнь, № 9, окт.). Книга Вересаева — это «первый и очень смелый бунт против Достоевского, первый протест против господства его настроений в жизни и литературе» (Е. Колтоновская, «Речь», 2 мая). Высоко оценивая «вдумчивый» труд, Ч. В-ский [В.Е. Чешихин] (Вестн. Евр., № 5) возражает против «безусловного противоположения» Достоевского Толстому: «Видеть в них нечто несоединимое и непримиримое в живом развитии человечества едва ли есть основание». Того же мнения рецензент «Нов. Журн. для всех» (№ 29, март, Нов. Кн.). Петр Наумов [П.Н. Гурович] упрекает Вересаева в перевоплощении «величайшего писателя земли русской [Достоевского] по своему образу и подобию», равно как и Толстого (Апол., № 5).

В «Аполлоне» (№ 1) — публикация «Посмертные стихотворения Иннокентия Анненского». 10 стихотворений.

Валерий Брюсов — «Путник. Психодрама в одном действии» (Р. Мысль, № 1).

Е. Колтоновская увидела в произведении Брюсова тип «новой женщины с ее головной экзальтацией, стремительностью и эксцентричностью» («Речь», 17 янв.). Другой рецензент усмотрел в «Путнике» явление искусства «новых дней» с его устремлением к «чистой художественности», к обновленным ценностям «религиозного и нравственного чувства» (В. Чудовский, Апол., № 2). «Весьма осуждаю, тебя, Валерий, за твою женскую повесть [“Последние страницы из дневника женщины”, 1910] и невозможную “психодраму”»; «Где же Валерий Брюсов? Или его больше нет?» (письмо К.Д. Бальмонта от 17 (30) янв., ЛН, т. 98, кн. 1, с. 226). «О вашей драме хотелось бы много поговорить: она меня удивила и озадачила» (письмо Андрея Белого от 26 июля, ЛН, т. 85, с. 422).

29 января в газетах «Звезда» и «Киевская мысль» публикуются «Сказки» М. Горького [I и II из «Сказок об Италии»].

М. Горький — первый рассказ из цикла «Жалобы» (Совр., № 1); «Мордовка» (Совр. Мир, № 1).

С. Адрианов увидел «немного утешительного в последних вещах» Горького, который «теперь пишет нравоучительные рассказы для иллюстрации и популяризации идей социализма с оттенком всенародного богостроительства». Рассказ «Жалобы» «имеет целью доказать, что всякий человек — в глубине души социалист». И лишь в рассказе «Мордовка» заколебалась вера Горького «во всеобъемлющую, всеисчерпывающую и всеразрушающую силу социализма» (Вест. Евр., № 4). А. Измайлов — о «Мордовке»: «Выдуманно, как выдуман босьяк с философией»; «Жалобы» — «скорее фельетон на излюбленную тему о загадочности русской народной души»; выводы героя рассказа, офицера, о русском народе «безнадежны» (Р. Сл., 2 февр.). «Жалобы» «принадлежит к тому роду беллетристической публицистики, к какому относятся “Записки из подполья”»; герой рассказа противопоставляет немецкое «дьявольски развитое чувство общности» «нашей славянской междоусобице» (Утро Рос., 8 янв.). Большевик С. Шаумян возмутился критикой, приписавшей Горькому нападки на русский народ и разочарование в революционном пролетариате (Стивин, «О Горьком», «Современная Жизнь» (Баку), № 1, март).

Е. Зноско-Боровский высказывается о кн. 1 «Русского богатства»: «чтобы читать его беллетристику, надо раз навсегда и со-

вершенно вытравить память о том, что ведь литература — тоже искусство»; «А, казалось бы, “народникам” (мы говорим это с полным уважением) следовало бы дорожить богатым и ярким народным языком, особенно в произведениях, посвященных деревне, а не подменивать его на литературные клише». Как пример, ссылается на публикацию романа В.Муйжеля «Год» (Рус. худ. лет., № 5, март).

6 января на представлении в Мариинском театре оперы «Борис Годунов» с Шаляпиным в главной роли и в присутствии Николая II и вдовствующей императрицы Марии Федоровны произошел эпизод, вызвавший шумный и длительный резонанс в широких общественных и художественных кругах в России и за рубежом. В опубликованном официальном сообщении говорилось, что после пятой картины «хор и артисты, во главе с солистом Его Величества — Шаляпиным, стоя на коленях и обратившись к царской ложе, трижды исполнили гимн [“Боже, Царя храни”], затем дважды исполненный хором вместе с оркестром» (Утро Рос., 8 янв.). Между тем данное сообщение, как писал в своих воспоминаниях директор Императорских театров В.А.Теляковский, имея в виду версию об инициативе Шаляпина, в «извращенном виде» рисовало роль Шаляпина («Ф.И. Шаляпин. Статьи. Высказывания. Воспоминания о Ф.И.Шаляпине», т. 2. М., 1958, с. 235). Подробно характеризуя обстоятельства происшедшего, сам артист писал Горькому 18 (31) июля, что вынужденно «явился действующим лицом этой пакостной и пошлой сцены» (Горьк. Чт., 1954, с. 17). И однако именно официальная версия была воспринята как истинная и послужила поводом для кампании против Шаляпина с обвинениями в раболепстве перед властью — особенно в леворадикальных кругах. Так, А.В.Амфитеатров распространял открытое письмо-обращение к артисту от 13 (26) января, в котором говорилось: «не называй себя “сыном народа”... В устах, раболепно целующих руку убийцы 9-го января, руку палача, эти свойственные тебе слова будут звучать кощунством» (Ф.И. Шаляпин, цит. изд., т. 1, с. 666). Русская пресса публиковала разоблачительные выступления, в том числе фельетонного характера (к примеру, фельетон В.М.Дорошевича «Мания величия», Р. Сл., 11 февр.). Шаляпина осудили и близкие ему люди, как, например, художник В.А.Серов. Из разговора К.И.Чуковского с И.Е.Репиным: «Разговор о Шаляпине — Утро Рос[сии] назвало Ш[аляпин]а хамом. — Bravo, bravo! — сказал И[лья] Е[фимович] (Запись от 28 янв. — К.Чуковский. Дневник: 1901–1929. М., 1991, с. 46). Дружеские отношения с артистом прекратил Горький; в его переписке 1911 г. неоднократно

затрагивается эта тема (см.: Письма, т. 9). Примирение состоялось в сентябре 1911 г.*

Блок — Н.С. Архиповой, 11 янв.: «“Декадентство” любите поменьше. Если любите мои стихи, хочу Вам сказать, что я прошел через декадентство давно, прошел только потому, что человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Это я Вам пишу потому, что Вы адресуете письма в “Аполлон” и, вероятно, читаете его: там рядом с хорошим — слишком много мертвого, вырожденного декадентства» (т. 8, с. 325).

23 января скончался известный историк, журналист, публицист, редактор «Вестника Европы» (до 1909 г.) М.М. Стасюлевич.

23 января И. Бунин отправляет в Разряд изящной словесности Академии наук отзыв об сочинениях Городецкого, представленного автором на соискание Пушкинской премии, где характеризовал его «славянскую мифологию» как лубочную «подделку под народный лад» и где, в частности, писал: «Не стоило бы всерьез говорить о Городецком, если бы не был он так типичен для теперешних литературных нравов»; «но что невозможно теперь, когда пользуется известностью полупомешанный Блок, фат Бальмонт, сам себя именующий “сыном солнца”, “чародеем стиха”, а Пушкина и “всех” прежних поэтов — своими предтечами, Третьяковский [Третьяковский В. К.] - Вяч. Иванов и прочие, прочие, покровителем, одним из главарей которых является усидчивый копиист французских модернистов и старых русских поэтов — Брюсов» (ЛН, т. 84, кн. 1, с. 336, 348, 346).

25 января в Москве открылась XVIII выставка Московского товарищества художников. Пресса отмечала особый интерес, вызванный произведениями А.С. Голубкиной и К.Ф. Богаевского (М. Волошин, Рус. худ. лет., № 4, февр.; Р. Вед., 26 янв.). В статье, посвященной Голубкиной, Волошин писал: «Как мастер, творчество которого является неугасимым горением совести, Голубкина представляет исключительно русское, глубоко национальное явление. Она принадлежит к художникам типа Достоевского и Толстого» (Апол., № 6).

27 января на сцене петербургского Троицкого театра миниатюр состоялось народно-драматическое представление «Царь

* Ряд фактов, относящихся к шляпинской «истории» и откликам на нее, приведен в кн. И.А. Ревякиной «Шляпин и Горький». М., 2002.

Максемьян и его непокорный сын Адольфа» в постановке М. Бонч-Томашевского, расцененное как одно из первых предвзятий русского театрального авангарда. Эскизы к постановке рисовали, в частности, В. Татлин, А. Шевченко («Речь», 1 февр.; Т. и Иск., № 6, 6 февр.; А. Крусанов. Русский авангард: 1907—1932. (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. СПб., 1996, с. 42).

Выходит альманах изд-ва «Шиповник», кн. 14. СПб., 1911, тираж — 15300. («Две жизни» Ал. Н. Толстого (ч. 1), «Актриса» Б. Зайцева, «Свирель» Г. Чулкова, «Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы» Л. Андреева, «Пристав Дерябин» С. Н. Сергеева-Ценского).

«Воспеватель всякой обреченности, гибели» С. Н. Сергеев-Ценский «намалевал размашисто, аляповато и буйно этого титанического “Пристава Дерябина”, в котором каждая строчка только о том и кричит, как мила и гадка, и пленительна, и ужасна» Россия (К. Чуковский, Ежегодник газ. «Речь» на 1912 г., СПб., 1912, с. 438—439). В письме Е. К. Малиновской Горький назвал «Пристава Дерябина» «превосходной вещью», а о рассказе Андреева отозвался: «Вышла не змея, а злая кологривская мешанка» (письмо И. А. Бунину, около 2 (15) марта; Письма. Т. 9, с. 18, 6). А. Измайлов заметил по поводу того же рассказа: «Трагично, когда писатель редкого одарения оказывается в плену у этой цветословной риторики» (Р. Сл., 2 февр.).

В XXXIV сборнике «Знания» (СПб., 1911, тираж — 10000) публикуются: драма «У жизни в лапах» Кнута Гамсуна, стихи «Белоруссия» А. Черемнова, повесть «Париж» Н. Каржанского [Н. С. Зезюлинского].

Выходит пятый сборник «Земля». Моск. кн-во, 1911, тираж — 12000. («Честность с собой» В. Винниченко, «Лесные тайны» Евгения Чирикова).

В статье «Беллетрист В. Винниченко» М. Ольминский писал: «Если иной читатель из чувства брезгливости пренебрежет поучениями г. Винниченко относительно честности, если вовсе не станет читать их — в этом не будет ничего удивительного» («Звезда», 11 июня); М. Горький писал А. В. Амфитеатрову: «читал Винниченко “Честность с собой”, — вот бы его на европейский язык перепереть! Ахнули бы европы и — прекратили всякие сношения с Русью, оградясь от нее высоченной стеной» (письмо от 2 (15) марта 1911 г. Письма. Т. 9, с. 7). Вл. Кранихфельд увидел в «изящном и милом произведении Чи-

рикова» «святой протест» (слова Чирикова) «против быта, во имя сказки», отразивший «интеллигентскую психику и интеллигентское отношение к миру» («Бард русской интеллигенции», Совр. Мир., № 2).

С. Найденов — Пьесы. 1) Авдотьиная жизнь; 2) Стена; 3) Хорошенькая; 4) Дети Ванюшина (вариант IV акта), СПб., 1911, тираж — 3000.

Георгий Чулков — Сочинения. Т. III. Повести и рассказы. СПб.: изд. «Шиповник», 1911, тираж — 3300.

Критика обратила внимание на отражение в книге идей «мистического анархизма» (А. Эфрос, Утро Рос., 2 апр.). Отмечая «яркость и интересность отдельных страниц» вошедших в нее произведений, С.Ауслендер считает «дурной привычкой» автора чрезмерное стремление «к философическим разговорам» («Речь», 7 февр.).

С. Юшкевич — пьеса «Комедия брака» (СПб., «Просвещение», 1911, тираж — 5000).

7 января в театре Корша почти одновременно с выходом отдельного издания состоялась премьера пьесы.

«Комедия брака» «казнит злою насмешкой современную семью, изображает ее в полном, безнадежном разложении. Исполнение не смягчило грубости и ненужной откровенности; напротив, еще подчеркнуло, увеличило» (Р. Вед., 8 янв.). «Сцена, созданная Юшкевичем, залита грязью, и он копается в ней без всякой боли, а наоборот, с некоторым увлечением»; «Быть может, он фотографичен, но чем он точнее, тем дальше он от жизни» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 2, Нов. Кн.). С.Ауслендер отзывается о постановке пьесы в петербургском Новом Драматическом театре: «грубый фарс, содержание которого состоит сплошь из непристойностей» (Рус. худ. лет., № 1, янв.).

С.Юшкевич — пьеса «Miserege». СПб.: изд. журн. «Театр и искусство», 1910, тираж — 100. (Пьеса была опубликована также в шестом сборнике «Земля».) Отзываясь на постановку пьесы в Одесском городском театре, рецензент замечал: это «скорее лирическая поэма, посвященная переживаемому ныне молодежи тяжелому душевному кризису. После недавних революционных бурь, после ярких порывов и увлечений наступило тяжелое “спокойствие”» (Лор, Од. Нов., 13 янв.). А.Ар. связывает пьесу с «эпидемией» самоубийств, «вспыхнувшей непосредственно вслед за бурным периодом русской истории истекшего

десятилетия» (Од. Нов., 19 янв.). Юшкевич «дал не всю правду, дал только частицу правды», «за пределами пьесы» остались те, «от которых не отошел “дух гнева”», «все те, что не утратили веры, что хотят жить и бороться», «художник по своей психике ближе к тем, что охвачены разочарованием и печалью, он и сам переживает лирическое настроение гибели» (П. Орловский [В.В.Воровский], Совр. Мир, № 3). М.Волошин характеризует пьесу как эпигонское следование Чехову и Метерлинку (Рус. худ. лет., № 3, февр.). (Публикации пьесы предшествовала ее премьера — 17 дек. 1910 г. — в Московском Художественном театре — вызвавшая ряд отзывов в декабрьской прессе 1910 г.).

О.Н. Ольнем — «Без иллюзий. Рассказы». СПб.: изд. т-ва «Просвещение», 1911.

«Автор этой книги — талантливая писательница чеховской школы», которая «как бы живет исключительно в сфере прошлого»: «нам, свидетелям огненного 1905 года, трудно себе представить беспроблемно подавленную психологию и безволие чеховских героинь» (Е. Колтоновская, «Речь», 4 апр.).

А.Вербицкая — «Ключи счастья», кн. III. «Дрожащие ступени», ч. I. М., 1911, тираж — 30000.

В 1910 г. В.П.Кранихфельд, опираясь на данные «отчетов библиотек и читателей», свидетельствовал, что «соперничество Вербицкой с Толстым у массового читателя часто разрешалось в пользу первой» (Вл.П.Кранихфельд. «В мире идей и образов». Т. 2. СПб., 1912. С. 155). Подобным «невероятным сопоставлением» начинался, по свидетельству обозревателя журнала «Аполлон» (№ 2, раздел «Rossica»), проспект немецкого перевода «Ключей счастья», где сказано, что Вербицкая «рядом с Львом Толстым принадлежит к современным писателям, наиболее читаемым в России». Напротив, в периодике того времени многочисленны отрицательные суждения о «Ключах счастья» как явлении внелитературном. Неон [М. Ольминский] расценил эти суждения как порождение «литературы ренегатской эпохи», которой «приходит конец» («Звезда», 29 окт.).

Николай Олигер — «Праздник весны». Роман. Собр. соч., т. 4. СПб.: кн-во «Освобождение», 1911, тираж — 2200.

Роман «для дамского чтения», «после обеда». «Г. Олигер написал раньше “Праздника весны” несколько рассказов», которые «были отмечены талантом и наблюдательностью. Что за

охота пришла ему тратить труд и время на утопию? К этого рода творчеству он, слишком очевидно, совершенно не подготовлен ни привычкою к систематическому мышлению, ни знакомством с философскими школами и системами, ни образованием» (Совр., № 4, Нов. Кн.). Отрицательный отзыв — и в «Нов. Журн. для всех» (№ 28, февр., Нов. Кн.).

Сергей Клычков — первый поэтический сборник: «Песни. Печаль — Радость — Лада — Бова». М.: «Альциона», 1911, тираж — 1000.

«О природе поет Сергей Клычков... творчески воспринимая все многообразие природы не только в ширину, но более всего в глубину, вплоть до древнего, сказочного восприятия»; «Критика такой книжки должна свестись к ласке да привету» (С. Городецкий, «Речь», 24 янв.). Тема языческой Руси — «одна сладкая волица, славянская Аркадия, с неизменными Ладами и Лелями, царевичами и невестами»; «трудно разобрать, что принадлежит самому поэту, а что Бальмонту и Городецкому» (Н. Гумилев, Апол., № 5). «Эта сказочная красочность, использованная многими современными писателями... не возбуждает большого острого интереса, но в стихах г. Клычкова звучит подлинная поэзия» (В.В-н [В.М. Волькенштейн], Совр. Мир, № 4). «Доведя отрицательную оценку до крайности, можно сказать, что это Ершов, густо удобренный Вяч.Ивановым и Блоком» (из письма С.П.Боброва Андрею Белому от 14 янв. Лица. Т. 1. М.; СПб., 1992, с. 152). С.Клычков «кажется очень юным дебютантом, но дебютантом, от которого можно ожидать многого. Его "Песни" — не песни, а скорее скороговорки, удачно подобранные, часто красивые, но всегда оборванные на первом слове. Не хватает складной речи» (М. Волошин, Утро Рос., 28 мая).

Выходит сборник стихотворений поэта-«суриковца» М.В.Праскунина «Злые песни. Книжка 2-я». М., 1911, тираж — 1000. (Была изъята из продажи.)

Выходит сборник пролетарского поэта Ал. Белозерова «Стихотворения лирические. 1905-1910. Книжка II». Нижний Новгород, 1910, тираж — 500.

С.А.Венгеров — Собрание сочинений, т. 1. «Героический характер русской литературы». СПб.: «Прометей», 1911, тираж — 4100.

М.Горький отмечал, что в книге «чрезвычайно своевременно и очень ярко подчеркнуто» «значение волевого начала в русской жизни, его важность, его необходимость для нас» (письмо

С.А.Венгерову от 4 (17) ноября. Письма. Т. 9, с. 158). Многие критики, писавшие об этой книге, сочувствуют ее исходным положениям: «Основным настроением русской литературы С.А.Венгеров считает “призыв к подвигу и неприятие мира”» (Е. Колтоновская, Вест. Евр., № 2). «Освещенная таким образом история литературы перестает быть только “ознакомлением” читателя с писателями и их произведениями: она становится в свою очередь кафедрой, с которой льется “учительное”, т.е.призывное слово» (И. Игнатов, Р. Вед., 25 февр.). Вместе с тем критика возражает против излишней широты и «всеядности» автора: Венгеров «пропускает в свой *моральный* пантеон всякого, кто имел честь принадлежать к сословию российских литераторов», «все у него идейны — даже безыдейные» (А. Горнфельд, Литература и героизм, Р. Бог., № 11). А.С.Изгоев назвал книгу «сплошной песней восторга и любви», в которой многое представляется «недоказанным» и автор которой «в своем беспристрастии даже не останавливается перед реабилитацией такой чуждой его настроениям книги, как “Вехи”», что — предвидит рецензент — «немало вызовет шума и нареканий» («Речь», 24 янв.). В.Львов-Рогачевский, например, решительно воспротивился утверждению автора, что сборник «Вехи» — «только новая форма исконного устремления русской интеллигентской души к подвигу» (Совр. Мир, № 5). Рецензент «Аполлона» Петр Наумов (№ 5, Нов. Кн.) отвергает книгу Венгерова, который в «подавлении эстетики политикой хочет видеть коренную особенность национальной литературы» и с позиций «“поистине каннибальской” эстетики» судит о модернизме.

К.Чуковский — «Критические рассказы. Книга первая». СПб.: «Шиповник», 1911, тираж — 3300 (о А.Вербицкой, С.Сергееве-Ценском, Ф.Сологубе, А.Ремизове, В.Розанове, М.Горьком, В.Короленко и др.).

Книга Чуковского «во всех отношениях новая»: «Если прежде он давал неожиданные и талантливые карикатуры, то теперь «живыми мазками пишет он во весь рост фигуры»; вызывает несогласие стремление Чуковского противопоставить пафосу современной души («чувству обреченности, ужасу жизни») творчество В.Г.Короленко, совет критика, «желающего нам выздороветь по рецепту Короленко» (М.К., Утро Рос., 29 янв.). «Обыкновенный прием Чуковского при характеристиках отдельных авторов — резкое подчеркивание в каждой одной излюбленной им черты: Сергеев-Ценский — поэт бездействия и страха жизни, Сологуб — певец смерти, Горький — доктринер, Короленко — идиллик. Получаются угловато и карикатурно схожие

наброски...» (А. Измайлов, Вест. Евр., № 9). «Особенности критической манеры Чуковского приводят к тому, что он оказывается сильнее всего при разборе однобоких талантов» и «поэтому наиболее удачной во всей книге представляется статья о Горьком», который «явился пред читателем в виде “самого теоретического” Пфуля во всей русской словесности, из любви к теории возненавидевшего живую жизнь» (Петр Наумов, Апол., № 2). «...Страсть его разбирать все мелочи, писать о мелочах в писателе... Поистине, это критик о Вербицкой... он ни за что на свете и никогда не напишет статьи о Толстом и Достоевском» (В. Розанов, Нов. Вр., 22 марта)*.

«Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Собр. Ф.Ф.Фидлер. М.: изд-во И.Д.Сытина, 1911, тираж — 3000.

Ч.В-ский [В.Е.Чешихин], выделяя общую черту автобиографий — вовлечение в литературу благодаря пристрастию к книге, — отмечает: «Но для русской литературы некоторые обстоятельства особо характерны... Тюрьма и ссылка в качестве мотива или спутника литературной деятельности вообще упоминаются неоднократно. Столь же неизбежный спутник — цензурные приключения» (Вест. Евр., № 5). «Никто из современных писателей не отмечает влияния на свое творчество Гончарова, Писемского, Лескова, Успенского», «о влиянии Достоевского говорится гораздо чаще, чем о влиянии Толстого или Тургенева» ([А.Г. Горнфельд], Р. Бог., № 2, Нов. Кн.).

Выходит «Пушкинский семинарий» при СПб. университете. Под руководством С.А.Венгерова. Вып. 1. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина. СПб., 1911, тираж — 500.

П.Коган — «Очерки по истории западноевропейских литератур. Т. III, ч. 1. Социальная подкладка современной поэзии. Макс Штирнер. Ницше. Ибсен. Метерлинк. Шницлер. Оскар Уайльд». М., 1911, тираж — 5000.

Анри Бергсон — «Время и свобода воли». Пер. С.И.Гессена. М.: изд. журн. «Русская мысль», 1911, тираж — 1500.

* Другие отзывы указаны в кн.: Д.А. Берман. Корней Чуковский. Библиографический указатель. М., 1999, с. 294.

Февраль

В течение января—февраля в России продолжают студентские волнения, вызванные «смертью Л.Н.Толстого со всеми сопровождавшими ее условиями» и известиями об истязании политических заключенных в вологодской тюрьме и на зарентуйской каторге. (В. Мякотин, «Длящаяся трагедия», Р. Бог., № 3). М. Горький писал И.Бунину (около 2 (15) марта): «Московский университет — разгромлен, да и все едва держится. Тяжело все это и грозит страшной, кровавой отрыжкой» (Письма. Т. 9, с. 5).

«Третьего дня полиция наложила арест на три тома соч. Л.Н.Толстого в новом изд. С.А.Толстой, не допущенные к продаже и хранившиеся у гр. Толстой на складе при доме в Хамовниках» («Московские вести», Р. Вед., 25 февр.). Утвержден арест на брошюру «Жизнь и смерть Л.Н. Толстого» (М., 1911); постановлено уничтожить брошюру «Граф Л.Н.Толстой об евреях. Сборник неизданных статей и писем» (СПб., 1907).

В изд-ве «Книга» выходит 2-й т. «Писем Л.Н. Толстого» за 1855—1910 гг. («собранных и редактированных» П.А. Сергеевко), который вызывает разноречивые отклики в периодике (И.Гессен, «Речь», 7 февр.; А.Эфрос, Утро Рос., 12 марта; А.Басаргин [А.И.Введенский], Моск. Вед., 12 марта; Петр Наумов, Апол., № 5), вызванные недостатками издания.

В «Утре России» (13 февр.) публикуется сатирически инсказательный рассказ Леонида Андреева «Смерть Гулливера» на тему о похоронах Л.Н.Толстого.

Леонид Андреев пытается выпустить сборник статей разных авторов, «осуждающих так называемое реакционное направление политики правительства и имеющих целью поднять оппозиционное настроение в обществе» (сообщение директора Департамента полиции начальнику Главного управления по делам печати А.В.Бельгарду от 17 февраля 1911 г. — ЛН, т. 72, с. 344). Попытка не осуществилась.

Пресса отмечает 50-летний юбилей отмены крепостного права. Среди материалов, связанных с этой темой, — «чрезвычайно интересная» («Речь», 27 февр.) статья В.Г.Короленко «Легенда о царе и декабристе» (Р. Бог., № 2). Выходят отдельные издания, посвященные дате, напр.: «Сборник стихотворений в память 19 февр. 1861 г.» СПб., 1911, тираж — 10000; Юбилейный календарь-альманах 19 февр. 1861 — 1911 гг. СПб., 1911, тираж — —5000.

В.Г.Короленко — статья «В успокоенной деревне», о насилии полиции над крестьянами (Р. Вед., 4 февр.).

А.Блок — стихотворение «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошенном...») — «Нов. Жизнь», № 3, февр.

В № 3 (февраль) «Всеобщего журнала литературы, искусства, науки и общественной жизни» напечатано стихотворение А.А.Ахматовой «Старый портрет» — ее «первая публикация» в России (В.Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. 1889–1917. М., 1996, с. 40).

В «Русской мысли» (№ 2) опубликован рассказ Ал.Н.Толстого «Туманный день».

«Рассказ Толстого, конечно, не очень хорош. Но сейчас Толстой самый видный из молодых беллетристов» (В.Брюсов, письмо П.Б.Струве от 25 января // Лит. Арх., т. 5, с. 313).

В статье «Новые сборники стихов» (Р. Мысль, № 2) Валерий Брюсов оценивает вышедшие в 1910–1911 гг. сборники М.Гофмана, С.Клычкова, В.Нарбута, М.Цветаевой, А.Н.Толстого, И.Эренбурга и др. Его поражает «оторванность всей современной молодой поэзии от жизни». 24 мая Н.Гумилев пишет Брюсову по поводу статьи: «Ваши мысли по поводу реализма в поэзии... заставили меня много думать, волноваться, даже сердиться. Но Вы правы: и ангелы и замки не лучше гражданской поэзии» (ЛН, т. 98, кн. 2, с. 501). «Уже и бывшие сторонники “чистого искусства” — вроде Брюсова — начинают жаловаться на разрыв поэзии с жизнью» (Горький, письмо Л.Н.Андрееву от августа — Письма. Т. 9, с. 89).

В связи с выходом январской и февральской книжек «Русской мысли» в «Русской художественной летописи» отмечаются значительные перемены, происшедшие в издании, когда с конца 1910 г. «во главе литературно-критического отдела этого и прежде не вовсе чуждого модернизму журнала стал Валерий Брюсов»; «журнал обрел свое лицо» и «является действительно литературным изданием, в котором литература не приносится в жертву ничему постороннему» и «едина в отделе критики и беллетристики» (Евг.Зноско-Боровский, № 6, март). «Мне очень интересно читать новую “Русскую мысль”, с которой Вы сделали чудеса» (А.Блок В.Брюсову, 17 февр. — ЛН, т. 92, кн. 1, с. 514).

В статье «Куда идет “новое” искусство» В.Кандинский изложил credo близких ему художников, объявивших «всякое содержание нехудожественным и враждебным искусству»: «Живопись как таковая, т.е. как “чистая живопись”, воздействует на душу своими исконными средствами: краской (цветом), формой, т.е. распределением плоскостей и линий, их взаимоотношением (движением). Предмет (реальный: человек, дерево, облако) есть как бы только реальный привкус, призыв, аромат в композиции. А потому и нет надобности, чтобы этот предмет (реальный) был воспроизведен с точностью» (Од. Нов., 9 февр.).

М.Горький — статья «О писателях-самоучках» (Совр. Мир, № 2). Противопоставляет обновляющуюся психику народной массы современному ей интеллигентскому сознанию.

Вызвала значительный резонанс как «ценная для познания настроений, распространяющихся ныне среди наших низов» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 4). Сочувственно, хотя и с заметными оговорками, отнесся к статье и критик А.Басаргин (Моск. Вед., 5 марта). Н.Л.Геккер отметил новое отношение Горького к деревенской массе: «Ныне знаменитый автор “Бывших людей” даже не противопоставляет городского пролетария деревенскому человеку и видит в последнем еще более ярко выраженным... духовный подъем и... умственное пробуждение...» (Н.Г., Од. Нов., 3 марта). В том же духе высказался Л.Войтоловский (Киев. Мысль, 20 марта). Напротив, Д.Тальников (Д.Л.Шпитальников) полемизирует с Горьким по вопросу о духовном обновлении современной деревни: «Горьковская статья, которая призвана служить противовесом мрачным художественным итогам Бунина, в действительности, своей фактической стороной только подтверждает их». По мнению критика, самые обнадеживающие отрывки рукописей, приведенные Горьким, принадлежат рабочим (Од. Нов., 10 марта). К.Чуковский в статье «Мы и Они» развивает тему отчужденности интеллигенции от народа и «полуинтеллигенции»: «Горький, изучивший недавно до полутысячи... манускриптов, полученных им от рабочих, крестьян, извозчиков, сапожников, солдат, проституток, утверждает, что самый значительный факт — отрицательное отношение этих людей к интеллигенции. Мы, действительно, рядом с ними какие-то “пьяные трупы”, какие-то “веселые покойники”, — и очень понятно “их” желание поскорее нас “похоронить”» («Речь», 29 окт.). Полагая, что в мирозерцании автора статьи есть отдельные «народнические элементы», С.Шаумян заключает: «И при всем том Горький составляет красу и гордость пролетарской литературы» (Совр. Жизнь (Баку), № 1, 26 марта).

8 февраля состоялось первое представление пьесы «Васса Железнова» в Московском театре К.Н.Незлобина. «У Незлобина “Васса Железнова” прошла в общем с большим подъемом, и недаром публика так горячо вызывала исполнителей» (Моск. Вед., 17 февр.). Об успехе спектакля сообщалось также в еженедельнике «Театр и искусство» (№ 7, 13 февр.). Появился целый ряд отзывов, отрицающих достоинства пьесы: «В семье Железновых мелко ненавидят, вернее — злятся, мелко мечтают, и даже умирают мелко, без особой надобности». «И где же Горький, где своеобразие, где темперамент, где то, на что обязывает имя каприйского изгнанника?» (А.Койранский, Утро Рос., 9 февр.). Н.Эфрос, тоже отрицательно оценивший пьесу, писал противоположное: «Исключительность всегда во вражде с типичностью, а в новой драме Горького все исключительно, ужас к ужасу пригнут, продемонстрировано чуть-что не все уложение о наказаниях» (Р. Вед., 10 февр.); Влад. Азов [В.А. Ашкинази] о пьесе — «рубрика городских происшествий, сдобренная дешевым символизмом» («Речь», 2 марта). Напротив, М.Волошин полагает, что пьеса «довольно хорошо завязана драматически, и в построении ее есть цельность»; «идеализация Вассы является самой любопытной чертой, быть может, характеризующей текущий момент; так велика потребность в строительстве жизни, что древняя охранительница “Темного царства” является типом положительным» (Рус. худ. лет., № 5, март). С.Ауслендер, отзываясь на постановку пьесы в петербургском Новом Драматическом театре, спорит с доброжелательной оценкой Волошина: «Я не могу простить Горькому скуки этих натуралистических нудных разговоров» и «всей надоевшей пресной тенденциозности в изображении “темного царства”, где все состряпано по точному рецепту гражданских обличений и нет ничего живого, неожиданного, субъективного» (Рус. худ. лет., № 6, март). (О других отзывах на постановку см. М. Горький. ПСС. Худ. произв. Т. 13. С. 523-526.)

В Московском Художественном театре состоялась премьера спектакля «У жизни в лапах» К.Гамсуна. Театр «показал в постановке новой гамсуновской драмы о “жизни, идущей под гору”, как неутомима его фантазия и неистощима художественная изобретательность <...> к Гамсуну у нас — внимание очень жадное, каким не может, кажется, похвастаться сейчас даже ни один из отечественных “властителей дум”» (Н.Эфрос, «Речь», 6 марта). М.Волошин неблагоприятно в целом отозвался и о пьесе («Литературное и эстетическое чувство принять ее отказывается»), и о спектакле (Рус. худ. лет., № 8, апр.).

10 февраля состоялось заседание московского Религиозно-философского общества, посвященное десятилетию со дня смерти В.С.Соловьева, с участием Н.Бердяева, Вяч.Иванова, В.Эрна; была зачитана речь А.Блока «Рыцарь-монах», с которой он выступал и ранее (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 376–381; Лица. Т. 1. М.; СПб., 1992, с. 158). «Блок был болен и не приехал, реферат его — далеко лучший из всех прочитанных, потрясающий священной правдой и прямоотой, поистине достойный и Блока и Соловьева» (из письма А.С.Петровского Г.А.Рачинскому, 16 февр. — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 380).

По случаю 25-летия литературной деятельности Е.Н.Чирикова на чествовании писателя 17 февраля и в публикациях прессы (напр., Совр. Мир, № 2, Ист. Вест., т. 124, № 4) отмечалось значение его творчества в изображении русской интеллигенции, «идейных людей среди обывательской пошлости» (Ф.Батюшков, «Речь», 17 февр.)

26 февраля исполнилось 50 лет со дня кончины Т.Г.Шевченко. Эта дата привлекает широкое внимание литературной общественности и прессы. В серии лекций К. Чуковский «исповедал пред аудиторией свое восхищение малорусским поэтом»; в речи на юбилейном заседании в Академии наук Д.Овсяннико-Куликовский говорил о том, что Шевченко приобщил «малорусскую литературу к сонму общеевропейских великих литератур» (Рус. худ. лет., № 6, март). Торжественное заседание состоялось в московском Литературно-художественном кружке. В Петербурге, Москве и Киеве — выставки художественных произведений Шевченко.

Правительственным распоряжением изъят из продажи «Кобзарь» Т.Шевченко (на малороссийском языке).

26 февраля в залах Литературно-художественного кружка открылась выставка «Мира искусства». Представлены: В.Серов, К.Сомов, Н.Рерих, М.Добужинский, Б.Кустодиев, М.Сарьян, А.Бенуа, А.Голубкина и др.

Д.С.Мережковский — Полное собрание сочинений. Т. 1. Христос и Антихрист. Трилогия. I. Смерть Богов. Юлиан Отступник. СПб.; М.: М.О.Вольф, 1911, тираж — 5400. (Первое, 17-томное, собрание сочинений писателя завершилось в 1913 г.)

Эллис — «Stigmata. Книга стихов». М.: «Мусагет», 1911, тираж — 900. В предисловии автора «пафос» книги определяется как «обращение от эстетического иллюзионизма... к христианству».

«Однако религиозный пафос г. Эллиса», полагает В. Брюсов, наименее выразился «в самых стихах», которые «производят впечатление нарочитости и измышленности. Интересный критик, г. Эллис таким остается и в книге стихов. У него встречаются стоящие внимания мысли, красивые сравнения, энергические выражения, но духа истинной поэзии нет в его стихах, и потому в конце концов безразлично, религиозный ли его “пафос” или эстетический» (Р. Мысль, № 7). «Может быть, о своем мистическом пути, подлинно пережитом и ценном, г. Эллис мог бы написать прекрасную книгу размышлений и описаний, но при чем здесь стихи, я не знаю» (Н. Гумилев, Апол., № 5). «Эллис пишет трудным языком, стихи его — типичнейшие вирши. Петь ему не дано»; «Но преодолев тяжелый слог и стих, читатель попадает в круг своеобразных переживаний, составляющих содержание этой книги» (С. Городецкий, «Речь», 4 апр.). «Католический символизм», который автор считает «единственно возможным и целебным завершением современных культурных исканий», «носит книжный характер» (Совр. Мир, № 4). Книга Эллиса — «одно из многочисленных упражнений в стилизованной разработке всевозможных чужих мотивов» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 7).

Борис Зайцев — «Рассказы», кн. 3-я. СПб.: изд. «Шиповник», 1911, тираж — 3400. (Завершение трехтомного издания, выходявшего с 1906 г.)

«Томная, печальная умиленность его рассказов — это краски нежных, неясных, сумеречных мечтаний. Иногда же эта нежность тонов переходит в слащавость»; лучшие в книге — рассказы «Заря», «Актриса» (С. Ауслендер, «Речь», 28 февр.). «Размах таланта Б. Зайцева совсем небольшой»; в первой книжке лирических рассказов он «захватил своею искренностью», «его голос точно дрожал от внутренней теплоты». «В третьем томе чувствуется какая-то усталость от писания» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 3).

В. В. Муйжель — Собр. соч. Т. 1, изд. 2-е, СПб.: «Просвещение», 1911, тираж — 5300. (Одиннадцатитомное издание завершилось в 1912 г.)

Семен Юшкевич — [Соч.]. Т. VI. «Похождения Леона Дрея». СПб.: «Просвещение», 1911, тираж — 3000.

«Земля». Сборник шестой. Моск. кн-во, 1911, тираж — 15000 («Miserere» С.Юшкевича, «Мга» А.Кипена, «Жизнь Игнатия Ильича» Н.Крашенинникова, «Гранатовый браслет» А.Куприна).

Если у Куприна «романтика жизненная», «идеализация любви, возвышенной и бесплотной», то в «тоскливой драме» Юшкевича — «романтика мертворожденная». У Кипена — «скромный, но самобытный реализм», у Крашенинникова — «вялый и литературный» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 5, Нов. Кн.). «Прекрасная поэтическая сказка Куприна “Гранатовый браслет” внушает радость жизни, поднимает над ее буднями, отрывает от ее уродливых и жестоких впечатлений» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 17 февр.). Об «идеале рыцарской возвышенности, чистой влюбленности» в «Гранатовом браслете» писал С. Адрианов: «Тема Куприна... покажется старой, даже заезженной... да и ставит ее он старомодно... Ведь типичная современная литература, трактуя это сюжет, всегда более или менее вращается в категориях “санинства”» (Вест. Евр., № 5). Версии о Куприне-романтике противостоит К.Чуковский: «Я и героя люблю, я и не героя люблю слышится из этого рассказа. Это “вселюбие”, аппетит ко всему окружающему, приятие сущего — главнейшая черта в Куприне. Куда же ему быть романтиком!» («Речь», 28 марта). «А какая превосходная вещь “Гранатовый браслет” Куприна и “Дерябин” Ценского! Чудесно! И я — рад, я — с праздником! Начинается хорошая литература!» — писал в марте Горький Е.К.Малиновской (Письма. Т. 9, с. 18). В «Гранатовом браслете»: «бульварная манера», «снобизм, дутое джентельменство, позолота» (А.Буракин, Н. Вр., 8 апр.).

Е.Чириков — «Провинциальная комедия». М., 1911, тираж — 3100.

Б.Садовской — «Узор чугунный. Рассказы». М.: «Альциона», 1911, тираж — 1000.

«Основная черта всех этих новелл и очерков — личность Пушкина, доминирующей нотой в стиле всего повествования является особенная искусная проникновенность всего слога пушкинской, а местами и грибоедовской речью»; «Необходимые аксессуары стилизации не заслоняют здесь ясности психологических этюдов, ни искренних лирических настроений, согревающих местами эти исторические новеллы»; но, «в общем, в них

может быть, больше культурности, чем поэтического огня, эрудиция преобладает в них над непосредственным вдохновением»; книга свидетельствует «о потребности современной творческой души сосредоточить в маленькой новелле, драме или романе наш любовный интерес к старине» (Л. Гроссман, Од. Нов., 28 июня). Автор «пытается воссоздать первые годы 19 века не творческой, свободной интуицией, а добросовестной исторической точностью»; «Узор чугунный» — «культурная, полезная книга»; но «может возникнуть сомнение, отнести ли ее к отделу “беллетристики” или “истории литературы”» (С. Ауслендер, «Речь», 2 мая). Книга — «не для большой публики», но «для любителей эти рассказы, реставрирующие и приближающие к нам то прошлое, что окутано розовой мглой романтизма, очень интересны» (С. Шамбинаго, Утро Рос., 2 апр.). С. Адрианов критически оценивает «книжечку» Садовского как очередное модернистское упражнение в стилизации (Вест. Евр., № 7).

К. Н. Льдов — «Без размера и созвучий. Поэзия в прозе». СПб., 1911, тираж — 1200.

Бенедикт Лившиц — «Флейта Марсия. Первая книга стихов». Киев, 1911, тираж — 150.

Посылая ее В. Брюсову 31 марта, Лившиц писал: «книга моя конфискована за богохульство, и я лишен возможности рассылать ее по журналам для отзыва» с примечанием к этому месту: «Единственное исключение — “Аполлон”, т.к. невероятно, чтобы он мог попасть в руки прокурора» (Минувшее. Исторический альманах. Кн. 8. Paris: Atheneum, 1989, с. 181). Изъятие книги из продажи зафиксировано в «Книжной Летописи» за 2-9 марта 1911 г. (раздел «Правительственные распоряжения»).

«Появись она лет десять назад, она заслуживала бы большего внимания. Но теперь и темы, и художественные приемы г. Лившица оказываются уже давно разработанными другими поэтами». «Впрочем, все стихи г. Лившица сделаны искусно, можно сказать, что мастерством стихосложения он владеет вполне, а для начинающего это уже немало» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 7). Книга «ставит себе серьезные и, что важнее всего, чисто литературные задачи и справляется с ними если не всегда умело, то вдохновенно» (Н. Гумилев, Апол., № 5).

Выходят две брошюры Игоря Северянина: «Электрические стихи. Четвертая тетрадь третьего тома стихов. Брошюра тридцатая». СПб., 1911, тираж — 100; «Эпиталама. Стихотворение». СПб., 1911, тираж — 50.

По поводу первой книжки В. Брюсов писал: «Г. Северянин прежде всего старается обновить поэтический язык, вводя в него слова нашего создающегося бульварного арго, отважные неологизмы и пользуясь самыми смелыми метафорами, причем для сравнения выбирает преимущественно явления из обихода современной городской жизни, а не из мира природы. Большею частью это выходит у него не совсем удачно, а подчас и смешно». «Но все же есть в стихах г. Северянина какая-то бодрость и отвага, которые позволяют надеяться, что со временем его творчество найдет свои берега и что мутный плеск его стихов может обратиться в ясный и сильный поток» (Р. Мысль, № 7).

Осип Дымов — «Веселая печаль (Юмористические рассказы)»: СПб., «Шиповник», 1911, тираж — 4400. В книгу вошли рассказы, «относящиеся к области политической сатиры», написанные в свое время «под впечатлениями минуты» и опубликованные в «Руси», «Спорте», «Волке», «Сатириконе» и других журналах (Вл. Боцяновский, Утро Рос., 21 мая); «Это — фельетоны, как фельетоны, иногда остроумные, иногда неудачные, на художественное значение не претендующие и свой интерес злободневности в большинстве случаев утратившие»; «весь этот “американизм” с преувеличенными нелепостями и ужасами стал обычным для русских юмористов» (Сергей Ауслендер, «Речь», 25 апр.).

Выходят два сборника А. Аверченко: «Рассказы». Вып. 3. СПб., 1911, тираж — 1500; «Рассказы». Книга вторая. СПб., 1911, тираж — 4400.

А. М. Пазухин — «Над пропастью (Чары любви). Роман». М., 1911, тираж — 36000.

Х. Н. Бялик — «Песни и поэмы». Авториз. перевод с еврейского языка и введение Вл. Жаботинского. СПб., 1911, тираж — 3000.

«Нельзя не почувствовать, что г. Бялик — поэт очень значительный, умеющий сочетать истинную художественность с тем, что у нас называют “гражданственностью в поэзии”. Поэзия г. Бялика, насыщенная воспоминаниями Библии, исполнена редкой в наши дни силы и своим “необщим выраженьем” резко выделяется из однообразного хора современных “певцов”» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 7). Высоко оценивают книгу Бялика и рецензенты из других изданий ([А. Г. Горнфельд], Р. Бог., № 4; Вест. Евр., № 8; В. Ангарский [Н. С. Клестов],

Совр., № 9). Горький отозвался об этой книге в письме Е.П.Пешковой: «великолепный поэт, почти гений. Вот таким языком надобно говорить с людьми» (Письма. Т. 9, с. 59).

Д.Н.Овсяннико-Куликовский — Собрание сочинений. Т. 9. «История русской интеллигенции», ч. III. «80-е годы и начало 90-х». «Общественная польза» и «Прометей», 1911, тираж — 7000. (Части I и II, составившие тома 7 и 8, были изданы в 1909-1910 гг.).

Отзываясь на издание в целом, Е. Колтоновская писала: «Основная тема исследования — мысль о... контрасте между богатством умственной жизни интеллигенции и убожеством материальной культуры нашей страны. В этой поразительной антитезе — источник и объяснение “чаадаевских настроений” нашей интеллигенции, проявляющихся у нее, начиная с 20-х годов прошлого века и до наших дней»; «читатель найдет превосходные обстоятельные статьи о Короленке, Чехове, Эртеле, Толстом, Боборыкине на фоне общей характеристики интеллигентских настроений в 80-ые и 90-ые годы» (Вест. Евр., № 5). Горький, получив от Овсяннико-Куликовского тома VII-IX собрания сочинений, писал автору: «С большим волнением прочитал Вашу “Историю интеллигенции” и теперь рекомендую эту книгу разным “начинающим писателям”». (Письма. Т. 9, с. 265).

В.Свенцицкий — «Жизнь Ф.М.Достоевского». М., 1911, тираж — 3000.

К.Чуковский — «О Леониде Андрееве». СПб., 1911, тираж — 3000.

Автор «говорит, что Андреев пишет плакаты, что его художественный принцип “бей по голове”, но “хороши, в самом деле, плакаты, хороши афиши, если о каждой из них не сыщешь двух одинаковых мнений” (Нов. Журн. для всех, № 29, март, Нов. Кн.).

Выходит книга Ник.Бердяева «Философия свободы» (М., 1911, тираж — 2000). В предисловии к ней сказано: «Я был бы счастлив, если б книгой этой обострил в современном сознании ряд жгучих религиозно-философских проблем, особенно в сознании людей, вступивших на путь религиозно-мистический».

Д. Философов отозвался отрицательной рецензией на выход книги, характеризуя ее как «quasi-научное и quasi-философское вещание» («Речь», 9 мая). Ф. Степпун усмотрел в ней несамостоятельность автора, равно как «насилующее и ис-

кажающее отношение к противостоящим явлениям жизни и мысли» («Логос: Международный ежегодник по философии культуры», кн. I. М., «Мусагет», 1911, тираж — 1500, раздел «Библиография»).

Признавая «писательский талант» автора и его основную мысль о приоритете «интуитивного познания религиозной истины» над рационалистическим, рецензент видит слабую сторону книги в недостаточной аргументированности основных ее положений (С. Аскольдов [С.А.Козлов], Новая Жизнь, № 9, авг.).

Март

Впервые напечатано одно из последних художественных произведений Л.Н.Толстого — рассказ [«Нечаянно»] («Речь», 30 марта). Заглавие не принадлежит Толстому.

Продолжаются публикации о Л.Толстом: выходит очерк Л.Н.Овсяннико-Куликовского «Лев Николаевич Толстой» (СПб., 1911, 2-е доп. изд.), положительно оцененный в печати («Речь», 21 марта, Нов. Кн.); в «Звезде» публикуется статья Г.В.Плеханова «Еще о Толстом» (26 февр., 5 марта, 12 марта, 19 марта).

Закончился печатанием роман Э. Гиппиус «Чертова кукла» (Р. Мысль, №№ 1-3). Отд. изд. вышло в мае (Московское кнво, 1911, тираж — 2500).

Роман вызвал многочисленные критические отклики, в которых по-разному оценивается попытка Гиппиус создать тип героя своего времени и картину русской действительности послереволюционных лет. С. Адрианов относит роман к очернительной литературе: «стремления к яркой общественной работе, к преобразению социальных условий жизни кажутся автору выдохшейся сказкой, за которую цепляются либо дети, либо раздавленные колесом истории неврастеники, либо, наконец, негодяй-провокаторы». Герой романа «есть не что иное, как еще один вариант Санина» (Вест. Евр., № 6). Аналогична и оценка Э. Серебрякова («Вестник знания», № 3). «В Санине не было множества черт, которые так показательны для современности нашей. Где в Санине — Азеф? Где в нем декаденты? Где в нем — реакция? И вот Гиппиус захотела написать такого Санина, в котором бы все это было совмещено — и показать, что он — чертова кукла, дьявольское наваждение, живой мертвец» (К. Чуковский, «Речь», 29 мая). «Юрий Двоекуров был нужен не только как об-

раз торжествующей пошлости, — полагает В. Чернов. — Он вместе с тем должен был играть роль образца душевной целостности, правда, целостности низшего порядка, но все-таки целостности, рельефно оттеняющей всю фатальную раздвоенность русского революционера» и, таким образом, «этот “враг” г-жи Гиппиус становится практически ее “союзником”» (Совр., № 5). «Итог великого краха [поражение революции] резюмирован в лице главного героя, которого зовут Юруля»; для Гиппиус — «одно из двух: или в жизни воцарится Юруля, т.е. в сущности изящная вариация торжествующей свиньи, или же передовые силы общества должны подать в небесную инстанцию прошение: “прими нас, о Боже, в твое подданство”» (Алтаева [В.Е. Жаботинский], Од. Нов., 11 июня). Гиппиус предлагает «лечить русскую жизнь» «мистическим строительством», но «искомого синтеза» двух «непримиримых начал» — личного и общественно-го — в романе нет (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, Р. Бог., № 7). В. Чудовский, высоко оценивая роман Гиппиус («одно из тех произведений, которые приносят честь создавшим их писателям»), усматривает в нем идею революции в ее «широчайшем», «пророческо-религиозном содержании», по отношению к которой «желание легкой безбольной жизни, воплощенное в Юруле, — от дьявола» (Апол., № 9). Аналогично и К. Чуковский (в более позднем отзыве на роман) полагает, что он «написан слово в слово на ту же тему», что и «Александр I» Д. Мережковского, и с той же мыслью «о божественности русской революции — и о бесовской, чертовской антихристовой сущности русской реакции» (Ежегодник газ. «Речь» на 1912 г. СПб., с. 431). 16 дек. 1912 г. А. Блок записывает в дневнике: «Величайшая тема нашего времени — “Чертова кукла”» (т. 7, с. 193).

А. Куприн — рассказ «Королевский парк» (Совр. Мир, № 3); «Бешеное вино» (последний рассказ из цикла «Листригоны») (Нов. Журн. для всех, № 29, март).

С критикой первого рассказа, обнаруживающего отношение автора к социалистическим идеям, выступил А. Витимский [М. Ольминский] в статье «Между делом (Арцыбашев и Куприн)», помещенной в «Правде» (1912, 1 сент.): «Куприн не смог стать выше пошлостей, которые твердит самый заурядный буржуй».

М. Горький — второй рассказ из цикла «Жалобы» (Совр., № 3).

В «Русском богатстве» (№ 3) напечатано продолжение статьи Вл. Короленко «Черты военного правосудия» — «К чертам воен-

ного правосудия. Дополнения и поправки»: «Жгучая оргия казней продолжается. Приговоры, правда, меньше, но все-таки мучительно много».

А. Пешехонов — «На очередные темы. Волна пошлости» (Р. Бог., № 3).

Об «уличной прессе», «Синем журнале» и др. изданиях, где «права порнографии» защищаются «высоким стилем»; «волна пошлости» захватила и «ценных писателей» с «мятежной славой».

Отзываясь на эту статью, Д. Философов писал: «Правда общественная близка сердцу А. В. Пешехонова. Но к правде художественной он слишком равнодушен»; «повести и романы Башкина, Муйжеля, Дмитриевой, которыми «Русское богатство» украшает свои страницы, исчезнут, несмотря на все общественные добродетели своих авторов» («Волна пошлости», Р. Мысль, № 5).

2 марта в Москве (и позже — в Петербурге) оркестром под управлением С. Кусевицкого с участием автора (фортепиано) было впервые исполнено симфоническое сочинение Л. Н. Скрябина «Прометей, поэма огня», воспринятое ведущими музыкальными критиками как «эпоха в жизни музыкального искусства, эпоха не меньшая, чем появление девятой симфонии [Бетховена] или Тристана [Тристана и Изольды Вагнера]»; «Ее долго не поймут еще, эту совершенно новую музыку», это — «совсем новый музыкальный язык» (Леонид Сабанев, Рус. худ. лет., № 6, март; также В. Каратыгин, Рус. худ. лет., № 7, апр.).

17 марта в Петербурге, на 51 году жизни, скончался П. Ф. Якубович (П. Я., Л. Мельшин, П. Ф. Гриневиц) от болезни, полученной на каторжных рудниках. Мартовский номер «Русского богатства» вышел в траурной рамке, со статьей Л. В. Пешехонова «Памяти товарища». «Человек редкого, можно сказать, совершенно исключительного душевного благородства», он унес с собой «самые горячие симпатии широких кругов русского читающего люда», оставив книгу о каторге («В мире отверженных»), лишенную «фальшивой идеализации» (В. Водовозов, Совр., № 4). «Долг» — «вот что было источником поэзии для современников П. Я. и в особенности его самого, кровного поэта 70–80-х годов» (А. Е. Редько [А. М. и Е. И. Редько], Р. Бог., № 4). «П. Я. — не великий, быть может, даже небольшой поэт», но в его лице мы потеряли «чуткую, ог-

ромную... страдальчески деятельную, общественную совесть» (А.Амфитеатров, Совр., № 4). Чужд «новому поколению», так как был «поэтом-печальником», а не «поэтом-буревестником» (В.Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 4). 13 апреля Демьян Бедный (Е.А.Придворов) писал В.Д.Бонч-Бруевичу о Якубовиче: «самоценный, удивительный человек по необычайной чистоте, по благородной привлекательности своего внутреннего и внешнего облика»; «Теперь — без него я стою на каком-то умственном раздорозье» (Зап. Отдела рукописей ГБЛ, вып. 28. М., 1966, с. 243).

Леонид Андреев — «Океан. Трагедия в 7-ми картинах с рисунками Б. Анисфельда». СПб., «Прометей», 1911, тираж — 20000. К представлению на сцене пьеса была запрещена на основании обвинений в антихристианских мотивах (ЛН, т. 72, с. 336).

Сочувственные критические отзывы об «Океане» были немногочисленными; среди них — отзыв М. Морозова: «Леонид Андреев — весь в страстных поисках гармонии, душа его пламенно жаждет примирения, в трагическом конфликте его тянет к какой-то новой, еще неосознанной жизни, в которой властелин не океан, не хаос, а человек» — «гордый властелин берега и моря» («Всеобщий ежемесячник», № 4). Но преобладало отрицательное отношение к пьесе: «Зачем понадобилась эта риторическая банальность?» (И. Игнатов, Р. Вед., 23 марта). «Океан» — «второе дополненное и исправленное... издание “Анатэмы”». Здесь то же задание, те же сомнения и вопросы, вылившиеся в более схематическую, сухую, бесплотную и бескровную форму» (Вл. Кр. [Вл. Кранихфельд], Совр. Мир, № 4). «Нельзя не согласиться, что “Океан” — красивая вещь», но «когда вы начинаете вдумываться, вся красота символов меркнет перед убожеством их содержания» (Ан. Френкель, Сибирские Огни, Иркутск, 11 апр.). «Все — сплошная схема, лишённая живых образов»; «То, чем болеет автор, — близко читателю. Но то, что происходит в трагедии, — от него, читателя, далеко» (А.Е. Редько [А.М. и Е.И. Редько], Р. Бог., № 5). Трагедия Андреева «представляет собой не что иное, как старый трафарет раннего романтизма начала прошлого века» (Л. Гроссман, Од. Нов., 14 апр.).

Особенно иронично и язвительно высказался о пьесе К.Чуковский в статье «Устрицы и океан» («Речь», 20 марта). Андреев разделяет «весь мир на Океан», где «живет Герой», и «на Сушу», где «ютится толпа». Но теперь, когда подобный «былой

романтизм» используется «на потребу “устриц”», когда «культ героев стал достоянием оперетки, а Заратустра водворился в журнале Аркадия Аверченки», — «все такие трагедии о великих героях и о презренной толпе — поневоле звучат для нас, как какие-то шарманнные арии». «Песня о Соколе уже отслужила свое, нам теперь нужны другие песни — и я уверен, мы их скоро услышим!» В тот же день Андреев ответил Чуковскому простран- ным и возмущенным письмом, назвав «неприличным» его «фель- етон, который прочтется улицей с удовольствием»: «Если же Вас серьезно огорчает профанирование улицей больших идей, хотя бы нищепанских, хотя бы о том же герое, то Вы и должны были бы сделать строгое разграничение между идеями и улицей, а не выплескивать ребенка вместе с водой из ванны» («Зап. Отдела рукописей» Гос. биб-ки имени В.И.Ленина, М., 1987, вып. 46, с. 237, 236).

Ал. Кондратьев — «Улыбка Ашеры. Вторая книга рассказов». СПб., 1911, тираж — 1200.

«И в стихах, и в прозе, которая значительно уступает стихам, он воспевает мифологическую Элладу и древний Восток» «самым старомодным, классическим образом», не выходя «из пределов грубой, наивной подражательности» (Н. Л[ернер], «Речь», 4 июля). «Особенная ценность» книги состоит в воссоздании древнего мира через соединение беллетристического «воображе- ния» с тщательно разработанной «исторически-бытовой основой» (В.Г. Ист. Вест., 1911, № 9).

Тэффи — «Юмористические рассказы». Книга вторая. СПб.: «Шиповник», 1911, тираж — 3000.

«Незловивый юмор, на дне которого залегла ясная, как осен- ний закат, печаль», «печаль о человеке» (Влад. Азов [В.А.Ашкинази], «Речь», 18 апр.).

Виктор Стражев — «Том II. Рассказы. 1906–1910», М., 1911, тираж — 1200.

А.Пазухин — «Заря новой жизни. Роман». М., 1911, ти- раж — 36000.

Завершено издание автобиографической книги «писателя из народа» М.Сивачева «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара», кн. 2. М.: «Современные проблемы», 1911, тираж — 2000. Кн. 1 вышла в конце января — начале февраля. Ти- раж — 3100.

«Книга г. Сивачева не роман, а непосредственная живая жизнь. В этой книге бьется и истекает кровью живое человеческое сердце» (В.Фриче, *Совр. Мир*, № 6). Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] видит в книге «полнейшее» «непонимание реальной жизни и даже невнимание к ней»: «слепота ко всему, что не он сам. Слепота — и в слепоте — ненависть» (*Р. Мысль*, № 6). «“Записки” поражают силой своей ненависти, безудержной и стихийной, обращенной на всех представителей “чистой жизни”» (Е.Колтоновская, «Речь», 14 марта). М.Горький писал П.В.Мурашеву 16 (29) ноября: книга «очень испорчена демагогией, но, тем не менее, это одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих... раскол демократии с интеллигенцией»; «Обвинять интеллигенцию сейчас во смертных грехах — это значит углублять трещину между ею и народом» (Письма. Т. 9, с. 182, 183).

Выходит очередная книга серии «Северные сборники изд-ва “Шиповник”» (СПб., 1911, тираж — 1200), куда вошли рассказы шведских писателей С.Лагерлёф и А.Стриндберга и датских — Г.Банга и Й.П.Якобсена.

Поль Верлен — «Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова» и с его критико-биографическим очерком и библиографией. М.: «Скорпион», 1911, тираж — 1800.

Верлен «принадлежит теперь к самым читаемым поэтам во всем мире, в том числе и в России»; «Брюсову принадлежит пальма первенства и по качеству, и по количеству переводов» (Н.Л[ернер], *Вест. Евр.*, № 7). «В этой книге В.Брюсов насколько было возможно приблизился к тому совершенству работы, которое доступно поэту-переводчику вообще» (Нина Петровская, *Утро Рос.*, 2 апр.). Дает «полное представление о Верлене, как о поэте»; «Многие строфы, даже стихотворения спорят по производимому очарованию с оригиналом»; «Статья, приложенная к книге, имеет исчерпывающий характер» (Н.Гумилев, *Апол.*, 1912, № 1). «Несомненно, лучшее воссоздание Верлена на русском языке» (*Нов. Журн. для всех*, № 31, май, Нов. Кн.).

Поль Верлен — «Записки вдовца». Пер. С.Я.Рубановича. Вступ. ст. Валерия Брюсова, М.: «Альциона», 1911, тираж — 1500.

Служит «прекрасным дополнением к книге Брюсова [“Собрание стихов” Верлена]... Как прозаик, Верлен не менее пленителен, чем как поэт» (Н.Гумилев, *Апол.*, 1912, № 1).

Уолт Уитмэн — «Побеги травы». Пер. с англ. и предисловие К.Д. Бальмонта. М.: «Скорпион», 1911, тираж — 1500. Цензура усмотрела в книге «культ человеческого тела и чувственной любви» и возбудила против издателя С.А.Полякова судебное преследование (С.С.Гречешкин. Архив С.А.Полякова // Еж. РО ПД. 1980, с. 12).

П.Драверт — «Под небом Якутского края. Стихотворения». Томск, изд. Н.А.Ш., 1911, тираж — 500. Третья книга поэта, живущего в Сибири. «Автор чрезмерно подчиняется влиянию Бальмонта (главным образом, в смысле формы)», но в книге «мерцает отражение далекой сибирской тайги, северного солнца. Автор свободно пользуется красками своеобразной природы» (В. В-н [В.М.Волькенштейн], Совр. Мир, № 5).

Д.Святополк-Мирский, кн. — «Стихотворения. 1906–1910». СПб., 1911, тираж — 500.

На первую и единственную книгу стихов впоследствии известного критика и историка литературы отозвался Н.Гумилев: «Как будто он еще боится признать себя поэтом, и пока мне не хочется быть смелее его» (Апол., № 4).

Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. III. Под ред. Э.Л.Радлова. СПб.: Общественная польза, 1911, тираж — 4000. Завершающий, 4, том издания, — «Вл. Соловьев. Письма» — начатого в 1908 г., вышел под ред. Э.Л.Радлова в 1923 г. (Пг., «Время»).

Владимир Соловьев — «Россия и вселенская церковь». Пер. с франц. Г.А.Рачинского. М.: «Путь», 1911, тираж — 3000. (Французский оригинал издан в Париже в 1889 г.).

Владимир Соловьев — «Русская идея». Пер. с франц. Г.А.Рачинского. М.: «Путь», 1911, тираж — 3000. (Французский оригинал издан в Париже в 1888 г.).

«Лишь в 1911 году явилась возможность русским читателям познакомиться с этой замечательной книгой на родном языке» [«Россия и вселенская церковь»], которая «содержит в себе, как в фокусе, все главные мысли Соловьева по религиозным вопросам»; «небольшое, но очень характерное сочинение» «Русская идея» отчасти воспроизводит, отчасти дополняет «основные идеи предыдущего сочинения» (С.Аскольдов. Русское «богоискательство» и Вл. Соловьев. Р. Мысль, 1912, № 3).

П.Струве — «Patriotica». Политика, культура, религия, социализм. Сб. статей за пять лет. 1905–1910 гг.». СПб.: изд-во Д.Е.Жуковского, 1911, тираж — 2100.

В. Брюсов писал Струве 16 апреля: «Благодарю Вас за “Patriotica”»: перечитываю Ваши статьи с большим интересом. Многие, будучи связаны в одно целое, приобретают совершенно новый смысл. Вы знаете, что я (хотя и не вникаю особенно тщательно в вопросы государственные и политические) стою приблизительно на тех же позициях, какие защищаете Вы. Поэтому меня очень интересует, что будут говорить Ваши критики (“слева”, конечно) и как будут они опровергать то, что мне кажется совершенно явным и неопровержимым» (Лит. Арх., 5, с. 339). «Струве — это духовный вожьд послереволюционной общественной реакции, это настоящий “ликвидатор” нашего “наследства” от эпохи революции» (Совр., № 12, Нов. Кн.); «Если вы хотите видеть человека, морально раздавленного реакцией, но не желающего в этом сознаться и даже под видом самостоятельности мысли славословящего эту реакцию, реакцию общественную, то прочтите “Патриотику”» (Н.Г. [Н.Геккер], Од. Нов., 20 апр.).

А. Белый — «Арабески. Книга статей». М.: «Мусагет», 1911, тираж — 1000. Состоит из трех разделов: «Творчество жизни», «Символизм и современность», «Литературный дневник». Содержит статьи 1904–1910 гг.: «Театр и современная драма», «Фридрих Ницше», «Ибсен и Достоевский», «Кризис сознания и Генрих Ибсен», «Символизм как миропонимание» и другие. В предисловии к книге Белый писал, что с «полемическим пылом» некоторых из заметок, помещенных в «Литературном дневнике», он «в настоящее время уже не согласен (сюда полемика с Ивановым, Блоком, мистическим анархизмом)»; подразумевались, в частности, посвященные Блоку статьи «“Нечаянная Радость”» и «Обломки миров» (о драмах Блока).

Блок писал Белому 6 июня: «Не думай, что я могу сердиться на полемику, перепечатанную в “Арабесках”... почти под всем, что обо мне тогдашнем (полемического), подписываюсь; единственно, что мне необходимо ответить Тебе, как самому проникновенному критику моих писаний, — это то, что таков мой путь, что теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное» (Т. 8, с. 344).

Оценивая «Арабески» и предшествующие книги Белого «Символизм» и «Луг зеленый», Борис Грифцов писал: «Когда он снижается до того, чтобы из своего философского и литературного архива выработать небольшие сосредоточенные книги, они будут важным явлением. Но пока двери к идеям Белого полузакрыты. Его отдельные замечательные мысли, начала интересных исследований, поразительные частности тонут в массе сырого, необ-

работанного материала»; «в своих книгах он создал не систему, а поражающий искренностью рассказ [о] немыслимости систем теперь» (Р. Мысль, № 5).

М. Морозов — «Очерки новейшей литературы». СПб.: «Прометей», тираж — 2100. Статьи о Л. Андрееве, Сергеев-Ценском, М. Горьком, А. Н. Толстом, Б. Зайцеве, Ропшине (Б. Савинкове).

«...В общем автор дает достаточное представление о творческой физиономии того или иного писателя», но «лишь мимоходом отмечает эстетическую ценность художественного произведения, да и то без малейших доказательств» (М. Г., Всеобщий ежемесячник, № 5).

Вышла книга А. Богданова «Культурные задачи нашего времени» (М.: изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911), в которой развивалось особое понимание пролетарской культуры.

Положительно оценена в «Новом Журнале для всех» (№ 33, июль).

Апрель

А. Ремизов — «Чертыханец» (Р. Мысль, № 4).

Рекомендуя этот рассказ для публикации в журнале, В. Брюсов писал П. Б. Струве 10 марта 1911 г.: «Нелепость жизни, иррациональность человеческой психологии — в этом содержание рассказа, как и всего, что пишет Ремизов. Написано все очень хорошо... Ремизов хорошее "имя"» (Лит. Арх., т. 5, с. 333-334). «Повесть о гибели дома Берсеневых, помещиков Крутовратских», изображенной как «проклятие безбожной жизни», «страшит эмпирической видимостью, но еще больше страшит мистическим содержанием» (В. Чуловский, «О "Русской мысли"», Апол., № 8).

М. Горький — «Сказка» [III из «Сказок об Италии»] (Нов. Жизнь, № 5, апр.).

Федор Сологуб — рассказ «Помнишь, не забудешь» (Утро Рос., 10 апр.).

А. Н. Толстой — рассказ «Прогулка» («Речь», 16 апр.).

А. Серафимович — рассказ «Большой двор» («Речь», 24 апр.).

А.Ахматова — стихотворения «Сероглазый король», «В лесу», «Над водой», «Мне больше ног моих не надо...» (Апол., № 4).

«25 марта 1911 г. (Благовещение ст<арого> стиля) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку... В нашей первой беседе он, между прочим, спросил меня: “А стихи ты писала?” Я, тайно ликуя, ответила: “Да”. Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: “Ты поэт — надо делать книгу”. Вскоре были стихи в “Аполлоне” (Анна Ахматова. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 2001, с. 135); «я за это время [отсутствия Гумилева] написала то, что, примерно, стало моей книгой “Вечер”» (там же, с. 184). Сразу за публикацией в «Аполлоне» последовала «немедленная реакция Буренина в “Новом времени”, кот<орый> предполагал, что уничтожил меня своими пародиями, даже не упоминая мое имя» (там же, с. 195).

Буренин пародировал стихотворения «В лесу», «Над водой» и «Мне больше ног моих не надо...», соответственно подписанные — Евдокия Обмокни, Лилья Ах и Зинаида Солитер (Граф Алексис Жасминов, «Поэтическая атлетика», Н. Вр., 29 апр. — См. Анна Ахматова. Автобиографическая проза. Литературное обозрение, 1989, № 5, с. 8–9, коммент. Р.Д.Тименчика; также: Анна Ахматова. Собр. соч., т. 5, с. 715–719). Именно эти пародии, по свидетельству Ахматовой, положили начало «бессчетному количеству» «уничтожений», которым подвергалось ее творчество (Анна Ахматова. Автобиографическая проза, с. 6).

В большевистской газете «Звезда» (16 апр.) публикуется содержащее революционный призыв стихотворение Е.Придворова «О Демьяне Бедном, мужике вредном», ранее отклоненное редакцией «Русского богатства» как противоречащее идейному направлению журнала. Имя героя стихотворения позднее станет псевдонимом поэта.

Антон Крайний [З.Н. Гиппиус] — «Литература и искусство. I. Книжки, читатели и писатели» (Рус. Мысль, № 4).

«Г. Гусев-Оренбургский, да и не он только, а и г. Шмелев, и г. Сургучев, и г. Коцюбинский (все изданные “Знанием”, в скромно-приличных форменных обложках) — это настоящая середина, второй литературный сорт... при наличии недурного языка и некоторых способностей нельзя не назвать эти книги хорошими, средними книгами для читателя»; о Леониде Андрееве: «Он по существу мог бы быть недурной третьей степенный беллетрист; но так неловко, так безрассудно потащили его на первое место, что он упав, разбился на мелкие куски». К писателям первого ряда относит Ф.Сологуба с его «Мелким бесом».

Вл. Короленко — очерк «Один случай» («Речь», 10 апр.). О «русских судах», отсутствии «добрых законов», о том, что «у нас все-таки десятками казнят пятнадцати, шестнадцати, семнадцатилетних подростков».

На протяжении месяца в «Речи» публикуются очерки С.К. [С.С.Кондурушкина] о Дальнем Востоке, в том числе, 3 апр. — «На Дальнем Востоке. Мужичье царство»; 5 апр. — «Возрождающийся Китай» («Все революционное и конституционное движение в Китае... окрашено в один определенный национальный цвет: цвет ярко-желтый — Китай для китайцев! И долой европейцев!»).

2 апреля Отделение русского языка и словесности Академии наук постановило наградить И.Бунина золотой медалью имени А.С.Пушкина (ЛН, т. 84, кн. 1, с. 337).

11 апреля в Петербурге открылась вторая выставка картин «Союза молодежи» (закрылась 10 мая). Вместе с членами этого сообщества (П.Филонов, О.Розанова, В.Татлин и др.) были представлены участники выставки «Бубновый валет», проходившей в Москве с 10 декабря 1910 г. по 16 января 1911 г.: М.Ларионов, Н.Гончарова, П.Кончаловский, К.Малевич, И.Машков, Д. и В.Бурлюки и др. Наряду с резко критическими отзывами, в прессе высказывались и другие суждения. Так, А.Ростиславов писал: «Стоит только войти на любую выставку молодежи и отдаться чисто красочным впечатлениям, чтобы “привычная” живопись показалась скучной, черной и мертвенной» («Речь», 24 апр.; А.Крусанов, с. 43–44).

13 апреля в «Обществе ревнителей Художественного Слова» (Петербург) Гумилев прочел поэму «Блудный сын», вызвавшую «оживленные прения о пределах той свободы, с которой поэт может обрабатывать традиционные темы» (Валериан Чудовский, Рус. худ. лет., № 9, с. 143) и критику со стороны Вяч.Иванова. Много позднее А.Ахматова вспоминала: «Когда Н<иколай> С<тепанович> читал в академии стиха [Общество ревнителей художественного слова] своего “Блудного сына”, Вячеслав обрушился на него с почти непристойной бранью... потом Н<иколай> С<тепанович> всегда смотрел на Вячеслава> И<ванова> как на открытого врага» (Анна Ахматова. Собр. соч., т. 5, с. 184).

В письме к М.М.Коцюбинскому (23 апреля (6 мая)) Горький сообщает о реорганизации журнала «Современник» и о том, что «редактором беллетристического отдела будет в нем В.С.Миролюбов» (Письма. Т. 9, с. 34).

Закрывается издающийся в Москве большевистский журнал «Мысль». Последний, апрельский (№ 5), номер был конфискован.

Выходят первые три тома собр. соч. А.В.Амфитеатрова (СПб.: «Просвещение», 1911): т. I — «Княжна. Роман-хроника» (тираж — 3200); т. II — «Жар-Цвет. Фантастический роман» (тираж — 3200); т. III — «Отрезвленная совесть. Роман», «В стране любви. Повесть» (тираж — 3000). Издание выходило в течение 1911-1916 гг. и осталось незаконченным. Помимо упомянутых, вышли тома IV-XXX, XXXIII-XXXV, XXXVII.

XXXV сборник «Знания». СПб., 1911, тираж — 8000 («Матвей Кожемякин» [«Жизнь Матвея Кожемякина»] (ч. II, «Постоялка») М.Горького, повесть «На чужой стороне» А.Золотарева, посвященная жизни политических ссыльных, «Сонеты» А.Черемнова, стихи Германа Лазариса).

7 апреля М.М.Коцюбинский писал Горькому: «II часть так же великолепна, как и первая. Эпопея русского города, уездной жизни развернулась и вширь и вглубь» (М.М. Коцюбинский. Собр. соч. Т. 3, М., 1951, с. 354). «Горькому меньше всего удастся тут изображение интеллигента... Но зато как великолепны и живописны все эти типичные и яркие окуровские фигуры. Чего стоит один только Матвей Кожемякин...» (Н.Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 7 апр.). А.В.Амфитеатров писал Горькому 1 (14) марта: «Откровенно говоря, первая интеллигентка Вам так цельно удалась: никакой нарочности, всю живую вижу [героиня второй части, политическая ссыльная Евгения Мансурова]» (ЛН, т. 95, с. 288). «Приходится удивляться поразительному, неистощимому обилию художественного опыта и впечатлений у Горького. И это у художника, уже много лет оторванного от России» (Нов. Журн. для всех, № 31, май, Нов. Кн.). «В беспощадной и яркой картине... захолустной городской жизни» недостает, однако, изображения «сил, сплывающих, объединяющих людей» (Михаил Морозов, Всеобщий ежемесячник, № 5).

«А. Золотарев сливает свои предутренние мечты с движением, с весенними водами — символом этого движения» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 4).

Ю. Балтрушайтис — «Земные ступени. Элегии, песни, поэмы». М.: «Скорпион», 1911, тираж — 1200. Первая книга поэта.

«Балтрушайтис ничего в жизни и ничего в мире не принимает просто, как явление, но во всем хочет видеть иносказание, символ... почти не говорит ни о чем единичном, конкретном, постоянно противопоставляет он себя вселенной, всему миру... говорит или о себе, или о “человечестве”. Это придает его стихам строгость и серьезность, но порой ведет и просто к напыщенности и риторике» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 7). Стихи «созданы скорее пантеистическим созерцанием, нежели непосредственным чувством. Поэтому несколько тяжеловесный, как бы чрезмерно отчетливый в лирических стихах, поэт достигает полной силы в стихотворениях более отвлеченного характера» (В. Волькенштейн, Совр. Мир, № 5). «...Принадлежит к старшему поколению символистов... в нем чувствуется закал основателей “Скорпиона” и “Весов”: повышенное, даже торжественное отношение к теме и кованый, хотя иногда и не в соответствии со значительностью мысли, стих... густая кровь людей конца прошлого века мешает поэту вырваться из паутины метафор, и его стихи, бесконечно похожие один на другой, проходят перед читателем строгие, торжественные и ненужные» (Н. Гумилев, Апол., № 10). «Очень серьезная, хорошо обдуманная, выношенная и интересная книга», хотя «иногда утомительна однообразностью своей угрюмой» (Нов. Журн. для всех, № 31, май, Нов. Кн.).

Семен Юшкевич — «Улица. Повесть». СПб., 1911, тираж — 3100.

Тарас Шевченко — «Кобзарь». М.: Изд-во любителей российской словесности, 1911.

В переводах русских писателей. Рецензент В. Ермилов выделяет как наиболее удачные, передающие «народность музыки малороссийского национального поэта», переводы И. А. Белоусова (Утро Рос., 16 апр.).

Май

На «полугодовщину» кончины Л. Н. Толстого российская общественность отзывается публикациями в прессе и отдельными изданиями. Н. Оскольский, касаясь спора вокруг наследия писателя между вдовой и дочерью Александрой, «за спиной которой

стоит чертов “друг” Толстого», В.Чертков, целиком становится на сторону С.А.Толстой, одобряет предпринятое ею собрание сочинений писателя, порицает Черткова, увезшего рукописи Толстого в Англию и помышляющего о «редактуре» Толстого, призывает дочь писателя «сделать выбор между Толстой и Чертковым» («Мертвый и живой Толстой», Утро Рос., 8 мая).

В ответ В.Г.Чертков публикует во многих газетах «Ответ на клевету», где отвечает на обвинения в увозе рукописей Л.Толстого в Англию и редактуре их: «Вот уже несколько месяцев, что настойчиво ведется ожесточенный газетный поход против меня в связи с посмертными изданиями Л.Н.Толстого». Объявляет ложными слухи о том, что он собирается вносить поправки в собрание сочинений Л.Толстого, но подтверждает, что Толстой поручил ему изъять из интимной переписки «некоторые места»; хранение рукописей в Англии объясняет «необходимостью» («Речь», Р. Вед. и др. газеты, 29 июня).

Среди отдельных изданий:

А.С.Пругавин — «О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы». М.: изд. автора, 1911, тираж — 3500.

Особенно примечательная публикация — отдельное издание книги К.Леонтьева «О романах гр. Л.Н.Толстого. Анализ, стиль, вехние». М.: изд. В.М.Саблина, 1911, тираж — 3000; первая, журнальная, публикация — в 1890 г.

Леонтьев «ополчается против проявления» у Толстого «излишеств натурализма в виде чрезмерного обилия хотя и выхваченных из жизни и наблюдения деталей и черточек» (Ч. В-ский [В.Е.Чешихин], Вест. Евр., № 8). Авторы других критических отзывов протестуют против «нападков» на приемы реализма, на внимание к жизненным подробностям. В частности, Юр. Соболев пишет: «печать крайнего... эстетизма, доведенного, можно сказать, до мании, лежит на всей книге» (Утро Рос., 5 ноября). Напротив, В.Розанов считает книгу Леонтьева «образцом литературной критики». «В своем критическом этюде о Толстом Леонтьев рассматривает творца “Войны и мира” и “Анны Карениной”, как завершителя “натурального романа” в России — в котором “натурализм” не только достиг своей высшей точки движения, но, наконец, достиг пресыщенности, чего-то утомительного для души... Анализ Леонтьева и его художественные утверждения, между прочим, совершенно объясняют, почему приблизительно после “Анны Карениной” для русской литературы настала пора новых исканий, новых попыток. Декадентство, символизм, “стилизация” — во всем этом литература заметалась» (Н. Вр., 21 июня). В романах Толстого К.Леонтьев,

приверженец «строго эстетической критики», «находит реализм *истинный*», но одновременно «прослеживает влияние на них приемов русской натуральной школы, от которых все больше и больше освобождался Толстой, поднявшись до предельной чистоты стиля в своих простонародных рассказах» (Б. Грифицов, Р. Мысль, 1912, № 5).

Опубликованы статьи Вяч.Иванова «Л. Толстой и культура» и Н.Лосского «Нравственная личность Толстого» (Логос, кн. 1).

В «Русской мысли» (№ 5) начинает печататься роман Д.С.Мережковского «Александр I», который публиковался в этом журнале на протяжении 1911–1912 гг.

М. Горький — третий рассказ из цикла «Жалобы» (Совр., № 5) и «Сказки» [IV из «Сказок об Италии»] («Звезда», 7 мая).

Леонид Андреев — «Покой. Рассказ» (Р. Сл., 29 мая).

О. Мандельштам — стихотворения «Темных уз земного заточенья», «В огромном омуте прозрачно и темно», «Из омута злого и вязкого», «Как тень внезапных облаков», «Когда удар с ударами встречается» (Апол., № 5).

А. Куприн — «Заметка о Джеке Лондоне» (Синий журнал, 21 мая). Привлекает внимание к «оригинальному и чрезвычайно талантливому писателю, завоевывающему себе мировую известность», в то время как «в России его мало или лениво переводят».

12 мая скончался выдающийся русский историк В.О.Ключевский. Публикуются некрологи и другие материалы, посвященные его памяти. «Потерять на расстоянии 6 месяцев таких людей, как Толстой и Ключевский, — это жуткое дело для страны» (А. Амфитеатров Горькому, 20 мая (2 июня), ЛН, т. 95, с. 314).

17 мая умер поэт К.М.Фофанов. «Настоящий, прирожденный поэт, поэт “Божией милостью”», — писал В.Брюсов в некрологе. «Истинный пафос поэзии К.Фофанова» в своеобразном столкновении «романтизма, зовущего поэта укрыться в “гrotтах фантазий”, и человека наших дней, смутно сознающего все величие, всю силу, все грозное очарование современного мира» (Р. Мысль, № 7). «В его лице русская поэзия потеряла последнего видного представителя того направления, которое характе-

ризуется именами Голенищева-Кутузова, Апухтина, Надсона, Фруга и др.... Его образы... были тихо-красивы... Но иногда он загорался силою выражения и глубиной мысли» (Н. Гумилев, Апол., № 7). «Фофанов был не только поэт, но и мыслитель. При небольшом образовании он как-то телепатически вбирал в себя все идеи века и все настроения» (М. Меншиков, Н. Вр., 22 мая). «Этот отвлеченный, “космополитический” поэт» на самом деле был «как бы живым символом нашей культуры с ее неустойчивостью, незрелостью и с ее богатыми возможностями» (Е. Колтоновская, Вест. Евр., № 6).

30 мая исполнилось 100 лет со дня рождения В.Г.Белинского. Среди публикаций, посвященных памятной дате, — статья Иванова-Разумника «Великий искатель» (Р. Бог., № 5), Г.В.Плеханова «Столетие со дня рождения В.Г.Белинского» (Наш путь, № 18, май). В течение года выходят «Собрание сочинений в трех томах» под ред. Иванова-Разумника и другие аналогичные издания.

Выходит альманах изд-ва «Шиповник», кн. 15. СПб., 1911, тираж — 12300. («Две жизни» Ал.Н.Толстого [«Чудаки»] — 2-я, завершающая, часть романа, рассказ М. Пришвина «Крутоярский зверь», стихи Федора Сологуба, рассказ «Лесной пестун» А. Чапыгина, пьеса Бориса Зайцева «Усадьба Ланиных»).

«Первая часть была превосходным началом»; — писал Вяч. Полонский, — но автор «несколько разочаровал нас окончанием своего романа. Главный грех... второй части заключается в какой-то случайности действия, несвязанности с предшествующим»; «правда — и в окончании романа кисть Толстого так же сочна, как и прежде» (Нов. Жизнь, № 9, авг.). «Не к широкой и яркой картине пришел художник, а к тысяче и одному анекдоту... Кроме той старины и той дешевой новизны, о которых рассказал нам художник, замечается глубокий процесс в деревне... К этому новому должен прийти художник, если не хочет уже повторять себя» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 6). Иронически назвав Толстого «современнейшим из современных писателей», К. Чуковский писал: «Отрешаться от “вопросов”, так уж отрешаться. Отказываться от “идей”, так уж отказываться. Теперь этот юный Толстой пишет великолепный роман... а о чем? Ни о чем. “Просто так”. И хочет свести свой роман — страшно сказать — к богоискательству!... Никакой мотивировки таких духовных и душевных движений у А.Н.Толстого, конечно, нет. Человека как божество он не ощущает совсем, но зато как он вдохновенен и мудр, когда изображает человека-животное»

(«Речь», 3 апр.). А. Бурнакин возмущен изображением дворянства «перепачканным во все цвета пошлости и пороков... теперь ведь диктатура “третьего элемента” и поносить “привилегированных тунеядцев” — самое выгодное и почетное занятие» (Н. Вр., 27 мая).

«Крутоярский зверь» — талантливый рассказ, «написанный с характерным импрессионизмом, хотя местами и напоминающий Ремизова. М. Пришвину дано глубоко чувствовать природу, землю и помещичий быт своеобразного уклада» (П. Кожевников, Утро Рос., 11 июня). Иванов-Разумник противопоставляет «претензиям на глубину» в романе Толстого («пока за душой ничего нет»), «тщетно» пытающегося «углубить» свое произведение введением в него всяких “богоискательных” мотивов», «настоящей глубине» сочинения Пришвина, которая — в «слиянности с жизнью лесной и луговой, с жизнью земли» (Р. Вед., 21 мая).

А. Блок — «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904)». Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Музагет», 1911, тираж — 1300.

В предисловии к книге от 9 января 1911 г. Блок впервые характеризовал вошедшие в нее произведения как первую часть «трилогии», которую определяет «романом в стихах» и о замысле которой писал А. Белому 6 июня как о «“трилогии вочеловечения” (от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянью, проклятиям, “возмездию” и... — к рождению человека “общественного”, художника, мужественно глядящего в лицо миру» (т. 8, с. 344). А по поводу выхода книги писал ему же 8 мая: «По-моему, издано превосходно — скромно, книжно, без всякого надоевшего декадентства» (т. 8, с. 337). Откликаясь на присланную ему Блоком книгу с надписью «Андрею Белому залог нерасторжимой связи» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 351), Белый писал: «И опять, и опять, и опять радовался, что *такие стихи* есть в русской литературе: и *вот что главное: ничто не угасло* из того, о чем стихи» (письмо Блоку от конца мая. Андрей Белый и Александр Блок: Переписка: 1903—1919. М., 2001, с. 402).

«Забронированная плотной серой обложкой, с простой наборной подписью, вышла нынешней весной эта книга, одна из нужнейших в русской литературе, уже ставшая для многих молитвословом любви»; «все дополнения и изменения, вносимые автором, имеют целью дать более полную картину органического развития его поэзии, а сам автор, по типу своему, именно может служить примером органического развития»; многое «стало яснее от прибавления неизданных стихотворений, кое-что звучит по-

иному... и по-прежнему нет для наших дней повести про любовь нежнейшей, чем эта» (С. Городецкий, «Юность Блока», «Речь», 19 сент.). О статье Городецкого Блок записал в дневнике 17 октября: «несказанно тронувшая» (т. 7, с. 70). «Сборник “Стихов о Прекрасной Даме” в новом издании значительно увеличен; в него включено около 200 стихотворений, которых в первом издании не было. С точки зрения чисто художественной это, может быть, и ошибка, так как многие впервые напечатанные стихотворения довольно слабы по технике... Но зато книга приобрела новый психологический интерес, стала откровенной исповедью юного мечтателя-мистика, знакомит теперь с душой ее автора более полно» (В. Брюсов, Р. Мысль, 1912, № 1). «О блоковской Прекрасной Даме много гадали — хотели видеть в ней — то Жену, облаченную в Солнце, то Вечную Женственность, то символ России. Но если поверить, что это просто девушка, в которую впервые был влюблен поэт, то, мне кажется, ни одно стихотворение в книге не опровергнет этого мнения, а сам образ, сделавшись ближе, станет еще чудеснее и бесконечно выиграет от этого в художественном отношении. Мы поймем, что в этой книге, как в “Новой жизни” Данте, “Сонетах” Ронсара, “Вертере” Гете и “Цветях зла” Бодлера, нам явлен новый лик любви...» (Н. Гумилев, Апол., 1912, № 8). «Блок — чародей... Он знал всякое колдовство слов еще с ранней юности»; «как звезды в эфирных пространствах группируются в созвездия..., так и стихи в этой книге: менее значительные примыкают к центральным, образуя системы вокруг них, а центральные группируются в созвездия» (Вл. Пяст, Апол., № 8). Уничтожающе отозвавшись о статье Городецкого, Буренин аттестовал «стихи о Прекрасной Даме» как «бессмысленно-нелепые вирши» (Нов. Вр., 30 сент.). «А “Стихи о Прекрасной Даме” снова взволновали меня» (В. Э. Мейерхольд — Блоку, 16 мая // В. Э. Мейерхольд. Переписка: 1896–1939. М., 1976. С. 132. В тексте письма — 16 апр., описка).

Вяч. Иванов — «Cor Ardens. Ч. I. Cor Ardens. Speculum Speculogum. Эрос. Золотые Завесы». М.: «Скорпион», 1911, тираж — 1000.

С. Городецкий провозгласил Вяч. Иванова главой всей молодой русской поэзии, поставив его «на вершину русской поэзии, рядом с Бальмонтом и Брюсовым» («Речь», 24 окт.). По мнению В. Брюсова, сборник — «самое значительное явление нашей поэзии за последние месяцы», где «впервые Вяч. Иванов встает перед нами как поэт во весь свой рост». В книге развиты «два элемента поэзии Вяч. Иванова: дифирамбический восторг перед

мощью Природы и Жизненного начала в человеке и мистическое умиление перед таинственным значением Жертвы, приносимой или Богом ради мира или единым из живущих в мире ради Бога»; «Естественно присоединяются к... дифирамбам стихи, посвященные "године гнева", — грозным событиям недавно пережитой нами революции, к которой Вяч. Иванов отнесся с величайшей страстностью»; «веяние античности придает поэзии Вяч. Иванова редкую в наше время силу». Характеризуются, наряду с отдельными недостатками, много превосходящие их «завоевания» в области формы — стиха и поэтического языка (Р. Мысль, № 7). В «повествовании» Иванова «о подлинно пройденном мистическом пути» Н. Гумилев усматривает «неизмеримую пропасть», отделяющую его «от поэтов линий и красок, Пушкина или Брюсова, Лермонтова или Блока. Их поэзия — это озеро, отражающее в себе небо, поэзия Вячеслава Иванова — небо, отраженное в озере. Их герои, их пейзажи — чем жизненнее, тем выше; совершенство образов Вячеслава Иванова зависит от их призрачности» К языку он «относится скорее как филолог, чем как поэт... Но его всегда напряженное мышление, отчетливое знание того, что он хочет сказать, делают подбор его слов таким изумительно разнообразным, что мы вправе говорить о языке Вячеслава Иванова, как об отличном от языка других поэтов». Стихом «владеет в совершенстве» (Апол., № 7). «Неразрывная связь древнейших культур и восточного эзотеризма с эзотеризмом христианства и темами нашего тревожного XX в. характеризует сущность книги»; в ней «поразительное торжество гармонии над лирическим хаосом, торжество строя и лада над началом смутных настроений, характерных для современного поэтического импрессионизма» (Г. Чулков, Апол., № 10). М. Кузмин оценивает сборник как «лучшую, самую значительную и, может быть, вместе с тем самую интимную книгу одного из главных наших учителей и руководителей в поэзии». Отводит представление о «непонятливости» поэзии Иванова: «Некоторые пьесы этого поэта требуют как бы комментария», но «это происходит отнюдь не от неясности мысли или неточности, приблизительно выражений, но от насыщенной сжатости того и другого». Отмечая «специально наших дней стремление объединять лирические стихотворения в циклы, а эти последние в книги», Кузмин пишет, что «Сог ardens» «все-таки нам представляется скорее прекрасным сборником стихов, чем планомерно сначала задуманной книгой» (Тр. и Дн., 1912, № 1, янв.-февр.)*. «Перед

* Полный текст рецензии (архивная рукопись) опубликован в ст. Н.А. Богомолова «История одной рецензии» (Philologica, 1994, т. 1, № 1/2).

вами проходит вновь та страстная работа над формой, над стихом, рифмой и ритмом, которой в свое время с такой страстью и жаром занялись наши молодые поэты» из «кружка В.Иванова в Петербурге»; но «одно — быть акробатом стиха, другое — быть поэтом»; «Слава Богу, мы эту полосу в литературе пережили»; «от его книги идет аромат засушенного цветка» (Вл.Боцяновский, Утро Рос., 10 сент.).

К. Большаков — «Мозаика. Стихи и проза. 1904-1910». М., 1911. Первая книга автора.

«Мне кажется, только неопытность и неумение критически относиться к своим произведениям мешает К.Большакову... перейти из разряда способных в разряд одаренных. Решительно дурны только первые стихи... зато следующие подражания Бальмонту, иногда даже слишком рабские, радуют подлинной непосредственностью и какой-то особой юношеской восторженностью» (Н. Гумилев, Апол., № 6).

Ромен Роллан — «Жан Кристоф. I. Заря». Пер. А.С.Соколовой. Кн-во «Вечерний звон».

На выход книги, имя автора которой до сих пор «малоизвестно русскому читателю», откликаются А.Койранский (Утро Рос., 11 июня), В.Фриче (Совр. Мир, № 7).

«Сборник первый. О Владимире Соловьеве». М.: «Путь», 1911, тираж — 3000. Статьи С.Н.Булгакова, Вячесл. Иванова, Евг. Трубецкого, речь Александра Блока «Рыцарь-монах», статьи Н. Бердяева, Вл. Эрна, освещающие различные стороны философского творчества и личности Соловьева. Приложена «Библиография», составленная В.Ф.Эрном.

В.В.Розанов — «Люди лунного света. Метафизика христианства». СПб., тип. Ф.Вайсберга и П.Гершунина, 1911, тираж — 1500. Продолжение книги «Темный Лик. Метафизика христианства», изданной в декабре 1910 г. (на титуле — 1911 г.).

«Задуманы они были как одна книга, “В темных религиозных лучах”, но когда это сочинение было арестовано цензурой и уничтожено, Розанову пришлось пойти на издание книги в измененном виде под названием “Метафизика христианства” в двух томах» (В.А. Фатеев. В.В.Розанов: Жизнь, творчество, личность. Л., 1991, с. 91).

Книга вызвала многие и разноречивые отклики.

«Люди лунного света» — «как бы купол того здания, которое давно и взволнованно строил этот писатель на фундаменте фи-

лософии пола. По определенности выводов — это последнее слово, последний парадокс его. “Душа есть функция пола”». «Книга исключительна по своему интересу и по необычности касания той темы, какую обычно художники, философы и богословы всецело уступали медикам» (А. Измайлов, Р. Сл., 31 мая). «В. Розанов — визионер пола»; он «весь в этой проблеме и все для него в ней»; «Розанов — нововременец, Розанов — двурушник и бесстыдник — только один лик этого двойственного писателя... есть еще Розанов — замечательный мастер слова, крупный мыслитель» (П. Юшкевич, Од. Нов., 16 авг.). Розанов «хочет объяснить своей теорией все христианство, но его теория обнимает лишь аскетизм... Христианство есть религия любви, аскетизм есть религия ненависти к жизни, между ними нет тождества». Но как критик «аскетического мистицизма» автор «блестяще выполнил» свою «задачу»: «Свобода земной жизни и особенно брачных отношений от аскетического руководства и законодательства... — вывод необычайной важности» (В-ский [М.М. Тареев], Ист. Вест., № 11). «Никогда еще Розанов не высказывался о “метафизике христианства” с такой определенной ненавистью... Правильно чувствуя святость половых отношений, Розанов доводит это чувство до лжи ... И, благодаря этой лжи, мерзость нашего современного двойственного отношения к браку заменяется мерзостью еще большей, мерзостью Розановской, кощунственной» (В. Свенцицкий, «Новая земля», 1911, № 3-4). «Нынче мода выдавать порнографические книжки за научные трактаты, что выгодно для их авторов, хотя и гадко с нравственной и общественной точки зрения» (М.К. [М.И. Кудряшов], «Россия», 13 июля). «Несомненно, последнее произведение талантливого публициста... лежит по ту сторону психической нормальности» (Н. Лопатин, Р. Вед., 21 авг.) .

1 (14) октября Горький писал Розанову, имея в виду его книги «Люди лунного света. Метафизика христианства» и «Темный Лик. Метафизика христианства»: «Хорошие книги, и несомненно, что скоро все духовно-здоровые русские люди будут внимательно читать их» (Письма. Т. 9, с. 126). О том, какой смысл вложен в это суждение, явствует из письма Горького О. Руновой: «В. Розанов в последних своих книгах “Темный лик”, [и] “Люди лунного света”, “Русская церковь” — убедительнейше доказывает, что наше христианство не хорошо и ду-

* Подробнее об откликах на книгу в периодике того времени см.: В.В.Розанов. [Соч.]. Т. 2. Уединенное. М., 1990, с. 631-634 (примеч. В.В.Барабанова).

шевродно, а наше “православие” — подло. Это все признаки революции в головах, в мозгах» (Письма. Т. 9, с. 128-129).

Б. Грифцов — «Три мыслителя. В. Розанов. Д. Мережковский. Л. Шестов». М.: изд. В.М.Саблина, 1911, тираж — 2000.

Автору книги «русский философ понятен... лишь постольку, поскольку он может быть транспонирован на западный ключ». «Они религиозны в своем мироотношении, эти “бунтовщики” — вот в чем... их решительное отличие от западных “сверхчеловеков”» (П.Перцов. Литературные письма. Н. Вр., 23 июля).

Вл. Эрн — «Борьба за Логос. Опыты философские и критические». М.: изд. «Путь», 1911, тираж — 2000. Сборник статей и рефератов, публиковавшихся в большинстве своем на протяжении второй половины 1900-х гг. В «Предисловии» В.Ф.Эрн определяет «свою философию как философию *христианскую*», восстающую против отвлеченного «рационализма» — «величайшей духовной опасности» современного мира, во имя утверждения Логоса как единства «полноты и бесконечного многообразия жизни» с ее «*божественным смыслом*».

Начинает издаваться серия «Русские художники», редактируемая И.Грабарем. Ее открывает «Книга о Врубеле» С.П.Яремича (СПб., 1911, тираж — 15000).

Июнь

«Круг чтения. Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Биб-ка Л.Н.Толстого, № 6. Под ред. П.И.Бирюкова. Т. I. М., 1911: Тип. И.Д.Сытина, тираж — 3000. Издание 2-е, испр. и доп.

14 июня Андрей Белый пишет М.К.Морозовой: «в литературе, в общении с людьми — всюду слышится линия какого-то перелома, и придется в будущем выходить будто в первый раз на жизненную борьбу. Зори сулят многое: чувствую поступь больших событий, вместе с тем то, в чем мы живем, более чем когда-либо не приготовлено к будущему. Проблемы, которые ждут от нас разрешения, больше нас — слабых, хилых; а между тем мы, а никто другой, будем их решать» (Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988, с. 538).

Откликаясь на продолжение романа Мережковского «Александр I» в 6-й книге «Русской мысли», рецензент «Одесских новостей» Н.Геккер (Н.Г., 21 июня) высоко оценивает «удивительное мастерство художника» в изображении и характеров исторических лиц, и общественных настроений времени.

В журнале «Современник» (№ 6) напечатаны три «Сказки» М.Горького [V, VI и VII из «Сказок об Италии»].

Публикуются рассказы А.Серафимовича «Странная ночь» («Речь», 26 и 27 июня) и «Чибис» (Р. Вед., 30 июня).

Вяч.Иванов — «Достоевский и роман-трагедия» (Р. Мысль, №№ 5 и 6).

11 мая В.Брюсов писал Иванову: «статья твоя *очень хороша*» (ЛН, т. 85, с. 534). «Хочется <...> видеть в этом докладе <...> обещание написать такую книгу — большое исследование о Достоевском. Слишком ясно, что есть стороны в творчестве великого создателя Грядущей Руси <...> которых никто из современников не в силах выявить, кроме В.Иванова» (В. Чудовский. «О "Русской мысли"», Апол., № 8). Статья «написана вдумчиво и серьезно», но «необычайно отвлеченным языком и в отвлеченных категориях» (С. Адрианов. Вест. Евр., № 8).

«Антология». М.: «Мусагет», 1911 (стихотворения Вл.Соловьева, А.Блока, Вяч.Иванова, А.Белого, С.Соловьева, М.Волошина, С.Городецкого, Н.Гумилева, С.Клычкова, М.Кузмина, Вл.Пяста, Б.Садовского, В.Ходасевича, М.Цветаевой, Эллиса, Л.Столицы, П.Потемкина и др.). В книгу вошли, в частности, циклы Блока «Ночные часы» (из четырех стихотворений), Волошина — «Киммерийская весна», Кузмина — «Осенний май», С.Соловьева — «Розы Афродиты».

Основная тема антологии — «интимные переживания, общественные мотивы совершенно изъяты, они вне поэзии; на первом плане эгоистическая возня с собою» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 9). «Антология» вышла «на редкость удачной» (С.Городецкий, «Пир поэтов», «Речь», 27 июня). В.Брюсов в статье «Будущее русской поэзии» иронически замечал (имея в виду не «поэтов старшего поколения», а большую часть «молодой поэзии»): «Следует, однако, добавить, что этот пир покидаешь не без головной боли и с тоской в сердце». Молодые поэты «не наблюдают, не мыслят, а главное — не живут или, по крайней мере, свою жизнь отделяют от своей поэзии» (Р. Мысль, № 8). «Из тридцати имен, находящихся в этом альманахе стихов, по-

ловина неизвестных. И в то же время нет ни Бальмонта, ни Брюсова, ни Сологуба, ни Гиппиус, не говоря уже о многих уже зарекомендовавших себя "молодых". Поэтому несправедливо по этой книге делать какие-нибудь общие выводы о судьбах русской поэзии» (Н. Гумилев, Апол., № 7).

4 июня А. Блок заметил: «Альманах "Мусагета" — *никуда не нужная книга*» (Зап. Кн., с. 182). А в письме Андрею Белому от 6 июня пояснял свою мысль: «Время альманахов прошло; я думаю, что это — лишняя книга. *Талантливое движение*, называемое "новым искусством", кончилось; т.е. маленькие речки, пополнив древнее и вечное русло чем могли, влились в него... Потому, я думаю, и "смотров" довольно» (т. 8, с. 344).

Александр Амфитеатров — «Марья Лусьева за границей. Роман», СПб., 1911, тираж — 8100.

Вл. Ленский [В.Я.Абрамович] — «Трагедия брака (За счастьем). Роман». М.: изд. «Заря», 1911. Рецензент «Нового Журнала для всех» (№ 33, июль) характеризовал автора как «умелого и тонкого изобразителя женской души», отмечал в его первом романе «психологическую чуткость».

Аркадий Аверченко — «Юмористические рассказы». Кн. III. СПб.: изд. «Шиповник», 1911, тираж — 3300.

А. Вербицкая — «Моему читателю. Мои воспоминания. Юность. Грезы. Книга вторая», М., 1911, тираж — 15000.

В. Винниченко — «Рассказы». Т. 1. Пер. с украинского. Моск. кн-во, 1911, тираж — 3000.

«По настроению — живо, свежо и молодо. По форме — ярко и почти сжато»; но ради доказательства мысли писатель «готов прибегнуть к своего рода художественному произволу... над читательским впечатлением», — например, для того, чтобы «поставить человеческий идеализм на очень скромное место в жизни» ([А.М. Редько], Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). «Его новые очерки прежде всего обнаруживают в нем поэта-пантеиста, глубоко знающего, любящего и чувствующего все таинства и все откровения природы», которая «для него только подобие и воплощение человеческого духа», чьи проявления он изображает «с утонченной тревогой модерниста» (Л. Гроссман, Од. Нов., 20 авг.). Рассказы «принадлежат к ранней, наиболее блестящей и еще не превзойденной заре деятельности писателя» (Нов. Журн. для всех, № 36, окт., Нов. Кн.).

Шолом-Алейхем — «Записки коммивояжера». Авторский перевод. Кн-во «Современные проблемы», 1911.

Автор «Записок», «глубоко национальный» писатель, создатель «оригинальных и своеобразных типов», принадлежит «к типу юмористов», чьи «мозг и сердце» «мучит и терзает» «исковерканная жизнь “избранного народа”» («Речь», 20 июня).

Джек Лондон — «Белое безмолвие». М.: изд. «Athenaeum», 1911.

Рецензент «Современника» (№ 6) убежден, что автор сборника рассказов «должен иметь успех в России», «в Джеке Лондоне чувствуется биение новой жизни», «XX век глядит из каждой строки его и незримо звучит между строк».

Г. Гауптман — «Шлюк и Яу». Пер. с нем. Ю.Балтрушайтиса. М., 1911, тираж — 7000.

Бернард Шоу — «Кандида. Мистерия в трех актах». Пер. с англ. Л.А.Сулержицкого. М., 1911, тираж — 7000.

А. Стриндберг — «Чандала. Роман». М., 1911, тираж — 7000.

Июль

Выходит седьмая книжка журнала «Современник» под общей редакцией А.Амфитеатрова, В.Миролюбова и В.Чернова. «От редакции» сказано: «Во второе полугодие своего существования “Современник” вступает с расширенным составом сотрудников и ближайших участников». Принципы журнала: «научный дух и царство опыта»; в сфере искусства мы реалисты»; «в политике у нас есть заветная мечта — объединение всех тех сил, которые ныне так разрозненно борются за один и тот же, дорогой нам, общественный идеал — за царствие труда».

В письме Е.П.Пешковой Горький заметил: «Угнетает “Современник” своими “манифестами”» (Письма. Т. 9, с. 92).

И.Бунин — очерк «Мертвое море» [«Страна содомская»] (Р. Сл., 10 июля).

М. Пришвин — рассказ «Птичье кладбище» (Р. Мысль, № 7).

«Это интересная и хорошо написанная полубеллетристика, полужизнография, чуть-чуть с примесью “ремизовщины” (но

вполне невинной)» (письмо В. Брюсова, предлагающего рассказ для публикации в журнале, П. Б. Струве от 13 марта, Лит. Арх., Т. 5, с. 336). «Пришвин посвящен в тайны своеобразного натуралистического анимизма и обладает даром зоркого внимания к жизни природы» (В. Чудовский, Апол., № 8). Амфитеатров — Горькому (1 (14) авг.) о рассказах Пришвина «Крутоярский зверь» и «Птичье кладбище»: «Одного героя у него собаки съели, а другого гуси заклевали, следующего, вероятно, таракан забодает или жука сожрет» (ЛН, т. 95, с. 332).

31 июля (13 авг.) в Париже в возрасте 27 лет покончил самоубийством поэт, прозаик, критик В. В. Гофман. В некрологах, появившихся в течение августа и позже на страницах ряда периодических изданий, отмечалась незавершенность пути талантливого литератора, не успевшего развить все свои возможности: «ушел из жизни с тоскливым сознанием, что он еще не нашел себя, не успел выявить свое такое особенное, такое индивидуальное “я”» (Нов. Жизнь, № 9, авг.)^{*}.

«Северные цветы на 1911 год, собранные книгоиздательством “Скорпион”». Альманах V. М.: «Скорпион», 1911, тираж — 1600. Вышел после длительного перерыва. Опубликованы произведения К. Бальмонта, В. Брюсова, Ю. Балтрушайтиса, З. Гиппиус, М. Волошина, Б. Садовского, М. Кузмина, Н. Гумилева, Д. Навашина.

Ряд критиков увидел в сборнике «отрыжку старого декадентства в его ранних, уродливых проявлениях» (Л. Васий [Л. М. Василевский], «Речь», 15 авг.); «бледное и слабое повторение пройденного» (Н. Л. [Н. О. Лернер], Вест. Евр., № 9). «Даже неловко как-то. Возвещали *Urbi et Orbi* о том, что русское искусство началось от граждан русских символистов, что от них пошла русская литература, а на поверку выходит что-то немощное, вымученное» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 8). «Героический период декадентства прошел, в моде эклектика» ([А. Г. Горнфельд], Р. Бог., № 10, Нов. Кн.). Однако и участник альманаха Н. Гумилев давал ему скептическую оценку: «Полтора года тому назад прекратился журнал “Весы”, и к-во “Скорпион”, чтобы не прерывать сношений со своими читателями, решило возобновить выпуск альманахов... Обложка Сомова, знакомые имена Брюсова,

^{*} См. подробнее об этом: Писатели символистского круга. СПб., 2003, с. 208–214.

Бальмонта, Кузмина, Гиппиус и др. располагают в его пользу читателя. Но при просмотривании сборника, а тем более при чтении, появляется какая-то досада. Что было хорошо лет шесть, семь тому назад в "Весях", с подкреплением в виде статей и рецензий, то кажется как-то беспомощно-неубедительным теперь» (Апол., № 8). Прямо противоположно оценивает новое издание Андрей Белый в статье «Десять лет "Северных цветов"»: «веяния смерти не слышу я в новых "Северных цветах". Многие в них и живей и моложе, чем в иных юных сборниках; я верю в силу и жизнеспособность вновь собравшихся авторов»; «Первый альманах [1901 г.] был манифестом, объявлением войны, которая, кажется, велась не без успеха. А последний альманах — дружеский пир, где бойцы, собравшись вместе опять... поминают минувшие дни... но для каждого бойца несомненно проходит эпоха широких лозунгов, наступает плодотворная работа воплощения, проведения лозунгов в жизнь». Именно это усматривает Белый почти во всех произведениях альманаха, у «отцов и детей "Северных цветов"»: «Брюсов углубляется в историю и теорию стиха, Гиппиус — в детали религиозно-общественной платформы, Бальмонт начинает внимать "зовам древности"», Гумилев «делает быстрые и успешные завоевания в лирике» и т.д. (Р. Мысль, № 10).

Аркадий Аверченко — «Одесские рассказы». СПб.: «Сатирикон», 1911, тираж — 40000.

Влад. Азов [В.А.Ашкенази] — «Цветные стекла (Сатирические рассказы)». Б-ка «Сатирикона». СПб.: изд. М.Г.Корнфельда, тираж — 3000. «...Сатира Влад. Азова захватывает почти исключительно политические и общественные обстоятельства жизни. Частные и личные отношения почти не входят в круг ее воздействия» (Н.Г. (Н.Л.Геккер), Од. Нов., 26 авг.).

Вл. Боцяновский в статье «Литературные странички» пишет о журнале «Сатирикон»: «большое несчастье для Сатирикона — это неизбежное желание смешить и увеселять во что бы то ни стало. И когда я читаю хотя бы рассказы того же Аверченка, мне всегда бывает досадно именно эта их сторона», при том, что «сатира политическая по нынешним временам прямо невозможна» (Утро Рос., 30 июня).

Кнут Гамсун — «Бенони». Роман. М.: «Польза», 1911, тираж — 7000.

В переводе Ю. Балтрушайтиса издаются пьесы Г. Гауптмана «Бедный Гейнрих. Немецкое сказание» и «Ганнеле. Драматическое видение в 2-х ч.». М.: «Польза», 1911, тираж — 7000.

Правительственным распоряжением изъят из продажи т. V собр. соч. А. В. Амфитеатрова (СПб.: «Просвещение», 1911), куда вошел т. I «Зверя из бездны» (исторического романа из жизни древнего Рима эпохи Нерона) — «Династия при смерти». «Аресту предшествовала кампания правой печати, усматривавшей в книге оскорбление Величества в сравнении с временами Нерона» (Утро Рос., 2 июля).

Август

28 августа — дата рождения Л. Н. Толстого.

Об увековечении его памяти писал в «Утре России» (28 авг.) руководитель основанного Толстым издательства «Посредник» И. И. Горбунов-Посадов: самое важное дело, завещанное Толстым «и уже начатое» А. Л. Толстой, — «передача человечеству для свободного обращения во всем мире всех произведений Толстого». И далее — предложения, в осуществлении которых готов активно участвовать «Посредник»: улучшение экономического положения крестьян Ясной Поляны, устройство больницы в Ясной Поляне, постройка здания для яснополянской народной библиотеки и создание фонда для организации «хотя бы первой тысячи таких библиотек».

Ранее, 12 августа, в «Русских ведомостях» было опубликовано сообщение «Из Ясной Поляны», в котором говорилось: «По полученным “Тульской Молвой” сведениям, состоялось примирение между графиней С. А. Толстой и ее дочерью Александрой Львовной».

12 августа Л. Андреев пишет Горькому: «Подлинная реакция — та, что живет в усталом сердце, уже кончилась; пред нами далеко уже маячит гребень той волны, на которую снова и снова предстоит нам взбираться»; «Время дружбы, время связей — время счастливых браков, сказала бы гадалка» (ЛН, т. 72, с. 314). Горький отвечает (после 16 (29) августа): «Я живу больше в России, чем ты, и в “подъем настроения” не очень верю, подъем этот надо создавать, а надеяться на него — не следует... И вот наша очередная задача и работа: собрать рассеянную энергию, освободить ее из сети и цепей различных недоумений, испугов, неверий и т. п. китайской чепухи» (Письма. Т. 9, с. 89).

Ив. Бунин — рассказ «Сто восемь» [«Древний человек»] (Р. Сл., 14 авг.).

В «Аполлоне», № 6 публикуется статья Иннокентия Анненского «Что такое поэзия» с редакционным подзаголовком «Посмертная статья Иннокентия Анненского» и примечанием: «Написана в 1903 году — набросок вступления к первой книге стихов».

Иванов-Разумник — «“Народ” и “интеллигенция” (Из летних диалогов о русской литературе)» (Р. Вед., 25 авг.). Категорическое противопоставление интеллигенции и народа в общественно-литературной среде «не имеет смысла, так как и в “интеллигенции” есть свой plebs, и в “народе” есть своя интеллигенция». «Бытописателем и историком главным образом народной интеллигенции» критик считает Горького, отвергая представление о «конце Горького» и выражая уверенность «в том, что раньше или позже схлынет волна этого стадного и постыдного равнодушия читателей к большому писателю». Усматривает очернение народной жизни на разных уровнях текущей русской литературы: «от г. Родионова [автора романа “Наше преступление”, вызвавшего многочисленные протесты] до почетного академика Ив. Бунина — дистанция громадного размера, но между ними есть общее: и тот, и другой одинаково скучно мажут всю деревню, весь “народ” сплошной черной краской».

Вл. Кранихфельд — «О критике и критиках» (Совр. Мир, № 8). «Каких только небывлиц не возводят и поныне на литературную деятельность Белинского, Чернышевского, Добролюбова! Кто только не плюет на эти светлые страницы русской критики!» Названы Аким Волынский, М. Гершензон, Ю. Айхенвальд.

Буква [И. Ф. Василевский] — «Летние рассказы. Кинематограф» (Р. Вед., 10 авг.). У кинематографа — широкая популярность: «Этот чудесный прибор распространяет знания, обслуживает науку» и является «общедоступным, дешевым развлечением» «в культурном быту огромных масс населения».

Выходит в свет третий том сочинений А. Ремизова, содержащий рассказы «Крепость», «Святой вечер», «Без пяти минут барин», «Придворный ювелир», «Серебряные ложки» и др. (СПб.: «Шиповник», 1911, тираж — 2300).

«У всех его героев измучены сердца <...> мозг устал от неразрешимых загадок — “зачем жить?”» (Нов. Журн. для всех,

№ 35, сент.). «Тоска, недоумение перед жестокой русской жизнью», изображение «заклеванных жизнью людей» отличают Ремизова, у которого «есть и острое чувство и дарование»; но «гримасничанье» стало его «второй натурой» ([А.М. Редько], Р. Бог., № 10, Нов. Кн.).

Иван Наживин — Собр. соч., т. 1. Рассказы. Книга первая. М.: изд. «Сфинкс», 1911, тираж — 4000. (Вышли тт. I, IV-VIII; издание прекратилось в 1917 г.)

И. Рукавишников — роман «Проклятый род» (Совр. Мир, №№ 1-8).

Игорь Северянин — «Ручьи в лилиях. Поэзы». СПб., 1911, тираж — 100. В подзаголовке к поэме «Рядовые люди», датированной апрелем 1911 г., впервые употреблен термин «эгофутуризм».

«В “поэзах” г. Северянина — банальность модная, впрочем, в последнее время уже теряющая свое обаяние»; «В “тетрадке” нет ни одного стихотворения без гримасы»; «Книжка полна самых неуклюжих словообразований — неблагозвучных галлицизмов, нелепых рифм» (В. В-н [В.М. Волькенштейн], Совр. Мир, № 9).

Сборник «О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки»; составлен женой писателя Ан. Чеботаревской (СПб.: «Шиповник», 1911, тираж — 1200). В книгу вошли статьи Р. Иванова-Разумника, К. Чуковского, Л. Шестова, З. Гиппиус, Ан. Чеботаревской, А. Белого, И. Анненского, М. Гершензона, М. Волошина, Г. Чулкова, Е. Аничкова, А. Горнфельда, А. Измайлова, С. Городецкого и др.

«Именинными сюрпризами», исключаящими какие-либо критические высказывания о Сологубе, назвал книгу критик «Современного мира» (№ 9). Об односторонней тенденции сборника писал и В.Е. Чешихин, замечая при этом: «с указанием... на темные стороны несомненно большого таланта Ф. Сологуба, таланта, так часто отталкивающего вычурами и извращениями, несомненно придется считаться будущему историку литературы» (Ч. В-ский, Вест. Евр., № 9). Петр Наумов, напротив, оценил книгу как «несомненный шаг на пути к познанию Ф. Сологуба». «Задача критики тем труднее, что творческая сила Ф. Сологуба еще в полном расцвете, что, может быть, мы еще только в преддверии храма» (Апол., № 10).

Сентябрь

1 сентября в Киеве эсером Д.Г.Богровым был смертельно ранен председатель Совета министров П.А.Столыпин (умер 5 сент.).

Л.Н.Толстой — «Живой труп. Драма в шести действиях и 12-ти картинах». Под редакцией В.Г.Черткова. М.: изд. А.Л.Толстой, 1912, тираж — 2000.

«Вчера вышла из печати и поступила в продажу драма Л.Н.Толстого “Живой труп”. Книга появилась сразу в трех изданиях — в 60, 25 и 10 коп.— и с утра покупалась нарасхват у уличных продавцов» («Речь», 24 сент.). «В этот день пьеса была выпущена в отдельном издании А.Л.Толстой, а также напечатана в “Ниве” (№ 39) и “Русском слове” (№ 218), и сразу разошлась в нескольких стах тысяч экземпляров. И другие издательства поспешили использовать предоставленное им право бесплатного печатания и наводнили рынок изданиями в разную цену» (Рус. худ. лет., № 14, окт.).

Одновременно с выходом книги, 23 сентября, состоялась премьера спектакля в Московском Художественном театре.

«Что-то большое и величественное пришло в литературу. Пришло и заняло в ней подобающее место, вытеснив не то что излишнее и не нужное, а скорее всего временное, чем питаются и удовлетворяются по нужде и за недостатком лучшего» (Н. Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 28 сент.) «Тема драмы — не Федя Протасов и брак и не Федя Протасов и суд. Тема драмы — Федя Протасов и общество, общество не в его недостатках и преступлениях, а во всей совокупности своей жизни, в самых основных нормах своего существования» (А.Кизеветтер, Р. Мысль, № 12). «Толстой тяжело разочаровал», но его «драма о стыде» (герой — «безвольный протестант» с «психологией самоупреков») ценна как «новое отражение душевного мира» писателя (А.Е. [А.М.и Е.И.] Релько, Р. Бог., № 10). «Мораль Толстого, которая, может быть, станет действительным приобретением человечества через много, много поколений, здесь воспринята не разумом, она как бы вошла в физический организм Протасова, сделалась его составной частью и превратила Федю в “гражданина будущих поколений”, неспособного к жизни посреди нынешнего мира и сохраняющего внешний облик существования только благодаря “одурманиванию себя”» (И. Игнатов, Р. Вед., 24 сент.). «Перед нами разворачивается в пьесе настоящая, нами же творимая жизнь, с нашей лживой моралью и лицемерным

правосудием» (Вл. Кранихфельд, Совр. Мир, № 10). Тот же Кранихфельд писал о «беззастенчивом улюлюкании», которым была встречена пьеса в ряде выступлений печати; приводил в пример «Новое время», высказавшее предположение, что А.Л.Толстая и В.Г.Чертков фальсифицировали пьесу. Журнал «Театр и искусство» (№ 45) сообщал о письме некоего А.С.Соловьева, обвинявшего Толстого в плагиате.

«Ах, Господи,— писал М.Горький Леониду Андрееву 21 октября (3 ноября),— как противна эта возня мертвых душ с “Живым трупом” и как бесстыдно сказалось в ней полное отсутствие уважения к Л.Н.Толстому и в обществе и — особенно! — в прессе» (Письма. Т. 9, с. 148). Вместе с тем отношение Горького к самой пьесе было отрицательным: «А “Живой труп” — очень плохая вещь и по существу и — особенно — по форме,— писал он Е.П.Пешковой 1 (14) октября. — Толстого в ней нет, а вот путаницы — много... Цыганка Маша лучше других, живей, но — чтобы она читала Чернышевского — не верю. И как все христианнейше скучно» (Письма. Т. 9, с. 125). Появились высказывания о «Живом трупе» и других писателей. Л.Андреев в беседе с журналистом сказал: «Это не пьеса, но черновик, остов предполагавшейся пьесы, правда, чудесный черновик. Толстой переделывал свои вещи по восьми раз. Это первый черновик... Если бы Толстой окончил эту пьесу, то получилась бы вещь необычайной художественной силы» (С. Никитин, Пб. Газ., 13 ноября). «Ведь совершенно же ясно, что пьеса совсем не написана, что это — неудавшийся набросок, который Толстой никогда не пустил бы в публику» (А.Амфитеатров Горькому, 30 сент. (13 окт.). ЛН, т. 95, с. 350—351). «“Живой труп” — произведение и не совсем доделанное, и не весьма удачное»; иногда «очень вредит художественному впечатлению» толстовское «проповедничество» (М.Кузмин, Рус. худ. лет., № 14, окт.). С.Юшкевич, отвечая на вопрос корреспондента, сказал: «Если бы меня спросили, представляет ли собой “Живой труп” шедевр,— я бы затруднился ответить. Произведение это ничем не замечательно...» (Од. Нов., 28 сент.).

Отзывы о спектакле Художественного театра (в постановке Вл.И.Немировича-Данченко и К.С.Станиславского) были тоже разноречивыми. «Патентованные руководители эстетическими вкусами петербургской публики — А.Кутель, И.Абельсон-Осипов и Фома Райлян надрываются в своих газетах, что постановка на сцене такой никчемной вещи, как “Живой труп”, находится в вопиющем противоречии с законами и традициями “артистической этики”» (Вл. Кранихфельд, Совр. Мир, № 10). Значительной же частью рецензентов спектакль был воспринят

как событие сезона. «Общее впечатление от постановки “Живого труппа” сильное, захватывающее. Прекрасный театр развернул в ней все богатство своих художественных сил и всю полноту сценических возможностей» (А. Койранский, Утро Рос., 23 сент.). «Театр, где никогда не умирало, никогда не затихало искание, сделал новый шаг, передвинулся еще на новую позицию в своем завоевании высшей, строгой правды в сценическом искусстве» (Н. Эфрос, «Речь», 25 сент., см. также его статью за подписью «Коль-Коль», Од. Нов., 25 сент.). Отмечалось высокое мастерство исполнителей: К.С.Станиславского (Князь Абрезков), М.П.Лилиной (Каренина), В.И.Качалова (Каренин), А.Г.Коонен (Маша); особенно хвалили игру И.М.Москвина (Федя Протасов). А.Блок сделал запись в своем дневнике 29 марта 1912 г.: «27-го “Живой труппа”. Все актеры, единственные и прекрасные, но — актеры. Один Станиславский — опять и актер и человек, чудесное соединение жизни и искусства. А цыгане — разве это цыгане? Нет, цыгане не таковы» (т. 7, с. 138).

Премьера «Живого труппа» состоялась 28 сентября и на сцене Александринского театра (постановка В.Э.Мейерхольда, художник К.А.Коровин), и рядом рецензентов была встречена значительно более критично, чем спектакль МХТ, — например, статьи о «Живом труппе» кн. Сергея Волконского (Рус. худ. лет., № 14, окт.) и Евг. Зноско-Боровского (там же, № 18, дек.). Последний высказал, в частности, упрек Мейерхольду, который «хотел демонстрировать свой пиетет к имени Толстого отходом от собственных стремлений в постановке, применяя упрощенные реалистические приемы».

Ив. Наживин — «Из жизни Л.Н.Толстого (с приложением нигде не опубликованных писем Л.Н.Толстого)». М.: «Сфинкс», 1911, тираж — 3000.

О перспективах дальнейшего издания сочинений Л.Толстого сообщалось: «А.Л. Толстая объявила подписку на издание неопубликованных еще художественных произведений своего отца в трех томах, первый из которых должен выйти 7 ноября и которые после этого станут общественной собственностью, чем уже воспользовались некоторые повременные издания и включили их в число своих бесплатных приложений на 1912 год. Кроме того, А.Л.Толстая обратилась в Академию Наук с письмом, предлагающим взять на себя труд издания полного собрания сочинений Льва Толстого. Письмо пошло гулять по разным академическим комиссиям и отделам, и, зная обычную медлительность старуш-

ки-Академии, мы не очень радуемся такому разрешению вопроса. Для нас даже неясно, поведет ли оно хотя бы к прекращению спора матери с дочерью». Здесь же сообщается: «Гр. С.А.Толстая изъявила согласие на передачу дома Толстых в Москве в собственность Москвы, и это должно случиться на днях» (З.-Б. [Е.А. Зноско-Боровский], Рус. худ. лет., № 14, окт.).

В «Современнике» (№ 9) напечатан четвертый рассказ цикла М.Горького «Жалобы».

Рассказ свидетельствует об «определенном повороте» Горького «в сторону чистой публицистики», обращения «прямо-таки к жанру Глеба Успенского» и «по замыслу своему как бы вариант знакомых дум Г.Успенского» — проникновение «человеческой мысли» в дремучее сознание (А. Измайлов, «“Жалобы” М.Горького и смятенные души по Гл. Успенскому», Нов. Сл., № 12).

Ив. Бунин — рассказ «Сила» (Р. Сл., 18 сент.).

К. Чуковский — статья «Проклятый род» («Речь», 4 сент.): «Смертяшкины — так обозвал Максим Горький наших современных писателей. В столице, как известно, и фирма такая, основалась: “Смертяшкины и Комп”... называлась фирма “Шиповник”». Но «в русских книгах внезапно, после всех полутрупов и трупов, появилась новая огромная тема: — Россия... И пришел из “Весов”, из “Аполлона” декадентнейший декадент Ал. Толстой и, торопясь и захлебываясь, стал говорить о России. И внезапно другой “модернист” Андрей Белый сочинил апокалипсис... русской души — роман “Серебряный голубь”. И “Деревня” Бунина. И “Окуров” Горького. И Ценского “Пристав Дерябин”».

В обзоре «Литература летом» (Р. Мысль, № 9) Антон Крайний [З.Гиппиус] высказывается о литературной продукции «Русского богатства» — и в том числе: «Теперь только “Русское богатство” нет-нет да и подпустит опять рассказик с нагайками, думая, что это как-никак возбудит благородные чувства. А мне — да и мне ли одному — кажется, что писание и печатание *теперь* “революционных сценок”, рассказов, описаний, стихов всяких — дело не очень-то доброе, есть в нем какая-то бесстыжность. Мы, мол, “успокоились”, мы теперь зато “творим в области искусства”».

В обзоре высказано недоумение и по поводу понятия «писатель из народа»: литература — «дело интеллигентское».

В.Л.Келгуяла — «Курс истории русской литературы. Пособие для самообразования. Часть I. История древней русской литературы. Книга вторая». СПб., 1911, тираж — 5050. В предисловии к книге автор писал: «Подлинным творцом древнерусской национальной культуры и мировоззрения был не “народ”, представляемый в демократических и простонародных или крестьянских очертаниях, а небольшая часть народа, именно его высший, правящий класс» (с. VIII).

Эта точка зрения вызвала возражения Горького: «При том подозрительном и недоверчивом отношении нашей демократии к интеллигенции, которое вызвано эволюциями последней... отрицание за народом его культурно-исторической работы может оказать весьма плохую услугу настоятельной необходимости широкого объединения» (письмо Р.М.Бланку от июня 1912 г. — Письма. Т. 10, с. 70). См. также: письмо Горького Е.А.Ляцкому от 9 (22) апр. 1912 г. (Письма. Т. 10, с. 11) и его статью «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (Украинская жизнь, 1912, № 9).

XXXVI сборник «Знания». СПб., 1911, тираж — 5500 («Матвей Кожемякин» [«Жизнь Матвея Кожемякина»] (часть 3-я) М.Горького и «Человек из ресторана» Ив. Шмелева).

29 октября (11 ноября) Горький писал Е.П.Пешковой: «в тех журналах и газетах, с которыми я, за последнее время, поссорился, отзывы о третьей части несправедливые и злые: более того — пишут, не прочитав, как, напр., в “Новом Ж[урнале] для В[сех]”» (Письма. Т. 9, с. 152).

«Матвей Кожемякин — тип резонерствующего русского мещанина... Многое в Кожемякине кажется выдуманым. Слишком обилен поток глубоких мыслей, заливающий повесть от начала и до конца. Существует предел, после которого глубокомыслие переходит в нудное и неприятное резонерство» (Нов. Журн. для всех, № 36, окт., Нов. Кн.). «Для нас слишком очевидно, что и Матвей Кожемякин, и дядя Марк, и Тиунов, и Савка, и поп Александр — лишь различные проекции собственного горьковского мирозерцания, чуждого нам и далекого от нас» (Всеобщий журнал, № 10, сент.). «Собственно никакой новости — никакого повествования — нет. Не было его в “Городке Окурове”, нет и в “Кожемякине”... Сталкиваются “сознательные” и “полусознательные” люди, интеллигенты с полу- и с четверть-интеллигентами, сталкиваются и говорят — говорят, рассуждают — рассуждают... Кожемякин мертв, ибо мертвым родился» (А.Крайний [З.Гиппиус], Р. Мысль, № 11). Противоположные суждения высказаны в журнале «Путь»: «По-

следний 36 сборник “Знания” принес действительную, настоящую, глубокую и светлую радость тем, для кого русская литература не забава только, а зеркало великой молодой страны... Кроме повести М.Горького “Матвей Кожемякин”... где талант М.Горького ничуть не пал, а остался на той же высоте... на обложке... напечатано — Ив. Шмелев “Человек из ресторана”... Язык нового произведения Шмелева изумительно выдержан, фигуры действующих лиц ярки и рельефны, как скульптура, многие отдельные картины буквально захватывают своей жизненностью и строгостью деталей» (С. Недолин [С.А. Поперек], «Путь», № 1, ноябрь). «Повесть “Человек из ресторана” напоминает манеру Ф.Достоевского в его “Бедных людях” и “Униженных и оскорбленных”. В этом “человеке”... художник показал красивую и благородную измученную душу... здесь трогают вас образы отца-лакея и революционера-сына» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 11). «Повесть написана с подъемом и читается с неослабевающим интересом» (Нов. Журн. для всех, № 36, окт., Нов. Кн.). Повесть Шмелева «написана совершенно под Горького, точно подделка под него, настоящая имитация. Это одна из особенностей сборников “Знания”. Происходит какой-то подбор (с точки зрения художественной совершенно неестественный) талантов по особому специальному заказу... если бы снять всю эту пустую, манерную подражательность и рецептуру из лаборатории Горького, основанной в 1904 году, то можно найти в повести много бытовых любопытных черт, содержательных подробностей и штрихов жизни. И курьезно то, что этот самый человек из ресторана — точная копия с Кожемякина. Так же рассудочен, любит поболтать вкривь и вкось о том, что он понимает и чего не понимает» (Ал. Ожигов [Н.П.Апешов], Совр. Сл., 21 сент.). «Содержание ее [повести Шмелева] вполне “современное”, т.е. обыски, эдеки и т.п. Но при всей своей современности оно проникнуто каким-то наивным и невинным оптимизмом... Если бы эту вещь сократить на четыре пятых и несколько пообновить репертуар словечек, вышел бы не то чтобы очень оригинальный, но занятный и милый рассказ в лесковской манере, разумеется, без остроты и едкости последнего». Что же до продолжения «Матвея Кожемякина», то это — «истинный вклад... в современную бытописательную прозу. Нам кажется, что эта часть еще сильнее, сочнее и гуще написана, нежели первые две... но покауда каждая отдельная часть читается с неослабевающим интересом и удовольствием... Несколько жалко, что, может быть, самое лучшее произведение Горького печатается в сборнике “Знания” теперь, когда интерес к этим сборникам упал едва ли поправимо» (М. Кузмин, Апол., 1912, № 1).

А. Бурнакин, напротив, противопоставляет «органический демократизм» Шмелева — Горькому и Короленко. «Хоть и лукавым “Знанием” напечатана повесть Шмелева, но в ней ничего от “лукавого знания”, а все от сердца, от жалости, по совести, по долгу близкого и разумного человека» (Н. Вр., 1912, 24 февр.).

7 ноября К. Чуковский писал Шмелеву: «Ваша вещь поразительная. Я хожу из дома в дом и читаю ее вслух, и все восхищаются. Я взял ее с собою в вагон, когда ехал к Леониду Андрееву, и в иных местах не мог от волнения читать. Говорил о ней Андрееву — он уже слышал о ней — и даже те отрывки, которые из нее напечатаны в разных газетных статьях, восхищают его. И, помимо чувства, какая уместность, как мастерски сделана повесть» (Цит. по: В.П.Вильчинский. Л. Андреев и И. Шмелев. Р. Л., 1971, № 4, с. 129).

С.П.Подъячев — Рассказы, т. I. СПб.: «Освобождение», 1911, тираж — 2200. Первое (пятитомное) собрание сочинений Подъячева, завершившееся в 1913 г.

«Подъячев — оригинальное явление в нашей современной литературе, он воскрешает в ней интерес к самоценному, самодовлеющему быту, который изображается живо, красочно, хотя бегло и случайно», «в сыром, необработанном виде» (Н.Кадмин [Н.Я.Абрамович], Нов. Жизнь, № 13, дек.).

Александр Рославлев — Рассказы, кн. I. СПб.: «Общественная польза», 1912, тираж — 3000.

«Несчастье его состоит в одном: в неоригинальности, в несамостоятельности... Это какая-то странная, пестрая смесь толстовства, нищезанятия и достоевщины» (Е. Колтоновская, Вест. Евр., № 11). «Первая книга рассказов Рославлева оставляет приятное впечатление свежести и самостоятельности»; он «никого не повторяет, ни у кого не заимствует манеры творчества, а идет собственной дорогой» (Нов. Журн. для всех, № 36, окт., Нов. Кн.).

И. Эренбург — «Я живу. Стихи». СПб., 1911, тираж — 500. Второй стихотворный сборник.

Эренбург «сделал большие успехи со времени выхода его первой книги. Теперь в его стихах нет ни детского богохульства, ни дешевого эстетизма, которые, к сожалению, уже успели отравить некоторых начинающих поэтов... Он умело соединяет лирический подъем с историзмом тем и почти никогда не возвышает голоса до крика» (Н. Гумилев, Апол., № 10). «Муза его решительно сбросила с себя фальшивый, жеманный наряд» (С. Горо-

децкий, «Речь», 3 окт.). По мнению В. Волькенштейна, «во втором сборнике стихов г. Эренбург отрешился от прежней манерности... Правда, его индивидуальность поэта еще не определилась; во многих стихотворениях нет художественной законченности, но в книге чувствуется жизненная сила, напряжение творческой мысли» (Совр. Мир, № 11). Серг. Кречетов [С.А. Соколов] находит в книге «хороший вкус, мелодичность стиха, изящную технику и острый глаз», но при слишком «сильном влиянии Валерия Брюсова» (Утро Рос., 1912, 21 апр.). «Эренбург, вызвавший внимание к себе своим первым сборником стихов, не оправдал пока надежд двумя своими новыми книгами [“Я живу”, “Одуванчики”]. Особенно неудачна вторая — “Я живу”, крикливая и непродуманная» (В. Брюсов, «Сегодняшний день русской поэзии», Р. Мысль, 1912, № 7).

С.Е. Ганьшин — сборник стихов «Искра», вып. 1. М.: изд. Суриковского литературно-музыкального кружка, 1911, тираж — 5000.

«Однообразны эти песни, форма их не блещет, нет в них красоты и утонченности, но глубина чувства, жажда любви и света горячей волной льются из темного подвала и трогают вас, хватают за сердце» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 9). Горький в письме к В.Л. Львову-Рогачевскому от 5 (18) или 6 (19) октября, одоблив эту рецензию, советовал больше заниматься литературой рабочих (Письма. Т. 9, с. 131).

Фридрих Ницше — «Автобиография. (Ессе Номо)». Пер. с немецкого под ред. и с предисл. Ю.М. Антоновского. СПб.: «Прометей», 1911, тираж — 3500. В октябре правительственным распоряжением книга была изъята из продажи. В ноябре арест был снят.

Кнут Гамсун — «Вечерняя заря. Эпилог». Пер. Ю. Балтрушайтиса. М.: «Польза», 1911, тираж — 5000.

Октябрь

«Новый сборник писем Л.Н. Толстого. Собрал П.А. Сергеенко». М., 1911, тираж — 5000. Подвергнут аресту с возбуждением судебного преследования.

Открылась Толстовская выставка, организованная Обществом Толстовского музея. Смотревший выставку цензор А.К.Тарновский снял некоторые экспонаты (Утро Рос., 11 окт.).

И. Бунин — рассказ «Крик» (Р. Сл., 1 окт.).

Леонид Андреев — рассказ «Ипатов» (Р. Сл., 2 окт.).

А.Н.Толстой — рассказ «Поцелуй» («Речь», 2 окт.).

М. Горький — «Писатель» [«Н.Е.Каронин-Петропавловский»] (Совр., № 10) и «Сказки [IX из “Сказок об Италии”]» (Киев. Мысль, 31 окт.).

В «Аполлоне», № 8 публикуется статья Иннокентия Анненского «Эстетика “Мертвых душ” и ее наследье» с подзаголовком «Посмертная статья».

В газетах (Утро Рос., 1 окт. и других) появились сообщения о предстоящей дуэли А.Куприна и Ф.Райляна в связи с фельетоном Райляна в издаваемой им газете «Против течения», в котором рассказывалось о «развлечениях» А.И.Куприна. Горький писал Е.П.Пешковой 18 (31) октября в связи с этими сообщениями: «Фома Райлян — апаш, невежда, человек скандала... облил грязью Куприна... кому-то дана свобода чуть ли не убивать хороших людей, а русское общество все это видит и молчит» (Письма. Т. 9, с. 143).

8 (21) октября М. Горький пишет редактору газеты «Живое слово» П.В.Мурашеву открытое письмо, протестуя против прозвучавших в газете призывов к русскому обществу «подать свой голос за разрешение Горькому вернуться на родину», «агитировать за всеобщую подписку петиции Императору с просьбой» (Живое слово, 24 окт.; Письма. Т. 9, с. 132). Эта тема проходит и в ряде других октябрьских писем Горького — Л.В.Амфитеатрову, Е.П.Пешковой, К.А.Тренину (Письма. Т. 9, с. 141, 143, 152). Из письма Мурашеву от 16 (29) ноября: «Если бы Вы знали, какой дождь писем ко мне вызвали статьи «Жив[ого] Слова» и как меня язвят черносотенцы — ага, милости запросил! Некоторые же — хвалят, — что, конечно, хуже еще, — и зовут в Россию» (Письма. Т. 9, с. 182).

9 (22) октября в газете «L'Avenir» («Будущее», Париж) напечатано письмо М.Горького «Каторжанам N-ской тюрьмы» [«Каторжанам Александровской центральной тюрьмы»] — с ин-

вективной по адресу государства, которое бросает «в Сибирь и ка- торгу» «лучших своих людей».

11 октября в Литературно-художественном кружке состоя- лась беседа, посвященная русской интеллигенции, в частности авторам сборника «Вехи». Л.С.Козловский «указал, что течение общественной мысли, выразившееся в сборнике “Вехи”, являет- ся противоречащим духу всей русской литературы, коренным разрывом с ее наиболее прочными традициями». С.П.Мельгунов «усомнился в наличии “новой” интеллигенции, представляе- мой “Вехами”; за авторами сборника может стоять небольшой кружок — и только; события прошлого года показали, что моло- дежь мыслит и чувствует по-старому» (Р. Вед., 12 окт.).

17 октября А.Блок записывает в дневнике: «Весьма вероятно, что наше время — великое и что именно мы стоим в центре жизни, т.е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки» (т. 7, с. 69).

20 октября в Санкт-Петербурге на квартире С.М.Городецкого состоялось первое собрание литературного объединения «Цех по- зтов», которое было задумано «в противовес Академии стиха [Общество ревнителей художественного слова], где царствовал Вяч.Иванов» (Анна Ахматова. Автобиографическая проза // Литературное обозрение, 1989, № 5, с. 6). Среди участников и гостей первого собрания: Н.С.Гумилев, А.А.Ахматова, Д.В. и Е.Ю.Кузьмины-Караваевы, А.А. и Л.Д.Блок, В.Пяст, А.Н.Толстой и С.И.Толстая (Дымшиц) и др. 20 октября А.Блок записал в дневнике: «Безалаберный и милый вечер... Молодежь. Анна Ахматова. Разговор с Н.С.Гумилевым... Было весело и про- сто. С молодыми добреешь» (т. 7, с. 75-76). «Осенью 1911 года... на квартире Сергея Городецкого было первое собра- ние — сначала только приглашенных. Потом собирались они также и у Гумилева — в его своеобразном домике в Царском Се- ле, изредка у М.Л.Лозинского. Собирались весь первый год очень часто — три раза в месяц. Гумилев и Городецкий были “синдиками” и по очереди председательствовали. Новых членов цеха выбирали тайной баллотировкой, после того, как читались вслух их стихи... скоро отошли старшие поэты из числа приг- лашенных (Блок, Кузмин, Ал.Н. Толстой, Вл. Пяст и некоторые друг...)... Самыми прилежными, не пропускавшими почти ни од- ного собрания были — Анна Ахматова, Ел. Кузьмина- Караваева, Зенкевич, Нарбут, Мандельштам, Лозинский, Геор- гий Иванов, Моравская и я. И, конечно, синдики. Весь круг чи-

тал каждый раз, читали по очереди, после каждого чтения — стихи обсуждались... Эту способность экспромтной критики цеховики развили в себе в высшей степени — особенно Гумилев, который мог говорить и пространно, и интересно, и довольно образно — развивая свою — складывавшуюся тогда — теорию... Но как-то после стихов Кузмина — редкого гостя цеха — вдруг оказалось, что говорить никому не хочется; лирическая сила стихов была настолько убедительна, что прежние рассудочные разборки показались пресными... Весной 1912 года на одном из собраний цеха Гумилев и Городецкий провозгласили... программу "того литературного направления, которое должно сменить символизм"... Публика, литературная улица посмеялась над словами "цех поэтов", "акмеизм" и т.д., но, в общем, приняла новаторов с сочувствием куда более искренним, чем их учителей — символистов. Это и понятно. Уклон к реализму был публике по душе: символизм... должен был остаться поэзией для немногих» (Вас.Галахов [В.В.Гиппиус]. Цех поэтов // Жизнь (Одесса), 1918, № 5. Цит. по: Р.Д.Тименчик. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974, № 7-8, Mouton — The Hague — Paris, с. 31-33).

По инициативе Игоря Северянина и Константина Олимпова [К.К.Фофанова] образован литературный кружок «Его», ставший началом эгофутуристического движения. В кружок первоначально входили также Г.В.Иванов, Грааль-Арельский [С.С.Петров], П.М.Кокорин, П.Д.Широков, Иван Оредж [И.С.Лукаш]. Под издательской маркой «Его» выходили стихотворные брошюры эгофутуристов.

Одно из заседаний Литературно-художественного кружка было посвящено театру, «исканиям современной сцены». Докладчик С.Глаголь [С.С.Голоушев] «склонен думать, что реализм на сцене отжил свой век и что необходимо обратиться к упрощенным, условным постановкам».... В.Я.Брюсов высказал, что нельзя устанавливать какой-либо общий закон, одинаковые приемы. Все зависит от пьесы, которая ставится, а постановка должна отвечать характеру пьесы... Крайности в условных постановках губительно влияют и на актеров, связывая их, как было это в мейерхольдовской постановке «Пелеаса и Мелизанды» (Р. Вед., 26 окт.).

23 октября в Москву по приглашению С.И.Шукина приезжает французский художник Анри Матисс и находится там до начала ноября, встречается с русскими художниками и писателями

(см. Т.Гриц, Н.Харджиев. Матисс в Москве // Матисс. Сборник статей о творчестве. М., 1958). «Утро России» (25 окт.) приводит высказывание Матисса, посетившего Третьяковскую галерею: «Я знаком с церковным творчеством нескольких стран, и нигде мне не приходилось видеть столь выявленного чувства, мистического настроения, иногда религиозного страха». 29 октября А.Блок записывает в дневнике: «В Москве Матисс, “сопровожаемый символистами”, самодовольно и развязно одобряет русскую иконопись — “французик из Бордо”» (т. 7, с. 78). 27 октября Матисс присутствовал на заседании Общества свободной эстетики, посвященном докладу Ф.Степуна «О философии пейзажа», где его «от лица Общества» приветствовал В.Брюсов: «Несколько вопросов, предложенных А.Матиссу А.Белым, вызвали собеседование о современных задачах живописи» (Цит. по: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001, с. 422. См. также: Утро Рос., 28 окт., «Матисс в Москве. В кружке вольных эстетов»).

Влад. Серг. Соловьев. Собрание сочинений, т. 1 (1873–1877). 2-е изд. СПб.: «Просвещение», 1911, тираж — 3000. (10-томное издание завершилось в 1914 г.)

Валерий Брюсов — «Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней». М.: «Скорпион», 1912, тираж — 2000.

«В лице г. Брюсова модернистско-символическое течение, выдвинувшееся в конце 90-х годов, сдает свои позиции. В противность “цветам мистических созерцаний” мы ныне слышим, что начало всякого искусства — наблюдение действительности». Будущее «принадлежит какому-то еще не найденному синтезу между “реализмом” и “идеализмом”» (Ч. В-ий [В.Е. Чехихин], Вест. Евр., 1912, № 2). «Книга значительна как показатель того пути, который прошел в развитии своих литературно-эстетических взглядов центральный деятель русского декадентства, которого отличает гибкость «эклектического, но недюжинного ума» ([А.Г. Горнфельд], Р. Бог., 1912, № 2, Нов. Кн.). «В общем его книга представляет событие в русской критической литературе. И, может быть, знаменует собой поворот в этой области» (П. Наумов, Апол., 1912, № 10). В.Тардов выделил в книге очерк о Ф.Тютчеве: «В.Я.Брюсов, можно сказать, воскрешает для нас светлую и мудрую поэзию Тютчева, он положительно вновь открывает его современникам» (Утро Рос., 10 дек.).

А. Блок — «Ночные часы. Четвертый сборник стихов. 1908–1910». М.: «Мусагет», 1911, тираж — 1000. Книгу открывал раздел «На родине» — «первый» у Блока «опыт тематического объединения стихов о России» (А.А. Блок, ПСС. Т. 3, М., 1997, с. 901) — включавший, в частности, ранее опубликованный цикл «На поле Куликовом», который вызвал новые отклики. В сборник вошел также и цикл «Итальянские стихи», в последующих изданиях расширенный.

В. Брюсов сопоставил эту книгу со «Стихами о Прекрасной Даме» — «начало и конец пройденного поэтом пути». В первой книге «как бы совсем нет ничего реального — все чувства, все переживания перенесены в какой-то идеальный мир... Как все изменяется, когда мы переходим к последней книге А. Блока! ... Действительность, реальность вошла в поэзию А.Блока, подчинила ее себе. Мистические предчувствия сменились чувствами земными...». Но «борьба двух начал, божественного и демонического, остается в поэзии Блока неразрешенной». «Меньше нам нравятся раздумья... над судьбами России и его, несколько надуманные, стихи о итальянских городах» (Р. Мысль, 1912, № 1). «Перед А.Блоком стоят два сфинкса, заставляющие его “петь и плакать” своими неразрешенными загадками: Россия и его собственная душа. Первый — некрасовский, второй — лермонтовский... Как никто, умеет Блок соединять в одной две темы... В “Итальянских стихах” — величавое и светлое прошлое и “некий ветер, сквозь бархат черный поющий о будущей жизни”, в “Куликовом поле” — нашествие татар и историю влюбленного воина русской рати. Этот прием открывает нам безмерные горизонты в области поэзии. Вообще, Блок является одним из чудотворцев русского стиха» (Н.Гумилев, Апол., 1912, № 1). В заметке о «Ночных часах», помещенной в английском журнале «The Russian Review» («Русское обозрение»), 1912, № 2, Вяч.Иванов, говоря о «волшебстве стихов» Блока с их «певучим и мучительным душевным воздействием», обращал внимание на выраженное в них «волнение души народной»: «Но сколь ни болезненны эти переживания, они, в отличие от прежней безнадежности, несут в себе, как нам кажется, здоровое семя. Это семя — страстная волнующая религиозная любовь к стране» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 397, пер. с английского). «Юный певец любви превратился в певца родины» (С. Городецкий, Всеобщий ежемес- сячник, № 11). «Русь, о которой еще недавно Блок писал, как романтик, теперь явилась ему в нищей прелести, какой любил ее Тютчев, и что-то еще непетое звучит в его словах о “степном дыме”, о “дали дорожной”» (Василий Гиппиус, Нов. Жизнь, № 12, ноябрь). «...Теургическое начало в нем заслоняется нача-

лом человеческим», «пробудившаяся в Блоке любовь к родной земле, не пассивная и не эстетически-националистическая, вернее — стилизованная под национализм, а кровная, сумрачная и активная» (М. Шагинян, Приаз. Кр., 1912, 30 мая). Евг. Аничков отзывался о цикле «На поле Куликовом»: «недаром вспомнилась та битва поэту. Не западничество победило тогда татарву... а то другое в нас... что горит полымем в сердце» (Запр. Ж., № 9). А. А. Кондратьев писал Блоку 15 ноября: «Вы первый из поэтов России, который говорит о татарском в ней» (ЛН, т. 92, кн. 1, с. 562). 22 ноября Блоку писал Н. В. Недоброво: «Стихотворения о России... затронули меня меньше, и, верно, потому, что Россия представляется мне гораздо менее пестрой, чем Вам, но более архитектурной. Поистине, наши годы — не время завершения, и, кажется, Вы поторопились, укорив ее стихом: “Но до Царьградских святынь не дошла”» (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 295).

Много откликов вызвал и цикл «Итальянских стихов», в котором видели обновленную манеру Блока, отмеченную «строгой четкостью», «конкретизацией образов», особой изобразительной пластичностью (см. подробнее: Блок. ПСС. Т. 3, с. 720).

13 января 1912 г. Блок записал в дневнике по поводу отзыва Брюсова: «Печальная, холодная, верная — и всем этим трогательная — заметка Брюсова обо мне» (т. 7, с. 122), а 16 января 1912 г. писал Брюсову: «Уже очень давно мне не приходилось читать о себе таких простых и так объективно выраженных мнений» (т. 8, с. 382).

А. Куприн — Собрание сочинений, т. 7. «Рассказы». Моск. кн-во, 1911, тираж — 10000.

«Яркому таланту Куприна нередко вредит небрежная спешность работы, размашистость письма, отсутствие долгой выдержки, глубокого настоя. Лучший из рассказов, вошедших в 7 том, “Гранатовый браслет”, прекрасный по своему замыслу... все же в значительной степени испорчен самим автором» (П. Кожевников, Утро Рос., 19 ноября); «В семи томах своих сочинений засорил он золотые песчинки своего таланта таким количеством руды, что в семи водах не отмоешь» (Иванов-Разумник, Р. Вед., 1912, 19 февр.). Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], признавая талант автора, видит в Куприне писателя «публики»: «На обывательское стремление к “идеальной” любви Куприн отвечает “Гранатовым браслетом”. Есть в этом “браслете” и наивная грубость, и наивная же неестественность, но... таковы уж, должно быть, представления и самые далекие

мечты среднего читателя об этой “идеальной любви” (Р. Мысль, № 11).

Алексей Ремизов — Сочинения, т. IV. «Пруд. Роман». СПб.: изд. «Шиповник», 2-е, 1911, тираж — 2400.

М. Кузмин характеризует переработанное издание «Пруда» (третью редакцию) «почти как... новое произведение», избавленное «от довольно несносной и претенциозной манеры Пшибышевского» и от «внешней растерзанности», присущей первому изданию. Особенно высоко оценивается первая часть сочинения, дающая «широкую картину детства и отрочества» в купеческой среде: «подпольный, забитый и озлобленный, унижаемый и бессмысленно жестокий дух передан столь яркими красками, с таким трепетом и содроганием, что всю первую часть “Пруда” можно причислить не только к лучшим страницам Ремизова, но и к наиболее примечательным произведениям вообще русской современной прозы» (Апол., № 9). 28 окт. Л. И. Шестов писал Ремизову: «новый, исправленный “Пруд” почти неузнаваем... если бы тебе удалось довести переделку до конца, “Пруд” был бы лучшим из твоих больших произведений. Лучше даже “Крестовых сестер”» (А. М. Ремизов. Собр. соч. Т. 1. М., 2000. С. 532).

«Земля». Сб. седьмой. Моск. кн-во, 1911, тираж — 15000. Опубликованы: «У последней черты» Арцыбашева, ч. II; рассказ Д. Айзмана «После бури», драма Е. Чирикова «Шакалы». «Во всех трех [произведениях] смертным духом пахнет, — во всех трех герои стреляются, травятся, топят, вешаются» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 11). А. Е. [А. М. и Е. И.] Редько иронизирует над героем повести Арцыбашева Наумовым, который «заразил своими речами только двух женщин в остальных произведениях, напечатанных в седьмом сборнике: Лизу в рассказе “После бури” Г. Айзмана и сестру милосердия из “общины всех скорбящих” в трагикомедии “Шакалы” г. Чирикова» (Р. Бог., № 12). «Мы, — заключает Арцыбашев, — у последней черты! Дальше идти некуда! Так ли?... А жизнь идет и переступает через эту черту, и для всех совершенно ясно, что говорит это испуганный человек» (Вл. Боцяновский, Утро Рос., 12 ноября). «Беспросветно скучно, неисцелимо старо и пошло...» (Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], Р. Мысль, 1912, № 1). М. Кузмин находит философские рассуждения «почти всех поголовно персонажей» Арцыбашева «несносными» и «безвкусными», а «обновления» автора «Шакалов» «в сторону стилизации и историзма» безуспешными (Апол., № 10). Горький назвал сборник

«пухлым и пустым» (письмо С.П.Боголюбову от 3 (16) ноября — Письма. Т. 9, с. 157).

Н.А. Крашенинников — «Мечты о жизни. Рассказы», т. 1. Моск. кн-во, 1911, тираж — 3100.

«Разочарование в жизни... сознание бессцельности и бессмысленности того, что творится кругом, чувство душевного одиночества и сиротства в шумном водовороте действительности — все это красной нитью проходит через романы, повести, рассказы и пьесы г. Крашенинникова (Юрий Веселовский, «Путь», № 2, дек.). «...Составляющие книжку рассказы повествуют об растерянности пред жизнью и одиночестве разрозненных в ней людей... везде вы видите именно не сочинение, а реальные краски пережитого, отмеченные дарованием» (О.Б., Утро Рос., 29 окт.). «“Мечты о жизни” — необыкновенно удачное заглавие. Ни капли жизни нет в этой книге, а только “мечты”, чуть слышный вздох о жизни» (А. Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, 1912, № 1). Рассказы — «просто скучны, порою фальшивы, надуманны и неприятны своим готовым, избитым языком» (отзыв И.А.Бунина для Разряда изящной словесности Академии наук от 11 окт. 1913 г. — ЛН, т. 84, кн. 1, с. 353).

Грааль Арельский [С.С.Петров] — «Голубой ажур. Стихи». СПб.: «Осень», 1911, тираж — 500.

Первая книга одного из инициаторов эгофутуристического движения. Отметив явственное влияние на автора «первой книги И.Эренбурга», а также «Игоря Северянина и современных поэтов-экзотиков», Н.Гумилев заключал: «Кажется, у него нет своего слова... которое одно делает поэта, а есть только горячность молодости, версификационные способности, вкус и знание современной поэзии» (Апол., № 10). «Лучшие его стихотворения... явно напоминают Игоря Северянина; в других слишком много условно-красивого», использованного «десятками наших поэтов, вплоть до г-жи Черубины де Габриак» (В. Брюсов, Р. Мысль, 1912, № 7). В ноябре 1911 г. А.Блок отозвался о книжке в письме к автору: «книжка Ваша (за исключением частностей, особенно псевдонима и заглавия) многим мне близка. Вас мучат также звездные миры... и особенно хорошо говорите Вы о звездах» (т. 8, с. 380). По поводу псевдонима — в дневниковой записи Блока от 18 ноября: «показалось мне верхом кощунства и мистического анархизма» (т. 7, с. 93).

Всеволод Курдюмов — «Азра (Стихи)». СПб., 1912, тираж — 500. Первая книга поэта. «У г. Курдюмова есть уклон к дека-

дентству прошлых дней. Если автор молод, он может перерасти свой "средний" рост и подняться головой над другими. Но для этого ему почти все еще надо начинать с начала» (В. Брюсов, Р. Мысль, 1912, № 7). «Стихи... Курдюмова как бы созданы для декламирования их с провинциальной эстрады. Мрачный романтизм, слезливая чувствительность и легкий налет гражданственности — в них есть все... Но русская литература — не провинциальная эстрада. От многого, очень многого придется отделаться... Курдюмову и еще больше приобрести, если он захочет в нее войти» (Н. Гумилев, Апол., 1912, № 5). Позже, в 1913 г., Курдюмов по приглашению Гумилева был принят в «Цех поэтов».

Иона Брихничев — «Христос в мировой поэзии». Антология. М.: изд. В.И. Знаменского и К^о, 1912, тираж — 3000*.

К.Р. [вел. кн. Константин Константинович Романов] — «Стихотворения П.С. Соловьевой. Критический отзыв». СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1911, тираж — 530.

«М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Под ред. М.К. Лемке. Т. I. СПб.: тип. А.М. Стасюлевича, 1911, тираж — 1000. 5-томное издание завершилось в 1913 г.

Издание, основанное на огромном архиве Стасюлевича, редактировавшего на протяжении десятилетий журнал «Вестник Европы», обещает «обширную и полную увлекательного содержания панораму русской литературной и общественной жизни более чем за полвека» (А. Кизеветтер, Р. Мысль, 1912, № 1).

Ноябрь

В ноябре широко отмечалась первая годовщина со дня смерти Л.Н. Толстого. Цензурой запрещено печатание объявлений о церковных панихидах (Утро Рос., 5 ноября).

«Посмертные художественные произведения Л.Н. Толстого», т. I. Под ред. В. Черткова. М.: изд. А.Л. Толстой, 1911, тираж — 10000. В книгу вошли: «Дьявол», «Фальшивый купон», «После бала», «Алеша-Горшок», «Что я видел во сне», «От ней все качества», «Живой труп».

«Нет, это не гипноз имени, не самовнушение: равноگو этим страницам в самом деле не создано ничего за последнее десяти-

* Автор-составитель — один из идеологов так называемого «голгофского христианства», публицист, поэт.

летие в русской литературе» ([А.Г. Горнфельд], Р. Бог., № 12, Нов. Кн.). Толстой «явился на склоне своих старческих лет новатором, которого страстно ждала, но до него еще не имела русская литература» (Вл. Кр. [В.П. Кранихфельд], Совр. Мир, № 11). Л.Гуревич отмечает «широкое, свободное, бестенденциозное отношение к изображаемым людям и явлениям... Но ведь мы знаем... как огромны были его идейные страсти... В произведениях, входящих в этот том, не исключая даже наименее совершенного в художественном отношении “Фальшивого купона”, больше всего чувствуешь Толстого-художника» (Р. Мысль, № 12). «...Очень заметно более художественное, крепкое и зрелое творчество именно в тех произведениях, которые Толстой не предполагал обнародовать, писал для себя и в которых не усердствовал быть учителем, хотя был им на самом деле», — считает М.Кузмин, особенно выделяя «Фальшивый купон»: «Нам не вспоминается, чтобы, кроме старинных житий, где-нибудь встречалась такая настоящая эпичность и сила образительности без претензий на нее» (Апол., № 10). В «Фальшивом купоне» И.Шмелев увидел «огромную картину жизни, разъедаемой ложью и всяческой неправдой». «После бала» — «рассказ глубочайший по мысли». О повести «Дьявол»: «вопрос о нечистой любви-похоти Толстой в художественной форме раньше не ставил так решительно и так обнаженно...»; Толстой «зовет здесь к чистоте, к освобождению духа от уз бунтующей плоти», «не наставляя, а живописуя» («Путь», № 2, дек.). Н.Эфрос отметил различие между «Дьяволом» и «Крейцеровой сонатой»: «несмотря на то, что Толстой затрагивает здесь все тот же проклятый вопрос и изображает мучительную душевную борьбу, оканчивающуюся убийством, — по манере художественного письма эта повесть вся светлая, прозрачная, полная воздухом и красоты. “Фальшивый купон” — вещь явным образом недоработанная и по форме необыкновенная» (Р. Мысль, № 12). «Тот, кто станет восхвалять эти вещи [“Дьявол”, “Фальшивый купон”]... очевидно, должен отрицать художественные достоинства “Войны и мира”»; зато рассказ «После бала» заставляет «вспомнить о подлинной художественной силе Толстого» (Н. Кадмин [Н.Я.Абрамович]. Нов. Жизнь, № 13, дек.). А.Блок записал в дневнике 13 ноября: «Гениальнейшее, что читал, — Толстой — “Алеша-Горшок”» (т. 7, с. 87); 22 ноября: «На ночь читал (и зачитался “Фальшивым купоном”) Толстого, который неизменно вызывает во мне мучительный стыд» (т. 7, с. 93).

«Толстовский музей», т. 1. «Переписка Л.Н.Толстого с гр. А.А.Толстой. 1857–1903». СПб.: изд. Общества Толстовского музея, 1911, тираж — 5000.

Характеризуя переписку, Вл. Бонч-Бруевич замечал: «И как ясно, что еще давно Л.Н. отлучил себя сам от этой ветхой веры и что святейший Синод опоздал со своим отлучением Л.Н. ровно на сорок лет» (Совр. Мир, № 11). С.Булгаков сочувственно оценивает в этой переписке «критическое отношение А.А.Толстой (тетки писателя), которая «сознательно и убежденно принадлежала к православной церкви», к религиозным убеждениям Толстого («Человекобог и человекозверь (По поводу последних произведений Л.Н.Толстого “Дьявол” и “О. Сергий”»)» — Вопр. Фил. и Псих., 1912, № 2, март–апр.).

В.В. Розанов — «Л.Н.Толстой и Русская Церковь». СПб.: тип. А.С.Суворина, 1912, тираж — 1550.

4 ноября в Театре Корша была поставлена ранее неизвестная пьеса Л.Н.Толстого «От ней все качества». «Впечатления большого, захватывающего пьеса не дала и не могла дать. Но прослушали ее на премьере с напряженным вниманием» (Н. Эфрос, Р. Вед., 5 ноября).

В день смерти писателя, 7 ноября, спектакли, посвященные памяти Л.Н.Толстого, состоялись «на всех почти московских драматических сценах. В “Малом театре” при полной зрительной зале шли “Плоды просвещения”» (Р. Вед., 8 ноября).

В Москве, в залах Исторического музея, открылась выставка, посвященная Л.Н.Толстому. На ней были представлены портреты Толстого работы И.Н.Крамского, Н.Н.Ге, И.Е.Репина, Л.О.Пастернака, скульптуры П.П.Трубецкого, И.Я.Гинцбурга, С.Д.Меркурова, Н.А.Андреева, иллюстрации М.С.Башилова и Л.О.Пастернака.

Леонид Андреев публикует очерк в журнале «Солнце России» (№ 53) о своей встрече с Толстым — «За полгода до смерти». В «Русских ведомостях» 13 ноября появляется очерк М.Пришвина «Смута в сердцах» о могиле Л.Н.Толстого.

Андрей Белый — «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой». М.: «Мусагет», 1911, тираж — 1000.

М. Горький — «Сказки [VIII из “Сказок об Италии”]» («Звезда», 12 ноября).

Ив. Бунин — «Из рассказов без заглавия» [«Снежный бык»] («Путь», № 1, ноябрь).

В «Русской мысли» (№ 11) напечатана статья Л. Гуревич — «От “быта” к “стилю”». «Уже года два тому назад стало явственно обозначаться, что современная нам литература быстро изживает себя, — близится новый литературный кризис. Теперь, думается, кризис этот уже настал... В эстетической теории господствуют “наивные” доктрины: “Искусство есть подражание природе”... или “искусство есть *воспроизведение действительности*”». На противоположном полюсе — идеалистическая доктрина символистов, сформулированная Вяч. Ивановым, согласно которой “искусство должно быть не изображением жизненных явлений, а *отображением идеи высшего порядка*”». Необходимо отказаться и от грубого «эмпиризма» беллетристики, и от «ложной доктрины об идее»: «не идея в философском смысле этого слова лежит в основе художественного произведения, а *созерцательная концепция*».

А. Блок писал Л. Гуревич 17 ноября, что ему «многое близко» в ее статье («особенно о “наивности художественных вкусов” — в начале»), «хотя я не со всем согласен» (т. 8, с. 377).

Н. Гумилев — статья «Теофиль Готье» (Апол., № 9). «Прошло сорок лет со дня смерти Теофиля Готье... Он последний верил, что литература есть целый мир, управляемый законами, равноценными законам жизни, и он чувствовал себя гражданином этого мира».

А. Н. Бенуа в «Художественных письмах» («Речь», 11 ноября) призывает к «фундаментальному переустройству» Академии художеств — «учреждения, стоящего государству огромные средства — и ничего ему не дающего. Сейчас Академия — богадельня для передвижников, кормежка для их протеже, а в общем — ... государственный паразит».

Д. Filosoф — статья «Газета без читателей» («Речь», 15 ноября) — об официально-церковной и черносотенной прессе. «Итак, “Колокола” никто не читает... Так же, как никто не читает “Земщины”, “Русского Знамени”, “Московских ведомостей”. Какой-нибудь неискушенный человек мог бы отсюда сле-

лать вывод, что вся эта “черносотенная, если угодно”, пресса никакого влияния не имеет. Но такой вывод страшно наивен. Влиятельны в России только те, кого никто не знает. Мнения и власть живут у нас в полном раздоре».

1 ноября у Н.Гумилева в Царском Селе состоялось второе заседание «Цеха поэтов», 10 ноября на квартире Е.Кузьминой-Караваевой — третье заседание, на котором в состав объединения был принят М.Лозинский (В.Лукницкая. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990, с. 124; П.Н.Лукницкий. Асиміана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. Paris, 1991, с. 29; Е.Степанов. Николай Гумилев: Хроника // Николай Гумилев. Соч.: в 3 т. М., 1991. Т. 3, с. 371).

1 ноября утвержден устав общества художников «Бубновый валет» (Москва). Члены-учредители: П.П.Кончаловский, А.В.Куприн, И.И.Машков, В.В.Рождественский. Председатель — П.П.Кончаловский. Участники — А.Лентулов, В. и Д.Бурлюки, Р.Фальк и др. В уставе, в частности, говорилось: «Общество художников “Бубновый валет” имеет целью распространение современных понятий по вопросам изобразительных искусств» (Устав общества художников «Бубновый валет». М., 1911, с. 3). В общество вошла часть коллектива художников-участников выставки «Бубновый валет», проходившей в декабре 1910 — январе 1911 г. Другая часть, отделившаяся от него в начале осени 1911 г., образовала группу «Ослиный хвост» во главе с М.Ларионовым (Н.Гончарова, К.Малевиц, А.Шевченко и др.) (Подробнее: А.Крусанов. Русский авангард. Т. 1, с. 47–50).

7 ноября в Мариинском театре — впервые на государственной сцене — премьера оперы М.П.Мусоргского «Хованщина» (с Ф.И.Шаляпиным в роли Досифея и декорациями по эскизам К.А.Коровина), воспринятая как художественное событие. Музыкальный критик В.Г.Каратыгин писал: «7 ноября 1911 г. золотыми буквами увековечено будет на страницах истории русской художественной жизни» («Речь», 8 ноября). 29 ноября А.Блок писал матери: «“Хованщина” для меня... сыграла очень большую роль. Сегодня я совсем другой, чем вчера... она [опера] стоит в самом центре, именно на той узкой полосе, где проносится дыхание Духа» (т. 8, с. 379–380).

В Москве утвержден к строительству проект Казанского вокзала А.В.Щусева. «Стиля русского смешанного... все очень талантливо... Москва “декадентская” и Москва современных “ампирчиков” очень освежится, получив такое вдохновенное сооружение» (М.В. Нестеров. Из писем. Л., 1968, с. 198).

22 ноября умер В.А.Серов. В.Брюсов писал в некрологе: «Со смертью В.А.Серова перестал жить, быть может, величайший русский художник наших дней»; «Серов был реалист в лучшем значении этого слова» (Р. Мысль, № 12). «Для нас, его ближайших друзей, — утрата эта совершенно уничтожающая, ибо он был нашей совестью, нашими весами, на которых проверялись все сомнительные вопросы» (А. Бенуа, «Речь», 24 ноября). На смерть Серова откликнулись в печати И.Репин, К.Коровин, И.Грабарь и др.

На протяжении сентября–ноября (по 22 ноября) М.Волошин публикует в «Московской газете» обзоры французской жизни, прежде всего художественной, с преимущественным подзаголовком «Письмо из Парижа» (В.П. Купченко. Библиография статей М.А.Волошина (прижизненные публикации) // Максимилиан Волошин. Лики творчества. Л., 1988, с. 807–808).

24 ноября в Особом присутствии Московской судебной палаты слушалось дело «известного шлиссельбуржца» Н.А.Морозова, обвиняемого в выпуске стихотворного сборника «Звездные песни» (М., 1910), содержащего ряд антиклерикальных стихотворений. Решением палаты Морозов приговорен к году крепости (Утро Рос., 25 ноября).

М. Горький пишет Е.П.Пешковой 27 ноября (10 дек.): «“Знание” накануне краха, мне уже не платят ни копейки третий м-ц. Пят[ницкий] едет искать денег, а Бунин, Черемнов и все говорят, что никто не даст ему ни рубля и что никто из литераторов в “Знание” не пойдет» (Письма. Т. 9, с. 193).

25 ноября (8 дек.) И.Бунин пишет Н.Телешову с Капри: «Пятницкий, конечно, тут, а “Знание” — между нами говоря — совсем гибнет: нелады у него с Горьким» (ЛН, т. 84, кн. 1, с. 599).

В течение ноября в Петербурге организуется «Издательское товарищество писателей» — новое объединение писателей-реалистов. Среди его участников — С.Н.Сергеев-Ценский, А.Н.Толстой, Е.Н.Чириков, Ив. Бунин, Ив. Шмелев, В. Муйжель,

А. Серафимович, Скиталец, Д. Айзман и другие*. На одном из учредительных собраний, состоявшемся 15 ноября, в члены правления с поручением им редакторских функций избраны Чириков (председатель), Сергеев-Ценский и Муйжель; заведование издательством возложено на Н. Клестова (РГБ, ф. 9, ед. хр. 171; см. также: О. Д. Голубева. Издательское товарищество писателей // Книга. Сб. VIII. М., 1963, стр. 410–430). Информация о новом издательстве появилась в прессе («Оживление среди писателей», Утро Рос., 27 ноября).

Предлагая Горькому принять участие в новом издательском предприятии, Клестов информировал его (в письме от 21 ноября) о платформе, вокруг которой предполагалось объединить писателей: «время... идеологий у нас прошло. Революция выдвинула иные задачи. Наука, искусство, литература станут теперь и у нас самоценными благами» (Книга. Сб. VIII, с. 41). В письмах Клестову от декабря, а также в письме Е. П. Пешковой 27 ноября (10 дек.) (Письма. Т. 9, с. 201, 209, 194). Горький критически высказался о платформе издательства, выдвинутой Клестовым. И. Бунин, находившийся в то время на Капри, в целом сочувственно отнесся к идее писательского товарищества: «Не буду говорить о том, что толковали у вас... о том, прошло ли время идеологии, — в одном мы сходимся — ... ради скандальных успехов нельзя писать, выдумывание всяческих проблем и половых, и иных, — надоело до чертиков, пора писателям о душе подумать — и говорить только то, что она велит вкуче со здравым смыслом и велениями порядочности, благородства, совести и т. д., — да пора и экономически объединиться» (письмо Н. Клестову от 6 (19) декабря // Александр Бабореко. Бунин: Жизнеописание. М., 2004, с. 167).

Вышел в свет первый номер «ежемесячного литературно-художественного и общественного» журнала «Путь» (Москва), ред.-изд. И. А. Белоусов. Белоусов задумал создать «среди литературной разрухи, свистопляски... чистый журнал, главным образом для провинции». Он приглашал в журнал М. Горького (письмо от 25 августа 1911 г. — Письма. Т. 9, с. 417–418). В ответе Белоусову Горький писал о необходимости «хорошего редактора» для журнала: «А вот если бы Вы предложили редактуру В. Г. Короленко или — если он не возьмет на себя это — посоветовались бы с ним о редакторе, а также выяснили бы самому себе, о чем и как будет го-

* Вскоре значительная часть их (в том числе Сергеев-Ценский, Толстой, Бунин, Шмелев, Серафимович) перешла в основанное в 1912 г. Книгоиздательство писателей в Москве, в котором руководящую роль играл В. Вересаев.

ворить журнал, для кого он издается, это было бы чудесно, и, может быть, мы имели бы действительно хороший журнал» (письмо от 1 (14) сентября — Письма. Т. 9, с. 102).

30 ноября в «Речи» опубликовано написанное В.Г.Короленко воззвание «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)» — коллективный протест по поводу сфабрикованного черносотенными кругами шумевшего дела М.Бейлиса, ложно обвиненного в ритуальном убийстве. Протест подписали: В.Короленко, М.Горький, Л.Андреев, Д.Мережковский, З.Гиппиус, Ф.Сологуб, А.Блок, А.Бенуа, А.Серафимович, Я.Купала, В.Засулич, Н.Морозов и другие. Воззвание было затем перепечатано в ряде периодических изданий.

Евгений Чириков — «Юность. Роман» (М., Моск. кн-во, 1911, тираж — 3100). Ранее печатался в «Вестнике Европы», №№ 3-7.

В середине (конце) ноября Горький писал автору о своих впечатлениях: «Было весело и грустно — всё, как следует при чтении искренно написанной книги, когда ее писал хороший и честный русский писатель» (Письма, т. 9, с. 178).

Выходит в свет кн. «Литературный Альманах»: изд. «Аполлона» (СПб., 1912, тираж — 2000).

Участвуют М.Зенкевич, С.Клычков, А.Ахматова, К.Бальмонт, А.Блок, А.Белый, Н.Гумилев, Н.Клюев, Б.Лившиц, М.Моравская, О.Мандельштам и другие поэты. Говоря о поэтах младшего поколения, Г.Чулков отмечает: «это все стихотворцы даровитые, культурные и, главное, влюбленные в творчество старших поэтов»; «Вне круга этих поэтов стоит Анна Ахматова» с ее «изысканностью поэтического дара» и «утонченностью переживаний» (Утро Рос., 3 дек.). Опубликованы рассказы М.Кузмина, С.Ауслендера и др., а также пьеса А.Ремизова «Действо о Георгии Храбром».

Виктор Гофман — «Любовь к далекой. Рассказы и миниатюры. 1909-1911». СПб.: изд. «Нового Журнала для всех», 1912, тираж — 2000. Посмертное издание.

«Его рассказы безусловно не рассказы, а поэтические описания то природы, то полунастроений, то полуроманов»; «книга... мало прибавляет к тому представлению, какое мы создали о Викторе Гофмане по его стихам и, если объясняет его лирику, то в сторону, для автора не совсем благополучную» (М. Кузмин. Апол., 1912, № 1). Высоко оценивает книгу Н. Кадмин — «выражение беспокойной и напряженно живой внутренней жизни» Нов. Жизнь, № 13, дек.).

Саша Черный — «Сатиры и лирика. Книга вторая». СПб.: «Шиповник», 1911, тираж — 2400.

Л. Войтоловский назвал Черного «трагическим поэтом»: «...неподдельной злобой он волочит по грязи всю доступную ему обывательщину, всю ее нудную мешанскую душу и по-прежнему швыряет в лицо ей всю свою ядовитую ненависть»; «Куда деваться от этой гнусной, печальной современности? И среди насмешливого барабанного боя, среди строк, исполненных сарказма и желчи, у Саши Черного начинают мелькать стихи, продиктованные не только затаенным страданием, но и затаенной верой» (Киев. Мысль, 26 ноября). «Мрачность нашего сатирика — не мировоззрение, а настроение. Это не пессимизм, а мерехлюндия. Есть в мире достаточно оснований для самого беспросветного пессимизма, есть мотивы для самой злой сатиры, но этому большому, крепкому пессимизму не сумел дать выражения Саша Черный в своих раздраженных ямбах» ([А.Г. Горнфельд], Р. Бог., 1912, № 1, Нов. Кн.). «Для грядущих времен его книга будет драгоценным пособием при изучении интеллигентской полосы русской поэзии. Для современников она — сборник всего, что наиболее ненавистно многострадальной, но живучей русской культуре» (Н. Гумилев, Апол., 1912, № 5).

Н. Клюев — «Сосен перезвон». Посвящение: «Александру Блоку. "Нечаянной Радости"». С предисловием В. Брюсова. М.: изд-во В.И. Знаменский и К°, 1912, тираж — 3000. Первый поэтический сборник. В предисловии сказано: «Поэзия Клюева жива внутренним огнем» «религиозного сознания», который «вспыхивает вдруг перед читателем светом неожиданным и ослепительным».

«Неожиданным и драгоценным подарком» назвал книгу Н. Гумилев: «мы встречаемся с уже совершенно окрепшим поэтом, продолжателем традиций пушкинского периода. Его стих полновзвучен, ясен и насыщен содержанием... Пафос поэзии Клюева редкий, исключительный — это пафос нашедшего... В творчестве Клюева намечается возможность поистине большого эпоса» (Апол., 1912, № 1). Сборник восторженно приветствовал С. Городецкий: «Редко мы встречаем у начинающих поэтов такое четкое, прекрасно выраженное самоопределение» («Речь», 5 дек.). «Твердость стиха, ясность мысли — до сухости, до какого-то тяжелого окаменения» находит в книге И. Б-усов [И. Белоусов]: «Нет и следа расплывчатой мягкости, задумчивости, — характерной черты русских самоучек» (Путь, № 1, ноябрь). Стихи поэта «могут быть причислены к "новой поэзии"»; «Но это не шаблонный модернизм... искание новых форм у него

необыкновенно своеобразно сочетается с милой стариной русской песни, былины, напевного сказа» (О. Колбасина [О.Е.Чернова], Зав., 1912, № 3). Ранее, 17 октября, А.Блок, познакомившийся с Клюевым осенью 1911 г., а до этого, с ноября 1907 г., переписывавшийся с ним, записал в дневнике: «Клюев — большое событие в моей осенней жизни» (т. 7, с. 70).

В письмах А. Блоку и В. Брюсову от 30 ноября Клюев писал о плохом издании книги «с не моими заглавиями, с множеством опечаток» (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 512).

Игорь Северянин — «Пролог “Эго-футуризм”. Поэза грандиоз. Апофеозная тетрадь третьего тома. Брошюра тридцать вторая». СПб.: тип. Флейтмана, 1911, тираж — 100.

«В ноябре прошлого 1911 года издательством “Его” был выпущен первый боевой снаряд — брошюра г. Игоря-Северянина “Пролог эго-футуризм”, вызвавший переполох необычайный. Ежедневники и еженедельники хрипели до остервенения. И только один-единственный критик И.В.Игнатъев признал первый надлежащее значение Игоря-Северянина («Нижегородец», № 78, 1911, 25.XI)*. Следовательно, мэтром новой интуитивной школы и является г. Северянин <...> Это было первой горстью зерен, посеянных на русской территории» (Казанский [псевд. — И.В.Игнатъев], «Первый год эгофутуризма». «Орлы над пропастью: Предзимний альманах». СПб., изд. «Петербургский глашатай», 1912).

В конце 1911 — начале 1912 г. Игнатъев-Казанский под псевдонимом «Ивей» помещал в «Нижегородце» и другие рецензии на публикации эгофутуристов (см. А.Крусанов. Русский авангард. Т. 1, с. 302–303).

Игорь Северянин вспоминал: «Осенью 1911 года — это было в Петербурге — совершенно неожиданно, ибо я даже знаком с Брюсовым не был, я получил от него... чрезвычайно знаменательное письмо и целую кипу книг: три тома “Путей и перепутей”, повесть “Огненный ангел” и переводы из Верлена. На первом томе стихов была надпись: “Игорю Северянину в знак любви к его поэзии. Валерий Брюсов...”... Вскоре я получил от него первое послание в стихах, начинавшееся так: “Строя струны лиры клирной, братьев ты собрал на брань”. В этих стихах он намекал на провозглашенный мною в ту пору Эго-футуризм. Я ответил ему стихами... С этих пор у нас с Брюсовым завязался

* Статья под псевдонимом «Ивей» была напечатана не 25.XI, а 17.XI (см.: Н.А.Богомолов. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999, с. 412).

лась переписка» (Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. М., 1990, с. 386–387).

Вадим Шершеневич — «Весенние проталинки. Стихи». М., 1911, тираж — 600. Первый поэтический сборник.

«В его стихах нет ни вялости, ни безвкусыя, но нет и силы или новизны. Своей книгой он заявил только, что он существует... Но он должен еще доказать, что он есть, как поэт» (Н. Гумилев, Апол., 1912, № 1).

А. Луначарский — «Идеи в масках». М.: «Заря», 1912, тираж — 2000. Сборник драматических миниатюр («Вавилонская палочка», «Три путника и Оно», «Король-художник», «Юный Леонардо») и отдельных рассказов.

Мих. Тихоплесец [М.А.Логинов] — «Звенья. Рассказы». М.: изд. Товарищеского кружка «Родник», 1912, тираж — 1000. Горький писал автору книги, писателю-самоучке 8 (21) марта 1912 г.: «Меня очень радует и трогает каждый раз, когда люди “трудовой жизни”, подобные Вам, не теряют веры в себя и людей и тратят все силы души на работу освобождения ближних из мрака и горя» (Письма. Т. 9, с. 278).

В издательстве «Прометей» (СПб.) вышли три тома сочинений Иванова-Разумника (т. I. «Литература и общественность», 1911; т. II. «Творчество и критика», 1911; т. III. «Великие искания», 1912), тираж каждого тома — 4000.

Вл.П.Кранихфельд — «В мире идей и образов», т. 1. СПб.: «Просвещение», 1912, тираж — 2300. В книгу вошли опубликованные в периодике предшествующих лет обзоры текущей русской литературы, портреты писателей. Трехтомное издание завершилось в 1917 г.

Уничжительный отзыв на эту книгу социологически ориентированного критика был помещен в «Аполлоне» (Петр Наумов, 1912, № 3–4).

«Памяти К.Н.Леонтьева. Литературный сборник». СПб.: тип. «Сириус», 1911, тираж — 600. К 20-летию со дня смерти. В книгу вошли статьи В.В.Розанова, митрополита Антония, Б.В.Никольского и др.

М. Гершензон — «Образы прошлого (А.С.Пушкин, П.В.Киреевский, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, Н.П.Огарев)». М.: «Окто», 1912, тираж — 3000.

О значении этой книги (наряду с другими книгами Гершензона) писал А. Горнфельд: «Отвергая — при нынешнем состоянии науки — самую возможность систематического построения истории литературы, Гершензон дал в области отстаиваемого им монографического изучения литературы и общественности ряд ценных трудов, в основу которых в значительной степени положены самостоятельно добытые новые материалы» (Новый энциклопедический словарь. Т. 13. СПб., 1913, с. 345).

Анри Бергсон — «Материя и память. Исследование об отношении тела к духу». Пер. с франц. СПб.: «Общ. Польза», 1911, тираж — 2000.

З. Фрейд — «Психология сна». Пер. с нем. М., 1912, тираж — 2000.

Декабрь

«Посмертные художественные произведения Л.Н.Толстого», т. II. Под редакцией В.Г.Черткова. М., 1912*, тираж — 10000. («И свет во тьме светит», «Тихон и Маланья», «Идиллия», «Отец Сергей» и др.).

Сосредоточившись прежде всего на «Отце Сергии», Л. Гуревич так оценивает второй том: он «волнует не меньше, чем первый, но... общий характер его иной, и если некоторые его страницы вновь показывают нам Толстого как гениального художника... то большинство вошедших сюда вещей, с художественной стороны слишком недоработанных, приоткрывают нам зато внутреннюю жизнь великого человека и пророка в том, что было в ней самого интимного и трагического» (Р. Мысль, 1912, № 1). В «несомненной автобиографичности» усматривает, в частности, «интерес нового тома» и О.В. [О.А.Волькенштейн] («Речь», 5 дек.). Ю. Айхенвальд восторженно отозвался о рассказах «Отец Сергей», «Тихон и Маланья»: они «так ярко подтверждают главную черту художника Толстого — его органическую преданность всему стихийному, его послушание земле, верноподданничество природе и народу». По поводу пьесы «И

* Неопубликованные ранее произведения Толстого во множестве выходили в это время и в других изданиях.

свет во тьме светит»: «читатель выносит бесспорное убеждение, что самый бедный образ — Сарынцов, который «должен олицетворять собою толстовские идеи. Толстому не удался Толстой» («Речь», 14 дек.). Отмечая описательное и психологическое мастерство автора «Отца Сергия», М. Кузмин вместе с тем полагает, что этот психологизм «лишает повествование того эпического и убедительного характера», который придает ««Фальшивому купону» вид настоящего современного чтения из «Пролога»»; к тому же «мораль, которую можно почерпнуть из этой повести, достаточно известна всем, кто знаком, хотя бы отчасти, с доктриною Л. Толстого» (Апол., 1912, № 2). Статья С. Булгакова «Человекобог и человекозверь» о «Дьяволе» и «Отце Сергии», высочайшим образом оценивающая их художественные достоинства, сосредоточена на Толстом — «богослове», «моралисте», проповеднике противоцерковного учения, порождающего «ужас жизни и ужас пред жизнью» — «истинную тему этих рассказов». Сближая их автора с В. Розановым в отношении «к полу и к женщине» («в чем Толстой видит грех и падение, Розанов усматривает благо и норму; но эротический материализм... в понимании природы любви у них одинаковый»), Булгаков противопоставляет вере в «поправленное» учение Христа у Толстого веру Достоевского в «живого Христа» (Вопр. Фил. и Псих., 1912, кн. II (112), март-апр.).

В Петербурге выходит первый номер «ежемесячного общественно-политического и литературного журнала марксистского направления» — «Просвещение». Художественно-литературный отдел редактировал М. Горький. В журнале сотрудничали: В. И. Ленин, М. А. Савельев, М. С. Ольминский, А. И. Елизарова, Н. К. Крупская, В. В. Воронский, Демьян Бедный и др.

М. Горький — «Сказка девятая [XI из «Сказок об Италии»]» (Путь, № 2).

14 (27) декабря Горький писал Е. П. Пешковой: «Пишу «сказки», Бунин очень хвалит и Коцубинский, а я им верю, оба — люди со вкусом. Написал уже 14, будет 25, вероятно» (Письма. Т. 9, с. 205). В двадцатых числах декабря, посылая в «Звезду» «Сказки», Горький писал членам редакции: «Буду всячески помогать «Звезде», она становится все более интересной, живой и «пролетарской», как мне кажется» (Письма. Т. 9, с. 213).

В «Запросах жизни» (№ 11) публикуется первая статья из цикла М. Горького — «Издадека». Статья направлена против «зоологического национализма», содержит призыв к «общеем-

перской организации культурных сил», необходимой «с точки зрения самозащиты литературы» от «проповеди социального индифферентизма и призывов к смерти», стремления «отмежеваться от философии борьбы».

В.Г.Короленко — «Истязательская оргия» («Речь», 18 дек.). Посвящена жестоким порядкам в Псковской центральной каторжной тюрьме. 24 декабря В.Г.Короленко опубликовал в «Речи» «полемическую заметку» «О “России” и о революции», направленную против выступления «официозной газеты» «Россия» по поводу статьи «Истязательская оргия»: газета проявила «излишество охранительного усердия», сравнив протест против жестокости тюремщиков с «революционной прокламацией».

А.И.Куприн — «Исполины» (Од. Нов., 25 дек.). С примечанием от редакции: «Впервые публикуется новый рассказ А.И.Куприна “Исполины”». Рассказ, окрашенный в тона политической сатиры, был написан в 1907 г., но не мог быть тогда напечатан.

Леонид Андреев — рассказы «Цветок под ногою» (Нов. Жизнь, № 13) и «Сказочки не совсем для детей: “Орешек”, “Негодяй”, “Фальшивый рубль и добрый дядя”» («Речь», 25 дек.).

Ив. Бунин — рассказы «Смерть Моисея» [«Смерть пророка»] (Р. Сл., 28 дек.) и «Сверчок» (Всеобщий ежемесячник, № 12).

С.Сергеев-Ценский — «Неторопливое солнце» (Совр. Мир, № 12).

Для Чуковского этот рассказ — свидетельство новых веяний в творчестве писателя: «От недавнего своего вульгарного иллюзионизма, от <...> крайней импрессионистской манеры он не то чтобы отказался, но как-то сочетал ее с самым подлинным старозаветным реализмом, он обрел какой-то новый синтез этих двух мироощущений, и до чего этот синтез гармоничен у него и плодотворен...» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г., с. 439).

Б. Зайцев — «Изгнание» (Вест. Евр., № 12).

Е. Колтоновская посвящает рассказу статью «В русской стихии»: «Переживания русского искателя, весь пройденный им моральный путь — переданы автором с большой чуткостью и последовательностью» («Речь», 19 дек.). К.Чуковский увидел в рассказе «поэтическое примирение со всякой судьбою, какая к

тебе ни придет... И какая таится для многих услада, какая странная радость именно в этой обреченности!» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г., с. 435).

Завершилась публикация романа А.В.Амфитеатрова «Закат старого века» (Совр., №№ 1-3, 7-12) — очередного тома романной хроники «Концы и начала. Хроника 1880-1910 гг.», начатой романами «Восьмидесятники» и «Девятидесятники».

Завершилась публикация наиболее крупного сочинения В.В.Муйжеля — деревенской хроники «Год» (Р. Бог., №№ 1-12).

Член редакции «Русского богатства» П.Ф.Якубович, познакомившись с началом «Года», сообщал автору 15 января мнение А.Г.Горнфельда: «скучновато», но «густосодержательно. Быт, но в каких-то новых, своеобразных и потому интересных чертах и красках!» (РГАЛИ, ф. 328, оп. 1, ед. хр. 59). С.С.Кондурушкин писал Горькому 30 января 1912 г.: «В рукоблудии Муйжеля, в его многоверстных писаниях попадаются редкие художественные страницы, но это тогда, когда дело касается внешних сторон быта. В изображении внутреннего мира он весь ложнозначителен» (ЛН, т. 95, с. 978).

В. Брюсов — «Алтарь Победы. Повесть IV века». Из истории древнего Рима (Р. Мысль, №№ 11, 12). Начало публикации романа.

А. Белый — статья «Об идейном искусстве и “презрительном Терсите”» (Р. Мысль, № 12). Направлена против «тенденциозной критики» — «ужаса нашего времени»: «тенденциозная критика искони отвергала радугу красок искусства, радуга красок, по ее мнению, заслоняла идейный свет». Лозунг «искусство для искусства» был «в сущности репликой Терситу, обрывающему крылья бабочкам».

Статья вызвала полемический отклик Е. Придворова (Д. Бедного): «в пору наибольшего единения печального бесправия с диким произволом..., снова и снова в русской литературе выдвигается — под тем или иным флагом — один и тот же лозунг: искусство для искусства» («Их лозунги», «Звезда», 1912, 12 февр.).

Е. Кускова — статья «Еще о “раненых”» (Р. Вед., 17 дек.).

Усматривая в современной российской жизни «безыдейность, растерянность, безверие», автор связывает это с отсутствием у молодежи «социально-политических интересов»: «По анкете 1904 г. студенчество больше всего читало книг по общественным

вопросам, теперь же наибольшее внимание привлекают “Санин”, сборники “Знания”, “Шиповник” и пр.»; «одноэстетическое самообразование <...> не может <...> привязать к жизни. Не пора ли перестать быть послушными игрушками модных течений?»

3 декабря на заседании Общества ревнителей художественной словесности отмечалась вторая годовщина смерти И. Анненского, исполнившаяся 30 ноября: «Председатель, Вячеслав Иванов, выявив особенности Анненского как “критика отражений”, указал на глубокую связь его с исконными преданиями русской словесности и особенно с Достоевским. Н. С. Гумилев и О. Мандельштам высказывались о значении поэта для современной лирики» (В. Чудовский, Рус. худ. лет., № 20, дек.).

10 декабря умер писатель-народник Н. Н. Златовратский. «Русское богатство» (№ 12) откликнулось статьей А. В. Пешехонова «На свежую могилу старого народника»: «Розовая дымка» идеализации отличала Златовратского, но после пережитого нами недавно «общего подъема духа в целом народе» следует задуматься: не была ли в этой идеализации «если не сама правда, то ее предчувствие». «В смысле стойкости взглядов, в смысле цельности характера его личность представляет высокую нравственную ценность в наши дни, когда из всех ценностей едва ли не моральные в наибольшем загоне» (И. Ильинский [И. Д. Брук?]). Памяти старого народника. Совр., № 12).

10 декабря в петербургском ресторане «Вена» — «первые по времени выборы “короля поэтов”», в которых «принимали участие супруги Кузьмины-Караваевы, Мандельштам, Василий Гиппиус и я. После того, как в первый раз голоса разделились (были поданы два за Федора Сологуба, два за Блока, — а пятый за одну поэтессу), назначили перевыборы. Пятый присоединил свой голос к сторонникам Блока» (Вл. Пяст. Встречи. М., 1997, с. 170). На открытке, в тот же день посланной Блоку (Вл. Пястом или Дм. Кузьминым-Караваевым, см. ЛН, т. 92, кн. 2, с. 209–210; Вл. Пяст. Встречи, с. 365), — шуточные стихотворные экспромты, написанные Вас. Гиппиусом, О. Мандельштамом, Е. Кузьминой-Караваевой, Вл. Пястом (Вл. Пяст. Встречи, с. 171, 365).

22 декабря (4 янв. 1912 г.) И. Бунин, находившийся на Капри, читает рассказ «Ночной разговор» в доме Горького: «Позавчера я читал его у Горького (был Коцюбинский и еще кое-кто) и теперь спокоен — рассказ имел большой успех, — хоть знаю,

что вызову большое озлобление (и опять дурацкое) — у господ критиков» (письмо Н.С.Клестову — т. 3, с. 481). 31 декабря (13 янв. 1912 г.) Бунин читает у Горького рассказ «Веселый двор». «А лучший современный писатель — Иван Бунин, скоро это станет ясно для всех, кто искренно любит литературу и русский язык!» — писал Горький И.А.Белоусову 28 декабря (10 янв. 1912 г.) (Письма. Т. 9, с. 221).

В.В.Розанову отказано сотрудничать в «Русском слове». 24 декабря А.Блок делает запись в дневнике «об “изгнании” Розанова из “Русского слова”»: «У меня при таких событиях все-таки сжимается сердце: пропасть между личным и общественным. Человека, которого Бог наградил талантом, маленьким или большим, непременно, без исключений, на известном этапе его жизни начинают поносить и преследовать — все или некоторые. Сначала вытасят, потом преследуют — сами же. Для таланта это драма, для гения — трагедия. Так должно, ничего не поделаешь, талант — обязанность, а не право. И “нововременство” даром не проходит.

Розанову Сытин платит жалованье, но просит не писать» (т. 7, с. 107–108).

9 января 1912 г. Розанов писал Б.А.Грифцову: «меня выперли из “Рус[ского] Сл[ова]” (Мережковский и Философов: аут [или] мы аут Варварин [псевдоним Розанова, под которым он печатался в «Русском слове»]). Ну, черт с ними...» (Наше наследие, 1989, № 6, с. 60).

23 декабря в Московском Художественном театре — премьера трагедии Шекспира «Гамлет» (постановка и декорации Гордона Крэга, режиссура К.С.Станиславского и Л.А.Сулержицкого, в главной роли — В.И.Качалов), демонстрировавшая новаторские сценические искания и вызвавшая большой интерес, множество разноречивых критических отзывов. О спектакле писали В.Брюсов, М.Волошин, Л.Гуревич, Н.Эфрос, А.Кугель, В.Дорошевич и мн. др.*

Декабрь 1911 г. отмечен рядом художественных выставок в Москве. Среди них:

Выставка «Мира искусства». Представлены: М.А.Врубель, В.А.Серов, А.Н.Бенуа, М.В.Добужинский, Е.Е.Лансере, М.С.Сарьян, Б.М.Кустодиев, М.К.Чурленис, С.Ю.Судейкин,

* О восприятии спектакля см. подробнее: Максимилиан Волошин. Лики творчества. Л., 1988, с. 711–712 (коммент. А.В.Лаврова).

Г.Б.Якулов, И.И.Машков, К.С.Петров-Водкин, Н.С.Гончарова, Р.Р.Фальк, М.Ф.Ларионов и другие (Р. Вед., 3 дек. и др. газ.).

IX выставка Союза русских художников — работы К.А.Коровина, М.С.Сарьяна, Д.С.Стеллецкого, И.И.Бродского и др.

XI выставка Товарищества передвижных художественных выставок — произведения И.Е.Репина, В.Д.Поленова, В.Е.Маковского, Н.П.Богданова-Бельского и др.

27 декабря в Петербурге открылся Всероссийский съезд художников, завершившийся 5 января 1912 г. В модернистском издании так оценивались отдельные выступления на открытии съезда: «И.Е. Репин, пытаясь определить “что такое искусство”, не ушел дальше общих расплывчатых определений, но сознавая, что оно “свободно”, должен был признать и “декадентство”, хотя не без кислых оговорок. Как бы в ответ на последнее, кн. С.М.Волконский в очень красивой и сильной речи» приветствовал «поколение, которое, воспитываясь в ужасной для искусства атмосфере 70-х гг., тем не менее, вызвало такой широкий современный расцвет искусства, создало современное художественное сознание» (А.Р-в [А.А. Ростиславов], «Съезд художников», Рус. худ. лет., 1912, № 1, янв.). Характеризовав съезд как «одно из тех событий», которые «отмечают собою рубеж» между новым искусством и «искусством недавнего прошлого», С.М.Волконский сказал: «Эта некрасовская гражданственность, которая такую ржавчиной въелась в горячий талант поэта и в мимолетном угождении современности лишила его заслуженного соучастия в вечном искусстве, эта самая гражданственность разедала и живопись, — она диктовала художникам, она руководила одобрением толпы» (Рус. худ. лет., № 20, дек.).

На последующих заседаниях (28, 30, 31 дек.) большой интерес, в частности, вызвали доклады Н.И.Кульбина «Новые течения искусства», С.П.Боброва «Основы новой русской живописи» и прочитанный Кульбиным доклад В.В.Кандинского «О духовном в искусстве» (Рус. худ. лет., 1912, № 1). Книга Кандинского того же названия вышла в 1911 г. в Мюнхене на немецком языке.

31 декабря в Петербурге, на Михайловской площади, открылось литературно-артистическое кабаре, подвал «Бродячая собака», на ряд лет ставшее известным пристанищем художественной интеллигенции. «Творческое беспокойство объединило небольшую группу людей искусства, в которую вошли А.Н.Толстой, художники М.В.Добужинский, Н.Н.Сапунов, С.Ю.Судей-

кин, В.А.Подгорный (в то время работавший актером в театре "Кривое зеркало"), режиссер Н.Н.Евреинов, архитектор И.А.Фомин», в инициативную девятку входили еще актер Б.К.Пронин и режиссер Н.В.Петров. Борис Пронин «обладал замечательным даром неунывающего организатора всяких творческих начинаний» (Н.В. Петров. 50 и 500. М., 1962, с. 142). «Собака» возникла «в ночь с 1911 на 1912 год на страшном темпераменте Судейкина, Сапунова и моем. Работали по ночам, стены расписывал главным образом Судейкин» (Стенограмма воспоминаний актера Б.К.Пронина. Цит. по: А.Е.Парнис, Р.Д.Тименчик. «Программы "Бродячей собаки"» // Памятники культуры: Новые открытия. 1983. Л., 1985, с. 172).

Посетители «Собаки» 31 декабря представили «квинтэссенцию артистического Петербурга»: артисты Т.П.Карсавина, М.М.Фокин, Е.В.Лопухова, В.П.Далматов, Ю.М.Юрьев, Е.П.Студенцов, Е.Н.Тиме; поэты Анна Ахматова, Н.С.Гумилев, К.Д.Бальмонт, Игорь Северянин, М.А.Кузмин, П.П.Потемкин, Саша Черный, О.Э.Мандельштам и Георгий Иванов, редактор журнала «Аполлон» Сергей Маковский (Н.В. Петров. 50 и 500, с. 145).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 16. СПб., 1911, тираж — 15000 («Сашка Жегулев» Л.Андреева, рассказ «Петушок» А.Ремизова, пьеса «Конец мессии» Ю.Жулавского, польского драматурга).

Заканчивая работу над «Сашкой Жегулевым», Л.Андреев писал Горькому 12 октября: «эта вещь — я думаю — может способствовать окончательному выяснению наших писательских товарищеских отношений» (ЛН, т. 72, с. 322). Горький отнесся к произведению отрицательно: «...написано плохо — скучно и пестро»; «хотя эта повесть и насыщена фактами русской действительности, — освещение и толкование фактов совершенно литературное» (письмо Л.Андрееву от середины (конца) декабря // Письма. Т. 9, с. 206). В письме В.Л.Львову-Рогачевскому (в связи с его статьей «Погодин и Жегулев») Горький изложил свой взгляд на «Жегулева» и на творчество Андреева в целом: «основная тенденция всей его деятельности» в «разоблащении человека»: «Человек — жертва жизни, а не строитель ее и не хозяин» (Письма. Т. 9, с. 253). А.Блок записал в дневнике 18 декабря: «Сегодня дочитал наконец этот скучный, анархический, не без самодовольства, хоть и с добрыми намереньями, плохим из рук вон языком написанный роман Андреева»; «рассказ Ремизова — до слез больной; пустяк для него, но в тысячу раз больше правды (и больше потому влияния, света), чем в Андрееве; тем больше и здесь уловить тень неправды, которая бременем легла на рус-

скую литературу» (т. 7, с. 103). «В “Сашке” ниоткуда Л. Андреев не возвращается и никуда не идет, а как сидел, так и сидит на прежнем стуле. Падения нет, но нет и подъема»; «сейчас после “Жегулева” напечатан маленький рассказ А. Ремизова “Петушок”», в котором изображено «то же время,— время революции». Но при этом «как далек Андреев от всякого проникновения в психологию русской души, *далек от народа* в его мистике, а о ней-то он хочет писать», в отличие от Ремизова, который «ближе детскостью своей; детскость вливается в сердце народное». «Оттого-то и фальшива мистика Андреева, что она “интеллигентская” у него насквозь» (Антон Крайний [З.Н. Гиппиус], Р. Мысль, 1912, № 1).

В. Львов-Рогачевский сопоставил «Сашку Жегулева» с фактами, приведенными в «обывательской» статье А. Сигова «Похождения революционного экспроприатора Савицкого». Л. Андреев «захотел поставить, как всегда, человека “на грань человеческого ужаса” и превратить фигуру Савицкого в мировой символ, а его жизнь в житие». Вместе с тем «роман этот говорит весьма красноречиво, что художник переживает новые настроения, и, что самое главное, эти новые настроения нарождаются в жизни». В драме «Царь-Голод» «мы видели каких-то горилл, а не мужиков, здесь же художник в народе предчувствует великую силу» («Погодин и Жегулев», Совр. Мир, 1912, № 1). Иного мнения К. Чуковский: «Андреев затеял написать о России, а написал все о той же Судьбе, все о том же “суровом и загадочном Роке”... Все тот же Некто в Сером вертит им и управляет, как хочет, и какое нам дело до того, что теперь этот Некто в Сером в картузе и в косоворотке и что Андреев дал ему новое прозвище: — Русский Народ» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год, с. 433). Характеризуя произведение Андреева как «романтическую, сжато (особенно в первой части) и сильно написанную повесть», М. Кузмин в то же время отмечает неправдоподобие ее романтического настроения и психологических мотивировок по отношению к исторической современности (Апол., 1912, № 1). И.Н. Игнатов сомневается, «следовало ли “Сашку Жегулева” избрать темой реального романа... Если темны изгибы страдающей души Саши, если нас захватывает только неопределённая боль его, только мучительное настроение, то, может быть, внешняя близость к действительности только мешает автору» (И., Р. Вед., 10 дек.). А.Е. Редько (А.М. и Е.И. Редько) считает «недоразумением» мнение о том, что роман написан «в былой реалистической манере Л. Андреева»: «В действительности, “Сашка

* «Исторический вестник», 1911, декабрь.

Жегулев” трудно разделимый на составные части сплав реалистического, мистики и символизма... То, что было психологической загадкой до появления повести Л. Андреева, остается такой же загадкой и после ее появления, несмотря на огромную затрату творческого возбуждения, внесенного автором в свою повесть» (Р. Бог., 1912, № 1). Ю. Айхенвальд, отмечая, что сюжет романа «взят из реальной жизни», вопрошает: «Превратить быль в небыллицу — может ли выпасть художнику горшая участь? Ведь назначение его как раз противоположное» («Речь», 1912, 8 янв.). В. Буренин высмеял роман в пародии «Стенька Кистень или Гимназист-разбойник (лубочно-красный роман в двух частях)» (Граф Алексис Жасминов, Н. Вр., 1912, 27 янв., 3 февр., 7 февр.).

XXXVII сборник «Знания». СПб., 1911, тираж — 5500 («Матвей Кожемякин», ч. IV [«Жизнь Матвея Кожемякина»] М. Горького, рассказы «Село Микульское» Ив. Касаткина и «Кузь и Грыцунь» В. Винниченко, стихи А. Черемнова, Ив. Воронова).

Г. В. Плеханов писал Горькому, что в «Кожемякине» «изображен мастерскою рукою» процесс исторического «брожения» в русской действительности (Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, с. 756–757). Н. Геккер увидел в «Матвее Кожемякине» отражение глубокого общественного процесса: «Старая Россия <...> уступает напору новых понятий и стремлений. Молодая Россия еще не совсем сознала себя и часто сбивается вкривь и вкось, но она уже на новом пути» (Од. Нов., 1912, 1 янв.). К. Чуковский в статье «Русская литература в 1911 г.» писал о Горьком: «И в романе (“Матвей Кожемякин”), и в статье [“О писателях-самоучках”]... и в рассказах (“Жалобы”...), о чем бы он ни заговорил, — о народных писателях или о японской войне, — он неминуемо сведет на свое: Фатализм — недуг, зараза. Некто в Сером — вот где наш враг» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г., с. 438).

Аркадий Аверченко — «Круги по воде. Рассказы». СПб.: изд. М. Г. Корнфельда, 1912, тираж — 10000.

Выходит первое собрание сочинений С. Я. Елпатьевского в 3-х томах. СПб.: «Общественная польза», 1911, тираж — 3000.

Выходит «Первое полное собрание сочинений» Н. А. Добролюбова. Под ред. М. К. Лемке. Тт. 1–4. СПб.: изд. А. С. Панафиной, 1911–1912, тираж — 5200.

В.В.Розанов — «Библейская поэзия». СПб.: тип. А.С.Суворина, тираж — 1550.

Е.А.Колтоновская — «Критические этюды». СПб.: «Просвещение», 1912, тираж — 2300.

В книге собраны публиковавшиеся в периодике статьи и рецензии, посвященные литературному движению в России начала XX века. Рецензент «Аполлона» (1912, № 2) Петр Наумов в отзыве на эту и предшествующую книгу Колтоновской («Новая жизнь. Критические статьи». СПб., 1910) критикует «попытку эклектического примирения» «писателей новой школы» с «омертвелой рутинной эпигонов русского реализма», с «дорогими сердцу г-жи Колтоновской» литераторами «общественного» направления: нельзя сочетать «деревянного Вересаева и лирика Божьей милостью Зайцева», «беспощадно скучную Дмитриеву и поражающего классической сдержанностью Брюсова, и едва ли можно допустить, что творчество Ремизова и Сергеева-Ценского идет по руслу, положенному... Купринным».

В течение года А.Блок интенсивно работает над поэмой «Возмездие». В «Предисловии» к ней (июль 1919 г.) он писал: «Поэма “Возмездие” была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году» (А.А.Блок. ПСС, т. 5, с. 48). На протяжении года автор неоднократно читал раннюю редакцию поэмы друзьям и знакомым, в том числе, на одном из собраний на башне Вяч. Иванова (там же, с. 397—398). «Вспоминая твое чтение, все больше радуюсь, что ты пишешь такую хорошую вещь», — писал Блоку С.Городецкий 27 марта (там же, с. 52).

В самом конце 1911 г. возникает книгоиздательство К.Ф.Некрасова (Москва—Ярославль), с которым сотрудничали В.Брюсов, К.Бальмонт, А.Блок, А.Белый, П.Муратов, Б.Зайцев и др.

Итоги литературного года

К.Чуковский в обзоре «Русская литература в 1911 году» выделяет произведения, проповедующие «рабий фатализм», воспеваящие «жертвенность и обреченность»: «Сашка Жегулев» Л.Андреева, «У последней черты» Арцыбашева, «Проклятый род» Рукавишников, «Изгнание» Б.Зайцева и др. Однако «это чувство жертвенности и обреченности, охватившее теперь литературу нашу, уже явно уходит от нас! В наших книгах оно еще есть, но

наши сердца от него далеки». «Максим Горький как будто целью своею поставил теперь вытравить из современных книг и душ эту проклятую болезнь». Характерная особенность года — в том, что «ото всякого модернизма отошел, отхлынул читатель». Указывает на И. Бунина, А. Толстого, А. Белого, «неожиданно сказавших о России глубокое, значительное слово», а также и на то, что «старозаветный реализм неожиданно обнаружил, сколько таится в нем еще неистраченных сил»: Иван Шмелев написал «совершенно по-старинному прекрасную, волнующую повесть» — «Человек из ресторана» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г., с. 434, 435, 437–438, 432, 441).

О кризисе модернизма писали и другие критики: «Несомненно продолжается начавшееся в последние два года понижение интереса к кричащему модернизму» (Н. Коробка, Запр. Ж., 1912, № 9). «Настроение “отрезвления”, начавшееся уже с год назад, преобладало в истекшем году. Имена Кузмина и Каменского, стилизаторов (Ауслендера), поэтов нового настроения, Блока, Вяч. Иванова — заметно отстранились в тень». «Реальная хватка жизни объясняет продолжительный успех Куприна у читателей. Из молодых она выдвинула гр. А. Н. Толстого». «...Обзор литературы за истекший год возглавляется именем, с которого мог начать критик свой обзор 1852 года (два посмертных тома Толстого). В историю литературы 1911 год отходит с этим выигрышным нотебене» (А. Измайлов, Р. Сл., 1912, 1 янв.). Н. Геккер считает, что «литература не обогатилась ни одним восходящим именем, ни новым произведением, делающим эпоху, незыблемым в веках»; «весь этот год был сплошной поминкой по умершем великане нашей литературы» — Льве Толстом (Од. Нов., 1912, 1 янв.).

1912 год

Январь

Д.Мережковский — «Чего пожелать русским писателям в 1912 году» («Речь», 1 янв.).

2 января А.Блок записал в дневнике: «Вчерашнее воззвание Мережковского — очень высоко и очень больно. Он призывает к общественной совести, тогда как у многих из нас и личная совесть не ожила» (т. 7, с. 118).

Ив. Бунин — «Хорошая жизнь» (Совр. Мир, № 1).

Основное впечатление от рассказа: «Зверство и зверство», «нравственный идиотизм, отупелость чувств» (И.Игнатов, Р. Вед., 1 февр.). Это скорее материал для «трагедии жизни», чем для «комедии быта» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 14 февр.).

Л.Андреев — «Правила добра» (Р. Сл., 1, 3, 4 янв.).

В № 1 «Ежемесячного журнала» (ред.-изд. В.С.Миролюбов) помещены рассказы: А.Ремизова «Весеннее порошье», Е.Замятина «Непутевый», Г.Гребенщикова «Лесные короли», С.Подъячева «Свое взяли», К.Тренева «В станице» и др., стихи Ив.Бунина, Н.Клюева и др.

В объявлении о подписке на 1912 г. журнал «Современный мир» (ред. В.П.Кранихфельд, изд. М.К.Иорданская, постоянные сотрудники: Н.И.Иорданский, Е.А.Ляцкий, В.Л.Львов-Рогачевский, А.А.Яблоновский и др.) подчеркивает свой «последовательный политический и социальный демократизм».

Ф.Крюков — рассказ «Сеть мирская» (Р. Бог., № 1). Герой — монах обители Сергия-Троицы в Вифании.

В.А.Мякотин писал В.Г.Короленко из Двинской крепости 12 февраля: «Крюков своею “Сетью мирскою” прямо очаровал меня, дав испытать большое наслаждение» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 30, ед. 34).

7 января Иванов-Разумник запрашивает Горького в связи с планом издания нового журнала, совместно с В.М.Черновым и В.С.Миролюбовым: «Приемлемо ли для Вас близкое участие в журнале, литературно-критическая часть которого будет продолжением и развитием взглядов моих последних книг — особенно “Литературы и общественности” и “Творчества и критики”». 13 января Горький отвечает: «Ваш “имманентный субъективизм” мне кажется типичным русским индивидуализмом, а он... лишен внутренней свободы... Вы скажете — марксизм! Да, но марксизм не по Марксу, а потому, что так выдублена кожа... Русская интеллигенция... наиболее поучительна со стороны своей духовной шаткости. Видите, как мы с Вами расходимся. В литературных оценках и вкусах тоже непримиримо разойдемся». 13 января Горький написал Чернову и Миролюбову: «...слишком густое подчеркивание мысли о “потенциальном мешанстве социализма”... не вызывает у меня уважения к мудрости г. Иванова как историка общественных течений. От сотрудничества с ним отказываюсь...» Однако 22 апреля Горький писал Миролюбову: «Мне кажется, что Разумник Васильевич в “Заветах” — выигрыш делу» (Письма. Т. 9, с. 23. Т. 10, с. 21).

М.Шагинян — «Литературный дневник. Петля повешенного» (Приаз. Кр., 8 янв.). «Сатирикон» подобрал кусочек веревки, по преданию приносящий счастье, эта петля была «накинута на шею долготерпеливой и святой подвижницы литературы русской». «Унынием, безвкусицей... веет от всех дружеских увеселений “Сатирикона”», от «кислого-прекислого поэта» Саши Черного, выделяются лишь «прелестные рассказы Тэффи».

В особом примечании редакция оговаривалась, что считает отзыв М.Шагинян слишком суровым, но показательным для вновь пробуждающегося общественного настроения.

7 января Горький пишет редактору «Вестника Европы» Д.Н.Овсяннику-Куликовскому о необходимости объединения литераторов: «...за эту задачу надо бы взяться вам... старейшему журналу великорусскому, наиболее глубоко понимающему значение культуры, наименее партийному». 13 января в письме к И.Д.Сургучеву Горький высказал суждение о критике «Московских ведомостей» А.И.Введенском: «Басаргин — умная голова. Он меня весьма не любит, но — я думаю, это в нем сословное и предрассудок. А вообще он — значительно умнее всех газетных критиков, типа Измайлова, и старую литературу знает прекрасно, не им чета!». 16 января Горький писал В.П.Кранихфельду о Достоевском: «это его “философию” питается современная ре-

акция в сторону индивидуализма и нигилизма, именно на ней базируется весь “внутренний враг” демократии; пришла пора выступить против Достоевщины на всех ее пунктах... Считая себя социалистами и демократами, вы очень мало внимания обращаете именно на демократию, на те настроения, которыми она живет... Вы ведете журнал [“Современный Мир”] холодно, лениво и небрежно; в нем не чувствуется единства и ясного сознания целей...» (Письма. Т. 9, с. 229, 240, 243–244).

25 января А.Блок писал Андрею Белому: «Вы сейчас обсуждаете журнал [“Труды и дни”]. Я менее, чем когда-либо, подготовлен к журналу. Быть сотрудником, прислать статью я могу. Но я *один*, измучен и особенно боюсь *трио* (с В.Ивановым)» (т. 8, с. 383).

26 января Иванов-Разумник пишет А.М.Ремизову: «Был я прошлый четверг в “Русск. Богатстве”, с Короленко знакомился. Рад был пожать его руку и поговорить с ним. Говорили много, между прочим и о Вас, о “Петушке”. Если интересно – расскажу; впрочем, Вы заранее знаете, что ничего хорошего о Вас Короленко сказать не мог. Не нравится ему очень» (РНБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 115).

28 января в Обществе ревнителей художественного слова в Петербурге Андрей Белый ознакомил собравшихся с работами по исследованию пятистопного ямба, которыми занимается московский ритмический кружок, используя статистический метод, изобретенный докладчиком (Тр. и Дн., № 2, с. 24–26).

Художественные выставки «Мира искусства», «Бубнового валета», «Союза молодежи». Первое впечатление от «Мира искусства» — «как они все поправили», недаром «Союз молодежи» называет их «передвижниками». Для «приправы» выставлен «Парикмахер» М.Ларионова, «повторение безграмотных вывесок» (Н.Брешко-Брешковский, Бирж. Вед., 30 янв., веч. вып.). «Старинная» простота «Мира искусства» выделяется среди «сложных продуктов» новой живописи (А.Ростиславов, «Речь», 30 янв.). Старая гвардия «пресловутого» «Бубнового валета» все дальше уходит в своих поисках от здравого смысла. «Приятное впечатление» производят пейзажи А.В.Куприна, если бы не «нарочито грубые и неаккуратные мазки». Сквозь «напускную неграмотность» живописи вывесок у Р.Фалька «сквозит настоящее дарование» (Серг.Мамонтов, Р. Сл., 26 янв.). «Союз молодежи» демонстрирует серьезные попытки «крайнего левого искусства»

в области цвета; выдаются работы московских художников с эпатирующим названием «Ослиный хвост» (Н.Гончарова, М.Ларионов, В.Татлин и др.), менее цельна петербургская группа (И.Машков, А.Куприн и др.) (А.Ростиславов, «Речь», 24 янв.).

В.Брюсов — «Александр Блок» (Р. Мысль, № 1). «Борьба двух начал, божественного и демонического, остается в поэзии А.Блока неразрешимой», от «всеобъемлющих концепций» он перешел «к темам более узким, но более конкретным».

13 января А.Блок записал в дневнике: «Печальная, холодная, верная — и всем этим трогательная — заметка Брюсова обо мне» (т. 7, с. 122).

С январской книжки влияние Брюсова на критический отдел «Русской мысли» окончательно легализовано и приняло характер широкого академизма: «нет горячности определений, нет пафоса, нет пылкого отстаивания, грозящего перейти в нетерпимость» (М.Шагинян, «Академический журнал», Приаз. Кр., 4 февр.).

Я.Тугендхольд — «Памяти Серова» (Совр. Мир, № 1). «Он никогда не был “передвижником”... не был “стилистом” в духе “Мира искусства”. Для первого он слишком большой художник, для второго — слишком русский человек».

«Посмертные художественные произведения Л.Н.Толстого», т. III. Под редакцией В.Г.Черткова. М., 1912 («Хаджи-Мурат», «Записки сумасшедшего», «Ходынка», «Две различные версии истории улья», «Нечаянно» и др.), тираж — 35000.

Во всех произведениях, опубликованных посмертно, «стремление разубить грешные узлы жизни уходом или топором». Само издание крайне неудовлетворительно из-за огромного количества редакторских изъятий, сделанных по цензурным соображениям (В.Кранихфельд, Совр. Мир, № 2).

«О религии Льва Толстого». Сб. 2-й. М.: «Путь», 1912, тираж — 3000. (Статьи С.Н.Булгакова «Л.Н.Толстой», В.В.Зеньковского «Проблема бессмертия у Л.Н.Толстого», Евг. Трубецкого «Спор Толстого и Соловьева о государстве», В.И.Экземплярского «Гр. Л.Н.Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых», Андрея Белого «Лев Толстой и культура», Н.А.Бердяева «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л.Толстого», А.С.Волжского [Глинки] «Около Чуда», Вл.Эрна «Толстой против Толстого»). В предид-

словии «От издательства» объявлялось, что «именно в борьбе с толстовством как религиозною доктриной, и выражается наше почитание Толстого», ибо выяснение «ограниченности», «противохристианского ее устремления» служит толстовской «великой задаче религиозного просвещения современного общества».

Вышел первый том шеститомного собрания «Писем А.П.Чехова», тираж — 5000 (изд. М.П.Чеховой, М.: Кн-во писателей, 1912–1916).

А.Дерман выражал уверенность, что это издание заставит отказать от многих ходячих представлений о писателе, в частности, «задуматься: так ли уж целиком не права была старая критика с Михайловским во главе» в оценке ранних произведений Чехова, когда он сам не относился еще «серьезно к своему дарованию» (Зав., № 3). Чехов был «сыном таганрогского лавочника», но его ранние письма не дают материала для «аристократического презрения». «Интересен намечающийся в них медленный переход к общественно-политическому мировоззрению» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 4, Нов. Кн.). Еще важнее для понимания личности и творчества Чехова 2-й том (1888–1889); это «талант удивительно сознательный», «превосходный преподаватель писательского мастерства» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1913, № 1, Нов. Кн.). О 3-м томе (1890–1891): «Он рос художественно, рос идейно и каждая книга его писем полна свидетельств об этом»; пафос культуры, воспитанный не гуманитарными, а естественными науками ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1913, № 5, Нов. Кн.). О 4-м томе (1892–1896): «Образец эпистолярной литературы»; сходство самоупреков в письмах к А.С.Суворину с упреком Н.К.Михайловского «в отсутствии идеалистического пафоса» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1914, № 1, Нов. Кн.). О 5-м томе (1897–1899), в связи с делом Дрейфуса и «Новым временем»: «Не либерал столкнулся с консерватором, не филосемит с антисемитом, а честный человек с мошенниками». «Его пафосом была не любовь к людям, но справедливость в отношении к ним» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., 1915, № 3, Нов. Кн.).

А.Блок — «Собрание стихотворений, кн. 2-я. Нечаянная радость (1904–1906)». М.: «Мусaget», 1912, тираж — 1300.

«Во второй книге Блок как будто впервые оглянулся на окружающий его мир вещей и, оглянувшись, обрадовался несказанно... но это было началом трагедии» (Н.Гумилев, Апол., № 8, с. 60–61).

К.Бальмонт — «Зарево зорь». М.: «Гриф», 1912, тираж — 1300.

Хотя Бальмонт и сказал о себе: «Я не устану быть живым» — в «Зареве зорь» мало нового, однако «красивых и музыкальных стихотворений... гораздо больше, чем в его последних 3—4 сборниках» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 7). «В своих последних книгах К. Бальмонт находится в том же кругу переживаний, что десять лет тому назад... "Зарево зорь" выгодно выделяется среди его последних книг отсутствием мудрствованья как в стихе, так и в переживаниях и радуется прежним зорким вниманием к природе» ([Н. С. Гумилев], Гиперб., № 1, окт.). После «мудреных мексиканских и т. п. книг Бальмонт опять запел по-былому», как птица («...В зареве зорном мерцающих снов») (С. Адрианов, Вест. Евр., № 3, с. 338). Хотя Бальмонт «самый дальностранствующий из всех русских поэтов», «тот знак, которым однажды отметила Бальмонта "безглагольная" русская природа, никогда не сотрется из его сердца...» (М. Волошин, «Зарево зорь», Утро Рос., 11 марта). В «красивых стихах» Бальмонт повторяет себя, «заставляя думать о вечной юности» поэта (Вл. Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914).

М. Пришвин — «Рассказы», т. I. СПб.: «Знание», 1911, тираж — 2200.

«Среди множества тусклых, ненужных книг свежий и интересный сборник»; чувствуется пренебрежение автора к «культурному человеку» и интерес к земле, к «стихийным душам», в глубине которых живет уверенность, что «в мире все хорошо, все мудро и ничего нет случайного», то есть «полуфаталистический оптимизм». Влияние модернистской школы сказывается в тесном переплетении объективного и субъективного, «образов с мечтами, были и вымысла» (Е. Колтоновская, «Этнограф-поэт», «Речь», 13 февр.). В этой «удивительной» книге — «правда и жизнь, не придуманная, не отвлеченная, а настоящая, бесспорная, самодовлеющая. И, окунувшись в эти переживания, иным оком глядит человек на мир, умудренным и умиротворенным» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 4). Для Пришвина особенно характерна «бессодержательность», при «обычной яркости и образности языка»; все писатели делятся на «природных» и «народных», на горьких и сладких, Пришвин — сладкий (Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], Р. Мысль, № 5).

Георгий Иванов — «Отплытие на о. Цитеру. Поэзы. Книга первая». СПб.: «Его», 1912, тираж — 300. Вышла в издательстве эго-футуристов при содействии И. Северянина.

Л. [М. Л. Лозинский] отмечал «замечательную для начинающего поэта уверенность стиха, власть над ритмами» и «способ-

ность к скульптурно-красочной передаче зрительных восприятий» (Гиперб., № 3). Гумилев указал на зависимость тематики от поэзии Кузмина: «Те же редкие переходы от “прекрасной ясности” и насмешливой нежности восемнадцатого века к восторженно-звонким стихам-молитвам». Выделил утонченный стих, «безусловный вкус» и «грациозную “глуповатость”, в той мере, в какой ее требовал Пушкин» (Апол., № 3—4). Брюсов отметил влияние Кузмина и отнес к «малым сим» «поэзии сегодняшнего дня», которые трудятся над выработкой «нового русского стиха» (Р. Мысль, № 7).

И.Эренбург — «Одуванчики. Стихи», Париж, 1912.

Это третий сборничек автора, и «какая разница с первыми двумя, где так много монастырей и нежных маркиз с маркизами, и Ботичелли, и священников в “усталых кружевах”... И вдруг — одуванчики, желтые одуванчики с родных полей... Сердце автора неуклонно обращается к родине...» (Б.Залесский, Зав., № 2, май). В.Брюсов отнес сборник к неудачам автора, найдя, однако, в нем «немало милых стихов, определено в пушкинском духе» (Р. Мысль, № 7). «Острая парижская тоска растворяется в безнадежной “левитановской” влюбленности в русскую природу» (О.М. [О.Э.Мандельштам], Гиперб., № 3, дек., с. 30). «Гораздо менее претенциозен», чем прежние стихи (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914, с. 209). В «небольших задушевных лирических пьесах нельзя найти фальшивой романтики» прежних стихов; многое воспринял от «французского интимиста» Фр.Жамма (Н.Венгров, Совр., 1914, № 13—15, Нов. Кн.).

Д.В.Философов — «Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы». М.: изд. И.Д.Сытина, 1912, тираж — 3000.

Февраль

Л.Н.Толстой — «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» (1905) (Р. Бог., № 2), с примечаниями В.Г.Черткова и статьей В.Г.Короленко «Герой повести Л.Н.Толстого». 25 февраля Главное Управление по делам печати наложило арест на этот номер; 20 марта, за исключением 16 строк, повесть Толстого была разрешена, но книжка журнала еще надолго застряла в различных учреждениях, а против редактора В.Г.Короленко было возбуждено судебное дело (Р. Бог., №№ 4 и 12).

«Разве те, кто посягает на Льва Толстого, поймут, что перед именем Короленка с почтением обнажает голову всякий, в ком еще не потухло окончательно уважение к человеку и человечности» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 4).

27 ноября С.-Петербургская судебная палата рассматривала дело и оправдала Короленку, защиту вел О.О.Грузенберг (Р. Сл., «Речь», 28 ноября). «В “Речи”... — писал Короленку родным 28 ноября,— найдете почти полный текст моей речи. ...Ходили легенды о каком-то особенном недоброжелательстве ко мне суда и т.д. Я этому, положим, не верил и ранее, а теперь убедился, что этого решительно нет... Прокурор в свою обвинительную речь вставил даже несколько любезных слов по адресу Короленка как художника» («Согласие», 1994, № 1, с. 192).

М.Горький — «Сказки» [из «Сказок об Италии»] (XIV — «Звезда», 2 февр.; XVI — Запр. Ж., № 5, 4 февр.; X — «Путь», № 4).

В феврале В.И.Ленин пишет Горькому: «Хорошо бы иметь революционную прокламацию в типе “Сказок” “Звезды”. Очень и очень рад, что Вы помогаете “Звезде”» (т. 48, с. 47).

Д.Айзман — рассказ «Душные дни» (Совр. Мир, № 2). Слепой еврей-нищий мечтает о рождении сына-революционера.

Иванов-Разумник — «О Куприне» (в связи с 7-ю томами выходящего в Моск. кн-ве собр. соч.) (Р. Вед., 19 февр.). «Талант не очень крупный», «беспомощный в широких замыслах». «Прекрасные вещи» («Мирное житие», «Река жизни», «Гамбринус», «Листригоны») соседствуют с «безвкусной стилизацией» («Суламифь») и «офицерским анекдотом». Подражал Толстому, Чехову, Короленку, Горькому, Л.Андрееву.

2 февраля редактор «Русской мысли» П.Б.Струве написал заведовавшему литературным отделом В.Я.Брюсову о своем решении отвергнуть «Петербург» Андрея Белого как вещь «абсолютно неприемлемую»: «Мне лично жаль огорчать Белого, но я считаю, что из расположения к нему следует отговорить его от печатания подобной вещи, в которой проблески крупного таланта утоплены в море настоящей белиберды, невообразимо плохо написанной» (Лит. Арх., 1960, № 5, с. 263).

В недатированном письме В.Я.Брюсов писал П.Б.Струве: «Достоинства у романа есть бесспорные. Все же новый роман Белого есть некоторое событие в литературе, интересное само по себе, даже независимо от его абсолютных достоинств... Нако-

нец, самая оригинальная манера письма... наряду с хулиателями найдет и страстных защитников и вызовет подражания» (В. Л., 1973, № 6, с. 317–318).

26 февраля А. Блок записал в дневнике: «Новая для меня, на самом же деле ежедневно конфискуемая и от этого имеющая еще больший успех — социал-демократическая “Звезда”. Отрадно после консервативных органов — “Речи” и “Русского слова”... Все здесь ясно, просто и отчетливо (потому — талантливо) — пожалуй; иногда *слишком просто...*» (т. 7, с. 130).

Московское общество драматических писателей и оперных композиторов разделило Грибоедовскую премию между пьесами «Васса Железнова» М. Горького и «Gaudeamus» Л. Андреева («Речь», 13 февр.).

В «Нижегородском листке» (5 февр.) в заметке «Циркуляр эго-футуризма» приведена разосланная по редакциям программа «Академии эго-поэзии», подписанная «ректором» — Игорь Северянин, К. Олимпов [К. К. Фофанов], Георгий Иванов и Грааль Арельский [С. С. Петров]. Предтечами «вселенского футуризма» названы К. М. Фофанов и Мирра Лохвицкая. 12 февраля вышел первый номер газеты эго-футуристов (вернее, небольшой четырехстраничной листовки) «Петербургский глашатай», выпущенной той же группой лиц (издатель И. В. Игнатъев).

12 февраля в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея под председательством П. П. Кончаловского состоялся диспут «Бубнового валета». Н. И. Кульбин в докладе «Новое искусство как основа жизни» заявил, что современное общество переживает «золотой век живописи в лице ее представителей модернистского толка». Во втором докладе «О кубизме и других новых направлениях в живописи» Д. Д. Бурлюк утверждал, что «суть изображаемого художником должна быть совершенно безразлична для зрителя, интересовать же его может только способ или манера творчества». Затем Бурлюк продемонстрировал «образцы творчества своих товарищей по секте». «Хохот стоял такой, какого не запомнят даже выдавшие виды своды пресловутой “Летучей мыши”». Выступавший оппонентом М. Волошин в основном «поддержал зыбкие директивы референтов». После этого возникла «словесная потасовка» между художниками «Бубнового валета» и «Ослиного хвоста» (Р. Сл., 11 и 14 февр.). По воспоминаниям А. Крученых, в этом диспуте принимал участие Маяковский (Катанян, с. 58, дата — 25 февраля — дана по новому стилю).

Д.Философов писал, что Москва этой зимой пережила три увлечения: приезд Матисса, кубизм, теперь входит в моду футуризм, призывающий к забвению прошлого («Культура и варварство», Р. Сл., 14 февр.).

18 февраля заседание Общества ревнителей художественного слова в Петербурге посвящено чтению и обсуждению докладов Вяч.Иванова и Андрея Белого о символизме [помещены в «Трудах и днях», № 1, вышел в марте]. В прениях принимали участие В.А.Пяст, В.А.Чудовский, С.М.Городецкий, Н.С.Гумилев. Двое последних заявили о своем отрицательном отношении к символизму (Тр. и Дн., № 2, с. 26–27).

А.Горнфельд — «О толковании художественных произведений» (Р. Бог., № 2). Раньше в произведении искали идею, чтобы исчерпать содержание «в форме единой абстракции». А.А.Потебня показал, что толкования «могут быть разнообразны и равноправны».

В связи с выходом первых двух томов «Рассказов» С.Подъячева в изд-ве «Освобождение» (1911–1912; 3-й вышел в апреле 1912, 4-й — в октябре 1912) появились статьи о его творчестве. А.Бурнакин видел в «беспощадном реализме» Подъячева «прямого преемника Гл.Успенского», который вопреки Горькому и Бунину, «смирненно внимает голосу народа»; в его описании «голодная, оборванная, хмельная Русь... трогательна и прекрасна при всей своей грубости и низости» (Н. Вр., 10 февр.). Е.Колтоновская отметила, что у Подъячева нет таких «безотрадных приговоров», как у Бунина; он с «беллетристическим талантом» и без уныния рисует «картину, полную жизни и движения» (Вест. Евр., № 8).

«Сборник первый издательского товарищества писателей». СПб., 1912, тираж — 10000 («Ночной разговор» Ив.Бунина, «Медвежонок» С.Сергеева-Ценского, «Хромой барин» Ал. Толстого, «Пугливая тишина» Ив.Шмелева, стихотворение В.Брюсова «Призраки», «К Пану» В.Вересаева [перевод гомеровского гимна]).

«В самоиздательском сборнике, — писал Горький В.С.Миролюбову 9 марта, — превосходит Ценский. Шмелев — портится, Толстой торопится. Сборник вывезут, м.б., Ценский с Буниным. Вересаев — смешон с своим переводом из Гомера, а Брюсова напечатали зря, ни к селу ни к городу» (Письма. Т. 9, с. 278). «Сейчас почти все русские книги, романы и повести — скучны. Не то, чтобы бесталанны или явно задопытны... — отозвался

Л. Андреев в письме к Горькому от 15 мая. — Возьмешь сборник молодых — и там скука: и медведи, и хромые баре, и свиньи, и все ни к чему» (ЛН, т. 72, с. 343).

Перед нами — «первая небольшая победа» на пути создания нового синтетического реализма, который должен вобрать наиболее «чистые струи» символизма и «жизненный реализм», слить начала индивидуализма и альтруизма (Т. Ардов [В. Г. Гардов], Утро Рос., 10 марта). Вересаевский перевод гимна «К Пану» мог бы служить прекрасным вступлением к сборнику. «Хочется верить, что писатели объединяются для борьбы за жизнь». Только «Призраки» Брюсова («история постели») и «Ночной разговор» Бунина «ничего не имеют общего со светлыми нимфами и радостным, смеющимся, великим Паном». «Помещики из Государственного Совета и Родионовы из нововременского гнезда со злодством рисуют ужасы деревни, а наши идейные художники передают ночные разговоры с болью в сердце. Но за болью сердца встает глубокое разочарование, порой испуг, а порой и мрачное отчаянье» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 3). Самым интересным произведением является «Ночной разговор» Бунина — вредная «розовая иллюзия» народников Нефедова и Наумова [о которых упоминает герой рассказа, гимназист] сменяется «иллюзией мрачной»: трудно поверить в типичность мужиков, представленных «скотски-равнодушными, полудикими истязателями» (А. Дерман, Зав., № 4). «Гвоздь» сборника — рассказ Бунина — вызывает «нежелательные недоумения», подобно «Мужикам» Чехова, но исключает антихудожественную предвзятость: Бунин «холодным, бесстрастным взором всматривается» в народную жизнь, воспроизводя ее «с точностью этнографа» (Д. Овсяннико-Куликовский, «Речь», 28 апр.). И. Игнатов сравнивает поэзию ночного разговора в «Бежином луге» Тургенева и в рассказе Бунина и делает вывод, что «между крепостной и современной деревней неизмеримая разница не в пользу современности» (Р. Вед., 16 марта). Рассказ Бунина — «неправдив и неприемлем», ибо как ни груба и ни дика русская деревня, она не состоит сплошь из каторжников Достоевского и Мельшина (А. Е. [А. М. и Е. И.] Редько, Р. Бог., № 4). «Ночной разговор» — «обвинительный акт русскому народу», в оценке которого Бунин сходится с Родионовым и Фонвизиным (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 25 апр. и 1913, 1 янв.). Не придется ли Бунина разжаловать за «опачкивание народа», как ранее Горького? (А. Бурнакин, Н. Вр., 9 марта). Сергеев-Ценский «все более и более укрепляется на почве хорошего, здорового и сочного реализма», «зовы стихий» природных помогают побеждать «немошную отвлеченность, произвольную фантастику», «обессиливаю-

шую путаницу современной психологии» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 4; о «торжестве жизни» в творчестве Ценского писали также В.Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 3; А.Дерман, Зав., № 4; Н.Геккер, Од. Нов., 1913, 3 янв.). «Хромой барин» — «шаг вперед в развитии молодого писателя»; герой «сильно напоминает прежних несуразных и беспомощных героев» Ал.Толстого, но если прежде автор относился к ним беспощадно до конца, то теперь он своего князя милует и даже, непонятно зачем, превращает в революционера* (С.Адрианов, Вест. Евр., № 4). В «Хромом барине» изображена «моральная подохла дворянского класса»: на этой гнили «построить возрождения нельзя» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 1913, 1 янв.). «Чем князек отличается от тупых животных, изображенных г. Буниным [в «Ночном разговоре»]? Но ему автор посвящает подробное исследование» и «старается пробудить к нему сострадание читателя» (И.Игнатов, Р. Вед., 16 марта). Герой Толстого принадлежит к числу «интересных психопатов», которые могут кончить самоубийством, монастырем, изуверской сектой или «удариться в революцию», но «любопытство читателя направлено вовсе не на героя, а на даровитого автора» (Д.Овсяннико-Куликовский, «Речь», 28 апр.). «Написан роман значительно проще, солиднее и крепче предыдущего» [«Две жизни»], но «нас смугил таинственный монашек и заключительный реверанс с баррикадами в левую сторону» (М.Кузмин, Апол., № 3-4). «Весь сборник чисто литературный без какого-либо определенно-общественного настроения». Толстой вывел «психопата во вкусе Достоевского» (А.Ум-ский [А.А.Дробыш-Дробышевский], Н. Л., 9 марта). «Новый гр. А.Толстой» рисует дворянство «в доброй, честной манере старых реалистов» Писемского и Терпигорева, но «более бесцеремонно, более натуралистично» (А.Измайлов, Р. Сл., 12 апр.). Толстой занят «свиноведением», «нелепым и омерзительным натурализмом» (А.Бурнакин, Н. Вр., 9 марта). А.Толстой «из всей плеяды “прекраснопишущих” пишет, кажется, наиболее прекрасно», что не помешает его роману стать «очень забвенным». «Ночной разговор» — «хорошая, полная своеобразного отчаяния, “мужицкая” вещь» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 5, с. 27).

«Земля». Сб. восьмой. Моск. кн-во, 1912, тираж — 15000. (М.Арцыбашев «У последней черты», Е.Чириков «Утро жизни», Ф.Сологуб «Звериный быт», Саша Черный «Первое знакомство»).

* В последующих редакциях А.Толстой изменил финал.

** Начало см. в четвертом и седьмом сборниках «Земля».

В романе Арцыбашева изображен человеконенавистнический «микроб отчуждения». «Самая талантливая вещь в сборнике» — «Первое знакомство» Саши Черного, в котором «природа так хороша, светла и радостна», а человек деревни «угрюм» и напоминает типы Гл. Успенского (И. Игнатов, Р. Вед., 10 февр.). «Оптовая повесть о самоубийствах» Арцыбашева читается «без всякого потрясения». Чириков представил «патетическую сантиментальность». Сологуб повел «войну со зверем», еще недавно считавшимся «святым элементом» жизни. Беллетристический дебют Саши Черного удачен: «во время своей этнографической экспедиции в неведомые земли» русской деревни автор открыл «тени поразительной красоты, которые оказались также интересны, как стихи Верлена» (А. Е. [А. М. и Е. И.] Редько, Р. Бог., № 3). В первой части романа Арцыбашева «были еще просветы», последняя «подобна пустыне Аравийской, скучной и бесплодной» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 3). Роман запоздал, если бы он вышел после «Санина», то «вероятно, имел бы успех в известных кругах молодежи», сейчас же вызывает чувство «естественной брезгливости» (Н. Г. [Н. Л. Геккер], Од. Нов., 11 февр.). Едва родившись, роман Арцыбашева «перешел в область забвения» (Ал. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 22 февр.). Арцыбашев ставит гамлетовский вопрос перед «современной золотушной молодежью, играющей в лигу самоубийц» (А. Измайлов, «Сон ипохондрика», Р. Сл., 17 марта). Роман Арцыбашева закончился, «хотя и не все персонажи автором утоплены, зарезаны, задавлены, застрелены». «Отличный рассказ Ф. Сологуба служит украшением сборника». У Саши Черного «несчастливая деревня, описанная русским иностранцем» (М. Кузмин, Апол., № 2). Живой рассказ Чирикова не вяжется с содержанием сборника, от которого «несет мертвечиной». «Саша Черный увидел деревню сквозь занавеску», но у него «нет отвратительного смехотворчества», «смеха ради смеха». У Сологуба «противоположение обреченной на смерть ангельской кротости и торжествующего в жизни звериного лика» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 3). Роман Арцыбашева — очередной «деревянный чурбан» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1912 году», Зав., 1913, № 1). Все освоили «новую манеру» письма: и Арцыбашев «не хуже других», и Чириков «не без чуткости» и даже «бедный, маленький, безответственный Саша Черный» (Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], Р. Мысль, № 5, с. 27).

«У последней черты» Арцыбашева, — писал Горький Е. П. Пешковой в конце октября, — мерзость, и мерзость — болезненная. Глуп он, этот Арцыбашев. И — нищ» (Арх. Горького, т. IX, с. 101).

Ив. Шмелев — «Рассказы», т. II. СПб.: Издательское т-во писателей, 1912, тираж — 3200.

«Ободренный успехом “Человека из ресторана”, г. Шмелев выступил со вторым сборником своих рассказов — и, кажется, сделал это напрасно... Худо то, что плохие из них мог написать Баранцевич, хорошие — Куприн, а на долю собственно Шмелева ничего бы не осталось» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 3, Нов. Кн.). В. Львов-Рогачевский отозвался о Шмелеве как об «искреннем демократе», писателе реалистического настроения; в первом томе он подражал Горькому («Распад», «Гражданин Уклейкин»), теперь для него характерно стремление «уйти в природу» (как у Сергеева-Ценского, Пришвина, Клюева) (Совр. Мир, № 5).

Рецензия в «Русском богатстве» обидела автора, и он написал об этом в редакцию. В.Г.Короленко отвечал 19 июня: «Право, Вы, господа молодые писатели, слишком обидчивы... Мы только держимся в отзывах “среднего регистра”, не примыкая к экспансивностям противоположного характера» (Избр. письма, т. 3. М., 1936, с. 208–209).

З.Н.Гиппиус — «Лунные муравьи. Шестая книга рассказов». М.: «Альциона», 1912, тираж — 1200.

Рассказ, давший название сборнику, «трактует все ту же модную тему о самоубийствах» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 4). М.Кузмин увидел не всегда удачную «форму писаний, соединяющую рассказ с публицистическим фельетоном», случаи из жизни «всегда выдуманные, а люди не живые» (Апол., № 3–4, с. 103). З.Гиппиус выступает во всеоружии и расцвете таланта, в котором преобладает «чистый ум», «оттого холодом веет от ее творений, благодатным холодом горной выси» (Б.С. [Б.А.Садовской], Совр., № 5). Показывает «неприятные и смешные стороны» современников, но «плохая правда лучше красивой лжи». Причину современных самоубийств неосновательно видит в безделии (Сенех, «Путь», № 8, Б-фия).

Ал.Ремизов — Сочинения, т. VI — «Сказки», т. VII — «Отреченные повести». СПб.: «Шиповник», 1912, тираж — 2400 каждый том.

«Один из самых замечательных наших писателей» (М.Кузмин, Апол., № 3–4). Ремизов «широк и многозвучен», видит «не один беспросветный, мутно-кошмарный ужас бытия», «отдыхает в мире детей». Стоит в ряду Лескова, Писемского, Островского, Мельникова-Печерского (Б.Садовской, «Настоящий», Совр., № 5).

Марина Цветаева — «Волшебный фонарь. Вторая книга стихов». М.: «Оле-Лукойе», 1912, тираж — 500.

М.Цветаева писала в заметке «Моя судьба — как поэта» (1931): «Читатель меня не знал, потому что после двух первых — самонапечатанных, без издательства — детских книг — из-за... литературной оторванности и собственной особенности: не навидела например стихи в журналах — нигде не печаталась» (М.Цветаева. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М., 1994, с. 600).

«Волшебный фонарь» «открыто исповедует права женщины-поэта на какую-то особенную поэзию» с чертами «ребячества» и «вундеркиндства»; у нее «дар ощущать лирику мгновений» (С.Городецкий, «Женское рукоделие», «Речь», 30 апр.). «Первая книга Марины Цветаевой “Вечерний альбом” заставила поверить в нее и, может быть, больше всего — своей неподдельной детскостью... “Волшебный фонарь” — уже подделка... Стих уже не льется весело и беззаботно, как прежде... поэт умением, увы, еще слишком недостаточным, силится заменить вдохновение» (Н.Гумилев, «Письма о русской поэзии», Апол., № 5, с. 50). Л.В. [Войтоловский] иронизировал над «универсальным устремлением на Парнас» поэтов и поэтесс, желающих иметь собственную «историю». М.Цветаеву можно «отличить от г-жи Анны Ахматовой или Аделаиды Герцык» по умению подметить «маленькие детские штучки» (приводит собственную пародию на стихи Цветаевой «Наша девочка устала, Улыбаться перестала...») («Парнасские трофеи», Киев. Мысль, 27 апр.). «Пять-шесть истинно поэтических красивых стихотворений тонут в ее книге в волнах чисто “альбомных” стишков...» (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). Цветаева «не ищет своей формы, а с большим, слишком большим умением, пишет стихи». «Снова во второй книге читать о маме, о знакомых девочках и т.п. уже немного скучно» (Ам-и [М.О.Цетлин], Зав., № 1, отд. II, с. 94). В изображении «поэзии детства» нет «мудрой простоты», все погубила «дурного тона претенциозность», «желание чем-то изумить, поразить» «даже во внешности книжки». «Форма у поэтессы не слаба» (Б.Сергеев [Б.А.Лавренев], «Жатва», № 3, Кр-ка). Внешность сборника, похожего на молитвенник, заставляет ожидать «что-нибудь претенциозное и самолюбиво-ничтожное», но встречаешь «обыкновенные» стихи, «удобочитаемые и человекообразные», «с несомненной печатью таланта», овеянные «крылом современности»: «порою пахнет и Бальмонтом, и Брюсовым, и Блоком, и даже Максом Волошиным», но сквозь все это звучит свой, «домашний» напев. Нет «мировых тем», хотя Цветаева «умеет касаться и больших тем» (П.Перцов, «Голос Москвы», 24 марта). «Изящная книжечка в бархатном темно-красном переплете» содержит

«молитвы девичьего, еще не утратившего аромата детских грез сердца» (Икар [Б.И.Ивинский], Ран. Утро, 24 марта). «Ряд бесхитростно-примитивных картинок из личной жизни» «в интимно-задушевном стиле», написаны «рукой несомненного поэта» (Моск. Газ., 19 марта). Марина Цветаева — «поэтесса с некоторым дарованием. Но есть что-то неприятно-слащавое в ее описаниях полудетского мира, в ее умилении перед всем, что попадается под руку... Может быть, два-три таких стихотворения были бы приятны. Но целая книга в бархатном переплетике, да еще в картонаже, да еще выпущенная изд-вом "Оле-Лук-Ойе" — нет...» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия»; «Альциона», 1914, кн. I, с. 209). У Цветаевой стих «легок и певуч»; но ей мешает «неслитность чувств», «Слишком поверхностно, по-комнатному, относится она к тому, о чем пишет» (Н.Львова, «Холод утра (Несколько слов о женском творчестве)», «Жатва», кн. 5, М., 1914). Цветаева «продолжает упорно брать свои темы из области узко-интимной жизни» и «все более и более начинает шеголять» «небрежностью стиха». «Обидно за несомненный талант: «насколько хороша была первая книга... настолько неудовлетворительна вторая, множество домашних подробностей... наивностей, которые милы только самому автору» (М.Шагинян, «Женская поэзия», Приаз. Кр., 1914, 4 мая).

С.Н.Булгаков — «Философия хозяйства. Часть I. Мир как хозяйство». М.: «Путь», 1912, тираж — 2000.

Автор поясняет, что книга показывает внутреннюю связь экономизма «с мистическим и религиозным мировоззрением», «при этом Маркс переводится на язык Платона, Беме, Шеллинга, Вл.Соловьева» (Р. Мысль, 1913, № 5, с. 70–79). «Философский национализм» Булгакова — «живой образец русской мысли». Хотя автор считает себя последователем Вл.Соловьева, он «не чувствовал всей важности этической постановки вопроса для избранной им темы» и «не только не обосновал социальной науки, но разрушил ее» своим «растерзанным противоречиями эклектизмом» (Н.Н.Алексеев, «Опыт построения философской системы на понятии хозяйства», Вопр. Фил. и Псих., № 5, ноябрь–дек.). «Булгаков перенес на небо свое хозяйство... и божественная жизнь запахла у него трудовым хозяйственным потом» (Н.А.Бердяев, Р. Мысль, 1913, № 9). «В сущности, не философия хозяйства, а хозяйственная философия, даже хозяйственная религия»; даже культуру он принужден определить как хозяйство. «Ему совершенно чуждо понимание культуры как творческой избыточности. И это так характерно для русской мысли!» (Н.А.Бердяев, «Типы религиозной мысли в России. Возрождение православия», Р. Мысль, 1916, № 6).

Март

Вл. Короленко — статья «Русская пытка» (Р. Бог., №№ 1 и 3). Обзор от «варварской седей старины» до Мултанского дела.

«В этой статье приводится много доказательств того, что, несмотря на отмену пытки, весь девятнадцатый век она продолжала существовать негласным путем... Может быть, будущему писателю придется рассказывать о пытках в двадцатом столетии...» (Э.С., «Среди книг и журналов», Вест. Зн., № 5, с. 439—440).

М. Горький — «Сказки» [из «Сказок об Италии»]: XVII — «Звезда», 13 марта; XX — Запр. Ж., № 12, 23 марта; III и IV статьи цикла «Издалека» (Запр. Ж., №№ 11 и 13, 16 и 31 марта); «О современности» (Р. Сл., 2 и 3 марта).

О последней статье Горький писал Е.П. Пешковой 30 января: «если напечатают — попадет мне!» (Письма. Т. 9, с. 260).

«Спасибо Горькому и даже — “Звезде”, — записал А. Блок 4 марта. — После эстетизмов, футуристов, аполлонизмов, библиофилов — запахло настоящим. Так или иначе, при всей нашей слабости и безмолвии, *подкрадыванье* двенадцатого года к событиям отмечается *опять-таки в литературе*» (т. 7, с. 131).

В. Розанов истолковал статью «О современности» как воспитание жестокости, отвод от подлинного смысла жизни — любви к близким, что и является причиной самоубийств среди молодежи («Максим Горький о самоубийствах», Н. Вр., 6 марта). В. Буренин крайне резко высказался о «буревестнике», некогда воспевшем «лужу российско-жидовской революции» и все еще воображающем себя «властителем умов и сердец» (Н. Вр., 13 апр.). А.С. Изгоев истолковал статьи «Издалека» и «О современности» как разрыв Горького, испытавшего на себе «тяжелую руку Ленина», с большевизмом и социал-демократией и поиски истинной демократии, которая «борется за русское государство, за Российскую империю, за Великую Россию». Но у Горького «один абзац воюет с другим... Он и сам не знает, куда идти и куда звать людей» (Р. Мысль, № 4).

По этому поводу Горький писал В.И. Анучину 7 или 8 июня: «Я иду — куда следует, туда же все, куда и все время, двадцать лет шел. Статья Изгоева — дрянцо, как сам он; я считаю ее нарочито запутанной и нечестной. Скоро приспееет конец вехистам и фарисейскому юродству их» (Письма. Т. 10, с. 60).

С. Подъячев — «Жизнь и смерть (Записки)» (Р. Бог., № 3). Герой убивает лавочника и кончает с собой: «Будь она проклята, эта сырая, промозглая, душная тьма!»

11 марта в Москве, в Училище живописи, ваяния и зодчества, открылась выставка группы «Ослиный хвост» (М. Ларионов, Н. Гончарова, В. Татлин и др.) и петербургского «Союза молодежи» («Речь», 9 марта; Р. Сл., 13 марта, Утро Рос., 11 марта). «Москвичи нашли, — писал М. Волошин, — что “Ослиный хвост” находится не на высоте своего имени, и упрекали художников в самовосхвалении», причем «Бурлюки умеют ошеломить больше». Представлена «живопись широкая, этюдная, часто талантливая, тенденциозно неряшливая... Наблюдается особое пристрастие к изображению солдатской жизни, лагерей, парикмахеров, проституток и мозольных операторов». Картины Гончаровой на религиозные темы цензура на выставку не допустила (Рус. худ. лет., № 7, апр.).

11 марта в Неофилологическом обществе при Петербургском университете состоялось чествование К. Бальмонта [находящегося в эмиграции] по случаю 25-летия литературной деятельности. В объявлении о чествовании упоминались доклады Ф. Д. Батюшкова, Е. В. Аничкова, В. Я. Брюсова, В. И. Иванова, А. А. Блока («Речь», 5, 11, 12 марта; Вяч. Иванов, «О лиризме Бальмонта», Апол., № 3-4). В. Иванов говорил о «блистательном многообразии мелодий и образов», постоянстве через изменчивость и умении воспевать мимолетность как «типический миг», осознанный в «связи с божественным всеединством». В лице Бальмонта мы «имеем дело не с разрушительным началом общественности и нравственности, а с энергией, глубоко утверждающей бытие и действие...» Цикл стихов «Горящие здания» был «стаей буревестников освободительного движения» («Речь», 11 марта). Ф. Батюшков отметил, что символизм Бальмонта «естественный, природный, вытекающий из свойств его поэтической организации». «Кумир поэта — свободный человек», но он «не враг человечества. Он враг только лицемерия, мешанского прозябания и ограниченности». Е. Аничков в докладе «Бальмонт и “новые веяния”» подчеркнул, что вся поэзия Бальмонта — «ранняя и недавняя гроза молодого поэта», сохранившего «молодость души», «оптимизм и стремительность», солнечность («Записки Неофилологического общества при Императорском СПб. Университете». Вып. VII. СПб., 1914).

«Это русская молодая поэзия празднует совершеннолетие... 25 лет тому назад, при звуках первых стихотворений Бальмонта она очнулась от старческого сна»; он был «заревом грядущих

* А. Блок ограничился посылкой письма («Речь», 12 марта; см. также его записку в дневнике 5 марта — т. 7, с. 131).

зорь» и разговоры о его «падении» не верны (М. Волошин, «Зарево зорь», Утро Рос., 11 марта). За 25 лет Бальмонт прошел несколько периодов: первый — «эпоха музыкальных раздумий», второй — эпоха «прекрасного мятежа», третий — «эпоха сучно-го хаоса», и, наконец, в «Зареве зорь» — «умудренная умиротворенность», «тонкое цветение родной природы» (А. Бартнев [А.А. Альвинг], «О Бальмонте», «Жатва», 1912, № 3).

«Ведь что такое Бальмонт? — писал Горький в начале июня Г.А. Вяткину. — Это колокольня высокая и узорчатая, а колокола-то на ней все маленькие... Не пора ли зазвонить в большие?» (Письма. Т. 10, с. 60).

В Москве вышел первый номер (январь–февраль) нового журнала «Труды и дни», двухмесячника издательства «Мусагет»*, под редакцией Андрея Белого и Эм. Метнера, при ближайшем участии А. Блока и Вяч. Иванова и при сотрудничестве В. Брюсова, В.О. Нилендера, А.С. Петровского, Б. Садовского, С. Соловьева, Ф. Степуна, Эллиса, Б.В. Яковенко и др. «От редакции» сообщалось: «“Труды и дни” ставят себе двойную цель. Первое, *специальное* назначение журнала — способствовать раскрытию и утверждению принципов подлинного символизма в области художественного творчества. Другое и более *общее* его назначение — служить истолкователем идейной связи, объединяющей разносторонние усилия группы художников и мыслителей, сплотившихся под знаменем “Мусагета”». Первой цели служили статьи Вяч. Иванова «Мысли о символизме», Андрея Белого «О символизме» и его же заметка «О журавлях и синицах» (за подписью Sunetator), содержащая полемику с позицией «Аполлона», то есть с эстетизмом. Вяч. Иванов подчеркивал, что символизм не ищет, но и не боится связи с религией, «хочет сочетать корни и звезды», отрицает свою «смерть», объявленную современниками. Андрей Белый напоминал, что символизм исходит из свободы творчества, но искусство есть путь, а путь преследует цель. «Кричать о свободе свободному стыдно», он должен искать «единый Лик Жизни». В письме к Э.К. Метнеру от 22 апреля Андрей Белый утверждал, что вопрос о школе русского символизма «по-новому ставится» в его статье и в статье Вяч. Иванова (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 395). Последний писал Э.К. Метнеру 3 июня: «Статья Белого о символизме не вполне мне по сердцу: она не очень внятно и отчетливо написана и содержит задиранья ненужные и глухие...» (В. Л., 1994. Вып. 2, с. 341). Эм. Метнер

* В качестве двухмесячника журнал просуществовал лишь один год; затем по одному номеру вышло в 1913, 1914 и 1916 гг.

во «Вступительном слове редактора» определял задачи издательства «Мусажет», возникшего на фоне «общего кризиса всей культуры»: «Мусажет» отмежевывается и от «затхлого академизма», и от эстетизма, от «варварского декадентства», соединенного с «беспочвенною эстрадною виртуозностью». «Мусажет» «означает объединение всех видов творчества в согласном служении цели создания культуры», признает необходимость «взаимосвязи между культурой и религией».

Вяч.Иванов написал Э.К.Метнеру 29 марта: «Первая книжечка доставила мне большую радость... В целом — все *хорошо*. Единственный “недостаток” (?) — серьезность. Горе от ума» (В. Л., 1994. Вып. 2, с. 334).

2 апреля Андрей Белый писал А.А.Кублицкой-Пиоттух: «“Мусажет” — это дитя о семи нянек без глазу — отнимает непродуктивно так много, много времени. А теперь еще и журнал» (А.Блок. Исследования и материалы. Л., 1991, с. 326).

А.Блок изложил свои впечатления от нового журнала в письме к Андрею Белому от 16 апреля: «Первый № сразу заведен так, чтобы говорить об искусстве и школе искусства, а не о человеке и художнике... Впечатление от статьи В.Иванова, несмотря на все ее глубины, — душевное и тяжелое. Твоя статья, в большей части посвященная ограничению значения “символической школы”, которую Вячеслав проповедует упорно и, я сказал бы, без музыкального слуха... Всю кашу заварил Вячеслав Иванов... грозно нападая на кого-то, потрясает манифестом о символической школе — и горе тому, кто не с ней...» (т. 8, с. 386–387). А в дневнике 17 апреля Блок записал: «Когда мы (“Новый путь”, “Весы”) боролись с умирающим, плоско-либеральным псевдо-реализмом... мы были под знаком Возрождения. Если мы станем бороться с неопределившимся и, может быть, своим (!) Гумилевым, мы попадем под знак вырождения» (т. 7, с. 140).

М.Шагинян заметила по поводу программы «Мусажета»: «Нельзя же прикрываться такими широкими лозунгами, как “культура”, под этим плащом охотно укроются с “Мусажетом” и Плеханов, и Бердяев, и Гусев-Оренбургский» (Приаз. Кр., 10 мая). «В основу “Трудов и дней” положено *внутреннее единение поэзии, искусства с религиозной философией*», редакция же «Аполлона» считает, что искусство должно найти свой синтез, отличный от религии (В.Чудовский, Апол., № 5).

16 мая Н.А.Бердяев писал Андрею Белому: «Думаю, что журнал преждевременен, и боюсь, как бы он не оказался мертворожденным... Лозунг символизма вряд ли может соединить и вызвать живую активность. Может образоваться догматика и даже схоластика символизма... Журнал должен быть *боевым*, внут-

ренно, идейно боевым... Боевыми журналами были “Мир искусства”, “Новый путь”, “Весы”. Символизм не может быть сейчас боевым лозунгом. С одной стороны, символизм слишком тесно связан с вечным в искусстве, с другой, он утверждает средний, независимый путь между академизмом и парнасизмом искусства для искусства (“Аполлон”, Брюсов и др.) и поглощением искусства религией и мистикой и подчинением искусства целям общественным и нравственным... Мы живем во времена такого потрясения основ культуры, такого кризиса культуры, что вряд ли годен для нас идеал культуртрегерства. Вот этот запах германского культуртрегерства в “Трудах и днях” вызывает во мне протест» (De Visu. 1993, № 2, с. 18–19).

11 марта вышел второй номер «Петербургского глашатая». К выходу в конце марта «брошюры 33» Игоря Северянина («Качалка Грезэрки». СПб., 1912, тираж — 100) в газете была помещена заметка И.В.Игнатьева «Футуристы и футуризм»: «Теперь, когда ослабели силы т.н. “молодых” — всех этих Бальмонтов, Блоков, Городецких, Кузминых, Кречетовых, Цензоров и т.п.... вырисовываются новые Золотые Вечные слова — Футуризм».

23 марта В.Г.Короленко писал А.В.Пешехонову в Двинскую крепость, где тот находился вместе с В.А.Мякотиним (оба осуждены по литературным делам): «Прилагаю объявление о “Заветах”. В списке сотрудников увидите двух наших: Иванчина-Писарева и Н.С.Русанова... Не столько неудобно в смысле конкуренции, сколько в том, чтобы не показалось, что это филиальное отделение “Русского богатства”. Вот, дескать, “Русское богатство” начали преследовать, так они под рукой завели подставу. Ну, а какова будет подстава,— вопрос» (РГБ, ф. 225, карт. IV, ед. 7). На подобную же тревогу Короленко другой член редакции Н.Ф.Анненский отвечал 1/14 апреля из Нишцы: «Несомненно путаницу в представлении публики о связи нового журнала с “Русским богатством” вызовет уже “издательство” Александра Ивановича [Иванчина-Писарева], даже если бы и не было в числе сотрудников названо [имя] Кудрина [Н.С.Русанова]. А теперь тем паче. ... Я слышал (от В.М.Чернова), что сейчас редакция состоит из двух лиц — его и Миролюбова. Рассчитывают они еще привлечь Иванова-Разумника, которого ждут за границей. По словам Чернова, Иванов-Разумник сам проектировал новый журнал и, вероятно, сойдется с ними. О Николае Сергеевиче [Русанове] не было речи» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 17, ед. 61).

26 марта/8 апреля Н.Ф. Анненский писал В.Г. Короленко из Ниццы, где отмечалось 100-летие А.И. Герцена: «Наш отель был одним из центров церемонии; здесь остановилась семья Герценов... здесь читался реферат Плеханова и здесь же, после реферата, происходил ужин, пышно, но не совсем верно названный “банкетом” или даже “митингом”». На кладбище тяжело больной Анненский подняться не мог: «Наш венок (“Русского богатства”) взял Елпатьевский и понес его. Не могу сказать, чтобы процессия (в начале, которое только я и видел) показалась мне грандиозною; говорят... многие встретили ее на кладбище. Там... было человек 300. Говорились речи...». На реферат Плеханова «собралось человек с сотню... Реферат в общем был недурен, но в восторг меня не привел, а местами референт взял тон не совсем верный: так зачем-то ему понадобилось провести параллель между Герценом и Толстым — не к выгоде последнего, конечно. Это вызвало диспут между Плехановым и одним из присутствовавших толстовцев, — диспут... по существу мало интересный (дело шло о пресловутом непротавлении злу насиллием)... Часов около 11, непосредственно начался ужин; здесь было еще менее народу, человек 40... увы — не было и подъема и настроения. Подмывало меня не раз “поддать” его несколько, но благоразумно сдержался [из-за болезни]. И вспоминался мне наш Венедикт [Мякотин]: был бы он здесь, все бы было иначе; а то было все прилично, без шероховатостей и благородно тоном — но довольно холодно и без одушевления, которого можно бы ожидать» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 17, ед. 61).

Лев Дейч — «Певец “поколения, проклятого Богом”» (Р. Бог., № 3). К годовщине смерти П.Ф. Якубовича: внес новое в быт Карийской тюрьмы — чтения вслух Л. Толстого, Достоевского, Щедрина, Гл. Успенского, «энергично проповедовал» Бодлера.

В. Брюсов — «Зеркало теней. Стихи 1909–1911 гг.». М.: «Скорпион», 1912, тираж — 2100.

«Среди доблестных версификаторов новейшего времени имя Валерия Брюсова является самым почетным», «русская поэзия обязана ему самой благородной культурой новейшего стиха»; «элемент ремесленности» доведен им «до величайшего мастерства», он не успокоится, пока стихотворение «не будет сиять и лосниться, как новенький цилиндр». «Изящные по форме» и «интересные по содержанию» его стихи бывают «холодны, как ледяная глыба», на них лежит «архивная пыль, дыхание давно прошедших времен», лишь иногда он касается современности;

гражданские стихи Брюсова, «в своем либеральном пафосе» — «растянуты, наивны» (Л.В[ойтоловский], «Парнасские трофеи», Киев. Мысль, 15 апр.). В целом ряде стихотворений «поэт отрешается от своего холодного снобизма, от погони за экзотическими настроениями и сюжетами и с неожиданным для него ликованием отдается “веселому зову весенней зелени”» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 7). Брюсов, по обыкновению, «страшно типичен» для современности — поет «демона самоубийства» и «соблазнительную тайну смерти»; «не боится в своих стихах таких прозаических слов, как автомобили, аэропланы, электричество» (А.Измайлов, Бирж. Вед., 21 авг.). «Универсализм поэзии Брюсова был одним из самых главных ее недостатков в ту пору, когда каждый поэт уединялся в свою келью, чтобы вдвоем со своей темой творить новый поэтический мир». Теперь «голос В.Брюсова звучит гораздо убедительней», «волнует, увлекает, очаровывает» (С.Городецкий, «Речь», 2 апр.). «Брюсов подчеркивает свою не звериную и не божественную, а именно человеческую природу, любовь к культуре в ее наиболее ярких и характерных проявлениях... Такая доведенность каждого образа до конца... не есть ли мечта для нас, так недавно освободившихся от пут символизма?» «Завоеватель» и «гениальный стратег», Брюсов «усвоил характерные черты всех бывших до него литературных школ» и заложил «основание новой, идущей на смену символизма, школы» (Н.Гумилев, «Письма о русской поэзии», Апол., № 3-4). «Потуги и уродство», «все пахнет потом и керосином», нет ни поэта, ни человека — один «демонический сюртук, нарисованный Врубелем и за десять лет разлезшийся по швам» (А.Бурнакин, Н. Вр., 6 апр.). «Полное обладание техникой делает из него мэтра русского стиха. Его можно не любить, но читать и даже изучать его должно» ([Н.С.Гумилев], Гиперб., № 1, окт.). «Прекрасная и значительная книга» не открывает нового периода в творчестве Брюсова, но свидетельствует о расцвете поэтических сил и оставляет надежду, что поэт еще исполнит свое недавнее обещание: «Время снова мне стать учеником» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914).

XXXVIII сборник «Знания». СПб., 1912, тираж — 8000 (М.Горький — «Сказка» [XV из «Сказок об Италии»], А.Блок — «Осень» («Там неба осветленный край...») и «Усталость» («Чем больше хочешь отдохнуть...»), Ив.Бунин — «Захар Воробьев», С.Гусев-Оренбургский — «В глухом уезде» и др.).

[А.М.Редько] истолковал «Сказку» Горького как аллегория: «Быть может... красавица и умница сестра и есть символ "интеллигенции", а горбатый брат, начавший с любви к опекавшей его сестре, а кончивший злым чувством к ней, — символ "народа"». Рассказ Бунина, по отзыву рецензента, «не требует размышления» (Р. Бог., № 5, Нов. Кн.). «Культурность литературы» возрастает: «даже писатели "Знания"... уже не отстают» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 5, с. 28–29).

Ал.Н.Толстой — Сочинения, т. II. «Рассказы». СПб.: «Шиповник», 1912, тираж — 3200.

А.Толстой все больше и больше стремится «от анекдота и живописной картинки к широкому повествованию» (М.Кузмин, Апол., № 3–4). А.Толстой «пришел со своими зловещими рассказами, повестями и романами... в полосу скверную в русской жизни... Он поэт дворянского вырождения. Но в то же время он захватывает и вообще нашу жизнь во многих ее проявлениях... И особенно жадно воспринимает все ее уродливости, все шатания». Соединяет «беззаботного пересмешника» и «зловещего демонстратора изнанок жизни» (А.Ожигов [Н.П.Апешов], Совр. Сл., 27 июня). «Перед читателями проходит вереница сожженных душ — страх смерти и безумная тоска одиночества чередуются с безнадежными призывами любви» (Б.Садовской, Совр., № 4).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 17. СПб., 1912, тираж — 8200 (О.Дымов «Томление духа», стихи Тэффи, А.Ремизов «Докука и балагурье»).

Альманахи «Шиповника», соперничающие со сборниками «Земля», «все больше и больше приближаются к скуке и неинтересности» своего конкурента (М.Кузмин, Апол., № 5). В романе О.Дымова «все есть»: цитата из Екклезиаста, сумасшествие, два самоубийства, знаменитые философы, художники, проститутка и девушка не от мира сего, но читать его «невыносимо скучно» ([А.М.Редько], Р. Бог., № 9, Нов. Кн.). Хотя в глазах широкой публики книжки «Шиповника» сделались «гарантией от бездарности», в романе Дымова все «олеографично, фальшиво, напыщенно», всюду видна «вертлявая рука фельетониста» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 31 марта). «Самые модные литературные фасоны отечественной изготовки» можно получить в «Шиповнике». Ремизов дал «забавные народные сказки», Тэффи — «умную и безобидную пародию» на Сологуба, Дымов — неудачный роман с гениальным заглавием, в котором герои, «хихикая над идеалом», мечтают о нем (В.Кранихфельд, «Томление духа и утверждение жизни», Совр. Мир, № 4).

Анна Ахматова — «Вечер. Стихи». СПб.: «Цех поэтов», 1912, тираж — 300*. Обложка С.Городецкого, фронтиспис Е.Лансере. В предисловии М.Кузмина перечислялись главные качества «вновь прибывшей»: понимание вещей в их «непонятной связи» с переживаемым, «хрупкая пронзительность», чуждость всякой манерности.

Ахматова «умеет по большой дороге современной художественной литературы идти с такой самобытной независимостью личной жизни, как будто бы эта большая дорога была причудливой тропинкой ее заповедного сада...» (В.Чудовский, Апол., № 5). Сборник Ахматовой — самое значительное издание «Цеха поэтов». «Поэт, с большим совершенством владея стихом, умеет замыкать в короткие, из двух-трех строф, стихотворения острые психологические переживания». «В ряде стихотворений развивается как бы целый роман, героиня которого — характерно современная женщина... с постоянной жаждой “муки жальшей” вместо счастья безмятежного» (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). «Преломление в теперешней жизни вечной женской души остро и властно дает чувствовать лирика А.Ахматовой»; в ее «акмеистическом пессимизме есть неотвратимое очарование» (Гиперб., № 2, ноябрь). «Женская душа, которую раскрывает нам лирика А.Ахматовой, утончена, изощрена до последней степени. Она ничем не очарована, ни жизнью, ни любовью, ни природой», «нам остается только оценить высоту ее поэтического подвига» (С.Городецкий, «Женское рукоделие», «Речь», 30 апр.). «Даже еще не подмастерье, а подросток-ученик», «зорко присматривающийся» к реальному миру; «грешит порой чрезмерной конкретизацией образов, убедительных только для нее» (Ам-и [М.О.Цетлин], «Заметки любителя стихов», Зав., № 1). «Сложившийся художник», в котором чувствуется «тонкая женская душа, обладающая индивидуальностью». Влияние М.Кузмина, Ин.Анненского (Н.Б[ерн]ер, «Путь», № 7, Б-фия). «Это — наша настоящая современница, усталая и нежная»; экономия выразительных средств и «психологическая детализация» (Н.Н.Новинский [Н.С.Ашукин], «Современные женщины-поэты», «Мир женщины», 1913, № 9). Литературная генеалогия: Ин.Анненский и Кузмин, Сологуб и Блок, «но не острая горечь Анненского, не меланхолия Кузмина, не мистические томления Сологуба, не взрывы восторга и отчаяния Блока — слышны в этой книге. Это скорее сдавленная боль», «лирическая обнаженность». «Голос А.Ахматовой крепнет» (Вас.Гиппиус, Нов. Жизнь, № 3, Крка и б-фия). Стихи ее поэзии — «безнадежная, гнетущая пе-

* По «Книжной летописи» проходит в ноябре.

чаль»; «изошренное ощущение вещей», «крупное и большое» показывает через мелочи. Сборник порождает «спокойную уверенность, что продолжение принесет еще много неожиданного и прекрасного» (Евг. Зн[оско]-Бор[овский], «Нива», ежемес. прилож., 1913, № 1, Б-фия). Поэтическое дарование Ахматовой несомненно, но «почему она — “акмеистка”, почему “адамистка”? Почему г. Городецкий... настойчиво утверждает: она — наша?...» (И.Игнатов, Р. Вед., 1913, 6 апр.). «Круг зрения поэтессы даже не мал, — он миниатюрен», интерес, вызванный сборником, — «не многонеделен» (Анд.Полянин [С.Я.Парнок], «Отмеченные имена», Сев. Зап., 1913, № 4). «Мир, в котором живет душа поэта, прост и реален, но... за этой ясностью образов и мыслей таится незримый мир, полный тревоги и тайны»; «сдержанный и тихий голос» на фоне «благозвучного многословия» «многоцветной современности», отсутствие метафор (Г.Чулков, «Жатва», кн. 3. М., 1912). При влиянии Кузмина и Ин.Анненского Ахматовой «нельзя отказать в индивидуальном облике» (Н.Львова, «Холод утра (Несколько слов о женском творчестве)», «Жатва», кн. 5. М., 1914). «Подлинное и изящное дарование, «стих ее легок, приятен для слуха»; умеет говорить о мелочах (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914).

М.Зенкевич — «Дикая порфира (1905–1911)». СПб.: «Цех поэтов», 1912, тираж — 300.

Зенкевич — «вольный охотник, не желающий знать ничего, кроме земли», — ни Бога, ни человека (Н.Гумилев, Апол., № 3–4). «Он черпает свой пафос» из области, признаваемой «мертвыми силами природы» (геология, палеонтология и т.п.); с этой точки зрения люди — «суть лишь “твари”, которые на земле “плодятся и ползут, как в падали бактерии разложения”...» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 7). «Хотелось бы приветствовать молодого поэта с этими попытками вовлечь в область поэзии темы научные», хотя большей частью он довольствуется пересказом общеизвестных данных и в его стихах еще недостаточно простоты и жизненности (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). Вяч.Иванов назвал оценку Брюсова «холодной»: «Пафос Зенкевича вовсе не научный... Зенкевич пленился Материей и ей ужаснулся... но дело, разумеется, не в выработке научно-объективного синтеза, а в обретении путей собственного духа... если он остановится, его удел — ничтожество» («Marginalia», Тр. и Дн., № 4–5). Внешне стихи Зенкевича напоминают манеру Брюсова; «чрезмерная напыщенность стихийных гимнов» (Б.С. [Б.А.Садовской], Совр., № 5). «Для Зенкевича харак-

терно многообещающее адамистическое стремление называть каждую вещь по имени, словно лаская ее» ([Н.С.Гумилев], Гиперб., № 2, ноябрь). Название взято у Баратынского. Зенкевич откликнулся на «призыв созидать научную поэзию», тема его — «космос и человек», стих однообразен, лишен певучести, несколько тяжел (Ам-и [М.О.Цетлин], «Заметки любителя стихов», Зав., № 1). У Зенкевича «все плохо»; подражательность дурного тона Брюсову (Н.Б[ерн]ер, «Путь», № 7, Б-фия). «В этих песнях о плоти звучит возможность гимна какому-то еще “сумрачному” богу» (Вас.Гиппиус, Нов. Жизнь, № 3, Кр-ка и б-фия). Нельзя сказать, что стих красив, но «мысль поэта обнимает все царства природы» (М.Чуносов [И.И.Ясинский], Нов. Сл., № 6, Нов. Кн.). Зенкевич «поет гимны камням, металлам, неорганической породе... Это реакция против мистических потусторонних стремлений недавнего прошлого». Человека, «гордого царя» вселенной, он низводит «на степень немощной песчинки в беспредельном круговороте материи» (И.Игнатов, Р. Вед., 1913, 6 апр.). «Невыносимо скучная» книга. «Геолог улыбнется над ней, не понимая, зачем науку его излагают стихами» (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914, с. 206).

Е.Кузьмина-Караваева — «Скифские черепки. Стихи». СПб.: «Цех поэтов», 1912, тираж — 300.

Н.Гумилев причислил автора к «поэтам-однодумам», «в ее душе слишком много юношеского лиризма», «слишком мало глазомера и решительности... смелого таланта» (Апол., № 3—4). Тоску по рабству («Я раба без господина») отметил И.Игнатов (Р. Вед., 1913, 4 апр.). «Главное достоинство этой книжечки — она чужда символизма. Главный недостаток... в ней нет стиля» (С.Городецкий, «Женское рукоделие», «Речь», 30 апр.). Поэтесса, «еще не вышедшая из полосы слепого подражания», обладает «некоторым вкусом, творческой сдержанностью» (Н.Б[ерн]ер, «Путь», № 8, Б-фия). Уверяет, что она «потомок огненосцев-скифов», «любит изображать себя курганской царевной»; в ее поэзии «слишком сильно чувствуется библиотека» (Н.Н.Новинский [Н.С.Ашукин], «Современные женщины-поэты», «Мир женщины», 1913, № 9). «Умело написанная книга» (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914, с. 206).

1 декабря 1913 г. Блок, отвечая на письмо Кузьминой-Караваевой, писал: «“Скифские черепки” мне мало нравятся — это самое точное выражение; я знаю, что все меняется, а Вы — молоды очень» (т. 8, с. 430—431).

Павел Радимов — «Полевые псалмы. Стихи». Казань, 1912, тираж — 1520.

В удачном заглавии «и содержание, и настроение его стихов», ни одно не кажется мелким и надуманным, хотя могут возмутить “распльывчатые октавы, растрепанные терцины и распоясанные сонеты” ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 5, Нов. Кн.). П.Радимов — новичок в поэзии, он подражает Фету и Бунину, и Бальмонту, воспринимая только внешнюю оболочку этих поэтов, порой отступаясь «в бездну пошлости и шаблона» (Вл. Н[арбу]т, Совр., № 3). В «Полевых псалмах» «есть непосредственное чувство природы, наблюдательность, местами юмор», но «вещи с серьезными темами» не удались (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). Н.Гумилев увидел «все качества, необходимые для хорошего поэта», несмотря на «срывы и угловатости» («Письма о русской поэзии», Апол., № 5). «Его религия бесцерковна, и полями вдохновлены его псалмы... Первобытная душа природы вливает в них жизнерадостную силу» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 6 авг.). «Свой собственный тон и сознание высокого поэтического служения» (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914, с. 212).

В.Розанов — «Уединенное (Почти на праве рукописи)». СПб.: изд. А.С.Суворина, 1912, тираж — 2400^{*}; 2-е изд. — Пг., 1916, тираж — 1500.

По сравнению с «бесстыдством» мысли Розанова все «Санины» и «У последней черты» Арцыбашева — «наивное мальчишество». Это — «цинически мудрый Карамазов, который совершенно освободился от всех обязательств жизни и ничего “святого”, “вечно-человеческого” не признает», но «рядом с грязью много правды» (Гаррис [М.А.Каллаш], Утро Рос., 15 марта). Основное положение Розанова: «Есмь я один. Больше никого нет». Это — «последняя точка последнего индивидуализма — гибель человека, гибель и личности», «поразительное», «ценное» и «уродливо-страшное» явление (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 5). «С эпилептическим бешенством предает какому-то сплошному оплеванию всю Россию, ее литературу, ее будущность, ее философию, ее нравы, читателей, интеллигенцию, партии» и «в своем собственном лице человеческую природу» (Л.Войтоловский, «Маневры В.Розанова», Киев. Мысль, 24 июня). «Громкая исповедь на людях», «мучительное стремление к самоанализу», «дерзновение самобытного мышления» (Б.Г.

* Книга была конфискована цензурой за порнографию и в продажу поступила в мае (Утро Рос., 13 мая).

[Б.Б.Глинский], Ист. Вест., № 5). «Триста страниц... шепотов, молитв, умилений, вздохов, иногда стонов, ироний, сарказмов», чей главный мотив — самоосуждение перед Богом; «богато одаренная душа сектанта, с наклоном в изуверство» (А.Измайлов, Бирж. Вед., 19, 21, 22 мая, веч. вып.). «Покаяние на площади», иногда смущающее «ненужной откровенностью» аморалиста, «противника жизни “по долгу”». В заслугу «парадоксальному» публицисту нужно поставить защиту «семейного и родового принципа», а также неприятие «пустых людей, без значения» — с.д., с.р., декадентов (А.Басаргин [А.И.Введенский], Моск. Вед., 22, 29 сент.). «Прекрасный, трогательный гимн» нравственно чистой русской женщине, особенно важный в нашу эпоху «беснующихся менад» (Е.Поселянин [Е.Н.Погорелов], Н. Вр., 7 ноября).

М.О.Гершензон писал В.В.Розанову 8 марта: «Это самая нужная Ваша книга... Бездна и беззаконность — вот что в ней; даже непостижимо, как это Вы сумели так совсем не надеть на себя системы, схемы, имели античное мужество остаться голодушевным, каким мать родила, — и... в 20-м веке, где все ходят одетые в систему, в последовательность, в доказательность, рассказать вслух и публично свою наготу» (Н. М., 1991, № 3, с. 230–231).

Горький писал Е.П.Пешковой 10 апреля об «Уединенном»: «удивительная и ужасная вещь!» Тогда же автору: «Насытила меня ваша книга... глубочайшей тоской и болью за русского человека... Какой у Вас огромнейший талант, какая жадная, живая, цепкая мысль. Рано Вы родились или поздно, но Вы удивительно несвоевременный человек. Представляю, как не понравится, как озлит эта книга всех... Вовсе Вы не консерватор, а — революционерше и в лучшем смысле слова, в настоящем русском, как Васька Буслаев» (Письма. Т. 10, с. 13, 9–10).

7 марта 1914 г. М.Цветаева писала В.Розанову: «Я ничего не читала из Ваших книг, кроме “Уединенного”, но смело скажу, что Вы — гениальны. Вы все понимаете» (Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1995, с. 119).

В.В.Бруснянин — «Леонид Андреев. Жизнь и творчество». М.: изд. К.Ф.Некрасова, 1912, тираж — 3500.

Неудачная попытка биографии, предпринятая «восторженным и наивным пером» автора-апологета, «бестактного и неумелого» (А.Дерман, Зав., № 5, авг.).

В связи с выходом пятого тома «Истории русской литературы XIX века» (тт. I–V. М.: «Мир», 1910–1912. Под ред. Д.Н.Овся-

нико-Куликовского, при ближайшем участии А.Е.Грузинского и П.Н.Сакулина; в т. 5 вошли статьи о Короленко, Чехове, Горьком, Вересаеве и др.) В.Львов-Рогачевский писал: «Участники этого коллективного труда избрали социологический путь». «Развитие литературы, смены направлений, школ, вкусов поставлены ими в зависимости от развития общественности; об этом говорит в своем предисловии редакция». Но при этом допущен разнобой мнений: «Наряду с марксистами Плехановым и Мартовым, здесь выступают народники Иванов-Разумник, Русанов, критик-импрессионист Айхенвальд...» Об одном Михайловском пишут по-разному Русанов и П.Коган, Иванов-Разумник и Плеханов (Совр. Мир, № 3).

Апрель

Ив.Бунин — «Суходол» (Вест. Евр., № 4)*.

«От этой печальной дворянской летописи веет тем же жутким разложением, как и от мужицкой “Деревни”». Основные свойства Бунина — «отсутствие чувства поклонения. Родина, свобода, народ — эти слова оставляют его холодным». В отличие от Горького, у которого на первом месте «неистовое восхищение миром», Бунин «страдает тихим, но неукротимым недоверием к жизни» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 30 апр.).

Н.Тимковский — «В дворянской берлоге (Очерки с эпилогом)» (Вест. Евр., №№ 3-4).

«О вырождении дворянства... вечно пишет Ал.Толстой... Яркий художественный талант последнего неоспорим, а Тимковский просто себе средний беллетрист. Однако с бытовой-то стороны Тимковский убедительнее» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 8, отд. II, с. 28).

Ф.Сологуб — «Сергей Тургенев и Шарик». Не вошедшие в основной текст эпизоды из романа «Мелкий бес» («Речь», 15, 22, 29 апр.). Памфлетная обрисовка Горького и Скитальца.

Автор утверждал, что писал эти главы, когда Горького «не было и в помине» (Аякс [А.А.Измайлов], «У Ф.К.Сологуба», Бирж. Вед., 19 сент., веч. вып.).

23 мая Горький писал Л.Н.Андрееву: «Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса.

* Большинство критических отзывов появилось после выхода книги И.Бунина «Суходол. Повести и рассказы»; см. настоящую «Летопись», октябрь 1912 г.

...Недавно читал рукопись, посвященную Арцыбашеву, имею преподанный рассказ о Куприне, старичок Тетерников размалевал меня, Дымов — как говорят, — Мережковского, у Ропшина тоже портретики» (Письма. Т. 10, с. 51).

Вышла первая (апрельская) книжка нового журнала «Заветы» (под редакцией В.М.Чернова и В.С.Миролюбова), открывавшаяся портретами А.И.Герцена и Н.К.Михайловского. Содержание: М.Горький «Рождение человека (Из воспоминаний “проходящего”)*», Ив.Бунин «Веселый двор», А.Блок «Авиатор», В.Ропшин [Б.В.Савинков] «То, чего не было (Три брата)», М.Коцюбинский «Тени забытых предков», Н.Клюев «Песни», И.Вольный «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство».

О чтении «Веселого двора» автором на Капри Горький сообщил Е.П.Пешковой 2 января, назвав рассказ Бунина «превосходным», но производящим «угнетающее впечатление». «Потом долго спорили о русском народе и судьбах его...» (Письма. Т. 9, с. 224).

«Пришел первый номер “Заветов” (уже конфискован)... — записал Блок 3 мая. — Беллетристика “Заветов” посвящена описаниям мучений человека — многообразных» (т. 7, с. 142—143).

6/19 мая В.Н.Фигнер писала М.П.Сажину из Швейцарии: «Сегодня я получила от одной доброй знакомой первую книжку “Заветов” и тотчас же... прочла Ропшина. Слышно влияние “Войны и мира” Толстого, но очень интересна постановка вопроса. Как-то совладает автор с задачей? Растем мы, растем и вырастаем из подполья: душно там, душно...» (РГАЛИ, ф. 1185, оп. I, ед. 241). 9 мая Горький сообщил А.В.Амфитеатрову: «Ропшин и Винниченко [“На весах жизни”] дадут очень солидный материал гасителям духа и тем, кто любит плясать на могилах. Я поставил “Заветам” условие, чтоб они меня не печатали в одной книге с Ропшиным... а они — пожалуйста!» (Письма. Т. 10, с. 33).

«Хорошее впечатление оставляет первая книжка “Заветов”... — писал Л.Андреев Горькому 15 мая. — Не понравился мне только Ропшин: оттого ли, что Гиппиус его не правила, он бледнее бледного коня, а скачет все туда же, только с большими изворотами, как шахматный конь... Противен мне этот кающийся бомбист с его кислыми отрыжками. Самую плохонькую

* После выхода первого номера Горький порвал с «Заветами» из-за романа Ропшина.

романтику я предпочту его великопостной правде, в которой ни на грош нет правды, как во всяком похмелье. Очень хорош И. Вольный» (ЛН, т. 72, с. 343).

О содержании номера Амфитеатров писал Горькому: «Лучшая, т.е. интереснейшая по правде вещь там из беллетристики, не считая Вашего “Человека родившегося”... конечно, Ивана Вольного. Это отнюдь не искусство, но нечто чрезвычайно нужное и большое. “Решетникова тень его усыновила”. Ювелир Ваш излюбленный, вышиватель петухов на полотенцах И.А. Бунин рядом оказывается ма-а-ленький, глу-у-упенький, сла-а-бенький... А куда же И. Вольному до его письма: то скрипит немая ось, а то — музыка... Говорить о Ропшине... надоело за последние дни... Смотрят с того света Лесков... да что Лесков! даже Крестовский, Клюшников и Житель и говорят: “Какой бы шум Вы подняли, друзья, когда бы это сделал я!”... К удивлению моему — очень плохо и скучно: Коцюбинский...» (ЛН, т. 95, с. 395, 396).

Художественная часть «Заветов» обещает быть интересной, уже в первом номере встречаются имена Горького, Бунина, Блока. «Рождение человека» отмечено печатью того широкого призыва и яркости, которая когда-то сразу создала Горькому громадную и бесспорную репутацию... Просто душа отдыхает на этих десяти страницах после всей массы той ноющей и клеветливой на жизнь литературы, которой так много развилось у нас за последнее время» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 6). А. Амфитеатров приветствовал выход «нового, твердо направленного народнического органа», линия которого «символически обозначена в начале книжки портретами Герцена и Михайловского», но совершенно лишена «надменной, учительской важности и сектантской исключительности» (Утро Рос., 16 мая). В портрете Михайловского «заклучалась определенная хартия с надписями, подписями и медалями, вполне заменявшими редакционное предисловие...» «“Горе побежденным!” — вот лозунг, под которым совершает свой въезд в литературу новый журнал». От рассказов о деревне И. Бунина, И. Вольного и других создается впечатление, что журнал участвует «в каком-то заговоре против мужика»: «Кровь, убийства, насилия, месть, побои развертываются перед вами» (Л. Войтоволский, Киев. Мысль, 31 июля).

Секретарь редакции С. П. Постников писал В. С. Миролубову 2 апреля: «Против всех Ваших ожиданий — название журнала “Заветы” очень нравится и литераторам, и широкой публике... Словом, чувствуется, что попали в точку, что кто-то ждал “Заветов”. Идет и подписка...» 6 апреля: «По общему здесь мнению беллетристов развратили сборники, которые раньше имели ог-

ромный тираж. Они набили авторам небывалые цены... Прошел интерес к беллетристическим “выступлениям”, упали и сборники. “Знание” — не читается. “Шиповник”, вместо сборников, задумывался издавать журнал, но почему-то не решился. Тираж “Земли” тоже сильно упал... Наши друзья говорят, что очень уж много у нас “мужика”. У Горького — мужик, у Бунина тоже, у Коцюбинского тоже, у Вольного, Ракитникова, Черемного и т.д. Беллетристику только и поразнообразит один Ропшин (очень хвалят роман)». 7 августа: «Протесты против Ропшина усиливаются» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. 951).

19 апреля В.Г.Короленко пишет А.В.Пешехонову: «В “Голосе Урала” (или “Уральском голосе”) появилась статья (“На смену”) такого содержания, что дескать “Русское богатство” устарело, устранилось от жизни и потому привет идущим на смену! Конечно, редакция “Заветов”, наверное, тут не при чем, но дурацкая выходка все-таки намечает некую линию настроения у “услужливых друзей”. Если еще принять во внимание время, в какое совершается эта “обновленческая” выходка, — то выходит еще лучше» [Короленко имел в виду, что два редактора журнала — А.В.Пешехонов и В.А.Мякотин — находились в Двинской крепости] (РГБ, ф. 225, карт. IV, ед. 7). 6 мая Короленко сообщает Пешехонову, что в майской книжке «Русского богатства» будет устранено имя Иванчина-Писарева: «В публике все идут слухи, будто “Заветы” alter ego “Русского богатства”. Между прочим, недавно мне доставили заметку из “Утра России”: “На днях выйдет 1-я книжка нового журнала “Заветы”. В маленькой, скромной редакции... на самом видном месте красуется большой портрет Ник.К.Михайловского. На посту заведующего редакцией стоит соратник Михайловского, седовласый, почтенный А.И.Иванчин-Писарев, собравший вокруг нового литературного знамени ряд писателей-единомышленников” и т.д. Без сомнения “Заветы” имеют право считать именно себя продолжателями “заветов” Михайловского, а Писарева истинным его соратником. Но и мы имеем полное право устранять недоразумение, будто в редакции “Заветов” и “Русского богатства” участвуют одни и те же лица. Пусть берут “почтенного, седовласого” в свое нераздельное пользование. Можно сказать, что мы его имели более, чем достаточно» (РГБ, ф. 225, карт. IV, ед. 7). 9 мая Н.Ф.Анненский в письме к Короленко высказывал свою точку зрения: «Вы слишком нервно принимаете эту историю. Я отношусь к ней спокойнее. Может быть, в части публики действительно существует недоумение относительно близости “Заветов” к “Русскому богатству”... Но для большинства читающей публики, сколько-нибудь разбирающейся в оттенках левых на-

правлений, такое недоумение едва ли может существовать. Стоит только припомнить отношение к нам былых с-ровских изданий в короткие дни свободы... А между тем действительные наши отношения к новому журналу весьма деликатные. Я не сомневаюсь, что это предприятие обреченное; видно это уже по отношению цензуры к первой книжке. Поэтому нужна особая осторожность, чтобы не подать повода к толкам, что мы относимся к нашему новому собрату враждебно...» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 17, ед. 61).

А.В.Амфитеатров писал Горькому по поводу конфискации «Заветов»: «Боюсь, что будут его резать, резать и резать, ибо правительство совершенно ясно определило, какая ему оппозиция нужна... Желаете либералов? Сколько угодно — казенной марки... и “Речь”, и “Русское слово”, и “Русские ведомости”, и “Вестник Европы”; желаете социал-демократии — пожалуйста, стриженная под гребенку, — “Современный мир” (ни одной цензурной кары!)... труднее с народничеством — ну все-таки, хоть... и с постоянными штрафами, терпится академия н.-с. [народных социалистов] “Русское богатство”... Новому же дышать вряд ли дадут» (ЛН, т. 95, с. 393).

20 апреля В.Г.Короленко пишет А.Курепину, начинающему автору: «...кружки писателей из народа... успеха не имели и едва ли кого выдвинули... если попадалось что-нибудь талантливое, — оно находило место в журналах (не только, напр., Горький, но и Петров-Скиталец и др.). А то, что печаталось в “сборниках самоучек”, “писателей из народа” и т.д., — было очень плохо и никого заинтересовать не могло» (т. 10, с. 479).

22 апреля вышел первый номер ежедневной газеты «Правда», выпускаемой большевиками. Среди постоянных сотрудников упомянуты: Демьян Бедный, В.Брусянин, М.Горький, С.Гусев-Оренбургский, В.Ильин [В.И.Ленин], П.М.Керженцев, Роза Люксембург, М.Ольминский, Г.Плеханов, Н.Рязанов, Ю.Стеклов, Е.Чириков, Ф.Шкулев и многие другие. 29 апреля «Правда» в заметке «Запрещение выпуска газет» сообщила: за неделю конфисковано три номера и произведен разгром конторы.

22 апреля А.М.Калмыкова пишет А.Г.Горнфельду о его статье «Муки слова» и др.: «Почувствовалось веяние духа Потебни, величаво спокойного и... так властно направляющего мысль и чувство — “малых”...» (РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. 327).

Андрей Белый — «О символизме» (Тр. и Дн., № 2, март-апр.). Школа русского символизма уделяет много внимания «технике воплощения»: «тончайшие музыкальные размеры» Блока, «сложнейшие эффекты инструментовки» Вяч.Иванова. «Символизм пока был утренней зарей» — солнце его «скоро взойдет».

Е.Лундберг — «Лирика Федора Сологуба» (Р. Мысль, № 4). «Отвергнутый жизнью Сологуб в одиночестве своем накапливает силы и замахивается отвергнуть самую жизнь».

А.Амфитеатов — «О кинематографе» (Утро Рос., 6 апр.). Л.Толстой и Л.Андреев интересовались кинематографом, а журнал «Театр и искусство» призывает авторов и актеров уклоняться от этого «балагана». Кинематограф «еще по слогам читает, как малограмотный. А что будет, когда он приобретет звук и цвет?»

М.Шагинян — «Тоска по быту» (Приаз. Кр., 19 апр.). Черт у Достоевского мечтал воплотиться — для большей реальности — в семипудовую купчиху. Русская литература переживает «томление по семипудовой купчихе». «Стакан чая» — сделался чаением, быт представляется современному литератору «простым и привлекательным», как мелодраматическая пастушка.

С.Н.Булгаков — «Человекобог и человекозверь (По поводу посмертных произведений Л.Н.Толстого “Дьявол” и “Отец Сергей”» (Вопр. Фил. и Псих., № 2, март-апр.; отд. изд. — М., 1913. Публичная лекция, читанная в Москве 14 марта 1912 г.). «Вековечная проблема зла и греха в человеческой душе» разрешается Толстым «в самом пессимистическом смысле»: «ужас перед жизнью — вот истинная тема этих рассказов, это почти андреевщина: только здесь не манерная позировка, но подлинная душевная мука».

Эм.Метнер — «Маленький юбилей одной странной книги (1902—1912)» (Тр. и Дн., № 2, март-апр.). О «Драматической симфонии» Андрея Белого как о первом удавшемся опыте «нового формального творчества».

В апреле утвержден устав Всероссийского литературного общества, цель которого — «всестороннее содействие развитию и процветанию литературы и улучшению бытовых и правовых условий литературной деятельности». В члены Совета избраны Ф.Батюшков, В.Кранихфельд, А.М.Редько и др. (Запр. Ж., № 16, с. 973—974).

В связи с кончиной Августа Стриндберга (30 апреля) Горький прислал в «Правду» (4 мая) телеграмму: «Никто никогда не имел на меня такого сильного влияния, как Стриндберг» (Письма. Т. 10, с. 27). А.Блок в статье «Памяти Августа Стриндберга» писал: «Рожденный истинным демократом», он принужден был вращаться среди «аристократов» и «плутократов», прослыл «грубым», «жестким» человеком, женоненавистником, но являлся «как бы маяком, указывающим, по какому пути пойдет культура при создании нового типа человека» (Совр., № 5).

Столетие со дня рождения А.И.Герцена отмечено во многих статьях: Д.Овсяннико-Куликовский «Герцен-художник» (Вест. Евр., № 3), Иванов-Разумник «Драмы Герцена» и «Неизвестная повесть Герцена» (Р. Бог., №№ 3 и 5), П.Струве «Герцен» (Р. Мысль, № 4), В.Чернов «Не во время родившийся» (Зав., № 1, апр.), Г.В.Плеханов «Философские взгляды А.И.Герцена» (Совр. Мир, №№ 3-4), В.И.Ленин «Памяти Герцена» («Социал-демократ», 25 апр.) и др.

А.Блок — «Собрание стихотворений, кн. 3-я. Снежная ночь (1907-1910)». М.: «Мусагет», 1912, тираж — 1300.

Н.Гумилев писал в связи с выходом трех книг «Собрания стихотворений» Блока: «Обыкновенно поэт отдает людям свои творения. Блок отдает... самого себя... Он просто описывает свою собственную жизнь; которая, на его счастье, так дивно богата внутренней борьбой, катастрофами и озареньями...» «Половина "Снежной ночи"... заключает в себе постоянную и упорную мысль о смерти». Но «в стихах этого периода слышен не только истерический восторг или истерическая мука, в них уже чувствуется торжественное приближение Духа Музыка, побеждающего демонов...» (Апол., № 8). «Это... поэт *живой*, в своих новых стихах отражающий новые этапы своей духовной жизни, думающий и чувствующий... за своих современников и им объясняющий их переживания»; своими «нервными стихами» «выразил смятение страсти, неодолимо увлекающей душу» к гибели — «в снежную бездну от прежних святынь» (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). «Блока до сих пор не понимают. Певец "Прекрасной Дамы" для большинства все еще не поднял забрала»; «теургическое начало в нем заслоняется началом человеческим». «Снежная ночь» — «бунгарская книга, но не модничающая богоборчеством, а вызванная подлинным страданием». О будущем «воскресении поэта» говорит пробудившаяся в нем «любовь к родной земле», «не эстетски-националистическая... а кровная, сумрачная и активная» (М.Шагинян, «Поэт Божьей милостью», Приаз. Кр.,

30 мая). «Поэзия души, мало прикосновенной к жизни, воспитанной легкими и глубокомысленными видениями» (В. Волькенштейн, Совр. Мир, № 5). Если стихи Брюсова — «плод культуры и риторики», то «стихи Блока — поэзия»; в них есть недостатки, но они — «живые», в них есть «нечто болезненное, но нет ничего отталкивающего, есть какая-то наивная мудрость и нет рассудочности», «есть вкус, которого часто не хватает даже таким большим поэтам, как Бальмонт, Сологуб и Городецкий» (М. Чунов [И. И. Ясинский], Нов. Сл., № 8, Нов. Кн.). Блок «как будто не обращает внимания на форму, но форма — его врожденный дар... Часто он — младший брат Пушкина или даже Байрона, так все строго, логично, непринужденно, пламенно и богато» (он же, Нов. Сл., № 9, Нов. Кн.).

С. П. Бобров записал в дневнике 7 января 1913 г.: «Купил сегодня Блока — III том. Боже мой, какие там чудесные вещи есть! А все же я отошел как-то от модернистов! То ли дело Языков, Баратынский, Пушкин (но почему-то не Тютчев...) или Коневской... Еще читаю сейчас с удовольствием Игоря Северянина, Асеева, себя... Все-таки ужасная книга Блока! — не стихи, а кровохарканье какое-то. И все-таки хороший Блок...» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 407—408).

Вяч. Иванов — «*Cog ardens*. Часть вторая. Любовь и смерть. Rosarium». М.: «Скорпион», 1912, тираж — 1000.

В. Брюсов назвал книгу Вяч. Иванова выдающимся, но не характерным для сегодняшнего дня явлением; его поэзия стоит вне времени, он «обращается к вопросам мировым, трактует их с самой общей точки зрения», порой забываешь, что перед нами современник, а не поэт XII или XVII в. В соответствии с «религиозным эстетизмом» Иванов выработал «свой собственный словарь и свой синтаксис», «затрудняющий иных читателей» (Р. Мысль, № 7). «Вместо лирического удивления поэта перед своим переживанием... мы встречаем эпическое (быть может, даже дидактическое) всеведение...», «торжественные архаизмы», «ухищренность и витиеватость», но и «подлинность языка», «изломанного по правилам чуть ли не латинского синтаксиса» (Н. Гумилев, Апол., № 6). Сборник Иванова — это религиозная, пророческая, метафизическая и дидактическая лирика, которая во многих случаях требует специального комментария (М. Кузмин, Тр. и Дн., № 1; автор рецензии был вынужден заявить, что редакция «Трудов и дней» самовольно отбросила теоретическую концовку, содержащую критику символизма и предложение именовать его «теургизмом». «Письмо в редакцию», Апол., № 5). В. Иванов порою «впадает в символику, скорее

средневековую, чем современную». «Склонный к славянизмам, принципиально тяжелый, язык... не лишен темноты» (Гиперб., № 1, окт.). Иванов воплощает мечту Пушкина, Лермонтова и Вл. Соловьева о поэте-пророке: у него «эстетическое сливается с религиозным, стихотворение становится пророческим» (П. Медведев, «Новая студия», № 13). «Автор — философ, вождь, пастырь — что угодно, но не поэт»: «холодная риторика» заменила «чары подлинной поэзии; философские проблемы — живые образы» (В. Нарбут, Нов. Журн. для всех, № 9). Книга «одного из самых образованных наших современников» «поражает разнообразием мотивов и сложностью построения», «встречаются образцы чуть ли не всех метров и строф, от древне-греческих до... свободного стиха» (Вл. Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914).

Н. Гумилев — «Чужое небо. Третья книга стихов». СПб.: изд. «Аполлона», 1912, тираж — 1100.

Гумилев — поэт «образованный, с хорошим вкусом», «все же не входящий и не вводящий в храм поэзии» (М. Шагинян, Приаз. Кр., 30 мая). «Стихотворения г. Гумилева не плохи», но «автор — прежде всего не поэт»: «и жизни, и поэзии он одинаково чужд». В книге все «мертворожденное», «все экзотическое и высокопарно скучное» (Б. Садовской, Совр., № 4). «По-прежнему холодные, но всегда продуманные стихи Н. Гумилева оставляют впечатление работ художника, одаренного, любящего свое искусство, знакомого со всеми тайнами его техники». «Надо любить самый стих, самое искусство слова, чтобы полюбить поэзию Н. Гумилева» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 7). Муза Гумилева, «намеренно простая», «чуждаясь всяких дебрей... преимущественно скользит по периферии духа, а не устремляется к его тайникам» (Гиперб., № 1, с. 29): Его поэзия противостоит «неврастенической мистике последних лет»; по своей природе она примыкает к школе Брюсова (С. Городецкий, «Речь», 15 окт.). Его вдохновляет «муза дальних странствий», «юношески-мужественный взгляд», «с улыбкой всему» имеет нечто «влекущее за собой» (М. Кузмин, «Письмо о русской поэзии», Апол., № 2). «Гумилев от “Жемчугов” отошел, но ни к чему определенному еще не пришел. Он “пуст”... при “сохранении всей крепости стиха и выдержанности форм”» (М. Кузмин, «Нива», ежемес. прилож., 1913, № 1, Б-фия). «Много музыки, оригинальные настроения, новый романтизм и точность языка». «Поисков много, а находок мало. Скорее — красивая риторика, чем поэзия». Приложена одноактная пьеса в стихах «Дон Жуан в Египте» — о таких вещах «старые критики говорили: “ерунда всямятку!”» (М. Чуносков

[И.И.Ясинский], Нов. Сл., № 7, Нов. Кн.). «Выход из повседневного серого бытия» поэт находит в вечности». Четкому, крепкому и яркому стиху недостает образности (В.Нарбут, Нов. Жизнь, № 9, Кр-ка и б-фия).

Ив.Рукавишников — роман «Проклятый род»: ч. I — «Семья железного старика», ч. II — «Макаровичи», ч. III — «На путях к смерти». СПб.: «Освобождение», 1912, тираж — 2000.

Читатели и критика отнеслись к роману Рукавишникова кисло, и виною тому отсутствие чувства меры у автора. Выведены три поколения одной и той же заволжской купеческой семьи, во главе с родоначальником — «железным стариком»; второе поколение — это прежде всего «обезличенная и обесцвеченная» фигура «автоматического продолжателя дела» и других сыновей, в каждом из которых — «типичные черты распада душевной жизни»; третье поколение, внуки, сходят с ума, уходят в декадентство, пьянство, играют в революцию и т.д. (В.Кранихфельд, «Купеческий декаданс», Совр. Мир, № 9). Роман растянут, не построен архитектурно, но он «волнует, мучает, захватывает, возмущает». Острая современность сочетается с вечными вопросами творчества, любви и смерти (Ан.Чеботаревская, Нов. Жизнь, № 6, Кр-ка и б-фия).

Ю.Балтрушайтис — «Горная тропа. Вторая книга стихов». М.: «Скорпион», 1912, тираж — 1000.

«Художник пристального взгляда, поэт сосредоточенной думы, Балтрушайтис... продолжает философскую традицию нашего искусства» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 4 июня). Второй сборник ничем не отличается от первого (В.Брюсов, Р.Мысль, № 7). «Все творчество поэта выдержано по своей равномерной и часто раздражающей отвлеченности. Он смотрит на мир глазами соннамбулы, и все вещи проходят мимо него, не задевая его и не волнуя» ([Н.С.Гумилев], Гиперб., № 1, с. 30). «Апофеоз земной печали» вослед за Ин.Анненским; «миросозерцание, построенное на диссонансах, возникающих между земным и звездным»; все «звучно, оправдано и в меру красиво» (А.Бартенев [А.А.Альвинг], «Жатва», № 3, Кр-ка). По современным меркам Балтрушайтис — «поэт второго ранга»: «несколько акварельные краски и недремлющая мысль, при значительном отсутствии чувства» (Нов. Сл., № 8, Нов. Кн.). Стихи «лучше задуманы, чем исполнены», «это еще не совсем поэзия», но автор «идет вперед, а не назад» (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914, с. 202).

Май

4 мая умер писатель-народник П.В.Засодимский. «Имя Засодимского давно уже вышло из поля зрения современного читателя» («Речь», 5 мая). «Покойный является последним из славного кружка русских беллетристов, где он работал наряду с Гл.Успенским, Златовратским и др.» («Правда», 5 мая). В.Розанов приносит раскаяние за резкость своих прежних упреков Засодимскому — «слишком молодых и необдуманных»; 60-е годы своим «ясным, прямым отношением к делу», «добрыми поступками» оказались выше 90-х с их «всемирными фантазиями» (Н. Вр., 20 мая).

М.Горький — «Три дня» (Вест. Евр., №№ 4 и 5); «Сказка [XX из «Сказок об Италии]» (Запр. Ж., № 19, 11 мая).

М.Коцюбинский писал Горькому 5 мая о «Трех днях»: «Даже кислого, разочарованного в современной литературе читателя рассказ захватывает» (М.М.Коцюбинский. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1951, с. 360).

За Горьким установилась репутация романтика, между тем он натура, «реалистически приверженная к земле», и становится романтиком только потому, что повсюду ищет героев русской жизни, «того, что мог бы ускорить биение ее пульса». «Сочетание психологической глубины и строгой художественности придает... повести характер толстовской простоты... Вместо буйных апостолов свободы... Горький изображает людей, мечтающих о необходимости упорного, умного труда на земле» (Л.Войтовский, Киев. Мысль, 14 апр.). «Форменное безобразие»: поп, землевладелец, даже сельский учитель «подвергаются злему вышучиванию» (А.Басаргин [А.И.Введенский], «Что нового в литературе?», Моск. Вед., 12 мая). Горький «сумел молча вытерпеть все... лягания и отпевания» и «доказал, что он жив». «Горе его в том, что он... не знает своих сил. Он земляной художник... а тшится быть историком, философом и публицистом» (удачные «Рождение человека» и «Три дня», неудачные «Сказки») (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1912 году», Зав., 1913, № 1).

А.Серафимович — «Город в степи». С посвящением Леониду Андрееву (Совр. Мир, №№ 1-5); первое отд. изд. — СПб.: «Шиповник», 1913, тираж — 2000.

«Несмотря на некоторую деланность и напряженность, все-таки перед нами произведение, после которого остается впечатление действительности... тяжелой, подавляющей, страш-

ной» (И.Игнатов, Р. Вед., 1 февр.). А.Серафимович по скромности своей «никогда не решал никаких “проблем”, не брался за кричащие модные темы, не ошеломлял читателя дерзновениями»; он держался в узкой сфере изображения южного русского быта, степных людей. «Тут он — редкий мастер и пейзажа, и жанра, и бытового диалога» ([Ф.Д.Крюков], Р. Бог., 1913, № 6, Нов. Кн.). Все свое внимание Серафимович сосредотачивает «на упадке духа, на реакции и унынии, на оппортунизме», «настроения подъема» ему чужды. «Досадное чувство вызывает и постоянное смешение стилей — старого, повествовательно-реалистического, с импрессионистским: словно нет у автора собственного голоса», а есть противоположные влияния Чехова, Бунина, Л.Андреева и А.Н.Толстого (Е.Колтоновская, «Речь», 1913, 29 июля). «Дух партийных счетов» не позволил показать «как одурачивают порою темную массу эти полуграмотные пролетарии-пропагандисты» (А.Басаргин [А.И.Введенский], «Партийность и положительные задачи», Моск. Вед., 7 апр.). В романе «реализм переплетается с символизмом, разнужданная эротика с наивной политикой» («Русская литература», Н. Вр., 1913, 1 янв.).

А.Блок — «Сусальный ангел», «Повеселясь на буйном пире...» (Зав., № 2, май).

Об этих стихах Горький писал В.С.Миролюбову 25 апреля: «Мне они показались пустыми» (Письма. Т. 10, с. 24).

Ф.Крюков — рассказ «Офицерша» (Р. Бог., №№ 4—5).

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «Литература и общественность» (Р. Мысль, № 5). «Совершается естественное освобождение от “чеховщины”», Чехов «пережит, пройден, хотя не превзойден». Возросла «культурность литературы» («знают, как писать»), но мало «настоящих писателей» («не знают, что сказать»), ибо «надо сначала *быть*, а уж потом писать». К «настоящим» причислен Сологуб («в нем чувствуется собственное бытие, личность»), Ремизов («тяжелая самость»), «есть задатки писателя» у Бунина, Розанов — «писатель громадного, почти гениального дарования», но в нем — «перерост личности».

В.Львов-Рогачевский — «Художник-правдоискатель» (Совр. Мир, № 5). Горький — не созерцатель, а «протестант, проповедник, созидатель». Разговоры «о конце Горького» остались в прошлом, «на наших глазах совершается возвращение к общественности», а с ним «второе пришествие Горького». Его трагедия в

том, что среди книжников он — «самородок-самоучка», а среди рабочих — «интеллигент-пропагандист».

6 мая Андрей Белый пишет А.А.Кублицкой-Пиоттух, что вся его жизнь с 1909 по 1912 год была связана с исканием «большого жизненного пути, нужного России»; называет Рудольфа Штейнера обретенным «видимым учителем», который даст «России несколько воинов» (А.Блок. Исследования и материалы. Л., 1991, с. 331).

15 мая в уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената заслушано дело по обвинению В.Г.Короленко как редактора «Русского богатства» за помещение в № 10 за 1907 г. очерка С.Я.Елпатьевского «Люди нашего круга» (по статье «возбуждение вражды одного класса против другого»). С.-Петербургская судебная палата приговорила Короленко к двухнедельному тюремному заключению, решение было обжаловано (адвокат О.О.Грузенберг), но Сенат подтвердил приговор («Речь», 16 мая)*.

22 мая Н.С.Гумилев пишет В.Я.Брюсову: «Литературный Петербург очень интересуется теперь возможность новых группировок, и по моей заметке, а также отчасти по заметке Городецкого в “Речи” [см. отклики на сб. Брюсова “Зеркало теней” в настоящей Летописи, март 1912 г.]. Вы можете судить, какое место в этих группировках отводится Вам» (ЛН, т. 98, кн. 2, с. 509).

Ч.В[етрин]ский писал в связи с выходом книги Н.Шаховской «В.Г.Короленко. Опыт биографической характеристики» (М., 1912): Прочная симпатия русского общества к Короленко создана не только его литературным талантом, но и всем жизненным, человеческим образом писателя, которого «сила живого нравственного чувства» делает «героем партизанской войны за справедливость» (Вест. Евр., № 5).

Виктор Чернов — «Этика и политика» (Зав., № 2, май). Присоединяется к «глубоким убеждениям Толстого, что моральная сторона революции есть ее первооснова»; называет «веховцев» «самыми яркими представителями современной глубокой духовной контрреволюции»; в литературных гостиных «предста-

* Приговор снят по амнистии в связи с 300-летием Романовых (см. настоящую Летопись, февраль 1913 г.).

вители наших интеллигентских религиозных исканий» «кокотливо репетируют роли вождей будущей русской реформации», но «времена религиозных революций, возрождений и обновлений безвозвратно прошли».

В апреле–мае «Биржевые ведомости» (веч. вып.) печатали ответы на анкету о самоубийстве: Ф.Сологуб призывает «не бояться самоубийств», так как «они являются клапаном, дающим выход слабости» (25 апр.); А.И.Куприн полагает, что «цельная и здоровая человеческая личность неспособна на самоубийство» (25 апр.); А.М.Ремизов ответил притчей о Богородице, посетившей мучеников в аду (27 апр.); И.Е.Репин назвал самоубийство «страшным делом» человека, потерявшего религиозный идеал (27 апр.); М.П.Арцыбашев считает, что современное неблагоустроенное общество не имеет права «навязывать жизнь силой», а так как «конец для всех един — смерть», то «чем скорее, тем лучше» (28 апр.); Е.Н.Чириков призывает литературу помогать молодежи, общественный пессимизм которой вызван эпохой застоя (30 апр.); Вяч.Иванов утверждает, что единственным коренным средством против самоубийств является религиозная форма самоопределения личности (30 апр.); И.С.Рукавишников полагает, что трагедия самоубийства неизбежна и не означает болезни общества (3 мая); Л.Андреев отстаивает священное право человека убить себя, когда не захочется жить (7 мая); В.Муйжель считает, что общество не имеет права останавливать самоубийцу (12 мая); М.Кузмин — «это дело между человеком и Богом или своею волею» (19 мая); А.Каменский рассматривает самоубийство как последнее средство самозащиты человека в борьбе с равнодушием и эгоизмом общества (19 мая).

Горький осудил позицию примирения общества с самоубийствами и призвал литераторов бороться с пассивностью и нигилизмом как общественным злом (Запр. Ж., № 27, 6 июня).

Антид ОТО — «Талантливый малый» (Киев. Мысль, 18 мая). В отличие от Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Михайловского, Плеханова — К.Чуковский существует «сам по себе», «без идеологического свидетельства», обладая лишь «умственной жизнерадостностью».

31 мая в Москве усилиями И.В.Цветаева был открыт Музей изящных искусств имени Александра III (П.Муратов, «Музей Изыщных Искусств», Апол., № 9). На открытии присутствовали Николай II, вдовствующая императрица, великие князья и т.д.

С.Я.Эфрон, зять И.В.Цветаева, писал 7 июня сестре: «На открытии были все высшие сановники. Если бы ты знала, что это за разваливающиеся старики! Во время пения вечной памяти Александра III вся зала опустилась на колени. Половина после этого не могла встать» (А.Саакянц. М.Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997, с. 37). В строительстве нового музея Ал.Н.Бенуа видел пример неразумного расточительства: за «дорогим каменным фасадом с его как бы подламывающимися под антаблементом жердями-колоннами» хранятся гипсовые слепки, неудачно размещенные (исключение — египетский отдел, итальянские примитивы) («Художественные письма», «Речь», 5 окт.). И Грабарь укорял Ал.Бенуа за этот «выпад»: И.В.Цветаев — «человек, действительно ровно ничего не чувствующий и не понимающий в искусстве», но он «дон-кихотски любил эту свою идейку, свое создание... Крылатое словечко “мраморный ящик для гипсовых фигур”, пущенное в свое время... до того истерлось, что у меня бы не хватило просто храбрости еще раз пускать его в оборот... И я крепко пожал года три тому назад руку Серову, когда узнал, что он каждый день туда ходит хоть на часок и наслаждается», хотя «тонкие люди считают это признаком мешанского, плебейского вкуса» (Игорь Грабарь. Письма. 1871–1917. М., 1974, с. 275).

XXXIX сборник «Знания». СПб., 1912, тираж — 8000. (М.Горький «Случай из жизни Макара», И.Сургучев «Губернатор» и др.).

Мысль рассказа Горького ясна: «мир страшен только одиночкам», нужно «идти навстречу людям и искать опоры в неутомимой вечной работе всего человечества» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 15 июля). Рассказ направлен против интеллигентского принципа «обхождения своими силами». Знаниевцы «всячески и неуклонно исполняют миссию человеколюбия», причем человеколюбие в последнее время заменяется человекоборством, «святой борьбой с настоящим, теперешним человеком за будущего» (М.Шагинян, «Человеколюбие и человекоборство», Приаз. Кр., 1 авг.). Самоубийство описано хорошо лишь с внешней стороны, в рассказе отсутствует художественная свобода и присутствует «насильничающая тенденциозность» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 25 июня). «Одна из самых обрывчатых и никчемных» вещей Горького (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 8). Горький показывает «духовный процесс, через который проходит простой человек труда» в направлении «вершин высшей солидарности» (Н.Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 19 мая).

В.А.Поссе писал о «Случае из жизни Макара» автору 8 июля: «Так искренно, просто и значительно! Удивляюсь тупоумию критиков вроде Айхенвальда... Говорил недавно с Кранихфельдом. Тот... “не восхищен”... В.Г.Короленко... заинтересовался и заметил: “Рано собрались хоронить Горького”. Да, жизнь у Вас долгая и упрямая» (Архив А.М.Горького).

Разноречивые отзывы вызвала повесть Сургучева, которую Горький в письме В.С.Миролюбову от 20 декабря 1911 г. охарактеризовал как вещь «весьма значительную», но написанную «несколько растянуто и хаотично» (Письма. Т. 9, с. 210). Тема повести — «кающийся губернатор» — «больше намечена, чем осуществлена» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 25 июня). «С главным лицом повести автор совершенно не справился... Психология этого неликуемого человека с ослепшей душой — не убедительна, язык его придуман автором» (В.Львов-Рогачевский, «В мире звуков», Совр. Мир, № 8). Андреевская тема о жизни и смерти разработана в чеховском колорите, при «малой внутренней оригинальности» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 15 июля). «Душа кающегося грешника» показана в «толстовской манере рассуждений и копаний» (Н.Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 19 мая). Жаль, что эта «не первоклассная, но интересная» вещь появилась в «когда-то шумевшем, а теперь мало популярном» издании (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 20 июня). В романе есть «и революция, и физиология, и психология», но — «малозначительная и какая-то вязкая» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 8). Понимание жизни у Сургучева углубляется: губернатор умирает, но в сердце его красота побеждает «зло и ужас жизни» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 8). «Сургучев — чистый реалист, и это усиливает то впечатление, что за последнее время новые таланты — Шмелев, Ив.Вольный и некоторые из прежних — Сергеев-Ценский, Зайцев — иные совсем, иные частью примыкают к художественному реализму» (А.Дерман, Зав., № 5).

«Земля». Сб. девятый. Моск. кн-во, 1912, тираж — 12000 (М.Арцыбашев «Сильнее смерти», В.Винниченко «На весах жизни»).

Прочитав рукопись романа Винниченко, Горький писал В.С.Миролюбову в конце августа 1911 г.: «О русской интеллигенции так обвинительно не говорили ни Маркевич, ни Ключников, ни Крестовский, и даже сам Дьяков-Незлобин — милосерднее Винниченка... Общее впечатление повести таково: нет на свете людей извращеннее, распутнее, бессовестнее и глупее, чем русские революционеры... Вообще со всех точек зрения — сочиненьище дрянное» (Письма. Т. 9, с. 96). А.В.Амфитеатров,

в письме к Горькому, высказал другую точку зрения: «Это гораздо лучше первого его романа, который был мне отвратителен до тошноты [“Честность с собой”]. Гораздо чище мыслью, а правда, к сожалению, страшная... Это не Ропшин! ... Писатель он с большим дарованием и серьезно-наблюдательный. Если бы из него пессимистическую труху вытрясти, большим человеком мог бы быть» (ЛН, т. 95, с. 421). Горький ответил в начале января 1913 г.: «Не согласен с Вами в отношении к повести Винниченка... Это — злопахательство “Бесов” сильнейшее! ... а уж как зол был, старый демон! Вообще — с меня довольно “ропшинизма”, вехизма и прочих признаков духовного разложения, я и без Винниченки по Винниченке вижу, что окончательно загнили, с корней! Разоблачение внутренней дряблости россиян-революционеров превратилось уже в оплевание русской истории. Винниченки, Ропшины и прочие, может быть, очень хорошие, вполне искренние люди, но они никогда не ставили перед собою вопроса о праве итога и, кажется, никогда не поставят. А — надо бы» (Письма. Т. 10, с. 236–237).

Самый угрожающий недостаток творчества Винниченко — легкомыслие ([А.М.Редько], Р. Бог., № 9, Нов. Кн.). Если роман и не прямая клевета, то во всяком случае он написан «от дурного взгляда» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 8). Верно показан быстрый переход от крайней левизны к крайнему равнодушию в общественных вопросах (И.Игнатов, Р. Вед., 17 мая). Похоронная песня эмиграции, но искусство должно говорить правду, даже если она компрометирует людей и дело (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 13 июня). Изображено дно эмигрантской богемы (сатанисты, декаденты, провокаторы, пьяные безобразники, кокотки, сутенеры), но речь должна идти не о «пасквильных намерениях», а о работе искреннего художника (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 29 июня). «Крестным отцом г. Винниченки был Достоевский», герои «только и говорят о вере, о Боге, о революции, о морали, об инстинктах пола». «Документ наших дней, дней разочарования и мрака, краха души и конца энтузиазма». Для автора «революционная интеллигенция кончена», наступило «время покаяния», «переоценки ценностей», в котором «вянет какая-то традиция, блекнет какая-то перспектива» (Л.Клейнбург, «Краха души», Нов. Жизнь, № 7).

Ив.Бунин — «Рассказы и стихотворения (1907–1910)». М.: Кн-во писателей, 1912, тираж — 2000.

Вл.Нарбут — «Аллилуйя. Стихи». СПб.: «Цех поэтов», 1912, тираж — 100.

Книга отпечатана церковно-славянским шрифтом с киноарными заглавными буквами из старопечатной псалтыри и эпиграфом из Книги псалмов: «Хвалите Господа от земли...» и т.д. Перед читателем проходит ряд странных образов: «нежить», «погань лохматая», «слепые гады», «домовиха рыжая, раскоряка тошая» и т.д. (С.Адрианов, Вест. Евр., № 7). Это реакция на увлечение первого поколения русских модернистов эстетизмом. «М.Зенкевич и еще больше Вл. Нарбут возненавидели не только бессодержательные красивые слова... не только шаблонное изящество, но и всякое вообще. Их внимание привлекло все подлинно отверженное, слизь, грязь и копоть мира» (Н.Гумилев, Апол., № 6). Эпиграфом к сборнику может служить стихотворение «Залихватски жарит на гармошке» (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). «В корявых, но мощных образах заключается истинное противоядие против того вида эстетизма, который служит лишь прикрытием поэтического бессилия» (Гиперб., № 2, ноябрь). «Поза, нарочитость, уродливая гримаса и погоня за намеренно-безобразными образами», но встречаются отрывки «не лишенные своеобразной поэзии» (Н.Мешков, «Путь», 1913, № 1, с. 55). «Грубое изображение действительности возбуждает отвращение к ней» (И.Игнатов, Р. Вед., 1913, 6 апр.). Книжечка «более непристойная, чем умная» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914, с. 206).

«Оранжевая урна». Альманах памяти К.М.Фофанова. СПб.: «Петербургский глашатай», 1912, тираж — 400 (В.Брюсов, К.Олимпов, И.Северянин и др.).

Альманах «открывает новую эру в жизни “Петербургского глашатая” — из газеты он превращается в издательство» (Казанский [И.В.Игнатъев], «Первый год эго-футуризма», «Орлы над пропастью», СПб., 1912). С.Городецкий отмечал «бесцеремонную деятельность» небольшой группы стихотворцев, «узурпировавших слово “футуризм”»: «Всякому, кто видел выходившие весной номера “Петербургского глашатая”, дело совершенно ясно», кроме «одного почтенного мэтра [В.Брюсова], поддерживавшего своим авторитетным участием “Оранжевую урну”» («Речь», 1 окт.).

М.Шагинян — «О блаженстве имущего. Поэзия З.Н.Гиппиус». М.: «Альциона», 1912, тираж — 950.

«Это не разбор поэзии З.Гиппиус», а «трактат о содержании... о религиозно-философской сущности ее поэзии» (Н.Львова, Р. Мысль, № 8).

В.Ф.Переверзев — «Творчество Достоевского». С предисловием П.Н.Сакулина. М.: «Современные проблемы», 1912, тираж — 2100.

«Печальная книга», хотя «автор лучше своей теории». В предисловии мягко указано на погрешности «социологического метода»: Достоевский предстает как «поэт упадочного мещанства». При таком «всеизвращающем убеждении, что живых людей нет, а есть только социальные категории... как можно говорить об искусстве», где «смысл и цену типичности сообщает только жизненность отдельного явления» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). В «прокрустово ложе» марксистской схемы критик стремится уложить героев Достоевского, обнаруживая «ужасающую плоскость мысли». Сакулин, в предисловии, не разделяя крайностей позиции Переверзева, «основной метод его считает приемлемым» (О.Ларин [И.Я.Рабинович], Зав., № 7, окт., Б-фия).

Л.Я.Гуревич — «Литература и эстетика. Критические опыты и этюды». М.: изд. «Русская Мысль», 1912, тираж — 2000.

Статьи трактуют об отдельных писателях (Гоголе, Лескове, Л.Толстом, М.Альбове и др.), но автора интересуют общие законы художественного творчества. Бывший редактор «Северного вестника» «проделал за двадцать лет... значительную эволюцию» — она «ищет не всеразрешающего догмата», «но достойного пути к самостоятельным решениям», «охраняя свою субъективность от бесшабашного произвола». В наше время «без мерил» «теоретическое понимание» литературы «общественно воспитательно» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 9, Нов. Кн.).

Июнь

Н.Никандров — повесть «Во всем дворе первая» (Зав., № 6).

«Великолепная история», «блещет проникновенностью психологического анализа и знанием быта» (М.Чуносков [И.И.Ясинский], «Певцы каменного плена», Журн. Журн., 1915, № 31). Художник, отличающийся меткостью характеристик пригородной слободы, в тысячу первый раз показал «пороки нашей коллективной, всероссийской души», «духовный наш кретинизм» (Вяч.Полонский, «Заметки о молодых», Лет., 1916, № 3). «Никандрову удалось... подлинно художественными средствами... изобразить... трагедию обыденности» (В.Г.Голиков, Вест. Зн., 1916, № 8-9).

1 июня Э.К.Метнер писал Вяч.Иванову о конфликтах в кругу ведущих сотрудников «Мусагета»: «С Бугаевым еще труднее, чем с Эллисом, ибо он органически не выносит никаких указаний, советов, никакой критики», в нашей «переписке-перебранке» «я предстану... как выскочка, деспот, капрал, заставляющий аристократов духа маршировать по команде...» (В. Л., 1994. Вып. 2, с. 335). 18 июня — А.А.Блоку: «Теософическое увлечение принимает очень серьезные размеры, и у Эллиса оккультизм уже съел дочи́ста последние остатки литературы... Как все это отразится на Бугаеве — не знаю» (Рос. Литературовед. Журн., 1997, № 9, с. 95).

19 июня В.Г.Короленко пишет И.С.Шмелеву: «Вы сомневаетесь в законности самого рода критической литературы, называемой рецензиями. Напрасно. Этот подвижной род, так сказать, легкая критическая кавалерия, — оказывает огромную услугу авторам и читателю. Подумайте сами, что было бы, если бы были допустимы только: или критический трактат или... молчание о новой книге. На трактат — кто еще и когда соберется, а в десятках рецензий читатель уже встречает живой разговор о новом явлении» (Избр. письма. Т. 3. М., 1936, с. 208).

Н.Клюев — «Братские песни. Книга вторая». Вступительная статья В.Свенцицкого. М.: Изд. журн. «Новая жизнь», тираж — 2000. В конце августа — начале сентября сборник под заголовком «Песни Голгофских христиан» в сокращенном составе вышел в том же издании тиражом 5000.

В приветливой встрече Клюева, поэта из народа, «наши интеллигенты и культурники пересолили... Клюев угодил всем. И марксистам, и старозаветным народникам, и модернистам», его «братские песни — удивительно общенародны». «К сожалению, дух какого-то самоистязания, экстатического “поклонения кресту” лишает некоторые песни Клюева здорового протеста, бодрой жизненной борьбы» (Д.Философов, «Речь», 23 июля). «Тошую, претенциозную “вторую книгу” Н.Клюева трудно дочитать до конца... Тут кресты, терновник, венцы из терний, Голгофа, куши рая, райский крин, зверь из бездны и т.д., и т.д.... Но тут нет живого человеческого слова, идущего от сердца к сердцу...» (В.Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 7). Клюев — «экзотическая птица», крестьянин, «пишущий безукоризненные стихи», «провозвестник новой силы, народной культуры», с глубоко религиозным пафосом. Вступительная статья Свенцицкого грешит «сектантской узостью»: монашество, аскетизм чужды Клюеву (Н.Гумилев, Апол., № 6). Лучшие стихотворения сборника «яв-

ляют редкий у нас образец подлинной религиозной поэзии» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 7). «Искупление грехов, кровавые слезы раскаяния, эшафот и костер, вот что сменило недавно бодрую музу Клюева... Потух внутренний огонь... и помертвели слова и образы... Неблагоприятное впечатление довершается крикливой статьей Свенцицкого», возводящей поэта в «пророки» (В. Ховин, Нов. Жизнь, № 8, Кр-ка и б-фия). С одной стороны, Клюев выступает «эпигоном Тютчева и Фета», с другой — перепевает «духоборческие и скопческие песнопения». «При некоторой красивости стиха», его поэзия отличается «монотонностью образов и поэтических устремлений» (М. Чуносков [И. И. Ясинский], Нов. Сл., № 9, Нов. Кн.). Форма стиха стала совершеннее, но «удивляет религиозная развязность» В. Свенцицкого, назвавшего Клюева «пророком» (Вл. Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914).

Июль

Ив. Бунин — рассказ «Игнат» (Р. Сл., 14, 17–20 июля).

Андрей Белый — «Египет» (путевые очерки) (Совр., №№ 5–7).

Н. Гумилев — «Итальянские стихи» (1. Пиза. 2. Рим. 3. Генуя) (Р. Мысль, № 7).

С. Гусев-Оренбургский — повесть «Дьякон и смерть» (Совр., №№ 5–7).

Иван Вольный — рассказ «Как это было» (Совр., № 7). Герой — крестьянин, сосланный в Сибирь, брат его повешен, отец — приговорен к 20 годам каторги.

В. Винниченко — «История Акимова здания» (Зав., №№ 3–4, июнь–июль).

В. Брюсов — «Сегодняшний день русской поэзии (50 сборников стихов 1911–1912 г.)» (Р. Мысль, № 7). В поэзии появилось несколько талантливых дебютантов (Н. Клюев, П. Радимов); в Петербурге возник «кружок шумящих и заставляющих о себе говорить “эго-футуристов” и “Цех поэтов” — сообщество молодых писателей, среди которых некоторые не лишены дарования» (А. Ахматова «Четки», М. Зенкевич «Дикая порфира», Вл. Нарбут «Аллилуйя»). «Характерные черты поэтов этого сообщества»: «строгость в чеканке стиха», «постоянная проверка вдохновения рассудком». Эго-футуристы «провозгласи-

ли новую эру в поэзии со дня своего появления», они стремятся выразить душу современного человека, при этом их внимание привлекают «даже не трагизм и противоречия Верхарновского города, но “желтая гостиная из серого клена”, “будуар нарумяненной Нелли”, “шале березовый, совсем игрушечный”, “моторный лимузин”» и т.п. [цитаты из стихов Игоря Северянина]. «Наша ежедневная пресса считает своим долгом насмеяться над горделивыми “манифестами” этих “эго-футуристов”», но их поэзию «должно оценивать независимо от... юношеских вызовов, бросаемых наскучившей повседневною». Меняется самая «обстановка» поэзии, неизменная со времен романтиков, «новое отношение к миру и к жизни требует и новых слов». «Игорь Северянин нам представляется настоящим поэтом», хотя его «неудачные новшества» дают «благодарные темы для газетных пародий».

Albus [А.К.Елачич] — «Будущники» (Од. Нов., 1 июля). «Вокруг идей футуризма прыгают уже литературные обезьяны (возьмите русского поэта Игоря Северянина!), кружатся уже истерические живописцы, собираются на шабаш базарно-юркие “псевдонимы” искусства...» В корне футуризма лежит «святая, светлая и нужная идея — мечта о грядущем».

16 июля Горький пишет В.А.Поссе: «Те, кто находят, что “Горького хоронят рано” — на мой взгляд — не ошибаются... И — что за длинный труп? Семь лет зарывают его в землю и все не могут зарыть» (Письма. Т. 10, с. 83).

26 июля умер Н.Ф.Анненский, член редакции «Русского богатства». В №№ 8–10 печатались материалы об Анненском: статьи В.Г.Короленко, А.Б.Петрищева, В.И.Семевского, А.В.Пешехонова, Ф.Д.Крюкова, С.Я.Елпатьевского, телеграммы и письма, полученные редакцией, отзывы прессы. 4 сентября Л.Андреев написал В.Г.Короленко: «Для души моей, для самого в ней заветного, только то поколение и ценно, и близко, и почитаемо, к какому принадлежал Николай Федорович... Только за ними я чувствовал ту глубокую серьезность, которая дело русской революции делала воистину святым делом, всю литературу подняла на высоту строгого и неподкупного народослужения. Тут не было места для Ропшиных, которые для меня отвратительнее самого Азефа...» (ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, ед. 24).

Альманах «Стеклянные цепи», СПб.: «Петербургский глашатай», 1912, тираж — 400 (И.Северянин, Л.Афанасьев, Д.Крючков, И.Игнатъев и др.).

Август

1 августа В.В.Вересаев пишет Горькому, предлагая вступить в пайщики «Книгоиздательства писателей в Москве», которое собирается издавать, кроме книг, беллетристические сборники. В своем ответе от 9 августа Горький отказывается быть пайщиком, но соглашается печататься как «посторонний» автор*; и в свою очередь предлагает «товариществу великорусских писателей» издавать сборники «иноплеменных литераторов»: белорусов, армян, поляков, финнов и т.д. (Письма. Т. 10, с. 91).

Ф.Сологуб — «Три стихотворения» (1. «Там внизу костры горели...». 2. «Пляшут волны...». 3. «Я часть загадки разгадал...» (Р. Мысль, № 8).

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «Беллетристические воды» (Р. Мысль, № 8). О 39-м сборнике «Знания» и 9-м — «Земля». Горький живет в Европе, точно в ссылке, напряженно мечтая о России, все его последние вещи «хорошо написаны», но «фальшиво призрачны», в них чувствуется «одеревенелость души». Единственный теперь «хороший альманах» — «Земля», он «дает имена», книги его интересны.

11 августа умер А.С.Суворин. В.В.Розанов назвал покойного «величайшим журналистом второй половины XIX века и начала XX», «сыном родины», «рабочим великой русской работы», а М.О.Меньшиков поставил его в один ряд с Л.Толстым (Н. Вр., 12 и 14 авг.). «Новое время» канонизировало «старика Суворина», хотя жизнь его — «страшное падение» (В.Львов-Рогачевский, «В своем доме (А.С.Суворин)», Совр. Мир, № 9).

Петр Пильский отмечал талант «неотразимого обаяния, на который ловились даже его недруги, даже враги»; «лукавый, хитрый, ловкий, умный и очень скрытный человек», обладавший «внешней мягкостью при внутреннем большом деспотизме», в конце концов оказался «не столько с властью в руках, сколько в руках у власти» («Бард власти», Од. Нов., 14 авг.).

«Русское богатство», «Русская мысль», «Русское слово», «Речь» и другие издания воздержались от политических оценок деятельности главы «Нового времени». «Крупный, талантливый человек в качестве героя обыкновенной истории», «он оставил сложный и запутанный счет» (А.Петришев, Р. Бог., № 9,

* В августе Горький через И.А.Бунина послал книгоиздательству рукопись «Сказок об Италии».

с. 135). Такую оценку Н.Иорданский назвал «национализацией ренегатства» либеральной и демократической журналистикой, что «встречается в первый раз в русской публицистике» («Национализация Суворина», Совр. Мир, № 10).

В.И.Ленин откликнулся на смерть Суворина заметкой «Карьера» («Правда», 18 авг.): «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих, в конце этого пути... "Нововременство" стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (т. 22, с. 43–44).

10 января 1913 г. Горький писал Е.А.Ляцкому об «азиатском хулиганстве и цинизме Суворина, который, кстати, не умер и еще долго проживет, ибо он не лицо, не человек, а — одно из типичнейших воплощений русской психики...» (Письма. Т. 10, с. 243).

В конце августа — начале сентября Андрей Белый писал М.К.Морозовой из Базеля, обосновывая избранный им «реальный путь учения» Р.Штейнера: «У писателей русских учиться пути нельзя: они — советники, а не учителя...» «Кроме Вл. Соловьева христианская общественность не явила нам, необщественникам-эстетам, ни одного реального учителя, а только романописателя Мережковского, публициста Бердяева и др. Они все только реферируют и реферируют... Мы, декаденты, или гибнем, как гибнет Блок, или путаемся в смешениях, как Иванов, или безумствуем, как Эллис, или бросаемся странствовать, разыскивая Града, как Александр Добролюбов» (Нов. Лит. Обзор., 1994, № 9, с. 129, 136).

В августе редакция «Русской мысли» (33-й год издания), возглавленная П.Б.Струве, переехала в Петербург. В Москве остались типография и отделение Главной конторы (выходные данные: М. и СПб.).

М.Кузмин — «Осенние озера. Вторая книга стихов». Обложка работы С.Судейкина. М.: «Скорпион», 1912, тираж — 1500.

«Среди современных русских поэтов М.Кузмин занимает одно из первых мест»; его техника «никогда не заслоняет собой образа, а только окрыляет его», но его поэзия — «салонная» по преимуществу. «Она откликнулась на все, что в последние годы волновало петербургские гостиные»; Кузмин — «почвенный поэт» богемы (Н.Гумилев, Апол., № 8, с. 61). «В стихах М.Куз-

мина слышны то манерность французского классицизма, то нежная настойчивость сонетов Шекспира, то легкость и оживление старых итальянских песенок, то величавые колокола русских духовных стихов» ([Н.С.Гумилев], Гиперб., № 1, окт.). «Прекрасная книга», — отозвался В.Брюсов (Р. Мысль, 1913, № 8, отд. II, с. 71). «Проникновенная утонченность, изысканная прелесть слова», «точный выбор эпитетов, обаятельно-интимная жеманность при полном отсутствии напыщенной риторики» (С.Кречетов [С.А.Соколов], Утро Рос., 17 ноября). Кузмин — «настоящий поэт. Его стих своеобразен, красочен, прост и благозвучен» (М.Чуносков [И.И.Ясинский], Нов. Сл., № 12, Нов. Кн.). Впечатление от сборника «было бы значительней», если бы не «привитый насильственно “дендизм”. Денди по самому существу своему не может быть поэтом, особенно русским поэтом» (Б.Садовской, Р. Молва, 1913, 1 янв.). «Способность к стилизации свидетельствует о гибкости дарования... и об отсутствии ярко выраженной индивидуальности» (В.Ю.Б. [Н.Н.Вентцель], Н. Вр., 1913, 22 июня). «Певец золотых будней», без налета эстетизма; «подлинная романтика современности», «сладостно-скорбная повесть изысканной души», для которой «жизнь — сладостно-обманчивая мука, крушение иллюзий, жажда правды» (Н.Бернер, «Жатва», 1913, № 4). Новая книга «русского Оскара Уайльда» «представляет собою скучные перепевы первого сборника», в котором «была еще некоторая салонная грация». «Эпоха стилизации кончена... Во всем содружество “Аполлона” едва ли найдется еще два-три устарелых гробокопателя, которые не желают сдаваться» — М.Волошин, М.Кузмин (Л.Войтоловский, «Парнасские трофеи», Киев. Мысль, 15 окт.). «Прекрасный сборник», стихи стали «значительнее, строже» (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914, с. 206-207).

Сентябрь

М.Горький — «Сказки» (Совр. Мир, № 9). Десять «Русских сказок».

В.Буренин отозвался: «пошлая бессмыслица, выдаваемая с глупым самомнением за сатиру» (Н. Вр., 7 дек.).

В.И.Ленин пишет Горькому в середине сентября: «В “Правде” Вас все нет да нет. Жаль. А надо бы поддержать газету» (т. 48, с. 97). 19 сентября Горький просит редактора «Современного мира» В.П.Кранихфельда переслать одну из сказок га-

зете «Правда». 30 сентября в «Правде» напечатана «Сказка М. Горького [XI из цикла «Русских сказок»].

8 сентября секретарь редакции «Заветов» С. П. Постников сообщил В. С. Миролюбову: «Только что был у меня Раз. Вас. [Иванов-Разумник]. Итак, он вступает в редакцию. С понедельника уже назначаем его приемные часы... Есть у него статья вообще-публицистического характера, но ему хочется начать в “Заветах” с лит.-крит. статьи» (ИРЛИ, ф. 185, оп. I, ед. 951).

В сентябре Горький принимает участие в реорганизации журнала «Современник», пишет набросок программы журнала (ЛЖТ Горького, т. 2, с. 294—295).

В сентябрьском номере в объявлении о подписке на 1913 г. сообщается, что «ежемесячный внепартийный прогрессивный журнал» «Современник» выходит при постоянном участии А. В. Амфитеатрова (общественная сатира), В. Я. Богучарского (история), В. В. Водовозова (социально-политический отдел), Максима Горького (художественная литература), Е. А. Ляцкого (история литературы), М. П. Павловича (иностраннный отдел). В журнале примут участие: Д. Я. Айзман, К. С. Баранцевич, А. А. Блок, И. А. Бунин, Ив. Вольный, М. О. Гершензон, С. И. Гусев-Оренбургский, М. М. Коцюбинский, Е. Д. Кускова, А. В. Луначарский, В. В. Муйжель, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. К. Пиксанов, Г. В. Плеханов, А. М. Ремизов, Б. А. Садовойской, П. Н. Сакулин, И. С. Шмелев, П. Е. Щеголев, Т. Л. Щепкина-Куперник, Шолом-Алейхем и другие.

Н. Г[еккер] — «Новая декларация “Современника”» (Од. Нов., 22 сент.). «Прежнее, хотя и неопределенное, но все же однородное направление» превращается «в какую-то смесь несогласуемых начал», ибо редакция собирается объединить всю левую оппозицию. Прежняя народническая приверженность сменилась приверженностью к рабочему классу, которому, по заявлению редакции, в ближайшие годы должна принадлежать в России важная роль. Объявленная «широта трибуны» превратит журнал в «парламент мнений», где каждый отвечает за себя: А. Ремизов и В. Дмитриева, Е. Аничков и М. Гершензон, Е. Ляцкий и Г. Плеханов.

Ив. Вольный — «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство» (Зав., №№ 1—4 и 6)*. Повесть была написана на Капри и напечатана при содействии Горького. Автор — орловский крестьянин, бывший террорист.

* Основной поток критических отзывов о повести приходится на 1913 г., когда вышло отдельное издание.

«Собственно это даже не деревня, а бесконечный ряд уголовных происшествий и лиц, среди которых единственным представителем добродетели является автор» (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 3 июля). Повесть прошла незамеченной, но она «еще будет оценена по достоинству» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1912 году», Зав., 1913, № 1).

28 сентября В. Г. Короленко пишет В. А. Мякотину: «Прислал еще рассказик Ив. Вольный, человек, подающий надежды (см. “Заветы”, “Дни моей жизни”). Увы — опять “Этап” и все, что при сем полагается, — tritum pertritum [тертое-перетертое]. Я просто рассердился: первый очерк в “Р. Богатство” — и непременно банальная “тюрьма”. По-моему, печатать не следует» (ИРЛИ, ф. 495, ед. 83).

А. Ремизов — рассказ «Покровенная» (Совр., № 9).

Н. Гумилев — стихотворение «Памяти Ин. Ф. Анненского» (Апол., № 9).

К. Чуковский — «Чарская» («Речь», 9 сент.). «Гений пошлости», «трудолюбивая пошлячка», поставляющая «гуртовый товар, фабричную дешевку».

15 сентября в «Биржевых ведомостях» — интервью В. Вереска «У Леонида Андреева»: «Был у нас святой герой, которого признавала даже и реакция... Я говорю о революционере. Но и этого героя авторы, похожие на Ропшина, постарались запакостить».

18 сентября в СПб. судебной палате слушалось дело по обвинению Д. С. Мережковского и книгоиздателя М. В. Пирожкова «в дерзновенном неуважении к верховной власти» (за издание драмы «Павел I») («Речь», 19 сент.). В конце октября пьеса вышла в Полном собр. соч. Мережковского. СПб.: М. О. Вольфа, т. XVI, 1912, тираж — 5000.

28 сентября Бунин сообщает Горькому: «Позавчера, на “среде” читал свои новые стихи, имели успех... После меня читал рассказ Каменский и заслужил даже грубости, некоторые прямо сказали ему, что рассказ производит “неотразимое впечатление” парикмахерской» (Горьк. Чт., 1961, с. 69).

30 сентября Иванов-Разумник писал П.Н.Сакулину, приглашая к сотрудничеству: «Конечно, я знаю, что Вы по взглядам склоняетесь к “марксизму”, а “Заветы” — орган не марксистский. Но, вопервых, в журнале этом подчеркивается то *общее*, что есть между “марксистами” и “народниками”, а не выставляется вперед их рознь. Во-вторых же — “кое в чем”, конечно, мы не сойдемся... Пример: в октябрьской книжке “Заветов” будет рецензия (не моя) на книгу Переверзева про Достоевского. Сказать много хорошего об этой книге — трудно; она пример того, как *не надо* подходить к Достоевскому, или, вернее, как можно подойти к нему с самой неинтересной точки зрения. В предисловии к ней Вы высказываете иное мнение, — тут мы не сойдемся. Но зато во всем остальном, т.е. вне вопроса о марксистской методологии в истории русск. литературы, я не могу себе представить принципиального расхождения между нами» (РГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. 364).

А.Г.Горнфельд — «О русских писателях. Т. I. Минувший век». СПб.: «Просвещение», 1912, тираж — 3300.

Горнфельд является «выразителем и предтечей» «научно-эстетической» критики (А.Дерман, Зав., № 8, ноябрь, Б-фия). Автор считает, что русскую литературу создают и «чистый лирик Фет», и «атеист Чернышевский», и «реакционные декаденты» (Е.Колтоновская, «Речь», 5 ноября).

Октябрь

2 октября в Петербурге стала выходить новая газета «День» (фактический редактор А.Р.Кугель)*.

В середине октября Саша Черный писал Горькому: «...в Петербурге открылось новое ежедневное заведение “День”, в котором я немного работаю, там тоже неуютно. Когда ... увидишь в большом количестве гг. Азовых, О.Л.Д'Оров и иных, — начинает казаться, что не было никогда ни истории, ни искусства, ни лета... Я несколько последних лет неумоимо подходил ко всем огням и гнилушкам: Андреев, Аверченко, Блок, Будишев, Городецкий — и так весь алфавит вплоть до К.Чуковского. В результате тупая усталость и острое, как у провинциальных гимназистов бывает, разочарование... Куприн, правда, большой, зрячий и сильный — но это в прошлом. Теперь его досасывают

* Газета выходила до конца 1916 г.; в ней печатались А.В.Луначарский, Д.И.Заславский, А.В.Амфитеатров, В.М.Чернов, В.Ропшин [Б.В.Савинков], Г.И.Чулков, Н.П.Ашешов, А.И.Тиняков, Э.Н.Гиппиус, В.Я.Брюсов, Ф.Сологуб, К.Бальмонт, Н.Минский и др.

родные синежурнальные сутенеры, и это самая тяжелая литературная драма, которую я знаю. Только в это лето на Капри впервые была полная и глубокая "нечаянная радость". Это трезвое и взрослое признание...» (Горький и его эпоха. Вып. 2. М., 1989, с. 22–23).

К.Тренев — «Владыка» (Зав., № 7, окт.).

«Повесть — понравилась мне и по теме и по исполнению, — писал автору Горький, — хотя — местами — она могла бы быть несколько сокращена» (Письма. Т. 10, с. 93).

«Иванов-Разумник, действительно, пришиб меня своим молчанием (особенно в отчете "Русских ведомостей"*, — сообщал Тренев В.С.Миролюбову 18 марта 1913 г. — Не удовлетворившись этим, он написал мне "теплое письмо" с целью холодного душа: убеждает меня, что я еще не настоящий писатель, "еще не овладел своей формой" (что это обозначает?), что мне еще далеко до Ремизова, "Пятая язва" которого "глубочайшая трагедия", а мой "Владыка" примитивная драма» (Лит. Арх., т. V, с. 198–199).

В.Брюсов — «Алтарь Победы (повесть IV века)» (Р. Мысль, №№ 1–10).

«Брюсов скучен до умоисступления», — писал Л.Андреев 12 мая Горькому (ЛН, т. 72, с. 343).

Повесть Брюсова — «кладезь учености, снабженный многочисленными примечаниями, ссылками на поэтов и философов», «единственное, что одушевляет героя — это... женское тело» (И.Игнатов, Р. Вед., 28 апр., 1 сент.). Роман написан «согласно всем требованиям высшей эстетической культуры», «строен и полон движения» (Е.Аничков, «Белые павлины нашей скуки», Нов. Жизнь, № 7, с. 135–136). «Его нельзя сравнивать с бесконечно серым романом З.Гиппиус [«Чортова кукла»], но все же сила В.Брюсова не в его прозе, а в его стихах». «Зеркало теней» «совсем заслоняет собой громоздкий "Алтарь Победы"» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1912 году», Р. Вед., 1913, 1 янв.). «Истерия, переплетающая религиозные экстазы и половую психопатию в хаос» — все это издавна привлекало внимание Брюсова (С.Адрианов, Вест. Евр., № 7). Брюсов (и Мережковский) «разрешают художественные и вообще духовные запросы в исполинских просторах всемирной и всевременной жизни — великолепное достижение после полной связанности

* Имеется в виду статья Иванова-Разумника «Русская литература в 1912 г.» (прилож. к Р. Вед., 1913, 1 янв.).

Достоевского и Толстого “родной” действительностью» (В.Чудовский, «Русская мысль» и романы В.Брюсова, З.Гиппиус, Д.Мережковского», Апол., 1913, № 2). «Историческое стилизаторство» (Иванов-Разумник, Зав., 1913, № 1).

А.А.Кондратьев писал В.Я.Брюсову об «Алтаре Победы» 22 марта 1915 г.: «В Вашем романе при всем его объеме нет многоводности Мережковского, а ярких пятен (описательных по преимуществу), пожалуй, больше, чем у него» (РГБ, ф. 386, карт. 90, ед. 10).

Е.Аничков — «Коллективизм, сверхчеловечество и сверхлюбовь» (Совр., № 10). Эти три принципа «вели за собой образованное человечество», начиная с XVIII века. «Марксизм и нищезанство разные секты одной и той же религии», требующей жертвы «нечестивым настоящим» ради «святого и светлого» будущего, противопоставляющей «жалости» «святое созидание для будущего». Только «марксисты молятся сверхчеловечеству, а нищезанцы сверхчеловеку». В современном герое-пролетарии «горят сверхчеловеческие страсти и сверхчеловеческие потребности. Он хочет и требует всего праздника жизни...» «Шумный успех Горького» объясняется тем, что он «в романтической прикрасе... осуществил... возделенные мечты и возделенную ложь о возможности борьбы с современным мещанством».

Горький в письме к редактору журнала Е.А.Ляцкому от 5/18 ноября не одобрил статью: «У этого человека какой-то “пильский” тон, — знаете, есть провинциальный словотек Петр Пильский» (Письма. Т. 10, с. 192).

Вяч.Иванов — «Манера, лицо и стиль» (Тр. и Дн., № 4-5, июль-окт.). Высшее обретение — большой стиль — требует жертвы личности; такова «истинная народность» Пушкина.

Эллис — «Мюнхенские письма. Умер ли символизм?», «О задачах и целях служения культуре» (религиозная сущность культуры) (Тр и Дн., № 4-5, июль-окт.). «Символическое движение в Европе» (к нему причислены Вагнер и Ницше) является не только «эстетическим, философским и научным» течением, но стремится к синтезу и мессианству. Подобный же подход в работах Андрея Белого о символизме, синтезирующих оккультизм.

В том же номере «Трудов и дней» напечатаны статьи Андрея Белого «Линия, круг, спираль — символизм» (теософия есть философия символизма) и «Круговое движение» (сорок две арабески). По поводу последней статьи помещено «Открытое письмо Андрею Белому» Ф.Степуна. Андрей Белый считал, что

«движение философского модернизма — движение круговое», увлечение Ницше и Ибсеном было подлинным, но овладеть вершинами сознания помешала бездуховность, «занавесившая горизонты исканий». Ф. Степпун соглашался, что «на вершинах никто не был», однако движение в театре, живописи, литературе и философии совершилось, а «круговое вращение», открытое Андреем Белым, есть его собственное «мистическое головокружение».

1 октября Э.К. Метнер пишет Андрею Белому и Эллису: «Мусагет должен остаться верным Канту, Гете, Вагнеру или его существование есть ложь, есть фикция». Он же 3 октября — А. Блоку: «Превращать Мусагет и в частности *Труды и дни* в орган Штейнера я не намерен... Если же в 1913 г. Белоэлис [Андрей Белый и Эллис] будет требовать изменения платформы журнала, то я закрываю журнал и ликвидирую Мусагет» (Рос. Литературовед. Журн., 1997, № 9, с. 98, 100). 9 октября Андрей Белый сообщает Н.А. Тургеневой: «Все поведение “Мусагета” есть систематическое растравливание — не отпускают на свободу, и вместе с тем допекают и попрекают... Нота их отношения к нам с Эллисом есть нота отношения к “бывшим, опустившимся людям”, они не хотят понять необходимости стать “бывшим” для “будущего”. И приговор их — ужасен для них самих» (Серебряный век русской литературы. М., 1996, с. 102–103).

М. Шагинян — «С.В. Рахманинов (Музыкально-психологический этюд)» (Тр. и Дн., № 4–5, июль–окт.). «Мужественное искусство Рахманинова», рожденное «из трагического бессилия современности», протягивает современникам руку помощи.

12 декабря Э.К. Метнер (редактор журнала) просил Вяч. Иванова обратить внимание на эту статью: «Эта азиатка попала в точку, выстрелила в самое сердце модернизма...» (В. Л., 1994. Вып. 3, с. 295).

Вышел первый номер нового журнала «Гиперборей» (редактор-издатель М.Л. Лозинский) — «ежемесячника стихов и критики, выходящего 10 раз в год»* при непосредственном участии С. Городецкого и Н. Гумилева. «От редакции» сообщалось: «Ни одному из борющихся последнее время на поэтической арене методов — будь то импрессионизм или символизм, лиро-магизм или парнассизм — не отдавая предпочтения особливового, “Гиперборей” видит прежде всего насущную необходимость в закреплении и продолжении всех основных побед эпохи, известной под именем декадентства или модернизма». В первом номере были

* Как и «Аполлон», «Гиперборей» не выходил в июле–августе; тираж — 500 (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 402).

помещены стихотворения А.Ахматовой, Н.Гумилева, О.Мандельштама, С.Городецкого, Вас.Гиппиуса, В.Нарбута. В отделе критики — неподписанные рецензии на книги: В.Брюсова «Зеркало теней», К.Бальмонта «Зарево зорь», Вяч.Иванова «Sorghens», Н.Гумилева «Чужое небо», М.Кузмина «Осенние озера», Ю.Балтрушайтиса «Горная тропа».

«Поразительная узорь и бедность» сквозит «в сочинениях гг. цехистов», питающихся «крупницами чужих, преимущественно книжных переживаний»; в критическом отделе помещена «дружеская критика». «Зачем и для кого вы трудитесь, господа?», «после Брюсова и Блока самодовольно прищелкивать... эстетическими каблучками, рядиться в экзотические тряпки» — это «глубокое падение... чудовищный поворот назад» (Мимоза [Б.А.Садовской], «Аполлон-сапожник», Р. Молва, 17 дек.). «Тоший журнальчик» «Гиперборей» (на 32 страничках) вышел «с гиперболическим предисловием о победоносной поэзии и с десятком дружеских рецензий» (В.Львов-Рогачевский, «Без темы и без героя», Совр. Мир, 1913, № 1, с. 104).

Ал.Бенуа — «Две выставки» (Н.Кульбина и А.Рябушкина) («Речь», 12 окт.). У колыбели первой стояли С.Судейкин, Н.Еврейнов и С.Городецкий. Кульбин — «дилетант-разведчик», «известный петербургский апостол самоновейших течений», объединяющих молодых людей, которым хочется «поазартничать и покричать». Рябушкин — «ясновидец и правдолюбец минувших жизней».

«Кульбин — воплощенная энергия», «вещество, единящее молодых, он издатель, художник»; «в нем уживаются трепеты дерзающего Импрессиониста и великого радетеля природы и гимника Человеку» (Ивей [И.В.Казанский], «Выставка картин Кульбина», Пб. глашатай, № 3, 14 ноября).

Л.Войтоловский — «Писатель пописывает» («День», 13 окт.). «Наша укороченная литература» не знает «безумия духа святого», несмотря на «сильные дарования» и обилие течений (идеалисты, символисты, реалисты, покаянцы, богоборцы, грехотворцы, аскеты, мистики и т.д.).

С.Адрианов — «Критические наброски» (в связи с выходом полн. собр. соч. Ф.И.Тютчева в изд. А.Ф.Маркса с критико-биографическим очерком В.Брюсова). «Доброе знамение», говорящее о расширении и углублении понимания искусства. В.Брюсову принадлежит «отличная биография поэта», с «мастерским анализом его мировоззрения и художественных приемов».

А.Бурнакин — «Тупик и выход» (Н. Вр., 12 окт.). Журналы превратились в «скучные канцелярии оппозиционности». «Знание», «Русское богатство», «Современный мир» видят задачу художественной литературы в «ниспровержении существующего строя». «Скучную повесть» Горького («Городок Окуров») «вознесли до небес», а роман о революции С.Фонвизина («В смутные дни») «облили помоями». Писатель должен освободиться «от заветов Михайловского», «очистить свое русское сердце от лжи иудейской, от темных и злых внушений слепого подполья», иначе «пропала русская литература».

В.Малахиева-Мирович — «О смерти в современной поэзии» (Зав., № 7, окт.). Тема смерти в творчестве З.Гиппиус, К.Бальмонта («вечно весеннего, архижизненного поэта»), А.Блока («рыцаря Белой смерти»), Андрея Белого, Вяч.Иванова, Ю.Балтрушайтиса, Ф.Сологуба (неотступно провозглашающего: «О, смерть, я твой! Повсюду вижу Одну тебя! и ненавижу Очарования земли...»).

26 октября у постели умирающего Д.Н.Мамина-Сибиряка общественность отмечала 40-летний юбилей его литературной деятельности. Члены юбилейного комитета (С.А.Венгеров, Е.П.Карпов, И.Н.Потапенко, А.А.Измайлов, Д.Н.Овсяннико-Куликовский и Ф.Ф.Фидлер) зачитали приветствия, полученные в его адрес («День» и Бирж. Вед., 27 окт.). По свидетельству А.В.Амфитеатрова, Мамин-Сибиряк «полумертвыми губами» проговорил как литературное завещание свой привет Бунину («День», 12 ноября). 18 октября Горький послал телеграмму «писателю воистину русскому», который помогает «понять и полюбить русский народ, русский язык» (Письма. Т. 10, с. 168).

Л.Войтоловский — «Д.Н.Мамин-Сибиряк» (Киев. Мысль, 27 окт.). Писатель, отмеченный консерватизмом ума, настроений, литературных приемов, что придавало его произведениям характер «машинной фабрикации». Изображал «царствие капитала», «наглое, хищное и бесстыдное».

В конце октября отмечалось 25-летие литературной деятельности Ив.Бунина. 24 октября на собрании «Среды» присутствовало свыше 200 человек. С докладами о творчестве Бунина выступили Н.М.Мешков и Ю.В.Соболев, с приветственными речами — П.Н.Сакулин, А.Р.Ледницкий, А.А.Кизеветтер, стихи, посвященные юбиляру, прочли И.А.Белюсов, А.Е.Грузинский, М.П.Гальперин и Ада Чумаченко. В конце собрания юбиляр прочел свой рассказ (Р. Сл., 25 окт.). 26 октября со-

стоялось чествование Бунина Обществом деятелей периодической печати и литературы в переполненном зале Политехнического музея. Вступительное слово произнес Сергей Глаголь [С.С. Голоушев], назвавший Бунина «поэтом русского пейзажа», «Левитаном в области литературы». Затем были исполнены романсы С.В. Рахманинова и А.Т. Гречанинова на слова Бунина. По просьбе собравшихся юбиляр читал свои стихи (Р. Сл., 27 окт.). Утром 28 октября в большом зале гостиницы «Лоскутная», где остановился писатель, собрались представители различных учреждений и обществ. Вечером в Литературно-художественном кружке под председательством А.И. Сумбатова-Южина состоялся торжественный банкет, на котором произнесли речи Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.Е. Грузинский, П.Н. Сакулин и другие и были зачитаны письма и телеграммы от Короленко, Горького, Л. Андреева, Е. Чирикова, Д. Айзмана, А. Федорова, С. Юшкевича, Ф. Шаляпина, С. Рахманинова, В. Брюсова, Л. Пастернака, Н.И. Кареева, всего до 300 приветствий (Р. Вед., Утро Рос., 30 окт.).

«Чествование носило бессознательно-демонстративный характер... Академия, университет, ученые и литературные общества, масса учреждений и публики чествовали в лице Бунина носителей идей, противоположных идеям модернизма, писателя, верного классическим традициям нашего реализма» (П.С. Коган, Од. Нов., 1913, 11 янв.).

Во многих журналах и газетах появились статьи о творчестве Бунина: Бунин остался «объективен и строго реален», главное его настроение — «безверие и безнадежность». В рассказах о деревне прежде всего проявляется «его расхолаживающий, ни к чему не обязывающий объективизм», не расположенный к поиску «светлых явлений» (Н.Г. [Геккер], Од. Нов., 18 окт.). Бунин стоит особняком, свободен от пороков современной литературы. В деревне и разоряющемся дворянстве «открылось ему много мучительного и страшного»; он — «писатель разочарованный», но призывает служить Богу, которого называет Красота, Разум, Любовь, Жизнь (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 29, 30 окт.). Бунин-художник переживает «благодатное лето» (В. Кранихфельд, Совр. Мир, № 11). Анализ у Бунина все больше вытесняется «личным лирическим элементом»; пессимистический взгляд на действительность не исключает его несомненной любви к русской жизни (С. Адрианов, Вест. Евр., № 11). Бунин возвеличен трехдневным праздником в его честь, хотя «из-под пера его выходят создания, не только уродливые... но нередко прямо-таки кошмарные» (сб. «Суходол»); на его поэзии «лежит отблеск пушкинской школы» (А. Басаргин [А.И. Введенский], Моск. Вед., 10 ноября).

Иванов-Разумник — «Два юбилея» (Зав., № 7, окт.). Вокруг Мамина-Сибиряка никогда не было шумихи, до сих пор нет его собрания сочинений, но его «социально-этнографические романы заняли крупное место в истории русской литературы конца прошлого века». Пейзажно-психологическая, лирически-сентиментальная манера Бунина, его «элегантный стиль» противоположны Мамину-Сибиряку, но и дополняют его, а темы их связаны: то, что пришло в русскую жизнь, описывает Мамин, «а что произошло от этого прихода — о том смотри» у Бунина. О русской деревне в произведениях Бунина, «независимо от воли автора», судит «русский дворянин в фуражке с красным околышком».

26 октября в Москве, в театре Корша — премьера пьесы Н.Минского «Малый соблазн». Попытка заинтересовать «идейными столкновениями» публику, привыкшую хохотать над французскими фарсами» (З.Венгерова, «День», 3 ноября). Минский — писатель-неудачник, отставший от своих бывших соратников Мережковского и Бальмонта, «человек ума туманного», но с цельной ненавистью к мещанству (в пьесе «властителями земли» выступают фабриканты шляп); в свое время он даже «рванулся в сторону пролетарского мировоззрения от своего антицивициального нищезанятия» (Бэн [Б.В.Назаревский], Моск. Вед., 8 ноября).

Ив.Бунин — «Суходол. Повести и рассказы. 1911–1912 гг.». М.: Кн-во писателей, 1912, тираж — 2000. Общий для книги эпиграф: «Веси, грады выхожу, Русь обдумаю, выгляжу...»; посвящение — П.А.Нилусу.

Бунин «кошмарною пеленою расстилает перед нами деревню, ее ужасающую нишету, грязь, душевную и физическую скверну, рабство, безмерную жестокость и низость, жадность, неслыханное равнодушие брата к брату, мужика к мужику», но на этом фоне «выступают отдельные образы такого страдания, такой праведности, такой бесконечной боли, что на них сердечной болью... отзываются и сам писатель и его потрясенные читатели». Далеко оставил за собой чеховских «Мужиков», «совершенно отказался от елейных красок» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 6 ноября). «Кнут г. Бунина равномерно играет на спинах мужиков и дворянства. Всюду взор художника видит только умирание, разложение, смерть, позор, поганство русской жизни». 1905 год для Бунина — «загадка, центр поисков и исканий, мученическая задача» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 1913, 1 янв.). Бунина мало знают и мало читают, в то время как книги Вербицкой расходятся в тридцати- и сорокатысячных тиражах. «Сухо-

дол» — «книга зрелости таланта, пышного праздничного расцвета его, книга большого настоящего художества». Бунин создал «книгу, если не великого гнева, то великого скептицизма, неверия и усмешки великой боли». «Там, где до сих пор была елейность, идеализация, отыскание религиозных и моральных самодельных богатств», Бунин увидел «голую, обнаженную и убийственную правду». Бунин знает в русской деревне не одних только Пашек [«Ночной разговор»], он «любит мужика любовью страдальческой, любовью-болью, но еще больше, конечно, он любит правду и культуру», «наша деревня осталась за штатом культуры, движения, жизни — за штатом всего великого, смелого и прекрасного, что совершается в мире»; только город может освободить «первобытного» человека деревни от гнетущей «власти земли» (Д.Тальников, «Об И.А.Бунине», Од. Нов., 1913, 15 янв.). Бунин вместе со всей пореволюционной литературой принимает участие в «переоценке ценностей»: «Крестьянство — сплошные печенег, революционеры — сплошные Смердяковы, Россия — сплошная жуть, черная яма», вместо «усадеб Лариных» — «тяжелый и мрачный Суходол... с кровавыми преданиями» (Р.Григорьев, Совр., 1913, № 3). К «безотрадной характеристике русской деревни» прибавляется «отречение автора от всяческого “обольщения стариною” дворянского крепостного быта» (С.Адрианов, Вест. Евр., № 11, с. 348). Бунин «ведет дальше ту линию в русской литературе, которая направлена к развенчанию идеализированной раньше деревни», пошел много дальше чеховского «Оврага»: там «еще есть источник жизни», у Бунина — «высохший дол жизни». Но «Суходол» — «конечно, не эпилог его творчества» (Л.Козловский, «Певец “Суходола”», Р. Вед., 27 окт.).

И.А.Бунин писал Д.Л.Тальникову 30 января 1913 г.: «С истинным удовольствием прочел вашу статью... Дело не в похвалах, дело в уме, который так изумительно редок теперь в литературе, дело в критике-друге» (В. Л., 1972, № 1, с. 171).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 18. СПб., 1912, тираж — 8200 (Ф.Сологуб «Заложники жизни», А.Ремизов «Пятая язва», М.Пришвин «Никон Староколенный»).

«Разорение русской земли — вот истинная тема А.Ремизова», в его повести «переживаемый нами кризис русского самосознания доходит до высшей своей точки» и автор «ниоткуда не видит просвета» (П.Щеголев, «Плач о гибели русской земли», «День», 27 окт.). «Когда вы отрешитесь от всей этой кошмарной путаницы и немного разберетесь, перед вами — новый “Городок Окуров” или Студенец, а в нем — новый Кожемякин — следо-

ватель Бобров, летописец Студенца и всей России. Только летопись Кожемякина была написана слезами любви, а «временник» Боброва написан желчью ненависти». В пьесе Сологуба — «замаскированная передоновшина», у Пришвина — «красивая грусть» (В. Львов-Рогачевский, Совр. Мир, № 11). В пьесе Сологуба представлены «рассудочные комбинации человеческих элементов... в озарении общедоступной мистики». У Ремизова «великое мастерство речи» тянется как «литературная вязь». Пришвин показывает жалобы уходящей старины, но «растут ли где-нибудь зеленые надежды?» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 25 ноября). Ремизов примкнул к модной манере изображать «маски жизни» вместо «ликов жизни»; его герой «живет не в русском уездном городе Студенце, а в библейском Содоме». Автор сначала обличает «жестокую, пьяную, бессмысленную» жизнь, а потом самого обличителя за его обособленность от жизни и взгляд в качестве «служителя закона» ([А. М. Редько], Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). «Заложники жизни» — «произведение большого поэта, не самое удачное...» «Пятая язва» — «несколько разочаровывает», это не провинциальная действительность, а «шашлык» из непристойных эпизодов и невероятных анекдотов». Пришвин — «подражатель Ремизова», но обладает большей ясностью (М. Кузмин, Апол., 1913, № 1). А. Ремизов и М. Пришвин изображают «черную Россию», которую легче отвергнуть, чем понять: «но обвинить народ — значит поставить крест над собой». «Обе вещи говорят о трагедии души человека, думавшего спасти Россию», но Ремизов изображает «осмысленную трагедию», а Пришвин «бессмысленную драму». У Ремизова — следователь Бобров, «изувер формальной законности», в конце концов падает под бременем обычного человеческого страдания, разорвав «свой обвинительный акт русскому народу». Герой Пришвина — «человек черной России», он «идет к царю с жалобой на детей, на попов, на владык, на чугунку, на школы, на учителей, на монахов, на докторов, на слабые суды» и т. д. и гибнет в болоте, заблудившись, гибнет «побежденный жизнью». «Бодрое и радостное чувство веры в жизнь и веры в русский народ является в результате этих двух произведений, таких, казалось бы, нерадостных» (Иванов-Разумник, «Черная Россия», Зав., № 8). З. Гиппиус сочла, что рассуждения Иванова-Разумника «довольно спутанные и неубедительные», ибо он увидел в рассказе Пришвина то, что захотел, а можно было увидеть и написать все наоборот (Антон Крайний, «Жизнь и литература», Нов. Жизнь, 1913, № 2, с. 167). Охраняя «русские устои» А. Бурнакин с не-

* Этот «преемник отлаявшего Буренина каждую неделю избивает в своих «Литературных заметках» не менее двух радикалов и проглатывает по дюжине «пресев...» (Л. Войтовский, Киев. Мысль, 24 сент.).

годованием писал о напечатанной в «жидовском» «Шиповнике» повести Ремизова, «сляпанной по архипошлейшему рецепту “Мелкого беса”», вослед другим «злым хулителям и поносителям русского народа» (Горький «Городок Окуров», Бунин «Деревня») (Н. Вр., 21 дек.). «Заложники жизни» Сологуба — «едва ли не апофеоз мешанской пошлости, мешанским идеалам» «в мишурных одеждах пустой символистки и двусмысленной мистики» (В.Г.Голиков, «Лики авторов и лики жизни», Вест. Зн., 1913, № 1, с. 120—121).

Андрей Белый писал А.М.Ремизову в мае 1913 г. о «Пятой язве»: «Она меня глубоко потрясла... Это — что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы» (Ежегодник РО ПД на 1979 год. Л., 1981, с. 50).

Ив.Шмелев — «Рассказы», т. III («Человек из ресторана», «Патока»). М.: Кн-во писателей, 1912, тираж — 4000.

«В произведениях Шмелева есть некоторый налет не то от писателей из народа, вроде г. Сивачева, не то от марксистских философов. Это сказывается в постоянной идеализации людей низшей среды... Наряду с этой внешней тенденциозностью... чувствуется большой и серьезный — внутренний — интерес к социальным вопросам». Герои Шмелева испытывают потребность в «примирительном настроении» и обычно кончают «просветлением» (Е.Колтоновская, «Речь», 3 дек.). В героях Шмелева живут два существа. Мечтатель-романтик и обыватель, отравленный суетой. «Пусть мечта художника о правде неясна и расплывчата, но в ней живет глубокая вера в народ» (В.Львов-Рогачевский, «Художник обездоленных (Ив.Шмелев)», Совр. Мир, № 11).

С.Городецкий — «Ива. Пятая книга стихов». СПб.: «Шиповник», 1912, тираж — 1200. Переиздана в 1913 г. в изд-ве «Прометей».

«Всего семь лет тому назад появился он в литературе и уже успел сделать столько, что глаза разбегаются... начал, как символист, потом объявил себя сторонником мифотворчества, теперь он акмеист. В “Иве” есть стихи, отмеченные печатью каждого из этих трех периодов» (Н.Гумилев, «Письма о русской поэзии», Апол., № 9). Стихи свидетельствуют «о расцвете всех духовных и физических сил, который... начинают обозначать словом “акмеизм”», но Городецкий лишь «на пути освобождения от символизма» ([Н.Гумилев], Гиперб., № 2, ноябрь). Пятая книга стихов говорит о том, что «многогранное земное бытие властно пленило поэта», хотя в ней встречаются стихотворения, «захлеснутые мутью символизма».

«Привязанность к древней Руси» роднит Городецкого с певцами, вышедшими из народа (В.Нарбут, Вест. Евр., 1913, № 4). «Воскрешая забытую славянскую Русь», Городецкий чуть было не «сбился на штамп», но вовремя «свернул с опасной дороги» (В.Нарбут, Совр. Мир, 1913, № 3, Кр-ка и б-фия). «Крупный и настоящий поэт»; «непринужденность стиха, легкий, струящийся звук», но «много пустой говорливости» (М.Чуносков [И.И.Ясинский], Нов. Сл., 1913, № 2, Нов. Кн.). «Интересен главным образом там, где дело касается русской природы, русской удалы, русской тоски, русских чаяний» (А.Бартенев [А.А.Альвинг], «Жатва», 1913, № 4). Городецкий был символистом, «мифотворцем», «мистическим анархистом», «мистическим реалистом», теперь он акмеист и «написал плохую книгу», перепевая себя и Андрея Белого; ненужная риторика, избитые образы, безалаберная расстановка слов (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914, с. 204).

«Вчера я читал “Иву” Городецкого, — записал Блок 11 ноября, — увь, она совсем не то, что с первого взгляда: нет работы, все расплывчато, голос фальшивый, все могло бы быть в десять раз короче, сжатей, отдельные строки и образы блестят самоценно — большая же часть оставляет равнодушие и скуку» (т. 7, с. 178).

Б.Садовской — «Пятьдесят лебедей. Стихотворения 1901–1911». СПб., 1913, тираж — 600.

«Вялые», «вымученные стихи», «содержание незначительно, размер однообразен» (В.Л.Р. [Львов-Рогачевский], Совр. Мир, № 12). Поэт любит предания русской поэзии, но его стихи «лишены живого трепета» (М.Л. [Лозинский], Гиперб., № 3, дек.). Поэт «не отваживается решительно примкнуть» к новой школе, которую отстаивает в качестве критика. Порою кажется, что для него русская поэзия кончается даже не Брюсовым, а Фетом. При «высоком внутреннем благородстве», стихи его «несколько холодны» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914). «Прекрасный, выдержанный стихотворец с классическим “пушкинским” чеканом стиха», но классицизм воспринял через Брюсова; «блестящая игра ума и вместе полное молчание чувства», «нет настоящей, живой человеческой боли» (С.А.Соколов, Утро Рос., 12 окт.).

А.М.Ремизов писал Б.А.Садовскому 3 марта 1913 г.: «Блок хвалит Лебедей. Прислал мне Верховский письмо, о Лебедах пишет — очень они ему понравились» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 412).

А. Крученых — «Старинная любовь» (рис. М. Ларионова). М., 1912. А. Крученых и В. Хлебников — «Игра в аду. Поэма» (рис. Н. Гончаровой). М., 1912. Оба издания — литографированные, тираж — 300. 2-е, дополненное, изд. поэмы «Игра в аду» (рис. К. Малевича), СПб., 1914, тираж — 800.

Очевидно, вокруг «гордого знамени “Ослиного хвоста”» объединились не только живописцы, но и литераторы: «редко приходится видеть такое безнадежное убожество при такой ухарской позе» (С. Кречетов [С. А. Соколов], Утро Рос., 6 окт.). «Будущее неудержимо влечет к себе поэтическую молодежь. Это своего рода повальная болезнь, иногда она ведет к тяжким увечьям». «Мы ждем от искусства не опытов, а достижений». К сожалению, в поэме «Игра в аду», производящей беспорядочное впечатление, неизвестно, что принадлежит Хлебникову, талантливому поэту, ушибленному, но не исковерканному будущим (С. Городецкий, «Непоседы», «Речь», 1 окт.).

В 1920 г. Хлебников посвятил своему соавтору стихотворение «Алеше Крученых»:

*Игра в аду и труд в раю —
Хорошеуки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время?
Сим победиши!*

(Велимир Хлебников. Творения.
М., 1986, с. 126).

А. Тиняков (Одинокий) — «Navis Nigra». Стихи 1905–1912 гг. М.: «Гриф», 1912, тираж — 900.

Талантливый поэт — ученик Брюсова, раздавленный «брюсовскими доспехами»; блик его стихов «не алмазный... а стеклянный» (Н. Гумилев, Апол., № 10). Муза поэта «отличается большой нежностью, кристальным голосом и прекрасными формами», «странно находить признания в любви мужчины к мужчине» (М. Чуносков [И. И. Ясинский], Нов. Сл., № 12, Нов. Кн.). «Выученик В. Брюсова» — «отменно талантлив», но еще не выработал ни своей ритмики, ни своей системы образов; является пережитком эпохи «Весов» и «Золотого Руна», где в свое время дебютировал (С. Городецкий, «Речь», 5 ноября). «Модерн дурного тона» при «некотором мастерстве формы» и «тонком умении рабски копировать» Брюсова. «Стремление к опоганиванию всего чистого, светлого и невинного, то, что было под силу гениальному Бодлеру, у г. Одинокого вышло отвратительно и

гупо» (Н.Мешков, «Путь», 1913, № 1, с. 53-54). «Порабощающее влияние» Брюсова при «действительной потребности выразить свои переживания» (В.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914, с. 208).

Игорь Северянин — печатные листовки «Открытое письмо» (23 октября 1912 г.) и «Эпилог Эго-футуризма» (24 октября 1912 г.). СПб., 1912. В первом говорилось: «находя миссию моего Эго-футуризма выполненной, я желаю быть одиноким, считаю себя только поэтом».

«Велес. Первый альманах русских и инославянских писателей». Под ред. С.Городецкого и Янко Лаврина. СПб.: кн-во «Велес», 1912-1913, тираж — 1050. (Андрей Белый, С.Городецкий, Ю.Зейер (чех), Вяч.Иванов, Н.Клюев, З.Красинский, А.Ремизов, С.Скитник (болгарин), Ф.Сологуб и др.)

«Попытка дать общий суммарный облик славянских литератур современности» ([А.М.Редько], Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). Среди русских имен лишь модернисты, да и то не все; еще менее полно представлены славянские писатели (В.Л.Р. [Львов-Рогачевский], Совр. Мир, № 12). В этом «сближении с нашими меньшими братьями» русские заняли добрую половину сборника (А.Г-в, Совр., № 11).

Ноябрь

2 ноября умер Д.Н.Мамин-Сибиряк, «натуралист-писатель, не уступающий во многом Э.Золя» («Правда», 3 ноября). «Последний семидесятник, последний народник, последний русский золаист, но углубленный и просвещенный всем страдающим гением русской литературы», «кругом некрасовец», художник-передвижник, служивший демократии (А.Амфитеатров, «День», 12 ноября). «Ушел оригинальный и яркий русский человек старого воспитания, крупный писатель старых литературных традиций» (С.Елпатьевский, Р. Бог., № 11).

2 ноября газета «День» перепечатала приветствие Горького Г.Гауптману по случаю 50-летия (обратный перевод с немецкого из «Berliner Tag»).

Ф.Сологуб — роман «Слаще яда» (Н. Жизнь, №№ 4-11).

«Слаще яда — любовь, влекущая и отравляющая, соединяющая землю с небом» (Аякс [А.А.Измайлов], Бирж. Вед.,

3 мая). Реальная жизнь, после «Мелкого беса», отошла на задний план, на всем след «оторванной от жизни мысли». Сологуб — «не нов, он приторен» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 22 авг.).

А.Блок — «Шаги командора» (Р. Мысль, № 11); «Как тяжело мертвецу среди людей...» (Совр., № 11); «Без слова мысль, волнение без названья...» (Зав., № 8, ноябрь).

29 сентября В.Я.Брюсов, редактор литературного отдела «Русской мысли», писал А.Блоку: «Сознаюсь, что “мотор” Дон-Жуана меня несколько смущает, и я не вполне уверен, хорошо ли это. Но, конечно, на то — Ваша воля, и я не почитаю себя вправе посягать на нее» (ЛН, т. 92, кн. 1, с. 516). 17 июня 1913 г. С.М.Соловьев сообщил Блоку: «Твои шаги Командора очень меня поразили. Ты давно не писал так сильно» (Там же, с. 406).

В «серьезном ежемесечнике» печатают такую «несуразную чепуху», как «Шаги командора», потому что Блок считается «одним из блестящих светил бедламцев» (В.Буренин, Н. Вр., 23 ноября).

А.Бибик — «К широкой дороге» (Совр. Мир, №№ 7–11).

«Это — хорошо, живо написанный роман из рабочей жизни... В нем много бодрости и правды» («Правда», 29 авг.).

В.Ропшин [Б.В.Савинков] — роман «То, чего не было (Три брата)» (Зав., №№ 1–8, апрель–ноябрь). Публикация вызвала протест группы бывших народовольцев и эсеров, отмечавших, что автор дает «крайне неверную картину пережитого Россией движения, тенденциозно освещенную, с совершенно чуждой нашему направлению точки зрения» (Зав., № 8). В своем ответе редакция готова была признать Ропшина «заблуждающимся», но «выстрадавшим в глубине души свои заблуждения» и имеющим право высказать их. Протест 22-х поддержал Ф.В.Волховский (лондонский кружок старых народовольцев), Р. Вед., 1913, 18 янв.; в примечании от редакции выражалось несогласие с протестом, ибо роман Ропшина дает «существенную сторону» движения).

Позиция редакции «Заветов» была поддержана П.Е.Щеголевым (Совр., № 12), что вызвало недовольство Горького (см. настоящую Летопись, январь 1913).

* Окончание романа печаталось в «Заветах», 1913, №№ 1–2, 4 и вызвало новую волну критических отзывов.

В.И. Ленин писал Горькому 9–10 декабря: «Видели „защиту“ Ропшина в „Заветах“ во имя „свободы мысли и критики“? (в ответе на письмо в редакцию Натансона и К.). Ведь это хуже всякого ликвидаторства, — ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и тем не менее систематическое!» (т. 48, с. 137).

А.В. Пешехонов в письме к М.Н. Слепцовой от 17 декабря высказал свою точку зрения: «Письма Натансона не знаю, потому что после № 6 „Заветов“ не видел [находясь в Двинской крепости]. Но недовольство „Заветами“ для меня понятно. Если бы кто задался сознательною целью расшатывать партийные остатки и даже все направление, то мог бы так именно вести журнал. Я имею даже в виду не Ропшина, а программные статьи...». 10 сентября сообщил тому же адресату из Двинска: «Ропшина я читал в №№ 1, 3 и 4. Ужасно слабая вещь, по моему мнению» (РГАЛИ, ф. 462, оп. 3, ед. 3).

Горький писал Бунину 18 августа: «Роман Ропшина — в непримиримом противоречии с каждой страницей впереди и сзади его. В нем все больше Льва Толстого и противного кокетства „глубоким пониманием этической проблемы“» (Письма. Т. 10, с. 98).

В критике роман был оценен как поверхностное подражание Л. Толстому (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 15 авг.). «И если Борису Савинкову безнаказанно сошли загубленные им человеческие души, то г. Ропшину не пройдет даром этот воровской акт над „Войной и миром“» (А. Бурнакин, Н. Вр., 14 сент.). Степняк-Кравчинский «давал апофеоз этих людей, взявших в руки револьвер и динамит». «Андреев показал, как праведник... всего себя обагрив чужою кровью». «Ропшин — ученик Толстого и его верноподданный» — ставит вопрос о праве убивать; но роман не стал событием (А. Измайлов, Бирж. Вед., 1 июня, 8 авг., 4 дек., веч. вып.). «Рабское подражание Толстому», роман тем не менее заслуживает внимания, ибо показывает крушение революционной и либеральной интеллигенции, «моральное сознание несправедливости» избранных путей (И. Игнатов, Р. Вед., 15 авг., 12 дек.). Ропшин «смело и безбоязненно», «не считаясь с программными соображениями», ищет «настоящую правду» о революции (С. Адрианов, Вест. Евр., № 6). «Исповедный роман» с «кающимся героем» (В. Кранихфельд, Совр. Мир, № 10). Новый роман Ропшина представляет «в лучших своих местах лишь ряд иллюстраций к „Вехам“ и уничтожает всю заветскую публицистику» (А. С. Изгоев, «Преодоление террора», Р. Мысль, 1913, № 1).

В. Чернов — «Две бездны» (Зав., № 8, ноябрь). О 2-м изд. первого романа В. Ропшина «Конь бледный», у которого был «ус-

пех скандала» и которому «еще больше подходит заглавие «То, чего не было». Автор показывает «гибельное моральное своеволие» своего героя, «капризного гостя революции, фланера истории».

К. Чуковский — «Мы и Некрасов» («Речь», 1 ноября). «Наши «эстеты и эстетика» впервые внесли в литературную среду культ Некрасова... его любят и действительно чтут и Бальмонт, и Брюсов, и Белый, и Блок»; раньше его любила «только толпа».

С. Елпатьевский — «Лев Николаевич Толстой. Воспоминания и характеристика» (Р. Бог., № 11). «Он всегда останется огромной глыбой человеческого «я», но не монолитом... с... прослойками разных пород». Всегда «бокком стоял к «новым людям», относился к социализму как насилию над человеком. Его «гневливое сердце», как и «мятежная душа» Достоевского, было покорено «старым народным пониманием», его исповедь связана с «русским деревенским покаянием», но сам народ «пошел обратным путем» — к тому, от чего уходил Толстой.

М. Меньшиков — «Фальшь толстовщины» (Н. Вр., 10 ноября). «Грубейший отрицатель церковной веры, государства, собственности и культуры» не имеет права говорить «о всемогуществе любви».

Д. Философов — «Перелом» («Речь», 4 ноября). О журнале «Заветы». «Орган последнего поколения русского народничества» демонстрирует молодость и отвагу, имеет большое общественное значение, так как не боится «некоторой нестройности, противоречивости», доходящей до «большого разброда», «не гарантирован от вторжения нищезанятия и других, более опасных ересей» («нищезанятийский максимализм» Ропшина). Журнал должен не «поощрять модернизм», а «выращивать свою литературу», «уважать эстетику, но отнюдь не потакать эстетизму». Критический отдел «поставлен из рук вон плохо», нужен не Иванов-Разумник, а «новый Белинский», не Чернов, а «преображенный Михайловский».

6 ноября на сцене императорского Александринского театра впервые поставлена модернистская пьеса — «Заложники жизни» Ф. Сологуба (режиссер — В. Э. Мейерхольд, художник — А. Я. Головин), несмотря на то, что Петербургский литературно-театральный комитет отверг ее всеми голосами, кроме Д. Мережковского (Московский комитет пьесу одобрил). Поста-

новка была воспринята и истолкована как триумф модернизма. В прессе, однако, преобладали отрицательные оценки и пьесы, и спектакля.

В.А.Теляковский [директор императорских театров] «проявил хорошее, “военное” мужество», поставив своею властью пьесу Сологуба, вопреки мнению своих советников. В «великолепной постановке» есть черты «излишней сладости», «ножки условного эстетизма, той красоты, которая вредит красоте» (Д.Философов, «Речь», 7 ноября). Драма Ф.Сологуба, над которой более года работал Мейерхольд, прошла «с необычным шумом в антрактах, с бесчисленными вызовами автора, артистов и режиссера». Между тем, это «вещь безусловно плохая, путаная и местами кричаще-фальшивая» (Л.Гуревич, Р. Вед., 10 ноября). «Никакого совращения Теляковского со стороны Сологуба и Мейерхольда не произошло, а произошло обратное — приспособление Сологуба и Мейерхольда к вкусам и традициям Александринки». «Отбросьте символическую бутафорию и пред вами типичная мещанская драма с типичной мещанской моралью, или, вернее, с типичной мещанской аморальностью» (С.Любош [С.Б.Любошиц], Совр. Сл., 8 ноября). Нет «пафоса оригинальной мысли», преобладают «мотивы чисто психологические, с жидким контрастом земли и неба» (А.Волынский, «Балетный номер», «День», 8 ноября). А.Р.Кугель приветствовал «победу реализма» в пьесе и постановке (Номо Novus, «День», 8 ноября). Мейерхольд и Сологуб заслужили «восторги райка и шум грязных газетных листов» своей «бессмыслицей и грязью» (А.Бурнакин, Н. Вр., 9 ноября). На премьере был бой «между староверами и модернистами», последние одержали верх (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 14 ноября). Пьеса как художественное произведение заслуживает забвения, но она поднимает «основную проблему всей нашей общественной жизни», так как у Сологуба «мечта идет мимо жизни, и жизнь мимо мечты» (С.Франк, «Мечта и жизнь», Р. Молва, 30 дек.). «Вечная тема Сологуба» выражена в драме, которая «все-таки лучше ... красивого представления», данного нам Александринским театром (Антон Крайний [З.Н.Гилпиус], Р. Мысль, № 12). Всякая «академизация» фатально влечет за собой и профанацию. Не вникая в суть, Александринка стремилась «раскрасить» пьесу вплоть до «дилетантского дунканизма» с его «модернистской оскоминой» (Ал.Бенуа, «Речь», 7 дек.). Слабую, но не бездарную пьесу возвели в степень театрального события, потому что она показывает связь реализма с модернизмом (Ф.Батюшков, «В походе против драмы», Совр. Мир, № 12). «Львиную долю этого успеха приходится отнести на счет театра» (С.Адрианов, Вест.

Евр., № 12). Это «не трагедия и даже не драма», «это... исповедь двуликого пессимиста» (Albus [А.К.Елачич], Сев. Зап., 1913, № 1).

Д.Мережковский в статье «Осел и розы» констатировал с горечью, что писатель-модернист дебютировал на казенных подмостках, а нововременские «милые малые» благополучно сжевали сологубовскую розу с шипами. Сологубовская мечта — это «вечно юная, вечно старая дева, пораженная вечным бесплодием»; не к новой жизни, а к «непобежденному мешанству, непобежденной пошлости» приходят герои Сологуба («Речь», 9 ноября. «Большой силы» статья,— записал А.Блок 9 ноября, т. 7, с. 176). Ан.Чеботаревская отвечала: Мережковский, «вместе с другими моралистами», осуждает «бесплодие» литовых роз, а «заложничество» Кати готов считать «мещанской пошлостью» («День», 10 ноября).

Посмотрев пьесу, Блок записал 27 ноября: «Сологуб изменил самому себе, запутался в собственной биографии. Та, которая здесь зовется Мечтой и Лилиг,— в лучшие времена была для Сологуба смертью-утешительницей, и все было тогда для него — верно и стройно. Та же, которая здесь полумилая жизнь,— была прежде «бабишей дебелой и безобразной». Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь. Однако (хотя все, вследствие этого «кадетства», неверно), пьеса не оскорбительна, она — бледная, невинная (неправду говорили о цинизме), печальная, первый акт — очень хороший, волнует» (т. 7, с. 185).

В Петербурге — на средства М.И.Терещенко — основано издательство «Сирин», посвященное пропаганде новой литературы и нового искусства. Руководить делами издательства будет Р.В.Иванов-Разумник, заведовать художественной частью — Л.С.Бакст. «Сирин» приступает к изданию сочинений А.Ремизова, А.Блока, В.Брюсова, Ф.Сологуба («День», 10 и 17 ноября). А.Блок в письме к Андрею Белому от 15 ноября предложил передать новый роман [«Петербург»] вновь организованному предприятию: «Обладая большими средствами, издательство хочет служить искусству и художественной литературе по преимуществу; хочет дать возможность русским писателям работать спокойно; хочет поставить дело (которое едва еще начинается) на реальную почву, не меценатствуя, но и не занимаясь эксплуатацией» (т. 8, с. 406).

Э.К.Метнер писал Блоку 20 февраля 1913 г., ходатайствуя об издании в «Сирине» собрания сочинений Андрея Белого: «Ратуйте за Бугаева. Право нехорошо, если он будет обойден пол-

ным собранием... Можно не соглашаться ни с единой его строкой, но не видеть огромности этого русского Жана Поля и русского Новалиса... — значит быть... напрасно образованным» (Рос. Литературовед. Журн., 1997, № 9, с. 112).

И.Северянин, Г.Иванов и Грааль Арельский [С.С.Петров] сообщают о своем выходе из кружка «Эго» и из газеты «Петербургский глашатай». Просуществовав с февраля по ноябрь, эта эфемерная «газета» вышла только четырьмя номерами (Гиперб., № 2, ноябрь, с. 29–30).

13 ноября в Москве, в помещении Училища живописи и ваяния, открылась выставка «Мира искусства» (Н.Рерих, Б.Кустодиев, К.Сомов, П.Кузнецов, М.Добужинский и др.). На вернисаже был «весь цвет московской интеллигенции», отношение — восторженное (С.Мамонтов, Р. Сл., 14 ноября).

20 ноября — выступление Маяковского в Петербурге в Троицком театре с докладом «О новейшей русской поэзии» (Катанян, с. 61).

21 ноября Блок записал в дневнике «Весь день просидел Городецкий и слушал очень внимательно все, что я говорил ему о его стихах, о Гумилеве, о цехе, о тысяче мелочей. А я говорил откровенно, бранясь и не принимая всерьез то, что ему кажется серьезным и важным делом». 26 ноября: разговоры в «Сирине» — «о “Бродячей собаке” (я горячо убеждал не ходить и не поощрять), о том, как в России не умеют веселиться» (т. 7, с. 181, 184).

25 ноября Горький писал Е.А.Ляцкому: «Меня немного пугает обилие бездарных книг... все бездарное всегда злобно, у нас, на Руси, — особенно злобно» (Письма. Т. 10, с. 204).

Ал.Бенуа — «Кубизм или кукишизм» [по поводу лекции Д.Бурлюка] («Речь», 23 ноября). «Не хватает убеждения гневно выступить и провозгласить... крестовый поход» против этих неучей и вандалов. «Пусть себе работают над разгромом всего существующего... Весь смысл культуры в том, чтобы не останавливаться. Бурлюк и ему подобные погоняют, тревожат, вносят смуту и не дают застояться». Однако без устоев и традиций в России «все может попросту “полететь к черту”, свестись к полному нулю, к громадному кукишу... который покажет фигура со свиной рожей».

М.Горький — «Сказки» [«Сказки об Италии»]. М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 4000.

И.Игнатов неодобрительно отозвался о «слашавом тоне сентиментального повествования» и «сухой, безжизненной» морали (Р. Вед., 12 дек.). «Это рассказы, испорченные гипертрофированной добродетелью, такую же всеобщей ласковостью, таким же глубокомыслием», «эпидемией солидарности», «потоками прекраснотушия»; Горький «переоценивает силу дидактизма» ([А.Б.Дерман], Р. Бог., 1913, № 2, Нов. Кн.). Горький выступает «проповедником новой правды», главный герой его «Сказок» — народ (М.Калинин [А.Каринян], «Путь правды», 1913, 23 февр.).

М.Пришвин — «Очерки», т. II. СПб.: «Знание», 1912, тираж — 3200.

В книгу вошли ранние работы писателя: этнографические описания, путевые очерки, полубеллетристика, изображающие русский Север. «Он, как немногие, умеет проникнуть в толщу народной жизни... умеет видеть и слышать; его память хранит сотни колоритных слов...»; порою «сырьем отдает» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1913, № 1, Нов. Кн.). Преобладает художественная этнография, «несколько импрессионистического описания»; главное достоинство — «любопытство к природе, к быту» (С.Ауслендер, «Нива», ежемес. прилож., 1913, № 3, Б-фия).

«Земля». Сб. десятый. Моск. кн-во, 1912, тираж — 12000. (М.Арцыбашев «Деревянный чурбан», Ф.Сологуб «Дым и пепел», С.Юшкевич «Вышла из круга»).

«Отчаяние и насмешка», «культ наготы» — вот тот «деревянный чурбан», который заменил «разбитого настоящего бога» (И.Игнатов, Р. Вед., 24 ноября). «Сколько глубокой любовности и неподдельной жизнерадостности» вместо «пессимистических и клеветнических надуманностей и грубостей, которыми обычно так любит щеголять Арцыбашев» (С.Анрианов, Вест. Евр., 1913, № 3, с. 391). «Дым и пепел» — это последняя часть романа Сологуба «Навыи чары»: «Вся эта огромная книга — галерея эскизов на тему: женщина, любовь и смерть» (А.И[змайлов], Р. Сл., 27 сент.).

Ив.Новиков — «Рассказы (1905—1912)». М.: Кн-во писателей, 1912, тираж — 2500.

«Автор, видимо, принадлежит к тому худосочному течению в современной русской литературе, которое однажды назвало само себя “неонародничеством” и источником которого была не

жизнь, а книга... Большинство рассказов Новиков посвятил деревне, но они написаны еще в ту пору, когда — года три тому назад — быт отрицался канонам модернизма; поэтому бытовая сторона в "литературе" Новикова отсутствует... Есть все, что требовалось от молодого писателя строгими и капризными, но неустойчивыми основоположниками модернизма, нет только Новикова, — нет человека, входящего в храм литературы русской со своим лицом, со своею выстраданной молитвой на устах» (А.П. [М.Горький], Совр., № 12). «Крайняя несамостоятельность стиля и приемов» (влияние Ремизова, Зайцева, Сологуба) ([А.Б.Дерман], Р. Бог., 1913, № 5, Нов. Кн.).

«Орлы над пропастью. Предзимний альманах». СПб.: изд. «Петербургского глашатая», 1912, тираж — 300 (стихи Ф.Сологуба, В.Брюсова, Игоря Северянина, А.Скалдина и др.). В «программной» статье издателя И.В.Игнатьева «Первый год эгофутуризма» перечислялись «завоевания» этого течения, его «предтечи» (К.Фофанов и М.Лохвицкая, Бодлер и О.Уайльд), «скрижали», упомянут интерес «серьезно-читающей публики» при «критическом вандализме».

Обо всем этом можно сказать одно: «вульгарность и безграмотность переносимы лишь тогда, когда они не мнят себя утонченностью и гениальностью» (Н.Гумилев, Гиперб., № 3, с. 28).

Рюрик Ивнев — «Самосожжение (Откровение)», кн. 1-я, лист 1-й. М., 1912, тираж — 500 (Лист 2-й вышел в октябре 1913, 3-й — в январе 1916).

Слова «пророк», «пламень», «алтарь», «тайна» — встречаются чуть не в каждом стихотворении. Эпиграфы взяты из Апокалипсиса. «Книга отличается полным безвкусием, отсутствием какого бы то ни было содержания и неграмотностью» (Г.И. [Г.В.Иванов], Гиперб., 1913, № 6, март). К.Чуковский назвал Ивнева «модернистом-эклектиком» (альм. «Шиповник», кн. 22, СПб., 1914, с. 119).

А.Потебня — «Мысль и язык». 3-е изд., дополненное статьями «Язык и народность», «О национализме». Харьков, 1912, тираж — 2000.

«В последнее время наши символисты открыли для себя Потебню, но каким беспомощным барахтаньем кажутся их домыслы пред лицом ясных и твердых положений Потебни, который полвека тому назад говорил... что всякое искусство символично, другого нет и не может быть» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1913, № 8, Нов. Кн.).

Декабрь

9 декабря вышел первый номер газеты «Русская молва», среди сотрудников которой названы: К.К.Арсеньев, А.А.Блок, Л.Я.Гуревич, В.В.Муйжель, В.А.Маклаков, С.Ф.Ольденбург, А.М.Ремизов, Б.А.Садовской, П.Б.Струве и другие. «От редакции» объявлялось, что газета стоит за национально-государственное развитие по западным образцам общественного устройства, то есть за конституционно-демократический строй. Тому же была посвящена статья П.Струве «Сильная власть и либеральная политика». Газета издавалась на средства А.И.Коновалова.

24 ноября, пишет Блок в своем дневнике, «у Ар.Вл.Тырковой — редакционное заседание “Русской молвы”... Присутствуют А.В.Тыркова, англичанин, проф. Адрианов, мы с Ремизовым и приглашенные нами — А.П.Иванов, Вл.Н.Княжнин, В.А.Пяст, Н.П.Ге и Б.А.Садовской. Я читаю свою докладную записку об отношении искусства к газете и превращаюсь в какого-то лидера... Мою статью хотят сделать определяющей отношение газеты к искусству» (т. 7, с. 183). А.В.Тыркова — редактор газеты, А.П.Иванов — художественный отдел, Вл.Пяст — «публицист с холодным эстетическим уклоном», Н.П.Ге — библиография, Б.Садовской — литературный отдел (запись Блока от 22 ноября, т. 7, с. 181).

В первом номере напечатаны статья Блока «Искусство и газета» и стихотворение «Есть минуты, когда не тревожит...» Статья была сокращена по требованию редактора А.В.Тырковой. «История статьи, — записал Блок 6 декабря, — по крайней мере, чрезвычайно поучительна и позорна. Все, что касается журналистов... должно быть исключено. Оставлено должно быть высокопарное рассуждение об искусстве, и это... *нужно газете!*» (т. 7, с. 190). Задавая вопрос — «можно ли вообще говорить на языке искусства в газете, которая служит злобе дня?», Блок предлагает «сделать такой опыт», хотя «газета по самой природе своей тороплива и буйна», а искусство не интересуется «выборами в парламент, партийными интересами, банковскими счетами».

Д.Философов упрекнул Блока в том, что он смешивает «вулгаризацию» с «демократизацией» и, боясь первой, «уходит в аристократическое уединение», между тем, уединяться нужно от «богатого плебса» «во имя грядущей демократической соборности» («Уединенный эстетизм», «Речь», 18 дек.).

В своем ответе А.Блок писал: «Как разрешается трагическое противоречие между искусством и жизнью, — я не знаю. Думаю, что этого и не знает никто, кто хоть одно мгновение по-

настоящему любил жизнь и любил искусство... Трагедия останется трагедией *до какого-то срока* («Непонимание или нежелание понять?», Р. Молва, 23 дек.).

Позднее в полемику вмешался Д.Мережковский, утверждая, что среди современных колодцев одиночества, в которых сидят декаденты, самый глубокий и узкий — у Блока, но он первый «опомнился и ужаснулся» и зовет на помощь своей статьей «Искусство и газета», основной смысл которой — антиномичность искусства и жизни. На вопрос «чем жертвовать?» — Блок не прямо отвечает: жизнью. Мережковский приносит в жертву искусство, но полагает, что религии суждено соединить искусство с жизнью («О черных колодцах», Р. Сл., 1913, 12 марта).

М.Горький — «Из впечатлений проходящего» [«Ледоход»] (Вест. Евр., № 12); «Губин» (Совр., № 12); «Сказка» [III из «Русских сказок»], «Ночь» [XXIII из «Сказок об Италии»] (Р. Сл., 16, 25 дек.).

9 сентября, посылая в редакцию «Вестника Европы» рассказ «Ледоход» и еще два очерка цикла «По Руси» [«Женщина» и «Покойник»], Горький писал Д.Н.Овсяннику-Куликовскому: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным, — мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их» (Письма. Т. 10, с. 113). «В совокупности эти — на первый взгляд — непретенциозные “картинки” дадут живую и многоговорящую картину Руси» (ответ Д.Н.Овсяннику-Куликовского см. «Горький, Материалы», т. III, с. 153).

Редактор «Современника», Е.А.Ляцкий, писал Горькому 8 декабря о рассказе «Губин»: «Вы стали осторожнее в выборе красок», появилась «необыкновенная задушевность» в описании русской природы и «сочувствие причастное» в изображении «коренной русской жизни». Горький ответил: «Очень обрадован вашим отзывом... я хочу изобразить именно нечто “коренное русской жизни” — русской психики, и даже имел дерзкое намерение дать очеркам общий заголовок “Русь”» (ЛН, т. 95, с. 542; Письма. Т. 10, с. 217).

По поводу рассказа «Ледоход» критик С.Любош [С.Б.Любошиц] писала: «Жив чудесный писатель, свежо его дарование, и тот холод, то равнодушие, которое встречают его теперь, есть лишь месть не за грехи писателя, а за грехи читателя» (Совр. Сл., 9 дек.). «Зрелый, серьезный писатель возвращается к старым сюжетам и договаривает все то, что не было сказано и что не было понято...» «Последние очерки Горького — это неумная песнь любви и жалости к людям». В очерке «Губин» «красота

грубо и кощунственно оскверняется гадким, захлебывающимся смехом Губина и его циничными комментариями. В этих глубоких контрастах все содержание рассказа» (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 1913, 29 янв.). В рассказе «Из впечатлений проходящего» «из-за лика жизни выставляется “учительский” лик самого автора» (В. Г. Голиков, «Лики авторов и лики жизни», Вест. Зн., 1913, № 1, с. 128—129).

Ф. Сологуб, узнав себя в сатирическом образе поэта Смертяшкина («Сказка»), прислал Горькому протестующее письмо, на которое 23 декабря последовал ответ: «Я отношусь отрицательно к идеям, которые Вы проповедуете, но у меня есть известное чувство почтения к Вам как поэту; я считаю Вашу книгу “Пламенный круг” образцовой по форме и часто рекомендую ее начинающим писать как глубоко поучительную с этой стороны. Уже одно это делает невозможным знак равенства Смертяшкин = Сологуб» (Письма. Т. 10, с. 224—225).

Ив. Шмелев — повесть «Стена» (Совр. Мир, №№ 11—12).

Шмелев предоставляет жизни «говорить самой за себя»; он «не художник-психолог», а мастер «рисунка и колорита», передает трепет и плоть жизни с «гоголевским размахом» (В. Г. Голиков, «Лики авторов и лики жизни», Вест. Зн., 1913, № 1, с. 130—131).

С. Сергеев-Ценский — рассказ «Ближний» (Совр. Мир, № 12).

А. Блок — «На паперти храма» (1. «Сгушался мрак церковного порога...», 2. «Кто плачет здесь?») (Р. Молва, 25 дек.).

Демьян Бедный — цикл басен «Сытые и голодные» (Совр. Мир, № 12).

Шолом-Алейхем — роман «Блуждающие звезды» (Совр., №№ 1—12).

А. Черный — стихотворения и сатиры (Совр., № 12).

В журнале «Гиперборей» (№ 3, дек.) напечатаны стихотворения Н. Гумилева («Возвращение», «Птица», «Сказка»), О. Мандельштама («Я не поклонник радости предвзятой...», «Когда показывают восемь...», «Тысячеструйный поток»), В. Нарбута, М. Моравской, И. Эренбурга.

Ив. Вольнов — «Повесть о днях моей жизни. Отрочество» (Зав., №№ 8, ноябрь — 9, дек.).

Повесть И. Вольного прошла незамеченной, но она еще будет оценена по достоинству (Иванов-Разумник, Зав., 1913, № 1).

Д. Мережковский — роман «Александр I» (части 3, 4 и 5) (Р. Мысль, №№ 1, 3-4, 10-12). В феврале-мае 1913 г. вышел тремя повторными изд. И. Д. Сытина общим тиражом — 12000 каждый том.

Не удалось Мережковскому написать «Войну и мир»; его «Александр I» — «очень старательно и искусно сделанное произведение», но сам он — «очень крупный писатель с мертвой душой» и «мертвым словом». «Народ», «интеллигенция», «религиозная общественность», «святая плоть» — все это в его устах «только ледяная игра разума». Он может, подобно Сальери, «разъять, как труп» историческое лицо. «Великая любовь к человеку — это как раз то, чего нет и не было у Д. Мережковского». В романе развиваются знакомые «словесные схемы» Мережковского: «общественность» декабристов обречена на неудачу, так как она не была «религиозной», трагедия «самодержавия» в его связи с «православием» (Иванов-Разумник, Зав., 1913, № 1). «Сухая книжность», «теоретический препарат»; «опрометчиво-легкомысленный Рылеев, пошляк Бестужев, ограниченный Пестель, дикий Каховский» — таковы вожди декабристов (Б. Садовской, «Оклеветанные тени», Сев. Зап., 1913, № 1). Мережковский «исходил из почти внехудожественного побуждения проследить в истории пути Антихриста» (В. Чудовский, Апол., 1913, № 2). «Умный, внимательный и знающий исследователь, но совершенно лишенный воображения»; все герои «отзываются архивом», напоминают марионеток, управляемых «кукольных дел мастером». «Борется, в сущности, не аракеевщина с декабристами, не реакция с прогрессом, а мистицизм, или точнее говоря, христианство с язычеством. На стороне прогресса — духоборы, мистики, христиане; на стороне реакции — позитивисты, тираны, безбожники» (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 1913, 22 марта). П. П. Перцов сравнил героев романа, декабристов, с «тонконогими» интеллигентами новых времен («Лже-Александр», иллюстр. прилож. к Н. Вр., 1913, 18 мая). Все главные герои «говорят, думают, спорят о Боге»; в движении декабристов Мережковский ищет «религиозную душу», что «придаст роману оттенок модернизма», вплоть «до современной богоис-

* Критические отзывы появились после выхода отдельного издания, в мае 1913 г.

кательной неврастении, заимствованной отчасти у Достоевского» (В.Г.Голиков, «Лики авторов и лики жизни», Вест. Зн., 1913, № 1, с. 124). Это «не исторический роман, а политический пастырь»: герои представлены «пустыми болтунами и мелкими интриганами», что «не соответствует общепринятым взглядам» и «историческому материалу» (Э.С., Вест. Зн., 1913, № 6, с. 530–532). «Трагическая личность Александра I выписана с исчерпывающей полнотой». Автор обладает «силой мысли и взыскующей совестью», но напоминает «смотрителя музея», освещающего «мертвые гипсы» «безумным красным факелом» («идея религиозного спасения России») (А.Бурнакин, Н. Вр., 1913, 14 июня).

«Мережковский невыносим», — писал Л.Андреев Горькому (ЛН, т. 72, с. 343).

Горький писал Е.А.Ляцкому о романе Мережковского 1 ноября: «Этот фокусник сделал основоположником славянофильства немца Пестеля! А декабристы у него рассуждают по трафарету Гиппиус-Мережковский. А императрица Елизавета — по Достоевскому мыслит?» (Письма. Т. 10, с. 189).

3. Гиппиус — «Роман-царевич (История одного начинания)» (Р. Мысль, №№ 9–12; отдельной книгой вышел в Моск. кн-ве в 1913, тираж — 2200).

«Роман-царевич» посвящен «вопросам религиозного богостроительства»; герой «мистически глубокомыслен, как человек, начитавшийся Мережковского», «бесстрашен, как конституционный министр», и «конспиративен, как могила самоубийцы» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 30 сент.). Гиппиус «вполне и окончательно доказала свое полное бессилие в области прозы»: в ее «адрес-романе», посвященном идее «религиозной общественности», все современно и тем не менее — «этого романа нет в русской литературе, он — пустое место». Просто «нудное и тягучее продолжение никому не нужной “Чортовой куклы”» (Иванов-Разумник, Зав., 1913, № 1). «Все здесь по-боборыкински современно, по-боборыкински достоверно и по-боборыкински портретно», «каша новых настроений из сумбура революционного и сумбура религиозного», да еще Достоевского «припущено» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1913, № 9, Нов. Кн.). Главный герой Сменцев похож на героя «Чортовой куклы», но направлен в противоположную сторону, «к единению людей» (И.Игнатов, Р. Вед., 29 сент.). Разрабатывает идеологию Достоевского (В.Чудовский, Апол., 1913, № 2). «Мертвый роман» на тему о современном религиозном движении (Ал.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 1913, 2 июня). «Вся история этого религиозно-революционного “начинания” шита белыми нитками» по образ-

цу Петра Верховенского из «Бесов». Роман — «не отражение жизни, а отражение души автора» (В.Г.Голиков, «Лики авторов и лики жизни», Вест. Зн., 1913, № 1, с. 127–128).

9 декабря в Петербурге открылась выставка «Союза молодежи» (М.Ларионов, Н.Гончарова, Д. и Вл.Бурлюки, В.Татлин, К.Малевич и др.). С.П-н [С.Т.Патрашкин] поддержал молодых художников: «Дерзайте, и не смущайтесь смехом» («День», 10 дек.). «Союз, объединенный культом куба, лубочности, вывески и фанатической ненавистью к прошлому искусства». «Выставка — маленькая, ютится в скромной квартире, но зато полна задора, самоутверждения и дерзостных порывов к новизне...» Не следует относиться пренебрежительно, хотя ирония сама напрашивается. Произведения «московских страшил» Гончаровой и Ларионова производят «не лишенное приятности впечатление» (Ал.Бенуа, «Речь», 21 дек.).

11 декабря Горький сообщает И.П.Ладъжникову о разрыве с издательством «Знание» (Письма. Т. 10, с. 213–214).

12 декабря Э.К.Метнер пишет Вяч.Иванову: «Я “принял отставку” Бугаева, которую раньше “отклонил”; он более не редактор “Трудов и дней”... Если уж топить Мусaget, то по крайней мере своими руками» (В. Л., 1994. Вып. 3, с. 294–295).

14 декабря на сцене Александринского театра состоялась премьера пьесы Л.Андреева «Профессор Сторицын». Присутствовавший на спектакле А.Блок записал: «Успех пьесы. При всем, что об Андрееве известно, в пьесе, особенно в третьем акте, есть *настоящее*» (т. 7, с. 192). По своему мировоззрению профессор Сторицын — «современный 14-летний гимназист, который начался “Мира искусства” и “Аполлона”, и потому он не трагичен, а трагикомичен; достоинство пьесы в изображении «беспредельного неряшества» современного интеллигентского быта. Автор — «реалист хорошего старого вечного типа, захотевший сделаться неоромантиком, декадентом, символистом, — и тут его провал» (Д.Мережковский, Р. Сл., 15 дек.). Эта «трясина безвкусия, одобренная петербургской публикой», была неодобрительно встречена в Киеве, где зрители потребовали снятия спектакля после второго представления (И.Жилкин, Р. Молва, 16 дек.). «Автор хотел дать в реалистической форме трагедию человеческого духа, а на Александринской сцене получилось что-то обличительно-бытовое» (Л.Гуревич, там же). «Разжаловав Сторицына из Сократов... в хорошего среднего интелли-

гента», Л. Андреев написал «талантливую семейную драму», сыгранную бледновато (Номо Новус [А.Р.Кутель], «День», 16 дек.). Иванов-Разумник недоумевал, что вызвало возмущение зрителей в одном «из южных городов», просто «теперь в моде лягнуть Л. Андреева» (Скиф, «Тленное и нетленное», Зав., 1913, № 1). «Необузданное злоупотребление словами» (И. Игнатов, Р. Вед., 1913, 10 янв.).

«Не пришлете ли вы мне “Профессора Сторицына”? — просил Горький Н.А. и Т.В. Румянцевых 27 декабря. — Очень буду благодарен! А то — все ругают Леонида, а мне не верится, чтоб он был виновен во всю меру этой разнузданной ругани» (Письма. Т. 10, с. 231).

17 декабря премьера «Екатерины Ивановны» Л. Андреева в Московском Художественном театре (главные роли исполняли М.Н. Германова и В.И. Качалов). Спектакль превратился в «публичную казнь», в зале шикали, автора обвинили в «клевете на женщину», даже внутри театра пьеса была встречена враждебно и имела только одного защитника — Вл.И. Немировича-Данченко; между тем в пьесе идет речь о «прекрасной женской душе», сломленной от несправедливого удара (Н.Эфрос, «Речь», 20 дек.). В московских газетах появилась телеграмма автора постановщику Немировичу-Данченко: «Нисколько не огорчен, это не провал пьесы, а провал *мещанской публики* первого абонемента. Полемизируйте в печати. Выясните образ Екатерины Ивановны...» (Р. Сл., 22 дек.). В конце декабря Л. Андреев сообщал Горькому: «И театр так и толкует Катерину: как чистоту сушую. И как у них трогательно выходит: я ревел на репетиции...» (ЛН, т. 72, с. 351).

Весной 1913 г. во время гастролей Художественного театра в Петербурге вновь возникли споры об «Екатерине Ивановне»: «Слишком понятна, конечно, потребность Художественного театра дать в течение сезона хоть одну современную русскую пьесу», но, «вопреки притязаниям автора на глубокую художественную утонченность и значительность», пьеса вызывает лишь «брезгливость к человеческому образу» (Л. Гуревич, Р. Молва, 1913, 18 апр.). «Общественное мнение глубоко взволновано, сборы полные, «на первых спектаклях свистали и шикали», теперь аплодируют. Видеть «пасквиль на русскую женщину» могут только тартюфы и дураки, но пьеса вызывает досаду «даже не на Андреева», «мощного и несуразного писателя», а «на всю нашу культуру» — «это наша же душевная пустота глядит мертвым глазом из зеркала» (Ал. Бенуа, «Речь», 1913, 14 мая). Основная

проблема двух последних пьес Андреева («Екатерина Ивановна» и «Профессор Сторицын») — «падение светлой личности под ударами общих условий жизни и личной судьбы». Лишенное мотивации, падение героини лишается психологического интереса, этического, а следовательно, и эстетического смысла. Получилась «умелая импрессионистическая живопись патологически-эротического явления». (Ф.Степпун, Сев. Зап., 1913, № 2). М.Н.Волконский призывал к «всестороннему, незлобивому, спокойному и серьезному обсуждению» пьесы как «крупного литературного явления», ибо героиня Андреева «соименница Катерины Островского» и «не более виновата»: ее тоже окружает «нравственная пустота», «из которой она стремится выбраться, но в конце концов “назло” (и я буду, как все)... отдается людской пошлости» (Т. и Иск., 1913, № 18, 5 мая). В том же номере журнала помещена «Заметка» Ното novus'a [А.Р.Кугеля], вступившего в спор с «рыцарями Екатерины Ивановны» — Вл.И.Немировичем-Данченко и М.Н.Волконским: «безусловный догматизм» Катерины Островского сменился «неопределенностью морали» современных героев, а такая «неустойчивая, спорная, эволюционирующая, переоцениваемая мораль» «крайне неблагоприятна для драматических коллизий». Ф.Батюшков писал, что «чудесная постановка» Художественного театра не спасла «мещанской драмы» с «рядом непрерывных падений, совершенно не мотивированных». Героиня делает «из распутства себе Голгофу» (пародия на Соню Мармеладову и Грушеньку); автор «из этого патологического состояния... пытается создать общественное явление» («Гастроли Московского Художественного театра», Совр., 1913, № 5). С.Адрианов увидел в «Профессоре Сторицыне» и «Екатерине Ивановне» «бесплодную игру авторского произвола», принесшую «новые разочарования» в «недюжинном таланте» (Вест. Евр., 1913, № 3). Соединив «вечно женственное» с психической патологией, Андреев превратил «страшную проблему пола» в маленькую «историю болезни» (Ю.Соболев, «Путь», 1913, № 3). «Крупный художник» рисует «безотрадную картину современного хамства», топчущего «остатки интеллигентности», и «неясно очерченный протест» — уход от торжествующего хамства (К.Народин [К.А.Суховых], «Красота и хам», Совр. Мир, № 5).

Прочитав пьесу, Горький писал автору: «А “Катерина” — не понравилась мне. Что-то слепое в ней есть. Бабы тебе удаются только до половины, меряя снизу» (Письма. Т. 10, с. 200).

Н.Минский — пьеса «Хаос» (Нов. Жизнь, № 12).

«Хаос — не в жизни», а в голове Минского, который не верит ни в социализм, ни в организацию рабочих (А.Адамов [А.А.Блюм], Просв., 1913, № 9).

17 декабря Блок записал: «Придется предпринять что-нибудь по поводу наглежащего акмеизма и адамизма» (т. 7, с. 193).

19 декабря в помещении «Бродячей собаки» С.Городецкий прочел доклад «Символизм и акмеизм»: «Отдавая должное символизму, сыгравшему видную роль в истории русской поэзии, акмеисты все же считают, что символизм не создал ни великой драмы, ни великого эпоса, ни великой лирики... Освободив искусство от гнета общественности и политики, символисты перегрузили искусство мистикой и религией...» Акмеизм возник «как протест против узких рамок символизма», он выступает с утверждением самоценности мира, «хочет принять мир, как таковой, а не как символ других миров. Символ акмеизм признает лишь в ряду других художественных средств». Прения по докладу носили кружковый характер, так как в них не принял участия ни один из видных символистов. Н.Гумилев подчеркнул, что «символизм прожил более 25 лет и представляет собой великое явление. Акмеизм же исходит из символизма и имеет с ним точки соприкосновения». В.Р.Ховин заметил, что «в творчестве “Цеха поэтов” много интересного, но это интересное бледнеет, если подходить к ним с критерием, предлагаемым докладчиком». Выступали также Н.И.Кульбин, Е.А.Зноско-Боровский, Д.В.Кузьмин-Караваев и другие (Р. Молва, 22 дек.). Городецкий «читал отходную символизму» за то, что он привел к «развращению слов и словосоединений» (И.К., «Символизм и акмеизм», «Речь», 24 дек.). «Вяч.Иванов и Ал.Блок летят у него в бездну с легкостью необычайной» (С.И., «Символизм и акмеизм», «День», 23 дек.).

20 декабря в Москве, в Обществе свободной эстетики, Игорь Северянин собрал огромную толпу слушателей: «Здесь были поэты всех толков, от невзыскательных поклонников Ивана Белосова до прилежных ритмистов из “Мусажета”». Всем им поэзия Игоря Северянина до этого дня была одинаково мало известна, книги свои поэт печатал в очень ограниченном количестве экземпляров. «Ждали “ужасов”, но их не было. Были стихи несомненно даровитого, несомненно смелого и подлинного поэта», который назвал своими предшественниками М.Лохвицкую и К.Фофанова (Р. Молва, 25 дек.). «Подает надежды несомненно талантливый» И.Северянин, но должен отказаться «от жалкого

ломания и кривлянья» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1912 году», Зав., 1913, № 1).

Присутствовавший на вечере Б.Л.Пастернак отметил «печаль разнообразия» в стихотворении «Мороженое из сирени». «Что же касается дальнейших стихотворений, то в них уже — открытое море лирики. Пришлось забыть об “Эстетике”, ее серой обивке, ее мертвенности...» (Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989, с. 175).

«Мой дебют в Эстетике... — вспоминал И.Северянин, — собрал много избранной публики... художников Гончарову и Ларионова, профессора Венгерова и др. ... После меня выступил Брюсов, прочитав свои стихи, мне посвященные» (Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. М., 1990, с. 388).

20 декабря в Религиозно-философском обществе, в Петербурге, заслушан доклад Д.В.Философова, назвавшего главной и основной сущностью православия его «кровную, мистическую и неразрывную связь» с самодержавием. С возражением выступил П.Б.Струве, утверждавший, что «православие не столько религия, сколько культурная предпосылка великой России», не связанная с преходящими политическими формами. Д.Мережковский, возражая Струве, горячо поддерживал докладчика: «Народ извечно мечтает о царе-женихе, Россия — невеста, царь — жених. Струве и не чувствует, какая тут глубина. Струве и не знал никогда, что такое царь, у него сердце не дрожало», а Мережковский «видел, знал и чувствовал...» Председательствующий А.В.Карташев прекратил прения, заявив, что вопрос не только не решен, но и не поставлен (Р. Молва, 22 дек.).

21 декабря Горький пишет А.В.Амфитеатрову: «Слагается на Руси какая-то очень свежая, бодрая сила — так! — а поддержать ее, организовать — некому, своего же уменья — нет еще, и силишка эта — нервничает, раздражается, тратится зря. Нужны три рабочие газеты: в Московском районе, на юге, на Урале, — некому поставить» (Письма. Т. 10, с. 222).

26 декабря М.О.Гершензон пишет В.В.Розанову: «Ваши писания о евреях делают мне очень больно... Вы только по заблуждению пишете о засилии евреев: оно для Вас безразлично, Вы его не знаете и пр.; а суть — в Вашем отвращении к каким-то чертам еврейского духа... Вы можете сказать только, что они Вам противны, но никак не вправе утверждать, что они искажают русский народный дух... тон Ваш в Ваших еврейских статьях — нехороший, фальшивый, мелочно-злой. Не говорю

уже о бесчеловечности этой травли...» В ответ Розанов благодарил за письмо: «Вообще я всегда от Вас жду всякой правды, и чем она суровее будет — тем слаше мне... Да, евреи теперь — холодны мне... Знаю, что не по внешности, а внутренно эти статьи бесконечно литературно роняют меня: но человек кричит из писателя» (Н. М., 1991, № 3, с. 232–234).

Не позднее 29 декабря В.И. Ленин пишет Горькому: «Ежели не найти деньжонок на расширение и упрочение “Правды” — погибнет она... 200 номеров выдержали — рекорд. Влияем все же на 20–30 тысяч читателей рабочих систематически в марксистском духе, дело большущее, дьявольски жаль было бы, ежели она погибнет» (т. 48, с. 139).

Вяч. Иванов — «О существе трагедии» (Тр. и Дн., № 6, ноябрь–дек., вышел в янв. 1913). Двойная природа трагедии: мужественный аполлинийский элемент и женская дионисийская энергия.

К. Чуковский — «Самоубийцы (очерки современной словесности)» («Речь», 23–24 дек.). В 1905 г. в России самоубийств было меньше, чем когда-нибудь, но чуть кончились «переворотные годы», и число самоубийств возросло колоссально. «Эстетика слияния с обществом для нашей литературы (и значит, для нашей души) чужда совершенно, а вот эстетика ухода от людей... у нас теперь так пышна и богата».

С. Гусев-Оренбургский — «Рассказы». Т. 4. СПб.: «Знание», 1913, тираж — 3200.

Старый романист вернулся в родную стихию; ему «несколько повредил 1905 год», когда чуть ли не в каждом батюшке он стал видеть революционера, а модернизм едва не убил в нем художника (Е. Колтоновская, «Русское естество», «Речь», 1913, 28 янв.). «Всепрощающее ласковое творчество», рисующее «мир захолустного духовенства» ([А. М. Редько], Р. Бог., 1913, № 8, Нов. Кн.).

А. Чапыгин — «Нелюдимые. Рассказы» СПб.: Издательское т-во писателей, 1913, тираж — 2100.

Чапыгин вышел из рабочей среды, но его занимает «не быт, не реалистическая характерность, столь свойственная писателям из народа», а «эстетика, иногда даже экзотика рабочей жизни». Герои его, нелюдимые, одинокие мечтатели, «менее всего похожи на героев Горького, вступающих в борьбу... с косной и тупой средой». Чапыгин «с ужасом и брезгливостью отворачивается...

от жизненной борьбы» ([В.М.Волькенштейн], Р. Бог., 1913, № 1, Нов. Кн.). Чапыгин сразу выделился из писателей, которые пришли в литературу из народа, «природной литературностью, любовью к родному языку, серьезным отношением к писательским задачам»; настоящей зрелости еще нет, лиризм преобладает над бытом (Е.К[олтоновская], Вест. Евр., 1913, № 4). «За хмуростью и нелюдимостью автора чувствуется большая обида за человека», «любовь к беднякам, чуждая всяких сантиментов и барского жаления», «он рисует среднего рабочего, рабочего-обывателя. Он точно не видел рабочих сильных, ярких, гордых и жизнерадостных» (В.Львов-Рогачевский, Совр., 1913, № 6). Об одинокости людей, «более безнадежной, чем самая жестокая тюрьма» (В.Чудовский, Р. Мысль, 1913, № 3). «Великая загадка» — народ — «нашла в нем, если не прозорливого отгадчика, то вдумчивого выразителя». Чапыгин близок к Ремизову, у него «хорошее литературное будущее» (Н.Л. [Н.О.Лернер], «Речь», 1913, 28 окт.).

С.Д.Дрожжин — «Песни старого пахаря. 1906—1912». Вступительная статья А.А.Коринфского. М., 1913, тираж — 2000.

«Бесхитростные и безыскусственные песни» «гуманного певца человеческих страданий и слез»; горячая любовь к русскому мужику (Н.Мешков, «Путь», 1913, № 1, с. 57—58).

Иванов-Разумник — «Лев Толстой». СПб., 1912, тираж — 4100.

«Письма А.С.Суворина к В.В.Розанову». СПб.: тип. А.С.Суворина, 1913, тираж — 3600. В предисловии «Из припоминаний и мыслей об А.С.Суворине» Розанов писал: в эпоху «ненависти и презрения» к России среди интеллигенции Суворин учил уважать Отечество и работать для его благоденствия; за мифом о реакционности и антисемитизме Суворина стоит его разумный консерватизм.

Суворин — «жрец повседневности, жрец суеты, с тысячью сведений, но без единого знания» (К.Чуковский, «Нуллиос», «Речь», 25 дек.). Розанов зашел так далеко в своем прославлении, что «Толстой оказался без сравнения ниже Суворина»; последний за всю свою жизнь едва ли «написал строчку без лукавства и задней мысли» (А.Дерман, Зав., 1913, № 4).

В течение года, приложениями к журн. «Нива», вышло полн. собр. соч. А.И.Куприна в 9-ти томах. СПб.: А.Ф.Маркс, 1912, тираж — 200000.

Итоги литературного года

«Река литературы течет себе, по-прежнему, полноводная», несмотря на то, что два критических полюса, В. Буренин и Антон Крайний [З. Н. Гиппиус], едины в своей оценке современной литературы как пустой и никчемной. На первый взгляд здание русской литературы действительно может показаться «рассыпавшейся храминой»: в одном углу Боборыкин скорбит о падении современной беллетристики; в другом эпигоны марксизма с безнадежно упрощенным социологическим методом в руках причисляют Достоевского к выразителям «упадочного мещанства» (В. Ф. Переверзев, «Творчество Достоевского»); в третьем — «собрались обломки старого “декадентства”, уразумевшие всю тщету былого чистого эстетизма и схватившиеся кто за что: кто за православие, кто за теософию, кто за иные формы религии»; и таких «углов» десятки (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1912 г.», Зав., 1913, № 1, и прилож. к Р. Вед., 1913, 1 янв.).

«Вся русская литература охвачена усиленным пробуждением интереса к вопросам реальной жизни. Все крупнейшие писатели развертывают перед нами огромнейший бытовой материал и ведут нас по самым глухим уголкам уездной и деревенской России». «Декаденты, мистики, мифотворцы — все клянутся самой горячей привязанностью к жизни, к быту, к реальному». Но при этом ощущается «запятанная враждебность» к жизни не только у Л. Андреева и М. Арцыбашева, но даже у Горького, который «выражает свое презрение к современности» в сатирических «Сказках»; Бунин в «Суходоле» с отвращением говорит о действительности, А. Ремизов посылает в ее адрес «несдержанные и неопрятные проклятия» [«Пятая язва»], не говоря уже о Сологубе, Арцыбашеве, Андрееве, Айзмани, Муйжеле, Винниченко и др. (Л. Войтоловский, «Русская литература», Киев. Мысль, 1913, 1 янв.).

«Русская литература в прошлом году все еще жила под закатными лучами толстовского солнца». Центральным пунктом литературных исканий был 1905 год — «великая тяга к анализу и всегранному исследованию великого и всегранного периода русской жизни» (правда, в тесных пределах определенных статей уголовного кодекса, сдерживающих художественную мысль) (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], «Вместо обзора», Совр. Сл., 1913, 1 янв.).

«Были в прошлом году факты, которые красноречиво говорят о том, что настроения 1907—1908 гг. проходят». В 1912 г., по подсчетам «Толстовского ежегодника», выпущено в свет 89 на-

званий произведений Л. Толстого — 1428545 экз. только на русском языке. «Живая жизнь художника Л. Толстого несет обновление и радость в мир». Утверждение жизни слышится в произведениях рабочих поэтов; В. Вересаев стал во главе Книгоиздательства писателей в Москве, девиз которого: «ничего антиобщественного, ничего антижизненного»; Петербургское товарищество писателей выпустило первый сборник, в котором лучшая вещь — «Медвежонок» Сергеева-Ценского — будит «светлое, радостное настроение», пополняются ряды демократической интеллигенции — Н. Клюев, Ив. Вольный, С. Клычков, А. Бибик (В. Львов-Рогачевский, «Без темы и без героя (литература за 1912 год)», Совр. Мир, 1913, № 1).

Г. Иванов в статье «Стихи в журналах 1912 г.» досадовал, что периодические издания «печальным образом запаздывают в своих суждениях и вкусах»: «у них К. Бальмонт — передовой поэт, Блок — юноша, подающий надежды, и символизм — расцветающее литературное течение». «Заветы» и «Современник» пытаются соединить «дурной модернизм... с фальшивой... неизвестно для чего существующей гражданской поэзией». Даже «Русская мысль», руководимая В. Брюсовым, рядом с лучшими поэтами печатает Н. Львову, Л. Зилова, С. Фруга. И лишь «Гиперборей» является не только журналом, печатающим хорошие стихи (А. Ахматову, Н. Гумилева, С. Городецкого, О. Мандельштама, В. Нарбута, М. Зенкевича), но сосредоточивает «все подлинно живое в русской поэзии, прошедшей искусства символизма» (Апол., 1913, № 1).

А. Бурнакин назвал 1912 год «годом небытия» в литературе: Шмелев скатился «в омерзительную юдоль натурализма». Подъячев «не вышел из круга протокольных наблюдений». Пришвин «замкнулся в узкой сфере этнографических красот». «Молодой Толстой, отказавшись от прежнего натурализма», не сумел найти «правдивых и жизненных черт». Сергеев-Ценский «вновь скатился в... большую мысль». «Лауреат Бунин опустился до базарного пасквиля, живой талант Куприна выродился в пьяную гримасу, хмельная символика Андреева обратилась в открытое глумление над русским языком. М. Горький бесповоротно согнулся в шабесгой», Брюсов стал «профессиональным порнографом». «Отставной бомбист» Савинков-Ропшин занялся «воровской переделкой» Толстого (Н. Вр., 1913, 4 янв.).

1913 год

Январь

М. Горький — «Нунча» [XXII из «Сказок об Италии»] (Р. Сл., 1 янв.); «По Руси (Из впечатлений проходящего)» [«Женщина»] (Вест. Евр., № 1); «Калинин» [Из цикла «По Руси»] (Совр., № 1); «Большая любовь (Отрывок из повести)» («Правда», 1 янв.).

«Новый литературный год начинается при благоприятных предзнаменованиях. Литература срывает с себя холодные прозаические повязки... Большую дозу поэзии вливает в нее новый рассказ М. Горького [“Женщина”]... Горький не драпирует больше своих босяков в эффектные лохмотья. Он только обнажает их сердце, из которого жизнь с корнем вырывает все человеческие чувства, а оно упрямо и мужественно отказывается от безнадежности». В Татьяне есть «нечто от Мальвы», «это символ вечного возрождения, символ человеческого бессмертия и неискоренимой веры в мечту». Когда в рассказе «Калинин» Горький пишет — «я живой фонарь, в груди моей красным огнем горит сердце», — то «без прежнего необузданно-безумного романтизма он повторяет сказку о сердце Данко... В его рассказах поражает теперь широкая, могучая, раскрытая ко всему любовь... И это сильно сближает нынешнего Горького с Короленко» (Л. Войтоволский, Киев. Мысль, 13, 29 янв.). «В “Вестнике Европы” оживает как будто старый Горький — Горький путевых встреч с людьми, — но к нему немедленно присоединяется... Горький общих размышлений над судьбами людей. Горький тенденции. И две струи, прежняя и новая, порой не смешиваясь, текут рядом, порой одна заливают другую», но «все-таки хороши эти очерки», в которых живет «вера в творящего бессмертия человека» (И. Игнатов, Р. Вед., 15 февр.). В рассказе «Калинин» — «все та же мятущаяся душа, не находящая себе пристанища в обычных условиях жизни и поэтому скитающаяся по свету» (Р. Молва, 20 янв., Лит. хроника). Горький пишет «в старом шаблоне и в кругу старых идей, понятий, впечатлений и данных жизни» (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 27 марта).

«Очень обыкновенен и очень недурен» рассказ «Женщина» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 4, с. 26).

Ив.Бунин — рассказ «Преступление» (Совр., № 1).

Продолжение «прежней горестной летописи о звероподобном, вырождающемся русском мужике» (Е.Колтоновская, «Речь», 1 апр.).

Л.Андреев — аллегория «Земля» («Правда», 1 апр.).

В.Брюсов — «Семь стихотворений» (Р. Мысль, № 1).

В первой половине января Саша Черный пишет Горькому: «Вообще в одной части российской словесности наступил лупанарно-лакейский период... издают журналы во вкусе выигравшей 200000 кухарки, крадут псевдонимы, пишут продолжения чужих вещей, переделывают "Войну и мир" для сцены... А рядом В.Тихонов угрожает толстым ежемесячником "Круговорот", где он будет с Баранцевичем и другими равноапостольными "хранить святыя заветы русской литературы"... В.Тихонов — провесной балык русской литературы, один из создавших "коллективный роман" в "Синем журн." и рядом "святыя заветы"!» («Горький и его эпоха». Вып. 2. М., 1989, с. 24).

27 января Л.Андреев пишет самарскому журналисту А.А.Смирнову (Треплеву) о калорийских впечатлениях: Горький «учительствует сухо и непрерывно... И все на высшей политике, и все поза и игра; и тут же десяток молодых полуписателей, эмигрантов, и внимающих — среди них печальный и милый И.Вольный... И тут же гордый, надменный, остроумный и язвительный И.Бунин...» (ЛН, т. 72, с. 537).

В январском номере «Современника» закончилось печатание работы Г.В.Плеханова «Искусство и общественная жизнь» (начатое в №№ 11 и 12 за 1912 г.), помещен рассказ Ив.Бунина «Преступление» [«Ермил»], «Следы вчерашнего» И.Сургучева, «Сатиры» А.Черного.

В рассказе Бунина продолжена «его прежняя горестная летопись о звероподобном, вырождающемся русском мужике» (Е.Колтоновская, «Речь», 1 апр.).

10 января Горький писал редактору «Современника» Е.А.Ляцкому: «Основною задачей журнала мы ставим борьбу... с косностью, умственной ленью, восточным пассивизмом — со

всяческим «кладбищенством», коему наша психика столь легко подчиняется». «Наши доморощенные пессимисты и мистики Андреевы, Сологубы, Арцыбашевы, Мережковские и т.д.» возбуждают «физиологическое недовольство бытием», а «необходимо зажечь интеллектуальный протест против условий бытия... Щеголеву кажется высокой степенью свободы стремление редакции «Заветов» устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений — именно это свободолюбие заставило меня уйти из «Заветов»... Мне известно также, что Щеголев говорил в Москве о вступлении в журнал Мережковского, Гиппиус и т.д. Эта болтовня не только должна отразиться на подписке, понижая ее, но она делает мое участие в журнале невозможным. Мережковский и прочие, иже с ним, мне не под кадриль» (Письма. Т. 10, с. 242-243).

В первом номере «Заветов» напечатаны: пьеса А.Н.Толстого «Насильники (Лентяй)», рассказы Ив.Шмелева «Поденка» и К.Тренева «На ярмарке», стихотворения Ю.Балтрушайтиса, провинциальные очерки М.Пришвина «По градам и весям», статья Е.Лундберга «Проза и поэзия З.Гиппиус» (в лирике — «непреклонно-тоскующий дух», в прозе — «горизонт сужен»), В.Николенко-Гильченко «Воспоминания о Н.К.Михайловском», обзорная статья Иванова-Разумника «Русская литература в 1912 г.» — с выводом о возрождении в литературе «слова жизни, слова веры в жизнь».

Ив. Вольнов делился впечатлениями о № 1 «Заветов» с В.С.Миролюбовым 27 февраля: статья Иванова-Разумника — «несправедливая, несерьезная. Наше несчастье, что мало-мальски грамотный человек склонен зарываться, земли под собою не чувствовать... от сознания, какой он умница... Вообще № журнала содержательным назвать нельзя, по-моему. Воспоминания Гильченко о Михайловском — отвратительно сентиментальны, чисто бабьи, «Лентяй» — слаб, не сценичен, шит проволокой по кисее, только Шмелев да Тренев хороши...» (Р. Л., 1972, № 1, с. 181).

«Насильники» — драматический дебют А.Н.Толстого: «для бытового фарса... автор дал много... но для комедии нравов — слишком мало» (А.О. [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 27 марта). «Ал.Н.Толстой — мастер изображать нравственное оскудение современных помещичьих недорослей, сколько бы им ни было лет»; мир, изображаемый им, состоит из насильников и мечтателей (И.Игнатов, Р. Вед., 15 февр.). Хотя комедия «в целом не удалась, но все же искры неподдельного, высокопробного юмора играют и блещут в ней» (П.А. [П.Арбузьев?], Р. Молва,

1 марта). «Слабая, спутанная, скучная» вещь, но автор «небездарен» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 4, с. 25).

Прочитав «Насильников», Блок записал 17 февраля: «Хороший замысел, хороший язык, традиции — все испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры» (т. 7, с. 221).

В январском номере «Аполлона» в статьях Н.Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» и С.Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» были впервые печатно сформулированы принципы акмеизма. Гумилев провозгласил, что «символизм был достойным отцом», «но закончил свой круг развития и теперь падает»; новое течение требует большего равновесия между субъектом и объектом, «отдает решительное предпочтение романскому духу перед германским», «светлой иронии» — перед «безнадежной немецкой серьезностью», «звериному» — перед «неврастенией». «Прекрасную Даму Теологию» следует оставить на ее престоле, а поэзия должна заняться внутренним миром человека. Городецкий объявил, что «апофеоз» символизма стал его «катастрофой»: «Ни “Дионис” В.Иванова, ни “телеграфист” А.Белого, ни пресловутая “тройка” Блока не оказались имеющими общую с Россией меру». «После всяких “неприятных” мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий».

Провозглашение Н.Гумилевым и С.Городецким «нового направления», якобы идущего «на смену символизма», «перед глазами историка предстанет, как случайное происшествие, примечательное разве в качестве иллюстрации той духовной инертности, которой так резко отмечено последнее десятилетие нашей поэзии» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], «В поисках пути искусства», Сев. Зап., № 5–6). «Возрадуемся!» — провозгласила теория акмеизма, после «мистических витаний» символизма возвратимся к реализму. Но действительность сулит «не радости, а скорби земли» (И.Игнатов, Р. Вед., 4 апр.).

12 января, еще до выхода январского «Аполлона», Блок записал: «Впечатления последних дней. Ненависть к акмеистам...» (т. 7, с. 207).

20 января Ан.Н.Чеботаревская писала В.Я.Брюсову: «Очень неприятен в последнее время “Цех поэтов”, который решил... обратиться на себя внимание и отвлечь его от “старших” (Брюсова, Сологуба, Блока, Иванова). Недавно на вечере “Бродячей собаки” вслух заявляли: “В «Аполлоне» больше не появится их ни строки”... а затем во время какой-то предутренней свалки

вопили: «Долой Брюсова и всех этих буржуев» (?). Отвращение внушает их саморекламирование и... тенденция выдвинуться, ругая тех, по стопам которых они и выкарабкались только на свет Божий — все эти Гумилевы (он один из ярых акмеистов), Городецкие, Мандельштамы и пр.» Брюсов отвечал 9 февраля: «Ни в какой «акмеизм» я, конечно, — как и вы, — не верю, и ничего серьезного в проповеди и притязаниях «акмеистов» не вижу. Это не мешает мне, однако, считать Гумилева, Городецкого, Анну Ахматову — поэтами интересными и талантливыми. Ваш «Игорь» [Северянин] мне тоже очень нравится, и в его будущее я верю» (ЛН, т. 85, с. 702-703).

С января выходит новый литературно-политический ежемесячный журнал «Северные записки» (изд. С.И. Чацкина), объявивший о своей ориентации на современную демократию и течения, которые «несут в себе высшие культурные ценности и начала свободного развития общественности». В № 1 рассказ Сергеева-Ценского «Недра», очерк Ив. Вольного «На рубеже», стихи Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, статьи А. Тинякова «Великий незнакомец (Ф.И. Тютчев)», Н. Лернера «Забытая повесть Пушкина» и др.

И «новый», и «старый» читатель «найдет здесь удовлетворение своим демократическим и эстетическим запросам» (Н.Г. [Н.Л. Геккер], Од. Нов., 21 февр.).

К. Чуковский — «Пафос косности и безжеланности» («Речь», 6 янв.). Русской словесностью владеет «эстетика истощения, иссякновения, ущерба», «поэзия вялости, инвалидности, бездействия, умирания» (Зайцев, Сергеев-Ценский, который «только притворяется Рубенсом, а на деле такой же Зайцев»). Бунин, «как мелочный прокурор пристрастно выслеживает каждое малейшее наше движение» в тоске «по какому-то «правильному» делу». Сологуб воспевает «Лилит бледнолицую: созерцание, мечту, умирание».

Д.С. Мережковский — «Несоленая соль» (Р. Сл., 11 янв.). Русская интеллигенция устала быть солью земли, «сознанием и совестью русского общества», русский интеллигент линяет, превращаясь в русского обывателя, а писатель — в описателя. От Чехова — к Л. Андрееву, от Андреева — к Куприну, от Куприна — к Арцыбашеву, от Арцыбашева — к Вербицкой — вот нисходящие ступени от интеллигенции к обывательщине. Все, что есть в современной литературе, — это «чувственное ясновидение» Куприна, «бытовое ясновидение» Ал. Толстого, «археоло-

гическое ясновидение» А. Ремизова, «этнографическое ясновидение» Пришвина.

В заметке «Обновление театрально-литературного комитета» (Р. Молва, 13 янв.) сообщалось, что председателем московского комитета назначен Н. В. Давыдов, в Петербургский — входят Ф. Д. Батюшков, Н. А. Котляревский, Д. С. Мережковский и П. О. Морозов.

В «Бродячей собаке» отмечалось 50-летие Козьмы Пруtkова. Официальное название этого подвальчика во втором дворе на Михайловской площади — «Художественное общество интимного театра» (вроде московской «Летучей мыши»); оно существует уже два года, организаторами являются В. А. Подгорный, В. К. Пронин, В. М. Уварова, С. Ю. Судейкин, М. А. Кузмин. Стены подвальчика расписаны Судейкиным, Кульбиным, Белкиным (Р. Сл., 15 янв.).

Вяч. Иванов — «Нежная тайна. Лелта». СПб.: «Оры», 1912, тираж — 500.

10 октября 1912 г. Вяч. Иванов писал А. Д. Скалдину в связи с предстоящим выходом «Нежной тайны»: «Моя книжка стихов, в некотором смысле, является моим ответом обществу, интересующемуся моею личною жизнью» (Минувшее. Вып. 10. М.; СПб., 1992, с. 130).

«После долгого перерыва в своей деятельности книгоиздательство “Оры” выпустило две прекрасно изданные книжки стихотворений^{*}, весьма характерные для современного поэтического момента». Действующими силами сборника Вяч. Иванова являются «повседневность» и «запредельность». «Муза, с которой сняли узду с символическим мундштуком, резвится и веселится, как дитя». Однако, привыкнув требовать от поэта-символиста «особой значительности», недоумеваешь, в чем же состоит эта «Нежная тайна»? Поэт «не открывает ничего решительно, кроме одного: поэзия жива и без всяких тайн, как сама жизнь» (С. Городецкий, «Речь», 6 мая). Вяч. Иванов — поэт, который остается под знаменем символизма и поэтому его пути «перестали быть показательными для русской поэзии», хотя он как поэт достиг «полного расцвета своих сил» (Н. Гумилев, «Письма о русской поэзии», Апол., № 3). «Книга написана необычным для В. Иванова простым и прекрасным языком» (Н. Г. [Н. С. Гуми-

* Вторая — А. Д. Скалдина, «Стихотворения (1911–1912)». СПб.: «Оры», 1912.

лев], Гиперб., № 4, янв.). «Символизм Иванова не в приемах»: в этой «истинно-прекрасной книге» «не найдешь иносказаний», «охлажденных воплощений ученой мечты», но есть «слово истинного религиозного достижения», «насквозь христианского». «Неустанно растущее внутреннее слово воплощается все проще и легче — значит, растет сила художника, ибо гордость искусства в том, чтобы творить великое малыми средствами» (Н.В.Недоброво, Р. Молва, 19 янв.). Сборник лирических стихов и дружеских посланий обладает теми же достоинствами, что и «Сог ardens» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914).

С.Подъячев — «Рассказы. Книга пятая». СПб.: «Освобождение», 1913, тираж — 1200.

В «хорошей ненарочной книге» всего два рассказа: «Московский рабочий дом» и «По этапу». «Рисуя свое адское “дно”», «новый реалист» Подъячев «взывает: у кого есть сердце, пожалейте моих озверелых героев!» (Е.Колтоновская, «Русское естество», «Речь», 28 янв.).

Р.Григорьев — «На ущербе». СПб., 1913, тираж — 2200 (в апреле вышло 2-е изд. — 3200).

«На ущербе социал-демократического движения в период первого междудумья и последующих годов — таково содержание романа», но это «ущерб скорее кажущийся». Наиболее интересно изображена противоположность психологии «революционного пролетариата и революционной интеллигенции, которые, несмотря на тождество политического и социального мирозерцания, относятся друг к другу, по большей части, с недоверием и раздражением», чему причиной, с одной стороны, невысокая культурность рабочих, с другой — поверхностная революционность представителей интеллигенции (В.Водовозов, Совр., № 3). «Характеристика современной революционной среды и ее настроений» дана свежо, с большой искренностью, но законченным художественным произведением роман назвать нельзя (Е.Колтоновская, Вест. Евр., № 3). «Духовным центром его повествования служит столкновение общественного и личного — даже, если хотите, протест личной жизни против господства чужих, коллективных интересов» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 4 февр.). Роман «серый и срединный»; «на сцене — рабочие, “интеллигенты”, агитаторы, пьяные литераторы, “массовки”, избиения... Все одинаково серо и бледно» (Иванов-Разумник, Зав., № 3, Б-фия). На фоне «отлива революционной волны 1905—1906 гг.» «довольно ярко» изображены «товарищески-

деловые, но лишённые настоящей душевной близости» отношении партийной среды (Л.Гуревич, Сев. Зап., № 4). «Нужное произведение», ибо русской революции «мало повезло на изображение» (В.Ропшин, Л.Андреев). Портреты революционеров разнообразны: «Тут и авантюристы... и фанатики, и педанты... и революционеры от безделья... от душевной усталости». Не хватает только «рядовых» и «органических» революционеров, не показана революционная стихия. Хорошо передана «лирика социализма», хотя и разбитая временем ([А.Б.Дерман], Р. Бог., № 4, Нов. Кн.). «Испорчены хорошие мемуары, а романа все равно из книги не вышло» (В.Кранихфельд, «Метаморфозы», Совр. Мир, № 3). Книга Р.Григорьева построена на «партийном фундаменте», «по заранее усвоенным схемам: жандармы — хитры и проныцательны, декаденты — влюбчивы и развратны, социал-демократы — духовные пастыри рабочих и т.д. ...Попытки разобрататься в настроениях рабочих масс поражают своим детским бессилием» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 12 февр.).

Г.Гребенщиков — «В просторах Сибири. Рассказы». СПб.: Издательское т-во писателей, 1913, тираж — 1300.

Горький писал об этой книге А.В.Амфитеатрову в январе: «Поглядите — хорошо» (Письма. Т. 10, с. 237).

Гребенщиков «не ставит никаких проблем, политических или классовых», «в самом отношении его к жизни лежит здоровое, бодрое, молодое чувство». «Но самое удивительное... сибирские мужики... оказываются гораздо человечнее, смиреннее» российских мужиков, изображаемых современными беллетристами. «Только любви открывается сердце жизни» (А.Гусаков, Совр., № 5, Нов. Кн.).

Сборник «Пощечина общественному вкусу. Стихи, проза, статьи». М.: изд-во Г.Л.Кузмина, б.г.*, тираж — 600 (В защиту

* По «Книжной летописи» проходит 7–14 января 1913 г. В литературе о Маяковском датируется 18 декабря 1912 г. (Катанян, с. 62, 512) со ссылкой на Н.Харджиева, который устанавливает дату выхода на основании письма Л.Бурлюка к М.В.Матюшину от 17 декабря 1912 г.: «“Пощечина общественному вкусу” — завтра готово 500 экземпляров» (Н.Харджиев, В.Тренин. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970, с. 17; по «Книжной летописи» тираж другой). Однако типографская готовность не означала официального выхода книги, ибо только после цензурного разрешения (и фиксирования в «Книжной летописи») специальный инспектор типографий давал разрешение на выпуск книги, т.е. вывоз ее из типографии. Поэтому нет оснований опровергать данные «Книжной летописи» и свидетельство Маяковского, писавшего в автобиографии, что «Пощечина» составлялась после Рождества, то есть после 25 декабря.

свободного искусства. Бурлюк Д., Бурлюк Н., Крученых А., Кандинский В., Лившиц Б., Маяковский В., Хлебников В.). В предисловии-манифесте, подписанном Д.Бурлюком, А.Крученых, В.Маяковским и В.Хлебниковым, провозглашалось: «Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно... Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности». «С высоты небоскребов» взирают авторы манифеста на всех современных писателей. В утверждающей части манифеста «приказывалось чтить права поэтов»: 1. На словоновшество; 2. «На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку»; 3. «С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами Венок грошовой славы»; 4. «Стоять на глыбе слова “мы” среди моря свиста и негодования».

В.Львов-Рогачевский причислил «Пощечину» к «книгам нарушений», книгам, бьющим на скандал (Совр. Мир, № 1, с. 104). «Авторы “Пощечины общественному вкусу”, упомянув в предисловии о “пароходе современности”, в тексте книги совсем забывают о нем, стремясь преимущественно к изображению жизни первобытной, доисторической» (В.Брюсов, «Новые течения в русской поэзии. Футуристы», Р. Мысль, № 3, с. 129).

Вс.Мейерхольд — «О театре». СПб.: «Просвещение», 1912, тираж — 2300.

Мейерхольд выражает недовольство натуралистическим, то есть современным театром, отстаивает сценическую условность, но лицо будущего театра предстает в его книге «туманным и разноречивым»: то он хочет возродить театр, изменив репертуар и найдя для этого источник в «недрах национального мифотворчества», то предлагает обучать драматургов писанию пантомим, то собирается надеть на актера маску, то отстаивает театр импровизаций, то видит спасение в гротеске, в балагане (И.Игнатов, Р. Вед., 10 янв.). «Мертвая умственность» книги не дает добраться до «живого лица» Мейерхольда, с его мечтой о «будущем гиганте» — всенародном театре (П.Ярцев, «Речь», 27 янв.). Режиссерская автобиография Мейерхольда — «любопытнейшая глава из истории новейшего нашего художественного самосознания», «от “театра душ” Метерлинка и Ибсена к балагану, от литературности к мимической импровизации» (А.Левинсон, Совр. Мир, № 3). По Мейерхольду, театр — треугольник, где высшая точка — режиссер, а нижние — актер и автор, он не упомянул даже «вдохновительницу нового театра Веру Коммиссаржевскую» (Ю.Слонимская, «О театре» Вс.Мейерхольда (Исповедь режиссера)», Зав., № 8). «Самый “крайний” из современных

режиссеров-революционеров» дает «теоретическое, идеологическое и техническое обоснование» своим новшествам (Е.Зноско-Боровский, «Нива», ежемес. прилож., № 2, Б-фия). Мейерхольд «продолжает крэговскую идею традиционализма», увлечен импровизационной комедией масок (В.Н.Соловьев, «Театральный традиционализм», Апол., 1914, № 4).

Демьян Бедный — «Басни». СПб., 1913, тираж — 2000.

В.И.Ленин писал Горькому в конце апреля: «Видали ли “Басни” Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите» (т. 48, с. 180).

«Хороший простой и сильный русский язык, местами вульгарный, местами даже грубый, но всегда соответствующий теме и ею оправдываемый», «в небольшой... книжечке он сумел отразить пестроту нашей жизни, откликнувшись на явления наиболее для нее типичные» (Вл.Кр[анихфельд], Совр. Мир, № 4). Поэт начал печататься в «Русском богатстве», под покровительством П.Ф.Якубовича, «однако, не нашел удовлетворения в этом журнале, не связанном тесными узами с читателем-массовиком», и перешел в марксистские газеты («Звезда», «Невская Звезда», «Правда» и др.). «Богатство общественным содержанием, выдержанность стиля», «близость к народному языку» (В.Бонч-Бруевич, «Баснописец четвертого сословия», «Утро» (Харьков), 3 сент.). Это — «поэзия тенденциозная», «часто грубовато просвечивает желание служить демократическим целям», порою из-за чрезмерной злободневности превращается из баснописца в хроникера, но много примеров настоящей басенной литературы, свидетельствующей об «остроумии, знании жизни и проницательности» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 13 апр.).

«Земля». Сб. одиннадцатый. Моск. кн-во, 1913, тираж — 12000 (Л.Андреев «Профессор Сторицын», М.Арцыбашев «О ревности», Ф.Сологуб «Дым и пепел»).

Андреев повторяет основную мысль своей «Тьмы»: о невозможности сохранить идеализм среди грязи, хотя «сама жизнь давно опровергла» эту идею. Арцыбашев выводит основания ревности из самолюбия и сладострастия. (Н.Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 9 янв.). На театральной афише пьеса Л.Андреева имела подзаголовок «Нетленное», исчезнувший в печати. «Нетленное» — «красота и моральная чистота» — предается «гибели и поруганию», жизнь «трепируется как сплошное палачество» (А.Дерман, «Тленное и нетленное», Р. Бог., № 2). «Извращенец Триродов», «лирический герой» автора завершил свои «нелепые похождения», а с ними кончился и Сологуб «как предмет, дос-

тойный внимания» со всеми своими «белыми и черными куклами» (А.Бурнакин, «Чад и копоть», Н. Вр., 22 марта).

Мариэтта Шагинян — «Orientalia. Февраль–октябрь 1912 г. (Стихотворения)». М.: «Альциона», 1913, тираж — 500 (2-е изд. вышло в июле, тираж — 1000).

Первый сборник Шагинян, появившийся в 1909 г., остался незамеченным, во втором — «вы окунаетесь в душную, томящую пьяным хмелем, кружащую голову экзотику»; «во всем чувствуется здесь дыхание и нежность именно молодой женской души» (Л.Василевский, «Речь», 5 авг.). Поэтесса «впитала утонченность западной культуры и соединила ее с темными зовами, которые несутся к ней из глубокой дали веков, от далеких равнин и гор ее полудикой родины» (С.Яблоновский, Р. Сл., 23 янв.). «Стихи очень хороши, очень изящны, очень литературны...» В самом строении сердца автора видно, что «оно полно художественных образов, сравнений, живых и вместе верных» (В.Розанов, Н. Вр., 24 марта). «Мариэтта Шагинян, верная традициям классической русской поэзии, умеет подчинить свои пристрастия к яркой краске и пышному образу — разумной воле художницы» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Р. Молва, 19 марта). «Несколько грубые и эксцентричные» реалистические строки сменяются символическими и напыщенными (Вл.Нарбут, Вест. Евр., № 8). Восточные темы Шагинян «прекрасно знакомы нам из других поэтов» (В.Брюсов, «Новые течения в русской поэзии. Эклектики», Р. Мысль, № 8). «Умеет просто, лирически-волнующе говорить об интимном» (Н.Н.Новинский [Н.С.Ашукин], «Современные женщины — поэты», «Мир женщины», № 9). Книжка Шагинян «очень быстро разошлась». «В ее стихах, колоритных и томных» — «простота и что-то целомудренно-чистое» (В.Львов-Рогачевский, Совр., № 10, май, Нов. Кн.). Хорошо выдержан восточный характер книги. Поэтесса «не ищет вычурных тем» и «работает над формой» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914).

Вадим Шершеневич — «Carmina. Лирика (1911–1912). Кн. I». М., 1913, тираж — 600.

Шершеневич «пишет целые стихотворения решительно без всякого содержания, только чтобы блеснуть вычурными рифмами» (Г.И[ванов], Гиперб., № 5, февр.). «Из плена ритмики и образов Ал.Блока» поэт перешел к подражанию Гумилеву (С.Городецкий, «Речь», 18 февр.). В стихах проглядывает «стремление к четкости и договоренности, как бунт против настроений раннего немецкого романтизма в русской поэзии» (Н.Гумилев, Апол., № 3, с. 76).

В. Брюсов отметил «богатый ассортимент самых исхищенных рифм», чем и исчерпывается интерес к книге («Новые течения в русской поэзии. Эклектики», Р. Мысль, № 8). Зачем посвящать книгу «плохого модерна» «громоздному поэту» — А. Блоку? (П. С. [П. С. Сухотин], «Путь», № 3, Б-фия).

Василиск Гнедов — «Гостинец Сентиментам». СПб.: изд. «Петербургского глашатая», тираж — 300.

«Беспритязательная чепуха» эго-футуризма «погружается в сферу чистого идиотизма» (С. Городецкий, «Пучина стиховная», «Речь», 18 февр.).

Февраль

М. Горький — «Кладбище» (Совр., № 2) и «По Руси (Из впечатлений проходящего)» [«Покойник»] (Вест. Евр., № 2).

«Вашим “Кладбищем” особенно наслаждался, — писал Саша Черный Горькому, — какая хорошая мысль и какой удивительный рисунок! А в какой-то газете один разъяснитель только и нашел, что фигура офицера “схематична, суха” и пр. и пр. Когда-нибудь за такие отзывы будут предавать уголовному суду...» (Горький и его эпоха. Вып. 2. М., 1989, с. 26).

В журнале «Просвещение» (№ 2) помещено объявление: «Начиная с № 2 в журнале... будет вестись постоянный беллетристический отдел, редактирование которого принял на себя Максим Горький». В номере помещен очерк Горького «Вездесущее» (перепечатанный в «Правде», 10 марта).

Между 12 и 21 февраля В. И. Ленин пишет Горькому: «Чрезвычайно меня и всех нас здесь обрадовало, что Вы беретесь за “Просвещение”... Превосходно! Читатель новый, пролетарский, — сделаем журнал дешевым, — беллетристику станете Вы пускать только демократическую, без нытья, без ренегатства» (т. 48, с. 161).

В середине февраля Горький намечает вместе с А. Н. Тихоновым план издания «словных сборников» (о крестьянах, о рабочих, о духовенстве, о купцах, о дворянах), предполагая привлечь В. Короленко, И. Бунина и других (ЛЖТ Горького. Вып. 2, с. 342).

Ив. Бунин — рассказ «Последний день» («Речь», 17 февр.).

А. Блок — стихотворения «Унижение» (Сев. Зап., № 2); «Миры летят...» (Р. Молва, 10 февр.).

А.Ахматова — «Два стихотворения» («Бессоница», «Я научилась просто, мудро жить...») (Р. Мысль, № 2).

3 февраля Блок в кругу близких друзей и знакомых читает драму «Роза и Крест». «Пора развязать руки, — записывает Блок 10 февраля, — я больше не школьник. Никаких символизмов больше — один, отвечаю за себя, *один* — и могу еще быть моложе молодых поэтов “среднего возраста”, обремененных потомством и акмеизмом» (т. 7, с. 214, 216).

Скиталец — повесть «Метеор» (Р. Бог., №№ 1-2). Построена на автобиографическом материале, Горький выведен под именем писателя Заречного.

Вторую часть повести В.Г.Короленко отказался печатать, отозвавшись о ней в письме к А.Г.Горнфельду от 11 апреля: «Наляпал кое-как, без малейшей вдумчивости. Выходит что-то в таком роде, что революция сделана на литературных вечерах, а потом испорчена. Какой-то гимназический благоговейный тон, полное отсутствие критического чутья, не говоря о капельке хотя бы горького юмора, без которого теперь уже говорить о тех событиях прямо невозможно» (В.Г.Короленко. Избр. письма. Т. 3. М., 1936, с. 219).

В повести Скитальца «есть все, что угодно, и знаменитые писатели, и рабочие, и тюрьмы, и все это до последних пределов фальшиво, до последней грусти уродливо» и бездарно (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 1, с. 24). «От “Метеора” жестоко отдаёт достопочтенным провинциальным романтизмом, наивным преклонением перед “писателем”, “литературой”» (В.Г.Голиков, Вест. Зн., № 3).

Отвечая Горькому на вопрос о повести Скитальца, Саша Черный писал летом 1913 г.: «“Метеора” Скитальца не читал, как и всего, что пишет он, А.Федоров, Чулков, О.Дымов и пр. и пр. маргаринщики... Вполне Вам верю, что его “Метеор” — болван, — но разве это не было видно и десять лет назад? Посадить чертополох, поливать, унаваживать, а потом досадовать, что на нем не выросли розы, — не логично» (Горький и его эпоха. Вып. 2. М., 1989, с. 27).

Ф.Крюков — рассказ «Неопалимая Купина» (Р. Бог., № 2). Об учителе истории — черносотенце.

«Беллетристическая бездарность», претендующая на «искусство» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 4, с. 25).

Прочитав этот отзыв, Крюков написал 9 июля А.Г.Горнфельду: «...все верно, я это чувствую. Писать буду поосмотри-

тельней» (РНБ, ф. 211, ед. 694). 14 июля В.Г.Короленко писал Ф.Д.Крюкову: «Но мнение Антона Крайнего нам окончательно не указ. Вон у них печатается Абельдяев и шуму вызвал много. Но ведь шум-то этот вроде дебоша... А Крюков писатель настоящий, без вывертов, без громкого поведения, но со своей собственной нотой, и первый дал нам настоящий колорит Дона» (Избр. Письма. Т. 3. М., 1936, с. 228).

15 февраля в Литературном обществе в Петербурге, под председательством Ф.Сологуба, состоялось заседание, о котором Д.Философов писал в заметке «Акмеисты и М.П.Неведомский» как о «сватовстве акмеизма с марксизмом». Спор шел о том, могут ли «общественники» принять в свое лоно новую форму поэзии? Д.Философов называет акмеизм «декадентством сезона 1912–1913 года» («Речь», 17 февр.). А.Редько уточнял, что говорил не *против*, а *за* символизм, и скрытый в реализме, и открытый («По поводу заметки г. Философова об акмеизме», «Речь», 21 февр.).

А.Горнфельд — «Федор Сологуб (17 февраля 1863–1913 гг.)» (Р. Вед., 17 февр.). Сологуб, «сын полтавской крестьянки», «оказал стихийным воплощением того нового течения, которое признавалось проявлением болезненного усложнения жизни, как сверхкультурной утонченности». Основные начала декадентства: индивидуализм, асоциальность, имморализм, реакция реализму, мистическое познание мира, эротизм, манерность — все ярчайше отражено в творчестве Сологуба. При этом он «самый русский среди декадентов»: в нем нашла своего выразителя «Россия городская, мещанская, разночинная». «Сологуб ужасен, Сологуб страшен, Сологуб жалок. И, однако, в день его 50-летия надо пожелать ему, чтобы он остался таким, какой есть».

О.Мандельштам — «О собеседнике» (Апол., № 2): «С кем же говорит поэт? Вопрос мучительный и крайне современный, так как символисты до последних дней избегают его острой постановки, они сами «служат мессу и слушают ее». «Разница между литературой и поэзией следующая: литература всегда обращается к конкретному слушателю, живому представителю эпохи... Поучение — нерв литературы... Другое дело поэзия. Поэт связан с провиденциальным собеседником. Быть выше своей эпохи, лучше своего общества для него не обязательно» (пример — Ф.Виллон).

*И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.*

Иванов-Разумник — «Клопные шкурки» (Зав., № 2). «Беспочвенность и надпочвенность того, что творится в религиозно-философском обществе не может не поразить всякого», из заседания в заседание ведется «бесплодное плетение словесных узоров» (народ, интеллигенция, церковь, власть). Московское религиозно-философское общество во главе с С.Булгаковым «прикрепилось к бытовому религиозному укладу и нашло в нем успокоение». Петербургское — под эгидой Д.Мережковского плутает «в безводной пустыне словесных схем». «Время мировых религий прошло, и напрасно теперь разные господа Рудольфы Штейнеры и госпожи Анны Безант пыгаются клеить теософские коробочки: они смогут собрать вокруг себя... только жалкую кучку сектантов».

«Неприличная брань» в адрес Религиозно-философского общества в «гносных» «Заветах», в ответ на которую потерявший «лицо свое» Философов напечатал в «еврейской» «Речи» «подобострастное» «Письмо в редакцию», где по сути согласился с «бессмысленно-злыми» обвинениями (В.Розанов, «Люди без лица в себе», Богосл. Вест., № 11). «Тон статьи» Иванова-Разумника не позволяет вступать с ней в спор (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], Р. Мысль, № 4, с. 28).

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «О “Я” и “Что-то”» (Нов. Жизнь, № 2). Ступени, ведущие от декадентства 90-х годов к нашим дням: Есть «Я»; Есть, главным образом, «Я»; Есть только «Я»; Есть «Что-то». В наши дни «Я» «уже едва чувствительно». «Спокойнее, конечно, было бы отказаться натвердо от “личности”, обрести красивое “Что-то” и проходить по жизни, как наши Пришвины по литературе, легконогими и ясными странниками с глазами вместо сердца...» Эго-футуристы пытались занять в современной литературе «позицию, которую когда-то заняли декаденты...» — «старость нового», но помельче, ибо декаденты шли от Фета, «а нынешние — от Фофанова» (среди них один талантливый поэт — Северянин). Вместо «спокойной эстетики» литературе «нужна мысль, нужно сердце, ненависть, любовь, путь, движение, борьба, мы хотим... знать (пусть ошибочно), куда идти, что думать, как жить».

В.Чудовский — «“Русская мысль” и романы В.Брюсова, З.Гиппиус, Д.Мережковского» (Апол., № 2). Лучший из ежемесячников издается так, будто это «юбилейные номера русского символизма».

* Орган Московской духовной академии, редактор — профессор философии П.А.Флоренский.

М.Шагинян — «Синематограф» (Приаз. Кр., 24 февр.). Сначала ему пророчили «блестящее будущее», затем интеллигенция разочаровалась, потом вновь признали «правду и правоту» (В.Розанов, Андрей Белый в «Арабесках»). Бесхитростно учит «верить, прощать и любить».

21 февраля опубликован «Именной высочайший указ правительствующему Сенату (в знаменование 300-летия Романовых)», в котором объявлена амнистия лицам, привлекавшимся за «преступные деяния, учиненные посредством печати». Амнистии подлежат В.Короленко, М.Горький, К.Бальмонт, Н.Минский, В.Водовозов, В.Семевский, А.Пешехонов, А.Амфитеатров, издатель «Донской речи» Н.Е.Парамонов и другие (Р. Вед., 22 февр.).

«Литераторская амнистия, кажись, полная,— писал Горькому В.И.Ленин после 21 февраля.— Надо Вам попробовать вернуться — узнав, конечно, сначала, не подложат ли Вам свиньи за “школу” и т.п. ...А революционному писателю возможность пошляться по России (по новой России) означает возможность во сто раз больше ударить потом Романовых и К’...» (т. 48, с. 170).

21 февраля Горький писал В.Г.Короленко по поводу слуха о его «возвращении» в художественную литературу: «Как это было бы хорошо для современного читателя, задерганного, запуганного базарным и лубочным “модернизмом”» (Письма. Т. 10, с. 258).

28 февраля Горький пишет В.М.Чернову: «Мне нет нужды скрывать, что я отношусь ко многому в “Заветах” отрицательно — я не люблю Сологуба, мне противен Ремизов, мне чужды литературные вкусы и суждения Разумника Васильевича [Иванова], есть еще многое, что кажется мне вредным для русского читателя...» (Письма. Т. 10, с. 264).

24 февраля в Москве, в Политехническом музее, состоялся диспут «Бубнового валета». В.В.Савинков зачитал доклад И.А.Аксенова «О современном искусстве». Д.Бурлюк в своем выступлении требовал поддержки со стороны общества исканиям в

* Впоследствии В.Розанов вспоминал: «Не могу забыть своего прямо испуга. Целый год Россия приготавливалась встречать “300-летие Дома Романовых”. И вот пришел день, “завтра”. Что же вы думаете: “сегодня” вечером, часов в 6–7 вечера, приносят в обертке книжку “Русского богатства”. Раскрываю. Ни одного слова об юбилее. Я понимаю, что это радикальный шик» (Н. Вр., 1916, 30 июня).

искусстве, противопоставляя «душистому дугу» нового искусства «сухой гербарий» нынешних музеев. Затем потребовал и взял (несмотря на сопротивление председательствующего) слово В. Маяковский, который присоединился к призыву уничтожить музеи — эти гробницы искусства (Р. Вед., 26 февр.; см. также Р. Сл., 26 февр.; Моск. Газ., 25 февр.).

В феврале Горький ведет переговоры с приехавшим на Капри редактором «Современника» Е.А.Ляцким и добивается, чтобы в состав редакции был введен А.Н.Тихонов. В февральском номере «Современника» помещены: статья Г.В.Плеханова «Чернышевский в Сибири», рассказ Д.Айзмана «Два врага», стихотворения Ив.Бунина, А.Черного, «Письмо из Парижа» А.В.Луначарского. Однако на Горького этот номер произвел «гнетущее впечатление», ибо «каждый молодец» пишет «на свой образец»: «...если книжкам “Современника” и впредь будет придаваться такой же эклектически-анархический характер... я попрошу не считать меня более сотрудником...» (Письма. Т. 10, с. 262).

«От редакции» (Гиперб., № 5, февр.): «В опровержение появившихся в печати неверных сведений, редакция считает необходимым заявить, что “Гиперборей” не является ни органом “Цеха поэтов”, ни журналом поэтов-акмеистов... Редакция принимает во внимание исключительно художественную ценность произведений, независимо от теоретических воззрений их авторов». В февральском номере напечатаны: цикл А.Ахматовой «Смятение», стихи С.Городецкого — «Ф.Тютчеву», «Николаю Морозову» [шлиссельбуржцу], «Анне Ахматовой», «Борису Верхоустинскому», «Н.Гумилеву», «М.Зенкевичу», «О.Мандельштаму», О.Мандельштама — «Петербургские строфы», «В душном баре иностранец», «Лютеранин», Г.Иванова, Грааль-Арельского [С.С.Петрова], Б.Эйхенбаума и других.

Вышел последний — сороковой — сборник «Знания». СПб., 1913, тираж — 8000 (С.Найденев «Роман тети Ани», стихи С.Астрова, А.Золотарев «Во едину от суббот»).

«Несомненно это один из самых неудачных сборников “Знания”. Пьеса г. Найденева производит впечатление чего-то старого, давно сданного в архив и, Бог знает ради чего, извлеченного из забвения», но и эта пьеса «начинает казаться поистине великим творением рядом с произведением г. Золотарева» о жизни эмиграции — «клише и клише, ярлык и ярлык, и ни единой живой черты» (А.Дерман, Зав., № 5).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 19. СПб., 1913, тираж — 8000 (Л. Андреев «Екатерина Ивановна», А. Шницлер «Фрау Беата и ее сын»).

Критика вновь заговорила о двух последних пьесах Л. Андреева. Ю. Айхенвальд сравнил «Профессора Сторицына» со «Скучной историей»: где у Чехова «печальная правда» и «тонкие дорогие краски», у Андреева — «ложь и выдумка, литературная охра, что-то крикливое и дешевое», «пирамида безвкусицы». Идея «Екатерины Ивановны» «глубоко неправильная и события мотивированы более чем шатко» («Речь», 23 февр.). Ответственность за происходящее в пьесе Андреева, нужно возлагать на жизнь, а не на автора, «не покривившего душой перед правдой» ([А. М. Редько], Р. Бог., № 3, Нов. Кн.). Андреев хочет реформировать драму «мыслями без штанов»; в том же направлении реформируют прозу Сологуб, Куприн и Арцыбашев, доходя до «морального негодяйства» (В. Буренин, Н. Вр., 3 мая). «Безотрадная картина современного хамства ярко написана талантливым писателем» (К. Народин [К. А. Суховых], «Красота и хам», Совр. Мир, 1914, № 5).

И. Сургучев — «Рассказы», т. II. СПб.: «Знание», 1913, тираж — 3000 («Сон», «Губернатор»).

Д. С. Мережковский — роман «Александр Первый», тт. I и II. СПб., 1913, тираж — 4000.

М. Пришвин — «Заворошка. Отклики жизни». Моск. кн-во, 1913, тираж — 3000.

Н. Евреинов — «Театр как таковой. Обоснование театральности в смысле положительного начала сценического искусства и жизни». СПб., 1913, тираж — 1000. С рис. Н. И. Кульбина.

Отмечая талантливость книжки, Ал. Бенуа выражал сомнение: не скрывается ли под «театрально-преображенной жизнью» «хлам, суэта и безвкусица» («Речь Арлекина», «Речь», 15 февр.). «Не храмом, не школой, не зеркалом, не трибуной и кафедрой должен быть театр, а только театром, т. е. самодовлеющей художественной величиной», «синтезом всех искусств». «Серьезные мысли... умеет облекать в веселые и даже шутливые формы» (М. Чуносков [И. И. Ясинский], Нов. Сл., № 4, Нов. Кн.). Главный режиссер театра «Кривое зеркало» отстаивает «неистребимую и желанную условность», полагает, что «театральность» является неотъемлемым инстинктом людей, мечтает: «не на сцену тащить серую и нудную жизнь, но жизнь преобразовать по подо-

бию увлекательного... театра». Книга «сильно испорчена “украшениями” Н.И.Кульбина» (Е.Зноско-Боровский, «Нива», ежемесяч. прилож., № 3, Б-фия). Автор посрамляет натурализм и выдвигает новый стиль в искусстве — «театрально-условный реализм». «На самом же деле под видом борьбы с устаревшим стилем идет борьба с необходимым содержанием», вызванная «глубоким недоверием к жизни». «Отсюда поход на реализм, на гражданственность, на традиции, отсюда тяга к архаизации, к примитиву, в частности, — к маске» (А.Дерман, «Театр вместо жизни», Р. Бог., № 11). «Парадоксальный памфлет» Евреинова разрабатывает идеи Мейерхольда, с той же «боевой активностью» выводя театр из области публицистики (В.Н.Соловьев, «Театральный традиционализм», Апол., 1914, № 4).

Альманах «Садок судей». П. СПб.: «Журавль», 1913, тираж — 800. С рис. Е.Гуро, Н.Гончаровой, М.Ларионова, Д. и В.Бурлюков. «Мы новые люди новой жизни», — провозглашал коллективный манифест (подписанный Д.Бурлюком, Е.Гуро, Н.Бурлюком, В.Маяковским, В.Хлебниковым, Б.Лившицем, А.Крученых, Е.Низен), в котором выдвигались «новые принципы творчества»: свобода от грамматических правил, расшатывание синтаксиса, отрицание правописания, выдвижение «живого разговорного слова», богатство словаря, «власть новых тем», презрение к славе и т.п. В альманахе напечатаны стихотворения Маяковского, Хлебникова, Крученых, Е.Гуро, Д. и Н.Бурлюков, Б.Лившица.

Этот кружок писателей объединен «несомненной своей революционностью в области слова» и «отсутствием мелкого хулиганства». «К сожалению, в погоне за стилем упускаются из виду требования ритмики и композиции и... произведения не имеют той цельности, которая сделала бы их значительными». Интересны Хлебников и Н.Бурлюк. Маяковский мало похож на импрессионистку Е.Гуро. Б.Лившица неприятно отличает стремление к «детской красивости» (Н.Г. [Н.С.Гумилев], Гиперб., № 5, февр., с. 29). «Случайная группа приятелей по биллиарду» собралась между собой небольшую сумму и издала на обоях «Садок судей» — это «безобидно и смешно» (А.Ч., Совр., № 5, Нов. Кн.).

А.Крученых — «Помада. Стихотворения». Рис. М.Ларионова. М., 1913, тираж — 480; «Полуживой». М., 1913, тираж — 480.

В литографированных изданиях Хлебникова и Крученых, украшенных Гончаровой и Ларионовым, «иллюстрируемое гораздо ниже иллюстраций». На стихи Крученых, написанные на «собст-

венном языке», «нельзя смотреть иначе, как на опыты и упражнения в инструментовке слов», которые взыскательный художник не стал бы печатать (С.Г. [С.М.Городецкий], Гиперб., № 6, март). В сборнике «Помада» под № 1 стоит «стихотворение» «Дыр бул щыл убешур...»; в нем — «тупик полнейший: явление изжито до последней степени: значение слова сведено на нет» (С.Городецкий, «Музыка и архитектура в поэзии», «Речь», 17 июня).

Март

Ив.Бунин — рассказы «Вера» [«Последнее свидание»], «Князь во князьях» (Вест. Евр., № 3); «Илья-пророк» [«Жертва»] (Совр. Мир, № 3); «Забота» и «Личарда» (Р. Сл., 7 и 14 марта); путевые заметки «Рана от копыя» [«Копье господне»] (Р. Молва, 10 марта).

Л.Андреев — «Он (Рассказ неизвестного)» (Совр. Мир, №№ 1 и 3); «Письмо о театре» (1-е) («Маски», № 3; перепечатано в 22-м альманахе «Шиповника»).

Рассказ «Он» — «художественный ребус», в нем «большая зловещая атмосфера», «повышенное, истерическое биение души героя», «приподнятый, риторический язык автора» (А.Измайлов, Нов. Сл., № 6, с. 128). Рассчитан на читателей, «воспитанных на декадентской скуке последних литературных пятилетий», а для «невинного, крепкого мозга» все это «лишь бредни и глупости». «Один из самых неудачных» рассказов Андреева, единственного настоящего «будущника» среди современников, призывающего «и к смыслу, и к бунту, и к грядущему дню» (С.Борисов, «“Он” и мы», Нов. Жизнь, дек.). «Андреев повсюду ищет необычайного, и в передаче безумных экстравагантностей и загадочных душевных метаморфоз и заключается весь его талант». Вместо «чувства прекрасного» он вводит в свою поэзию «чувство ужасного» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 25 мая). «Повестушка синезурнального типа» (А.О. [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 27 марта). Д.Овсяннико-Куликовский оспорил мысли Л.Андреева о том, что драма как действие и зрелище отживает свой век и героем современной драматургии станет «человеческая мысль, в ее страданиях, радостях и борьбе». Между тем, трагедия мысли не сценична, и прежние страсти останутся «героями» сцены («Речь», 24 апр.).

Л. Андреев в письме к С. С. Голоушеву от 19 ноября назвал статью Овсяннико-Куликовского «чепухой» (Л. Андреев. Собр. соч. М., 1996. Т. 6, с. 676).

В «Заветах» (№ 3) помещены рассказы: А. Ремизов «Свет немеркнувший», О. Форш «Своим умом»; стихи: А. Блок «Миры летят...», К. Бальмонт; ежемесячное обозрение М. Пришвина «По градам и весям», статьи: Скиф [Иванов-Разумник] «Т. Н. Грановский», В. Чернов «Где ключ к пониманию Н. К. Михайловского?».

В. Брюсов — цикл из 8-ми стихотворений (Р. Мысль, № 3).

А. Блок — «Наваждение» («В сыром ночном тумане...») (Р. Молва, 3 марта).

В «Аполлоне» (№ 3) помещены стихотворения (Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, С. Городецкого и др.), о которых в редакционном примечании сказано, что они принадлежат поэтам, объединенным идеями, изложенными в статьях Гумилева и Городецкого об акмеизме.

В «Гиперборее» (№ 6, март) помещены стихи Н. Гумилева «Флоренция», «Венеция», «Болонья», П. Радимова «Токаревские элегии», М. Лозинского, Вл. Нарбута и др.

3 марта Ал. Н. Чеботаревская писала Вяч. Иванову: «Городецкий, кроме того, что он ведет кампанию за акмеизм против символизма, позволял себе неоднократно вылазки чисто личные против Вас, Блока, публично... На прошлой неделе они зазвали в "Собаку" Философова, и, попросив его председательствовать, так начали непристойно бранить символизм и его представителей (на этот раз досталось Сологубу, но и всем также), что Дм. Вл. возмущенно сказал им, что они не порядочные люди, сами выросшие из символизма... и теперь, в силу какой-то личной "психологии", выгоды и всего прочего обрушивающиеся на ни в чем неповинное почтенное течение, и *отказался от председательства и ушел*» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 413).

12 марта в «Одесских новостях» напечатано интервью «У Федора Сологуба»: «Можно ли назвать упадочной литературу, которая украшается такими писателями, как Бальмонт, Блок, Горький, Андреев и др.? Такие таланты, как Горький, рождаются не часто». «Литература углубилась, она сделалась интересной, дерз-

новенной, она освободилась от публицистики и узких эстетических форм».

23 и 24 марта в Петербурге, в Троицком театре, состоялись публичные диспуты о новейшей русской литературе, организованные «Союзом молодежи». В.Маяковский выступил с докладом «Пришедший сам», в котором заявил, что «Бальмонт — парфюмерная фабрика, Блок, Брюсов, Гумилевы, Городецкие слащавы, фальшивы, крикливы. Разве произведения “гробокопателя” Сологуба, пугала Андреева и др. могут вселить в вас любовь к жизни?» («Речь», 26 марта; Р. Молва, 27 марта; Н. Вр., 25 марта).

25 марта Блок записал: «Эти дни — диспуты футуристов, со скандалами. Я так и не собрался. Бурлюки, которых я еще не видал, отпугивают меня. Боюсь, что здесь больше хамства, чем чего-либо другого (в Д.Бурлюке). Футуристы в целом, вероятно, явление более крупное, чем акмеизм. Последние — хилы. Гумилева тягелит “вкус”, багаж у него тяжелый (от Шекспира до... Теофила Готье), а Городецкого держат, как застрельщика с именем; думаю, что Гумилев конфузится и шокируется им нередко. Футуристы прежде всего дали уже Игоря Северянина. Подозреваю, что значителен Хлебников. Е.Гуро достойна внимания. У Бурлюка есть кулак. Это — более земное и живое, чем акмеизм». Северянин — «настоящий, свежий, детский талант. Куда пойдет он, еще нельзя сказать...» (т. 7, с. 232).

Ф.Сологуб, И.Северянин и Ан.Чеботаревская совершают «триумфальное шествие» «через всю Россию по диагонали» — от Минска до Кутаиси (Бирж. Вед., 27 апр.).

Вышел третий номер журнала «Союз молодежи» при участии поэтов группы «Гилея», которая решила, что «настало время совместного труда живописи и поэзии для единения и выявления их ценных различий». Публиковались статьи: Авг.Балльера — «Аполлон будничный и Аполлон чернявый» («Аполлон умер, да здравствует Аполлон, криво-чернявый»), Н.Бурлюка — «В.Д.Бурлюк. Его творчество», В.Хлебникова — «Учитель и ученик. О словах, городах и народах» (противопоставление современной литературы и русской песни: первая видит в жизни ужас и проповедует смерть, вторая — видит красоту и проповедует жизнь; первая порицает войну как бессмысленную бойню, вторая — славит военный подвиг и войну), стихотворения Д. и Н.Бурлюков, Б.Лившица, А.Крученых, Е.Гуро, В.Хлебникова.

* См.: «Учитель и ученик. Разговор. Соч. Велемира Хлебникова». Херсон, 1912.

Брюсов признал «какую-то правду» левой поэзии; Сологуб в приторных словах приветствует музу «многообещающего таланта» И.Северянина, и это не случайно: футуристы — «законные дети и правопреемники» литературного декаданса 90-х годов (В.Кранихфельд, «80 тысяч верст вокруг себя», Совр. Мир, № 4). «Все идет к поруганию старого мира с его нежными и религиозными ощущениями красоты». «Всем завладела наука, точное знание, механика, физика, химия, х-лучи, изобретения... Человек уходит из живописи, искусство замыкается в отвлеченные схемы» «машинной геометрии». «Черная краска, изгнанная импрессионистами, как не существующая в природе, опять восстановлена в правах, да еще как демонстративно!.. Единственное утешение, что все это преходяще... Барвары уйдут» (С.Маковский, «“Новое” искусство и “четвертое измерение”», Апол., № 7). Эти новаторы — типичные нигилисты, упразднившие знаки препинания и отрицающие все бывшее до них искусство. В.Хлебников вопрошает в № 3 «Союза молодежи»: «Где великие уничтожатели книг?» (Н.Лавровский, «Желторотые мальчики», Приаз. Кр., 16 июня).

В.Брюсов — «Новые течения в русской поэзии. Футуристы» (Р. Мысль, № 3). Футуристы — «крайняя левая» в современной поэзии, «их готовы считать просто шутниками и мистификаторами. Вряд ли, однако, такого отношения заслуживает группа молодых художников, стремящихся сказать и сделать что-то новое...» Хотя русские футуристы «хотят отграничить себя от итало-французского футуризма», их можно понять, только обратившись к программе Маринетти (проповедь силы, отрицание всей предшествующей поэзии, создание новой, отвечающей духу современности, обновление языка). Программа петербургских футуристов «не содержит ничего, кроме далеко не новой проповеди крайнего индивидуализма», среди этих поэтов «оказался поэт с дарованием, бесспорно выдающимся: Игорь Северянин». «Несколько более определенна проповедь московских футуристов», однако «ничего особенно оригинального или даже просто нового» футуристы пока не дали: темы, метры, словесные новшества были уже испробованы декадентами, символистами и их предшественниками. Москвичи гнушаются «красивостью» формы, сознательно предпочитают беззвучность и шероховатость стиха, почти возводят в идеал какофонию (примеры из Хлебникова, Маяковского, Крученых). «Будем надеяться, что крайности нового движения с течением времени отпадут... а зерна чего-то нового, что, по-видимому, есть в футуризме, вырастут в настоящие цветы...»

Н.С.Гумилев пишет Брюсову: «Я с громадным интересом прочел Вашу статью о футуристах, хотя соглашался не со всем. Ваш анализ их “открытий” подлинно блестящ... В конце... Вы обещаете другую, об акмеизме. Я хочу Вас просить со всей трогательностью... прислать мне корректуру этой статьи» (ЛН, т. 98, кн. 2, с. 512).

«По мнению великолепного г. Валерия Брюсова... подобная рифмованная ахинея [цитаты из Маяковского и Крученых] представляет не продукт наглого гаерства или продукт несчастного помешательства, а “новые течения в поэзии”!» (В.Буренин, Н. Вр., 12 апр.).

В.Розанов — «Не нужно давать амнистию эмигрантам» (Богосл. Вест., № 3): эмигранты-революционеры — «нераскаянные погромщики всего русского», их волнует лишь наследство «поруганной» и «оклеветанной» ими матери-России.

Статья появилась в печати через две недели после амнистии, замечает Д.Философов, можно предположить, что она писалась для «Нового времени», но даже там ее не напечатали, ибо она удивительна даже для этого «осатаневшего публициста» («Речь», 16 мая). В годы смуты Розанов осторожно пристраивался к прогрессивной печати, талант его получал «постоянную амнистию», в которой он теперь отказывает другим (А.Ожигов [Н.П.Апешов], Совр., № 6, с. 322).

Вл.Гиппиус — «Что случилось?» («Речь», 11 марта). Об оживлении русских периодических изданий, которые отбросили философию «неприятя мира» и общественный пессимизм.

11 марта Блок записал: «Все говорят об оздоровлении, об “оживлении”, о “нравственности”. Пройдет год... Критики же будут опять (как сегодня Вл.Гиппиус в “Речи”) обмозговывать “что случилось?” Случилось... — *бездарность*, она, матушка. Все кажется, благородно и бодро, а скоро придется смертельно затосковать о предреволюционной “развратности” эпохи “Мира искусства”... Пройдет еще пять лет, и “нравственность” и “бодрость” подготовят новую революцию (может быть, от них так уж станет нестерпимо жить, как ни от какого отчаяния, ни от какой тоски)» (т. 7, с. 228–229).

М.Волошин — «Русская трагедия возникнет из Достоевского» (Р. Молва, 15 марта). «О “кризисе театра” читаются лекции, устраиваются диспуты, пишутся статьи». Это «глубокая несправедливость по отношению к русскому актеру» (в частности, к игре В.Качалова и Л.Леонидова в постановке «Братьев Карамазо-

вых»). «Кризиса драматической литературы» тоже нет, ибо «русская трагедия еще не возникла», она выйдет не из инсценировок Достоевского, а из его «трагического мифа».

К. Чуковский — «Дешевка» (Р. Сл., 28 марта). По поводу собр. соч. Дж. Лондона с предисловием Л. Андреева (СПб.: «Прометей», 1912-1913): «Чемпион всемирной пошлости», «вульгарная американская дешевка» имеет в России триумф благодаря пафосу борьбы и проповеди бодрости.

В. Розанов — «О картине И. Е. Репина “17-е октября”» (Н. Вр., 12 марта). Гениально показаны основные типы русской революции: евреи, равнодушные к России, русские чиновники, идеалисты-патриоты, распропагандированные простолудины, террористы, старцы закала 60-х годов и их декадентствующие дети.

С. Сергеев-Ценский — Собр. соч. Т. VI. «Рассказы» («Медвежонок», «Пристав Дерябин», «Недра» и др.). М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 3000.

Ценский — едва ли не единственная гордость и лучшая надежда современной русской литературы (С. Чацкина, «О пантеизме С. Ценского», Сев. Зап., № 5-6).

Марина Цветаева — «Из двух книг». М.: «Оле-Лукойе», 1913, тираж — 1000.

«Верится, что придет поэтесса, которая... расскажет о себе, о женщине, всю правду, — расскажет так же просто и понятно, как раскрыл психологию мужчин Пушкин... Укреплению этой веры в грядущую великую поэтессу способствуют сборники М. Цветаевой и М. Шагинян». У Цветаевой рядом с «окрыленными музой» строками — «слащавость, сходящая за нежность» (В. Нарбут, Вест. Евр., № 8). «Стихи М. Цветаевой изящны и музыкальны», но их «детскость подчас и утомляет»; ее поэзия «демонстративно интимна»: «Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен» (из предисловия) (Н. Н. Новинский [Н. С. Ашукин], «Современные женщины-поэты», «Мир женщины», № 9). «Она положительно талантлива» (П. П[ерцов], «Интимная поэзия», Н. Вр., прилож., 20 апр.). Рассказана «красивая история детства». При общем характере «неустойчивой незрелости» — «много красок» и «много струн», «стих почти всегда музыкален и прост хорошею, новой простотой», иногда сквозит «деланная манерность» (З. Б. [З. Д. Бухарова], «Россия», 20 апр.).

Н.Клюев — «Лесные были. Книга третья». М., 1913, тираж — 3000.

22 декабря автор писал А.В.Ширяевцу: «Вот ты восхищаешься Лесными Былями, а я очень жалею, что издал ее — теперь усматривается столько пробелов!» (De Visu. 1993, № 3, с. 15).

В своей третьей книге Клюев «являет себя большим искусником стиха, хитро владеющим бесхитростным песенным ладом». Это «баян-баснослов, преемник Садка», на самом деле — «испытанный слововед и словолюб» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Р. Молва, 19 марта). «В погоне за непосредственностью народной речи поэт теряет чувство меры и свою собственную непосредственность, впадая в вычурный язык не то Андрея Белого, не то Городецкого или Ремизова» (Ч.В[етрин]ский, Вест. Евр., № 4). «При проблесках несомненного дарования» «фальшивый пафос и механистическая спутанность народных и чисто интеллигентных элементов», «поза всяческого самолюбования», «бахвальство народной отсебятиной перед городскими», ибо «теперь на российское мифотворчество мода» (С.Кречетов [С.А.Соколов], Утро Рос., 2 марта). Клюев «почти сразу заслужил расположение всей русской критики»; он — «не псалмопевец, а поэт», «лирик с большой примесью романтизма», сочетающий «природу и искусство», «сразу окунулся в самую гущу искусственности и модерна», «начал писать теперь в стиле Блока, в стиле религиозного наивничанья», подлинную народность старается «заменить народностью стилизованной», книжной, сусальной (Л.В[ойтоловский], «Парнассские трофеи», Киев. Мысль, 31 мая). Содержание книги — «эротика, довольно крепкая, выраженная в стихах звучных и ярких» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. I. М., 1914).

«Требник троих. Сборник стихов и рисунков». М., 1913, тираж — 1000 (Хлебников, Маяковский, В., Д., Ник. и Над. Бурлюки, Татлин).

Альманах «Засахаре Кры. Эго-футуристы. V». СПб.: «Петербургский глашатай», 1913, тираж — 125. Статьи: И.В.Игнатъев «Эго-футуризм» (история соперничества И.Северянина и К.Олимпова), К.Олимпов «Хартия интуитивной школы Вселенский Эго-футуризм» (утверждал, что наименование кружка «Его» и термин «поэза» принадлежат ему), стихи П.Широкова, В.Гнедова, В.Шершеневича.

Апрель

М.Горький — «Сказка» [XXV из «Сказок об Италии»] («Правда», 14 апр.); «Слобода Толмачиха» [«Нилушка»] и «Пеле» [XXVI из «Сказок об Италии»] (Р. Сл., 14 и 28 апр.).

Ив.Бунин — рассказы «Иоанн Рыдалец» (Вест. Евр., № 4); «Весна» [«Всходы новые»] («Речь», 14 апр.); «Худая трава» (Совр., № 4); «Псальма» [«Лирник Родион»] и «Сказка» (Р. Сл., 14 апр.).

«Беллетристика опять возвращается к идеализации народа. Во главе идет “кающийся дворянин” Иван Бунин. Рассказ за рассказом отрывается он от прежних поклепов и находит в народе всё новые достоинства»; преобладает «скорбь без осуждения» (А.Бурнакин, «Современное народничество», Н. Вр., 5 июля).

А.Серафимович — «В мышинном царстве» (Р. Бог., № 4).

Л.Андреев — сатира «Административный восторг» («Правда», 14 апр.).

А.Блок — «Восемь стихотворений» («Мой бедный, мой далекий друг!», «И вновь — порывы юных лет...», «Юрию Верховскому», «Валерию Брюсову», «Борису Садовскому», «Ветер налетит, завоюет снег...», «Ты не ушла...», «Приближается звук...») (Р. Мысль, № 4); «Спутник» (Сев. Зап., № 4); «Смерть и воскресение» («Я знаю смерть близка...») (Р. Молва, 14 апр.).

А.Черный — «Сатиры» (Совр., №№ 3, 4).

1 апреля в газете «Речь» напечатаны статьи Вл.Гиппиуса «Литературная суета» и Е.Колтоновской «“Вечерние” мотивы (Из современных литературных настроений)». Вл.Гиппиус писал, что «эпоха сравнительного литературного равновесия — результат объединения всех в революции — кончилась: «опять заспорили и поссорились». Сологуб в своей оценке «одного молодого поэта» [И.Северянина] и Брюсов в мартовской статье «Русской мысли» сошлись на одном: что «надежда русской поэзии — футуристы, т.е. словесные новшества» (для футуристов важна дерзость языка, для акмеистов — точность). Между тем, только в «больших личностях» нуждается теперь русская литература. Е.Колтоновская утверждала, что в современной литературе «ноты печали» «заглушают еще недавно преобладавшие у нас

бодрые и смелые призывы к жизни». «Вечерние мотивы» заполнили рассказы Б.Зайцева и И.Бунина; для последнего характерно «резко отрицательное отношение ко всему своему, родному», однако смягченное в «Иоанне Рыдальце».

2 апреля В.С.Миролюбов пишет В.М.Чернову о внутривыпускном конфликте в «Заветах»: «Раз[умник] говорит, что он может работать только в журнале, ведомом по-некрасовски (?), где все редакторы имеют право (?) печатать свои статьи независимо от того, находили возможным или нет печатание этих статей остальные редакторы... При благосветловском ведении дел он работать не мог бы... все равно от одного лица или коллектива будет зависеть напечатание или ненапечатание его статьи... Он просит Постникова [секретаря редакции] написать Вам, что если вопрос решится по-моему — уйдет он, если по его — уйду я». 5 мая: «Я ушел из редакции... Вся история с “некрасовской и благосветловской редакциями” затеял Раз[умник] только... для того, чтобы не подвергаться моему суждению и Вашему (главным же образом моему, так как Вы далеко), и ввести в редакционный коллектив Постн[икова], Иванч[ина] и Мстиславского, Пришвина и Балтрушайтиса. Ваше письмо было принято как не выясняющее дела, говорящее и вашим и нашим... Я считаю, что они поступили по отношению ко мне и к Вам — инициаторам журнала — просто нехорошо» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, ед. 173).

4 апреля в Петербурге, на первом публичном собрании Общества поэтов, основанного Н.В.Недоброво, А.Блок читал драму «Роза и Крест». 5 апреля он писал Л.Д.Блок: «Читал... среди врагов, светских людей, холодных “нововременцев”. Внутренне очень боролся и, кажется, победил» (т. 8, с. 414). 6 апреля мать Блока писала М.П.Ивановой: «Сашино чтение было в такой неожиданной обстановке лакированных ботинок, белых гвоздик и страшных личин светского разврата. Раскрашенные женские лица, наряды, улыбки. Мы, простые люди, чающие воскрешения, жались друг к другу в тоске. А на меня и, оказывается, на Ремизова, смятение находило. Саша прорезал этот зараженный воздух своими стихами о Кресте, о радости страдания» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 417). 27 апреля состоялась беседа Блока со Станиславским, которая длилась 9 часов. 29 апреля Блок записал: «Печально все-таки все это. Год писал, жил пьесой, она правди-

* Г.Е.Благосветлов, редактор журналов «Русское слово» и «Дело» в 60–70-е годы.

вая. Баяны, Котляревские, Неведомские, Батюшковы, Яблоновские, будто сговорившись, объясняют успех футуристов тем, что “мы” (“символисты”, что ли) — гнилые, дряхлые. С них я не требую сочувствия. Но пришел человек чуткий, которому я верю, который создал великое (Чехов в Художественном театре), и ничего не понял, ничего не “принял” и не почувствовал. Опять, значит, писать “под спудом”» (т. 7, с. 245–246).

8 апреля В.Г.Короленко пишет дочери: «С тем, что Костя [К.И.Ляхович] пишет о наших иностранных обозрениях [в “Русском богатстве”], — увы! — согласен и борюсь с этим как могу... Это особенность обозревателя. Н.С.Русанов — как будто член партии, и притом партии французской. И даже не партии, а фракции. Это отражается необыкновенной узостью» («Согласие», 1994, № 1, с. 193).

14 апреля в пасхальном номере «Речи» напечатаны рассказы: Ив. Бунина «Весна», Ив. Шмелева «Весенний шум», Ф. Крюкова «Весна-красна».

23 апреля в Литературно-художественном кружке В. Шершеневич прочел лекцию «Златополдень русской поэзии»; среди выступавших — В. Маяковский (Катанян, с. 66).

23 апреля умерла Е.Г. Гуро. В. Хлебников откликнулся на смерть сочувственным письмом М.В. Матюшину (мужу), где упомянул о ее нравственных и душевных достоинствах (В. Хлебников. Неизданные произведения. М., 1940, с. 364–365). В «Небесных верблюдах» поэтесса обнаружила «исключительную способность по-своему выражать ту силу любви к природе, которая ею владела» (А. Ростиславов, «Неоцененная», «Речь», 28 апр.).

26 апреля, в Петербурге, в Литературном обществе, Ф.Д. Батюшков прочел реферат о новых постановках Художественного театра: «Пер Гюнте» Ибсена, «Мнимом больном» Мольера, «Екатерине Ивановне» Л. Андреева (опубл. в Совр., № 5). Вл.И. Немирович-Данченко произнес речь в защиту «Екатерины Ивановны», которую публика не поняла (С.Лб. [С.Б. Любошиц], «Суд над “Екатериной Ивановной”», «Речь», 28 апр.). Евг. Аничков объяснял последние неудачи Художественного театра привязанностью к «послечеховской драме» «Знания» и «Шиповника» («Новый театр без новой драмы», Р. Молва, 1 мая). Л. Гуревич считает, что «тлетворность андреевской пьесы» за-

ключена в замысле показать, как легко «человеческое благородство растворяется в грязную пошлость», что само по себе есть «мелкопессимистическая ложь», «клевета на дух» и нарушение художественного завета театра, проявившегося в постановке Станиславского «Мнимый больной» («Последние постановки Художественного театра», Р. Мысль, № 5).

29 апреля А. Блок писал жене: «О Мейерхольде — лучше не будем говорить. Двух пудов соли я с этим вторым Чулковым не съем. Мне не надо прирожденных плагиаторов с *убогим содержанием* души, но с впечатлительностью, которая производит впечатление таланта» (ЛН, т. 89, с. 310).

В. Ропшин — «То, чего не было» [окончание] (Зав., №№ 1-2 и 4).

З. Н. Гиппиус писала автору 19 января: «По сравнению с “Коном” — у Вас есть приобретения: например, отсутствие схематичности, большее приближение к эпосу... общее впечатление: очень *интересная*, местами режущая сильная, вещь» (ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, ед. 126).

«Революцию и революционеров автор хочет рисовать правильно, но всюду освещает их антиреволюционной философией истории, взятой у Толстого». Этическую проблему «не убий» автор сводит «к детски наивному трюизму», обнаруживая «трусость мышления». «В громадном движении 1905 года, несомненно, “было” отчасти и то, что рассказывается в романе... как “Бесы” отражают одну тысячную движения 70-х годов», в романе показана «пена» революции, а не «вечная правда» ее (Иванов-Разумник, «Было или не было (О романе В. Ропшина)», Зав., № 4). С защитой романа выступил Г. В. Плеханов: «О нем пишут статьи; о нем читают рефераты; о нем спорят, его хвалят; его бранят; против него “протестуют” в печати. А это значит, что он представляет собою крупное литературное событие»; правда, герой романа, Болотов, в попытке нравственного оправдания борьбы, совершает ошибки, забывая об одном положении Гегеля: «“Божественное право” *защиты* данного общественного порядка гораздо ниже “божественного права” его *устранения* всюду, где порядок этот отжил свое время и, задерживая общество в его поступательном движении, является для него источником многих и разнообразных бедствий» («О том, что есть в романе “То, чего не было” (Открытое письмо к В. П. Кранихфельду)», Совр. Мир, № 2). В. П. Кранихфельд, поддерживая выдвинутое Плехановым нравственное оправдание борьбы,

напоминает, что в романе такого решения нет, «не продуманной до конца мысли вполне соответствуют в романе невыношенные... художественные образы» («Ответ Г.В.Плеханову», Совр. Мир, № 2). Л.Войтоловский в ряде статей о романе возражал не только Плеханову, но и Иванову-Разумнику: Ропшин «не рисует, а судит революцию, судит, разбирает и обличает своих героев... Несмотря на богатый исторический материал, роман... совершенно лишен исторической правды» (Киев. Мысль, 6 марта, 30 мая, 12 июня). По иронии судьбы, «идейный противник Ропшина, марксист Плеханов», является чуть ли не единственным его защитником, хотя внес в свой разбор «партийную узость», упростив моральную проблему, заставляющую «живого человека» вступать в разлад со всякой партийной средой (Е.Колтоновская, «Быть или не быть?», Р. Мысль, № 6). Ропшин — «раб непонятной для него стихии исторических событий. Он ими подавлен и раздавлен», ибо для него не существует «социальных связей... с борющейся массой или с партией». В романе показаны «вырождающиеся революционеры», встает «проблема человека, уже порвавшего со всякой революционной средой», «открытого всем дувновениям реакционных идейных влияний» (Ю.Каменев, Просв., № 4). «У него есть и трескотня револьверов, и буханье бомб, и виселицы, и баррикады, и кровь, очень много крови, — но революции у него нет... Если художественное значение разбираемого романа ничтожно, то общественное его значение уже прямо отрицательно» (В.Шмидт, «Безответственная публицистика», Сев. Зап., № 8). Романы Ропшина показывают, что «у самих революционеров не все так гладко на душе»; теперь, когда революция «прошла», стало ясно: «Старые русские люди больше любят свою старую Русь, нежели новые русские люди любят свою революцию» (В.Розанов, «Ропшин и его новый роман», Н. Вр., 3 мая). Уничтожив «всю группу молодых сил, осмелившихся пойти против закона истории», Ропшин призвал верить в «чудный русский народ» (И.Игнатов, «Бессилие или сила личности», Р. Вед., 21 мая). В «послереволюционное и даже контрреволюционное время» Ропшин, вместо того, чтобы «поддерживать огонь борьбы», проповедует «никуда не годную» философию развенчания интеллигенции (Н.Г. [Н.Л.Геккер], Од. Нов., 15 мая). Несмотря на бледное повествование, «сбившиеся типы», поверхностный анализ, роман производит впечатление постановкой моральных вопросов (Вл.Гиппиус, «Гамлет революции», «Речь», 12 авг.). «Он только публицист и поверхностный историк» революционного движения в России, которое вызвали не «партийные манекены», а некая «стихийная сила»

(А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 16 авг.). Объективную картину русской революции создать не удалось, «это всего лишь драма личной жизни террориста» (Вяч.Полонский, «Роман кающегося революционера», Нов. Жизнь, 1914, № 3).

В.И.Ленин отнес романы В.Ропшина «Конь бледный» и «То, чего не было» к числу произведений ренегатских и «позорных» (т. 22, с. 306).

Я.Вечев [В.М.Чернов] — «Дела и дни. Pro domo sua» (Зав., № 4). Отмечая год существования «Заветов», журнала «левого народничества», говорит о его литературной политике: «не боимся критиковать ошибки революционного времени» (в романе Ропшина «То, чего не было» есть «сгущение красок, односторонность», но нет *оболгания*, нет *фальсификации*); допускаем на страницы журнала «широкую и свободную дискуссию»; считая себя идейными наследниками «Современника» и «Отечественных записок», «не отвергаем огулом» ценности литературного модерна; мечтаем о художниках-беллетристах близкого направления, но не отвергаем «беспозиционных»; не смешиваем идейность с тенденциозностью.

В.Брюсов — «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (Р. Мысль, № 4). «Акмеизм — выдумка, прихоть, столичная причуда и обсуждать его серьезно можно лишь потому, что под его призрачное знамя стало несколько поэтов, несомненно талантливых». Их критика символизма «по-детски беспомощна»; действительные «новые люди» — футуристы, в практике акмеистов никаких новых путей поэзии нет. Н.Гумилев, С.Городецкий и А.Ахматова «останутся и в будущем хорошими поэтами», но «через год или два не останется никакого акмеизма»*.

И.Грабарь рекомендовал А.А.Луговому в письме от 20 апреля: «Прочтите статьи Брюсова в мартовской и апрельской книжках “Русской мысли”. Написать более спокойно, деловито, умно, даже почти математично... нельзя. И вот ту же точку зрения я горячо рекомендую и в области критики явлений этого же порядка, наблюдающихся в живописи» (Игорь Грабарь. Письма. 1891–1917. М., 1974, с. 290).

Ал.Бенуа — «Художественные письма»: «Иконы и новое искусство», «Трудно ли?» («Речь», 5, 12 апр.). Иконы стали «современными», всего несколько лет назад, так как появилась «техника их очистки», «ренессанс Византии» помогает понять

* Статья послужила причиной долгой (вплоть до 1920 г.) размолвки Гумилева с Брюсовым.

Матисса, Пикассо или Гончарову, и обратно; их объединяет отталкивание от реализма, «сладострастное отношение к цвету», уклон в сторону стилизации, искание музыкальности «в порядке звонкой контрастности». Однако эти «два могучих потока» никогда не сольются. «Наивная и беспомощная подражательность» Васнецова и Нестерова и «пошлый шарлатантизм» «Бурлюков и их приспешников» лишь «тешат и злят толпу». Во второй статье говорилось, что «Бубновые валеты» и «Ослиные хвосты» «злят» и «смушают», но «среди них масса высокодаровитых людей» («форменные силачи» Машков, Лентулов, Татлин); настоящего они достигнут тогда, когда «уйдут с торжища», «успокоятся и задумаются».

В.Розанов — «На концерте Шаляпина» (Н. Вр., 28 апр.). Этот «прекрасный бог Руси» — «и эллинский, и былинный» — «точно вышел их темного волжского леса».

В.Брюсов — «Ночи и дни. Вторая книга рассказов и драматических сцен (1908-1912)». М.: «Скорпион», 1913, тираж — 2050.

Брюсова занимают «все болезненные расстройства любви — крикливые, шумные, безобразно-отталкивающие» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 7 апр.). Положительные качества брюсовской прозы: «классическая строгость языка, искусное распределение повествовательного материала и внешняя занимательность фабулы» (Р. Молва, 23 апр.). «Насыщенность его прозы на каждом шагу обличает в авторе стихотворца» (В.Ходасевич, «Лед и пламень», «Голос Москвы», 18 мая). «Имея лишь внешнюю способность повествования, Брюсов бессилен изобразить... какое-либо живое лицо» (К.Бальмонт, Утро Рос., 20 июля).

М.Кузмин — «Третья книга рассказов». М.: «Скорпион», 1913, тираж — 2000.

«Пусть Кузмин остается прежним... в экзотике, в гротеске, в высокоартистической подделке под давно окаменевшие стили». «Серая действительность» «современной российской повести» («Мечтатели») — не его почва («Нива», ежемес. прилож., № 11, Б-фия). Автор недурно «лепит нелепые рассказы из архивной пыли» (И.Л., Моск. Вед., 9 окт.). Заметно стремление к простоте в манере письма и придуманность в содержании (Ю-н [Н.Н.Вентцель], Н. Вр., прилож., 16 ноября). «Прекрасный, сжатый повествовательный стиль», умение «правдиво и убедительно» изображать обыденную жизнь, «насмешливая дидакти-

ка». Повесть «Мечтатели» — «предумышленно смутная и безжизненная» (В.Васильев, «Столичная молва», 18 ноября).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 20. СПб., 1913, тираж — 8200 (Б.Зайцев «Дальний край» [первая часть романа], П.Милль «Любовные приключения Аманды Манжен», Х.Бялик «Ной и Маринка»).

В «Дальнем крае» — «широта задания, острога его и громадность явно говорят, что тишайшему таланту г. Зайцева не под силу такое ответственное бремя, как те грани современной мятушейся жизни, которые рождены в страшных муках недавней смуты». Для него любовь — святость, благословение, «величайшая вершина человеческого» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 1 мая).

О.Мандельштам — «Камень. Стихи». СПб.: «Акме», 1913, тираж — 300.

«Деньги на выпуск книжки дал отец, — вспоминал брат поэта Е.Э.Мандельштам. — Мы сдали весь тираж на комиссию в большой книжный магазин... угол Невского и Фонтанки... Когда я сообщил, что раскуплено уже сорок две книжки, дома это было воспринято как праздник» (Н. М., 1995, № 10, с. 136).

С.Городецкий посвятил сборнику две рецензии. В первой он писал: «О.Мандельштам особенно хорошо чувствует весомость мира, “прекрасное” он создает “из тяжести недоброй”». «Сдержанность и скромность, наряду с непоколебимым сознанием своей силы, отличают его как художника» (Гиперб., № 6, март). Во второй — «спесь звездочетов абсолютно чужда Мандельштаму. Горделивая скромность каменщика отличает всю его поэзию»; его стихи скупы, «ни одного кирпича зря не положено, всякая мелочь облюбована, но здание выстроено еще маленькое, хоть и прочное», с маркой «делано по Брюсову» («Музыка и архитектура в поэзии», «Речь», 17 июня). Это первая книга поэта, печатавшегося уже давно. Стихотворения распадаются на символистские, до 1912 г., и те, которые написаны после перехода в акмеистический лагерь. «Поэт не может долго жить отрицанием мира», он «открыл двери в свою поэзию для всех явлений жизни, живущих во времени» (Н.Гумилев, Апол., 1914, № 1–2). «Уверенный и четкий», поэт великолепно владеет ритмом и метром стиха, тонкой наблюдательностью, «поэтическим словарем живой повседневной речи» (В.Нарбут, Нов. Журн. для всех, № 4, Нов. Кн.). При «отчетливости в схватывании старины, Мандельштам умеет схватить и сегодняшний день с петербургскими

метелями, оперными мужиками, мистическими моторами» (А.Измайлов, Нов. Сл., № 8, с. 124).

З.Н.Гиппиус писала 9 июля С.П.Каблукову о сборнике «Камень»: «Я им продолжаю не быть очарованной. Очень и очень “так себе”. Чем он вас пленил? Я читаю старые книги, опротивел модерн. И стихи тоже старые лучше. Неужели Вы не любите Некрасова?» (О.Мандельштам. Камень. Л., 1990, с. 248).

Игорь Северянин — «Громокипящий кубок. Поэзы». Предисловие Ф.Сологуба. М.: «Гриф», 1913, тираж — 1000. В течение 1913–1916 гг. сборник издавался восемь раз. Название — цитата из стихотворения Ф.Тютчева «Весенняя гроза», приведенная в предисловии Ф.Сологуба.

«Уже в течение нескольких лет молодой поэт издавал свои тоненькие книжечки (кажется, около 30), считая себя главой “эго-футуристов”, с трогательными объявлениями на задней стороне коричневых обложек, что интервьюеров он принимает в такие-то дни и часы, знакомых дам — в такие-то, молодых поэтов, приходящих за советом, — в такие-то. И только теперь Ф.Сологуб представляет его всем русским читателям... приняв близкое участие в составлении сборника, по крайней мере, название его, кажется, вызвано предисловием, а не обратно». «Владеет даром поющей речи»; поэзия юношеская, улыбочивая, дерзновенная. «Новый эпикуреизм» вырастает на почве «старой душевной пустоты», страсть к неологизмам, любит «французить» (Вл.Гиппиус, «Русская хандра», «Речь», 24 июня). Талант Игоря Северянина оценен многими даже «выше стоимости» (А.Измайлов, «Красавица, нюхающая табак», Р. Сл., 16 мая). «Поэтическое лицо И.Северянина определяется главным образом недостатками его поэзии. Чудовищные неологизмы, и по-видимому, экзотически обаятельные для автора иностранные слова пестрят в его обиходе. Не чувствуя законов русского языка... он предпочитает словам живым слова, отпавшие от языка или не вошедшие в него. Часто он видит красоту в образе “галантерейности”. И все-таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность делает Северянина поэтом» (О.М. [О.Э.Мандельштам], Гиперб., № 6, март). «На славе его и теперь лежит какой-то фальшивый и двойственный отпечаток», хотя «стихам этим нельзя отказать в некоторой пленительной наглости» («Я прогремел на всю Россию, как оскандаленный герой...») (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 30 июня). «Уличный читатель» «слишком долгое время стоял под окном большой литературы и завистливо-пугливо глядел на пиры символистов, ницшеанцев, эстетов и мистиков, и иных идейных аристократов... Разве не

естественно ему броситься теперь безудержно и жадно на объедки с этих пиров. И. Северянин — чуток и понял это раньше других» (С. Борисов, Нов. Жизнь, 1914, № 1). Стихи Игоря Северянина страшны «глубоким прозаизмом». «Мы более чем сомневаемся, чтобы из “гения Игоря Северянина” выработался настоящий поэт» (Андрей Полянин [С.Я. Парнок], «Отмеченные имена», Сев. Зап., № 4). Появился «новый даровитый кувыркатель, беспардонный мистификатор русского читающего обывательства», «и быть в его балаганчике — полным сборам» (А. Амфитеатров, Од. Нов., 9 июня). Северянин — «самобытный и красочный лирик», но его стихи — «очень грубое кушанье, они придется по вкусу “площади” (“Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе...”», возводит в систему «насилование русского языка» (Иванов-Разумник, «Мороженое из сирени», Зав., № 3). Появление «Громокипящего кубка» Гумилев назвал «культурным событием»: «Мы присутствуем при новом вторжении варваров, сильных своей талантливостью и ужасных своей небрезгливостью» (Апол., 1914, № 1-2). По странной воле судьбы у И. Северянина можно найти то, о чем говорят теоретики-акмеисты: «молодую отзывчивость на все явления жизни» (И. Игнатов, Р. Вед., 4 апр.). Сквозь «досадную нескладицу» проглядывает «исключительный дар стихотворца» (В. Шмидт, Сев. Зап., № 12). И. Северянин сначала «выпускал анекдотически-микроскопические книжонки», затем перешел «в фазу публичных выступлений». В «Громокипящем кубке» видно «свежее и красивое дарование», на котором «лежит яркая печать арлекинады» (А. Ожигов [Н.П. Ашешов], Совр. Сл., 17 апр.). «На оценке этого любопытного явления русская критика потерпела фиаско». «Пафос поэзии Игоря Северянина есть пафос торжествующего мещанина», который «надел воротничок, выпил ликеру и захотел “экссессить”», а В. Брюсов «приветствует мещанскую поэзию как поэзию будущего» (С. Городецкий, «Два стана», «Речь», 25 ноября). У Игоря Северянина «нет ни одного скучного стиха», но сумеет ли он «свою весеннюю ярость... переработать в мужество» (М. Шагинян, Приаз. Кр., 1914, 9 февр.). «Образы поэта смелы и выразительны, приемы — своеобразны. Он умеет видеть и изображать виденное. Его стихи музыкальны и иногда легки, как лучшие строки Бальмонта. Правда, кое-что в них безвкусно, неприятно, развязно, но все эти недостатки временные» (Вл. Ходасевич, Утро Рос., 16 марта). Игорь Северянин — «поэт Божьей милостью», ему свойственны «расширение обычного словаря», «музыкальность напева, образность речи», но «порой изменяет ему чувство меры», «встречаются безвкусицы». Главное содержание его поэзии — «чувство совре-

менности», порою «дурной современности» с «пошловатой элегантностью» (Вл.Ходасевич, «Русская поэзия», «Альциона», кн. 1. М., 1914). Внес «свежую струю» в «бледную и скучную» современную поэзию и вызвал «дикий шум». «Чисто бальмонтское настроение, мотивы его эготических стихов из книг “Горящие здания” и “Будем как Солнце”» (А.Дейч, «В стане разногосых», «Нива», ежемес. прилож., 1914, № 2).

В.Розанов — «Опавшие листья». СПб.: изд. А.С.Суворина, 1913, тираж — 2400.

«Прочтите замечательную книгу Розанова “Опавшие листья”, — писал Блок В.М.Отроковскому 23 апреля. — Сколько там глубокого о печати, о литературе, о писательстве, а главное — о жизни» (т. 8, с. 417).

Розанов положительно ошеломляет читателя: «с хитренькой смердяковской улыбкой на лице он высыпает весь свой семейный сор» (А.Яблоновский, «Голые люди», «Речь», 12 мая). «Точно в припадке бешенства, В.В.Розанов обливает помоями всех деятелей нашего недавнего бурного прошлого... В сущности, пол — вот и вся религия и вся философия г. Розанова». Этот «политический двурушник, торговавший и красным и черным товаром», постоянно получал амнистию за свой талант. Теперь Розанов стал «просто лакеем власти» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], «Вместо демона — лакей (В.В.Розанов)», Совр., № 6). «Удивительная, странно-единственная» книга, в которой автор предстает как «древний израильтянин», чуждый римской общественности (П.П[ерцов], Н. Вр., 24 апр.). Удивляет неделикатность по отношению к «попам» и беспощадность ко многим «ближним» (свящ. Н.Дроздов, «Колокол», 26, 27 апр.). В новой книге «беспримерного, невиданного цинизма» Розанов начал «пальбу» по своему черносотенному лагерю (Саддукей [С.Г.Кара-Мурза], Моск. Газ., 3 июня). Автор говорит то, что нельзя рассказать даже матери, сестре, дочери (Утопист, «Философ, завязший ногой в своей душе», Пб. Газ., 19 мая).

М.О.Гершензон пишет В.В.Розанову 12 апреля: «Когда будут перечислять те 8 или 10 русских книг, в которых выразилась самая сущность русского духа, не миновать будет назвать “Опавшие листья” вместе с “Уединенным”... Ценность этих двух Ваших книг — в тех крупницах *подлинного*, которые в них есть. Но в них есть и не-подлинные частицы; не знаю, что это: *игра с собою, соблазн эксцентричности или что — другое...*» (Н. М., 1991, № 3, с. 240).

М.В.Нестеров пишет В.В.Розанову 29 апреля: «Прочел Ваши “Опавшие листья”, прочел с большим, захватывающим интере-

сом. Какая это “розановская” книга! Как Ваше дарование, вся острота чувства и глубина размышлений ярки и полны там! Вы не любите Боборыкина, да и как Вам любить эту пустую скорлупу. Как любить Вам бесталанного, либеральничающего англизированного барчонка Философова? Понятна и нелюбовь Ваша к интеллигентскому прорицателю Мережковскому, этому кастрированному Грише Распутину. Но довольно, а то их всех пошлешь на костер и потом долго гарью будет пахнуть...» (Письма. Л., 1988, с. 250).

Василиск Гнедов — «Смерть Искусству. Пятнадцать поэм». СПб.: «Петербургский глашатай», 1913, тираж — 150. Книга включает «Поэму конца», состоящую из одного заглавия. В предисловии И.Игнатьева говорилось: «Искусство Дня умерло. Умер Театр. Умерла Живопись. Умерла Литература». В «Поэме конца» автор «Ничем говорит целое Что», он «читает» ее «ритмодвижением» руки, ибо она — «ничего, нуль, как изображается графически».

Даже автор лирического стихотворения «О, закрой свои бледные ноги!» найдет, что «вдохновение Василиска Гнедова несколько скудно, особенно для эпической поэзии» (Д.Левин, «Речь», 11 апр.).

М.Волошин — «О Репине». М.: к-во «Оле-Лукойе», тираж — 2000.

«Г-н Волошин стирает с лица земли Репина в момент», когда «безумный Балашов» изуродовал ножом его картину*. «Это одна из самых некультурных книг нашего времени», хотя написана «как будто во имя культурности», в стремлении «очистить искусство от грубых тенденциозных примесей» (А.Дерман, Зав., № 4). Рассуждая о смысле катастрофы, постигшей картину Репина «Иоанн Грозный убивает своего сына» (печатно и в нашу мевшей в Москве лекции), Волошин утверждает, что «натуралистическая» картина «вредна и опасна»; ей не место в национальной галерее (Р. Бог., № 4, Нов. Кн.).

* 16 января 1913 г. безумец, назвавшийся иконописцем Балашовым, с криками «Кровь! К чему кровь! Долой кровь!» трижды ударил ножом в полотно художника («Изуродованная картина Репина», Р. Вед., 17 янв.; см. также: К.Чуковский, «Безумие», «Речь», 17 янв.).

Май

Вл. Короленко — «Турчин и мы (Из впечатлений в Добрудже)» (Р. Бог., № 5).

«Не примите за комплимент и любезность, — писал Горький 23 мая, — как зорко видите Вы темные пятна славянской психики, как верно Вы пишете о ней! И как, должно быть, тяжело чувствовать столь остро душевную болезнь своего народа!» (Письма. Т. 10, с. 342). В ответном письме от 10 июня Короленко напомнил о «наиболее предприимчивой и, пожалуй, даровитой части народа», которая мечется в поисках истинной веры (М. Горький и В. Короленко. М., 1957, с. 68).

М. Горький — «Хозяин» (Совр., №№ 3-5); «На пароходе (Из воспоминаний “проходящего”»)» (Вест. Евр., № 5).

Повесть «Хозяин» обозначает перелом в творчестве Горького, начавшийся с «Городка Окурова»: романтизм сменяется реализмом мрачного образца, прибавилось яркости, колоритности и жизненной непосредственности. Главная черта «рабочего люда», изображенного в «Хозяине», — «рабья забитость». «Это уже не грядущая сила, которая должна перестроить всю Русь... Это не демократия в плаще романтизма» (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 24 мая). Рассказ «На пароходе» — «и красив, и трогает, и оставляет в душе волнующий след... Горький не прибегает к риторике или сентиментальным подчеркиваниям, чтобы возбудить сострадание к убийце», но он сумел влить в рассказ «много собственной тревоги и боли» (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 15 июня).

Е. Замятин — «Уездное» (Зав., № 5).

«Искусственная примитивность» повести напоминает манеру Андрея Белого в «Серебряном голубе», но здесь эта форма соответствует «неразвитости и примитивности духовной природы изображаемого лица». Конец рассказа тенденциозен и публицистичен (И. Игнатов, Р. Вед., 7 июня). Замятиным «дано нечто такое, что захватывает самые больные места современности», повесть написана «странным, немного деланным языком», но это «выдающаяся вещь» (Н. Г[еккер], Од. Нов., 12 июня). Первая повесть начинающего автора не только талантлива; «мы видим в ней утверждение некоторой литературной “школы”», школы Ремизова, которая «отвергает лирический стиль рассказа. Рассказчик не только беспристрастен... но и бесстрастен». Это «не

рассказчик, а сказитель...» Замятин обладает тем «художественным знанием, которое позволяет ему из маленького сюжета сделать вещь довольно значительную...» (Б.Эйхенбаум, «Страшный лад», Р. Молва, 17 июля). «“Уездное” схвачено в таких выразительных очертаниях, что приобретает характер почти символический. Все доморощенное, варварское и враждебное, которым густо замешаны уездные нравы нашей жизни, показано в истинном блеске своих наглых претензий и тупоумного величия» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 28 июня). «Что-то кряжистое, крепкое, самобытное есть в этом новоявленном летописце русской уездной жизни». «Всегда тяжело распорядясь словами, точно бревнами, складывает Замятин свою повесть», напоминающую Решетникова и Левитова. Изображена «сокрушительная степень беспредельного хамства» «кричащими красками, какими пишутся плакаты». «“Мелкий бес”, вышедший из народа и в народ идущий — это уже нечто воистину страшное. Это... не смешно, а зловеще» (А.Измайлов, «Пришедший хам», Бирж. Вед., 28 июня, веч. вып.). «Несомненные признаки большого дарования», «запас наблюдений» и «способность к художественному обобщению» при «сильном влиянии Ремизова», «нарочитых руссизмах» по Далю, от натуралистических картин «отдает модерном» (Р.Григорьев [Р.Г.Крахмальников], «Барыба», «День», 9 сент.).

Е.И.Замятин писал жене 21 июля: «Измайловский фельетон — наименее хвалительный; есть кой-какие кислые места». 24 сентября: «В “Дне” фельетон “Барыба”, очень интересный» (Рукописные памятники. Вып. 3, ч. I. СПб., 1997, с. 140, 152).

В майском номере «Заветов» помещена подборка стихов акмеистов: А.Ахматовой, О.Мандельштама, Н.Гумилева, С.Городецкого, М.Зенкевича. Тут же помещены статья А.Долинина «Акмеизм» и предисловие «От редакции», принадлежащее Иванову-Разумнику, который отмечает внешнее совпадение программы акмеизма с «основными камнями нашего мировоззрения»: «приятие мира», «приятие жизни», полнота бытия, «вера в человека и признание его самоцелью». Однако их «эстетическая теория» возвращает поэзию не к «жизни», а к «вещам», замыкает ее в «малый круг». Перечисляя своих предшественников от Шекспира до Т.Готье, акмеисты не увидели «образцов солнечного приятия мира» в русской поэзии. «Это крест над всей их теорией», но «теория — сама по себе», а «стихи эти — сами по себе». Статья А.Долинина отмечала, что проповеди акмеистической бодрости не соответствует неподдельная грусть в стихах Гумилева и Ахматовой.

Н.Г[еккер] в заметке «Акмеизм в “Заветах”» писал, что это «модное» течение провозглашает правдивость и бодрость и не так «бешено и огульно, как футуристы, отрицает всякую преемственность», хотя и не признает символизма, из которого вылупилась (Од. Нов., 12 июня).

3 мая опубликован правительственный законопроект о печати, вводящий новые ограничения в выпуске периодических изданий, назначении редакторов, цензурные и административные кары и т.д. «Что думаете об этом закончике? — писал Горький А.Н.Тихонову 11 мая. — Мне кажется, он снова должен будет вызвать к жизни “подпольную литературу”...» А в письме Горького к А.В.Амфитеатрову закон о печати охарактеризован, как «склеп, гроб и смерть!» (Письма. Т. 10, с. 327, 325). «Довольными останутся разве “Земщина”, “Колокол” да съезд объединенных дворян» (Д.Философов, «Приятная откровенность», Р. Сл., 9 мая).

5 мая в Москве встречали вернувшегося из семилетней эмиграции К.Д.Бальмонта. Среди встречавших — В.Брюсов, Б.Зайцев, Ю.Балтрушайтис, Н.П.Ульянов и другие. Курсистки и студенты забросали поэта цветами. 7 мая в Обществе свободной эстетики состоялось чествование, на котором выступил В.Маяковский, приветствуя Бальмонта от его «врагов»: «Когда вы... начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью... Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых, бесплодных полях. Мы, молодежь, поэты будущего, не воспеваем всего этого. Наша лира звучит о днях современности» (Р. Сл., 7 и 8 мая).

13 мая Горький пишет Д.Н.Семеновскому: «Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — немало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт-демократ и романтик, ибо мы, Русь, — страна демократическая и молодая» (Письма. Т. 10, с. 329).

14 мая Горький, отвечая на письмо Е.А.Ляцкого от 7-8 мая, подтверждает, что отказывается сотрудничать в «Современнике» из-за его утверждения, будто писатели-демократы, являясь «отличными партийными работниками, до толстого всероссийского журнала еще не доросли», ибо «страдают недомоганием культурного самосознания»: «Я не стану напоминать Вам, что русскую журналистику создал писатель-демократ, что она кристаллизо-

валась из крови демократической интеллигенции, — как историк литературы, Вы сами знаете это. Но по поводу Вашего мнения о “талантах вокруг ‘Русской мысли’” напомним: Вы охотно соглашались со мною, что К. Победоносцев был значительно талантливее всех вехистов... и что Петру Бернгардовичу [Струве] не сдать экзамена на роль Михаила Никифоровича [Каткова], сколько бы и как ни писал он о “Великой России”» (Письма. Т. 10, с. 331).

14 мая И. Бунин пишет Горькому: «В Москве огорчен был футуристами. Не страшно все это, но, боже, до чего плоско, вульгарно — какой гнусный показатель нравов, пошлости и пустоты новой “литературной армии”! На “Среде” я два раза сделал скандал — изругал последними словами Серафимовича, начавшего писать à la Ценский что ли (слияние с космосом)... Чествования Бальмонта, слава Богу, не видал. Устроено это чествование было исключительно психопатками и пшютами-эстетамы из литературно-художественного кружка...» (Горьк. Чт., 1961, с. 72–73).

Вл. Гишпиус — «Святое беспокойство» («Речь», 15 мая). «Мы живем в дни реакции и в дни эстетизма... Эстетизм есть точка стояния, неподвижность, так как он исповедует созерцание, а не действие, примирение, а не недовольство». Разрушать эстетику — это варварство или младенчество, разрушение эстетизма есть общая обязанность тех, для кого дороже всего «святое беспокойство». Оно было в «Мире искусства» и его нет в «Аполлоне», который остается «уединенным дружеским салоном».

С. Маковский ответил статьей «“Душа реакции” и “святое беспокойство”» (Апол., № 6). К былым обвинениям «Аполлона» в декадентстве, академизме, космизме и снобизме, прибавилось еще одно — «в холодном эстетизме, который является душой реакции». Между тем, редакция журнала не требует от писателя, чтобы он был пророком, теургом, проповедником или революционером. «У красоты — свои мирные права...»

В. Брюсов — Полное собрание сочинений и переводов. Том I. Юношеские стихотворения (1892–1899). СПб.: «Сирин», 1913, тираж — 2100.

В 25-томном собрании с комментариями и вариантами «есть что-то грустное». Брюсов «еще достаточно молод, чтобы смотреть в будущее, дарить нас новыми произведениями, а не оборачиваться назад» (Д. Философов, «Расточительность», «Речь», 22 июля). Брюсов «полагает, что он академик и что он уже по-

мер... издает поэтому академическое посмертное собрание своих сочинений, с примечаниями, вариантами, точными датами и трогательно-подробным сборником библиографических указаний...» (К. Бальмонт, «Забывший себя», Утро Рос., 3 авг.). «Что заставило Брюсова вернуться к своим ранним стихам? Не дикие ли выступления безголосых, но крикливых футуристов, которых “великий человек” принял под свое великое покровительство?» (В. Кр[анихфельд], Совр. Мир, № 9). В последнее время модным становится спор: поэт или не поэт Брюсов (с отрицанием выступил Ю. Айхенвальд). Юношеские стихи даже более убедительно отвечают на этот вопрос (да, поэт!), чем поздние «солидные стихи», от которых веет холодом души (Вл. Гиппиус, «Поэт или не поэт?», «Речь», 11 ноября). «Юношеские строки Брюсова до сих пор поражают своеобразной своей остротой»; он «истинный зачинатель» символизма (Вл. Ходасевич, «“Juvenilia” Брюсова», «София», 1914, № 2). «Народная тропа пройдет мимо творчества В. Брюсова так же, как творчество В. Брюсова прошло мимо народа» (В. Львов-Рогачевский, Совр., № 8). В юношеской поэзии Брюсова — «смена учителей» (Малларме, Бодлер, Тютчев), холодный рационализм, крайний индивидуализм, приведший «большой талант» к «последней черте» душевного опустошения, когда даже любовь оборачивается «половой патологией» (В. Чернов, «Эрос и мечта в поэзии В. Брюсова», Зав., № 12). «Пакоственность, Бедлам, смердяковщина и топорное рифмоплетство — основные черты “молодой поэзии” Брюсова» (А. Бурнакин, Н. Вр., 9 авг.). По поводу сирийского собрания сочинений Н. О. Лернер писал: Брюсов это «целая библиотека», но не «цельная», в ней «нет единой души». «У Брюсова совсем нет возраста; он никогда не был молод и никогда не будет стар», «он перепробовал тьму хмельных напитков» (Бальмонт, Верлен, Верхарн, Тютчев, Эсхил) «и ни разу не был пьян». «Пред нами не чародей, а честный аптекарь» («Заметки читателя», Журн. Журн., 1916, № 2).

В. Брюсов в «Письме в редакцию» («Речь», 3 ноября) отклонил предположение В. П. Кранихфельда о причине перепечатки ранних стихов.

А. Ремизов — «Подорожие». СПб.: «Сирий», 1913, тираж — 2200.

«Все его сказочки, присказочки, сны являются таким интимным, что очарование их доступно немногим». Даже «Пятая язва» «рвется на кусочки, прелестные, но не связанные между собой» (С. Ауслендер, «Речь», 17 июня). С тех пор как Ремизов «начал серьезнее относиться к своим лабораторным творческим опы-

там», оценка его в критике несколько понизилась (Вл.Кр[аннхфельд], Совр. Мир, № 10). «Подорожие» «представляется нам книгой синтетической, завершающей первый десяток лет творчества Ремизова... Россия вопит со страниц книги...» (В.Княжнин, Совр., № 11). «Ремизов — не узкий, а умышленно сузивший поле своего творчества художник». «Где у Лескова поэма, там у Ремизова анекдот». От Достоевского идет «хаос страданий и кошмаров» и «вера в бессмертную силу подспудных народных тайников» (Б.Садовской, «Ремизов о России», Сев. Зап., № 5–6). «Публика, кажется, мало читает Ремизова, а из людей близких к литературе, многие относятся к нему отрицательно», ставя ему в вину «нарочитый и искусственный язык». Тем путем, которым идет Ремизов, не может быть «поколеблено господство словесного шаблона», так как это путь «рассудочных поисков самобытности», в отличие от плодотворного пути «естественной самобытности», которым шел Гоголь (Junior [М.О.Гершензон], «Об А.М.Ремизове», Р. Молва, 15 авг.). «Сочетание нежных, порою грустных идиллий с мучительно действующими на читателя картинами уродливостей» провинциальной жизни («Пятая язва») (К-ь, Нов. Журн. для всех, № 12, Нов. Кн.).

Ив.Вольнов — «Повесть о днях моей жизни. Крестьянская хроника». СПб.: «Прометей», 1913, тираж — 3000.

«Книга Вольного простой, незамысловатый дневник... Но все же в этом дурмане голода, драк, грязи, темноты, все же есть минуты умиленной просветленности...» (С.Ауслендер, «Речь», 10 июня). «Лучшие наши писатели, точно наперебой, стараются взять в свои руки наследие автора "Власти земли"». Одни из них видят в деревне сплошной мрак, другие (и Ив.Вольнов), хотя и не «обсахаривают» деревню, но и не впадают в пессимизм: «это голод и бедность бросают их [крестьян] друг на друга... Дайте им отвлекаться и одуматься, и они станут подобны добрым... ангелам» (Н.Геккер, «Современная деревня», Од. Нов., 27 июня). «Новый обвинительный акт против деревни», написанный «с необычайной простотой и искренностью»; сырой автобиографический материал не обработан художественно, и все-таки это «произведение замечательное и заслуживающее самого острого внимания общества»; среди «сплошной летописи ужаса» изображены двести проснувшиеся души, но вряд ли они «спасут деревню от мертвого гнилостного разложения» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 30 июня). После Г.Успенского и Чехова едва ли возможна идеализация деревни. Горький в «Лете» «сорвался». «Крестьянская хроника» Вольного — «беспощадная, но несколько од-

нобокая правда». И все-таки он «дал нам изображение деревенского мира, редкое по силе и яркости», но без полутеней ([Ф.Д.Крюков], Р. Бог., № 7, Нов. Кн.). «Какая это страшная, мучительная и необходимая книга! Нет сил ее читать и нет сил от нее оторваться». В ней лишь образ матери-великомученицы светит, как лампада, помогая человеку выжить, — горьковская тема (В.Львов-Рогачевский, Совр., № 8). Вольнов, вслед за Горьким, показал превращение раба в человека; есть в повести нечто, «что придает всей его книге мечтательную духовность, резко отличающую деревню этого автора от бунинской Дурновки. Это — напряженное ожидание возрождения, трепетное предчувствие новой жизни» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 12 июля). У Вольного «чуткая и деятельная любовь к изображаемой им социальной среде», он «возлагает свое упование на юное поколение деревни — на детей» (В.Кранихфельд, «В деревне и около нее», Совр. Мир, № 8). «Сказать правды о деревне ему пока не удалось и его книга ближе к подкрашенным “народным” повестям Григоровича», чем к Л.Толстому и Тургеневу: пристава и кулаки — «какие-то машины для высасывания крови из мужиков», а положительные явления «невыносимо слащавы» (А.Тиняков, Нов. Журн. для всех, № 6, Нов. Кн.).

«Земля». Сб. двенадцатый, Моск. кн-во, 1913, тираж — 12000 (М.Арцыбашев «Мститель», Н.Крашенинников «Девственность»).

На этот раз сборник «посвящен маркизам, баронам и князьям» ([А.М.Редько], Р. Бог., № 6, Нов. Кн.). «Как ни патологично настроение арцыбашевских героев, в нем есть, хотя и уродливые, но живые корни современности». Крашенинников поражает «безжизненной и бессмысленной философией»: истребление человечества путем девической непорочности (Е.Колтоновская, Вест. Евр., № 7). У Крашенинникова — «аскетический бред», «чрезмерно упрощенное понимание чистоты и святости» (З.Венгерова, Зав., 1914, № 2). В конце своего «педагогического трактата» Крашенинников допускает, что «идея материнства выше идеи девственности» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 6 мая).

«Лирика». Первый альманах (Анисимов, Асеев, Бобров, Пастернак, Раевский, Рубанович, Сидоров, Станевич). М.: «Лирика», 1913, тираж — 480.

«Лирика» принадлежит издательству «Молодой Мусагет», участники альманаха «паразитируют на чужом стихотворном опыте» (М.Шагинян, Приаз. Кр., 7 окт.). «Поэты “Лирики” считают себя символистами... “Символизма” в их книжке мало (зато

много примитивного романтизма), но явно, что эти поэты вышли из той "школы стиха", которую основал в Москве, при издательстве "Мусагет", Андрей Белый» (В. Брюсов, «Новые течения в русской поэзии. Эклектики», Р. Мысль, № 8).

И. Эренбург — «Будни» (Стихи). Париж, 1913.

Автор, бедный эмигрант, скучающий по далекой России, вслед за Бодлером и Верленом, касается в своей поэзии «некрасивых сторон земного существования» (А. Ачкасов, Киев. Мысль, 11 мая). Скромная тетрадь Эренбурга «не тонет в горах испорченной типографскими знаками бумаги», в ней «мелькает несомненная искра Божия» (Совр. Мир., № 6, Кр-ка и б-фия). Эренбург посвятил целую книжку таким вещам, о которых не только в поэзии, но и в обществе принято «не говорить»; нужно быть поэтом-титаном, вроде Бодлера, чтобы обратить такие темы в поэзию (В. Брюсов, «Новые течения в русской поэзии. III. Эклектики», Р. Мысль, № 8). «Прикованный к Парижу русский странник... кричит криком страстная ненависть к Парижу», даже до грубости описаний; испытывает любовь «к России, к родному углу, к Арбату, Дорогомилову, к русской весне, к рождественской елке» (Б. Никонов, «Нива», ежемес. прилож., № 7, Б-фия).

К. Эрберг — «Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике». М.: «Русская мысль», 1913, тираж — 1200.

По отдельным вопросам книга содержит «самостоятельные мысли и недурные наблюдения», но главное утверждение о том, что «все художественное творчество сводится к борьбе человеческого духа» за «освобождение от колодок» природы — «чистая словесность», ибо «искусство есть познание природы» ([А. Г. Горнфельд], Р. Бог., № 8, Нов. Кн.). Старые идеи безусловной свободы творчества нашли в книге Эрберга новое освещение; в ней художник охарактеризован как раб, возжелавший свободы (Г. Чулков, «Пустое небо», Апол., № 10). У Эрберга увлечение «космическим бунтарством»; «отрицательное значение искусства, как средства борьбы с... мертвенностью внешнего бытия, заслонило... положительное значение искусства, как самодовлеющего начала высшей жизни» (С. Л. Франк, «О смысле искусства», Р. Молва, 1 июня). Б. М. Энгельгардт отметил «философское единство и определенность, законченность и стройность целого» (Зав., 1914, № 7, отд. III, с. 4). Начиная с 1905 г. на ниве русской литературы «разбросано много проектов... новой эстетики», главная их черта — вражда к реализму. Для Эрберга искусство — «свободно, вне разумно, вне природно и вне утилитарно»; «в основе его лежит особая сила интуиции, отличная и от

инстинкта, и от разума» (В.Переверзев, «Воздушный замок эстетики», Совр. Мир, 1914, № 6). «Ценна своим выводом, что искусство сценическое должно стать искусством импровизационным» (Е.Зноско-Боровский, «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 2). Если Крэг ставит вопрос, Мейерхольд «дает одно из его разрешений», Евреинов — «новый вариант этого разрешения», то у Эрберга — «окончательное завершение, с точной и полной формулировкой» (В.Н.Соловьев, «Театральный традиционализм», Апол., 1914, № 4).

Л.Шестов писал автору 10 ноября, что ему близки основные мысли книги: «Погоня за невозможным все-таки самый лучший и благородный человеческий пафос» (ИРЛИ, ф. 474, ед. 189).

А.Грин — «Пролив бурь» (т. II собр. соч.), СПб.: «Прометей», 1913, тираж — 2100 (т. III, «Позорный столб», вышел в январе 1914 г., тем же тиражом).

«В бульварной занимательности г. Грину отказать нельзя; почему бы нам не иметь собственного Майн-Рида, перемешанного с Брет-Гартом (А.Николаев, Зав., № 8). Занимательное чтение с «пессимистическим философствованием» (Совр. Мир, № 6, Кр-ка и б-фия). В «припадочно-яростном воображении» Грин «потерял чувство меры» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 21 июля).

А.Крученых — «Декларация слова, как такового». СПб., 1913, тираж — 150.

Июнь

М.Горький — рассказы «Музыка» (Р. Сл., 30 июня); «Кража» (Просв., № 6).

Ив.Бунин — рассказ «Хороших кровей» (Р. Сл., 28 июня).

А.Черный — «Приказ» (Р. Молва, 19 июня).

*Бумажные бодрители
Трещат из всех щелей:
«Читатели и зрители,
Бодрей, бодрей, бодрей!»*

А.П.Чапыгин — «Белый скит» (Р. Мысль, №№ 4-6); отд. изд.: «Повести и рассказы». Т. II. СПб., 1914.

Герой повести, Афонька Крень, «олицетворяет темную стихийную силу какой-то правды, которая не властна завладеть миром, но которую все-таки не могут вытеснить ухищрения низменных и предательских сил» (И.Игнатов, Р. Вед., 7 июня). Автор показывает силу, расходуемую «бесплодно и безобразно» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 28 июня). «Перед нами чистейший эпик с громадным запасом, не из пальца высосанных, а жизнью добытых наблюдений», невзирая на «тяжелые картины мук человеческих», повесть не оставляет гнетущего впечатления (В.Княжнин, Зав., № 6). «В нашей литературе запахло мужиком», почти как в эпоху крестьянской реформы 1861 г. Чапыгин показывает, как уродуется природа, калечатся и спиваются люди. Исхода автор не видит, но «отсутствие веры и надежды покрывается огромными запасами любви» (В.Кранихфельд, «В деревне и около нее», Совр. Мир, № 8). От повести «пахнет немного М.Горьким»; в герое воплощена «лирика трагической темной силы, ошущью, но упорно, напролом прущей к свету и правде» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., 1914, № 2, дек., Нов. Кн.). Горьковская формула «ходи весело» не для Чапыгина, но за хмуростью его рассказов чувствуется «скрытая нежность» к «озверевшим людям» (В.Львов-Рогачевский, Еж. Журн., 1914, № 5). После бунинской «Деревни» это самое сильное, что сказала о деревне наша беллетристика, это «рассказы о душе, заключенные в рамку быта», о душе «варварски изуродованной, первобытной», в которой, преодолевая «хаос бесчеловечья», «живут стремления уйти от нечестивости и греха». Реализм у Чапыгина «беспримесный, не связанный ни идеологией, ни направлением» (Вяч.Полонский, «Заметки о молодых», Лет., 1916, № 3).

К.Чуковский — «Первый футурист» (Р. Сл., 4 июня). Об У.Уитмене.

11 июня А.В.Амфитеатров написал Горькому: «Если бы таков был народ, как его Бунин пишет, то только и оставалось бы молить небеса, чтобы пришли немцы и обтесали эту уродскую массу завоеванием: авось, на людей хоть сколько-нибудь станут похожи...» (ЛН, т. 95, с. 430).

24 июня, после очередного конфликта с А.В.Пешехоновым, который требовал устранить «модернистские вычуры» из рассказа Серафимовича «Со зверями», А.Г.Горнфельд писал Ф.Д.Крюкову (все трое — члены редакции «Русского богатства»): «О редакционных разногласиях не могу говорить: по безнадежности. Возразить можно бы слишком многое; хотя бы: что

же это за позиция, которую приходится защищать даже от Серафимовича? Не сделалась ли позиция законно консервативная уже реакционной? Кто нападает на позиции литературного реализма в наши дни столь энергично, что является необходимость “править” Серафимовича, Кондурушкина и т.п. Кто с нами, если так? Не одна ли Дмитриева? И в чем же проявляется наше доверие к художнику, которое есть залог литературного развития. Здесь без риска нельзя. А мы, как правительство: отбив революцию, боремся с проявлениями жизни» (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 106-107).

24 июня В.Г.Короленко просит А.В.Пешехонова в связи с газетными сообщениями о подготовке его 60-летнего юбилея: «Всякую такую попытку “организации чествования”, предварительных обращений и указаний — куда можно посылать адреса и приветствия, вообще всякое подобие “провокации”, напоминания, вызова — по возможности прекращать в самом начале... Разумеется, это не относится к статьям журналов, газет и т.д. Препятствовать этому нет никакого права и основания... Вообще пусть это дело идет своим естественным путем, без нарочитых помех, но и без малейшего вызова и предварительной организации» (РГБ, ф. 225, карт. IV, ед. 8).

Треплев [А.А.Смирнов] — «Пленник навых чар (Ф.Сологуб)» («Путь», №№ 4-6). «Сологуб принял Тютчевскую проблему “двойного бытия” и понес ее, «как ношу заклятую». «Злая мизантропия и жизнебоязнь» привели к «смертническому мировоззрению»: «кастрировал жизнь, оскотинил человека», «хула на мир», отсутствие пейзажа в чистом виде, ненависть к Солнцу — «золотому змею, коварному и злобному», «пресловутый сатанизм», «качели» как символ личной жизни, истории, бытия, чередование доброго и злого, «минутные “качания” Сологуба в сторону жизни». Дети — «греющие огоньки среди гибельных мраков жизни», «объекты злобы и мучительства», «жертвы кроткие и невинные».

Д.Мережковский — «В.Розанов» (Р. Сл., 1 июня). За спиной Розанова «охранители» (Победоносцев, Катков, К.Леонтьев); поклоняется «всякой торжествующей подлости». Ничего не понимает в христианстве (Новый Завет — это проклятие пола), стихия Розанова — «религиозное утверждение пола». В «Уединенном» — «бесстыдство мертвого», обнажение сокровенного.

15 июня В.В.Розанов писал Мережковскому об этой статье: «Не хорошо. Не надо было. И зачем “ляпать все прямо”. Стиля

не выходит... Не туда Вы попали с "Речью" и "Русским Словом". Вам надо было хорошо и твердо и прямо устроиться в "Новом Времени" или "Русской Молве", но никак не в левых и не в жидовских изданиях. Это ужасная ошибка» (сб. «Взыскующие града». М., 1997, с. 580).

Е.Колтоновская — «Судьба альманаха» («Речь», 17 июня). «Роль альманаха, как литературного явления, сыграна». Старые, заслуженные альманахи («Шиповник», «Земля») «допевают свою лебединую песню». Новые издания, вроде сборников «Прометей», предпринимаются «кустарным способом». «Консервативный читатель вернулся к старому другу — толстому журналу», хотя он «дряхл и скучен».

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 21. СПб., 1913, тираж — 8200 (Б.Зайцев «Дальний край» [окончание], Ю.Верховский «Золотой цветок (Лирический цикл)», Л.Рейснер пьеса «Атлантида»).

Критика уделила внимание лишь роману Зайцева. Тема романа — «большая революция и маленькие люди», герой — «типичный обыватель, любящий жизнь зоологически» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 19 июня). Герой романа более пригоден для «психологических арабесок», чем для эпопеи. Его друг-революционер отвергает насилие и ищет «искупления своему греху в самопожертвовании» (А.Дерман, Сев. Зап., № 7). Роман самоопределения молодого человека, «тихонького демократа» и ставшего уже банальным «раскаявшегося революционера», перешагнувшего из террористов в толстовцы ([А.Б.Дерман], Р. Бог., № 9, Нов. Кн.). Безмятежная идиллия двух любящих на фоне бурной эпохи. Неубедительность примиряющего настроения, слабость архитектоники (Ю.Айхенвальд, «Речь», 28 авг.). «Тихая, чарующая гармония», «смесь кандалного звона с магическим светом далеких звезд» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 21 июня). Пытаясь изобразить русскую революцию, автор забыл упомянуть главного героя эпохи — рабочего. «Против Маркса выдвинул Вл.Соловьева, против мятежной борьбы — служение и кротость, и от революции ничего не осталось (В.Львов-Рогачевский, «Тихий Петя о бурной эпохе», Совр., № 9). Зайцеву приснились «корабли революции», изобразить же он смог лишь «хорошо знакомых ему одиночек, бездейственных, робких, лишенных творческой жизни и готовых променять все блага социальной жизни... за тихий уголок скромного растительного существования» (В.Кранихфельд, «В мире призраков», Совр. Мир, № 11). «Говорят, что "Дальний край" есть роман о русской интеллигенции и о русской революции. Это сплошное

недоразумение»: просто «сладостно-грустный, старомодно-модернистский» художник описывает «столичную полуинтеллигентную богему» (Иванов-Разумник, Зав., № 6).

Б.К.Зайцев писал В.С.Миролюбову 8 августа: «Роману моему перемывают косточки... Все думают, что я хотел изобразить революцию. А ей-Богу, я ее не изображал... Обижаются еще за Карла Маркса и народников. Если бы я обругал Библию, или Евангелие, то ничего, а у меня молодой студентик скучает над “Капиталом”, так это преступление. А народников я как раз люблю...» (Б.Зайцев. Письма. 1901–1922. М., 2001, с. 107).

Ф.Сологуб — Собр. соч., т. XIII. «Жемчужные светила. Стихи». СПб.: «Сирин», 1913, тираж — 2100.

«Бесценное пособие» для историка литературы: «Тут и несколько слашавая просветленность восьмидесятых годов, и застенчивый эстетизм девяностых, потом оправдание зла, политика, богоискательство, проблемы пола и, наконец, мягкая ирония мудреца мира сего» (Н.Гумилев, «Письма о русской поэзии», Апол., 1914, № 1–2).

В.Брюсов — «За моим окном (На похоронах Толстого. Последняя работа Врубеля. На “Святом Лазаре”. Петр Иванович Бартенева)». М.: «Скорпион», 1913, тираж — 2050.

«“За своим окном” автор видел не очень-то много, но рассказал без скуки, хотя и со свойственной ему четкою сухостью письма» (Ч.В[етрин]ский, Вест. Евр., № 7). «Суховатая, сжатая, деловая, но не лишенная изящества проза Брюсова... читается легко и с интересом» (Н.Л. [Н.О.Лернер], «Нива», ежемес. прилож., № 8, Б-фия). «От фельетона требуется легкость и острота», которых нет у Брюсова, его путевые впечатления скучны, удачен рассказ о П.И.Бартенева (А.Тиняков, Нов. Журн. для всех, № 10, Нов. Кн.). «Содержание книги... не очень значительно»; наиболее интересны воспоминания о встречах с Врубелем (Н.Александрович, «День», 19 авг.).

И.Анненский — «Фамира-кифаред. Вакхическая драма». М., 1913, тираж — 100 (нумерованные экземпляры).

«Поэт-импрессионист в лирике, Ин.Анненский желал остаться импрессионистом и в драме», создал квазиантичную драму, «сознательно допускал в свои стихи русизмы и выражения, древнему миру несвойственные» (В.Брюсов, Р. Мысль, № 7). Анненский «глубоко чувствует миф, как извечно существующее положение», умеет «причудливо соединять античность с современностью» (Н.Гумилев, Апол., 1914, № 1–2, с. 129). «К жестокой сказке Софокла... подходит с болезненной осторожностью со-

временного человека». «Театральность пьесы весьма сомнительна, она написана поэтом, питавшим глубокое отвращение к театральной феерии» (О.М. [Мандельштам], «День», 8 окт., прилож.). «Наивная поэма красоты печальной и горькой», со всеми «музыкально-прекрасными особенностями... тревожной поэзии» Анненского. «Своеобразная связь ценно-старого с ценно-новым». «Герой является нам то в облике “дерзающего” “сверходаренного” артиста, то “в образе неврастеника гамлетовского типа”» (А.Альвинг, «Жатва», 1914, № 5, с. 296–298).

В.Маяковский — «Я!» Рис. В.Чекрыгина и Л.Ж[егина]. М., 1913*, тираж — 300 (литографированное издание, обложка работы Маяковского).

А.Крученых — «Взорваль». СПб., 1913, тираж — 350; «Возропшем». СПб., 1913, тираж — 100. Рис. О.Розановой и К.Малевича.

А.Крученых и В.Хлебников — «Бух лесиный». СПб., 1913, тираж — 400.

Книжка новых знаменитостей «Бух лесиный» — гектографированная, знаки препинания уничтожены, только восклицания и многоточия. «Это звери проснулись и рычат, пользуясь глубоким, каким-то беспробудным сном людским», и напрасно «пытается договориться с ними умный и тонкий символист В.Брюсов» (Е.Кускова, «Сказка о слове, девушках и бирюльках», Р. Вед., 23 июля). Книга «Возропшем» — «новое свидетельство кретинизма» и «лакейского подлаживания к обывателю». Автор сообщает, что книги футуристов «идут ходко», что первый сборник «Садок судей» продается по 50 рублей (В.Л.Р. [В.Львов-Рогачевский], Совр., № 8).

Июль

М.Горький — рассказы «В ущелье» (Р. Сл., 7, 9 и 10 июля) и «Едут!» (Р. Сл., 14 июля), очерк «М.М.Коцюбинский» (Вест. Евр., № 7).

А.Серафимович — рассказ «Со зверями» (Р. Бог., № 7).

Ф.Сологуб — «Мечта» (цикл из восьми стихотворений) (Зав., № 7).

* В «Хронике» Катаняна, указано, что книга «отпечатана 17 мая», с. 67; по «Книжной летописи» проходит 10–17 июня.

В. Брюсов — стихотворения: «Я — океан, соленый и громадный...», «Я — сын земли, дитя планеты малой...» (Р. Мысль, № 7).

11 июля Горький пишет В.Г. Короленко: «На днях получил очень постыдную книгу: “Десятилетие ресторана Вена”. Литературно-художественный сборник”. Это — нечто вроде “Календаря писателя”, но, пожалуй, еще пошлее. Сколько бесстыдников развелось на Руси — жуть берет! И когда думаешь — надо ехать домой, то первым вопросом является: “А как ты встретишься с этими?” Отчаянно неловко будет. Посмотрел я литературу “эгофутуристов”, и, на мой взгляд, это прежде всего — неискренно, это — холодный расчет нигилистов, желающих во что бы то ни стало обратить на себя внимание и пожевать кусочек — хоть маленький! — сладкого пирога славы» (т. 29, с. 311).

В связи с известием о возвращении Горького А.В. Амфитеатров писал ему 12 июля: «А русское общество и в особенности литературный мир... нуждаются в человеке, который бы сейчас взял на себя роль их совести... Прекрасный писатель и человек, В.Г. Короленко недостаточно популярен... придется Вам принять власть, выпавшую из мертвой руки Толстого... Вы, для века нашего, больше, глубже и чище Льва Николаевича, который... все же был последний кающийся дворянин...» «Это предприятие, между нами говоря, — отвечал Горький, — жуткое, не в тех смыслах, что Грузенберг обещает процесс по 73-й, — нет, конечно! А чувствую я, что лежит на мне большущая ответственность за каждое слово... И я готовлюсь к переезду на Русь с великим тщанием, с большой душевной мукой...» (ЛН, т. 95, с. 432, 433).

15 июля В.Г. Короленко исполнилось 60 лет. «В.Г. Короленко стоит в стороне от рабочего движения, — писала «Рабочая правда» 21 июля в статье «Писатель-гражданин». — Он лишь представитель радикальной, демократической интеллигенции с народнической закваской...» (см. также статьи И. Игнатова «Гимн справедливости (По поводу 60-летия В.Г. Короленко)» и перепечать приветствий, Р. Вед., 14 и 16 июля, Н. Карабчевского «Адвокат “honoris causa”», Вл. Гиппиуса — «Правда любви», «Речь», 14 и 15 июля и др.). А. Бурнакин выражал недовольство, что юбилей этого «назойливого адвоката угнетенного народа» отмечаются каждые 10 лет, между тем Короленко — «типичный ша-

* Характеристику этого сборника см.: П. Рысс, «Литературно-трактирный пантеон» (Киев. Мысль, 12 и 16 сент.): трактир, «продукт улицы вошел победителем в печать»; в одном из кабинетов «Вены» основана «академия Эго-Поэзии».

бесгой» — «русского, народного, исторического в нем ни ноты» («Слепой музыкант», Н. Вр., 26 июля). М.Меньшиков признавался, что для него Короленко «давно умер» как писатель, остался лишь «ничем не замечательный редактор одностороннего и скучнейшего» журнала; «политика в нем съела эстетику» («Суета сует», Н. Вр., 28 июля).

8 августа Короленко записал в дневнике: «Множество писем от учреждений и частных лиц. Очень живо откликнулась адвокатура, учителя... В общем ругательств мало, даже из черносотенного лагеря... В "Нов. Времени" Бурнакин (подражатель Буренина) выругался на обычном "каторжном" жаргоне. Меньшиков — не ругается, а только язвит, очень неглупо и вполне прилично и умело» (РГБ, ф. 135).

В архиве Короленко сохранилось более шестисот поздравительных телеграмм (среди них: Д.Я.Айзмана, М.А.Антоновича, В.Я.Богучарского, Ив.Бунина, А.А.Вербицкой, Ф.В.Волховского, М.Горького, Л.Я.Гуревич, А.И.Гучкова, Н.Евреинова, Н.П.Карабчевского, Каррика, П.А.Кропоткина, Н.И.Кульбина, Б.А.Лазаревского, К.А.Марджанова, В.Д.Набокова, Д.Н.Овсяннико-Куликовского, С.Подъячева, И.Н.Потапенко, И.Репина, В.И.Семевского, П.Б.Струве, Е.В.Тарле, К.А.Тимирязева, Н.Д.Телешова, Н.В.Чайковского, К.И.Чуковского, Ив.Шмелева и мн. др., многочисленных редакций газет и журналов, групп ссыльных, рабочих, адвокатов, учащихся и т.д.).

17 сентября Короленко писал дочери: «Юбилейные поздравления все еще тянутся. На днях прислали из "Русского богатства" целую залежь: 100 телеграмм и несколько десятков писем (еще июльские). Завтра посылаю письмо в редакции газет и, может быть, этим положу конец нескончаемому юбилею» («Согласие», 1994, № 1, с. 194). В письме в редакции Короленко подчеркивал, что источник силы литературы «в живой связи с обществом, в объединении всех его честных стремлений, направленных на осуществление справедливости и свободы» (Р. Сл., 21 сент. и другие газеты).

Анатоль Франс посетил Петербург и Москву (Р. Сл., 13, 16 июля). Был в редакции «Русского богатства», где оставил для В.Г.Короленко свою визитную карточку с надписью «С уважением» (А.Храбровицкий. Автограф на визитке. «Литературная Россия», 1978, 1 сент.).

9 июля И.Грбарь писал А.А.Луговому, что происходящее в современном искусстве «не драма, а закон природы», «неизбежный при всяких новых литературных, музыкальных, художест-

венных, философских, общественных и религиозных родах... А хулиганство... болванство, озорство, жажда сокрушать, ломать, презирать — ей-богу, все это не так уж страшно... Я тоже не люблю “самоновейшего”... всяких бурлюков, хлебниковых и им подобных, во-первых, за их бездарность, а во-вторых, потому, что просто они мне противны. Но ни ругаться, ни вообще выступать против них решительно не намерен... Нет, я даже предпочитаю, чтобы они продолжали: иногда смешно, иногда и дико, иной раз только забавно, а бывает и очень неплохо, как часто у Игоря Северянина» (Игорь Грабарь. Письма. 1891–1917. М., 1974, с. 290–291).

16 июля Н.А.Клюев пишет А.В.Ширяевцу: «Был я зимой в Питере и в Москве, таскали меня по концертам, по гостиним, но всегда забывали накормить, и ни одна живая душа не поинтересовалась, есть ли у меня на завтра кусок хлеба, а так... собирались по 500 человек в разных обществах слушать меня. Теперь я, обглоданный и нищий, вновь в деревне — в бедности, тьме и одиночестве, никому не нужный и уже не интересный... Тяжко мне с книжками и с дамами и с писателями, лучше бы не видеть и не знать их — будь они прокляты и распрокляты!» (De Visu. 1993, № 3, с. 12–13).

А.Дерман — «О Александре Блоке» (Р. Мысль, № 7). Поэт сочетает «гибкость и богатство новых форм стиха с искренностью... чувства, а порой... с широтой идейного захвата».

До этой публикации статья была отвергнута тремя журналами: «Заветами», «Современником» и «Русским богатством». Иванов-Разумник нашел ее «совершенно ученической» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 403). Редакция «Современника» сообщила Дерману, что статья «не подошла», но вся редакция, включая Горького, «весьма ценит» его сотрудничество (ЛН, т. 95, с. 552). А.Г.Горнфельд, заведовавший критическим отделом «Русского богатства», сообщил Дерману 6 марта 1913 г.: «Статью о Блоке у нас забраковали против моего голоса; я и не спорил, ибо в этом милого А.В.Пешехонова не перевоспитаешь, но внутренне плакал; статья очень недурная». Горнфельд передал статью в «Русскую мысль», а 10 сентября сообщил автору, что Г.Я.Полонский «очень хвалил Вашу статью о Блоке» (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 106).

Н.Иорданский — «Первые рабочие газеты» (Совр. Мир, № 7). «Читатели столичных газет уже не увидят больше в хронике привычной заметки: вчера произведена очередная конфи-

скация очередных номеров "Правды" и "Луча". Обе рабочие газеты приостановлены судебною палатою», и в лучшем случае их удастся заменить новыми изданиями.

Ю. Айхенвальд — «Литературные наброски» (о Бальмонте) («Речь», 20 июля). «Поэт воздуха, небрежный к смыслу», загнипнотизированный «певучей властью» слов. Нет самодисциплины, «роковое отсутствие художественной скупости», «нескладное соединение образности и отвлеченности».

А. Долинин — «Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба)» (Зав., № 7). В отличие от Достоевского, Сологуб равнодушен к вопросам морали. Из антитез Достоевского: «Я и общество», «Я и мир», «Я и Бог» — Сологуб избирает лишь «Я и мир»: «вся природа мое творение, и нет никого и ничего помимо меня и моей свободной игры».

Б. М. Эйхенбаум написал автору статьи 12 августа: «Взяли Сологуба за самые рога и пригнули к земле — ты, мол, такой же "униженный раб", как и мы», но «написали, собственно, не о Сологубе, а о Тетерникове... Не видно у Вас, чтобы Сологуб был "большим и оригинальным художником", а видно только, что он много думает, много грешит, много страдает». Гармония есть у Достоевского, но «неужели нет ее у Сологуба? Неужели он весь — в антитезе и никогда не творит хотя бы бессознательный синтез?» («Звезда», 1996, № 5, с. 180).

В. Львов-Рогачевский — «Символисты и наследники их» (Совр., №№ 6, 7). Появление новых претендентов — эгофутуристов, футуристов и адамистов-акмеистов — символически, так же как и «весьма дипломатическое заигрывание» с ними В. Брюсова и Ф. Сологуба. Вся их «бумажная революция» — «это комариное жужжание, это бляенье, бурлюканье», «голый эгоизм опустошенных душ, духовных босяков». Если футуризм — это «*momento magi* символизма», то адамисты — это вопль «спасайся, кто может!», «от символизма они повернули назад к грубому натурализму, равнодушному, бесстрастно-объективному, беспозвоночному и беспорывному». Общая черта и «творцов слов» (футуристов), и «рабов вещей» (адамистов) — «обезгневанная и обескрыленная поэзия».

А. Е. [А. М. и Е. И.] Редько — «У подножия африканского идола (Символизм. Акмеизм. Эго-футуризм)» (Р. Бог., №№ 6, 7). В результате литературно-художественной революции у реалистов был отнят кредит доверия и вручен модернистам-мистикам. «В настоящее время "веры-кредита" требуют от чита-

теля две новые поэтические школы: акмеизм и футуризм». Бог акмеистов — «гармонический, беломраморный греческий бог»; у кубо-футуристов — «новонайденная у африканских дикарей красота “кривочернявого Аполлона”».

В.Маяковский — статья «Театр, кинематограф, футуризм» («Кине-журнал», № 14, 27 июля). Отрицает современный театр, его «мнимый расцвет» (Художественный), существующие «журналы искусства» («Аполлон», «Маски») и зовет к «великой ломке» во имя «широкого демократического искусства» будущего.

С.Бобров — «Вертоградари над лозами. Стихи». М.: кн-во «Лирика», 1913, тираж — 500. Рисунки Н.Гончаровой.

Б.Л.Пастернак писал автору 15 июля: «Жатва твоих вертоградарей — чистая поэзия», «это книга звездных свидетельств...» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 213–214).

«Эпигон модернизма», чье стихотворство «вырастает из трудолюбивого изучения других поэтов» (С.Кречетов [С.А.Соколов], Утро Рос., 12 окт.). Стихи сделаны по «рецептам для творчества» «эксцентричных молодых людей, жаждущих лучей славы»: смесь из Тютчева, Пушкина, французских поэтов взбрызнута «одеколоном футуризма», посыпана «перцем ослохвостизма» (В.С. [М.С.Шагинян], Приаз. Кр., 2 сент.). В.Брюсов отметил «сильную зависимость от прошлого», скрывающую «собственное лицо» поэта (Р. Мысль, 1914, № 6). «Здесь впервые и окончательно символизм уклоняется от импрессионизма... в сторону познавательного метафоризма», примыкает к школе русского символизма, теоретически обоснованного Андреем Белым (Божидар [Б.П.Гордеев], «Метафорический сад», «Второй сборник Центрифуги», М., 1916).

Август

Вл.Короленко — статья «О суде, о защите и о печати» (Р. Бог., № 8). «“Виды правительства” поглотили сначала институт следователей и прокуроров. Потом низшую магистратуру, затем сенат»; защита права перешла к адвокатуре.

М.Горький — «Детство» [начало повести] (Р. Сл., 25 авг.).

А.Куприн — цикл очерков «Лазурные берега» («Речь», 2 июня — 1 сент.).

К четырем постоянным членам петербургского Театрально-литературного комитета (Н.А.Котляревский, Д.С.Мережковский, Ф.Д.Батюшков и П.О.Морозов) добавлен еще один — А.А.Блок (Р. Молва, 3 авг.).

Летом Саша Черный написал Горькому: «Работаю в “Русской молве”. Газета прохладная, но честная, — и я начинаю предпочитать просто культурных людей самым крайним радикалам из “Дня”» (Горький и его эпоха. Вып. 2. М., 1989, с. 26).

20 августа вышел последний номер газеты «Русская молва», закрытой за антиправительственное направление (Лит. Арх. Т. V, с. 208).

Около 22 августа Горький пишет Вл.И.Немировичу-Данченко, что считает социально вредной предпринятую Художественным театром постановку «Бесов» и попытается возбудить протест в обществе (ЛЖТ Горького. Вып. 2, с. 372).

В.Брюсов — «Новые течения в русской поэзии. III. Эклектики» (Р. Мысль, № 8). Техника стиха стоит гораздо выше, чем 20–25 лет назад, но современные русские поэты «мучительно похожи друг на друга». «Откуда же ждать спасения русской поэзии? Возлагать ли все надежды на то, что вот придет еще неведомый великий поэт и сразу все оживит... Это — надежда плохая». Брюсов склонен считать, что «оздоровляющее течение в русскую поэзию может внести *футуризм*, конечно, если он не останется в руках В.Хлебникова, А.Крученых, В.Гнедова и им подобных. Футуризм как доктрина призывает к двум важным вещам: к воплощению в поэзии современной жизни... и к новой работе над словом...» К поэтам, у которых есть стихотворения, позволяющие надеяться на дальнейшее развитие поэтического дарования, отнесены С.Шервинский, В.Шершеневич, Б.Пастернак и др.

Л.Клейнборг — «Рабочая интеллигенция и искусство» (Вест. Евр., № 8). «Идет в мир искусства труженик фабричного станка».

В связи с публикацией очерков Вл.Войтинского «Призраки» (Р. Бог., № 7) В.Розанов пишет: олеография, живо трактующая революцию как одну «безмерную любовь ангелотеррористов к “людям-братьям”», за которую «чудовищеправительство» бросает в тюрьмы и вешает; агитируя русскую молодежь против собственного правительства, литераторы вроде Войтинского, Изгоева, Горнфельда, Кранихфельда и многих

других преследуют национальные еврейские интересы (Н. Вр., 13, 21 авг.).

Д. Мережковский — «Некрасов» (Р. Сл., 9 авг.). «Некрасов хотел сделать искусство всенародным, — пусть неудачно, преждевременно, но все же хотел первый и, кажется, доныне единственный из всех великих русских поэтов».

В ответ «Аполлон» (№ 7) поместил статью В. Чудовского «О Мережковском, Некрасове и о политике в искусстве», утверждавшего, что Некрасов был «ритором и журналистом», но не был ни поэтом, как Фет, ни публицистом, как Чернышевский.

В. Чудовский — «Футуризм и прошлое» (Апол., № 6, авг.). Все их диспуты, лекции, манифесты «ничтожны, как явление, и крайне важны, как симптом»: отрицание прошлого и благоговение перед будущим.

П. Ярцев — «О театральной молодежи» («Речь», 17 авг.). Московский «Свободный театр» (К.А. Марджанов и А.А. Санин) еще не стал настоящим «художественным учреждением», а уже честует Лермонтова, Короленьку и т.д.

С. Клычков — «Потаенный сад (Стихи)». М.: «Альциона», тираж — 1000.

«Прелестная русская песенность», мужицкие обороты речи при «безличности народных тем» (М. Шагинян, Приаз. Кр., 7 окт.). В поэзии С. Клычкова «нет гражданских мотивов, нет обычных подражаний Никитину, Кольцову, Некрасову», «в его образах живет душа народа». «Поэт еще не справляется с техникой — это пройдет...» (В. Львов-Рогачевский, Совр., № 10, май, Нов. Кн.). Его вскормила та самая крестьянская Русь, которая «нашла отражение в гнетущих повестях Бунина, черная тоска которой отравила, истерзала, окровавила душу Пимена Карпова», но в его поэзии «мир чудесен, таинственно-сказочен, как-то узорчато красив», даже «Печальные песни» Клычкова «нежны, мечтательны» в противовес «томительной поэзии Сологуба» и «надрывному творчеству Ремизова» (Вяч. Полонский, Нов. Жизнь, дек., Кр-ка и б-фия). «Верный в целом народный тон иногда нарушается диссонансами чересчур “книжных”, литературных выражений... придающих стихам ненужную нарядность» (В. Смельский, «День», 23 сент.). «Народник, слегка вкусивший от модернизма» (С. Кречетов [С.А. Соколов], Утро Рос., 12 окт.). «Эта книжка мила, отрадна, дорога своей народной простотой» (С. Городецкий, «Два стана», «Речь», 25 ноября). Сквозь «красивость и гладкость стиха» про-

свечивают крупницы черноземной силы (Г.Иванов, «Черноземные голоса», Р. Воля, 1917, 23 сент.).

А.Блок писал автору 28 февраля 1914 г. в ответ на присылку «Потаенного сада»: «Поется Вам легко, но я не вижу в песнях насущного» (т. 8, с. 434).

Ю.Айхенвальд — «Силуэты русских писателей», вып. III. Изд. 2-е. М., 1913, тираж — 3000 [В этом издании впервые появилась статья о Белинском].

«В Москве произошло печальное для истории русской литературы событие... — иронически писал Иванов-Разумник. — Юлий Айхенвальд уничтожил без остатка Виссариона Белинского», изобразив его «человеком без сердцевины», «вечным умственным недорослем», «духовным мещанином» и т.п. «Сдается мне, что похоронить придется не Белинского, а статью г. Ю.Айхенвальда», своего рода «военно-полевой суд над Белинским» («Правда или кривда?», Зав., № 12). «Считать Айхенвальда критиком вообще невозможно: он слишком легко “отметает”, как это было с Брюсовым, и слишком легко “приемлет”, как случилось недавно с романом Григорьева» (Б.Эйхенбаум, Р. Мысль, № 9). «Эстетизм Ю.И.Айхенвальда не только субъективен», но и догматичен; его «имманентная критика» превращает «Силуэты» в «кривое зеркало эстетики» (П.Сакулин, «Белинский — миф», Р. Вед., 4 окт.). Айхенвальд «открыто и тайно» борется с критической традицией, идущей от Белинского; сочувствует «искреннему и добросовестному импрессионизму» (Б.Грифцов, «Метод Ю.И.Айхенвальда», Р. Мысль, № 11). «Органическая ненависть заставляет Айхенвальда извращать политические мысли Белинского», обвинять его в «общественном консерватизме, даже реакционности» (Е.Ляцкий, «Господин Айхенвальд около Белинского», Совр., 1914, № 1). От этих «запальчиво написанных» страниц веет «духом позорного легкомыслия» (А.Дерман, «Айхенвальд о Белинском», Р. Бог., 1914, № 2). Белинский «столько же заслужил благословения, сколько... проклятий», так как, с одной стороны, создал тип «русского идейного человека», а с другой — «основал русский нигилизм»; его традиция уже «мертва», Айхенвальд лишь запоздало повторил мнения Достоевского, Страхова, Ап.Григорьева, Говорухи-Отрока (В.Розанов, «Споры около имени Белинского», Н. Вр., 1914, 27 июня, 8 июля). Позднее Розанов написал, что Айхенвальд «холодно и отвратительно» провел Белинского «сквозь строй» («Стрелец». Сб. 2. Пг., 1916, с. 137–140). Айхенвальд нарушил «табу» около имени Белинского, но, по существу, прав; его оппоненты проявили «неумение» в защите своего кумира

(П.Перцов, «Палка в муравейнике», Н. Вр., 1915, 29 марта). (См. также: Ю.Айхенвальд, «Спор о Белинском. Ответ критикам». М.: «Мысль», 1914; П.Сакулин, «Итоги спора о Белинском», Р. Вед., 1914, 6 июня). Ю.Айхенвальд сохраняет «гордопобедоносный вид», но «это был не спор, это была *отповедь*» (Иванов-Разумник, «Силуэт г. Айхенвальда», Р. Вед., 1914, 21 июня). «Московские ведомости» (1914, 16 июля) назвали защиту Белинского оппонентами Айхенвальда «фальшивой истерикой». Ртух [Б.А.Садовской] поддержал выступление Айхенвальда против «великого реакционера» Белинского, «запрудившего свободное течение мысли на Руси: куда перед ним Победоносцев!» («Белинский и Айхенвальд», «Второй сборник Центрифуги». М., 1916; там же заметка «Травля Айхенвальда», подписанная Ц.Ф.Г.).

Сентябрь

М.Горький — «Детство» (Р. Сл., 8, 14, 22 и 29 сент.); «О «карамазовщине» (Письмо в редакцию)» (Р. Сл., 22 сент.).

26 сентября А.В.Амфитеатров писал Горькому: «Читаю в «Русском слове» отрывки Вашей автобиографии, великолепные, сильные, и ругаюсь и глубоко сожалею, что этакую вещь Вы отдаете на растерзание газетным печатанием, в котором она теряется». Горький отвечал: ««Детство» — писано давно, продано по нужде и, конечно, преждевременно...» (ЛН, т. 95, с. 435, 438).

26 сентября в «Русском слове» (и других газетах) опубликовано «Открытое письмо М.Горькому» Московского Художественного театра: «Нам тяжело было узнать, что М.Горький в образах Достоевского не видит ничего кроме садизма, истерии и эпилепсии, что... «Бесы» — для Вас не что иное, как пасквиль временно-политического характера...»

27 октября в «Русском слове» напечатано новое открытое письмо Горького «Еще о «карамазовщине»».

Этот спор Горького с Художественным театром вызвал продолжительную полемику в печати. Ф.Степун подчеркивал, что русская публицистика осудила Горького почти единодушно, между тем «большая публика» на лекциях и диспутах выступает в его защиту, и это заставляет выдвигать «серьезные опровержения» против Горького, который не понял «громادного сердца» Достоевского («О «Бесах» Достоевского в письмах М.Горького», Сев. Зап., № 12). Л.Андреев назвал статьи Горького «оптимистической цензурой» («Письма о театре», альманах «Шиповник», кн. 22. СПб., 1914). В письме Горького — «неверная перспектива», «гениальное произведение» не может быть «вредным»,

«даже если гений заблуждается» (И.Игнатов, Р. Вед., 27 сент.). Письмо направлено не только против Достоевского, но против всего, «чем живы люди». Горький исповедует «социальную педагогику» (П.Ярцев, «Речь», 28 сент.). «Программный вопль», заманивание в «балаганчики будущего», где «обман и разочарование» (Ал.Бенуа, «Речь», 30 сент.). В.Чудовский назвал Горького «охранителем прогрессивной благонамеренности» и сравнил с Бенкендорфом (Апол., № 10). Спор Горького с Достоевским «важен и поучителен», он начат в 1905 г., когда Горький полагал, что «русская литература против освобождения»; теперь он не так решителен, но сущность та же (Д.Мережковский, «Горький и Достоевский», Р. Сл., 12 дек.). Д.Бедный в басне «Бесы» высмеял и «письмо Максима» («Бедняга, числился в смутьянах, Спасал живот в заморских странах...»), и тех, кто его «ославил» (Совр. Мир, № 10).

Нашлись и сторонники Горького: «На вопросе о Достоевском столкнулись два мира: пролетарский мир в лице М.Горького выступил против соглашения с реакцией, против антисемитизма, против неблагодарства человеческой души. И против него — другой мир, готовый обниматься с реакцией» (А.Витимский [М.Ольминский], «Поход против Горького», «За правду», 4 окт.). «Это крик честного русского писателя, гражданина и демократа, назревший в нем крик против бесчестия нашей жизни, захватившего нашу политику, искусство, литературу, против того пира во время чумы, который справляют промотавшиеся сыны нашей буржуазии на развалинах 1905 года». Протест не оказался бесплодным, вместо «Бесов» поставлен «Николай Ставрогин», причем «художественная и психологическая сторона постановки справедливо вызвала порицание даже тех, кто не согласен был с протестом Горького» (Д.Тальников, «Бесовское наваждение», Совр. Мир, № 11). «Сейчас мы переживаем такой мучительный период реакции, что всякая тень недоброжелательства, а тем более — издевки над освободительным движением причиняют острую боль, являются невыносимыми... Постановка “Бесов” именно в данный момент оказывает очень плохую услугу самому Достоевскому» (С.Яблоновский, «“Николай Ставрогин” в Художественном театре», Р. Сл., 24 окт.). Постановка «Бесов» — ошибка Художественного театра, она требовала «идейного осуждения», но не бойкота, потому что «ни старинная любовь к Художественному театру, ни имя Достоевского не дают нам на это право» (Е.Кускова, «О нападках Максима Горького», Р. Вед., 3 ноября). Вся «политика» из «Бесов» выделена, осталась душевная трагедия Ставрогина; «наиболее значительный спектакль в истории Художественного театра» (Ю.Соболев,

«Достоевский в Художественном театре», Нов. Жизнь, 1914, № 1).

16 ноября А.В.Амфитеатров писал Горькому: «Второе Ваше письмо о “Бесах” мне понравилось, а от первого выл. Не за “поругание” Достоевского, конечно, коему мало еще “накладено” по грехам его, а потому, что уж очень Вы много важности придаете театру вообще, Художественному в особенности, и тем поддерживаετε престиж театрального миража и психопатии, в России принявших размеры совершенно противообщественные... Понимаю сразиться за “Бесов” с Достоевским, за “Анатэму” с Андреевым, за смертолюбие с Сологубом — словом, всякое литературное идейное сражение понимаю» (ЛН, т. 95, с. 445).

В.Брюсов — трагедия «Протесилай умерший» (Р. Мысль, № 9).

«Это не мертвая подделка под древние образцы». «Старая тема разработана здесь с большим умением и совершенно “побрюсовски”» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1913 году», Зав., 1914, № 1, с. 94). Брюсов умеет «перевоплотиться в древних», воскресить «античную красоту и величие» (Т.Ганжулевич, «Нива», ежемес. прилож., 1916, № 10, Б-фия).

Осип Мандельштам — два стихотворения («Душа устала от усилий...», «Качает ветер тоненькие прутья...») (Сев. Зап., № 9).

Петербургское книгоиздательство «Сирин» приступает к выпуску ряда литературных альманахов. В числе участников: Ф.Сологуб, А.Ремизов, В.Брюсов, А.Блок, А.Белый (Р. Вед., 13 сент.).

9 сентября Л.Андреев, посылая Вл.И.Немировичу-Данченко свою новую пьесу «Не убий», писал, что она «идет следом за Островским, “Властью тьмы”, Горьковским “Дном”, — конечно, отличаясь резко от упомянутых самой трактовкой сюжета. Оставаясь ненавистником чистого реализма, я сгустил краски, некоторые положения и характеры довел до крайности... ввел изрядное количество “рож” и даже черных масок: вообще на старой литературной квартире расположился по-своему» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 233).

26 сентября А.В.Амфитеатров писал об издании сборников «Энергия»: «Из народа уже именитого имеем Кони, Серошевско-

го, Александра Яблоновского, обоих Немировичей-Данченко, Новорусского, Дионео, Тэффи, Айзмана, Сумбатова... Из молодежи уже в ходу — Иван Вольный, Замятин, Никандров (ах, какой талант у этого необливанного медвежонка!). Горький отвечал: «Делу вашему — не завидую, хотя и “Энергия”... Поверьте: ничего не выйдет. “Не те времена” — не то нужно. Что именно — не знаю, но — чувствую — не то нужно! ... Хочется драться, кусаться и бить зеркала... Никандров — это — да! Талант. Зовите к себе Георгия Гребенщикова... Ивана Касаткина — молодежь зовите! Ей же Богу — интересные ребята!» (ЛН, т. 95, с. 436, 438).

В связи с выходом шеститомного собрания сочинений С.Сергеева-Ценского в печати появился ряд статей о его творчестве.

Иванов-Разумник — «Жизнь надо заслужить (Сергеев-Ценский. Собрание сочинений, тт. I–VI)» (Зав., № 9). В первых томах художник был отравлен «рыночным символизмом», но сущностью его является «новый реализм» и связь с прошлым русской литературы. «Трагедия есть рассказ о рождении души человека — и она всегда светла; мрачна лишь драма — рассказ о смерти человеческой души». «Движения» — самое значительное произведение «нового реализма» за последнее время, смысл его в светлом трагизме: пусть «приходят удары судьбы — лишь бы родился человек».

«С большим удовольствием прочитал хорошую Вашу статью о Ценском, — писал Горький Иванову-Разумнику 16 октября. — Очень внимательно и давно читаю его, — прекрасный развивается писатель, и давно уже пора было отнестись к нему так уважительно и серьезно, как отнеслись Вы первый» (ЛН, т. 95, с. 722).

А.Горнфельд — «Путь Сергеева-Ценского» (Р. Бог., N 12). Расставшись со своим былым пессимизмом, Сергеев-Ценский оптимистом не стал, «идейного оправдания жизни не нашел». Но он «обрел подъем для искания, обрел не ответ на свои вопросы и сомнения, но силу для новой художественной их постановки». От былого импрессионизма он перешел к реальному изображению жизни. «Реализм есть требование современного читателя... Мыслить и чувствовать заставляет его только углубленное творческое, но реальное изображение жизни».

Е.А.Колтоновская — «Сергеев-Ценский» (Р. Мысль, № 12). Изданные шесть томов Сергеева-Ценского говорят о зрелости этого «большого, сочного, ярко-красочного и очень устойчивого, прочного таланта»; в его творчестве боролись день и ночь, и ночь оказалась побежденной, ибо по природе Сергеев-Ценский здоров и уравновешен. Вместо «старого прямолинейного, натуралисти-

ческого реализма» возник «новый реализм», являющийся «синтезом символизма с реализмом».

По поводу двух последних статей Сергеев-Ценский писал А.Г.Горнфельду 18 января 1914 г.: «А Вы отнеслись не только терпимо, и не только вдумчиво, но еще и любовно... После Вашей статьи, может быть, всякие газетные стрекулисты будут меньше остроумничать на мой счет», однако не соглашался с определением «философской основы своего творчества,— только не “пессимизм” и “оптимизм”...» 3 июня 1914 г. писал ему же о Е.Колтоновской: «Этой акушерке ведь решительно все равно, что наболтать» (РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. 470).

Иванов-Разумник — «В заколдованном кругу (Стихи Вл. Пяста)» (Зав., № 9; отрывки из «Поэмы в ногах» в том же номере). Это автобиография юноши, уехавшего учиться за границу после тяжело пережитого 1905 года. Поэма ценна «как самое последнее, самое предельное и самое последовательное выявление того духа внутренней *отграниченности*, который определяет собою все подлинное наше *декадентство* двух прошлых десятилетий».

В.Кранихфельд — «Д.Я.Айзман» (Совр. Мир, № 9, ноябрь). «Мечтательный идеализм» еврейской демократии писатель противопоставляет «черствому эгоизму буржуазных слоев еврейства».

Ив.Шмелев — «Рассказы», т. IV. М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 3050 («Стена», «Пугливая тишина», «Поденка», «Ненастье»).

«Несмотря на явную приверженность к натурализму и быту, несмотря на отсутствие мистических дерзновений, есть в Шмелеве что-то роднящее его с Б.Зайцевым, Л.Андреевым и Сергеевым-Ценским. Это “что-то” — импрессионистская манера письма» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 29 сент.). С одной стороны, чувствуется рост таланта писателя, «новейшего разночинца» в русской литературе, с другой — таланту этому чего-то недостает: «техника опередила у Шмелева содержание». Его герои резко разделены на две половины: «В представителях “праздных”, “сытых” классов автор неизменно усматривает только ограниченность, пошлость и цинизм. К “работающим” отношение его более благосклонное, но представлены они только с одной прозаической, будничной стороны» (Е.Колтоновская, «Речь», 4 ноября). «Автор выковывает свой язык, оттачивает фразу», оставляет «приятное, но отнюдь не яркое впечатление» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., 1914, № 1, ноябрь, Нов. Кн.).

В. Розанов — «Литературные изгнанники». Т. I. СПб.: тип. А.С.Суворина, 1913, тираж — 650. Книга посвящена личности и деятельности Н.Н.Страхова и Ю.Н.Говорухи-Отрока, с приложением их писем к Розанову.

Ценный историко-литературный материал; в примечаниях — «исключительный по своей правдивости», «подпольный» Розанов, не боящийся противоречить самому себе (Н.В. [Н.Вальман], Ист. Вест., № 11). Суть книги в «подстрочном пегите», раскрывающем «глубоко оригинальное, неистощимо свежее» историко-философское мировоззрение Розанова (В.Анд[ерсон], Рус. Библиофил, № 8, дек.).

В.Хлебников, А.Крученых — «Трое». СПб.: «Журавль», 1913, тираж — 500.

Вас.Комаровский, граф — «Первая пристань. Стихи». СПб., 1913, тираж — 420.

Н.Гумилев назвал сборник «достижением десятилетней творческой работы несомненного поэта» («Письмо о русской поэзии», Апол., 1914, № 1-2, с. 127-128). «Это один из самых любимых поэтов» Ахматовой (Л.К.Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1, с. 161).

В.Жирмунский — «Немецкий романтизм и современная мистика». СПб.: т-во А.С.Суворина, 1913, тираж — 1000.

Автор разрушает «обычную шаблонную схему», по которой романтизм есть «культ беспредельной фантазии и личного чувства», «очень убедительно указывает на этику долга в романтизме»; жаль, что не остановился на «странном недомыслии или недоразумении» — «на пресловутой связи романтизма с политической реакцией». «Пламенное приятие жизни», «обожествление плоти» также роднит романтизм и символизм (Б.Эйхенбаум, Зав., № 12). Читая книгу Жирмунского, мы узнаем мотивы, громко прозвучавшие в нашей литературе на пороге XX века: индивидуализм, субъективность, солипсизм, мистическое чувство, устремление к красоте, музыкальность звука и др. Родословная символизма не в бодлеровских «соответствиях», а в немецком романтизме времени Тика и Новалиса (Л.Гуревич, «Немецкий романтизм и символизм нашего времени», Р. Мысль, 1914, № 4). Многие имена немецких романтиков сопоставимы с русскими символистами, «вплоть до нашего Новалиса, Андрея Белого» (П.Перцов, «Немецкий романтизм», прилож. к Н. Вр., 26 окт.). «Слишком эта книга своевременна и необходима»; обнаруживает преемственность русского символизма «с громадным

культурным течением» (Д.Философов, «Немецкий романтизм в русской литературе», «Речь», 1914, 6 янв.). Попытка апологии символизма на историко-литературном материале (П.Коган, «Немецкий романтизм перед судом мистика», Совр. Мир., 1914, № 9). Обычно романтизм истолковывается односторонне «как настроение глубоко чуждое земле и ясному дневному свету», ценность книги Жирмунского в том, что он подчеркнул «светлый лик романтического движения»: его любовь к жизни, к солнцу (Ф.Степпун, Сев. Зап., 1914, № 2, Б-фия).

Октябрь

Вл.Короленко — очерки, связанные с делом Бейлиса: «На Лукояновке», «Господа присяжные заседатели», «После приговора» и др. (Р. Вед., 19, 20, 24, 27, 29, 31 окт.). Общий вывод: «Почти катастрофический провал темной ритуальной кампании».

М.Горький — «Детство» (Р. Сл., 10, 17 и 24 окт.).

Ив.Бунин — рассказ «Я все молчу» (Р. Сл., 8 окт.).

Ал.Н.Толстой — «За стилем» [«Приключения Растегина»] (Р. Вед., 8 и 22 сент., 6 и 20 окт.).

М.Пришвин — цикл очерков «Славны бубны» (Зав., № 10).

Ив.Шмелев — рассказ «Виноград» (Сев. Зап., № 10).

В.Брюсов — «Три стихотворения» (Р. Мысль, № 10).

В «Гиперборее» (№ 8, окт.) напечатаны: А.Ахматова «Что ты видишь...», «У меня есть улыбка одна...», «Звенела музыка в саду...», «Не будем пить из одного стакана...», «Косноязычно славивший меня...», «Георгию Иванову», «Бисерным почерком пишете, Lise...»; О.Мандельштам «Паденье — неизменный спутник страха...», «Пусть в душевной комнате...», «В таверне воровская тайна...», Г.Иванов, М.Зенкевич, Грааль Арельский и др.

В начале октября происходило чествование «Русских ведомостей» в связи с 50-летием газеты. 6 октября вышел в свет сборник статей «“Русские ведомости” (1863-1913)» (М., 1913). В Литературно-художественном кружке состоялось торжественное заседание, на котором присутствовали П.Н.Милюков, А.С.Пос-

ников, М.С.Аджемов, П.Д.Долгоруков, Н.А.Гредескул, М.М.Ковалевский, А.Н.Веселовский, Д.Н.Овсяннико-Куликовский, И.А.Бунин. В своем выступлении Бунин назвал «Русские ведомости» «одним из самых благородных органов печати во всей Европе». «“Русские ведомости” протестовали против тех течений в литературе и искусстве, которые задавались целью совершенно устранить из литературы этический элемент, проповедовать безграничный индивидуализм, разнузданность все себе позволяющей личности...» «Мы пережили и декаданс, и символизм, и натурализм, и порнографию, и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и “пролеты в вечность”, и садизм, и приятие мира, и неприятие мира, и адамизм, и акмеизм... Это ли не Вальпургиева ночь!» С приветствиями выступали: от Общества любителей российской словесности (А.Е.Грузинский, П.Н.Сакулин, И.А.Белоусов), от Литературно-художественного кружка (В.Я.Брюсов), от Всероссийского литературного общества (Л.Ф.Пантелеев и М.В.Ватсон), от Общества драматических писателей и оперных композиторов (А.И.Сумбатов и Вл.И.Немирович-Данченко), от Общества периодической печати (В.М.Фриче), от «Среды» (Н.Д.Телешов), от «Вестника Европы» (Д.Н.Овсяннико-Куликовский и М.М.Ковалевский) и другие. При упоминании в одном из адресов «сорных трав лженационализма»* представитель полиции потребовал закрытия собрания, и многие адреса остались непрочитанными. Вечером состоялся банкет в «Славянском базаре». И здесь речи и поздравления были прерваны полицией — после чтения телеграммы Д.Айзмана, в которой упоминался процесс Бейлиса. На заявившего протест И.Бунина был составлен протокол «по поводу вмешательства в распоряжение властей»**. В ресторане был потушен свет и публика разошлась («Чествование “Русских Ведомостей”», «К инциденту с И.А.Буниным», Р. Вед., 8, 9, 15 окт.).

В.Розанов в статье к 50-летию «Русских ведомостей» утверждал, что за время своего издания газета не сказала ни одного «всем памятного слова», не дала «ни одной новой, свежей, оригинальной мысли», лишь выражала «общие мнения» далекой от национальной почвы западнической «профессорской оппозиции» (Н. Вр., 6 сент.). «Умеренная, спокойная и даже сознательно уклоняющаяся от революционной деятельности газета», «друже-

* Юбилей совпал с днями процесса Бейлиса в Киеве.

** Дело «об оскорблении властей» было передано в Московский окружной суд и прекращено в марте 1914 г. («Прекращение дела академика И.А.Бунина», «Речь», 1914, 13 марта).

ственная нам держава». Хотя в 1882 г. министр внутренних дел назвал «Русские ведомости» газетой не столь вредной», перечень цензурных кар (в сборнике, вышедшем к 50-летию) занимает 5 страниц убористого текста (А. Пешехонов, Р. Бог., № 10).

13 октября в зале Общества любителей художеств состоялся вечер «футуристов-речетворцев», собравший неимоверное количество публики. Два «столпа футуризма» — Д. Бурлюк и В. Хлебников — не могли выступить по болезни. На эстраду поднялся Маяковский, облекшийся в кофту ярко-желтого цвета с черными полосами. Тезисы его доклада: «Ходячий вкус и рычаги речи», «Лики городов в зрачках речетворца», «Verseuse [Колыбельная] оркестром водосточных труб», «Египтяне и греки, глядящие черных сухих кошек», «Складки жира в креслах», «Пестрые лохмотья наших душ». Н. Бурлюк зачитал доклад Д. Бурлюка «Доители изнуренных жаб», то есть идей. А. Крученых прочел два доклада, назвав, между прочим, единственным положительным типом русской литературы Передонова. После докладов футуристы читали стихи. Все было рассчитано на скандал, но «добродушная московская публика... только весело хохотала» («Вечер футуристов», Р. Сл., 15 окт.).

14 октября Л. Андреев пишет А. В. Амфитеатрову, возражая на «резкое суждение» об «Анатэме» и причисление к «мистикам»: «Знаю наших “христиан”, теософов, эстетов, плоских акмеистов, философских негодяев, как Розанов, вульгарных пессимистов... Брюсов и Ф. Сологуб — и все они глубоко враждебны мне, но не тем, что они “мистики” и “символисты” или “реалисты”... Пусть даже кубом выражается или излучением — только выражал бы он человека, а не свинью в ермолке! ... Ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме...» (ЛН, т. 72, с. 540-541).

19 октября В. Маяковский выступал на открытии футуристического кабаре «Розовый фонарь» с чтением стихотворения «Нате!». «Публика пришла в ярость. Послышались оглушительные свистки, крики “долой!” Маяковский был непоколебим» (Катанян, с. 72).

24 октября К. Чуковский прочел в Москве лекцию «Искусство грядущего дня», в которой противопоставил российским футуристам поэзию У. Уитмена. В. Хлебников откликнулся «Декларацией», назвав Чуковского «словесным пиратом... с топором Уитмана»: «Вы, волны грязи и порока и буря мерзости душевной! Вы,

Чуковские, Яблоновские! Знайте, у нас есть звезды, есть и рука кормчего, и нашей ладье не страшны ваша осада и приступ» (В.Хлебников. Неизданные произведения. М., 1940, с. 343).

Е.Колтоновская — «Из новейшей литературы. Арцыбашев» (Р. Мысль, № 10). «Крупный, хотя и бескрылый талант», последователь Л.Толстого («Смерть Ланде»). В основе творчества лежат: «подчеркнутый эротический реализм» («Санин»), «бессмысленность жизни при наличии смерти», «полный крах индивидуалистического мирозерцания» («У последней черты»).

Ф.Степун — «О некоторых отрицательных сторонах современной литературы» (Сев. Зап., № 10). Вчерашним днем литературы являлась борьба между реалистами, «общественниками и направленцами старого склада» и модернистами. Победителями оказались последние, но перед ними — опасность «мозгового искусства». «Большого романа современность не знает», как не знает трагедии, драмы, а только — «сцены, картины, хроники». Единственное спасение — «синтетический путь» (объединение начал объективности и субъективности), ведущий на покинутую дорогу идейности.

Я.Т-д [Я.А.Тугендхольд] — «Выставка картин Нат.Гончаровой (Письмо из Москвы)» (Апол., № 8, окт.). Это талант, «бесспорный для всякого», но «еженедельные переходы от одного *изма* к другому» не позволяют углубить его; ее лубок испорчен современной вывеской, городским мешанством.

С.Елпатьевский — статья «Еврейский вопрос» (Р. Бог., № 10).

По поводу этой статьи А.В.Пешехонов писал В.Г.Короленко 17 сентября: «Очень жидко, — и как-то даже неловко выйти с таким артиклем, когда кругом все будет шуметь делом Бейлиса. А главное — очень уж преувеличено: как будто “Мишу” и не трогают и за него возьмутся лишь потом, когда напрактикуются на “Мойше”». Короленко писал 22 сентября в редакцию: «На мой взгляд она недурна. Как всегда у Сергея Яковлевича — “взгляд и нечто”: мало фактов, конкретных и ярких. Но мысль понятная и верная. Еврейский вопрос стал оселком, на котором происходит проба бюрократической дееспособности всякого рода. Есть места подчеркнутые и раздражающие (“симбиоз воров и разбойников с властью” и др.). Я постарался смягчить отдельные выражения. Не знаю, — достаточно ли?» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 31, ед. 56; «Дом Плеханова», ф. 657 (Н.С.Русанов), карт. 1).

«Слово». Сб. первый. М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 7000 (В.Вересаев «Аполлон, бог живой жизни», Ив.Шмелев «Росстани», Ал.Н.Толстой «Овражки», Б.Зайцев «Студент Бенедиктов», Н.Телешов «Ночлег», Ив.Бунин «При дороге»).

«Новое рвение к реализму» охватило современную беллетристику, она «снова ищет убежища в самой жизни». Участники сборника «всеми силами стараются подчеркнуть, что вне реальных тенденций, вне бытовой основы литература обречена на бесплодие». Лучшая вещь — «При дороге» Бунина (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 15 окт.). Вересаев призывает к «необоримой силе духа», этому «бодрому призыву» отвечают «Овражки» Ал.Толстого. В «Росстанях» изображен «предсмертный свет», освещающий жизнь, светлую и веселую, но и «суетливую, мелочную, ежедневную, бесцельную» (И.Игнатов, Р. Вед., 22 окт.). Участники сборника выступают с «приличными вещами», но в целом это — «натурализм конского завода» (А.Бурнакин, Н. Вр., 20 дек.). «Слово» является «продолжением живого дела “Знания”», но шире и терпимее. Лозунг сборника: «ничего антижизненного, ничего антиобщественного» (В.Львов-Рогачевский, «Осенние сборники», Совр., № 12). В целом сборник именно то «Слово», которое хотелось бы услышать от литературы; для всех участников характерно «прятие жизни» и «переход от искусственного и вычурного к простому». «Овражки» А.Толстого — «солнечный, ярко идеалистический рассказ» (Е.Колтоновская, «Речь», 21 окт. и Вест. Евр., № 11). «Жизнерадостность и светлые тезы г. Вересаева, к сожалению, мало отражаются в сборнике» — «жизнь мрачна и сера»; в рассказе Бунина все тот же «неисправимый пессимизм относительно деревни» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 30 окт.). А.Толстой изображает «нечто неправдоподобное», герой Зайцева заболевает «истерической восторженностью перед жизнью, подаренной осечкой его револьвера». «И.Бунин сделал своим призванием розыски следов звериного образа жизни в современной русской деревне» (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, Р. Бог., № 12). Жемчужина И.Шмелева заставляет «вспомнить о золотом веке русской литературы» (В.Д.Набоков, «Речь», 22 дек.). «Тенденциозность — очень плохой и скользкий путь». Шмелев пытается физиологию выдать за жизнерадостность; «Овражки» А.Толстого написаны будто по заказу на тему о смерти и жизни; «мрачный» рассказ Бунина попал в сборник по недоразумению (П.С.Владимирова, Нов. Жизнь, 1914, № 1). Оптимистические тенденции сборника очевидны, но в статье Вересаева «неожиданно много филистерства»; «в повести Шмелева есть искусство, но нет ни мысли, ни цели — внутренней»; нет «единого стержня» и в рассказе А.Толстого; рассказы Зайцева и Бунина сделаны «очень небреж-

но» (Е.Лундберг, Зав., 1914, № 1). Содержание сборника — любовь к жизни, форма — новый художественный реализм, возникший в результате обогащения старого русского реализма (А.Дерман, Еж. Журн., 1914, № 3). У Шмелева даже смерть теряет свой «страшный образ», являясь «одним из необходимых звеньев в общем процессе жизни» (В.Кранихфельд, Совр. Мир, 1914, № 1, с. 270).

«Сирин». Сб. первый. СПб., 1913, тираж — 8100 (Ф.Сологуб «Очарования весны» (триолеты), Андрей Белый «Петербург» (гл. I и II), А.Блок «Роза и Крест», А.Ремизов «Цепь золотая»).

«Как и чем оправдать жизнь? Этим вопросом заняты и авторы-символисты...» А.Ремизов считает, что единственное спасение в «жалости людей друг к другу». Блок проповедует «страдание во имя страдания», забывая, что «человеку, идущему навстречу страданию, нужна цель», иначе пропадает «красота страдания» (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, Р. Бог., № 12). Ни триолеты Ф.Сологуба, ни символическая драма А.Блока «о великой мечте и великой любви» — не спасут «“Сирин” от какой-то странной ненужности», роман Белого «полосат и неровен, как и все творчество его автора» (Вяч.Полонский, Нов. Жизнь, 1914, № 1). «Петербург» Белого «нельзя считать приобретением в литературе» — как будто «бредешь в темном, беспросветном лесу» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 5 ноября). «Большой, серьезный талант у А.Белого, но что он делает с этим талантом? Он буквально надругается над ним...» «Роза и Крест» — «большая зрелость нежного, лирического таланта. Здесь тоже не жизнь, а покровы жизни, ее легенда, ее призрак» (В.Львов-Рогачевский, «Осенние сборники», Совр., № 12). А.Белый «жеманничает, вывертывается, кривляется, пренебрегая тем, что читатель его осудит», но смелость автора «не простирается на внутреннюю сторону изображаемого, все герои — сановник, революционер, провокатор и другие — всего лишь схемы (И.Игнатов, Р. Вед., 6 ноября). У Белого «печать вдохновения и мысли», при постоянном преобладании теоретика над художником (В.Кранихфельд, «В мире призраков», Совр. Мир, № 11)*. Форма драмы «Роза и Крест» «несколько книжная», в ней отражена «горечь пройденного романтического пути», это «интересная попытка соединить былую и прекрасную, конечно, литературную традицию с новым лирическим содержанием» (Б.Г[рифцов], «София», 1914, № 1). «При своей символично-

* Критические отзывы о романе Белого после отд. изд. см. настоящую Летопись, апрель 1916 г.

сти, драма великолепно обоснована психологически и дает впечатление живой и волнующей правды» (Л. Андреев, «Письма о театре», «Шиповник», кн. 22. СПб., 1914, с. 268). Блок будет служить примером «псевдосимволизма начала XX века», так как он далек от мистических переживаний истинного символиста. «Свое одиночество, свою отграниченность от души человеческой поэт надеялся победить культом Прекрасной Дамы — влюбленностью» (вплоть до драмы «Роза и Крест»), потом «нашел свое воскресение в любви к России». Цикл стихов «Родина» должен знаменовать собою разрыв поэта с «декадентством», но этот исход из пустыни одиночества на поля родины снова кончился душевным одиночеством». Единственный выход — «в действенной любви к человеку», но Блок, видимо, навсегда останется «поэтом влюбленности и поэтом страдания, поэтом розы и креста» (Иванов-Разумник, «“Роза и крест” (Поэзия Александра Блока)», Зав., № 10). Блок сейчас, «быть может, самый чуткий русский художник», помогающий «приобщиться великой тайны Радости-Страдания» и внушающий надежду, что «психологический кризис русской жизни уже повернул к разрешению и среди обстоящих нас вьюг загорелся новый крест» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 11). Драма Блока «зовет к страданию... Это ли не русское? ... Ремизовские сказы — тоже русские и тоже страдательные...» Стихи Сологуба «непривычно просты», но эта несложность к нему не идет (Е. Замятин, Еж. Журн., 1914, № 4). «Блок, который был поэтом влюбленности... становится, быть может, поэтом любви» и вызывает «не холодное признание заслуг, а живую любовь к себе» (В. Галахов, Р. Мысль, 1914, № 5). «Вдали от большой дороги четыре серьезных писателя издали альманах “Сирин”». Блок, Белый, Сологуб и Ремизов — «в этих именах заключена уже целая программа». Далее критик полемизирует с Ивановым-Разумником, утверждая, что Блок родился символистом и никуда от этого уйти не сможет, что символизм следует противопоставлять не декадентству, а натурализму. Беда Блока в том, что у него нет «веры», «церковности», «непосредственного ощущения связи с людьми». В «Розе и Кресте» нет прежнего мятежа, нет движения. «Это круг... сделанный не “от руки”, а циркулем». И потому «от него веет холодом» (Д. Философов, «Поэт и критики», «Речь», 18 ноября).

«Сейчас прочел Вашу статью в “Речи”, — писал Блок Философову 18 ноября. — Конечно, я не согласен с очень многим в ней (как все и всегда не согласны). Все равно — через все, нас разделяющее, хочу позвать Вашу руку...» (т. 8, с. 430).

3 ноября мать Блока писала М. П. Ивановой: «В “Вестнике Европы” вышла статья о Сашиной “Розе и Кресте”. Хвалебно

сверх меры. Профессор Адрианов написал... А в "Заветах" статья Разумника... Там блестяще, глубоко, мудро и красиво написано, что "Крест Блока, обвитый розами, стоит среди стеклянной пустыни". Статья большая о всей поэзии Блока. Если поверить, тяжело. Да есть утешение... Саша все говорит последнее время, что любит жизнь» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 423).

А.Серафимович — «Рассказы», т. V. М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 2500 («Чибис», «По родным степям», «В мышинном царстве», «Со зверями» и др.).

«Яркий, красочный, постоянно ищущий» художник с «неудержимой склонностью к темному и пугающему» ([Ф.Д.Крюков], Р. Бог., № 12, Нов. Кн.). Сборник выделяется «подлинной литературностью», но у автора «еще нет вполне выработанной своей писательской манеры» (Е.Колтоновская, Вест. Евр., 1914, № 1).

А.Крученых и В.Хлебников — «Слово как таковое». М., 1913, тираж — 300.

Пимен Карпов — «Пламень. Из жизни и веры хлеборобов». СПб., 1913, тираж — 2000.

Книга производит «удручающее впечатление», ибо показывает «вырождение и мерзость» «драгоценных народных качеств» — «жажды духовного совершенства и мистической высоты» (А.Столыпин, Н. Вр., 22 окт.). Свою ненависть Карпов вынес «из черносотенных недр мужицкой Руси»; это «дикарь с полупроснувшимся сознанием» с прививкой «яда городской полулитературной культуры модернизма» (Д.Философов, «Бред», «Речь», 14 окт.). «Много наглой развязности и клеветы в суждениях о русском народе и его религиозных исканиях» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], «Литературные мотивы», Совр. Сл., 17 окт.). И.Ясинский откликнулся двумя статьями: «С огромным поэтическим мастерством и искренним пафосом повествуется о целом ряде кровавых преступлений, совершаемых на дне нашей сектантской темноты». Во второй — возражал Философову: «Книга великой народной ненависти»; «сильный и страстный язык, в сравнении с которым бедный язык Андрея Белого кажется лепетом» («Костомаров, Хвольсон, Пимен Карпов и сатанаилы», «Обреде», Бирж. Вед., 10 окт. (веч. вып.), 17 окт.). Книга «литературно бесформенна», при попытках подражания «Серебряному голубю» Андрея Белого. «Пусть это приложится к "познанию России": лишний раз испугаемся... Кровь и огонь могут заговорить, когда их никто не ждет. Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть

более страшной» (А. Блок, «Пламень», «День», 28 окт.). Карпов принадлежит к «выходцам из народных низов», подобно М. Сивачеву и др. «Сознательно или бессознательно» они являются сторонниками «махаевщины». Крупицы подлинного народного языка и знания тонут «в хляби детского декадентства» (подражание А. Ремизову и Андрею Белому) (Иванов-Разумник, «Жертвы вечерние», Зав., № 11). Книга напоена «горячим призывом к актуальности, страстной мольбой о чуде». Несколько лет назад П. Карпов выпустил книгу «Говор зорь», направленную против интеллигенции и одобренную Л. Толстым (В. Кранихфельд, «В мире призраков», Совр. Мир, № 11). Среди русских сектантов нет ни «сатанаилов», ни «людоедской морали» (В. Бонч-Бруевич, «Новый ритуалист», Киев. Мысль, 27 окт.). «Памфлет, направленный на обличение темных сторон русского сектантства» (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 1914, 1 янв.). «Весьма грубое подражание» «Навным чарам» Сологуба; «сцены сладостно-жестокоего экстаза служат автору для аллегорического выражения психологии мужиков». Автор прислал свою книгу в редакцию с надписью: «На суд в народническом “Русском богатстве” правдивый и милостивый». Одновременно он послал «Пламень» в «Новое время» с письмом (опубликованным в газете), где идет речь о том, что «русская интеллигенция, оторванная от родной почвы», ведет Россию к гибели. «Каждому свое по надобности» ([А. М. Редько], Р. Бог., № 11, Нов. Кн.). Книга «подлинная, не фальшивая»; в ней чувствуется «что-то стихийное» (В. Станч [В. Б. Станкевич], Совр., 1914, № 1, с. 144).

12 октября П. Карпов писал А. А. Блоку: «На свой “Пламень” я смотрю... как на русскую крестьянскую Библию...» После прочтения статьи Блока: «Спасибо Вам великое, что поняли душу мою» (А. Блок. Исследования и материалы. Л., 1991, с. 260, 262).

26 сентября — 29 октября в Киеве рассматривалось «Дело Бейлиса», вокруг которого развернулась борьба между реакционерами-охранителями и всей демократической печатью. 28 октября Горький писал И. П. Ладыжникову: «Мучительно переживаю процесс Бейлиса... Но в костре гнева и тоски, стыда и обиды есть уголек надежды: а что, как эти 12 мужичков скажут: нет, не виновен!? Вы представляете, какой это будет праздник на нашей — демократической — улице?» (т. 29, с. 316–317). 28 октября присяжные оправдали невиновного. В. Г. Короленко, присутствовавший на процессе в качестве корреспондента, был встречен овацией молодежи, окружавшей здание суда (т. 10,

с. 497—498). «Русское слово» поместило отклики писателей. Д.Мережковский: «Невиновный оправдан», но с народа «не снята страшная, зыбкая и злая тень» (29 окт.). Д.Философов: борясь с «кровавым наветом», русское общество стоит на страже своей культуры (29 окт.). А.Куприн: «Серые присяжные заседатели оказались на высоте...» (30 окт.). В.Вересаев: «Всего же радостней за обнаружение полнейшего бессилия всесильных» (30 окт.). И.Бунин: не русский народ затеял это «средневековое дело» и удастся ли «двойственностью приговора» воздействовать на него — «еще большой вопрос» (30 окт.). М.Горький: «Голос совести простых людей сказал миру: “Русь не повинна в этой клевете”» (31 окт.). По этому поводу А.Бурнакин негодовал: «Не один Короленко продался Сионскому бесу... в еврейской кабале положительно все выдающиеся писатели нашего времени... от Михайловского до Елпатьевского», в том числе Андреев, Бунин, Вересаев, Мережковский («Еврейский гуманизм», Н. Вр., 1 ноября). «Русское слово» (29 окт.) опубликовало заметку «Счет по делу Бейлиса за 34 дня процесса»: редакторов арестовано — 6, привлечено к суду — 8, конфисковано газет — 29, брошюр — 6, закрыто газет — 3, оштрафовано — 43 (на сумму — 12850). В.Розанов и М.Меньшиков активно участвовали в кампании «Нового времени» против «еврейских янычар» (так называлась одна из статей М.Меньшикова, Н. Вр., 6 окт.). Розанов, «как зверь из бездны», выволок на страницы «Нового времени» все свои знания еврейской религии для того, чтобы доказать существование ритуальных убийств (Ал.Ожигов [Н.П.Ашевцов], «В низах хамства», Моск. Газ., 22 ноября).

2 ноября С.Д.Протопопов записал в дневнике: «Наташа [дочь А.Д.Протопопова] в день оправдания Бейлиса звонила к Пурिशкевичу. Он сказал: “Да! оправдали!.. Теперь надо бы погром устроить и начать его с этих присяжных”. Звонила Наташа и к Розанову. Он сказал, что “жида истратили на дело 3 млн. ”» (РГАЛИ, ф. 389, оп. 1, ед. 42).

16 ноября А.В.Амфитеатров писал Горькому: «От вердикта по делу Бейлиса я... не в восторге... Бейлис выскочил и шкуру спас, а ритуал, как в дореформенном суде, оставлен в подозрении. Что тут радостного? Сейчас Герм.Ал. [Лопатин] окончательно отнял у меня всякое довольство сообщением, что... голоса присяжных поделались 6 против 6, “что, как известно, обращается по закону в пользу подсудимого”. Так что умиляться великою правдою, живущею в душе русского серого человека, тоже не погодим ли? При том-то страшном напряжении спасательной энергии, которое явила русская интеллигенция, запрыгавшая в это дело от мала до велика, — такой ничтожный результат!» (ЛН, т. 95, с. 445).

Ноябрь

М. Горький — «Детство» (Р. Сл., 10, 17, 24 ноября).

С. Сергеев-Ценский — «Лерик» (из романа «Красота») (Совр. Мир, № 11).

Б. Зайцев — «Грех» (Вест. Евр., № 11).

«Изображение опошления и падения по существу недурной русской души» (А. Измайлов, «Грех деревни в городской обделке», Бирж. Вед., 1914, 30 янв.).

А. Серафимович — рассказ «На ночлеге» («Речь», 17 ноября).

А. Блок — «К Музе» («Есть в твоих глубинах сокровенных...») [Ранняя редакция стихотворения] (Р. Мысль, № 11); «Осенний вечер был...» (Сев. Зап., № 11).

К. Бальмонт — цикл стихотворений «Круглый год» (Зав., № 11).

В. Брюсов — цикл стихотворений «У северного моря» (Р. Мысль, № 11).

3 ноября в Петербурге, в Тенишевском училище, состоялась лекция Д. Бурлюка «Пушкин и Хлебников», носившая «бранно-полемический» характер: «Пушкин устарел... Совсем не то Хлебников. Это мощный, необычный, колоссальный, гениальный поэт». «В сослужении» участвовали Крученых, Маяковский в желтой кофте и другие. «Настроение залы изредка протестующее, часто добродушно-насмешливое и веселое, но временами и явно сочувственное» («Речь», 4 ноября).

5 ноября в Петербурге К. Чуковский повторил лекцию «Искусство грядущего дня (русские поэты-футуристы)», на которой с возражениями выступали В. Маяковский, А. Крученых и др. «“Только та поэзия демократична, которая разрушает старую психологию плоских лиц и душ. Вашу старую парфюмерную любовь мы разбили!..” — восклицает Маяковский». Крученых прочел пародию: «Чуковский-пристав, Занялся читкой И ловкий, прыткий, Носат, неистов, Из голенища берет узду...» («День», 8 ноября).

В тот же вечер Маяковский выступал в бурных прениях по докладу С.Глаголя «О новейших течениях в современной живописи» (Катанян, с. 86).

К. Чуковский — «Русские футуристы» (Р. Сл., 19 ноября): «О, лакированная, парфюмерная, будуарно-элегантная душа!» — писал критик об Игоре Северяnine, — но «под вульгарной личиною сноба, царственный властный поэт». Явился он не вовремя: «Ведь нынче в моде, напротив, пещерность, звериность, дикарство; поэты из сил выбиваются, как бы позвернее рывкнуть». «Нынче даже тонкие эстеты-парнасцы... основали секту адамистов, первобытных, первозданных людей». «А московским кубо-футуристам нечего больше и сбрасывать. Они уже все с себя сбросили: букву ять, грамматику Кирпичникова, логику, психологию, эстетику, членораздельную речь, — визжат, верещат по-звериному». Василиск Гнедов продемонстрировал «смерть искусству», напечатал «Поэму конца» — просто белый лист бумаги. Единственная пока заслуга футуристов — приобщение к поэзии «городских речений, доселе презираемых как вульгарность».

6 ноября В.Я.Брюсов пишет Ан.Н.Чеботаревской: «...наши футуристы, на которых я возлагал столько надежд, занимаются поношением Пушкина, а наш общий друг К.Д.Бальмонт больше времени отдает маорийцам, чем своим чудесным, былым, напевам! Будет или не будет “Глашатай”, но создать журнал, прежде всего посвященный литературе и особенно поэзии, не кружковский “Гиперборей”, а новые “Весы”, это — насущная задача писателей наших дней» (ЛН, т. 85, с. 704).

8 ноября М.В.Нестеров пишет А.А.Турыгину о Свободном театре К.А.Марджанова: «Некий помещик, “любитель комедийного действия”, и обремененный миллионами... кликнул клич, и все, кому в жизни не хватало лишь одного — денег, собрались на клич и стали тешить хорошего барина. Сомов сделал из разноцветных шелковых лоскутов занавес с “арлекинами и Коломбинами” (ну, как же без них нам обойтись!)... Поставили, между прочим, и “Елену Прекрасную”... Первое действие — стилизованная (по вазам) Греция. Цвета — белое, черное, коричнево-красное. Красиво, но анафемски скучно... Второе действие... переносит зрителя в век Ватто, искусно и красиво поставленный Сомовым. Все действие происходит на кровати, гигантской кровати, и около нее... 3-е действие — современность, наши дни, карусель и на ней все герои “Сатирикона”... Вот как мы в Москве веселимся!» (Письма. Л., 1988, с. 253–254).

11 ноября в Политехническом музее вечер «Утверждение русского футуризма» с докладом Д.Бурлюка о современной критике и В.Маяковского — «Достижения футуризма». Затем читали стихи Д.Бурлюк, Н.Бурлюк, В.Маяковский, В.Хлебников и В.Каменский (Р. Вед., 12 ноября).

13 ноября в газете «Речь» появилось «Письмо в редакцию» о выходе ряда сотрудников из «Нового журнала для всех» в связи с переходом его к издателю-националисту А.Л.Гарязину. Письмо подписали Л.Андреев, М.Арцыбашев, Д.Айзман, С.Городецкий, Б.Зайцев, А.Куприн, А.Каменский, Н.Морозов, В.Муйжель, Ф.Сологуб, А.Свирский, Ал.Н.Толстой, Е.Чириков, Г.Чулков, С.Юшкевич и другие.

15 ноября в Литературном обществе, в Петербурге, под председательством С.А.Венгерова состоялось обсуждение доклада М.П.Неведомского об идеологии в литературном творчестве. С возражениями выступал Е.В.Аничков, «доказывая неосновательность утверждения, будто идеология буржуазии исчерпала себя», — в России не исчерпана даже дворянская идеология. В новейших формах модернизма «более ярко отражаются демократические тенденции века, чем в проповеди классовой литературы» («Речь», 16 ноября).

Среди петербургских литераторов возникла мысль о создании Всероссийского общества беллетристов и поэтов. На первом заседании избрана комиссия для разработки проекта устава («Новое литературное общество», «Речь», 15 ноября).

17 ноября в «Русском слове» появилась статья Д.Философова «Почетный легион», в связи со скандалом 8 ноября в «Бродячей собаке», где чествовали К.Бальмонта. Ф.Сологуб с группой лиц выразили в печати негодование по адресу тех, кто не сумел обречь Бальмонта от оскорблений. С.Городецкий, напротив, защищал честь «Бродячей собаки» и звал Сологуба на третейский суд. Обе стороны забыли о «гражданских исках» — русском обществе и русской литературе. В писательской среде, которая должна быть «огнеупорной», «катастрофы» и «мордобой» становятся «основным законом».

В ноябре Н.А.Клюев писал А.А.Блоку: «Нет, уж лучше рекрутчина, снохачество, казенка, чем “Бродячая собака”... Я теперь узнал, что к “Бродячей собаке” и к “Кривому зеркалу”, и к Бурлюку можно приблизиться только через грех... Я по способности своей быть “всем для всех” пожил два месяца Собачьей

жизнью, пил даровой коньяк... принимал ласки раздушенных... мужчин и женщин... Из них были такие, которые чуть не лизали меня. И ни одной души не выискалось спросить о моей жизни, о моем труде, о матери!..» (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 518).

22 ноября в Петербург приехал Э.Верхарн. Для встречи поэта была организована комиссия (Ф.Батюшков, С.Венгеров, Д.Мережковский, Д.Философов, В.Львов-Рогачевский). 24 ноября в своей лекции Верхарн говорил о многогранном великолепии мира: человека и природы. 25 ноября в Hôtel de France, где остановился Верхарн, был организован банкет в его честь под председательством М.М.Ковалевского. Ф.Д.Батюшков в приветствии от Литературного общества охарактеризовал творчество бельгийского поэта. Д.С.Мережковский приветствовал «великого пророка будущего, титанического поэта надежды, вестника вечных "Зорь"» («Речь», 22–26 ноября). С 27 ноября по 12 декабря Верхарн пробыл в Москве. Как вспоминал впоследствии В.Брюсов, удивлялся богатству собраний С.Щукина и И.Морозова, посетил Хитровку, читал лекции-импровизации («Верный до конца (Эмиль Верхарн)», Р. Вед., 1916, 17 ноября).

9 и 30 ноября в помещении редакции «Аполлона» состоялись собрания Ревнителей художественного слова. К прежнему составу совета (А.Блок, В.Брюсов, Ф.Ф.Зелинский, Вяч.Иванов, С.Маковский) доизбраны Н.Гумилев, Н.В.Недоброво и В.Чудовский. На заседаниях присутствовали А.Ахматова, О.Мандельштам, Н.Гумилев, читавшие свои стихи. «Особенно продолжительные прения вызвало чтение Н.Гумилевым одноактной драмы "Актеон"» (Апол., 1914, № 1–2).

А.Дерман — «В.Г.Короленко» (Зав., № 11). При обширной популярности критическая литература о Короленко бедна в сравнении с литературой о Чехове, Горьком или Л.Андрееве, потому что он вызывал не споры, а «идейное сочувствие» и «не столько прокладывал новые дороги, сколько углублял старую, социальную, традиционно гуманную колею».

Редакция сделала сокращения в статье, вызвавшие протест автора (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 24, ед. 12).

Д.Философов — «Тяга к театральности» (выставки «Мира искусства») («Речь», 13 ноября). «Мир искусства» превратился в «Мир театра», так как декоративное искусство, благодаря инициативе С.П.Дягилева, стало «предметом вывоза». Русской де-

мократии «пока что не до искусства», а «утонченное искусство модернизма» не демократично.

Н.Пунин — «Пути современного искусства (по поводу “Страниц художественной критики” С.Маковского)» (Апол., № 9, ноябрь). Импрессионисты (вместе с Сезанном и Ван Гогом) «знаменуют собою не возрождение», как думает Маковский, «а потерю чувства искусства» и его традиций; они создали «формализм в искусстве» и предопределили появление нынешних «диких».

С.Маковский — «Ответ Н.Пунину» (Там же). Опровергает «обвинительный акт импрессионизму», хотя «полоса французского новаторства XIX–XX в. грешит духовной бессодержательностью».

«Ошеломительная» статья Пунина может быть принята «за истерический крик»: слишком много в ней «недоразумений» и «грубейших выхолок по адресу современности». «Любить прошлое из ненависти к настоящему» — это «мертвая традиция», «умерщвление чувства жизни». «Ответ» С.Маковского «слишком бледен и неубедителен» (Б.Эйхенбаум, Р. Мысль, 1914, № 1, отд. III, с. 23).

Я.Тугендхолд — «Современное искусство и народность» (Сев. Зап., № 11). Утверждение С.Маковского об «одичании» современного искусства опровергает ретроспективная выставка Н.Гончаровой — «сконструированная биография всего современного русского искусства». Художники, вслед за передвижниками, «влюбились в... народную картинку, в надежде обрести твердую родную почву под ногами».

М.Волошин — «М.С.Сарьян» (Апол., № 9, ноябрь). «Хотя искусство Сарьяна отражает Восток», он не ориенталист, не «коллекционер экзотических редкостей». Романтик, он «многим обязан импрессионизму и, в частности, Гогену», основной его принцип — упрощение рисунка и цвета.

Д.Мережковский — «Как В.Розанов пил кровь» («Речь», 20 ноября). По поводу статьи Розанова «Напоминания по телефону» (Н. Вр., 18 ноября): «Метафорическое кровопийство Розанова давно уже всем ведомо. Но вот оказывается, что он мечтает и о кровопийстве физическом». Призывает «обуздать Розанова». На ту же тему статья В.Д.Набокова «Неожиданная исповедь» («Речь», 20 ноября).

А.Ожигов [Н.П.Ашешов] — «Беллетристика правого стана» (Совр., № 11). «Правый стан до убогости беден какими бы то ни

было идейными силами», особенно это заметно в художественной литературе (И. Родионов «Наше преступление», С. Фонвизин «Две жизни», кн. Голицын-Муравлин «Святыни» и т. п.). Все они провозглашены в охранительной печати «первоклассными художниками»: «грубо, топорно, ни с чем, кроме начальства, не считаясь, они намазали свои нелепые фигуры благонамеренных героев, спасителей отечества, оплот и надежду страны, радость и счастье родины».

Ив. Бунин — «Иоанн Рыдалец. Рассказы и стихи 1912–1913 года». М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 2500* (с эпиграфом из И. Аксакова: «Не прошла еще древняя Русь...»).

Книга «так богата содержанием, так полна интереса!» Бунин «цепко держится за корни жизни и, питаясь их целебными соками, продолжает неизменно расти в своем здоровом творчестве, сближающем его чеканные произведения с лучшим наследием наших классиков» (Вл. Кр[анихфельд], Совр. Мир, № 11). «Бунин никогда не изменял реализму и не искал для себя путей вне его». «Все же в крестьянских корнях есть для Бунина какие-то свежие, прочные точки, на которые можно опереться», «зато дворяне бунинские — совершенно отпетые, выродившиеся, безнадежные...» Но с наибольшим беспристрастием изображены «жадные покупатели “Вишневых садов”» (Е. Колтоновская, «Речь», 25 ноября). «Не одни зверства, не одну бесчувственность деревни изображает г. Бунин. Есть в крестьянине внутренний мир, есть склонность к обобщению таинственных явлений природы, есть своеобразный мистический уклон» (И. Игнатов, Р. Вед., 6 ноября). Бунин видит в жизни «только отрицательное и скверное», «отвернувшись от всего радостного и светлого» (Н. Г[еккер], Од. Нов., 5 ноября). «Точность рисунка, разнообразие красок» при «холодной художественно-регистрационной» манере, которую «фактами и статистикой не опровергнешь». Все те «зверства и жестокости» деревни, которые изображены Буниным, не им открыты, они есть и у Чехова, но там была «правда в фоне», а у Бунина ее нет ([А. Б. Дерман], Р. Бог., 1914, № 2, Нов. Кн.). У Бунина отсутствует риторика и банальность; есть не только лирика, но и «доподлинный, давно желанный эпос» (А. К., Сев. Зап., 1914, № 4).

М. Горький писал Д. Н. Семеновскому: «Чтоб понять, что такое Клычковы, какие они еще мальчики, сравните их стихи со стихами хотя бы Бунина, взяв его последнюю книгу “Иоанн Рыда-

* По «Книжной летописи» проходит 9–16 декабря.

лец»; посмотрите, какая строгость, серьезность, какая экономия слова и любовь к нему» (т. 29, с. 315).

Ал.Н.Толстой — «Рассказы», т. III. М.: Кн-во писателей, 1913, тираж — 2500.

Образы минувшего даны автором «не эпически, а с каким-то привкусом кошмарной тревоги, как если бы это были видения мира умершего, но воскрешенного». Кроме «живых мертвецов», в рассказах Толстого встречаются «умирающие» и «болящие», которые, кроме брезгливости, вызывают к себе и жалость; по-видимому, общий признак персонажей А.Толстого — это «позиция вне жизни» ([А.Б.Дерман], Р. Бог., 1914, № 2, Нов. Кн.). Талант А.Толстого, главным образом, «талант словоохотливости», «психологический рисунок героев, радуя нас подчас своеобразием и живостью, не обретал значительности формулы... На ступень великого синтеза, — следуя за гр. Ал.Н.Толстым, мы не вступали ни разу» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., 1914, № 1).

«Стихи Нелли». С посвящением Валерия Брюсова. М.: «Скорпион», 1913, тираж — 500. Сборник этот — литературная мистификация В.Брюсова, хотя в письме в редакцию («Речь», 28 ноября) он отказался от авторства.

Для современников это было «секретом Полишинеля». «Стихи Нелли», писал С.Городецкий, продают в книжных магазинах как книгу Брюсова. «Искренно похвалив Игоря Северянина, В.Брюсов вполне последовательно сам начинает писать стихи, как И.Северянин»: «Нелли, что за встреча! — Граф, я очень рада... Шоколад и рюмка трипль-сек-куантро...» («Речь», 25 ноября). «И почти на каждой странице... чувствуется дверь в другой, настоящий мир, куда так хорошо убежать от... кошмаров повседневности» (Н.Гумилев, «Письма о русской поэзии» (Апол., 1914, № 1-2)). «Поэтесса близко подходит к футуризму, как к поэзии современности», «лучше всех сумела... найти свои женские слова» (Н.Львова, «Холод утра», сб. «Жатва», кн. 5, М., 1914).

В.В.Розанов — «Среди художников». СПб.: тов. А.С.Суворина, 1914, тираж — 2400 (О Нестерове, Малявине, Репине, П.Трубецком, Голубкиной, Шаляпине, А.Дункан, О.Уайльде, Ибсене, Гауптмане, Гоголе, Пушкине, Л.Толстом и др., а также статьи памяти В.Ф.Коммиссаржевской и И.В.Цветаева).

На всю эту «дребедень» читатель должен ответить «бойкотом» (Ал.Ожигов [Н.П.Ашешов], «В низах хамства», Моск. Газ.,

22 ноября). «С обычной своей бесцеремонностью», «достойный потомок» Смердякова «собрал в громадный том всякого рода хлам, печатавшийся на страницах “Нового времени”» (А.О. [Н.П.Апешов], «Речь», 11 ноября). В книге слишком много «личного», что «неуместно» и «неприятно» (С., «День», 2 дек.). При чтении «забываешь... о случайности статей и ничтожности поводов их написания», а только «любуешься... соображениями», «намеками, капризными и в то же время непреодолимо покоряющими», и «единственным сейчас по художественности языком» (А.Диесперов, «София», 1914, № 3). «Целая энциклопедия современного искусства! ... внимательные, вдумчивые характеристики, оживленные пафосом впечатлительного импрессионизма» (Э.Голлербах, «Среди коллекционеров», 1922, № 2, с. 37–38).

К.Бальмонт — «Край Озириса. Египетские очерки». М.: изд. М. и С.Сабашниковых, 1914, тираж — 3000.

А.Крученых — «Чорт и речетворцы». СПб., 1913, тираж — 1000.

Декабрь

М.Горький — «Детство» (Р. Сл., 1, 8, 15, 22 и 29 дек.).

Ив.Бунин — «Чаша жизни» (Вест. Евр., № 12).

«Это очень горькая и вполне отравленная чаша, в духе этого писателя... Все суета сует и ничего нет прочного и действительного, стоящего наших мучений...» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 24 дек.).

А.Блок — «Россия» («...То над степью пустой загорелась / Мне Америки новой звезда!») [«Новая Америка»] (Р. Сл., 25 дек.).

В.Брюсов — «На берегах Саймы» (3 стихотворения) и повесть «Обручение Даши. Сцены из жизни 60-х годов» (Р. Мысль, № 12).

В повести Брюсова «из эпохи шестидесятых годов — шестидесятых годов совсем не чувствуется» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1913 году», Зав., 1914, № 1, с. 94).

А.Серафимович — рассказ «На приеме» («Речь», 30 дек.).

Ив. Вольный — «Юность», ч. I (Третья книга «Повести о днях моей жизни») (Зав., №№ 9–12). Повесть печаталась с большими цензурными купюрами.

Автор изображает новые настроения деревни 1905 г. и те поиски правды и новых «правов», которые приводят героев в полицейский участок, где их избивают (Н.Г[еккер], Од. Нов., 13 дек.).

В № 12 «Современного мира» напечатаны рассказы: «Волчий пережат» Ив. Шмелева, «Тараканья щель» А. Куприна, «Две ночи» А. Серафимовича, стихотворения Ив. Бунина, И. Эренбурга.

Рассказ Шмелева выделен А. Дерманом («Среди журналов», Еж. Журн., 1914, № 3).

В «Гиперборее» (№ 9–10, ноябрь–дек.) напечатаны: А. Ахматова — цикл «Восьмистишия»; Н. Гумилев «Леонора», «Снова море», «Отъезжающему»; О. Мандельштам «Анне Ахматовой», «Бах», «Мы напряженного молчанья не выносим...»; М. Лозинский «Воскресшая» (Анне Ахматовой); статьи Н. Пунина, В. Шилейко и др.

2 декабря в Петербурге, в Луна-Парке, состоялось первое представление трагедии В. Маяковского «Владимир Маяковский»; автор ставил спектакль и исполнял главную роль. Художники П. Филонов и И. Школьник.

«Юный энтузиазм» публики обращен теперь к футуризму. Один из «смехачей» — В. Маяковский в своей трагедии «вызывает смех, приглашая к издевательствам над собой. Это крайне унижительное для человеческого достоинства зрелище» (Д. Левин, «Речь», 1 дек.). «С высоко поднятой головой явился на сцену в прологе Вл. Маяковский... и обратился к публике с просьбой “заштопать ему душу”... Переполнившая театр публика встретила обращение поэта оглушительным хохотом... В пьесе есть счастливые места. Автор, несомненно, талантлив, но, к сожалению, никакой новизны, никакого бунта здесь не было». Все это уже было у Коммиссаржевской и Мейерхольда в «Балаганчике» («Футуристическое действие», Р. Сл., 4 дек.). Газеты называли футуристов «людьми наглыми и сумасшедшими», но «никакой наглости, тем более безумия, не было в спектакле». У «футуристического поэта и вместе представляльщика» «были дурные манеры и фальшивый тон актера “новой школы” [Мейерхольда]», в спектакле были собраны «все театральные выдумки последних лет», актеры носили перед собой картонные фигуры. В целом

это — «настоящий новый модернизм для велосипедистов» (П.Ярцев, «Театр футуристов», «Речь», 7 дек.).

К. Чуковский — «Тоска по скандалу» (Р. Сл., 3 дек.). «Что же нам и нужно теперь, в нынешнем нашем искусстве, как не катастрофа, не взрыв, чтобы смести, истребить все эти дряблые рифмочки, ритмочки, игрушечные фокусы-покусы мелкодушных эпигонов-эклектиков, последышей модерно-символизма. Потому все так и кинулись к этим Маяковским, Бурлюкам, что возжаждали бурь и костров...» «Вот Маяковский — кликуша, проклиная, горластый... но взгляните: это лишь симулянт сумасшествия, транса, а не деле кропотливый шлифовальщик мозаически-склеенных образов, такой же эпигон модернизма... А больше и нет ничего. О Крученых даже говорить невозможно: это просто пронирыливый ноль, а Хлебников, подававший надежды, уже давно — графоман непробудный, старчески унылый, беспросветный. Так и пропадает футуризм. Пропадает зря, неиспользованный».

7 декабря, в Петербурге, в Тенишевском училище, состоялась лекция В.А.Пяста «Поэзия вне групп»; лектор «с большой похвалой говорил о поэтах Анне Ахматовой, О.Мандельштаме и И.Северянине» («Речь», 9 дек.). И.В.Евдокимов записал 7 декабря в дневнике: «Пришел с лекции Пяста. Народу было мало... Пяст прочел довольно бессвязную лекцию. Самыми крупными, свежими из молодых назвал А.Ахматову, О.Мандельштама и Игоря Северянина... Но мне положительным кошунством казались чрезмерные похвалы О.Мандельштаму. Пяст упорно противопоставлял А.Блоку Мандельштама и было видно, как Пяст считает Мандельштама поэтом гораздо крупнейшим, чем А.Блок. Это кошунство прямо... Пяст, разбирая футуристов... пришел к выводу, что новое футуристы дали только в том, что (ссылался на книжку «Слово как таковое» [А.Крученых]) резко пришли к разграничению формы от содержания, слова от смысла, что, мол, гора родила мышь, называл... футуристов варварами... предостерегал, примирялся, и в конце концов В.Маяковский, А.Крученых, Б.Лившиц, Василий Каменский, В.Гнедов, Н. и Д.Бурлюки (люди большого темперамента) оказались людьми талантливыми, но, мол, все же настоящая и подлинная поэзия находится «вне групп...» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 426). 14 декабря Ал.Н.Чеботаревская писала Вяч.Иванову: «Пяст расшаркался пренелепо перед футуристами и пренесправедливо!» (Там же, с. 427).

9 декабря в Москве, в Литературно-художественном кружке, В.М.Фриче прочел лекцию о футуризме, представив его в расширенном виде как «поэзию мощной и нервной городской жизни, поэзию промышленного труда, успехов техники, поэзию космического чувства вселенной» (родоначальник — У.Уитмен). «Новая поэзия достигнет мощного рассвета, выставив на своем знамени интересы и идеалы широких народных масс» («Лекция о футуризме», Р. Вед., 10 дек.).

«А что если так: — записал Блок 10 декабря. — Пушкина начали *любить* опять *по-новому* — вовсе не Брюсов, Щеголев, Морозов и т.д., а... *футуристы*... Брань во имя нового совсем не то, что брань во имя старого, хотя бы новое было неизвестным (да ведь оно всегда таково), а старое — великим и известным. Уже потому, что бранить во имя нового — *труднее и ответственнее*» (Зап. Кн., с. 198).

«В поисках доходных тем для благотворительных сборов петербургская учащаяся молодежь всего охотнее прибегает в последнее время к футуристам». 10 декабря орловское землячество организовало лекцию Н.И.Кульбина, который заявил, что в нынешнем сезоне уже состоялось 40 лекций о футуризме («Диспут у футуристов», «Речь», 11 дек.).

В декабре Саша Черный писал Горькому: «...я попал в число безработных — ибо мне нигде не позволяют быть тем, что я есть, — т.е. собой. “Одесские новости” требовали — веселости, “Современный мир” — стиля Демьяна Бедного, Ляцкий [редактор “Современника”] предложил мне в свое время писать рецензии в стихах — и т.д. до бесконечности... Приходят разные господа и говорят о футуристах — так же горячо, как месяц назад говорили о Бейлисе» (Горький и его эпоха. Вып. 2. М., 1989, с. 27–28).

12/25 декабря Андрей Белый писал Иванову-Разумнику из Берлина о романе «Петербург»: «...В замысле моем виделись мне черты, абсолютно несоизмеримые с бытом, революцией и т.д. ...Революция, быт, 1905 год и т.д. вступили в фабулу случайно, невольно, вернее — не революция (ее не касаюсь я), а *провокация*...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 35).

12 декабря в Литературно-художественном кружке отмечалось 40-летие литературной деятельности С.Д.Дрожжина. На

фоне акмеистов, футуристов, кубо-футуристов — деревенские песни празднуют свой юбилей, не «изыски», а «краюха хлеба», — писал С. Яблоновский. В банкете в честь юбиляра приняли участие И. А. Бунин, Вл. И. Немирович-Данченко, Н. Д. Телешов, И. Шмелев, П. Н. Сакулин, И. А. Белоусов, А. Е. Грузинский. От Короленко была получена приветственная телеграмма (Р. Сл., 11–13 дек.).

13 декабря в Литературном обществе, в Петербурге, состоялся доклад В. В. Водовозова о правительственном законопроекте о печати в связи с работой думской комиссии. «Новый законопроект о печати еще более ухудшает положение ее, создавая контрольные сроки, ограничения в праве быть редактором, тяжелые судебные кары и т. п.». Избрана комиссия, которая должна представить доклад о недостатках законопроекта, — В. Д. Набоков, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, В. В. Водовозов и другие («Речь», 14 дек.).

15 декабря — очередной поэзо-концерт Игоря Северянина. «Публика самая разнообразная. Старухи и девки, богачи и нищая молодежь, аристократы и мешане... Интересуются же *озорством*. А какое колото еще выкинут?! И, прежде всего, расположены смеяться...» (С. Кондурушкин, «“Публика” и “футуристы”», «Речь», 16 дек.). «Поэт современной культуры», «он несется с быстротою американского экспресса, очарованный, опьяненный, жадно вкушающий все» (Н. Подгут, «Игорь Северянин и его поэзо-концерты», Од. Нов., 22 дек.).

26 декабря С. Н. Сергеев-Ценский написал Л. Я. Гуревич: «А что касается молодых сил, то, право, не знаю: я очень уж далеко стою от всякой молодежи и от людей прочих возрастов. В “Заветах” помню некоего Замятина, но по одной его вещи [“Уездное”] не берусь судить, станет ли он писателем» (Ежегодник РО ПД на 1975. Л., 1977, с. 195).

Л. Клейнборг — «Максим Горький и читатель низов» (Вест. Евр., № 12). В отчетах библиотек обычно констатируется, что на первом месте по читательскому спросу стоит А. Вербицкая (впереди Л. Толстого) и спорит с ней один А. Амфитеатров. Однако по отчетам рабочих обществ «Наука» и «Знание» на первом месте везде М. Горький, затем Чехов, Л. Толстой.

С. Я. Елпатьевский — «Срам (Дело Бейлиса)» (Р. Бог., № 12). Процесс обнажил «истинную сущность националистического

знамени», количество и качество собравшихся под ним («Новое время», «Земщина», «Русское знамя», «Двуглавый орел» и т. п.). Коренная Россия присылала приветствия защитникам Бейлиса.

«Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н.Страховым» (Совр. Мир, №№ 1-12).

Обманутый «религиозной оболочкой» учения Толстого, писал В.В.Розанов, Страхов не сразу понял, что оно по сути продолжение «старого нигилизма» 60-х гг., разрушающего христианство; для Толстого же нигилисты — «идеалисты по душе», справедливо отрицающие «теперешнюю действительность» (Н. Вр., 24, 28 ноября, 4 дек.).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 22. СПб., 1914, тираж — 8300 (Л.Андреев — пьеса «Каинова печать (Не убий)»*, К.Чуковский — статьи «Эго-футуристы и кубо-футуристы» и «Образцы футуристических произведений», Ф.Сологуб — пьеса «Любовь над безднами», Л.Андреев — «Письма о театре»).

Статьи К.Чуковского развивали его прежние высказывания о футуризме. Новым было отделение от футуризма И.Северянина как модернистского эклектика. Эго-футуризм кончился, «его пожрал, проглотил целиком кубо-футуризм». Почему именно сегодня современные художники возлюбили «уродство, какофонию, какие-то шиши и пощечины» и т.п.? Заумный язык — это до-язык, докультурный, доисторический. Московские «будущники» ищут свои сюжеты в эпохе каменного века». «Изо всех российских футуристов еле-еле нашелся один урбанист, да и то косноязычный заика, хотя далеко не бездарь» (Маяковский). «Он им чужой совершенно, он среди них случайно... К тому же город для него не восторг... а распятие, Голгофа, терновый венец...» У Хлебникова есть удачи («Смехачи» и др.), однако в результате он освободил слово и стих от разума; вслед за разумом футуризм сверг красоту и культуру.

Л.Андреев в «Письмах о театре» утверждал, что кинематографу суждено освободить театр «от великого груза ненужностей», прежде всего от плоского натурализма, от внешнего действия. Новым героем театра будет интеллект, «новый театр будет исключительно театром „панпсихизма“».

* Репетиции пьесы Андреева в Александринском театре были прекращены, так как в старце Феофане усмотрели намерения Григория Распутина. Пьеса была поставлена в Московском театре К.Незлобина.

Пьеса Л. Андреева написана «о русской душе, с ее падениями и восстаниями, с ее бездонными провалами, с ее затаенным мистическим безумием» (С. Кречетов [С. А. Соколов], «Рампа и жизнь», № 52, дек.). «Л. Андреев никогда не подходил так близко к трудной теме человека, не знающего, что такое совесть» (Е. Лундберг, Зав., 1914, № 2). В пьесе Сологуба пересмотр положений «Заложников жизни». По статье Чуковского нельзя понять, как он сам относится к футуризму ([А. М. Редько], Р. Бог., 1914, № 2, Нов. Кн.). «Похоже на происшествие из уголовной хроники, одобренное чисто андреевской приправой», недостает «умственного багажа, который необходим даже гению» (Н. Г. [Н. Л. Геккер], Од. Нов., 1914, 6 янв.). «Статья Чуковского все-таки лучшее, что было написано о футуристах», хотя «начал он комплиментами да реверансами, а кончил заправской панихидой» (В. Полонский, Нов. Жизнь, 1914, № 1). У Л. Андреева «доброе желание хоть несколько почистить наш театр», но говорит он банальные вещи, против театра «действия и зрелища» выступал еще Метерлинк 20 лет тому назад. Статья Чуковского «очень объективна и занимательна», подкупает «своим здравым смыслом». Пьеса Сологуба — вещь несовершенная (Д. Философов, «Речь», 1914, 13 янв.). Андреев «мертво говорит о театре» (Л. Щеглова, Совр., 1914, № 3). Борьба Андреева «с реализмом, символизмом и натурализмом на сцене совсем не заслуживает такого размаха». Особое возражение вызывает его отрицание кинематографа — этого «чудесного гостя», таящего огромные силы (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 1914, 14 янв.). Когда Андреев говорит о будущем театре как «драме мысли», он строит «укрепленное тыловое местечко» от нашествия нового зрителя, жаждущего зрелища (И. Игнатов, Р. Вед., 1914, 10 янв.). В «Письмах о театре» «сделан очень точный диагноз болезни современного театра», но все достоинства «старого театра» Андреев слишком поспешно «обрекает на смерть — во славу театра нового, психологического» (И. Джонсон [И. В. Иванов], «Л. Андреев о театре», «Маски», 1913–1914, № 4).

«Сирин». Сб. второй. СПб., 1913, тираж — 8100 (В. Брюсов — из книги «Сны человечества», Андрей Белый «Петербург» (гл. III–V), Вл. Пяст «Поэма в ногах»).

Андрей Белый печатает «одну сплошную томительную скуку». «Грязью и салом отдают психофизиологические размышления автора, печать пошлости лежит на его политических картинках» (В. Кранихфельд, «Жизнь и кажимость», Совр. Мир, 1914, № 1). «Петербург» — «кубо-футуристическо-символический набор конусоидально-пирамидальных слов»; «тяготение к стилизо-

ванному мракобесию» (описание митинга) (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 1914, 10 янв.). «Вся жизнь России, представленной Петербургом, кажется автору отвратительным, безумным, нелепым, грязным и гадким кошмаром... Не роман, а сатира, не изображение, а насмешка. Почти все действующие лица не только осмеяны — заклеяны; «болезненно-вымученная форма» (И. Игнатов, Р. Вед., 1914, 13 февр.). Страницы «Петербурга» «тянут ко дну целиком все сборники» «Сириня». При «искре Божьей», при «ценных замыслах: всю русскую революцию захватить — от верхов до последнего сыщика» — жалко А. Белого: «Легко ли это — кренделем вывернуться, голову — промеж ног, и эдак вот — триста страниц передышки себе не давать» (Евг. З. [Е. И. Замятин], Еж. Журн., 1914, № 4). «Это большое... произведение. О нем будет много споров»; написано оно «не для массы, не для многих». По отношению к революции автор не говорит ни «нет», ни «да». «Он смотрит слишком сверху, математически холодными глазами» (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 1914, 22 янв.). «Петербург», в напечатанных главах, «оказывается как бы прямым продолжением “Бесов”», однако в творчестве Белого отсутствуют те черты Достоевского, которые делают все его романы «книгою о Христе» (С. Н. Булгаков, «Русская трагедия», Р. Мысль, 1914, № 4). «У Брюсова все — начинающая австралийскими дикарями и кончая ассирийским царем... видят “сны” исключительно о женщинах»; такая узость мешает дать понятие «об истинном направлении творческого гения того или иного народа». У Пяста «бледная» поэма (А. Тиняков, Нов. Журн. для всех, 1914, № 3, Нов. Кн.).

«Земля». Сб. тринадцатый. Моск. кн-во, 1913, тираж — 10000 (М. Арцыбашев «Ревность», С. Юшкевич «Леон Дрей»).

298 страниц сборника трактуют одну тему — об адюльтере (Л. Щеглова, Совр., № 12). «В современных сумерках драматургии» «Ревность» «довольно заметная пьеса» (С. Я. [Яблоновский], Р. Сл., 18 окт.). М. Арцыбашев — «поэт человеческой плоти и ее элементарных ощущений и функций»; С. Юшкевич взялся за сатирическое изображение пошлого героя, но утратил чувство меры: «в море пошлости художник, помимо своего желания и воли, утопил весь мир» (В. Кранихфельд, «Обличенье женщины», Совр. Мир, № 12). Пьеса Арцыбашева «весьма одобрена тысячеголовым зрителем литературной улицы». Журнал «Театр и искусство» определил авторский гонорар за один сезон в 35000. Юшкевич «тщательно перелицовывает английского эстета [О. Уайльда] на жаргон южно-русского города» ([А. М. Редько], Р. Бог., 1914, № 3, Нов. Кн.). Арцыбашев все

время находится на границе 1001 статьи [о порнографии], но имеет «оглушительный успех» даже в самых глухих местах (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 1914, 1 янв.).

М. П. Арцыбашев писал Е. М. Аспизу: «Меня понимают всегда как-то с одной стороны... в “Санине” большинство увидело проповедь свободной любви, а в “Последней черте” — проповедь к самоубийству. Ныне повторяется та же история: несмотря на то, что пьеса весьма определенно названа “Ревность”, это заглавие совершенно игнорируется и пьесе приписывается значение памфлета против женщины... Женщины с большой буквы... Горька моя “правда”? Многим хочется считать ее ложью? Да — горька, но не ложь. Покажите мне других людей, другую жизнь — и я откажусь от своей правды» (В. Л., 1991, № 11-12, с. 362-363).

М. Волошин — «Лики творчества». Кн. 1-я. СПб.: изд. «Аполлон», 1914, тираж — 1000.

Книга «вся почти посвящена французским литературе и театру», но «автор часто обращается к русской литературе и приводит иногда спорные, но всегда интересные сравнения» (Достоевский и Вилье де Лиль-Адан, Тургенев и Анри де Ренье); написана «увлекательно, с большим мастерством (иногда только с излишней риторичностью)» (Б. С., Утро Рос., 1914, 1 февр.). «Книга эта интересна для эстетически образованных людей»; имеет «уклон к мистическому толкованию явлений, навеянному теософическим рационализмом» (П. Ц-ва [Цветаева], Совр., 1914, без №, ноябрь). «М. Волошин очень хочет писать так, как пишут французы... Слог его замечательно словесен, но, к сожалению, лишен признаков искреннего и глубокого воодушевления... Он совсем не заботится о том, чтобы читателю открылся собственный его “лик творчества” — все приносится в жертву возлюбленной словесности. И потому, когда дело доходит до общих положений, автор оказывается совершенно бессильным и даже просто банальным» (Б. Эйхенбаум, Р. Мысль, 1915, № 5).

В течение года, приложениями к журн. «Нива», вышло полн. собр. соч. Леонида Андреева в 8-ми томах. СПб.: А. Ф. Маркс, 1913, тираж — 200000.

Итоги литературного года

В.Львов-Рогачевский писал, что его не пугает пессимизм многих оценок современной литературы. Весь 1913 год «футуристы наносили пощечины общественному вкусу»: поэзо-концерты и скандало-диспуты не прекращались. Русский футуризм «в его настоящем виде говорит о полной душевной опустошенности, о взрыве мещанских настроений, о торжестве эгоизма». Однако все отчетливее начинают звучать голоса истинной демократии (А. Чапыгин «Белый скит», Ив. Вольный «Повесть о днях моей жизни»). В протесте Горького, неудачном по форме, против постановки «Бесов» — знамение времени, ибо современная литература идет от Достоевского к Л. Толстому, от формулы «Человек проклят» — к формуле «Да здравствует жизнь!» («Вчера, сегодня и вероятное завтра русской литературы», Совр., 1914, № 1).

«Мы стоим теперь на гребне литературной волны». «Конечно, много литературного мусора дает нам каждый уходящий год» (успех среди широкой публики арцыбашевской «Ревности»), но все это останется на задворках литературы. «Петербург» Андрея Белого — «глубоко замечательное явление современной художественной литературы. Одного его было бы достаточно, чтобы... минувший 1913 год не смог считаться пустым, "дырявым"». Другое важное явление — Горький начал свою автобиографию («Детство»), которую интересно будет сопоставить с «крестьянской хроникой» Ив. Вольного. Замеченная критикой повесть Е. Замятина «Уездное» показывает, как реализм «может пользоваться многими техническими завоеваниями модернизма». Для Сергеева-Ценского кончилась «полоса непризнания», это один из самых крупных представителей «нового реализма», соединившего трагическое отношение к жизни с глубокой верой в нее. А. Блок создал произведение, определяющее для его творчества («Роза и Крест»). Даже «за теоретической безграмотностью акмеистов и за дурачествами футуристической полуминтеллигентной богемы» можно увидеть нечто более серьезное, о чем «можно и нужно говорить» (Иванов-Разумник, «Русская литература в 1913 году», Зав., 1914, № 1).

Историки найдут в переживаемом периоде «яркие положительные черты», русская литература обнаруживает «признаки здорового роста» (очерки «По Руси» и «Детство» Горького, две книги И. Бунина — «Суходол» и «Иоанн Рыдалец», произведения Сергеева-Ценского, Ал. Н. Толстого, Ив. Шмелева и др.) (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 1914, 1 янв.).

Б.Эйхенбаум отмечал, что прошедший год ознаменовался бунтом против символизма. «Атака велась с двух сторон: акмеисты требовали нового восприятия жизни... футуристы — нового словаря». Но «не крикливые манифесты акмеистов» и не «пошечины» футуристов «убеждают нас в этом, но вся атмосфера нашей сегодняшней литературы и жизни» (Зав., № 12, с. 93).

Футуризм — основной фон русской литературы в 1913 г.: пышным цветом распускается «верхоглядство, бурлючество и всякого рода хулиганская развязность». Другая стихия — «устремление к быту». И, наконец, «слабое возрождение декадентства» ([Л.Войтоловский?], «Итоги 1913 года», Киев. Мысль, 1914, 2 янв., прилож.).

1914 год

Январь

М. Горький — «Детство» (Р. Сл., 5, 16, 23 и 30 янв.).

В связи с возвращением Горького в Россию 31 декабря 1913 г. многие газеты печатают приветствия: «Пролетарская правда» (9 и 21 янв.), «Путь правды» (26 и 29 янв.) и другие. 10 января в «Русском слове» опубликована «Беседа с М. Горьким»: «Основная мысль писателя — о необходимости бодрости и веры в жизнь, о борьбе с пассивностью, разъедающей русскую душу».

Л. Андреев — рассказ «Надсмертное» (Совр. Мир, № 1); «Три ночи (Сон)», «Воскресение всех мертвых (Мечта)» (Зав., № 1).

Ал. Н. Толстой — «За стилем». Глава вторая [«Приключения Растегина»] (Р. Вед., 5, 12, 19 янв.); рассказ «Маша» (Зав., № 1).

В № 1 «Русского богатства» (вышел с портретом Н. К. Михайловского) отмечалось 10-летие со дня его смерти: Вл. Короленко «Н. К. Михайловский», Н. С. Рusanов «Архив Н. К. Михайловского», Ек. Леткова «Из писем Н. К. Михайловского» (телеграммы и приветствия ко дню годовщины см.: Р. Бог., № 2). В № 1 напечатаны также: рассказ С. Подъячева «Благодетель», цикл стихотворений А. Черного «В деревне».

В рассказе Подъячева «нас пугают ужасами и призраками современной деревни» (Ан. Александров, Моск. Вед., 8 марта).

В. Брюсов — «Электрические светы» («Мы, электрические светы Над шумной уличной толпой. Мы, современные поэты, Векам зажженные Судьбой!») («День», 19 янв.).

А. Ахматова — «Александру Блоку» («Я пришла к поэту в гости...»); А. Блок — «Анне Ахматовой» («Любовь к трем апельсинам», № 1).

В начале января Д.С.Мережковский прочел публичную лекцию о Тютчеве, заявив, что «самоубийство и самоубийственное одиночество в России такое же бытовое явление, как и смертная казнь», и виною тому русские декаденты, «но через них Тютчев» («Русские декаденты и самоубийство», «День», 9 янв.; см. статью Д.Мережковского «Тайна Тютчева», Р. Сл., 21, 26, 28 февр.).

По Мережковскому, все болезни современной поэзии — индивидуализм, одиночество, безобщественность — от Тютчева, но, изображая путь Тютчева, Мережковский мало считается с фактами (В.Брюсов, «Разгадка или ошибка (Несколько замечаний по поводу статьи Д.С.Мережковского о Тютчеве)», Р. Мысль, № 3).

4 января в залах Академии художеств в Петербурге открылась посмертная выставка В.А.Серова («Речь», 4 янв.; Д.Философов, «Выставка Серова», «День», 8, 21 янв.).

10 января в Петербурге, во Всероссийском литературном обществе, состоялся доклад Г.И.Чулкова «Пробуждаемся ли мы?», вызвавший горячие прения. В.Львов-Рогачевский писал, что докладчик предпринял «запоздалую защиту символизма и мистического мироощущения». Выступление акмеистов Львов-Рогачевский расценивает как одну из побед реализма, а эгофутуризм — как возвращение к декадентству 90-х годов. Однако «уличный триумф» футуристов также говорит о крушении символизма («Из жизни литературы (В лагере символистов)», Совр., № 2, янв.). На повторной лекции в Тенишевском училище был А.Блок, записавший 16 января: «Все (почти!) на лекции было бездарно, путано, гнусно или просто глупо. Последний ужас — успех двух дураков: Львова-Рогачевского и ***» (Зап. Кн., с. 201). «Трогательно говорил в защиту торжествующего над жизнью искусства В.А.Пяст; ломали копыя в защиту акмеизма гг. С.М.Городецкий, Н.С.Гумилев, О.Э.Мандельштам... футуристы говорили устами Н.И.Кульбина и г. Шкловского» (Щ. [П.Е.Щеголев], «День», 17 янв.).

16 января Вяч.Иванов прочел лекцию «Чурлянис и проблема синтеза искусств», которая «лишь отчасти касалась названного художника», а была выражением идей самого Иванова о художнике-мифотворце и о будущем синтетическом искусстве — мистерии (Р. Вед., 17 янв.).

17–19 января происходило общее собрание Всероссийского литературного общества, принявшего резолюцию о правительст-

венном законопроекте о печати: «Идя по пути восстановления старого порядка, реакция по всей линии стремится закрепить и еще более ухудшить режим, превративший в мертвую букву совокупность гражданских вольностей, провозглашенных в 1905 г.». Предлагается составить меморандум, созвать Всероссийский съезд деятелей печати в апреле 1914 г., организовать широкое публичное обсуждение законопроекта. 14 февраля на заседании Общества была принята резолюция, выражающая сожаление, что газеты «Речь», «Современное слово», «Русское слово» «не нашли в себе минимума мужества, необходимого для того, чтобы напечатать целиком и без изменений единогласно принятую в заседании 19 января резолюцию Общества о законопроекте о печати» (Совр., № 4, февр., с. 125-128).

20 января в Петербурге, в зале Калашниковой биржи, состоялся публичный диспут о современной литературе с участием Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, Г. Чулкова, Е. Аничкова, В. Чудовского, Н. Недоброво, Н. Кульбина и других. Во вступительном слове Сологуб заявил: в символическом искусстве можно различить три стадии: космический символизм (Ф. Тютчев и Вяч. Иванов), как переходный этап — индивидуалистический символизм и «демократический символизм, жаждущий соборности и коллегиальности». В настоящее время символизм призывает «любить жизнь», что означает стремление преобразовать ее. Г. Чулков подчеркнул отличие своей точки зрения на символизм от сологубовской: «Не потому хорош символизм, что он иногда отвечает демократическим интересам текущего времени», а потому, что он заключает в себе «бунт в глубоком и таинственном значении этого слова». Вяч. Иванов настаивал на том, что «символизм отныне навсегда утверждён как принцип всякого истинного искусства». Может быть символизм классический, романтический, даже футуристический («Диспут о литературе», «Речь», 22 янв.; «Символисты о символизме», Зав., № 2).

В зале Калашниковой биржи, писал Д. Тальников, символизм защищал свои позиции, делая заем в чужой кассе, то есть у реализма, между тем единственное произведение в русском символизме, «более или менее приближающееся к реализму», — это «Мелкий бес» Сологуба («Символизм или реализм», Совр. Мир, № 4).

22 января Вяч. Иванов прочитал в Петербурге, в зале Тенишевского училища, лекцию «О границах искусства», в которой говорилось об «эстетической опасности» символизма — тяготе-

нии к области «восхождения духа» и лиризма («Речь», 23 янв.; напечатана в Тр. и Дн., № 7).

23 января А.А.Кондратьев писал Б.А.Садовскому: «Вчера я был у Ф.Сологуба, где чествовался приезжий в Петербург Вяч.Иванов. По-видимому, Ф.Сологуб *нуждается* в нем как в союзнике для борьбы с Дм.Мережковским, но вряд ли дождется, так как Вяч.Иванов ведет свою собственную игру» (De Visu. 1994, № 1/2, с. 13).

23 января в зале Петровского училища, в Петербурге, состоялся доклад о футуризме С.Никитина, который призывал бороться с этим скандальным явлением. А.И.Куприн прочел несколько пародий на футуристов. Сами футуристы были представлены одним А.Крученых, который «выкрикивал с места какие-то протестующие слова» (Б., «Вечер о футуристах», «День», 24 янв.).

23 января «Русское слово» поместило «Заметку» А.Амфитеатрова, отвечающего на просьбы читателей высказаться о футуризме. Ссылаясь на книгу П.А.Зарубина «Темные и светлые стороны русской жизни», Амфитеатров утверждал, что «истинный золотой век стихотворного футуризма цвел 50 лет тому назад в мещанских слободках и улочках» Орла, Мценска, Калуги, Тулы, Елифани и т.п., где сочинялись такие стихи: «Чинги дрынги, мой фетон, Чинги дрынги, фарафон!»

В 20-х числах января в Обществе ревнителей художественного слова Н.Гумилев прочитал свою поэму «Мик и Луи» (действие происходит в Абиссинии, где поэт был трижды) и изложил свои взгляды на эпический род и его современные возможности, ограничивающиеся, по его мнению, лишь экзотической тематикой. Большая часть выступавших оспаривала теоретические воззрения автора на современную эпическую поэзию (Апол., № 5, с. 53–54).

25 января «Утро России» сообщает, что Ф.Сологуб едет во многие города России с лекцией «Об искусстве наших дней». В сезон 1913–1914 гг. Сологуб прочел эту лекцию в 39-ти городах («Дневники писателей», 1914, № 1, с. 54).

26 января в большевистской газете «Путь правды» помещена статья М.Калинина [А.Кариняна] «Возрождение реализма», в которой отмечается «некоторый уклон в сторону реализма» в со-

временной литературе, вызванный тем, что «общественная атмосфера как будто очищается».

22 января Д.С.Мережковский опубликовал в «Русском слове» статью «Суворин и Чехов», в которой резко отозвался об общественной позиции издателя «Нового времени». В ответ были опубликованы письма Мережковского к А.С.Суворину, сопровождаемые обвинениями в угодничестве и неблагодарности (В.В.Розанов, «А.С.Суворин и Д.С.Мережковский», Н. Вр., 25 янв.). Мережковский отвечал двумя письмами в редакцию «Речи» (28, 30 янв.), в первом — определил национализм Суворина как «нигилизм, кошунство и надругательство над общественной правдой». 30 января А.Блок отметил: «Еще один слабый ответ Д.С.Мережковского “Новому времени”» (Зап. Кн., с. 204). «Прогрессивная печать обошла инцидент молчанием», писал А.В.Пешехонов, Мережковскому на лекциях подносили цветы как «невинному страдальцу», хотя общественная совесть должна была осудить его, ибо «Бог» Мережковского не мешал водить дружбу с нововременцами и Розановым, затем с максималистами, теперь же он именуется Суворина «подлецом» и «ослом» («Теория г. Маклакова и практика г. Мережковского», Р. Бог., № 3).

26 января в Москву приехал глава итальянских футуристов Ф.-Т.Маринетти. 27 и 28 он читал лекции о футуризме, в котором главное — «физиологический оптимизм» и любовь к современности, к будущему. Корреспондент «Русских ведомостей» замечает: «Стихотворения Маринетти в противоречие с его апологией жизни, упиваются смертью, неистовствами войны... вывороченными внутренностями, раздробленными черепами, пулями, ядами, митральезами,— словом, бойней в буквальном смысле слова...» (Р. Вед., 26, 28, 29 янв.).

26 января на заседании Религиозно-философского общества под председательством М.И.Туган-Барановского рассматривался вопрос об исключении В.В.Розанова* за ряд «неприличных и нетерпимых» выступлений в печати (в частности, за статьи «Не нужно давать амнистии» в «Богословском вестнике», «Андрюша Юшинский» и «Наша кошерная печать» в «Земщине»). С докладом от имени Совета выступал Д.Философов. Вяч.Иванов, дав

* В заседании Совета общества 14 ноября 1913 г. Розанову было предложено уйти из общества, но он отказался. 19 января вновь собирался Совет по этому вопросу, но не оказалось кворума (Записки Петроградского религиозно-философского общества. Вып. 4. Пг., 1914–1916). 15 февраля Розанов сам подал заявление о выходе («Наш современник», 1990, № 10).

резкую характеристику Розанова, возражал, однако, против исключения как формального акта. Против исключения выступали также П.Б.Струве, Ан.Н.Чеботаревская, священники П.А.Раевский и К.М.Аггеев и другие. В результате голосовалась резолюция не об исключении, а об осуждении Розанова, которая была принята 41 голосом против 10 и 2 воздержавшихся («Речь», 27, 28 янв.). 19 января М.Пришвин записал: «Собрание Религиозно-философского общества для исключения Розанова... Люди самых различных партий, толков и между ними настоящие непримиримые враги Розанова — все были возмущены «этой затеей Мережковского». «Конечно, виноват во всем Розанов... Совет ценою собственного существования поставил вопрос об исключении: если Розанова не исключат, Совет уйдет» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 29). Инцидент был завершён в марте, когда в связи с приемом в действительные члены Религиозно-философского общества С.О.Грузенберга, автора книг о философии Шопенгауэра, В.Розанов, спутав принятого с адвокатом О.О.Грузенбергом, одним из защитников Бейлиса, направил председателю Общества А.В.Карташеву заявление о том, что не может «находиться в одном обществе с г. Грузенбергом по моральным причинам, существование коих после киевского процесса должно быть вам ясно» («Речь», 11 марта).

Розанов неподсуден как «природная стихия», чья «громкая сила и талант» испугали «слабых» Мережковского, Карташева и Философова (А.Столыпин, «Апофеоз В.В.Розанова», Н. Вр., 29 янв.).

3 февраля А.А.Кондратьев писал Б.А.Садовскому: «Мережковский сильно скомпрометирован как напечатанием в Новом времени его письма к А.С.Суворину, так и вообще той ролью, какую он играл в исключении В.В.Розанова. Против исключения были, между прочим, В.Иванов и П.Струве. Никак не могу понять, из каких соображений решились эти два пойти против господствующего течения. Неужели они так дальновидны, что знают о грядущем торжестве антисемитизма и национализма в России?» (De Visu. 1994, № 1/2, с. 13–14).

30 января в Петербурге состоялся диспут о театре. Ф.Сологуб утверждал, что лишь символизм может удовлетворить требованию краткости и сжатости. Е.В.Аничков говорил о неопределенности понятий «символизм» и «реализм» и требовал их пересмотра. Вяч.Иванов в длинной речи с чертежами доказывал, что сценическое искусство состоит из трех начал: общественность, мимизм и героика («На диспуте о театре», Р. Вед., 31 янв.).

В.Маяковский, В.Каменский, Д.Бурлюк, И.Северянин совершают поездку по южным городам России. «Холоднее всего был встречен лучший поэт Игорь Северянин» (Юж. Вед., 9 янв.). Позднее Северянин вспоминал: «Маяковский и Бурлюк обещали мне выступать всюду в обыкновенном костюме и лица не раскрашивать. Однако в Керчи не выдержали. Маяковский облачился в оранжевую кофту, а Бурлюк в вишневый фрак при зеленой бархатной жилетке... Я вспылил... сразу же после вечера я укатил в Питер» (Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. М., 1990, с. 396). 12 января «Приазовский край» поместил статью К.Народина [К.А.Суховых] «О футуризме»: пишут «только о раскрашенных носах и скандалах», между тем «основное в футуризме — это революция... Зачем отмахиваться от нового литературного восстания?» Провозгласив лозунг «освобождения слова», футуристы не смогли двинуться дальше, «ибо дальше нужен талант, больше — гений, который бы покори́л собой...»

В.Каменский дал интервью «Одесским новостям», где отрицал итальянское происхождение русского кубо-футуризма: «Наша заповедь — обновление всех человеческих чувств». В тот же день в Русском театре состоялся вечер футуристов. Сбор был «шляпинский», сообщала газета. Вступительное слово произнес П.Пильский. Героем оказался Маяковский, который «не без блеска и таланта» читал свои стихи и, «цепляясь за гражданские мотивы, фабричную копоть и грубые руки рабочих, говорил о том, что Пушкин был нужен, когда Россия ползала на четвереньках. А теперь нужны и пришли мы» (Од. Нов., 16-18 янв.).

П.Пильский — «Футурист ли я?» (Од. Нов., 25 янв.): «Это не так безнадежно, чтоб бежать от этого знамени и знака, как от зачумленного места». Я не футурист, но «верил, верю и буду верить в молодость, в смелость, в дерзкое новаторство, в искания... Они победят». На следующий день газета поместила возражение своего постоянного сотрудника А.Ценовского, утверждавшего, что «из раскрашенного носа или розового пиджака никакого нового искусства не будет».

В.Кранихфельд — «Жизнь и кажимость» (Совр. Мир, № 1). «В моменты революции они [символисты] — революционеры и поют гимн революции, в моменты общественного упадка они — сами упадочники и поют в унисон с реакционерами... Символизм... как мироощущение, противопоставляющее себя реализму, годится разве для тех, кто устал от жизни». «Утверждение жизни» — вот «лозунг обновленного и пробуждающегося к новым победам реализма».

А.Горнфельд — «Образы Федора Сологуба» (Очерк первый. Романы*) (Р. Вед., 23 янв.). Центром творчества Сологуба является его лирика; «он умеет объективировать только себя». Лишь образ Передонова получил широкое значение и не умрет в литературе.

Иванов-Разумник — «Природы радостный причастник (Поэзия Н.Клюева)» (Зав., № 1). Это — «поэт “из народа”, пришедший в нашу сложную “культуру” из далеких архангельских и олонекских лесов», но когда он поддается обезличивающему влиянию «культуры», то «даже природу перестает видеть и слышать верный ее сын», смотря на нее «из столичных поэтических салонов и кружков».

Газеты освещают пребывание Г.Уэллса в Петербурге и Москве: адрес Всероссийского литературного общества с признанием «глубины анализа современных социальных проблем», статья З.Венгеровой, назвавшей писателя «фанатиком научного прогресса» («День», 18 янв.). Уэллс заявил, что впервые в жизни находится в стране, «где христианство еще живо». Москва показала ему самобытнее Петербурга, огромное значение произвела выставка В.А.Серова, интерес вызвали постановки Чехова и Достоевского в Художественном театре (Р. Вед., 21, 29 янв.).

С.Патрашкин — «Г.Дж.Уэллс о России» («День», 19 янв.). Посетивший Россию английский писатель заявил: «Уже теперь влияние кинотеатра на массу русских горожан сильнее, чем влияние литературы, газет, музыки, драмы, живописи». Предсказал, что Россию ожидает «кинетическая эпидемия»: «Это будет пламенный, грозный ураган, который опояшет мгновенной молнией весь земной шар...»

С января в Петербурге стал выходить «Ежемесячный журнал» под редакцией В.С.Миролюбова. В первом номере были помещены стихотворения Ив.Бунина, Н.Клюева и других, рассказы: «Голиаф» С.Гусева-Оренбургского, «Непутевый» Е.Замятина, «Лесные короли» Г.Гребенщикова, «Весеннее порошье» А.Ремизова, «В станице» К.Тренева, «Свое взяли» С.Подъячева.

21 января В.Я.Шишков поздравил В.С.Миролюбова с выходом в свет «детиса»: «Золотой журнал. Материал интереснейший... русский читатель давно ждал такого доступного по цене журнала» (Лит. Арх. Т. 5, М.; Л., 1960, с. 238).

* Второй очерк см. в марте 1914 г.

В январе в Москве вышел новый журнал искусства и литературы «София»* (ред. П.П.Муратов, изд. К.Ф.Некрасов). Обложка работы Н.П.Ульянова. Редакция провозглашала: «Особую важность “София” видит в пробуждении нового интереса к прекрасному древнерусскому искусству и западному искусству... Ее темой является и современное искусство и современная поэзия», но лишь то в них, что имеет «непреходящее значение». П.П.Муратов привлек к сотрудничеству Н.А.Бердяева, А.Н.Бенуа, В.Ф.Ходасевича, М.О.Гершензона, И.С.Остроухова, И.Э.Грабаря и др. 7 января К.Ф.Некрасов писал Муратову о «Софии»: «Говорят о ней много и считают событием в литературном мире. Меня поругивают: как смел... взяться за столь аристократическое дело» (Лица. Вып. 3. М.; СПб., 1993, с. 164).

«Приветствуя собрата», Р. [Н.И.Романов] указывал на недостатки программы (расчет на интерес подписчиков к древнерусскому искусству), на ее несогласованность с помещенным и обещанным материалом (Апол., № 1–2). Н.Пунин в своих откликах на выход «Софии» отмечал, что журнал совершенно неудовлетворителен: «С первых шагов своих “София” вступила на путь академизма, на путь столь ненавистного нам сейчас эстетически бесстрастного любования художественными произведениями» (Сев. Зап., №№ 1 и 4). А.Бурнакин причислил «Софию» к журналам, обреченным на не успех (Н. Вр., 6 июня). А.Блок отозвался 28 мая: «Хороший журнал — эта “София”» (Зап. Кн., с. 230). При интересе к древнерусскому и западному творчеству «София» «не хочет совершенно уходить от современности», ищет связующие культурные традиции (Б.Эйхенбаум, Р. Мысль, № 1, отд. III, с. 24). Журнал стал бескровной жертвой войны, «просуществовав лишь полгода»; не успел «выработать ясную физиономию», но «интересовался самыми глубокими и коренными вопросами духовной жизни» («Речь», 26 ноября).

Вышел юбилейный номер альманаха «Гриф» (1903–1913). М., [1914], тираж — 600 (по Кн. Лет.) или «570 пронумерованных экземпляров», как значится на обороте титула. Ред. С.Кречетов [С.А.Соколов]. В альманахе помещены стихи поэтов, печатавшихся в издательстве «Гриф» за 10 лет. Среди них: И.Анненский, К.Бальмонт, А.Блок, В.Брюсов, А.Белый, М.Волошин, Вяч.Иванов, А.Ремизов, Б.Садовской, Игорь Северянин, Ал.Толстой, Вл.Ходасевич. Приведена библиография изданий «Грифа» за 10 лет.

* Вышло всего шесть номеров, последний — осенью 1914 г.

Это «величественный, но холодный» монумент, «говорящий многое, но говорящий о прошлом и потому не волнующий нынешнее и нынешних» (С.Борисов, Нов. Жизнь, № 2; см. также иронический отзыв Л.Войтоловского, Киев. Мысль, 24 янв.).

А.Ремизов — «Докука и балагурье. Русские сказки». СПб.: «Сирин», тираж — 2100.

Пересказ народных сказок может показаться «занятием несерьезным», но Ремизов нашел в них превосходный материал для передачи «оттенков многоцветной и многогранной жизни и психологии народа» (П.Владимирова, Нов. Журн. для всех, № 5, Нов. Кн.).

Борис Пастернак — «Близнец в тучах. Стихи». Предисловие Н.Асеева. М., «Лирика», 1914, тираж — 200.

«Почти все стихотворения этой небольшой книжки подкупают подлинностью и остротой переживания, импрессионистической смелостью и новизной образов, иногда весьма метких» (О.Аз., «Столичная молва», 19 мая). В годовом обзоре поэзии В.Брюсов отметил появление нового поэта: «Наиболее самобытен Б.Пастернак. Это еще не значит, что его стихи — хороши... Б.Пастернак... со стихом справляется плоховато, ритмы его однообразны, а "смелости" сводятся к двум-трем повторяющимся приемам... Но все же у Б.Пастернака чувствуется наибольшая сила фантазии» (Р. Мысль, № 6, с. 17). В «товарищеском» предисловии к этой «совершенно неудовлетворительной» книге Ив.Конева представлен родоначальником «подлинного лирика» Пастернака. При «искании новых путей, расширении поэтического словаря и тем», «недостатки решительно перевешивают»: «не вполне овладел элементарным ямбом», «невероятное смешение неологизмов и старинных слов», «мифологических имен с новыми темами современного города», как «результат безвкусицы и внутренней неразберихи» (В.Шершеневич, Св. Журн., № 11, Нов. Кн.). «Рискованная эквилибристика», «составленная из символических теорем Андрея Белого» (М.Шагинян, Приаз. Кр., 28 июля). «Книжка, полная тоски и переливания из пустого в порожнее», подражает многим поэтам от А.Одоевского до Блока и Шершеневича (Едуч, «Первый журнал русских футуристов», М., № 1-2, с. 140). «Прекрасная книга Пастернака прошла совершенно незамеченной» (С.Бобров, «Русская поэзия в 1914 году», Совр., 1915, № 1).

По поводу рецензии в «Столичной молве» Б.Пастернак писал родителям в мае: «Что касается той чуткости, с какою неизвестный мне рецензент уловил основную мою особенность... я сильно

подозреваю, что... дело не обошлось, вероятно, и без указания Брюсова... Если и тлеет где еще искра Божья, то только по временам в лагере футуристов... Вся эту официальную патетичность, идущую от классиков... можно стряхнуть с себя, да она и едва-то держалась на мне». Об отзыве Брюсова писал им же в июле: «Я этой рецензией не доволен, мне не нравится ее тон... и у вас останется впечатление порицания или осуждения посредственности — а между тем, — в ней много — или скажу прямо — все справедливо» («Знамя», 1998, № 4, с. 159–160, 164).

Сборник «В спорах о театре». М., 1914, тираж — 3010. Ю. Айхенвальд в статье «Отрицание театра» причислил театр к «ложному и незаконному виду искусства» — «отраде плебса», «потехе». Сергей Глаголь [С.С. Голоушев] ответил статьей «Да здравствует театр!», к нему присоединились Вл. Немирович-Данченко, Ф. Коммиссаржевский, В. Сахновский, Д. Овсянников-Куликовский, А. Южин и др.

«Парадоксальность и неубедительность» статьи Айхенвальда отмечал Л. Войтоловский (Киев. Мысль, 30 янв.). Говорят о «кризисе театра», между тем происходит «кризис не сцены, а зрительной залы», «трагедия старого зрителя», ибо в театр пришел новый современный разночинец, «властный и молодой», близкий к трудовым массам (И. Игнатов, Р. Вед., 10 янв.). Айхенвальд «договорился до последней черты, но горячие споры о театре неизбежны»: «Театр натуралистический, стилизованный, театр единой воли, театр актерский, театр марионеток и целый ряд иных» заявляют о своем исключительном праве на трон искусства (Б. Нейман, Приаз. Кр., 6 марта). Споры о театре волновали петербургское общество всю зиму, вызваны выступлением Горького против постановки «Братьев Карамазовых» в Художественном театре и «Письмами о театре» Л. Андреева (Антон Крайний [З.Н. Гиппиус], «Отклики», № 21, прилож. к газ. «День», 30 мая).

Ал. Грин — «Позорный столб» (т. III собр. соч.). СПб., 1913, тираж — 2100.

Увлечение экзотическими сюжетами — характерный симптом болезни современной литературы; писатель пережевывает свои старые сюжеты (Е. Колтоновская, «Речь», 14 апр.). В изображении бродяг и разбойников «поверхностное сходство» с Дж. Лондоном. Экзотичность в крови таланта Грина, ушедшего в «игру на эффектах дурного вкуса», при энергичном и образном письме (Л. Войтоловский, Киев. Мысль, 3 мая).

Альманах «Дохлая луна. Стихи, проза, статьи, рисунки, офорты. Осень 1913». М.: «Футуристы "Гилея"», 1913, тираж — 1000 (2-е изд. — в мае, тираж — 1000) (В.Хлебников, В.Маяковский, А.Крученых, Б.Лившиц, Давид, Николай и Владимир Бурлюки).

Февраль

В журнале «Заря» (№ 5, 2 февр.) под заголовком «Наш привет Горькому» помещены отклики писателей. В.Г.Тан-Богораз: «М.Горький является естественной главой нового, молодого реализма, который нарождается теперь...» А.Серафимович: «Горький с прежней энергией и силой ударяет в свой колокол. Его теперешние речи — та же "Песня о Буревестнике". Но поет ее Горький не для тех... Горький нашел своего читателя — мужика и рабочего». Ф.Сологуб подчеркивает, что Горький «сохранил свои силы». Ал.Н.Толстой: «Поэзия простора, свободы, силы и радости жизни — вот творчество Горького». С воспоминаниями и высказываниями выступили Ив.Бунин, Б.Зайцев, Ю.А.Бунин, В.М.Фриче и другие.

К.Тренев — «Любовь Бориса Николаевича» (Зав., № 2).

Переживания, описанные в рассказе Тренева, «облагораживающим образом действуют на нравы» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 4 марта). Тренев изобразил тип, распространенный среди современной нашей интеллигенции, — «с перепутанными мыслями и извращенными понятиями, пустым дряблым сердцем и опустошенною, темною душой, лишенной веры в Бога» (А.Александров, «Любовь современного "интеллигента"», Моск. Вед., 12 апр.).

В «Ежемесячном журнале» (№ 2) помещены: стихотворения А.Блока («Есть игра: осторожно войти...»), А.Ахматовой («Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «И жар по вечерам, и утром вялость...»), Н.Клюева, М.Моравской, А.Ширяевца; рассказы Е.Замятина «Три дня», В.Шишкова «Чуйские были», В.Виниченко «Радость», С.Подъячева «Из-за пустого дела», А.Чапыгина, Г.Гребенщикова, С.Семенова.

1 и 4 февраля в Петербурге, в зале Калашниковой биржи, состоялись лекции Ф.-Т.Маринетти, прославляющие «идею механической красоты»: «Мы мечтаем о создании внечеловеческого типа, у которого будут уничтожены моральные страдания, доброта, нежность и любовь», яды, «отравляющие жизненную энергию» (см. его статью «Эстетика футуризма», Бирж. Вед.,

4 февр.; в феврале вышли книги Ф.Маринетти: «Футуризм», СПб.: «Прометей», 1914 и «Манифесты итальянского футуризма». Перевод В.Шершеневича. М., 1914). «От этих анархических манифестов воняет жадностью и практицизмом самого обыкновенного буржуа». И оттого последний не только не страшится разрушительного красноречия футуристов, но даже «весело аплодирует их грозным филиппикам» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 29 марта). Петербургские футуристы распространяли во время лекции ругательную листовку* по адресу гостя, чей приезд сравнивался «с позорными днями Верхарна и Макса Линдера» («Речь», 2, 5 февр.). Вместо «тухлых яиц» Маринетти встречает «громы аплодисментов, восторги дам... обеды у меценатов». Между тем этот «ревнитель капиталистического и империалистического развития» проповедует «урбанизацию искусства», «варварство, гигиену мускулов, ненависть к книге и культуре», мечтает о «перманентной» войне как «гигиене мира» и сводит любовь к «функции продолжения рода» (Я.Тугендхольд, «Речь», 1 февр.).

4 февраля К.И.Чуковский записал: «Был на Маринетти: ординарный туповатый итальянец, с маловыразительными свинными глазками говорил с пафосом Аничкова элементарные вещи. Успех имел средний» (К.Чуковский. Дневник. 1901-1929. М., 1997, с. 61).

В начале февраля Игорь Северянин, В.Ховин и Вадим Баян [В.И.Сидоров], а также «первая артистка-футуристка» Эсклармонда Орлеанская, совершили турне по югу России, заявляя, что не имеют ничего общего с «обывателями» кубо-футуристами, которые «пакостят слово» (Ш., «“Эго” и “кубо”», Од. Нов., 9 февр.). С докладом «Распад декаданса и возникновение футуризма» выступал глава эго-футуристического издательства «Очарованный странник» В.Ховин (Л.Литовский, «Лучезарные маэстро», «Голос юга», 5 февр.). 8 февраля та же газета писала о разочаровании «немногочисленной публики» участниками концерта. Вадим Баян — «футурист для истерических старух и чувствительных горничных» (Од. Нов., 22 февр.).

В начале февраля в Москве открылась выставка «Бубнового валета». У части художников намечается «стремление направить

* Текст листовки принадлежит В.Хлебникову: «Сегодня иные туземцы и итальянский поселок на Неве из личных соображений припадают к ногам Маринетти, предавая первый шаг русского искусства на пути свободы и чести, и склоняют благородную выю Азии под ярмо Европы» (В.Хлебников. Незданные произведения. М., 1940, с. 475).

свои примитивистские склонности в естественное русло» (П.Кончаловский, И.Машков) (Россий [А.М.Эфрос], Р. Вед., 6 февр.). Появились подражатели «властителя дум» молодежи — Пикассо (К.Малевич, А.Экстер); другая группа, именуемая себя «неореалистами», представила «пеструю орнаментику» (А.Лентулов); «обретение чувства реальности», «любовь к вещам» присутствует в натюрмортах П.Кончаловского, И.Машкова вопреки «нетовщине» «пикассистов» (Я.Тугендхольд, «Речь», 13 февр.). 19 февраля в Политехническом музее прошел диспут «Бубнового валета», «со свистом, с лишением слова и тому подобными аксессуарными». Докладчик Ю.П.Денике (Юрьев) говорил о живописном реализме, который лежит в основе творчества «Бубнового валета». Я.В.Тугендхольд изложил свой критический взгляд на футуризм как на «конец декаданса». К.Малевич, с деревянной ложкой в петлице, назвал «кладбищем» выставки передвижников и др. (Р. Вед., 20 февр.).

2 февраля в Религиозно-философском обществе в Москве состоялось заседание с докладом С.Н.Булгакова «Русская трагедия», в связи с инсценировкой «Бесов» в Художественном театре. Докладчик говорил о «трагедии веры и неверия» русской интеллигенции, ввремя воплощенной театром. Выступавшие в прениях Вяч.Иванов, С.Н.Дурьлин и Г.А.Рачинский, в основном, поддержали докладчика (Р. Вед., 4 февр.; см.: С.Н.Булгаков, «Русская трагедия», Р. Мысль, № 4).

8 февраля Б.М.Эйхенбаум писал Л.Я.Гуревич о «вечере Нового слова»: «Сначала на кафедру влез Кульбин. Он мямлил необычайные глупости: "...Слово как таковое — предложенный мною термин... Разгадка слова в букве... Тело слова — буква... Р — красное, Ж — желтое, К — черное..." В таком роде было до конца. После Кульбина вышел маленький, приземистый студент... Виктор Шкловский». «Старый наш профессор И.А.Бодуэн-де-Куртенэ» говорил о том, что «мы переживаем тяжелое, мучительное, пыточное время. Всюду психоз, всюду вырождение» и т.д. Вы думаете — футуристы смутились? — Нисколько. После перерыва заговорил Влад.Пяст. Тяжко... Он открещивается от футуристов...» (Б.Эйхенбаум. О литературе. М., 1987, с. 11–12).

9 февраля «Русские ведомости» поместили интервью «У Горького»: «Необычайно вырос интерес ко всяким пустякам, ко вздору, — замечает писатель, — будь это танго или уродливый выкрик искусства... Картины "Бубнового валета" действовали на

меня, как чисто физическое раздражение... И все-таки во многих из этих новейших художников, писателей есть что-то мне симпатичное, милое». «Уважение к культуре, к науке, искусству — вот теперь стихия души Горького». В другом интервью передавались слова Горького о футуризме: «В нем, несмотря на все уродство и безобразие некоторых его проявлений, я улавливаю ноты будущего романтизма» («Новь», 16 февр.).

10 февраля М.М.Пришвин записал: у декадентов «я» — «бумажный бог», это «бумажное существо превращено в “культурное” существо, и вся культура сама превращена в книгу», и в ней «бумажный Христос» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 56).

13 февраля в Обществе свободной эстетики после доклада Ф.Маринетти завязался спор между ним и русскими футуристами, среди которых был В.Маяковский. При этом выявилось взаимное непризнание («Футуристическая битва в “Эстетике”», Р. Вед., 14 февр.; Катанян, с. 86). Выступавший на вечере Сергей Глаголь [С.С.Голоушев] назвал кубистов, футуристов, лучистов и др. психопатами. В ответ Д.Бурлюк сравнил все прежнее искусство с лоханью, в которой плавают огрызки огурцов и арбузные корки, т.е. все те, «кого принято считать великими». М.Ф.Ларионов объявил, что «дураки в черном» (президиум) и «дураки в красном» (футуристы) «ничего не стоят» (Р. Сл., 14 февр.). 15 февраля в газете «Новь» напечатано письмо в редакцию К.Большакова, В.Маяковского и В.Шершеневича: «Под кличкой “русские футуристы” — группа, объединенная ненавистью к прошлому, но люди различных темпераментов и характеров... Отрицая всякую преемственность от итало-футуристов, укажем на литературный параллелизм: футуризм — общественное течение, рожденное большим городом...» (Маяковский. Т. 1, с. 369).

17 февраля в Большой аудитории Политехнического музея, в Москве, на диспуте о женщине, появились В.Маяковский, «в перстой кофте турецкого рисунка и с хлыстом в руке», и Д.Бурлюк. Устроители предложили Маяковскому переодеваться, через полчаса он явился «в пиджаке апельсинового цвета» и заявил, что докладчица А.Н.Лепковская проповедует «парфюмерно-будуарную логику мешан» («Диспут о женщине», Р. Вед., 18 февр.).

20 февраля в Обществе свободной эстетики состоялось малочисленное собрание, на котором Вяч.Иванов читал свои стихи и

драму «Сыны Прометей», а в заключение — оды «Лира» и «Ось», посвященные В. Брюсову. В ответ Брюсов прочел оды под теми же названиями и так же построенные, посвященные Иванову. Все четыре оды объединены названием «Carmina Atmoevasa» [опубл. в 3-м сб. «Сирин». СПб., 1914] (Р. Вед., 21 февр.).

20 февраля Б.М.Эйхенбаум пишет А.С.Долинину: «Футуризм — одна из форм постоянно-бродящего нигилизма. Это — явление вовсе не художественное, а общественное. Футуристы — современные публицисты. А мы с Вами — люди умные и такими вещами не занимаемся» («Звезда», 1996, № 5, с. 182).

21 февраля совет Училища живописи и ваяния исключил В.Маяковского и Д.Бурлюка за публичные скандалы. Среди членов совета не нашлось ни одного защитника исключенных («Гонение на футуристов», Р. Сл., 23 февр.).

В.Буренин — «По поводу футуризма» (Н. Вр., 28 февр.). Относится не к области литературы, а «к области современного хулиганства», поэтому нужна не критика, а «полицейское воздействие».

В конце февраля Н.А.Клюев пишет В.Я.Брюсову: «Откуда-то вынырнуло и утвердилось понятие, что с появлением “Лесных былей” эпосу Городецкому придется зарыться до смерти, и Городецкий закатил болотные пялки и загукал на мои песни...» (Николай Клюев. Письма к Александру Блоку. М., 2003, с. 350).

Раф.Григорьев — «Поэт Окуровской Руси» («Наша заря», № 2). Горький «носит в себе вечно Окуров»; «Мать», «Лето», «Исповедь» — все это «надумано, искусственно, антихудожественно». В последних произведениях («Детство», «По Руси») звучит неслыханная до сих пор у Горького «мелодия обретенного покоя».

Н.Гумилев — «Письмо о русской поэзии» (Апол., № 1–2). В статье, в частности, шла речь о В.Хлебникове: «Его творчество распадается на три части: теоретические исследования в области стиля и иллюстрации к ним, поэтическое творчество и шуточные стихи». Он любит говорить о давнопрошедших временах и «утверждает Россию как азиатскую страну». «Многие его строки кажутся обрывками какого-то большого, никогда не написанного эпоса... Тем печальнее видеть, какую шумиху подняли вокруг

его творчества, как заимствуют у него не его достижения, а его срывы, которых, увы, слишком много».

Г.Танин [Г.В.Рочко] — «Творчество Бунина» (Еж. Журн., № 2). «Русь Бунина печальна и дика»; «неумолимо систематически ведет свой мрачный рассказ... И удивляешься, как только в деревне сеют и пашут». Суд над интеллигенцией не более милостив; бунинское настроение чуждо бодрости и радости.

Д.Тальников — «Эстетика и общественность (О современной литературе)» (Совр. Мир, № 2). «Пролетариат пока еще не обладает теми предпосылками... политическими и культурными, которые необходимы для правильного течения процессов создания искусства». «Литературный распад», о котором писали марксисты в 1909 г., «растет в ширину и глубину» (ссылка на выступление Бунина на банкете «Русских ведомостей» в октябре 1913 г.). Однако «нарастает новая волна общественности и реализма... Здоровой общественности, здорового искусства, здорового демократического духа — вот чего ищет современность».

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «Нет общественности» («День», 2 февр.). «В России не только разобщенность партий и групп, но и людей», отсюда «разъедающая язва индивидуализма»; литература как словесность процветает, но она «безобщественна».

Автор статьи утверждает, что «для возрождения бодрости в России достаточно объединяющего призыва за подписью дюжины неунывающих интеллигентов» (Л.Войтоловский, «Ноев ковчег г. Антона Крайнего», Киев. Мысль, 16 февр.).

А.Б.Дерман — «О гр. Алексее Н.Толстом» (Р. Мысль, № 2). «Острое зрение, богатое воображение, богатый язык — вот его капитал». Мировоззрение в его творчестве отсутствует, единственный «мотив идеологического свойства» — «мысль о бессодержательности жизни без любви».

В.Розанов — «В.А.Серов на посмертной выставке» (Н. Вр., 31 янв., 2 февр.). «Величайший художник нынешнего царствования» создал галерею портретов «обыкновенных» людей, сумев в каждом уловить «вечное, неповторяющееся» Божье творение. А также портреты царя, его семьи, С.Ю.Витте и М.Горького: «В черной блузе и штанах, подпоясанный ремнем, сидит Максим Горький, взявшись правой рукою за грудь... Лицо доброе и деликатное», но поза говорит о болезненной «надорванности»; ведь

у самого Горького «нет плана, мысли и понимания. Одна поэзия и порывы. Тут и без чохотки надорвешься».

Ч.Ветринский — «Г.И.Успенский в 70-е и 80-е годы» (Р. Мысль, №№ 1-2).

В.Розанов сделал вывод из этих «прекрасных очерков»: у идеалистов вроде Успенского было мало общего с «нажимавшими на них» социологами вроде «скрытого вивера» Михайловского; однако, поддавшись «жидовскому» экономизму (Лассаль, Маркс), Успенский забыл о приоритете духа над плотью для русского народа. «Живая душа» Успенский, как и Белинский, — настоящие русские «теплые» люди, но попавшие не в свой лагерь («Еще погребенный “социологами” (Из мартиролога русской революции)», Н. Вр., 2, 16, 21, 25 марта, 4 апр.).

Ал.Н.Толстой — Сочинения. Т. IV. «Сказки». М., 1914, тираж — 3000.

Н.Асеев — «Ночная флейта. Стихи». Предисловие С.Боброва. М., 1914, тираж — 200. Бобров призывал «покинуть опытные плантации» модернистов и «отдать себя чистой лирике».

Асеев еще переживает «романтическую» эпоху, «пишет немного в духе А.Блока, немного в духе Н.Гумилева» и пока слишком склонен «к дешевым украшениям стиха»; обнаруживает «пристрастие к славянизмам», «легкий налет народности», футуризм «сказывается выбором тем и образов» (В.Брюсов, «Год русской поэзии. Порубежники», Р. Мысль, № 6, с. 17).

Вера Инбер — «Печальное вино». Париж, 1914.

«У В.Инбер есть вкус, который непременно заставит ее интимное, комнатно-настроенное дарование освободиться от модных, и давно уже не модных, стилизаторских гримас» (С.Борисов, Нов. Жизнь, № 2). «Ее стихи сравнительно хорошо и по хорошим образцам сделаны и часто занимательны по содержанию», но В.Инбер «угрожает опасность остаться умелым стихотворцем и только» (В.Брюсов, «Продолжатели», Р. Мысль, № 7). Вкус, любовь к красоте при вычитанности и манерности (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 30 марта). Несомненный художественный талант должен вывести из «малого круга переживаний» (Иванов-Разумник, «Жеманницы», Зав., № 5).

Н.Кульбин — «Что есть слово (II-я декларация слова как такового)». СПб., 1914, тираж — 1500.

Генрих Тастевен — «Футуризм (На пути к новому символизму)». С прилож. переводов главных футуристских манифестов Маринетти. М.: изд. «Ирис», 1914, тираж — 3000.

«Сжатое изложение эстетики и философии футуризма, его исторический анализ и определение новых футуристических ценностей». Рецензент оценивает футуризм как порождение кризиса искусства и нового уклада жизни (М.Андерсон, Совр., № 9, май).

В.Каменский и А.Кривцов — «Нагой среди одетых». М.: Изд. российских футуристов, 1913, тираж — 300.

Альманах футуристов «Рыкающий Парнас». СПб.: «Журавль», 1914, тираж — 1000. Рис. В. и Д.Бурлюков, П.Филонова, О.Розановой, Ив.Пуни. В предисловии «Идите к чорту!», обращенном к современным критикам и поэтам, сообщалось, что, отбросив «случайные клички» «эго» и «кубо», футуристы объединились в «единую литературную компанию футуристов» (Д.Бурлюк, А.Крученых, Б.Лившиц, В.Маяковский, И.Северянин, В.Хлебников). Произведения этих авторов напечатаны на страницах альманаха, в том числе «Нате!» В.Маяковского.

Сборник футуристов «Гилеи» — «Молоко кобылиц». Херсон, б.г. [На обложке: М., 1914], тираж — 400 (стихи В.Хлебникова, В.Маяковского, В.Каменского, Д. и Н.Бурлюков, А.Крученых, Б.Лившица, Игоря Северянина; с рисунками А.Экстер, Д. и В.Бурлюков).

А.Крученых — «Стихи В.Маяковского». СПб., 1914, тираж — 1000.

В феврале в изд. тов. А.С.Суворина вышли юдофобские брошюры В.В.Розанова: «“Ангел Иеговы” у евреев (Истоки Израиля)». СПб., 1914; «В соседстве Содома (Истоки Израиля)». СПб., 1914; «Европа и евреи». СПб., 1914; «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». СПб., 1914.

Последняя книга составлена из статей 1911–1913 гг. в связи с процессом Бейлиса; в ней Розанов изменяет своему прежнему тяготению к Ветхому завету и апеллирует к христианству (А.А.Смирнов, Р. Мысль, № 4). Книга ставит и христиан, и евреев в «ужасное» положение: все мы «бедные» — и жертвы, и палачи — и выхода нет (С., «Русская речь», 5 марта).

Оскар Уайльд — Полное собрание сочинений. Т. 1–4. Под ред. К.И.Чуковского. СПб.: изд. А.Ф.Маркса, 1914, тираж — 3000.

Март

С.Сергеев-Ценский — «Наклонная Елена» (Первая глава романа «Инженер Матиец») (Р. Мысль, №№ 1-3).

«Это произведение, в котором есть чудесные страницы, в целом оставляет впечатление искусственного, головного. Неврастенический инженер Матиец — это наш старый знакомый Бабаяев, перекрашенный и перекроенный, согласно новым вкусам автора, в гуманиста и альтруиста» (Е.Колтоновская, «В тоске по солнцу», «Речь», 31 марта).

Е.Замятин — «На куличках» (повесть) (Зав., № 3; номер был конфискован; редакция и автор привлечены к суду за клевету на армию).

А.Блок — «Totentanz» («Пустая улица. Один огонь в окне...» и «Ночь, улица, фонарь, аптека...») (Р. Мысль, № 3); «Испанке», «В полоборота ты встала ко мне...», «Белая ночь» («В небе день, всех ночей суеверней...») (Сев. Зап., № 3).

Ф.Сологуб — «Земля родная (триолеты)» (Зав., № 3).

В том же номере заметка Иванова-Разумника: «Поистине велика сила "жизни", если любить ее призывает верный рыцарь иной прекрасной Дамы, бледной и молчаливой Смерти». И пусть «демократический символизм», о котором говорит в последнее время Сологуб, такое же незаконное сочетание понятий, как «республиканский романтизм» или «аристократический реализм», поучителен здесь сам призыв былого декадента к «соборности» и «коллегиальности».

В «Ежемесячном журнале» (№ 3) помещены: стихотворения А.Блока «В голодной и больной неволе...», А.Ахматовой «Слаб голос мой. Но воля не слабеет...» и др., А.Федорова, А.Ширяевца, «Воспоминания» Н.А.Морозова, статьи Е.Колосова «Чему нас учил Н.К.Михайловский» и А.Дермана «Среди журналов», в которой шла речь о формировании «народной интеллигенции», об огромном распространении дешевых изданий Л.Толстого, опровергающем суждение о том, будто народу нужно искусство, «отличное от того, каким питается интеллигенция».

1 марта в Петербурге Д.Н.Овсяннико-Куликовский прочел лекцию «О ценности жизни» (см.: Овсяннико-Куликовский, «Ценность жизни (Этюды)», Вест. Евр., 1915, № 5). «Приближается новая эпоха суровой трудовой культуры, в которой исчезнет

анархия и воцарится единство в вопросах морали, в религии же, искусстве и философии воцарится полная свобода и разнообразие» («Речь», 2 марта).

3 марта в Литературно-художественном кружке, в Москве, Г.И.Чулков повторил свою лекцию «Пробуждаемся ли мы?», назвав символизм «последним значительным этапом в эволюции художественного творчества». Акмеизм возлюбил внешний, случайный и потому «мертвенный облик» жизни, «футуризм есть еще большая апология мертвенного начала, ибо славит чисто механическую культуру» (Р. Вед., 5 марта).

4 марта в Петербурге К.Бальмонт прочел лекцию «Поэзия как волшебство» («Речь», 5 марта). 10 марта эта лекция была повторена в Москве, в Большой аудитории Политехнического музея. «Обилие образов, еще большее обилие красивых созвучий и бедность мысли — таково общее впечатление», — писал корреспондент «Русских ведомостей» (11 марта). Лекция была повторена в Минске, Вильно, Одессе, где Бальмонт предположил американский тип развития России: «духовную независимость области от центра» («У К.Д.Бальмонта», Од. Нов., 28 марта).

В начале марта прокурор Петербургского окружного суда предложил судебному следователю немедленно дать ход делу против Горького, возбужденному за роман «Мать» в 1908 г. по 73 статье Уголовного кодекса, которая предусматривает богохульство и наказывает ссылкой на поселение. 19 марта Горький был допрошен и с него взята подписка о невыезде («Дело Максима Горького», «Речь», 8 и 20 марта). Прекращено 7 мая 1914 г. (ЛЖТ Горького. Вып. 2, с. 494).

9 марта в Петербурге, в зале Калашниковой биржи, проходил диспут «Кинематограф и театр». Выступали Ю.Э.Озаровский, В.Э.Мейерхольд, К.И.Арабажин, С.Волконский, Л.М.Василевский, Б.Глаголин [Б.С.Гусев] и другие. Большинство (кроме Б.Глаголина и С.Волконского) утверждали «превосходство» театра над кинематографом («Кинематограф и театр», Т. и Иск., № 11, 16 марта). По поводу диспута о кинематографе С.Волконский писал: «Бедный кинематограф!.. Его обвиняли в пошлости, в растлевающем влиянии на вкусы» и т.д., между тем, он «заслуживает нечто иное, нежели громы и презрение» («Немая "опасность"», «Речь», 2 апр.).

15 марта, в Петербурге, открылась выставка Н.С.Гончаровой, «одна из самых интересных... боевых выставок сезона»

(«Речь», 16 марта). Представлены все периоды: импрессионизм, кубизм, примитивизм, футуризм и лучизм, особо богаты циклы деревенский и церковный. Выставка «показывает пути преемственности и возвращений» к прежнему русской живописи (А.Ростиславов, «Сверкающий талант», «Речь», 23 марта).

17 марта в Московском Художественном театре состоялась премьера пьесы Л.Андреева «Мысль» в постановке Вл.И.Немировича-Данченко (переделка известного рассказа, вышедшая в марте отдельным изданием — СПб.: «Прометей», 1914, тираж — 3100). Отзывы критики были отрицательны: «Бить во что бы то ни стало по нервам российского обывателя... стало с некоторых пор одним из излюбленных приемов “художественников”» (С.Мамонтов, Р. Сл., 18 марта). Н.Эфрос, оговаривая актерскую удачу Леонидова в роли Керженцева, осуждал театр за выбор пьесы («Речь», 19 марта). «Пьеса дешевая», по зубам не слишком просвещенным зрителям (Бэн [Б.В.Назаревский], Моск. Вед., 18 марта). Герой — «несовершенная копия Раскольникова», целиком перенесен из «общественных мучений... в области патологии», что подчеркивает игра Леонидова (И.Игнатов, Р. Вед., 16 марта).

27 марта Л.Н.Андреев писал А.А.Кипену из Рима: «Я прочел много рецензий о “Мысли”... Ругаются почти все, ругаются злобно, преднамеренно порою, бьют по голове извека готовыми аршинами, как Игнатов... но при всем старании... никому не удалось нанести ни одного мало-мальски острого действенного удара... И по всему видно... что спектакль был... воздействия чрезвычайного... Одни приписывают это игре Леонидова... другие полагают, что вся причина импресии в изображении сумасшедшего дома... И сила спектакля — доказательство, что я и театр в данном случае идем правильным путем» (De Visu. 1994, № 3-4, с. 11-12).

Л.Клейнборг — «Горький на родине» (Совр., № 6, март). В статье говорится о волне коллективных приветствий, которыми встретила писателя демократия. «Поворот к Горькому и есть поворот от мертвой точки, когда погас в литературе дух народных масс».

23 марта Горький писал А.В.Амфитеатрову: «Встречен демократией ласково и трогательно, одна Москва поздравила свыше 70 раз — тут и булочники, и чулочницы, водопроводчики и даже “мужики-крестьяне Новоторжского уезда”. Очень тронут, а интеллигенция — не очень меня любит, знаете ли! Нет-нет, да и

уловишь эдакий взгляд стрелоподобный, испепеляющий и вопрошающий: ты чего хочешь делать, черт?» (ЛН, т. 95, с. 450).

29 марта «Русские ведомости» сообщали, что в новый состав профессионального суда чести Литературного общества избраны: В.Г.Короленко, Н.И.Кареев, К.К.Арсеньев, Д.Н.Овсяннико-Куликовский, Л.Ф.Пантелеев, Ф.Д.Батюшков (председатель Совета общества), В.И.Семевский, Н.А.Морозов, С.Я.Елпатьевский, В.Я.Богучарский, В.В.Водовозов, С.А.Венгеров, В.Д.Набоков, Л.З.Слонимский, П.Г.Мижухев.

29 марта в Петербурге, в Тенишевском училище, Н.М.Минский после своего долгого пребывания за границей прочел лекцию «Любовь к предметам и любовь к людям», в которой обосновал противоположность вдохновляющих начал европейской и русской литератур («Речь», 30 марта).

30 марта в Большой аудитории Политехнического музея Игорь Северянин «представлялся» московской публике. В небольшом вступительном слове В.Ф.Ходасевич назвал Северянина типичным поэтом современности. Сам поэт распевал свои стихи на очень однообразные мотивы. «Каждое стихотворение покрывалось восторженным “бис” и “браво”. На эстраду летели бутоньерки» (Р. Сл., 1 апр.). В течение сезона И.Северянин совершил большое турне по многим городам запада и юга России и «в несколько месяцев завоевал себе и признание и редкую для молодого поэта известность» (Утро Рос., 30 марта).

В марте вышел первый номер журнала «Дневники писателей» (СПб., ред.-изд. Ф.Сологуб). От редакции сообщалось: «задача журнала знакомить с современными взглядами писателей на события литературы, искусства и жизни — в свободной форме дневников и заметок».

«Грубая и рекламная книжка», размером не больше печатного листа. Открывается заявлением Сологуба: «Сказать только свое, только о том, что нас интересует...» Сам редактор представлен в стихах, заметках, афоризмах, в объявлениях на обложке, кроме него — И.Рукавишников, М.Волошин, Ан.Чеботаревская и письмо Л.Андреева с обещанием сотрудничества и жалобой на «своеобразное палачество» критики (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 27 апр.). Журнал Сологуба обещал развивать «свободные мысли в свободной форме», но в двух вышедших книжечках — «мелкие “семейные” счеты с критикой и газетные сплетни» (Д.Философов, «Пиршественный стол», «Речь», 10 мая).

Издание симптоматично как «потребность непосредственного общения писателя со своей аудиторией» (П.П-ш, Нов. Журн. для всех, № 6, Нов. Кн.).

В марте в Москве вышел двойной номер «Первого журнала русских футуристов» (ред. В.Каменский, изд. Д.Бурлюк), в котором участвовали: В.Маяковский «Кюфта фата», «Послушайте», «А все-таки», «Еще Петербург», В.Каменский «Танго с коровами», «Железобетонная поэма», Д., В. и Н.Бурлюки, В.Шершеневич и другие. Тираж — 300.

«Хотя в журнале — целых три Бурлюка, верх над ними тремя и даже над всеми остальными, объединенными под канареечную обложку, взял решительно В.Каменский. Он из будетлянских поэтов самый будетлянский...» (Коль-Коль [Н.Е.Эфрос], «Будетлянский журнал», Од. Нов., 23 марта). «Какой толк в том, что у отдельных участников (Большаков, Лившиц, особенно Маяковский) попадают отдельные блестящие!.. Весь журнал характеризуется полнейшим безвкусием и абсолютным грубохулиганским отношением к искусству». «Во второй части журнала “Теория и полемика” г.г. футуристы изругивают последними словами Чуковского, Яблоновского, Чеботаревскую, Фриче, Измайлова, Луначарского, Философова, Неведомского... К счастью, добрых 25 страниц отведено перепечатке статей этих критиков» (С.Кречетов [С.А.Соколов], Утро Рос., 22 марта).

В течение марта В.Маяковский, Д.Бурлюк и В.Каменский выступали в ряде городов (Катанян, с. 89–91).

Вяч.Иванов — «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (Апол., № 3). Во времена «сдвига всех осей» Чурлянис (как и Ницше) находится «в культурном одиночестве», ценность этого мученичества огромна: его фантазмагории есть «опыт синтеза живописи и музыки», предвестие далекой задачи синтеза искусств — Мистери.

Н.Бердяев — «Пикассо» («София», № 3). «Замечательный художник, глубоко волнующий», «гениальный выразитель разложения... телесного, воплощенного мира», олицетворение «кризиса культуры»: печаль от «гибели старой красоты мира» и «радость рождения нового». «Уже у Врубеля началось жуткое распыление материального тела»; те же симптомы «в ускоренном темпе движения» — у футуристов, чья поэзия «до сих пор не дала ничего значительного». Андрей Белый — «близкое к гениальности явление... может быть назван кубистом в литературе... Он такой же жуткий, кошмарный художник, как и Пикассо».

Иванов-Разумник — «Вечные пути (Реализм и романтизм)» (Зав., № 3). «Прошлый и текущий год, несомненно, следовало бы назвать “годом о символизме” — столько о нем споров! сколько статей, книг, лекций, диспутов, прений!..» Истинное суждение о символизме можно вынести, лишь отойдя на некоторое историко-литературное расстояние. «Есть две и только две основные категории человеческого духа: реализм и романтизм». От Пушкина до Толстого — это «эпоха расцвета подлинного реализма в русской художественной литературе». Претензии символистов на Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и даже Тютчева — несостоятельны. Провозвестником нового романтизма следует считать Вл. Соловьева. «Достигнув высшей точки своего развития, новое течение, уже облаченное в “ризы символизма”, переживает свой кризис». «Мы теперь понемногу идем к воскрешению реализма и к возрождению в новых формах былой религии жизни, религии Человека».

10 марта А. Блок записывает: «Пришли “Заветы” (№ 3) с вражеской статьей о символизме Иванова-Разумника. Однако ж, как мы недаром с ним встретились, и сколько он значит для меня!» (Зап. Кн., с. 215).

Антон Крайний [З. Н. Гиппиус] — «Механический “реализм”» («Отклики», № 11, прилож. к газ. «День», 20 марта). В последнюю зиму в петербургских кругах шли споры между символистами и позитивистами, именующими себя реалистами. «Никогда искусство не было позитивистическим», и «верные рабы механики» останутся вне его. Иванов-Разумник с осторожностью оставляет «механику».

А. Редько — «Среди “устремлений” к непостижимому» (Р. Бог., № 3). Поддерживает тип духовной культуры, «основанный на доверии к разуму и этическому чувству, опороченным модернизмом». Модернизм пришел под «соблазнительной личиной» стремления «установить в искусстве царство личности, свободной от всех пут и догм», стал культивировать «форму», отдельную от «содержания». Московский футуризм — единомышленник модернизма в своих «конечных исканиях», в стремлении «прорваться в сверхприродный мир», но он довел это стремление «до карикатурных проявлений», «до огромного, зияющего нуля». «Нового пути» в искусстве не найдено, но «абсолютно бесполезных исканий не бывает». Кубизм — «болезнь ищущей мысли», в нем не все «скандал», в частности, он вновь провозгласил, что «содержание неотделимо от формы». Освобождение искусства «от вмешательства разума (не тенден-

ции!)» ведет к деградации культуры, во имя которой будто бы выступил «мистический символизм».

А.Горнфельд — «Образы Федора Сологуба (Очерк второй. Рассказы. Драмы)» (Р. Вед., 11 марта). Его герой — «раб страха, раб наваждения, раб строя, раб голода, раб рока, раб чародейства, раб жизни, раб смерти...» В драмах смесь лирики с «теоретическими заявлениями» о противоположности двух миров — мечты и действительности.

Л.Клейнборг — «Наши песни» (Совр. Мир, № 3). (По поводу двух сборников «Поэты-рабочие». М.: «Трудовая семья», 1914). В Москве не утвердилась профессиональная рабочая газета, тем примечательнее «возникновение издательства, поставившего себе целью ознакомить читателя с произведениями рабочих». В сборниках представлены поэты петербургских рабочих газет и рабочих журналов: А.Маширов-Самобытник, А.Поморский, В.Александровский, М.Подлесный и другие. Основной мотив сборника — обращенность в будущее.

Н.Коробка — «И.С.Шмелев (Критический этюд)» (Вест. Евр., № 3). Наряду с футуризмом в современной русской литературе совершается «поворот к реализму и уравновешенному творчеству» (Шмелев, Зайцев, Сургучев, Сергеев-Ценский, Ал.Толстой).

М.Первухин — «Псевдофутуризм (Письмо из Рима)» (Совр. Мир, № 3). В беседах с русскими журналистами Маринетти заявил, что русские футуристы не имеют понятия об истинном футуризме. Для Италии с ее культурным переизбытком борьба со старым закономерна, в России — это «просто озорство», а выступление под бунтарским, революционным флагом — ложь, ибо русский футуризм «увлекает в глубь веков», к одичанию и первобытному состоянию.

В.Маяковский — «Владимир Маяковский. Трагедия в двух действиях». Рис. Д.Бурлюка. М.: изд. «Первого журнала русских футуристов», 1914, тираж — 500.

Анна Ахматова — «Четки. Стихи». СПб.: «Гиперборей», 1914, тираж — 1000 (2-е изд. — в июне 1915 г., тираж — 1000; 3-е — в апреле 1916 г., тираж — 1000; 4-е — в январе 1917 г., тираж — 2000).

Большинство критиков отметило «узость» переживаний поэтессы при несомненном поэтическом даре. «Безукоризненные по

форме ее стихи являются все-таки фрагментами, отрывками... А.Ахматова должна расширить очень и очень свои горизонты...» (С.Городецкий, «Женские стихи», «Речь», 14 апр.). «Все виды “любвиной тоски” изображены в этой книжке». «По-новому наблюденная обыденность» в ее стихах становится красотой (М.Моравская, *Еж. Журн.*, № 4). «Основные черты ее творчества — мягкий, смеющийся, обостренный любопытством и немного холодный эротизм. Как и все поэтессы, «отказывается от жизни и от идейной ответственности перед нею» (М.Шагинян, «Женская поэзия», Приаз. Кр., 4 мая). Книга Ахматовой — еще одно подтверждение «мифа об акмеизме», возникшем под знаком эпигонства, так как «необходимости обособления их от символистов» не было (С.Бобров, *Совр.*, № 9). «Эгоцентрическая поэзия, вращающаяся вокруг “я” и “меня”, не знающая иных отношений, кроме любовной игры... не знающая природы» (Д.Тальников, *Совр. Мир*, № 10). «Небольшая нитка нежных жемчужин, по которой чуткая к обыденному женская душа отсчитывает свои переживания, но как страшно ограничен их круг, как тягостно со стороны их однообразия» (В.Кранихфельд, *Совр. Сл.*, 1915, 1 янв.). «Настоящий поэтический талант несомненен, и, быть может, он поможет поэту выйти из душного и чадного “малого круга” на широкий жизненный простор» (Иванов-Разумник, «Жеманницы», *Зав.*, № 5). «Ахматова — эстетствующая любовница, коллекционер острых чувств», но ей «нельзя отказать в тонкости, в хорошей образованности, в своеобразии» (В.Шершеневич, «Совр. женщина», № 4). «Прекрасный цветок, убитый электричеством» (С.Кречетов [С.А.Соколов], *Утро Рос.*, 26 апр.). «Какая духовная скудость, какое неумение воспринимать мир...» (Л.К., *Сев. Зап.*, № 5). «Умалчивание о многом» — едва ли не «главная прелесть» стихов Ахматовой (В.Ходасевич, «Новь», 5 апр.). «В ней обретает голос ряд немых до сих пор существований — женщины... говорят, наконец, своим подлинным, и, в то же время, художественно-убедительным языком». По сравнению с «Вечером» «стих стал тверже, содержание каждой строки — плотнее, выбор слов — целомудренно скупым» (Н.Гумилев, «Письмо о русской поэзии», *Апол.*, № 5, с. 38). «Ее стихи предельно просты, но в этой простоте, в этой целомудренной строгости есть свое особенное необщее выражение», у нее есть своеобразное и мудрое отношение к миру: «в ее поэзии нет ни тени легкомысленного самодовольства, и она идет по трудным путям жизни, изнемогая от печали...» (Г.Чулков, «Закатный звон», прилож. к газ. «День», 7 марта). «Среди книг молодых поэтов, ищущих “нового” на “старых” путях, определенно выделяются “Четки” А.Ахматовой... Однако

поэтический горизонт “Четок” почти тот же, что и “Вечера”, и теперь уже можно опасаться, что он так и останется довольно ограниченным. Это, конечно, не изменит абсолютной (художественной) ценности творчества Ахматовой, но не позволит ее поэзии получить значение всеобщее...» (В. Брюсов, «Продолжатели», Р. Мысль, № 7). «Несомненно талантливый поэт» («не поэтесса»); «чувствуется что-то родственное Блоку». Лирика Ахматовой — «сплошное горе, покаяние и мука» — далека от задач акмеизма, провозглашенных Гумилевым и Городецким (Б. Садовской, «Конец акмеизма», Совр., № 13–15, авг.). Ахматова выделяет из «пестрой бессмыслицы» жизни «только то, что ей близко», отсюда «недосказанность», «тревожность образов». В ее технике — «острота, гибкость и беспokoйный ритм». От Ин. Анненского она приняла постижение того, что боль, смерть и душевная мука — прекрасны (Д. Усов, «Жатва», кн. VI–VII. М., 1915). «Изысканно-простая и мудрая поэзия» Ахматовой обладает «даром правдивости» (Н. Ашукин, «Мир женщины», № 10). «Она никуда не зовет, вовсе не претендует “преодолеть индивидуализм”, но как бы показывает, что этот односторонний путь на самом деле ведет к уничтожению и гибели индивидуальности» (Югурта [А. К. Топорков], «Тризна и кануны», Сев. Зап., 1916, № 6, с. 134). «У Ахматовой женская влюбленность впервые становится трагичной», но «иногда поэтесса впадает в нарочитую изысканность и опускается до модного “декадентского” бездушия», при том у нее можно встретить некрасовские мотивы страдания, «сословную совесть» — редкое качество для наших дней. Ее отличает «сдержанность в словах», художественный такт (А. Тиняков, Журн. Журн., 1916, № 6).

М. Пришвин — «Славны бубны и другие рассказы», т. III. СПб.: «Знание», 1914, тираж — 2000.

«Скучные, хотя и замысловато написанные страницы. Только некоторые рассказы, вроде “Коктебельских камешков”, хранят аромат подлинной, живой поэзии» ([А. М. Редько], Р. Бог., № 5, Нов. Кн.). «Это — не плоская фотография и это не спокойное творчество, которое высоко поднимается над жизнью. Это близкое, поэтическое, торопливое преломление красок и звуков земли» (И. Ж[илки]н, Вест. Евр., № 5). «Тут все отрывки и наброски, психологические эскизы, чаще всего в форме путевых заметок, в которых без выбора и без плана заносится все... Наиболее интересное у Пришвина... удачно схваченные черты народной жизни и психологии» (Е. К[олтоновская], «Речь», 2 июня). «Есть в Пришвине что-то исконно славянское, кряжистое, лесное»; умеет «сжато и остро передать самое главное в природе —

жизнь»; сфера, «лучше всего поддающаяся художественному воплощению» — «народ, его быт, его верования, его язык» (Вяч. Полонский, Св. Журн., № 5, Нов. Кн.).

Федор Крюков — «Рассказы». Т. I. М.: Кн-во писателей, 1914, тираж — 2000.

«Подкупающая трогательность, меткий юмор, острая наблюдательность» (Н.Е. Доброво, Изв. книжн. магазина т-ва Вольф, № 4, с. 107). «Нежная, родственная любовь к природе и людям» (А.К., Сев. Зап., № 8-9, с. 249). В книге «мера художественного такта, при котором писатель не создает дурных произведений», с каждой страницы «веет задушевностью и теплотой», много юмора (Т.Г. [Ганжулевич], «Нива», ежемес. прилож., 1916, № 12, Б-фия).

«Слово». Сб. второй. М.: Кн-во писателей, 1914, тираж — 10000.

Это историко-литературный сборник, посвященный Чехову, в частности, в нем помещены письма Н.К. Михайловского 1888 г., убеждающего Чехова порвать с «Новым временем» ([А.Г. Горнфельд], Р. Бог., № 4, Нов. Кн.).

«Сирин». Сб. третий. СПб., 1914, тираж — 8100 (З. Гиппиус — цикл стихотворений «Молчания», стихи Вяч. Иванова, А. Блок «Седое утро», Андрей Белый «Петербург» (3-я часть), Ф. Сологуб «Барышня Лиза», А. Ремизов «Кузовок», «Вещь темная»).

Критика в основном занималась романом «Петербург». «Подлинно космогоническая задача взята Белым на себя и в значительной части выполнена». «В романе, который мог бы стать событием совершенно исключительной значительности, не оказалось достаточно свободы творчества, и он остается собранием разноценных материалов», и все-таки он показывает, «как бесконечны еще пути искусства» (Б.Г[рифцов], «София», № 3). «Чиновничество и революция — две силы или, вернее, два бессилия, — изображенные в “Петербурге”. И то и другое — туман, фантазмагория, ненастоящая жизнь... Несмотря на свои выдающиеся литературные достоинства “Петербург” А. Белого не объясняет тех явлений, изображению которых себя посвятил». У Сологуба «превосходное подражание старым сентиментальным повестям» с легкой современной иронией (И. Игнатов, Р. Вед., 10 апр.). «Редакция “Сирин” оказала... плохую услугу Андрею Белому, выставив эту бесцветную иероглифическую безвкусицу на всенародное позорище» (Л. Войтоловский, Киев. Мысль,

21 мая). В этом вырождающемся потомке «Бесов» есть черта, «отличающая первоклассные произведения искусства: неоспоримая органическая слитность содержания и формы». «Почему же с первых... страниц романа читательское воображение упирается, отказывается от *сотворчества*?» Потому что «Петербург» — «дезорганизованная, единой волей не воодушевленная толпа мыслей и чувств, и в бою, данном читателю, художник терпит поражение» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 6). Белому, «в конце концов, нет никакого дела до революции... Тема его — проповедь самого крайнего, самого безнадежного детерминизма»: «человек только игрушка в руках стихий» (М.Шагинян, Приаз. Кр., 20 июля). «Петербург» — «произведение литературного гурмана для таких же гурманов», Андрей Белый «вовсе отказывается от общепринятого языка»; «хорошо бы создать упрощенный и сокращенный вариант», «роман положительно испорчен нелепою, нудною, фальшивою формою» (А.Измайлов, «Город Медного всадника», Бирж. Вед., 16, 17, 19, 20 мая, веч. вып.). «Вся революция — фантазмагория из призраков и измены», революционер Дудкин — «чердачное существо, живущее химерами, алкоголик, доигравшийся до белой горячки, поклонник Апокалипсиса» (Г.Танин [Г.В.Рочко], «Речь», 16 июня). В «Петербурге» приемы «Серебряного голубя» «не получили никакого качественного развития». «Перед нами снова чрезвычайно одаренный художник»; его «бумажный городок» таит в себе «и хитрость, и мастерство, и ум незаурядный», но «легчайший ветерок» разметет его (С.Бобров, «Бумажный городок», Совр., дек., с. 246–247). «Заласканный писатель» Сологуб обратился к старине: «Это не жизнь, это надуманная и придуманная сладость...» (А.Ожигов [Н.П.Апешов], Совр. Сл., 9 мая).

А.Бибик — роман «К широкой дороге (Игнат из Новоселовки)». Предисловие В.Львова-Рогачевского. СПб., 1914, тираж — 2500.

Повесть о жизни заводского рабочего, рассказанная самим рабочим (Гр.Г. [Гребеншиков], Еж. Журн., № 4). Автор считает, что у рабочих должна быть своя пролетарская интеллигенция. «Во всем остальном, т.е. в описании забастовок, восстаний и расстрелов, в романе рабочего нас ничто не удивляет, видали мы и читали раньше такие описания в изобилии. Из специальной рабочей психологии автор не дал нам также ничего нового» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 9 марта). Некоторые критики готовы ставить Бибика рядом с Горьким. Такое славословие излишне, в книге «много наивного и безжизненного», но она захватывает

«волнующей правдой». Это — «дневник сознательного рабочего, глубоко захваченного пролетарской борьбой». И все же это еще не искусство, ибо пролетариат еще только «стоит у истоков своей собственной культуры» (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 14 апр.). «Только г. Львов-Рогачевский видит тут сияющий путь истинного сознания... а я с глубокой жалостью читаю повесть мучительно насидуемой, богатырской души... Бибику есть, что сказать, но языком искусства он не владеет» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], «Какая жалость!», «Отклики», № 23, прилож. к газ. «День», 13 июня). «Рост личности и рост класса — вот тот величественный идейный фон, на котором рисуются фигуры героев романа». «Несмотря на склонность изображать интеллигенцию и рабочих как две психологические расы, автор не мог дать художественных образов, убеждающих в этом» (Н.И[орданский], Совр. Мир, № 9). М.Калинин [А.Каринян], указывая на ликвидаторский оттенок в настроениях автора, писал: «Рабочую жизнь А.Бибик знает, достаточно хорошо... Вся атмосфера рабочей жизни и своеобразной заводской действительности начертаны грубыми, размашистыми, но яркими мазками» («Путь правды», 9 марта). Бибик — истинный провозвестник «будущего художества» пролетариата — показывает жизнь рабочего коллектива и процесс выделения своей собственной рабочей интеллигенции (Ив.Кубиков, «О романе А.Бибика», «Наша заря», № 4).

Вл.Ходасевич — «Счастливый домик. Вторая книга стихов». М.: «Альциона», 1914, тираж — 1000.

«Счастливый домик» нельзя упрекнуть в обывательщине, так как «эпоха больших слов» отошла. Теперешняя формула Ходасевича: «Только нужно жить потише, не шуметь и не роптать...» У поэта «ясный, насмешливый ум», «никогда не изменяющий ему вкус простоты и меры» (М.Шагинян, Приаз. Кр., 16 марта). Автор тяготеет к «светлому миру Пушкина и Фета не менее», чем к «осенней лихорадке» нашего сумеречного мира (Г.Чулков, Совр., № 7, апр.). «В сущности, первая серьезная книга этого поэта... Дарование В.Ходасевича не ярко, и не яркие его стихи, но в них есть какое-то благородство выражений и благородство ритмов» (В.Брюсов, «Продолжатели», Р. Мысль, № 7). Каждое стихотворение Ходасевича — «тщательное изделие художника-ювелира», «он пьет из небольшого, но собственного стакана» (Б.Садовской, Сев. Зап., № 3, Б-фия). «В его, очень неярких, но довольно изящных стихах» чувствуется склонность к «тютчевскому мировосприятию» (В.Пяст, «Отклики», № 14, прилож. к газ. «День», 11 апр.). «В стихах Ходасевича, при несколько вя-

лой ритмике и не всегда выразительной стилистике, много внимания уделено композиции, и это-то и делает их прекрасными» (Н. Гумилев, «Письма о русской поэзии», Апол., № 5). «Скромная синяя обложка и чуть-чуть золота» гармонирует со стихами Ходасевича — «они тоже синеватые, спокойные, тихие, — и таят осколки золотого»; «не склонен тянуться за новым», избегает «ярких красок и ослепительных слов» и все-таки он урбанист, поэт московских «тихих переулков» (В. Гальский [В. Г. Шершеневич], Св. Журн., № 11, Нов. Кн.). «Автор немного подражатель, но отнюдь не стилизатор, не анархист... На его небольшом таланте лежит печать тщательного литературного воспитания. Он верит в прочные, великие ценности и неподатлив на дешевые соблазны новаторства» («Нива», ежемес. прилож., 1915, № 2, Б-фия).

«В прошлом году я прочел около 50 отзывов о своей книге», — писал В. Ф. Ходасевич А. И. Тинякову 6 мая 1915 г. «Одна М. Шагинян говорила обо мне по существу, понимая меня и мои стихи». «Писали обо мне много, да либо урывками, либо вздор (Увы — чем хвалебнее, тем глупее! Исключение — Пяст, который меня выбрал, да глупо.)» (В. Ходасевич. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997, с. 393–394).

Эллис — «Арго. Вторая книга стихов». М.: «Мусагет», 1914.

Все стихи «написаны на самые возвышенные и благородные темы (большею частью религиозные) и объединены культом католичества, но в то же время шаблонны, бледны и неинтересны» (В. Брюсов, «Продолжатели», Р. Мысль, № 7). В стихах «напряженность религиозных исканий», но они — «крайне немусыкальны, бедны ритмически» и «весьма часто подражательны» (Андрею Белому, Брюсову, даже М. Цветаевой) (В. Ходасевич, Р. Вед., 1915, 16 янв.).

Игорь Северянин — «Златолира. Поэзы. Книга II». М.: «Гриф», 1914, тираж — 1000. Сборник разошелся в семь дней (Утро Рос., 16 марта); в течение 1914–1916 гг. вышло шесть изданий.

«Златолира», составленная в большинстве из ранних стихов, успеха у критики не имела (С. Бобров, «Русская поэзия в 1914 году», Совр., 1915, № 1). А. Измайлов продолжал видеть за «безвкусием, парикмахерской галантерейностью, хорошим тоном Гоппе» настоящего поэта, чуть ли не «родного брата» Блока (Р. Сл., 14 марта). Л. Войтоловский со стыдом признавался, что усмотрел в «Громокипящем кубке» « пленительно-наглуую » поэзию (Киев. Мысль, 12 марта). «Бездна безвкусиа, промахов и однообразия» (Е. Лундберг, «О футуризме», Р. Мысль, № 3).

Это — «пестрая эфемерида поэтического дня», хотя и с искрой настоящего дарования (А. Амфитеатров, «Человек, которого жаль», Р. Сл., 15 мая). «Сколько недостатков, оскорбляющих всякий чуткий вкус! Как часто музыкальность стиха куплена просто шаблонностью ритма» (В. Брюсов, «Порубежники», Р. Мысль, № 6). Успех этой «слишком очевидной бездарности» — знамение нашего пестрого и безвкусного времени: «идеалы прозаического мещанства царят властно над виршами Игоря Северянина» (Д. Тальников, «Недоразумение в стихах», Совр. Мир, № 6). «Все та же мишура» «кафешантанных будней» (В. Кранихфельд, Совр. Сл., 1915, 1 янв.).

Б. Садовской — «Самовар». Предисловие автора. М.: «Альциона», 1914, тираж — 1000.

Книга содержит «много той ароматной, уютной, бытовой поэзии, которая так редка теперь» (В. Пяст, прилож. к газ. «День», 11 апр.). «Неудачная по своей тяжеловесности шутка», не без привкуса «квасного патриотизма» (С. Городецкий, «Речь», 12 мая), «Альциона» — «не сатириконское издательство, но если относиться к этой самоварной стилизации или стилизованному самовару» серьезно, то что же останется от них? (Д. Тальников, Совр. Мир, № 11). «Лик музы Б. Садовского не ярок», но это «стихотворец хорошей школы», хранитель классической традиции. «Полушутливый тон авторского предисловия... должен был бы оградить этот сборник от высших притязаний художественной критики» (Андрей Полянин [С. Я. Парнок], Сев. Зап., № 4). «Над стихами вьется улыбка автора» и «явственны блики солнца русской поэзии — Пушкина» (Вест. Евр., № 5, Б-фия). Стихи «грамотны... не лишены известной приятности», «но мало интересно все это» (С. Бобров. Совр., 1914, № 13–15, Нов. Кн.). «Целая энциклопедия» «чисто-русского тяготения к самовару и к своеобразной, почти философской, обстановке русского чаепития» («Нива», ежемес. прилож., № 12, Б-фия).

Альманах изд-ва «Альциона», кн. Первая. М., 1914, тираж — 2000; 2-е изд. — июль 1914 г., тираж — 1400 (В. Брюсов «После детского бала», М. Кузмин «Принц с мызы», Б. Садовской «Игорев сокольник», В. Ходасевич «Русская поэзия», М. Шагинян «Письма о музыке», Г. Якулов «Дневник художника» и другие).

Илья Эренбург — «Детское». Париж, 1914; сборник переводов «Поэты Франции. 1870–1913». Париж, 1914.

О первом сборнике С. Городецкий писал как о малом «атоме настоящего искусства». Антология французской поэзии

составлена по принципу личного пристрастия («Речь», 10 марта).

Велемир Хлебников — «Творения. Том I. 1906–1908 г.». С приложением статей Д.Бурлюка и В.Каменского. Херсон [на обложке М.]: Изд. «Футуристы “Гилея”», 1914, тираж — 480; «Изборник стихов с послесловием речаря (1907–1914)». СПб.: изд. «Еуы», 1914, тираж — 1000.

Б.Лившиц — «Волчье солнце. Книга стихов вторая». Херсон: Изд. «Футуристы “Гилея”», 1914, тираж — 400.

«Небольшая группа взбалмошных новаторов еженедельно выбрасывает на рынок летучки, брошюры, печатные тряпочки, с рисунками и без них». Достижений у футуристов нет, есть лишь «хаотичность представлений об искусстве, о целях его и о формах», служащая им сейчас ширмой, за которой они «отсиживаются в трудные минуты» (Е.Лундберг, «О футуризме», Р. Мысль, № 3).

Елена Гуро — «Небесные верблюжата». С рис. автора. СПб., 1914, тираж — 750.

В.Брюсов отметил «действительно художественные и проникнутые чувством страницы... в посмертном сборнике стихов и прозы Е.Гуро» (Р. Мысль, № 5, с. 31). Тончайший импрессионизм, «глубоко интересный человеческий документ» (Н.Венгров, Совр., № 6, март). «Она оригинальна и самобытна», но все эти «написанные для себя строки», «необработанные стихотворения в прозе» — «не так выразительны, как кажется друзьям автора, все это не литературно и бесцветно» (Н.В., Нов. Журн. для всех, № 6, Нов. Кн.). «Чувствуется душа... слегка надломленная, но живая... даже болезненно впечатлительная... С футуристами она разошлась бы скоро: для них она была слишком *настоящая*» (В.Ходасевич, Р. Вед., 1915, 10 янв.). «Эти страницы с суровым сильным слогом... — писал В.Хлебников, — особенно хороши дыханием возвышенной мысли» («Неизданные произведения», М., 1940, с. 365).

К.Чуковский — «Лица и маски». СПб.: «Шиповник», 1914, тираж — 2000 («Оскар Уайльд», «Футуристы», «Джек Лондон», «Чарская», «Новые слова», «Борис Зайцев», «Мы и они», «Ал.Н.Толстой», «Леонид Андреев», «З.Гиппиус», «Некрасов и модернисты», «Всеv. Гаршин», «Тарас Шевченко»); «Книга о современных писателях». Исправ. изд.: СПб.: «Шиповник», 1914, тираж — 1600; «Поэзия грядущей демократии. Уолт Уитмен». С предисловием И.Е.Репина. М.: изд. И.Д.Сытина, 1914, тираж — 3000.

На последнюю книгу отозвался В. Розанов: «наш бедный Чуковский» обманут «гениальным самообманщиком» Уитменом, который «холодно-формальное всеосязание» принял за человеколюбие; «нигилист» Уитмен не имеет понятия о «душе человеческой», о родине и истории, а демократизм — сильнее у М. Горького (Н. Вр., 1915, 10, 13 авг.). К «прежнему блеску формы» у Чуковского прибавились острая мысль, широта понимания и серьезность отношения (И. Дж-н [Джонсон], Утро Рос., 29 марта). «Лица и маски» — «импрессионистская и шумная книга» с «разносами по рецепту “бей по голове”» (Вест. Евр., № 7, Б-фия).

В. Львов-Рогачевский — «Две правды. Книга о Леониде Андрееве». СПб.: «Прометей», тираж — 1100.

Критик поставил перед собой задачу собрать весь биографический материал об Андрееве, «проследить движение его литературной жизни», очертить отношение к писателю современной критики, но многое в книге осталось не доказанным и даже не намеченным (Н. А. [Н. Я. Абрамович], Нов. Жизнь, № 4). Критик показывает «психическую неспособность» Л. Андреева найти синтез: у этого художника «нет полуответа, зато у него всегда два ответа, два решения, два полюса» (Иуда и Христос, Елеазар и Август, Анатэма и Давид Лейзер и т. д.) (Н. Г[еккер], Од. Нов., 5 мая). «Попытка дать систематический труд о самом талантливом писателе современной русской литературы... ценна и важна». Но «тенденциозное критическое освещение творчества» Андреева «с точки зрения классовых интересов и разделений» не позволяет увидеть «подлинного лица писателя» (Т. Ганжулевич, «Нива», ежемес. прилож., № 11, Б-фия). Монумент, воздвигнутый писателю при жизни, хотя Андреев — «не столько художник, сколько ритор», колеблющийся между «двумя правдами» (В. Ю. Б. [Н. Н. Вентцель], Н. Вр., 1915, 31 окт., прилож.).

М. Гершензон — «Грибоедовская Москва». М.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1914, тираж — 2050.

«Живо и ярко написанная книжка», автор которой задался целью дать «опыт исторической иллюстрации» [слова Гершензона] к «Горе от ума» ([В. А. Мякотин], Р. Бог., № 7, Нов. Кн.).

Апрель

Ив. Бунин — рассказ «Святые» (Вест. Евр., № 4).

Е. Н. Чириков — повесть «Возвращение» (Вест. Евр., №№ 1-4).

Чириков иллюстрирует настроения «разочарования и грусти», которые охватили интеллигенцию после революции (А. Дерман, «Среди журналов», Еж. Журн., № 3).

А. Куприн — рассказ «Святая ложь» (Р. Сл., 6 апр.).

Ив. Шмелев — рассказ «В усадьбе» (Совр. Сл., 6 апр.).

А. Чапыгин — рассказ «Другой» (Совр. Мир, № 4).

А. Серафимович — рассказ «Ночная мелодия» («Речь», 9 апр.).

К. Тренев — рассказ «Вечная любовь» (Киев. Мысль, 6 апр.).

А. Блок — цикл под названием «Народ и поэт» [отрывки из поэмы «Возмездие»]: «Жизнь без начала и конца...», «Кто меч скует? — Не знавший страха...», «Но песня — песнью все пребудет...», «Ты, поразившая Денницу...» (Р. Сл., 6 апр.); «Они звучат, они ликуют...» (Совр., № 7, апр.).

П. Орешин — «Деревенские песни» (Зав., № 4). С редакционным примечанием: «Автор этих стихотворений — крестьянин, впервые выступающий в печати».

В «Ежемесячном журнале» (№ 4) помещены: стихотворения Ив. Бунина «Ночлег», А. Блока «Моей сестре», Н. Клюева, А. Федорова, А. Ширяевца, рассказы С. Подъячева «С новостями пришел», Б. Верхоустинского и др.

С 7 по 11 апреля в Тенишевском зале ежедневно шли «Незнакомка» и «Балаганчик» Блока в постановке В. Мейерхольда, хотя на афише не был назван режиссер («Речь», 9 апр.; см. также ред. статью «Несколько слов по поводу постановки лирических драм А. Блока “Незнакомка” и “Балаганчик” в аудитории Тенишевского училища 7-11 апреля 1914 года», журн. «Любовь к трем апельсинам», № 4-5, дек.). Блок — «нежный, душевный

поэт» — не подходит для «раскрашенного машинного театра» Мейерхольда, «холодного притворщика» (П.Ярцев, «Театр доктора Дапертутто», «Речь», 5 апр.). Мать Блока писала 10 апреля М.П.Ивановой: «Дурно это все сделано у Мейерхольда. Играют ниже всякой критики. И все его выдумки не хороши» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 431). М.А.Кузмин, автор музыки к «Балаганчику», записал о своем посещении театра 7 апреля: «Был кошмар, всего хуже сам Блок. Невероятный вздор» (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 162). «Балаганчик», поставленный Мейерхольдом, «оставил недоумение» (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, Р. Зап., 1917, № 1, с. 175).

В апреле Художественный театр гастролировал в Петербурге. Л.Гуревич отрицательно высказалась о постановке «Мысли» Л.Андреева, выделив лишь игру Л.М.Леонидова («Гастроли Художественного театра», «Речь», 12 апр.). П.Ярцев писал о кризисе роста театра, поставившего «грубую, низменную вещь» («Мысль») («Худая трава», «Речь», 4 мая). Театр знает «как» играть, но не знает «что»: «каждый год нас заставляют смотреть новое безобразия Л.Андреева», поставили «плохую, бесформенную пьесу» («Николай Ставрогин»). «Репертуар всегда был слабой стороной этого театра»: «добро бы только Чехов, а то ведь все эти скандинавы, Метерлинк, г.г. Максим Горький да Леонид Андреев» (В.Чудовский, Апол., № 5).

10 апреля в «Одесских новостях» помещено интервью «У Ив.Бунина». Писатель «честит» и итальянских, и русских футуристов; первыми — в Италии никто не интересуется, а вторые — «жалости достойны». Кубо-футуристы, Маяковские и Бурлюки — «просто «безобразники», «напрасно о них говорят в серьезном тоне». Игорь Северянин — «стихотворный пшют». Однако Бунин очень живо интересуется лекционными турне футуристов и их успехами у аудитории.

10 апреля в Литературно-художественном кружке в Москве Н.М.Минский прочел доклад о русской и европейской литературе. Новое обновляющее слово было сказано русским декадентством, которое призывало к самоутверждению личности, культурных ценностей, а затем стремилось «к примирению любви к людям с самоутверждением личности» (Р. Вед., 11 апр.).

18 апреля в Политехническом музее состоялся диспут, посвященный постановке в Художественном театре андреевской «Мысли». Докладчик С.С.Мамонтов упрекнул театр в том, что он

стал приспособляться к вкусам публики, становится «театром ужасов» (постановка «Мысли», переделок Достоевского и т.п.). Доклад сопровождался аплодисментами, шиканьем и свистом. Защитнику театра, Ю.В.Соболеву, была устроена овация. Когда выступавший с защитой театра С.Глаголь [С.С.Голоушев] воскликнул: «Где настоящие художники и кто бы мог прийти на смену Художественному театру?» — с верхних рядов раздался зычный голос: «Мой театр в Петербурге — трагедия Маяковского». Далее г. Маяковский выступил на кафедре. Сущность его небольшой речи сводилась к тому, что в Художественном театре процветает риторика, а настоящий театр должен быть театром действия и зрелища» (Р. Вед., 19 апр.).

В Харькове образовалась литературно-издательская группа «Лирень» (Н.Асеев, Г.Петников, Божидар [Б.П.Гордеев], близкая к «Центрифуге» (письмо Н.Н.Асеева к С.П.Боброву от 4 сентября 1914 г. — РГАЛИ, ф. 2254, оп. 1, ед. 10).

Л.Войтоловский — «К спору о пролетарской культуре» (Киев. Мысль, 12 и 13 апр.) (в связи с выступлениями Р.Григорьева, А.Потресова, А.Богданова и др.). «Буржуазный писатель может прекрасно изобразить всю внешнюю обстановку рабочей жизни», но «в изгибы пролетарской души может проникнуть только пролетарий», который в будущем, с экономическими и политическими завоеваниями, повысит и свои эстетические требования.

Вяч.Полонский — «К новым берегам» (Нов. Жизнь, № 4). «По всей линии одержало победу чувство жизни», при этом «ужас жизни не забывается, но преодолевается», «именно из чувства возросшей ценности жизни родился акмеизм», «футуризм, подобно теленку, впервые вышедшему на солнце из темного хлева, — в солнечной радости помчался, сломя голову... и опрокидывая все, что попадает на пути».

В.Брюсов — «Здравого смысла тартарары (Диалог о футуризме)» (Р. Мысль, № 4). Диалог ведут: *Неистовый критик*, считающий футуризм «диким воем троглодитов»; *Умеренный критик*, который видит в футуризме «порождение современных больших городов»; *Символист*, стареющий юноша, твердящий, что поэзия «от века символична»; *Умеренный Футурист* (спор происходит после лекции *Крайнего Футуриста*), утверждающий, что поэзия начинается с освобождения слова от рабства идей, что поэзия не только искусство слов, но и искусство букв и

т.п. *Историк литературы* признает футуризм школой, пришедшей на смену символизму и стремящейся утвердить «абсолютное господство формы», школой, в которой пока нет истинных, больших талантов и которая сможет дать великие создания, лишь соединившись с символизмом.

Вл.Ходасевич — «Игорь Северянин и футуризм» (Р. Вед., 29 апр. и 1 мая). Нет никакого футуризма, а есть талантливый поэт Игорь Северянин, несмотря на «пошловатую эlegantность» («О когда бы на “Блерио” поместилась кушетка!..»).

В Художественном салоне состоялась посмертная выставка Н.Н.Сапунова. Его творчество общедоступно: «он красиво живописал красивые вещи» и был на пороге преодоления эстетизма (Россий [А.М.Эфрос], Р. Вед., 12 апр.).

М.Волошин — «Памяти Н.Н.Сапунова» (Апол., № 4). Ко второй годовщине гибели художника, названного «средоточием всего национального сознания России».

А.Бурнакин — «Преодоление пессимизма» (Н. Вр., 4 апр.). Десять лет «изошрались в пессимизме», теперь «вся литература наполнилась веселящим газом». «Первым делом возликовал Разумник». «В Москве принялись обрабатывать веселого бога Аполлона», в Петербурге «загремел сто один диспут по случаю расцвета литературы». «В радостном сборнике» «Слово» оптимизм «доведен до телячьего восторга». Сергеев-Ценский теперь «притворяется здоровым, как раньше притворялся больным».

«Слово». Сб. третий. М.: Кн-во писателей, 1914, тираж — 6000* (Ал.Толстой «Большие неприятности», Н.Телешов «Мама», Ив.Шмелев «Поездка», Ив.Бунин «Братья», Л.Авилова «Осеннее»).

На сборнике лежит «печать усталости». «Оптимизм» произведений весьма сомнительного качества. Колоритно русский талант Ал.Толстого перепевает себя, и «возрождение его героя под влиянием любви не внушает доверия». «Не много оптимизма навевает и превосходный рассказ Бунина “Братья”, другие произведения художественно слабы» (Е.Колтоновская, «Мираж возрождения», «Речь», 21 апр.). «Братья» Бунина отличаются «чистой, строгой и изящной холодностью повествования». У Ал.Толстого «козьявочная философия» единой, светлой силы любви (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 26 апр.). «Пестрота и

* По «Книжной летописи» проходит 28 мая — 5 июня.

бесстыльность» характеризуют сборник. Бунин ведет рассказ «вяло, с массой повторений», иногда напоминает «страницы из учебника географии» (Л.Щеглова, Совр., № 10, май).

«Земля». Сб. четырнадцатый. Моск. кн-во, 1914, тираж — 10000 (М.Арцыбашев «Рассказ об одной пощечине», Е.Чириков «Гиблое место», А.Федоров «Араб», В.Винниченко «Заветы отцов»).

Почти все сборники «Земли» начинаются с Арцыбашева, который трактует все ту же тему о женщине — «глупой, тупой самке» (Л.Щеглова, Совр., № 7, апр.). Винниченко провозглашает освобождение личности «от давящих и все нивелирующих рамок» (А.Горчаков, «По старым дорогам», «Речь», 19 мая). «Альманахи “Земля” становятся поистине какими-то Чебоксарами российских дерзаний». У Арцыбашева опять «программное женоненавистничество»; Винниченко доказывает закономерность проституции и т.д. (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, Р. Бог., № 6). В своем «жутком романе» Винниченко ставит вопросы, которые обычно обходятся: о проституции, сифилисе и т.п. В открытом вызове современной морали — ценность романа (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 9 мая).

В.И.Ленин писал И.Арманд о новом романе Винниченко: «Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких “ужасов”, собрать воедино и “порок”, и “сифилис”, и романтическое злодейство с вымогательством денег за тайну... Все это с истериками, с вывертами, с претензиями на “свою” теорию организации проституток... Поодиночке бывает, конечно, в жизни все то из “ужасов”, что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и *таким* образом — значит, *малевать* ужасы, пугать и свое воображение и читателя, “забивать” себя и его» (т. 48, с. 294–295).

Б.Зайцев — «Рассказы», кн. 4. М., 1914, тираж — 2200.

«Общий дух примиренности, светлой печали, спокойствия проникает эти чистые страницы». Герои — прохожие, странники, «смутные эфемеры бытия» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 30 мая). «Нечто толстовское по мотиву, импрессионистское по форме». «Все это только из себя, все это только о себе, все это только лирика, которая тшетно пытается стать то широким эпосом, то высокой драмой» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 5, Нов. Кн.).

С.И.Гусев-Оренбургский — «Враги», т. XI. СПб.: «Жизнь и знание», 1914, тираж — 5200.

Писатель «как будто подобрел к своим батюшкам, перестал видеть в изображаемой среде лишь материал для критики и про-

теста... Добро на этот раз у Гусева всегда побеждает; чувствуется избыток солнечного тепла и ласки» (Е.К[олтоновская], Вест. Евр., № 9).

С.Городецкий — «Цветущий посох. Вереница восьмистиший». СПб.: «Грядущий день», 1914, тираж — 2200.

Форма восьмистиший «дает возможность поэту запечатлеть самые мимолетные мысли и ощущения», основное настроение поэта — «деятельное любование», но как акмеист он «изображает не прекрасное, а свое ощущение от него». «Деятельное любование — лучшее открытие нашего молодого века» (Н.Гумилев, Апол., № 5). Встречаются в книге удачные восьмистишия, к сожалению, тонущие в массе общих мест (Б.Садовской, Сев. Зап., № 5). «Из огненного певца непочатой яри» Городецкий превратился в «поставщика посредственного журнального материала», подтверждая существование акмеизма «стихотворениями во вкусе Леонида Афанасьева» (Б.Садовской, «Конец акмеизма», Совр., № 13—15, авг.). «Ярь» была и осталась единственной книгой Городецкого; «Вереница восьмистиший» хлопнулась «крышкой гроба над этим поэтом» (С.Бобров, Совр., 1915, № 1). Основной мотив книги этого «подражателя Адама» — «не столько ощущение, сколько идея жизнерадостности» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 1915, 26 марта). «Акмеизм увел его прочь от миражей, фантомов и марев к подлинным явлениям бытия... Здесь ведь не Синай, а Фонтанка!» Был Городецкий — «ухарь, неряха, плясун, а стал медлительный и задумчивый...», написал «восхитительный цикл» «Друзьям» (К.Чуковский, «Заметки читателя», Журн. Журн., 1915, № 1).

П.Радимов — «Земная риза. Вторая книга стихов». Казань, 1914, тираж — 600 (2-е изд. — июнь 1915 г.). Основное содержание книги составила написанная гекзаметром поэма «Поппида».

«С чисто гомеровским спокойствием и эпической радостью» воспел Радимов жите российские иереев (И.Ясинский, Бирж. Вед., 15 июня). «Земная риза» разочаровывает, в ней мы видим поэта-стилизатора, благословляющего мир, который облеплен для него «густым слоем сусального золота» (Н.Гумилев, Апол., № 5, с. 38). «Чувство меры, порой покидавшее г. Радимова в его первых поэмах, ныне с ним неразлучно... “Земная риза” — определенно хорошая книга» (В.Ходасевич, Св. Журн., № 6). «Поппида» — «задушевна, спокойно-радостна, гомероподобна... она говорит о том, что автор — добрый, милый человек, но поэзия здесь причем?» — просто «мелочная лавочка доброго на-

строения» (С.Бобров, Совр., 1915, № 1). П.Радимов — «эпик по существу, чистая лирика ему не удается» (В.Брюсов, «Продолжатели», Р. Мысль, № 7). «Вносит в поэзию дух священничества, богослужения, просветленной церковности» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 15 июня). «Там, где обычный глаз заметит лишь грязь заброшенного городка... он находит сюжет для сонета, замечая “ультрамариновые очи” телят» (Д.Крючков, Еж. Журн., 1916, № 5).

Май

Ив.Бунин — рассказ «Первый шаг» [«Клаша»] (Р. Сл., 11 мая).

А.Серафимович — рассказ «Два царства» («Речь» и Совр. Сл., 25 мая).

А.Блок — «Итальянские стихи» (Р. Мысль, № 5); «Есть много песен в светлых тайниках...», «Не жди последнего ответа...», «Напрасно я боролся с Богом...», «В часы вечернего тумана...», «Увижу я, как будет погибать...», «Была пора — в твоих глазах...» (Совр., № 10, май).

Ив.Вольнов — «Юность (Третья книга “Повести о днях моей жизни”» (Зав., №№ 1-2 и 5).

У Вольного нет того «последнего, безотрадного обобщения, которое делает Бунин о темной силе» деревни (Г.Танин [Г.В.Рочко], «Творчество Бунина», Еж. Журн., № 2). «Описание крестьянского разгула, вызванного сопротивлением и разжигательством страстей, является чуть ли не лучшим местом в этой своеобразной повести» (Н.Г[еккер], Од. Нов., 4 марта). Рисуя погром помещичьих усадеб, автор показывает, что среди толпы есть люди, понимающие, что «идея свободы не мирится с практикой погрома» (И.Игнатов, Р. Вед., 30 мая). «Никто так не хоронит 1905 год, как сами Иваны Вольные и прочие бесчисленные сотрудники “Русского богатства” и “Заветов”». В повести И.Вольного «примитивный, самый грубый и внешний реализм, ничего общего не имеющий с искусством» (К.Л., «Литература для каннибалов», «София», № 4). Автор «не лишен несомненного дарования и тонкой наблюдательности», но его сковывает «узкопартийное, узкотенденциозное» отношение к деревне, между тем как «дворянские гнезда» имеют «немаловажные заслуги» перед русской деревней (А.Александров, Моск. Вед., 26 апр.). Мужики у Ив.Вольного «превратились в социалистов и товарищей» (А.Бурнакин, Н. Вр., 7 марта).

10–12 мая Б.Л. Пастернак пишет родителям о своих разговорах с Ю.К. Балтрушайтисом о футуристах: «Он знает и признает Маяковского, как “подлинное дарование”. Вообще Ю.К. заводит со мною разговоры самого красного характера» («Знамя», 1998, № 2, с. 159).

В. Брюсов — «Год русской поэзии (Апрель 1913 — апрель 1914)» (Р. Мысль, № 5). «Минувший год в русской поэзии останется памятен всего более спорами о футуризме». Тощие и более объемистые сборники, общим числом около сорока, «постоянно находили критиков, читателей и покупателей». Брюсов делит футуризм на два направления: крайний и умеренный. Общее для них — «культ сегодня». «Беспомощность теоретических рассуждений и противоречивость всех попыток “творчества” г.г. “крайних” приводят к неоспоримому выводу, что они нисколько не подготовлены к прокладыванию новых путей в искусстве». «Больше всего счастливых исключений мы находим в стихах, подписанных “В. Маяковский”. У г. Маяковского много от нашего “крайнего” футуризма, но есть свое восприятие действительности, есть воображение и есть умение изображать».

Е. Колтоновская — «Бунин как художник-повествователь» (Вест. Евр., № 5). Бунин — реалист-импрессионист, «классик новой литературы»; «он не примкнул к модернизму, даже как будто сознательно от него отгораживается». «Однако, он во многом родственен новейшим писателям... Как и они, он органический индивидуалист и очень субъективен, пожалуй, несколько тенденциозен в творчестве. Он открыл свою “правду” о жизни — о деревне, о русском человеке... Как ни мрачны у Бунина в целом картины мужицкой жизни, в ней все же мерцают иногда светлые точки».

Ф. Степун — «Граф Ал. Ник. Толстой» (Сев. Зап., № 5). «Талант Толстого — узок и совершенен; его метод — глазение, его предмет — вещь и овеществленная душа», сила — в «бессознательной верности земле и жизни». «Обаятельный талант Толстого не только не проводит в жизнь никакой основной мысли, он просто не думает над жизнью», так могли бы рассказывать «старое бабушкино кресло или покривившаяся у заглохшего пруда беседка». Однако, характерными моментами творчества Толстого являются сочувствие к маленьким, несчастным людям, влечение к красоте, к поэзии минувшего и «чаяние новой жизни и любви».

П. Струве — «Религия и общественность (Ответ З.Н. Гиппиус)» (Р. Мысль, № 5; тут же «Открытое письмо редактору "Русской мысли"» З.Н. Гиппиус, отстаивающей связь «истинной религии и праведной общественности»). В пропаганде Мережковским идеи религиозной общественности Струве видит «порчу мысли» и «фальсификацию религии». «Христианство не обращено к миру, а отвращено от мира». Из всех коллективов рабочий класс «наиболее далек от религии и христианства».

Д. Мережковский — «Религиозное народничество» («День», 18, 19 мая).

Иванов-Разумник — «Заветы прошлого и достижения будущего (О "врагах" справа и слева)» (Зав., № 5). П. Струве выполняет главную задачу «Вех» — борьбу с социализмом, хотя «Вехи» «оказались соломенными»; пытается скомпрометировать «активное народничество» указанием на ту дружбу, которую питает к нему «религиозное народничество» Мережковского. В связи с письмами последнего А.С. Суворину, опубликованными в «Новом времени» [см. настоящую Летопись, январь 1914], отказывается от этой дружбы.

Л. Клейнборт — «Новый читатель» (Совр. Мир, № 5). О росте рабочих библиотек, в которых по спросу первые места занимают Горький, Короленко, русские классики.

Н. Бердяев — «Ставрогин» (Р. Мысль, № 5). Анализ «одного из самых загадочных образов не только Достоевского, но и всей мировой литературы» в связи с постановкой Художественного театра. «Нельзя отвечать катехизисом на трагедию» этого родоначальника «разных идей и явлений», в частности, русского декадентства. И хотя «революционное движение конца 60-х годов не было таким, каким оно изображено в «Бесах»», Достоевский оказался пророком того, что «развернется в русской жизни» в XX в., когда революция предстала «не социальным строительством, а мировым спасением».

10 мая К. Чуковский записал: «Б.А. Садовской очень симпатичен, архаичен, первого человека вижу, у которого и *вправду* есть в душе старинный склад, поэзия дворянства. Но все это мелко, кудю, без философии» (К. Чуковский. Дневник. 1901–1929. М., 1997, с. 65).

20 мая Л. Андреев пишет Вл.И. Немировичу-Данченко: «...Теперь времена изменились... знаньевский реализм в лице Горьких и Найденовых жестоко ослабел... Уже есть... за тем же Сологу-

бом и Блоком пьесы, не только не уступающие вешам Чирикова, Найденова, Юшкевича, но много превосходящие их. Трагедия же Блока “Роза и Крест” вещь поистине замечательная... Если же подумать, что при наличности “Розы и Креста” вы хотите ставить ничтожную, безличную, ремесленную пьесу эпигонанзавецца Сургучева [“Осенние скрипки”]... становится совсем дико...» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 252).

27 мая В. Брюсов отвечал на предложение С.А. Венгерова написать о Ю. Балтрушайтисе для «Русской литературы XX века»: «Я принужден сознаться, что не очень высоко ценю стихи Юргиса Балтрушайтиса, в которых нахожу много выдумки и мало поэзии. Их напряженная отвлеченность меня скорее раздражает, чем восхищает. Вашему изданию статья осудительная, конечно, не нужна» (ЛН, т. 85, с. 683).

В пятой книге альманаха «Жатва» напечатан роман Г. Чулкова «Сатана» (отд. изд. — М., 1915, тираж — 3000).

Главным героем романа является черная сотня, выведенная «под псевдонимом» «Союза латников». Погоня за политической остротой привела к художественным потерям (А. Ожигов [Н.П. Ашешов], Совр. Сл., 24 мая, см. также Н. Ашешов, «Черные кошмары», «День», 1915, 1 окт.). В романе изображен «сатана контрреволюции», скрывающий за внешней идейностью своекорыстие и ложь, между тем в действительности «черные латники» — «нечто гораздо более стойкое, нечто стоящее в органической связи с общей психикой значительной части русских людей» (И. Игнатов, Р. Вед., 7 июня). «Ах, господа, как стыдно! — сокрушался В. Розанов. — Ведь из “черносотенного лагеря”, т.е. из сфер... которые просто сохраняют верность России — на вас смотрят... братья Киреевские, кн. Одоевский, Тютчев, Хомяков, Данилевский, Страхов, братя Аксаковы, К. Леонтьев, Катков...» («Двое Беспятовых*, критик и беллетрист», Н. Вр., 18 июня). Автор задумал выдвинуть на первый план реальные фигуры нашей современной жизни. Он нарочито оговаривается о своем герое Ваське Бессеменном: «Гришка... то бишь Васька». Однако об этой реальной фигуре** «в сто раз интереснее читать... в газетах, слушать, что на ухо шепчут...» Автор не мог придумать любопытнее «всамделишного» (Антон Крайний [З.Н. Гиппиус], «Мятущаяся душа», «Отклики», № 26,

* Фамилия героев романа — черносотенцев.

** Имеется в виду Гр. Распутин.

прилож. к газ. «День», 3 июля). «Бульварный роман дал автору сюжет, Достоевский — манеру и еще что-то, газеты — обильный перечень происшествий» (Г.Танин [Г.В.Рочко], «Речь», 30 июня).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 23. СПб., 1914, тираж — 8200 (В.Г.Тан «Крылоносный Икар», Л.А.Сулержицкий «Из воспоминаний об А.П.Чехове в Художественном театре», А.Черный «Ной», пьеса Б.Зайцева «Попада»).

Чистый вид беллетристического сборника все более утрачивается, приближаясь к толстому журналу. А.Черный «не соразмерил своих сил, средств и изобразительных ресурсов» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 24 мая). «А.Черный глумится над современной жизнью, над пошляками, ничтожествами... над черносотенцами и либеральными балалайками, над лжеполитиками и лжеэстетам... Он глубоко пессимистичен». Замысел поэмы о «всемирном потопе» «гораздо выше сил поэта» (А.Измайлов, Р. Сл., 30 мая). «Икар» Тана — «искупительная жертва за преступления науки». «Ной» А.Черного — «титанически протестующая натура, отравленная горестными сомнениями». Пьеса Зайцева написана «тепло, благородно, просто», но для чтения, а не для сцены (Л.Войтоловский, Киев. Мысль, 8 мая).

Ф.Сологуб — Собрание сочинений. Т. XVII. «Очарования земли. Стихи 1913 года». СПб.: «Сирин», 1914, тираж — 2100.

Книга почти вся состоит из триолетов. «Сжатость и простота, слишком часто покидающие Сологуба в прозе, составляют главное очарование его стихов» (Вл.Ходасевич, Р. Вед., 10 дек.). Похвалив И.Северянина, Сологуб стал писать стихи, которым «впрямь место в футуристическом сборнике»: «Пусть будет все не так, как было, Пусть будет все, как я хочу...» (А.Измайлов, «Ученик и учитель», Р. Сл., 7 июня). «С годами поэтическое дарование Ф.Сологуба не только крепнет, но становится как-то еще свежее и очаровательней» (В.Брюсов, «Продолжатели», Р. Мысль, № 7). «Лучше всего сделаны пьесы... закрепляющие моменты любования миром», но «никакого перелома не совершилось»: его любовь украшена «очарованиями печали» и «предчувствиями разлуки» (Е.Л-рг [Е.Г.Лундберг], Совр., № 12, июнь).

К.Бальмонт — «Белый зодчий. Тайнство четырех светильников». СПб.: «Сирин», 1914, тираж — 2100.

Оставаясь «умелым, опытным слагателем стихов, иногда певучих, иногда крайне небрежных», Бальмонт «повторяет и доваривает сказанное (им же) раньше» (В.Брюсов, «Продолжате-

ли», Р. Мысль, № 7). Несколько прекрасных стихотворений «тонут в безбрежной и утомительной риторике» (В.Ходасевич, Р. Вед., 28 мая). Книга «проникнута особенным патриотизмом, разумеется, благородным, чуждым каких бы то ни было специфических оттенков» (Б.Нейман, Еж. Журн., 1915, № 1).

С.Подъячев — «Забытые». СПб.: «Освобождение», 1914, тираж — 3000.

«Рассказы заключают в себе сырой, мало обобщенный материал... Но, по обыкновению, они захватывают своей едкой правдой» — «это все та же нищая, пьющая Русь» (Е.Колтоновская, Вест. Евр., № 9). Подъячев не только «вышел из народа», но и «остался в народе». Огромным достоинством его рассказов является «их непримиримый реализм» (Ив.Наживин, Еж. Журн., 1915, № 5).

Г.Гребенщиков — «В просторах Сибири. Повести и рассказы». Т. II. СПб.: Издательское т-во писателей, 1914, тираж — 2500.

«В полуэтнографических рассказах г. Гребенщикова не найти захватывающей фабулы, острых психологических моментов, ярко выраженных проблем», но «запас наблюдений его весьма велик». Основной мотив его рассказов: «природа прекрасна, сурова и величава, человек несчастен, жалок, не умеет жить. Сумеет ли? Робкими намеками г. Гребенщиков обнаруживает свою веру, что сумеет» (М.Левидов, Лет., 1915, дек.). «В упорной работе над собой Г.Гребенщикоу придется отрешиться от прозаично-описательного реализма, от этнографических подробностей и перейти к реализму художественному» (В.Львов-Рогачевский, Еж. Журн., 1916, № 1).

«Руконог. Сборник стихов и критики». М.: «Центрифуга», 1914, тираж — 250.

Авторы сборника (Н.Асеев, Б.Пастернак, С.Бобров) открыто признали себя футуристами, но их футуризм «сочетается со стремлением связать свою деятельность с художественным творчеством предшествующих поколений». В стихах Асеева есть «легкий налет народности», футуризм его сказывается в выборе тем и образов. Более всего самобытен Б.Пастернак, «футуристичность» его стихов — «не подчинение теории, а своеобразный склад души» (В.Брюсов, «Порубежники», Р. Мысль, № 6).

27 ноября 1916 г. Б.Пастернак заметил в письме к С.П.Боброву, что прежний «Руконог» отдает «духом затхлой и узкой партийности» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 256).

Июнь

Вл. Короленко — очерки «В пустынных местах» (Р. Бог., №№ 5 и 6).

«И от природы, и от людей, и от авторского отношения к ним разливается мягкий, ласкающий свет» (И. Игнатов, Р. Вед., 30 мая).

С. Сергеев-Ценский — «Преображение» [начало романа] (Сев. Зап., №№ 1–6).

В завязке романа — «доподлинное изображение нашей темноты и невежества», сделанное рукой большого художника (Н. Г[еккер], Од. Нов., 11 февр.). Герой Сергеева-Ценского изображен «в тонах гамсуновского лейтенанта Глана», «от культуры, от людей, от шума городов он ушел куда-то на юг, к далекому морю в царство гор и солнца», упорно ждет с земли какой-то «благой вести» (А. Измайлов, Р. Сл., 10 мая).

В. Брюсов — «Рея Сильвия (Рассказ из жизни VI в.)» (Р. Мысль, № 6).

А. Ахматова — «Дама в лиловом», «Стал мне реже сниться...» (Сев. Зап., № 6); «Три восьмистишия» («День», 29 июня).

Л. Войтоловский в статье «Встреча с Горьким» (Киев. Мысль, 1 июня) передает высказывания писателя: «Есть Россия молодая и старая... У последней... нет больше ни сегодня, ни завтра... Молодая Россия — вся в будущем. Быть может, сегодня у нее пасмурно, но она постоянно чувствует свое завтра. Книгу новой русской истории напишет демократия и некоторые листы этой книги уже пишутся...»

7 июня Горький пишет Г. В. Плеханову: «А вот в литературе, в журналистике — творится нечто отчаянное, идет процесс духовного разложения, растет цинизм... Сильно развился критицизм... к "интеллигенту" — это последнее обещает немало плохого в будущем...» (т. 29, с. 323).

А. Б. Дерман — «И. А. Бунин» (Р. Мысль, № 6). «Поэзии Бунин отдал свои очарования, прозе — свои разочарования». «Русскую природу он тонко чувствует и нежно любит», но в целом — представляет «небывалый пример русского писателя, равнодушного к России». «Классическая отрицательная критика» деревни

у Чехова рядом с соответствующей критикой Бунина является чуть ли не «национальным панегириком».

В. Брюсов — «Год русской поэзии (Апрель 1913 — апрель 1914). Порубежники» (Р. Мысль, № 6). Статья посвящена поэтам, находящимся «под значительным влиянием идей футуризма». Иногда это чисто внешняя связь, как у И. Северянина, который уже покинул ряды футуристов; его пристрастие к современности чисто эстетическое, а неологизмы он предпочитает образовывать от иностранных корней, в то время как футуристы — от славянских. Брюсов напоминает, что он первый отметил «подлинное поэтическое дарование И. Северянина».

Д. Мережковский — «Еще шаг Грядущего Хама» (Р. Сл., 29 июня). Футуризм — «новый шаг Грядущего Хама», он совпал «с внезапно охватившей нас жаждой лекций, прений, диспутов. Как будто вся Россия сейчас — оружейная палата, где стучат молоты, новое оружие куют, новую идеологию... Пришел табор дикарей, шайка хулиганов, скандалит, бесчинствует, и все подымают “руки вверх”... Чувство “конца” — единственное подлинное чувство футуризма... Футуризм — еще не конец, а только проба конца». Когда эта проба удастся, то «просвещеннейший Петр Бернгардович» [Струве], называющий футуризм «апокалиптическим анекдотом», «хихикать перестанет».

«Сборник пролетарских писателей». С предисловием М. Горького, под ред. А. Сереброва. СПб.: «Прибой», 1914, тираж — 6000. Как сообщалось в предисловии издательства, 15 авторов сборника находятся в тюрьме и ссылке.

«Это — плоть от плоти нашей и кость от костей наших», — писала большевистская газета «Трудовая правда» (10 июня). Эти «песни отражают настроения передовых слоев пробудившихся широких групп рабочего класса», «юношески бодрое и радостное мировоззрение русского пролетариата» (М. Калинин [А. Каринян], «Рабочий», 23 июня). «Оригинальная мысль — собрать произведения мыслящих представителей рабочего класса и напечатать... в особом сборнике — имела неожиданный успех... В интересном предисловии М. Горького высказано несколько веских замечаний о значении народного творчества в области литературы и искусства» (Вест. Евр., № 9, Библиограф. листок).

М. Кузмин — «Глиняные голубки. Третья книга стихов». Собр. соч. Т. 3. СПб.: изд. М. И. Семенова, 1914, тираж — 1300.

«Великий сердцеved и прекрасный певец» сохраняет особый «кузминский стиль», при новом желании «отрешиться от жеманничанья» (Л. Столица, Нов. Жизнь, № 11). У Кузмина «свое лицо» и «свой читатель». «Удачливый стилизатор старины», он умеет воссоздавать «чувствования человека» ушедшей эпохи. «Искренний поэт нежных, интимных настроений», порою выражается в «жеманно-изысканных словах», с «налетом старинного кокетства» (Аякс [А.А.Измайлов], Бирж. Вед. 3 июля, веч. вып.). «Вклад в круг немногих и больших сокровищ русской поэзии»; «стих легок и прост», говорит «о гармонической цельности раскрепощенного страданием духа» (Н. Бернер. «Жатва», кн. VI-VII. М., 1915). «Его простая, бесконечно милая, песнь» разорвала над Российским Парнасом «унылые покровы». «В совершенстве и законченности эротического пафоса кроется главная эстетическая ценность стихов Кузмина» (Б. Мосолов, сб. «Петроградские вечера». Пг., 1915, Б-фия).

Георгий Иванов — «Горница. Книга стихов». СПб.: «Гиперборей», 1914, тираж — 300.

В «галантливом адепте занимательной поэзии приключений» Гумилев отметил «много наивного романтизма», но «он никак не мыслит», ему «нравится самое искусство речи» (Апол., № 5, с. 39). Молодой поэт, писал М. Кузмин, «тщетно старается достигнуть парнасизма Н. Гумилева» и «остроты А. Ахматовой» («Раздумья и недоуменья Петра Отшельника», «Петрогр. вечера». Кн. 3. П., 1914, с. 233).

В 1919 г. А. Блок писал в отзыве о сб. «Горница» (стихи 1910–1918 г.): «почти безукоризненные по форме стихи, с умом и вкусом, с большой культурной смекалкой», но в них «как будто вовсе нет личности», а художник «должен исповедоваться перед собой», «выворачиваться наизнанку» — без этого «искусство будет улетать» (т. 6, с. 335–337).

Июль

Вл. Короленко — «Искушение (Страничка из прошлого)» (Р. Бог., № 7).

А. Серафимович — «Семишкура» («Речь» и Совр. Сл., 6 июля).

В. Брюсов — «Год русской поэзии (Апрель 1913 г. — апрель 1914 г.). Продолжатели» (Р. Мысль, № 7). В эту группу «ищу-

щих нового на старых путях» отнесены сборники: Ф.Сологуба «Очарования земли», К.Бальмонта «Белый зодчий», А.Ахматовой «Четки», В.Инбер «Печальное вино», Вл.Ходасевича «Счастли- вый домик», Б.Садовского «Самовар», «Косые лучи», П.Радимова «Земная риза», Эллиса «Арго» и другие.

В.Маяковский — статья «Два Чехова» (Нов. Жизнь, июль). Напечатано к 10-летию смерти Чехова, с оговоркой, что редак- ция не разделяет некоторых положений автора. Маяковский увидел «из-за привычной обывателю фигуры», «нытика», «певца сумерек», «ходатая перед обществом за “смешных” людей», «дру- гого Чехова — сильного, веселого художника слова», «все произ- ведения» которого «это решение только словесных задач».

Б.Эйхенбаум — «О Чехове» (Сев. Зап., № 7). Отмечает ин- терес к изданию писем. «Это значит, что нам ближе сейчас душа Чехова, чем его дух». «Чехов — реалист с уклоном к натурализ- му».

8 июля закрыта большевистская газета «Правда» (ЛЖТ Горького. Т. 2, с. 447).

В «Ежемесячном журнале» (№ 7) помещены: стихотворения А.Ахматовой «Белая ночь», «Где, высокая, твой цыганенок...», Н.Клюева, Ю.Верховского, А.Ширяевца, Н.Венгрова, «Из пи- сем А.П.Чехова к В.С.Миролюбову» и др.

12...14 июля Б.Л.Пастернак писал С.П.Боброву о своем «дол- го создававшемся охлаждении к Центрифуге» и о сборниках мо- лодых поэтов: «Если как-то торопливо злободневна и рыночна Гилея и Первый журнал Русских футуристов» — «принципиаль- ная вонь, которая, по их понятиям, составляет неподражаемую прелесть и секрет их сыроварни», «от этих благовоний не свобо- ден и Руконог». Центрифуга «могла и должна была бы быть ор- ганом руководящим и задающим тон» для молодых поэтов Моск- вы: «мы могли бы овладеть движением, если бы именинный фрак футуризма или, шире, лирической современности хранил- ся в нашем шкафу» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 226-227).

19 июля, в 4 часа дня, Германия объявила войну России. Га- зеты отмечали митинги и манифестации с пением «Спаси, Господи» и «Боже, царя храни». Запасных встречали криками «Да здравствует русская армия!» и даже «Да здравствует война!»

20 июля опубликован «Высочайший манифест», призывающий в «грозный час испытания» «забыть внутренние распри» и «укрепить еще теснее единение царя с его народом» (Р. Вед., 19–21 июля).

19 июля А.Ахматова записала: «Утром еще спокойные стихи про другое (“От счастья я не исцеляю...”), а вечером вся жизнь вдребезги» (ЛЖТ А.Ахматовой. Ч. I. М., 1996, с. 76).

20 июля Горький пишет И.М.Касаткину: «Я — давно — года три — как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но — вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным, как будто все случившееся — неожиданно. Страшно вато за Русь, за наш народ, за его будущее... Ясно одно: мы вступаем в первый акт трагедии всемирной» (ЛЖТ Горького. Т. 2, с. 450).

21 июля В.Маяковский выступает на митинге в Москве, у памятника Скобелеву, с чтением стихотворения «Война объявлена» (Катанян, с. 94).

24 июля в Москве, в Литературно-художественном кружке, чествовали уезжающего на войну в качестве корреспондента «Русских ведомостей» В.Брюсова, который в ответном слове сказал: «Забудьте обо мне, я еду простым чернорабочим... Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов...» («Голос Москвы», 25 июля).

25 июля Е.И.Замятин пишет жене из Лебедяни: «Поезда ходят неправильно, газеты получают не каждый день. А “Речь” было совсем прикрыли, да Иоська и Мошка [И.В.Гессен и Н.К.Элькин] умолили: выпустили их — и стали они писать по-триотически... Вчера в Лебедяни все, кроме меня, ходили с портретами, флагами и кричали уру. А я сидел дома и писал» (Рукописные памятники. Вып. 3, ч. 1. СПб., 1997, с. 179).

26 июля М.Меньшиков начинает в «Новом времени» цикл статей «Должны победить», который вел вплоть до августа 1915 г., когда возможность поражения России в войне стала очевидной. В первых же статьях этого цикла писалось, что все переживают «счастливые именины»; в Думе левые восторженно поют национальный гимн, а В.М.Пуришкевич в знак «единения» пожимает руку П.Н.Милюкову.

27 июля К. Чуковский записал: «Видел Сергея Городецкого. Он форсированно и демонстративно патриотичен: “К черту этого изменника Милюкова!” Пишет патриотические стихи, и когда мы проходили мимо германского посольства — выразил радость, что оно так разгромлено. “В деревне мобилизация — эпос!” — восхищается» (К. Чуковский. Дневник. 1901–1929. М., 1997, с. 68).

Ф. Сологуб — стихотворение «Бельгиец» («Я — мирный гражданин страны родной...») («День», 28 июля); написано в связи с разгромом Бельгии.

Журнал «Заветы» (после № 7) приостановлен Главным управлением по делам печати, а 16 сентября запрещен по приговору Петербургской судебной палаты (Ежегодник РО ПД на 1977 год. Л., 1979, с. 163).

Август

2 августа З. Н. Гиппиус записала в дневнике: «Все растерялись, все “мы”, интеллигентные словесники. Помолчать бы, — но половина физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом...» (З. Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 235).

5 августа А. Блок, А. Ахматова и Н. Гумилев (в солдатской форме) обедают на Царскосельском вокзале. «Когда мы остались вдвоем, — вспоминала Ахматова, — Коля сказал: “Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев”» (ЛЖТ А. Ахматовой. Ч. I. М., 1996, с. 77).

М. М. Пришвин записал в августе: «Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну, как пузырь, надувается и вот-вот лопнет» (М. М. Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 86).

Л. Андреев писал в августе: «Настроение у меня чудесное, — истинно воскрес, как Лазарь... Подъем действительно огромный, высокий и небывалый: все горды тем, что — русские... Если бы сейчас вдруг сразу окончилась война, — была бы печаль и даже отчаяние... (...я пишу, а Анна играет “Боже, царя храни”, и я с удовольствием слушаю...). Ненавижу тех узких и мертвых, что не видят ни себя, ни всего народа из-за старых партийных мозо-

лей» (цит. по книге: О.Цехновицер. Литература и мировая война. М., 1938, с. 103–104). «Горькие, Бончи, Иорданские и проч. и проч. ... в начале войны... производили впечатление довольно жалкое... И никто из них до сих пор не выступил публично, и что меня возмущает, ибо напоминает нейтральную Румынию... Нет, не им вершить судьбы России и не их позовет Россия, когда настанет нужная минута» (Письмо Л.Андреева к А.А.Кипену от 21 августа — De Visu. 1994, № 3–4, с. 12–13).

11 августа В.Г.Короленко пишет М.П.Сажину из Ларденна (Франция): «Вчера и третьего дня впервые мы получили русские письма и несколько №№ “Речи”. Все это запоздало... но мы просто накинулись на газету. Здесь тон печати ужасно лубочный. Лгут и хвастают не только в правительственных сообщениях, но и радикальная и социалистическая пресса лжет не токмо за страх, но и за совесть... Даже сведения из России редактируются в тоне “Гром победы раздавайся!” и на русской газете просто отводишь душу. Просто, серьезно, без уныния, но и без суздальской мазни» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 8, ед. 35).

12 августа А.В.Пешехонов пишет В.Г.Короленко: «Для “Русского богатства” настали ведь очень тяжелые времена и неизвестно, что с нами будет... Кто теперь будет подписываться на ежемесячник? Все издательства уже приостановили дела... Газеты идут, конечно, невероятно бойко, но жалуются: все страшно подорожало, а объявления сошли на нет... Вот и другой вопрос: военная цензура. Закон о ней опубликован 20 июля. Два вида ее: неполная (распространяется на письма, телеграммы и речи) и полная (распространяется на все произведения печати, поскольку они могут влиять на военные успехи). Закон уже разъяснили в том смысле, что все подлежит цензуре, так как все может влиять на военные успехи. Полная цензура вводится, по закону, на “театре военных действий”. Петербург разъяснили как театр... Здесь ее ввели 3 августа. Но ввести в “полном” виде не решились: “ввиду высоко патриотического настроения всей печати” и чтобы “не угашать духа”, как объяснил нам Виссарионов (начальник Главного управления). Но в действительности не хватило сил: “если бы одна-две газетки было, а то ведь 600 периодических изданий”... Представили самим редакторам решать, что представлять и что не представлять. Если же кто проштрафится, то подчинят уже вполне... С августовской книгой мы чуть не попали в щель... Мы напечатали ее без цензуры, а выпускать должны при цензуре... Успели выскочить 2 августа (опередили даже “Вестник Европы”...), т.е. до цензуры. И ничего,— прошли благополучно (“Заветы” за несколько дней до

нас оштрафовали на 3000 р.) [в сентябре “Русское богатство” было закрыто]... Теперь вообще. Настроение совсем иное, чем перед Японской войной. “Ура!” — звучит очень громко (теперь как будто стихать немного стало). Кое-кто и из интеллигенции этим захвачен... “Новое время” и “Вечернее время” — во всю раздувают человеконенавистничество (“немецкие зверства” — главная тема). Желтая печать усердно им помогает. Либеральные газеты пытаются смягчить эту ноту... “Внутренние распри” — решено забыть... Пуришкевич пожал руку Милюкову. Думбадзе посетил синагогу и заявил, что все это враки, будто он не любит евреев... Информация поставлена невероятно скверно. Не говорю уже о военных действиях. Было заранее объявлено, что сведений будет даваться мало. Дают только об успехах наших и союзников...» (РГБ, ф. 135, разд. II, к. 31, ед. 56).

11 августа Б.К.Зайцев пишет К.Ф.Некрасову: «Первые дни кошмар был сильный, скоро он превратился в длительную болезнь, с которой так или иначе — вероятно сживешься... Я попробовал было в военные корреспонденты, но, оказывается, никаких корреспондентов в армию не пускают. Сначала казалось, что ничем уже и нельзя заниматься кроме войны», однако «я даже пишу сейчас, и очень тихую, местами чуть не идиллическую вещь. Работаю и над Данте...» (Б.Зайцев. Письма. 1901–1922. М., 2001, с. 120).

19 августа Петербург переименован в Петроград (Р. Сл., 19 авг.; и другие газеты).

29 сентября З.Н.Гиппиус записала: «По манию царя Петербург великого Петра — провалился, разрушен. Худой знак! Воздвигнут некий Николоград — по казенному “Петроград”... Патриотично, мол, а то что за “бург”, по-немецки (!?!). Худо, худо в России» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 237).

А.Пешехонов — «Вероятное и возможное» (Р. Бог., № 8). «Катастрофа разразилась... Шествие по пути милитаризма не могло длиться бесконечно... У нас многие пытаются придать всей войне националистическую окраску» — война славян с тевтонами, в действительности это война государств, а не национальностей. «Слишком громко еще звучит “ура” и бьют барабаны, чтобы наша речь, не чуждая тревоги, сомнений и раздумья, могла дойти до читателей».

В августе Ал.Н.Толстой начинает печататься в «Русских ведомостях» в качестве военного корреспондента: «В один день

пролетел над страной трагический дух, — дух понимания, спокойствия и роковых, мировых задач...» (3 авг.). «Война проста, ясна и торжественна», несет «освобождение через утверждение Отечества, через утверждение славянства, через утверждение братства на земле» («Первая ступень», 20 авг.).

Ф.Сологуб — стихотворение «Марш» [о будущей «славной победе»] («День», 7 авг.). По поводу «грома победы», который раздавался со страниц русской печати, поэт пишет: «Барабаны, не бейте слишком громко! Громки будут отважные дела».

К.Тренев — рассказ «Самсон Глечик» (Р. Бог., № 8).

Ал.Н.Толстой — «Хромой барин». Т. V. М.: Кн-во писателей, 1914, тираж — 3000.

«И в романе, и в рассказах [“Овражки” и “Маша”] невольно подкупает теплое, искреннее отношение автора к быту и людям этого быта, в особенности провинциально-дворянского... Тема всех трех произведений одна: возрождение, выпрямление человеческой души в тяжелых столкновениях и испытаниях» (Вест. Евр., 1915, № 2, Библиограф. листок).

М.Кузмин — «Четвертая книга рассказов. Покойница в доме. Сказки». Собр. соч. Т. 4. СПб.: изд. М.И.Семенова, 1914, тираж — 2100.

Сентябрь

Ал.Н.Толстой — корреспонденции с фронта «Письма с пути» (Р. Вед., 6, 14, 16, 18, 21 и 24 сент.).

В.Брюсов — «Война вне Европы» [обзор военных событий с выводом, что военная мощь Германии сломлена уже теперь] и ряд стихотворений, среди них цикл «Современность»: «Последняя война» («Пусть, пусть из огненной купели Преображенным выйдет мир!»), «Старый вопрос», «Польше», «Фламандцам», «Наши дни» (Р. Мысль, № 8–9). В «Русских ведомостях» печатаются военные корреспонденции Брюсова (2, 13, 21, 25, 27, 28 сент.).

Брюсов «подошел вплотную к самой идеологии современной войны», но прикасаясь к «бранной лире», «он не нашел ни одного подлинного, зажигающего, живого слова!» (М.Неведомский, Совр., 1915, № 5, с. 267).

Ф.Сологуб печатает в «Биржевых ведомостях» военные стихи и рассказы; среди них «Запасному — жена» («В плен врагам не попадайся, Умирай иль возвращайся С гордо поднятым лицом...»), «Еще сражаться надо много И многим храбрым умирать...» (7, 14, 15, 24 сент.).

А.Блок — «На войну» («Петроградское небо мутилось дождем...»), «Россия» («Грешить бесстыдно, непробудно...») (Р. Сл., 21 сент.); «Размышления» («Как тяжело ходить среди людей...») и «Кольцо существованья тесно...») (Р. Мысль, № 8-9).

В № 6-7 (авг.-сент.) «Аполлона» стихи А.Ахматовой «Июль 1914» («Сроки страшные близятся. Скоро Станет тесно от свежих могил. Ждите глада, и труса, и мора, И затмения небесных светил...»), «Утешение», О.Мандельштама «Перед войной», «Европа», Г.Иванова «Павшим гвардейцам», «Насильники», М.Кузмина «Ушедшее», «Оставшиеся», «Герои» («Учебники нам солгали, Что подвигам время прошло, Сердце болит от печали, Но на душе — сознайтесь — светло»), Б.Садовского «Перед Германским посольством» («Пади, германский гладиатор! Останови коней, Тевтон!») и др.

18 сентября был закрыт журнал «Русское богатство», продолжавший сохранять оппозиционное отношение и к царскому правительству и к затеянной им войне. В специальной справке Главного управления по делам печати отмечалось, что в статье Н.Русанова «Обозрение иностранной жизни» рисуется «чисто отрицательное и вредное влияние, которое произвела война уже при самом начале» в западноевропейских странах; в статье А.Пешехонова «Единая Россия» оспаривался официозный тезис о «полном единении всей России перед лицом военной опасности»; в статье В.Мякотина «Борьба с германизмом и национальный вопрос» указывалось, что многие народности царской России находятся в худшем положении, нежели те, которых призывают освободить от «ига германизма» (В.Евгеньев-Максимов, «Из истории "Русского богатства"», Р. Бог., 1917, № 11-12).

Получив телеграмму о случившемся, В.Г.Короленко писал 23 сентября В.А.Мякотину из Франции, что знал от А.В.Пешехонова «об опасениях насчет ближайшей книжки» журнала, а потом получил сообщение, «что она прошла благополучно»: «А тут как раз и попали под ядро. Что же это? Шальной заряд? ... Как бы то ни было — катастрофа...» «Ведь если подписной срок этого года пройдет — тогда едва ли мы подыдемся. Журналам и так тесно, — стоит выйти из ряда, — место сейчас

будет занято». «Ах, как обидно, что я не с вами» (ИРЛИ, ф. 495, ед. 83).

Горький писал В.С.Войтинскому 1 октября, что «при наличии военной цензуры... всякое литературное выступление “против течения” неоспоримо обречено на неудачу. Попытки были... Скромная статья Пешехонова в “Русском богатстве” вызвала со стороны публики множество протестов и доносов администрации, которая и закрыла журнал, ссылаясь на давление “общественного мнения”» (ЛН, т. 95, с. 920).

П.Мокиевский — «Война и культура» (Р. Бог., № 9). «Зажегся всемирный пожар войны» и «зверские инстинкты начали явственно всплывать наверх»: часть русской печати забыла, что «преступная авантюра затеяна не народом» Германии, а ее правительством. «Мы страстно желаем России высшей победы: не только победы над внешним врагом, но и победы над своими низшими инстинктами».

Я.М.Свердлов писал 16 ноября из ссылки жене: «Дошли до нас № 9 “Русского богатства” и 9-й же “Современного мира”. С точки зрения отсутствия некоторых черточек шовинизма “Русское богатство” стоит много выше, и вся позиция журнала гораздо симпатичнее. Статья Пешехонова в особенности хороша. Едва ли не единственная статья со времени объявления войны, где вскрывается характер единения Пуришкевича с Милюковым» (Я.М.Свердлов. Избр. Произведения: В 3 т. Т. I. М., 1957, с. 290).

28 сентября в «Русских ведомостях» опубликовано составленное И.Буниным воззвание «От писателей, художников и артистов» с осуждением вандализма немецких войск. Воззвание подписали: К.Арсеньев, И.Бунин, А.Веселовский, Д.Овсянко-Куликовский, П.Сакулин, В.Фриче, Н.Телешов, П.Струве, М.Горький, С.Найденов, А.Серафимович, Скиталец, И.Шмелев; художники: А.Архипов, А.Васнецов, В.Васнецов, А.Корин, К.Коровин, С.Малютин, Л.Пастернак; артисты: М.Ермолова, Е.Лешковская, Н.Музиль, А.Остужев, В.Пашенная, К.Рыбаков, И.Рыжов, О.Садовская, П.Садовский, А.Южин-Сумбатов, А.Яблочкина, Г.Федотова, Е.Вахтангов, А.Вишневский, В.Грибунин, В.Качалов, О.Книппер, Л.Леонидов, И.Москвин, Вл.Немирович-Данченко, К.Станиславский, композитор М.Ипполитов-Иванов и мн. др.

1 октября Горький признавался в письме к В.С.Войтинскому: «Протест литераторов против “немецких зверств” — подписал второпях, и это меня очень мучает...» (ЛН, т. 95, с. 920).

18 октября В.И.Ленин высказал в письме к А.Г.Шляпникову сожаление, что Горький подписал воззвание «российских либералишек» (т. 49, с. 24, см. также статью В.И.Ленина «Автору “Песни о Соколе”», т. 26, с. 96–97).

М.О.Гершензон — «1870 и 1914» (Р. Мысль, № 8–9). «Европе надо избавиться от вечной угрозы германского милитаризма... но да не станет обуздание — мезтью и торжество мира — кровавым торжищем».

Н.Коробка — «Б.Зайцев (Критический этюд)» (Вест. Евр., № 9). Автор статьи, «убежденный противник декадентства», вынужден признать, что оно «сделало и хорошее дело, и не в области формы, где заслуги его слишком очевидны, но и в области содержания поэзии, даваемого новым жизнеощущением» (в частности, это сказалось в творчестве Зайцева).

А.Дивильковский — «Российского леса щепки» (Совр. Мир, № 9). «Процесс гниения» русской политической эмиграции изображен Винниченко, Арцыбашевым, Амфитеатовым, Айзманом, Таном, А.Толстым, Зайцевым и др., но это скорее «банкротство людей», чем «банкротство идей».

Альманах «Война». М.: «Меч», 1914, тираж — 2000 (произведения М.Арцыбашева, Ф.Сологуба, А.Куприна, В.Брюсова, Ал.Толстого, С.Городецкого, В.Маяковского и др.).

Октябрь

В.Брюсов — «Баллада (о любви и смерти)», «В Вильно», «Все чаще», «В Варшаве», «Тевтону» («Ты переполнил чашу меры, Тевтон, — иль как назвать тебя!»), «К Варшаве» (Р. Мысль, № 10); военные корреспонденции (Р. Вед., 1, 12, 15, 16, 17, 24, 25, 29 окт.).

Ал.Толстой — «Письма с пути» (Р. Вед., 14, 19, 30 окт.).

Л.Андреев — статья «Восхождение» (Об «отрезвлении России» и о конце бессмысленной национальной вражды между

Польшей и Россией) и пьеса «Король, закон и свобода»*, 4-е действие (Бирж. Вед., 16 и 20 окт.). Полностью пьеса издана ред. журн. «Театр и искусство» (Пг., 1914, тираж — 100) и журн. «Отечество» (Пг., 1914, тираж — 3000).

27 августа Л. Андреев писал Вл. И. Немировичу-Данченко о своей новой пьесе: «Герои — по секрету! — Метерлинк, король, Вандервельде и прочее. Конечно, отнюдь не патриотический мотив, а нечто вроде “драматической летописи войны”, немного в формах “Царя-Голода”, а главное в настроениях» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 254).

Л. Андреев «с лихорадочной торопливостью» откликнулся на бельгийские события, создав «драматизированную корреспонденцию, только без ее правдивости» (Н.Эф[рос], Р. Вед., 24 окт.). «Мистическое восприятие войны... прозрение в текущих событиях рокового, хаотического, таинственного и стихийного начала мировой жизни — вот то, что обеспечивает произведению интерес не одного только дня» (П. Владимирова, Нов. Жизнь, 1915, № 4). «Его индивидуалистическое сердце пережило всепоглощающую боль за попранных насилием», но «в погоне за быстротой писания» он создал пьесу «архитектурно нестройную» и ходульную (С. Адрианов, Вест. Евр., 1915, № 4, с. 333–334). О. Д. Форш увидела в пьесе кинематографическую вульгаризацию (Шах-Эддин, «О новой пьесе Л. Андреева», Совр., дек.).

Ф. Сологуб — стихотворения «Вильгельм Второй», «Братьям», «Обручальное», «Олегов шит», «Часовой» («Близкой смерти не боится Сердце смелое мое...»); статья «Мира не будет» (Бирж. Вед., 7, 9, 12, 25, 27, 30 окт.).

С. Городецкий — «Царьград» («Ты будешь наш, ты будешь наш В сию волшебную войну!») (Бирж. Вед., 21 окт.).

Игорь Северянин — «Благословение» («Когда отечество в огне, И нет воды, лей кровь, как воду... Благословение народу! Благословение войне!») (Бирж. Вед., 12 окт.).

В «Ежемесячном журнале» (№ 10) помещены: стихи А. Блока «Россия» («Задебранные лесом кручи...», «Ветер стих, и слава зарева...»), рассказы В. Шишкова «Ванька Хлюст», Г. Гребенщикова «Змей Горыныч» и др.

* В названии пьесы — слова из бельгийского национального гимна.

3 октября «Русские ведомости» сообщали об образовании в Москве лекционного комитета «Война и культура» для устройства публичных чтений в столицах и провинции в пользу Общероссийского союза. Состав комитета: С.Н.Булгаков, С.А.Котляревский, П.И.Новгородцев, Г.А.Рачинский, Е.Н.Трубецкой и другие. Свое участие обещали Н.А.Бердяев, С.Н.Дурылин, Вяч.Иванов, П.Б.Струве.

6 октября А.Блок пишет жене: «...Чувствую войну и чувствую, что вся она — на плечах России, и больше всего — за Россию, а остальные — Бог с ними...» (ЛН, т. 89, с. 332).

6 октября в Московском Религиозно-философском обществе выступили с докладами: С.Н.Булгаков «Русские Думы», Вяч.Иванов «Вселенское дело», В.Ф.Эрн «От Канта к Круппу» и др.; в последнем докладе весь ход философского развития в Германии объявлялся ложным, ведущим к милитаризму (см. настоящую Летопись, декабрь 1914 г.).

Е.Адамов [Е.А.Френкель] назвал доклад Эрна «геллертерско-шовинистическим» и противопоставил ему «пышное великолепие торжественного пафоса» Вяч.Иванова («День», 10 окт.).

Горький писал В.С.Войтинскому 30 ноября: «Москва является центром, где ныне усердно строят идеологию будущей национал-либеральной партии, которая будет основоположницей глубочайшей общественной реакции. Идут разговоры ... о мистических началах национализма, о мессианизме третьего Рима, о том, что Русь — носительница истинной культуры и ныне спасет Европу от оков ложной цивилизации... Общественное мнение создают... при помощи языков и перьев Вяч.Иванова, Булгакова, Эрна, Л.Андреева, Струве и прочих... Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники» (ЛН, т. 95, с. 926).

12 октября «Русские ведомости» поместили статью С.Елпатьевского «Охота на немцев» о двух патриотизмах: истинном, народном и «крикливом, злобном», который требует исключения германских и австрийских подданных из Общества драматических писателей, Литературно-художественного кружка, Театрального общества и т.д.

14 октября в Политехническом музее футуристы устроили вечер «Искусство и война», прошедший почти в пустой аудитории. В.Каменский прочел доклад «Культура и война», сплошь состоявший из выражений «дьявол в образе Вильгельма», «колбасники в касках» и т.п. Д.Бурлюк уверял, что только футури-

сты могут изобразить происходящую войну. В. Маяковский прочел два стихотворения о войне («Футуристы и война», Ран. Утро, 15 окт.).

16 октября «Биржевые ведомости» поместили интервью А. Кручинина «У А. И. Куприна»: писатель только что вернулся из поездки в Западный край, половину своего дома в Гатчине отдал под лазарет.

21 октября вышел номер газеты «День», посвященный «Героической Бельгии», со стихами А. Блока «Антверпен», З. Гиппиус «Три креста», Ф. Сологуба «Утешение Бельгии» («Прежде чем весна откроет ложе влажное долин, Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин...»), Игоря Северянина — «Поэза о Бельгии», со статьей Д. Мережковского «Убийца лебедей» и др.

Н. Бердяев — «Футуризм на войне» (Бирж. Вед., 26 окт.). Прошлогодняя «шумиха футуризма» естественно снята мировой катастрофой, но футуризм проявился «в безобразной форме» ведения войны германцами. В русской армии преобладают факторы духовные над материальными.

Г. Иванов — «Испытание огнем (Военные стихи)» (Апол., № 8, окт.). «Хороши или плохи военные стихи наших поэтов... они несут в себе признаки... подлинного перерождения нашего одряхлевшего модернизма... По поэзии прокатилась волна прекрасной бодрости, трезвого и радостного воодушевления. И это потому, что война разорвала душный круг индивидуальности, породила широкие, общие интересы». «Слабее всех отозвались на войну... футуристы». «А что же враги модернизма, поэты из "Русского богатства"... почему они молчат теперь, когда говорить — священная обязанность всякого, имеющего голос». «"Антверпен" Блока — прекрасен, но очень отдаленно, географически только касается войны, как и все, впрочем, опыты Блока в "военном" роде».

Издатель «Софии» (№ 6) сообщал о прекращении журнала, так как сотрудники «и среди них вдохновитель и руководитель журнала П. П. Муратов с оружием в руках защищают честь и неприкосновенность нашей родины». Н. Пунин выражал «горькую обиду» в связи с приостановкой журнала, который говорил о «великих именах» «новым языком» (Сев. Зап., № 12).

«Русская литература XX века (1890-1910)». Т. 1-2. Под ред. С.А. Венгерова. М.: «Мир», 1914, тираж 1-го тома (вышел в июле) — 6000, тираж 2-го — 3000.

«При разноценности критических статей, неизбежной пестроте манеры и стиля, при отсутствии единства общих исходных точек зрения» книга дает «ценный фактический материал», признает «известное влияние модернизма на целое поколение» (Е.Як-н [Е.И. Якушкин], Вест. Евр., № 12). «Благожелательные поминки» по русскому модернизму при полном непонимании «новых исканий». Е.Аничков изображает Бальмонта общественником и реалистом, Ф.Батюшков «объяснил и оправдал» Брюсова. С.Венгеров обнаружил полную беспомощность «перед новыми ценностями искусства», причислив к «упадочникам» «нежного Блока», «хрупкую Гиппиус», «сердце привораживающего Сологуба» (Дм.Крючков, «Поспешные поминки», «День», 27 ноября). Профессор Венгеров выступает в роли «постороннего» в оценке «старого и молодого» в литературе. «Комбинирование автобиографий с критическими статьями» обеспечивает «полноту и обстоятельность» новой истории литературы (Е.Колтоновская, «Речь», 1915, 16 февр.). В труде «неутомимого С.А.Венгерова» за «внешней монументальностью» скрыто «что-то внутренне поверхностное», «пестро-уличное» и «популярно-научное» (П.Б.Струве, Р. Мысль, 1915, № 6). Много ценного фактического материала, но его «критическая обработка не удовлетворяет» (лучшая статья А.Горнфельда о Сологубе). Термином «неоромантизм» Венгеров охватил не только декадентство, символизм и модернизм, но и творчество Горького, Л.Андреева, Арцыбашева с их «чувством чрезвычайности» (А.Гвоздев, Сев. Зап., 1915, № 9). «Мюр и Мерилиз», а не история литературы, статьи писались по принципу «свой о своих». Венгеров отрицает марксистскую методологию, отвергает импрессионистскую критику Ю.Айхенвальда и Ин.Анненского, психологический метод Овсяннико-Куликовского, метод «отъединения личности от общества» М.Гершензона и предлагает эклектику из многих элементов отвергнутых им методологий (Д.Тальников, Совр. Мир, 1915, № 10).

Ноябрь

С ноября «Русское богатство» стало выходить под названием «Русские записки» (ред. В.Н.Цеховская, изд. Н.С.Русанов). Имя прежнего издателя — В.Г.Короленко — пришлось убрать, однако в первом же номере были напечатаны новая редакция

повести Короленко «С двух сторон (Рассказ моего знакомого)» и статьи прежних сотрудников журнала — Н.И.Кареева, С.Я.Елпатьевского и других.

9 декабря А.В.Пешехонов писал В.Г.Короленко: «В течение двух с лишком месяцев мы пытались восстановить свою фирму. Использовали всевозможные связи — в конечном счете очень даже влиятельные — и все-таки без толку... Клиентов начали удовлетворять изделиями русановской фирмы...» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 31, ед. 56).

Горький сообщил Е.П.Пешковой 26–29 ноября: «Вышло “Русское богатство”, интересная книжка» (Арх. Горького. Т. IX, с. 163). В.С.Войтинский написал Горькому 19 декабря о № 1 «Русских записок»: «Прекрасный, культурный и честный журнал. Откиньте пару неважных статей,— остальное превосходно. Так ведь не исчез круг читателей этого журнала!» (ЛН, т. 95, с. 929).

В.Буренин не преминул подчеркнуть бесполезность «этого переодевания из одной обложки в другую». «Для наглядного убеждения читателей, что “Русские записки” есть не что иное, как то же “Русское богатство”, в первой же книге “Записок” поспешил появиться самый главный, самый признанный метр г. Короленко», напечатав «старую беллетристическую труху» из своей «никому не интересной» студенческой юности (Н. Вр., 1915, 3 апр.).

2 ноября в Петрограде вышел первый номер иллюстрированного журнала «Отечество» (ред.-изд. З.И.Гржебин); в художественном отделе были объявлены: Ю.Анненков, Ал.Бенуа, М.Добужинский, Б.Кустодиев, А.Радаков, Ре-ми [Н.В.Ремизов], И.Е.Репин; в литературном: Л.Андреев, А.Блок, И.Бунин, Е.Замятин, А.Ремизов, Ф.Сологуб, В.Тан, Н.Телешов, Тэффи, К.Чуковский и другие. В течение ноября–декабря в журнале печатались «Письма о войне» Л.Андреева, призывающие к крестовому походу против «германского милитаризма».

9 ноября Е.И.Замятин пишет жене из Кременчуга: «Сейчас купил здесь “Отечество”. Почему-то, увы, Щеголев вставил мою фамилию в число сотрудников...» (Рукописные памятники. Вып. 3, ч. 1. СПб., 1997, с. 182).

В новом журнале «Отечество» Л.Андреев поместил «риторическую трель о войне» и осудил воззвание писателей, художников и артистов (Р. Вед., 28 сент.) за недостаточно сильный протест против «вандализма германцев» (И.Игнатов, Р. Вед., 11 ноября).

9 ноября В.Г.Короленко пишет дочери из Ларденна (Франция): «Кроме войны и ее безобразий,— закрытие “Русского богатства”... А теперь новый удар: Розинер [зав. изд-вом А.Ф.Маркса]... прислал телеграмму: цензура запретила “Бытовое явление”, “Черты военного правосудия”, “Дело Глускера”, “О свободе печати” и судебную речь по поводу последней статьи. Можно сказать, что из моей публицистики вынули душу... Ничего “специально” относящегося до военных действий тут не было, и в свое время все прошло... По-видимому, в России теперь существует предварительная цензура...» («Согласие», 1994, № 1, с. 195; т. 9 Короленко вышел с пометой, что упомянутые статьи не включены «по независящим от автора и редакции обстоятельствам». Полн. собр. соч. Т. 1–9. Пг.: изд. т-ва А.Ф.Маркс, 1914, прилож. к журн. «Нива», тираж — 200000).

Ал.Н.Толстой — «Письма с пути» (Р. Вед., 4, 7, 14, 16, 23 ноября).

К.Тренев — «В пути» (Сев. Зап., № 10–11).

М.Пришвин — очерки «На братскую линию», «Странствующая солдатка» («Речь», 30 окт., 2, 11, 13, 16 ноября).

В.Брюсов продолжает печатать военные корреспонденции (Р. Вед., 6, 12, 20, 21 ноября).

А.Блок — «Когда замрут отчаянье и злоба...» (Еж. Журн., № 11).

Ф.Сологуб печатает стихи и прозу о войне: «Осенняя могила», «Танин Ричард», «Дождь и сон», «Св. Георгий Победоносец», «Побеждайте» (Бирж. Вед., 9, 16, 23, 26, 30 ноября), стихотворение «Лихорадка окопов» («Нет лучше скорее в штыки бы...») («День», 1 ноября).

К.Бальмонт — «Благовест боя» («Когда заговорит Россия, То громы неба говорят»), «Мать» («Но вот, перебирая четки, Благословляю смерть твою!») (Р. Сл., 9 ноября).

С.Городецкий — «Солдатка» («Но не страшно бабьему Сердцу моему. Опояшусь саблею И ружье возьму...») (Бирж. Вед., 19 ноября).

З.Гиппиус — «С любовью» («Поэты не пишете слишком рано... В часы неоправданного страдания И нерешенной битвы,—

Нужно целомудрие молчания И, может быть, тихие молитвы...» (Бирж. Вед., 16 ноября).

В.Маяковский — стихотворения «Скрипка и немножко нервно» («Театр в карикатурах», 30 ноября), «Мама и убитый немцами вечер» и статьи «Штатская шрапнель», «Поэты на фугасах», «Вравшим кистью», «Теперь к Америкам», «И нам мяса!», «Не бабочки, а Александр Македонский», «Россия. Искусство. Мы», «Без белых флагов», «Война и язык» («Новь», 12-20, 23, 27 ноября). В статьях развивались мысли о новом искусстве: «Какофония войны» смела искусство, обслуживающее «поросшего покоем обывателя» (Бальмонт, Брюсов, Ахматова, Северянин, Вербицкая, Репин, Коровин, Васнецовы) и «вчерашнюю красоту», держащуюся «за зеленую юбку деревни»; «готические арки» уступят место «тысячэтажью небоскребов». «Какая великолепная вещь война!» «Можно не писать о войне, но надо писать войною!» Молодые художники (М.Ларионов, Н.Гончарова, И.Машков, П.Кончаловский, А.Лентулов, Г.Якулов, Д.Бурлюк) должны «с негодованием отвергнуть... руку примирения, протянутую стариками». На смену «тихих, долгих, бурсацких периодов Гоголя» должна прийти «ударная, сжатая речь» «поэзии борьбы» (Маяковский, Хлебников, Крученых). «Слово — самоцель». «Пересмотр арсенала старых слов и словотворчество — вот военные задачи поэтов».

20 ноября в газете «Новь» появилась страница «Траурное ура», составленная В.Маяковским. Помимо его стихотворения, в ней помещены стихи Б.Пастернака «Артиллерист стоит у кормила», Н.Асеева, К.Большакова, Д.Бурлюка.

В Петрограде Главное управление по делам печати [т.е. цензурное ведомство] устроило выставку «Война и печать». Книг и даже брошюр на выставке мало, больше всего карт, лубков и открыток. Драматическая цензура выставила диаграмму, из которой явствовало, что за август — первую половину ноября представлено на утверждение 178 «патриотических» пьес. Из них на сценах идет не более дюжины, и почти все «безнадежно плохи». Показанные на выставке лубки — «литература жестокая, бьющая на низменные и грубые инстинкты». В заключение корреспондент со скрытой иронией замечает: «Военная цензура, имеющая, как известно, также довольно близкое отношение к “Войне и печати”, совершенно не представлена» (С.Б., «Война и печать», Р. Вед., 23 ноября; см. также «Речь», 21 ноября).

17 ноября С.Н.Дурылин пишет Андрею Белому: «С глубоким горем узнал я о выходе Вашем из “Мусагета”... Для меня Андрей Белый был, есть и будет Орфеем русского символизма, его вечным тайновидцем-дитятей, его подлинным “лирическим волнением”, его томлением по теургии... и я знаю, что “Мусагет” уже не “Мусагет” — без него... Вы его зиждитель внутренний, как Метнер — внешний... Но... продолжается Ваше пребывание в символизме русском — и тут вся надежда на Вас, Вячеслава Иванова и Блока... Вы — ангел-хранитель русского искусства, как Иванов — его строгий архангел, как Блок — его скорбный херувим» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 440).

20 ноября в «Русском слове» опубликовано письмо А.И.Куприна, который отказывается от празднования 25-летия своей литературной деятельности и просит передать деньги, которые должны быть потрачены на чествование, «героям нашей великой армии».

Е. Колтоновская — «Литература и война (Параллели)» (Вест. Евр., № 11). Нельзя отвести глаз от ослепительного, «бурлящего перед нами моря — от чудес воодушевления и героизма. Мы ли это? Как связать это яркое настоящее с тусклым прошлым? И какая литература способна отразить эту новую блестящую жизнь?..»

Д.Мережковский — «Два ислама» (Р. Сл., 13 ноября). Война — это «начало конца или, вернее, начало всех концов». «Ислам живет войною; христианство войну *изживает*».

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «Наше будущее» («День», 25 ноября). Война благотворно подействовала на молодежь, не находившую себе места в жизни, — «подогрела кровь, дала содержание, смысл жизни...»

В ноябре в Религиозно-философском обществе в Петрограде З.Н.Гиппиус прочла доклад о войне: «Я говорила вообще о “Великом Пути” [опубл. в журн. “Голос жизни”, № 7] (с точки зрения всехристианства, конечно), об исторических моментах, как ступенях... Да, что война — “снижение”, это для меня теперь ясно. Я ее отрицаю не только метафизически, но исторически... И лишь *практически* я ее признаю... От этого я с правом сбрасываю с себя глупую кличку “пораженки”... Были горячие прения... Карташев... сказал ужасную фразу: “...если не принять войны *религиозно*...” Меня поддержал, как всегда, М[е-

режковский] и мой большой единомышленник на войне и антинационализму (зоологическому) — Дмитрий [Д.В.Философов]» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 239).

М.Горький — «Детство» [Собр. соч.]. Т. 20. Пг.: «Жизнь и знание», 1914, тираж — 10400.

«В другое время о ней много говорили бы и писали: это необыкновенно ярко и выпукло выписанные бытовые картины, воспоминания детства, прошедшего в тупо-темной и жестокой среде мешанства... “Свинцовые мерзости” взаимной ненависти и ожесточения заслоняют порою то свежее, сильное и здоровое, что было в этой среде... и что заставило писателя не потерять веры в возрождение народа: типы бабушки, замечательной хранительницы легенд и песен, отца... и немногие другие... Книга будет читаться долго, и как автобиография, и как бытовые правдивые картины широкой полосы простонародной жизни» (Вест. Евр., 1915, № 1, Библиограф. листок). «Среди многочисленных портретов людей... личность самого рассказчика как будто намеренно затушевывается автором», но это лишь кажущийся недостаток. Книга встает в ряд «Детства» и «Отрочества» Л.Толстого, «Истории моего современника» В.Короленко. «Душа Алеши Пешкова... представляла улей, куда пчелы вместе с медом сносили и воск и всякий сор... Мы знаем, что впоследствии случились события, встретились люди, благодаря которым произведена была капитальная чистка улья... Будем надеяться, что и об этом... самом интересном и поучительном периоде жизни Пешкова, М.Горький поделится с нами своими воспоминаниями» (В.Кранихфельд, «Утро жизни», Совр. Мир, № 12). В «Детстве» творчество Горького «вдруг поднялось до высот, которых не достигало никогда в самое громкое время его начальных успехов, “явилось величайший образец мастерства, на которое только способен художник”». В произведениях Горького живет мастеровая Россия и лишь «представляется живой — Россия фабрично-заводская», также не дается Горькому интеллигентная и крестьянская Россия (А.П.-в, «О художественном творчестве Горького (По поводу его “Детства”»), Киев. Мысль, 1915, 2 мая и 23 июля). «Светлый оптимизм и «твердая вера в человека» позволяют Горькому бесстрашно описывать «свинцовые мерзости дикой русской жизни»; после «цветистых» «Мальвы» и «Челкаша» страницы «Детства» поражают «простотою и искренностью тона» (Е.Колтоновская, «Речь», 1915, 25 мая). «Его тщательно готовили в каторжники, а он сделался знаменитым писателем», «драгоценнейшим на Руси человеком». «С колыбели его стихия — Мятёж!.. Хоть бутылкой, но бей по железу!» «Эта страшная по-

весть о страшном — нисколько не страшна... От нее словно сияние идет... Это — самая веселая, мажорно-счастливая книга из всех за десятки лет... Странно, что о ней не кричат, не приветствуют ее в газетах и журналах!» «Горький, первый из русских писателей, религиозно уверовал в труд. Только поэт-пролетарий, поэт-цеховой, сын драпировщика, внук бурлака мог внести в наши русские книги такую небывалую, новую тему. До него лишь поэзия сопротивления, неделания, мления, оцепенения, коснения была в наших книгах и душах» (К. Чуковский, «Утешеньишко людешкам», «Речь», 1915, 5 и 12 июля). От повести остается «гнетущее впечатление», которое не рассеивается даже тогда, когда вспоминаешь светлый образ бабушки. «Правда выше жалости», провозглашает художник; его книга совершенно свободна от доктринерской пропаганды (А. Гвоздев, Сев. Зап., 1916, № 2). «На этих страницах исподволь вырисовывается облик обозленного и своенравного мальчика, в душе которого незаметно зреют... семена горького, жгучего протеста» (М. Королицкий, «Творчество Горького последних лет», Вест. Евр., 1916, № 5). «Детство» Горького — «книга большого писателя и большого человека. Ее время придет, она будет оценена...» (З. Гиппиус, «Предмет десятой необходимости», Утро Рос., 1916, 17 сент.).

«Прочтите “Детство” Горького, — писал А. Блок П. С. Сухотину 22 февраля 1916 г. — независимо от всяких его анкет, публицистических статей и прочего. Какая у него бабушка!» (т. 8, с. 456).

Ив. Шмелев — «Рассказы». Т. V. М.: Кн-во писателей, 1914, тираж — 2200 («Волчий перекал», «Виноград», «Росстани»).

Вывод о «несправедливости общественных отношений» не выдвигается и не заостряется автором, но все же рождается у читателя ([А. М. Редько], Р. Зап., 1915, № 2, Нов. Кн.). Это «писатель, связанный с почвой, с землей, с демократией не мыслью, а нутром» (В. Львов-Рогачевский, Еж. Журн., 1915, № 6). «Мертвый оптимизм» Шмелева был принят «за радостное утверждение жизни». Залог его успеха в том, что после «модернистского похмелья» читатель возвращается к быту, к бесппроблемному творчеству; в нынешнем Шмелеве нет ни страдания, ни радости, ни борьбы, ни жизни, «есть лишь дыхание космоса». Его творчество — «логическое завершение творчества Андреева, Арцыбашева, Ремизова, Сологуба», рассказывающих «о бессмысленности существования человека». Но Шмелев «страшнее “Стены” Андреева». В лучшем рассказе «Росстани», посвященном смерти, говорится «о чем угодно, но только не о смерти»

(М.Левидов, «Писатель без человека», Журн. Журн., 1916, № 6).

В.Хлебников — «Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне». Предисловие А.Крученых. Пг.: «Журавль», 1915, тираж — 700.

В.В.Розанов — «Война 1914 года и русское возрождение». Пг.: тип. А.С.Суворина, 1914, тираж — 3050 (2-е изд. — февр. 1915 г., тираж — 2000).

Война, и «В.В.Розанов тут как тут, спешит, суетится, что-то доказывает» и все в казенно-приподнятом тоне, но «не поздоровится России от этого возрождения». Война, для Розанова, крах европейской культуры и торжество славянофильства, однако «черносотенные ламентации о любви к русскому народу» не внушают доверия у автора, писавшего в «Уединенном» и «Опавших листьях» о своем «отвращении» к народу (В.Гусин [В.П.Полонский], Лет., 1916, № 1). «Книга блестящая и возмущающая» «равнодушием к добру и злу», «служит делу злобы, а не мира». «Обогащение войны так же недопустимо, как недопустимо обогащение революции или государства». Розанов «не мог противостоять потоку националистической реакции 80-х годов, не мог противостоять потоку декадентства в начале XX в., не мог противостоять революционному потоку 1905 г., а потом новому реакционному потоку, напору антисемитизма в эпоху Бейлиса, наконец, не может противостоять... подъему героического патриотизма и опасности шовинизма». «В своем рабьем и бабьем млении перед силой государственности... Розанов доходит до того, что прославляет официальную правительственную власть за ее гонения против славянофилов... Чиновник для него выше писателя. Чиновничья служба — дело серьезное, а литература — забава» (Н.Бердяев, «О “вечно бабьем” в русской душе», Бирж. Вед., 1915, 14–15 янв.). В «блестящем кавалерийском наезде» Бердяева на Розанова сказывается «старый барский трансцендентизм в отношении к народному телу»; в претензии к «вечно-бабьему» имеются в виду не личные грехи Розанова, а «грехи *русской души*». «Грешок» Розанова в том, что он «слишком термометричен»: «на дворе ведро — и у него бодро; на дворе ненастье — и у него бездорожье» (В.Ф.Эрн, «Налет валькирий (Ответ Н.А.Бердяеву)», Бирж. Вед., 1915, 30 янв.). Книга Розанова «великолепный гимн силе», в данном случае силе армии, которую он ставит выше «святости», искусства и т.д. (П.Березин, Совр., 1915, № 5). Розанов — оторванный от действительности «интеллигент», но не «левый», а «правый»; он «во-

пил», что Россия «ожидовела» и «погибла», тогда как народ жил «вдохновенной и полной жизнью» (Т.Ардов [В.Г.Тардов], Утро Рос., 14 дек.). Правильно связав войну с «концом гнилого космополитизма», Розанов на деле наследник «официальной народности», а не славянофилов (Б.Савинич, Утро Рос., 1915, 1 янв.).

27 ноября С.Н.Булгаков благодарит автора за присланную «прекрасную книжку... Это истинно русские чувства, слова, и любовь к народу и солдату, и понимание, единственное по художеств. силе выражения». На письме помета В.В.Розанова о С.Н.Булгакове: «есть что-то сухое и “не нашенское” в нем. Чем выше я его ценю, тем менее я его люблю» (Вестник русского христианского движения, 1919, № 130, с. 170).

Любовь Столица — «Русь. Третья книга стихов». М.: «Новая жизнь», 1915, тираж — 1000.

У Л.Столицы «язык народного говора», ее песни выразительны, но однообразны по построению (А.Журин, Св. Журн., № 12, Нов. Кн.). «Деревенская жизнь в изображении Л.Столицы спокойна и величава... эпически проста», «это не Россия. Это Русь», «это смелое изображение души ее народа» яркими «маяжинскими красками», не списанными «рабски с натуры». «Солдатские песни» — «холодны и надуманы» (Федор Б., «Мир женщины», 1915, № 3, с. 8–9).

Декабрь

М.Горький — «В театре и цирке». С ред. примечанием: глава из нового произведения «В людях», которое будет печататься в «Русском слове» в 1915 г. (Р. Сл., 25 дек.).

В течение декабря Горький обращается к ряду писателей (И.Бунину, И.Касаткину, С.Подъячеву, Д.Семеновскому) с просьбой прислать произведения для предполагаемого сборника о современной деревне (ЛЖТ Горького. Т. 2, с. 466–467).

Ив.Бунин — «Святочный рассказ» [«Архивное дело»] (Р. Сл., 25 дек.).

А.Серафимович — «Раненые тыла» (Р. Вед., 25 дек.).

Ал.Н.Толстой — рассказы «Обыкновенный человек» (Р. Вед., 25 дек.) и «Наташа» (Киев. Мысль, 25 дек.).

К.Тренев — рассказ «Дома» (Бирж. Вед., 25 дек.).

Ив. Шмелев — рассказы «Гости» (Бирж. Вед., 25 дек.) и «Лес» (Киев. Мысль, 25 дек.); «Суровые дни (В деревне)» (Сев. Зап., №№ 8–12).

Очерки «Суровые дни» — это несколько набросков с натуры о том, как «вся Россия зашевелилась»; удачно схвачено «общенародное бодрое настроение и отношение к нынешней войне» (Е. Колтоновская, «Литература и война», Вест. Евр., № 11 и «О Шмелеве», «Речь», 29 дек.). Показана «черноземная и многообещающая сила», но «до отчетливого осмысления» дело не доходит, «в лучшем случае получается... новая легенда» (С. Адрианов, Вест. Евр., 1915, № 4, с. 338).

А. Чапыгин — рассказ «За чужой грех» (Сев. Зап., № 12).

В. Винниченко — роман «Божки» (Еж. Журн., №№ 3–12).

В романе масса разговоров, но диспутанты «плохо образованы и совсем не разбираются в тех революционных доктринах, о которых с таким жаром спорят» (В. Ф. Переверзев, Совр. Мир, 1916, № 3). Герой Винниченко приходит к бездне — к отрицанию абсолютных нравственных заповедей, к смердяковскому нигилизму (Питирим Сорокин, «Две бездны нравственности», Еж. Журн., 1915, № 11).

В. Брюсов — стихотворение «Истинный ответ» (Р. Мысль, № 12) и военные корреспонденции (Р. Вед., 5, 17, 28 дек.).

А. Блок — «Неотступное» («Ты — буйный зов рогов призывных...»), «Белое знамя» («Наступает пора небывалая...» и «Я не предал белое знамя...»), «Художник» («Разлетясь по всему небосклону...» и «К ногам презренного кумира...») (Бирж. Вед., 21, 25 и 28 дек.); «Ну что же? Устало заломлены слабые руки...» (Р. Мысль, № 12); «Кармен» [цикл из восьми стихотворений, посвященный Л. А. Дельмас] («Любовь к трем апельсинам», № 4–5, дек.); «Два века» [отрывки из поэмы «Возмездие»] (Р. Сл., 25 дек.); «Ты говоришь, что я дремлю...» (Отеч., № 7, 25 дек.).

31 декабря А. Блок писал жене: «Я тут на праздники деньгу зашибал из газет. Почему-то моя «популярность» возрастает (как во время революции, так теперь, во время войны). Уважат и деньги шлют» (ЛН, т. 89, с. 345).

З. Гиппиус — «Белое» (Д. Мережковскому) («...Господи! Наша ли душа хотела, Чтобы запылали зори красные?») (Бирж. Вед., 25 дек.).

В «Аполлоне» (№ 10, дек.) напечатаны: А.Блок «Рожденные в года глухие...»; Н.Гумилев «Наступление»; О.Мандельштам «Адмиралтейство»; В.Ходасевич «Из мышинных стихов» («Ах, у вас война. Но к нам в подполье Не дойдет ее кровавый шум...»); Вяч.Иванов «Другу поэту» (Юрию Верховскому); статья Н.Пунина «Проблема жизни в поэзии И.Анненского» и др.

Ф.Сологуб — «Дух Берлина», «Сними траур» (Бирж. Вед., 7 и 25 дек.); «Обстрелян» («И потому, сраженный многократно, Теперь врага бестрепетно убью...») («День», 7 дек.); «Гимн» («Да здравствует Россия, Племен освободитель...») (Отеч., № 5, 6 дек.).

А.Ахматова — «Так много камней брошено в меня...» (Еж. Журн., № 12); «Бесшумно ходили по дому...» (Сев. Зап., № 12); «Подошла я к сосновому лесу...» (Отеч., № 7, 25 дек.).

С.Городецкий — «Не диво» («Я с тихой радостью смотрю, Как зажигает над Россией Судьба роскошную зарю») и «Женщинам» (Бирж. Вед., 6 и 11 дек.).

Игорь Северянин — «Переход через Карпаты» («Карпаты — дело плевое: Нам взять их не хитро, Когда у нас здоровое Российское нутро!») (Отеч., № 7, 25 дек.).

Л.Столица — «Из песен девицы-кавалериста» («Я девичью ногу — в стремя, Золотой шишак — на темя, — И несусь В бой за Русь») (Бирж. Вед., 4 дек.).

Л.Андреев — статья «В сей грозный час» (Бирж. Вед., 7 дек.). «Мы приняли войну, как необходимость; и мы приняли ее без колебаний, в фирме “Россия и сыновья” каждый из нас имеет свой пай», однако писатель оговаривается, что ведет борьбу «не за Россию фактов, а за Россию мечты и идеала».

В.Маяковский — статьи «Будетляне», «Как бы Москве не остаться без художников», «Бегом через вернисажи» («Новь», 4, 20, 29 дек.). В первой статье выражалась уверенность в победе «русской нации» в войне, в одолении «тысячелетнего Обломова», который, «позевывая», «ходит к Незлобину на премьеры Арцыбашева», и рождении «мощных людей будущего». «Старые писатели» (Сологуб, Андреев) возвеличивали смерть, страдание, рассматривали войну «только как ужас» («Красный смех») — «народная песня поет радость» «ратному подвигу». Вторая статья

критикует систему преподавания в Училище живописи, ваяния и зодчества. В третьей — дан обзор выставок: «Союза русских художников» («держава прочного благополучия»), передвижников («все мораль и идеи», а нужна «диктатура глаза»). Выделяет Н.Крымова, П.Келина, И.Машкова и К.Малевича.

6 декабря открылась объединенная выставка «Художники Москвы — жертвам войны», на которой передвижники соседствовали с «Миром искусства», «Союз русских художников» с «Бубновым валетом» (М.Нестеров, В.Серов, М.Врубель, Ал.Бенуа, С.Коненков, И.Машков, П.Кончаловский, А.Лентулов и др.). Однако картины футуриста В.Татлина были отвергнуты как «несоответствующие художественным принципам устроителей» (А.Гольденвейзер, Р. Вед., 7 дек.).

14 декабря А.В.Пешехонов пишет В.Г.Короленко: «Сначала было разъяснено, что нужно представлять только статьи военного характера. Но теперь уже требуется представлять все... Теперь дело вполне налажено, вплоть до духовной цензуры и т.д. ... Все позиции были сданы очень легко» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 31, ед. 56).

15 декабря Ив.Бунин пишет А.А.Измайлову, предложившему дать несколько слов о предстоящем Рождестве для «Биржевых ведомостей»: «Твердо знаю, что нынешнее Рождество может быть не последним кровавым Рождеством, знаю, что человечество живет еще Ветхим заветом, что люди еще слишком звери, — теперь это доказано с небывалой, ужасающей очевидностью... Не могу позволить себе с легким духом пророчествовать о судьбах мира, где за последнее столетие все же совершаются беспримерные в истории политические, социальные и научные катастрофы» (В. Л., 1969, № 7, с. 192).

19 декабря в Александринском театре состоялась премьера пьесы Л.Андреева «Король, закон и свобода». «Еще не решенной была в действительности судьба Бельгии в эту войну, и Л.Андреев уже открыл бельгийские шлюзы и затопил германскую армию водой», потом, спохватившись, написал 6-ю картину, в которой изобразил наступление немцев на Антверпен. Публика оставила публику «холодно-смущенною» (Л.Гуревич, «Речь», 20 дек.). Пьеса написана «с метерлинковскими диалогами и странство... и с общей формулой трансцендентального ужаса» (Номо Novus [А.Р.Кугель], «День», 21 дек.).

21 декабря в Политехническом музее, в Москве — вечер Игоря Северянина, с докладом В.Р.Ховина «Футуризм и война». В.Маяковский откликнулся заметкой «Поэзовечер Игоря Северянина»: публики было много, но «особенной» — «прямо дамская кофейная комната у Мюра и Мерилиза». «Бледный доклад» Ховина, «ополчившегося на воинственный итальянский футуризм и пытавшегося теоретически обосновать воспевание “гурманства” и “трусости”», был «нетерпеливо прослушан». «После вышел “сам”. Рукоплескания, растущие с каждым новым стихотворением», в частности, прочел: «Да здравствует святая трусость Во имя жизни и мечты!» («Новь», 23 дек.).

26 декабря М.А.Волошин писал А.В.Гольштейн: «Боюсь, что для России победа будет большим моральным падением. Да и теперь мне не хотелось бы быть там — все эти вопли патриотизма слишком неприятны... Что же лично меня касается, то думаю, что человек, считающий, что лучше быть побежденным, чем победителем, что лучше быть убитым, чем убивать, может оставаться только скорбным свидетелем совершающегося» («Звезда», 1998, № 4, с. 169).

В.Беренштам — «Война и поэты (Письмо из Петрограда)» (Р. Вед., 1915, 1 янв.). Описаны два поэтических вечера. Один — в «Бродячей собаке». За столом сидели С.Городецкий, М.Моравская, но преобладали футуристы. Какой-то студент призывал сейчас же, под барабанный бой, — к штыкам. М.Моравская читает военные стихотворения, а потом свое приветствие «Каторжанам Нерчинской», которые убирают поля ушедших на войну. Поэтесса прославляет «доверье тех, кто в поля их отпустил». Другое собрание — у Ф.Сологуба; присутствовали почти все поэты нового направления. Сологуб прочел свое стихотворение «Обстрелян». Просят читать Ахматову. «У меня нет моих о войне», — отвечает она, «точно уверенная, что теперь других и невозможно читать», но потом все же читает свои стихи — «у нее сейчас все о смерти». Игорь Северянин читает о том, что вообще не признает войны, но эта великая, народная война, этой войне — слава, затем стихи — о наслаждении жизнью, об «аромате сирени» и восклицает «Да здравствует святая трусость!». О.Мандельштам читает о Кельнском соборе, брате Реймского собора, который тоскует о разрушении последнего. Тэффи — «О трех девах, шьющих одежды воинам: одна — любимому, другая — отравленной иглой, чтоб умер пленный, а третья — для всех безразлично. И Бог выбирает последнюю». «Так все на многолюдном собрании поэтов было о войне, или

около войны, или по поводу войны! Никаких других тем беседы!»

Е. Колтоновская — «Война и писатели (О писательской психологии)» (Р. Мысль, № 12). «Художественная литература на темы войны у нас пока почти отсутствует» (больше всех пишет о войне Л. Андреев). Однако интеллигенция, покинувшая свои кабинеты для «полей сражений», нашла для себя «в кровавой стихии тот возрождающий эликсир, о котором давно вздыхала».

Л. Гуревич — «Война и современная литература» (Сев. Зап., № 12). Писатели уже «приспособились к войне», «но холодом и тленом веет почти от всего, что они печатают».

В «Русской мысли» (№ 12) опубликованы речи, произнесенные 6 октября на заседании Московского религиозно-философского общества в память Вл. Соловьева: С. Н. Булгакова «Русские думы» (Благодаря «священной войне» «мы опять поверили в Россию», «познали ее высшую духовную культурность» «на фоне цивилизованного варварства» Европы); Г. А. Рачинского «Братство и свобода» (Германия скинула «маску культурного идеализма, за которую пятьдесят лет прятала обнаглевший милитаризм»); Е. Н. Трубецкого «Война и мировая задача России» («Освободительная миссия России» — отстоять «христианскую культуру, которая не погубляет, а воскрешает народы»); Вяч. Иванова «Вселенское дело» («Современная германская культура — не что иное, как всеобъемлющая организация германской воли к порабощению мира», «хула на духа и безбожие»); В. Ф. Эрн «От Канта к Крупцу» («Кант в самых характерных и оригинальных моментах своей философии диалектически постулирует Крупца»). В том же номере «Русской мысли» была помещена статья С. Л. Франка «О поисках смысла войны», указывающая на дефекты «славянофильской концепции войны» (В. Ф. Эрн и С. Н. Булгакова).

В. Ф. Эрн писал об этом заседании жене, 7 октября: «Из наших речей вышел чрезвычайно сильный букет. Аплодировали все очень сильно, — всего сильнее Булгакову и Вячеславу... Народу было более тысячи человек. На улице, на лестницах стояли толпы людей, не получившие билетов... Во время моей речи князь [Е. Н. Трубецкой] погрузился в черную меланхолию» (сб. «Взыскающие града». М., 1997, с. 601).

Н. А. Бердяев, по поводу доклада В. Ф. Эрн, заметил, что «суд над Кантом должен твориться вне уличного шума и базарных

страстей» («Эпигонам славянофильства», Бирж. Вед., 1915, 18 февр.).

25 декабря в журнале «Отечество» (№ 7) «Вынужденный ответ» редакции Д.Мережковскому и З.Гиппиус, требующим от писателей молчания о войне. Мережковский «умыл руки в крови» и «отойдя в сторону стал подсвистывать и подхихикивать всем, кто говорит, что война... кровное наше дело».

К.Чуковский — «Смерть, красота и любовь в творчестве И.А.Бунина» («Нива», №№ 49-50, 6 и 13 дек.). «Бунин — поэт деревенский... Он не воспевал никогда ни Кремля, ни Медного Всадника... Он — певец прогалин и проталин, сосен, октябрей, февралей». Но стихи его — только по виду «дневник о погоде», «а на самом деле они — о душе». До сих пор проза его была «бледновата, расплывчата». И вдруг сборники «Деревня», «Суходол», «Иоанн Рыдалец». «И какой в этих новых творениях мужской, лаконический, четкий и твердый рисунок, какая энергичная, крылатая фабула (которой он доселе был так беден) и, главное, какая психология!» Основная тема Бунина — «как нехозяйственно, зря расточается душа человеческая!» Но постепенно «осердечилось» творчество Бунина, «придирчиво-строгого хозяина» сменяет «растроганный, прощающий сын». «Его давняя книга “Деревня” была безнадежно черна... “Суходол” — уже лучилась какими-то проблесками. А последняя — об “Иоанне Рыдалце”, “Псалме” [“Лирник Родион”], “Худой траве” — вся осиянная, благостная...»

И.Игнатов — «Деревенская поэзия» («Сборник великорусских частушек». Под ред. Е.Н.Елеонской. М., 1914) (Р. Вед., 12 дек.). «Деревня теперь поет про войну», в сборнике же собрана довоенная частушка, в ней «густая атмосфера любовных страданий» и параллельно характеристика общей деревенской психологии, семейных отношений, бытовых особенностей. «Солдатчина до сих пор отражается в поэтическом творчестве как нечто непоправимое, почти как вечная разлука».

В Москве, в Музее изящных искусств Александра III проходит выставка работ А.С.Голубкиной за 25 лет. «Это изображение страдания, как силы, сделавшейся неотделимым свойством современного человека» (И.Игнатов, «На выставке А.С.Голубкиной», Р. Вед., 14 дек.). «В этих голубкинских формах отойдет русская современность в историческую даль» (Россций [А.М.Эфрос], Р. Вед., 1915, 10 янв.). «Это большое событие —

редкое и радостное,— писал И.Грабарь Б.М.Кустодиеву 19 декабря.— Есть вещи замечательные — главным образом портреты, ибо остального я никогда не любил и считаю недоразумением. Особенно любопытны деревянные портреты Алексея Толстого, Ремизова и других» (Игорь Грабарь. Письма. 1891–1917. М., 1974, с. 275).

22 декабря О.Э.Мандельштам уехал в Варшаву (запись в дневнике С.П.Каблукова), «где по протекции Кузьмина-Караева надеется попасть в санитары. Всякий его знающий поймет, сколь нелепа и глупа эта затея». 26 января 1915 г. С.П.Каблуков записал: «пробыв в “санитарах” не более 2-х недель и без всякой чести возвратившись восвоеси», Мандельштам «скрывает свое возвращение и неудачу. Чувствует себя нездоровым и сегодня уезжает на покой и отдых в санаторию... в Мустамяках» (О.Мандельштам. Камень. Л., 1990, с. 249).

26 декабря, в Москве, открылась выставка «Союза русских художников» (Н.Крымов, К.Юон, С.Малютин, А.Архипов, Л.Пастернак и др.) в пользу Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. Это — повторение «формулы когда-то свежей, а ныне одряхлевшей и рассыпающейся эстетики» (Росций [А.М.Эфрос], Р. Вед., 28 дек.).

«Земля». Сб. пятнадцатый. Моск. кн-во, 1914, тираж — 10000* (А.Куприн «Яма», пьесы М.Арцыбашева «Война» и Н.Крашенинникова «Плач Рахили»).

«На книжном рынке... началось некоторое оживление». «Война» Арцыбашева, только что снятая со сцены в нескольких городах России, изображает «жизнь родственников воюющих». «Фальшивость художественных картин» Куприна сочетается с высшей степени неудовлетворительной дидактической точкой зрения (И.Игнатов, Р. Вед., 23 дек.). Война для Арцыбашева лишь удобный повод для доказательства излюбленной идеи о бессмысленной жестокости жизни и «взгляда на женщину, как на существо ограниченное, коварное, жестокое и развратное» (Е.Колтоновская, Вест. Евр., 1915, № 2). «Вопросами любовной жизни, брачных отношений, половой морали объединен сборник». Как и все большие вещи Куприна, «Яма» неудачна, отдает беллетристикой Амфитеатрова. Арцыбашев, по обыкновению, порочит женщину ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., 1915,

* Был под цензурным арестом из-за пьесы Арцыбашева и по «Книжной летописи» проходит 1–7 января 1915 г.

№ 1, Б-фия). «Повесть Куприна есть пощечина всему современному обществу». Этой темы касался и Чехов, и Гаршин, но «пристально на них никто не смотрел... Посмотрят, закричат караул — и назад». Куприн говорит: «они гадки, но, чем они гаже, тем больше позора для нас. Нечего спасать их, воскрешать; их нужно не спасать, а уничтожить. Нужно так перестроить весь наш общественный быт, чтобы для ямы в нем не было места» (К. Чуковский, «Новая книга А.И. Куприна», «Нива», № 45, 8 ноября). «Где старый Куприн — мастер слова?.. Предвзятость, поучение, комментарии — поглотили художника-стилиста». В области идей все беспомощно, и только одному Чуковскому «открыто чудо социально-педагогического откровения» «Ямы» (Л. Щеглова, Совр., 1915, № 4).

М. Алданов — «Толстой и Роллан». Пг., 1915, тираж — 2000.

При различии литературной формы и идеологической основы выделена «внутренняя духовная связь обоих писателей». «Самостоятельность замысла и метода, обширная и живая осведомленность, легкость, находчивость и увлекающий темперамент... большая психологическая проницательность — таковы очевидные преимущества нового писателя» (А. Левинсон, Сев. Зап., 1915, № 7–8, Б-фия).

Сб. «Война в русской лирике». Составитель — Вл. Ходасевич. М.: «Польза», 1915, тираж — 10000; 2-е изд. в авг. 1915, тираж — 5200.

15 декабря Ходасевич писал Г.И. Чулкову: «...все (ах, и я!) пишут плохие стихи на военные темы. На военные темы, оказывается, русские поэты всегда писали неважно. Я это узнал, составив по заказу “Пользы” антологию: “Война в русской лирике”. Скучная вышла книжка» (В. Ходасевич. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4, М., 1997, с. 392).

Саша Черный — «Живая азбука». СПб.: «Шиповник», 1914, тираж — 3500.

Итоги литературного года

«Первые месяцы года были посвящены теоретическим спорам реалистов и символистов... В конце же июля литературная жизнь оборвалась, и, понятно, не наладилась до сего дня...» «Особое почетное место в литературе 1914 г. занимает вышедшее отдельной книгой “Детство” М. Горького». Беллетристика

погибших «Заветов» больше всего тяготела к Горькому: «...роднит их общность материала — уездная Россия — и отсутствие... общих схем в изображении неправд и мерзостей этой России». Но у самого Горького «человек берет дубину в руки, чтобы сокрушить ненавистный быт — в этом начало и конец его эпопеи мещанства и ломающейся России». В современной литературе рождается восходящий к Гоголю и Достоевскому «синтезирующий реализм», который при реализме общего замысла допускает самую широкую фантастику. «Петербург» Андрея Белого есть «весьма несовершенное, хотя и значительное» воплощение этого реализма (Е.Лундберг, *Совр.*, 1915, № 1).

«Весной и летом 1914 г. происходило большое пролетарское движение, которое не могло не откликнуться в литературе... Может быть, оно-то и есть центр и фокус происходящего...» Типографский станок в течение года работал, не переставая, почти нет теперь ни одного молодого писателя, который не выпустил бы полного собрания своих сочинений. «Первые книжки журналов со стихами о войне показали непроверенность взглядов и невыработанность мнений о поразившем явлении» (Н.Г[еккер], «Литература 1914 года», *Од. Нов.*, 1915, 1 янв.).

«Война страшно сократила продуктивность русской литературы», зато она «смела все литературное шутовство, диким шумом которого наполнен был весь 1913 год» (В.Кранихфельд, «Русская литература», *Совр. Сл.*, 1915, 1 янв.).

Военные стихи, особенно поэтесс, поражают «сентиментальным тоном, жеманно-невывразительным языком и развинченным стихом». Исключения представляют произведения А.Ахматовой, а также некоторые стихи Ф.Сологуба и М.Кузмина (Г.Иванов, «Военные стихи», *Апол.*, 1915, № 1).

1914 год в поэзии был годом «низвержения старых богов», спада «слепой раболепности перед символизмом». Бунтовали эго и кубо-футуристы, акмеисты, группа москвичей, вышедшая из «Мусагета» и объединившаяся вокруг издательства «Лирика» (Б.Пастернак, Н.Асеев) (С.Бобров, «Русская поэзия в 1914 году», *Совр.*, 1915, № 1).

1915 год

Январь

Ал. Н. Толстой — пьеса «День битвы» (Нов. Жизнь, № 1).

В. Брюсов — «На Карпатах» и «Круги на воде» (Р. Мысль, № 1); военные корреспонденции (Р. Вед., 3, 4, 8, 9–11, 13, 14 янв.).

А. Блок — «Есть времена, есть дни, когда...» (Р. Мысль, № 1); три стихотворения цикла «Офелия» (Сев. Зап., № 1); «Королева», «Голубое» («Война горит неукротимо...»), «После битвы» («Я возвращусь стопой тяжелой...»), «Знак» («Не утленная кровавыми струями, Безмолвствует земля...») (Бирж. Вед., 4, 7, 18, 25 янв.).

М. Горький писал Д. Н. Семеновскому 31 января о творчестве Блока: «Я отношусь к нему внимательно, но — недоверчиво. Мне кажется, что он слишком литератор, вдохновение его — холодно», стихи, посвященные России, — «книжные» (ЛЖТ Горького. Вып. 2. с. 477).

Ф. Сологуб — «Гадание» («Все будет так, как мы хотим...»), «Лампады любви», «Петроград — Белграду» («Чертог мы строим величавый, Наш третий и последний Рим...»), рассказ «Тихий зной» (Бирж. Вед., 1, 6, 18, 29 янв.); два стихотворения (Р. Мысль, № 1).

Вяч. Иванов — «Сыны Прометей» [«Прометей»] (трагедия в стихах) (Р. Мысль, № 1).

Н. Гумилев — новая редакция стихотворения «Война» («И поистине светло и свято Дело величавое войны...») (Апол., № 1; первая редакция, Отеч., 1914, № 4, 23 ноября).

Марина Цветаева — стихотворения «Байрону» и «Генералам двенадцатого года» (Сев. Зап., № 1).

«Первые стихи в журнале — в Северных Записках, — вспоминала Цветаева, — потому что очень просили и очень понравились издатели, — в порядке дружбы. Сразу слава среди поэтов.

До широкого круга не дошло, потому что журнал был новый — и скоро кончился» (М.Цветаева. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М., 1994, с. 600).

В № 1 «Ежемесячного журнала» помещены: пьеса Ив.Шмелева «На паях (В городке)», рассказы А.Чапыгина «К людям», Е.Замятина «Старшина», В.Муйжеля «Проня лежащий».

12 января А.Блок пишет жене: «“Сирин” окончательно ликвидируется — теперь уже это не секрет... Собственно, я доволен, что получил меньше всех материальных выгод от Терешенок, будучи близким к Сирину в течение двух лет» (ЛН, т. 89, с. 347–348). 28 января А.М.Ремизов записал в дневнике: «Сирин уничтожен. Сегодня последний день» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, ед. 3).

13 января в Москве, в Литературно-художественном кружке, был устроен «Польский вечер». Особенно большой интерес публики вызвало выступление В.Я.Брюсова, приехавшего с войны. Он прочел свой перевод Ю.Словацкого «Грустно мне, Боже...» и два своих стихотворения на темы войны. И.Бунин прочел сонет Мицкевича в своем переводе. Несколько стихотворений прочел В.И.Качалов (Р. Вед., 14 янв.).

18 января в Литературно-художественном кружке чествовали приехавшего с войны В.Я.Брюсова. Председательствующий А.И.Сумбатов отметил, что корреспонденции Брюсова в «Русских ведомостях» «стоят на высоте переживаемого момента». Вяч.Иванов напомнил, что в этом году исполнилось 25 лет с начала литературной деятельности Брюсова и «в обширной речи охарактеризовал значение Брюсова и его поэзии». Брюсов отвечал, что не время говорить о поэтах и поэзии: «Если бы пришлось выбирать между поэзией и родиной, то пусть погибнет поэт и торжествует Великая Россия». Польский поэт Лео Бельмонт прочел стихотворение «Валерию Брюсову». Было получено несколько приветственных телеграмм и стихотворение композитора А.Н.Скрябина, посвященное Брюсову. В заключение поэт прочел свое новое стихотворение «На Карпатах» («Чествование В.Я.Брюсова», Р. Вед., 20 янв.). 25 января В.Ф.Эрн пишет жене о Брюсове: «Один вечер просидел у Вячеслава [Иванова], читая стихи и рассказывая о войне. И патриотично “настроен”, и анекдотики рассказывает, и все же скука какая-то умопостигаемая идет от него» (сб. «Взыскующие града». М., 1997, с. 612).

16 января Л.Н.Андреев пишет А.А.Кипену: «Возник у нас некоторый писательский кружок (Горький и Сологуб и я во главе) с целью противодействовать антисемитизму, составляем книгу [“Щит”], проводим устав общества “для изучения еврейства”... устраиваем коллоквиумы с именитыми писателями и общественными деятелями... С Максимычем я выдаюсь, отношения приличные и по виду напоминают старые» (De Visu. 1994, № 3–4, с. 13).

9 января К.А.Сомов записал в дневнике: «Был на выставке “0, 10” — футуристов. Совершенно ничтожно, безвыходно. Не искусство. Ужасные ухищрения, чтобы сделать шум» (К.А.Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 152).

Подводя итоги приветствиям, полученным в связи с 25-летием литературной деятельности, А.И.Куприн сказал: «Я все-таки чувствую, что работа писателя не напрасна. О себе скажу одно — работал честно. Теперь на смену нам идет молодежь» (Вас.Р. [Регинин], «У А.И.Куприна после юбилея», Бирж. Вед., 17 янв., веч. вып.).

Е.Колтоновская — «Поэт жизни (К 25-летию литературной деятельности А.И.Куприна)» (Вест. Евр., № 1). Куприн, как и Чехов, «писатель порубежный, между старой и новой литературой». У него «солнечная муза»; «индивидуализм — основной нерв творчества». Антимилитаристский «Поединок» и теперь, «в самую милитаристскую из эпох» «читается с наслаждением».

26 января Горький пишет С.В.Малышеву: «Люди потихоньку разбираются в хаосе эмоций, возбужденных войною, начиная кое-что критиковать...» (т. 29, с. 330).

30 января Н.А.Бердяев пишет Вяч.Иванову: «Вы изменили заветам свободолюбия Лидии Дмитриевны [Зиновьевой-Аннибал]... Ваш дионисизм, Ваш мистический анархизм, Ваши оккультные искания, все это... было связано... с ее прививкой... У Вас нет религиозного дара свободы, Вы свободу всегда переживали, как демоническое дерзание... И в Вашей природе есть робость... Вы всегда нуждаетесь во внешней санкции. Сейчас Вам необходима санкция Эрна или Флоренского... Вы стали перекладывать в стихи прозу Эрна. Вы почти отреклись от Ваших греческих, дионисических истоков. И на высоте Вы лишь тогда, когда остаетесь поэтом. Я не люблю в Вас религиозного мыслителя... Вашей природе чужда Христова трагедия, мистерия лич-

ности, и Вы всегда хотели переделать ее на языческий лад, видели в ней лишь трансформацию эллинского дионисизма... Ваше мироощущение в своей первооснове языческое, просто внехристианское, а не антихристианское. Вот в моей природе есть что-то антихристианское, но вся кровь моя пропитана христианской мистерией. Я — “еретик”, но в тысячу раз более христианин, чем Вы — “ортодокс”... Я объявляю себя решительным врагом Ваших нынешних платформ и лозунгов. Я не верю в глубину и значительность вашего “православия» (Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996, с. 138–140).

В.Ф.Эрн — «Налет валькирий (Ответ Н.А.Бердяеву)» (Бирж. Вед., 30 янв.). На «воскресающее» славянофильство «сыпятся нападки». Бердяев в качестве «люциферического духа» нападает на православие и на русскую душу. «Все напрасно. У русской земли горнее обручение в эфирных планах», русская армия «разверстывает в ослепительном напряжении светлую мощь и сталь солнечного духа своего...»

Н.А.Бердяев, в отклике на эту статью, писал, что у В.Эрна, С.Булгакова, Вяч.Иванова — «националистическое вырождение славянофильства» с превращением государства из «функции народной жизни» в «предмет поклонения», в признании в государственной власти «ангельского начала». «Даже в бунте против России [М.Бакунина, П.Чаадаева] может быть больше русского, чем в доктринерском преклонении». Религиозность Эрна «совсем не русская»: «такой безоблачности не бывает в нашем русском небе». «Славянофильство и западничество одинаково должны быть преодолены в творческом национальном самопознании» в продолжении традиции, заложенной Вл.Соловьевым («Эпигонам славянофильства», Бирж. Вед., 18 февр.).

М.Горький — «О писателях-самоучках». Пг.: «Жизнь и знание», 1914, тираж — 14500.

Статья эта, в свое время напечатанная в «Современном мире» (1911), появилась в тот момент, когда «интеллигенция... а вместе с ней литература, пришла к самооплевыванию, вехизму, когда ренегаты со всех сторон наносили удары идее общественного активизма», которую защищает Горький. Значение писателей-самоучек в том, что это явление было предсказано. Упрекнуть Горького следует лишь в том, что, говоря о фатализме и мистицизме — «национальном недуге нашем», «он подходит к явлению не социологически, а исторически» (Л.Клейнборт, Совр. Мир, № 5). Автор пишет о необходимости «внимания и уважения к народу» — «и чем никто не сомневается». «Некоторые отрывки, цитированные и

брошюре, чрезвычайно интересны, как живой голос страдающей, но рвущейся к свету массы» (Вест. Евр., № 3, Библиограф. листок).

«Слово». Сб. четвертый. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 5000* (2-е изд. — март 1915 г., тираж — 2000) (Ив. Бунин «Весенний вечер», Б. Зайцев «Мать и Катя», Ал. Н. Толстой «Четыре века», Г. Яблочков «В плену», К. Тренев «Мокрая балка», И. Сургучев «Песни о любви», В. Вересаев «Мария Петровна»).

У Бунина вновь выведен мужик «с выветрившейся, почерневшей душой». «Из бунинской “Деревни” не мог выйти тот народ, который мы теперь увидели в зареве войны». В «Мокрой балке» Тренев «встает горячая от южного солнца малороссийская деревня, всем своим колоритом представляющая резкий контраст печальной елецкой деревне» Бунина (Л. Козловский, Киев. Мысль, 16 янв.). «Сотрудники “Слова” так мрачно смотрят на человечество, действовавшее до войны, и “Слово” же нашло примиряющие ноты для военного времени» (в рассказе Вересаева); рассказ Тренева — «наиболее сильная вещь во всем сборнике», после этой яркой картины, мрачного, и сильного рассказа Бунина, иронической схемы Ал. Толстого, рассказа Сургучева о несчастной любви итальянской девочки к русскому — «нелепая беспечность» (И. Игнатов, Р. Вед., 24 янв.). Бунин дал очередной «обвинительный акт», однако в рассказе можно видеть «уступку народнической традиции». В рассказе Зайцева «та же философская концепция: жизнь познается страданием». У Ал. Толстого — талантливо и интересно рассказанный анекдот. Общая концепция «Мокрой балки» заставляет вспомнить «Мужиков» Чехова: «нет ни положительной, ни отрицательной предвзятости... Через всю мрачную и трудную жизнь их [крестьян] проходит какое-то стихийное... влечение к какому-то идеалу и правды, и красоты, и справедливости» ([А. Б. Дерман], Р. Зап., № 2, Б-фия). Рассказ Бунина производит «гнетущее» впечатление; Зайцев описывает крушение светлых надежд на счастье в душе скромной курсистки; Ал. Толстой «не глубоко, но талантливо» дает «четыре женских портрета, олицетворяющих смену поколений»; у Тренева «безобидный юмор сменяется зачастую остроумной сатирой, полной художественно преображенного негодования на насильников и притеснителей деревни» (А. Гвоздев, Сев. Зап., № 2). В сборнике «нет внутреннего единства, равноценной талантливости, общего настроения», причем «жестокое начало» сборника [рассказ Бунина] неизмеримо художественнее и убедительнее его «сердечного конца» [рассказ Вересаева]

* По «Книжной летописи» проходит 4-11 февраля.

(Ю. Айхенвальд, «Речь», 9 февр.). Современный читатель хочет хоть ненадолго уйти от кошмарных переживаний войны, и такую возможность дает ему сборник. «Тень современности» есть лишь в рассказе Вересаева, «проникающее его настроение скорее исключительно, чем характерно для текущего момента... Эта вересаевская несчастная Мария Петровна, потерявшая на войне сына и находящая утешение своему острому горю в жалости к его врагам, раненым пленным, — не типична». «Весенний вечер» «примыкает к известной бунинской летописи о деревне», но «бунинская жестокая правда» — «уже правда вчерашнего дня», в сегодняшней деревне произошел «геологический переворот» в связи с изгнанием главного врага — «ненасытного Зеленого Змия»*. У Тренева — деревня «романтическая, изображаемая, хотя и правдиво... но добродушно, с юмором, без всякого трагизма» (Е. Колтоновская, «Пути и грани молодой литературы», Вест. Евр., № 3). Рассказ Тренева — «без малейшего намека на тенденцию... весь светится большой обобщающей идеей». «Мария Петровна» Вересаева «будит мягкие человеческие чувства к страдающему врагу» (А.-лов [А.И. Шепкалов], «Война и литература», Еж. Журн., № 8).

Ал. Н. Толстой — «На войне», [Собр. соч.]. Т. IV. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 3000.

«Великая война сыграет роль второго крещения Руси» — эта мысль, а также «проникновенная любовь к русскому народу» искупают «беглость и поверхностность» этой «спешной и торопливой книжки» (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 23 янв.). Автор сохраняет «мудрую воздержанность по части умствований», за исключением первой главы «Отечество», где он, в частности, противопоставил русской культуре культуру Запада (В. Кранихфельд, Киев. Мысль, 17 февр.). «Больших; цельных, синтетических картин войны автор не дает»; «в нем нет шовинизма и опьянения жутко-сладким вином войны, нет развязности и бахвальства всезнаек, пишущих о войне за десятки верст от нее. Нет националистической слащавости и приторности» (Совр. Мир, № 2, Кр-ка и б-фия). «В путевых заметках гр. Ал. Н. Толстого немало живописных этюдов, начертанных уверенно и мастерски», в которых встает «простая, веселая, мужицкая армия» (слова Толстого) (А. Гвоздев, Сев. Зап., № 3). А. Толстой показывает «внезапное преобразование огромной Рос-

* В связи с запрещением водочной торговли в прессе много писали о «чудодейственном отрезвлении» русской деревни; через год заговорили об «отравлении» деревни самогоном.

сии — всей, сверху донизу, полный сказочный переворот в психике как народа, так и интеллигенции». «Через всю книжку... проходит одно и то же чувство — преклонения перед армией, перед простым русским человеком» (Е. Колтоновская, «Вокруг войны (Писатели о войне)», Р. Мысль, № 4). У А. Толстого «модный романтизм и какое-то неонародническое преклонение перед народом» (Н. Г. [Геккер], Од. Нов., 18 апр.). «Беспритязательные корреспонденции с театра военных действий», «боевых картин почти нет», книга «поражает единством и истинностью настроения» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 4, с. 330).

К. Тренев — «Владыка. Рассказы» М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 2000 (2-е изд. — июнь 1915 г., тираж — 2500).

За буффонадой проступает «органически с нею связанная человеческая обиженность и печаль» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 1914, 22 дек.). «Искатель справедливости — по главному направлению своих интересов, реалист по приемам, юморист по темпераменту, он примыкает к наиболее глубокому течению русской литературы» ([А. Б. Дерман], Р. Зап., № 1, Б-фия). «Талант Тренева — здоровый, трезвый», взявший у Чехова «изящество» и «сжатость», но не его «черную меланхолию»; у Тренева «живая любовь к быту» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 31 янв.). Ранние очерки «написаны не совсем ровно и очень растянуты». Самый слабый рассказ — «Любовь Бориса Николаевича» — показывает, что «до зрелости даровитому писателю еще далеко» (Е. Колтоновская, «Пути и грани молодой литературы», Вест. Евр., № 3). Об опасности «растворить свой талант в узкой проповеди все равно какой доктрины» предупреждает Б. Лазаревский (Еж. Журн., № 4). Незрелость автора сказывается в одновременном влиянии Чехова и Л. Андреева. «Деревня живет в представлении Тренева только своими старыми избитыми шаблонами» (Д. Тальников, Совр. Мир, № 8).

Об этой статье Тальникова И. А. Бунин писал автору 12 сентября: «Очень хорошо и верно. А что о нем пишут — уму непостижимо! В последнем номере “Ежемесячного журнала” есть... статейка о четвертом сборнике “Слово”. Боже, что там плетет какой-то “А-лов”! Как он восхищается “красотой” “Мокрой балки” треневской! С восторгом выписывает самые пошлые, самые лубочные места...» (Р. Л., 1972, № 1, с. 175).

Ф. Сологуб — «Война. Стихи». Пг.: изд. журн. «Отечество», 1915, тираж — 3000.

«Из теперешней войны строить Дульцинею, — это значит потерять всякое чувство меры... “Вечерняя нежить”, которая десять лет тому назад являлась психопатам и эротоманам», теперь посещает солдатские окопы (С.Городецкий, «Стихи о войне», «Речь», 9 февр.). «Гул орудий и патриотические крики на площади так яростны и громки, что душа поэта... не всегда может найти в этом хаосе... нужную ей мелодию... Сологуб вышел с честью из круга этих испытаний... “В победу мы смиренно верим” — вот счастливо найденные слова...» (Г.Чулков, «День», 12 марта). «Не чаает ли поэт полной художественной безличностью стиха добиться “народности”... Патриотические стихи его не народны — они газетны» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 3). «Балласт слабых стихотворений дает себя чувствовать» (Г.Иванов, «О новых стихах», Апол., № 3). Среди военных стихов книжечка Сологуба является «счастливым исключением»: он «сохранил глубину чувства и мысли», не стал «неумеренно восторженным или чересчур пессимистичным» (сб. «Петроградские вечера». Пг., 1915, Б-фия).

А.Ремизов — «Весеннее порошье». Пг.: «Сирин», 1915, тираж — 2100.

Ремизов — «капризник, может быть, чудака, антик, человек, странно ушедший от современного дня с его умничаньем в мир старой наивной мудрости, говорящих зверей, передевающих бесов, подвигающихся схимников». «Элементов бунта, протеста, сомнения совсем нет в его душе», им владеет «большая и постоянная дума»: «почему в мире так много страдания?..» (А.Измайлов, «Русью пахнет», Бирж. Вед., 9 янв.). Вместо прежнего «отвращения к миру» в писателе открылась «радость жизни» (И.Джонсон [И.В.Иванов], «Теперешний Ремизов», Утро Рос., 6 июня). «Книга истинного глубокого просветления и безмерной любви» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 7–8). «Эпический строй народного творчества в произведениях Ремизова сплошь и рядом нарушается нервной взвинченностью, излишним пафосом и слащавой умиленностью», в этом сказывается «человек города и культуры» (Т.Ганжулевич, Еж. Журн., № 6).

С.Городецкий — «Четырнадцатый год». Пг.: «Лукоморье», 1915, тираж — 2100.

«Глубокая и праведная любовь к России выродилась... в “патриотическую истерику” и в пустозвонное рифмачество» (А.Тиняков, «День», 5 марта). «Настоящее знание образов народной поэзии и любовь к ним сменились слащавым народниче-

ством» (Г.Иванов, «О новых стихах», Апол., № 3). «Ложный пафос, сухая риторика», «неряшливая версификация», достоинство одно — «правильный синтаксис» (М.Д. [М.Долинов], сб. «Петроградские вечера». Пг., 1915, Б-фия). «Патриотические стихотворения» Городецкого отличаются «высоким и мужественным ладом», «поразительной техникой», «богатством чеканного языка». «Святой четырнадцатый год» сочетается в них с двенадцатым годом (Б.Павлович, «Нива», ежемес. прилож., № 10, Б-фия).

Л.Андреев — «Нет смерти для того, кто любит родину». Пг., 1914, тираж — 10000.

Февраль

3 февраля в «Биржевых ведомостях» опубликована «Анкета об евреях (Открытое письмо к публике трех русских писателей)», за подписью Л.Андреева, Ф.Сологуба и М.Горького. Призыв ответить на предложенные вопросы, чтобы затем издать книгу, которая поможет задуматься над положением евреев в России.

Вл.Короленко — «Отвоёванная позиция» (Р.Вед., 27 февр.). О деятельности женевского Красного Креста, «возвышающегося над окровавленными полями» и «гулом иступленной обоюдной газетной канонады»: «Моральный Реймский собор цивилизованного человечества остался пока неприкосновенным».

Короленко писал дочери 18 февраля, что статья эта «теперь, пожалуй, не в тон... Но мне хотелось бы и сейчас возразить против легкости, с какой и у немцев, и у французов, да, пожалуй, и даже наверное, у нас подхватываются о противниках самые извержные слухи. Это очень вредно уже потому, что ожесточает и усиливает взаимную ненависть...» (т. 10, с. 509-510).

4 марта Н.С.Русанов писал Короленко «под свежим впечатлением» от статьи: «Мне кажется, Вы... и не отдаете себе отчета, какое значение может иметь эта небольшая, но такая высоко гуманная, такая благородная вещь. На нее уже обратили внимание и друзья, и недруги. Уже заворчала подворотня “Нового времени”... Теперь времена... тяжелые и смутные. Царит неразбериха... Правда, уже как будто начинается некоторый перелом, чувствуется отрезвление, горячечные образы уступают место более здравому взгляду на вещи. Но все это только начинается. И как в такие моменты дорог голос людей, подобно Вам, умеющих

говорить о предметах, за которые лучше другим и не браться по нынешней нелепице... В Ваших произведениях есть большой коэффициент, на который читатель неизбежно помножает все, что выходит из-под Вашего пера: это — сама Ваша благородная, известная всем порядочным людям индивидуальность, на все отзывающаяся с волнующей чуткостью» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 32, ед. 93).

Л. Андреев — рассказ «Раненый» [об еврее] (Бирж. Вед., 22 февр.).

Ал. Н. Толстой — «Письма с пути» (Р. Вед., 1, 15, 24, 25, 27 февр.).

В. Брюсов — военные корреспонденции (Р. Вед., 4, 5, 19, 20, 26 февр.); баллада «Смерть рыцаря Ланцелота» (Сев. Зап., № 2).

24 февраля Брюсов писал жене из Варшавы: «Корреспонденты с недавнего времени поставлены в положение вдесятеро более тяжелое, нежели раньше (хотя и раньше их положение было не легкое). Доходит до того, что я не видел никакой возможности продолжать свою работу для “Русских ведомостей”, собирался им написать об этом и ехать в Москву в полную “отставку”. Но тут вмешался Н. А. Морозов [шлиссельбуржец] и попытался дело уладить» (Н. С. Ашукин. Валерий Брюсов, М., 1929, с. 326).

А. Блок — цикл «О чем поет ветер (Посвящается моей жене)» (Р. Мысль, № 2); «Завтра с первым лучом...», «Божье дитя» (Бирж. Вед., 8, 22 февр.).

Ф. Сологуб — статья «Все вместе» [о равноправии евреев], «Снег», «Порог житницы» (Бирж. Вед., 5, 10, 20 февр.).

П. А. Флоренский записал в дневнике 9 февраля: «Удивительное дело. Чем кто грешит, тем и попрекает других. Розанов и Глаголев* — вот люди наиболее порицающие всех» (Н. М., 1997, № 5, с. 151).

11 февраля Маяковский выступает в «Бродячей собаке» с чтением стихотворения «Вам!», вызвавшим скандал (Катанян, с. 99).

* С. С. Глаголев — профессор Московской Духовной Академии.

20 февраля в Александринском театре состоялась премьера «Зеленого кольца» З.Гиппиус в постановке В.Э.Мейерхольда. 19 февраля А.Блок, бывший на репетиции, писал жене: «Пьеса неумелая, с массой недостатков, и все-таки — какого она роста, какой зрелости, даже в руках актеров!» (т. 8, с. 441). К.А.Сомов записал после премьеры «Зеленого кольца»: «Кажется, никогда не видел такой ужасной пьесы, глупой, бездарной, страшно претенциозной и фальшивой и необыкновенно при этом скучной. Хлопающие друзья не могли заглушить дружного шикаря. Авторша, впрочем, вылезала на сцену, резвяся и кривляясь» (К.А.Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 140).

З.Гиппиус написала пьесу «в похвалу молодежи», доказывая, что «душа реакции» овладела не всеми, а лишь — «далькрозистами, акмеистами, аполлонистами, тангистами и пр. и пр.» (Вл.Гиппиус, «Спор поколений», «День», 22 февр.). «Раскол впечатлений от пьесы не что иное, как раскол поколений, изображенный в пьесе. На первом представлении шикал “хор стариков”, на втором — приветствовал автора “хор молодых”... Разрушение старого устройства, старого уклада жизни — такова воля детей. Отцы покоряются, дети бунтуют...» Нельзя разрывать «кольцо времен, соединяющее прошлое с будущим» (Д.С.Мережковский, Бирж. Вед., 1 марта). Лучшая пьеса сезона оказалась «головной, сочиненной». «Зеленое кольцо», т.е. «идейный союз» молодежи не характерен для переживаемого момента: «дети продолжают пожирать плоды тех самых семян индивидуализма, которые разбросали «отцы» (Е.Колтоновская, «Театр и литература (Новые пьесы)», Вест. Евр., № 5). «Пьеса провалилась», несмотря на «спасительную экспедицию» в печати. Гиппиус не увидела сдвига в современной «борьбе поколений», которая «пошла на убыль» и протекает вне семьи. «Идеальная молодежь» «Зеленого кольца» «пуста, как ореховая скорлупа», несмотря на «сомнительный догмат о милосердии» (Ал.Ожигов [Н.П.Ашешов], «О “Зеленом кольце”», Совр. Мир, № 3). Вера молодого поколения в силу «совместного действия для каждого отдельного члена» составляет центр пьесы; в ней нет нечистоплотного отношения к полу, которое приписывают молодому поколению Л.Андреев, Арцыбашев и др. (И.Игнатов, Р. Вед., 1916, 4 авг.).

20 февраля в «Бродячей собаке» Маяковский прочел доклад и отрывки из поэмы «Облако в штанах» (Катанян, с. 100).

23 февраля Л.Андреев пишет Вл.И.Немировичу-Данченко: «Посмотрите... московскую литературу Буниных и Шмелевых, и

А. Толстых — сколь все это приближено к земле, опрошено, в лучшем случае обтургенено. Но и все театры валят туда же... Вы сами знаете их репертуар: комедия, фарс, драма, драма, драма... И отсюда такой рост этого лопуха, Арцыбашева, ныне процветающего под каждым забором... Под предлогом любви к чистому искусству отворачиваются от книг и произведений о войне... всеми силами стараются заглушить голос "войны", сгноить его в "Кривом зеркале", оплевать в "Летучей мыши"» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 263).

25 февраля — вечер в «Бродячей собаке», посвященный выходу альманаха «Стрелец», в котором впервые объединились символисты и футуристы. М. Горький, встреченный продолжительными аплодисментами, произнес короткую речь о «молодом» в жизни и о значении «активности», хотя в исканиях футуристов есть «масса недочетов». «Свою речь М. Горький закончил повторением своей основной мысли»: «Тут что-то есть...» Аудитория ответила «громом аплодисментов» («Максим Горький о футуризме», Бирж. Вед., 26 февр., веч. вып.). В связи с противоречиями в газетных сообщениях о смысле горьковского выступления редакция «Журнала журналов» обратилась к писателю с просьбой прояснить свою точку зрения. Ответ Горького «О футуризме» вскоре был напечатан в № 1 от 5 апреля: «Русского футуризма нет. Есть просто Игорь Северянин, Маяковский, Бурлюк, В. Каменский. Среди них есть, несомненно, талантливые люди, которые в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину... Они молоды, у них нет застоя, они хотят нового, свежего слова и это достоинство несомненное. Достоинство еще в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда, очень уродливо, но это простить можно...»

В Петрограде, в Тенишевском училище, Д. С. Мережковский прочел лекцию «Завет Белинского», которая собрала много публики и прошла успешно. Белинский, по словам лектора, гораздо ближе к христианству, чем Достоевский, ибо вся «русская суть» Белинского есть «бессознательное, подвижническое христианство». Завет Белинского Мережковский видит в соединении ответственности и религиозности («Речь», 28 февр.).

А. Ожигов [Н. П. Ашешов] — «На бранной лире (Война и современная поэзия)» (Совр. Мир, № 2). «Война вызвала у нас настоящий поэтический потоп... Появились сотни и тысячи неведомых бряцателей на бранной лире. И их возглавляют уже из-

вестные и даже венчаные жрецы Аполлона...» Особенно отличается издательство «Лукоморье»*. Цепь у него, видимо, золотая, очень короткая и около него можно «заводить песнь», только идя «направо». Б.Глинский собрал 85 поэтов в объемистый том «Современная война в русской поэзии»; общая черта стихов — «чистая газетность», а поэзия «питается у источников жизненной правды».

Ал.Бенуа — ««Сверчок» на сцене «Студии»» («Речь», 24 февр.). Исключительный успех «Сверчка на печи» Диккенса в Студии Художественного театра (постановщик Б.М.Сушкевич, участвуют М.А.Чехов и М.А.Дурасова, «душа Студии» Л.А.Сулержицкий) — «в благородной сердечности его стихии». «Москва ломится в тесный зал, билеты... разбираются за целые недели», «Среди разъяренности и злобы наших дней» «начала высшего порядка» находят отклик в душах людей и говорят, что «еще не все потеряно», что «люди все еще люди, а не обезумевшие звери».

Вл.Короленко — «Очерки и рассказы». Кн. 4-я. Пг.: изд. «Русского богатства», 1915, тираж — 6000.

Ив.Бунин — «Чаша жизни. Рассказы 1913-1914 гг.». М.: Кн-во писателей, [1915], тираж — 2400. Изд. 2-е, М., 1917, тираж — 1100.

Бунинское перо «сделалось теперь точно спокойнее, объективнее... мудрее». Рассказы, входящие в сборник, — это «поэмы тоски, песнопения умудренного любовью сердца» (Ал.О. [Н.П.Ашешов], Совр. Мир, № 2). «Жестокая правда» Бунина, «писателя ядовитого», является «правдой вчерашнего дня». «Деревня сейчас уже не та, какую была вчера», она избавилась от водки. Но и содержание каждого нового тома Бунина «углубляется и светлеет» (Е.Колтоновская, «Бунин и старая Россия», «Речь», 30 марта). Новый сборник в художественном отношении выше всего предыдущего. Если у Куприна и Л.Андреева — «перевес дарования над культурой», то у Бунина — «перевес культуры над талантом». Читается он «без легкости», что объясняется «склонностью к живописи без фабулы». «За мрачными рассказами Бунина следуют его прекрасные, светлые, подымающие стихи, — точно за ядом противоядие» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., № 4, Б-фия). «Глаза у Бунина раскрыты... на злую бессмыслицу бы-

* Это издательство, возглавленное М.А.Сувориным-сыном, выпускало журнал под тем же названием и книги (на обложке журнала изображен кот, ходящий на цепи).

та, на вздор и жестокою нелепостью жизни», но писатель «побеждает свое темное» (Ю. Айхенвальд, Утро Рос., 18 апр.). В свой эпос Бунин вносит элемент субъективности (Г. Кипен, Сев. Зап., № 7-8). Бунин обращается к «новой жизни», различая в ней «силу и мощь грядущего... духовного начала» (Т. Ганжулевич, Еж. Журн., № 11).

А. Серафимович — «Сухое море. Рассказы». Т. VIII. М.: Кнво писателей, 1915, тираж — 2400.

«С каждым новым томом своих рассказов г. Серафимович заметно расширяет сферу своих наблюдений. Добросовестный бытописатель... он ничего не придумывает и не сочиняет, а просто рисует жизнь такую, какая она есть». «На этой чудесной земле люди изнывают от непосильного труда, невежества, пьянства и болезней...» (Г. Вяткин, Еж. Журн., № 1). Серафимович «искренен, гуманно настроен», но по-студенчески; попытки «модернизировать» стиль положительно неуместны в социальных очерках с их вниманием «к простой жизни, простому горю преимущественно простых людей» ([А. Б. Дерман], Р. Зап., № 6, Б-фия). Со страниц сборника смотрит на нас писатель, «внимательный к человеческой скорби и тоске». В его произведениях мало синтеза, «он дробно видит» (Ю. Айхенвальд, «Певец сухого моря», Утро Рос., 8 авг.). «Принадлежит к старой, совсем старой реальной школе», как романтик и «упрямый жизнелюб», он горьковской школы, но при всем том рисует «именно усталую русскую жизнь» (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], «Усталая жизнь» (О произведениях А. Серафимовича), Совр. Мир, № 12).

Ал. Н. Толстой — «Обыкновенный человек». М.: «Наши дни», 1915, тираж — 15000; «День битвы (Комедия)». М.: «Наши дни», 1915, тираж — 1200.

В первом сборнике «старое — великолепно, новое — мало интересно». Комедия «День битвы» «насыщена дешевой романтикой и прекраснодушной идеализацией войны» (А. Гвоздев, Сев. Зап., № 4). Лучший рассказ сборника, заглавный, показывает, что личное «обновление борцов» связано «со всей русской жизнью» (Ал. Ож. [Н. П. Ашешов], Совр. Мир, № 3, Кр-ка и б-фия). Пользуется приемами Л. Толстого и достигает «большой психологической убедительности и красочности» (Вл. Л., Св. Журн., № 4).

В. Вересаев — «Живая жизнь». Ч. 2. «Аполлон и Дионис (О Ницше)». М., 1915, тираж — 3000.

Это «очень книжная книга, типично интеллигентская». Античность для нас — «чужая красота, не имеющая связи с “живой жизнью”...» (Е. Колтоновская, «Речь», 9 марта).

А. Ремизов — «За святую Русь. Думы о родной земле». Пг.: изд. журн. «Отечество», тираж — 2000.

«Старая мудрость поведала ему великую правду страдания за родную землю» и веру в «великое благословение на новую грядущую жизнь» (С. Адрианов, Вест. Евр., № 4, с. 337-338).

Л. Андреев — «Первая ступень. О еврейском вопросе». М.: изд. журн. «Отечество», 1915, тираж — 5000.

«Первая ступень» — «живая совесть в еврейском вопросе»; сила этого документа в психологии (Л. Клейнборт, Совр. Мир, № 2).

«Стрелец». Сб. первый. Под редакцией А. Беленсона. Пг., 1915, тираж — 5000*.

«Между Бурлюком и Маяковским здесь стоит имя Блока. Между Каменским и Крученых напечатано имя Сологуба... Не постыдились дать свои имена Ремизов, Кузмин, Венгерова...» «Маяковский претендует поразить человечество отрывком из трагедии “Облако в штанах” — «патентованная и отвратительная своей нарочитостью ерунда». В целом сборник — «бедламный вздор», позорный и кощунственный «шабаш футуристов» (А. Измайлов, Бирж. Вед., 24 февр.). «Недавно изданный сборник “Стрелец” подогрел внимание нашей публики и критики к футуризму. Все определеннее начинают выясняться позиции защитников этого течения». Пока Маяковский будет рассказывать о «беременном мужчине» да об «облаке в штанах» — его решительно нельзя признать поэтом». «Любование словом» «есть на самом деле показатель психологической бедности» и «умственной неглубокости» футуристов; им, как горьковскому Сатину, «надоели все человеческие слова». «Талант, не направленный на служение истине и добру» может быть «уподоблен ножу в руках хулигана» (А. Тиняков, «Органоны», «День», 16 мая). «Футуристы в последнее время очень гордятся тем, что их наконец “признали”, что к ним “пошли” такие общепризнанные авторитеты, как Ф. Сологуб, А. Блок и др.» Но не Блок с Сологубом «пошли в футуристы... а футуристы приближаются к ним... становятся с каждым шагом все благообразнее и благовоспитаннее» (Н. С. [Н. Н. Гиммер], Совр., № 5). Этот «симбиоз» футуристов с символистами — свидетельствует о том, что первые «спешат отка-

* По «Книжной летописи» проходит 4-11 марта.

заться от... своего скандального "лица" и укрываются под благодетельным ярлыком сологубовской компании» (Д.Тальников, Совр. Мир, № 8). Не успели футуристы сказать свое «новое» слово, «как уже победа и слава», хотя для большинства современников это явление «вредное, беспокойное» и «участие символов... было встречено обществом крайне злобно». Футуристы думают, что они такие же «великие скандалисты», как Бердслей в рисунке, Рембо и Верлен в поэзии, Скрябин в музыке, но вместо «большого скандала» у них получились «скандальчики», иногда с регистрацией в полицейском участке. У них «дурная игра» в поэзию; в «Облаке» Маяковского — «немало потуг на глубокомыслие и лирику с основным пафосом сексуальных переживаний» (П.Владимилова, «Скандал» или скандальчик», Св. Журн., № 7-8).

Игорь Северянин — «Ананасы в шампанском. Поэзы». М.: «Наши дни», 1915, тираж — 2000 (2-е изд. — Собрание поэт. Т. III. М., 1916, тираж — 3500).

В сборнике около ста стихотворений, но лишь 14 помечено 1914-1915 гг. «В ранних его стихах было искреннее чувство и, хотя примитивная и дешевая, но все же приятная музыка... Последние его "поэзы" стоят совершенно вне поэзии и даже вне литературы» (А.Тиняков, «День», 26 февр.). Каждая новая «цирковая программа» Игоря Северянина уступает предыдущей «и в количестве и в качестве удачных номеров» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 2). «Теперь Северянин — одно из самых горьких разочарований для веривших в новую поэзию» (С.Чагин, Совр., № 3). «Специальное достоинство этого Аполлона» — нищета мысли и чувства; он «архипрIMITивен», эротика его лишена всяких метафизических надстроек — он просто «пьянеет» и «огневет», «когда мелькнет вблизи манто». «Он весь на земле, где он чувствует себя превосходно около шницеля с анчоусом», «иные миры» его не влекут (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, «Фазы Игоря Северянина», Р. Зап., № 5). «Замечательно то, что эта дорогая и совершенно бессмысленная книга разошлась в первом издании чуть не в месяц, и теперь готовится второе издание» (И.Наживин, Еж. Журн., № 8). «Стихия дендизма, шантеклерства и эксцессерства» находит отклик в публике, «жадной к наготы и экзотике» (А.Оршанин, «Поэзия шампанского полонеза», Р. Мысль, № 5).

М.Кузмин — роман «Плавающие-путешествующие». Пг.: изд. М.И.Семенова, 1915, тираж — 2100 (2-е изд., в составе собр. соч.: изд. М.И.Семенова, т. 6 — в июле 1915, тираж — 2100).

В романе изображена жизнь петербургской богемы вокруг «Бродячей собаки» («Совы» — в романе). Автор удаляется в «дебри пола», изображает «удаленную от женщины», «обособленную мужскую жизнь» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], «В узком русле». Совр. Мир, № 4 и Совр. Сл., 22 апр.). Автор изображает «те бесплодные душевные трепыхания, которые ничего, кроме суеты, породить не могут» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 4). Весь роман пропитан «идеей о ничтожестве и пошлости женской любви и современной женщины» и намеками об «иных любовных радостях» для мужчин. Артистический кабачок предстает «моральной клоакой», «распутно-эстетской преисподней» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 9, Б-фия). «Ультрastoлический писатель» изображает «путешествующих без цели и надежд» (С.Камур, Нов. Жизнь, № 6). «Если верить Кузмину, хорошо сделал градоначальник, что закрыл “Собаку”», однако для сочувственных критиков «гнилой роман» имеет достоинства «лучших сортов рокфора» (И.В-ский [И.М.Василевский], «Плавающие в болоте», Журн. Журн., № 1). «Сатира на эротико-эстетические настроения» петербургского общества, написанная «талантливым и увлекательным повествователем», «кончается очень туманными намеками» на «какие-то новые ценности в каком-то таинственном братстве» (Б.С[авинич], Утро Рос., 28 марта). Кузмин, «с его экзотическими, не без извращения, повестями», — «одна из определенно ищущих молодых сил». «Талант — очень субъективный... исполнен то грустной, то беззаботной романтики; немножко жеманен, всегда сентиментален». Показывает «духовное банкротство» молодежи, весь смысл существования которой — «срывание цветов удовольствия» (А.Измайлов, Бирж. Вед., 30 марта).

«В эти дни. Литературно-художественный альманах». М.: «Наши дни», 1915 (М.Арцыбашев, Ал.Толстой, В.Брюсов, С.Городецкий, Н.Минский, И.Северянин и др.).

И беллетристы, и стихотворцы, и публицисты альманаха заняты войной. «Большая часть рассказов трактует войну почему-то с сентиментальной стороны». И.Северянин поместил стихотворение «Германия, не забывайся!» (Р. Вед., 25 февр., Библиограф. заметки).

С.Н.Булгаков — «Война и русское самосознание» (Публичная лекция). М., тип. И.Д.Сытина, тираж — 3000. Теперешняя «трагическая и героическая» Европа «духовно богаче», чем то «мещанское», «срединное царство, от которого так содрогался Герцен и Константин Леонтьев».

Март

1 марта «Утро России» публикует обращение «К русскому народу», требующее уравнивать в правах еврейскую нацию. Среди подписавшихся: Л. Андреев, К. К. Арсеньев, Ф. Батюшков, Н. Бердяев, Л. Бернацкий, Ив. Бунин, В. В. Водовозов, З. Гиппиус, М. Горький, С. Елпатьевский, Вяч. Иванов, А. Иванчин-Писарев, А. М. Калмыкова, В. В. Каменский, Н. Кареев, Д. Мережковский, Н. А. Морозов, Д. Овсянко-Куликовский, В. А. Поссе, А. Пругавин, А. Пешехонов, В. Семевский, А. Серафимович, Ф. Сологуб, П. Струве, И. Северянин, Тэффи, Ал. Н. Толстой, Д. Философов, В. Фриче, А. Чапыгин, Е. Чириков, и другие.

16 марта А. Г. Горнфельд сообщал В. Г. Короленко: «Делаются какие-то общественные дела, опять евреями занимаются обе стороны... Вы читали обращение интеллигенции по еврейскому вопросу. Вот уж ненужная вещь. И текст писал... Ф. Сологуб» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 21; ед. 37).

А. Блок — цикл «Твердость» («И страшно, и легко, и больно...», «О, я хочу безумно жить...», «Земное сердце стынет вновь...», «О, как смеялись вы над нами...») (Р. Сл., 22 марта); «Женщина (Памяти Августа Стриндберга)», «День» (22 марта); «Отшельник» («Новый блеск излило небо...», «Блаженный, забытый в пустыне...») (Бирж. Вед., 22 марта).

Ал. Н. Толстой — «Письма с пути» и рассказ «На горе» (Р. Вед., 3, 5, 11, 15, 22 марта).

А. Чапыгин — рассказ «Неизбежное» (Совр., № 3).

М. Пришвин — «Отзвуки боя» (Р. Вед., 4 марта).

Ф. Крюков — очерки «Около войны» (Р. Зап., №№ 2, 3). Тайна «русского народа в солдатском образе» через четыре десятилетия после Гаршина.

С. Подъячев — «Дома (Ивановы записки)» (Р. Зап., № 3).

В. Буренин отнес рассказ Подъячева к «горьковской школе»: «Полуграмотный демократизм и полуграмотное радикальничанье учителя переходит у его учеников в настоящую безграмотность» (Н. Вр., 10 апр.). «Кошмарная жизнь, звериная. Нам с Буниным это кажется непобедимо страшным, но Подъячеву... сидящему глубоко корнями в родном черноземе, ясно видна уже но-

вая деревня» (обозрение «Ежемесячные журналы», Журн. Журн., 1916, № 1).

В. Брюсов — военные корреспонденции (Р. Вед., 4, 10, 12, 13, 18, 25, 29 марта); стихотворения «Ночь», «Сиреночка», «Царица-страсть» (Бирж. Вед., 15, 22, 29 марта).

Ф. Сологуб — заметка «Замертво», стихотворения «Индусский воин», «У Босфора», рассказ «Возвращение» (Бирж. Вед., 5, 8, 17, 22 марта).

Л. Андреев — «Бельгия (монолог)», рассказ «Нерукотворный образ» (Бирж. Вед., 11, 22 марта).

Ив. Шмелев — рассказ «Слепые» (Бирж. Вед., 22 марта).

Анна Ахматова — «У самого моря» (1914) (Апол., № 3); «Как раненого журавля...» («День», 22 марта).

Поэма «исполнена превосходного реализма, т.е. каждый образ, чудотворно претворенный поэтом в символ, не теряет... своего земного веса». «Печаль Ахматовой вовсе не уныние, свойственное опустошенным душам. Ее печаль требовательная и действенная» (Г. Чулков, «День», 11 июня).

Получив оттиск поэмы, А. Блок писал А. Ахматовой 14 марта 1916 г.: «Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они — не пустяк, и много такого — отрадного, *свежего*, как сама поэма» (т. 8, с. 459). В поэме «хрустальная полупечальная глубина», — писал К. В. Мочульский В. М. Жирмунскому 1 марта, ознакомившись с поэмой в авторском чтении (ЛЖТ А. Ахматовой. Т. 1. М., 1996, с. 82).

Ф. Сологуб — «Пасха новая» («И гром победы, и голос славы, И возвращенье твое, весна! Пути пред нами, я верю, правы! И даль пред нами ясна, ясна!»), рассказ «Надежда воскресная» (Р. Сл., 22 марта).

В начале марта распоряжением петроградского градоначальника закрыты два «интимных театра» — знаменитая «Бродячая собака» и только что открытый на Невском «Уголок». Причиной закрытия послужили выступления футуристов. Н. Ашешов в статье «Траур петроградской богемы» (Од. Нов., 8 марта) писал, что «Бродячая собака», размещившаяся в бывшей дворницкой, «должна была быть театром молодых дерзаний, поисков, протеста против рутины и затхлых форм искусства». «Далеко не всю

программу удалось выполнить... «Собака» делала карьеру, «Собака» создавала знаменитостей, слава которых часто, впрочем, не выживала больше одного дня...»

9 марта С.Есенин был у А.Блока и читал ему свои стихи. «Крестьянин Рязанской губ., 19 лет,— записал Блок.— Стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык» (т. 8, с. 617).

10 марта В.Г.Короленко пишет из Ларденна (Франция) дочери с просьбой сообщить и А.В.Пешехонову (в ответ на переданное предложение редакции газеты «Речь» написать для них статью): «Что касается «Речи», то у меня есть много... возражений против очень многого, что в ней пишется в последнее время по вопросам внешней политики и о «задачах войны»... И у меня большая охота выступить не в качестве участника в ее хоре, хотя бы и со своей особой партитурой, а в качестве определенного противника и возражателя», ибо «слишком «реальная» нота, которую взяла «Речь»... глубоко противна традициям передовой русской литературы,— это во-1-х. Во-вторых, она совершенно противна нравственным обязательствам перед «союзниками» в этой очень трудной войне. И наконец — как она вяжется с фразами той же «Речи» о цели войны — «защите малых народностей»...» («Согласие», 1994, № 1, с. 195).

10 марта Иванов-Разумник писал И.Н.Игнатову о своих поисках постоянной работы после прекращения «Заветов» и «Сирин»: «Конечно, прежде всего я подумал о «Русских ведомостях»... С другой стороны — именно в «Р. В.» я не могу ничего написать, что я думаю о господах социалистах, предающих социализм за похлебку радикального национализма... Точно так же в области литературной и критической — я не смогу, конечно, сказать об очень многом,— например хотя бы о вышедшем недавно альманахе «Стрелец», о помеси «символизма» с «футуризмом» (Я считаю несомненно талантливым хулигана Маяковского, и его «Облако в штанах», по-моему, сильная вещь — особенно после холодной эротики последних лет В.Брюсова и старческого слюнотечения Сологуба...) Ввиду того, что «читателям» война безмерно надоела, я полагаю, что в интересах редакции было бы давать раз в месяц «обзор текущей журнальной литературы» (конечно, не под таким заглавием). Пример: один из таких обзоров, в январе, следовало бы посвятить декабрьской книжке «Русской мысли» со статьями Ваших московских Вячеславов [Ивановых] и Эрнов. Из области литературы — сборники «Слова», трагедия того же Вячеслава Иванова и др., конечно за-

служивали быть отмеченными с + или -... Другой раз в месяц — нечто вроде “петербургского письма”... о нашей литературно-общественной жизни. Тем — больше чем надо: одни лекции Мережковского о Белинском, Бердяева о “Душе России” и т.п. что стоят... Я... устал от всех “переживаний” этой зимы, от почти всеобщего озверения, от эпидемии национализма, от всех торжествующих Петров Струве...» (РГАЛИ, ф. 1701, оп. 2, ед. 811). 27 марта Иванов-Разумник сообщил М.К.Лемке, заведующему издательством М.М.Стасюлевича, о своей работе над «Критической историей новейшей (или: современной) литературы» и предложил издать свое первое собрание сочинений в 7-ми томах: «Говоря “без скромности” — я думаю, что представляю некоторую *определенную* величину (хотя бы и небольшую) — в общем ходе нашего литературного и общественного движения» (ИРЛИ, ф. 661, ед. 473).

23 марта, в Москве, открылась выставка новой живописи «1915 год» («Ослиный хвост», «Бубновый валет»). Первая группа представлена «пластическим лучизмом»: к картинам прикреплены разноцветные бумажки, ленты и тряпицы, куски газет и географических карт, палочки и др. К картине В.Маяковского прибита половина цилиндра и одна перчатка, у В.Татлина — половина стеклянного ведерца, в картину М.Ларионова вставлен металлический вентилятор («Приятно гудит», поясняет художник); в его же портрете Н.Гончаровой — настоящая рыжая коса. Другая группа — «просто живопись на переходе», «даровитая молодежь»: М.Шагал, И.Машков, А.В.Куприн, Р.Фальк, А.Лентулов, Н.Альтман и др. (Росций [А.М.Эфрос], Р. Вед., 28 марта). Я.Тугендхольд отметил живопись М.Шагала: «Среди безудержной вакханалии “пластического лучизма” его картины кажутся «скромными, интимными, почти “ретроградными”» («Новый талант», Р. Вед., 29 марта, см. также его статью «В железном тупике», настоящая Летопись, август 1915 г.).

М.Меньшиков — «Письма к ближним» (о Горьком) (Н. Вр., 8 марта). «Много ли добра народу принес даже этот, наиболее талантливый из еврействующих писателей? Ведь если прочесть подряд произведения г. Горького, то о России сложится впечатление необъятной ночлежки, где нищие, разбойники, проститутки, алкоголики философствуют и грозят разрушить человеческое общество».

С.Елпатьевский — «Ничего не поделаешь (О войне, о русской храбрости, героизме и о прочем)» (Р. Зап., № 3). В национали-

стических газетах разжигают милитаризм и «ненависть к немцу»; между тем у народа «не военная психология войны» как необходимой обороны России, как «тяжелого, горького дела, народного бедствия», народ предпочитает грустные песни бравурным.

В.Евгеньев [В.Е.Максимов] — «Русская поэзия и война» («Жизнь для всех», № 3). Поэты пишут «крикливо-вульгарные», «напыщенно-хвастливые», «quasi-народные» вирши: Бальмонт именует пруссаков «сатанинскими собаками», Сологуб называет Вильгельма «драконом диким», Минский «величает германцев «сверхдикарями» и «бестиями» и т.д. Своей родине они сулят «возрождение и обновление» («Ведь если быть Адама раю, В России надо быть ему», пишет С.Городецкий). Единственное достоинство патриотических стихов в том, что они проясняют «привлекательный духовный облик... народа-страстотерпца».

Вяч.Иванов — «Живое предание (Ответ Н.А.Бердяеву)» (Бирж. Вед., 18 марта). Для истинного славянофила характерны «вера в святую Русь», «метафизика национального самоутверждения», не отрицающая «чужих святынь», «иконопочитание русских народных начал», в том числе и отношение к царю как к «сыну церкви», отмеченному таинственным помазанием». «Национально-религиозная концепция желательного роста нашей политической свободы» объединяет «людей нового русского сознания, напророченного Достоевским и им порожденного» (Алеша Карамазов).

Н.А.Бердяев, по поводу этой статьи, писал: «оптимизм современных неославянофилов, подогретый войной, их идиллический взгляд на русскую историю и русскую действительность отталкивает меня, как бессознательная ложь и прикраса». «Предание о святой Руси — не живое уже предание»; национализм — «явление скорее западническое, чем славянофильское». Толстой — «великое явление русского духа» отрицал национальность, он «не мыслил о России, а был Россией»; славянофильский взгляд на природу власти «чисто народного происхождения» — «порождение религиозного материализма», природа власти одинакова на Западе и в России. Иванов «делает попытку создать платформу и программу из образа Алеши Карамазова», но у Достоевского не было дара «художественно воспроизводить» здоровье. Настоящий Достоевский в «пророческих прозрениях» трагедии, а «не в моральных проповедях и национально-церковных доктринах» («Омертвевшее предание», Бирж. Вед., 8 апр.).

Д.Мережковский — «Было и будет. Дневник 1910—1914 г.». Пг.: изд. И.Д.Сытина, 1915, тираж — 3100; «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев». Пг.: изд. И.Д.Сытина, 1915, тираж — 3100.

Мережковский уверен, что «его религиозное гнездышко свито на самой верхушке человеческой эволюции», и пытается уложить в него то Л.Толстого, то Байрона (В.Ф.Переверзев, *Совр. Мир*, № 4). Мережковский как исследователь русской литературы «требует сейчас серьезного, принципиального отпора. Импрессионизм и в искусстве, и в критике отжил свое время» (Б.Эйхенбаум, «Д.С.Мережковский-критик», *Сев. Зап.*, № 4). У Мережковского «все оценено с одной и той же, давно читателям известной, точки зрения» об единстве движения религиозно-реформаторского и политико-освободительного (Ч.В-ский [В.Е.Чешихин-Ветринский], *Вест. Евр.*, № 11, Библиограф. листок). «Стремление к схематичности вредно влияет на его критическое творчество», «безнадежно запутался» между двумя полюсами (Тютчев и Некрасов), допускает «лакейскую выходку» против «ретроградного» Тютчева, ибо «давно и усердно, целыми лошадиными дозами глотает... все эти “свободы” и прочие демократические приманки», продолжая мечтать о каком-то «белом клубке» (П.Перцов, «Тайны г. Мережковского», *Н. Вр.*, прилож., 7 марта). Мережковский — не учитель, а «только искренний и мятущийся ученик», который ищет «чуда веры» (А.Измайлов, «Вечный студент», *Бирж. Вед.*, 25 окт.). «Вопрос о нашем будущем не есть ли это вопрос о соединении Тютчева с Некрасовым», «поэта личности» с «поэтом общественности» (Ф.Батюшков, «Речь», 14 окт.). Несмотря на стремление к синтезу, Мережковский «остается в двух полярных тайнах, в двоении, двойственности»: «в Тютчеве тайна личности», «в Некрасове тайна общественности». «Попытки Мережковского возродить народничество на религиозной почве представляются... безнадежными». В отличие от З.Гиппиус, у которой было «настоящее декадентство», Мережковский всегда принадлежал к «идейному поколению»; «он сыграл огромную роль в религиозных исканиях», но «в последние годы писания его вызывают досадное чувство» (Н.Бердяев, «О “Двух тайнах” Мережковского», *Бирж. Вед.*, 17 сент.). Мережковский «поднимает руку на одного из величайших русских и мировых поэтов — Тютчева, превращая его в жертву сведения счетов с самим собой и современными течениями в поэзии. Он с надрывом восхваляет Некрасова и проповедует тенденциозное искусство» (Н.Бердяев, «Новое христианство», *Р. Мысль*, 1916, № 6).

А.Г.Горнфельд писал Ф.Д.Батюшкову о Мережковском 8 ноября: «Проследите-ка, как принята... и не оголтелыми радикалами, каких теперь нет, — брошюра о Тютчеве, и Вы, может быть, не так решительно станете утверждать, что теперь Михайловский иначе относился бы к Мережковскому... Убеждены ли Вы, что и теперь Мережковский не состоит в Никодимах при каком-нибудь Суворине? Если убеждены, то благо Вашей доверчивости; долговечной я ее не считаю» (РНБ, ф. 211, ед. 190).

Б.Садовской — «Озимь. Статьи о русской поэзии (К.Бальмонт. А.Блок. В.Брюсов. И.Северянин. Футуристы)». Пг.: «Сириус», тираж — 1000. С посвящением: «Дорогому С.А.Ауслендеру».

Адресат посвящения писал: «Эта тоненькая брошюрка есть книга ренегата». В свое время В.Брюсов был «крестным отцом» Садовского и Ауслендера в «Весах», а теперь Садовской «повторил все пошлые, давно затрепанные обвинения, обычно предъявляемые поэту критикой буренинского толка» (С.Ауслендер, «Книга злости», «День», 22 марта). Эта «непристойная книжечка» — выпад против Брюсова, которого «нынче вошло в моду бранить... Это уже признак хорошего тона» (В.Шершеневич, Нов. Жизнь, № 9–10). «Молодая, свежая, бурнопламенная, резкая, открытая» брошюра. «Ученик восстал на учителя и, написав на знамени своем весьма неясные идеалы старого народничества, провозгласил священную войну против теперешних идолов поэзии», пошадив только Сологуба (Ал.Ож. [Н.П.Ашешов], Совр. Мир, № 5). Садовской — критик «из разряда Булгаринских потомков», все современные художники «мишень его злобы» (Брюсов, Северянин, футуристы, Бальмонт). Все завоевания русского символизма переоцениваются с точки зрения «воробьиного прозрения», как «туман, распад, гниение, смрад, гробовые доски» (Н.Бернер, «Жатва», кн. VI–VII. М., 1915). В «тоненькой брошюрке» Садовской ополчается «на всякую “не-курную” культуру» и на «истлевшие костяки Добролюбова и Чернышевского», донныне грозящие Пушкину и Фету. Все это отдает «отрыжкой последних годов “Русского вестника”» (Н.О.Лернер, «Гнев Бориса Садовского», Журн. Журн., 1916, № 2).

В.Я.Брюсов писал Садовскому в апреле об «Озиме»: «Не решаюсь оспаривать Ваше мнение о том, поэт ли я. Выражаясь высоким слогом, об этом будет судить потомство... Но ведь для Вас мы все только стихотворцы... Не думайте, что я обиделся или сержусь на Вас... Вы написали откровенно все, что думали» (Нов. Лит. Обзор., 1993, № 4, с. 121).

Получив «Озимь», А.Блок написал автору 14 марта: «Вероятно, для окончательных оценок еще не настало время; но то, что Вы пишете о деревне русской, останется незабываемым» (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 313). А.А.Кондратьев писал Б.А.Садовскому 24 марта: «Конечно, не за честь Брюсова ополчился Ауслендер... Статья же написана в отместку за честь адриановых и тырковых, за честь тех, кто хозяйничает в нашей литературе... С Вашим мнением о Брюсове я, конечно, не согласен. Но из всего того, что инкриминировано Ауслендером, я признаю обидным лишь слово "безвкусица"... Я бы советовал Вам... оставить бывших московских декадентов в покое. Сражайтесь с их арьергардом — Чулковым, Ауслендером, Анастасией Чеботаревской и т.д. Брюсова же и Бальмонта — не троньте. На них и без Вас нападало довольно...» (De Visu. 1994, № 1/2, с. 22-23).

Тихон Чурилин — «Весна после смерти. Стихи». Автолитография Н.Гончаровой. М.: «Альциона», 1915, тираж — 240.

«Стихи Тихона Чурилина стоят на границе поэзии и чего-то очень значительного и увлекательного... Литературно он связан с Андреем Белым и — отдаленнее — с кубо-футуристами... Тема его — это человек, вплотную подошедший к сумасшествию» (Н.Гумилев, Апол., № 10). «В стихах этих отразились движения души, правда, болезненные, изломанные и смутные, но, несомненно, подлинные... До сих пор г.Чурилин учился, кажется, только у Андрея Белого, которому и обязан лучшими своими пьесами» (В.Ходасевич, Р. Вед., 26 авг.).

Апрель

Е.Замятин — рассказы «Чрево» (Р. Зап., № 4); «Апрель» (Совр., № 4).

«Вещь потрясающей художественной силы», но «жуткая, как "Власть тьмы"... Даже странно встретить этот эсхатологический "фольклор" в "Русских записках", где мы привыкли находить просто деревню и просто народ, а не ремизовский жанр «вычурной, хотя и мастерской стилизации» (обозрение «Ежемесячные журналы», Журн. Журн., 1916, № 3).

Ал.Н.Толстой — очерк «Анна Зисерман» (Р. Вед., 12 апр.).

Ф.Крюков — рассказ «Четверо» (Р. Зап., № 4). Главный герой казак Семен — не воитель, а хранитель своих спутников по дороге войны: еврея, пленного турка и осиротевшего мальчика.

А. Чапыгин — рассказ «Ожидание» (Сев. Зап., № 4).

«Великое ожидание охватило всех, великое ожидание преобразило человека. Точно необходимо было от недавнего времени к грядущему идти через страшные испытания огнем и железом» (В. Львов-Рогачевский, «Великое ожидание (Обзор современной русской литературы)», Еж. Журн., 1916, № 1).

А. Блок — «Весна», «В фантазии рождаются порою...», «Моей сестре» (Бирж. Вед., 12, 19, 26 апр.).

Ф. Сологуб — заметки «Каникулы», «Завоевание правды» (Бирж. Вед., 1, 7 апр.).

В апрельском номере «Русской мысли» напечатаны стихотворения М. Волошина на военные темы («Под знаком Льва», «Над полями Альзаса», «Реймская Богоматерь» и др.), Ф. Сологуба («Цветы для наглых, вино для сильных...»), К. Бальмонта («Псалом Земли»), Игоря Северянина («Весенние триолеты»), пьеса И. Сургучева «Осенние скрипки».

И. Эренбург откликнулся на стихи М. Волошина в письме к поэту от 11 августа: «Очень хорошо. Жалко, если не выполните намерения и не издадите осенью сборника. Такие стихи должны пойти отлично, в особенности теперь, когда Россия начинает заслуживать высокий и духовный чин — в войне побеждаемого» («Звезда», 1996, № 2, с. 164).

В. Брюсов — военные корреспонденции из Перемышля (Р. Вед., 1, 3, 9, 15, 18 апр.).

2 апреля М. Пришвин записал: «Развелся с “Русскими Ведомостями”... Брак был по расчету: я писал о мужиках, они мне за это оказывали покровительство... Писанье в “Русских Ведомостях” — сплошное притворство, в “Заветах” — все это не мое, не мое» (М. М. Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 151).

10 апреля И. А. Бунин пишет автобиографическую заметку для «Русской литературы XX века (1890–1910)» (Под ред. С. А. Венгерова. М., 1915). «Укоряя меня Чеховым, почти слово в слово повторяли то самое, что говорили Чехову, укоряя его предшественниками его... Не ужасно ли, что, покричав: “Это клевета, это невозможность”, — мы всегда тем скорее успокаивались, что не проходило и нескольких лет, как то, что называлось “невозможностью”, признавалось “классическим” и поступало уже в полное ведение учителей словесности?» (т. 9, с. 265–266).

10 апреля И.А.Бунин пишет А.С.Черемнову из Москвы: Горький «на днях выступал на еврейском вечере с великим триумфом». 17 апреля — Д.Л.Тальникову: «Снова был Горький в Москве и снова тянул меня в “Современник” и снова толковал о культуре (говоря о моем рассказе “Пыль”). Значит ... конек “Современника” — тоже культура» (Р. Л., 1972, № 1, с. 171, 172).

16 апреля Москва хоронила А.Н.Скрябина, умершего 14 апреля. На траурной церемонии присутствовали М.Ипполитов-Иванов, С.Танеев, А.Гречанинов, С.Рахманинов, А.Гедике, А.Гольденвейзер, К.Игумнов, Н.Кашкин, И.Грабарь, В.Переплетчиков, Л.Пастернак, Ал.Толстой, Ю.Балтрушайтис, Вяч. Иванов (Р. Вед., 15 и 17 апр.).

В.Брюсов — сонет «На смерть А.Н.Скрябина» и статья «Реализм Скрябина» (Р. Вед., 22 и 25 апр.).

22 апреля А.Блок пишет С.А.Есенину: «...Путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ...» (т. 8, с. 445).

27 апреля О.Э.Мандельштам написал Ф.Сологубу в связи с его отказом участвовать в вечере в Тенишевском училище в пользу Вольного экономического общества (устроитель Е.Э.Мандельштам, брат поэта): «Вы говорите о своем намерении держаться подальше от футуристов, акмеистов и к ним примыкающих... Как акмеист, я считаю долгом напомнить Вам следующее: инициатива Вашего отчуждения от акмеистов всецело принадлежала последним. К участию в Цехе поэтов (независимо от Вашего желания) привлечены Вы не были, равно как и к сотрудничеству в журнале “Гиперборей”. То же относится и к публичным выступлениям акмеистов, как таковых», «хотя некоторые из акмеистов и я в том числе в ответ на приглашения Ваши и А.Н.Чеботаревской посещали Ваш дом» (О.Мандельштам. Камень. Л., 1990, с. 211).

28 апреля З.Гиппиус записывает в дневнике: «Москвичи осатанели от православного патриотизма. Вяч.Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков. О Москва, непонятный и часто неожиданный город, где то восстание, то погром, то декадентство, то урапатриотизм, — и все это даже вместе, все дико и близко связано общими корнями» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. 1. Тбилиси, 1991, с. 243).

С.Адрианов — «Критические наброски» (Вест. Евр., № 4). Образцы военной литературы неудовлетворительны с художественной точки зрения, но свидетельствуют о том «огромном психологическом сдвиге, который переживает сейчас вся Россия, начиная с образованнейших верхов и кончая глухой деревней».

Е.Колтоновская — «Вокруг войны (Писатели о войне)» (Р. Мысль, № 4). «Давно ли у нас смотрели на... солдата — русского мужика — глазами Бунина и видели в нем убогое, забитое, вырождающееся существо... а сейчас почувствовали в нем сказочного богатыря» (А.Толстой, Ф.Крюков, А.Окулов, С.Кондурушкин и др.).

Д.С.Мережковский — «Завет Белинского (Религиозность и общественность русской интеллигенции)» (Бирж. Вед., 11 и 16 апр.). Отд. изд. вышло в июне: Пг.: «Прометей», 1915, тираж — 3100.

По Мережковскому, «все сознательное мышление Белинского — бессознательные поиски веры; его безбожие явное — тайная жажда Бога». «Соединить свободу с Богом» — это и значит выполнить «завет Белинского» (Ф.Батюшков, «Речь», 14 окт.). Новое «нападение» на Белинского: Мережковский «пытается убедить себя и других, что... Белинский думал и говорил то, что думает и говорит Мережковский» (Д.Выгодский, Нов. Журн. для всех, 1916, № 2-3, Нов. Кн.).

В связи с выходом очередного, 4-го тома Полного собрания сочинений и переводов В.Брюсова в издательстве «Сирин» Б.Эйхенбаум писал: «Поэзия Брюсова явилась плодом гносеологического отчаяния — так сознательна она в своем пафосе»; «за упорством в области формальных достижений — обескрыленность и тоска духа». «Брюсов и Бальмонт — два уклона, пережитые русским декадансом... Брюсов — в нижней бездне, почти в аду, Бальмонт — в верхней бездне, оба — чужие земле... А земля ждет... нового оправдания и настоящей любви» (Сев. Зап., № 4, с. 223-225).

Вяч.Полонский — «Творчество Бориса Зайцева» (Нов. Жизнь, № 4). «Чуть ли не все художники наши — и кисти, и пера — сделались баталистами». Зайцев остается «старомодным и несовременным»; он «рожден для переживаний тихих и элегических, сладких страданий, томительных мечтаний, над книгами его веет дух печальной примиренности, кроткого преклонения перед грубой силой, имя которой — жизнь».

М.Горький — «По Руси (очерки)» [Собр. соч.]. Т. 19. Пг.: «Жизнь и знание», 1915, тираж — 10400.

«Тон рассказов последнего времени тот же, что установился в писании М.Горького с “Городка Окурова”: несколько приподнятый, красочный лиризм описаний природы... и спокойно-объективное описание встреч, лиц всякого звания и состояния. Прежняя идеализация босяков давно оставлена, и теперь с особою любовью автор останавливается на типах народной жизни, в которых находит воплощенную в народе жажду трудовой жизни и деятельности». Но все же в этих красочных очерках порою ощущается «та же “русская печаль”, вечная спутница даровитых русских писателей, спутница большой страны, великого народа» (Вест. Евр., № 7, Библиограф. листок). Унылые очерки о «социальных отбросах» «навевают печаль, рождают тоску, усиливают тот в общем грустный, меланхолический налет, которым подернуты нарисованные здесь образы и картины» (М.Королицкий, «Творчество Горького последних лет», Вест. Евр., 1916, № 5).

А.Серафимович — «Со зверями. Рассказы». Т. 5. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 1000.

Л.Андреев — «В сей грозный час. Статьи». Пг.: «Прометей», 1915, тираж — 2100.

«Едва ли эта книжка не является первым значительным памятником минувшего и вряд ли повторимого в своей грозности и величавости исторического “часа”, первого полугодия небывалой и неслыханной мировой войны...» (Ан.Чеботаревская, «День», 4 июня).

Игорь Северянин — «Victoria regia. Четвертая книга поэм». М.: «Наши дни», 1915, тираж — 2000 (2-е изд. — Собрание поэм. Т. 4: изд. В.В.Пашуканиса, 1916, тираж — 5500).

А.Тиняков продолжает считать И.Северянина явлением значительным, находя, несмотря на огромную разницу, «родство с музой Пушкина». «Его книги выходят вторым, четвертым, седьмым изданием, его читают десятки тысяч молодых людей... у него здоровое и радостное мироощущение... ему лишь нужно воспитать и облагородить свой ум». Военные стихи И.Северянина остаются глубоко чужды русскому народу, которому свойственны «скромность, всечеловечность и спокойствие» («День», 18 апр.). «Вот бог нынешней толпы, спустившийся к ней после Чехова, Горького, Вербицкой и Макса Линдера... Сологуб совершил с ним триумфальное шествие через всю Россию по диа-

гонали...» Между тем Северянин «вершинами земного счастья и изящества считает кокотку в автомобиле, ликер или банан». Когда же берет в руки «лиру гражданского певца», становится смешон («Германия, не задавайся...», «Ваш нежный, ваш единственный, — Я поведу вас на Берлин...») (А.Измайлов, «И.д. “властителя дум”», Бирж. Вед., 27 апр.). В сборнике «ужаснейшая по тону война с немцами» и с московскими футуристами, которых Северянин предлагает сослать на Сахалин (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, «Фазы Игоря Северянина», Р. Зап., № 5). В.Ходасевич отказывается от своих прежних оценок Северянина, так как «он не растет ни умом, ни сердцем», страдает убогой манерой величия при «мелочности переживаний» и «фальшивой бравурности» («Обманутые надежды», Р. Вед., 18 сент.). «Убогое и скучное зрелище»: к прежней «развязности галантерейного Епиходова» добавилась полемика с критиками («Ах, посмотрите-ка, какая подлая в России критика!») (А.Журин, Нов. Жизнь, № 6). И.Северянин «в военных стихах превзошел в вульгарности даже свои “великосветские поэзы”» (Г.Иванов, «Военные стихи», Апол., № 4–5, с. 86).

«Клич. Сборник на помощь жертвам войны». Под ред. И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Н.Д.Телешова. М., 1915, тираж — 10000 (2-е изд. — в мае). Художественный отдел под наблюдением А.М.Васнецова и В.В.Переплетчикова. (Ив.Бунин «Грамматика любви», А.Серафимович «Золотой якорь», Ив.Шмелев «В Лужском уезде» (Вступление к роману «Наследники»), Б.Зайцев «Жизнь и смерть», К.Тренев «Письма», М.Пришвин «На братской линии», стихотворения К.Бальмонта, В.Брюсова, Ф.Сологуба и др.).

В сборнике нет крупных вещей, «здесь все миниатюра или отрывки» (Н.Кашин, Вест. Евр., № 5). «Самое драгоценное» — «Грамматика любви» Бунина, рассказ, «овеянный дымкой романтизма». «Чуть ли не треть из всех напечатанных в сборнике произведений посвящены войне... Ни одна вещь не подымается... выше благочестивой сентиментальности» (М.Пришвин, К.Тренев), «большинство же просто фальшивы и плохо выдуманы» (Н.С. [Н.Н.Гиммер], Совр., № 5). «Грамматика любви» Ив.Бунина — просто «бурда» (Моск. Вед., 11 апр.). Сборник «разошелся без остатка, кажется, в первый день по выходе, и это вполне естественно... В нем приняли участие виднейшие силы нашей литературы, поэзии, живописи, музыки». Выделяется «мирный» рассказ Бунина. Если будущий историк по военным рассказам «захочет обобщить настроения современников великой катастрофы», то он должен будет сказать: «Они умилялись, уми-

лялись и умилялись». «И только-то!.. И в таком вот масштабе и колорите воспринимали они... “сумерки Европы”, культурный катаклизм, падение целого мира...» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., № 6, Б-фия).

М.Гершензон — «Русские пропилеи. Т. I. Материалы по истории русской мысли и литературы». М.: изд. М. и С.Сабашниковых, тираж — 2000.

«Все умно, обдуманно, полно, закончено», но устранены «дурные сны русской действительности» (Гл.Успенский, Некрасов, Лесков), и все ближе к Акрополю, чем к Москве или Орловской губернии (В.Розанов, Р. Библиофил, 1916, № 1).

Н.Бердяев — «Душа России» (серия «Война и культура»). М.: т-во И.Д.Сытина, 1915, тираж — 3000.

М.Шагинян — «Узкие врата». Пг.: изд. М.И.Семенова, 1915, тираж — 2100.

Книга рассказов «талантливой поэтессы» не разочаровывает, в ней «дух старинного святочного рассказа», «своеобразная реставрация Диккенса», преломленные через модернизм (Ю.Айхенвальд, «Речь», 11 мая). В центральном рассказе «Узкие врата» речь идет о высоком смысле страдания и любви, остальные — «ниже самого слабого литературного уровня» (Д.Тальников, Совр. Мир, № 10). Противоречие между тоном бесшабашного и веселого равнодушия «к общепризнанным нормам пристойности и нравственности» и морализующей развязкой ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 11, Б-фия).

Май

М.Горький — «Пожар» (Вест. Евр., № 5).

«Представляет собою прекрасную вариацию на тему о “городке Окурове”». «Фанатизм, инертность, как общий фон русской жизни, и трагедия одиноких еще провозвестников действительно-волевой культуры — вот основные мотивы в творчестве Горького последних лет» (М.Лиров [М.С.Литваков], Киев. Мысль, 22 мая). Очерк исполнен «беспрестанного томления, печали гнетущей». О «народе без ядра, о людской скверне» и т.п. автор «повествует в менее резком и негодующем тоне» (М.Королицкий, «Творчество Горького последних лет», Вест. Евр., 1916, № 5). «Рабочий Чмырев и юноша Коля в прекрасном рассказе М.Горького “Пожар”... идут всегда в огонь работы, не слушая

бойкотистов-Обломовых... Мировой пожар с ослепительной яркостью показал всю нелепость погорельческой психологии, мировой пожар заставил окурившую уездную Россию оглянуться на себя» (В. Львов-Рогачевский, «Великое ожидание (Обзор современной русской литературы)», *Еж. Журн.*, 1916, № 1). «Народного писателя не влекут больше яркие одежды романтизма, а нужна ему одна только простая, будничная, суровая правда»; изображен самоотверженный героизм единиц и «фаталистическая покорность» большинства (обозрение «Ежемесячные журналы», *Журн. Журн.*, 1916, № 5).

А. Серафимович — военные корреспонденции из Галиции (*Р. Вед.*, 17, 24, 26, 28, 30 мая).

Б. Зайцев — рассказ «Петербургская дама» (*Р. Мысль*, № 5).

Ал. Н. Толстой — рассказ «Шарлотта» (*Р. Вед.*, 10 мая).

А. Блок — «Мчит меня мертвая сила...», «В предзакатные часы...» (*Бирж. Вед.*, 3, 17 мая).

Ф. Сологуб — «Есть вдохновенье и любовь...» (*Бирж. Вед.*, 17 мая).

В. Брюсов продолжает печатать военные корреспонденции (*Р. Вед.*, 3, 13, 17 мая); статья «Предсказание Нострадама о современной войне» (*Бирж. Вед.*, 14 мая).

«В. Брюсов оказался — довольно неожиданно — вполне исправным газетным военным корреспондентом» (*М. Неведомский, Совр.*, № 5, с. 267).

М. Волошин — «Стихотворения» («Странник», «Благодарность», «Венчание», «Усталость») (*Апол.*, № 4-5).

В том же номере «Аполлона» помещена заметка Г. Иванова «Военные стихи», в которой говорится о «благоразумном» решении редакции печатать и не военные стихи; «прекратившийся усиленный спрос на “боевую” макулатуру — естественно сократил ее производство».

Р. Григорьев — роман «Недавнее» (*Совр. Мир*, №№ 4-5), отд. изд. Пг.: кн-во М. В. Попова, 1916.

«В “Недавнем” фигурирует наша интеллигенция, которая... отметнулась от старых богов и перешла в мирное буржуазное житье... “Товарищи” желают жить своим умом, своими средствами и своими духовными ресурсами» (*А. Ожигов [Н. П. Аше-*

шов], «Кризис интеллигенции и недавние бури», Совр. Сл., 4 июня). Тему интеллигенции автор трактует утилитарно, как партийный человек. Рабочая среда изображена с теплотой и непосредственностью, и основная болезнь интеллигенции намечена верно — возня с собственными крохотными переживаниями, но рекомендуемое автором лекарство (сближение с рабочими) «крайне примитивно и старомодно» (Е. Колтоновская, «Речь», 6 июля). Это не роман, а «политико-социальная иллюстрация». «Все здесь... слишком “на месте”... и разочаровавшаяся в своих силах революционерка, обуржуазившаяся комфортом, и революционерка, растворившая свою личность в семье, и девица мистическая, и девица эвдемонистическая, и девица эротическая, и девица с непосредственным чувством, и студент-аристократ, и студент-буржуа, и студент-еврей с гипертрофированным чувством национальности и т.д.» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., 1916, № 3, Б-фия). Григорьев не справился с задачей показать общественную психологию: вместо драмы опошления интеллигенции, у него получилось «опошление драмы» (А.П.-в, «Из размышлений о современной литературе», Киев. Мысль, 30 окт.). Григорьев занялся проблемой «ухода» интеллигенции из рабочего движения и ее погружения «в тину мешанской пошлости». Молодежь погружена «в увеселение, в спорт, в искусство, флирт, в чертовщину и проблемы пола» (Р. Арский [Л.Я.Берлинраут], Лг., 1916, № 3). При «сухости исполнения» и «бедности вдохновения» сумел «создать ценный бытовой рисунок» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 1916, 23 мая).

4 мая «Биржевые ведомости» (веч. вып.) напечатали интервью «Леонид Андреев о футуристах»: «Я вначале относился к футуристам гораздо лучше и питал какие-то неясные надежды... Моментом испытания для них, как и для очень многих, явилась как раз война. В этом всенародном деле должны были сказаться или их внутренние богатства, или бедность. Они же оказались... просто нищими... И мне странным кажется заявление Горького, что футуристы совершают важное дело: несут искусство народу, они молоды, они «приемлют мир»... «Впрочем, сами они, стуча в медные тазы, уверяют, что они “мира не приемлют”, но это такая же ложь, как и то, что они борются с мешанином. Ибо есть и навсегда останется разница между дебошем и бунтом, которому служил неистовый и... жестоко Горьким осужденный Федор Достоевский».

5 мая в «Биржевых ведомостях» (веч. вып.) помещено интервью П.М. «Ф.Сологуб о будущем искусства»: «Существует мне-

ние, будто война должна вернуть литературу на путь натурализма... Война вовсе не опровергла Метерлинка, а наоборот — утвердила его предчувствие мировой трагедии...»

6 мая В.Ф.Ходасевич пишет А.И.Тинякову: «О Брюсове я с Вами не совсем согласен. Он не бездарность. Он талант, и большой. Но он — *маленький человек*, мещанин, — я это всегда говорил. Потому-то, при блистательном “как”, его “что” ничтожно» (В.Ходасевич. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997, с. 394).

16 мая Горький пишет И.А.Бунину: «Книгоиздательство [“Парус”] у нас наладилось, уже сделано официальное заявление. К осени предполагаем сделать два сборника. Приглашаем Тренева, Шмелева. Очень надеемся на Вашу помощь!.. Как бы хорошо снова собрать публику и заставить ее читать честные книги!» (Горьк. Чт., 1961, с. 78).

21 мая в «Биржевых ведомостях» появилось интервью «У А.И.Куприна»: «Не много времени я провел на военной службе, но вспоминаю ее с удовольствием... Где же мои офицеры из “Поединка”? Все выросли, стали неузнаваемыми. В армию вошла новая сильная струя, которая тесно связала солдат с офицерами... Писать военные рассказы я не считаю возможным, не побывав на позициях».

28 мая «Биржевые ведомости» (веч. вып.) опубликовали интервью Фри-Дика «У К.Д.Бальмонта»: «Войне России с Германией я в высшей степени сочувствую... У славян и русских никогда не было более жестокого врага, неприятеля, которого мы должны победить во что бы то ни стало».

28 мая З.Гиппиус записала в дневнике: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как зарезанная, о войне, с первого момента. И так бездарно, один стыд сплошной. Об А. [Андреев?] я и не говорю. Но Брюсов! Но Блок! И все, по нисходящей линии. Не хватило их на молчание. И наказаны печатью бездарности» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 247).

М.Неведомский — «Что случилось с нашей литературой? (О поэзии и прозе наших дней)» (Совр., № 5). На вопрос, как выдержала литература экзамен войны, один ответ: «*стыдно и больно*». «В оценке того “товара”, который появился на рынке литературы за время войны, сошлись критики самых разнообразных лагерей и направлений... Городецкий в “Биржевке” за-

воевал Царьград». Кузмин предался «барабанно-биржевым настроением». Северянин пишет детски-лубочные стихи («Но если надо, что ж, отлично! Шампанского! Коня! Кинжал!»). Никто ни на минуту не задумался: «Чем живы на войне люди, несущие эту безмерную тяготу, ежечасно подставляющие грудь свою — смерти». «Отмечу, что наиболее талантливый и искренний из наших символистов, А.Блок... целомудренно молчал на тему о войне, не дал ни одного “бранного” произведения».

Ал.Блок — «Стихи о России». Пг.: изд. журн. «Отечество», 1915, тираж — 3000.

«На серой бумаге, в грошовом издании, нас ожидает книга из числа тех, которые сами собой заучиваются наизусть, чьими страницами можно дышать, как воздухом». Это не сборник, а изборник, где рядом с новыми есть стихи прежних лет. «Тон всей книги — просветленная грусть и мудрая ясно-мужественная любовь поэта к России». Почти каждое стихотворение — «новый этап лирического познания России... Это стихи символиста. Но какой реалист (я не о поклонниках Ратгауза, разумеется, говорю) не примет их? Какой акмеист не скажет, что они прекрасны?.. Книга Блока — точно чистый воздух, от соприкосновения с которым рассыпаются в прах стилизаторские мумии “под народ”». Эти стихи нисколько не походят на те опыты Брюсова, которые «трудно отличить» от Пушкина или Жуковского. «Это естественная классичность высокого мастера, прошедшего все искусства творческого пути» (Г.Иванов, Апол., № 8-9). «Стихи о России продиктованы большой и сильной любовью к родине. Навяны они войной, но совершенно лишены шовинизма... Эти стихи... оттеняют убожество и нищету того поэтического пресмыкательства, которое теперь лавиной свалилось на русскую литературу». Жалки и убоги кажутся «казарменные произведения музы Ф.Сологуба и прочих поэтов земли русской, позоривших ее своим непристойным пустозвонством примитивного патриотизма». «Пессимизм, вообще покрывающий своей дымкой поэзию г. Блока, смягчается в соприкосновении с родиной... За богомольством этой Руси... поэт видит новую возрождающуюся и нарождающуюся Русь» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Мир, № 9). «О России раскрывается новая истина», среди этих стихов «есть такие, что они лучшее из всего, что было создано в этой области со времени Тютчева» (Ю.Никольский, «Александр Блок о России», Р. Мысль, 1915, № 11). «Если бы не война, он едва ли бы ощутил этот порыв высказаться, едва ли бы вылились у него эти задушевные, певучие строки о великой любви к родине». «Да, эта любовь все еще неразрывна со слезами, ибо слыш-

ком много темных явлений, неурядицы и нищеты, не только материальной, но и духовной, быть может, особенно последней» (Ф. Батюшков, Вест. Евр., 1916, № 6).

Альманах «Весеннее контрагентство муз». М., 1915. Под ред. Д. Бурлюка и С. Вермея, тираж — 500 (Стихи В. Маяковского, Н. Асеева, К. Большакова, В. Каменского, Д. и Н. Бурлюков, Б. Пастернака, пьеса В. Хлебникова; рисунки В. и Д. Бурлюков, А. Лентулова).

«Об очередной футуристской дребедени вряд ли стоило бы и говорить», если бы не статья Д. Бурлюка, провозгласившая уважение к иным эстетическим нормам. «Это — слезная мольба о признании» (П. Щ. [П. Е. Щеголев], «Вопль русского футуриста», «День», 20 июня). «Новый и в то же время очень старенький сборник футуристов». «Настало время творчества», — пишет Бурлюк, но в сборнике — только «футуристический шаблон». Лишь вещи Б. Пастернака, «не будучи еще достижением, говорят о несомненном развитии поэта». «Все остальные скучны и томительны... Маяковский... повторяет самого себя» (А. Хромов, Нов. Жизнь, № 9–10). «Какой печальный парад однообразия!.. Пастернак и Большаков лучше других — но и они как-то подчинились редакционным директивам» (В. Сержант [С. П. Бобров], «Пета», сб. первый. М., 1916).

Альманах «В год войны. Артист — солдату». Под ред. Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова. Пг., 1915.

В альманахе напечатано стихотворение З. Гиппиус «Тогда и опять».

*Хотелось нам тогда, чтоб помолчали
Поэты о войне,
Чтоб пережить хоть первые печали
Могли мы в тишине.
Куда тебе! Набросились зверями:
Война! Войне! Войны!
И крик, и клич, и хлопанье дверями...
Не стало тишины.
А после вдруг, — таков у них обычай, —
Военный жар исчез,
Изнемогли они от всяких кличей,
От собственных словес...*

«Не есть ли это голос мудрого инстинкта самосохранения... — писал Д. Тальников по поводу этих строк. — Год войны больше утомил наших поэтов, нежели воинов в окопах...» (Совр. Мир,

№ 9). «Крик и хлопанье дверями» продолжают раздаваться, особенно из сборников «Лукоморья», к тусклости и выдуманности стихов прибавлено бесстыдство (И.Игнатов, Р. Вед., 19 июня).

«Невский альманах. Жертвам войны — писатели и художники». Пг., 1915, тираж — 5000 (был задержан цензурой).

Материал «содержательный и ценный» (48 литераторов и 24 художника). Отсутствует беллетристика на военные темы, «удручающая фальшью и надуманностью». От А.Кремлева и В.Брюсова до М.Гершензона и М.Неведомского — «расстояние значительное, и на нем явлены как оттенки хорошего патриотического воодушевления, надежды и упования, так и ноты горькой скорби... И — сказать правду — скорбные эти ноты звучат явственнее...» ([Ф.Д.Крюков], Р. Зап., № 7, Б-фия). Большая часть материала не имеет отношения к войне (Л.Андреев «Младость» (2-е действие), Д.Мережковский «Декабрист Булатов»). Н.Гумилев не понимает, «как могли мы жить в покое и не мечтать об огнезарном бое». «Еще более радостно настроен Куприн». Другой взгляд на войну представлен В.Кранихфельдом, А.Кондурушкиным, М.Гершензоном (И.Г. [И.В.Гессен], «Речь», 15 июня). Статья М.Гершензона «Дело правды и разума» — «крик наболевшего сердца» о бесправном положении евреев (Н.Кашин, Вест. Евр., № 7).

М.Кузмин — «Военные рассказы». Пг.: «Лукоморье», 1915.

«Прелестная красочная обложка работы талантливого С.Судейкина, изящная печать, прекрасная бумага, — настоящая салонная книга», но в художественном отношении рассказы Кузмина «представляют собой нечто жалкое, убогое и бездарное» (Ник. Аш[ешов], «Речь», 1 июня). Рассказы Кузмина чрезвычайно типичны для современной «ура-патриотической, шовинистической» беллетристики, которую «требуется если не читатель, то издатель, особенно газетной прессы» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 9, Б-фия). «Изящная внешность» (обложка С.Судейкина, заставки Д.Митрохина, Е.Нарбута) «еще больше оттеняет миниатюрность произведений Кузмина» (А.Гвоздев, Сев. Зап., № 5-6, с. 138-139). «Великое и грозное явление» побудило Кузмина «написать несколько вялых анекдотов, белыми нитками пришитых к военным событиям» (А.Тиняков, Еж. Журн., № 8). Кузмин плохо владеет военными сюжетами; у него нет «внешнего подхода к теме войны», «чувствуется что-то глубокое и народное». Лучший рассказ из жизни сектантов-поморов «Кирикова лодка» (Г.Сергеев, «Нива», ежемес. прилож., № 7, Б-фия).

Июнь

А.Серафимович — военные корреспонденции из Галиции (Р. Вед., 5, 10 июня).

Ал.Н.Толстой — рассказ «Буря» (Р. Вед., 14, 21, 28 июня).

А.Блок — «После грозы» («Под величавые раскаты...») (Бирж. Вед., 28 июня).

Ф.Сологуб — заметки «Гадания», «Бодрая сладость» (Бирж. Вед., 22, 30 июня); «Пусть пылит моя дорога...» (Р. Мысль, № 6).

В.Брюсов — перевод «Ворона» Э.По, «Умирающий день» и др. (Бирж. Вед., 1, 14, 21, 28 июня).

В.Маяковский — стихотворение «Военно-морская любовь» (Нов. Сат., № 25, 18 июня).

Марина Цветаева — стихотворения «Солнцем жилки нали- ты,— не кровью...», «Уж сколько их упало в эту бездну...», «Идешь, на меня похожий...» (Сев. Зап., № 5-6).

5 июня Н.А.Бердяев пишет Вяч.Иванову в связи с военными поражениями: «Очень меня волнует и мучит это время война. Я верю в нашу окончательную победу, так как воля моя целиком к ней направлена. Но большие испытания нам посланы и очень трудно нам» (сб. «Вячеслав Иванов. Материалы и исследования». М., 1996, с. 140).

6 июня умер С.И.Танеев. С.Рахманинов писал о нем: «Образованнейший музыкант своего времени, человек редкой самобытности, оригинальности, душевных качеств, вершина музыкальной Москвы» (Р. Вед., 9, 16 июня).

21 июня В.В.Муйжель пишет В.Д.Бонч-Бруевичу из Псковской губернии: «Будем иметь новую интеллигенцию, не расслабленную, изуверившуюся, опускающую руки, а крепкую, здоровую, кровавой пуповиной связанную с народом, не обрывающую эту пуповину... И как смешны, ничтожны, даже непонятны будут тогда наши разговоры и споры о пропасти между интеллигенцией и народом...» (РГБ, ф. 369, карт. 305, ед. хр. 40).

А.Измайлов — «Кабинетные баталлисты» (Бирж. Вед., 2 июня): «Я не знаю, требует ли действительно читатель военной беллетристики, но редакторы требуют». Только «обер-циник» Маяковский может заявить «Какое мне дело, что где-то в буремире взяли да выдумали войну?» Беллетристы «избегают собственно батальных картин и предпочитают ходить “около” войны», в их произведениях «банальность и шаблон — с одной стороны, и фальшивый вычур — с другой».

«Земля». Сб. шестнадцатый. Моск. кн-во, 1915, тираж — 5000 (2-е изд. — в июле, тираж — 5000) (А.Куприн «Яма» (2-я часть), Н.Крашенинников «Амели»).

Повесть Куприна разрослась до 24 п.л., но уже с половины «стало ясно, что “Поединок” останется непревзойденною вещью у этого писателя... В “Яме” остались лучшими первые статические страницы... Вторая часть “Ямы” не удержалась на высоте первых обещаний... Он испугался этих голосов справа и слева, упрекающих его еще авансом за сентиментальность и романтику» (А.Измайлов, «Последнее слово о “Яме”», Бирж. Вед., 16 июня). В первой части «он всецело отдался во власть поучительства и проповедничества», «во второй части, более уравновешенной и лишенной слишком обильного излияния мелодраматических поучений, все же преобладают романтические нотки» (Н.П.Ашешов, «День», 9 июля; см. его же, Совр. Сл., 18 июня). Последняя часть «Ямы» остается произведением «чисто бытописательским, слабым психологически» (Е.Колтоновская, «Речь», 3 авг.). «Яма» — «много ниже таланта Куприна», «плод некультурной стороны его таланта, плод характерный и даже зловещий»; повесть содержит в себе «нечто бульварное». «Амели» — «тягучая выдумка» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., № 9, Б-фия). «Яма» как художественное произведение — «ничто... Как характеристика быта это — пустое место: вместо бытовых особенностей — усиленная реабилитация жертв порока» (И.Игнатов, Р. Вед., 13 авг.).

М.Кузмин — «Пятая книга рассказов. Зеленый соловей». Собр. соч. Т. 5. Пг.: изд. М.И.Семенова, 1915, тираж — 2100.

«Серебряные трубы. Стихи». Одесса, 1915 (Эд.Багрицкий, И.Бобович, Я.Галицкий, И.Дальгонин, П.Сторицын, А.Фиолетов, Г.Цагорелли).

«Семь одесситов затрубили в свои “серебряные трубы”», подражая Игорю Северянину (А.Журин, Нов. Жизнь, № 6); «Жалкие подражатели символистов», лишь Эдуарда Багрицкого «можно читать без скуки» (Ада Владимировна, Совр., № 10).

Июль

А. Серафимович — «На побывке» (Р. Вед., 21 июня).

Ал. Н. Толстой — «Кулик (IV гл. из романа «Болотные огоньки»)» (Р. Вед., 26 июля).

Ф. Сологуб — «1914 — 19 июля — 1915» («Год испытаний, год суровый! Тебя душа благословит, — Заря гражданственности новой Над нами в небесах горит»), «В этот час», «Хотя б столетие войны! Смелей, славянские державы!», статьи «Кому завидовать» и другие (Бирж. Вед., 5, 8, 18, 22, 26 июля).

А. Блок — «Мы шли заветною тропею...», «К чему бесцельно охранять Свои былые вдохновенья...» (Бирж. Вед., 5, 12 июля).

В. Маяковский — стихотворения «Гимн здоровью», «Гимн критику», «Гимн обеду», «Теплое слово кое-каким порокам», «Вот так я сделался собакой (Нам. Вам. Им)» (Нов. Сат., №№ 27-21, 2, 9, 16, 23, 30 июля). В начале июля Маяковский в Мустамяках, у Горького, читает поэму «Облако в штанах» (Катанян, с. 107-108).

С. Есенин — стихотворения «Инок», «Калики», «Вечер» (Р. Мысль, № 7).

А. Измайлов — «Темы и парадоксы» (Бирж. Вед., 14 июля). «Молодежь воинствует, в то время как старшее поколение молчит (Короленко), когда следующее поколение определенно сторонится батальных тем (Горький, Мережковский, Куприн)». Из старших к молодежи примкнули только двое — Сологуб (стихи и новеллы) и Л. Андреев (публицистика).

Ал. Ожигов [Н. П. Ашешов] — «Литературные отражения» (Киев. Мысль, 24 июля). Среди лозунгов современности самый популярный — единения и совместной работы, им можно прикрыть всякую сделку. Журнал «Лукоморье» должен осуществить этот лозунг, в соответствии «с базарными расчетами сыновей Суворина». «По заказам нововременского патриотизма» согласились работать Ф. Сологуб, С. Городецкий, Б. Лазаревский, Б. Садовской, Н. Олигер, Б. Верхоустинский, С. Ауслендер, А. Рославлев и другие*.

* Осенью 11 бывших сотрудников «Лукоморья» (С. Ауслендер, Г. Иванов, М. Кузмин, А. Рославлев, Б. Садовской, Ф. Сологуб и др.) вышли из нововременского предприятия, возмущенные славословием в адрес В. Буренина.

Н.В.Недоброво — статья «Анна Ахматова» (Р. Мысль, № 7; от редакции сообщалось, что статья сдана в апреле 1914 г., но была отложена из-за войны). Два сборника «Вечер» и «Четки» прочно обеспечили славу Ахматовой. «Перводвижущая сила» ее творчества — *«новое умение видеть и любить человека»*. Ахматовской поэтической речи свойственна «вольность и сила», «непринужденность словорасположения», что дает ощущение «стойкости и крепости слов». «Самое голосоведение Ахматовой, твердое и уж скорее самоуверенное... открывает лирическую душу скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жесткую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную».

Ахматова считала эту статью «потрясающей», «пророческой» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Кн. I. М., 1989, с. 100).

Н.Пунин — «По выставкам» (Сев. Зап., № 5-6). О «Союзе русских художников» и «Мире искусства». Ядро первых выставок составляет «натуралистическая московская школа», к которой примыкает К.Коровин, со своими «декоративными этюдами», Н.Крымов — «стилизатор без эпохи», С.Малютин — «мастерской портретист». «При поражающей подчас грубости вкуса», «союзники» «обладают живой силой». Наоборот, «мирискусники», при изысканности вкуса, широкой образованности и «красочной силе», «нередко мертвенно бледны» в своей «оторванности от самой сущности жизни». Ал.Бенуа «раздражает своей хитрой культурностью», Б.Кустодиев и М.Добужинский — холодные стилизаторы, Н.Рерих — «искусственный и нарочитый мастер», К.Сомов — «опустошенный и больной». Из молодых наиболее одарены Б.Григорьев, обладающий своим стилем, и «очень сильный, даже могучий Альтман» (портрет А.Ахматовой — «единственная по силе живописи вещь») и др.

22 июля М.А.Волошин пишет Б.В.Савинкову: «Я в *практические* результаты русской революции не верю совсем. Но она — горн, в котором плавятся законы новой морали,— и потому я благословляю ее целиком. И Ваша судьба — там» («Звезда», 1996, № 2, с. 162).

28 июля И.А.Бунин пишет Д.Л.Тальникову: «Подъячева я очень мало знаю, Вольный ужасен — груб, преднамерен и т.д. Этих господ, торгующих своим якобы мужицким званием, уже не мало, они ездят на гастроли по столицам и ошеломляют интеллигентов...» (Р. Л., 1972, № I, с. 174).

В июле Н.С.Гумилев пишет с фронта Ф.Сологубу, благодаря за высказанное суждение о своих стихах: «...Я всегда Вас считал и считаю одним из лучших вождей того направленья, в котором протекает мое творчество. До сих пор ни критика, ни публика не баловали меня своей симпатией. И мне всегда было легче думать о себе как о путешественнике или воине, чем о поэте, хотя, конечно, искусство для меня дороже войны и Африки» (Н.Гумилев. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1991, с. 241).

М.Горький — «Хозяин». «Три дня», [Собр. соч.]. Т. 18. Пг.: «Жизнь и знание», 1915, тираж — 10400.

Ал.Н.Толстой — «Приключения Растегина», [Соч.]. Т. 7. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 3200.

Ал.Толстой — «один из самых видных, самых читаемых молодых писателей... Он пишет легко и читается поэтому тоже легко и с удовольствием». Отрицательные стороны: пристрастие к преувеличениям, власть закона реминисценции («Похождения Чичикова»), парадоксальность сюжета, приемов, типов (Б.Савинич, Утро Рос., 19 сент.). «Слабые стороны его дарования отразились здесь гораздо определеннее его достоинств». Не избегал он и военного шаблона — умиления «то военным подвигом, то подвигом сестры милосердия, то добротой, проявленной к врагу... И неужели умиление — единственно естественная реакция писателей на впечатления переживаемых дней?» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., № 10, Б-фия). «Его военные рассказы выгодно выделяются в военной беллетристике своим органическим творческим происхождением», хотя при таланте Ал.Толстого эти рассказы «могли бы быть ярче и шире по захвату». В «Обыкновенном человеке» «автор удачно схватил основные черты и мужичьей, и интеллигентской "военной" психологии», «возрождающийся на войне интеллигент» испытывает «не одни восторги и упоения праздничными ощущениями... ему открывается оборотная сторона войны — страшная тайна смерти» (Е.Колтоновская, «Мир и война в рассказах Ал.Толстого», «Речь», 2 ноября). «Причудливо переплетает... действительность с вымыслом, шутку с трагизмом, ужас с пошлостью и даже цинизмом». В «прекрасном рассказе» «На горе» показано соединение двух полюсов: «жизни духа и жизни плоти — Достоевского и Л.Толстого» (Т.Ганжулевич, «Нива», ежемес. прилож., № 12, Б-фия). «С.Н.Терпигорев описывал *оскудение* русского дворянства, Ив.Бунин — *умирание*, теперь гр. А.Н.Толстой изображает уже *разложение* дворянства». В военных рассказах Толстого нет «лубочного патриотизма», «пошлого дилетантского любопытства» (А.Тиняков, Еж. Журн., 1916, № 2).

В.В.Розанов — «Опавшие листья. Короб второй (и последний)». Пг.: изд. А.С.Суворина, 1915, тираж — 2450*.

«Ум — громадный, свой собственный», но «впрочем, как и все у Розанова, хамелеонски меняет свой лик». Розанов признается, что в один день мог писать и черносотенные, и эсеровские статьи (для «Нового времени» и для «Русского слова», где сотрудничал под псевдонимом Варварин). Ругая интеллигенцию, он восхваляет полицию («Вот бы где служить: где подлинно интересно, где подлинно всемогущественно!»), предлагает пороть и сдавать в солдаты «профессоршешек», а иначе «немец или японец завтра нас сотрет с лица земли» и т.п. Предлагает проект собственного памятника, показывающего зрителям кукиш (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Киев. Мысль, 6 авг.; «Позорная глубина», «Речь», 16 авг.). Розанов, захлебываясь от ненависти, говорит о Чернышевском, Герцене, Михайловском, Щедрина; в его мыслях есть «что-то ползучее, липкое, скользкое, не оторвавшееся от самых низов земли» (И.Игнатов, «Муки самопрезрения», Р. Вед., 22 авг.). «Является усерднейшим защитником существующего в данный момент порядка... и рьяным хулителем деятелей освободительного движения». Один батальон солдат, который отлично стреляет, — заявляет Розанов, — вот гиря, перевешивающая «письма Белинского к Гоголю». Для него Белинский и Герцен «ничтожнее» Аракчеева, ибо «у этого батальона нет снарядов». Человек, лишенный высших принципов, он живет первичными инстинктами: чувство самосохранения, то есть страх смерти, стремление к материальному благополучию, половой инстинкт (П.Мокиевский, «Обнаженный нововременец», Р. Зап., № 9). «Бог дал ему талант и силу воздействия на людей», но он предал эти дары. «Это не книга», это — «анатомический музей», в котором «в натуральную величину» показаны «насквозь гнилая душа, и лысое сердце, и продажный ум нашего современника» (Л.Фортунатов, «Гнилая душа», Журн. Журн., № 15). Розанов — «Великий Пошляк» русской литературы, ибо его «ни из русской истории, ни из русской литературы не вычеркнешь»; «розановщина» — стихия русской жизни, неподвижной, мертвой, разрозненно-одинокой (Вяч.Полонский, «Исповедь одного современника», Лет., 1916, № 2). Справедливые суждения на «отравленность» русской культурной почвы, «жадно хватающей» «дурной корень» (напр., Михайловского) и «умерщвляющей» «добрый корень» (напр., Страхова) (Сер-в, «Русская

* Приложен «Предметный указатель понятий, фактов, лиц в “Уединенном” и “Опавших листьях”» (короб первый и второй), а также «Алфавитный перечень» к этим книгам.

речь», 8 авг.). «Много злобы, колючей, мелкой, нехорошей», «паучьего... сверхкарамазовского сладострастия», «передоновщины» (Тиун [В.Ф.Боцяновский], «Голый Розанов», Бирж. Вед., 16 авг., веч. вып.). Розанов — «мелкий бес» нашей литературы, малоинтересный после «Записок из подполья» Достоевского и романа Сологуба (Ю.Айхенвальд, «Неопрятность», Утро Рос., 22 авг.). По форме — «необузданный импрессионизм», по содержанию — «боль и отчаяние»; отражение «русского векового несчастья»: ««холодного безразличия» к социальному и политическому» рядом с «культом быта, непосредственного бытия» (Ч.Ветринский, Р. Иллюстр., № 32, 13 сент.). Убегающее «частное» у Розанова контрастирует с «преданностью началу государственности» (П.П[ерцов], Н. Вр., иллюстр. прилож., 31 окт.). Это «больше, чем афоризмы Ницше и Ларошфуко», «так писал Руссо» (М-е [И.К.Маркузе], «Правдивая душа», Н. Вр., 21 дек.). Дана верная характеристика интеллигенции: «бес либеральной болтливости», оппозиционность как оправдание «ничегонеделания», властолюбие и ненависть к России (Н.В.Т. [Н.В.Толстой], «Общественность и Царская власть», Моск. Вед., 1916, 12 янв.). Розановское разведение Евангелия и Церкви — главная «язва русской религиозной болезни»; его христианство «от боли»; это попытка спасти от смерти любимый им языческий быт (В.Германов, «Религия Быта», «Христианская мысль», 1916, № 10). «Литературный озорник», которому «ненавистно все прямое и ровное. Все честное и стильно законченное. Оттого-то с особенною злобою Розанов накидывается на литераторов, так или иначе прикосновенных к протестантским движениям русской истории» (не только к Герцену, Щедрину и Михайловскому, но и к Гоголю, и Л.Толстому) (А.Волынский, «Фетишизм мелочей», Бирж. Вед., 1916, 26 янв.). «Передовой по литературной форме писатель является ретроградным по своим идеям и выкрикам» (Гарус, Нов. Жизнь, 1916, февр.).

Тэффи — сборник «Зарево битвы». Пг., 1915, тираж — 20100.

Август

А.Блок — «Ожидание» («Дни текут молчаливо...») (Бирж. Вед., 2 авг.).

В.Брюсов — «Баллада воспоминаний», «Завет Святослава» и др. (Бирж. Вед., 2, 9, 16 авг.).

С. Есенин — стихотворения «Микола» (Бирж. Вед., 25 авг.), «Русь» («Потонула деревня в ухабинах...») (Сев. Зап., № 7-8).

Вл. Короленко — «Мнение мистера Джаксона о еврейском вопросе» (Р. Зап., № 8; статья вошла в сб. «Щит»).

16 августа В. Г. Короленко пишет дочери во Францию: «Время подходит трудное и, как говорится, “чреватое” неведомыми грозами... Я думаю, и теперь вы больше можете видеть из наших газет, чем из французских. А в наших уже проскакивает опасение даже... за Петроград. Пока нет снарядов, немцы льются, как лава, и где эта лава остановится, — сказать трудно... Вообще же — будущее туманно и насыщено электричеством... Характерно, что “Русские ведомости” сильно пошли в ход. “Русское слово” с его барабанным стилем, с Немировичами и Григ. Петровым, наоборот, стало падать. Правда, и теперь его тираж — самый большой из всех газет, но разница значительно уменьшилась. “Новое время”, говорят, тоже сильно упало. Вообще, происходят разные изменения в обществе и народе...» («Согласие», 1994, № 1, с. 196-197).

А. Серафимович — рассказ «Клубок» (Р. Зап., № 8); очерк «На батарее» (Р. Вед., 4 авг.).

Ф. Сологуб — заметки «До Урала», «Под спудом» (Бирж. Вед., 25, 28 авг.).

Г. Чулков — роман «Сережа Нестроев» (Р. Мысль, №№ 5-8).

«Религиозное народничество», т. е. подновленное старое, — вот к чему приходит Чулков, отвергая и либеральный рационализм и одеревеневший марксизм (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], «Отцы и дети. Разлад на почве религиозных исканий», Совр. Сл., 7 окт.). «Художественно-беспомощно» изображен «длинный и скорбный путь героя к Богу», через борьбу с «дьявольски-сластолюбивым» началом (М. Левидов, Лет., 1916, № 3).

Вл. Маяковский — «О разных Маяковских» (Журн. Журн., № 17, [авг.]). «Изругав нахала, циника, извозчика двадцати двух лет, прочтите совершенно незнакомого поэта Вл. Маяковского» (цитаты из «Облака в штанах» и призыв читать «всю книгу», когда выйдет).

В этом же номере написанная в иронических тонах статья Арк. Бухова — «В защиту Маяковского (Необходимое послесло-

вие к его исповеди)»: Маяковский сделал «карьеру, безусловно самобытную и редкую»; «не успев дать ничего», он получил от сочувствующих критиков «право на литературу».

С.Н.Булгаков — «Труп красоты. По поводу картин Пикассо» (Р. Мысль, № 8). «Нездоровое искусство» Пикассо «роднится с творчеством Гоголя и Достоевского (в его “Подполье”», так как в нем выражается «воплъ ужаса пред миром, как он есть без Бога и вне Бога», однако «мистический атеизм художника... есть предпоследняя ступень к совершенной вере».

Я.Тугендхольд — «В железном тупике (По поводу одной московской выставки)» (Сев. Зап., № 7-8). «Выставка “1915 год” — настоящая вакханалия всех разновидностей футуризма». Надежда, что футуризм «развееется, как дурной сон», не сбылась: «Бурлюки и Маяковские удержались на своих позициях, Ларионов, побывав на войне, вернулся таким же». У Ларионова на портрете Н.С.Гончаровой «наклеена настоящая парикмахерская коса». «Для того, чтобы изобразить “железный бой”, он взял доску, оклеил ее кусками военных карт, бумажками от карамели и национальными флажками, прикрепил к ней детский домик в виде крепости и черные палочки, символизирующие пушки, и провел кровавые реки и горы...» «Маяковский поступил еще проще: он выставил половину своего цилиндра, свою черную перчатку, забрызгал стену черными полосами и назвал все это “автопортретом”». «Эгоизм, бесконечная самовлюбленность в свое маленькое “я” — вот тяжелый грех нашей художественной молодежи». Работы «Бубнового валета» «кажутся теперь уже пресными»: «большой ковровый проект Кончаловского, яркие, сочные фрукты Машкова, интимные пейзажи Фалька и красивые натюрморты Куприна». Есть еще хорошие вещи у Н.Альтмана, В.М.Ходасевич и, в особенности, у М.Шагала.

Н.Асеев и Г.Петников — «Леторей. Книга стихов». М.: «Лирень», 1915, тираж — 200 (была под цензурным арестом).

В предисловии «самым патетическим образом» пережевываются «до смерти надоевшие максимы покойной “Гилеи”... Стихи г. Асеева... ясно показывают прогресс стихотворца, однако было бы много лучше, если бы г. Асеев избавился от задавившего его техницизма... Г.Петников показывает приятную для начинающего технику» (С.Бобров, «Пета», сб. первый. М., 1916). «Асеев с сдержанной гордостью, знающей о существовании еще больших гордостей» (В.Хлебников. «Ляля на тигре», «Северный изборник». М. [Харьков]: изд. «Лагуны», 1918).

А.Блок сообщил Асееву 20 мая 1916 г., что «Леторей» оставил его равнодушным (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 701).

Вл.С.Соловьев — «Стихотворения». Изд. 6-е. М.: изд. С.М.Соловьева, тип. т-ва И.Н.Кушнеров и К., 1915, тираж — 2000 (значительно дополненное, с вариантами, библиогр. примечаниями, биографией, написанной С.М.Соловьевым, новым отделом «Посмертные стихотворения»).

«Шестое издание за 17 лет! Конечно, Соловьев есть признанный поэт Руси, и поэтическая его долговечность переживет и философскую, и богословскую», где он имеет лишь «местное, русское значение... бродильного начала» (В.В.Розанов, «Голос Руси», 1916, 25 апр.). Новое издание имеет «нарочитую ценность», несмотря на «упростительные и апологетические тенденции». В «многоэтажном» творчестве Соловьева «только поэзии принадлежит безусловная подлинность»; в ней все, что «пленяет и живет в Соловьеве: глубокие проникновения в ветхозаветную и новозаветную религию», «мистика любви, живая связь с отошедшими» (С.Н.Булгаков, Р. Мысль, 1916, № 2).

Сентябрь

Е.Замятин — повесть «Алатырь» (Р. Мысль, № 9).

«Молодой художник Замятин влюблен в мастерство, в стильное. Он еще не отрешился от некоторой вычурности языка, от манерности, порой грубоватой, он невольно подражает то Ремизову, то Лескову, то порой даже заставляет алатырцев дульцинировать в сологубовском стиле уездную жизнь, степную каменную бабу — Альдонсу» (В.Львов-Рогачевский, «Великое ожидание», Еж. Журн., 1916, № 1). «Алатырь — жутко реален, Окуров — красочно натуралистичен... Алатырь страшнее, он внутри нас. Окуров можно железом побудить к новой жизни» (Иванов-Разумник, «Земля и железо», Р. Вед., 1916, 6 апр.).

Ал.Н.Толстой — рассказ «Для чего идет снег» (Р. Вед., 27 сент.).

3 сентября З.Н.Гиппиус записала в дневнике: чтобы «отстоять Россию от немцев», нужна «немедленная и коренная перемена политического строя» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 253).

12 сентября И.А.Бунин пишет Д.Л.Тальникову: «Спасибо за стихи Сологуба. Приобшусь их к своей коллекции — у меня уже

немало вырезано изумительно дурацких вещей... А какая чудесная тема "о глупости в современной русской литературе"!» (Р. Л., 1972, № 1, с. 175).

Д.Тальников — «Литературные заметки» (Совр. Мир, № 9). «Нетерпение, охватившее поспешающих на пир крови корреспондентов... огромное». Один из них писал в «Речи»: «Скорей, скорей! Быть может, мы еще поспеем к штыковой атаке!» Это нетерпение людей посторонних, которые будут стоять вдали и жадно заносить в свои блокноты впечатления, — «это вам не пушинный бой, и не каждый день это увидишь...» Мало кто из современных беллетристов «ищет черточек народа на войне».

А.Ожигов [Н.П.Ашешов] — «О беллетристической мобилизации» (Совр. Мир, № 9). «Военные беллетристы решительно все близнецы... Если взять, например, жестокого немца, изнасилованную девушку, Реймский собор, Лувен, Калиш, пожары и грабежи — то этим исчерпывается вся отрицательно-трагическая сторона войны... Присоединив сюда любящую девушку или верную жену, веру, терпение и страдание, благородство, храбрость и простодушие, — вы восполните положительную сторону войны, ее красивый и манящий пафос...» «Воинственному походу российских писателей во многом содействовала фирма А.С.Суворин-сыновья, известная покровительница науки, литературы и искусства». «Во главе лукоморской армии стоит Ф.Сологуб». Его рассказ «Острие меча» — «механическая выкройка», по которой «литературные портные будут шить свои произведения».

А.Бурнакин — «Четырнадцатый год. Трибуна патриотизма» (Н. Вр., 4 сент.). Журнал «Лукоморье» — показатель национального объединения. «В литературе о войне для нас важен ее неизменный патриотизм, ее верное служение народному подъему, ее умиление перед подвигом и всяческое ее бодрое слово в духе народного чаяния...» «Теперь даже и Сологуб — не Сологуб, и Брюсов — не Брюсов. Где дряхлость и кислая меланхолия поэзии... молодо, свежо, непосредственно».

13 сентября В.Я.Брюсов пишет редактору «Биржевых ведомостей» А.А.Измайлову: «Рассказ непременно постараюсь доставить Вам и именно "военный". Ох, трудно это, — дабы не уподобиться авторам из "Лукоморья"!» (Ежегодник РО ПД. 1978. Л., 1980, с. 248).

Ив. Шмелев — «За семью печатями (В деревне)». Пг.: «Освобождение», 1915, тираж — 10000; «Карусель. Рассказы». Т. VI. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 3100.

«Это бытовая повседневность», данная в ярком и сжатом изображении. Теперь, когда беллетристика много и легко пишет об «ужасах, связанных с войной», «сдержанность Шмелева говорит только о его художественной честности» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 10, Б-фия). Автор «плодовит, но и тороплив» (А.Тиняков, «Речь», 30 ноября). При «чуткости к внешнему» Шмелев «заставляет заглядывать внутрь» (Л.Щеглова, Лет., дек.).

В. Маяковский — «Облако в штанах. Тетраптих». Пг., 1915, тираж — 1050.

«Цензурными вырезками превращенная в отрывки, — писал В. Шкловский, — притушенная, но и в этом виде огненная, вышла книга Маяковского “Облако в штанах”. Из книги вырезано почти все, что являлось политическим credo русского футуризма, остались любовь, гнев, прославленная улица и новое мастерство формы... В поэме нет... ни седых волос — старых рифм и размеров, ни старческой нежности прежней русской литературы — литературы бессильных людей» (альманах «Взял». Пг., 1915). О.Б[рик] в заметке «Хлеба!» назвал поэму Маяковского — «книга-хлеб»; до сих пор поэты кормили нас пирожными (там же). «Молодые поэты чувствуют отвращение ко всему, что видят и чего не видят... В них только раздражение, только озлобленное желание кого-то отпихнуть: “Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду!”» «Бедные озлобленные молодые поэты! Бедный читатель, желавший отдохнуть от политики!» В этой «маленькой желтенькой книжечке со странным заголовком» он найдет только ненависть (И.Игнатов, «Отдохновение», Р. Вед., 3 окт.). Это «крик отчаяния, ужас “каторжника города”... И от боли, от невыносимой муки — ненависть, отточенная, “нахальная и едкая”... Даже бунт, даже мятеж — с отчаяния... Дикая, нелепая, жестокая книга!.. Ведь настоящий, подлинный трагизм его стихов от ненужных и неумных иногда пустяков превращается в трагикомизм. Хочется верить, что настанет день, когда г. Маяковский свое нужное скажет без гримасы и буффонады» (Н.Венгров, Лет., дек.). «Футуристов упрекали в том, что за ними нет больших вещей, что их Победное Шествие — только буффонада», но вот появились две большие трагедии Маяковского, а критики — эти «исследователи могил» — не в состоянии «измерить *Живого Поэта*» (Н.Асеев, «Пета», сб. первый. М., 1916). «Прекрасная книжечка», обнаруживает большое фор-

мальное мастерство поэта. Критики «приветствовали сильную безболезненную молодость, идущую на смену неврастенической дряблости декадентства» (К.Большаков, «Второй сборник Центрифуги». М., 1916, Б-фия). «Маяковский в неслыханной вещи "Облако в штанах" заставил плакать Горького. Он бросает душу читателя под ноги бешеных слонов, вскормленных его ненавистью. Бич голоса разжигает их ярость» (В.Хлебников. «Ляля на тигре», «Северный изборник». М. [Харьков]: изд. «Лагуны», 1918).

«Щит. Литературный сборник». Под редакцией Л.Андреева, М.Горького и Ф.Сологуба. Русское общество для изучения еврейской жизни. М., 1915, тираж — 5000 (Л.Андреев, М.Арцыбашев, К.Бальмонт, В.Брюсов, Ив.Бунин, З.Гиппиус, М.Горький, С.Гусев-Оренбургский, С.Елпатовский, Вяч.Иванов, Вл. Короленко, Д.Мережковский, Ф.Сологуб, Тэффи, Ал.Н.Толстой и другие). Цель сборника — борьба с антисемитизмом. 2-е доп. изд. вышло в марте 1916, тираж — 5500. 3-е доп. изд. — 1916.

Общей чертой всего сборника «является уверенность, что ограничение прав евреев в России вредно не только для евреев, но и для всего русского народа». Лучшее в сборнике — «Мнение мистера Джаксона о еврейском вопросе» Вл.Короленко и стихотворение о Христе З.Гиппиус (А.Кратов [И.С.Книжник], «День», 1 окт.).

Октябрь

Л.Андреев — «Изгнанные из храма», «Пусть не молчат поэты!» (Бирж. Вед., 4, 18 окт.). Название второй статьи полемизирует со стихотворением З.Гиппиус «Хотелось нам тогда, чтоб помолчали Поэты о войне...» «Факт почти повального отвращения к литературе "о войне" достаточно известен... И театры не хотят ставить пьес о войне, и журналы не хотят печатать, и читатель не хочет читать». «Молчащих о войне» (Короленко) даже хвалят. Считает, что это вызвано не низким художественным качеством военных произведений, а тем, что «мещанин желает веселиться», не думая о завтрашнем дне. Создание эпоса о войне — дело будущего, сейчас главное «заключается в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко заинтересовать, потрясти, взволновать».

«Всякая война — по духу и по существу своему — есть дело не только не литературное, но и антилитературное», — возражал

А.Тиняков. — Великие произведения о войне писались много лет спустя. Лев Толстой не был современником 1812 г., Пушкин — Полтавской битвы, Лермонтов — Бородина. Л.Андреев призывает на «грозные и скорбные поля рассказчиков и стихотворцев, как будто и без его призыва литературных дел мастера недостаточно принизили звание русского писателя за время войны» («В защиту войны», «Речь», 26 окт.). С поддержкой андреевского призыва выступил А.С.Изгоев, найдя в нем «какую-то большую правду», как, впрочем, и в «прекрасных словах» Гиппиус. Хотя «самый смиренный читатель может прийти в бешенство от иных стихов или рассказов о войне», но «думать, и писать, и говорить теперь можно только о войне и для войны» («Просветы», Р. Мысль, 1916, № 1).

А.Блок — «Пляска смерти» («Старый, старый сон...»), «Двойник» («Однажды в октябрьском тумане...») (Бирж. Вед., 4, 25 окт.).

В.Брюсов — стихотворение «За картами», рассказ «Последняя любовь. Из записок вдовца» (Бирж. Вед., 1, 11 окт.).

Ф.Сологуб — «Опять из первозданной глины...» (Бирж. Вед., 25 окт.).

Ал.Н.Толстой — рассказ «Дым» (Р. Вед., 11 окт.).

А.Ахматова — «Стихотворения» («Не мучь меня больше, не тронь...», «Есть в близости людей заветная черта...», «Сколько раз я проклинала...», «Нет, царевич, я не та...», «Долго шел через поля и села...») (Сев. Зап., № 10).

Н.Клюев — «В этот год за святыми обедами...» (Бирж. Вед., 11 окт.).

Ф.Сологуб — статья «Власть мечты» (Бирж. Вед., 5 окт.). Новая литература — имеется в виду модернизм — неустанно твердила «о неизбежных антиномиях жизни, так ярко выступивших теперь в лучах мирового пожара. Было бы странно отрицать явную тенденцию новой литературы к обнажению язв и ран современности».

1 октября в помещении Лиги равноправия женщин М.Моравская прочла доклад «Поэзия миллионов людей» (о частушке). Б.Садовской назвал это выступление призывом «свести словес-

ное искусство на самую низшую ступень», «проповедью одичания поистине ужасной», хуже футуризма («Вредное чириканье», Бирж. Вед., 3 окт.).

В начале октября В.В.Маяковский пишет родным: «Я призван и взят в Петроградскую автомобильную школу, где меня определили в чертежную...» (т. 13, с. 22–23).

11 октября Л.Андреев записал в дневнике: «Та травля, которой в течение 7–8 лет подвергают меня в России, чрезвычайно понизила качества моего труда... То же сделал и театр... своими требованиями, директорами, публикой, актерами... требуя от меня все больше талантливое и ненавидя мое гениальное» (Л.Андреев. S. O. S. M.; СПб., 1994, с. 25).

13 октября в Петрограде состоялось заседание Общества редакторов ежедневных газет (под председательством И.В.Гессена, члены совета — М.М.Гаккебуш, С.М.Проппер, Б.А.Суворин, П.Е.Щеголев). Помимо петроградских, были представлены московские газеты — «Русские ведомости», «Русское слово», «Раннее утро», а также провинциальные — «Приазовский край», «Южный край», «Одесские новости» и «Киевская мысль». «Совещание единодушно признало, что положение печати представляется крайне неустойчивым и... парализует огромную творческую силу, которую печать представляет». Принято решение о преобразовании Общества во Всероссийское (Р. Вед., 15 окт.).

Петроградский Старожил [В.В.Розанов] — «Все “те же”, вечно “те же”...» (Моск. Вед., 28 июля, 13 авг., 3, 10 окт.). Главный русский радикальный журнал «Русское богатство» («Русские записки»), под руководством Короленко, Мякотина, Пешехонова, Русанова и др., продолжает революционную линию на «разбивание» заветов старой России, уклада ее истории и быта», «счастья человеческого».

Член редакции «Русских записок» А.Г.Горнфельд писал В.Г.Короленко 23 октября: «Беллетристы, набравшие у нас авансов, предпочитают не появляться, а печатаются в нововременском предбаннике “Лукоморье”. Борис Лазаревский оказался в самом “Новом времени”. — Но дело не в этом, а в том, что и научный отдел так же беден и что вокруг нас ни одного молодого живого человека. Мы живем: 1) инерцией, 2) именами, 3) моральным авторитетом, 4) отличной публицистикой. Но за всем этим — где же литература, где интерес к культурной жиз-

ни? ... Я совсем не редактор, я годился в качестве третьего — после Вас и Петра Филипповича [Якубовича], а обстоятельства выталкивают меня на первое место» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 21, ед. 37).

Горький пишет Б.Шоу, К.А.Тимирязеву, И.А.Бунину, К.А.Треневу, приглашая сотрудничать в организованном им журнале «Летопись», первая книжка которого — «на показ, для ознакомления» — выйдет в декабре (ЛЖТ Горького. Т. 2, с. 511–517). «Цель журнала — может быть, несколько утопическая — попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма» (письмо Горького К.А.Тимирязеву от 16 октября, т. 29, с. 341–342).

22 октября Иванов-Разумник пишет М.К.Лемке о «Биржевых ведомостях»: «Газета эта — хамская, хамелеонская; пусть в ней работают и “порядочные люди”, вроде Струве или толстенького Максима Максимовича [Ковалевского], да все же они никому не указ. Еще на днях “Русск. Вед.” отстегали легонько “Биржевку” и посрамили публично Тана, этого ех-радикала, у которого от умиления губы трубочкой и который ежедневно патокой испражняется в этой же “Биржевке”. Меня приглашал туда весною, по поручению редакции, Измайлов, но я ответил, что расхожусь с “направлениями” этой газеты. Хоть бы у них было одно, а то их несколько, на выбор...» (ИРЛИ, ф. 661, ед. 473).

В газете «Театр» (24 окт.) помещено интервью с Горьким, «Когда кинематограф проникнет в демократическую среду, считаясь с требованиями и вкусами народа... то его роль будет чрезвычайно высока». 30 октября в «Биржевых ведомостях» (веч. вып.) сообщалось, что Горький категорически отказался от предложения, сделанного ему московской крупной кинофабрикой, инсценировать некоторые его рассказы. «Давать свои произведения для сытых,— сказал при этом писатель,— не в моем духе».

25 октября в Петрограде, в зале Тенишевского училища, состоялся вечер «Краса» с участием С.Городецкого, А.Ремизова, С.Есенина, Н.Клюева, А.Ширяевца, С.Клычкова и П.Радимова. На вечере присутствовал А.Блок (Зап. Кн., с. 271; афиша вечера воспроизведена в книге: Николай Клюев. Письма к Александру Блоку. М., 2003, с. 352).

Л.Клейнборт — «Поэты-пролетарии (Пятьдесят сборников)» (Совр. Мир, № 10). «Что поэзия есть потребность пролетариата... вытекающая из интимных сторон пролетарского существования, показала уже рабочая пресса, продержавшаяся два года».

Л.Андреев — пьеса «Тот, кто получает пощечины». Пг.: изд. журн. «Театр и искусство», 1915, тираж — 200.

В связи с постановкой этой пьесы в театрах Петрограда и Москвы, Сергей Глаголь [С.С.Голоушев] писал: «“Тот” — это снова Человек с большой буквы и снова рядом с ним “господин”, человек с маленького “ч”. Снова столкновение личности и толпы, величия духа и пошлости. Побеждена личность. У нее отнято все, чем она жила. Человек (с большой буквы) уничтожен» (Утро Рос., 28 окт.). Пьеса «свидетельствует о подчинении андреевского театра “великому кинемо”, а не “драме интеллекта”». «На этот раз от формулы “стыдно быть хорошим” писатель приходит к другой, еще более последовательной: *если уж страдать, так страдать до пощечины...*» (Я.Тугендхольд, Сев. Зап., № 11-12). «Сколько самодовольного беспросветного хамства на Руси!» — восклицал В.Розанов в связи со скандалом в одном из литературных кружков Москвы: когда Бальмонт выступил против оплевывания публикой слабой, но «выстраданной» пьесы Л.Андреева, его выгнали из зала (Н. Вр., 10 ноября). «Комбинация разнородных трагичностей» (Р. Вед., 28 окт.). «Это сплошная “литература”», без всякой «натуры», морали, единой идеи; «проповедь морального анархизма», скрытая за «риторическими украшениями», смесь старого и нового романтизма, отголосков Ницше и Ибсена и самой «ординарной мелодрамы», но при этом «талант берет свое» в «блестящих подробностях» (Ното повус [А.Р.Кугель], Т. и Иск., № 49, 6 дек.). У пьесы Андреева «дурная пресса», но «что за масштаб мнений и суждений?» В его трагедии — «воссоздание еще живых очертаний древнего мира», «вечная история невинной души, обольщаемой вечным Осквернителем» (Ф.Сологуб, «Мечтатель о театре», Т. и Иск., 1916, № 1, 4 янв.).

Ив.Шмелев — «Знамена. В деревне». Пг.: «Освобождение», 1915, тираж — 10000; «Распад». Т. I. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 3100.

Евг.Замятин — «Уездное. Повесть». М., «Современные проблемы», 1915, тираж — 1600.

В первой книге Замятина современный быт дан в обобщенной форме. «Мы едва бы восприняли такой духовный кретинизм в

герое даже изболчивательной повести», если бы не бытовой фон повести: невежество и темнота, все еще тяготеющие над «нищей Россией» (Ф. Батюшков, «Бытовое (По поводу некоторых произведений молодых писателей)», Вест. Евр., 1916, № 6).

Н. Никандров — «Береговой ветер. Рассказы». М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 2000.

Никандров «умеет смотреть и умеет видеть», «яркая и изобразительная манера письма — бывает грубовата» (Не-Буква [И. М. Василевский], «Новые всходы», Журн. Журн., № 28). «Луч солнечного света ворвался в нашу литературную казарму» — «повеяло здоровым воздухом, бодростью... честным реализмом». В «каменном плену» «томятся, плачут, влюбляются, колотятся головой о стенку, голодают, умирают от тоски по небесам... по миражам счастья несчастные люди» (М. Чуносос [И. И. Ясинский], «Певцы каменного плена», Журн. Журн., № 31). «Этот неровный писатель... порой дает яркие, сильные страницы... Он... тоже тоскующий весельчак (как и Е. Замятин) и задыхается порой от мучительного, гневного смеха, когда описывает мешанскую, дикую, звериную жизнь, которой культура и не коснулась» (В. Львов-Рогачевский, «Великое ожидание (Обзор современной русской литературы)», Еж. Журн., 1916, № 1; см. также Е. Колтоновская, «Сон или умирание», Р. Мысль, 1916, № 3).

И. Сургучев — «Осенние скрипки» и рассказы. Т. III. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 3100.

У героев Сургучева — «изысканность ощущений», «так могут чувствовать, конечно, только поэты — ангелы, посланные на землю, как в ссылке, в наказание» ([А. М. Редько], Р. Зап., № 11, Б-фия). При «искорке таланта» у Сургучева — «приторное манерничанье тона, утомительное пристрастие к поверхностному эротизму», «нелепая итальяномания» (З. Б. [Е. А. Зносков-Боровский], «Нива», ежемес. прилож., 1916, № 6, Б-фия).

Ив. Новиков — «Между двух зорь (Дом Орембовских)». М.: изд. К. Ф. Некрасова, 1915, тираж — 1500.

В длинном романе Новикова описана «короткая ночь» перед «бурной зарей нового возрождения»; самоубийства и любовь царствуют среди молодежи, но «идейные заветы прошлого» никогда не потускнеют (А. Тиняков, «Речь», 23 ноября). «Между двух зорь» примыкает к ряду современных романов, выражающих «ликвидационное, послереволюционное настроение»; автор «является по преимуществу искателем истины, а не провозвестни-

ком ее» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., 1916, № 1, Б-фия). Автор вознамерился дать «картину разноречивых идейных течений и многообразных душевных состояний целого поколения» (А.Гвоздев, Сев. Зап., № 11-12). «Автор задался целью изобразить настроения молодежи: «отсутствие прочных устоев, ясного идеала», уравновешенного, деятельного притяжения жизни. «Рядом с нравственной растерянностью молодежи» показана «позорная инертность взрослых», но автор никого «не казнит», ему свойственно «широкое беспристрастие», не исключающее «теплого чувства к своим героям» (З.Б. [З.Д.Бухарова], «Нива», ежемесяч. прилож., 1916, № 10, Б-фия).

Игорь Северянин — «Поэзоантракт. Пятая книга поэт». М.: изд. «Наши дни», 1915, тираж — 2200.

В книгу вошли стихи 1900-1911 гг. — «обывательски скучные» и «мало чем отличавшиеся от нытья “под Надсона”, от строф “под Апухтина”»; «большая необразованность» при «экспансивном самомнении» (В.Шершеневич, Св. Журн., ноябрь, Нов. Кн.).

«Авто в облаках. Стихи». Одесса, 1915, тираж — 300 (Эд.Багрицкий, И.Бобович, Н.Воскресенская [Э.Г.Багрицкий], П.Сторицын, С.Третьяков, А.Фиолетов, Г.Цагорелли, В.Шершеневич).

«Кроме г. Шершеневича, все поэты... пока еще незнакомцы... Некоторые еще раскланиваются пред Маяковским, поют славу этому “зубру в блестящем цилиндре”, пред которым, когда он идет по улице: “Дома вытягиваются во фронт, поворачивая крыши направо”» (С.Третьяков, А.Фиолетов) (Аякс [А.А.Измайлов], «Новые позиции футуризма», Бирж. Вед., 13 окт., веч. вып.).

А.Измайлов — «Осиновый кол. Книга пародий и шаржа». Пг.: «Шиповник», 1915, тираж — 3500.

В отличие от первого сборника пародий «Кривое зеркало», в котором запечатлелся целый период литературной жизни «со своими словесными формами и бытовыми чертами», новый сборник, в основном, составляют «противонемецкие басни и рассказы», ничем не выделяющиеся из массы «демагогического, пошлого, недостойного литературного материала» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 12, Б-фия). «Пародия Измайлова всегда литературна, остроумна и внепартийна»; в книге нет шаблонности (Д.Крючков, Нов. Журн. для всех, 1916, № 2-3, Нов. Кн.).

Ноябрь

М. Горький — «В людях» (Р. Сл., 1, 8, 15, 29 ноября), с редакционной сноской: полностью будет опубликована в журнале «Летопись» в 1916 году.

М. Пришвин — «Отзвуки войны», «Дела и случаи» («Речь», 17, 26 ноября).

Ал. Н. Толстой — «Спасенный» (Р. Вед., 15, 29 ноября).

А. Блок — «О, презирать я вас не в силах...», «Современнику» («Да, так диктует вдохновенье...»), «Случайному» («Ты мне явился, темнокудрый...») (Бирж. Вед., 1, 8, 21 ноября).

Ф. Сологуб — «От кладбищенских ворот...» (Бирж. Вед., 14 ноября); «Проснусь я и думаю снова...» (Р. Мысль, № 11).

М. Кузмин — «Прямой путь» («Быть может, все гораздо проще, Действительнее там, в боях...») (Бирж. Вед., 11 ноября).

С. Есенин — «Гой ты, Русь моя родная!», «Не с буйным ветром...» (Бирж. Вед., 14, 22 ноября).

В «Журнале журналов» (№ 29) помещена анкета «Должны ли молчать поэты». А. И. Куприн: «Чтобы описать войну, поэту недостаточно видеть из своего окна — соседний брандмауэр...» Тэффи: Пусть не молчат, «если могут сказать что-нибудь». А. Н. Будищев: «Пусть поэты пишут о том, о чем им хочется писать... по команде хорошо только стрелять залпами». Е. А. Колтоновская: В «пламенной статье Андреева» «больше патриотизма, чем любви к искусству». Н. Н. Кульбин: «Голос каждого поэта... чрезвычайно важен в настоящее время в великом общем деле». И. Н. Потапенко: «Следует предпочесть, чтобы “обязательные постановления” ограничились мукой, сахаром и дровами и оставили в покое литературу». Игорь Северянин: «Нет, поэты не должны молчать в дни войны. Поэты никогда не должны молчать». А. М. Ремизов: «Говорить поэту “молчи”, и наоборот “не молчи, а пиши” — занятие пустое... Дело писания — дело совсем не лошадиное, и ни “тпру” и ни “но” тут ни к чему». Т. Л. Щепкина-Куперник: «У этой войны будет свой Толстой... но это будет много лет спустя». Петр Пильский: поэтам не нужно ни «запрещения г-жи Гиппиус», ни «Андреевского разрешения», так как они не «ротные песенники».

7 ноября З.Гиппиус сообщила В.Э.Мейерхольду, что у нее был А.Блок (заведовавший стихотворным отделом журнала «Любовь к трем апельсинам»): «Он пришел за “апельсинными” стихами, которые у меня и переписал. В них целых 40 строк, и они только что сочинены. Блок даже смутился перед такой “жертвой” “Апельсином”... однако, если уж печатать стихи, — чего я не люблю вообще, — то лучше в “Апельсинах”, чем в “Биржевке» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 455). См. «Любовь к трем апельсинам», № 4–7.

10 ноября А.Блок записал: «*Одичание* — вот слово; а нашел его книжный, трусливый Мережковский. Нашел почему? Потому что он, единственный, *работал*, а Андреев и ему подобные — тру-ля-ля, гордились. Горький работал, но растерялся. Почему? Потому что — “культуры” нет... Молодежь самодовольна, “аполитична”, с хамством и вульгарностью. Ей культуру заменили Вербицкая, Игорь Северянин и пр. Языка нет. Любви нет. Победы нет. Победы не хотят, мира — тоже. Когда же и откуда будет ответ?» (Зап. Кн., с. 277).

23 ноября И.А.Бунин писал Д.Л.Тальникову: «В Петрограде страшно людно и многие живут превесело, — рестораны, например, и театры переполнены. Видел Горького, он весь поглощен организацией своего журнала (“Летопись”)... надеюсь много печататься там. Критические обзоры будет вести некто Алданов (Ландау, автор книги “Толстой и Роллан”» (Р. Л., 1972, № 1, с. 177).

24 ноября Вл.И.Немирович-Данченко телеграфирует А.Блоку о решении Художественного театра ставить пьесу «Роза и Крест» (А.Блок. Т. 8, с. 619).

Е.Колтоновская в статье об «Ежемесячном журнале» В.С.Миролюбова подчеркивает, что именно такой журнал нужен пробождающейся деревне: он совмещает в себе газету и книгу, его научно-популярный отдел представляет собой «целую энциклопедию знаний» («Речь», 16 ноября).

Д.Философов — «Принцесса Брамбилла» («Речь», 2 ноября). Наступила третья волна увлечения Гофманом в России, на этот раз его театром и через него «комедией дель арте» (В.Э.Мейерхольд). «Откуда эта старческая любовь к реставрации? ... Сколько тут ненужной претензии, ложной эрудиции... Если уж выбирать, то, право, Маяковский лучше, моложе, культурнее, нежели эти Фирсы».

И.Игнатов — «Философские окопы» («Речь», 17 ноября). Критический отзыв о докладе Л.Шестова на заседании Психологического общества, в котором были осмеяны разум и философские притязания осмыслить историю.

Ал.Бенуа — «Направление русской архитектуры», «Продолжение спора об архитектуре» («Речь», 20, 27 ноября). «Этнографические упражнения» в «чисто-русском стиле» уступают под напором классицизма («Мир искусства», М.В.Желтовский, И.Э.Грабарь). Призывает «учиться говорить на мировом языке».

Н.Пунин — «Три художника. Рисунки Бориса Григорьева. Сапунов. Последние произведения Н.Крымова» (Апол., № 8-9, окт.-ноябрь). Талант Григорьева — «неожиданный и веселый», это «подлинный яркий рисовальщик». Сапунов — «русский эстет» с «самоуверенностью дикого гения». Крымов «в корнях своей живописи... реалист», хотя картины его похожи на сновидения, в них есть что-то вялое, медленное и сонное.

С ноября журнал «Новая жизнь» преобразован в литературно-общественный альманах, сохраняя, как сообщила редакция, «прежнее прогрессивное, внепартийное (хочется подчеркнуть: *антипартийное*) направление». В ноябрьском номере помещены произведения Л.Андреева, К.Бальмонта, И.Касаткина, С.Подъячева, Ф.Сологуба и других.

«Слово». Сб. пятый. М.: Кн-во писателей, 1915, тираж — 5200 (2-е изд. в 1916 г. — 2500). Был задержан цензурой и в продажу поступил лишь в декабре (Ив.Бунин «Господин из Сан-Франциско», Б.Зайцев «Маша», И.Сургучев «Мельница» [1-я ч.], Н.Тимковский «Неугасимая», К.Тренев «По тихой воде», Ив.Шмелев «На большой дороге»).

25 ноября Горький писал Е.П.Пешковой: «В V сборнике «Слова» никакой литературы, кроме Бунина, — нет. Сургучев катает под Ивана Алексеевича и под Леонида Андреева. Не хорошо. Тему он испортил, что жаль. Все-таки он — талантлив, но лентяй и неряха» (Арх. Горького. Т. IX, с. 175).

Критика отвела первое место рассказу Бунина: «Коротенький его рассказ вылит в такую совершенную художественную форму, исполнен такой силы и значительности, такой яркой насыщенности в каждом слове, что и ударяет по сердцу, и вызывает вместе с тем очарование той красотой, какую может создать лишь истинный мастер» (И.Джонсон [И.В.Иванов], Утро Рос., 28 ноября). Образ «Господина из Сан-Франциско» превращается

в символический. «Это — представитель той равнодушной деловой Америки, которая, наживаясь на европейской войне, исполняет заказы обеих воюющих сторон... А этот гранд-пароход... разве... не символ... европейского общества, которое беззаботно увлекалось танго, идя навстречу страшной из войн» (Л. Козловский, Киев. Мысль, 20 ноября). «В новом, весьма удачном» рассказе Бунина изображен «не человек, а единица социальных отношений». Зайцев изображает жизнь двух обездоленных женщин и дальше этого не идет. Шмелев «рисует не радости, принесенные войной человеку, нашедшему в ней свое временное призвание, а безысходное горе, разлитое ею по родине» ([А.М.Редько], Р. Зап., № 12, Б-фия). Бунин «нашел форму объективного повествования, где каждая деталь важна и ярка», в его рассказе «сильно и ярко сопоставлена спокойная пошлость шаблонного повествования со всеокрушающей важностью внезапно надвинувшейся смерти». Шмелев и Тренев дают «отзвуки войны в тылу, беглые свидетельства о тоске потерь» (И.Игнатов, Р. Вед., 2 дек.). В «Господине из Сан-Франциско», «всего двадцать семь страничек, но кажется, в каждом слове особая сила и напряженность... Это человек настоящего и будущего, образ и прообраз, сила человека и его полное разрушение» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Совр. Сл., 25 ноября; его же, Совр. Мир, № 12). Корабль Бунина «кажется символом человечества, одновременно сильного и жалкого, гордого и ничтожного, одинаково исполненного несчастья и вины, преступления и наказания». Однако не в сюжете, а «в этих долгих желанно-тяжелых, как спелые колосья, фразах» — сила бунинского рассказа (Ю.Айхенвальд, «Речь», 3 дек.). В сборниках «Слова» «почти исключительно помещаются произведения таких представителей *нового реализма*» как И.Бунин, И.Шмелев, Б.Зайцев, А.Н.Толстой и др.». В рассказе Бунина «весь наш социальный строй, вся наша культура нашла... изумительно сжатое и сильное отражение» (Ад.Б. [А.П.Пинкевич], Лет., 1916, № 1). «Проблема «нового реализма» и его отношений к «старому», правильный учет приобретений модернизма» не разрешены еще ни в критике, ни в делах молодой литературы. Эта недоконченность сказалась и в сборнике. Зайцев пишет в «мягко-грустных тонах с обычной примеренно-покорной житейской философией». Бунин снова ставит вопрос Руссо: «Куда ведет нас цивилизация?» (А.Гизетти, Еж. Журн., 1916, № 2). «Маша» Б.Зайцева «пленяет чарующей меланхолией», «редким умением показать внутренний мир души путем изображения внешнего предметного мира». «В отличие от мягких полутонов повествования Б.Зайцева, рассказ Ив.Бунина... кажется жестоким и муже-

ственно-суровым... За ним чувствуется художник, смело и открыто взглядывающийся в трагические контрасты жизни...», изображающий «ту индивидуальную силу, которая влечет человека к механической культуре» (А.Гвоздев, Сев. Зап., 1916, № 2). Книгоиздательство писателей в Москве — «настоящий оазис в современной книжной пустыне», но и его последние издания отражают общую тенденцию литературы к оскудению и обнаруживают меньшую требовательность в выборе материала (повесть Сургучева, «перегруженная реализмом»). Зайцев изображает «какие-то отбросы человечества». «Тема нового мастерского рассказа Бунина — общечеловеческая, вечная, а трактовка ее широкая и современная. Более чем когда-либо здесь Бунин в своем отчетливом, сжатом реализме возвышается до символики». «Живые злободневные очерки» Тренева и Шмелева «не являются той отстоявшейся литературой, которая желательна для сборника» (Е.Колтоновская, «Сон или умирание», Р. Мысль, 1916, № 3). «Господин из Сан-Франциско» — самое сильное произведение этого художника и всей русской литературы за последние 10 лет; оно заставляет искать аналогии с Толстым: «социальная несправедливость проявляется нравственной тупостью, а нравственная тупость ведет с неизбежностью к бессмысленной гибели аристократического существования, — характерная для толстовского миропонимания схема...» В отличие от Толстого, в обрисовке бунинского героя отсутствует конкретность (А.Дерман, «Победа художника», Р. Мысль, 1916, № 5). «Будь живы Златовратский и Засодимский... они тоже похвалили бы» этот сборник, так как «молодые таланты целиком вернулись к ним, старикам, и их методам» (А.Измайлов, Бирж. Вед., 7 дек.).

Б.Садовской — «Полдень. Собрание стихов. 1905-1914». Пг.: «Лукоморье», 1915, тираж — 1200.

Б.Садовской пишет «под Брюсова», несмотря на недавний антибрюсовский памфлет. Поэт в нем «безвременно погиб от симбиоза» со стилизатором и критиком, «враждебным всему новому» (В.Пяст, «День», 4 дек.). Сборник подводит итог десятилетней поэтической работе; в нем «нет попыток сказать новое и по-новому, поэтическая традиция — его надежная крепость» (Вл.Ходасевич, «О новых стихах», Утро Рос., 1916, 30 янв.). «Вся поэзия Б.Садовского представляется нам именно этим самоваром [“Страшно жить без самовара...”], близ пара которого любит греться душа, испуганная и замерзающая в холодных дыханиях небытия» (К.Липскеров, Р. Вед., 1916, 10 авг.). Собрание почти всего, написанного Садовским, выглядит «прилично и неинтересно». Его принято считать модернистом, но «мы видим

старательного подражателя Полонского, Грекова, Щербины — и отчасти Фета» (Г.Иванов, «О новых стихах», Апол., 1916, № 6–7). Садовской поет свои «чисто-лирические песни», не стремясь «к новым формам для чувства и мысли», «лишен мистических прозрений, запредельных взлетов... Отношение его к смерти узко, одногранно, слишком и только человечно» («Нива», ежемес. прилож., 1916, № 5, Б-фия).

М.Кузмин — «Венецианские безумцы. Комедия». Рисунки С.Судейкина. М.: изд. А.М.Кожебаткина и В.В.Блинова, 1915, тираж — 555; «Тихий страж». Роман. Собр. соч. Т. 7. Пг.: изд. М.И.Семенова, тираж — 3100.

«Рисунки г. Судейкина прекрасны, а комедии г. Кузмина, по совести говоря, могло бы и не быть» (В.Ходасевич, Р. Вед., 4 ноября).

Н.Н.Евреинев — «Театр для себя», часть 1. Рисунки Н.И.Кульбина. Пг.: изд. Н.И.Бутковской, 1915, тираж — 1920.

По существу, «мало прибавляет к предыдущему opus'у автора "Театр как таковой"». Перед нами развивают мысли о "театрокрации"... о жизни как о сплошном спектакле» (Ю.Айхенвальд, Утро Рос., 5 дек.). «В наши дни театр занял исключительное положение среди других искусств». По Евреиневу, этот напряженный интерес к театру — «есть только частное проявление общей метафизической воли к театру». «Стремление человечества к истине и правде оказывается пустым недоразумением»: «человеку нужна не истина, а театр» (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, «Откровения о жизни и театре», Р. Зап., 1916, № 3). Автор «выключил театр из области не только литературных, нравственных и социологических оценок... но и определений эстетических». Хочется спросить этого «талантливого российского гасконца»: «Не упразднен ли "театром для себя"... с таким трудом обретенный "театр как таковой"»? (А.Левинсон, Сев. Зап., 1916, № 3). «Крикливая, вздорно-притязательная, невежественная книжка» Евреинова «сокрушает слишком узкие для него рамки самого понятия о театре...» Цель его — «нашуметь, нагреть, бросить пыль в глаза, одурачить, кого можно» (Л.Гуревич, «Речь», 1916, 6 июня).

Аполлон Григорьев — «Стихотворения». Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М.: изд. К.Ф.Некрасова, 1916, тираж — 1500 (Со статьей Блока «Судьба Аполлона Григорьева»).

«Высокая честь поднять Григорьева из гроба», не давшаяся Н.Н.Страхову, принадлежит новому поколению в лице редактора издания В.Ф.Садовника (В.Ветлугин [В.В.Розанов], «Колокол»,

1916, 26 февр.). Выпускать такие книги — значит «положить гряды российской критики, заросшие лебедой и всякими отравками, и пустомельством» (В. Розанов, Н. Вр., 23 апр.). Книга воскрешает яркую личность «последнего романтика», но Григорьев — «не поэт», не художник. Интересную статью Блока портит излишне полемический тон и поверхностное сравнение идей А. Григорьева с идеями В. Розанова (Ю. Айхенвальд, «Речь», 16 ноября). Предисловие-биография начертаны «уж слишком импрессионистически», и основные мысли А. Блока «остаются неясными». Ап. Григорьев — «вовсе не поэт», а типичный критик; ему не хватало «силы самосредоточения» (П. Перцов, «Поэзия критика», Н. Вр., прилож., 12 дек.). Книга, «составленная со всею тщательностью ученого аппарата», «все-таки главным образом» — вызов Блока инакомыслящим, при этом весь подход к творчеству Григорьева «насквозь пропитан отрешением от только эстетических критериев», стремлением совместить «Шекспира» и «сапоги», завершив «столетний спор русского разума» (В. Пяст, «Поэт о критике», «День», 1916, 14 янв.). «Чрезвычайно интересная вступительная статья Блока... написана очень лично и представляет чрезвычайно ценный документ не только для характеристики творчества и мировоззрения Ап. Григорьева, но также как изложение взглядов самого автора статьи» (В. Жирмунский, Сев. Зап., 1916, № 2). В статье нет «никакой объективности», только «торопливая злоба» и «легкомысленный суд над современниками Григорьева и своими собственными»; «подлинный, исторический Ап. Григорьев был смутен, слаб, недоделан, «никакой “травли” на него не было» — здесь Блок «прихватывает В. Розанова». «Не Белинские и Чернышевские требовали... волевого выбора пути», а жизнь и история. Григорьев не пошел «на выбор и на жертвы» и погиб. «Будем ждать», что Блок «убежит от “соблазнительной” судьбы Ап. Григорьева» (З. Гиппиус, альм. «Огни», Пг., 1916). «Руководящая статья» Блока, «как слишком субъективная, вообще не подлежит серьезной историко-литературной оценке», в выборе фактов в ней царит «лирический беспорядок», но она характеризует «взгляды и психологию самого пишущего»; его рассказ «не лишен яркости и колоритности, но выпады... против русской интеллигенции являются совершенно неуместными, а задорно полемический тон... производит неприятное впечатление» (И. Н. Розанов, Гол. Мин. 1916, № 5-6). Редакторская работа Блока была «нелегка и заслуживает признательности... Лирика Григорьева теперь перед нами». «Безобразный привесок полемических, азартных выпадов портит отчасти» вступительную статью, «верно и местами красиво» определяющую черты «исключительно неустроенной... природы Григорьева» (Ч. В. [В. Е. Чехихин-

Ветринский], Вест. Евр., 1916, № 1). «Едва ли не самое замечательное явление в области литературной прошлого года»: тщательная подготовка текста, «хороший, на совесть, комментарий», «дельная вступительная статья» о «последнем романтике» (В.Княжнин, Р. Мысль, 1916, № 5).

5 декабря З.Н.Гиппиус писала Блоку: «Мы — в самом деле *сегодняшние* Аполлоны Григорьевы, и сегодня не можем сплошь отрицать Белинского и Чернышевского в их абсолютной, в истории переломленной, в личности отраженной, правде» («Блоковский сборник». IV. Тарту, 1980, с. 200).

Декабрь

М.Горький — «В людях (отрывки)»* (Р. Сл., 6, 13 дек.); «Воспоминания (На Чангуле)», «В театре» (Киев. Мысль, 11, 13 и 25 дек.).

Б.Зайцев — рассказ «Земная печаль» (Вест. Евр., № 12).

Ив.Шмелев — «Суровые дни (В деревне)» (Сев. Зап., №№ 1, 10-12).

«Очерки Ив.Шмелева написаны о жизни в глубоком тылу, но они лучше всего, что написано о войне, помогают разобраться в происходящем... Там, на далеких полях, — мертвые тела. Здесь — новые побегии жизни!» (В.Львов-Рогачевский, Еж. Журн., 1916, № 1).

25 декабря рождественские газеты широко печатали стихи и прозу.

В «Русском слове» — поэма А.Блока «Соловьиный сад», стихи Ив.Бунина, Д.Мережковского, Вяч.Иванова, Ю.Балтрушайтиса, С.Городецкого, И.Северянина и др.

В «Биржевых ведомостях» — рассказы и очерки: Ив.Бунин «Прокаженный», Л.Андреев «Состязание с Орфеем», А.Ремизов «На птичьих правах», Ф.Сологуб «Солнышко», Ив.Шмелев «Веселый», К.Тренев «В родном углу», В.Брюсов «Кама-шутра», Тэффи, стихотворения А.Блока «Над Варшавой» [отрывок из поэмы «Возмездие»], Д.Мережковского, З.Гиппиус, И.Рукавишников, М.Волошина, Н.Клюева, С.Есенина, М.Шагинян и др.

В «Утре России» — «Гоголь-Моголь» А.Куприна, «Сказка дочери гробовщика» Ф.Сологуба, «Мои анекдоты (Листки из "Мо-

* Второй отрывок, под названием «Герой», включен в сборник «Ералаш и другие рассказы» (Пг., 1918).

их записок») Л. Андреева, стихотворения А. Блока, переводы В. Брюсова и др.

В «Русских ведомостях» — рассказы Ал. Толстого «Невеста», А. Серафимовича «Сватовство», переводы В. Брюсова и др.

В «Речи» — воспоминания Ал. Бенуа «Елка», рассказы Б. Зайцева «Враги», М. Пришвина «Цепочка Иисусова», А. Ремизова «Исаич» и др.

А. Блок — «Пляска смерти» («Вновь богатый зол и рад...») (Р. Мысль, № 12); «Забывшие тебя» (Еж. Журн., № 12).

Н. Минский — «Лики войны (Современная мистерия)» (Вест. Евр., № 12).

А. Ахматова — «Стихотворения» («Широк и желт вечерний свет...», «Как невеста получаю...», «Выбрала сама я долю...») (Р. Мысль, № 12); «Воспоминания» («Тот август, как желтое пламя...») (Бирж. Вед., 20 дек.).

Н. Гумилев — очерки «Записки кавалериста» (Бирж. Вед., 1, 3 февр., 3, 19 мая, 3, 6 июня, 9 окт., 1, 4, 22 ноября, 13, 22 дек.).

1 декабря В. Маяковский делает доклад о футуризме и читает новую поэму «Флейта-позвоночник» в обществе близких людей, собравшихся на квартире художницы Н. И. Любавиной. Среди присутствующих — Горький (Катанян, с. 114—115).

В «Биржевых ведомостях» (5, 6, 8 дек., веч. вып.) помещены ответы писателей на вопрос: «Следует ли авторам отвечать критике?» «Критика, в большинстве случаев, умеет сказать мало соответствующего о произведении, — отвечал А. Блок, — художник может вступить в переговоры с критиком», но лучше воздержаться. Д. Мережковский предпочитает не возражать критикам. А. М. Ремизов, считает, что можно, но не стоит. Ф. Сологуб, Тэффи, Ан. Чебогаревская отстаивают право писателя на самозащиту. 17 декабря газета поместила памфлет Л. Андреева «В защиту критики», а затем, 31 декабря, возражение М. О. Гершензона «Видение поэта», утверждавшего, что тот род, на который напал Л. Андреев, не есть критика, а «дурного тона публицистика по поводу художественных произведений».

8 декабря в Новой аудитории Политехнического музея состоялся вечер И. А. Бунина. Вступительное слово произнес

Н.Я.Абрамович. Затем Бунин прочел отрывки из своих последних произведений. С чтением бунинских вещей выступили М.Н.Германова и А.И.Южин (Р. Вед., 9 дек.). Речь Н.Я.Абрамовича была напечатана в «Новой жизни» (№ 12): писатель охарактеризован как «чистый художник, служивший и богу правды, и нашим гражданским чаяниям». И хотя в его деревенских рассказах есть «уклон к выявлению трагического начала», «его рисунок, смелый, искренный, нужнее, чем сладкая идеология сентиментального народничества».

12 декабря в Петрограде состоялось заседание Общества ревнителей художественного слова. Первая часть заседания была посвящена собеседованию по общей теории стихосложения, в котором приняли участие Вяч.Иванов, Ф.Ф.Зелинский, Е.В.Аничков, Н.В.Недоброво (Апол., 1916, № 2). Исходной точкой послужила статья В.Чудовского «Несколько мыслей к возможному учению о стихе (С примерным разбором стихосложения в первой главе "Евгения Онегина")» (Апол., № 8-9).

12 декабря состоялось первое общее собрание Русского общества для изучения еврейской жизни (учредители И.И.Толстой, Д.Н.Овсянко-Куликовский, А.В.Карташев). Был заслушан доклад Горького о задачах нового общества. В Совет избраны: Л.Н.Андреев, Л.В.Бернацкий, М.Горький, Н.И.Кареев, А.В.Карташев, А.М.Калмыкова, И.И.Толстой, В.И.Семевский, Д.Н.Овсянко-Куликовский («День», 13 дек.).

Комитет Общества «составлен из русских шабесгоев-прислужников и хвалителей еврейской саранчи» (С.Бельский, «Русское общество для прославления евреев», Моск. Вед., 19 дек.).

18 декабря вышел первый, декабрьский, номер журнала «Летопись». В объявлениях, появившихся в «Русском слове», сообщалось, что журнал издается при ближайшем участии Горького (изд. А.Н.Тихонов). В течение 1916 г. в нем будут напечатаны «Дневники» Л.Толстого (в извлечениях) и повесть Горького «В людях», а также произведения Ив.Бунина, Ив.Вольного, Г.Гребенщикова, Евг.Замятина, М.Пришвина, К.Тренева, Е.Чирикова, Ив.Шмелева. В журнале имеются следующие постоянные разделы: «Литература и искусство» (М.Алданов, Е.Браудо, М.Горький, А.Левинсон, А.Луначарский, В.Переверзев, А.Серебров, В.Фриче, Б.Эйхенбаум и др.); «Иностранная жизнь» (М.Урицкий, А.Коллонтай и др.); «Внутреннее обозрение» (Ю.Стеклов, И.Степанов, Н.Суханов и др.); «Наука и философия» (К.Тимирязев, А.Богданов, В.Базаров, П.Юшкевич,

А.Пинкевич и др.); «По России. Быт провинции» (Е.Адамов, В.Войтинский, Вяч.Шишков и др.).

В декабрьском номере были помещены стихотворения Ив.Бунина «Слово», «Поэту», «Шестикрылый», «Дневник» Л.Н.Толстого с предисловием А.М.Хирьякова «К истории великого сердца», М.Горький «Воспоминания» («Светлосерое с голубым», «Книга», «Как сложили песню», «Птичий грех»), Ив.Вольнов «Круги жизни», стихотворения М.Герасимова «Ночной бой», «Аргона», «Шампань», «Весна», статьи: М.Горького «Две души», В.Базарова «Единство культуры и национализм», А.Пинкевича «Писарев и естествознание», А.Хирьякова «В лаборатории Л.Н.Толстого», А.Аврамова «Скрябин», письмо в редакцию «Нужны ли убеждения?» (Направлено против оборонцев во главе с Г.В.Плехановым, в связи с его брошюрой «О войне»). Имелось специальное примечание о статьях, не вошедших в книгу «по независящим обстоятельствам».

«Только что вышла... книга нового ежемесячного журнала "Летопись", — писали "Биржевые ведомости" (20 дек.), — вызвавшего уже анонсом известное ожидание в литературных кругах, главным образом в силу обещания "ближайшего участия" в нем М.Горького. По внешнему виду более всего примыкает к «Русскому богатству», то есть «Русским запискам»: «если это не сын и отец, то близкие родственники». «Ближайшее участие Горького сказывается не только в том, что здесь он делает два выступления... но рука его явственно лежит на всем журнале... Все говорит за власть над новой редакцией старых идеалов борьбы за демократию, за демократизацию науки, за уничтожение "гибельного разрыва между трудом мозга и трудом мускулов"».

В.Розанов назвал новый журнал «литературной провокацией»: «патриотическое название», могущее привлечь читателей, не соответствует содержанию и духу — «разрушительному», анти-русскому, прогерманскому и проеврейскому; об этом говорит и программная статья Горького «Две души», где он отказывается от самобытной «восточной души» (Н. Вр., 1916, 29 янв.). Новый журнал демократии, «оснащенный именами марксистов и с Горьким в виде горделиво возвышающегося... флагштока, позволяет себе — устами анонима — характеризовать основоположника русского марксизма Плеханова, как помезь Фирса и Смердякова» (А.Потресов, «Моральное босячество», Еж. Журн., 1916, № 1).

А.Блок писал Ан.Н.Чеботаревской 27 декабря: «Журнал Горького не производит на меня гадкого впечатления. Я склонен относиться к нему очень серьезно... Вы пишете, что журнал этот "против всего, что нам дорого", например — против "мечты". Я

думаю, что Вы меня совсем не знаете; я ведь никогда не любил “мечты”... Я даже ненавижу “мечту”, предпочитаю ей самую серую действительность». На ответном письме Ан.Чеботаревской Блок сделал пометку: «Нельзя так говорить об авторе “Фомы Гордеева”, “Троих”, “На дне” — недостойно. Не отвечу» (т. 8, с. 451 и 618).

Шум, вызванный статьей Горького «Две души», совершенно заслонил впечатление от его художественных произведений, помещенных в «Летописи». Лишь А.Волынский отметил эти «миниатюры», «совершенно без налета бури чувств, с какою мы встречались в других рассказах Горького». Чаще всего перед глазами зрителя протокол, экспрессивность проявляется только тогда, когда Горькому «хочется показать бедноту и рвань в романтическом ореоле» (Утро Рос., 1916, 2 янв.). Однако в другой статье Волынский писал о философском невежестве Горького (Бирж. Вед., 1916, 25 февр.).

Полемика с Горьким долгое время занимала русскую печать; голоса, прозвучавшие в поддержку Горького, были единичны. Так М.Лиров [М.С.Литваков] писал: если Горький первого периода утверждал, что «В начале было Слово», Горький второго периода говорил: «В начале был Разум», то теперь он проповедует: «В начале было Действо» и «выступает вдохновенным борцом за действительную культуру» (Киев. Мысль, 25 дек.). В интересной по содержанию книжке нового журнала «Летопись» выделяется статья М.Горького «Две души», однако думается, что такому «самобичеванию» нужно предпочесть признание за Востоком неизмеримо большего участия в культурной работе человечества (Арс.Мерич [А.Ф.Даманская], Утро Рос., 22 дек.). С возражениями выступил Н.Бердяев: «Отрицание России и идолопоклонство перед Европой — ...очень русское, восточное, азиатское явление». У Горького «наивная метафизическая вера» в разум, «ничего общего не имеющая с исследующей положительной наукой». «Самобытная творческая активность, созидаящая новую культуру», может возникнуть лишь на религиозной почве («Азиатская и европейская душа», Утро Рос., 1916, 8 янв.). «Летопись» — журнал «с тягой к обличениям... самооплевыванию, уничтожению своего, родного за счет иноземного». «Неужели... можно без натяжки обвинять современных японцев в склонности к лени и праздности, а современных западных лацарони в чрезмерно интенсивном культурничестве?» «Без любви к России настоящей... нельзя строить Россию будущую» (Ан.Чеботаревская, Утро Рос., 1916, 9 янв.). Горький как публицист избирает Запад, как художник — изображает Восток (И.Игнатов, Р. Вед., 1916, 20 янв.). «Когда М.Горький от своих воспомина-

ний перейдет к новым впечатлениям жизни... он отрешится от духа уныния, который царит в его публицистике и в его последней статье, а главное, приблизится к цельности» (В. Львов-Рогачевский, *Еж. Журн.*, 1916, № 1). Л. Андреев упрекает Горького в «беспросветном пессимизме» по отношению к русскому народу, а «Летопись» — в «некой пассивной созерцательности», «готовности смотреть и записывать, но отнюдь не творить». И не случайно большое место отведено Л. Толстому, поклоннику буддизма и Востока («О “Двух душах” М. Горького», *Совр. Мир*, 1916, № 1). Е. Чириков выступил в основном против статьи «Нужны ли убеждения?», но нашел место и для полемики с Горьким, приведя высказывание некоего рабочего «Ивана Сознательного» о «поругании» русского народа («Неразбериха», *Совр. Мир*, 1916, № 1). «К сожалению, сквозь очки партийности русская жизнь уже давно рисуется Горькому в уродливых очертаниях, оценивает ли он ее по-своему положительно или отрицательно» (С. Кондурушкин, «Чужой ум», «Речь», 1916, 3 мая). «С мрачной решительностью отрекся вдруг Горький от себя и от народа, погрузился в беспросветную тьму бесплодного отрицания» (С. Д. Лобанов, *Еж. Журн.*, 1916, № 3). «Художественные подьемы» Горького чередуются с его «публицистическими падениями». Крупный художник в «Детстве» и «В людях» не обвиняет русский народ, а дает оправдание и объяснение (Иванов-Разумник, «Земля и железо», *Р. Вед.*, 1916, 6 апр.). В. В. Розанов находил, что статья Горького, может быть, и содержит истину, но несвоевременную в этот исторический час («Из предвидений Достоевского о германизме и борьбе с ним», *Н. Вр.*, 1916, 30 июня).

В. Я. Шишков писал В. С. Миролубову 28 февраля 1916 г.: «Похоже на то, как будто Горького подкарауливали» и при случае «гурьбой набросились, словно на цыгана мужики». Но «ведь не зря же он облаял с плеча все русское. Очевидно, наболело у него, разлилась духовная желчь... углядел в русской жизни что-то сонное: дремлет Русь — вот-вот закроет глаза и захрапит на всю Европу, как китайский дракон. А ежели спит — будить надо. А как? Размахнулся и саданул кулаком по уху: “Вставай, бабка! оглянись, что ты есть и чем должна быть”. Конечно, удар кулаком — прием слишком энергичный — но он произведен любя: не самооплевывание это, а порыв скальпелем данного ему дара вскрыть нарыв любимой Родины. Ну, ошибся, увлекся, через край хватил. Конечно, можно и должно спорить, выяснять, доказывать, но без злорадства...» (*Лит. Арх.* Т. V, с. 248).

И. А. Бунин в интервью, данном корреспонденту «Одесских новостей» (1916, 26 апр.), сказал: «“Две души” Горького инте-

ресны с точки зрения общественной, публицистической... На мой взгляд Горький не сказал ничего особенно резкого, ничего обидного и ничего такого, что прежде не говорилось. Горький призвал к активности, сказал, что у нас много этой восточной инертности. Будем деятельны... Что тут оскорбительного для русского народа? Или враждебного? Из обидившихся литераторов некоторые наговорили многое, не относящееся к делу».

9 марта 1916 г. Горький писал В. Брюсову: «Радует меня и то, что Вас интересует вопрос, задетый мною в статье “Две души”, — я считаю вопрос этот глубоко важным... Я знаю, что статья написана неумело и что вообще публицистика — не моя работа. Я чувствую лучше, чем говорю и делаю, — несчастье многих» (т. 29, с. 354).

К. Арсеньев — «Пятидесятилетие “Вестника Европы” (1866–1915)» (Вест. Евр., № 12). Долгий срок для периодики, кроме «СПб-» и «Московских ведомостей», «застрахованных от смерти принадлежностью их казенным учреждениям», — большая редкость. За черту полувека переступили лишь «Русские ведомости». «Вестник Европы», со дня основания 43 года возглавляемый М. М. Стасюлевичем, всегда занимал положение центра между правыми и левыми органами печати.

Другую точку зрения высказал Вологжанин [В. В. Розанов]: 50 лет, из месяца в месяц, «Вестник Европы» «перекрашивал» и «денационализировал» русского образованного человека, формируя русскую интеллигенцию, «неделовую и говорливую» («Юбилей», Утро Рос., 1916, 23 янв.).

А. Б. Дерман — «В. Г. Короленко (По поводу выхода IV и V т. т. “Очерков и рассказов”)» (Р. Мысль, № 12). Короленко необыкновенно популярен в России, «каждое слово его пользуется большим весом, к нему не только прислушиваются, но его прямо ждут порой, как морального лозунга минуты или как моральной формулы». Но при этом «своей замечательной публицистикой и громадной общественной деятельностью он заслонил художника, отвлел от него внимание». Короленко-художник «находит и открывает для других в душе простых русских людей элементы, способные на саморазвитие, на борьбу за честь личности, за ее лучшее будущее».

Ф. Сологуб — «Искусство наших дней» (Р. Мысль, № 12). «Освобождаясь от власти публицистических тенденций и от власти самой жизни, искусство не становится... антиобщественным и аморальным», если сохраняет «правдивость и искренность».

Всякое «большое искусство» символично в своей основе и свободно, в отличие от натурализма. Новое искусство прошло три стадии: космический, индивидуалистический и демократический символизм. Искусство религиозно, оно «идет впереди жизни, и требует от нее творческого подвига».

А. Гизетти — «Три души (Стихотворения Н. Львовой, А. Ахматовой, М. Моравской)» (Еж. Журн., № 12).

У Н. Львовой — душа, «надломленная современностью». У А. Ахматовой — «городская нервная, сложная душа», пришедшая к «покорности судьбе и смерти», к «оправданию *всего*». В душе М. Моравской живет «социальное чувство», «связь с человечеством», но в ее стихах много сентиментального, приторного, поверхностно-публицистического.

Ан. Чеботаревская — «В защиту “военной” литературы» (Бирж. Вед., 4 дек.). Вчерашние «общественники» М. Неведомский, Д. Мережковский, В. Кранихфельд упрекают художников Сологуба, Л. Андреева, Гумилева, Кузмина, Ремизова, И. Северянина, Вяч. Иванова, В. Брюсова и других за «тенденциозность, национализм», «уклон к патриотизму и германофобству». «Самый великий грех — это “молчалинство” и умывание рук в том великом деле народной обороны, ради которого льются ручьи крови и потоки слез».

Ал. Ожигов [Н. П. Ашешов] — «Литература, молчание и барабаны» (Совр. Мир, № 12). «Несмотря на ясное и умное отношение русской читающей массы к военно-словесному потоку, у нас недавно разгорелся спор о том, молчать ли поэтам и художникам о войне». В «Биржевых ведомостях» напечатаны статьи Л. Андреева «Пусть не молчат поэты!» и Ан. Чеботаревской «В защиту “военной” литературы». Л. Андреев выступал против гражданского бездействия. «Можно ли, в самом деле, в отрицании военной поэзии и прозы г. г. Сологубов, Лазаревских, С. Городецких и Слезкиных видеть проявления “мещанства, которое хочет веселиться”. “Шашками забросайство” и зоологический национализм, насилие над правдой (при непосредственной помощи военной цензуры) — вот характерные черты современных военных “врипортажей”».

А. Ростиславов — «О выставке футуристов» («Речь», 25 дек.). На последней выставке на Марсовом поле определенная грань отделяет футуристов от новейшего течения — супрематизма (К. Малевич, И. Пуни, К. Богуславская, О. Розанова и др.). «Очень даровитый в “обыкновенной” живописи», В. Татлин за-

нят «идеализацией машины». В целом впечатление «хаотического брожения» в современной живописи.

Россий [А.М.Эфрос] — «Союз русских художников» (Р. Вед., 22 дек.). «Дружба с землей», верность «живому лику России» послужила «Союзу» «редкостную службу»: во времена окопов и ошестинившейся проволоки их искусство не стало жалким и неуместным. На новой выставке, кроме мастеров русского пейзажа (К.Коровин, В.Переплетчиков, Н.Крымов, С.Малютин и др.), выставлен портрет А.Ахматовой О.П.Делла-Вос-Кардовской.

27 декабря В.Г.Короленко пишет Б.А.Лазаревскому: «Я совершенно не согласен с Вашим беллетристически-высокомерным отношением к газетам. Я лично с самого своего выступления на литературном поле работал и в газетах... Поэтому большинство "газетных листов я беру в руки" не только "без усмешки", но и с серьезным интересом: они меня интересуют, волнуют, вызывают сочувствие или возражения» (Избр. письма. Т. 3. М., 1936, с. 235).

В.Ф.Ходасевич пишет в конце декабря С.В.Кисину о том, что к довоенной «счастливой жизни» мы вернемся «совершенными банкротами»: «Погиб социализм, бессильный и в идейном и в фактическом смысле, допустивший развитие... капиталистической войны. Погиб и индивидуализм: подпольный человек... отправился вместе с организованным на фронт... Значит, есть какие-то силы, благословенные или проклятые, которых мы не знали» (De Visu. 1993, № 2, с. 33).

В 1915 г. В.Хлебников написал статью «Мы и домá (Мы и уличетворцы. Кричаль)» о современном и будущем городе: «Современные дома-крысятники строятся союзом глупости и алчности», их «мрачный быт» «очень мало отличается от быта одиночного заключения». «На пороге его [города] красоты стоят трубы заводов». В будущем жители «отдельных улиц объединятся в товарищества на паях» с правами «уличетворцев» и заменят «грязный ящик улицы одним прекрасным улочертогом» наподобие древнего Новгорода (В.Хлебников. Творения. М., 1986, с. 595-602).

М.Горький — «Пожар и другие рассказы», [Собр. соч.]. Т. 16. Пг.: «Жизнь и знание», 1915, тираж — 10400; «Сказки» [«Сказки об Италии»], [Собр. соч.]. Т. 17. Пг.: «Жизнь и знание», 1915, тираж — 10400.

Рассказы шестнадцатого тома относятся к переходному времени: «намеренная сдержанность в описаниях, желание не доказывать, а показывать, стремление послужить не только “злобе дня”, но и более длительным и спокойным интересам искусства». «Сказки» ярче рассказов, это — «книга светлая и отрадная» (А.Тиняков, «Речь», 21 дек.).

А.Ремизов — «Укрепя. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе». Пг., 1916, тираж — 2600.

«Клады, черти, оборотни, ночь под Ивана Купалу, живая вода, Никола-угодник, цари и царевичи, святые пустынники, Божии угодники, Баба-Яга — весь этот классический репертуар русской народной сказки не приобретает значительности под пером Ремизова». «Скорбь о грешной России легче находит себе художественное выявление, нежели гордость “святой Русью”» (М.Левидов, Лет., 1916, № 2).

Альманах «Взял. Барабан футуристов. Декабрь 1915». Пг., 1915, тираж — 640; с передовой статьей В.Маяковского «Капля дегтя (Речь, которая будет произнесена при первом удобном случае)», первой частью поэмы «Флейта-позвоночник» и стихотворением «Вам, которые в тылу!» [«Вам!»]. «Футуризм мертвой хваткой ВЗЯЛ Россию... — провозглашал Маяковский... — Футуризм умер, как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением... Первую часть нашей программы — разрушение мы считаем завершенной. Вот почему не удивляйтесь, если сегодня в наших руках увидите вместо погремушки шута чертеж зодчего...» В статье В.Хлебникова «Предложения» значились пункты, имеющие определенный антивоенный смысл: «Учредить для вечной непрекращающейся войны между желающими всех стран особый пустынный остров, например Исландию (прекрасная смерть)». «В обыкновенных войнах пользоваться сонным оружием (сонными пулями)». В альманахе были стихотворения В.Каменского, Б.Пастернака, Н.Асеева.

«Футуризм умер», — заявил единственный талантливый его представитель Маяковский, но при этом делает такие оговорки, которые «оправдывают нашу прежнюю интуитивную ненависть к футуризму» (Антон Крайний [Э.Н.Гиппиус], «Литературное “сегодня”», Утро Рос., 1916, 2 апр.).

«Земля». Сб. семнадцатый. Моск. кн-во, 1915, тираж — 10000* (М.Арцыбашев «Женщина, стоящая посереде», Е.Чириков «Волжские сказки», И.Рукавишников «Убийство»).

* По «Книжной летописи» проходит 7-14 января 1916 г., что означает цензурную задержку.

Арцыбашеву «вообще обеспечена читательская аудитория, потому что порнографию все бранят, но почти все интересуются ею. Правда, ее ждут не от искусства, но творец “Санина” к искусству мало и принадлежит». Е. Чириков вносит в наивный фольклор «налет публицистики» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 28 дек.). «Какие бы катастрофы ни обрушились на мир», Арцыбашев занят «проблемой пола» (Е. Колтоновская, «Сон или умирание», Р. Мысль, 1916, № 3). Арцыбашев продолжает вариации «Санина», однообразные и монотонные. В противовес ему рядом помещены «простые и безыскусственные» типы Чирикова. В «надрывном и больном» рассказе Рукавишникова предстает искусственная психология (А. Ожигов [Н. П. Ашешов], Совр. Сл., 30 дек.). Сборники «Земля» имеют сбыт как «послеобеденное чтение», но «всякая духовная связь их с читателем навсегда порвана» (Д. Волков, Лет., 1916, № 1).

М. Кузмин — «Сети. Стихи». Собр. соч. Т. 1. Пг.: изд. М. И. Семенова, 1915, тираж — 1450.

Сборник «Критика о творчестве Игоря Северянина». М., 1916. Собрал С. Бобров (Статьи В. Брюсова, С. Боброва, Антона Крайнего [З. Н. Гиппиус], Иванова-Разумника, А. Амфитеатрова, А. Измайлова и др.).

В течение года, приложениями к журн. «Нива», вышло полн. собр. соч. И. А. Бунина в 6-ти томах. СПб.: А. Ф. Маркс, 1915, тираж — 200000.

Итоги литературного года

«В первые месяцы войны невоенные темы почти исчезли со страниц книг и журналов», «затем произошла “эмансипация” литераторов от военного настроения, возвращение к обычным темам и нормам». Этот «прилив и отлив в области милитарных тем и настроений имел характер общественный, а не узко литературный. Изменился колорит литературы: «Если раньше преобладал мотив восторженного умиления» (сборник «Клич»), то теперь возник «суровый мотив скорби и тоски по бесчисленным и разнообразным физическим и моральным жертвам войны», отрезвление пришло от «военных и внутригосударственных фактов в их совокупности». В деятельности Горького (сборник «Щит», журнал «Летопись») «все яснее и ярче вырисовывается забота о том, «как и чем помочь людям» (А. Дерман, «Литературно-общественные черты минувшего года», Юж. Вед., 1916, 1 янв.).

Период «напускного пафоса» прошел, «теперь мы опять вступили в полосу какого-то ожидания, растерянных вздохов, недоумевающей плачевности» (И.Игнатов, «Журнальная беллетристика последних месяцев», Р. Вед., 1916, 20 янв.).

Минувший год дал 105 новых поэтических сборников; в большинстве стихотворений на военные темы все чувства автора отступили перед «желанием всеми возможными способами уничтожить “живую силу” противника». На этом фоне выделяются «Стихи о России» Ал.Блока, совершенно лишённые «бравурной трескотни, трафаретного “боя литавр”, дешевой мишуры и заносчивости». Вера его в Россию не тютчевская, «нутряная»; «она исходит из теперешних много показывающих, переоценивающих событий» (Вл.Рындзюн, «“Сегодня” и “вчера” в русской поэзии», Приаз. Кр., 1916, 3 июля).

«Какое-то измельчание, никчемность и мелкоразборность происходящего в литературной жизни — все ошугительнее дает себя знать». «Футиристы, как “кубо”, так и “эго”, приумолкли». «По-видимому, серьезно работает и на пути к некоторым достижениям Вл.Маяковский. Недавно вышедшая его трагедия [“Облако в штанах”], рассмешившая всех своим экстравагантным и неумным названием, несмотря на грубость, сомнительный вкус и ляпсусы, все же ярка и интересна» (Г.Иванов, «Стихи в журналах, издательства, альманахи, кружки в 1915 г.», Апол., 1916, № 1).

«Пронесся над Россией пятнадцатый год», и исчез из русской поэзии «эстетизм». Гумилев написал «прекрасные стихи», побывав на войне. «Война приблизила к нам Блока и Ахматову и удалила Брюсова и Бальмонта», «вдохновила отчасти творчество футуриста Вл.Маяковского», у которого есть «какая-то титаничность, возносящая его очень высоко. Ему суждена трагическая судьба предтечи». «Стихи о России» Блока — «величайший жертвенный дар России». «Драгоценный дар» принес Ремизов — сборники «Весеннее порошье» и «За святую Русь». «Приключения Растегина» Ал.Толстого — «это современные “Мертвые души”», но Толстой «беспощаднее своего великого предтечи. Бунин изобразил «трагедию человеческого существования без Бога» («Господин из Сан-Франциско»). Тренев дал «повесть о страданиях человека, как будто имеющего Бога» («Владыка»). М.Кузмин издал роман «Плавающие-путешествующие», три сборника рассказов и сборник стихов «Глиняные голубки», но не прибавил ничего к своему облику. «Нечаянной радостью» было появление «светловолосого певца» из Рязанской губернии — Сергея Есенина (Ин.Оксенов, «Литературный год», «Нива», ежемес. прилож., 1916, № 1).

А.Бурнакин мечтает об «истинно русской литературе», которая «вырвется из когтей космополитического беса». «Что русского у Л.Андреева с его безымянными “человеками”... У М.Горького, озирающего русскую жизнь под углом заграничного равноправия?» У В.Брюсова, водворяющего «будуар кокошки»? («Литературные мечтания», Н. Вр., 1916, 2 янв.).

«От полосы безочарования, через огонь испытаний, наша страна идет к своему освобождению... Пусть же великая русская литература помогает строить... новую Россию» (В.Львов-Рогачевский, «Великое ожидание (Обзор современной русской литературы)», Еж. Журн., 1916, № 1).

1916 год

Январь

В январской книжке «Летописи» помещены: Л.Н.Толстой «Хозяин и работник» (первоначальный вариант) и «Дневник», начало повести М.Горького «В людях» и статья «По поводу одной анкеты», стихи Ив.Бунина, переводы В.Брюсова и А.Блока, повесть Г.Гребенщикова «Любава», статьи Д.Тальникова «При свете культуры (Чехов, Бунин, С.Подъячев, Ив.Вольный)», К.Тимирязева «Наука в современной жизни», К.Левина «А.И.Герцен и Польша».

В статье Д.Тальникова, одобренной Горьким, говорилось, что современная литература о деревне пошла путем чеховского критицизма; критика неоднократно подвергала упрекам Бунина за его якобы «барский пессимизм», но крестьянские хроники писателей из народа — С.Подъячева и Ив.Вольного — «подтверждают всецело художественные итоги Чехова и Бунина, и их правда кажется порою даже еще кошмарнее...» Деревня «осталась за штатом культуры», такую, какой была при Рюрике, необходимо вовлечь ее в общую жизнь человечества.

Д.Тальников создал свою статью «по рисункам великого маэстро», автора «Двух душ», на фоне «общего культурного подъема народных масс», в частности «великого изобилия самоучек-поэтов из крестьян, из рабочих» (сборник с предисловием Горького), в «Летописи» поют «со святыми упокой» (Е.Чириков, «При свете здравого смысла», Совр. Мир, № 2). В «годину горя» русская жизнь получает в журнале одностороннее освещение. «В людях» — «печальное повествование о впечатлениях мальчика», к которому жизнь поворачивается одной стороной — «порочной, шетинящейся и злобной». «При свете европейской мысли» Д.Тальников видит в русской деревне «одичание». «Это не указание на недостатки... это полное вычеркивание всего русского прошлого, всей русской “души”» (И.Игнатов, «Беллетристика и критика “Летописи”», Р. Вед., 17 февр.). «Летопись» «стремится стать органом какого-то особого неозападничества»; художественные произведения журнала в той или иной мере служат комментарием к «Двум душам» (Г.Гребенщиков и др.) (М.Лиров [М.С.Литваков], Киев. Мысль, 23 февр.). «Журнал вступил в

жизнь в такой сложный, бурный, тяжелый год, когда душа читателя особенно истрадалась по стойкому, ясному и властно руководящему слову... Увы — надеждам этим не суждено было оправдаться. Первые шаги журнала казались злой шуткой, пародией, нелепым недоразумением. Статья Горького «Две души» поразила всех беспросветным отчаянием и полным неверием в будущее России... Горькому подпевал Д.Тальников...» Здоровые мотивы Горький видит только у поэтов-рабочих, в этом сказывается «пагубное» влияние идей социал-демократии. Все остальное — «эпоха реакции, годы зловредного идеализма и ухода от общественности», Горький не видит «серьезного процесса внутренней перестройки». И хотя Горький-художник «нутром любит родной народ и верит в него», повесть «В людях» «не чужда мрачного шаблона, обличений зверского быта России» (А.Гизетти, «Возрождение или вырождение? (О журнале “Летопись”», Еж. Журн., № 4).

10 марта К.А.Тренев написал В.С.Миролюбову: «Насчет Тальникова я уже писал Горькому резкое письмо. Он выразил сожаление в оплошности и отрекается от него. А все — Бунин» (Лит. Архив. Т. 5. М.; Л., 1960, с. 222).

Ал.Н.Толстой — комедия «Нечистая сила» (Р. Мысль, № 1).

«Ходит публика на пьесу... и хохочет. Нечистая сила, черти в шкафу, набухающие и вдруг падающие бумаги, — а что, господа, если это современная Россия, с ее нынешним дьявольским наваждением... Почему на лбу гоголевских подлецов так на веки веков и выжжено огненное клеймо, а современный подлец идет под веселый, утробный смешок...» (А.Измайлов, «Литературные кружева и война с дьяволами», Бирж. Вед., 8 марта).

А.Серафимович — рассказ «Наваждение» (Киев. Мысль, 6 янв.).

А.Куприн — статьи «Союзники» [о Всероссийском земском союзе], «Уточкин» (Бирж. Вед., 1-3 янв.).

А.Ремизов — рассказ «Жаркое лето» (Сев. Зап., № 1).

А.Чапыгин — рассказ «Скрепа» (Сев. Зап., № 1).

Л.Андреев — статья «Англия» («Боже! Сохрани Англию!») (Бирж. Вед., 17 янв.).

Н. Гумилев — «Записки кавалериста» (Бирж. Вед., 8 янв.); стихотворения «Андрей Рублев», «Деревня», «Змей» (Апол., № 1); «Старая дева» (Нов. Жизнь, № 1).

А. Блок — «Перед судом» («Что же ты потупилась в смущеньи?...») (Р. Мысль, № 1); «Я тишиною очарован...» (Еж. Журн., № 1); «Очарования сна» («Пусть я и жил, не любя...»), «Молитва» («Мой путь страстями затемнен...»), «Мадонна» («В венецианской церкви темной...»), «Девушке» («Милая девушка, что ты колдуешь...»), «Один» («Хожу по камню острых плит...») (Бирж. Вед., 1, 6, 10, 24, 31 янв.).

Ф. Сологуб — «Стихотворения» («Я, мечтавший одиноко...», «Как хорошо, что реют пчелы...», «Порой как будто онемешь...») (Р. Мысль, № 1).

Вяч. Иванов — «Два града (Венок сонетов из лирической трилогии “Человек”»); посвящается Льву Шестову (Р. Мысль, № 1).

А. Ахматова — «Стихотворения» («Перед весной бывают дни такие...», «Самые темные дни в году...», «Нам свежесть слов и чувства простоту...», «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...», «Не искал меня, не славил...») (Сев. Зап., № 1).

В. Винниченко — пьеса «Ложь» (Еж. Журн., № 1).

Героиня, вслед за горьковским Лукой, проповедует теорию «спасительной лжи», автор показывает ее несостоятельность (Питирим Сорокин, Еж. Журн., № 1).

16 января А. Блок пишет С. Н. Тутолминой: «Я не понимаю, как ты, например, можешь говорить, что все хорошо, когда наша родина, может быть, на краю гибели, когда социальный вопрос так обострен во всем мире, когда нет общества, государства, семьи, личности, где было бы хоть сравнительно благополучно» (т. 8, с. 454). 17 января сообщает свои впечатления Н. А. Нолле-Коган о книге П. С. Когана «Пролог» (Пг., 1915), в которой «программа действия» модернистов характеризовалась как антиобщественная: «Напрасно Вы думаете, что “мое мировоззрение диаметрально противоположно...”; напротив, я встретил на ее страницах много близкого и знакомого мне. Главное, что я имею сейчас возразить против этой книги, — это то, что мысли, в ней выраженные, кажутся мне не творческими, не окрыленными...» (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 326).

16 января в зале Петровского училища состоялась лекция Ф.Сологуба о современном театре. На театральных подмостках господствует бытовой театр, любовная интрига, а превосходные пьесы русских символистов (Блока, Ремизова) не идут на сцене. В будущем, лет через пятнадцать, «театр станет храмом для общей молитвы, для созерцания творений истинного искусства», а для «легких развлечений» останется «кабак». Современный же театр совмещает «храм» и «кабак» (Б.Садовской, «Федор Сологуб о современном театре», Бирж. Вед., 17 янв.).

В.Сахновский — «Писатель без догмата (Основные мотивы творчества Леонида Андреева)» (Нов. Жизнь, № 1). «Взыскует к философии», ни во что не верит, пристрастен к кошмарам, современен, неизменен от первого до последнего тома.

А.Волынский — «“Фетишизм мелочей” (В.В.Розанов)» (Бирж. Вед., 26 и 27 янв.). Об «Опавших листьях» и «Уединенном»: Розанов убежден, что «отпадением от культа величавого к фетишизму мелочей им совершен настоящий перелом в самом центре современной литературы»; «здесь мы стоим лицом к лицу с бредом пигмея, не видящего истинного уровня своих умственных сил и писательского таланта»; демонстрирует «словесное озорство хулигана», в то время как «в тирадах... Чернышевского, даже самых неумеренных по своему характеру, никогда не переставала звучать струна благородного мужества», «Розанов накидывается на литераторов, так или иначе прикосновенных к протестантским движениям русской истории», и «плещет на них брызгами своего гаденького порицания и смеха», лишь Шперк, Рцы и священник Флоренский кажутся ему «счастливыми исключениями среди лакеев, пустозвонов, гениальных и негениальных дураков русской литературы». Розанов — «маниак сексуальности», тип человека, всегда занятого собой, чуждого «евангельским и апостольским писаниям Нового Завета».

Я.Тугендхольд — «Московские театры» (Сев. Зап., № 1). Доктор Дапергутто [В.Мейерхольд] назвал Студию Художественного театра, в связи с постановкой «Сверчка на печи», «театром замочной скважины», но мы попросту сидим в чужой комнате «и созерцаем чужую, не преображенную фокусом “скважины” жизнь», ибо игра артистов (М.Чехов и др.) «даже слишком хороша» — ее не чувствуешь.

Л.Клейнборт — «Беллетристы-самоучки (Чапыгин, А.Бибики, Ив.Касаткин, С.Подъячев, Г.Гребеншиков, Л.Григорев, С.Фо-

мин)» (Совр. Мир, № 1). «Беллетристы-пролетарии — авторы книг, о которых говорят, — скажу прямо, — очень мало, но все же говорят». Критик считает, что пора заняться биографиями этих людей, что и делает отчасти в своей статье.

Ал. Бенуа — «Последняя футуристическая выставка» («Речь», 9 янв.). К. Малевич заявляет: «Вещи исчезли, как дым, для новой культуры искусства, и искусство идет к самоцели-творчеству». И на выставке мы находим иллюстрации этой «проповеди нуля и гибели» (хотя есть и талантливые вещи, например, рисунки В. Татлина). «Все это серенькое, убогонькое и маленькое — и при этом крикливое и кусливое»; это «философия одичания и озверения», которая овладевает миром. На выставке высоко под потолком, «на месте святом», повешено «произведение» Малевича — черный квадрат в белом обрамлении. «Это не просто шутка, не простой вызов», — он возвещает «царство уже не грядущего, а пришедшего Хама».

В Тенишевском училище, в Петрограде, прошли лекции И. А. Пуни и К. Малевича на тему «кубизм — футуризм — супрематизм», отстаивающие «беспредметное, абсолютное творчество», с резким выпадом против статьи Ал. Бенуа. По отношению к старому искусству ораторы обнаружили «дебри нигилизма» (А. Ростиславов, «Плевательница новаторов», «Речь», 15 янв.).

В. Розанов — «Левитан и Гершензон» (Р. Библиофил, № 1). Оба умеют возводить «обыкновенности» в «перл создания» и заслужили благодарность России, но это лишь мастерская стилизация под русское, лишенная «боли, крика, отчаяния, просветления».

А. Измайлов — «Парадоксы книжного рынка» (Бирж. Вед., 4 янв.). В книжных магазинах давка — «некоторые книги буквально расхватываются, как расхвачан на днях толстовский дневник». Ходко идут Н. Крашенинников, М. Кузмин, А. Грин, Игорь Северянин.

Г. В. Плеханов — «История русской общественной мысли». Т. 1—2. М.: «Мир», 1914—1915, тираж — 5000.

«Только в последнее время общественно-политическая идеология обратила на себя внимание историков, раньше же она находилась в ведении историков русской литературы, у которых

* В январе вышла книга К. Малевича «От кубизма к супрематизму. Новый живописный реализм». Пг., 1916, тираж — 300.

занимала подчиненное положение». «Научная ценность работы Г.В.Плеханова возрастает по мере того, как его изложение приближается к тем периодам русской истории, когда западные элементы ее становятся преобладающими. Уже для XVIII века, которому посвящена значительная часть II тома, автор делает крупный вклад в нашу историографию» (А.Кудрявцев, Лет., № 11). В труде Г.В.Плеханова представлена «методология марксизма» (И.Боричевский, Совр. Мир, 1917, № 2-3). При «ярком литературном таланте», «сильном и своеобразном уме и разносторонней эрудиции» автора, книга «не удовлетворяет», так как исходит из догматов исторического материализма и общих схем вроде «Россия=Европа+Азия», «сводящих очень сложные исторические вопросы к математически прямолинейной формуле» (А.Кизеветтер, «Новый труд Г.В.Плеханова по русской истории», Гол. Мин., № 1).

К.Бальмонт — «Поэзия как волшебство». М.: «Скорпион», 1915, тираж — 2000.

«Разбираясь с большим знанием и вкусом в звуковой природе человеческого слова, автор... упускает из виду одно из существеннейших условий словесного "волшебства", а именно — простоту» (А.Н.С. [А.Н.Серебров-Тихонов], Лет., № 1). «От анализа древнего понимания поэзии как волшебства Бальмонт переходит к глубоко субъективному очерку экспрессии звуков слова» (М.Ск., Утро Рос., 12 марта). Книга построена на «филологической гипотезе — о том, что звуковая сторона слова не случайна». «Кульм звука и буквы вне слова как целого организма, вне внутренней его формы губит самую сущность словесной стихии... Увлекаясь этой атомистикой, Бальмонт пишет стихотворения на звуки — на "л", на "р"... не замечая, как бедны и мертвы его слова», ибо «слова мстят за презрение к живой силе, их одухотворяющей» (Б.Эйхенбаум, Р. Мысль, № 3). Книга Бальмонта менее всего «исследование о природе поэзии», ибо сама она — «создание поэтическое... лирический ключ бьет в ней с силой неудержимой, часто пленительной» (В.Ходасевич, Р. Вед., 6 янв.). «Мертвая книга», набита «рассуждениями, которые порадовали бы устроителей школ для отсталых детей», автор — «никудышный стихотворец» (С.Бобров, «Второй сборник Центрифуги», М., 1916). «Прекрасными, вдохновенными строками рассказывает он о магии творческого слова, начиная с младенчества земли», из современных поэтов выделяет Вяч.Иванова и Балтрушайтиса. Развивает «теорию о внутреннем значении букв», музыкальности и внушаемости поэзии («Нива», ежемес. прилож., № 5, Б-фия). Типичная для «символической эпохи»

книжка: «именно так мы “рассуждали” и “философствовали” еще очень недавно», но «кончилась эпоха Кривлянья и Ломанья» и «захотелось правды — даже с маленькой буквы» (Искатель жемчуга [П.П.Перцов], «Скука больших букв», Н. Вр., прилож., 22 окт.).

Н.Гумилев — «Колчан. Стихи». Пг.: «Альциона», 1916, тираж — 1000.

«Кажется, нет ни единого стихотворения, в котором не было бы серафимов, муз, архангелов, итальянских городов и других эстетических украшений». В таком же тоне написаны стихи о войне. «Выученник Брюсова» не уступает в «шикарности» стихов И.Северянину (Н.Венгров, Лет., № 1). «Кому же из современных поэтов наших, как не Гумилеву, славить “дело величавое войны”...» «Победа, слава, подвиг — милые ему и недавно еще затерянные слова — снова найдены и гремят в душах». «Так ринулся он в бой — усталый, разочарованный, одинокий. Его приняли, дали винтовку, дали коня, дали поле, “полное врагов могучих...”», но и здесь он «неудержим в своем тяготении к большим словам: серафимы за плечами воинов, обращения к Господу... С такими словами надо быть осторожнее: они слишком торжественны и полнозвучны сами по себе... Но не знаменательно ли самое стремление поэта — показать войну как мистерию духа? Стиль Гумилева как-то расшатался, оттого так *чрезмерны* его слова. Они гудят, как колокола, заглушая внутренний голос души» (Б.Эйхенбаум, «Новые стихи Н.Гумилева», Р. Мысль, № 2). Война явилась для Гумилева «благословенной бурей». Однако «огнезарный бой», «рокочущая труба побед», «гудящая грозно бомба» и т.п. «оказались мало вдохновительными для Гумилева как стихотворца, и стихи, посвященные войне, значительно ниже других стихов сборника» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 6). «Колчан» написан «под знаком Т.Готье», стихи «прекрасные, но всегда холодные» (Б.Олидорт, Приаз. Кр., 6 окт.). «Последняя книжка русского парнасца опять перегружена всяческой экзотикой»; «русский эстетизм и не думает погибать»: Гумилеву «все равно, о чем писать, — о старых ли усадьбах, о Венеции, о Риме», но «нет ни России, ни античности». «Поэт блестяще поверхностен, и совсем не по плечу ему Ин.Анненский, учеником которого он себя считает» (Ин.Оксенов, Нов. Журн. для всех, № 2-3, Нов. Кн.). «Его холодный, умный стих строго отчеканен, хотя чаще — вне музыки и чувства, вне тютчевских бездн и фетовских высот... Стихи его тем не менее несомненно интересны — и широкой культурностью мысли, скорее европейского, чем славянского уклада, и

красивой четкостью отделки, и... благородно-оптимистическим подходом к... мучительной трагедии настоящей войны» (З.Б. [З.Д.Бухарова], «Нива», ежемес. прилож., № 7, Б-фия). Недостатки сборника «обнаруживаются с большей очевидностью», чем его достоинства. Гумилев испытывает «внутреннюю растерянность» между образцами парнасцев, романтиков и лириков (К.Липскеров, Р. Вед., 13 апр.). «“Колчан” является прямой противоположностью теоретическим воззрениям автора. Вместо ожидаемой непосредственности первого человека, простоты, еще не нарушенной культурой... мы сразу попадаем в экзотический сад, где собраны художественные достижения многих веков и стран». «Все это изобличает человека XX века... живущего воздухом библиотек и солнцем, нарисованным на холстах старинных картин» (Д.Выгодский, «Поэзия и поэтика (Из итогов 1916 г.)», Лет., 1917, № 1). Поэзия Гумилева должна была стать «большим искусством», но она осталась «прекрасной книгой стихов». «Творчество Гумилева очень щедро в способах обольщения» читателя, «принося в жертву эффектам (и подчас ложным) гармонию общей формы» (М.Тумповская, Апол., 1917, № 6-7).

О.Мандельштам — «Камень. Стихи». Пг.: «Гиперборей», 1916, тираж — 1000*.

«Это уже второй “Камень” О.Мандельштама. Один оторвался от него, как от некой поэтической скалы, три года тому назад, а этот — потолок и поувесистее — падает в нынешнюю лютую годину»; в поздних стихах — больше отточенности, в ранних — «свежей прелести» (В.Пяст, «День», 21 янв.). «Холодная и размеренная чеканка строк» и за нею «скрытый пафос». Лучше ранние стихи, в позднейших — «маска петроградского сноба слишком скрывает лицо поэта», за «прекрасными» словами «кроется глубоко ничтожное содержание» (Вл.Ходасевич, Утро Рос., 30 янв.). «Прежде всего важно отметить полную самостоятельность стихов Мандельштама; редко встречаешь такую полную свободу от каких-нибудь посторонних влияний». Внешне 1908-1912 гг. для него прошли под знаком символизма, затем он примыкает к акмеизму. «Силой вещей, как горожанин, он стал поэтом современного города, хотя и не дивится, как заезжий поехонец, автомобилям и трамваям...» (Н.Гумилев, Апол., № 1).

* По «Книжной летописи» проходит 7-14 января, но, судя по дарственной надписи О.Мандельштама С.П.Каблукову от 21 декабря 1915 г., отпечатана ранее. В качестве «собственного издания» могла попасть к автору до официального выхода, задержанного цензурными придирами (О.Мандельштам. Камень. Л., 1990, с. 249, 251, 363).

«Стих поэта величав, плавлен и за собою таит нечто большее», но он мало действует на читателя и «модным» быть еще не может (В. Гальский [В. Г. Шершеневич], Нов. Жизнь, февр.). Это «одна из тех редких книг, значительность которых уже заранее надолго предопределяет их судьбу». Мандельштам сохраняет своеобразие поэтического лица — «в поэзии современной и прошлой у него нет двойников... Он стоит в стороне от литературных течений современности, и какие бы нити ни связывали Мандельштама с акмеизмом, — а в более раннюю пору и с символизмом, — в целом его творчество минует всякие поэтические школы и влияния». «В современности он хочет выявить ее сущность и, конечно, не принадлежит к числу тех, кто с наивностью простолюдина поклоняется аэроплану и автомобилю». В его стихах «больше всего заявила о себе тоска по вечно-ценном, духовной свободе» (Г. Гершенкройн, Од. Нов., 20 марта). Путь художника привел его к «пафосу конкретности», его творчество — «в ваянии из слова. И вместе с тем поэт... в крепком союзе» с музыкой. Его «Камень» — «поющий камень» (Андрей Полянин [С. Я. Парнок], Сев. Зап., № 4–5). «У г. Мандельштама есть дарование, но рядовое, незначительное, и принесенный им на алтарь русской музы тяжелый, плохо обтесанный и тусклый “Камень” скоро затеряется в груде таких же усердных, но бедных приношений» (Н. Лернер, «Речь», 2 мая). Его «Камень» — «тверд, холоден, прекрасно огранен... но все же блеск его мертвый, тэтовский»* (А. С. [Серебров?], Лет., № 5). «Форма у Мандельштама почти всегда безупречна», «великолепная сжатость, доведенная до пределов», но ранние стихи «гораздо искреннее»; «чужая красота» (Бах, Бетховен, Гомер, Цезарь и проч.) «заслонила от нас образ самого поэта» (Ин. Оксенов, Нов. Журн. для всех, № 2–3, Нов. Кн.). «Возвышенные стихи, ложно-классический пафос, ходульная поза пленяют О. Мандельштама. И все в его поэзии деланное, неживое, книжное», при наличии художественного вкуса и «настоящего лиризма» (А. Дейч, Журн. Журн., № 13). «Самосознание напряженное и трагическое»; «графически четкие и твердые линии мандельштамовского стиха» делают книгу «значительной и любопытной» (К. Липскеров, Р. Вед., 30 апр.). «Он покрыт мозолями и потом, этот “Камень”, но... работа, совершенная этим упорным и талантливым учеником, и состоящая в одолении и усвоении русского языка, огромна» (С. Городецкий, «Поэзия как искусство», «Лукоморье», № 18, 30 апр.). В «Камне» «изысканность и благородный маньеризм», но «никогда кованный стих... не прикроет

* Американские бриллианты Тэта — украшения, сделанные из стекла.

нищеты лирика, отсутствия поэта» (В.Рындзюн, Приаз. Кр., 11 авг.). «Название сборника выбрано автором весьма удачно. Холод и твердость преобладают... Со стороны формы — есть вещи очень красивые», но «теплая, задушевная лирика» упразднена нашими «молодыми» поэтами (З.Б. [З.Д.Бухарова], «Нива», ежемес. прилож., № 9, Б-фия). Мандельштам — «поэт, наиболее талантливый из всех “гиперборейцев”... Никогда не оставляя своего пафоса, никогда и не пытаясь говорить словами простыми и обыденными, он остается цельным в своей натянутости... Однако, как все это холодно и бесстрастно, как это далеко от жизни, как неистребим во всем этом запах старинной книги...» (Д.Выгодский, Лет., 1917, № 1). «Голос Мандельштама необыкновенно звучен и богат оттенками и изгибами. Но настоящее цветение его еще впереди. А этот “Камень” пока еще один из тех, которые Демосфен брал в рот, чтобы выработать себе отчетливую дикцию» (М.Волошин, «Голоса поэтов», «Речь», 1917, 4 июля).

Георгий Иванов — «Вереск. Вторая книга стихов». Пг.: «Альциона», 1916, тираж — 1000.

«Стремление к красивости неизбежно приводит поэта к ретроспективизму и описанию произведений искусства. Читая его, мы точно находимся в антикварной лавке». «Почему поэт только видит, а не чувствует, только описывает, а не говорит о себе, живом и настоящем, радующемся и страдающем?» (Н.Гумилев, Апол., № 1). «Учась инструментовке стиха у Верлена, простоте — у Кузмина, умению изображать у фламандских художников», «пройдя чрез декоративные узоры Сапунова и Судейкина», Г.Иванов «приближается к полному овладению собственным стилем» (К.Липскеров, Р. Вед., 13 апр.). «Все это с большим вкусом приправлено, где аллитерацией, где неслыханной рифмой, где кокетливо-небрежным ассонансом: куда что идет, где что к месту — это все Г.Иванов знает отлично... Его поэзия загромождена неодоушевленными предметами и по существу бездушна даже там, где сентиментальна» (Вл.Ходасевич, Утро Рос., 7 мая). «Нарядный “Вереск” Георгия Иванова воспекает красивые старинные вещи... Иные его стихи хочется не в книге видеть, а поставить на этажерку, как фарфоровые хрупкие безделушки» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 25 апр.). «Он зорок, слух его тонок, язык находчив». Родина этой поэзии — «Гиперборей», самый старший русский предок — Н.Гумилев (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 7–8). Поэты-акмеисты «тяготеют к четким и ясным граням внешнего мира». «Поэтический мир Г.Иванова... обедненный, маленький мир. Все кажется здесь

приятно завершенным, художественно законченным, все в эстетическом порядке». Г.Иванов — ученик М.Кузмина, он «подражает изысканной простоте, немного жеманной грации автора "Сетей"». «Нельзя не пожалеть о том, что ему не дано стремиться к художественному воплощению жизненных ценностей большей напряженности и глубины и более широкого захвата» (В.Жирмунский, Р. Воля, 1917, 16 янв.).

Г.Адамович — «Облака. Стихи». Пг.: «Альциона», 1916, тираж — 600.

Это первая книга поэта, во многом еще не устоявшегося, «однако везде чувствуется хорошая школа и проверенный вкус, а иногда проглядывает своеобразие мышления» (Н.Гумилев, Апол., № 1). «Поэтическая искренность» выделяет этот сборник, «всцело относящийся к чистой лирике»; перед нами «истинный поэт, совершенства владения стихом еще не достигнувший» (Р. Д., Сев. Зап., № 2). У Адамовича «стих еще не вполне свой (слышится то Блок, то Белый, то Ахматова), но искренний всегда и простой интонации» (К.Липскеров, Р. Вед., 10 авг.). Учителями Адамовича должны считаться М.Кузмин, И.Анненский и А.Ахматова, у него «подлинный вкус и хорошая школа», но «художественная завершенность» иногда выступает «признаком душевного обеднения». Поэтический мир его «миниатюрный, игрушечный, странно суженный... в своих размерах и очертаниях» (В.Жирмунский, Бирж. Вед., 14 окт.). У Адамовича есть «своя, невыдуманная боль» и должно появиться «свое лицо, а пока он слишком подчинен Ахматовой и Анненскому» (Ин.Оксенов, Нов. Журн. для всех, № 2-3, Нов. Кн.). Мастер делать стихи, но из его поэтического «каземата» раздается только «Нет» (С.Городецкий, «Поэзия для себя», «Лукоморье», № 6).

М.Лозинский — «Горный ключ. Стихи». Пг.: «Альциона», 1916, тираж — 600.

Книга «однородна», «идет из глубины, но ничего об этой глубине не рассказывает», отличается «романтической надменностью», «мысль, что о таинственном надо говорить таинственно», роднит Лозинского с символистами М.Волошиным, Ю.Балтрушайтисом; «лишен памяти зрительной и слуховой», припоминая «райские напевы и воздушные луга», не хочет «вслушиваться в земные звуки, вглядываться в земные вещи» (Н.Гумилев, Апол., № 1). «Чтобы дойти до живой воды "Горного ключа"... нужно пройти через холодные снега умозаключений и пробить ледяную кору символов» (К.Липскеров, Р. Вед., 10 авг.). Автор — дебютант, но «многоопытен» в стихе: «лелеет

слова, убаюкивает рифмами, изыскивает образы», но «на что тратит время и талант»? «Подобный эстетизм хуже всякого нигилизма», «чистейший образец петроградского нетовца-нытика» (С. Городецкий, «Поэзия для себя», «Лукоморье», № 6).

В. Каменский — «Стенька Разин. Роман». М., 1916, тираж — 1000.

«Этот футуристический роман про Стеньку Разина — торжествующий гимн “матерого сына” века, всеопрокидывающего скандалиста, всепопирающего “печенегу”» (А. Бурнакин, «Матерый сын», Н. Вр., 1 апр.). «Бездарность и безвкусице российского футуризма нашли себе подтверждение в книге г. Каменского» (Б. Садовской, «Стенька-футурист», Бирж. Вед., 24 янв.). «Каменский в прекрасной вещи “Стенька Разин” искусно работал над задачей так разместить на цветущем кусте сто соловьев и жаворонков, чтобы из них вышел Стенька Разин» (В. Хлебников. Ляля на тигре. «Северный сборник». М. [Харьков]: изд. «Лагуны», 1918).

В. Шершеневич — «Автомобильная поступь. Лирика (1913—1915)». М.: «Плеяды», 1916, тираж — 500; «Быстрь. Монологическая драма». М.: «Плеяды», 1916, тираж — 500; «Зеленая улица. Статьи и заметки об искусстве». М.: «Плеяды», 1916, тираж — 1000.

В. Шершеневич в значительной степени избавился от подражательности своего первого сборника и примкнул к футуризму, в котором он, однако, только гость. Два основных мотива его лирики: «суеверный ужас перед городом и негодование на окружающую действительность» (Вл. Ходасевич, Утро Рос., 30 янв.). Шершеневич «стремится выразить своим стихом быстроту, “быстрь” современной жизни. У него все моторы, авто, автомобили, теф-теф, аэро, да без передышки, да в каждом стихотворении, да все одно и то же... все одинаково неряшливо, недоделано... Клок А. Белого, клок Брюсова, клок Маяковского... клок Тредьяковского, клок Третьякова и огромные клочья пресловутого Северянина» (В. Пяст, «День», 25 февр.). «Есть стихи, порою даже недурные», но нет «единого лирического образа»; «поэт-образник», «чрезмерно загромождает» свои стихи «нежизненными метафорами». Статьи скучны и «наивно доказательны», как «студенческие конспекты» (К. Большаков, «Второй сборник Центрифуги». М., 1916. Б-фия). В сборнике «Зеленая улица» развита теория урбанизма и от искусства требуется прежде всего «современность» (Д. Выгодский, Лет., 1917, № 1).

«Пета. Первый сборник». М., 1916 (стихи В.Хлебникова, Н.Асеева, С.Боброва, К.Большакова, С.Третьякова и др.). На обложке эпиграфом слова Горького: «В них что-то есть!»

Сборник полемизирует с другими оттенками футуризма. «Пусть “Пета” раздавит “Руконог”, г. Беленсон перегрызет горло г. Бурлюку или, наоборот, — нам кажется, что от этого искусство только выиграет» (В.Пяст, «День», 25 февр.).

Рюрик Ивнев — «Самосожжение (Откровения)». Кн. I. Лист 3. Пг.: изд. «Очарованный странник», 1915, тираж — 300.

Третья книга с одинаковым названием: «религиозный экстаз... полонил поэта и ему трудно выйти из этого кольца»; «искренность истерии» (В.Шершеневич, Нов. Журн. для всех, № 2-3, Нов. Кн.). «Хороший документ крайней неврастении... в этом сладострастии самоуниженья... есть капля Руси... Времен Ивана Васильевича» (С.Городецкий, «Поэзия для себя», «Лукоморье», № 6). «Это иступленная, стремящаяся дойти до последней обнаженности исповедь... обезумевшей от сознания своей мерзости души», «нечто от карамазовщины, передоновщины» (Н.Венгров, Лет., № 1).

С.Юшкевич — «Человек воздуха». Пг.: «Жизнь и знание», 1916, тираж — 2200.

«Юшкевич несомненно внес свою ноту в изображение еврейской жизни... Он не дал ни одного индивидуального, живого человека, но он дал общие схемы жизни, показал общую ее атмосферу, заразил ее тревогой, ее крикливой нервностью». Все это было сказано уже в первых произведениях, теперь он варьирует себя ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 8, Б-фия).

Февраль

М.Горький — «Воспоминания»; «Клоун» и «Весельчак» (Киев. Мысль, 2, 21 февр.).

А.Серафимович — рассказ «На реке» (Бирж. Вед., 28 февр.).

А.Блок — «Нет ни слезы, ни дерзновенья...», «Всю зиму мы плакали...» (Бирж. Вед., 14, 21 февр.).

М.Кузмин — «Стихотворения» (Сев. Зап., № 2).

А.Черный — «В снегах» («На пруду», «Сумерки», «Белая колыбель») (Р. Мысль, № 2).

3 февраля в Художественном театре состоялась премьера пьесы Д.Мережковского «Будет радость» (постановщик Вл.Немирович-Данченко, художник М.В.Добужинский, в главных ролях В.И.Качалов, М.П.Лилина, М.Н.Германова, Н.О.Массалитинов, И.Н.Берсенева и др.). Пьеса вызвала большое количество разочарованных откликов. Слова «будет радость!» имеют высший смысл — так думает автор, утверждая, что «будущее принадлежит сочетанию общественности с религиозностью». Но и «отцы»-народники и «дети»-богоискатели исторически неверны для наших дней. «Радость» в драме Мережковского не показана и не доказана, она только обещана» (В.Брюсов, «О радости и драме Д.С.Мережковского», Утро Рос., 4 февр.). «Сама диалектическая часть не заключает в себе убедительности...» Желанный синтез воплощают в финале фигуры Ивана Сергеевича, «русского интеллигента старой складки» (позитивизм, народничество, социализм) и Кати («неохристианство, неоспиритуализм, но и новый политический героизм»), «но обоих держат на высоте крылья идеализма» (Н.Эфрос, «Речь», 4 февр.; см. также его выступление против «сердитых укоризн» критики в адрес пьесы в Од. Нов., 14 февр., под псевдонимом Коль-Коль). «Мережковский, несомненно, апокалиптик, чающий всенародного мистического «движения воды», соборного действия, очистительного и воскресительного обновления, крещения Руси Духом святым и огнем». Между этим «чаянием» и историческим началом революции нет ничего общего. Он написал «глубоко унылую и нудную, хотя очень умело и искусно скомпонованную драму», провозгласив «к вящему огорчению приунывшего зрителя» объединение между богоискательством и старым народничеством (Вяч.Иванов, «Мимо жизни», Утро Рос., 13 февр.). «Тенденция драмы опоздала на целую войну». «Мережковский — мыслитель с определенным циклом доктрин», которые «насильственно вплетает в картину нарисованной жизни» (Сергей Глаголь [С.С.Голоушев], Бирж. Вед., 4 февр.). «Название пьесы... обманчиво, как сама радость... Мы остались убежденные относительно будущего с лишней тяжестью от изображения мук и терзаний настоящего». «Достоевский в каждой строке» (И.Игнатов, Р. Вед., 4 февр.). В постановке — «культ красоты», в пьесе — «пророческий пафос», и крайняя искусственность и безжизненность характеров, которыми автор «произвольно распоряжается» «ради проводимых им идей»: братья Краснокутские «не дают ни на минуту забыть братьев Карамазовых» (В.Малахиева-Мирович, Р. Мысль, № 3). «Мережковский попытался утвердить эту радость на полном жизненном банкротстве своих героев», «оказался лишь популяризатором своих дав-

них идей и издавна излюбленных цитат»; в последней картине союз религиозности с общественностью воплощен в бытовой сцене совместного похода молодости и старости на могилу главного героя (Я.Тугендхольд, Сев. Зап., № 3). Соединение двух расколотых половин русской интеллигенции возвышается «идеологической надстройкой» над рамками бытовой драмы (Л.С., Лет., 1917, № 1).

Л.Андреев писал о пьесе «Будет радость» Вл.И.Немировичу-Данченко, 29 ноября: «Бездарно насквозь, ни единой, даже случайной искры... Лжет настойчиво, лжет холодно и смиренно, лжет нагло и бесстыжно, как христианский сивый мерин» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 290).

А.Дерман — «О Максиме Горьком» (Р. Зап., № 2). Эволюция творчества Горького, сказавшаяся в «Детстве», состоит в том, что он не позволяет себе «исправлять злую правду (“правду-истину”) правдой идеала, подсказываемой его сердцем (“правдой-справедливостью”)».

18 июня И.С.Шмелев писал Н.С.Клестову о Дермане: «Статья его о Горьком прекрасна, да и прочие не вредны» (Записки Отд. рук. ГБЛ. Вып. 45. М., 1986, с. 276).

Я.Т[угендхольд] — «О Гл.Успенском» (Сев. Зап., № 2). «В годину испытаний и тягот так важно обращаться к светочам русской души». Моральное начало вело Успенского к «художнической скромности», но его «случаи», «эпизоды», «записки» и «наблюдения» «выдержали испытание временем» и повлияли на манеру Л.Толстого, Вл.Короленко и даже «правдолюбца Серова». Показал русскую «болезнь совести» в отличие от «самодовольного Запада». «Внутренняя трагедия Глеба Успенского» — это трагедия «всей болящей волей, расслабленно-интеллигентской России».

Н.Эфрос — «“Студия” и ее “Потоп”» (Киев. Мысль, 8 февр.). Отклик на лекцию Ф.Сологуба, прочитанную в начале февраля в Москве. В этой лекции Студия Художественного театра была отнесена к язвам, которые разъедают организм современного театра и заграждают путь к прекрасному будущему — в отличие от Московского Камерного театра и Студии В.Ф.Коммиссаржевской. Это суждение, указывает Н.Эфрос, идет вразрез с общественно-театральным мнением Москвы, которая валом валит на спектакли Студии. Лучшее, что дала московская театральная жизнь за последние два года, — это «Свер-

чок на печи» — «чистый, трогательный, возносящий» спектакль. «Потоп» Х. Бергера слабее, это только «полпобеды».

Ал. Бенуа — «За “Мир искусства”» («Речь», 26 февр.). «Мир искусства» бранят и справа, и слева, обвиняя в остановке, в замкнутости, в непоследовательности, в старости, в погоне за молодежью. Журнал «Аполлон» «повел что-то вроде похода против своего “союзного государства”», насаждая «чисто рассудочное отношение к искусству». Между тем клич «Мира искусства» — «Таланты всех направлений, соединяйтесь!»

Против статьи Ал. Бенуа, с поддержкой позиции «Аполлона», выступил А. Гидони в «Письме в редакцию» (Апол., № 2): «Группа идейных зачинателей “Мира искусства” исполнила свою историческую задачу» и «повторяет самих себя», «становясь все определеннее на путь... реакции». Нам надоели ампирные интерьеры и жеманный XVIII век. «Мы тоскуем о современном лице искусства, овеванном всеми предчувствиями новой культуры».

Я. Тугендхольд — «Марк Шагал» (Апол., № 2). «Подлинный и самородный» молодой художник, родом из Витебска, «созрел в Париже», где обрел форму; нет ни литературности, ни «гражданской скорби», но есть «жгучая и скорбная жажда мифа» и «гипертрофированная нервозность», объясняемые «семитическим происхождением»; в фантастике Шагала «звучит нота крепкого реализма, доходящего до гротеска и неизбывной иронии», как «инстинкта исторического самосохранения».

14 февраля В. А. Мякотин сообщил В. Г. Короленко: «Русское общество для изучения еврейской жизни» — это вызываемый климатическими условиями псевдоним Лиги борьбы с антисемитизмом... Но боюсь, что на успешное развитие... такой борьбы мало надежд... Организаторами общества номинально явились Андреев, Сологуб и Горький, — но какие же они общественные деятели? Из них самый здоровый, конечно, Горький, но все же и он слишком великолепен и слишком наивен для серьезной работы. Для Сологуба борьба с антисемитизмом была просто одной из его поз, несколько не мешавшей ему одновременно участвовать в суворинском “Лукоморье” (потом он оттуда ушел — по материальным соображениям). Его участие в организации общества и предполагавшийся выбор в комитет, действительно, придавали обществу нечто неприятное. Но во время организации общества он успел поспориться с Горьким, как-то ущемившим его самолюбие, в комитет его не выбрали и теперь по этому поводу предстоит третейский суд, в котором и мне с Горнфельдом придется

принимать участие в качестве судей. Как видите, дела еще никакого не сделали, а в суд уже друг друга потянули — настоящая российская общественность» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 30, ед. 35).

19 февраля В.Г.Короленко пишет своему помощнику по билетристическому отделу «Русских записок» («Русского богатства»): «Мы совсем не трогаем этой области [“неистовство пола”], предоставив ее Саниным и героиням Винниченко и Вербицкой. И они имеют громадный успех. Почему? Потому что они тронули *живое*. Тронули, правда, отвратительно» (Письма В.Г.Короленко к А.Г.Горнфельду. Л., 1924, с. 127).

27 февраля, в Одессе, Ф.Сологуб прочел лекцию на тему «Россия в мечтах и ожиданиях», встреченную шумной овацией молодежи (Од. Нов., 28 февр.). Со второй половины января по март Сологуб совершал турне с этой лекцией по провинциальным городам (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997, с. 348-359).

К.Бальмонт — «Ясень. Видение древа». М.: изд. К.Ф.Некрасова, 1916, тираж — 1500.

«Книга эта свежая, красивая, содержательная и звонкая, временами возвращает к... потерянному было для нас поэту «Горящих зданий», «Будем как солнце» (В.Пяст, «Новая книга К.Д.Бальмонта», «День», 14 апр.). В своей «словоохотливой» книжке Бальмонт «в упоении ритмом, рифмой и темпом... сыплет даже не словами, а звуками» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 25 апр.). «Время частичных оценок для Бальмонта прошло... Мир без Бальмонта был бы для нас не полон», «с удовольствием можно отметить возвращение некоторых давнишних мотивов его поэзии» (Вл.Ходасевич, Утро Рос., 7 мая). «Последние стихи Бальмонта — как бы песни человека, равнодушного к тому, слушают его или нет», хотя в некоторых стихотворениях «явлено бывалое мастерство» (К.Липскеров, Р. Вед., 15 июня). Бальмонт «до сих пор считает дерзостью и новаторством бывшее дерзким и новым двадцать лет назад»; в его книгах от Бальмонта-поэта осталось одно его имя (Г.Иванов, Апол., № 6-7). Бальмонт, много лет тому назад сказавший «Я не устану быть живым», сохраняет «веру во вселюбивое Солнце и Всемудрого Бога» (Д.Выгодский, Лет., № 4).

Б.М.Эйхенбаум писал 28 июля В.М.Жирмунскому о «Ясени»: «Боже мой, какой трезвон! В каком он рабском подчинении у слова!» (Тыняновский сборник. Рига, 1988, с. 286).

Ал.Н.Толстой — «Земные сокровища (Две жизни)». [Соч.]. Т. VIII. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3100.

«Из путаницы переплетающихся голосов не создается единой многоголосной сложной души, но сумбурное, пестрое мельканье... И, закрывая последнюю страницу, ждешь еще чего-то от автора и хочется верить, что IX том будет более согласованным, преодоленным и завершенным» (Е.И., Лет., № 4). Эпизодические фигуры лезут на первый план, оттесняя главные действующие лица, внимание читателя рассеивается обилием ненужных, но живописных подробностей (А.Гвоздев, Сев. Зап., № 6). «Ироническое мироощущение писателя порою приводит к шаржу, но жизнь он любит и передает «сочными красками»; сочетает «типы творчества» Островского и Тургенева, «слишком широко пользуется своим умением стилизовать», «беспечно играет своими большими творческими дарами» (Т.Ганжулевич, «Нива», ежемес. прилож., № 10, Б-фия).

Евг.Замятин — «Уездное. Повести и рассказы». Т. 1. Пг.: изд. М.В.Попова, 1916, тираж — 3100.

«Как мастер входит он своей книгой в нашу художественную литературу». «Колоритный, яркий стиль, русский, слишком русский... с характерной фразеологией, иногда не без вывертов, но всегда искусный не менее, чем искусственный». По сравнению с замятинской «уездной резиденцией» Миргород Гоголя — «обитель самой разумности, столица культуры» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 25 февр.). Сборник говорит о сильной и цепкой наблюдательности. «Ни любить, ни жалеть эту серую и темную массу, по примеру Гл.Успенского, Замятин не хочет, проблесков в ней света глаз его не ловит — видит одно только повальное свинство. Он не из благословляющих, а из проклинающих» (А.Измайлов, Бирж. Вед., 8 марта). Героический период русской литературы завершился, новая литературная школа «больше не ставит общечеловеческих проблем духа»; она перестала быть литературой интеллигентской и стремится проникнуть в «толщу народную». Первым на этот путь вступил Горький в окурковском цикле, затем И.Шмелев, К.Тренев, теперь к ним присоединился Замятин, рисующий «трагическую картину русской жизни со всей ее первобытной дикостью», сохраняя при этом «свое особое лицо» (М.Лиров [М.С.Литваков], Киев. Мысль, 9 марта). Между «глубиной народа» и «вершиной культуры» лежит «восток России — городок Окуров; «он ушел от земли и не дошел до железа, ушел от мудрости и не дошел до разума». Истоки этого кошмара, показанные в книге Замятина, ведут к «Мертвым душам» и «Мелкому бесу» (Иванов-Разумник, «Земля и железо»,

Р. Вед., 6 апр.). «Книга очень хорошая, прямо радостная, хотя жути в ней много, слишком много. Но радостная по таланту автора», который хорошо знает русское Пошехонье и любит его «страдающей, надрывной» любовью Достоевского. «Ни одного светлого лика», не видит этот «одноглазый художник», нарочито концентрирующий черноту (Н.Апешов, «Жуткая явь», «День», 10 апр.). С первых же страниц Замятин пленяет яркостью рисунка, он «перевоплотил» Ремизова в духе «оптимистической природы» «своей души»; этот «художник плоти, живой твари, всего что дышит, размножается, плодится», у него сквозит «симпатия к человеку, грязному, пришибленному, даже одичалому». Из всех его преувеличений, даже шаржей глядит «убедительная явственная» правда (Вяч.Полонский, «Заметки о молодых», Лет., № 3). «Тяжелая и темная книга» «одаренного, но крайне близорукого писателя» (В.Берсенева, «О молодых», Утро Рос., 9 апр.). В манере и стиле этого молодого писателя чувствуется «почти каноническая твердость и законченность». Новыми, самостоятельными наблюдениями автор, в сущности, не богат, но скоплением и преувеличением старых, «утрировкой положений и языка» производит на читателя «впечатление допотопной дикости изображаемой жизни». «Победителя не судят», но монотонность стиля «под конец утомляет читателя»; автору нужно вырваться из круга «уездного русского человека» ([А.Б.Дерман], Р. Зап., № 4, Б-фия). У этого «чрезмерно трезвого молодого художника» — «сознательность, целесообразность, рассчитанность приемов изображения и стиля», он пишет «испорченным, тусклым, серым языком, одинаково далеким как живому народному, так и литературному» (А.Дерман, Р. Вед., 6 июля). В «Уездом» нет «ни примелькавшихся оборотов разговорного языка, ни истрепанных литературных клише»; проза Замятина «тяготеет к синтетическому образу, нередко прибегая к помощи космического гротеска» (А.Гвоздев, Сев. Зап., № 6). «Здоровое чутье “корней” жизни позволяет Замятину “безвредно” преодолевать очень тяжелые и ответственные темы». Коренное отличие Замятина от Ф.Сологуба и А.Ремизова в том, что «там, где эти писатели противопоставляют отрицаемой ими сплошь “жизни-быту” — мечту и сказку, Замятин открывает в самой жизни прекрасные возможности перерождения» (рассказы «Старшина», «Кряжи») (А.Гизетти, Еж. Журн., № 6). «Талантливо, со знанием быта и яркой обрисовкой типов» показаны «глухие углы России, куда не долетает движение жизни». «Несмотря на сюжеты из серой и тусклой жизни «в его творчестве звучат здоровые начала, которые бодрят читателя» (Т.Ганжулевич, «Нива», ежемес. прилож., № 6, Б-фия).

«Прочитай “Уездное” Замятина, — писал Горький Е.П.Пешковой в июле 1917 г., — получишь удовольствие» (Арх. Горького. Т. IX, с. 201).

Н.Клюев — «Мирские думы. Стихи». Пг.: изд. М.В.Аверьянова, 1916, тираж — 1000.

На экземпляре, подаренном Блоку 8 февраля, Клюев сделал надпись: «Сладчайшему Брату Александру Блоку» (Николай Клюев. Письма к Александру Блоку. М., 2003, с. 67, 103).

Поэт прошел большой путь развития от первого сборника «Сосен перезвон»: «чужой символизм... уступил место крепким образам, уже несомненно принадлежащим» Клюеву (Н.Венгров, Совр. Мир, № 2). «Со старонародным словом, со старонародной мирской думой приходит в город Клюев; сила его в земле и в народе...» Мирская «дума о войне», «может быть, на первый взгляд покажется... квасною, заносчивою, зазвонистою», по существу же она «далека от такой залихватской сусальности». «На Русь деревенскую, лесную, полевую... поднялось войной железо: вот глубина мысли народной». «Конечная победа — за силой любви, за силой духа, а не за силой железа, в чьих бы руках оно ни было» (Иванов-Разумник, «Земля и железо», Р. Вед., 6 апр.). Война заставила «жадно прислушиваться к голосам деревни», которую мы променяли «на разную западную безвкусицу и трескучую дешевку модернизма». Поэзия Клюева, «самого талантливого, мудрого и цельного» из поэтов-крестьян, передает «правду потрясенной души народа» (З.Бухарова, «Нива», ежемес. прилож., № 5, Б-фия). Стихи Клюева «глубоко народны... и в то же время отмечены неподдельным мастерством» (Г.Иванов, «Черноземные голоса», Р. Воля, 1917, 23 сент.).

Сергей Есенин — «Радуница». Пг.: изд. М.В.Аверьянова, 1916, тираж — 930.

«В этой весенней и очень молодой книжечке стихов» — «большая любовь к земле и травам». Однако, «творчество под лубок» присуще Есенину, как и остальным поэтам его направления (Н.Венгров, Совр. Мир, № 2). В его поэзии говорит «непосредственное чувство крестьянина»: «славословие природы, поэзия быта, искорки молодой любви и молитвы Богу» (П.Сакулин, «Народный златоцвет», Вест. Евр., № 5). «Явственно звучат религиозные настроения, по временам сливаясь с простодушными народными верованиями» с оттенком пантеизма (Ю-н [Н.Н.Вентцель], «Поэт “из народа”», Н. Вр., прилож., 27 авг.). «И потому, что гости из народа редки, и потому, что Есенинский “сухой кошель” подлинен, а не изготовлен в теат-

ральной костюмерной, и, главное, потому, что новоприбывший пришел “с улыбкой радостного счастья” — и семье поэтов, и критике подобает принять его бережно»; «С.Есенин в начале длинного и широкого пути» (Андрей Полянин [С.Я.Парнок], Сев. Зап., № 6). Песни «рязанского Леля» «овейны дымкой кроткой... чисто славянской грусти» (З.Б. [З.Д.Бухарова], «Нива», ежемес. прилож., № 5, Б-фия). «Нужна особая смелость, чтобы после А.Блока писать стихи о России». Смелость Есенина оборачивается «сарафанами, девичьими голосами, удалыми парнями и прочей бутафорией» (Б.Олидорт, Приаз. Кр., 11 авг.). Сквозь «красивость и гладкость стихов» просвечивают крупницы черноземной силы (Г.Иванов, «Черноземные голоса», Р. Воля, 1917, 23 сент.).

10 февраля Есенин дарит Горькому свою первую книгу с надписью: «Максиму Горькому, писателю земли и человека, от ба-яшника соломенных суетов Сергея Есенина на добрую память» (ЛЖТ Горького. Вып. 2, с. 545).

В начале 1917 г. Н.А.Клюев писал А.В.Ширяевцу о «Радунице»: «Это чистейшая из книг, и сам Сереженька воистину поэт — брат гениям и бессмертным» (De Visu. 1993, № 3, с. 31).

Игорь Северянин — «Мимозы льна». А.Масаинов — «Новые поэзы». «Поэзоальманах двух». Пг., 1916, тираж — 1500.

Северянин отрекается от изысков, «отрешается от молодечества и краснобайства», ищет простоты. Его молодой коллега «старается поразить наши сердца мировой скорбью, которую носит в себе» (Ал.Ож. [Н.П.Апешов], Совр. Мир, № 4).

С.Парнок — «Стихотворения». Пг., 1916, тираж — 550.

«Не молодая и не старая, безвременная, бесконечно усталая и насквозь женская душа говорит из этой поэзии» (А.Герцык, Сев. Зап., № 2). «Она не мужчина и не женщина, а человек... София Парнок выходит к нам с умным и строгим лицом поэта» (В.Ходасевич, Утро Рос., 1 окт.). Рядом с «нотами исступления и боли, в лирическом голосе С.Парнок есть уклоны грации и нежности» (М.Волошин, «Голоса поэтов», «Речь», 1917, 4 июля).

С.Елпатьевский — «Литературные воспоминания (Близкие тени)». Часть 2-я. М.: кн-во писателей, 1916, тираж — 2000 (Л.Толстой, П.Ф.Якубович, Д.Н.Мамин-Сибиряк, Н.Ф.Анненский, В.М.Соболевский).

Очерки Елпатьевского «читаются с неослабевающим интересом и представляют собою ценный материал для биографий»,

ибо профессия врача позволяла мемуаристу близко подойти к своим «пациентам», оставаясь «вдумчивым психологом и художником» (Б.Никонов, «Нива», ежемес. прилож., № 7, Б-фия).

Март

М.Горький — рассказ «Несогласный» (Киев. Мысль, 25 марта); «Письма к читателю» (Лет., № 3); заметки «О современности» («Новый колос», № 11, 21 марта).

Ив.Бунин — рассказ «Сын» (Сев. Зап., № 3).

А.Блок — «Ищи разгадку ожиданий...» (Бирж. Вед., 27 марта); «В сумерки девушку стройную...», «В дали мигнул огонь вечерний...» (Еж. Журн., № 3).

Андрей Белый — статьи «Гремящая тишина», «Горизонты сознания», «Кризис жизни» (написаны в Базеле) (Бирж. Вед., 15, 17, 30 марта). «Певец севера, Блок,— писал Белый во второй статье,— голос в хоре, а хор, то есть Ницше, Стриндберг, Толстой, Достоевский и прочие, прочие, прочие,— этот “хор” был когда-то осмеян; потом же был отдан он переплетчику...» «Гуманизм убит механизмом...» — утверждал он в третьей статье. «Противление человеческой совести против механики жизни — в этом корень трагедии сознания нашего, в ней — кризис сознания; в нем — кризис жизни; внешние выражения кризиса — междоусобия, войны, болезни, убийства, наконец, коллективное помешательство».

Марина Цветаева — «Какой-нибудь предок мой был — скрипач...», «Але» [два стихотворения к дочери] (Сев. Зап., № 3).

5 марта в Большой аудитории Политехнического музея состоялся вечер В.Брюсова, устроенный Литературно-драматическим обществом им. А.Н.Островского в пользу климатической станции на Кавказе для увечных артистов-воинов. В своем вступительном слове Вяч.Иванов назвал Брюсова «мастером, уже воспитавшим целое поколение поэтов». «Лирика всегда есть диалог между “я” и миром. В поэзии Брюсова несомненно больше мира, нежели “я”... Некогда отщепенец от жизни, он сумел вернуться к ней и стать поэтом жизни, неумолчным поэтическим эхом того, что переживаем мы все». Затем Брюсов прочел ряд неизданных стихотворений. С чтением стихов поэта выступили

О.В.Гзовская, Е.М.Садовская и другие («Вечер Валерия Брюсова»; Вяч.Иванов, «О творчестве Валерия Брюсова», Утро Рос., 6 и 17 марта).

6 марта А.Блок записал: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — *невеликость* (невысокое). Она — просто огромная фабрика в ходу, и в этом ее роковой смысл... Отсюда — невозможность раздуть патриотизм; отсюда — особенный обман малых сил (солдаты, твердящие о “тевтонах”, или: “Мы, серые герои, уже шестой месяц проливаем свою последнюю каплю крови за отечество”)... То положение, которое занимает ныне искусство, очень высоко (кажется же наоборот). Подвигив бывает мало, — а сотен не бывает (почти все подвиги подозрительны)» (Зап. Кн., с. 283).

6 марта С.П.Каблуков пишет Вяч.Иванову: «Рассказ Мандельштама о том, как Вы отнеслись к его поэтической работе, очень меня утешил... Я был счастлив узнать, что и Вы признали его стихи, и что я не ошибся, выделяя его из среды иных “акмеистов”, и никогда не признавал “акмеизма”» (О.Мандельштам. Камень. Л., 1990, с. 253).

8 марта Н.Н.Асеев пригласил А.Блока как «поэта, сильнейшего из Вашего поколения», участвовать в сборнике издательства «Лирень», который явится «союзом сильнейших» и будет «править распушенным донельзя вкусом широких масс». Блок ответил 20 мая: письмо «показалось несерьезным, потому что Вы как-то торжественно называете себя “сильнейшим”. Ну, скажите, кто же это так о себе думает; разве в полемической брошюре, а в письме зачем? — Это не по-русски» (ЛН, т. 92, кн. 4, с. 700–701).

10 марта Ф.Д.Крюков пишет В.А.Розенбергу о судьбе своих военных очерков в «Русских ведомостях»: «Пробовал кое-что послать Вам, выбирал впечатления наиболее мягкие и доброкачественные... Очень хотелось бы сказать хоть малую крупницу правды, — но если неизбежна ампутация в том размере, в каком подверглись ей предыдущие статьи, то ни о чем кроме галицийских жаворонков и сестер милосердия, пожалуй, и нельзя будет написать». 4 июля сообщил, что посылает последний очерк: «Оставшийся материал — наиболее интересный, по-моему — никак нельзя будет использовать по нынешнему времени, — безнадежное дело. Да и то, что писал, приходилось изрядно подсахари-

вать, за что сурово был критикуем тов. Мякотиним...» (РГАЛИ, ф. 1701, оп. 2, ед. 239).

10 марта А.В.Ширяевец пишет В.С.Миролюбову: «Сладко журчащий о России, о русском народе г. Блок, оказывается, не расположен заводить знакомства с писателями из народа. Не принял меня, а до меня не принял Сергея Клычкова... Один только Есенин попал к нему, да и то обманным путем... После нескольких писем к нему и вызовов к телефону, я, явившись к нему, поторчал в прихожей, и горничная вынесла мне книгу его "Стихи о России", которую я купил в магазине и с которой явился к их степенству, с просьбой дать автограф. Автограф-то в книге был, но автора видеть не сподобился...» (De Visu. 1993, № 3, с. 29).

19 марта в собрании журнала «Аполлон» Н.Гумилев читал свое новое драматическое произведение «Дитя Аллаха» (Апол., № 4-5, с. 86).

В.Боцяновский сообщает об образовании в Петрограде молодого литературного кружка «Медный всадник», ставящего своей целью изучение русской литературы (Бирж. Вед., 13 марта).

Вяч.Полонский — «Заметки о молодых (Чапыгин, Никандров, Замятин)» (Лет., № 3). «Непохожие, чужие друг другу, — они точно условились, не шая никого — говорить правду, только правду, ничего, кроме правды». Чапыгин изображает мужика, Никандров — пригородного мещанина, Замятин — уездного обывателя, «ведь это вся почти Русь, с трех концов сразу». «Пафос самобичевания», который овладел современной литературой, «совершает огромную исцеляющую работу».

На эту статью возражал А.Гизетти («Возрождение или вырождение (О журнале "Летопись")», Еж. Журн., № 4). Полонский «забывает, что голая правда факта, неподвижная правда сегодняшнего дня еще не вся правда, что за ней стоит правда идеи, правда дня завтрашнего, правда непрерывного роста и непобедимого развития сил жизни». Если руководители «Летописи» пытаются «выдвинуть схему Маркса», тогда нужно было бы остановить работу журнала криком: «Опомнитесь, что вы делаете?» Но «правдоподобнее» кажется другая платформа «Летописи»: пессимистическая оценка начала национальности, принцип международной и классовая обособленность пролетариата и его интересов.

А.С.Изгоев — «Летописные скандалы» (Р. Мысль, № 3). Вся ответственность лежит на руководителе журнала, публицистика которого «представляет явление грустное, яркий образчик нашей некультурности».

С журналом «Летопись» усиленно полемизируют, сурово и резко его осуждают. Между тем, журнал «составляет единый ансамбль, он дышит определенным, единым настроением». Два основных лозунга его: неопросветительство и неозападничество. Оценка национального русского характера — наиболее уязвимая позиция Горького, крупного художника, но отнюдь не социолога и философа. Статья «Две души» создала «некоторое якобы выигрышное положение для многих маститых от публицистики, но “Летопись” в лице Горького все же обвеяна светлой любовью к действительности и свободной культуре и пламенно призывает к активному гуманизму» (М.Лиров [М.С.Литваков], «О “Летописи”», Киев. Мысль, 2 марта).

Л.Клейнборт — «Поэты-пролетарии о войне» (Совр. Мир, № 3). «В первые же дни войны закрылись рабочие газеты столицы, все профессиональные журналы», потом кое-где появились вновь. Поэты-пролетарии печатаются в «Ежемесячном журнале», «Жизни для всех», областных альманахах, порою их имена встречаются в «Летописи», «Северных записках», «Ниве» (критик отчасти пользуется и рукописным материалом). Стихи рабочих «не являются выражением пафоса войны как такового», «в отличие от поэтов, оглушивших нас своими барабанами». В начале рабочая интеллигенция заговорила о «непротивлении» войне, затем с успехами немцев нашла свое отражение «идея защиты от врага». Однако поэт-пролетарий неохотно подходит к темам фронта, преобладают темы тыла.

А.Ожигов [Н.П.Ашешов] — «Романы пореволюционного краха» (Совр. Мир, № 3). «Война несколько оборвала то течение в нашей художественной литературе, которое сложилось под непосредственным психологическим давлением тяжелого похмелья пятого года» (А.Соболь «Пыль», В.Винниченко «На весах жизни», Г.Чулков «Сережа Нестроев», И.Новиков «Между двух зорь», Р.Григорьев «Недавнее»). Во всех этих произведениях публицистика преобладает над художественностью, все они обнаруживают «тягу к пересмотру старых ценностей».

В.Матвеев — «Поэт обыденности» (Утро Рос., 12 марта). Б.Зайцев описывает «ту будничную, серую действительность, от которой другие писатели бегут в область вымысла... отвлеченных

идей, повышенных настроений. Другие ищут широких масштабов, останавливаются на исключительном... Зайцев берет только точное, ровное, конкретное... У него нет учительства, нет проповедничества, нет определенной идейности. У него нет даже исканий; только отражения...»

Ал. Бенуа — «О «розни среди художников»» («Речь», 11 марта). О продолжающихся нападках журнала «Аполлон» на «Мир искусства». Это не настоящая рознь, которая свидетельствует о жизнеспособности и развитии, а ее «симуляция, род самоподстрекательства», «скучный и никому не нужный спорт», ведь «Аполлон», называющий Ал. Бенуа парнасцем, тоже парнасец, «сколько бы ни старался он казаться смелым и задорным».

Н. Пунин — «По выставкам («Союз русских художников» и «Мир искусства»)» (Сев. Зап., № 3). Низкий уровень и «дряблость» «союзников», случайный состав (С. Жуковский, Н. Крымов, К. Коровин, Л. Пастернак и др.). Выделяется Крымов своими «крепкими, проработанными» натюрмортами. «Мир искусства» — самое популярное течение современности и еще недавно его выставки жили «царственной жизнью», теперь пять комнат выставки заполнены, в основном, декорациями, костюмами, эскизами, иллюстрациями и другой «прикладной стилизацией». В целом для выставки характерны «холодное беспристрастие» и «эстетическая вялость». Лишь К. Петров-Водкин выделяется, Б. Григорьев и С. Судейкин вызывают интерес. Молодежь, которой «Мир искусства» «надеется освежить свою кровь» (И. Машков, П. Кончаловский, Н. Альтман, Л. Бруни), на выставку не принята.

А. Левинсон — «Мир искусства» (Лет., № 4). «Пляска на костях» «Мира искусства» стала «ходячим графаретом», но на его выставках «дана мера русского искусства сегодняшнего дня», представлено «искусство стильных экспериментов» (П. Кончаловский, И. Машков, Б. Кустодиев, Б. Григорьев, А. Яковлев и др.). Но это только «синица в наших руках».

Петроградский старожил [В. В. Розанов] — «Анкета об евреях (Л. Андреева, Ф. Сологуба и М. Горького)», «По поводу одной анкеты» (Моск. Вед., 8, 10 марта). Присоединяется к «торговцу из Риги», который назвал упомянутых писателей «преступниками правительства».

Вяч. Иванов — «Эстетическая норма театра» (Нов. Жизнь, III, без указания месяца). Россия переживает «время переходное» и театр — «верный свидетель о том, чем живет эпоха»: том-

ление по соборности лишь «вспыхивает то здесь, то там, случайно, искаженно, уродливо», нет «единомыслия об истине и единочувствия в добре», религия стала «частным делом», героическое начало ослабло. Будущее нужно творить, а не гадать о нем.

М.Горький — «Лето». [Собр. соч.]. Т. 14. Пг.: «Жизнь и знание», 1916, тираж — 10400 [с большими цензурными изъятиями].

«Слово». Сб. шестой. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 7100 (Л.Андреев «Младость», В.Вересаев «Дедушка», И.Сургучев «Мельница», Ал.Н.Толстой «Искры», Ив.Шмелев «Лик скрытый»).

В «диалогической повести» Л.Андреева «мысль предшествует живому действию и живым людям» (тема преодоления самоубийства). Не скрыл своей тенденции и Вересаев («блаженство своевременной смерти»). Шмелев сумел «ярко воспроизвести войну, не показывая сражений, а показывая задетые ею души. И чувствуешь великое разорение современного человечества: гибнет тело человеческое и ожесточается душа его». Зато у Ал.Толстого «зрение преобладает над умозрением». Писатель «тароватый, легкий для себя и других», он «не любит глубин и уверенно переступает через них», но талантливость примиряет со всем, «а у него она изо всех пор идет, буйная, бесшабашная, бессмысленная и нельзя ей противиться». У Сургучева «бесплодное притязание на изысканную утонченность» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 28 марта). «Схематизация и теоретизация наложили отпечаток на почти все произведения». Идея Вересаева — «о грехе продления человеческой жизни после наступления духовной смерти», но мыслитель оказался сильнее художника. Шмелев показал «духовный быт войны» «без помощи специфических “военных” эпизодов, пошлых и лживых». Л.Андреев встал на «путь лирически примиренного приятия действительности». В «Искрах» Толстого «все те же яркие отдельные детали, все тот же кинематографический быстрый темп рассказа, все та же небрежность, кокетливая легкость письма» (М.Левидов, Лет., № 4). «Младость» возрождает веру в художественные силы Андреева. А.Толстой рассказывает «простую, скорбную историю», не похожую на его обычные густообличительные повести. Герой Шмелева верит в «таинственный мировой смысл», который ведет человечество через страдание к «великому равновесию» будущего (А.Гизетти, Еж. Журн., № 5). Первое действие «Младости» написано радостно и талантливо, а дальше начинается наваждение. Сургучев испортил бытовой материал вычурностью. Вереса-

ев проповедует нищенское отношение к смерти: «Stirb zur rechten Zeit!» [«Умри вовремя!»]. Ал. Толстой вновь провозглашает «высшим законом» жизни любовь. Шмелев пытается осознать «метафизику войны» ([А. М. Редько], Р. Зап., № 6, Б-фия). Л. Андреев и Вересаев написали насквозь тенденциозные вещи. А. Толстой проявил «меткость глаза», «бессознательную художественную щедрость» и «неправдоподобную фантазию». Рассказ Шмелева отличается «серьезностью замысла, трепетной лирикой уязвленной ужасами наших дней души» (А. Дерман, Р. Мысль, № 7).

В. Маяковский — «Флейта-позвоночник». Пг.: «Воля», 1916, тираж — 600*.

«Из всех истерически голосивших о начале новой эры в литературе В. Маяковский — единственный, кажется, у которого судорога — не дешевая подделка под безумие, но подлинный пафос поэта». Маяковский нагромождает «хаос образов, диких и фантастических... И хаос этот пронизывает истинная человеческая боль... На скрещении ревуших улиц, среди автомобилей и трамваев, среди тысяч спешащих людей — силуэт человека, голосом, перехваченным судорогой, поющего романтическую песню о последней любви: таков Маяковский» (Б. Олидорт, Приаз. Кр., 29 сент.).

Максимилиан Волошин — «Anno mundi ardentis 1915» [«В год пылающего мира»]. М.: «Зерна», 1916, тираж — 500.

«Великолепной риторикой отзывается на войну М. Волошин» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 25 апр.). «В великой борьбе наших дней М. Волошин видит осуществление апокалиптических откровений, себя же представляет пророчеством». Это «одна из немногих книг о войне, особенно в стихах, которую читаешь без досады, без чувства оскорбления, но с волнением, хотя его источник — не в поэте, а в величии переживаемого нами» (В. Брюсов, Р. Мысль, № 6). «С глаз поэта точно упала повязка. Как марево, расплылись ядовито-лиловые “Киммерийские сумерки”. Он увидел мир страшный и простой — залитый кровью, содрогающийся от грохота пушек». Темы его стихов — война, «не сражения и не геройские подвиги, а та гигантская ее тень, которая лежит на наших городах и наших душах» (Г. Иванов, Апол., № 6-7). В образах книги — «темный бунтующий хаос, разо-

* По «Книжной летописи» проходит 3-10 марта. В «Хронике» Катаняна датируется по типографскому счету от 19 февраля, что должно было предшествовать фактическому выходу книги в свет.

рвавший покровы современного сознания» (В. Жирмунский, Бирж. Вед., 9 сент.). «Пылающие дни» Великой Войны никак не отразились на стихах испытанного эстета (Б. Олидорт, Приаз. Кр., 13 окт.). Среди «шумов бранных» книга Волошина «звучит тихо и отдельно», но в ней больше риторики, чем поэзии (К. Липскеров, Р. Вед., 1917, 11 янв.). «Остался прежним строгим и холодным парнасцем» (Д. Выгодский, «Поэзия и поэтика», Лет., 1917, № 1).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 24. Пг., 1916, тираж — 4100 (Л. Андреев «Тот, кто получает пощечины», Ал. Н. Толстой «Золотая цепь», драма С. Шиманского «Кровь»).

Девять десятых альманаха занято произведениями, уже широко известными читателю (пьесы Л. Андреева и С. Шиманского). Рассказ Ал. Толстого не может быть назван удачным (Ад. Б. [А. П. Пинкевич], Лет., № 3). У Ал. Толстого «кажущаяся небрежность рисунка только усиливает впечатление конкретности и жизненности» (А. Гвоздев, Сев. Зап., № 6).

Ив. Касаткин — «Лесная быль. Рассказы». М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 2100.

В каждом рассказе чисто этическое задание: «вырвать из жизни угнетающее ее зло», отсюда тенденциозность, отсутствие свободы в изображении (А. Дерман, Р. Вед., 13 июля). «Язык, которым он повествует про суровую, неприкрашенную жизнь своих серых и темных героев, чересчур уж цветист, разукрашен и не прост», от положительных героев «отдает позаимствованием из Горького эпохи “Лета”, “Матери” и др.» ([А. Б. Дерман], Р. Зап., № 7, Б-фия). «Тягостная книга» Касаткина состоит из «бытовых фотографий крестьянской жизни», повествующих «о невылазном лошадином труде, о звериной жизни, о черных обидах от людей и от Бога» (И. Дж[онс]он [И. В. Иванов], Совр. Мир, № 10). Касаткин учится четкости рисунка у Чехова, Бунина, Горького; он «чужд тенденции: у него нет ни озлобления, ни жалости к мужику» (С. Фомин, Нов. Журн. для всех, № 2-3, Нов. Кн.).

М. Шагинян — «Семь разговоров. Вторая книга рассказов». Пг.: изд. М. И. Семенова, тираж — 2000.

Коренной порок автора — «игра в беспринципность» — сказан в заглавном рассказе, где идет выяснение мотива теперешней войны ([А. Б. Дерман], Р. Зап., № 4, Б-фия). Все, что посвящено войне, заслуживает особого внимания (Ф. Степун, Сев. Зап., № 10). «Ее рассказы не от художества, а скорее от

морали». Заглавный рассказ «повит чертами злободневности» (беседы среди партии задержанных немцами иностранцев) (М.К-кий [М.С.Королицкий], Нов. Журн. для всех, № 7/8). В рассказах «мораль без морализирования», «духовная свобода, игра души, мягкость изящного рисунка», «ирония и тонкая шутка» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 4 апр.).

Ник.Бердяев — «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». М., 1916 (на обороте титула — 1915), тираж — 1500.

13 сентября Н.А.Бердяев писал неизвестному лицу: «Моя последняя книга... достаточно доказывает, как я далек от "сухой и черствой церковности"... Вера не может быть навязана, она может быть плодом жизненного пути и опыта... Всякое творчество есть недовольство "миром", преодоление "мира"... Я бы хотел, чтоб современная молодежь помнила и любила Ницше и путь Заратустры... Путь свободы — суровый путь и трудный. Легкий путь — путь рабства» (сб. «Взыскующие града». М., 1997, с. 666–667).

Книга «с личным устремлением к истине... с личным героизмом». Однако с мыслью о ненужности «личной святости» в эпоху «нового религиозного сознания» согласиться нельзя (В.Ветлугин [В.В.Розанов], «Колокол», 1, 6 мая). Бердяев реставрирует «байронические» и «демонические» идеалы, что противоречит русскому типу религиозности и близко к католицизму (Петроградский старожил [В.В.Розанов], «Новая религиозно-философская концепция», Моск. Вед., 27 мая). У Бердяева, как и у Достоевского, есть опасное стремление к русскому «мессианизму»; он зовет Россию «к религиозному творчеству, к религиозному героизму, к религиозному величию», между тем «метафизический принцип России» — лень. «И вообще "больших высот" не надо в мире. Опасно. Страшно тревожно» (В.Розанов, «Идея мессианства», Н. Вр., 10 июня). Книга Бердяева «жестоко не нужна суровым нашим дням» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], «Предмет десятой необходимости», Утро Рос., 17 сент.). «Страстное творение высоко и дерзко взмывающей мысли, горящей воли и опрометчивого своеволия». Желая «оправдать человека», он скорее «обвинил наперед», потребовав от человека оправдания. «Рознь Бердяева с православием не столько рознь сознания, сколько психологическая рознь» (Вяч.Иванов, «Старая или новая вера?», Бирж. Вед., 1917, 6 янв.).

Н.Бердяев ответил Розанову статьей «Апофеоз русской лени» (Бирж. Вед., 20 июля). Розанов «выбалтывает тайну обывательской России», он «не хочет истории, боится истории. Ему неприятна мысль о превращении русского человека... из обывателя в

гражданина и ответственного творца жизни». Между тем «русский народ, на вершинах своих, в глубине своей, хочет не бытовой, не мещанской, а божественной, абсолютной жизни».

В. Розанов, в свою очередь, ответил статьей «Из философии народной души (На возражения Н.А. Бердяева о “русском мессианизме”» (Н. Вр., 30 июля). «Величавость” безгранично много стоит бедным людям, простым людям». Тишина, кротость, порядок и незлобивость — «это вечная и настоящая демократия» («Великая Российская державушка» Александра III). Мессианизм — «дело рук Божиих», «преднамеренные же мессианизмы не удаются». Россия так «сильна и велика», что ей «решительно ничего не надо», как только «лежать на боку». «Русская история в некоторых частях испорчена, — и именно в тех, где она суетилась. Но где “лежала” — всегда выходило хорошо и успешно».

Г. Чулков — «Судьба России. Беседа о современных событиях». Пг., 1916, тираж — 1200.

Апрель

М. Горький — «Воспоминания. Гривенник» (Киев. Мысль, 10 апр.).

Ив. Бунин — рассказ «Легкое дыхание» (Р. Сл., 10 апр.).

Евг. Замятин — рассказы «Кряжи» («Речь», 10 апр.), «Бог», «Дьячок», «Петька» (Лет., № 4).

А. Блок — цикл «Экклезиаст» («В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...», «Испытанный, стою на грани...», «Мысли мои утопают в бессилии...») (Бирж. Вед., 10 апр.); статья «“Роза и Крест” (К постановке в Художественном театре)» (Утро Рос., 3 апр.).

В пасхальном номере «Русского слова» (10 апр.) помещены стихотворения А. Блока «Коршун», «Ветер» («Дикий ветер стекла гнет...»), «Дождик» («На улице дождик и слякоть...»), «Песня» («Лениво и тяжело плывут облака...»), Вяч. Иванова «Над окопами», С. Городецкого «Христовым именем», Д. Мережковского «Воскреснет (Из дневника)», рассказы и очерки К. Тренева, Тэффи, В. Дорошевича, А. Амфитеатрова и др.

В пасхальном номере «Утра России» (10 апр.) напечатаны стихи А. Блока «Боец», «Ворожба», «У дверей», М. Кузмина «Ап-

рель», рассказ З.Гиппиус «О прошлых», историческая новелла В.Брюсова «Последний император Трапезунда», статья Вяч. Иванова «Два лица русской души», Н.Бердяева «Смерть и Воскресение» и др.

М.Пришвин — очерки «По хозяйству», «На посевах» («Речь», 7, 24 апр.).

Андрей Белый — базельские очерки: «Природа», «У немецкой границы» (Бирж. Вед., 7, 29 апр.).

Борис Пильняк — рассказ «Целая жизнь» (Р. Мысль, № 4).

13 апреля в Петрограде, в Александровской зале Государственной думы, состоялся вечер И.А.Бунина (председатель Ф.Ф.Зелинский). Вступительное слово П.С.Когана «И.А.Бунин (К сегодняшнему вечеру поэзии Бунина)» (Бирж. Вед., 13 апр.): Бунин «не примкнул ни к одной из многочисленных поэтических школ, остался в стороне от широкого потока модернизма». Его упрекали в «холодности» те, кто «легко принимает грубый крик за проявление истинной страсти». «Талантливое не может не быть общественно важным. И “общественная” критика, если только она правильно понимает свое назначение, требует от поэта только таланта и правды. Этим владеет Бунин». Сам поэт выступал с чтением своих стихов (Бирж. Вед., 14 апр.).

15 апреля в Петрограде, в Тенишевском училище, состоялся вечер современной поэзии и музыки в пользу лазарета Вольного экономического общества. Среди участников: Г.Адамович, А.Ахматова, С.Есенин, Г.Иванов, Р.Ивнев, Н.Клюев, М.Кузмин, О.Мандельштам, Ф.Сологуб, Тэффи. В музыкальной части — выступление С.С.Прокофьева (Бирж. Вед., 14 апр.)^{*}.

16 апреля В.Г.Короленко отвечает гимназистам, намеревавшимся создать журнал, «объединяющий литературные силы средних учебных заведений»: «На общее внимание имеет право только то, что его заслуживает само по себе, а не потому, что его пишет гимназист или рабочий» (т. 10, с. 536).

18 апреля в «Письме в редакцию» «Биржевых ведомостей» Ф.Сологуб заявляет о своем выходе из Общества изучения еврейской жизни. Разногласия возникли в связи с замужеством

^{*} А.Блок был объявлен, но участия не принимал (Зап. Кн., с. 295).

редакцией сборника «Щит» статей Н.А.Бердяева. С поддержкой Сологуба выступил и другой учредитель общества, Л.Андреев, пославший отказ от участия в делах Комитета.

26 апреля И.А.Бунин дал интервью для «Одесских новостей»: «Какие теперь литературные течения? Не то, что в прежнее время бывало, что ни зима, то два-три новых течения. С начала войны все ударились в военные темы. Потом, конечно, сбавили тон... И сейчас в ходу военная литература, создающаяся, однако, ремесленным образом, больше литературными мастеравыми». Горький «увлечен “Летописью”, имеющей, очевидно, успех. Вообще, все, с кем приходилось говорить, довольны успехом журнала у публики. Отовсюду слышишь, что число подписчиков увеличивается, тираж растет*. Хорошо работает и наше Московское книгоиздательство писателей. Очевидно, спрос на настоящую литературу есть».

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «Литературное сегодня» (Утро Рос., 2 апр.). «Взрыв первого “патриотизма” объединил всех. Толкнул и писателей на воинственные клики... Однако ни из первого “грома”, ни из последующих более умеренных “фронтовых” писательских попыток никакой литературы не вышло», и писатели «возвратились в то самое чистое поле чистой литературы, где гуляли все последние годы». «Отсутствие чисто фронтовых тем — это была бы только радость», но «разве не кипит войною всякая струйка всякой теперешней жизни», в то время как писатели «стараятся зажечь довоенный огонек».

Иванов-Разумник — «Земля и железо» (Р. Вед., 6 апр.). Между «глубиной народа» и «вершиной культуры» лежит «восток» России — городок Окуров, который «ушел от земли и не дошел до железа, ушел от мудрости и не дошел до разума» (его изображают Горький, Замятин). Горький — «не от земли, а от окраины» Окурова, «искать народ... его душу, его мудрость» надо не у Горького, а у Клюева.

В.Базаров — «Заколдованное царство» (Лет., № 4). В русской литературе нет ни настоящей комедии, ни настоящей трагедии — одна трагикомедия. Публицисты сейчас славят «наше национальное возрождение» через жертвенность, кротость, твердость в бедствиях. Все эти качества «нашей прогрессивной мыслью считались вернейшими симптомами духовного паралича».

* Тираж «Летописи» — 10000. 22 февраля Горький писал К.А.Тимирязеву, что нужно бы печатать 12000, но нет бумаги (т. 29, с. 352).

К.Эрберг — «О кубизме» (Р. Мысль, № 4). Защищает кубизм «от невежественных нападок большой публики», полагая, что кубизм вырос из корней неоимпрессионизма, за ненавистью к прошлому видит любовь к будущему искусству.

Ал.Бенуа — «По поводу “еврейской выставки”» («Речь», 22 апр.). Пример того, что не следует делать, — устраивать выставки по национальному признаку, тем более, что «отсутствуют главные гордости еврейства — Левитан и Бакст». Нет на выставке и М.Шагала, чья главная прелесть состоит не в национальном начале, а в художественном. В «грязной, вонючей “жидовской дыре”», которую рисует Шагал, есть «улыбка Бога», он «не украшает, не исправляет того, что видит», он это любит. Остается настоящим художником «с тяготением к символу, к стилю»; «в нашу эпоху поголовного гаерства и лганья» его живопись «полна и прелести, и красоты, и поэзии»; сдержан в красках среди всеобщего «дранья глоток».

Андрей Белый — «Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом». Пг., 1916, тираж — 6000.

Отдельные рецензенты остались на позициях отрицательных или недоумевающих. «И теперь все еще эта истерика, интеллигентское всхлипывание и кружение кликуши. На-до-е-ло... Вы проспали войну и ту огромную перемену, которую она во всех нас сделала и делает... Был Андрей Белый — сплыл Андрей Белый» (П.Перцов, «Конец Андрея Белого», Н. Вр., 17 июля). Этот «нестройно написанный роман» теперь «многими возводится на непререкаемую высоту, на высоту новых форм, на высоту гениального прозрения». Между тем это просто «беллетристическая транскрипция» Розанова, платье андерсеновского короля, которым столько восхищаются «из боязни показаться “отсталыми” или из чувства снобизма» (А.Гидони, «Омраченный Петроград», Апол., № 9–10). «Петербург» — вторая часть трилогии, задуманной А.Белым, «Восток или Запад?» (первая часть — «Серебряный голубь»); в первых романах мы имеем только «тезис» и «антитезис», «синтез» — впереди. «В “Серебряном голубе” перед нами Россия без Запада, темная, земляная, нутряная... “Петербург” — это... Запад логической схемы и голого механизма, вырождающийся на восточной почве в духовный нигилизм», как революционный, так и реакционный. «Изображена революция — но, конечно, “быта” революции здесь вовсе нет, и если и есть, то неверный, шаржированный (вроде описания митинга), совершенно невероятный». Сенатор Аблеухов — Каренин, доведенный до предела, до шаржа, внешне в нем много от Победо-

носцева. «Путь России ведет ее к роковой борьбе с мировым нигилизмом», но победа России Христа не предрешена. В этом романе А.Белый достиг «вершины своего творческого пути. Роман этот пока не всякому доступен — не только по теме, но и по исполнению», многое в нем — от Достоевского, «и все-таки в целом у А.Белого все в романе — свое, переработанное, кровное», это вершина творческого пути писателя (Иванов-Разумник, «Восток или Запад? ("Петербург", роман Андрея Белого), Р. Вед., 4 мая). «В ряду произведений, посвященных эпохе девятисот пятого года», не было «художественной работы такого уровня», хотя и нельзя сказать, что в романе «синтезированы все элементы этой полосы русской истории» (В.Пяст, «Роман философа», «День», 12 мая). Несмотря на все «промахи и уродливости» этого гениального творения Белого, «я твердо знаю, что передо мной произведение необычайное и в своем роде единственное». Воображение поэта преследует «желтая опасность»; она «прежде всего — в крови и в духе. Она имманентна нам; она — тикающая в нашей утробе бомба». Автор — «пророчествующий от Ужаса»: «современная культура должна была глубоко изжить себя самое, чтобы достичь этого порога, с надписью на плитах "Ужас"...» (Вяч.Иванов, «Вдохновение ужаса (о романе Андрея Белого "Петербург")», Утро Рос., 28 мая). «"Петербург", может быть, самый замечательный русский роман со времен Достоевского и Толстого... Это — художественное творчество гоголевского типа и потому может быть поводом к обвинению в клевете на Россию, в исключительном восприятии уродливого и дурного». «Со временем будет признана его гениальность, большая, не способная к созданию совершенных творений, но поражающая своим новым чувством жизни». «А.Белый совсем не враг революционной идеи. Его точка зрения совсем не та, что у Достоевского в "Бесах". Зло революции для него порождено злом старой России». «Он любит Россию уничтожающей любовью и верит в ее возрождение лишь через гибель» (Н.Бердяев, «Астральный роман (Размышления по поводу романа А.Белого "Петербург")», Бирж. Вед., 1 июля). «России подлинной, России истинно русской противоположен здесь Петербург, создание искусственное, чуждое русскому естеству», правительство и революция — «две петербургские стихии, с виду враждебные, но по существу одинаково не-русские, настоящей России чуждые и для нее равно пагубные». Образы романа «рационально-сочинены и мертвенно-рассудочны»; революционеры делятся на две категории — «обманутых дураков и подлых обманщиков», представлены «порождением единого духа антирусской абстракции». «В романе А.Белого есть известная литературная значи-

тельность», «но он ничему не может научить, ничего ни ценного, ни важного, ни нового не может сказать о жизни, о России, о родине, о правде...» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 7, Б-фия). «Он не знает рецептов спасения, он смиренно молчит перед грохотом истории. И все-таки он не вселяет отчаяния: где-то за пределами изображаемых им пространств ревут и завывают бураны России, чувствуется смутно какая-то большая, могучая сила. Не ему дано воспеть пробуждающуюся жизнь, не ему решать, что придет на смену Петербургу» (Н.Подгут, Од. Нов., 14 авг.). Этот «значительный и глубоко интересный» роман оставляет двойственное впечатление: «высочайшие подьемы художнических достижений чередуются в нем с глубочайшими провалами и срывами»; «здесь нет реалистически-психологической жизненной ткани... все зыбко, неустойчиво, размывается туманом». Дана «сгущенная атмосфера неразрешимой гибельности» между двумя началами России: «темным, восточным, изначально-первобытным» и — петербургским, рационалистическим. Заметно влияние Достоевского и Гоголя (Л.С., Лет., № 12). Андрей Белый «прекрасный анатом и хирург человеческого мозга», но в этой «романической экскурсии по Петербургу 1905 года» «нет крови жизни» (Л.Волох, Приаз. Кр., 1 сент.).

Андрей Белый писал 10/23 июня из Дорнаха Иванову-Разумнику о статье «Восток или Запад»: «...Ведь это (за 15 лет моей литературной деятельности) *первая статья* обо мне, которая меня взволновала и относительно которой я могу сказать, что *критика* не только проникает мои намерения... но и... учит меня, прочищает мне самому путь...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 68).

Ив.Шмелев — «Суровые дни». [Рассказы]. Т. VII. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3000.

«Война — могучий реактив. От его приближения, если верить внушающим доверие страницам г. Шмелева, новым светом загораются крестьянские души... происходит внутреннее перевоспитание, перестраивается мировоззрение» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 23 мая). «В сжатых объективных картинах, разговорах и рассуждениях талантливый писатель дает тепло и живо почувствовать строгую и простую правду душевных переживаний деревни» (Вест. Евр., № 6, Библиограф. листок). «За исключением двух чисто беллетристических очерков (“У плакучих берез” и “На большой дороге”) книжка г. Шмелева является хроникой русской жизни... так сказать, тыла России». Вся эта литература оказалась у нас неудачной, к редким исключениям принадлежит

разбираемая книга, много в ней спорного, опровергнутого уже жизнью и литературой, но ощущается «субъективная суровая правдивость», так как автор исходил из наблюдений, а не вдохновлялся газетными передовицами (А.Дерман, Р. Вед., 5 окт.). Это едва ли не первая книга за два года войны, к которой хочется отнестись серьезно, она заставляет верить «в неистощимый запас энергии, корящейся в недрах деревенской России» (А.Гвоздев, Бирж. Вед., 7 окт.). «В то время как город уже несколько изменил своему первоначальному цельному патриотическому настроению... предаваясь скептицизму и пессимизму, деревня продолжает переваривать то большое новое содержание, которое вошло в ее жизнь с войной... Все редуют ряды работников, заменяясь работницами, не слышно ни слез, ни жалоб на утраты...» (Е.Колтоновская, «Отстоявшееся (Война и деревня)», Р. Мысль, № 9). Изображена «жуткая скорбь мужицкого царства, призванного на кровь». Вопреки «надменным новозападникам», изображающим мужика «хамом и безнадежным эфиопом», Шмелев «новой красотой озарил его лапти и зипуны, бороды и морщины», хотя «нет на этом мужике сусальной позолоты прекрасногодушного народничества» (Л.А. [Л.Н.Андреев], Р. Воля, 1917, 9 янв.).

А.Куприн — «Жидкое солнце и другие рассказы». Моск. кн-во, 1916, тираж — 2000.

Л.Андреев — «Полет. Рассказы и пьесы». Т. XVI. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 2000.

Этот далеко не лучший томик Л.Андреева оставляет впечатление пестроты; напряженный интерес к проблеме смерти и проблеме совести, «отрешенность от конкретных элементов, от плоти жизни» (А.Дерман, Р. Вед., 1 июня).

Ф.Сологуб — «Ярый год. Рассказы». Моск. кн-во, 1916, тираж — 2000.

Вяч.Иванов — «Борозды и межи. Опыты эстетические и критические». М.: «Мусагет», 1916, тираж — 2000.

«Отношение к таким книгам служит мерилом общественной культурности»; вклад Вяч.Иванова в христианское сознание — «раскрытие христианского смысла эллинской религии» (С.Н.Булгаков, «Сны Геи», Утро Рос., 30 апр.). Второй сборник Вяч.Иванова находится в тесной связи с первым «По звездам» (1909), который был «куда живее, динамичнее», без него «нельзя будет писать историю совместной борьбы символизма и декадентства с позитивизмом, а главное, историю глубокой распри

между декадентством и символизмом». Новый сборник — «эзотерическое учение глубокого индивидуалиста-гностика, очень умного, талантливого, обладающего громадной эрудицией, искренно мечтающего о соборности, но прежде всего — безнадежно одинокого, замкнутого в себе». Портит книгу, как «проявление дурного тона», «презрительное отношение к Белинскому», а также «мертвая, напыщенная риторика» (Д.Философов, «Речь», 1 авг.). «В своей религиозной философии он не самостоятелен и постоянно находится в зависимости от разных сменяющихся влияний»: «то он исповедует языческий дионисизм, то мистический анархизм, то оккультизм, то католицизм, то православие и славянофильство». Он «живет не в первичном бытии, а во вторичном филологическом бытии», этому панфилологизму чуждо все психологическое и жизненное. В первом сборнике «По звездам» было больше молодости, дерзаний, теперь наступила пора «подведения итогов бурной жизни, окончательное введение всех стихий в классические формы». «Для России почти роскошь иметь Вяч.Иванова, русские слишком еще мужики для этого» (Н.Бердяев, «Очарования отраженных культур», Бирж. Вед., 30 сент.). Книга Вяч.Иванова — «великолепный бред», а сам он — настоящий декадент. «Ни истины, ни правоты у Вяч.Иванова, как и у Бердяева, нет и быть не может. Эти дары бессмертные боги ниспосылают нормальным людям» (Л.Шестов, «Вячеслав Великолепный (К характеристике русского упадничества)», Р. Мысль, № 10). Пока Вяч.Иванов не примет на себя «тяготу простого стиля», к нему будут применимы горькие слова, которые характеризуют отношение широких читательских масс к классикам: «их уважают, не читая» (Апол., № 9-10). Утверждая, что символизм — неизменный принцип всякого искусства, Вяч.Иванов тем самым поет ему отходную (Д.Выгодский, Лет., 1917, № 1). «Пугающая трудность понимания глубокомысленного тумана речей критика-символиста» заставляет сомневаться в существовании за ним каких-либо геалиога тем более, что школа символизма их, по признанию автора, не нашла. Лучшая статья о Достоевском (Ч.В-ский [В.Е.Чешихин-Ветринский], Вест. Евр., № 8).

Илья Эренбург — «Стихи о канунах». М., 1916, тираж — 600; «Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей». [Париж], 1916, тираж — 100 (литограф. изд.).

И.Эренбург «все более освобождается от чужих влияний и все более обретает свой стих, свой стиль и свой круг тем». «Выследить все позорное и низменное, что таится под блеском современной европейской утонченности, — вот задача, которую... ста-

вит себе молодой поэт». Пока «его стихи — только залог, в котором при внимательном рассмотрении угадываешь высокие возможности» (В. Брюсов, Р. Вед., 6 июля). «Исступленные и мучительные книги, местами темные до полной непонятности, местами судорожно искаженные болью и жалостью, местами поднимающиеся до пророческих прозрений и глубокочеловеческой простоты. Книги, изуродованные цензурными ножницами и пестрящие многоточиями, книги большой веры и большого кошунства» («Тебе поклоняюсь, буйный канун черного года!»). Основная идея Эренбурга состоит в том, что «земная жизнь и есть настоящий, подлинный ад» и что «всякий, кто жизнь отработал, в раю» (М. Волошин, «Илья Эренбург-поэт», «Речь», 31 окт.). «Он принципиально хочет быть безобразным... а без красоты, на старомодный взгляд, нет искусства» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 25 апр.).

В. Хлебников — «Время — мера мира». Пг., 1916, тираж — 300.

В. В. Розанов — «В чаду войны». Пг.: изд. «Рубикон», 1916, тираж — 3000.

Заглавие не соответствует содержанию: «едва ли найдется сейчас в России... человек, воспринимающий войну более умирно, растроганно и нежно-благословляюще, чем В. В. Розанов» (М. Карелин, Утро Рос., 20 авг.).

Н. Евреинов — «Театр для себя. Часть 2-я (Прагматическая)». Рисунки Ю. П. Анненкова. Пг., 1916, тираж — 1150.

Евреинов «продолжает развивать свои легкие мысли о театре»; он «не бунтует, а только шалит» (Ю. Айхенвальд, Утро Рос., 30 апр.).

Второй сборник «Центрифуги». М., 1916, тираж — 200 (Б. Пастернак, С. Бобров, В. Хлебников, К. Большаков, Р. Ивнев и др.). В статье «Черный бокал» Б. Пастернак писал о футуризме, пришедшем на смену «искусству напористых подмастеров и опустившихся мастеров», о «нервности покушения на действительность, совершаемого Лирикой», о символистах, водворивших «конфузный тон глубокомысленнейших обещаний по предметам, вне лирики лежащим», о расположении Лирики и Истории на двух полюсах разлагающейся действительности.

Б. Пастернак написал о сборнике С. Боброву: «Внешность у него великолепная... Из стихов мне нравится единственно Хлебников», некоторые стихи Большакова и Боброва, но в целом

стихотворный отдел «значением похвалиться не может», отмечает «самостоятельно написанные» статьи Боброва (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 228, 230, 233).

В.Муйжель — «Хутор № 16 и другие рассказы». Пг.: кн-во «Жизнь и знание», 1916, тираж — 3200.

«Во мраке жестокости, во тьме невежества у него копошится человек-троглодит с его первобытными инстинктами», в «жизнебытие деревни» не видит «радости бытия», горизонтов окружающего мира (М.Королицкий, Вест. Евр., № 10). Чувствуется не только близкое знакомство с современной деревней, «но и органическая связь с нею», «с ее новыми и старыми людьми и порядками» (Г.Аркатов [Б.П.Никонов], «Нива», ежемес. прилож., № 9, Б-фия).

Май

Ив. Бунин — рассказ «Казимир Станиславович» и стихотворение «У гробницы Вергилия» (Лет., № 5).

Е.Замятин — рассказ «Африка» (Сев. Зап., № 4-5).

Ив.Новиков — «Из повести о коричневом яблоке» (Р. Мысль, № 5).

«Остро-талантливая, цельная до последних строк» вещь; герой раздираем «между влюбленностью и похотью» (Антон Крайний [З.Н.Гиппиус], «Предмет десятой необходимости», Утро Рос., 17 сент.). «Произведение большой силы и художественного мастерства», отмечено «роковой печатью всей индивидуалистической литературы — рационализмом». Пройдя через преступление, герой «кончает просветлением и перерождением» (Е.Колтоновская, «Наследие индивидуализма», «Речь», 10 июля).

В.Брюсов — цикл стихотворений «В древней Армении» (Р. Мысль, № 5).

Андрей Белый — «Отрывки из детских впечатлений (Из повести «Котик Летаев»)», очерк «Современные немцы», стихотворение «Пройдем и мы...» (Бирж. Вед., 2, 22, 29 мая).

А.Ахматова — «Я улыбаться перестала...», «Я знаю, ты моя награда...», «Ответ (гр. В.А.Комаровскому)», «Я знала, я снюсь тебе...» (Апол., № 4-5).

С.Есенин — повесть «Яр» (Сев. Зап., №№ 2—5).

«Есенин написал плохую вещь, это верно» (письмо Горького Д.Н.Семеновскому от 2 авг. — т. 29, с. 362).

Ал.Н.Толстой — очерки «В гостях у англичан» (Р. Вед., 1, 2, 9, 25, 30, 31 марта, 3, 14, 17 апр., 2 мая). О поездке в Англию русской делегации: Ал.Толстой, Вас.Немирович-Данченко, В.Д.Набоков, К.Чуковский и др.

Е.Колтоновская — «Возрождение романа» (Р. Мысль, № 5). «Бездорожная» полоса, начиная с 80-х годов, не давала материала для романа. Теперь возник переходный тип романа — импрессионистический («Дальний край» Б.Зайцева, «Город в степи» А.Серафимовича, «Между двух зорь» Ив.Новикова), который не дает необходимого для общественного романа «проникновения эпохой». Новый роман отличается от старого реалистического большим субъективизмом и преобладанием рационалистического элемента.

М.Лиров [М.С.Литваков] — «Литературная новь» («День», 15 мая). «Русская литература из сословно-интеллигентской, с универсальными устремлениями, постепенно превращается в литературу с национально-культурными мотивами и запросами» (М.Горький, И.Шмелев, К.Тренев, Е.Замятин, Г.Гребенщиков и др.). Эта «новая литература дает нам потрясающие картины народной дикости», но «вовсе не настраивает нас на пессимистический лад», наоборот — «проникнута идеологией бодрого утверждения», ибо дает почувствовать «пробуждение к активной жизни» самой толщи народной. Центральной фигурой, «боевым кличем» этой литературы может служить только Горький.

М.Гершензон — «О современной литературе» (Бирж. Вед., 28 мая). «Переворот, произведенный “декадентами”, “символистами”, заключался именно... в принципиальном провозглашении личной свободы художника... Ярмо снято — иди, куда хочешь. А свобода — хотя и приятная, но трудная вещь... Литература готовых общественных идей запрещена и не принимается, нет, дай чистое золото твоего духа, твоей интуиции! Это значит, что поэзия стала в рост самой личности поэта... Оттого успех Игоря Северянина так симптоматичен для наших дней. У него “внутри” делаются сущие пустяки, шалости, но он о них рассказывает непринужденно и откровенно», и «нельзя не простить молодежи эту жадность на исповедание сердца, хоть и легкого, но все же сердца, а не морализующего ума». «Критика же все еще

верна старому знамени», она «должна перестать быть публицистичной, должна сделаться философской, метафизической, а со временем и чистоэстетической».

П.Сакулин — «Народный златоцвет» (Вест. Евр., № 5). «Поэтический фольклоризм» культивируют Бальмонт, Городецкий, Вяч.Иванов; новые формы народного творчества принесли «кровные дети крестьянской России» (Клюев и Есенин), они «творят для народа», но «интересны для Блока и Городецкого».

В связи с завершением 6-томника «Писем А.П.Чехова» (М., 1912–1916; см. настоящую Летопись, январь 1912 г.) В.В.Розанов писал: «Все метафизическое, мистическое и религиозное» отсутствует; его письма «до странности бестемны и бестревожны», «бессодержательны, неинтересны», в них нет «ни одного великого обсуждения», «ни одного мучительного вопроса» («Колокол», 19 мая). А.Г.Горнфельд отмечал в безымянной рецензии, что письма Чехова — «общественно-воспитательная книга». Чехов сохранял «подлинную жизненность, громадную внутреннюю энергию», несмотря на болезнь и приближающуюся смерть; «живые и выразительные суждения» о литературе (Р. Зап., № 5, Б-фия).

В.Брюсов — «Семь цветов радуги. Стихи 1912–1915 года». М.: изд. К.Ф.Некрасова, 1916, тираж — 1450.

«Книга должна была называться “Sed non satiatius” [“Все еще не пресыщенный”]. Может быть, лишь теперь Брюсов раскрепощает в себе человека», который в его творчестве был подчинен поэту (Вл.Ходасевич, Утро Рос., 21 мая). Давний противник Брюсова, Ю.Айхенвальд, напоминает свою характеристику дарования поэта как «преодоленной бездарности». «Брюсов не столько радуется, сколько учит радоваться»; «он какой-то косвенный, литературный и непобедимо-сухой» («Речь», 12 июня). «В целом уступает по силе и выразительности прежним собраниям стихов Брюсова» (М.Слоним, Од. Л., 3 июля). Новый сборник не достигает высоты «Urbi et Orbi» и «Венка». Историк литературы он позволяет проследить путь Брюсова, «все более отдаляющегося от острых высей» и дающего в своих стихах «место переживаниям простым и житейским». Своим военным стихам Брюсов придал «характер лубка, хотя и написанного большим мастером. Но ценность “Семи цветов радуги” не в ее военных стихах» (К.Липскеров, Р. Вед., 21 дек.). «Ненужный и неинтересный сборник опытов, проб, перепевов, самоповторений» (машинизм, урбанизм, сатанизм и прочая «обветшалая бутафо-

рия»). Брюсов имеет серьезные заслуги в качестве переводчика и пропагандиста новой западной поэзии, которая вошла в «русский обиход» (Н.Лернер, «Облезлая радуга», Журн. Журн., № 27). «“Семь цветов радуги” созданы последними усилиями ослабевающей воли» (А.Полянин [С.Я.Парнок], «По поводу последних произведений В.Брюсова», Сев. Зап., 1917, № 1). «Верный самому себе, поэт, как и прежде, ищет приобщения живым событиям и живой страсти... Но воображение не следует за его усилиями»; оно «не спаяло его с войной, не заразило его ни на миг ее патетизмом». «И только там, где задеты реминисценции... голос Брюсова начинает звучать теплее и задумчивее» (М.Тумповская, Апол., 1917, № 1). Это итоговая книга поэта, в которой он хочет «утвердить обязательно все, утвердить окончательно, раз навсегда» (Д.Выгодский, Лет., 1917, № 1).

А.Блок — «Театр» («Балаганчик». «Король на площади». «Незнакомка». «Действо о Теофиле». «Роза и Крест»). М.: «Мусагет», 1916, тираж — 3000.

«Его читают — он такой мастер формы, у него есть и доступные стихи — его почитают, но понимают мало...» «Трагическое противоречие между душой поэта, религиозно упоенной своей мечтой о Мадонне, и миром, к этой мечте равнодушным, и есть та ось, вокруг которой вертится драматическое действие во всем “Театре” Блока» (Майгур, «Театр А.Блока», Утро Рос., 25 июня). «Красота ее [“Розы и Креста”] не столько в мастерском воплощении романтического томления, сколько в горькой иронии над человеческой восторженностью, не столько в изображении дорогих поэту святынь, сколько в попирании этих святынь и в “роковой отраде” самоистязания» (П.Коган, «Попранные святыни», Бирж. Вед., 7 окт.). В предисловии к своим драмам Блок говорит о «поисках жизни прекрасной, свободной и светлой», но «художественная аргументация» прямо противоположна «этим отвлеченным намерениям». В «Балаганчике» воспе-та «импотентность оторванной от жизни мечты, как идеал поэтический и прекрасный», «самая мысль о воплощении мечты представляется... чем-то... грязнящим нетленные ризы Колумбины, искушением демона пошлости» (В.Базаров, «Заколдованное царство», Лет., № 4, с. 218-219). «Замечательная книга», но «вряд ли суждена этим лирическим драмам сценическая жизнь», ибо в них мало «действия» и «слишком много неприемлемых современностью символов». А между тем у Блока — «несомненное чувство театра... Он умеет показать иллюзорность театра, как зрелища, и располагает такой отличной театральной формой, как контрасты» («Незнакомка»), владеет «пафосом трагическо-

го» («Роза и Крест») (Ю.Соболев, «Лирический театр А.Блока», «Рампа и жизнь», № 23).

Альманах изд-ва «Шиповник», кн. 25. Пг., 1916, тираж — 8200 (Л.Андреев «Иго войны», Г.Чулков «Метель»).

Новая повесть Л.Андреева написана «в стиле того же бравурного патриотизма, что и драма “Король, закон и свобода”, и воспринимается так же холодно». Шаблонный сюжет — перерождение человека под влиянием войны — решен Л.Андреевым на оригинальном материале — «эгоист, трус и пошляк *постепенно*, под влиянием испытаний войны, превращается в гражданина, героя». Дано исключительное вместо типичного и без художественного оправдания. Роман Чулкова — это литература, еще более оторванная от жизни. «Тут и мистика, и теософия, и новое христианство, стремление к целомудрию наряду с разгулом страстей, увлечение сектантством и пр. и пр., без всякого осмысливания и обобщения». Стилизованный Достоевский «отразился в романе несравненно ярче жизни», но эта модель не помогла Чулкову: его роман напоминает литературу Шеллера-Михайлова (Е.Колтоновская, «Литература отражений», «Речь», 27 июня). Г.Чулкову очень хочется связать свой роман с мистическим «Петербургом» А.Белого, но это остается только покушением (И.Джонсон [И.В.Иванов], Утро Рос., 4 июня). В «загадочной» повести Чулкова идет речь о «грехах Петербурга», о «канунах» неких великих событий, при этом чувствуется влияние Вл.Соловьева, Достоевского и А.Белого; вообще Чулков — имитатор, а не художник. Повесть Л.Андреева — «произведение слабости исключительной, даже при нынешней нашей неприятельности». Когда-то Андреев сказал о войне другие слова: «безумие и ужас»... А теперь? «Ура! Нашими войсками взята крепость Перемышль, и весь Петроград полон ликования...» (Вяч.Полонский, Лет., № 7). Менее всего произведение Л.Андреева способствует «созиданию победных настроений», чего он требовал в статье «Пусть не молчат поэты!» Петроградский обыватель — это кривое и разбитое зеркало: «правды при его посредстве не найдешь» (А.Ожигов [Н.П.Ашешов], Киев. Мысль, 15 июля). «Леонид Андреев сделал... очень интересную попытку изобразить психологию среднего культурного обывателя, застигнутого войной врасплох... Посредственность, покой и лары домовиты стоят как бы в центре жизни нашего героя, во всем благолепии мешанства». Но вот из «клеточки» он превратился в часть громадного целого — России, через этапы: страх — паника — работа сознания — страдание — спасение (преображение)

(Д.Философов, «Речь», 25 июля). Задача повести — «общественно-полезная, тема ее — нравственно-укрепляющая»; получилось «неубедительно, да душеспасительно». «Автор при желании мог бы дать понять счетоводу Дементьеву, что “общественность” не войной начинается и не войной кончается... Разве известно, ясна ли эта мысль теперь для самого автора?» (Иванов-Разумник, Р. Вед., 3 авг.). В рассказе Л.Андреева «перед нами коллективный портрет обывателя», который от «крайней степени отпадения от общества» переходит в возрождению, что «нетипично, но возможно» (Майгур, Утро Рос., 13 авг.). Подзаголовок новой повести Л.Андреева о войне — «Признания маленького человека о великих днях». Тут нет «ни одного выстрела, ни одной капли крови», показана «душа, воскресшая из мертвых» (Бирж. Вед., 21 марта). Андреев хотел «показать, как претворялись события мировой войны в воробьиной душе русского обывателя», но «не овладел огромной темой» (Не-Буква [И.М.Василевский], «Обывательская трагедия», Журн. Журн., № 22). В романе Чулкова перед читателем «гудит и скачет, стонет и пляшет всякая нечисть. Старые развратники, женственные юноши, поэты из подвальных кабаре, теософы, футуристы, ростовщики и «одержимые» дамы... Словом, все персонажи и настроения, неизбежно повторяющиеся в последних произведениях г.г. Кузмина, Вербицкой, Р.Ивнева и им подобных бытописателей нашего “предвоенного” времени» (А.С., Совр. Мир., 1917, № 4-6).

«Земля». Сб. восемнадцатый. Моск. кн-во, 1916, тираж — 10000 (М.Арцыбашев «Раба», В.Винниченко «Хочу!»).

У Арцыбашева — «старая погудка на старый лад»; герой Винниченко после покушения на самоубийство обретает волю к жизни — становится фанатиком-украинофилом (Ю.Айхенвальд, «Речь», 6 июня). Арцыбашев пал «до пасквиля на женщину — общественного деятеля». Винниченко «утверждает необходимость для каждого человека яркого, сильного хотения». Его герою русские писатели кажутся бездельниками и шарлатанами; «хотение» он обрел в идее освобождения Украины, но остался «резонерствующим манекеном» (Ад.Б. [А.П.Пинкевич], Лет., № 6). В романе Винниченко — скорбный оптимизм, отражающий ту «волю к жизни», то «всемирное хочу», которое пробудилось в обществе под воздействием войны (М.Моравская, «Хочу», Р. Мысль, № 8).

Д.Мережковский — «Зачем воскрес? Религиозная личность и общественность». Пг.: изд. «Корабль», 1916, тираж — 2200.

Скиталец С. (Петров) — «Война. Аринушка. На передовых позициях. Вблизи Перемышля». Пг.: изд. «Скобелевского комитета», 1916, тираж — 75000.

«Сборник армянской литературы». Под редакцией М. Горького (При участии В. Брюсова). Пг.: «Парус», 1916, тираж — 5000. От издательства сообщалось, что в ближайшее время предполагается выпустить сборники по литературам латышской, финской, татарской, еврейской, украинской и другим.

Е. Кузьмина-Караваева — сборник стихотворений «Руфь». Пг., 1916, тираж — 500.

С. Городецкий «с отрадой» отмечал, что «принципы коллективной поэтической школы» Цеха поэтов «создали еще одного поэта» («Кавказское слово», 1917, 21 июля).

Б. А. Садовской — «Ледоход. Статьи и заметки». Пг.: изд. автора, 1916, тираж — 1000.

В книге «желчные слова укора современной литературе, суровая и пристрастная оценка ее» (М. Гершензон, «О современной литературе», Бирж. Вед., 28 мая). Верная общая идея, что жизнь и творчество неотделимы, ведет к «неверному приему» — уделять больше внимания «бренной личности» художника, чем самому искусству (Ю. Айхенвальд, Утро Рос., 7 мая). В спокойную область истории литературы автор вносит много личного и произвольного. В предисловии жалуется на то, что либеральная цензура хуже военной: мешает показать подлинное лицо Белинского, «положительные стороны старой помещичьей жизни», своеобразную правоту Николая I, сказавшего о смерти Лермонтова «собаке собачья смерть» (Вест. Евр., № 9, с. 385–388).

Июнь

А. Блок — «Как старинной легенды слова...» (Бирж. Вед., 29 июня).

Андрей Белый — «О злободневном и вечном» (Бирж. Вед., 22 июня).

К. Тренев — рассказ «В пути» (Р. Сл., 5 июня).

М. Кузмин — «Стихотворения» (Сев. Зап., № 6).

13 июня А.Блок записал: «Звонил Маяковский. Он жаловался на московских поэтов и говорил, что очень уж много страшного написал про войну, надо бы проверить, говорят — там не так страшно. Все это — с обычной ужимкой, но за ней, кажется, подлинное (то же, как мне до сих пор казалось)» (Зап. Кн., с. 306).

26 июня Л.Андреев пишет Вл.И.Немировичу-Данченко: «Я вступил в одну новую газету в Петрограде [“Русская воля”] членом редакции и заведующим целыми тремя отделами: театра, беллетристики и критики. Сейчас газета только организуется и выходить начнет осенью... Вам, вероятно, придется много услышать и прочесть нападок и клеветы... но это будет только ярость и лай испуганных конкурентов... Во всю мочь буду бороться против Арцыбашевых, “Осенних скрипок” [Сургучева] и того обывательски ничтожного репертуара, что заполнил провинцию и часть столицы... Буду приветствовать постановку Вами Блока [«Розы и Креста»] (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 278).

А.Дерман — «И.С.Шмелев» (Р. Зап., № 6). «Протестант против нравственного зла, порождаемого социальной несправедливостью», Шмелев показывает глубокое недоверие простых людей к интеллигенции, причина которого не в темноте простолюдина, а в испорченности интеллигента. При этом миллионеры и нищие «с общими корнями простой, малой культуры» прекрасно понимают друг друга («Росстани»). В его рассказах о войне нет «умиленности самоотвержением и героизмом», они написаны «в духе сознания прежде всего огромности и глубины той массовой катастрофы, которая обрушилась на людей».

Б.Зайцев — «Земная печаль. Рассказы». Т. 6. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3000.

Зайцев — художник-созерцатель, как и Чехов, но, в отличие от него, не верит в будущее и любит настоящее, «пусть плохонькое и больное, но такое милое, живое» (А.Гизетти, Еж. Журн., № 7-8). Заглавие книги подходит ко всему творчеству Зайцева. «За десять лет работы художник не оступился, не двинулся назад, но не далеко ушел и вперед», он «по-прежнему ровен и тих, меланхоличен и элегичен». «Весь он в интимном, личном, узкоиндивидуальном», «по-прежнему кажется ему, что удел мудрецов — принять жизнь без ропота, с покорностью и смирением» (Вяч.Полонский, Лет., № 9). «Заглавие книги соответствует ее общему колориту — той дымке навязчивой меланхолии, за кото-

рой движутся тени и силуэты». Зайцев — «камень не крупный, но чистой воды» (Ю. Айхенвальд, «Речь», 12 сент.). «Рамолизм, взятый в более широком определении... (душевная расслабленность, инертность, пассивность, мечтательность, меланхоличность)... составляет доминирующий мотив зайцевских рассказов» (Л. Волох, Приаз. Кр., 11 окт.). «В творчестве Б. Зайцева, реалистическом по существу и никогда не чуждающемся изображения "быта", — ощущаешь какую-то особую внутреннюю культуру, которой нет у большинства наших бытовиков». «Нигде Б. Зайцев не выступает в роли обличителя, каких бы резких житейских противоречий он ни касался. Повсюду разлит мягкий свет ласкового, приветливого юмора, равномерно освещающего и доброе и злое» (А. Гвоздев, Бирж. Вед., 14 окт.). «Все явления мира приобретают у него элегическую, безбурную, умиротворяющую окраску». «Тонкость рисунка, сжатость стиля, благородная сдержанность красок», но, с другой стороны — «все-таки некоторая манерность, некоторая рассчитанность в приемах, порой однообразная» ([А. Б. Дерман], Р. Зап., № 12, Б-фия). «Трагизма или даже только безнадежного надлома души как будто не любит, не хочет Зайцев», «он приемлет мир с его печалью, страданиями, несовершенствами, чувствуя в нем некую просветляющую его религиозную основу» (И. Джонсон [И. В. Иванов], Утро Рос., 17 дек.).

З. Гиппиус — «Зеленое кольцо». Пьеса с послесловием автора «Зеленое — Белое — Алое». Пг.: «Огни», 1916, тираж — 10000.

Пьеса, появившаяся в 1915 г., уже забыта, ибо, как признает в послесловии сама Гиппиус, она «почти не написана». Гиппиус — «не бытовой писатель; она не раз пыталась облечь свои тенденции в бытовые образы, но тенденции оказывались живучее образов». «Мертвым, однообразным» языком говорят у нее подростки, сочиненным — прислуга, лишь старшие — «несчастные, запутавшиеся русские интеллигенты» — ей удалось ([А. Г. Горнфельд], Р. Зап., № 10, Б-фия). Пьеса сошла с репертуара, но Гиппиус занята «бесстыдным самолюбованием», рассказывает, как она «боролась с критикой» и «с помпезным видом триумфаторши раздает... награды» (Ал. Ож. [Н. П. Ашешов], Совр. Мир, № 7-8). В этом произведении нет реальной «молодежи-толпы» (И. Игнатов, Р. Вед. 4 авг.).

С. Бобров — «Записки стихотворца». М.: «Мусaget», 1916, тираж — 800.

«Стилистическое кривляние и кликушество этого критика-футуриста удручают... читателя» (К. Мочульский, Сев. Зап.,

№ 10). Книга интересна «только критикой других — очень дельной», но Боброву грозит опасность «излишнего мудрствования», стремящегося «установить новые принципы стихосложения или усложнить первоначальные» (В.Фишер, Гол. Мин., № 12).

Благодаря автору за присылку книги, Б.Л.Пастернак охарактеризовал ее как «ряд мастерски написанных определений» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 236).

Июль

А. Чапыгин — рассказ «Бегун» (Лет., № 6).

Ал.Н.Толстой — рассказ «Прекрасная дама» (Р. Вед., 26, 29 июня, 3 июля).

А.Блок — «Все, что в море покоит волну...», «Она» («Превратила все в шутку сначала...») (Бирж. Вед., 3, 24 июля).

А.Куприн — «Поэт-одиночка (О Саше Черном)» (Журн. Журн., № 7). «Его не поняла... наша несправедливая, пристрастная, архибезвкусная, кумовская, мамалышская критика». «Сатиры его дышат пламенным гневом щедринской музыки», а рядом расцветают «скромные, благоуханные цветы чистого и мягкого лиризма»; «сатирические стихи на злобу дня» (о Думе, Гучкове, Милюкове) гораздо слабее, настоящие жертвы его сатиры не конкретные люди, а «пошлость, скука, лень, равнодушие и тихое оподление современной жизни».

Андрей Белый — «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (Бирж. Вед., 26 июля).

Н.Гумилев — рассказ «Путешествие в страну эфира» (Бирж. Вед., 31 июля).

5 июля, на концерте в пользу польского беженского комитета, в Москве, К.Бальмонт прочел «Слово о Польше» (Р. Сл., 7 июля).

В июле А.Блок призван в армию и зачислен табельщиком 13-й инженерно-строительной дружины, расквартированной в Полесском крае.

12 июля Иванов-Разумник в письме к М.К.Лемке помещает газетную вырезку со словами Н.А.Бердяева: «И будет А.Белый поставлен в ряду больших русских писателей как настоящий продолжатель Гоголя и Достоевского» — и добавляет: «...чтобы Вы не считали меня одиноким в моем сумасшествии!» (ИРЛИ, ф. 661, ед. 473).

15 июля состоялось собрание представителей крупных банков, ассигнующих пять миллионов рублей на издание новой газеты [впоследствии названа А.В.Амфитеатовым «Русской волей»]. Товарищ председателя Государственной думы А.Д.Протопопов заявил о возможном участии в новом органе В.Г.Короленко («Речь», 21 июля). Короленко немедленно послал в «Речь» энергичный протест. 25 июля «День» поместил «Беседу с А.Д.Протопоповым», который сетовал на кампанию, организованную в печати против новой газеты, финансируемой промышленными кругами для «правильного освещения вопросов экономической политики». При этом оговаривал, что Горький и Короленко не принимают участия в новом деле, последний якобы из-за своей болезни. 1 августа Короленко направил в редакцию «Дня» протест и, в частности, писал: «Новая газета издается на средства гг. торговцев, промышленников и банкиров, которые, конечно, не напрасно решаются тратить на эту дорогую затею. Газета eo ipso [тем самым] обязана рассматривать вопросы общественной справедливости в зависимости от взглядов щедрых издателей. А я привык работать лишь в независимых органах и не вижу ни малейших оснований изменять этой своей привычке» («День», 5 авг.). 6 августа в газете «День» опубликовано письмо М.Горького, опровергающего слухи о его сотрудничестве в газете, организуемой А.Д.Протопоповым. 7 августа С.Д.Протопопов, брат А.Д.Протопопова, записал в дневнике: «Я думаю, что эта новая газета не состоится: банки спятятся... Короленко своим авторитетом дал тон нападок» (РГАЛИ, ф. 389, оп. I, ед. 46). Однако 19 августа А.В.Пешехонов сообщал Короленко: «Вопрос о банковской газете нельзя считать поконченным. Мы тоже сначала думали, что дело, в особенности благодаря Вашему выступлению, подорвано. Но, оказывается, его продолжают налаживать. Горелов (Гаккебуш) уверяет, что с 5 миллионами он все преодолет. Надо сказать, что с Андреевым уже заключен контракт на 5 лет... Горький после Вашего письма кратко заявил, что он в газете участвовать не будет. Но в переговорах он как будто участие принимал... Вообще, он с банками какие-то связи имеет, — это видно уже по банковским объявлениям в «Летописи»... И к газете какое-то отношение имел. При-

езжал даже как-то к Н.С. [Русанову] приглашать принять участие. Правда, он говорил, что это газета — не банковская. Но и Горелов в ней участвовал. Вообще, за Горького ужасно досадно и больно. Хороший он человек, но его окружают и втягивают в дела не особенно хорошие. А он — в политике ведь младенец... От Гореловской (и Горьковской?) газеты являлся к Н.С. еще Гржебин... “Конечно,— говорит,— Горелов писать не может. Но он знает, что писать. И когда нужно, то только скажет: Адриашка! пиши вот то-то”. И Адриашка напишет... Адриашка — это “проф. Адрианов”. Вот какие там нравы» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 31, ед. 57).

24 июля И.С.Шмелев отвечает Л.Андрееву отказом на приглашение участвовать в новой газете [«Русская воля»]: «Работать в Современном Мире, Русском Богатстве, Киевской Мысли, Речи, в прогрессивных и честных политических органах (о Биржевых Ведомостях я вспоминаю с горечью...) — и вдруг пойти со своими рассказиками утешать и развлекать гг. банкометов, плутократов, хозяев, фабрикантов и их чад! ... Осмелились... упоминать и Короленко! ... Это ложь! Но Горький! Я ничего не понимаю». Л.Андреев отвечал 21 августа: «В заключение два слова о Короленко... Вам он кажется чуть ли не святым, а мне наоборот. Писатель, который два года молчал, молчал во время великого смятения умов и совести, в период такой войны, как настоящая,— мне не кажется человеком, исполнившим свой долг писателя и гражданина. Во мне Короленко вызывает чувство глубокого негодования» (Ежегодник РО ПД. 1975. Л., 1977, с. 198, 199, 201).

22 июля Вл.Ходасевич писал С.Я.Парнок: «Мандельштам не умен, Ваша правда. Но он несчастный, его жаль. У него ущемление литературного самолюбца. Петербург его загубил. Ну какой он поэт? А ведь он “взялся за гуж”. Это тяжело. Т.е. я хочу сказать, что стихи-то хорошие он напишет, как посидит, — а вот все-таки не поэт. Это несправедливо, но верно» (Вл. Ходасевич. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997, с. 405).

В.В.Розанов, под псевдонимом «Петроградский старожил», указывает на антивоенную позицию «пролетарского» журнала «Летопись», «играющего на руку Германии» («Кто истинно счастливый человек? (Из тем Карамзина)», Моск. Вед., 2, 6 июля).

Н.Бердяев — «Типы религиозной мысли в России. Новое христианство» [о Д.С.Мережковском] (Р. Мысль, № 7). «Блестящий литературный талант Мережковского, его дар художест-

венных схематических конструкций... скрывают бедность и однотонность мысли». «Тайна духа и тайна плоти, тайна неба и тайна земли, тайна личности и тайна общественности, бездна верхняя и бездна нижняя — в этих противопоставлениях протекает все мышление Мережковского». «Славянофил на новый лад и народник на религиозной почве», Мережковский мечтает о «религиозной общественности», забывая, что «это царство Божие непостижимо для мира». Когда «наступит в России жизненное религиозное возрождение», с благодарностью вспомнят о Мережковском, ибо «в его лице новая русская литература, русский эстетизм, русская культура перешли к религиозным темам».

В мае-июле вышли «Стихотворения» А.Блока в 3-х книгах. М.: «Мусагет», 1916, тираж — 3000 (каждой книги).

«Блок национальный поэт (слишком космополитичен для этого Брюсов, слишком умственен В.Иванов, слишком космичен Бальмонт, слишком лубочен Сергей Городецкий и т.д.)»; в некотором отношении они богаче: «русская муза Блока стоит перед нами теперь и нага, и нища; но Блок ближе нам бронированной брюсовской формы, ивановских пышных роз и бальмонтова блеска; он нищ, как... Россия» (Андрей Белый, «Поэзия Блока», сб. «Ветвь», М., 1917).

В.Хлебников — «Труба марсиан». Харьков: «Лирень», 1916, тираж — 300. В коллективной декларации «Люди!» (написана Хлебниковым, поставлены также подписи Марии Синяковой, Гр.Петникова, Н.Асеева) провозглашалось: «Черные паруса времени, шумите!»; в статье Хлебникова объявлялась «новая священная вражда»: «Пусть Млечный Путь расколется на Млечный Путь изобретателей и Млечный Путь приобретателей», а в «Приказе» «Короля времени Велимира I-go» «славные участники будетлянских изданий переводятся из разряда людей в разряд марсиан»; в «думу марсиан» приглашались «на правах гостей» Уэллс и Маринетти.

К.Большаков — «Солнце на излете. Вторая книга стихов. 1913-1916». М.: «Центрифуга», 1916, тираж — 480.

Большаков делает стихи под Северянина или футуристов, отсюда «цирковые аттракционы» в этой «порой сердечно написанной книге»; «его культурный опыт еще не богат» (Л.Волох, Приаз. Кр., 1 авг.). Соединяет технику Маяковского и Шершеневича с эстетикой Игоря Северянина; кое-где собственный «красивый лиризм» (Д.Выгодский, «Поэзия и поэтика», Лет., 1917, № 1).

Август

Вл. Короленко — статьи «О мариампольской измене» [о ложных обвинениях евреев в шпионаже в пользу Германии] (Р. Вед., 30 авг.); «Старые традиции и новый орган» (Р. Зап., № 8). Во второй статье Короленко объясняет недоверчивое отношение русской печати к «новому органу» А.Д.Протопопова: «Русский либерализм, — под общей кличкой прогрессивных направлений несколько, быть может, бесформенный и расплывчатый, — всегда склонялся в сторону социалистических симпатий, и всюду, где специфические интересы капитала сталкивались с интересами трудящихся классов, он становился без колебаний непосредственно на сторону труда».

По поводу первой статьи Горький писал Короленко 5 сентября, прося дать ее для четвертого, несостоявшегося, издания сборника «Щит»: «Статья написана так просто и человечески убедительно, она приносит много пользы умам раздраженных и запуганных людей» (ЛЖТ Горького. Вып. 2, с. 570).

А. Серафимович — «Впечатления» (Р. Вед., 5 июля, 18, 21, 28 авг.); рассказ «Малаша» (Совр. Мир, № 7-8).

В рассказе «Малаша» воспроизведена деревенская жизнь, «не мудрствуя, не слишком углубляясь», но краски и слова — «волнующие и любовные» (Л. Волох, Приаз. Кр., 29 сент.).

М. Пришвин — очерки «Секрет помещика», «Сахар» («Речь», 7, 28 авг.).

К. Тренев — очерки «На Украине» (Р. Сл., 6, 14, 28 авг.).

«С завистью читаю в “Русском слове” “По Украине”... — писал Горький Треневу в августе. — Хорошо написано! Легко, плавно, с такой острой улыбкой и такой славной грустью...» (т. 29, с. 364).

А. Блок — «Измучен бурей вдохновенья...» (Бирж. Вед., 6 авг.).

Андрей Белый — стихотворения «Товарищу», «Мы — ослепленные, пока в душе не вскроем Иных миров знакомое зерно...», очерки «Мертвые города», «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии» (Бирж. Вед., 14, 17, 21, 23 авг.).

Марина Цветаева — «Два солнца стынут...», «Я знаю правду — все прежние правды прочь! Не надо людям с людьми на земле бороться...», «Заповедей не блюла, не ходила к причастию...», «Новолунье и мех медвежий...», «День угасший...» (Сев. Зап., № 7–8).

С.Есенин — стихотворение «Странник», рассказ «У белой воды» (Бирж. Вед., 15, 21 авг.).

2 августа Горький писал К.А.Тимирязеву: «За это время мне пришлось выслушать немало похвал “Летописи” за то, что она не поддается всеобщему опьянению кровью, и так хорошо знать, что наши тревоги за культуру находят отклик у читателя, понятны ему» (т. 29, с. 363). 7 августа охранное отделение доносит Департаменту полиции: «Журнал “Летопись”... как уже доносилось раньше, большевистского, а значит и пораженческого направления. Сотрудниками этого журнала состоят лица, также примыкающие к большевикам социал-демократам, но все эти лица с литературными именами, главным образом теоретики социал-демократических идей... Петроградские социал-демократы большевики имеют свой руководящий коллектив, совершенно изолированный от “Летописи”, к ее голосу не прислушиваются...» (ЛЖТ Горького. Т. 2, с. 566).

Югурта [А.К.Топорков] — «Тризны и кануны» (Сев. Зап., № 4–8). Молодому поэту трудно не стать футуристом, так как традиция П.Я. [П.Ф.Якубовича], В.Брюсова или другого современного поэта «никуда не ведет». «Лабораторная работа» вытеснила из поэзии «направленство», однако оживает «бодрящая вера в положительные силы народа». Выразителем современного момента становится альманах «без идейного подбора», под знаком «эклектического эстетизма»: «экзотика и фольклор, эллинизм и славянщина, Парнас и реализм соединяются вместе в одно целое, пестрое и безвкусное». Выход из тупика — «не пустой формализм, а примат формы».

«Стрелец». Сб. второй. Под ред. А.Беленсона. Пг., 1916, тираж — 2000 (Н.Кульбин, М.Кузмин, В.Розанов, Ф.Сологуб, В.Маяковский, В.Хлебников, Н.Евреинов и др.).

26 августа в «Биржевых ведомостях» появилось письмо в редакцию В.Маяковского с протестом против «охотнорядского» содержания статьи «распоясавшегося» Розанова «Из последних страниц истории русской критики».

Сборник «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов». Под ред., со вступ. словом и примечаниями В. Брюсова. М., 1916, тираж — 5800.

Сборник издан в пользу армян, пострадавших от войны. «Для изучения армянской словесности... будет отныне необходимым, хотя и не единственным пособием» (Ю. Веселовский, Вест. Евр., 1917, № 2, с. 366). «Роскошный и объемистый том» включает армянскую поэзию от народных песен до современных поэтов. Брюсов «исполнил свою редакторскую работу со свойственной ему добросовестностью и систематичностью» (Д. Выгодский, Лет., 1917, № 2-4, Б-фия). Брюсов, специально изучавший армянский язык, — «надежный руководитель», автор вступительной статьи и большинства переводов (есть переводы Бальмонта, Блока, Бунина, Балтрушайтиса, Вяч. Иванова, Сологуба и др.) (Ф. Батюшков, «Поэзия “народа-художника”», «Речь», 19 дек.).

Сентябрь

М. Горький — «Воспоминания»: «Вечер у Шамова» и «Вечер у Панашкина» (Киев. Мысль, 2, 28 сент.).

Ив. Бунин — «Пять стихотворений» («Бонна», «Дачная прогулка», «Дача на севере», «Близ Биаррица зимой...», «На крыше отеля у пирамид») (Совр. Мир, № 9).

Вяч. Иванов — «Мой дом. Мистический цикл» (Р. Мысль, № 9).

С. Есенин — «Стихотворения» («За темной прядью перелезиц...», «Корова», «Устал я жить в родном краю...») (Сев. Зап., № 9).

Ф. Крюков — «В углу (Летние впечатления)» (Р. Зап., № 9). Жизнь донской станицы, «этнографический винегрет», по определению автора (напечатано с цензурными изъятиями).

Редакция «Летописи» сообщает, что поэма В. Маяковского «Война и мир» (III ч.), стихотворение Ив. Бунина «Архистратиг» и другие не могли быть напечатаны в № 9 по независящим от редакции обстоятельствам.

3 сентября М. А. Волошин пишет М. С. Цетлин: «Я буду в “Речи” писать о поэтах, имея в виду будущую книгу о русских поэтах... Кто меня поразил своими стихами за это лето — это Ман-

дельштам. Я ни у кого из современных поэтов не встретил такой сосредоточенной звучности стиха. Стихи Ходасевича очень интимны и совершенны, но скромны... Прекрасны последние стихи Марины Цветаевой» («Звезда», 1996, № 2, с. 185).

22...24 сентября Б.Л.Пастернак пишет С.П.Боброву: «Свист Центрифуги действительно оглушитель. Более всего меня радует, что Центрифуга уже и сейчас издательство серьезное, солидное, первозразрядное и передовое, и обещает преуспеть в этих отношениях еще и больше» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 239).

22 сентября К.Чуковский записал: «Заговорили [с Горьким] о Венгрове, Маяковском — лицо его стало нежным, голос мягким — преувеличенно, — он заговорил в манере Миролюбова: “Им надо Библию читать... Библию... Да, Библию. В Маяковском что-то происходит в душе... да в душе”» (К.Чуковский. Дневник. 1901–1929. М., 1997, с. 70).

Д.Мережковский — «Не святая Русь (Религия Горького)» (Р. Сл., 11 сент.). «За Толстым никого или Горький. По сравнению с теми, великими, Горький мал... Но они кончают, а он начинает. Они — настоящее и прошлое, а он — будущее. Откуда идет Россия, можно судить по ним, а куда — по Горькому», он — первый и единственный сейчас представитель возникающей русской демократии. «Детство» — «одна из лучших, одна из вечных русских книг». Бабушка — «святая Русь». Дедушка — «не святая Русь». «По нашему, по Толстому и Достоевскому, — “смирение”, “терпение”, “неделание”, а по Горькому — возмущение, делание... В этом Россия грешная святее святой... Да, не в “святую”, смиренную, рабскую, а в грешную, возмущающуюся, освобождающуюся Россию верит Горький... Вот эту-то верой делает он, “безбожник”, Божье дело, ею-то и близок нам, ближе Толстого и Достоевского. Тут мы уже не с ними, а с Горьким».

В.Г.Короленко писал 20 сентября об этой статье: «...Я теперь редко читаю Мережковского. Когда-то давно он мне казался интересным и искренним, но после я разглядел: искусственность и непрестанные выверты... Игра словами... Он Горького рассматривает, как настоящего “человека из народа”. Это неверно: Горький вырос и определился в интеллигентно радикальной среде» (Письма к П.С.Ивановской. М., 1930, с. 207).

11 сентября В.С.Миролюбов пишет А.А.Золотареву: «Теперь принято с легкой руки Горького ругать... русскую душу, хвалить еврейскую и западную душу... Написать статью о Марксе желаящих сколько угодно, напишут статью и о Франциске Ассизском, а найдите-ка мне, кто бы написал о Тихоне Задонском... Не церковную, не с деревянным маслом, а так, чтобы те, кто боится этого масла, могли бы увидеть красоту духовную. Ключевский написал о Сергии. Кто напишет мне о нем? Кто напишет защитную статью о русской душе?» (РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, ед. 104).

Антон Крайний [З.Н.Гиппиус] — «Предмет десятой необходимости» (Утро Рос., 17 сент.). «Подшевелила неосязаемая работа мысли и духа» — искусство. «Живет одна чистая публицистика. И то плохо, кое-как».

25 сентября А.Н.Бенуа записал в дневнике: «Вечером с Валечкой (Нувелем) у Мережковских. С Димой (Д.В.Философовым) ожесточенный спор на тему о войне из-за моего неприятия ее. Чета Мережковских как-то насторожилась. Оба гораздо менее определенно пацифичны “во что бы то ни стало”, нежели они были весной... Зато Зиночка (З.Н.Гиппиус) в высшей степени “социалистично” настроена и вещает: “Вне социализма нет спасения!”» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 17).

25 сентября Иванов-Разумник пишет М.К.Лемке: «Патриоты на службе Союза Городов и социалисты в Земском Союзе, освобожденные от военщины и тепло пристроившиеся, литераторы — о победе взывающие и дома сидящие — все это омерзело мне с начала войны. В будущее народа русского крепко верю... но тем менее могу принимать какое бы то ни было участие в этой не народной, а купеческой войне, в одном ряду с обезумевшими социалистами-патриотами» (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 402).

С.Сергеев-Ценский — «Наклонная Елена. Рассказы». Т. 7. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3100.

«Для автора характерно колебание между ясностью и мглой, между приветливостью к жизни и унынием» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 25 сент.). Никогда еще до такой степени, как у Сергеева-Ценского, литература «не была поэзией действия и воли к работе». Он — «поэт “движений”», когда Россия переходит «в фазу активного строительства своей жизни» (Л.Волох, Приаз. Кр., 3 ноября). «В этом писателе, еще не развернувшемся “во всю”

своего дарования, счастливо сочетались талант живописца с пытливым умом, честным и философски-острым» (Вяч. Полонский, Лет., № 11). Первый том Ценского — «крайне унылая, гнетущая книга», «жизнь людей — отвратительна, направляет ее нелепый случай, взглядевшись в который можно обнаружить злую власть какой-то скрыто-сознательной и предательской Судьбы». Том IV («Лесная топь», «Печаль полей») — переходный этап. В томе V («Движения») враждебное человеку начало воплощено в «тупой и безмолвной косности», в томе VI («Медвежонок») проходит та же «идея о недобром мистическом начале жизни», но здесь «образ зла доведен уже до полной ясности... мы видим его лицо». Источником авторского пессимизма являются «экономические, социальные, национальные и тому подобные реальные эффекты». «Наклонная Елена» — «уже категорически утверждающая жизнь повесть, бодрая и светлая», «идея о творческой любви, побеждающей зло», находит у Ценского «новое и совершенно оригинальное, свежее воплощение» (А. Дерман, «С. Н. Сергеев-Ценский», Вест. Евр., № 11). Повесть об инженере Матийце, рассказывающая «о мужании, о преходящем испытании, в котором крепнет человек, — нечто диаметрально противоположное старым сюжетам Ценского, где мысль о роке делала немислимым какую бы то ни было власть над будущим. Там героем было непреодолимое, здесь — преодоление», там — «статика безнадежности», здесь — «динамика борьбы». Обычная для Ценского «пышность бытовых подробностей» и «слержанность в психологии, подчас доходящая до схематической сухости» ([А. Г. Горнфельд], Р. Зап., 1917, № 1, Б-фия). Все герои Ценского «бессильны совершить задуманное», это «изложено талантливо, с любовью... как любовно русские писатели передают тщету усилий» (И. Игнатов, Р. Вед., 5 окт.).

А. Куприн — «Яма. Повесть в трех частях». Моск. кн-во, 1916, тираж — 20000.

«Сборники по теории поэтического языка». Вып. 1. Пг., 1916, тираж — 1000 (В. Шкловский «Заумный язык и поэзия», Л. Якубинский «О звуках стихотворного языка», Е. Д. Поливанов «По поводу “звуковых жестов” японского языка», Б. А. Кушнер «О звуковой системе поэтической речи» и др.).

«Этот живой и талантливый сборник вызовет, конечно, нарекания со стороны науки школьной, традиционной». Все участники являются последователями Потебни. «Они заново пересматривают таинственное соединение звука с представлением, причем все свое внимание сосредоточивают на звуке». В. Шкловский

выступает в защиту «заумного языка». «Я могу отрицательно относиться к футуризму», но, прочтя эту статью, «я по крайней мере начинаю “методически” понимать задачи футуризма». Между тем в пресловутой «Истории русской литературы XX века» [под ред. С.А.Венгерова] «нет не только метода, но даже догматики, какая-то безвкусная, хаотическая мешанина, унижающая и литературу и науку» (Д.Философов, «Магия слова», «Речь», 26 сент.). «Вышедшая в 1910 г. книга Андрея Белого “Символизм” оказалась родоначальницей целого движения... Поднялся интерес к вопросу о ритме, о звуках стихотворного языка, — им занялись не только поэты, но и теоретики языка. Футуризм... выдвинул заново проблему материала в поэтическом творчестве... Вопрос теперь более всего сосредоточился на одном пункте — насколько звук сам по себе, независимо от смысла слова, является художественным материалом». «Материал, приводимый В.Шкловским, говорит только о том, что заумный язык есть психологический факт, особенно несомненный там, где слово превращается в заклинание... Но ведь искусство не есть гипноз». Шкловский не решается определенно ответить на вопрос: «будут ли когда-нибудь писаться на “заумном языке” истинно художественные произведения?» «Мы считаем возможным ответить определенно — нет» (Б.Эйхенбаум, «К вопросу о звуках стиха», Бирж. Вед., 7 окт.). «Молодые теоретики хотят связать “заумный язык” с научным языкознанием» «не без намерения создать этим теоретическую основу для футуристических попыток писать стихи, лишённые смысла». Словотворчество — «общее языковое явление», доказывает В.Шкловский, но «тезис о высоком значении бессмыслицы остается недоказанным» ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 10, Б-фия). Книга дает «в научном отношении безукоризненную постановку вопроса» о двойственной природе поэтического слова, однако предположение Шкловского о возможном возвращении поэзии к глоссолалии — неосновательно, конечная точка развития поэзии не может совпадать с начальной (А.А.Смирнов, Р. Мысль, 1917, № 1).

И.Сургучев — «Соседка. Рассказы». Сочинения. Т. I. М.: Кнво писателей, 1916, тираж — 3000.

«Во всей книге нет ни одной страницы мрачной», но ограничен круг идей, однообразны художественные приемы (Д.Выгодский, Лет., № 10).

Рюрик Ивнев — «Золото смерти». М.: «Центрифуга», 1916, тираж — 470.

В сборнике нет ни крупинки золота, поэт «болен, утомлен, безволен и осужден вертеться в колесе чудовишной машины-города» (В.Аренс, Лет., 1917, № 2-4). «Истерический Рюрик Ивнев», с акмеистическим уклоном, вносит в поэзию «бунтарей» религиозные экстатические элементы (Д.Выгодский, «Поэзия и поэтика», Лет., 1917, № 1).

Октябрь

М.Горький — «Воспоминания. Вечер у Сухомяткина» (Киев. Мысль, 21 окт.).

Ив.Бунин — рассказ «Аглая» (Лет., № 10); стихотворения (Лет., №№ 1-10); «Двенадцать стихотворений» (Сев. Зап., № 10); «Восемь стихотворений» (Совр. Мир, № 10).

«Одинокое стоит Ив.Бунин, истинный классик, истинный реалист» (Д.Выгодский, «Поэзия и поэтика», Лет., 1917, № 1).

М.Пришвин — рассказ «Чортова ступа» («Речь», 30 окт.).

С.Подъячев — рассказ «На спокойе» (Р. Зап., № 10).

В.Ходасевич — «Державин (К столетию)» (Сев. Зап., № 10).

3 октября З.Н.Гиппиус записала в дневнике: «Никто не сомневается, что будет революция. Никто не знает, какая и когда она будет, и — не ужасно ли? — никто не думает об этом. Оцепенели» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 264).

8 октября профессор М.А.Рейснер прочел лекцию «Л.Андреев против М.Горького», в которой поставил вопрос: «Кто же прав? М.Горький, выступивший в такой момент, когда в широких кругах общества замечается националистический угар, переходящий подчас в шовинизм, или Л.Андреев, взявший на себя защиту "славянской души" и упрекнувший Горького в пессимизме». Это спор не двух лиц, а двух мирозерцаний. У Горького все мировоззрение проникнуто светлым оптимизмом, Андреев же — только «военный оптимист». Горький предупредил об опасности шовинизма, он сделал это, движимый любовью к жизни. Публика ответила лектору бурными аплодисментами («День», 10 окт.).

Л. Андреев, взявший на себя заведование литературным отделом в газете «Русская воля» (первоначальные проекты названия — «Заря», «Народная воля»), приглашает И. Бунина, ссылаясь на согласие А. Куприна и А. Амфитеатрова и уверяя его, что «газета будет прогрессивная и абсолютно чистая от примесей» (В. Л., 1969, № 7, с. 174). На подобное же предложение Блок, находившийся в расположении действующей армии, отвечал 29 октября: «Если бы я захотел участвовать в газете, мне было бы нечего Вам дать: все словесное во мне молчит; полдня я провожу верхом на лошади, сплю на походной кровати, почти не умываюсь... Стихи тоже никак не выходят... Может быть, что-нибудь и выйдет из этого, когда пройдут годы: из нежной любви к лошади и стыда перед рабочими, которыми я ведаю...» (т. 8, с. 475). 23 октября Л. Андреев писал А. А. Кипену о своем участии в «Русской воле»: «Иду я с открытыми глазами и — пока — имею твердую уверенность в хорошем будущем газеты, в ее необходимости для общего нашего дела. Как министр, Протопопов плох, очень плох, что и будет выражено нами... но его прошлое... свидетельствует о его большой честности и последовательном либерализме» (De Visu. 1994, № 3–4, с. 15).

19 октября А. Н. Бенуа записал: «В три часа совещание у Максима Горького об издательстве детских книжек. К сожалению, получилась та же бестолочь, какая всегда бывает, когда много народу и каждый лезет со своими предложениями и доводами... Какие теперь детские книжки, когда все трещит и готово распасться! Тем не менее чувствую *долг* что-либо сделать» (А. Н. Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 28).

21 октября на сцене Александринского театра поставлена пьеса Д. Мережковского «Романтики».

22 октября З. Н. Гиппиус записала в дневнике: «Вызывали яро и много... Зал переполнен. Пьеса далеко не совершенная, но в ней много недурного. Успех определенный» (З. Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 266). Мережковский — из числа авторов, «молчавших» о войне, свой военный досуг он использовал, чтобы написать пьесу о романтизме молодого Бакунина (С. Мстиславский, «Мысли о “Романтиках”», «День», 24 окт.). «Шаловливая и остроумная цензура» превратила героя пьесы «Бакунина» в «Кубанина», но «исторические имена в ней — только символы, все идейное содержание, весь психологический интерес обращены к современности». «“Романтики”... люди “святого” протестующего порыва, носители высших принципов свободы и истины» (Е. Ляцкий, «В мире намеков и символов (По

поводу пьесы Д.С.Мережковского «Романтики»», «Речь», 8 ноября). Мережковский изображает мечтателей, которым «опостылела современная им действительность» и которые верят «в возможность абсолютной свободы, святости личных чувствований» (Ф.Батюшков, «Дилетант философии (По поводу премьеры «Романтиков» Мережковского)», Бирж. Вед., 22 окт.; его же статья в Вест. Евр., 1917, № 1). Художественный талант Мережковского невелик, но он пытается стать «чем-то вроде писателя единоспасающей истины» (Ното повус [А.Р.Кутель], «День», 23 окт.). «Тысячи верст лежат между живым Мих.Бакуниным и бездушным Мих.Кубаниным». Мережковский — холодный проповедник (В.Холмский [Иванов-Разумник], Р. Вед., 26 окт.).

Посмотрев спектакль 24 октября, А.Н.Бенуа записал: «Пьеса плохая; сплошная подделка под что-то, мозаика, к тому же плохо склеенная. Только в IV действии ... настроение чуть подымается» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 31).

Л.Андреев писал о «Романтиках» Вл.И.Немировичу-Данченко 23 ноября: «Как художество — холодное, скучное и дешевое драмоделие, подделка под драму и театр; внутреннее же — гнусно. Бакунин измазан христианскими экскрементами» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 289).

24 октября Андрей Белый прочел лекцию «Драма жизни» в Камерном театре, в Москве. Говорил о «непрочности наших устоев и надвигающейся на нас мировой катастрофе». «Театр содержания» и «театр форм» не может передать «нового сознания». Отчасти это может сделать «театр жеста», передающий «ритмы нарастающих кризисов жизни» (М.З., Утро Рос., 25 окт.; Р. Вед., 25 окт.).

26 октября А.Н.Бенуа записал: «Днем на выставке “Мира искусства”. Общее впечатление, скорее, безотрадное, хоть и имеется несколько приятных вещей... А вообще разумеется ощущение *упадка*, но то не наше общество клонит к упадку, а *вообще все падает*. Встретил там Судейкина. Он в солдатской форме (уж этот мне маскарад!)» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 32).

31 октября в Петрограде, в собрании Неофилологического общества под председательством Ф.А.Брауна, В.М.Жирмунский прочел доклад о новой поэзии, посвященный молодым поэтам группы «Гиперборей». (См. статью В.Жирмунского «Преодолев-

шие символизм» в настоящей Летописи, декабрь 1916 г.) («В литературном мире», Бирж. Вед., 3 ноября). 3 ноября Б.М.Эйхенбаум писал В.М.Жирмунскому по поводу этого доклада: «...У тебя хорошо вышел Мандельштам и совсем не удалась Ахматова... Я почувствовал руку классификатора, учуял какую-то “априорность” метода, которая... угасила непосредственное чувство... Иначе ты не мог пройти мимо “вечных элементов” Ахматовой из соображений стройности схемы» (Тыняновский сборник. Рига, 1988, с. 288).

Н.Я.Абрамович — «Засилье средней радикальщины (О кошмарах и туниках русского интеллигентского сознания)» (Нов. Жизнь, № 5, окт.). Поддерживает выступление «Вех» против «рабства духа», видя в Горьком «угнетающий пример порабощения духовного», а у Сологуба и Мережковского — «интеллектуальную самостоятельность».

А.Пешехонов — «Бумажный кризис и журналы» (Р. Зап., № 10). В мае 1916 г. среди четырехсот петроградских журналов была распространена анкета в связи с бумажным кризисом. Ответило 111. Из них 16 «временно прекратили свое существование из-за бумажных и типографских неурядиц, мобилизаций и т.п.». Многие журналы перешли на худшую бумагу, уменьшили свой размер, вынуждены были повысить подписную цену.

В.Маяковский — «Простое как мычание». Пг.: «Парус», 1916, тираж — 2000.

«Маяковский — не первый год шумит на литературной улице», не обнаруживая никаких признаков движения и роста. «Зычный крикун» не превращается в поэта. «Совсем было поставили крест на “творчестве” Маяковского, но вдруг его стихи издает издательство, девиз которого — “Сейте разумное, доброе, вечное”. Издательство, возникшее при “Летописи”. Большой грех на душе издателей Маяковского» (П.Щ. [П.Е.Щеголев], «Мычание», «День», 21 окт.). «Маяковский насквозь современен. Он пленен и порабощен городом... Лирика его по преимуществу носит характер трагический, пропитана чувством горечи, возмущения и сарказма. Поэт владеет обширным арсеналом образов, совершенно своеобразных и ярких» (Эльберт, Приаз. Кр., 8 дек.). В этой книге Маяковский «сделал первую попытку собрать воедино стихи, разбросанные ранее по сборникам и тощим брошюрам. И теперь уже ясна стала и значительность Маяковского как поэта, и его место в современной поэзии. Поэт города — со стороны содержания, поэт гиперболы — со стороны

приема, Маяковский — “трагик поневоле”, мятущийся пленник жизни... Его поэзия — продукт городской динамики, глубоко индивидуалистическая по существу, являет, однако, изредка некоторый уклон в сторону поэзии социальной» (Д.Выгодский, Лет., 1917, № 1). «У русских футуристов никакого футуризма нет. Единственное общее у них — это преодоление вчерашнего дня искусства. Но это было у всех и всегда... Из этой группы, например Вл.Маяковского, без сомнения следовало бы выделить. Ему как будто есть, что сказать. У него, при всей болезненности, слышится сила, борьба и протест, чувствуются мускулы. Правда, здесь многое гиперболизировано, оснащено многими громоздкими ненужностями, навешенное и часто навинченное, — все же тут и подлинная боль, и подлинный человеческий крик». «Во всяком случае, это не “футуризм” и совсем не “простое, как мычание”» (П.Д-р, Р. Воля, 1917, 6 февр.). Б.Л.Пастернак писал в рецензии, предназначавшейся для невыведшего в свет третьего сборника «Центрифуги»: «Какая радость, что существует и не выдуман Маяковский... приревновавший поэзию к ее будущему, творчество к судьбе творенья» (Б.Пастернак. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991, с. 364). Отсылая рецензию С.П.Боброву, Пастернак назвал сборник «гениальным мычанием», но отметил, что «первые его вещи ярче последних» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 269).

«Альманах муз». Пг., 1916, тираж — 1100 (Ин.Анненский «Если любишь — гори!», Вяч.Иванов — из цикла «Элевсинские ночи», В.Брюсов «На закатном поле», «Город сестер любви», Н.Гумилев — «драматическая сцена» «Игра», А.Ахматова «Ты мне не обещаи ни жизнью, ни Богом...», «Под крышей промерзшей пустого жилья...», «Из памяти твоей я выну этот день...», «Муза ушла по дороге...», М.Кузмин «Все дни у Бога хороши...», «Среди ночных и долгих бдений...», О.Мандельштам «От легкой жизни мы сошли с ума...», «В разноголосице девического хора...», М.Цветаева «С большою нежностью — потому...», «В тумане, синее ладана...», «Откуда такая нежность...», «Отмыкала ларец железный...», стихи Г.Иванова, А.Скалдина и др.).

В 1916 г. О.Э.Мандельштам написал статью «О современной поэзии (К выходу “Альманаха Муз”», оставшуюся неопубликованной: в альманахе «представлены многочисленные разновидности плохих и хороших стихов». «В стихах В.Иванова какая-то пресыщенность, все заранее известно». Стихотворения Брюсова «воскрешают весьма суетное литературное настроение». «Мишурная мантия ложного символизма совершенно вылиняла... и по справедливости вызывает веселую улыбку поэтической моло-

дежи». «Пленителен классицизм Кузмина», убеждающего нас, «что душа наша не субстанция, сделанная из метафизической ваты, а легкая и нежная Психея». «В последних стихах Ахматовой произошел перелом к... религиозной простоте и торжественности... после женщины настал черед *жены*... ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России» (О.Мандельштам. Сочинения: В 2 т. Т. 2, М., 1990, с. 258-259).

Ан.Цветаева — «Дым, дым и дым». М., 1916, тираж — 1000.

«Печальнейшее явление нашего беспутного времени», «какая-то розановщина, где циничная откровенность о себе переходит границы, допустимые простыми общественными приличиями», героиня «чувствует себя продолжательницей Ницше на земле» (Л.Андреев, «Печаль наших дней», Р. Воля, 1917, 6 февр.). «Кой-что из душевных закоулков современного индивидуализма здесь вышло на свет и показало себя с сосредоточенной яркостью. У автора есть... розановский талант неуязвимости, коренящийся в преднамеренном цинизме» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., 1917, № 6-7, Б-фия).

Владимир Набоков — «Стихи». [Пг.], 1916, тираж — 500.

«Первая моя книжечка стихов была исключительно плоха...» — писал впоследствии автор (О.А.Чурболикова. Тайна Владимира Набокова. Библиограф. очерки. М., 1995, с. 14).

Ноябрь

Вл.Короленко — «Случайные встречи (Опыт ознакомления с Россией)» (Р. Зап., № 11), «О капитане Кюнене» [против антинемецких настроений, связанных с войной] (Р. Вед., 8 ноября).

Вяч.Шишков — повесть «Тайга» (Лет., №№ 7-11).

Прочитав рукопись, Горький писал автору 3 апреля: «“Тайга” очень понравилась мне, и я поздравляю Вас,— это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит Вам убеждение в необходимости работать, веру в свои силы» (т. 29, с. 356-357).

«Когда это демонстрирование нелепостей и безобразий совершается под предводительством такого сильного таланта, как Горький, оно действует угнетающе, и читателю действительно кажется, будто нет просвета, будто жизнь — каторга, где зако-

ванная в кандалы тшетно и мучительно бьется человеческая душа» (И.Игнатов, Р. Вел., 5 окт.). Было бы несправедливо видеть в этом «неудавшемся, растянувшемся» романе только этнографический интерес, «но в целом он непереваримо скучен, неровно написан и лишен романической завязи» (Е.Колгоновская, «Речь», 1917, 6 февр.).

И.Бабель — рассказы «Мама, Римма и Алла» и «Элья Исакович и Маргарита Прокофьевна» (Лет., № 11).

В.Брюсов — стихотворный цикл «Перезвучия» (Р. Мысль, № 11).

В.Ходасевич — «Стихотворения» (Сев. Зап., № 11).

В.Жирмунский — «М.А.Кузмин» (Бирж. Вел., 11 ноября). Кузмин вступил в литературу 10 лет назад, когда были широко распространены «индивидуалистическая искаженность восприятия жизни, некая хаотичность и интерес к бессознательным основам творческой личности поэта». В первом же своем сборнике «Сети» (1908) Кузмин «противопоставил такой поэзии ясность и четкость очертаний, любовь к каждой мелочи жизни»; на его стихах воспиталась поэтическая молодежь «Гиперборея»; он — последний русский символист.

Н.Бердяев — цикл статей «Типы религиозной мысли в России». 1. «Возрождение православия» (о С.Н.Булгакове). 2. «Новое христианство» (о Д.С.Мережковском). 3. «Теософия и антропософия. Духовное христианство. Сектанство». (Р. Мысль, № 6, 7 и 11).

В.Розанов называет труд Бердяева «выдающимся явлением» религиозной и философской мысли в России, однако его содержание «уже темы и заголовка», так как рассматривается круг столичных явлений. Проникнутый, как и большинство деятелей религиозно-философских собраний, «западным духом», далекий от «опыта жизни» православия, лишенный национально-исторической «тяжеловесности», Бердяев с «пристрастием и раздражением» «опрокидывается» на московских славянофилов (П.А.Флоренского, В.Ф.Эрна, С.Н.Булгакова и др.), самое крупное умственное течение — «свежий росток» от «старого корня» православной церковности (Петроградский старожил, Моск. Вел., 17 авг., 22 сент.; «Колокол», 19 авг., 2, 25, 30 сент., 7 окт.).

А. Горнфельд — «А.А.Потебня» (К 25-летию со дня смерти) (Р. Вед., 29 ноября). Был, вместе с Александром Веселовским, создателем новой русской поэтики, главным свойством которой является историчность. «В последние годы наши символисты открыли для себя Потебню», но «вся ложная мудрость» их поэтики бледнеет перед твердым выводом Потебни: «искусство не для искусства и не для целей, посторонних искусству», оно — для художника как средство познания мира. В этой «насквозь познавательной теории искусства» были обойдены эмоциональные элементы, что чувствовал и сам ее создатель.

16 декабря Ф.Д.Батюшков писал А.Г.Горнфельду: «Вы очень удачно соединили его с Веселовским, но вот что характерно: за время многолетнего общения с Веселовским я ни единого раза не слышал от него даже имени Потебни ... И теперь, на чествовании памяти Веселовского по случаю 10-летия смерти, в Академии Наук никто не сопоставил его с Потебней: это Ваша заслуга» (РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. 219).

А. Пешехонов — «Политический кризис» (Р. Зап., № 11). «Внутренние неурядицы теперь страшат всех больше, чем вражеское нашествие». В отставке председателя Совета министров Б.В.Штюрмера кадеты видят «серьезную победу», но «необходимо коренное преобразование», нужно призвать трудящиеся массы «к участию в государственной жизни». «Драма русской жизни еще не пережита».

6 ноября А.Н.Бенуа записал: «Обед у Гессенов. Читали “исторические” речи Милюкова, Шульгина, Маклакова*. Настроение начинает сильно напоминать настроение 1905 года. Впрочем, под “гражданским возмущением” немало низкопробной радости, что “господам теперь несдобровать”. На меня эти речи не произвели ни малейшего впечатления... Подобным Мирабо не свергнуть престола! Но, весьма вероятно, вслед за ними придут другие. А главное, *продолжается война*, и она сделает то, чего не в состоянии сделать “благоразумные” элементы... А что из себя представляет Керенский, имя которого все чаще слышится?» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916-1917-1918. М., 2003, с. 38).

29 ноября В.Г.Короленко пишет К.И.Ляховичу: «По всей России ходят речи депутатов в списках. Идут нарасхват, особен-

* Речь идет о запрещенных цензурой речах депутатов Государственной думы 1 ноября 1916 г. против правительства Б.В.Штюрмера, действия которого П.Н.Милюков охарактеризовал как «глупость или измену».

но речь Милюкова... Теперь со дня на день ждут отставки Протопопова или нового конфликта из-за него... Очень "деликатное" теперь положение сотрудников "Русской воли". Если Протопопов уйдет из министров, то, чего доброго, захочет вернуться в газету, чтобы руководить в ней общественным мнением. Это будет картина» («Согласие», 1994, № 1, с. 197).

21 ноября Л. Андреев пишет К. С. Станиславскому, заинтересовавшему его пьесой «Милые призраки»: «Вещь простая, ясная, широко доступная и не новая в идеологическом смысле... Кугель определил пьесу как удачное сочетание самого строгого реализма с романтикой» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 288).

Б. Л. Пастернак писал С. П. Боброву 26 ноября: «На мой взгляд, Маяковский единственный среди всех нас, пишущих — поэт», «чувство восхищения» перед ним — «неискоренимая и основательная моя слабость». 27 ноября упрекал Боброва в «соблазне кружковщины»: «Я понимаю это в среде ископаемых типа "Русской мысли", "Вестника Европы" и прочих ихтиозавров: "честные стариканы", они требуют от "литератора", чтобы он был непьющий, носил очки и разрешал проблемы... Я понимаю фаворитизм символистов. Лукавые авгуры, не имеющие к тому же и гроша за душой, они не могли ходить без камертона в одном и кукиша в другом кармане и нуждались в еженедельной спевке» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 256–257).

30 ноября в Московском Камерном театре состоялась премьера пьесы И. Анненского «Фамира-кифаред» (постановка А. Я. Таирова, художник А. А. Экстер). Перед спектаклем К. Бальмонт произнес речь «Поэт внутренней музыки (Иннокентий Анненский)» (Утро Рос., 3 дек.). Эта постановка, «несомненно самое значительное явление московской театральной жизни в начале сезона», осуществлена в духе кубизма, но интересны даже промахи театра, который мужественно идет по пути художественных исканий (Я. Тугендхольд, «Письмо из Москвы», Апол., 1917, № 1).

В ноябре, в Москве, проходила выставка «Бубнового валета». Большинство картин отличаются «культурой палитры»; «печатью подлинного дарования» отмечен М. Шагал, радуют А. Куприн и Р. Фальк, «трудно зрителю ладить» с А. Лентуловым и кучкой «супрематистов», эпигонов Кандинского (К. Малевич, О. Розанова) (Росский [А. М. Эфрос], Р. Вед., 8 ноября). Луч-

шие представители «Бубнового валета» отошли к «Миру искусства» (П. Кончаловский, И. Машков); «наиболее своеобразный художник» — М. Шагал, супрематизм К. Малевича — «не что иное, как раскрашенная геометрия» (Я. Тугендхолд, «Письмо из Москвы», Апол., 1917, № 1).

Ал. Н. Толстой — «В Англии. На Кавказе. По Волыни и Галиции». [Соч.]. Т. VI. М.: Кн-во писателей, 1916; «Искры». [Соч.]. Т. IX. М.: Кн-во писателей, 1916.

А. Толстой — «писатель, которому много дано и многое не дано»: в «живом инвентаре природы» он ориентируется лучше, чем «в пределах высокой человечности», у него «нет мирозерцания, как фона», в думах о войне «не подымается над уровнем общедоступной элементарности» (Ю. Айхенвальд, «О гр. Ал. Н. Толстом», Утро Рос., 22 окт.). В том VI вошли очерки, печатавшиеся в «Русских ведомостях»: «Меткость глаза, вкус и чутье к характерному, свежесть восприятия и, наконец, то, что можно назвать художественной лепкой... все это — неотъемлемые достоинства автора» (А. Дерман, Р. Вед., 9 ноября). Эти «невероятные рассказы» вызывают недоумение, тем более, что другой участник поездки в Англию, В. Д. Набоков, многие детали оспаривает ([А. М. Редько], Р. Зап., № 11, Б-фия). В томе IX Толстой «остается все тем же увлекательным, порою даже блестящим рассказчиком, с на редкость зорким глазом, метким языком и склонностью к гиперболе. Но по-прежнему рассказам его недостает... элемента значительности и монументальности» (Р. Вед., 23 ноября). «Жизнь и движение есть в каждом рассказе, но книга в целом не живет: нет в ней внутреннего стержня». Любовь как «чувство узколичное, единящее только двух любящих, не может само по себе дать никаких критериев, никакого своего особого и цельного подхода к миру». Писатель «бессилен дать что-нибудь свое в сфере переживаний массовых», и картины войны написаны у него по обычному трафарету (С. Дубнова-Эрлих, Лет., 1917, № 1). «Искры любви в рассказах военного содержания оказываются с художественной стороны самыми заправскими дешевыми фальшфейерами»; автор теряет в военных рассказах свою характерную черту — «причудливость и необузданность авторского воображения», которая уводила его от правдоподобия, но зато и от банальности ([А. Б. Дерман], Р. Зап., 1917, № 2-3, Б-фия).

Вяч. Шишков — «Сибирский сказ. Повести и рассказы». Кн. 4. Пг.: «Огни», 1916, тираж — 2600.

«Автор подлинно чувствует свой далекий, суровый край, любит угрюмую нежность сибирской природы, любит детей тайги — дикарей с душой “чистой и пламенной, как душа ребенка”»; в этот дикий и прекрасный край вторгается «культура» в образе русского купца-хищника (С.Дубнова-Эрлих, Лет., 1917, № 1). «Ряд интересных этнографических очерков, ничего не выигравших от усиленного желания автора придать им форму художественной беллетристики», тенденциозное изображение «вечного конфликта наивных и детски простодушных дикарей-тунгусов и русских купцов-хищников»; перед нами «подсахаренный тунгусик, à la мужичок Златовратского, Григоровича и др.» (А.С., Совр. Мир, 1917, № 2-3). «Кажется, еще никто из писателей не забирался так глубоко в Сибирь», но рассказы однообразны; правдиво рисует эксплуатацию русскими промышленниками местных жителей, но «для художника это малоценно» (Е.Колтоновская, «Речь», 1917, 6 февр.). Интерес этнографический, а не художественный (Р. Вед., 1917, 4 янв.).

«Земля». Сб. девятнадцатый. Моск. кн-во, 1916, тираж — 12000 (М.Арцыбашев «Враги», Н.Крашенинников «Осень»).

«Посредственная пьеса Арцыбашева может свободно кануть в лету» (П.Сурмин [П.И.Майгур], Утро Рос., 1917, 28 янв.). «Ужасающая плоскость» произведений Арцыбашева делает их «эстетически невыносимыми», но даже в этом соседстве «утомительно многоречивый и бесцветный» Крашенинников проигрывает (Вяч.Полонский, Лет., 1917, № 1). «Не замечая грозного течения жизни», Арцыбашев «варьирует свою старую, никому не нужную и опостылевшую тему» — «вражда полов» (М.Королицкий, Вест. Евр., 1917, № 1). Свой тезис о тесноте брачных уз Арцыбашев доказывает на «серых, ординарных людях» (Е.Колтоновская, «Новое в литературе», Р. Мысль, № 12).

М.Кузмин — «Антракт в овраге. Рассказы». Собр. соч. Т. 8. Пг.: изд. М.И.Семенова, 1916, тираж — 2600.

Книга пестра и занимательна, но в ней действуют кукольные герои, вырезанные из цветной бумаги (Р. Вед., 1917, 4 янв.). «Поразительно, как быстро спал с Кузмина налет новаторства и эстетизма и как ясно выявилось ныне его настоящее лицо — лицо неглупого обывателя, занятно рассказывающего недурные анекдоты». Военный быт охарактеризован «смутно, вяло, бледно, убого» (М.Левидов, Лет., 1917, № 1).

Ал.Ширияевец — «Записка. Песни и стихи». Ташкент, 1916, тираж — 240*.

17 ноября А.А.Коринфский писал автору: «Уж очень “брошюровочный” вид... у Вашей “Записки”. Лучше было бы подождать некоторое время, да и выступить в Петрограде или Москве с более обширной и содержательной книжкой, а то — у нас на все “провинциальное”... смотрят свысока, — внимания никто не обратит. А Вы, с Вашими свежими песнями, внимания заслуживаете» (De Visu. 1993, № 3, с. 30).

19 декабря В.Ф.Ходасевич писал А.Ширияевцу, приславшему книгу на отзыв: «Что Вы “писатель из народа” — от этого мне ни тепло, ни холодно... Стихи бывают хороши или плохи сами по себе... Мне не совсем по душе весь основной лад Ваших стихов, — как и стихов Клычкова, Есенина, Клюева... Подлинные народные песни... подвергаются литературной, книжной обработке... утрачивают они главное свое достоинство — примитивизм... ведь все-таки это уже “стилизация”... Писатель из народа — человек, из народа ушедший, а писателем еще не ставший... У Вас есть дарование, глаз, напев в стихах... А всякие “гой еси” пусть сюсюкает барчук Городецкий... Вы можете писать стихи хорошие и на новом месте, а не толочься на старом, с которого все уж уходит» (Там же, с. 30–31).

Н.А.Клюев писал автору в начале 1917 г.: «Нам всем [С.Есенину, П.Карпову, Н.Клюеву] понемножку нравится в тебе воля и Волга...» (Там же, с. 31).

«Еще одна попытка творчества “под народ”», которую нельзя назвать удачным опытом, несмотря на несомненное дарование автора (Н.Венгров, Лет., № 11).

Декабрь

Вл.Короленко — статья «Печатный станок и пишущая машинка» (Р. Вед., 15 дек.). О широком распространении листов с непропущенными цензурой местами речей левых депутатов.

М.Горький — «В людях» (Лет., №№ 1–12).

«Все сильно, все по-горьковски напряженно талантливо, все лица будто бы разнообразны и определенно индивидуальны. Но над всем встает деспотический дух автора», заставляет служить одному впечатлению «угрюмой тяжести от ненужности, бесплодности, безобразной глупости человеческих деяний». Все «хоро-

* По «Книжной летописи» проходит 3–10 мая 1917 г.

шее и сильное» в людях почему-то погрязает «в тине безобразного и нелепого». Жизнь изображается как преступление против души человека, как «разбойничий притон, в который попала человеческая душа» (И.Игнатов, Р. Вед., 5 окт.). «Сильные люди, не нашедшие себе в жизни дела; смутные поиски Божьей и человеческой правды в чаду, в дыму, в разрухе русской жизни; порывы из тьмы и вони злой ямы, называемой мещанским бытом, к хорошему, светлому, высокому началу и, наконец, какие-то несмело-весенние, предпраздничные, предпасхальные тона, тут же рассыпанные по черному полю... Чувствуешь, что живешь “накануне” чего-то необъятно-большого, долгожданного» (К.Б[архи]н, Од. Нов., 24 окт.).

Ф.Крюков — «Группа Б (Силуэты)» (Р. Зап., №№ 11-12).
Картины позиционной войны.

Пантелеймон Романов — рассказ «В родном углу» (Р. Зап., № 12).

Б.Зайцев — пьеса «Ариадна» (Р. Мысль, № 12).

В № 12 «Северных записок» помещены: рассказ А.Чапыгина «Старуха», воспоминания Н.А.Морозова «Невозвращенное былое», стихи Г.Адамовича, М.Кузмина, Андрея Белого, некрологическая статья А.Герцык «Э.Верхарн».

Андрей Белый — «Отрывки из детских впечатлений (Из повести “Котик Летаев”）」 (Р. Вед., 13 ноября, 4, 25 дек.).

Белый, вослед Пушкину, задался «дерзкою мыслью» «подсмотреть и воспроизвести» недра духа, его «огненное ядро» (М.Гершензон, «Заметки о Пушкине», Бирж. Вод., 30 дек.). Первые главы «Котика Летаева» вызвали целую «полифонию критических суждений», «слова о гениальности» чередовались со «словами о безобразии». Многие недоумевали, зачем «Русские ведомости» — «верные, испытанные хранительницы заветов художественного реализма, никогда не покорствующие и не потворствующие никакой литературной моде», «соблазнились и соблазняют своего читателя?» Через «невнятицу слов» (выражение А.Белого) звучит внятный и важный смысл: «Где корни современного русского человека-интеллигента, из чего, из какого комплекса первых переживаний, чувств, представлений, мыслей, образов, вобранных в душу еще в детской, он вырос со всем хаосом теперешних чувств и верований» (Коль-Коль [Н.Е.Эфрос], «Литературная злоба дня», Од. Нов., 29 ноября). И.Игна-

тов вынужден был вступить в объяснение с читателями «Русских ведомостей», приславшими в редакцию недоумевающие письма по поводу «Котика Летаева». Оговаривая необязательность сходства художественных вкусов редакции и автора, критик видит в произведении Андрея Белого талантливую попытку исследовать подсознательный мир человека («Об Андрее Белом», Р. Вед., 22 дек.).

1 января 1917 г. Иванов-Разумник писал Белому: «Рад я и счастлив, что после “Петербурга”, который я так высоко ценю, Вы пошли дальше и выше, достигли новых вершин (читатели в массе — вознегодуют, в ужас придут, проклянут, — если только посмеют, после успеха “Петербурга”...)... Конечно, весь “Котик” — это одно, почти сплошное... переложение “истин антропософии”, учения Штейнера в художественную форму... Но то, что... в его книгах безжизненно, схематично и мертво... то самое художник, Вы, — *заставляете переживать...*» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 90).

К.Бальмонт — «Сонеты» («Рождение любви», «Полная чаша», «Цветок любви», «Люби») (Р. Мысль, № 12).

В.Брюсов — «Обаяние Верхарна (Наблюдения и воспоминания)», стихотворение «Падшие цари» (Бирж. Вед., 2, 28 дек.).

25 декабря, в рождественских номерах газет, опубликованы:

В «Русском слове» — «Ералаш (Из воспоминаний)» М.Горького, «Три рассказа» («Старуха», «Постом», «Третьи петухи») Ив.Бунина, «Мальчики» К.Тренева, рассказы Тэффи, Арк.Аверченко, стихи Вяч.Иванова, К.Бальмонта, Ю.Балтрушайтиса.

В «Русских ведомостях» — «В почтовой конторе» В.Ропшина, «У черного крыльца» В.Вересаева, «Ползком» Ф.Крюкова, «В ползучем ельнике (Из страниц военного быта)» Г.Гребенщикова, переводы В.Брюсова — «Стихи Эмиля Верхарна о России».

В «Биржевых ведомостях» — рассказы «Гневный лик» Ф.Сологуба, «Приговоренная» П.Боборыкина, «Аника (Народная легенда)» А.Ремизова, рассказы И.Ясинского, Б.Лазаревского, стихи К.Бальмонта, Ф.Сологуба, Н.Клюева, И.Эренбурга.

В «Утре России» — «Петушок (Народная сказка)» А.Ремизова, стихи и переводы Ф.Сологуба, В.Брюсова, К.Бальмонта.

В «Киевской мысли» — рассказы Ив.Шмелева «Загадка», Ал.Н.Толстого «Крепкое развлечение», Ив.Новикова «Вечер в

театре», С. Гусева-Оренбургского «Над умирающим озером», стихи Ив. Бунина.

1 декабря Горький пишет С. Н. Сергееву-Ценскому, приглашая сотрудничать в «Летописи» и в издательстве «Парус», которое «ставит целью поднять интерес читателя к серьезной литературе» (т. 29, с. 372).

Военная цензура дает отзыв о «Летописи» в Департамент полиции как о журнале «резко оппозиционного направления с социал-демократической окраской», относящемся к числу пораженческих изданий: «вся русская патриотическая литература подвергается со стороны журнала “Летопись” резкому осуждению» («Военная цензура о “Летописи”», Лет., 1917, № 2-4).

В ответ на объявление о печатании в «Летописи» в 1917 году биографии Ф. И. Шаляпина, написанной Горьким в июне-июле 1916 г., журнал получает ряд протестов, в том числе письмо, подписанное группой сотрудников «Правды» и других рабочих газет. Протест вызван известным эпизодом коленопреклонения Шаляпина перед царем на сцене Мариинского театра 6 января 1911 г. (ЛЖТ Горького. Т. 2, с. 585-586). В № 12 редакция отстаивает свое право печатать автобиографию великого русского артиста.

2 декабря В. Г. Короленко пишет начинающему писателю Т. Н. Галапуру: «Вы пишете, что высшая интеллигенция взяла литературу себе в привилегию. Что образование вообще есть, благодаря общественным условиям, — привилегия, — это верно. Но едва ли можно винить в этом сознательное стремление “высшей интеллигенции”. Высшая интеллигенция насаждала школы и просвещение для народа, когда народ сам об этом не думал, а правительство не хотело. “Высшая интеллигенция” не помешала ни Горькому стать знаменитым писателем, ни крестьянам Сурикову и Семенову стать писателями средними» (т. 10, с. 552-553).

10 декабря газета «Утро России» поместила анкету «Война и творчество», предложив писателям следующие вопросы: 1. Могли ли они работать в период настоящей войны? 2. Как отразилась война на их творчестве и на литературе вообще? 3. В какой зависимости от войны протекает искание новых форм творчества? На анкету ответили:

К. Бальмонт: «Чувствовал себя мобилизованным и работал не менее, а более... чем в мирное время. Прямого отражения в моем творчестве война, однако, почти не нашла...» Влияние войны

скажется через несколько лет, сейчас написано «около десятка хороших стихотворений и несколько сотен несносно плохих, бессмысленных, пошлых».

Ал. Толстой: «Наиболее напряженная творческая работа у меня началась с конца 1914 г. ...С повседневности был содран покров нечаянной мишуры. Смерть стала темой жизни. Любовь — темой творчества. Чувства сделались более напряженными и отчетливыми, зрение стало учиться отличать частное от общего и в общем находить вечное». «Я предвижу в России монументальное и простое искусство», первыми станут развиваться архитектура и театр.

Б. Зайцев: «С внешней стороны война в моем писании не отразилась. Внутреннее же ее давление все мы чувствуем. Проследить его трудно. Быть может, мы становимся серьезнее, горестнее наш взгляд на окружающее, острее ощущаем трагедию... На литературе вообще, по-моему, война мало отозвалась... Да и не к чему литературе спешить. Она побольше всяких войн... И эта война пройдет, литература же останется».

Андрей Белый: «Я в работе своей сосредоточился совершенно сознательно на круге тем, не имеющем ничего общего с современностью... Думаю, что тема войны есть тема моей работы далекого еще будущего. Но война отразилась в способе ставить проблемы сознания... Национальное самосознание, подлинное выражение русской культуры, которое в нас еще дремлет, — вот лозунг будущего».

В декабре И. Эренбург написал заметку, предназначавшуюся для «Биржевых ведомостей»: «Быть может, после войны кто-либо из уцелевших поэтов, сотни которых теперь сидят в окопах, молча страдая и умирая, скажет одно слово, способное взволновать тысячи сердец. Но теперешние стихи вызовут у грядущего читателя лишь раздражение и недоумение» («Звезда», 1996, № 2, с. 180).

15 декабря вышел первый номер газеты «Русская воля», в котором А. В. Амфитеатров опровергал сложившееся уже в прогрессивной печати суждение об этой «безвинной» газете, доказывая, что «случайная» связь ее с А. Д. Протопоповым была прервана 18 сентября, в день, когда он стал министром внутренних дел. Л. Андреев также поддержал репутацию газеты, во-первых, ссылаясь на бранные слова в ее адрес В. Пуришкевича и Н. Маркова 2-го («Открытое письмо г. г. членам Государственной думы», 15 дек.), во-вторых, доказывая, что «независимые писатели как руководители духом и направлением газеты» свободны от власти

промышленного капитала как финансового хозяина дела («Слухи», 16 дек.). В первом номере была помещена также статья Л. Андреева «Горе побежденным», направленная против «изумительной психологической грубости пораженства». «Вне победы для нас нет спасения».

17 декабря в Москве, в театре имени В.Ф. Комиссаржевской, была поставлена пьеса Л. Андреева «Реквием». «По вине ли автора, по вине ли зрителя произошел холостой выстрел» (И. Игнатов, Р. Воля, 18 дек.). Перед нами тот Андреев, который написал «Жизнь Человека» и «Черные маски» (Сергей Глаголь [С.С. Голоушев], Р. Воля, 18 дек.).

В ночь на 17 декабря был убит Гр. Распутин. «Даже Победоносцев имел лучшие некрологи и эпитафии... Россия ликует... Этого, может быть, со времен Аракчеева не было!» (А. Амфитеатров, Р. Воля, 21 дек.). Впоследствии Горький вспоминал: «Когда известие об убийстве Распутина пришло в Москву, там, в Большом театре, публика потребовала, чтоб оркестр играл гимн, и запела: Боже, царя храни!» (Арх. Горького. Т. XII, с. 278).

И. Чегодаев [Л.Н. Андреев] — «Неосторожные мысли. О М. Горьком» (Р. Воля, 24 дек.). Самая главная черта Горького — деспотизм. «Почти невозможно представить этого художника с его огромным дарованием — без жезла, без посоха учительского, иногда просто без дубинки... И не в том худое, что учит миру и любви, — учить надо, а в том, что невнимательных и несогласных бьет тяжелой книжкой по голове...»

В. Жирмунский — «Преодолевшие символизм» (Р. Мысль, № 12). Для поэтов первого поколения (Бальмонт, Брюсов) символизм был «освобождением от односторонней аскетической морали русской либеральной общественности». «Поэзия этой эпохи носит характер индивидуалистической лирики». Второе поколение (Вяч. Иванов, Андрей Белый, А. Блок) — символисты «в более тесном и подлинном смысле», они восприняли мистицизм Вл. Соловьева, их «соратниками в веках должны быть названы первые немецкие романтики». «Последний русский символист», М. Кузмин, связан с символизмом «глубинным, мистическим характером своих переживаний», но искусство для него начинается с того мгновения, когда хаос побежден. Поколение, следующее за Кузминым, — «преодолевшие символизм» — объединяется под туманным и невыразительным именем «акмеизма».

Эти поэты, связанные с искусством французского классицизма, «вместо религиозно-мистической трагедии рассказывают простую и интимную жизненную повесть» (дается характеристика творчества А.Ахматовой, О.Мандельштама, Н.Гумилева). «Не случайная близость объединила молодое поколение, не случайная вражда оторвала их от символистов...»; «различные виды декадентского эстетизма и аморализма вошли непреодоленными в построение новой поэзии», «сужение душевного мира опять дает возможность быть графичным, четким и рассудительным». «Символисты несравненно богаче, интереснее и содержательнее как поэты, чем “гиперборейцы”». «Нам грезится, что новая поэзия может стать более широкой — не индивидуалистической, литературной и городской, а общенародной, национальной». Литературное будущее — не в поэтах «Гиперборея», но в них «ясно выразилась потребность времени, искание новых художественных форм».

В письме к Л.М.Рейснер Н.С.Гумилев назвал статью Жирмунского «лучшей статьей об акмеизме, написанной сторонним наблюдателем» (Н.Гумилев. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1991, с. 399).

С.Н.Булгаков — «Искусство и теургия» (Р. Мысль, № 12). Приветствует стремление искусства к преобразению мира, «с его безобразием и злом», по законам «Красоты». Из-за «неразрешимости средствами искусства» этой «софиургической задачи» возникает трагедия творчества (Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Достоевский).

П.Пильский — «Милые призраки» (Од. Нов., 10 дек.). Об еще не напечатанной и не поставленной пьесе Л.Андреева: «романтическая озаренность», «все три действия... канун светлого дня», отдыха от окружающего угара и мрака.

Россий [А.М.Эфрос] — «Разрывающий узы (Вторая выставка скульптур С.Коненкова)» (Р. Вед., 28 дек.). Расцвет дарования мастера городских площадей и огромных пространств (центральная вещь «Паганини»).

Ал.Бенуа — «Выставка “Современной русской живописи”» («Речь», 2 дек.). В бюро Н.Е.Добычиной представлены пикассисты и кубисты (Д.Бурлюк, Н.Кульбин, В.Кандинский, Р.Фальк, Ю.Анненков, В.Ходасевич, М.Шагал, Н.Альтман и др.). Общее впечатление — «освежающие брызги веселой, радостной светлости»; художники уже не стремятся «на поклон черному квадрату»

в раме, к “нулю форм”», «нет Татлиновских орудий пыток», нет «задорного скоморошества Ларионова, с вентилятором, косой и подвешенными ложечками».

Н.Пунин — «Выставка современной русской живописи» (Сев. Зап., № 12); «В защиту живописи (К выставке современной русской живописи)» (Апол., 1917, № 1). Дает представление о современной живописи. Нравится М.Шагал, «остро и очень ярко чувствующий и цвет, и форму, и фактуру», но он склонен к «литературности», «сюжетности» (то же Ю.Анненков, Н.Кульбин), неприятное впечатление производят Н.Альтман и А.Эстер. В.М.Ходасевич любит «хорошо одетых мужчин и изящных женщин». К.Малевич и В.Кандинский — «очень неглубокое» и «исторически малоценное» искусство: несмотря на талантливость последнего, его достижения малы из-за «отсутствия настоящей формы и настоящей краски».

Альманах «Стремнины». Кн. 1. М.: изд. Л.А.Слонимского, 1916, тираж — 5000 (В.Брюсов «Египетские ночи», Б.Зайцев «Домашний ларь», А.Ремизов «Кумова кровать», стихи К.Бальмонта, Ф.Сологуба и др.).

Брюсов осуществил незавершенный замысел Пушкина, в предисловии назвав свою работу «дерзновенной». Разбавляя своими стихами пушкинский фрагмент, Брюсов разрушил его внутреннее единство, «стремясь окончить... разрушил законченность» (В.Комарович, Совр. Мир, 1917, № 1). «Поэму-окончание» Брюсова называют кощунством, но художественная правота современного поэта несомненна: у Пушкина гениальный фрагмент, у Брюсова завершённое целое, «не гениальное, но интересное» (С.Ракитин [П.И.Майгур], Утро Рос., 1917, 4 февр.). «Симбиоз Пушкина и Брюсова не вышел: Брюсов отпадает, Пушкин остается» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 30 дек.).

В.Хлебников — «Ошибка смерти» [пьеса и несколько стихотворений]. Харьков: «Лирень», 1917, тираж — 480.

«Кажется, проходит время, когда отношение ко всем поэтам-футуристам было какое-то гуртовое. Всех брали кучей, не отличая Маяковского от Каменского, Хлебникова от Игоря Северянина... Все было непонятно, все сердило... Теперь, я думаю... многие знают, что у В.Хлебникова серьезное и очень важное лицо поэта. Конечно, этот поэт — наиболее крепкий орех, и добраться до его ядра представляет некоторый труд, тем более, что сам поэт почти не помогает своим читателям» (М.Кузмин, Сев. Зап., 1917, № 1). «Напрасный труд искать в “произведениях” Хлебникова и его собратий по литературной клоунаде... священ-

ное безумие», налицо «жалкий расчет ремесленника» — ошеломить, ошарашить покупателя (Мих.Д-в, Приаз. Кр., 29 дек.).

Вас.Каменский — «Девушки босиком. Стихи». Тифлис, 1916, тираж — 1000*.

Книга «весьма неровная, с большими подъемами, но с еще большими срывами» (Д.Выгодский, Лет., 1917, № 1). «Его вызовы — уже окончательно наивны, его мотивы — примитивны и стары...» (П.Д-р, Р. Воля, 1917, 6 февр.). Ю.Айхенвальд отнес к «разнообразно бесцветным» книгам («Речь», 1917, 6 февр.).

Ник.Асеев — «Оксана». М.: «Центрифуга», 1916, тираж — 480.

В конце ноября Б.Л.Пастернак писал С.П.Боброву об авторе: «Сколько в нем настоящей сладости, романтической, невменяемой, сколько упорства и силы в мечтательности... Замечательное дарование!» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 258).

Книжка, «во многом несовершенная, замечательна, однако, тем, что вся бьется трепетом юной и буйной жизни. Поэт словесного приема по преимуществу, Асеев умеет, однако, согреть и насытить лирическим содержанием свои фонетические узоры. Та активность, та стремительность, которая у Маяковского знаменует трагедию, которая вся пронизана ужасом, светла и прозрачна у Асеева» (Д.Выгодский, «Поэзия и поэтика (Из итогов 1916 г.)», Лет., 1917, № 1). Б.Л.Пастернак писал в рецензии, предназначавшейся для невышедшего в свет третьего сборника «Центрифуги»: «Он сложен и замысловат; это не важно. Он талантлив и творчески безупречен — важно это», при «пестроте приемов» он не эклектик (Б.Пастернак. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991, с. 361). Книга «блещущая трепетом жизни и бодрости» (Д.Выгодский, «Стихи Центрифуги», Нов. Жизнь, 1917, 21 мая).

В.Муйжель — «Опустошение». Пг.: «Жизнь и знание», 1917, тираж — 32000.

Ю.Айхенвальд — «Слова о словах. Критические статьи». Пг., 1916, тираж — 2000 (Статьи: «Отрицание театра», о письмах Чехова, о Мопассане, Флобере, К.Треневе, Б.Садовском и др.).

«У него много кумиров — и ни одного собственного, много слов — и ни одного настоящего», его книга — «лишний довод для весьма пессимистических суждений о судьбах нашей крити-

* По «Книжной летописи» проходит 8-20 апреля 1917 г.

ки» (Вяч. Полонский, Лет., 1917, № 2-4). «Субъективное» искусство литературного портрета изменило критику; его очерки безжизненны и бледны (Л.С., Н. Жизнь, 1917, 11 июня).

Итоги литературного года

«Лучшее в литературе связано со старшим поколением». «Как вредно для писателя нынешнее господство улицы», видно на примере Ал. Толстого, который «постепенно разменивается, мельчает, тает у нас на глазах». Б. Зайцев и С. Сергеев-Ценский — «цельные индивидуалисты», первый воплощает «женственное, лирическое начало», второй — «мужественное, трагическое». «Философия или, вернее, философствование — главная опора молодой литературы» (Е. Колтоновская, «Новое в литературе (Несколько итогов)», Р. Мысль, № 12).

«Прошедший год был для нашей поэзии по преимуществу годом итогов». «Крах символизма, уже давно назревавший и в последние годы ставший несомненным фактом, разрешился окончательно... Не случайно подряд, в один год, вышедшие книги трех китов символизма — Бальмонта, Брюсова и Блока [“Ясень”, “Семь цветов радуги” и переиздание трехтомного собрания лирики Блока] — подводят итоги прошлому... не обещая и не предвещая ничего в дальнейшем». Акмеисты неудачно пытались «оправдать свои теоретические рассуждения», и лишь «бунтари» обнаружили динамику развития, отбросив «элементы скандала» (Д. Выгодский, «Поэзия и поэтика (Из итогов 1916 г.)», Лет., 1917, № 1).

Л. Андреев отмечал, что читатель, захваченный «половыми вопросами», «компанейски разработанными группой писателей», охладил к русской литературе, в которой возможны «гнилые» и «затхлые» пьесы Мережковского «Будет радость» и «Романтики». Выражает надежду, что в наступающем, «действительно Новом году» литература «смело вступит на новый исторический путь» («Перед задачами времени», Р. Воля, 1917, 1 янв.).

1917 год

Январь

Вл. Короленко — статьи «Кризис», «Новейшая русская история по В.В.Шульгину» (Р. Вед., 3, 27 янв.); «Изволят забавляться» [о сыне бывшего военного министра Б.В.Штурмера], «Вместо вступления» — предисловие к повести И.Горьчева «Обманчивые огни (Автобиография-исповедь писателя из народа)» (Р. Зап., № 1). В первой статье Короленко писал об изменениях, которые внес 1905 год в миллионы русских душ: «Это та великая сила, которая дает возможность воде — текучей, расплывчатой, неупругой — разрывать стальные ядра». В последней заметке шла речь о писателях из народа, «которых неудержимо и пламенно влечет к литературе... Мудрено ли, что они принимают порой... успехи в технике и свою любовь к слову за присутствие литературного таланта. Если прибавить к этому снисходительное поощрение со стороны культурных людей... то перед нами все элементы трагедии, глубокой и печальной...»

В.Г.Короленко писал 16 января о статье «Кризис» А.В.Пешехонову: «Говорил об эволюции части русского консерватизма от “пассивного повиновения” к ограничению самодержавия. При сем упомянул о Шульгине. Сей последний перепечатал статью в “Киевлянине”, рекомендовал ее вниманию читателей, но при этом нагородил такой ребяческой ерунды о передовых партиях вообще, что прямо удивительно, и кроме того задел опять “филоновское дело”. На днях придется немного отчитать его в “Киевской мысли”» (РГБ, ф. 225, карт. IV, ед. 12).

М.Горький — «Страсти-мордасти» (Лет., № 1); «Из дневника» (Журн. Журн., № 1).

Горький «давно уже безнаказанно оскорбляет художественный вкус... Не так давно он живописал роды и смаковал прелести интимного акушерства [“Рождение человека”], теперь вдохновляется безносой уличной проституткой» (А.Бурнакин, «Боги», Н. Вр., 10 февр.).

А.Блок — поэма «Возмездие» [Пролог и глава I]. Эпиграф: «Юность — это возмездие. Ибсен» (Р. Мысль, № 1); автобио-

графья, помещенная в книге: «Русская литература XX века». Под ред. С.А. Венгерова. Вып. VI и VII. М.: «Мир», [1917].

Редактор литературного отдела «Русской мысли» Л.Я. Гуревич написала Блоку 5 декабря 1916 г. о поэме «Возмездие»: «Я слышу в ней веяние нашего времени, теперешнего... 70-е годы, о которых здесь говорится, не могли посмотреть на себя такими глазами; все пережитое за последние 25 лет кажется необходимым для того, чтобы родилась эта вещь. А прозрачность — та самая, о которой можно было только мечтать за все эти годы» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 470).

Автобиография Блока — это «лирическая повесть о том, как рыцарь Мадонны стал рыцарем России» (Утро Рос., 2 февр.). О поэме «Возмездие»: «Это, прежде всего, общественно... Из поэтаромантика... Блок становится поэтом, реалистически настроенным, объективно воспринимающим явления мира» (Д. Выгодский, «У новой грани», Н. Жизнь, 28 апр.).

«Первый отзыв, — писал Блок, — который я прочел в свободной России, меня радует, называет поэму “общественной”... Если меня спросят, “что я делал во время великой войны”, я смогу, однако, ответить, что я делал дело: редактировал Ап. Григорьева, ставил “Розу и Крест” и писал “Возмездие”» (Зап. Кн., с. 321).

А. Серафимович — рассказ «Родина-мать» (Р. Вед., 6 янв.).

В. Брюсов — стихотворения «К Петрограду» («Город Змея и Медного Всадника...»), «Окровавленные ночи», «Trionfo della morte» (Лет., № 1); «Эмиль Верхарн (По письмам и личным воспоминаниям)» (Р. Мысль, № 1).

М. Кузмин — рассказ «Смертельная роза» (Сев. Зап., № 1).

А. Ахматова — «Стихотворения» («Как белый камень в глубине колодца...», «Майский снег») (Р. Мысль, № 1); «Они летят, они еще в дороге...», «Царскосельская статуя», «Вновь подарен мне дремотой...», «Первый луч — благословенье Бога...» (Апол., № 1, вышел в марте).

Н. Гумилев — драматическая поэма «Гондла» (Р. Мысль, № 1).

«Все в ней радуется своему большому росту, стих расправляется в монологах и диалогах, играет силой» (Л. Рейснер, Лет., № 5-6).

Марина Цветаева — цикл «Стихи о Москве» (Сев. Зап., № 1).

В № 1 «Ежемесячного журнала» напечатаны стихотворения А.Блока («Протекли за годами года...», «За горами, лесами...»), В.Брюсова, Н.Клюева, рассказы Вяч.Шишкова «Каторжник», А.Чапыгина «Под праздник», комедия Л.Андреева «Монумент», статья П.Сорокина «Вихрь неумирающей жизни (Памяти Э.Верхарна)» и др.

Горький занят организацией газеты радикальной демократии «Луч», цель которой — «обслуживать социально-политические интересы всех групп влево от кадет и вправо от социалистических партий» (как он писал Короленко 14 января, приглашая к сотрудничеству). Короленко отвечал: «Едва ли возможно теперь демократическому органу отгородиться от социализма вообще» (М.Горький и В.Г.Короленко. М., 1957, с. 86 и 90). В литературный отдел газеты были привлечены И.Бунин, В.Брюсов, К.Тренев, Д.Бедный, С.Черный. Короленко писал жене 4 февраля: Горький «зовет в “Луч”, но я сомневаюсь: вся компания, конечно, люди порядочные, но я совсем их не знаю, и главное — какую линию будет держать газета, — кажется, и им самим еще неизвестно. Какой при этом смысл может иметь афиширование моего имени? Горький уже когда-то издавал с.-д. газету [“Новая жизнь”, в 1905] под смехотворным редакторством Минского» («Согласие», 1994, № 1, с. 197-198).

На запрос Короленко о «Луче» А.В.Пешехонов отвечал 29 января: «Странная какая-то комбинация. Прежде всего с денежной стороны: Коновалов, Груббе (Сибирский банк) и издательство “Копейка”». Коновалов «уже несколько газет субсидировал и ничего у него как-то не получалось. Расташут деньги, — и только. Что такое Груббе и лично ли он участвует или и банк заинтересован, — не знаем. “Копейка” — это бойкость и вместе с тем улица. Троица, стоящая во главе, — Виноградов, Бернацкий и Горький — тоже довольно странная комбинация». Коновалов «задачу видит в том, чтобы привлечь интеллигенцию на службу капиталистической промышленности и... настроен против народников, которые де недостаточно ценят и блюдут интересы промышленности... Когда Горький приезжал звать А.Г. [Горифельда, заведовать отделом критики и библиографии], тот... указал ему на неудобство, которое может возникнуть: “Если мои товарищи войдут в другую газету” (нас как раз решил звать “День”)... Горький ответил: “Я только и мечтаю о том, как бы втянуть Ваших товарищей, но раньше надо будет в «Луче» произвести несколько революций”. Видимо, и его самого далеко не вполне устраивает то, что складывается. Общее наше мнение такое: пока нет никакого резона впутываться Вам в эту

газету» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 31, ед. 57). 9 февраля Короленко отклонил предложение о сотрудничестве ввиду того, что «газета еще не вполне закончила период самоопределения», а Горький сообщил, что дело с газетой разладилось (М. Горький и В. Г. Короленко, с. 89–91).

Н. Радлов — «О футуризме и “Мире искусства”» (Апол., № 1). Футуризм должен быть либо отвергнут, либо принят весь, а не по принципу отбора талантливого, как поступает Ал. Бенуа. На всем творчестве футуристов лежит «отпечаток озорства и глупости. Надо откинуть решительно и бесповоротно все, сделанное г. г. Бурлюком, Ларионовым и Кульбиным, ибо все это неинтересно, бессодержательно и попросту скверно».

Ал. Бенуа — «О кинематографе» («Речь», 27 янв.). В театре хозяйничают всякие посторонние люди: литераторы, новаторы-режиссеры, живописцы, «ритмические гимнастеры и всевозможные претенциозные дилетанты». Мельпомена и Талия «удрали в кинематограф» и там «вербуют все больший и больший круг фанатических поклонников». В кинематографе заложена мощь и «большое соответствие с условиями нашего времени и нашего быта».

Б. Эйхенбаум — «Душа Москвы» (Совр. Сл., 24 янв.). Работа Студии Художественного театра «направлена к возрождению *актера*», и «потому таким здоровьем, нравственным и художественным, веет от этой скромной сцены» («Неизлечимый» Гл. Успенского, «Предложение» Чехова). Органически национальная душа Москвы — залог развития театральной культуры.

Л. Андреев — «“Летопись” и мемуары Шалыпина» (Р. Воля, 15 янв.). «Любя литературу, как нечто отвлеченно-прекрасное и безгрешное, Горький не сумел внушить... любви к литераторам — к живой, грешной, как все живое, и все же прекрасной литературе. Всю жизнь смотря одним глазом (хотя бы и попеременно, но никогда двумя сразу), Горький кончил тем, что установил одноглазие, как догмат». «Надсон и наше время (К 30-летию со дня кончины)» (Р. Воля, 19 янв.). Некрасов «слишком велик» для расправы над «гражданской» лирикой, поэтому «бальмонто-брюсо-модернистская» «церковь», вкусившая «черной мессы», избрала «маленького Надсона», с его «почти девической любовной чистотой». Лишь З. Гиппиус, «судья строгий и взыскательный», сказала: «Плоха та молодость, которая не

чувствует Надсона». Он искупает страдания «другого мученика литературной догматики — Фета».

Вяч.Иванов — «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (Р. Мысль, № 1). Истолкование «церковно-исторической системы» Достоевского и его взглядов на монархию. Полемика со статьей Д.Мережковского «Пророк русской революции».

И.Игнатов — «Литературные отголоски» (Р. Вед., 11 янв.). «Все чего-то ждут, напряженно, тревожно, с нетерпением... Надеются, что какие-то посторонние силы сделают нашу жизнь светлее, счастливее, радостнее». Между тем литература свидетельствует, что русский человек «негоден для общежития» (ссылка на повесть Горького «В людях»).

22 января в очередных «Этюдах» А.Амфитеатрова (Р. Воля) содержалась криптограмма, которая прочитывалась как брань в адрес цензуры и министра внутренних дел А.Д.Протопопова (приятели Амфитеатрова распространяли по городу ключ к зашифрованному тексту). Автор статьи был выслан в административном порядке в Иркутск* («Тайнопись А.В.Амфитеатрова», Утро Рос., 1 февр.; «По поводу ссылки А.В.Амфитеатрова», Р. Вед., 8 февр.). По этому поводу В.Г.Короленко писал 4 февраля жене: «Читать надо по начальным буквам каждого слова и тогда выходит, что писать решительно ни о чем нельзя, цензура свирепствует и уничтожает статьи, а о Протопопове: “Такого холопа реакция еще не создавала! Куда он ведет страну, страшно подумать. Провоцирует революционный ураган”. Школьническая выходка, зашифровавшая то, что во многих газетах говорится и без всякого шифра» («Согласие», 1994, № 1, с. 198).

24 января в Малом зале Консерватории Андрей Белый прочитал лекцию «Жезл Аарона (О “слове” в поэзии)»; сбор пошел в пользу увечных воинов. Тема лекции: о распаде слова и его воскрешении в будущем (опубликована в Р. Вед., 25 янв.).

24 января в большой аудитории Политехнического музея лекция М.А.Рейснера «Леонид Андреев против Максима Горького» (Р. Вед., 24 янв.).

* Доехать до места ссылки он не успел — Февральская революция вернула его в Петроград («Возвращение А.В.Амфитеатрова», Утро Рос., 5 марта).

25 января в Петрограде К. Чуковский прочел лекцию «Большая Россия и ее исцелитель Горький», в которой отводил писателю важную роль в оздоровлении современной России (Р. Воля, 26 янв.).

В январском номере журнала «Новая жизнь» помещена анкета «Всемирная война и созидательные силы России». И. Бунин отвечал: «Подсказанные жизнью и личным художественным опытом выводы в достаточной степени пессимистичны... Глубокие почвенные начала национальной психологии резко противостоят практическому, трезвому, строительному укладу», свойственному человеку Запада (Толстой и Гете — два представителя национальной гениальности). Андрей Белый писал о необходимости слияния жизненных и духовных начал русской жизни. Профессор Л. М. Лопатин рассматривал войну как крушение европейской культуры. Остальные участники анкеты дали «оптимистические» ответы. И. А. Новиков утверждал, что «брошенный кулак» Европы не страшен русскому народу. М. П. Арцыбашев находил, что разложение коснулось только поверхности жизни. С. А. Венгеров полагал, что встряска, произведенная войной, даст благие результаты. Критик Н. Я. Абрамович считал результатом войны «национальное пробуждение», отраженное в произведениях Горького, Бунина, Л. Андреева, Шмелева, Сергеева-Ценского, Вересаева и других писателей.

29 января А. В. Пешехонов сообщил В. Г. Короленко в связи с изданием «Русских записок»: «Подписка продолжает идти хорошо, — в деньгах на 50% выше прошлогодней. Но... типография уже объявила надбавку в 25%. Деньги так быстро обесцениваются, что непременно их следовало бы вложить в какое-нибудь имущество. И я лично все чаще и чаще твержу товарищам: нужно нам купить типографию. Даже не для того, чтобы устроить себя лучше с этой стороны и гарантировать возможность печатания, но просто для того, чтобы не остаться к концу года, хотя и с деньгами, но без средств... Но едва ли мы раскочаемся и соберемся» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 31, ед. 57).

Ив. Бунин — «Господин из Сан-Франциско (Произведения 1915–1916 года)». М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3100.

Обычно все сборники Бунина состоят из двух разделов: прозы с ее «тягостной атмосферой» и светлой лирики. В последнем сборнике такому разделению пришел конец: переход от рассказов «Казимир Станиславович», «Аглая», «Грамматика любви», «Клаша» к стихотворениям сглажен. В сборнике нет «мужичьих

сюжетов», «дававших наиболее беспросветные рассказы последней поры», когда писатель черпал сюжеты «из обширного моря русской национальной тьмы». «Со страниц сочинений Бунина ушло брезгливое раздражение злом и темнотою жизни, между тем как возмущение против этого не только не ушло, но даже окрепло» (А.Дерман, «Старое и новое у Бунина», «Речь», 23 янв.). «Произведения Бунина, несомненно, обращены к людям, полны живой связи с ними, страстного искания правды и беспощадного анализа современной “европейской” души, несмотря на их внешнее бесстрашие (А.Гизетти, Еж. Журн., № 1). «Бунину-повествователю свойственна жестокость» — «спокойная, уравновешенная, рассудительная, плод долгих размышлений и добросовестного опыта... Он производит свои изыскания корней зла совсем трезво, вооруженный “ледяной бритвой”, но тем не менее страстно». «Строгий “западнический” критицизм» у него переплетается с «народной гордостью и чисто славянофильской любовью к светлым и поэтическим сторонам родного быта» (Е.Колтоновская, «Гармония контрастов. Новейшие произведения И.А.Бунина», Р. Мысль, № 2). Рассказы сборника напоминают произведения Л.Толстого последнего «проповеднического» периода (К.Бархин, «Новые слова Бунина», Од. Нов., 28 янв.). В таких рассказах, как «Господин из Сан-Франциско» и «Аглая», тезис стоит на первом месте, а психология на втором; предпочтительнее рассказы типа «Казимир Станиславович» и «Легкое дыхание», из которых «не выносишь никакой готовой жизненной философии, но выносишь углубленное впечатление жизни» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 8-10, Б-фия).

А.Серафимович — «Клубок. Рассказы». Т. 9. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3000; «Затерянные огни. Рассказы». Т. 7. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3000.

Обычные достоинства Серафимовича: «лиризм, мягкость акварельных тонов и теплота в изображении маленьких людей с их невзгодами и радостями» (Совр. Мир, № 1, Кр-ка и б-фия). На рассказах лежит «отпечаток незаконченности», лишаящий их значительности и силы (Т.Кладо, Лет., № 2-4).

Борис Пастернак — «Поверх барьеров. Вторая книга стихов». М.: «Центрифуга», 1917, тираж — 500.

«Все эти “души заказной бандеролью”, “дсны заборов” и “в одышке далекое облако” должны кого-то привести “в изумление немалое”. Но, увы, с футуризмом уже покончено и заумная поэзия доживает последние денечки... Автора этих стихов, прыгающего через все барьеры смысла, логики и грамматики, судить

не стоит, это уже "morituri"..." (А.С., Совр. Мир, № 4-6, Кр-ка и б-фия). Пастернак — «мастер причудливого, неожиданного и потому... производящего эффект образа»; вторая книга глубже, серьезнее, чем первая, однако уступает ей «в непосредственной поэтической вдохновенности» (Д.Выгодский, «Стихи Центрифуги», Н. Жизнь, 21 мая). Среди «достаточно говорливой» группы футуристов «культурнее и сдержаннее Б.Пастернак» (Д.Коковцев, «Русская лирика в 1917 г.», «Наш век», 31 дек.).

28 января Б.Л.Пастернак писал К.Г.Локсу: «Вы очень верно выделили в "Барьерах" существеннейшее их начало: дифирамбическое» (Минувшее. Вып. 13. М.; СПб., 1993, с. 190).

Альманах «Творчество», I. М.: «Творчество», 1917, тираж — 5000* (Стихотворения И.Бунина, В.Брюсова, А.Блока, Ф.Сологуба, К.Бальмонта, Н.Гумилева, С.Есенина, рассказы: А.Куприна «Мысли Сапсана XXXVI», А.Ремизова «Сторона небывалая», Б.Пильняка «Смерти». Художники — А.Васнецов, Л.Бакст, Д.Митрохин, Д.Моор и др.).

Главное внимание уделено внешности издания, построенного по принципу «числом поболее, ценою подешевле»: 28 авторов и 14 художников (Совр. Мир, № 2-3, Кр-ка и б-фия). В.Брюсов, описывая десять способов самоубийства, «утверждает все-таки, что жизнь прекрасна». Другие участники альманаха также «находят в жизни много изъянов, требующих починки». «Прелестная безделушка» А.Куприна «после всякой маринованной философии» кажется правдивой и естественной (А.Е. [А.М. и Е.И.] Редько, Р. Бог., № 4-5). Прекрасное стихотворение Блока «Демон» оставляет «впечатление прозрачной глубины». «Милый пустычок» Куприна не дает еще повода говорить о возвращении его к литературе (В.Кранихфельд, «Новый тип альманаха», Киев. Мысль, 12 февр.).

А.Грин — «Искатель приключений. Рассказы». М.: кн-во «Северные дни», 1916, тираж — 2200.

Грин — незаурядная и малооцененная фигура в нашей беллетристике; внешняя похожесть на рассказы Эдгара По. «В экзотике необычайных приключений, небывалых стран и невероятных героев, в горделивом презрении к бытовой повседневности, в бойком отрицании общепринятого в морали и общественности» Грин все-таки ищет «правды человеческих отношений, правды элементарной морали» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 6-7, Б-фия).

* Одновременно новое издательство выпустило альманахи для детей и для юношества (Р. Воля, 9 янв.).

И.Эренбург — «О жилете Семена Дрозда». Париж, 1917 (издана на правах рукописи в 100 экз.).

Сквозь намеренно грубый стиль и издевательство над обычными стихотворными приемами «проступает нечто очень серьезное и глубокое, и трогательное» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 6 февр.). «Если эти ультрамодернистские стихи действительно ступени к поэзии грядущего... хочется простить... некоторую неопрятность слова и мусор футуризма» (А.С., Совр. Мир, № 7-9).

Вас.Каменский — «Книга о Евреинове». Пг.: изд. «Современное искусство», 1917, тираж — 700.

«Безоглядное громохваление» («Самоцветный гений мысли!»), «ярмарочный бум-бум». Сам Евреинов «заслуживает лучшей участи, чем услужливые пошлости»: «Он недурной режиссер с выдумкой и живостью мысли», «шумливый и неосновательный, но иногда интересный» литератор ([А.Г.Горнфельд], Р. Зап., № 2-3, Б-фия). «Услужливый Каменский опаснее врага» — он воспринял Евреинова, как чеховский Пищик Ницше; увидел лишь раскраску лица и наготу на сцене (Вс.Мейерхольд, Бирж. Вед., 10 февр.).

3 января А.Н.Бенуа написал, что продолжает «возлагать надежды на Евреинова; он исключительно одаренный человек — даром что паяц по природе» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916-1917-1918. М., 2003, с.76).

Февраль

Ал.Н.Толстой — статья «Из дневника на 1917 год» (Р. Вед., 15 янв., 8 февр.).

Ф.Сологуб — «Стихотворения» («Оттого так прост и ясен...», «Плыву вдоль волжских берегов...», «Что же, что с долею бедной...») (Р. Мысль, № 2); «Книга в деревне» (Бирж. Вед., 7 февр.). Для деревни не нужны никакие простонародные и общедоступные издания; народ возьмет то, что уже создано, а затем выдвинет собственные таланты.

6 февраля в Александринском театре премьера пьесы Л.Андреева «Милые призраки» (в постановке Е.П.Карпова). 12 февраля Андреев сообщил Вл.И.Немировичу-Данченко: «...Играли по-александрински... Да, у публики успех, но автору

кисло...» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 291).

«Скучная и бледная» постановка. Андреев, «взявшись за изображение великого человека», представил его «не тонким и не чутким к человеческому страданию» (Л.Я.Гуревич, «Речь», 8 февр.). «Театральный маскарад», в котором «огрублены идеи Достоевского» (Апол., № 2-3, с. 75). «Прекрасная и стройная» постановка пьесы, исполненной «бурлящей радости» (К.Арабажин, Бирж. Вед., 7 февр.).

8 февраля К.А.Сомов записал в дневнике: «Вечером в театре, “Милые призраки” Андреева. Мелодрама и плохой фарс. После театра поехал к Сологубу... Был Клюев-мужицкий в поддевке и косоворотке, со своим другом Есениным... Оба читали хорошие, но мне чуждые стихи. Потом читал совсем сделавшийся рамоли Сологуб глупейшие сентиментальные стихи о Павле I...» (К.А.Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 172).

В феврале Б.Л.Пастернак написал С.П.Боброву: «Я полагаю... что поэзия... будет когда-нибудь выведена на ту царскую дорогу, с которой ее свели в детские, в альковы, в притоны теургии ли или разврата — безразлично» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996, с. 275).

12 февраля в Петрограде, в зале Добычиной, состоялся литературно-музыкальный вечер. Среди выступавших был Горький, читавший отрывок из «Детства». В музыкальной части вечера принимал участие С.С.Прокофьев. После вечера молодой композитор был представлен Горькому, который беседовал с ним «как человек, остро и глубоко чувствующий музыку» (С.С.Прокофьев. Материалы, документы, воспоминания. М., 1961, с. 158 и 218).

14 февраля В.Г.Короленко пишет С.Д.Протопопову: «У меня ощущение по временам такое, что не одна Россия, но и все человечество, по крайней мере вся Европа — летит куда-то кверху тормашками» (РГАЛИ, ф. 389, оп. 1, ед. 61).

Во второй половине февраля Горький пишет из Петрограда Короленко: «Жить здесь становится невыносимо тяжело... В данное время нами правит сумасшедший Протопопов... Политический авантюризм разрастается чертополохом» (М.Горький и В.Г.Короленко, с. 91).

16 февраля в Петроградском религиозно-философском обществе Андрей Белый прочел лекцию «Творчество мира». Лектор ссылаясь на «немецкую» философию Гегеля и Канта, а «пораженческая аудитория» восторженно аплодировала (А.Бурнакин, «Шут Заратустры», Н. Вр., 18 февр.).

18 февраля «Утро России» объявило, что В.Брюсов в течение февраля-марта [и апреля] читает в Народном университете им. Шанявского курс лекций на тему «Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение» [в сжатом изложении под заголовком «Учители учителей» напечатаны в «Летописи», №№ 5—12].

19 февраля в Большой аудитории Политехнического музея отмечалось 50-летие деятельности И.Д.Сытина. Во всех приветствиях (среди которых было и письмо Горького, и «высочайшее поздравление» Николая II) звучала одна нота: слава человеку, всю жизнь посвятившему просвещению народа (Р. Сл., 19—26 февр.). Л.Андреев писал, что юбилейный комитет не случайно приурочил празднование ко дню «полусвободы» народа, который настойчиво требует «вторую половину» освобождения. В лице Сытина мы приветствуем «великий скрытый разум народа», ведущий его к «последнему Освободителю» — книге («Знаменательный юбилей», Р. Воля, 19 февр.).

21 февраля К.Чуковский записал: «Сейчас от Мережковских. Не могу забыть их собачьи голодные лица. У них план: взять в свои руки “Ниву”... “Мы бы верхние комнаты под Религиозно-Философское О-во”, — сказал он. “И мои сочинения дать в приложении”, — сказала она. “И Андрея Белого, и Сологуба, и Брюсова дать на будущий год в приложении!” Словом, посыпались планы, словно специально рассчитанные на то, чтобы погубить “Ниву”» (К.Чуковский. Дневник. 1901—1929. М., 1997, с. 74).

22 февраля З.Н.Гиппиус записала в дневнике: «Театры полны. На лекциях биток. У нас в Рел.-фил. обществе Андрей Белый читал дважды. Публичная лекция была ничего, а закрытое заседание довольно позорное: почти не могу видеть эту праздную толпу, жаждущую “антропософии”. И лица с особенным выражением... выражением удовлетворяемой похоти. Особенно же противен был в программе неожиданно прочтенный патриоторусопятский “псалом” Ключева». 26 февраля: «Да, битком сияют на “Маскараде” в Имп. театре, пришли ведь отовсюду пешком (иных сообщений нет), любят Юрьевым и постановкой Мей-

ерхольда... А вдоль Невского стрекочут пулеметы... Из окон на Невском стреляют, а “публика” спешит в театр... Но не надо никого судить. Не судительное время — грозное. И что бы ни было дальше — радостное» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 279, 285).

Б.Мирский [Б.С.Миркин-Гецевич] — «О Горьком (Письмо из Петрограда)» (Од. Нов., 2 февр.). Имя Горького за время войны приобрело новую силу. Его «Летопись» «появилась в самый разгар построчного шовинизма», и оказалось, что, несмотря на все «независимые обстоятельства», почти в полном одиночестве, может существовать правдивое слово, «наполовину испещренное многоточиями».

В.Фриче — «Поиски нового стиля» (Утро Рос., 18 февр.). О реалистическом художественном мышлении как об основном методе, характерном для нынешней эпохи.

А.Ростиславов — «Выставка “Мира искусства”» («Речь», 24 февр.). Отсутствие главных имен объединения не помешало продемонстрировать высокий уровень «передового современного художества», ушедшего от «протокольного реализма» (Б.Григорьев, Н.Рерих, К.Сомов и др.).

Л.Андреев — «Картина Петрова-Водкина (“Мир искусства”» (Р. Воля, 23 февр.). Картина «На линии» (смерть прапорщика) — «непостижимое чудо маленькой, земной человеческой смерти... переходящей в бессмертие». «Она — религиозна... она русская».

«Полная потеха вышла с военным цензором,— записал А.Н.Бенуа 21 февраля,— который уже было повелел удалить “Войну” Петрова-Водкина, но, разумеется, не за ее плохое качество, а за то, что он узрел в ней “проповедь пацифизма”. Все же потом смилостивился и оставил. Еще забавнее, как этот афронт принял сам автор картины, писавший ее... в самом боевом настроении, а ныне, томясь в солдатской шинели и рискуя попасть в окопы, приглашает видеть в ней же совершенно иные чувства. Потому что “обвинение” в пацифизме принял за высшую похвалу. Истолковать же сюжет можно действительно на обе стороны» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 108).

М.Меньшиков — «Письма к ближним» (Н. Вр., 10 февр.). В современной литературе «наступило странное изнеможение, истерия, декадентщина, футуризм». А Чехов, Горький, Куприн,

Бунин — «разве это мелочь? Далеко нет, конечно, но где же у них здоровое, большое творчество?»

П. Сурмин [П.И. Майгур] — «Петербургская повесть» (Утро Рос., 18 февр.). «Повернулось колесо истории, и питомцы Медного Всадника теперь не только пугают, но и сами пугаются потомков Евгения». Аблоуховы из Петрограда твердят: «строгость, строгость, строгость», но наступит время, когда страна ответит им лозунгом: «смелость, смелость, смелость». «Страна возьмет судьбу в свои руки, и общерусская Государственная дума сменит “петроградские сферы”. Близок день, когда история и вслед за ней поэты допишут последнюю главу грустной петербургской повести, и тогда начнется новое историческое действие — свободное творчество великой России».

Скиталец — «За тюремной стеной». Пг.: «Жизнь и знание», 1917, тираж — 3250.

Автор, «не только установившийся, но уже и остановившийся», дает «полиявшие олеографии с оригинальных горьковских полотен» (Совр. Мир, № 4—6, Кр-ка и б-фия).

Д. Мережковский — пьеса «Будет радость». Пг.: «Огни», 1917, тираж — 2000.

К. Тренев — «Мокрая балка. Рассказы». Т. 2. М.: Кн-во писателей, 1916, тираж — 3000.

«Взгляд у Тренева зоркий, но ласковый, мягкий», в отличие от Бунина; «варварская жестокость деревенских нравов не заслоняет для него других сторон» (Е. Колтоновская, Совр. Сл., 22 февр. и «Речь», 15 апр.). Тренев принадлежит к «непервоклассным, но подлинным художникам»; для него характерна «прекрасная жажда справедливости и правды» и «сильная образительная способность» (А. Дерман, «Художник-портретист», Р. Бог., № 6—7).

С. Бобров — «Алмазные леса. Вторая книга стихов». М.: «Центрифуга», 1917, тираж — 210; «Лирические стихи». М., «Центрифуга», 1917 (месяц выхода и тираж в Книжной летописи не указаны).

Б. Пастернак писал К.Г. Локсу 13 февраля 1917 г. о «задушевности» и «чистоте лиризма» первой книги (В. Л., 1972, № 9, с. 157).

Б. Олидорт назвал «Алмазные леса» «книгой опытного литератора, с новшествами покончившего давным-давно» (Приаз. Кр.,

2 марта). «С.Бобров в своей “Лире лир” так же нестерпимо-голосист, как и в статьях о поэзии»; «усвоенные автором замашки “неистового Роланда” — в явном противоречии с нешироким диапазоном его голоса» (Д.Коковцев, «Русская лирика в 1917 г.», «Наш век», 31 дек.).

«Сборники по теории поэтического языка». Вып. 2-й. Пг., 1917, тираж — 950.

Достоинства сборника в том, что вопросы лингвистики связаны с вопросами художественного творчества, но у молодых теоретиков нет подлинной научной школы, их главное задание — «создать поэтику футуризма», с пристрастием к «затрудняющим приемам». «Торопливые молодые люди... сочиняют неосновательные теории, изобретая одни факты, замалчивая другие и т.д. Метод натяжек — вот их основной метод» ([А.Г.Горнфельд], Р. Бог., № 8–10, Б-фия).

27 февраля — 2 марта произошла Февральская революция; Николай II подписал акт отречения от престола, власть перешла к Временному правительству. Одновременно в Петрограде, Москве и других городах стали возникать Советы рабочих и солдатских депутатов.

27 февраля Д.В.Философов записал в дневнике: «Страшный день. Думал, что пережил 1905 г. и 2 1/2 года войны — ко всему готов. Но события поражают. Два правительства: 1) Фронт; 2) Совет рабочих депутатов. Между ними одинаково беспомощные: а) старые министры; б) Думский комитет» («Звезда», 1992, № 1, с. 199).

28 февраля Л.Андреев записал в дневнике: «Один из величайших и радостнейших дней для России» (Л.Андреев, S.O.S. М.; СПб., 1994, с. 30). «Наша квартира была в центре событий, — писал Андреев Вл.И.Немировичу-Данченко 14 марта, — (на наших глазах начался и разгорелся первый военный бунт павловцев, включая убийство командира)... Особенно поразителен был день 27-го, когда за окнами шла стрельба, а телефон последовательно доносил о “преображенцах, идущих на приступ арсенала с развернутыми красными знаменами”, кончая взятием Петропавловки... 1-го был в Думе — вошел туда без пропуска, через популярность и ура — видел свеженьких арестованных Горемыкина и компанию... Видел непрерывное шествие с музыкой солдат, крики, стрельбу из засад и прочее» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 292).

28 февраля З.Н.Гиппиус записала в дневнике: «Совет ясно и властно зовет к Республике, к Учр. собранию, к новой власти.

Совет — революционерен... А у нас, сейчас, революция... И еще позднее — всякие кислые известия о нарастающей стихии, о падении дисциплины, о вражде Совета к думцам... Уже намечаются, конечно, беспорядки. Уже много пьяных солдат, отбившихся от своих частей. И это Таврическое двоевластие...» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 291–292).

Д.Овсяннико-Куликовский — «Освобождение творческой силы» (Вест. Евр., № 2). Великая русская революция должна быть «властью разума и гуманности», без «стихийного урагана революционных страстей». «Народ, армия, интеллигенция освобождались не как рабы, а как люди, давно созревшие для свободы».

М.Меньшиков — «Три опасности» (Н. Вр., 9 марта). «Быстрота и бескровие» революции объясняются тем, что переворот зрел «почти целое столетие» — «он принят всей Россией, всеми сословиями бесповоротно», но России грозят «война, голод и раззор».

Март

1 марта Горький писал Е.П.Пешковой из Петрограда: «Происходят события внешне грандиозные... но — смысл их не так глубок и величествен, как это кажется всем. Я исполнен скептицизма, хотя меня тоже до слез волнуют солдаты, идущие к Государственной думе с музыкой» (Арх. Горького. Т. IX, с. 194).

1 марта З.Н.Гиппиус записала в дневнике: «Утренняя светлость сегодня — это опьянение правдой революции, эта влюбленность во взятую (не “дарованную”) свободу, и это и в полках с музыкой, и в ясных лицах улицы, народа... У нас... штаб-квартира для знакомых и полужнакомых (иногда вовсе незнакомых) людей, плетущихся пешком в Думу (в Таврический дворец)... Пришел Ив.-Разумник, обезноженный, истомленный... В Т. дворце перерыв заседания на час. К 12 он опять туда пойдет... Ив.-Разумник смотрит на Совет с полным ужасом и отвращением, как не на “коммуну” даже, а скорей как на “пугачевщину”» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 294–295).

1 марта — запись в дневнике Д.В.Философова: «До сих пор не выходят никакие газеты, в то время, когда организация общественного мнения так важна! В Думском комитете толковый человек Милюков и талантливый человек Керенский. Остальные все ничтожны... У нас в квартире постепенно налаживается

“быт”. Приходят интеллигенты и “говорят”» («Звезда», 1992, № 2, с. 188, 189).

2 марта — запись в дневнике А.Н.Бенуа: «Меня вообще поражает, что ни в чем не выражается какое бы то ни было впечатление от низвержения самодержца, “помазанника Божьего”! Точно этого и не произошло, точно никогда никто в России не царствовал. Все принимают известие об его задержании, об его аресте как нечто давно ожидаемое и естественное». 3 марта: «Впрочем, если сегодня никто не плачет по монархам, то уже завтра наверно поплачут, и даже те, которые сейчас напялили себе огромные красные банты и чистосердечно мнят себя революционерами...» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 127, 136).

2 марта Л.Андреев сделал запись в дневнике: «Праздник души кончился... Эта ничтожная Дума оказалась ничтожной и в великий момент. Куда им! После долгих колебаний приняв власть, она и тут, даже в названии, обнаружила нерешительность... Говорят, что в Совете [рабочих депутатов] заседает Горький, “пораженец” и мечтает о “социальной республике” и “конце войны”». «Третье действующее лицо: пулемет». Большевики, «полные невежества и самомнения», отрицают народ и весь мир во имя одной фразы, «найденной в письме Маркса к Энгельсу». «А рабочая пресса — это перепечатки и наивные перепевы Маркса. Вчера Герман Лопатин ... называл их убийцами и сумасшедшими» (Л.Андреев. S.O.S. М.; СПб., 1994, с. 30–31).

5 марта в Ясной Поляне прошел митинг рабочих с пением «Марсельезы»; «толпа в несколько сот человек с красными знаменами и красными значками. На одном знамени было: «Да здравствует Государственная Дума!» На другом: «Вечная память великому борцу за свободу!», писала 10 марта Т.Л.Сухотина-Толстая С.Л.Толстому. С.А.Толстая обратилась к собравшимся со словами: «Если вы-де пришли к дому Толстого, то вы должны понимать его взгляды и учение... что свобода хороша, но должна быть направлена на доброе, а не на злое». «На могиле пели “Вечную память”, благодарили Толстого за то, что он сделал в пользу свободы, потом “снимались” и вернулись к дому за путеводителями по Ясной Поляне, которых раскупили с полсотни... Самое лучшее в этой революции — это то, что она такая мирная. Это трогательно и показывает большой духовный рост русского народа» («Октябрь», 1997, № 9, с. 160–161).

П. Кропоткин — «К русским гражданам» (Р. Вед., 17 марта).
О спасении свободной России от «черной сотни центральных империй».

Вл. Короленко — «Родина в опасности» (Р. Вед., 14 марта, перепечатана в других газетах под заголовком «Отечество в опасности»). Призыв отбросить партийные споры и защитить «новую свободу» от «смертельной опасности» «внешнего нашествия». «Мыши в подполье». О черносотенной листовке (Утро Рос., 19 марта, перепечатана из «Полтавского дня», 10 марта). «Пленные» (Р. Зап., № 2–3).

Л. Андреев — статьи «Памяти погибших за свободу»; «Путь красных знамен» («Ныне дом Романовых рухнул, и Россия свободна... Революция *должна идти дальше*», неся свободу поработенным народам Европы); «Цензура» (о неумении быть свободным); «Цели войны и задачи Временного правительства» (о «воле к победе» без «захватов и ограбления противника» и о всеобщей трудовой повинности) (Р. Воля, 5, 8, 15, 28 марта).

А. Серафимович — «Так почему же?» (Бирж. Вед., 12 марта). О февральских событиях в Москве в сопоставлении с 1905 г.

В «Новом Сатириконе» (№ 11, 17 марта) печатаются отрывки из «Облака в штанах» В. Маяковского, не пропущенные ранее цензурой.

Демьян Бедный печатает сатирические стихи о происходящих событиях — в «Правде» (5, 7, 14, 19, 20, 29 марта) и в «Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов» (1, 4 марта).

В. Брюсов — стихотворения «Освобожденная Россия» и «На улицах (февраль 1917 г.)» (Р. Вед., 3, 5 марта).

К. Бальмонт печатает ряд стихотворений, приветствующих революцию: «Весенний клич», «Москва, 2 марта 1917 года» [в этот день Николай II подписал отречение], «Слава народу» (Утро Рос., 2, 3, 12 марта); «Единение», «Благовестие» (Р. Сл., 7, 25 марта).

Ф. Сологуб пишет ряд статей и стихотворений о происходящих событиях. «Да это же вовсе не революция! Это светлое преобразование», произошедшее «стихийно и просто» («Преображение») (Бирж. Вед., 5, 7–12, 16, 18, 26 марта).

Ю. Балтрушайтис посвящает революции стихи «1-е марта» и «Привет Родине» (Р. Сл., 12 марта).

З. Гиппиус в статье «Петербург» приводит свое стихотворение «Петроград» (1914) («Создание революционной воли — Прекрасно-страшный Петербург...»), требуя вернуть прежнее наименование города* («Речь», 17 марта).

«Новое время», не выходявшее с 25 февраля по 5 марта, 7 марта вышло под лозунгом «Да здравствует свободная Россия!», уверяя, что оно «орган национальной мысли» (15 марта). В. Розанов писал, что самодержавие, как больной зуб, который «сам вывалился без помощи щипцов и аптеки», и выражал надежду, что «Бог даст, русская революция никого не задавит» («Перед положительными задачами истории», «“Само”-определение» (8 и 19 марта). Как об особой заслуге бывшего хозяина газета сообщала, что архивы «Земли и воли» и «Народной воли», переданные незадолго до ареста Н. А. Морозовым секретарю редакции «Голоса» В. Р. Зотову (имевшему в качестве библиофила и собирателя цензурное разрешение на хранение запрещенной литературы) и не обнаруженные в архиве после его смерти, хранились долгие годы у А. С. Суворина и теперь сыном последнего переданы В. Л. Бурцеву (16 марта).

3 марта М. Пришвин записал: «Старое правительство арестовано, но и новое под арестом Совета рабочих депутатов — ужасающе-трудное положение правительства, и отсюда в сердце каждого думающего новая тревога, как мы не знали раньше, покупая спокойствие ценою рабства братьев своих» (М. М. Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 251).

3 марта В. Розанов писал П. Флоренскому: «“Революция совершилась”, потому что и до революции был какой-то мираж, призрак якобы “властителей” без всякого властительства на деле. Всю ночь сегодня думал о русской истории. И везде — слабость, слабость, слабость... “Где Россия”. “Ах, где христианство”. Было 2 форменно апокалипсические сна...» (Н. М., 1999, № 7, с. 146).

4 марта А. М. Ремизов записал в дневнике: «Вся ночь прошла в думе о судьбе России. Атеистично-безбожно. Голоса не слышу

* С подобным же требованием выступил Ал. Бенуа («Петербург или Петроград», «Речь», 25 марта) и другие.

ни с сердцем, ни с душой. Или такие дела делаются людьми железными? ... Когда узнал о отречении, все представил себе. Одинокость и сиротливость. Все торжествующее не по мне... Я благословил всю победу России, но я не с победителями, я не надею красного банта, не пойду к Думе... Был Ф.К.Сологуб. Сегодня собрание у Горького: основывают Министерство изящных искусств. Должно быть, ни Сологуб, ни я туда не попадем». 8 марта: «Государственная Дума была в подчинении царя и бюрократии жульнической, а теперь Государственная Дума в подчинении Совета Рабочих Депутатов и недалеких людей. Тогда было рабство и теперь тоже, но теперь рабство худшее... Только вера в силу народа русского, давшего Толстого и Достоевского, спасает меня от полного отчаяния» (Минувшее. Вып. 16. М.; СПб., 1994).

4 марта на квартире у Горького состоялось совещание деятелей литературы и искусства (более 50 человек), которое выказалось за создание нового министерства, занимающегося вопросами искусства. Председательствовал Н.К.Рерих. Министром искусства решили назначить С.П.Дягилева, находящегося в Париже. Была избрана «комиссия 12-ти», которой поручили связаться с Временным правительством (состав комиссии: М.Горький, А.Н.Бенуа, В.Н.Аргутинский-Долгоруков, И.Я.Билибин, М.В.Добужинский, К.С.Петров-Водкин, Н.К.Рерих, Ф.И.Шалапин, И.А.Фомин, В.Г.Каратыгин, Н.Е.Лансере, Г.К.Лукомский). 6 марта комиссия обратилась с заявлением к Временному правительству и в Совет рабочих и солдатских депутатов, обосновывая необходимость своей деятельности. 13 марта при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора образовалось Особое совещание по делам искусств, в которое, кроме названных лиц, вошли представители Временного правительства, Государственной думы, Совета рабочих и солдатских депутатов, а также были кооптированы З.И.Гржебин, А.А.Ростиславов, В.И.Нарбут, А.И.Зилоти, В.А.Щуко, М.П.Неведомский, Н.Д.Соколов, А.Н.Тихонов и др. Совещание наметило восемь комиссий: музейную и охраны памятников, строительную, народных празднеств и распространения искусства в народе, музыкальную, театральную, государственных заводов художественной промышленности и издательств, художественного образования и законодательную. 7 марта на собрании Института истории искусств и 8 марта на собрании Академии художеств Особое совещание по делам искусств получило поддержку. Но 11 марта левые художники восстали против Особого совещания, назвав его «казенным мундиром на искусств-

во», и в свою очередь образовали Союз художественных, театральных, музыкальных и поэтических обществ, издательств, журналов и газет под названием «Свобода искусству». 18 марта в Москве, в цирке Саломонского, состоялся митинг деятелей искусств, на котором была вынесена резолюция о необходимости учреждения министерства искусства и был организован Совет организаций, в который вошли представители Товарищества передвижных выставок, Союза художников, «Мира искусства», Общества любителей художеств, Московского салона и другие. Председатель Совета — А.М.Васнецов, товарищи председателя — К.А.Коровин и В.Н.Домогацкий, члены президиума В.Н.Яковлев, А.В.Лентулов, И.И.Машков, Г.Б.Якулов, А.Мильман и др. 21 марта в Троицком театре в Петрограде состоялось общее собрание федерации «Свобода искусству», на котором, в частности, выступал В.Маяковский. Федерация обвиняла «Комиссию М.Горького» в «захвате власти» и требовала созыва «художественного учредительного собрания» (А.Р[ости-славо]в, «Революция и искусство» и С.Маковский, «Министерство искусств», Апол., № 2-3; «Искусство в дни революции», Бирж. Вед., 9 марта; Ал.Бенуа, «Художественный спор», Лет., № 2-4 и «Революция в художественном мире», Н. Жизнь, 13 мая; ЛЖТ Горького. Вып. 3, с. 12-14; Катанян, с. 125-127). «Случилось что-то странное», — писал Ал.Бенуа: революция привела не к освобождению искусства, а к «внутренней междоусобице», в результате которой Особое совещание, созданное Горьким, решило отойти от дел («Революция в художественном мире», Н. Жизнь, 13 мая).

Записи в дневнике А.Н.Бенуа. 4 марта: «Из самого же собрания получилось то, что я и предвидел, т.е. сплошная бестолочь». «Гулко и грубо бранился громадный хулиган Маяковский (в солдатской форме), кусливо набрасываясь на эlegantного С.Маковского», «удачно дерзил Фомин, и довольно скучно прожевал что-то Браз». «Петров-Водкин произнес длинную речь, скандируя ее частыми ударами кулака по столу, что должно было ей придать “поистине революционный” характер (на самом деле это был набор бессвязных трафаретных формул). Гржебин вел себя гораздо тактичнее ... Шалипин, видимо, чувствовал себя совсем неуютно... М.Ф.Андреева набросилась именно на него. Она стала взывать, чтоб он *спас* русский театр! Поднял бы его до той высоты, которой требует момент!». Товарищ председателя Государственной думы С.И.Шидловский, которого посетили члены комиссии, «удивил меня и огорчил»: «этот “обожатель Эрмитажа” тусклым голосом промолвил: “Сейчас не до министерства искусства, когда скоро *просто нечего будет есть...*”» 6 марта:

Гржебин «прочит в министры самого Горького», произнесшего «целую речь о задачах Министерства, от которой все пришли в восторг» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 138, 139, 141, 158).

5 марта Д.В.Философов записал в дневнике: «У Горького знаменитое эстетическое собрание... выбрало комитет “эстетов” для украшения революции... Но комитет — сплоченный кружок и не понимает широты задачи... Газеты сегодня не вышли. Печатью распоряжается теперь уже не Совет рабочих депутатов, а Союз печатников. Любопытно, что хотели запретить “Новое время”. Союз редакторов восстал и сказал, что тогда ни одна газета не выйдет... Батюшков у Горького говорил с большевиками. Они страстно ждут Ленина, недели через две. “Вот бы дотянуть до его приезда, а тогда мы свергнем нынешнее правительство!” Итак, нашу судьбу будет решать Ленин. Горький же одной рукой поддерживает анархию, а другой собирает у себя эстетов для проектирования “народных празднеств”» («Звезда», 1992, № 2, с. 198–199).

4 марта В.Г.Короленко пишет жене: «Правительство свергнуто и установлено новое, думское... Переворот в значительной части — военный, с участием самых разнородных элементов, объединенных “разрухой”, голодом, сознанием военной опасности. Как эти разнородные элементы споются, — увидим. Министерство: блок и левые (Керенский — министр юстиции). Великий князь Кирилл Владимирович явился в Государственную думу во главе флотского экипажа и предложил свои услуги. Пока — все (сравнительно) гладко, что будет дальше» («Согласие», 1994, № 1, с. 198).

5 марта после длительного запрета в Петрограде вышла большевистская газета «Правда».

6 марта В.Г.Короленко выступил на митинге в Полтаве: «Монарх уходит — Россия остается... Нужно быть снисходительными к тем слугам старого режима, которые уже вредить не могут». 11 марта, избранный почетным председателем митинга солдат полтавского гарнизона, Короленко призывал к единению с народом и сохранению дисциплины. 18 марта избран почетным председателем на собрании рабочих и солдатских депутатов Полтавы. Пишет сестре: «Республика, о которой не приходилось даже заговаривать в 1905 году, — теперь чуть не общий лозунг. Судьба подарила нам такого царя, который делал не просто поразительные глупости, но глупости точно по плану, продикто-

ванному каким-то ироническим гением истории» (П.И.Негретов. В.Г.Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. М., 1990, с. 8, 9, 12).

7 марта Горький произносит речь на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов об организации «Дня похорон» жертв революции и оформлении массовых праздников (Пг. Л., 9 марта).

9 марта в Петрограде состоялось собрание представителей Литературного фонда, Всероссийского общества писателей, петроградских ежемесячных журналов и ежедневных газет, поставившее целью восстановить закрытый в 1901 г. Союз русских писателей. В декларации, составленной С.А.Венгеровым, «была высказана мысль, что не литература присоединяется ныне к революции, а революционная Россия осуществила теперь на деле то, что проповедуется русской литературой уже более ста лет». Декларация была принята с дополнениями Н.И.Иорданского, А.М.Редько, Е.А.Ляцкого, А.В.Амфитеатрова и Д.Н.Овсяннико-Куликовского: «Долгие годы отличительным признаком русской литературы была великая печаль ее. Пусть сменит ее теперь великая радость» (Р. Вед., 11 марта).

10 марта А.Н.Бенуа посетил Мережковских, у которых лозунг дня — «поддерживать всеми силами правительство, и в частности Керенского, которого они хорошо знают лично и от которого все трое в восхищении. В то же время они в панике от эсдеков и большевиков. Горького и Тихонова они считают за последних... а бедного Гржебина — просто за проходимца... Тут же я поверг всю троицу в крайнее изумление, сообщив, что Горький сам якобы заявил... о своем желании быть министром [искусства], однако сразу они и с этим согласились — Мережковский даже не без известного восторга (да и Зиночка промолвила: “Так было бы, пожалуй, еще лучше”). С одной стороны, Горький явился бы подкреплением Керенскому, с другой — он был бы оторван от своей партии, и тем самым партия была бы ослаблена... Напротив, мое предложение Дягилева вызвало в Мережковском какой-то взрыв бешенства. “Тогда уж лучше ничего! ... Лучше, чтоб погибло все, только бы не возвращаться к этому протухшему барскому эстетизму...” ... Я убежден, что они согласились бы увидеть “львовых на всех постах”, только бы не случилась та “русская революция до конца” ... о которой они под крылышком монархии столько лет мечтали, будучи в глубине души уверены, что этот “праздник” никогда не насту-

пит! И Дягилева они боятся, пожалуй, именно потому, что в художественной сфере он означал бы “революцию до конца”!» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916-1917-1918. М., 2003, с. 168-169).

11 марта «Биржевые ведомости» в заметке «А.К.Глазунов и М.Горький» сообщали, что артисты русской оперы обратились к Глазунову с просьбой написать новый народный гимн ко дню возобновления в торжественной обстановке спектаклей Мариинского театра. Композитор отказался, ссылаясь на то, что в несколько дней нельзя выполнить столь ответственное поручение и предложил исполнить его обработку народной песни «Эй, ухнем!» Артисты решили попросить Горького сделать необходимые изменения в тексте песни.

11 марта в помещении Художественного театра под председательством Вл.И.Немировича-Данченко состоялось собрание писателей, на котором выступили А.Н.Толстой, В.Я.Брюсов, Андрей Белый, И.Новиков, М.Волошин, В.Фриче, В.Вересаев, В.Л.Львов-Рогачевский, А.И.Сумбатов-Южин, Е.Н.Трубецкой, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев и другие. «Темами речей были единение всех элементов страны как залог упорочения только что завоеванной свободы», а также вопрос о войне, о необходимости обороны. Представителям двух течений, обозначившихся на собрании, В.Л.Львову-Рогачевскому и И.А.Бунину, с одной стороны, и Е.Н.Трубецкому и С.Н.Булгакову — с другой, предложено выработать проект резолюции (Р. Вед., 12 марта; речь А.Н.Толстого «Первого марта», призывавшего к обороне отечества от немцев, Р. Вед., 14 марта).

12 марта в Москве состоялась грандиозная народная демонстрация. «Этот народ сегодня в первый раз вышел из подвалов», — писал А.Н.Толстой («Двенадцатого марта», Р. Вед., 17 марта).

12 марта состоялось общее собрание Петроградского общества журналистов, на котором в качестве почетных гостей присутствовали В.Л.Бурцев и первоудец И.В.Жилкин. Совет Общества в дни Февральской революции выпускал информационные «Известия», распространяемые бесплатно в количестве около миллиона экземпляров. Собрание послало приветствие Временному правительству, Совету рабочих и солдатских депутатов, Исполнительному комитету Государственной думы и товарищам-печатникам. Принята резолюция о свободе печати, в которой

считается «единственно правильным явочный порядок выхода произведений печати с ответственностью за их содержание исключительно перед судом» (Р. Воля, 14 марта).

13 марта в торжественной обстановке открылись государственные театры. В Большом театре занавес поднялся под звуки «Марсельезы». На сцене живая картина — «Освобожденная Россия»: женщина с разорванными кандалами в руках, у ее ног лейтенант Шмидт, вокруг — Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой, Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Бакунин, Петрашевский, Шевченко, С.Перовская, декабристы, дальше студенты, крестьяне, солдаты, матросы, рабочие. Оркестр исполнил гимн А.Т.Гречанинова на слова К.Бальмонта «Да здравствует Россия, свободная страна!» В Малом театре также произошел торжественный митинг (Р. Сл., 14 марта).

14 марта Л.Андреев пишет Вл.И.Немировичу-Данченко: «Главное — рыжий Николай в тюрьме. Здорово хорошо! ...Главное — верю в народ. Он никогда не был глуп, а война организовала его и пробудила в нем чувства патриотизма, гражданского долга и ответственности» (Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Тарту, 1971, с. 292).

16 марта на собрании московских писателей в фойе Художественного театра С.Л.Франк произнес речь «О даре свободы»: «Не освободят нас и самые свободные политические формы», если мы не обретем дара «духовной свободы». Общество разделено на «лагерь культуры» и «черный лагерь», где властвуют «низшие слои», «ленинцы» — их «самое яркое и красочное выражение духа» (Р. Св., № 2, 29 апр.).

18 марта в «Русском слове» опубликовано письмо Горького редактору газеты, опровергающее слух об организации им «радикал-демократической партии»: «...я остаюсь тем, чем был, — социал-демократом».

А.Блок пишет матери 19–20 марта: «Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала... Для меня мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка)» (т. 8, с. 479).

22 марта З.Н.Гиппиус записала в дневнике: «Сегодня был А.Блок. С фронта приехал... Говорит, там тускло. Радости рево-

люционной не ощущается. Будни войны невыносимы. (В начале-то на войну, как на “праздник” смотрел, прямо ужасал меня: “Весело!”...). Сейчас растерян. Спрашивает беспомощно: “что же мне теперь делать, чтобы послужить демократии?”» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 472).

Академия наук вынесла решение о том, что устранение Горького от звания почетного академика, имевшее место в 1902 г., не может считаться законным. В.Г.Короленко было послано предложение вновь принять звание почетного академика рязряд изящной словесности (Р. Вед., 19 марта; Р. Сл., 23 марта; Совр. Сл., 21 и 22 марта). 29 мая Короленко, в письме к академику Д.Н.Овсяннику-Куликовскому, отклонил предложение, ввиду того, что «неутверждение» Горького «было объявлено не от царя, а от самой Академии» (Избр. Письма. Т. 2. М., 1932, с. 197-198).

23 марта на Марсовом поле состоялись похороны жертв революции, вылившиеся в грандиозную демонстрацию. «В этом народном шествии сотен тысяч людей впервые и почти осязательно чувствовалось — да, русский народ совершил революцию...» (М.Горький, «Письма к читателям». V. Лет., № 2-4). В тот же день М.Пришвин записал: «Похороны жертв революции. Небывалое на Руси: самочинный порядок. Красный гроб, красные хоругви, безмолвие церковное... “Вечная память”, похоронный марш и “Марсельеза”, как волны: похоже на студенческую вечеринку нелегальную» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914-1917. М., 1991, с. 258).

24 марта в помещении Литературно-художественного кружка состоялось собрание представителей 15-ти московских литературных организаций, которые направили министру-председателю Г.Е.Львову, министрам просвещения А.А.Мануйлову и юстиции А.Ф.Керенскому заявление о необходимости издать временный закон о печати, обеспечивающий свободу слова. В основу предложено взять проект Первой Государственной думы (Р. Сл., 30 марта).

Иванов-Разумник — «Вольга и Микула» (Д. Нар., 27 марта). «Невероятное — свершилось... Напуганный быстрым движением истории “кадет” (Вольга) кричит свое “стой, постой!” ходу революции, ходу истории». «Русская воля» выражает настроения «обывательщины», пылает негодованием против деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов (Микула-народ). «А и здравствуй же, Микула Селянинович!»

«Читал Вашу статью “Вольга и Микула”, — писал Андрей Белый 4 апреля из Москвы, — и — радуюсь ей; верю — в “чудо” русской революции...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 98).

28 марта состоялось первое организационное собрание Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук. Собрание открылось речами М. Горького (опубл. в Лет., № 5–6) и И. П. Павлова. В организационный комитет Ассоциации избраны: М. Горький, И. П. Павлов, А. А. Марков, Д. К. Заболотный, В. Г. Короленко, Л. Б. Красин, А. Н. Крылов, И. И. Манухин, Н. А. Морозов, В. И. Палладин, В. А. Стеклов и другие (Лет., № 5–6).

31 марта Ф. Сологуб прочел в Академии художеств доклад, в котором назвал «вредной» «идею об учреждении Министерства изящных искусств»: «Мы теперь для себя должны требовать вольности полной» и взять на себя выработку устава Союза деятелей искусств, «чтобы никакой опеки государства над искусством не было» (только государственные заказы). «В области человеческого духа соглашения между людьми быть не может... с государством мне делать нечего. Никакой охраны, никакой организации и никакого покровительства я не хочу и выносить не буду». Народ сумеет сам защитить музейные ценности, а «если при этом погибнут какие-то предметы в начале, от непривычки, что же делать — это очень печально, но с этим надо мириться...» Доклад был встречен продолжительными аплодисментами (De Visu. 1994, № 1/2, с. 41–43).

М. Горький — «Статьи 1905–1916 гг.». Пг.: «Парус», 1917, тираж — 5000.

«Слово». Сб. седьмой. М.: Кн-во писателей, 1917, тираж — 12000 (И. Бунин «Петлистые уши», Б. Зайцев «Путники», И. Новиков «Душка», А. Толстой «Касатка», В. Фигнер «Из воспоминаний», И. Шмелев «Забавное приключение»).

Сборники «Слово» приобрели заслуженную популярность, седьмой — один из наиболее удачных. И. Шмелев «показал себя мастером рассказа тенденциозного, т. е. говорящего ярко и отчетливо о творческих целях автора... не погрешив против обычного для него чутья реальности». Ив. Новиков сумел отказаться от «модернистского эстетизма». «Но, конечно, величайшего торжества, величайшей законченности достигает метод психологического реализма в рассказе И. Бунина... Поражает и властно за-

хватывает спокойная напряженность, молчаливая буря, непрерывность нарастания», с «гневно-саркастической улыбкой» Бунин «вскрывает психологию убийства как одного из естественнейших проявлений души человеческой» и предвещает, что Европа скоро станет «сплошным царством убийств». У Зайцева «мягкая меланхолия, безжизненное примирение с жизнью, как она есть...» В пьесе А.Толстого много «солнца и радости» (М.Левидов, Н. Жизнь, 14 мая). Всю беллетристику альманаха в известном смысле уничтожают воспоминания В.Фитнер: перед этой реальностью отступает всякая вымышленная трагедия. В пьесе А.Толстого искусно подан водевильный элемент, но попытка углубиться «в серьезные недра человеческой души» не удастся автору. Астральные путники Зайцева «отрешены как будто от всякой земной тяжести и сотканы из легчайшей материи сновидений». Шмелев рисует обогащенного войной спекулянта. Рассказ Бунина, хотя и уступает «Господину из Сан-Франциско», «написан в той же мощной манере, с такую же силой полнозвучного и великолепно-тяжелого слова» (Ю.Айхенвальд, «Речь», 13 мая). В рассказе «Петлистые уши» само преступление представлено «в духе повседневного уклада нашей жизни», в которой «кровавые деяния... признаются естественными, даже похвальными, героическими, записываются на "скрижали истории"» (Е.Колтоновская, «Гармония контрастов. Новейшие произведения И.А.Бунина», Р. Мысль, № 2).

Апрель

В пасхальном номере «Русского слова» (1 апр.) напечатаны: Л.Толстой «О Николае Павловиче» (гл. из «Хаджи-Мурата»), М.Горький «Миша», Д.Мережковский «Ангел революции», Ив.Бунин «Из повести», К.Тренев «В провинции», стихи К.Бальмонта, Ю.Балтрушайтиса, Вяч.Иванова, А.Ахматовой.

В ночь на 1 апреля в Петроград из эмиграции приехал Г.В.Плеханов, встреченный на Финляндском вокзале Н.И.Иорданским, В.Л.Бурцевым, Н.С.Чхеидзе, толпой солдат и рабочих. Прямо с вокзала Плеханов отправился на заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, где произнес речь о необходимости обороны страны от немцев (Р. Вед., 1 апр.; Р. Сл., 5 апр.).

3 апреля в Россию вернулся В.И.Ленин. На Финляндском вокзале был выстроен почетный караул и оркестр. На привок-

зальной площади, заполненной рабочими и солдатами, Ленин произнес речь, призывая к борьбе за социалистическую революцию. 4 апреля на конференции социал-демократических партий Ленин прочитал доклад «О задачах пролетариата в данной революции» — «Апрельские тезисы».

Ленин, «любезно доставленный германским правительством в запломбированном вагоне», хочет заменить «волю и власть народа» «волей и властью люмпен-пролетариата» (А.Петришев, «Внутренняя летопись», Р. Бог., № 4-5). У Ленина есть «импонирующая цельность», «преданность революции», «большой боевой темперамент», «незаурядный ум», но «ум однолинейный», «это человек однобокого волевого устремления и поэтому притупленной моральной чуткости», он учит своих сторонников бить противника, не давая ни отдыху, ни сроку, не боясь оступиться: «не поддавайтесь ложной сентиментальности, не извиняйтесь, идите вперед напролом и без оглядки», «он выработал жаргон, способный оскорбить самое нечуткое ухо», «весь его социализм... топорный социализм, ибо Ленин действует неуклюжим топором и там, где требуется острый и тонкий скальпель» (В.М.Чернов, «Ленин», Д. Нар., 16 апр.).

1 апреля В.Г.Короленко писал С.Д.Протопопову: «Теперь работаю над популярной брошюрой для народа, в которой показываю, как последний Романов разрушал и разрушил самодержавного идола [“Падение царской власти”, см. настоящую Летопись, май 1917 г.]... При всех несовершенствах и противоречиях — крайние партии все-таки организовали массу, и теперь она — не человеческая пыль, а масса, пронизанная по разным направлениям организацией и сознательными стремлениями» (т. 10, с. 560).

В № 2-3 «Русского богатства», вышедшем в апреле, редакция сообщала о восстановлении прежнего названия журнала и прежнего редактора-издателя В.Г.Короленко. Февральскими событиями посвящены статьи: В.Мякотин «Великий переворот и задачи момента» («Русская монархия пала среди всеобщего отчуждения», предстоит организовать «новую, народную власть»); А.Петришев «Как это произошло» (февральский «взрыв» «вынес на поверхность земли революционную идею пятого года» и вместе с нею опасности «большевизма», «демагогически действующего в Советах рабочих и солдатских депутатов», претендую на «всероссийскую власть»); Ф.Крюков «Обвал» («Но почему же нет радости? И все растет в душе тревога, и боль, и недоумение? Тревога за судьбу родины, за ее целость, за юный, нежный, едва

проклюнувшийся росток нежданной свободы... Куда ни при-
дешь — тоска, недоумение и этот страх...», с. 372).

«Жутка вся эта книга, весь номер», писал В.В.Розанов: полу-
чается, что небывалое потрясение произошло как будто случай-
но, особенно хорошо это передано Ф.Крюковым; «падала монар-
хия» целый век, со времен декабристов, теперь «это кончилось»,
но «кончился и социализм в России» — страну ждет «новый
цвет», бояться нечего (Обыватель, Н. Вр., 19 мая).

15 апреля А.Г.Горнфельд сообщил В.Г.Короленко, что «дела
партийные» совсем оторвут Н.С.Русанова от «Русского богатст-
ва», ибо позиция эсеровского «Дела народа» «мало приемлема»
по тону и идеям демагогии: «Должен сказать, что в эти дни
очумления подлинным утешением для меня была позиция на-
ших. Не говорю о Крюкове, которого “обвал” прищемил так,
что он перешеголял в черносотенстве меня; но Вы увидите и в
статье Вен.Ал. [Мякотина], как смягчено временем и события-
ми его бывшее доктринерство, как ясна в нем государственная
мысль и общественная ответственность (О, если бы он был так
же податлив в вопросах искусства!)... Крюков вышел из народ-
но-социалистической партии (разошелся на вопросе о респуб-
ликке!) и того гляди уйдет из редакции...» (РГБ, ф. 135, отд. II,
карт. 21, ед. 38).

М.Горький — «Письма к читателям. IV» (Лет., № 2-4, вы-
шел в мае). «Русский народ обвенчался со свободой...» «Не нуж-
но забывать, что мы живем в дебрях многомиллионной массы
обывателя, политически безграмотного, социально невоспитан-
ного... Так же мало воспитана в этом отношении наша буржуа-
зия, ныне идущая к власти». «Организация творческих сил стра-
ны необходима для нас, как хлеб и воздух».

В том же номере «Летописи» помещена заметка «От редак-
ции»: «Мы стоим в преддверии эпохи великих социальных сдви-
гов... конечная победа международной демократии обеспечена»,
ею будет «социалистическое братство народов».

К.Бальмонт — стихотворение «Удел Крылатых» (Бирж. Вед.,
2 апр.).

В.Маяковский — поэма «Война и мир», 4-я часть (альманах
«Чудо в пустыни», Одесса, 1917), 5-я часть (Лет., № 2-4).

По поводу появления поэмы в журнале Горького литератур-
ный обозреватель газеты «Единство» (11 авг.) отозвался ирони-
ческой заметкой «Футурист-интернационалист»: «Видимо, пло-
хая политическая проза настолько испортила вкус М.Горького,
что он потерял чутье к поэзии».

Демьян Бедный печатает в «Правде» сатирические и агитационные стихи* (1, 5, 8, 9, 12, 16, 23 апр.).

С.Есенин — стихотворение «Ус» (1914), в котором звучит мотив народного восстания (Д. Нар., 30 апр.).

Л.Андреев — статьи «Убийцы и судьбы» (против смертной казни); «Призыв» («Манифестируйте... Это прекрасное право дала нам свобода... но будьте вежливы, граждане... берегите друг друга»); «Победа разума» (соглашение Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов — «новый лавровый лист в венок прекрасной русской революции»); «Гибель» (в надвигающемся голоде, разложении армии, финансовом крахе) (Р. Воля, 1, 22, 30 апр.).

И.Шмелев — «В Сибирь за освобожденными» (Р. Вед., 1, 5, 6, 9, 13, 18 апр.). Писатель посылал корреспонденции из агитационного поезда, украшенного плакатами «Следует в Сибирь за освобожденными борцами за свободу России» и др.

В.В.Розанов (под псевдонимом «Обыватель» и без подписи) — «Светлый праздник Русской земли», «В Совете рабочих и солдатских депутатов», «Что такое народ теперь?» и др. (Н. Вр., 2, 9, 13, 20 и 27 апр.). Приветствует свершившуюся революцию и предостерегает от «ленинцев»: единственная «христианская революция» совершилась народом-богоносцем и положила конец притеснению поляков, евреев и т.д. «Историческая работа» нашего «государственного народа», творящего «в совести, душе, правде и Боге», может лишь ненадолго затмиться марксизмом, отстаивающим «великие экономические нужды народные». «Ленинцы» провокационно обвиняют «общерусское» Временное правительство в защите буржуазных интересов.

В.Славенсон — «Современный плакат» (Р. Мысль, № 3-4). Война поставила вопрос об «охудожествлении» плаката как «сильного орудия воздействия на коллективное сознание» (плакат сбора, займа и др.). В общем потоке пробились «живая и сверкающая струя художественных плакатов» (Л.Пастернак, А.Архипов и др.).

3 апреля М.Пришвин записал: «Горький и вывезенная им из Италии радость жизни, которой не хватало русскому народу: те-

* Многие стихи Д.Бедного 1917 г. вошли впоследствии в повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю».

перь, по Горькому, настало осуществиться этой радости... Петров-Водкин ходит в восторге от народа, от солдат... Все, что он принимает от Горького... и городок науки, и храмы искусства, и что народ учиться будет, жить хорошо — все это прекрасно, все это буржуазная республика» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914-1917. М., 1991, с. 267).

4 апреля Андрей Белый писал из Москвы Иванову-Разумнику: «...Люди, вообще, радостно настроены; бодро смотрят вперед и совершенно искренно повелели (кн. Трубецкой и Самарин — стоят за республику, Г.А.Рачинский шутит и пылит папиросой, М.О.Гершензон хочет федерального строя, С.Н.Булгаков преобразует приход... Многие совершенно искренно в пылу работы забыли, что они говорили месяцев 5 тому назад... Наиболее мне симпатичен Н.А.Бердяев (он и вел себя в дни революции мужественно, и теперь менее “кипит”）」 (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 98). 29 апреля Иванов-Разумник ответил: «Для них революция — гром с ясного неба. Булгаков и Флоренский — как им войти на лоно “демократической республики” с миропознанием мистического самодержавия? И какую личину надеть на себя хитро-мудрому Вячеславу Иванову? А прирожденный “кадет” Бердяев — как снести ему слабость и бессилие “кадетского” Временного Правительства! А Гершензон, с его травлей германцев, с его призывом решения *социальных и общественных* вопросов путем *личного* совершенствования — в какой дыре сидит он теперь? Все они — прекраснейшие, умнейшие, великолепнейшие люди... но только события наши всех их выбили из колеи, разбили наголову, сбросили со счетов истории... На арену мира впервые выходит народ... он смывает с лица страны искусство, науку, все. Ему не до того. Но разве искусство перестает жить? Разве я не верю, что теперь, сию минуту, “Котик” [Летаев] нужнее тысячи томов революционных рассказов? А с другой стороны — где же поэты, где художники? Как рьяно откликались на войну Брюсовы, Бальмонты и им подобные, — кто же поверит их революционному энтузиазму? А молчавшие тогда (Блок, Белый и еще немногие) — где же их революционный энтузиазм? ... Я знаю — сердце былых “декадентов”, былых “символистов” не лежит к революции» (Там же, с. 103-104).

5 апреля председатель Военного совета при Исполнительном комитете Государственной думы П.Н.Малянтович созвал совещание редакторов всех московских газет. На этом совещании выступил представитель «Известий Совета рабочих депутатов»,

который заявил, что у социалистических газет нет ничего общего с буржуазной прессой, которая служит интересам капитала и поддерживает контрреволюцию («Социал-демократ», 7 апр., Р. Вед., 9, 11 апр.).

9 апреля Организационный комитет Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук устроил в Михайловском театре публичное собрание со вступительным словом академика В.А.Стеклова. М.Горький произнес речь «Наука и демократия», И.П.Павлов — «Научный институт в память 27 февраля 1917 г.». 16 апреля это собрание было повторено в более обширной аудитории Народного дома; с приветственными речами выступали А.Ф.Керенский, П.Н.Милюков. 11 мая Организационный комитет выехал в Москву, где в Большом театре было устроено третье собрание по той же программе с дополнением речей Д.К.Заболотного «Единство науки и строительство жизни» и Н.А.Морозова «Наука и свобода». С приветствиями выступили члены Исполнительного комитета Московского Совета рабочих и солдатских депутатов П.Г.Смидович, Н.А.Лежнев и матрос Черноморского флота А.Д.Александров (Лет., № 5-6).

9 апреля состоялось заседание Толстовского музея, на котором было решено издать полное собрание сочинений и писем Л.Н.Толстого (Р. Вед., 11 апр.).

10 апреля в Петрограде Союз деятелей искусства выработал декларацию для представления комиссару над бывшим министерством двора, председателю Совета министров и Совету рабочих и солдатских депутатов. Декларация требовала передачи устройства художественных дел в руки художников, которые должны организоваться на началах равного представительства от всех художественных течений. Делегатами Союза избраны: Ф.Сологуб, С.Прокофьев, П.Щеголев, В.Мейерхольд, П.Гайдебуров и другие («Речь», 21 апр.).

14 апреля в Петрограде, в Тенишевском зале, состоялось собрание, организованное художественным обществом «Искусство для всех» и посвященное вопросам искусства в связи с войной и революцией. В.Э.Мейерхольд говорил, что «искусство родственно революции... Когда в партер придет пролетариат, искусство театра воспрянет к новой жизни». В.Маяковский читал отрывки из поэмы «Война и мир» («Речь», 16 апр.; Катанян, с. 129).

14 апреля в Большом зале консерватории состоялся первый митинг-концерт «Революционного слова и музыки», начавшийся с исполнения «Марсельезы» оркестром под управлением С.А.Кусевицкого. С речами и приветствиями выступили А.Ф.Керенский, П.Н.Милюков, Ф.И.Родичев, М.С.Аджемов и другие. В художественной части М.Горький прочел «две революционные, нецензурные сказки» [видимо, из «Русских сказок»], прослушанные с напряженным вниманием. К.Бальмонт прочел стихи, вдохновленные революционным переворотом. Оркестр под управлением А.К.Глазунова исполнил «Эй, ухнем» (Бирж. Вед., 15 апр.).

14 апреля в газете «Речь» помещено «Письмо в редакцию» А.Е.Редько [А.М. и Е.И.Редько], упрекающих сотрудников газеты Ал.Бенуа и Д.Философова в оценке революции как «психологического чуда», совершившегося вопреки «разумникам» и позитивистам (т.е. народникам и марксистам). Ал.Бенуа, в том же номере, отвечал, что не так далек от Редько в оценке позитивизма, но не согласен с отрицанием «эстетики зла» — «жестокая, гнусная», она тем не менее фактически существует. Отстаивает свободу искусства до конца: от морали, от политики, от заботы «о гигиене общественной души».

18 апреля состоялось первое всенародное празднование 1 мая (по старому стилю) (см. очерк В.Шишкова «Подножие башни (Мечты и действительность)», Н. Жизнь, 2 мая). В эсеровской газете «Дело народа» (18 апр.) были помещены стихи Ф.Сологуба «Земле»: «Самый ясный праздник года — День, когда несет в народ свобода Первомайский милый свет...» и П.Орешина «На полях»: «На сохе я развешу кумач, Красноту загоревшихся дней... — Эй, дорогу, дорогу, богач, Дай дорогу клычонке моей!»

19 апреля А.Блок писал Л.И.Катонину: «Вчера в день Интернационала город представлял зрелище, какого мы никогда не видели: Невский запружен людьми... При всем том тишина и порядок, благодаря отсутствию полиции. “Буржуа” только и делают, что боятся: то хулиганов, то немцев, то Ленина, то анархии... Я мог бы с уверенностью сказать, что может произойти (и произойдет) еще многое, но все не страшно... (между прочим, об этом “не страшно” теперь думает и Горький)» (т. 8, с. 485–486).

18 апреля вышел первый номер «общественно-литературной, социал-демократической» газеты «Новая жизнь» (редактор

М. Горький, издатель А. Н. Тихонов, впоследствии в редколлегию введены В. А. Десницкий и Н. Н. Суханов). В литературно-художественном отделе газеты, помимо Горького, объявлены: А. В. Луначарский, В. Маяковский, В. Брюсов, М. Пришвин, В. Шишков, Г. Гребенщиков, А. Н. Бенуа, В. Ф. Ходасевич, А. Гастев, В. Князев, Эмиль Кроткий [Э. Я. Герман], Л. Рейснер, Р. Григорьев [Р. Г. Лемберг], А. Серебров [А. Н. Тихонов].

В первом номере помещены: М. Горький «Сказки. I. Кузьмичи и Лукичи» [XIII из «Русских сказок»] и статья «Революция и культура», которая призывала «дружно взяться за работу всестороннего развития культуры...» Кроме того, статьи: А. Сереброва «Пусть веют знамена!», В. Десницкого «Наш праздник» и другие. 20 апреля в «Новой жизни» появилась первая статья публицистического цикла «Несвоевременные мысли»; 21 апреля Горький писал в «Несвоевременных мыслях»: «...проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т. е. демократии». А 25 апреля в статье «О полемике» выступил против измышлений кадетской «Речи»: «Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгуя никаким живым делом... В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу», ибо для этой гармонии «я должен смертию убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и — простите — жалкенького русского человека». 23 и 26 апреля в «Новой жизни» опубликованы «Сказки» II и III [XIV и XV из «Русских сказок»].

А. Н. Бенуа свидетельствует: «Последние же мои сомнения Горькому удалось побороть на том интимном завтраке, которым он угостил в отдельном кабинете “Медведя” меня, Бунина». «Бунин тоже чуть было не поддался, но устоял; я же, переходя в “Новую жизнь” [из “Речи”] ощущал в себе некий “героический подъем”...» «Увы, сомнение в уместности моего зачисления в одну группу с самыми заправскими и безусловными революционерами у меня явилось на первом общем заседании членов редакции», но я «стал писать одну статью за другой, стараясь не заглядывать в соседние столбцы газеты и получая от Горького всяческое одобрение». Однако «к концу лета я вышел из состава “Новой жизни”, перестал же давать туда свои статьи и заметки еще раньше» (А. Н. Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 185–187).

25 апреля В. Брюсов, отвечая на приглашение А. Н. Тихонова сотрудничать в «Новой жизни», писал: «Я давно предупреждал

вас, что ни к какой политической партии не принадлежу... Такие боевые органы должны собирать сотрудников-единомышленников, а я не вижу, что мог я дать газете в ее духе» (ЛН, т. 85, с. 661). Объявленный сотрудником «Новой жизни», М.Пришвин заметил: «...Чувствую себя среди них еще больше белой вороной, чем раньше в “Речи”» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914-1917. М., 1991, с. 261).

25 апреля в газете «Речь» помещено «Письмо в редакцию» Саши Черного, заявляющего, что никакого участия в газете «Новая жизнь» не принимает и в список сотрудников включен по ошибке.

5 мая А.Блок записал о «Новой жизни»: «Газета, конечно, сомнительная — не чисто демократическая, но я буду читать ее, а никак не “Речь”» (Зап. Кн., с. 321).

20 апреля в «Известиях Московского совета рабочих и солдатских депутатов» опубликована статья А.Серафимовича «То, чего не простят», в которой утверждалось, что вместо литературы, ушедшей от народа, рабочим предстоит создать новый театр, новую литературу, новую музыку.

В «Новой жизни» (7 мая) Серафимовичу возражал Вл.Ходасевич: «Русская литература после революции еще не успела проявить себя никак, ни в ту, ни в другую сторону», так как сейчас почти не выходит книг, кроме книг по политическим вопросам. Ходасевич ссылается на воззвание, подписанное председателем Московского Совета рабочих депутатов и председателем художественной просветительной комиссии В.Вересаевым, призывающее к сближению искусства с демократией, как на документ, правильно ставящий вопрос, в отличие от статьи Серафимовича.

23 апреля в Петрограде под председательством С.А.Венгерова состоялось общее собрание Литературного фонда. Председатель произнес речь, посвященную заслугам фонда в русском освободительном движении, особо подчerkнув «беспартийную прогрессивность» его деятельности. Комитету поручено устройство публичного вечера, посвященного выяснению роли интеллигенции в совершившейся революции («Речь», 25 апр.).

27 апреля Временное Правительство приняло постановление «О печати». Главное управление по делам печати упразднилось. Провозглашалось: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается». Преследование может возбуждаться органами су-

дебной власти (Вест. Врем. Пр-ва, 28 апр.). «Два с половиной месяца печать была не только свободна, ее положение вообще оставалось неурегулированным с точки зрения интересов государственных и общественных». В «героический период революции» политическая печать оказалась на высоте, но с наступлением «будничной жизни» «возникла жестокая полемика и внутренняя грызня, а главное — расцветает все пышнее порнография и погромная литература». Кроме того, «со всех концов России приходят сведения» о фактах «произвола и насилия»: захваты типографий, конфискации изданий, установление предварительной цензуры («Речь», 19 мая).

Раф. Григорьев — «О творчестве Куприна» (Еж. Журн., № 2-4). Куприн — «певец жизни, жизненной плоти», «певец силы, яркости, движения», его идеал — «свободное волеизъявление смелой и сильной личности», которой нет простора в действительности. В отличие от Чехова, «глубоко личное в человеке» у Куприна остается в тени. В отличие от Горького и Андреева, Куприн не признает «человека-вообще», у него есть офицеры, атлеты, рыбаки, проститутки. Жадность к жизни нередко заставляет Куприна изображать «мусор и грязь», приближаться к таким изданиям, как «Синий журнал», где он разрешает сфотографировать себя в купальной простыне.

Скиталец — «Огарки. Типы русской богемы». Пг.: Свободное кн-во, 1917, тираж — 15000.

В апреле, при журнале «Русская мысль», стал выходить ежемесячный журнал «Русская свобода» (Пг.; М.) под редакцией П.Б.Струве. Среди участников объявлены: Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, А.С.Изгоев, А.В.Карташев, С.С.Кондурушкин, С.А.Котляревский, С.Л.Франк, В.В.Шульгин и др. В первом номере напечатаны статьи: «Наша задача» П.Струве («твердыня зла пала в России», остается проявить твердость перед «германским насильничаньем»; новый еженедельник продолжает традиции «Освобождения», «Полярной Звезды», «Свободы и культуры», выходящих в 1902-1906 гг.); «Психология переживаемого момента» Н.Бердяева («Мы пережили великий экстатический момент всенародного подъема», революционный переворот с поразительной «безболезненностью и легкостью» принят даже православной церковью, но свобода слова требует «духовной самодисциплины», между тем «хамский и разнузданный дух ворвался в повседневную прессу»); «Демократия на распутье» С.Франка (в настоящее время ни интеллигенция, ни народ не готовы про-

явить «чувство патриотизма» и «личную ответственность», это может привести к «жестокой якобинской тирании некультурных масс над образованными слоями общества»); «Революция и культура» А.Изгоева (уничтожив «негодную власть», революция должна сохранить «культурную традицию»).

Свой отзыв о первых трех номерах «Русской свободы» М.Левидов назвал «Борцы против социализма» (Н. Жизнь, 11 июня). Авторы журнала приветствуют свободную Россию, «истинную демократическую культуру» и отрицают классовую борьбу (А.Кизеветтер, «Русская свобода», Р. Вед., 14 мая).

Май

Вл.Короленко — «Падение царской власти (Речь к простым людям о событиях в России)» (Р. Вед., 2-4 мая: в течение 1917 г. неоднократно издавалась отдельной брошюрой общим тиражом около 600000).

Отправляя статью в редакцию, Короленко писал В.А.Розенбергу 13 апреля: «Это, в сущности, сильно переработанная речь, которую я говорил в одной из наших полтавских окраин. Уже из этого Вы видите, какую я имел в виду аудиторию. Но я писал популярно, не стараясь, однако, подделываться под простонародный язык и мне теперь кажется, что картина самодержавия и его падения вышла, пожалуй, не безынтересная и для интеллигентного читателя» (РГАЛИ, ф. 1701, оп. 1, ед. 234).

Брошюру Короленко должен прочитать каждый современник, ее должны знать «дети свободной России: она их научит свободу любить» (А.Гизетти, «Революция и литература», Д. Нар., 17 сент.).

М.Горький — «Кошмар (Из дневника)», «Из воспоминаний», «Сказка» («Кузьмичи и Лукичи») (Н. Жизнь, 1, 3, 13 мая); «Случай» [«Тимка»] (Р. Сл., 11 мая). В «Несвоевременных мыслях» (Н. Жизнь) Горький писал: «...Ошибочно думать, что анархию создает политическая свобода», это — «болезнь духа», «привитая нам монархическим строем». Задача момента возбуждать в народе рядом с «эмоциями политическими — эмоции этические и эстетические», усмиряющие «буйства чувств» (9 мая). Теперь, когда русский народ упрекают в склонности к анархизму, напоминает свою статью «Две души», «в которой говорил, что русский народ органически склонен к анархизму; что он пассивен, но — жесток, когда в его руки попадает власть; что прославленная доброта его души — Карамазовский сентиментализм,

что он ужасающе невосприимчив к внушениям гуманизма и культуры», что он «разрушает промышленность», ибо и русская интеллигенция «давно и крепко» отрицала «культурную и творческую роль промышленности» (18 мая). «С книжного рынка почти совершенно исчезла хорошая, честная книга — лучшее орудие культуры», и «расплодилось множество газет», которые травят демократию, большевиков (31 мая).

Ал. Толстой — рассказ «Весенний ветер» (Р. Сл., 28 мая).

Вяч. Иванов — стихотворение «Вперед, народ свободный» (Р. Сл., 28 мая)

П. Боборыкин — статья «Бескровная революция» (Утро Рос., 13 мая).

В. Маяковский — «Революция (Хроника)». Посвящение: Л. Ю. Б[рик]; авторская дата 17 апреля (Н. Жизнь, 21 мая).

С. Есенин — «Товарищ» («Он был сыном простого рабочего...») (Д. Нар., 26 мая).

Демьян Бедный — стихотворения «Его величество капитал», «Атаманская нагайка», «Братание после смерти», «Кочующие дармоеды», «Как у питерских господ», «Барыня» и др. («Правда», 7, 10, 14, 20, 21, 28 мая).

В «Русских ведомостях» начал печататься цикл очерков И. Шмелева на современные темы — «Пятна» (20 мая, 11 июня, 16 и 23 июля, 20 авг., 3 сент.).

Л. Андреев — статьи «П. Н. Милюков» (в связи с уходом из состава Временного правительства: его заслуги «навсегда останутся», но в чрезвычайные моменты истории нужны «не ученые и умники», а такие, как Керенский, Церетели, черноморский матрос Баткин); «И снова рыцари на час» («Мы гибнем... на помощь великие Тени России!» Русская интеллигенция, «хилая и слабая», «трусливо отступила перед словом “буржуи”». Народ, которому она служила «неутомимо и честно», забыл ее) (Р. Воля, 7, 14 мая).

Театрально-литературный комитет преобразовался в Литературную комиссию, которая будет состоять при художественно-репертуарном комитете Александринского театра; на ближайшее

время членами этой комиссии избраны П.Н.Сакулин, П.О.Морозов и А.А.Блок («Театр и музыка», «Речь», 3 мая).

14 мая в Литературно-художественном кружке происходило собрание членов московских литературных организаций. Оживленные прения разгорелись вокруг вопроса, поднятого В.Ф.Булгаковым, утверждавшим, что русская интеллигенция в данный момент не находится на высоте своей задачи — быть на страже духовных ценностей («Собрание литераторов и журналистов», Р. Вед. 16 мая).

5 мая А.А.Блок пишет жене: «Неужели ты не понимаешь, что ленинцы не страшны, что все по-новому, что ужасна только старая пошлость...» (ЛН, т. 89, с. 370). 15 мая записал: «Мне уютно в этой мрачной и одинокой бездне, которой имя — Петербург 17 года, Россия 17 года. Куда ты несешься, жизнь?» (Зап. Кн., с. 327). 18 мая пишет матери: «Я-то читаю “Новую жизнь”, газету демократическую разве по сравнению с “Речью”; читаю потому, что слишком знаю точки зрения “буржуазные” и хочу войти в курс противоположных; скоро, может быть, все-таки перемену на эс-эрскую...» (т. 8, с. 492). 25 мая: «Последние годы, по признанию самих носителей власти, они были уже совершенно растеряны. Однако равновесие не нарушалось. Безвластие сверху уравновешивалось равнодушием снизу. Русская власть находила опору в исконных чертах народа... Надо было ждать толчка... Таковым оказалась война 1914-1917 года» (т. 7, с. 254). 26 мая, письмо к матери: «Вообще все правы — и кадеты правы, и Горький с “двумя душами” прав, и в большевизме есть страшная правда. Ничего впереди не вижу, хотя оптимизм теряю не всегда» (т. 8, с. 495).

16 мая на квартире Горького состоялось собрание организационной группы по созданию Дома-музея памяти борцов за свободу (письмо Л.П.Куприянова П.Н.Сакулину, РГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. 48).

18 мая М.А.Волошин пишет А.М.Петровой из Коктебеля: «Больше, чем когда-либо, я чувствую неприязнь к социализму и гляжу на него как на самую страшную отраву машинного демонизма Европы... Во всей революции я еще голоса Руси не слышал... Я жду голоса старообрядцев: оттуда придет подлинное» (Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991, с. 149).

19 мая газета «Дело народа» посвящена памяти Н.Г.Чернышевского (19 мая 1869 г. — гражданская казнь). Иванов-Разумник «Крестный путь (Н.Г.Чернышевский как революционер)», Н.С.Русанов «Н.Г.Чернышевский как нравственный тип социалиста» и др.

22 мая в Академии наук состоялось учредительное собрание Общества «Дом-музей памяти борцов за свободу». В Совет избраны: М.Горький, В.Н.Фигнер, С.Ф.Ольденбург, В.Л.Бурцев и др. Во вступительном слове Горький определил цель музея — воспитание юношества в духе гражданственности (Н. Жизнь, 25 мая).

22 мая во дворце Кшесинской состоялось совещание «поэтов, беллетристов, художников и музыкантов-интернационалистов», созванное Обществом пролетарских искусств (среди присутствовавших был В.Маяковский). А.Богданов познакомил собравшихся с воззванием, с которым «молодое культурное общество намерено обратиться к творцам и носителям пролетарского искусства», где провозглашалось: «Пролетариат является самым лучшим и верным носителем истинного искусства. Не уничтожая прошлого в искусстве, пролетариат вливает в старые формы новое содержание». Вокруг проекта разгорелись прения (Н. Жизнь, 25, 31 мая; Катанян, с. 130).

В газете «Новая жизнь» (25 мая) опубликована анкета «Задачи народного театра», на которую ответили: А.Бенуа — нельзя делать различия в репертуаре для «чистой» и для народной публики, преподнося последней лишь подделки под политические лозунги момента; А.В.Луначарский — «прямой задачей народного театра является постановка пьес Словацкого, овеянных истинно народной поэзией»; Е.П.Карпов — нужны классики в первую очередь; П.Гольденберг — народный театр нужно использовать не только для развлечений, но и для пропаганды идей социализма.

25 мая Союз деятелей искусств организовал на улицах Петрограда День поддержки займа Свободы — шествия, летучие концерты и т.п.; вечером в Мариинском театре — концерт-митинг с участием членов Государственной думы, министров, депутатов группы «Единство». Литературная секция Совета рабочих и солдатских депутатов (меньшевики) выпустила однодневную газету «Во имя Свободы» (Р. Воля, 25 мая).

«Выступление “Союза деятелей искусств” — 25 мая — печальная для искусства дата», «профанация искусства», «нелепый художественный аттракцион», получившийся вместо замышляемого организаторами синтеза искусства с улицей. Подписываться на «заем Свободы» и так вызывают официальные и неофициальные плакаты и листовки, воскрешающие ура-патриотизм недавнего прошлого (А. Авраамов, «Искусство в свете революции. На улице», Д. Нар., 28 мая). Ту же мысль высказал Ал. Бенуа, противопоставляя день 25 мая первомайскому празднеству (18 апр.), когда «высокое искусство» воздержалось от улицы, но «улица все же жила художественной жизнью и художественными настроениями» («Выход искусства на улицу», Н. Жизнь, 4 июня).

29 мая, в помещении редакции «Русской мысли», под председательством М. В. Родзянко, состоялось собрание по учреждению Лиги русской культуры. С докладом выступил П. Б. Струве, сказавший, что новое сообщество, «политически внепартийное», должно защищать идею русской культуры, с которой неразрывно связана идея нации (Р. Св., № 9, 21 июня).

30 мая, в Петрограде, состоялось учредительное собрание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» (пред. совета В. А. Стеклов, товарищи председателя Горький, Д. К. Заболотный). В обращении от ассоциации к гражданам России Горький писал: «Нам необходимо немедленно приступить к созданию новой России, — начнем же эту работу... с фундамента, будем развивать и распространять спасительную силу знания» (Н. Жизнь, 31 мая).

30 мая после продолжительного изгнания вернулся в Россию П. А. Кропоткин, которого встречали в Петербурге с почетным караулом и оркестром А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, М. И. Скобелев, П. Н. Милюков, представители Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. В своей речи Кропоткин призывал сплотить силы революции и не заключать сепаратного мира с Германией (Утро Рос., 31 мая).

При комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора образован Совет по делам искусств в составе: В. Н. Аргутинского-Долгорукова, Ф. Д. Батюшкова, П. П. Гайдебурова, М. В. Добужинского, А. И. Зилоти, В. П. Зубова, С. А. Кусевицкого, Н. Е. Лансере, Д. С. Мережковского, В. Д. Набокова, П. И. Нерадовского, К. С. Петрова-Водкина, Г. В. Плеханова, С. С. Прокофьева, М. Горького, Н. К. Рериха, Н. Д. Соко-

лова, Д.В.Философова, И.А.Фомина, С.И.Шидловского (председатель) и других («Художественная летопись», Апол., № 4-5).

Ф.Батюшков (главноуполномоченный по государственным театрам) — «Ближайшие задачи государственных театров» («Речь», 17 мая). «Революция в искусстве отнюдь не связана с политическими переворотами», но их влияние несомненно: «искусство не создается вне времени и пространства».

Иванов-Разумник — «К новому миру» (заключительная глава из статьи «Испытание огнем», написанной в 1914 г. и ходившей по рукам в гектографированных листках) (Д. Нар., 26 мая). Искусство «всегда национально, интернациональные Вагнер, Толстой, Гете — нелепость, невозможность». Социализм «не разрушит того, что разрушить никому не под силу: народа, его быта, его культуры».

Е.Зноско-Боровский — «О творчестве М.Кузмина» (Апол., № 4-5). Сложность облика: «Изыщный стилизатор, жеманный маркиз в жизни и творчестве, он в то же время подлинный старообрядец, любитель деревенской русской простоты».

В.Чудовский — «За букву Ъ» (Апол., № 4-5). Эта буква — «нерушимое предание», без нее «вместо языка, на коем говорил Пушкин, раздастся дикий говор футуристов».

К.Петров-Водкин — «На рубеже искусства» (Д. Нар., 20, 28 мая). «Варилось ядево для объевшихся. Образовались кадры деятелей “приятного” искусства, “острого” искусства, “тонкого” искусства... Не было и проблесков героического искусства и перевелись словно на свете народные герои». Первым великим испытанием был «ужас европейской войны»: «дрогнуло искусство в своих недрах, но не сумело ни благословить, ни проклясть кровавой бури народов». Второе и последнее предостережение — февральский переворот: «Из комнатного одиночества... на открытых площадях жизни должен возгореть костер искусства, освещающий путь народный». Художник не может примыкать к политическим партиям, ибо художественный мир делится на свои «классы»: талантливость и бездарность. Настоящий художник всегда в «партии авангарда» ищущего человечества.

Обыватель [В.В.Розанов] — «Физическая сила и власть идей» (Н. Вр., 16 мая). «Социализм, одно из интеллигентских

течений, узурпирует себе власть над Россией...», за Временным правительством — лишь «сила порядочности и нравственности».

Л. Андреев — брошюра «Памяти погибших за свободу». Пг., 1917.

Ф. Сологуб — сборник рассказов «Алая лента». Пг., 1917, тираж — 15000; «Алый мак. Книга стихов». Моск. кн-во, 1917, тираж — 2000.

В «Алом маке» есть и старые стихи, и «стихи о войне, в которых нет настоящего Сологуба — тайновидца и капризного слагателя сказок» (В. Коковцев, «Русская лирика в 1917 г.», «Наш век», 31 дек.).

Д. Мережковский — пьеса «Романтики». Пг.: «Огни», 1917, тираж — 3000.

Альманах изд-ва «Шиповник». Кн. 26. Пг., 1917 (Л. Андреев «Милые призраки», В. Я. Шишков рассказы «Золотая беда», «Бобровая шапка», Марк Твен «Таинственный незнакомец», по-смертная повесть).

«Медленное, печальное, тягучее умирание — вот удел альманахов “Шиповника”»; в книге 26 нет и «намека на идейное единство», на внутреннюю, или хотя бы внешнюю связь. Искусственные по своему заданию «Милые призраки» написаны по мотивам из жизни Достоевского. В. Шишков принадлежит к «школе идейных бытовиков» (М. Левидов, Н. Жизнь, 21 мая). Замысел Л. Андреева не ясен, но, в отличие от «Романтиков» Д. Мережковского, «пьеса не кажется ни шаржем, ни кошунством»: в ней «все живы и убедительны» ([А. Г. Горнфельд], Р. Бог., № 11-12, Б-фия).

Сборник «Страда». Кн. 2-я. Пг.: изд. А. Д. Семеновского, 1917 (Л. Андреев — пьеса «Реквием», Андрей Белый — стихотворение «Искра», А. Л. Волынский — «Смерть Пушкина», В. Брюсов — стихотворение «Ночью у реки», И. Ясинский — поэма «Случай» и др.). От издательства сообщалось, что сборник отпечатан еще до революции, поэтому «на нем не отразилась волна пламени, охватившего Россию», и выражалась уверенность в том, что «освобожденная душа русского человека всесторонне обновится».

Во время революции выходило много газет, «истосковались мы по художественному слову». Превосходный «Реквием» Л. Андреева «звучит как мрачный похоронный концерт над трупом того, что никогда не оживет» (И. Ясинский, «Накануне», Бирж. Вед., 2 июля).

Июнь

Вл. Короленко — «Письмо в редакцию» (Р. Вед., 17 июня). В защиту доктора Х.Г. Раковского, социал-демократа, названного В.Л. Бурцевым «немецким агентом».

М. Горький — рассказ «Легкий человек» (Лет., № 5–6).

В «Несвоевременных мыслях» Горький писал: революция вызвана «ростом культурных сил» и «совершена в интересах культуры», но «при наличии некоторых особенностей русской психики, политическая борьба делает строительство культуры почти совершенно невозможным» (Н. Жизнь, 9 июня). В статье «Американские миллионы» высказался за запрещение вывоза из России художественных ценностей; то же требование — в статье Ал. Бенуа «Закрепощение художественных сокровищ» (Н. Жизнь, 8 и 16 июня).

П. Боборыкин — «Первый бурелом (Москва 1905 года)» (Утро Рос., 7, 9 июня).

В. Брюсов — «Тридцатый месяц» (февраль 1917): «Борьба за право стала бойней; Унижен, Идеал погиб... И все нелепей, все нестройней Крик о победе, дикий крик!» (Н. Жизнь, 4 июня); «Молитесь» (апрель 1917): «... Чу! Вихрь в налетающих грозах, Что день нам гудит: "Берегитесь!" Погибнут стрекозы на лозах... Молитесь...» (Лет., № 5–6).

Ф. Сологуб — трагедия «Любовь и верность» (Р. Мысль, № 5–6).

Вяч. Иванов — «В смутную годину» («В смуту и разруху Я Христу и Духу Верю и молюсь...») и «Хоровая песнь новой России» («Мир на земле, на святой Руси воля!») (Р. Сл., 18 июня).

Демьян Бедный — сатирические стихотворения «Заем», «Контрразведчик» и другие («Правда», 15, 25 июня).

П. Орешин — «К миру!» («Идут часы, бегут недели — И бьет иных решений час... И мысли крепкие назрели: Кто не за нас, тот против нас!») (Д. Нар., 21 июня).

2 июня в Петроградской Музыкальной драме состоялся концерт-митинг, устроенный Обществом «Дома-музея в память борцов за свободу». С речами выступили М. Горький, В. Фигнер.

Шлиссельбуржец Н.А.Морозов читал свои стихи («Речь», 4 июня).

3 июня газета «Русская воля» была занята анархистами с дачи Дурново, вынужденными, однако, освободить помещение по требованию Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (Н.А.Гредескул, «Хорошо то, что хорошо кончается», Р. Воля, 6 июня).

8 июня А.Серафимович писал А.А.Кипену о «Русской воле»: «Это была в полном смысле желтая газета. Какие подлые антиреволюционные статьи писал Тан, уму непостижимо. Трудно себе представить, как ненавидели и презирали “Русскую волю” рабочие. Я написал Леониду [Андрееву]... что... горячо прошу его уходить из “Русской воли”. ...Настроение в буржуазных слоях, в интеллигенции, среди писателей архичерносотенное: рабочих, социалистические партии и особенно большевиков — зубами бы разорвали (тут же Шмель, Вересаев, Ив.Бунин, — все)» (А.Серафимович. Собр. соч.: В 7 т. М., 1959-1960. Т. 7, с. 520, 522).

7 июня в Петербурге, в редакции «Русской мысли», по инициативе П.Б.Струве состоялось учредительное собрание Лиги русской культуры, которая должна была заменить партийные пристрастия общенациональными интересами (Р. Св., № 9, 21 июня).

7 июня А.Блок писал матери: «...я склоняюсь к с.-р., а втайне — и к большевизму... по моему мнению, сейчас именно любовь к России клонит меня к интернациональной точке зрения, и заступился за травимого всеми Горького» (т. 8, с. 499-500).

11 июня началось сотрудничество А.В.Луначарского в «Новой жизни» (статьи «Культура общечеловеческая и классовая», «Культура социализма торжествующего и социализма борющегося» (21 июня), «Чем может быть народный дворец?» (30 июня, вторая статья на эту тему — 14 сент.). В специальном примечании Луначарский оговаривает, что несет ответственность только за свои статьи.

В Петрограде вышел новый двухнедельный журнал «Красное знамя» под редакцией А.В.Амфитеатрова. В № 1 пьеса С.Арефина о черносотенцах, фронтовые воспоминания Вас.Немировича-Данченко, статьи Амфитеатрова и Н.П.Ашешова.

Амфитеатров приступил к изданию внепартийного журнала, «неопределенная оппозиционность» которого грозит ему «остаться за бортом быстро идущего вперед корабля революции» (К. Народин [К.А. Суховых], Киев. Мысль, 19 июня, веч. вып.). Новый журнал Амфитеатрова ведется «в духе вульгарно-бульварного “патриотизма”» ([Иванов-Разумник], Д. Нар., 27 авг.).

16 июня Андрей Белый писал Иванову-Разумнику: «...Начинаешь понимать: большевики, загрязняющие города и пропагандирующие чуть ли не резню офицеров во имя спасения от контрреволюции, и суть сама эта “контрреволюция”... Да: мы в центре “контрреволюции”. И она идет не справа, а... “слева”» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 118–119).

18 июня З.Н. Гиппиус записала в дневнике: «Везде разруха, развал, распушенность. “Большевизм” пришелся по ндраву нашей темной, невежественной, развращенной рабством и войной, массе... Против тупого и животного бунта нельзя долго держаться увещеваниями. А бунт подымается именно бессмысленный и тупой... Очень стараются большевики “литературные”, из окружения Горького... А что, если слишком долго стыла Россия в рабстве? Что, если застыла, и теперь, оттаяв, не оживает, — а разлагается?» (З. Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 329–331).

21 июня А. Блок пишет жене: «Содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия. Мы так молоды, что в несколько месяцев можем совершенно поправиться от 300-летней болезни. Наша Демократия в эту минуту действительно “опоясана бурей” и обладает непреклонной волей, что можно видеть и в крупном и в мелком каждый день. Я был на Съезде Советов Солдатских и Рабочих Депутатов и вообще вижу много будущего, хотя и погружен в работу над прошлым* — бесследно прошедшим» (т. 8, с. 504). 19 июня записывает: «“Новое время”, рот которого до сих пор не зажат (страшное русское добродушие!), обливает в своей вечерке русские войска грязью своих похвал. Обливает Керенского помоями

* 8 мая Блок был назначен редактором стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством для расследования деятельности бывших царских министров и сановников.

своего восхищения» [по поводу наступления на фронте]. 23 июня: «В нашей редакционной комиссии революционный дух не присутствовал. Революция там не ночевала. С другой стороны, в городе откровенно поднимают голову юнкера — ударники, имперьялисты, буржуа, биржевики, “Вечернее время”*. Неужели? Опять — в ночь, в ужас, в отчаянье?» (т. 7, с. 266, 268). 30 июня, письмо к матери: «Если пролетариат будет иметь власть, то нам придется долго ждать “порядка”, а, может быть, нам и не дожидаться; но пусть будет у пролетариата власть, потому что сделать эту старую игрушку новой и занимательной могут только дети» (т. 8, с. 505).

22 июня В.Г.Короленко пишет родственникам: «Бурлит, шумит, пенится по всей России, как молодой квас. Авось устоится, станет вкуснее. Вон уже речи социалистов, как Скобелев, становятся сдержанны и вдумчивы, и даже министр земледелия перестал думать, что он на митинге. Будем ждать хорошего, пока не пришло худое» («Согласие», 1994, № 1, с. 198).

25 июня, в Петрограде, в Михайловском театре, состоялось публичное заседание Лиги социального воспитания, на котором Горький произнес речь: детям предстоит жить в «густой атмосфере лжи, лицемерия и обманов, клеветы, взаимной травли и неуважения к человеку», воспитание «должно стремиться к перерождению инстинктов индивидуалистических в инстинкты социальные», оставим в наследство детям «мечты о всемирном братстве, наш идеализм, нашу любовь к разуму и красоте» (Лет., № 7-8).

27 июня Л.И.Шестов пишет А.М.Ремизову: «А в Москве эсеры... побили всех — и кадетов, и эсдеков, и большевиков. Видно, нужно записываться в эсеры! Они и не злые — не то, что эсдеки» (Р. Л., 1992, № 4, с. 124).

М.Волошин — «Голоса поэтов» («Речь», 4 июня). В русской поэзии звучали: «Капризный, изменчивый» голос Бальмонта. «Стекло-четкий, иглистый» голос З.Гиппиус. «Металлический... чеканящий рифмы» голос Брюсова. «Литургийно-торжественный» голос Вяч.Иванова. «Медвяный» с «полынью горечью на дне» голос Ф.Сологуба. «Подземный бас Балтрушайтиса». «Срывающийся в экстатических взвизгах фальцет Андрея Белого». «Отрешенный... молитвенный» голос А.Блока. «Наме-

* Газета, издававшаяся суворинской фирмой.

ренно небрежная... речь Кузмина». «Мальчишески-озорная скороговорка С.Городецкого». «Теперь это слияние стиля и голоса зазвучало непринужденно и свободно в поэзии Ахматовой, Марины Цветаевой, О.Мандельштама, С.Парнок».

Обыватель [В.В.Розанов] — «Заметки о новом правописании», «Что такое буржуазия?», «Голос правды», «К разгрому библиотек» (Н. Вр., 14, 20, 25, 27 июня). В первой статье выступает против замышляемой реформы — «заведомо ложного и смешного правописания, противоречащего духу и истории» русского языка. Во второй — пишет о «теперешнем погроме фабричной деятельности», который грозит голодом. В третьей — об опасности лозунга «бей интеллигенцию», поддерживаемого «уголовными» и «предателями России», большевиками-евреями Стекловым, Зиновьевым, Каменевым и др. В четвертой — о несправедливом требовании поляков отдать Польше библиотеку братьев Залуских, послужившую основой в XVIII в. для создания Публичной библиотеки в Петербурге.

Ал.Н.Толстой — «Из записной книжки» («Народоправство», № 1, начало июня)*. «России грозит анархия!» Все, что происходит сейчас (Кронштадт, ленинцы, дезертирство, бунты в войсках, падение рубля и прочее), «закономерно, грозно и радостно, как рождение жизни».

Н.Бердяев — статьи: «Свободный народ» («Свободный народ не может потерпеть диктатуры какого-нибудь класса»: дворянин, буржуа, интеллигент, так же как крестьянин и рабочий, принадлежит к «единому великому народу». Черносотенниками и большевиками движет одна и та же «стихия насилия и порабощения» («Народоправство», № 1, начало июня); «О буржуазности и социализме» («Буржуазность» — это «не социально-классовое положение», а «состояние духа человеческого», великими борцами против этого духа были Ибсен и Ницше, в России — К.Леонтьев. «В социализме нет ничего противоположного духу буржуазности», пролетариат — этот «класс-мессия» создал свою «пролетарскую культуру», уровень которой не подымается выше «давно разложившегося просветительства» (Р. Св., № 8, 13 июня); «В защиту социализма» (Унижен и поражен «традиционный социализм русской интеллигенции» (Н.К.Михай-

* «Беспартийный еженедельник» «Народоправство» издавался Московской Просветительской комиссией при Временном комитете Государственной Думы, под редакцией Н.Н.Алексеева, Н.А.Бердяева, Б.П.Вышеславцева, Г.И.Чулкова.

ловского, Г.В.Плеханова, народных социалистов «Русского богатства»), распространяется большевизм, «окончательно забывший азбуку марксизма», опирающийся на «погромные инстинкты масс», «классовую ненависть и корысть». «Вчерашние черносотенники сделались большевиками», а кадеты признаны самой правой и самой «буржуазной» партией («Народоправство», № 3, 17 июня); «Контрреволюция» (Узкая группа демагогов-большевиков, подкупленных Германией, провозгласила себя единственной «истинно революционной стихией», объявив «контрреволюционерами» П.Н.Милюкова, Г.В.Плеханова, на очереди — А.Ф.Керенский (Р. Св., № 10-11, 28 июня).

К.Д.Бальмонт — «Сонеты солнца, меда и луны (Песня миров)». М.: изд. В.В.Пашуканиса, 1917, тираж — 5300 (из них 300 нумерованных экз. на бумаге верже).

Новая книга Бальмонта — «провал, топтание на месте», «буйный хмель, от которого пьянеет он сам и пьянит читателя» (Д.Выгодский, «О творчестве Бальмонта», Лет., № 5-6).

Н.Клюев — сборник «Красная песня». Пг., 1917.

«Сборник латышской литературы». Под редакцией В.Брюсова и М.Горького. Пг.: «Парус», 1917 (тираж не указан).

Июль

2 июля А.В.Луначарский принимает заведование культурно-строительным отделом «Новой жизни».

3-5 июля в Петрограде и в Москве происходили вооруженные демонстрации против Временного правительства под лозунгами «Вся власть советам!» В Петрограде революционные солдаты захватили типографию «Нового времени», где печатали в июльские дни листовки (Н. Вр., 6 июля). 5 июля демонстрация была подавлена правительственными войсками. Юнкера разгромили типографию и редакцию «Правды», а 12 июля А.Ф.Керенский подписал постановление о закрытии «Правды» и «Окопной правды», органа Рижского комитета социал-демократов латышского края*, как содержащие «призывы к насилию и гражданской войне» («Речь», 16 июля). Горький писал об «отвратительных картинах безумия, охвативших Петроград днем 4-го июля»: «И яс-

* 23 июля большевистская газета была возобновлена под названием «Рабочий и солдат».

но, что этот устрашающий выезд “социальной революции”, затеян кем-то наспех, необдуманно и что — глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей», именно она — «главнейший возбудитель драмы», а «не “ленинцы”, не немцы, не провокаторы и темные контрреволюционеры» («Несвоевременные мысли», Н. Жизнь, 14 июля). Июльское восстание большевиков, их стремление к «диктатуре пролетариата», роднит Ленина с Марковым 2-м (А.Петришев, «О грехах, перенесенных из самодержавия в революцию», Р. Бог., № 6-7).

А.Блок записал 3 июля: «На улице говорят: “Долой Временное правительство”, хвалят Ленина. Через Николаевский мост идут рабочие и Финляндский полк под командой офицеров, с плакатами: “Долой Временное правительство”. Стреляют (будто бы пулеметы)... Я слышу где-то далеко “ура”». 4 июля: «Как я устал от государства, от его бедных перспектив... Неужели долго или никогда уже не вернуться к искусству?» 10 июля: «Буржуазные вечерние газеты — одна лихорадка: злобная травля, истерический ужас, угрожающие крики. А русский народ “бьжит”... Господа хоть и хорошие, да чужие. Если это возобладает, будет полный государственный крах, но — разве я смею их за это травить?» 13 июля: «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не понимаю» (т. 7, с. 272, 274, 278, 281).

Вл.Короленко — «Побольше честности» (Р. Вед., 5 июля). О подлогах во время муниципальных выборов: политическое мнение народа еще «детски-неустойчиво и изменчиво», и этим пользуются демагоги и политиканы.

М.Горький — «Сказки. IV». [XVI из «Русских сказок»]; статья «Три года»: о войне как об «отвратительном самоистреблении»; юношеская поэма «Девушка и Смерть» (Н. Жизнь, 7, 19, 23 июля). В «Несвоевременных мыслях» выступает против «хамского и подленького» издевательства уличной прессы над «больной и несчастной» бывшей императрицей: в области личной свободы «следует ожидать всех возможных изменений к худшему» (Н. Жизнь, 20 июля).

Ив.Вольнов — «В деревне. Заем Свободы» (Д. Нар., 26 июля). «Народ доверяет Временному Правительству и несет на алтарь революции свои кровно нажитые полushки».

В. Маяковский — «Сказочка» — цвету интеллигенции посвящаю» [«Сказка о красной шапочке»] (Н. Жизнь, 30 июля). Сатирическое стихотворение, направленное против кадетов.

К. Тренев — очерки «На Украине» (Р. Сл., 6, 9, 13, 16, 26 июля, 22 авг.).

Вяч. Шишков — «Междоусобица» (1. «Вам дадено... а требуют», 2. «Настроения. Демократия или хамократия») (Н. Жизнь, 9 июля).

Ф. Сологуб пишет в «Биржевых ведомостях» ряд статей на темы дня: о муниципальных выборах, к которым равнодушен интеллигентный обыватель; в защиту буквы Ъ; о необходимости «моральной революции», о некультурности быта рабочих, о «брошюрооболванивании» умов и др. (2, 9, 16, 18, 23, 25, 30 июля).

Н. Пиксанов — «Итоги прошлого и новые дали русского искусства» (Бирж. Вед., 9 июля). «Ревнителю изысканного искусства» напрасно бояться, что «прилив новых социальных сил» «грозит художеству принижением его формальных совершенств, привнесением тенденций».

Л. Андреев — статьи «К любящим Родину» (призыв не отчаиваться, ибо «быстро тает грозная лавина анархии, большевизма и провокации» «Пуришкевичей от революции»); «К тебе, солдат!» (в связи с событиями 3–5 июля и галицийским поражением русской армии упрекает солдат в предательстве и трусости) (Р. Воля, 11, 14 июля).

16 июля А. Серафимович писал о второй статье А. А. Кипену: «Большой пошлости я не читал. Бедный Леонид, пропадает... Он дышит отравленной атмосферой, — сволочь ведь кругом него» (А. Серафимович. Собр. соч.: В 7 т. М., 1959–1960. Т. 7, с. 524).

Н. Бердяев — статьи: «Правда и ложь в общественной жизни» (Разоблаченная после 4 июля партия, называющая себя «интернационалистами» [большевики], допускает «безобразную ложь» в обвинении кадетов, «партии высшей интеллигенции страны», «последовательных демократов», — в «буржуазности» и «контрреволюционности» («Народоправство», № 4, 24 июля); «Торжество и крушение народничества» («Опыт русской революции подтверждает правду “Вех”», разоблачает старый «русский самооб-

ман» — «соблазн социального чуда», «веру в народ». За все теперь расплачивается «в высшей степени порядочная и корректная партия народных социалистов — типичных интеллигентов-народников» [А.В.Пешехонов, В.А.Мякотин и др.], «их уже бойкотируют, их отказываются признать социалистами» (Р. Св., № 14-15, 31 июля).

В.Л.Бурцев начинает кампанию против Горького, обвиняя его как «вдохновителя пораженческой газеты» «Новая жизнь» в пособничестве немцам и ставя его имя рядом с именами Ленина, Троцкого, Коллонтай, Раковского, Луначарского и др. («Или мы, или немцы и те, кто с ними», «Не защищайте Горького» и др., Р. Воля, «Речь», 7, 9 июля; все свои статьи против Горького Бурцев собрал в сб. «Будущее», № 3, сент.).

М. Горький дважды отвечает В.Бурцеву в «Новой жизни» (9 и 12 июля). Во второй статье он писал: «“Новая жизнь” служит интересам международной демократии, социализма и культуры... Она считает войну мировым несчастьем, катастрофой европейской культуры... которая вызвана жадностью капиталистов всех стран... Родина — это народ. Я служу ему уже четверть века, и не вам, жалкий человек, судить и обвинять меня».

Тугарин [Иванов-Разумник] — «Улица» (Д. Нар., 8 июля). «Нравственная чернь» восторженно рукоплещет «нелепому списку имен» «агентов Вильгельма», который венчает «имя крупного и морально безупречного русского писателя».

14 июля Горький писал Иванову-Разумнику: «Как ценно дружеское рукопожатие в эти дни, насыщенные болезненной злобой» (ЛН, т. 95, с. 724).

Академик С.Ф.Ольденбург в письме в «Биржевые ведомости» (14 июля, веч. вып.) «Травля Горького», оговаривая свое несогласие с «газетой Горького», которая «углубляет разлад в русском народе», тем не менее считает, что Горький любит Россию «тою же горячей и беззаветной любовью, какую любят ее все русские граждане, которые не отравлены ядом интернационализма».

17 июля В.Брюсов посылает Горькому сонет «Максиму Горькому в июле 1917 г.» с эпиграфом: «В *** громили памятник Пушкина; в *** артисты отказались играть “На дне” (Газетное сообщение 1917 г.)». 20 июля пишет ему же: «...многого в “Новой жизни” я не разделяю. Тем острее я чувствую потребность пожать вам руку, когда о вашей газете и о вас говорят и пишут — то, что теперь говорят и пишут» (ЛН, т. 85, с. 661).

25 июля Горький отвечает Брюсову: «Вы — первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия... Меня не очень огорчает травля, поднятая против меня людьми, одичавшими от

страха... Но — вот что обидно: что это за страна, где все бесчестны, все продаются и где *это никого не удивляет, а только злит?*» (т. 29, с. 383).

11 июля М. Пришвин записал: «Разбежались министры. Бегут войска. Бегут части государства, отрываются клоками. Разделяются деревни и села, соседи, члены семьи — все в какой-то напряженной тяготе и злобе. Россия погибает. Боже мой, да ее уже и нет...» (М. М. Пришвин. Дневники. 1914-1917. М., 1991, с. 329).

29 июля И. А. Бунин писал Д. Л. Тальникову: «Российская телега совершенно разваливается. (И — нет худо без добра — это, я уверен, заставит нас наконец трезвее взглянуть на самих себя!)» (Р. Л., 1972, № 1, с. 178).

16 июля А. Блок писал матери, что «утратил способность расчленять [события], в глазах пестрит» и об утрате революционного пафоса: «Поэтому я не умею бунтовать против кадет[ов] и с удовольствием почитываю иногда “Русскую свободу”, которой прежде совсем не понимал... Любя кадет[ов] по крови, я духовно не кадет, и, будучи во многом (в морали и культурности) ниже их, никогда не пойду с ними...» (т. 8, с. 508). 30 июля А. Блок, отклоняя предложение П. Б. Струве вступить в Лигу русской культуры, ссылается на отсутствие среди ее учредителей имени Горького: «Говоря еще более и острее: есть М. В. Родзянко и нет Горького». Между тем «всякий скажет, что в истории русской культуры имя автора “Исповеди” и “Детства” знаменательнее, чем имя председателя IV Думы, что бы ни произошло» (т. 8, с. 509-510). В дневнике в качестве общего препятствия к вступлению в Лигу Блок ссылается на свое «тяготение... к туманам большевизма и анархизма» (т. 7, с. 291-292).

17 июля И. С. Шмелев писал А. Б. Дерману из Алушты: «Летит жизнь, что бешеная кошка... И нет здорового и мудрого, и отважного слова... И как стихийно и попустительно-неразумно допускали необходимую политическую революцию угодливо выливаться в сугубо-хамски — “социальную” с позволения сказать. Да и война... Народу не понятна дальнейшая война. Смысл, очевидно, понятен высшим, дипломатам и т. д. А в этом-то и ложь и гибель. Да, нет Толстого, и напрасно никто в эти дни не вспомнит его и его статей...» (Лит. Обзор., 1997, № 4, с. 21).

17 июля М.А.Волошин писал А.В.Гольштейн из Коктебеля: «Всероссийский развал сразу кинул нас в эпоху переселения народов и монгольских нашествий... Воистину наступили времена, когда живые могут завидовать тем, кто уже умер. С самого начала я не питал никаких иллюзий относительно русской революции; я глубоко радовался... падению старого строя, но не возлагал никаких надежд на революционное строительство. Ни на международную честность революционеров... Предвижу еще худшее...» («Звезда», 1998, № 4, с. 169–170).

23 июля В.Г.Короленко писал С.Д.Протопопову: «Загипнотизированные пошлостью расхожего “патриотизма”, мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платить... Большевизм принес много вреда вообще, но, — что хотите, — в подкупность и шпионство вождей я не верю. Бурцев... в этом деле оскандалился... Я ждал, что Бурцев представит хоть какие-нибудь доказательства, но вместо этого он уклонился от третьей стороны суда. Нехорошо это» («Былое», 1922, № 20, с. 8, 25–26).

25 июля С.П.Каблуков записал в дневнике: «М.Кузмин воспевает революцию, “похожую на ангела в рабочей блузе”, Ф.Сологуб, до революции преследовавший “только тевтонов”, ныне “высоко держит знамя пролетариата”, Сергей Городецкий, написавший “Сретение царя”, чуть ли не переделывает его в “Сретение Церетели”, и даже мой Мандельштам продал свой пацифистский “Зверинец” по 1 рублю за строку в “Новую жизнь”, успев при прежнем режиме — у Донона прочесть его светлейшему князю Волконскому, явному другу Б.В.Штюмера. Так-то меняются времена» (О.Мандельштам. Камень. Л., 1990, с. 257).

27 июля Андрей Белый пишет Иванову-Разумнику: «Знаете, я чувствую, что эс-эры мне очень близки... Где-то между ними слышу путь правды России» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 125).

В июле вышел первый номер возобновленного журнала «Былое» (редакторы П.Е.Щеголев, В.Л.Бурцев, В.В.Водовозов, Е.В.Тарле), закрытого судебным приговором в октябре 1907 г. В книжке напечатаны «Николай Палкин» Л.Толстого и его письмо к Николаю II от 16 января 1902 г., письма Исполнительного комитета «Народной воли», резолюция Николая II на документе об избрании Горького почетным академиком, пере-

писка Азефа с департаментом полиции 1903-1905 гг., воспоминания Б.Савинкова об убийстве Плеве и др.

Г.В.Плеханов — «История русской общественной мысли». Т. III. М.: «Мир», 1917, тираж — 5030.

Сборник «Нужна ли война?» (статьи В.Короленко, П.Кропоткина, Г.Плеханова, Б.Шоу). М.: «Народоправство», 1917, тираж — 25000.

Д.С.Мережковский — «Первенцы свободы. История восстания 14 декабря 1825 г.» Пг.: изд. «Народная власть», тираж — 25000. Брошюра написана при участии З.Н.Гиппиус (журн. публ. «Нива», №№ 16, 17).

Август

Вл.Короленко — «Открытое письмо В.Л.Бурцеву» (Р. Вед., 12 авг.). Вновь выступает в защиту Х.Г.Раковского, оборону отечества называет «важнейшей из ближайших задач», сравнивает «большевизм» «с прививкой “горячечной бациллы к ослабленному народному организму”». Статья «Война, отечество и человечество (Письма о вопросах нашего времени)» (Р. Вед., 15, 18, 22, 25, 27 авг.): «Мы вообразили, что стали уже во главе движения всего передового человечества одним тем, что отрешились от собственного отечества», и усвоили «гибельную мысль», будто «родина не нужна, что она не дело всего народа, а только дело каких-нибудь классов».

По поводу этой работы Короленко В.И. Ленин писал Горькому 15 сентября 1919 г.: «...какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мешанин, плененный буржуазными предрассудками!» (т. 51, с. 48).

Ал.Н.Толстой — очерк «Московское совещание» (Р. Сл., 20 авг.). О выступлении Керенского в Большом театре.

П.Боборыкин — «Бывший царь (Психологический этюд)» (Утро Рос., 2 авг.).

* Вышла отдельной брошюрой в конце ноября — начале декабря 1917 г. (М., тираж — 100000, а также в Иркутске, Самаре, Саратове и в Швейцарии (Лозанна и Берн), для военнопленных).

Ив. Вольнов — «В деревне»: «Встреча». «Выборы уездного комиссара» (Д. Нар., 6, 10 авг.).

Д. Айзман — публицистические очерки (Р. Воля, 4, 6, 9, 10, 13, 15, 17, 22, 25 авг.).

К. Бальмонт — «Он и она (Венок сонетов)» (Р. Мысль, № 7–8).

В. Маяковский — «К ответу!» («Гремит и гремит войны барабан. Зовет железо в живых втыкать»); поэма «Война и мир», гл. III* (Н. Жизнь, 9, 13 авг.). Поэма вышла отдельной брошюрой в конце ноября — начале декабря 1917 г. (М., тираж — 100000).

«Революционная группа футуристов и в этом году была достаточно говорливой. Лаконичней, интереснее и острее других В. Маяковский в поэме “Война и мир”» (Д. Коковцев, «Русская лирика в 1917 г.», «Наш век», 31 дек.).

2 августа П. Б. Струве писал Блоку в ответ на его согласие вступить в Лигу русской культуры: «Что касается Горького, то церковь, если бы он ее признавал, должна была бы призвать его к покаянию, как она это делала в былое время с великими мира сего. Наше же скромное сообщество... может либо про себя, либо публично оплакать то ужасное явление духовного разложения, каким представляется Горький-публицист» (РГАЛИ, ф. 55, оп. 3, ед. 65). Основателями Лиги были М. В. Родзянко, А. В. Карташев, П. Б. Струве, В. А. Маклаков, С. Ф. Ольденбург, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев («Речь», 20 авг.).

3 августа Блок записал: «Происходит ужасное: смертная казнь на фронте, организация боеспособности, казаки, цензура, запрещение собраний... Я пошел в “Лигу русской культуры”, я буду читать “Русскую волю” (попробую; у “социалистов” уже не хватает информации, они вышли из центра и не захватывают тех областей, в которых уверенно и спокойно ориентируются уже “буржуа”; “их” день), я, как всякий, тоже игрушка истории, обыватель» (т. 7, с. 294).

В начале августа М. А. Волошин пишет Б. В. Савинкову: «Из всех людей, выдвинутых революцией, я вижу в вас единственного “литейщика”, потому что только в вас глубокая религиозная вера соединяется с таким же глубоким критическим знанием че-

* По техническому недосмотру напечатана без имени автора.

ловека ...Если те именно силы, что есть во мне, могут понадобиться для Вашего сплава, то я с радостью даю Вам право располагать мною» («Накануне», 1995, № 4, с. 32).

Демьян Бедный — «Приказано, да правды не сказано» за подписью «Солдат Яшка — медная пряжка», «Чужое и свое» («Рабочий и солдат», 2 и 4 авг.; первое перепечатано в «Социал-демократе», 16 сент.); «Либердан» («Социал-демократ», 25 авг.; эта кличка, составленная из двух фамилий лидеров меньшевиков, неоднократно использовалась Лениным).

*Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!*

*Нам в бой идти приказано:
«Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только не народа...*

«В 16 строчках этой песни содержится вся соль, весь яд той большевистской проповеди, которая разложила столько частей нашей армии... Ни одна германская прокламация не составлялась так ловко, сжато и остро». Вообще на фронт «пудами» доставляется закрытая Временным правительством «Окопная правда», возобновленная в подполье. Основная «Правда» выходит под названием «Рабочий и солдат» (Л.Лигин [Л.И.Гальберштадт], «Воскресшая “Правда”», Бирж Вед., 5 авг.).

В ночь на 11 августа по распоряжению А.Ф.Керенского закрыта большевистская газета «Рабочий и солдат» (Р. Вед., 11 авг.).

13 августа И.А.Бунин записал: «Кажется, одна из самых вредных фигур — Керенский. И направо и налево. А его произвели в герои». 24 августа: «Перечитываю стихи Гиппиус. Насколько она умнее (хотя она, конечно, по-настоящему не умна и вся изломана) и пристойнее прочих — “новых поэтов”». 26 августа: «Дочитал Гиппиус. Необыкновенно противная душонка, ни одного живого слова, мертво вбиты в тупые вирши разные выдумки. Поэтической натуры в ней ни на иоту» (Ив.Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990, с. 30, 34, 35).

Обыватель [В.В.Розанов] — «Запоздалое горе...», «Не те слова, не те думы» (Н. Вр., 10 и 16 авг.). В первой статье Розанов

пишет, что русские революционные идеалисты (не «ленинцы») только теперь поняли, что были «сорок лет на германской службе» по разрушению своего отечества. Во второй: «Демократия обманула Россию»: солдаты братаются с немцами, рабочие «подорвали транспорт» в своих классовых интересах; у буржуазии — больше «народного духа» и «чувства России».

13 августа А.В.Амфитеатров пишет Горькому: «Направлению “Новой жизни” и Вашим взглядам на революционную войну я, как Вы знаете, не сочувствую и считаю своею обязанностью бороться с ними, где и сколько могу, как с весьма вредным заблуждением. Но... я всегда памятую, что Вы не только большой писатель, но и честный человек и демократ, и всякое нападение на Вас с этой стороны всегда приводит меня в скорбь и негодование» (ЛН, т. 95, с. 457).

16 августа В.Г.Короленко пишет В.Н.Григорьеву: «Сила большевиков всякого рода в демагогической упрощенности» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 2, ед. 12). 29 августа — А.Г.Горнфельду: «...Далась она [революция] истинно по волшебству и быстро заездил ее вахлак до смерти. Большевики, большевики! Они только по-своему, по-сумасшедшему последовательны. А в сущности почти все — большевики, только без этой твердости лунатиков» (Письма В.Г.Короленко к А.Г.Горнфельду. Л., 1924, с. 145).

15–31 августа в Москве проходил Всероссийский церковный собор. С приветствием от Государственной думы выступил М.В.Родзянко. Е.Н.Трубецкой в приветственном слове от Московского университета говорил «о возвращении ко Христу, как единственному пути спасения России». Председателем Собора избран митрополит Московский Тихон (Б.Гречев, «Народоправство», №№ 10 и 11, 25 сент., 7 окт.; см. также — Н.Бердяев, «Свободная церковь и собор», там же, № 7, 21 авг., в октябре вышла отд. брошюрой «Свободная церковь», М., 1917, тираж — 30000).

И.А.Бунин записал 13 октября: «А в каком жалком положении и как жалко наше духовенство! Вот церковный собор — кто им интересуется и что он сказал народу? Ах, Мережковские м...» (Ив.Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990, с. 48).

28 и 29 августа А.Блок записал: «Корнилов есть символ; на знамени его написано: “продовольствие, частная собственность,

конституция не без надежды на монархию, ежовые рукавицы”». «Событие сегодняшнего дня, которое заставляет меня решительно видеть будущее во Временном правительстве и мрачное прошлое — в генерале Корнилове и прочих. Событие это — закрытие газеты “Новое время”. Если бы не все, надо бы устроить праздник по этому поводу. Я бы выслал еще всех Сувориных, разобрал бы типографию, а здание в Эртелевом переулке опечатал и приставил к нему комиссара: это — второй департамент полиции, и я боюсь, что им удастся стибрить бумаги, имеющие большее значение. Во всяком случае, уничтожено место, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская государственная мысль» (т. 7, с. 306-307).

31 августа З.Н.Гиппиус сделала запись в дневнике: «...Ведь уже с первого момента всем видно было, что *нет никакого Корниловского мятежа*. ...Бесспорно ожидался в Петербурге — самим Керенским — большевистский бунт, ожидался ежедневно, и это само собой разумело войска с фронта... Поведение же его [Керенского]... сумасшедше-фатально... С того момента, как на всю Россию раздался крик Керенского об “измене” главнокомандующего, — все стало непоправимым... Керенский теперь всецело в руках максималистов и большевиков. Кончен бал» (З.Н.Гиппиус. Живые лица. Кн. 1. Тбилиси, 1991, с. 357-359).

М.Горький — «Несвоевременные мысли» (Н. Жизнь, 4 авг.). В то время, как «Новая жизнь», «старается внушить необходимость «самоограничения», как для авантюристов слева, так и для авантюристов справа», кадетская «Речь» ограничивает себя «до пределов последней возможности» только слева.

О.Брик — «Демократизация искусства» (Лет., № 7-8). Русская революция «по-новому поставит и разрешит основные проблемы социальной и культурной жизни». До сих пор «настоящим» считалось искусство привилегированных классов, а искусство для народа было «искусством для бедных». И «друзья народа», и эстеты относились к народу как к «эстетическому младенцу». Между тем «народ без посторонней помощи сознает свои культурные потребности и найдет способы их удовлетворить». Борьба демократии за художественное равноправие будет

* «Новое время», закрытое Исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, не выходило лишь 10 дней. Окончательно закрыто после Октябрьской революции (последний номер — 26 октября).

трудной, так как «в руках привилегированного искусства находятся сейчас все официальные художественные учреждения, академии, музеи, казенные театры».

Д.Мережковский — «Есть Россия» (Р. Сл., 22 авг.). «Русская интеллигенция несла... не классовую, а общенациональную идею революции». «Не Россия для революции, а революция для России», поэтому спасать надо «сначала Россию и потом уже революцию».

Н.Бердяев — «Народническое и национальное сознание» (Р. Мысль, № 7–8). «В нынешний час русской истории», как и в прежние времена, народническое сознание, ищущее опору в трудящихся массах, преобладает над национальным сознанием «великих, сверхклассовых, всенародных ценностей». Народниками были славянофилы, толстовцы, интеллигенты-революционеры, шедшие в народ, Достоевский, Толстой и Михайловский; церковь «получила в России резко народнический отпечаток». Большевизм — «революционное, анархически-бунтарское народничество», которое «раздирает единство русской революции, истребляет самую идею единой нации», «дает санкцию той вражде к культуре, к образованным, к людям духа, которая... может превратиться в великое национальное бедствие».

Н.Бердяев — статья «Кто виноват?» (Р. Св., № 18–19, 30 авг.). «Русская революция есть Божья кара за явный или тайный нигилизм всех слоев, всех классов и всех направлений, от крайних правых до крайних левых». «Большевики — последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным».

В «Деле народа» (13 и 27 авг.) на специальной полосе «Литература и революция», выходящей под редакцией Иванова-Разумника, напечатан ряд статей этого автора (с подписью, без подписи и под псевдонимом «Тугарин»). «Подлинное искусство всегда революционно» — основной тезис Иванова-Разумника. В статье «Что впереди? (Газета, сборник, журнал)» критик предполагает, что толстый журнал обречен на медленное (быть может, временное) угасание, а газете и литературному сборнику суждено процветание, как уже показал 1905 год. В статье «Литература и революция» Иванов-Разумник пишет: «Полнозвучный хор справа налево плачется о гибели культуры... Подождите судить и осуждать, ибо что знаем мы о тех семенах, которые... западают теперь в душу художника? Да, пришла революция, а «революционной художественной литературы» нет...» В револю-

ции погибнет «бумажная душа», а душа истинного художника окрепнет. «И не с опасением, а с великими надеждами смотрю я на будущее русской литературы, погруженной ныне в пламя революции». В статье «Искусство и демократия» Иванов-Разумник выступает против пресыщенных снобов и эстетов, которые в первые дни революции «фальшиво пели гимны освобождению», а теперь «брюзгливо и брезгливо отгородились от народа, и от революции». Критик возражает против деления искусства на «буржуазное» и «пролетарское», ибо народу нужно подлинное искусство, которое всегда демократично, всегда общенародно, всегда общечеловечно. Марксистские теории о «буржуазном» и «пролетарском» искусстве — «только малограмотные рассуждения».

«Скифы». Сборник 1. Пг., 1917. Под редакцией А.И.Иванчина-Писарева, Иванова-Разумника, С.Мстиславского. Обложка работы К.Петрова-Водкина (Андрей Белый «Котик Летаев», драматическая «русалия» А.Ремизова «Ясня», М.Пришвин «Страшный суд», стихи Андрея Белого, В.Брюсова, С.Есенина, Н.Клюева, статьи: Андрея Белого «Жезл Аарона», Иванова-Разумника «Испытание огнем»*, Л.Шестова «Музыка и призраки», воспоминания Веры Фигнер об А.И.Иванчине-Писареве). В статье «Скифы (Вместо предисловия)», написанной С.Д.Мстиславским и Ивановым-Разумником, говорилось, что удел «духовных скифов» — смертная борьба «революционной сущности» с реакционностью в разных масках (прогресса, социализма, христианства) «в политике, в науке, в искусстве, в религии».

«До чего мне близка Ваша статья “Испытание огнем”! — писал Андрей Белый Иванову-Разумнику 28 августа. — Я каждое слово, каждую фразу перечитывал с восторгом. Да, Ваше предсказание 1914-го г. сбылось: мы пришли от гуманизма через национализм к бестиализму... “Скифы” мне очень нравятся. “Марфа Посадница” порадовала особенно. Интересна очень статья Шестова... Очень хороша миниатюра Ремизова» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 131-132).

По поводу статьи «Жезл Аарона» Б.М.Эйхенбаум писал В.М.Жирмунскому 10 августа: «Это очень интересно, хотя и безумно хаотично. Тут достается и эстетам, и символистам, и немного футуристам. Белый положительно становится великим

* Статья написана в конце 1914 г., но, не пропущенная цензурой, ходила по рукам, размноженная на гектографе; отд. изд. вышло в декабре 1917 г. Пг., партия с.-р., тираж — 30000.

человеком наших дней, а эпоха В.Иванова отошла в вечность» (Тыняновский сборник. Рига, 1988, с. 291).

М.Пришвин записал 15 августа: «Разумник в «Скифах» проповедует попросту побег вперед от Мещан... Побег одинокого, быстрого, вечно бегущего, спасающегося от настоящего... рано или поздно и все туда прибегут, приползут и скажут: «Правильный был человек Разумник Васильевич!»» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 351).

Книги не выходят, только — политические брошюры в десятках и сотнях тысяч экземплярах. И вдруг «отлично изданный, на прекрасной бумаге сборник...» Под названием «Скифы» должны скрываться «пьянство и буйство», между тем, для ряда статей, в частности для Иванова-Разумника, утверждающего, что «для демократии мировая колониальная война есть война посторонняя, чуждая и чужая», характерно «непостижимо хладнокровное отношение к понятиям “родина”, “отечество”» (И.Игнатов, «Неожиданности», Р. Вед., 1 сент.). «Русская интеллигенция всегда отличалась склонностью к отвлеченному доктринерству», ее занимают «только перспективы отдаленнейших социальных преобразований, предлагающие коренную перемену человеческого быта и всей человеческой психологии». В статье Иванова-Разумника «плохо понятый марксизм»; призывает демократию соблюдать по отношению к войне «принцип непротивления до конца». В романе Андрея Белого «иногда философская предвзятость подавляет живые ощущения: начинает казаться, что маленький Котик слишком хорошо знает Канта» (А.Слонимский, Вест. Евр., №№ 7–8, 9–12). В предисловии к сборнику вместо «исторического скифа» предстает «некий “сверхчеловек”, без предрассудка, без Бога», авторов «не вдохновляет историческая революция, сбросившая оковы с народа-титана. Они хотят быть революционерами для любого строя». В художественной части сборника «опыты словотворчества и мифотворчества, не новые в нашей поэзии» (Андрей Белый и А.Ремизов); больше отражают «лик живого слова» Есенин и Клюев. Рассказ Пришвина «несколько фотографичен». Идеология, выраженная в статье Иванова-Разумника «Испытание огнем», привела к появлению в России «пораженцев», «этими же идеями питается наш отечественный большевизм» (Б.Сандомирский, «Свобода и жизнь», № 11, 25 сент.).

Л.Андреев — «Полет. Рассказы». Т. XVI. М.: кн-во писателей в Москве, 1917, тираж — 4000.

Н.И.Тимковский — брошюра «Свобода, равенство и братство». М.: «Задруга», тираж — 50000.

А.Серафимович — «Как устроить Русскую землю». М.: изд. Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, тираж — 300000.

В.Брюсов — «Как прекратить войну?» М.: «Свободная Россия», 1917, тираж — 50000. С эпиграфом: «Si vis pacem — para bellum» [«Если хочешь мира — готовься к войне»]. Брошюра написана с оборонческих позиций.

Б.Зайцев — «Беседа о войне». М.: Моск. просвет. комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917, тираж — 20000.

Н.А.Бердяев — «Возможна ли социальная революция». М., 1917, тираж — 50000; «Народ и классы в русской революции». М., Моск. просвет. комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917, тираж — 50000.

Ив.Рукавишников — «Триолеты любви и вечности». М.: Моск. кн-во, 1917, тираж — 1500.

Ив.Шмелев — «Весенний шум. Патока». М., 1917, тираж — 1500.

Ю.Айхенвальд — «Силуэты русских писателей». Вып. 3-й. М.: «Мир», 1917, тираж — 2000.

Сентябрь

Д.Айзман — публицистические очерки (Р. Воля, 6, 8, 10, 14, 23, 28 сент.).

3 сентября, несмотря на запрещение петроградского генерал-губернатора, вышла большевистская газета «Рабочий путь», отпечатанная в нелегальной типографии (Р. Сл., 3 сент.).

5 сентября М.С.Цетлин писала из Москвы М.А.Волошину: Бальмонт «подавлен и даже раздавлен душевно тем, что происходит в России, и даже против своей смерти ничего не имеет, так ему неуютно и дисгармонично. Правда, веселого мало, но как же нам, 180-ти миллионам, скоро устроиться — надо время и терпенье...» Волошин отвечал 14 сентября из Коктебеля М.О.Цетлину: «В настоящее время мы переживаем процесс простой, как разложение трупа... Бориса Викторовича [Савинкова]

вышвырнуло немедленно из игры, несмотря на его очевидную полезность, даже необходимость для России. Революционеры-эмигранты в общем, как они были, так и остаются микробами разложения прежде всего... Построить они ничего не могут, несмотря на всю свою добрую волю... сила строительства не в них» («Звезда», 1996, № 2, с. 192–193).

К. Бальмонт напечатал ряд статей и стихотворений, полных трагических предчувствий: «Этим летом» («Этим летом — унижение нашей воли, Этим летом — расточение наших сил, Этим летом — я один в пустынной доле, Этим летом — я Россию разлюбил»), «Час расплаты» («...Все шире смута. Час расплаты зреет скоро, И ведет страну минута От позора до позора...»), «Боевым орлам», «К обезумевшей» («Нам от Севера холод и голод, Изъявился угрозами Юг, Исполинский наш молот расколот, Приближается бешенство выюг...»), «А теперь» («Нет порыва в сердце, нет в душе молитвы...»); статьи «Три меры» (три ошибки, совершенные революцией: отравленный праздник Пасхи, разложение армии, безвластие власти: «бешеный вихрь кары совсем близок»), «Вращенье колеса» и «Солнечная угроза» (говорливая революционная демократия — это «вращенье праздного колеса», «не соединенного ни с какой зиждательной энергией») (Утро Рос., 2, 8, 12, 14, 23, 24, 27 сент.).

Демьян Бедный — сатирические стихотворения «Социализки», «Страдания следователя» (написано в связи с корниловским походом на Петроград) («Рабочий путь», 20, 22, 23, 29 сент.)

К. Тренев — очерки «Войсковой круг» [о настроениях донского казачества] (Р. Сл., 12, 17 сент.).

Л. Андреев — политические памфлеты «Скоморох революции» (Ленин — «злодей» совершающейся великой российской трагедии, Чернов — это ее «скоморох»; «Veni, creator!» [«Гряди, победитель!»], направленный против В. И. Ленина («Ты... необыкновенный победитель, раздавивший отечество, вставший над законами, смело презревший всякого другого Бога, кроме себя»), «Во имя революции» (В России происходит «смертельная борьба между Революцией, которая слабо обороняется, и Бунтом, который яростно нападает»; честными считает Керенского, Савинкова и Корнилова) (Р. Воля, 6, 15, 17 сент.).

Г. Чулков — «Вчера и сегодня. Листки из дневника» («Народоправство», № 9, 15 сент.). В связи с обвинением генерала

Корнилова в «контрреволюции»: «Без диктатуры нам не обойтись», «почтенный либерализм» не уместен перед «охмелевшей чернью», «взбунтовавшимися рабами».

Н.Бердяев — «Патриотизм и политика» («Народоправство», № 10, 25 сент.). О «героическом патриотизме ген. Корнилова», поднявшего «мятеж против лжи».

В «Деле народа» (3 и 10 сент.) на специальной полосе «Литература и революция», выходящей под редакцией Иванова-Разумника, помещены стихи С.Есенина, П.Орешина, очерки М.Пришвина «Посев», «Земля и власть», статья К.Эрберга «О терпимости» (требование подходить к молодой литературе не с кнутом, а доброжелательно) и др.

В Москве открылся рабочий театр, находящийся в ведении Совета рабочих депутатов. С докладом об истории создания театра выступил председатель художественно-просветительного отдела Совета рабочих депутатов В.В.Вересаев. Среди выступавших на открытии: Вл.И.Немирович-Данченко, А.И.Сумбатов-Южин, В.М.Фриче, В.И.Качалов и др. Вечер закончился исполнением «Интернационала» («Рабочий театр», Н. Жизнь, 15 сент.).

11 и 12 сентября Д.В.Философов сделал записи в дневнике: «Он [Б.В.Савинков] видел, что Корнилов без Керенского может попасть в руки контрреволюции, Керенский без Корнилова — окажется рабом либерданов и большевиков. Он хотел быть звеном между революцией (Керенский) и армией (Корнилов)». «Когда Керенский, в истерике, объявил Корнилова “мятежником”, Савинкову ничего не оставалось, как к нему присоединиться. Может быть, это была политическая ошибка. Он помог не силе (Корнилов), а бессилию (Керенский). Будь он на стороне Корнилова, может быть, “история” повернулась бы иначе... Керенский им пожертвовал, грубо отставив его по телефону. Газету [“Час”] он проектирует как “трамплин”, чтобы снова подняться... На нас он рассчитывал безусловно... Я заявил ему, что вряд ли пойду в его газету...» («Звезда», 1992, № 3, с. 153).

15 сентября М.Пришвин записал: «Что же такое эти большевики, которых настоящая живая Россия всюду проклиняет, и все-таки по всей России жизнь совершается под их давлением, в чем их сила?.. В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко, высоко и с презрением смот-

реть на гибель тысяч своих же родных людей... на опустошение родной страны» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914-1917. М., 1991, с. 366-367).

15 сентября в «Новой жизни» напечатано воззвание «К созыву петроградской общегородской конференции пролетарских просветительных обществ» (Пролеткульт).

16 сентября И.А.Бунин записал в дневнике: «Читаю Минского. Есть хорошее. Все же у него была душевная жизнь» (Ив.Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990, с. 38).

17 сентября В.Г.Короленко пишет А.А.Дробыш-Дробышевскому: «Вот мы и дожили до "революции", о которой мечтали, как о недостижимой вершине стремлений целых поколений. Трудновато на этих вершинах, холодно, ветрено... Началась "новая русская история"! Любопытно чрезвычайно» (Нижегородский сборник памяти В.Г.Короленко. Н. Новгород, 1923, с. 33).

18 сентября А.Г.Горнфельд пишет В.Г.Короленко: «Исторические стихии разбушевались так основательно, что слабые люди уже не дождутся их успокоения, даже относительного. — Однако надо делать дело» (РГБ, ф. 135, отд. II, карт. 21, ед. 38).

24 сентября В.Маяковский выступил в Большой аудитории Политехнического музея с докладом «Большевики искусства» и с чтением стихов — «Война и мир» и «Революция» (Катанян, с. 133).

24 сентября в «Русском слове» напечатано «Письмо в редакцию» В.Ф.Булгакова, в котором опровергались слухи о беспорядках в Ясной Поляне.

26 сентября в Художественном театре состоялась премьера «Села Степанчикова» Достоевского (постановщики К.С.Станиславский и Вл.И.Немирович-Данченко, художник М.В.Добужинский, в роли Фомы Опискина И.М.Москвин).

Мысль о постановке возникла в «разгар распутищины», ибо Достоевский своим Фомой «напророчил Распутина» (Князь Мышкин [Н.Е.Эфрос], «Премьера Художественного театра (Письмо из Москвы)», Киев. Мысль, 7 окт.). «Исключительные силы национального театра соединились с национальной силой

гениального писателя, чтобы выявить одну из самых странных и тревожных загадок русской жизни... бесконечные вереницы святош, юродивых, самодуров, старцев, вешателей, прорицателей, пророков и лжепророков, вождей и лжевождей, которые волнами перекатываются в Руси из поколения в поколение, из века в век» (И. Жилкин, «Фома Опискин», Р. Сл., 26 сент.). «Москвин изобразил не характер... он дал целое общественное явление, не умершее и не умирающее» (И. Игнатов, «Хамство ("Село Степанчиково" в Художественном театре)», Р. Вед., 27 сент.).

27 сентября в Петрограде, в Драматическом театре, — премьера пьесы Д. Мережковского «Павел I» (в главной роли — И. Н. Певцов).

«С этой пьесой русский театр впервые входит в ответственный воздух свободы... Отчего же тягостен «Павел»? Первая причина «в мыслительной мощи и странной художественной немощи, которые свойственны всем творениям Мережковского». Вторая слабость — фотографичность (сцена удушения). Спектакль должен вызывать отвращение и к деспотизму, и к убийству, но этого не произошло (И. Жилкин, Р. Сл., 28 сент.). «Впервые проник свет рампы за высокие стены царского дворца...» Публика валом валит на спектакль как на сенсацию, но художественная ценность его сомнительна, ибо это — «театр ужасов» (Н. Эф[рос], Р. Вед., 29 сент.).

30 сентября в Петрограде, на собрании Всероссийского общества редакторов ежедневных газет, принята резолюция о положении печати: «Снова русский писатель и публицист вынужден считаться не только с велениями закона», но и с «различными организациями, советами и комитетами», устанавливающими «революционную цензуру» и революционный режим печати, «ничем не отличающийся от цензурного режима старой власти» («Речь», 3 окт.).

30 сентября З. Н. Гиппиус записала в дневнике: «Все... грезят о штыке ("да будет он благословен"), но — поздно! поздно! ... Керенский продолжает падение, а большевики уже бесповоротно овладели Советами. Троцкий — председатель. Когда именно будет резня, пальба, восстание, погром в Петербурге — еще не определено. Будет» (З. Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 371-372).

П. Ярецв — «Искушение хлебом и царством» («Речь», 10 сент.). «В квашне людей, путешествующих с красным знаме-

нем в искусстве... все футуристы, все уличники, и все придумщики, т.е. все материалисты в искусстве», а также актеры, устраивающие выступления «искусства» на улице, «стыдные выезды на грузовых платформах». Театру в России угрожает «народо-властие голодных и обиженных искусством людей» и «опыт пролетарского хозяйства». Лишь журнал «Театр и Искусство» во главе с А.Р.Кугелем противится этому всеми силами, что ему зачтется «в великую заслугу перед русским театром».

Г.Иванов — «Черноземные голоса» (Р. Воля, 23 сент.). «Тепличная атмосфера современной русской поэзии» произвела «губительное действие» на дарования С.Есенина и С.Клычкова, «сквозь красоту и гладкость» их стихов «просвечивают крупинцы той черноземной силы, которая дает стихам Клюева мощь и красоту». «Любовь к народной лирике пробуждается в нас с каждым годом... Наша поэзия вступает в более здоровую, ясную и близкую к жизни область».

П.Боборыкин — «Где русское писательство?» (Бирж. Вед., 30 сент., веч. вып.). Современные писатели выступают лишь «в роли пособника антиреакционной пропаганды», но не проявили себя коллективно, хотя должны были встать «у духовно-общественного кормила». Ведь именно русской литературе передовая Россия обязана тем движением, которое «довело теперь до громадного переворота».

Д.Мережковский — «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (на обложке), «Невоенный дневник 1914–1916» (на титуле). Пг., 1917, тираж — 3000.

«Книга писателя, не поклонившегося звериному лику войны, духу национализма». «За три года войны свершил Д.Мережковский свой печальный путь от Христа к войне “до победного конца”... Испытание в грозе и буре революции оказалось тоже непосильным почти для всех русских писателей... Свою ненависть они перенесли с Германии на революцию, на “революционную демократию”... Мережковский пока молчит о революции, потом заговорит — и от борьбы за дух революции [в статье “14 декабря”] придет к яркому ее отрицанию... Крушение всех былых надежд — вот чем должна быть для Д.Мережковского и для многих русская революция. И отсюда — ненависть к ней, к ее духу непримиримого искания, к ее беспощадной, а не половинчатой борьбе со звериным национализмом до конца» (Иванов-Разумник, «С Антихристом за Христа», Д. Нар., 15 окт.). «Книга тихих, скорбных и осторожных раздумий о судьбах роди-

ны», «напоминание о новых великих канунах и вещих сроках». «Путь к человеческому и всемирному» для Мережковского — «через Россию» (Д. Коковцев, «Речь», 8 окт.). «Ни о войне, ни о революции не говорится в этом своеобразном “дневнике”: в действительности, это просто сборник газетных и журнальных статей» (Вест. Евр., № 9-12, Библиограф. листок).

Ив. Шмелев — «Веселый разговор». М.: «Земля», 1917, тираж — 50000; в октябре новое изд., тираж — 37000.

М. Арцыбашев — «Записки писателя. I. Война. II. Предатели и ренегаты. III. Трусые. Под знаком глупости и безволия». М., изд. газ. «Свобода», 1917, тираж каждой части — 20000.

Е. Н. Чириков — «Русский народ под судом Максима Горького. I. Неразбериха. II. При свете здравого смысла». М.: Моск. кн-во, 1917, тираж — 20000.

С. Подъячев — «Бабы». М.: «Новая жизнь», 1917.

В повести нет ни одной светлой искорки, «сплошная тьма и животная злоба». Если поверить Подъячеву, то «почтенный академик» Ив. Бунин — «розовый идеалист». «Русь теперь живет день за год» и скоро подлинная деревня сама заговорит и «выявит свою настоящую душу. А пока — одной плохой повестью стало больше» (А. С., Совр. Мир, № 7-9, Кр-ка и б-фия).

Г. Гребенщиков — «Степь да небо». Пг.: изд. «Огни», 1917.

Краски одноцветны: природа Сибири, жизнь киргизов, но «сверкают черточки подлинной художественности» (Вест. Евр., № 9-12, Библиограф. листок).

Октябрь

М. Горький — статьи «О дураках и прочем (январь 1917)», «Нельзя молчать!», «Зрители» (Н. Жизнь, 5, 6, 18, 22, 25 окт.). В статье «Нельзя молчать!» говорилось о слухах, «что 20 октября предстоит выступление большевиков» — иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3-5 июля... Весьма вероятно, что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции». Центральный комитет с.д. большевиков «обязан опровергнуть слухи» о выступлении «бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков».

В.И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» («Просвещение», № 1-2, окт.) резко критикует позицию «Новой жизни», которая «боится диктатуры пролетариата» (т. 34, с. 328).

5 октября А.В. Луначарский на заседании ЦК РСДРП ставит вопрос о возможности сотрудничества в культурном отделе «Новой жизни». ЦК подтверждает прежнее решение о том, что участие в этой газете большевикам не возбраняется (ЛЖТ Горького. Т. 3, с. 51).

5 октября судебный следователь по особо важным делам в течение нескольких часов допрашивал Горького в связи с намерением Временного правительства организовать суд над В.И. Лениным, обвиняемым по делу вооруженного выступления 3-5 июля (Р. Сл., 7 окт.).

6 октября на заседании Русско-английского комитета предложено исключить Горького из состава Комитета за его «антипатриотическую деятельность» [за антивоенные выступления]. Вопрос отложили до перевыборов комитета (Р. Сл., 7 окт.).

В связи с 25-летием публикации первого рассказа Горького «Макар Чудра», отмеченным в «Новой жизни» (22, 25 окт.), Иванов-Разумник написал Горькому: «Мы во многом стоим на разных полюсах мысли, литературные взгляды и вкусы наши расходятся в противоположные стороны, но тем искреннее ценю я... Вашу долготелную деятельность для народа и во имя народа. А за последние радостные и тяжелые полгода, когда революция пришла, а литераторы уползли с шипением и злобою в разные щели, — Ваше имя было одним из немногих, на которых отрадно было остановиться» (ЛН, т. 95, с. 724).

А.Н. Толстой — сказка «Солдат и черт» (Р. Сл., 22 окт.); «Рассказ проезжего человека» («Народоправство», № 11, 7 окт.). При известии о революции на фронте появляется вера в то, что «рождается новая Россия».

К.Тренев — очерки «На Дону» [о сложных настроениях казачества] и «О некоторых украинцах» [о возражениях украинских националистов на его очерки «На Украине»] (Р. Сл., 3, 15 окт.).

Евг.Замятин — «О святом грехе Зеницы девы (слово похвальное)» (Д. Нар., 15 окт.).

А. Ремизов — «Огневица» (Д. Нар., 22 окт.).

Н. Клюев — «Застольный сказ», «Молитва солнцу», «Сказ грядущий» (Д. Нар., 22 окт.).

Д. Айзман — публицистические очерки (Р. Воля, 4, 10, 14, 18, 20 окт.).

К. Бальмонт пишет ряд стихов о надвигающихся революционных событиях: «Ворожба месяца» («Разум всей страны глубоко занемог. Будет черным цвет, что был чрезмерно ал...») (Р. Воля, 14 окт.); «Звук из пожара» («Дьяволы, лихим колдуя сглазом, Напекут блинов нам на сто лет...»), «Генералу Л.Г. Корнилову» («...Перед тобой склонен в восторге я...»), «Последний клич» («Войскам — вожди, вождям — достоинство» (Утро Рос., 6, 15, 22 окт.).

Ф. Сологуб в статье «Дружная и недружная» доказывает, что нельзя приравнивать самосуд к простому убийству и вопрошает: кто же снимет матушку Русь с чертовых качелей, на которых она качается? (Бирж. Вед., 8 окт.).

Л. Андреев — статья «Вопрос» (Р. Воля, 10 окт.). В связи с наступлением немцев обращается за помощью к союзникам («Спасите наши души»), предлагая ввести под Петроград английскую эскадру. В статье звучит страх перед возможностью гражданской войны в России («прольется братская кровь и кто-то совершит неслыханное предательство в отчем дому». «Лучше умереть с Революцией, чем жить с Николаем»).

Е. Чириков — статья «Что вы молчите!» (Р. Вед., 6 окт.). Призывает правительство к решительным действиям против «горстки политических фантазеров, демагогов и шарлатанов» (Ленин, Троцкий и др.), готовых «захватить власть и... заткнуть рот всему русскому народу».

А. Петрищев — «Хроника внутренней жизни» (Р. Бог., № 8-10). «На смену легкомысленным восторгам» («Бескровная революция. Разумная... Благообразная... Стройная») пришло разочарование и в революции, и в интеллигенции, и в народе («бунтующие рабы, недостойные свободы»). Современникам революции «надо запастись терпением», при всей своей неизбежности «она все-таки болезнь и при этом очень тяжелая». «Потребность прекратить анархию достигла высшей степени»

(«волна аграрных погромов», «солдатские бунтарские вспышки и погромы в городах»), но «нет центра, вокруг которого началась бы кристаллизация элементов порядка». «И самое опасное впереди».

В.Бруснянин — «Сатира в дни революции» (Р. Воля, 14 окт.). О журналах «Новый Сатирик» и «Бич» (ред. А.В.Амфи-театров), выступающих, с одной стороны, против свергнутой монархии, с другой — против «Правды» и Ленина. Первый журнал предпочитает не политическую сатиру, а высмеивание обывателя.

А.Авраамов — «Искусство в свете революции. Машине — дорогу» (Д. Нар., 22 окт.). Машина должна занимать в искусстве такое же место, как в промышленности; пролетариат требует «машинного художества».

В «Ежемесячном журнале» (№ 7-10, июль-окт.) опубликованы: Л.Толстой «Николай Палкин», стихи С.Есенина, Н.Клюева, Ал.Ширяевца, Э.Серебряков «Очерк по истории "Земли и Воли"» и др.

4 октября Г.И.Чулков написал статью «Вчера и сегодня» о «любимце петербургских эстетов» [«Бродячей собаке»], изменившей ныне свое лицо. Один из ее завсегдатаев [М.А.Кузмин] возвещает, что он «большевик»: «Ленин мне больше нравится, чем все эти наши либералы, которые кричат о защите отечества» («Народоправство», № 12, 16 окт.).

11 октября В.Маяковский выступает в зале Тенишевского училища. Тезисы: I. «Наше искусство — искусство демократии». II. «Человек (вещь)» (Катанян, с. 133). Осенью, до октября, Маяковский написал двустушие, которое распевали солдаты революции:

*Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит, буржуй.*

13 октября И.Бунин записал: «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим. Русский народ взывает к Богу только в горе великом. Сейчас счастлив — где эта религиозность?» (И.Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990, с. 48).

Газета «Русская воля» перешла в новые руки. Редактор Б.В.Савинков, заведует литературным отделом Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус и Ф.К.Сологуб (Р. Вед., 22 окт.).

14 октября М.Пришвин записал: «Охранительный человек Д.В.Философов смутил меня предложением войти в новую газету Савинкова “Час”. Савинков один из зачинателей того, что называется Корниловщина... На службе в газете принимают участие старые закоренелые индивидуалисты-аристократы от литературы — Мережковский, Гиппиус. Это все революционеры-индивидуалисты, ищущие пути к соборности через отечество Града Невидимого... Это будет очень интересная газета, и пугает только скандальность Савинкова... Одно из сит демократии — «Воля Народа», в которой я теперь по недоразумению пребываю, исповедует чистую, наивную веру в русскую демократию... Андрей Белый остановился на Разумнике». 22 октября: «Ленинский дух революционный сродни духу бюрократическому: то и другое оторвано от жизни и разрушает уют» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991, с. 375, 378).

15 октября, разговаривая с З.Н.Гиппиус, Блок отказывается от участия в савинковской газете «Час». Впоследствии З.Гиппиус вспоминала, что спросила Блока: «Уж вы, пожалуй, не с большевиками ли?»... «Да, если хотите, я скорее с большевиками» (А.Блок, т. 7, с. 311 и 505). 19 октября Блок записывает: «Вчера — в Совете рабочих и солдатских депутатов произошел крупный раскол среди большевиков. Зиновьев, Троцкий и пр. считали, что выступление 20-го нужно, каковы бы ни были его результаты, и смотрели на эти результаты пессимистически. Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране» (т. 7, с. 311–312).

Н.Бердяев — статьи: «О свободе и достоинстве слова» (Вместо свободы слова, печати, мысли в России воцарилась самочинная «диктатура пролетариата», которая грозит «красным террором, самочинной расправой над подозреваемыми в сочувствии ген. Корнилову», «военному герою, страстному патриоту и несомненному демократу»); «Объективные основы общественности» (В России «возможен и желателен частичный социализм», подчиненный «объективным началам государственного, национального, культурного бытия», но победа большевизма создаст «звериную жизнь», а не социализм) («Народоправство», №№ 11, 13; 7, 23 окт.); «Демократия и иерархия» (Несмотря на «нрав-

ственное и эстетическое безобразия», русская революция имеет «огромное значение»: она изблещила ложь «эгалитарно-нигилистической страсти» русской интеллигенции (толстовства, народничества); «на этой почве нация пришла к самоубийству», ибо «творчество — иерархично, а не демократично» (Р. Св., № 24–25, 15 окт.).

19 октября З.Н.Гиппиус записала в дневнике: «Вот уже две недели, как большевики, отъединившись от всех других партий (их опора — темные стада гарнизона, матросов и всяких отшибленных людей, плюс — анархисты и погромщики просто), — держат город в трепете, обещая генеральное выступление, погром для цели: “Вся власть советам” (т.е. большевикам)... Ленин каждодневно в “Рабочем пути” (б. “Правда”), совершенно открыто, наставляет на этот погром, утверждая его, как дело решенное... Ну, Керенский все-таки удерет, в последнюю минуту». 21 октября: «И ведь когда-нибудь да будет же революционная борьба и победа... даже после контрреволюционной победы большевиков, если и эта чаша горечи нас не минует, если и это испытание надо пройти. А думаю — надо...» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 373–374, 377).

Вяч.Иванов читает лекцию «Скрябин и дух революции» на заседаниях различных обществ Москвы и Петрограда: «великого национального композитора» можно было бы считать вдохновителем переживаемой революции с ее «многострадальными и болезненными родами “самостоятельной русской идеи”», если бы в ней ощущалось «веяние высших сил», а не то, что «глядит на нас, современников, мутным взором безвидного хаоса» (Вяч.Иванов, «Родное и вселенское», М., 1918).

Вяч.Иванов — «Молитвы»: I. «Боже, спаси» (Боже, веди / Вольный народ / К той из свобод, / Что впереди / Светит земле / Кормчей звездой!), 2. «Созрел на ниве колос...» («И пусть народный голос / Вершит судьбу земли, / Твоим веленьям верен...»); статья «Революция и самоопределение России»: «Россия стоит у порога своего инобытия, и видит Бог, как она его алчет», но «революция протекает внерелигиозно», поэтому «не выражает донныне целостного народного самоопределения», грозит анархией и всеобщей разрухой («Народоправство», №№ 13 и 14; 23, 30 окт.).

16–19 октября в Петрограде проходила Первая общегородская конференция Пролеткульта; открыл конференцию А.В.Луначарский (Н. Жизнь, 17 и 20 окт.).

Анна Ахматова — «Белая стая. Стихотворения». Пг.: «Гиперборей», 1917, тираж — 2000.

«Тон сборника — тихая, светлая печаль». «Намечает новые пути в творчестве Ахматовой, свидетельствует о ее художественном и духовном росте. Является новое углубленное восприятие мира... За миром вещей раскрывается безбрежное царство духа — “белый рай” символизма» (Вест. Евр., № 9–12, с. 403–407). «Чудесная книга Анны Ахматовой... сейчас единственное “событие”. Все прочее — эпизоды, отчасти приятные и значительные» (сборники Ф.Сологуба, Б.Пастернака, В.Маяковского и др.) (Д.Кокорцев, «Русская лирика в 1917 г.», «Наш век», 31 дек.). «Классическая точность выражения и художественная законченность настроения», «отрывочность мировосприятия и исключительная острота переживания», «эпиграмматическая отвлеченность» сочетается «с самой глубокой интимностью» (Д.Выгодский, Н. Жизнь, 24 дек.). «В “Белой стае” окончательно завершается поворот новейшей русской поэзии от романтической лирики символистов к классическим канонам высокого и строгого искусства Пушкина»; «интерес к внешней обстановочности жизни совершенно исчезает»; «становится яснее глубоко трагическое содержание всей поэзии Ахматовой. Это — не мистическая трагедия Ал.Блока, источник которой — в романтической безмерности желаний и страстей», не «случайная печаль» «Четок», это «трагическая безнадежность» всего восприятия жизни. «Преобладают простые, точные рифмы и правильные ямбические строки», «поражает неожиданное обилие славянизмов» (В.Жирмунский, «Наш век», 1918, 30 янв.). Сборник «гораздо зрелый и определенной», чем «Четки»; «поэтесса вышла на путь, который мы бы назвали пушкинским»: «От земного и преходящего она устремляется к вечному. Болезненная отзывчивость сменяется классической строгостью; импрессионистический субъективизм уступает не без борьбы место объективности подлинного художника» ([Д.П.Якубович], Р. Бог., 1918, № 1–2–3, Б-фия). М.Цветаева о сборниках «Четки» и «Белая стая»: «Ахматова пишет о себе — о вечном. И... не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего... передаст потомкам свой век... О маленькой книжке Ахматовой можно написать десять томов — и ничего не прибавишь...» (из записной книжки 1917 г. М.Цветаева. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М., 1994, с. 565).

К.Бальмонт — «Собрание лирики. Книга 4-я». М.: изд. В.В.Пашуканиса, 1917, тираж — 10300.

Н. Евреинов — «Театр для себя. Часть 3-я (Практическая)». Рис. Н.И. Кульбина. Пг., 1917, тираж — 1500.

А. Таиров — «Прокламации художника». М., 1917, тираж — 4000.

Вас. Каменский — «Его — моя биография великого футуриста». М., 1918.

«Глубоко интересно и знаменательно» то, что книга появилась в дни революции. Футуризм, как и социализм, нигилистичен, так же отвергает отечество, прошлое, обожествляет материальное, подменяет подлинную жизнь лжебытием; отрицая рабство на словах — он раб своего «Я», своих «животных ощущений». «Звериносильным встает перед нами из стихии революции новый человек, строитель “земного рая”» («Из автобиографии футуриста», Бюл. л-ры и жизни, кн. XIII—XVI, дек.).

Андрей Белый — «Революция и культура». М.: изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917 [статья написана летом 1917 г.]. «Как подземный удар, разбивающий все, предстает революция»; она насильственна и свободна одновременно: несет «смерть старых форм» и «рождение новых». Между нею и искусством существует теснейшая, но неуловимая связь. Обилие произведений искусства обычно выпадает на пред- и послереволюционное время: «напряженность художеств ослаблена в миг революции», если не считать «вялые словословия поэтов». Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский — «наследие отгремевшей до них революционной волны».

А. Серафимович — «Кому власть, царю или народу? (Монархия или демократическая республика)». Изд. Московского Совета рабочих депутатов, 1917, тираж — 125000; «Светает». Общедоступная библиотека «Свобода и культура». М., 1917, тираж — 25000.

Ив. Вольнов — «Юность (Третья книга “Повести о днях моей жизни. Крестьянская хроника”»». М.: Кн-во писателей, тираж — 4100.

В. Вересаев — «Бей его!» [против самосудов]. М.: Кн-во писателей, 1917, тираж — 50000; «Темный пожар» [о свободе слова]. М., 1917, тираж — 50000.

«Сборник финляндской литературы». Под редакцией В. Брюсова и М. Горького. Пг.: «Парус», 1917, тираж — 5000.

А.И. Герцен — «Полное собрание сочинений и писем». Под редакцией М.К. Лемке, тт. 1-8 (каждый по 20000 экз.).

«Великую заслугу издателя нельзя переоценить», но хронологический порядок (вперемешку письма, статьи и счета) неудобен (Ф. Родичев, «Новое издание Герцена», «Речь», 1 окт.).

В 20-х числах октября С.А. Толстая и Т.Л. Сухотина послали А.Ф. Керенскому срочную телеграмму: «Крапивенский уезд в огне погромов... Ясная Поляна в опасности... Считаю долгом правительства защитить дом и реликвии Толстого». 27 октября Т.Л. Сухотина писала С.Л. Толстому: «В ответ на эту телеграмму сегодня явились из Орла 100 пеших и 23 конных солдата. Кроме того, у нас живет двенадцать солдат», но «ввиду того, что делается в правительстве, может наступить еще худшая анархия, и тогда никакие солдаты защищать не будут» («Октябрь», 1997, № 9, с. 164, 166).

24 октября, дневник З.Н. Гиппиус: «Дело в том, что многие хотят бороться с большевиками, но никто не хочет защищать Керенского. И пусто место — Вр. правительство... Сейчас большевики захватили “ПТА” (Петр. телегр. агентство) и телеграф... На Невском сейчас стрельба. Словом готовится “социальный переворот”, самый темный, идиотический и грязный, какой только будет в истории. И ждать его нужно с часу на час... Бедное “потерянное дитя”, Боря Бугаев... уехал вчера обратно в Москву. Невменяемо. Безответственно. Возится с этим большевиком — Ив.-Разумником (да, вот куда этого метнуло!)... “Я только литературно!” Это теперь, несчастный! Другое “потерянное дитя”, похоже, — А.Блок» (З. Гиппиус. Живые лица. Кн. 1. Тбилиси, 1991, с. 379-380).

25 октября Л.И. Шестов писал А.М. Ремизову из Москвы, еще не зная о случившемся в Петрограде: «Будущего видеть и предчувствовать не умеем, а настоящее отвратительно. Все обозлилось, ходят точно цепные псы, друг друга хотят в клочья рвать. И что день, то хуже» (Р. Л., 1992, № 4, с. 125).

25 октября — Октябрьский большевистский переворот.

В ночь с 25 на 26 октября Л. Андреев записал: «Печальный, холодный и жуткий вечер. С девяти идет стрельба у Зимнего...

Большевики захватили город и власть, но насколько? ... Где Керенский? Где правительство? ... Слишком много мучений будет и для тела и для души, если победят большевики». 29 октября написал С.С.Голоушеву: «Это переворот — но переворот с ног на голову... Бессмысленное, не воображаемое даже воображением становится единственно реальным и сущим. Они — правительство России, власть. Они будут управлять Академией Наук, университетами, издавать законы, они, безграмотные... Демократия допустила большевиков до восстания; теперь демократия воеет и кланет, но все же именует Ленина товарищем... Плохо российское дело, безнадежно» (Л.Андреев. S.O.S. М.; СПб., 1994, с. 31–32, 196–197).

25 октября Б.М.Эйхенбаум писал В.М.Жирмунскому о событиях в Петрограде: «Уже больше недели печать трубила о готовящемся выступлении большевиков, но вместо выступления — новый переворот: большевики у власти... В городе — грозная тишина... Как говорят, большевики принимают все меры, чтобы не допустить беспорядков, погромов и грабежей. Ответственность на них огромная, и трудно себе представить, чтобы они с ней справились...» 26 октября — ему же: «Кадеты перешли на нелегальное положение — редакция “Речи”... занята большевиками» (Тыняновский сборник. Рига, 1988, с. 292, 294).

26 октября петроградский Военно-революционный комитет предписал закрыть газеты «Речь», «Новое время», «Биржевые ведомости», «День» и др. [«Речь», «День», «Биржевые ведомости» возобновлялись и окончательно закрыты в мае 1918 г. вместе со всей небольшевистской прессой]. 27 октября В.И.Ленин подписал первый декрет Совнаркома — декрет «О печати», устанавливающий цензуру. 28 октября В.И.Ленин подписал постановление о запрещении газет, ранее закрытых Военно-революционным комитетом (Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957, с. 24–25, 539).

26 октября, дневник З.Н.Гиппиус: «Торжество победителей. Вчера, после обстрела, Зимний дворец был взят. Сидевших там министров... заключили в Петропавловскую крепость... Все газеты (кроме “Биржевки” и “Р. воли”) вышли было... но по выходе были у газетчиков отобраны и на улицах сожжены». 28 октября: «Все газеты оставшиеся (3/4 запрещены), вплоть до “Новой жизни”, отмежевываются от большевиков, хотя и в разных степенях. “Новая жизнь”, конечно, менее других... “Воля народа” резка до последней степени. Почти столь же резко и

«Дело» [«Дело народа»] Чернова». 29 октября: «Газеты все задушены, даже «Рабочая», только украдкой вылезает «Дело» Чернова (ах, как он жаждет, подпольно, соглашательства с большевиками!), да красуется, помимо «Правды», эта тля — «Новая жизнь»... Петербург... угрюмо и озлобленно молчит, нахмуренный, как октябрь. О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни!» (З.Гиппиус. Живые лица. Кн. I. Тбилиси, 1991, с. 383, 386, 388).

Иванов-Разумник — «Свое лицо» («Знамя труда», 28 окт.). «В нынешние дни победы «большевиков», в дни их торжества и силы — каждый из нас может и должен прямо и смело наметить свой путь, не идя за колесницей победителей... Ибо я вижу, что смертная казнь свободного слова — уже началась... Диктатура одной партии, «железная власть», террор — уже начались, и не могут не продолжаться».

М.Пришвин — «Смех обезьян (Из дневника)» (Воля Нар., 28 окт.). «Мы завоеваны» «шумящими на царском троне большевиками». «Бессильно всякое слово, потому что, произнося его, вы слышите хор обезьян. Скажете слово «земля» — наш символ единения трудящихся, и вам скажут то же слово как символ разделения. Вы говорите «воля», вам отвечают таким же словом и закрывают вашу газету».

Иван Гладнев — «Бойкот черной печати» («Рабочий путь», 30 окт.). Призыв к печатникам Петрограда и солдатам Питерского гарнизона бойкотировать «буржуазную печать» («Речь» и прочие корниловские органы): «не набирать и не печатать ничего, направленного против рабочего класса, против революции, против советов, союзов, комитетов и т.д.», не обращая внимания на «вопли о свободе печати».

Вл.Пяст — «Зимний дворец (Ночь на 26 октября)» (Воля Нар., 31 окт.):

*Мы умираем, предать неспособные право
В руки захватчиков. Вам же, о трусы, проклятье!
Вы не пришли защищать нас, о Каины братья,
Нас, беззащитных, предавшие слева и справа.*

26 октября, не зная о событиях в Петрограде, В.Г.Короленко пишет из Полтавы А.В.Пешехонову и В.А.Мякотину: «Народные социалисты заняли позицию, соответствующую действительности, — без демагогии, без погони за внешней показной левизной,

без подстегивания революции неисполнимыми обещаниями. Россия, на мой взгляд, похожа теперь на здание, в котором во время собрания крикнули: пожар! Все кидаются к тесному выходу, из которого все могут выйти свободно спокойным ходом, но который сейчас же загорается взволнованной толпой. Мне грустно думать, что не очень еще давние наши товарищи по журналу, как Николай Сергеевич [Русанов] (не говоря о сомнительном нашем “товарище” Чернове) присоединились к тем, которые в это время подстегивают толпу криками: скорее, вперед, вперед! ... С первого своего выступления в качестве министра Алексей Васильевич [Пешехонов] не ликовал, не кричал “гром победы раздавайся”, а спокойно и печально говорил правду. Что бы ни случилось дальше, — можно будет сказать, что это было правильно и по совести. И, конечно, мое сочувствие на вашей стороне. Впереди — та же социалистическая идея, но без легкомысленной резвости в побежке. А сейчас — верное чутье действительности» (РГБ, ф. 135, разд. II, карт. 9, ед. 38). В тот же день записал в дневнике: «Большевистская агитация, с одной стороны, разрушает боеспособность» армии, с другой — «объясняет неудачи изменой буржуев-офицеров. Ловко, но подло». «Даже в среде самой демократии ругательски ругают всех и вся: и Керенского, и Ленина, и Чернова, и Либера, и Дана, и Троцкого, и Плеханова, и Церетели, и Иорданского... Ругают с ненавистью, с жестокой злобностью, с остервенением... Внезапно, как-то катастрофически бесследно угасла повсюду вера в честность, в порядочность, в искренность, в прямоту». Запись 29 октября: «В Петрограде большевистский мятеж ... В столице уже льется кровь» (Вл.Короленко. Дневник. 1917–1921. М., 2001, с. 21, 23, 24).

Отклики

Вл.Короленко — статья «Опять цензура» (Вест. Полт. губ. общ. к-та, 1 ноября).

В «Полтавском дне» статья была запрещена «членом “совета революции” Городецким (полуграмотным портным-закройщиком)», со словами: «Вы думаете, у меня дрогнет рука?» (Вл.Короленко. Дневник. 1917–1921. М., 2001, с. 28).

1 ноября В.Г.Короленко записал в дневнике: «...Все охвачено каким-то параличом, и большевизм расплзается, как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдается во власть самозванных диктаторов... В совете можно говорить все что угодно.

Не советовали только упоминать слово “родина”. Большевики уже так нашколили эту темную массу на “интернациональный” лад, что слово “родина” действует на нее, как красное сукно на быков» (Вл.Короленко. Дневник. 1917–1921. М., 2001, с. 29).

В художественной летописи журнала «Аполлон» (№ 6–7, вышел в ноябре), в разделе «Революция и искусство», сообщалось о бессмысленной и тупой эпидемии вандализма, вызванной «прирожденным хулиганством русского человека». Солдаты «от нечего делать» забавляются расстрелом статуи и ваз в Ораниенбауме, грабят дворцы и музеи. На собрании «художников-интернационалистов», устроенном газетой «Правда», говорилось о немедленном захвате «буржуазного искусства» в свои руки, о необходимости «классового подхода» к искусству. «Союз деятелей искусства», не желавший «впадать в контакт» с Временным правительством, принципиально высказывается и против совместной работы с комиссарами по делам искусства новой власти. Предполагается издавать «Вестник Союза деятелей искусства» (редакторы Ф.К.Сологуб и К.А.Эрберг). В том же номере помещена статья А.Ростиславова «Октябрьские события»: «Действительность превзошла самые мрачные, самые черные тревоги и опасения»: Московский Кремль подвергся орудийному обстрелу; 50 комнат Зимнего дворца «разгромлены и разграблены», стекло и фарфор разбиты, серебро украдено, срывались занавеси, срезалась обивка на мебели. Портрет Николая II работы В.А.Серова, с выколотыми глазами и вставленной в рот папироской, был приставлен к наружной стене дворца, а при попытке его спасти — «окончательно растерзан». Разгром Зимнего дворца «увечковечен фотографиями». По городу было расклеено воззвание комиссаров по защите музеев и художественных коллекций с просьбой к гражданам о розыске и возвращении вещей, похищенных в Зимнем дворце в ночь с 25 на 26 октября.

1 ноября Е.Н.Трубецкой пишет А.Ф.Кони из Москвы: «Все стадии разочарования уже пройдены, *кроме одной*: народ должен еще разочароваться в большевиках... Какие духовные силы явились в святом, мученическом подвиге наших юнкеров и офицеров» [защитавших Кремль от большевиков] (сб. «Взыскующие града». М., 1997, с. 677).

3 ноября в газете «Дело народа» напечатано заявление А.В.Луначарского в Совнарком в связи с разрушениями в Московском Кремле: «Борьба ожесточается до звериной злобы... Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить

этот ужас я бессилён... Вот почему я выхожу в отставку из Совета народных комиссаров». 4 ноября там же напечатана заметка «Возвращение к “власти” А.В.Луначарского», в которой сообщалось о призыве Луначарского к «молодому хозяину страны» защитить «художественное и научное имущество» народа.

По этому поводу Б.Зайцев обратился к Луначарскому с «Открытым письмом» (16 ноября), в котором говорилось, что «письмо-крик о выходе из “правительства” было лишь минутой: «Вы не протестовали против цензуры социалистических газет, против принятого центральным комитетом вашей партии решения о закрытии всех “буржуазных” газет». Поэтому ни один писатель, ни одна литературная организация не будет с вами. «За вами — штыки и солдаты... За нами — традиция великой русской литературы, дух истинной свободы и правды» («Народоправство», № 17, 7 дек.).

4 ноября, Москва, запись в дневнике И.А.Бунина: «Вчера не мог писать, один из самых страшных дней всей моей жизни... Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город... Три раза приходили [солдаты], вели себя нагло... Лица хамов, сразу заполонивших Москву, потрясающе скотски и мерзки... Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего! Разгромили людоеды Москву!» (Ив.Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990, с. 57).

8 ноября, после двухнедельного «насильственного перерыва» из-за «кровавого большевистского террора», вышли «Русские ведомости» с призывом «Да здравствует свобода печати!»: «Песенка новых Победоносцевых спета, их гибель — вопрос только времени: не сегодня, так завтра». В том же номере, в статье «Под гнетом насилия» говорилось: «Между большевизмом и черносотенством есть тесное внутреннее родство... Недаром задолго до большевистского восстания подпольная черносотенная газета “Гроза” настойчиво повторяла большевистский лозунг “Вся власть Советам”. И когда на наших глазах топчется в грязь неприкосновенность личности и жилищ, свобода слова, свобода собраний, когда новые претенденты на власть повторяют в своих декретах формулы министров Николая II... то становится ясным, что “контрреволюция”, которой так боялись справа, уже пришла слева», при существенном различии «между деспотизмом монархическим и большевистским», первый — «одна из форм государственной власти», второй — «одна из форм анархии», у которой «нет другого оружия, кроме насилия».

8 ноября М.Пришвин записал: «На Октябрьское восстание у меня устанавливается такой взгляд: это не большевики, это первый авангард разбегающейся армии, которая требует мира и хлеба. Подпольно думаю, не вся ли революция в этом роде, начиная с Февраля? Не потому ли и Керенского так ненавидят, что он стал поперек пути этой лавины?» 11 ноября: «Большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции» (М.М.Пришвин. Дневники. 1914-1917. М., 1991, с. 388, 391).

9 ноября Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «Партии — омерзительны; фракционные раздоры и диктатура одного человека [А.Ф.Керенского], искреннего, но недалекого, — погубили революцию... Вожди “большевистские” — все то же самое политическое болото; но масса большевистская — лучшие и самоотверженнейшие люди. Я с ними провел все дни “октябрьской революции” — с 26 по 28 я был безвыходно в Смольном...» 17 сентября 1919 г., вспоминая «трудные — но и радостные — дни и месяцы конца 1917», писал Белому: «Только в Вас, и еще Блоке, нашел я поддержку, сочувствие, одномыслие» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998, с. 137, 183).

Е. Чириков — очерки «Ужасы Тверского бульвара», «Великий провокатор» [о Ленине], «Лакеи мыслей благородных» (Р. Вед., 8, 16, 30 ноября). В первом очерке говорилось: «Взошел на престол “ленинский социализм” и первым делом заткнул рот всем органам мысли». «Капралы социализма», сменившие «самодержавных капралов», «все рты заткнули кроме своих собственных! ... Даже “Русские ведомости” оказались органом “буржуев”! ... Газета, страницы которой в течение многих десятилетий украшались именами всего лучшего и яркого, что дала русская литература и общественная работа, именами Глеба Успенского, Михайловского, Каронина, Шелгунова, Льва Толстого...»

М. Горький — «К демократии» («Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия»); «В Москве» (о бойне между «советскими» и юнкерами); «Вниманию рабочих» («Раб догмы», Ленин «вводит в России социалистический строй по методу Нечаева», как «вождь» с «отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс», над которыми считает себя вправе

продельвать «жестокий опыт», обреченный на неудачу). Горький протестует против заключения в Петропавловскую крепость министров Временного правительства А.И.Коновалова, Л.В.Бернацкого, М.И.Терещенко, А.В.Карташева. На обвинение «Правды» (10 ноября) в том, что он «заговорил языком врагов рабочего класса» и вместе с «мещанами» «вопит о гибели Русского государства и культуры», — Горький отвечает: «Это — неправда», ибо он предупреждает против «разгрома и гибели», к которым ведет «бумажное творчество» декретов Ленина и Троцкого (Н. Жизнь, 7, 8, 10–12, 19 ноября).

З.Н.Гиппиус назвала статью «К демократии» «жалким лепетом»: «Весь Горький жалок, но и жалеть его — преступление» («Черные тетради», 7 ноября, альм. «Звенья». Вып. 2. М.; СПб., 1992, с. 20).

14 ноября Л.Андреев пишет С.С.Голоушеву: «Теперешние противу-большевистские статьи» Горького — «гносности», «в течение всей революции “Новая жизнь”, имея сотрудниками Троцкого и Луначарского, усердно призывала к погрому буржуазии, к миру, к вражде к союзникам, к братанию...» (Л.Андреев. S.O.S. М.; СПб., 1994, с. 202).

16 ноября В.Г.Короленко пишет дочери: «Горький в “Новой жизни” спохватился и теперь громит большевиков» (П.И.Негретов. В.Г.Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. М., 1990, с. 40).

В ноябре И.Г.Эренбург пишет из Москвы М.А.Волошину: «Самое ужасное началось после их победы. Безысходно как-то. Москва покалеченная, замученная, пустая. Большевики неистовствуют» («Звезда», 1996, № 2, с. 195).

В начале ноября только что избранный на II съезде Советов ВЦИК сделал попытку собрать в Смольном петроградскую литературно-художественную интеллигенцию. «Пришло всего 5–6 человек, и среди них — Вл.Маяковский» («Известия», 1937, 12 апр., Катаян, с. 135).

Вл.Короленко — статья «Прежде и теперь» (Вест. Полт. губ. общ. к-та, 7 ноября). «Если просто закрыть газету ненавистного направления, — то это будет произвол. Но если при этом обругать ее всякими крепкими словами, то это будет свобода...»

Вл.Короленко — статья «Голоса отрезвления» (Полт. День, 14 ноября). В связи с протестом рабочих типографии «Нижегородского листка» против закрытия газеты революционным большевистским комитетом: «Ленинский проект “свободы печати”,

предполагавший искоренение всей печати, кроме большевистской, своею смелостью превосходил самые безумные мечты царских ретроградов... В лице рабочих печатного дела голос самой жизни и в столицах, и в провинции властно сказал ленинцам: руки прочь».

13 ноября В.Г.Короленко записал в дневнике: «Трагедия России идет своей дорогой. Куда?.. Большевики победили и в Москве, и в Петрограде. Ленин и Троцкий идут к насаждению социалистического строя посредством штыков и революционных чиновников... Во время борьбы ленинский народ производил отвратительные мрачные жестокости... С арестованными обращаются с варварской жестокостью. У Плеханова (больного) три раза произвели обыск... Большевизм изолируется и обнажается в чистую охлократию» (Вл.Короленко. Дневник. 1917–1921. М., 2001, с. 36–37).

15 ноября в газете «Воля народа» напечатано стихотворение О.Э.Мандельштама:

*Когда октябрьский нам готовил временщик
Ярмо насилия и злобы,
И оцетинился убийца-броневик,
И пулеметчик низколобий —*

*Керенского распять потребовал солдат,
И злая чернь рукоплескала,—
Нам сердце на штыки позволил взять Пилат,
Чтоб сердце биться перестало!..*

А.В.Луначарский — «Сретение» («Известия», 17 ноября). Ликование по случаю явления «Симеона Богоприимца» — И.И.Ясинского, пришедшего в Зимний дворец, к наркому просвещения, «с мускулистыми и крылатыми» поздравительными стихами.

В ответ В.Г.Короленко написал статью «Торжество победителей» (Р. Вед., 3 дек.; перепечатана многими газетами в столицах и провинции). «В лице И.И.Ясинского в окровавленный пролом Зимнего дворца вползла к вам только старая рептилия, привыкшая извиваться перед всякой восходящей силой». «У большевизма очень “дурная пресса”. Материально он преуспел. В его руках сила, в его руках власть, в том числе власть над русской печатью, а сверхчеловеческая коренастая совесть позволяет ему пользоваться этой властью с такой беззастенчивостью, которой не знало даже царское правительство. Торжествующий большевизм не только закрывает “неблагонадежные” газеты, но еще

сажает писателей в тюрьмы за их “противоуправительственное направление”; он реквизирует типографии и бумагу независимых газет и отдает их своим официозам, он монополизировал в пользу официозов и рептилий частные объявления... Что ни день — под его ударами погибает какой-нибудь демократический орган печати... Это ли не могущество! Да, могущество, но не морального порядка. Русская печать не идет к новой власти с признанием и поклоном... Берегитесь же! Ваша победа — не победа. Русская литература... вся она, без различия партий, оттенков и направлений, — не с вами, а против вас. Горькие уходят, приходят Ясинские...»

17 ноября, в день появления статьи Луначарского «Сретение», А.Н.Бенуа записал: «...после всемилостивейшего рескрипта Луначарского на имя Жерома Ясинского (эта седовласая шушера с некоторых пор повадилась во дворец), я не верю в какое-либо толковое строительство под главенством блаженного Анатолия...» 18 ноября, при встрече с Луначарским, «дружески пожурил» его за «общее посмешище», которое он учинил своей статьей. «Этот, в сущности, пустяковый промах уронил его в глазах культурного общества больше, нежели все его прочие, с виду более серьезные оплошности» (А.Н.Бенуа. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003, с. 253, 256–257).

М.Горький откликнулся на статью Луначарского в цикле «Несвоевременные мысли»: «...Бестолковый А.В.Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации. Это значит пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат» (Н. Жизнь, 6 дек.).

В тот же день А.В.Луначарский писал Горькому: «...Прочел длиннейшую и сердитую статью Короленко... Мне было больно за него, что и он в этот страшный час в одном лагере с буржуазией, и мы с истинным огорчением говорили об этом с Серафимовичем... Ваш маленький полемический выпад мною причислен к другим в это трагическое не для одного меня время полученным мною свинским ударам» (Архив А.М.Горького).

18 ноября в «Русских ведомостях» появился «Протест В.Г.Короленко в защиту свободы печати» в связи с тем, что газета «Полтавский день» вышла с белыми страницами, где была набрана только одна фраза: «Редакция протестует против воскрешения политической цензуры». Этот номер, писал Короленко, «меня, старого писателя, всю жизнь отстаивающего свободу слова, побуждает к горячему протесту»: «Я спрашиваю: по какому праву это сделано и в чьих интересах? Ответ ясен: без всякого права и в интересах узкопартийных и односторонних... Это —

просто попытка одной партии наложить печать молчания на остальные, инакомыслящие и не разделяющие ее ожиданий».

19 ноября в Москве, в цирке Саломонского, состоялся многолюдный митинг в защиту свободы печати, сорванный большевиками, кричавшими: «Долой! К черту свободу печати!». «Митинг печати» превратился в «митинг печали» (Утро Рос., 21 ноября).

19 ноября Л. Андреев пишет С. С. Голоушеву, что в начале ноября «вся Россия еще пребывала в уверенности, что большевики — вздор и хлестаковщина, хотя и кровавая, но хлестаковщина. А что вышло?!» (Л. Андреев. S.O.S. М.; СПб., 1994, с. 204).

Н. Бердяев — «Была ли в России революция?» («Народоправство», № 15, 19 ноября). «В России никакой революции не было»; «большевистская революция» — это «трансформация старой русской тьмы». «Русские социал-демократы, ученики К. Маркса, признали солдатские штыки главным определяющим фактором исторического развития»; их поддержали все, кто не хотел воевать. «Русский народ не выдержал великого испытания войны».

В том же номере Г. И. Чулков (редактор журнала) внес поправку: «в мартовские дни революция у нас была», и «великий подвиг народа не умалится и не потускнеет», а сейчас происходит «самая подлинная и мрачная контрреволюция, не имеющая ничего общего ни с социализмом, ни даже с демократизмом».

В своем обзоре журнала «Народоправство» А. Блок записал об этой статье Бердяева: «...пишет многословно и талантливо, что революции никакой и не было, все — галлюцинация, движения в хаосе и анархии не бывает... Мораль: покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, необходим долгий труд цивилизации. Чулков спорит...» (т. 7, с. 411).

22 ноября в Петрограде вышел № 1 газеты «Слово в цепях» (орган трудовой народно-социалистической партии, редактор А. В. Пешехонов, издатель А. Б. Петрищев; вместо закрытой большевиками газ. «Народное слово») с телеграммой В. Г. Короленко: «Глубоко возмущен насилием, совершенным в лице Плеханова над истинными друзьями народа, не забывшими, что сила революции в возвышенных стремлениях человечности, разума и свободы, а не в разнуздании животных инстинктов вражды, произвола, насилия».

25 ноября в «Утре России» напечатана резолюция Союза писателей: «Руководствуясь заветами русской литературы, находясь вне классовых и вне партийных интересов, Союз писателей считает себя обязанным выразить уверенность, что угнетение печати... существующее в настоящее время, приведет нас не к торжеству интересов трудовых масс, а как раз наоборот — к духовному и материальному оскудению, на которое обрекало русский народ былое самодержавие». Резолюция содержала протест против ареста В.Л.Бурцева и других случаев «грубой расправы с писателями».

26 ноября в Петрограде, в кинематографе «Солейль», состоялся большой митинг в защиту свободы печати (председатель А.М.Калмыкова, выступали А.Н.Потресов, А.В.Пешехонов, Л.Г.Дейч, П.А.Сорокин, М.Н.Неведомский, Д.С.Мережковский, Ф.К.Сологуб и др. («Новая Речь», № 1, 28 ноября). В том же номере напечатана речь Мережковского «Упырь»: «В приказе об удушении печати Ленин признается с удивительной наивностью, что свобода слова для него опаснее, чем террористические бомбы, яд и кинжал... Ленин прав... Перед свободным словом, безоружным и беззащитным, он сам, со своими миллионами штыков, безоружен и беззащитен. Пока оно живо, он мертв. Или он, или оно — им вместе быть нельзя».

26 ноября в Петрограде вышла газета «Протест», выпущенная Союзом русских писателей в защиту свободной печати со статьями: В.Г.Короленко «Протест» (перепечатка из Р. Вед., 18 ноября), Вера Засулич («В России, прожившей 7 месяцев при полной свободе, свободное слово не будет убито. Ленину и Бонч-Бруевичу его не доконать»), А.Н.Потресов («Нет им [Ленину и Троцкому] прощения на суде истории. Проклятие будет нестись вдогонку их исчезающим теням во веки веков»), Ф.Сологуб («Но ты опять, растоптанное слово, Бессмертное, свободное живешь, И мщение готовишь ты сурово, И стрелы смертоносные куешь...»), Д.Мережковский, З.Гиппиус, Е.Замятин и др.

26 ноября З.Н.Гиппиус сделала запись в «Черных тетрадах»: «Газета “День” превратилась в “Ночь” — после первого закрытия; в “Темную Ночь” — после второго; вышла “Полночь” — после третьего. После четвертого — “В глухую ночь”, а потом совсем захлопнули. Сегодня вышла однодневная газета — писателей, а днем был митинг. Протест против удушения печати. Говорили многие: Дейч, Пешехонов, Мережковский, Сологуб...

Горький не приехал, сославшись на болезнь» (альм. «Звенья». Вып. 2. М.; СПб., 1992, с. 23).

20 декабря «Известия» сообщили об организации при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов «Комиссариата по делам печати» для борьбы с «разного рода ложными сообщениями и слухами».

21 декабря в петроградской газете «Наш век» помещено письмо А.В.Пешехонова, от редакции «Русского богатства»: «Пресловутый “декрет об объявлениях” ставит журналы «в почти безвыходное положение», «грозит прямо гибелью», так как лишает их возможности дать объявления о собственной подписке на 1918 год.

В конце декабря 2-я Всероссийская конференция союзов рабочих-печатников приняла воззвание «Ко всем рабочим России»: «...Во тьме кромешной страны, лишенной свободы печати, когда слышен лишь голос правящей партии — рабочий класс не только не может найти правильный путь дальнейшей борьбы, он даже не может знать, что делает эта правящая партия от его имени... Такая власть не только не может привести рабочий класс к социализму; она может привести его к гибели, к новому рабству, и широкая масса рабочих узнает об этом лишь тогда, когда ничего нельзя будет сделать» («Наш век», 31 дек.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
АЛЬМАНАХОВ И СБОРНИКОВ

- А.Ар. — 14
А.Г.-в — 167
А.К. — 271, 312
А.П.-в — 351, 396
«Из размышлений о современной культуре» — 396
«О художественном творчестве Горького» — 351
А.С. — 448, 484, 509, 527, 528, 588
А.Ч. — 208
Абельдяев Д.А. — 203
Абельсон-Осипов И.О. — 60
Абрамович В.Я. (Ленский Вл.) — 52
«Трагедия брака (За счастьем)» — 52
Абрамович Н.Я. (А-вич Н., Н.А., Калмин Н.) — 65, 76, 82, 318, 429, 502, 525
«Засилье средней радикальщины» — 502
Аверченко А.Т. — 27, 33, 52, 55, 95, 154, 512
«Круги по воде» — 95
«Одесские рассказы» — 55
«Рассказы» — 27
«Юмористические рассказы» — 52
Аверьянов М.В. — 459
Авилова Л.А. — 322
«Осеннее» — 322
Авраамов А.М. — 430, 560, 591
«Искусство в свете революции. Машине — дорогу» — 591
«Искусство в свете революции. На улице» — 560
«Скрябин» — 430
«Авто в облаках» (сборник) — 419
Агтеев К.М. — 289
Адамов А. (Блум А.А.) — 184
Адамов Е. (Френкель Е.А.) — 344, 430
Адамович Г.В. — 450, 471, 511
«Облака» — 450
Аджемов М.С. — 257, 552
Адрианов С.А. — 10, 21, 24-26, 29, 51, 103, 105, 109-111, 120, 123, 129, 142, 144, 155, 158, 160, 162, 169, 171, 174, 176, 183, 262, 263, 343, 355, 370, 378, 391, 490
«Критические наброски» — 158, 391
Азеф Е.Ф. — 148, 574
Азов В. (Ашкинази В.А.) — 22, 33, 55, 154
«Цветные стекла» — 55
Айзман Д.Я. — 73, 81, 105, 152, 160, 188, 206, 243, 253, 254, 257, 268, 342, 575, 582, 590
«Два врага» — 206
«Душные дни» — 105
«После бури» — 73
Айхенвальд Ю.И. (Ю.А.) — 57, 86, 95, 125, 127, 136, 141, 142, 163, 196, 207, 232, 234, 239, 245, 249, 250, 294, 323-325, 346, 369, 370, 377, 394, 396, 407, 423, 425, 426, 437, 449, 456, 457, 466, 467, 475, 478, 481, 484, 485, 487, 496, 508, 517, 518, 528, 546, 582
«Литературные наброски» — 245
«Неоприятность» — 407
«О гр. Ал.Н.Толстом» — 508
«Отрицание театра» — 294, 518
«Певец сухого моря» — 377
«Силуэты русских писателей» — 249, 250, 582
«Слова о словах» — 518
«Спор о Белинском. Ответ критикам» — 250
Аксаков И.С. — 271, 328
Аксаков К.С. — 328
Аксенов И.А. — 205
«О современном искусстве» — 205
Алданов М. (Ландау М.А.) — 362, 421, 429
«Толстой и Роллан» — 362, 421
Александр III — 140, 141, 360, 470
Александров А.А. — 284, 295, 325
«Любовь современного интеллигента» — 295
Александров А.Д. — 551
Александрович Н. — 240
Александровский В.Д. — 309
Алексеев Н.Н. — 113, 567
«Опыт построения философской системы на понятии хозяйства» — 113
Альбов М.Н. — 145

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Альманах муз» — 503
Альтман Н.И. — 384, 404, 409, 465,
516, 517
«Альциона» (альманах) — 103, 104,
113, 120, 123–125, 135, 136, 147,
151, 165, 167, 196, 200, 215, 226,
316
Амфитеатров А.В. — 7, 8, 11, 13, 32,
40, 43, 52–54, 56, 60, 67, 89, 128,
129, 131, 132, 142, 152, 154, 159,
167, 185, 197, 205, 225, 230, 237,
242, 250, 252, 253, 258, 265, 277,
287, 305, 316, 342, 361, 437, 470,
489, 500, 514, 515, 524, 541, 564,
565, 577, 591
«Восьмидесятники» — 89
«В стране любви» — 40
«Девяностые» — 89
«Закат старого века» — 8, 89
«Заметка» — 287
«Зверь из бездны» — 56
«Жар-Цвет» — 40
«Княжна» — 40
«Концы и начала» — 89
«Марья Лусьева за границей» — 52
«О кинематографе» — 132
«Отрезвленная совесть» — 40
«Человек, которого жаль» — 316
«Этюды» — 524
Андерсон В.А. — 255
Андреев Л.Н. (Л.А., И. Чегодаев) — 13,
19, 20, 28, 32, 33, 37, 38, 43, 56,
60, 65, 77, 82, 88, 93–96, 98, 105,
106, 108, 126–128, 132, 137, 138,
140, 148, 153–155, 160, 169, 180–
183, 188, 189, 191, 192, 194, 197,
199, 207, 209–211, 214, 216, 218,
250, 252, 254, 258, 262, 265, 268,
269, 278, 279, 281, 284, 294, 305,
306, 317, 318, 320, 321, 327, 336,
337, 342–344, 346, 347, 352, 356,
357, 359, 366, 372–374, 376, 378,
381, 382, 392, 396, 397, 400, 403,
413–415, 417, 420–422, 427–429,
432, 434, 439, 441, 454, 455, 465–
468, 472, 476, 483, 484, 486, 489,
490, 499, 500, 501, 504, 507, 514–
516, 519, 522–525, 528–533, 535,
536, 543, 549, 555, 557, 562, 564,
570, 581, 583, 590, 596, 603, 606
«Административный восторг» —
216
«Анатэма» — 32, 252, 258, 318
«Англия» («Боже! Сохрани Анг-
лию!») — 441
«Анкета об евреях» — 372
«Бельгия» — 382
«В защиту критики» — 428
«Во имя революции» — 583
«Вопрос» — 590
«Воскресение всех мертвых (Меч-
та)» — 284
«Восхождение» — 342, 343
«В сей грозный час» (статья) —
356
«В сей грозный час» (сборник) —
392
«Гибель» — 549
«Горе побежденным» — 515
«Екатерина Ивановна» — 182, 183,
207, 218
[«Елеазар»] — 318
«Жизнь Человека» — 515
«За полгода до смерти» — 77
«Земля» — 191
«Знаменательный юбилей» — 530
«Иго войны» — 483
«Изгнанные из храма» — 413
«Ипатов» — 67
«И снова рыцари на час» — 557
[«Иуда Искариот»] — 318
«Картина Петрова-Водкина» — 531
«К любящим Родину» — 570
«Король, закон и свобода» — 343,
357, 483
«Красный смех» — 356
«К тебе, солдат!» — 570
«“Летопись” и мемуары Шалапи-
на» — 523
«Милые призраки» — 507, 528,
529, 562
«Младость» — 400, 466
«Мои записки» — 427, 428
«Монумент» — 522
«Мысль» — 305, 320, 321
«Надсмертное» («Полет») — 284
«Негодий» — 88
«Неосторожные мысли. О Горь-
ком» — 515
«Нерукотворный образ» — 382
«Нет смерти для того, кто любит
родину» — 372
«Не убий» («Каннова печать») —
252, 278, 279 (пьеса)
«О “Двух душах” М. Горького» —
432

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Океан» — 32
«Он (Рассказ неизвестного)» — 209
«Орешек» — 88
«Открытое письмо г.г. членам Государственной думы» — 514
«Памяти погибших за свободу» — 536, 562
«Первая ступень. О еврейском вопросе» — 378
«Перед задачами времени» — 519
«Печаль наших дней» — 504
«Письма о войне» — 347
«Письма о театре» — 209, 250, 262, 278—279, 294
«П. Н. Миллюков» — 557
«Победа разума» — 549
«Покой» — 43
«Полет» (сборник) — 476, 581
«Правила добра» — 98
«Призыв» — 549
«Профессор Сторицын» — 181—183, 199, 207
«Пусть не молчат поэты!» — 413, 414, 434
«Путь красных знамен» — 536
«Раненый» — 373
«Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы!» — 13
«Реквием» — 515, 562
«Сашка Жегулев» — 93—96
«Сказочки не совсем для детей» — 88
«Скоморох революции» — 583
«Слухи» — 515
«Смерть Гулливера» — 19
«Состязание с Орфеем» — 427
«Стена» — 352
«Тот, кто получает пощечины» — 417, 468
«Три ночи. (Сон)» — 284
«Тьма» — 199
«Убийцы и судьи» — 549
«Фальшивый рубль и добрый дядя» — 88
«Царь-Голод» — 94, 343
«Цветок под ногою» — 88
«Цели войны и задачи Временного правительства» — 536
«Цензура» — 536
«Черные маски» — 515
«Caudeamus» — 106
«Veni, creator» — 583
Андреев Н. А. — 77
[Андреева А. И.] — 336 (Анна)
Андреева М. Ф. — 539
Анисимов Ю. П. — 234
Анисфельд Б. И. — 32
Аничков Е. В. — 58, 72, 115, 155, 156, 218, 268, 286, 289, 296, 346, 429
«Белые павлины нашей скуки» — 155
«Коллективизм, сверхчеловечество и сверхлюбовь» — 156
«Новый театр без новой драмы» — 218
Анненков Ю. П. — 347, 478, 516, 517
Анненский И. Ф. — 4, 9, 57, 58, 67, 90, 122, 123, 136, 153, 240, 241, 292, 311, 346, 356, 446, 450, 503, 507
«Если любишь — гори!» — 503
[«Посмертные стихотворения Инокентия Анненского»] — 9
«Фамира Кифаред» — 240—241 (пьеса), 507
«Что такое поэзия» — 57
«Эстетика “Мертвых душ” и ее наследье» — 67
Анненский Н. Ф. — 118, 119, 130, 148, 460
Антид Ото — 140
«Талантливый малый» — 140
«Антология» (сборник) — 51, 52 (книга)
Антоний, митрополит — 85
Антонович М. А. — 243
Антоновский Ю. М. — 66
Анучин В. И. — 114
Алехтин А. Н. — 44, 419
Арабакин К. И. — 304, 529
Аракчеев А. А. — 406, 515
Арбузов П. (П. А.) — 192
Аргутинский-Долгоруков В. Н. — 538, 560
Ардов Т. — см. Тардов В. Г.
Аренс В. Е. — 499
Арефин С. Я. — 564
Арманд И. Ф. — 323
Арсеньев К. К. — 176, 306, 341, 381, 433
«Пятидесятилетие “Вестника Европы”» — 433
Арский Р. (Берлинраут Л. Я.) — 396
Архипов А. Е. — 341, 361, 549
Архипова Н. С. — 8, 12

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Аришбашев М.П. — 29, 30, 73, 96,
109, 110, 125, 128, 140, 142, 174,
188, 192, 194, 199, 207, 234, 259,
268, 280-282, 323, 342, 346,
352, 356, 361, 374, 375, 380, 413,
436, 437, 456, 484, 486, 509, 525,
588
«Война» — 361
«Враги» — 509
«Деревянный чурбан» — 174
«Женщина, стоящая посреди-
не» — 436
«Записки писателя» — 588
«Мститель» — 234
«О ревности» — 199
«Раба» — 484
«Ревность» — 280-282
«Санни» — 29, 110, 125, 259, 281,
437, 456
«Сильнее смерти» — 142
«Смерть Ланде» — 259
«Рассказ об одной пощечине» —
323
«У последней черты» — 73, 96,
109, 110, 125, 259, 281
Асеев Н.Н. — 234, 293, 301, 321,
330, 349, 363, 399, 409, 410, 412,
436, 452, 462, 491, 518
«Легорей» — 409, 410
«Ночная флейта» — 301
«Оксана» — 518
Аскольдов С.А. (Козлов С.А.) — 29,
35
«Русское "богоискательство" и
Вл. Соловьев» — 35
Аспиз Е.М. — 281
Астров С.Г. — 206
Атава (Терпигорев) С.Н. — 109, 405
Ауслендер С.А. — 14, 22, 24, 26, 27,
82, 97, 174, 232, 233, 387, 388,
403
«Книга злости» — 387
Афанасьев Л.Н. — 148
Ахматова А.А. — 4, 20, 38, 39, 68, 79,
82, 93, 112, 122, 123, 147, 158,
189, 194, 202, 206, 210, 221, 229,
255, 256, 269, 274, 275, 284, 295,
303, 309-311, 331, 333-336, 340,
349, 356, 358, 363, 382, 404, 414,
428, 434, 435, 437, 438, 442, 450,
471, 479, 502-504, 516, 521, 546,
567, 594
«Александру Блоку» — 284
«Белая ночь» — 334
«Белая стая» — 594
«Бессонница» — 202
«Бесшумно ходили по дому...» —
356
«Бисерным почерком пишете,
Lise...» — 256
«Ведь где-то есть простая жизнь и
свет...» — 442
«Вечер» — 4, 122, 123, 310, 311,
404
«В лесу» — 38
«Вновь подарен мне дремотой...» —
521
«Воспоминания» — 428
«Восьмистишья» — 274
«Выбрала сама я долю...» — 428
«Где, высокая, твой цыганенок» —
334
«Георгию Иванову» — 256
«Дама в лиловом» — 331
«Долго шел через поля и села...» —
414
«Есть в близости людей заветная
черта...» — 414
«Звенела музыка в саду...» — 256
«И жар по вечерам, и утром вя-
лость...» — 295
«Из памяти твоей я выну этот
день...» — 503
«Июль 1914» — 340
«Как белый камень в глубине ко-
лодца...» — 521
«Как невеста получаю...» — 428
«Как раненого журавля» — 382
«Косноязычно славивший ме-
ня...» — 256
«Майский снег» — 521
«Мне больше ног моих не на-
до...» — 38
«Муза ушла по дороге...» — 503
«Над водой» — 38
«Нам свежесть слов и чувства про-
стоту...» — 442
«Не будем пить из одного стака-
на...» — 256
«Не искал меня, не славил...» —
442
«Не мучь меня больше, не
тронь...» — 414
«Нет, царевич, я не та...» — 414
«Они летят, они еще в дороге...» —
521

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Ответ (гр. В.А.Комаровскому)» — 479
«От счастья я не исцеляю» — 335
«Первый луч — благословенье Бога...» — 521
«Перед весной бывают дни такие...» — 442
«Под крышей промерзшей пустого жилья» — 503
«Подошла я к сосновому лесу» — 356
«Самые темные дни в году...» — 442
«Сероглазый король» — 38
«Сколько раз я проклинала...» — 414
«Слаб голос мой. Но воля не слабеет» — 300
«Смятение» — 206
«Стал мне реже снится» — 331
«Старый портрет» — 20
«Так много камней брошено в меня...» — 356
«Три восьмистишия» — 331
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» — 295
«Ты мне не обещаешь ни жизнью, ни Богом...» — 503
«У меня есть улыбка одна...» — 256
«У самого моря» — 382
«Утешение» — 340
«Шаркосельская статуя» — 521
«Четки» — 147, 309–311, 334, 404, 594
«Что ты видишь...» — 256
«Широк и желт вечерний свет...» — 428
«Я знала, я снюсь тебе...» — 479
«Я знаю, ты моя награда...» — 479
«Я научилась просто, мудро жить» — 202
«Я улыбаться перестала...» — 479
Ачкасов А.Н. — 235
Ашешов Н.П. (Ник.Аш., А.О., Ожигов А.) — 64, 108–110, 121, 142, 143, 154, 161, 168, 180, 188, 190, 192, 209, 213, 220, 221, 223, 225, 226, 228, 233, 239, 260, 263–265, 270–273, 280, 281, 313, 323, 328, 329, 369, 374–377, 380, 382, 383, 387, 395, 396, 398, 400, 402, 403, 406, 408, 411, 423, 434, 458, 460, 464, 483, 487, 564
«Беллетристика правого стана» — 270, 271
«Вместо демона — лакей (В.В.Розанов)» — 226
«Вместо обзора» — 188
«В низах хамства» — 265, 272
«В узком русле» — 380
«Жуткая явь» — 458
«Кризис интеллигенции и недавние бури» — 395, 396
«Литература, молчание и барабаны» — 434
«Литературные мотивы» — 263
«Литературные отражения» — 403
«На бранной лире» — 375, 376
«О беллетристической мобилизации» — 411
«О “Зеленом кольце”» — 374
«Отцы и дети. Роман на почве религиозных исканий» — 408
«Позорная глубина» — 406
«Романы пореволюционного краха» — 464
«Траур петроградской богемы» — 382, 383
«Усталая жизнь (О произведениях А.С.Серафимовича)» — 377
«Черные кошмары» — 328
Ашукин Н.С. (Новникий Н.Н.) — 122, 124, 200, 214, 311, 373
«Валерий Брюсов» — 373
«Мир женщины» — 311
«Современные женщины-поэты» — 122, 124, 200, 214
Б.С. — 281
Бабель И.Э. — 505
«Мама, Римма и Алла» — 505
«Эля Исаакович и Маргарита Прокофьевна» — 505
Бабореко А.К. — 81
«Бунин: Жизнеописание» — 81
Багдасарян И.С. — 4
Багрицкий Э.Г. (Воскресенская Н.) — 402, 419
Базаров (Руднев) В.А. — 429, 430, 472, 482
«Единство культуры и национализм» — 430
«Заколдованное царство» — 472, 482
Байрон Д. — 134, 386
Бакст Л.С. — 172, 473, 527

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Бакунин М.А. — 367, 500, 501, 543
Балашов — 227
Бальер А. — 211
 «Аполлон будничный и Аполлон
 чернявый» — 211
Балтрушайтис Ю.К. — 40, 53, 54, 56,
66, 136, 158, 159, 192, 194, 217,
230, 326, 328, 390, 427, 445, 450,
494, 512, 537, 546, 566
 «Горная тропа» — 136, 158
 «Земные ступени» — 41
 «1-е марта» — 537
 «Привет Родине» — 537
Бальмонт К.Д. — 10, 12, 16, 35, 46,
48, 52, 54, 55, 82, 93, 96, 102,
103, 112, 115, 116, 118, 125, 134,
154, 158, 159, 161, 170, 189, 194,
205, 210, 211, 222, 225, 226, 230-
232, 245, 266-268, 273, 292, 304,
329, 330, 334, 346, 348, 349, 385,
387-389, 391, 393, 397, 413, 417,
422, 438, 445, 456, 481, 488, 491,
494, 507, 512, 513, 515, 517, 519,
527, 536, 543, 546, 548, 550, 552,
566, 568, 575, 582, 583, 590, 594
 «А теперь» — 583
 «Белый зодчий» — 329, 330, 334
 «Благовест боя» — 348
 «Благовестие» — 536
 «Боевым орлам» — 583
 «Будем как солнце» — 226, 456
 «Весенний клич» — 536
 «Ворожба месяца» — 590
 «Вращенье колеса» — 583
 «Генералу Л.Г.Корнилову» — 590
 «Горящие здания» — 115, 226, 456
 «Да здравствует Россия, свободная
 страна!» — 543
 «Единение» — 536
 «Забывший себя» — 232
 «Зарево зорь» — 102, 103, 116,
 158
 «Звук из пожара» — 590
 «Край Озириса. Египетские очер-
 ки» — 273
 «Круглый год» — 266
 «К обезумевшей» — 583
 «Мать» — 348
 «Москва, 2 марта 1917 года» —
 536
 «Он и она (Венок сонетов)» — 575
 «Последний клич» — 590
 «Поэзия как волшебство» — 304,
 445
 «Поэт внутренней музыки» — 507
 «Псалом Земли» — 389
 «Слава народу» — 536
 «Слово о Польше» — 488
 «Собрание лирики. Книга 4-я» —
 594
 «Солнечная утроя» — 583
 «Сонеты» («Рождение любви»,
 «Полная чаша», «Цветок люб-
 ви», «Люби») — 512
 «Сонеты солнца, меда и луны (Пес-
 ня миров)» — 568
 «Три меры» — 583
 «Удел Крылатых» — 548
 «Час расплаты» — 583
 «Этим летом» — 583
 «Ясень» — 456, 519
Банг Г. — 34
Барабанов Е.В. — 49
Баранцевич К.С. — 111, 152, 191
Баратынский Е.А. — 124, 134, 488
Бартенев А. (Альвинг А.А.) — 116,
136, 165
 «О Бальмонте» — 116
Бартенев П.И. — 240
Бархин К.Б. (Б-н К.) — 511, 526
 «Новые слова Бунина» — 526
Басаргин А. (Введенский А.И.) — 19,
21, 99, 126, 137, 138, 160
 «Партийные и положительные
 задачи» — 138
Баткин — 557
Батюшков Ф.Д. — 23, 115, 132, 171,
183, 195, 218, 247, 269, 306, 346,
381, 386, 387, 391, 399, 418, 494,
501, 506, 540, 560, 561
 «Ближайшие задачи государствен-
 ных театров» — 561
 «Бытовое» — 418
 «В походе против драмы» — 171
 «Гастроли Московского Художест-
 венного театра» — 183
 «Дилетант философии» — 501
 «Поэзия "народа-художника"» —
 494
Бах И.-С. — 448
Башилов М.С. — 77
Башкин В.В. — 31
Баян В. — см. Сидоров В.И.

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Бедный Д. (Придворов Е.А.) — 32, 38, 89, 131, 178, 199, 251, 276, 522, 536, 549, 557, 563, 576, 583
«Атаманская нагайка» — 557
«Барыня» — 557
«Басни» (сборник) — 199
«Бесы» — 251
«Братание после смерти» — 557
«Его величество капитал» — 557
«Заем» — 563
«Их лозунги» — 89
«Как у питерских господ» — 557
«Контрразведчик» — 563
«Кочующие дармоеды» — 557
«Либердан» — 576
«О Демьяне Бедном, мужике вредном» — 38
«Приказано, да правды не сказано» — 576
«Про землю, про волю, про рабочую долю» — 549
«Социал-запки» — 583
«Страдания следователя» — 583
«Сытые и голодные» — 178
«Чужое и свое» — 576
- Безант А. — 204
- Бейлис М.М. — 82, 256, 257, 259, 264, 265, 276–278, 289, 302
- Беленсон А.Э. — 378, 452, 493
- Белинский В.Г. — 44, 57, 140, 170, 249, 301, 375, 384, 391, 406, 426, 427, 477, 485
- Белкин В.П. — 195
- Белозеров А.А. — 16
«Стихотворения лирические» — 16
- Белусов И.А. (И.Б-усов) — 41, 81, 83, 91, 157, 184, 257, 277
- Белый А. (Бугаев Б.Н., Яновский) — 3, 8, 10, 16, 36, 45, 50, 51, 52, 55, 58, 62, 70, 77, 82, 89, 96, 97, 100, 101, 105, 107, 116, 117, 132, 139, 146, 147, 149, 156, 157, 159, 164, 165, 167, 170, 172, 181, 193, 205, 228, 235, 246, 252, 255, 261–264, 276, 279, 280, 282, 292, 293, 307, 312, 313, 315, 350, 363, 388, 450, 451, 461, 473–475, 479, 483, 489, 492, 501, 511, 512, 514, 515, 524, 525, 530, 542, 545, 550, 562, 565, 566, 573, 580, 581, 592, 595, 596, 602
«Арабески. Книга статей» — 36, 205
- «Горизонт сознания» — 461
«Гремящая тишина» — 461
«Десять лет “Северных цветов”» — 55
«Драма жизни» — 501
«Драматическая симфония» — 132
«Египет» — 147
«Жезл Аарона» — 524, 580
«Ибсен и Достоевский» — 36
«Искра» — 562
«Котик Летаев» — 479, 511, 512, 550, 580, 581
«Кризис жизни» — 461
«Кризис сознания и Генрик Ибсен» — 36
«Круговое движение» — 156, 157
«Лев Толстой» — 8
«Лев Толстой и культура» — 101
«Линия, круг, спираль символизма» — 156
«Луг зеленый» — 36
«Мертвые города» (очерк) — 492
«Мы — ослепленные, пока в душе не вскроем Иных миров знакомое зерно...» — 492
«“Нечаянная радость”» — 36
«Об “идейном искусстве” и “презрительном Терсите”» — 89
«Обломки миров» — 36
«О журавлях и синицах» — 116
«О злободневном и вечном» — 485
«О символизме» — 116, 132
«Петербург» — 3, 105, 172, 261, 276, 279, 280, 282, 312, 313, 363, 473, 474, 483, 512
«Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии» — 492
«Поэзия Блока» — 491
«Природа» — 471
«Пройдем и мы...» — 479
«Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» — 488
«Революция и культура» — 595
«Серебряный голубь» — 62, 228, 263, 313, 473
«Символизм» — 36, 498
«Символизм как мипропонимание» — 36
«Современные немцы» — 479
«Творчество мира» — 530
«Театр и современная драма» — 36

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Товарищу» — 492
«Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» — 77
«У немецкой границы» — 471
«Фридрих Ницше» — 36
Бельгард А. В. — 19
Бельмонт Л. — 365
«Валерию Брюсову» — 365
Бельский С. — 429
«Русское общество для прославления евреев» — 429
Беме Я. — 113
Бенкендорф А. Х. — 251
Бенуа А. Н. — 23, 78, 80, 82, 91, 141, 158, 171, 173, 181, 182, 207, 221, 222, 251, 292, 347, 357, 376, 404, 422, 428, 444, 455, 465, 473, 496, 500, 501, 506, 516, 523, 528, 531, 535, 537-542, 552, 553, 559, 560, 563, 605
«Выставка “Современной русской живописи”» — 516
«Выход искусства на улицу» — 560
«Две выставки» — 158
«Елка» — 428
«Закрепощение художественных сокровищ» — 563
«За “Мир искусства”» — 455
«Иконы и новое искусство» — 221, 222
«Кубизм или куклинизм» — 173
«Мой дневник. (1916-1917-1918)» — 496, 500, 501, 506, 528, 531, 535, 540, 542, 553, 605
«Направление русской архитектуры» — 422
«О кинематографе» — 523
«О “розни среди художников”» — 465
«Петербург или Петроград» — 537
«По поводу “еврейской выставки”» — 473
«Последняя футуристическая выставка» — 444
«Продолжение спора об архитектуре» — 422
«Революция в художественном мире» — 539
«Речь Арлекина» — 207
«“Сверчок” на сцене “Студии”» — 376
«Трудно ли?» — 221, 222
«Художественные письма» — 78, 141, 221, 222
«Художественный спор» — 539
Бергер Х. — 455
«Потоп» — 455
Бергсон А. — 18, 86
«Время и свобода воли» — 18
«Материя и память» — 86
Бердслей О. — 379
Бердяев Н. А. — 23, 28, 29 (автор), 48, 101, 113, 117, 150, 292, 307, 327, 344, 345, 353, 359, 360, 366, 367, 381, 384-386, 394, 401, 431, 469-472, 474, 477, 489, 490, 505, 542, 550, 555, 567, 568, 570, 575, 577, 579, 582, 584, 592, 593, 606
«Азиатская и европейская душа» — 431
«Апофеоз русской лени» — 469
«Астральный роман» — 474
«Была ли в России революция?» — 606
«Ветхий и новый завет в религиозном сознании Л. Толстого» — 101
«В защиту социализма» — 567
«Возможна ли социальная революция» — 582
«Демократия и иерархия» — 592
«Душа России» — 394
«Контрреволюция» — 568
«Кто виноват?» — 579
«Народническое и национальное сознание» — 579
«Народы и классы в русской революции» — 582
«О буржуазности и социализме» — 567
«Объективные основы общечеловечности» — 592
«О “вечно бабьем” в русской душе» — 353
«О “Двух тайнах” Мережковского» — 386
«Омертвевшее предание» — 385
«О свободе и достоинстве слова» — 592
«Очарования отраженных культур» — 477
«Патриотизм и политика» — 584
«Пикассо» — 307
«Правда и ложь в общественной жизни» — 570

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Психология переживаемого момента» — 555
- «Свободная церковь и собор» (статья) — 577
- «Свободная церковь» (брошюра) — 577
- «Свободный народ» — 567
- «Смерть и Воскресение» — 471
- «Смысл творчества» — 469, 470
- «Ставрогин» — 327
- «Типы религиозной мысли в России. Возрождение православия» — 113, 505
- «Типы религиозной мысли в России. Новое христианство» — 386, 490, 505
- «Типы религиозной мысли в России. Теософия и антропософия. Духовное христианство. Сектантство» — 505
- «Торжество и крушение народничества» — 570
- «Философия свободы» — 28, 29 (книга)
- «Футуризм на войне» — 345
- «Эпигонам славянофильства» — 359, 360, 367
- Березин П. — 353
- Беренштам В. — 358
- «Война и поэты» — 358
- Берман Д.А. — 18
- «Корней Чуковский. Библиография» — 18
- Бернацкий Л.В. — 381, 429, 522, 603
- Бернер Н. — 122, 124, 151, 333, 387
- Берсенов В. — 458
- «О молодых» — 458
- Берсенов И.Н. — 453
- Бестужев А.А. — 179
- Бетховен Л. ван — 31, 448
- Бибик А.П. — 168, 189, 313, 314, 443
- «К широкой дороге» — 168, 313, 314
- Билибин И.Я. — 538
- Бирюков П.И. — 9, 50
- Благосветлов Г.Е. — 217
- Бланк Р.М. — 63
- Блинов В.В. — 425
- Блок А.А. — 5, 6, 8, 12, 16, 23, 30, 36, 45–48, 51, 52, 61, 68, 70–72, 74–76, 78, 79, 82–84, 90, 91, 93, 96–98, 100–102, 106, 112, 114–118, 120, 122, 124, 128, 129, 133, 134, 138, 139, 146, 150, 152, 154, 157–159, 165, 168, 170, 172, 173, 176–178, 181, 184, 189, 193, 200–202, 210, 211, 213, 215–217, 226, 244, 247, 248, 252, 261–264, 266, 268, 269, 273, 275, 276, 282, 284, 285, 288, 292, 293, 295, 299, 301, 303, 308, 311, 312, 315, 319, 320, 325, 328, 333, 336, 340, 343, 345, 347, 348, 350, 352, 355, 356, 364, 365, 373, 374, 378, 381–383, 387–390, 395, 397, 398, 401, 403, 408, 410, 414, 416, 420, 421, 425–428, 430, 431, 438, 440, 442, 443, 450, 452, 459–463, 470, 471, 481–483, 485, 486, 488, 491, 492, 494, 515, 519–522, 527, 543, 550, 552, 554, 558, 564–566, 569, 572, 575, 577, 592, 594, 596, 602, 606
- «Авиатор» — 128
- «Анне Ахматовой» — 284
- «Антверпен» — 345
- «Балаганчик» — 319, 320, 482
- «Без слова мысль, волнение без названия» — 168
- «Белая ночь» («В небе день, всех ночей суеверней...») — 303
- «Белое знамя» (цикл: «Наступает пора небывалая...», «Я не предал белое знамя...») — 355
- «Божье дитя» — 373
- «Боец» — 470
- «Борису Садовскому» — 216
- «Была пора — в твоих глазах...» — 325
- «Валерию Брюсову» — 216
- «В голодной и большой неволе...» — 303
- «В дали мигнул огонь вечерний...» — 461
- «Весна» — 389
- «Ветер» («Дикий ветер стекла гнет...») — 470
- «Ветер налетит, завоюет снег...» — 216
- «Возмездие» — 96, 319, 355, 427, 520, 521
- «Ворожба» — 470
- «В полоборота ты встала ко мне...» — 303
- «В предзакатные часы...» — 305
- «В пути — глубокий мрак...» — 470

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Все, что в море покоит волну...» — 488
- «В сумерки девушку стройную...» — 461
- «Всю зиму мы плакали...» — 452
- «В фантазии рождаются порою...» — 389
- «В часы вечернего тумана...» — 325
- «Голубое» («Война горит неукротимо...») — 364
- «Двойник» — 414
- «Девушке» («Милая девушка, что ты колдуешь...») — 442
- «Действо о Теофиле» — 482
- «Демон» — 527
- «Дождик» («На улице дождик и слякоть...») — 470
- «Есть времена, есть дни, когда...» — 364
- «Есть игра: осторожно войти...» — 295
- «Есть минуты, когда не тревожит...» — 176
- «Есть много песен в светлых тайниках...» — 325
- «Женщина (Памяти Августа Стриндберга)» — 381
- «Жизнь без начала и конца...» — 319
- «Забывшие тебя» — 428
- «Завтра с первым лучом...» — 373
- «За горами, лесами...» — 522
- «Земное сердце стынет вновь...» — 381
- «Знак» («Не утоленная кровавыми струями...») — 364
- «И вновь — порывы юных лет...» — 216
- «Измучен бурей вдохновенья...» — 492
- «Искусство и газета» — 176, 177
- «Испанке» — 303
- «Испытанный, стою на грани...» — 470
- «И страшно, и легко, и больно...» — 303
- «Итальянские стихи» — 71, 72, 325
- «Ищи разгадку ожиданий...» — 461
- «Как старинной легенды слова...» — 485
- «Как тяжело ходить среди людей...» — 340
- «Как тяжело мертвецу среди людей» — 168
- «Кармен» — 355
- «К Музе» — 266
- «К ногам презренного кумира...» — 355
- «Когда замрут отчаянье и злоба...» — 348
- «Королевна» — 364
- «Король на площади» — 482
- «Кольцо существованья тесно...» — 340
- «Коршун» — 470
- «Кто меч скуёт...» — 319
- «Кто плачет здесь?» — 178
- «К чему бесцельно охранять...» — 403
- «Мадонна» («В венецианской церкви темной...») — 442
- «Миры летят...» — 201, 210
- «Моей сестре» — 319, 389
- «Мой бедный, мой далекий друг» — 216
- «Молитва» («Мой путь страстями затемнен...») — 442
- «Мчит меня мертвая сила...» — 395
- «Мысли мои утопают в бессилии...» — 470
- «Мы шли заветною тропкою» — 403
- «Наваждение» — 210
- «На войну» («Петроградское небо mutilось дождем...») — 340
- «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошленном...») — 20
- «На паперти храма» — 178
- «На поле Куликовом» — 71, 72
- «Напрасно я боролся с Богом...» — 325
- «Наступает пора небывалая...» — 355
- «Не жди последнего ответа...» — 325
- «Не знавший страха...» — 319
- «Незнакомка» (пьеса) — 319, 482
- «Неотступное» («Ты — буйный зов рогов призывных...») — 355
- «Непонимание или нежелание понять?» — 176 (ответ), 177
- «Нет ни слезы, ни дерзновения...» — 452
- «Нечаянная радость» — 83, 102

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Но песня — песнью всё пребудет...» — 319
- «Ночные часы» (цикл) — 51
- «Ночные часы» (сборник) — 71, 72
- «Ночь, улица, фонарь, аптека...» — 303
- «Ну что же? Устало заломлены слабые руки...» — 355
- «Один» («Хожу по камню острых плит...») — 442
- «Ожидание» — 407
- «О, как смеялись вы над нами...» — 381
- «Она» («Превратила все в шутку сначала...») — 488
- «Они звучат, они ликуют...» — 319
- «О, презирать я Вас не в силах...» — 420
- «Осень» («Там неба осветленный край...») — 120
- «Отшельник» — 381
- «Офелия» — 364
- «Очарования сна» («Пусть я и жил, не любя...») — 442
- «О чем поет ветер?» — 373
- «О, я хочу безумно жить...» — 381
- «Памяти Августа Стриндберга» — 133
- «Перед судом» («Что же ты потупилась в смущеньи?...») — 442
- «Песня» («Лениво и тяжело плывут облака...») — 470
- «Песня Судьбы» — 193 («тройка»)
- «Пламень» — 264
- «Пляска смерти» («Вновь богатый зол и рад...») — 428
- «Пляска смерти» («Старый, старый сон...») — 414
- «Повеселясь на буйном пире» — 138
- «После битвы» («Я возвращусь стопой тяжелой...») — 364
- «После грозы» — 401
- «Приближается звук...» — 216
- «Протекли за годами года...» — 522
- «Пустая улица. Один огонь в окне...» — 303
- «Разлетясь по всему небосклону...» — 355
- «Размышления» («Как тяжело ходить среди людей...», «Кольцо существования тесно...») — 340
- «Родина» — 262
- «Рожденные в года глухие...» — 356
- «Роза и Крест» — 202, 217, 261, 262, 263 («Крест»), 282, 328, 421, 482, 483, 486, 521
- «Роза и Крест (К постановке в Художественном театре)» (статья) — 470
- «Россия» («Грешить бесстыдно, непробудно...») — 340
- «Россия» («Задебранные лесом кручи...») — 343
- «Россия» («...То над степью пустой загорелась...») — 273
- «Рыцарь-монах» — 23, 48
- «Стушался мрак церковного порога» — 178
- «Седое утро» — 312
- «Случайному» — 420
- «Смерть и воскресенье» — 216
- «Снежная ночь» — 133, 134 (стихи)
- «Современнику» — 419
- «Соловиный сад» — 427
- «Спутник» — 216
- «Стихи о Прекрасной Даме» — 45, 46, 71, 133
- «Стихи о России» — 398, 438
- «Судьба Аполлона Григорьева» — 425-427
- «Сусальный ангел» — 138
- «Твердость» («И страшно, и легко, и больно...», «О, я хочу безумно жить...», «Земное сердце стынет вновь...», «О, как смеялись вы над нами...») — 381
- «Театр» (сборник пьес) — 482
- «Ты говоришь, что я дремлю...» — 355
- «Ты не ушла...» — 216
- «Ты, поразившая Денницу...» — 319
- «Увижу я, как будет погибать...» — 325
- «У дверей» — 470
- «Унижение» — 201
- «Усталость» («Чем больше хочешь отдохнуть...») — 120
- «Художник» («Разлетясь по всему небосклону...», «К ногам презренного кумира...») — 355
- «Шаги командора» — 168

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Экклезиаст» («В пути — глубокий мрак...», «Испытанный, стою на грани...», «Мысли мои утопают в бессилии») — 470
- «Юрию Верховскому» — 216
- «Я знаю смерть близка...» — 216
- «Я не предал белое знамя...» — 355
- «Я тишиною очарован...» — 442
- «Totentanz» («Пустая улица. Один огонь в окне...», «Ночь, улица, фонарь, аптека...») — 303
- Блок Л.Д. — 68, 217, 219 (жена), 344 (жена), 355 (жена), 365 (жена), 558, 565
- Бобович И.М. — 402, 419
- Боборыкин П.Д. — 28, 188, 227, 512, 557, 563, 574, 587
- «Бескровная революция» — 557
- «Бывший царь (Психологический этюд)» — 574
- «Где русское писательство?» — 587
- «Первый бурелом (Москва 1905 года)» — 563
- «Приговоренная» — 512
- Бобров С.П. (Сержант В.) — 16, 92, 134, 234, 246, 293, 301, 310, 313, 315, 316, 321, 324, 325, 330, 334, 363, 399, 409, 437, 445, 452, 478, 479, 487, 488, 495, 503, 507, 518, 529, 532, 533
- «Алмазные леса» — 532
- «Бумажный городок» — 313
- «Ветроградари над лозами» — 246
- «Второй сборник Центрифуги» — 445
- «Записки стихотворца» — 487
- «Лирич. лир» — 532, 533
- «Основы новой русской живописи» — 92
- «Русская поэзия в 1914 году» — 315, 363
- Богаевский К.Ф. — 12
- Богданов А. (Малиновский А.А.) — 37, 321, 429, 559
- «Культурные задачи нашего времени» — 37
- Богданова О.А. — 4
- Богданов-Бельский Н.П. — 92
- Боголюбов С.П. — 74
- Богомолов Н.А. — 47, 84
- «Русская литература первой трети XX в.» — 84
- Богров Д.Г. — 59
- Богуславская К.Л. — 434
- Богучарский В.Я. — 152, 243, 306
- Бодлер Ш. — 46, 119, 166, 175, 232, 235
- «Цветы зла» — 46
- Бодуэн де Куртене И.А. — 297
- Божидар (Гордеев Б.П.) — 246, 321
- «Метафорический сад» — 246
- Большаков К.А. — 48, 307, 349, 399, 413, 451, 452, 478, 491
- «Мозаика» — 48
- «Солнце на излете» — 491
- Бонч-Бруевич В.Д. — 32, 77, 199, 264, 401, 607
- «Новый ритуалист» — 264
- Бонч-Томашевский М.М. — 13
- Борисов С. — 209, 225, 293, 301
- «Он» и «мы» — 209
- Боричевский И. — 445
- Боттичелли С. — 104
- Боцяновский В.Ф. (Тиун) — 7, 27, 48, 55, 407, 463
- «Гольи Розанов» — 407
- «Литературные странички» — 55
- Браз И.Э. — 539
- Браудо Е.М. — 429
- Браун Ф.А. — 501
- Брешко-Брешковский Н.Н. — 100
- Брик Л.Ю. — 557
- Брик О.М. — 412, 578
- «Демократизация искусства» — 578
- «Хлеба!» — 412
- Брихничев И.П. — 75
- «Христос в мировой поэзии» — 75
- Бродский И.И. — 92
- Брусянин В.В. — 126, 131, 591
- «Леонид Андреев. Жизнь и творчество» — 126
- «Сатира в дни революции» — 591
- Бруни Л.А. — 465
- Брюсов В.Я. (Авреллий) — 4, 10, 12, 20, 24, 26, 27, 34, 36, 37, 41, 43, 46, 47, 51, 52, 54, 55, 66, 69–72, 74, 75, 80, 82–84, 89, 91, 96, 101–105, 107, 112, 115, 116, 118–120, 122–125, 133–136, 139, 144, 147, 151, 154–156, 158, 160, 165–168, 170, 175, 185, 189, 191, 193, 194, 198, 200, 201, 204, 210–213, 216, 221–223, 225, 227 (автор), 230–232, 235, 240–242, 245–247, 249, 252, 256–258, 266, 267, 269, 272, 273, 276, 279, 280, 284, 285, 292–

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- 294, 299, 301, 311, 314–317, 321,
322, 325, 326, 328–335, 339, 342,
348, 349, 355, 365, 373, 380, 382,
383, 387–391, 393, 395, 397, 398,
400, 401, 407, 411, 413, 414, 424,
428, 433, 434, 437–440, 446, 451,
461, 462, 467, 471, 478, 479, 481,
482, 485, 491, 493, 494, 503, 505,
512, 515, 517, 519, 521, 522, 527,
530, 536, 542, 550, 553, 562, 563,
566, 568, 571, 580, 582, 596
«Александр Блок» — 101
«Алтарь победы» — 89, 155, 156
«Баллада воспоминаний» — 407
«Баллада (О любви и смерти)» —
342
«Будущее русской поэзии» — 51
«В Варшаве» — 342
«В Вильно» — 342
«В древней Армении» — 479
«Венок» — 481
«Верный до конца (Э.Верхарн)» —
269
«Война вне Европы» — 339
«Все чаще» — 342
«Год русской поэзии» — 326
«Год русской поэзии (Апрель
1913 — апрель 1914). Пору-
бежники» — 301, 316, 326,
330, 332
«Год русской поэзии (Апрель 1913–
апрель 1914). Продолжате-
ли» — 301, 311, 314, 315, 325,
326, 329, 330, 333, 334
«Город сестер любви» — 503
«Далекие и близкие» — 70
«Египетские ночи» — 517
«За картами» — 414
«За моим окном» — 240
«Здравого смысла тартарары» —
321, 322
«Зеркало теней» — 119, 139, 155,
158
«Истинный ответ» — 355
«Как прекратить войну?» — 582
«К Варшаве» — 342
«К Петрограду» — 521
«Круги на воде» — 364
«Лира» — 299
«Максиму Горькому в июле
1917 г.» — 571
«Молитесь» — 563
«На берегах Саймы» — 273
«На закатном поле» — 503
«На Карпатах» — 364, 365
«На похоронах Толстого» — 240
«На «Святом Лазаре»» — 240
«На смерть А.Н.Скрябина» — 390
«На улицах» — 536
«Наши дни» — 339
«Новые сборники стихов» — 20
«Новые течения в русской поэзии.
Акмеизм» — 221
«Новые течения в русской поэзии.
Футиристы» — 198, 212, 213
(статья)
«Новые течения в русской поэзии.
Эклектики» — 200, 201, 235,
247
«Ночи и дни» — 222
«Ночь» — 382
«Ночью у реки» — 562
«Обаяние Верхарна» — 512
«Обручение Даши» — 273
«Огненный ангел» — 84
«О, закрой свои бледные ноги» —
227
«Окровавленные ночи» — 521
«О радости и драме Д.С.Мереж-
ковского» — 453
«Освобожденная Россия» — 536
«Ось» — 299
«Падшие цари» — 512
«Перезвучия» — 505
«П.И.Бартенев» — 240
«Письмо в редакцию» — 232
«Польша» — 339
«После детского бала» — 316
«Последние страницы из дневника
женщины» — 10
«Последний император Трапезун-
да» — 471
«Последняя война» — 339
«Последняя любовь. Из записок
вдовца» — 414
«Последняя работа Врубеля» — 240
«Предсказания Нострадама о со-
временной войне» — 395
«Призраки» — 107, 108
«Протесилай умерший» — 252
«Пути и перепутья» — 84
«Путник» — 10
«Разгадка или ошибка» — 285
«Реализм Скрябина» — 390
«Рея Сильвия» — 331

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Сегодняшний день русской поэзии» — 66, 147
«Семь цветов радуги» — 481, 482, 519
«Сиреночка» — 382
«Смерть рыцаря Ланцелота» — 373
«Сны человеческие» — 279, 280
«Современность» — 339
«Старый вопрос» — 339
«Стихи Нелли» — 272
«Стихи Эмиля Верхарна о России» (переводы) — 512
«Тевтону» — 342
«Тридцатый месяц» — 563
«У северного моря» — 266
«Учители учителей» — 530
«Фламандцам» — 339
«Электрические светы» — 284
«Эмиль Верхарн» — 521
«Юношеские стихотворения» — 231, 232
«Я океан — солёный и громадный» — 242
«Я — сын земли, дитя планеты малой» — 242
«Sed non satiat» — 481
«Trioneo della morte» — 521
«Urbi et Orbi» — 481
[Брюсова Н.М.] — 373 (жена)
Бугаев Б.Н. — см. Белый А.
Будищев А.Н. — 154, 420
«Будущее» (сборник) — 571
Булгаков В.Ф. — 9, 585
Булгаков С.Н. — 4, 9, 48, 77, 87, 101, 113, 132, 204, 280, 297, 344, 354, 359, 367, 380, 409, 410, 476, 505, 516, 542, 550, 555, 575
«Война и русское самосознание» — 380
«Искусство и теургия» — 516
«Лев Толстой» — 101
«Русская трагедия» — 280, 297
«Русские думы» — 344, 359
«Сны Ген» — 476
«Труп красоты» — 409
«Философия хозяйства». Ч. I. «Мир как хозяйство» — 113
«Человекобог и человекозверь...» — 77, 87, 132
Булгарин Ф.В. — 387
Бунин И.А. — 3, 6, 12, 13, 19, 21, 39, 53, 57, 62, 67, 74, 78, 80, 81, 87, 88, 90, 91, 97, 98, 107–109, 120, 121, 125, 127–130, 138, 143, 147, 149, 152, 153, 159–162, 164, 169, 188, 189, 191, 194, 201, 206, 209, 216–218, 231, 236, 237, 243, 248, 256, 257, 260, 265, 271, 273, 274, 277, 282, 291, 295, 300, 319, 320, 322, 323, 325, 331, 332, 341, 347, 354, 357, 360, 365, 368–370, 374, 376, 377, 381, 389–391, 393, 397, 404, 405, 410, 411, 413, 416, 421–424, 427–430, 432, 437, 438, 440, 441, 461, 468, 470–472, 479, 494, 499, 500, 512, 513, 522, 525–527, 532, 542, 545, 546, 553, 564, 572, 576, 577, 585, 588, 591, 601
«Аглая» — 499, 525, 526
«Архистратиг» — 494
«Близ Биаррица зимой...» — 494
«Бонна» — 494
«Братья» — 322, 323 (рассказ)
«Вера» («Последнее свидание») — 209
«Веселый двор» — 91, 128
«Весенний вечер» — 368, 369
«Весна» («Всходы новые») — 216, 218
«Восемь стихотворений» — 499
«Господин из Сан-Франциско» — 422–424, 526, 546
«Господин из Сан-Франциско» (сборник) — 438, 525, 526
«Грамматика любви» — 393, 525
«Дача на севере» — 494
«Дачная прогулка» — 494
«Двенадцать стихотворений» — 499
«Деревня» — 62, 127, 164, 237, 360, 368, 369
«Ермил» («Преступление») — 191
«Забота» — 209
«Захар Воробьев» — 120, 121 (рассказ)
«Игнат» — 147
«Из повести» — 546
«Из рассказов без заглавия (“Снежный бык”» — 78
«Илья-пророк» («Жертва») — 209
«Иоанн Рыдалец» (рассказ) — 216
«Иоанн Рыдалец» (сборник) — 271, 282, 360
«Казимир Станиславович» — 479, 525, 526
«Князь во князьях» — 209
«Крик» — 67

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Легкое дыхание» — 470, 526
 «Лирик Родино» («Псальма») — 216, 360
 «Личарда» — 209
 «Мертвое море» («Страна содомская») — 53
 «На крыше отеля у пирамид» — 494
 «Ночлег» — 319
 «Ночной разговор» — 90, 107–109, 162
 «Окаянные дни» — 576, 577, 585, 591, 601
 «Первый шаг» («Клаша») — 325, 525
 «Петлистые уши» — 545, 546
 «Последний день» — 201
 «Пост» — 512
 «Поэту» — 430
 «При дороге» — 260
 «Прокаженный» — 427
 «Пыль» — 390
 «Рана от копыа» («Копье господне») — 209
 «Рассказы и стихотворения» — 143
 «Сверчок» — 88
 «Святочный рассказ» («Архивное дело») — 354
 «Святые» — 319
 «Сказка» — 216
 «Слово» — 430
 «Смерть пророка» («Смерть Моисея») — 88
 «Старуха» — 512
 «Сто восемь» («Древний человек») — 57
 «Суходол» (повесть) — 127
 «Суходол» (сборник) — 127, 160, 162, 188, 282, 360
 «Сын» — 461
 «Третья летухи» — 512
 «У гробницы Вергилия» — 479
 «Хорошая жизнь» — 98
 «Хороших кровей» — 236
 «Худая трава» — 216, 360
 «Чаша жизни» (рассказ) — 273
 «Чаша жизни» (сборник) — 376, 377
 «Шестикрылый» — 430
 «Я все молчу» — 256
 Бунин Ю. А. — 295
 Буренин В. П. (граф Алексис Жасминов) — 38, 46, 95, 114, 151, 163, 168, 188, 207, 213, 243, 299, 347, 381, 403
 «По поводу футуризма» — 299
 «Поэтическая атлетика» — 38
 «Стенька-Кистень или Гимназист-разбойник» — 95
 Бурлюк В. Д. — 39, 79, 181, 208, 211, 215, 295, 302, 307, 399
 Бурлюк Д. Д. — 39, 79, 106, 173, 181, 197, 198, 205, 206, 208, 211, 215, 258, 266, 268, 275, 290, 295, 298, 299, 302, 307, 309, 317, 344, 349, 375, 378, 399, 452, 516, 523
 «Донгели изиуренных жаб» — 258
 «Пушкин и Хлебников» — 266
 Бурлюк Над. Д. — 215
 Бурлюк Ник. Д. — 198, 208, 211, 215, 258, 268, 275, 295, 302, 307, 399
 «В. Д. Бурлюк. Его творчество» — 211
 Бурлюки — 115, 211, 215, 222, 275, 320, 409
 Бурнакин А. А. — 25, 45, 65, 107, 108, 109, 120, 159, 163, 169, 171, 180, 189, 200, 216, 232, 242, 243, 260, 265, 292, 322, 325, 411, 439, 451, 520, 530
 «Богиня» — 520
 «Еврейский гуманизм» — 265
 «Литературные заметки» — 163
 «Литературные мечтания» — 439
 «Матерый сын» — 451
 «Преодоление пессимизма» — 322
 «Слепой музыкант» — 243
 «Современное народничество» — 216
 «Тупик и выход» — 159
 «Чад и копоть» — 200
 «Четырнадцатый год. Трибуна патриотизма» — 411
 «Шут Заратустры» — 530
 Бурцев В. Л. — 537, 542, 546, 559, 563, 571, 573, 607
 «Или мы, или немцы и те, кто с ними» — 571
 «Не защищайте Горького» — 571
 Бутковская Н. И. — 425
 Бухарова З. Д. (З. Б.) — 214, 419, 447, 449, 459, 460
 Бухов А. С. — 408, 409
 «В защиту Маяковского» — 408, 409
 Бялик Х. Н. — 27, 28, 223

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Ной и Маринка» — 223
«Песни и поэмы» — 27, 28 (книга)
- В.Г.** — 33
«В год войны. Артист — солдату» (альманах) — 399
- В.Л.** — 106
- Вагнер Р.** — 31, 156, 157, 561
- Вальман Н. (Н.В.)** — 255
- Ван Гог В.** — 270
- Василевский И.М. (Не-Буква)** — 380, 418, 484
«Новые всходы» — 418
«Плавающие в болоте» — 380
- Василевский И.Ф. (Буква)** — 57
«Летние рассказы. Кинематограф» — 57
- Василевский Л.М.** — 200, 304
- Васильев В.** — 223
- Васнецов А.М.** — 341, 349, 393, 527, 539
- Васнецов В.М.** — 222, 341, 349
- Ватсон М.В.** — 257
- Ватто А.** — 267
- Вахтангов Е.Б.** — 341
- Введенская В.М.** — 4
«Велес» (альманах) — 167
- Венгеров С.А.** — 16–18, 159, 185, 268, 269, 306, 328, 346, 389, 498, 521, 525, 541, 554
«Героический характер русской литературы» — 16, 17
- Венгерова З.А.** — 161, 234, 291, 378
- Венгров Н. (Венгров М.П.)** — 104, 317, 334, 412, 446, 452, 459, 495, 510
- Вентцель Н.Н. (В.Ю.Б.)** — 151, 222, 318, 459
«Поэт из народа» — 459
- Вербицкая А.А.** — 15, 17, 18, 52, 161, 194, 243, 277, 349, 392, 421, 456, 484
«Ключи счастья» — 15
«Моему читателю» — 52
- Вересаев В.В.** — 9, 81, 96, 107, 108, 127, 149, 189, 260, 265, 368, 369, 377, 393, 466, 467, 512, 525, 542, 554, 564, 584, 595
«Бей его!» — 595
«Дедушка» — 466
«Живая жизнь» — 9, 377
«Аполлон, бог живой жизни» — 260
- «Аполлон и Дионис (О Ницше)» (2-я часть) — 377
«О Достоевском и Льве Толстом» (1-я часть) — 9
«К Пану» — 107, 108
«Мария Петровна» — 368, 369
«Темный пожар» — 595
«У черного крыльца» — 512
- Вереск В.** — 153
«У Леонида Андреева» — 153
- Верлен П.** — 34, 84, 110, 232, 235, 379, 449
«Записки вдовца» — 34
[Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова] — 34
- Вермель С.С.** — 399
- Верхарн Э.** — 232, 269, 296
- Верховский Ю.Н.** — 165, 239, 334, 356
«Золотой цветок» — 239
- Верхоустинский Б.А.** — 319, 403
- Веселовский Александр Н.** — 506
- Веселовский Алексей Н.** — 257, 341
- Веселовский Ю.А.** — 74, 494
«Весеннее контрагентство муз» (альманах) — 399
- Ветринский Ч.** — см. Чешихин-Ветринский В.Е.
- «Вехи» (сборник) — 9, 17, 68, 169, 327, 502, 570
- «Взял» (альманах) — 412, 436
- Виллон (Вийон) Ф.** — 203
- Вильгельм II** — 343, 344, 385
- Вилье де Лиль-Адан** — 281
- Вильчинский В.П.** — 65
«Л. Андреев и И. Шмелев» — 65
- Винниченко В.К.** — 13, 52, 95, 142, 143, 147, 188, 295, 323, 342, 355, 442, 456, 464, 484
«Божки» — 355
«Заветы отцов» — 323
«История Акимова здания» — 147
«Кузь и Грыцунь» — 95
«Ложь» — 442
«На весах жизни» — 464
«Радость» — 295
«Рассказы» — 52
«Хочу!» — 484
«Честность с собой» — 13, 143
- Виноградов** — 522
- Витте С.Ю.** — 300
- Вишневский А.Л.** — 341
- Вл.Л.** — 377

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Владимирова А. (Ивойлова О.В.) — 402
 Владимирова П.С. — 260, 293, 343, 379
 «Скандал» или «скандальчик» — 379
 Водовозов В.В. — 31, 152, 196, 205, 277, 306, 381, 573
 «Война» (альманах) — 342
 «Война в русской лирике» (сборник) — 362
 Войтинский В.С. — 247, 341, 342, 344, 347, 430
 «Призраки» — 247
 Войтоволский Л.Н. — 21, 83, 98, 112, 120, 121, 125, 127, 129, 137, 141—143, 151, 153, 158—160, 163, 169, 171, 178—180, 188, 190, 197, 199, 209, 215, 220, 222, 224, 228, 229, 234, 236, 237, 239, 254, 260, 279, 280, 283, 293, 294, 296, 300, 301, 306, 312, 314, 315, 321, 322, 329, 331
 «Встреча с Горьким» — 331
 «Д.Н.Мамин-Сибиряк» — 159
 «Итоги 1913 года» — 283
 «К спору о пролетарской культуре» — 321
 «Маневры В.Розанова» — 125
 «Ноев ковчег г. Антона Крайнего» — 300
 «Парнасские трофеи» — 112, 120, 151, 215
 «Писатель пописывает» — 158
 «Русская литература» — 188
 Волжский А.С. (Глинка А.С.) — 101
 «Около чуда» — 101
 Волков Д. — 437
 Волконский М.Н. — 183
 Волконский С.М. — 61, 92, 304, 573
 «Немая опасность» — 304
 Волох Л. — 475, 487, 491, 492, 496
 Волощина М.А. — 12, 15, 16, 22, 51, 54, 58, 80, 91, 103, 106, 112, 115, 116, 151, 213, 214, 227, 270, 281, 292, 306, 322, 358, 389, 395, 404, 427, 449, 450, 460, 467, 468, 478, 494, 542, 558, 566, 573, 575, 582, 603
 [«А.С.Голубкина»] — 12 (статья)
 «Благодарность» — 395
 «Венчание» — 395
 «Голоса поэтов» — 449, 460, 566
 «Зарево зорь» — 103, 116
 «Илья Эренбург — поэт» — 478
 «Киммерийская весна» — 51
 «Киммерийские сумерки» — 467
 «Лики творчества» — 80, 91, 281
 «М.С.Сарьян» — 270
 «Над полями Альзаса» — 389
 «О Репине» — 227
 «Памяти Н.Н.Сапунова» — 322
 «Под знаком Льва» — 389
 «Реймская Богоматерь» — 389
 «Русская трагедия возникнет из Достоевского» — 213, 214
 «Странник» — 395
 «Усталость» — 395
 «Аппо mundi ardentis 1915» — 467
 Волховский Ф.В. — 168, 243
 Вольнский А.Л. — 57, 171, 407, 431, 443, 562
 «Балетный номер» — 171
 «Смерть Пушкина» — 562
 ««Фетишизм мелочей» (В.В.Розанов)» — 407, 443
 Волькенштейн В.М. (В.В-н) — 16, 35, 41, 58, 66, 86, 134, 187
 Волькенштейн О.А. (О.В.) — 86
 Вольнов И.Е. (Вольный Ив.) — 128—130, 147, 152, 153, 179, 189, 191, 192, 194, 233, 234, 253, 274, 282, 325, 404, 429, 430, 440, 569, 575, 595
 «В деревне» — 575
 «В деревне. Заем Свободы» — 569
 «Как это было» — 147
 «Крути жизни» — 430
 «На рубеже» — 194
 «Повесть о днях моей жизни» — 128, 152, 153 («Дни моей жизни»), 179, 233, 234, 274, 282, 325, 595
 «Детство» (1-я часть) — 152, 153 (повесть)
 «Отрочество» (2-я часть) — 179
 «Юность» (3-я часть) — 274, 325, 595
 Вольф М.О. — 23, 153, 312
 Воровский В.В. (Орловский П.) — 15, 87
 Воронов И.К. — 95
 Воскресенская Н. — см. Багрицкий Э.Г.
 Врубель М.А. — 50, 91, 240, 307, 357
 «В спорах о театре» (сборник) — 294

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Второй сборник Центрифуги» — 246,
250, 413, 445, 478
Выгодский Д.И. — 391, 447, 449, 451,
456, 468, 477, 482, 491, 494, 498,
499, 503, 518, 519, 521, 527, 568,
594
«О творчестве Бальмонта» — 568
«Поэзия и поэтика (Из итогов
1916 г.)» — 447, 468, 491,
499, 518, 519
«Стихи Центрифуги» — 518, 527
«У новой грани» — 521
Вышеславцев Б.П. — 567
«В эти дни» (альманах) — 380
Вяткин Г.А. — 116, 377
Гайдебуров П.П. — 551, 560
Гаккебуш М.М. (Горелов) — 415,
489, 490
Галапура Т.Н. — 513
Галахов В. — см. Гиппиус Вас.В.
Галицкий Я.М. — 402
Гальперин М.П. — 159
Гамсун К. — 13, 22, 55, 66
«Бенони» — 55
«Вечерняя заря» — 66
«У жизни в лапах» — 13, 22
Ганжулевич Т.Я. (Т.Г., Проскурни-
на Т.Я.) — 252, 312, 318, 371,
377, 405, 457, 458
Ганьшин С.Е. — 66
Гаррис (Каллаш М.А.) — 125
Гарт Б. — 236
Гарус — 407
Гаршин В.М. — 317, 362, 381
Гарязин А.Л. — 268
Гастев А.К. — 553
Гауптман Г. — 53, 56, 167, 272
«Бедный Генрих» — 56
«Гантеле» — 56
«Шлок и Яу» — 53
Гвоздев А.А. — 346, 352, 368, 369,
377, 400, 419, 424, 457, 458, 468,
476, 487
Ге Н.Н. — 77
Ге Н.П. — 176
Гегель Г.-Ф. — 530
Гедике А.Ф. — 390
Геккер Н.Л. (Н.Г.) — 21, 25, 36, 40,
51, 55, 59, 95, 97, 109, 110, 141,
142, 160, 194, 199, 220, 228, 230,
233, 271, 273, 274, 279, 313, 318,
331, 363, 370
«Акмеизм» — 230
«Литература 1914 года» — 363
«Новая декларация "Современни-
ка"» — 152
«Современная деревня» — 233
«Спор поколений» — 374
Герасимов М.П. — 430
«Аргона» — 430
«Весна» — 430
«Ночной бой» — 430
«Шампань» — 430
Германов В. — 407
«Религия Быта» — 407
Германова М.Н. — 182, 429, 453
Гершен А.И. — 86, 119, 128, 129, 133,
380, 406, 407, 440, 596
Герцык А.К. — 112, 460, 511
«Э.Верхарн» — 511
Гершензон М.О. (М.Г., Junior) — 57,
58, 126, 152, 185, 226, 233, 292,
318, 342, 346, 394, 400, 428, 480,
485, 511, 550
«Видение поэта» — 428
«Грибоедовская Москва» — 318
«Дело правды и разума» — 400
«Заметки о Пушкине» — 511
«Об А.М.Ремизове» — 233
«Образы прошлого» — 86
«О современной литературе» —
480, 485
«Русские пропилей. Т. I» — 394
Гершенройф Г. — 448
Гессен И.В. (И.Г.) — 19, 335, 400,
415, 506
Гессен С.И. — 18
Гете И.-В. — 46, 157, 525, 561
[«Страдания молодого Вертера»] —
46 («Вертер»)
Гзовская О.В. — 462
Гидони А.И. — 455, 473
«Омраченный Петроград» — 473
«Письмо в редакцию» — 455
Гизетти А.А. — 423, 434, 441, 458,
463, 466, 486, 526, 556
«Возрождение или вырожде-
ние?» — 441, 463
«Революция и литература» — 556
«Три души» — 434
Гиммер Н.Н. (Н.С.) — см. Суха-
нов Н.Н.
Гинибург И.Я. — 77
Гиппиус Вас.В. (Галахов Вас.) — 69,
71, 90, 122, 124, 158, 262

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Сех поэтов» — 69
Гиппиус Вл.В. — 213, 216, 220, 224, 231, 232, 242, 374
«Гамлет революции» — 220
«Литературная суета» — 216
«Поэт или не поэт?» — 232
«Правда любви» — 242
«Русская хандра» — 224
«Святое беспокойство» — 231
«Спор поколений» — 374
«Что случилось?» — 213
Гиппиус З.Н. (Крайний А.) — 29, 30, 34, 38, 52, 54, 55, 58, 62, 63, 72-74, 82, 94, 103, 109-111, 121, 125, 127, 128, 138, 141-144, 149, 154-156, 159, 163, 171, 180, 181, 188, 191-193, 202-204, 219, 224, 294, 300, 308, 312, 314, 317, 327-329, 336, 338, 345, 346, 348-352, 355, 360, 374, 381, 386, 390, 397, 399, 410, 413, 414, 420, 421, 426, 427, 436, 437, 469, 471, 472, 479, 487, 496, 499, 500, 523, 530, 531, 533, 534, 537, 541, 543, 565, 566, 574, 576, 578, 586, 592, 593, 596-598, 603, 607
«Беллетристические воды» — 149
«Белое» — 355
«Живые лица» — 336, 338, 350, 351, 390, 397, 410, 499, 500, 530, 531, 533, 534, 565, 578, 586, 593, 596, 598
«Жизнь и литература» — 163
«Зеленое кольцо» — 374, 487
«Какая жалость!» — 314
«Литература и искусство» — 38
«Литература летом» — 62
«Литература и общественность» — 138
«Литературное "сегодня"» — 436, 472
«Лунные муравьи» — 111
«Механический "реализм"» — 308
«Молчание» — 312
«Мягущаяся душа» — 328, 329
«Наше будущее» — 350
«Нет общечеловечности» — 300
«О прошлых» — 471
«О "Я" и "Что-то"» — 204
«Петербург» — 537
«Петроград» — 537
«Предмет десятой необходимости» — 352, 469, 479, 496
«Роман-царевич» — 180, 181 (роман)
«С любовью» — 348
«Тогда и опять» — 399
«Три креста» — 345
«Хотелось нам тогда...» — 413
«Чертова кукла» — 29, 30, 155, 180
«Черные тетради» — 603, 607
Глаголев С.С. — 373
Глаголин Б. (Гусев Б.С.) — 304
Глаголь С. (Голоушев С.С.) — 69, 160, 210, 267, 294, 298, 321, 417, 453, 515, 597, 603, 606
«Да здравствует театр» — 294
«О новейших течениях в современной живописи» — 267
Гладнев И. — 598
«Бойкот черной печати» — 598
Глазунов А.К. — 542, 552
Глинский Б.Б. (Б.Г.) — 125, 126, 376
Гнедов В.И. — 201, 215, 227, 247, 267, 275
«Гостинец сантиментам» — 201
«Поэма конца» — 227, 267
«Смерть искусству» — 227
Говоруха-Отрок Ю.К. — 249, 255
Гоген П. — 270
Гоголь Н.В. — 145, 233, 272, 308, 349, 363, 406, 407, 409, 438, 457, 475, 489, 516, 543, 595
«Мертвые души» — 438, 457
Голенищев-Кутузов А.А. — 44
Голиков В.Г. — 145, 164, 178, 180, 181, 202
«Лики авторов и лики жизни» — 164, 178, 180, 181
Голлицын-Муравлин Д.П. — 271
«Святые» — 271
Голлербах Э.Ф. — 273
«Среди коллекционеров» — 273
Головин А.Я. — 170
Голоушев С.С. — см. Глаголь С.
Голубева О.Д. — 81
«Издательское товарищество писателей» — 81
Голубкина А.С. — 12, 23, 272, 360
Гольденберг П. — 559
Гольденвейзер А.Б. — 357, 390
Гольштейн А.В. — 358, 573
Гомер — 107, 448
Гончаров И.А. — 18

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Гончарова Н.С. — 39, 79, 92, 101,
115, 181, 185, 208, 222, 246, 259,
270, 304, 349, 384, 388, 409
- Горбунов-Посадов И.И. — 56
- Горнфельд А.Г. — 14, 17, 18, 25, 27,
54, 58, 70, 76, 83, 86, 89, 102,
107, 111, 125, 131, 145, 154, 174,
175, 180, 202, 203, 235, 237, 238,
244, 247, 253, 254, 291, 309, 312,
323, 346, 361, 380, 381, 387, 394,
400, 412, 415, 416, 419, 452, 455,
456, 475, 481, 487, 497, 498, 504,
506, 522, 526–528, 533, 548, 562,
577, 585
- «А.А. Поттебня» — 506
- «Литература и героизм» — 17
- «Муки слова» — 131
- «Образы Федора Сологуба» — 291,
309
- «О русских писателях. Т. I» — 154
- «О толковании художественных
произведений» — 107
- «Путь Сергеева-Ценского» — 253
- «Федор Сологуб» — 203
- Горюцкий С.М. (Сатир, С.Г.) — 12,
16, 24, 46, 51, 58, 65, 66, 68, 69,
71, 83, 96, 107, 112, 118, 120,
122–124, 134, 135, 139, 144, 154,
157, 158, 164–167, 173, 184, 189,
193–195, 200, 201, 206, 209–211,
215, 221, 223, 225, 229, 248, 268,
272, 285, 299, 310, 311, 316, 324,
336, 342, 343, 348, 356, 358, 370–
372, 380, 385, 397, 403, 416, 427,
434, 448, 450–452, 470, 481, 485,
491, 510, 567, 573
- «Анне Ахматовой» — 206
- «Борису Верхоустиному» — 206
- «Два стана» — 225, 248
- «Женские стихи» — 310
- «Женское рукоделие» — 112, 122
- «Женщинам» — 356
- «Ива» — 164, 165
- «М. Зенкевичу» — 206
- «Музыка и архитектура в по-
эзии» — 209
- «Н. Гумилеву» — 206
- «Не диво» — 356
- «Некоторые течения в современной
русской поэзии» — 193
- «Непоседы» — 166
- «Николаю Морозову» — 206
- «О. Мандельштаму» — 206
- «Пир поэтов» — 51
- «Поэзия для себя» — 450–452
- «Поэзия как искусство» — 448
- «Пучина стиховная» — 201
- «Символизм и акмеизм» — 184
- «Солдатка» — 348
- «Сретение царя» — 573
- «Стихи о войне» — 371
- «Ф. Тютчеву» — 206
- «Христовым именем» — 470
- «Царьград» — 343, 398
- «Цветущий посох» — 324
- «Четырнадцатый год» — 371, 372
- «Юность Блока» — 46
- «Ярь» — 324
- Городецкий Я. — 599
- Горчаков А. — 323
- «По старым дорогам» — 323
- Горький А.М. (А.П.) — 3, 5–7, 10–13,
16, 17, 19–22, 25, 28, 30, 33, 34,
37, 40, 43, 49, 51, 53, 56, 60, 62–
67, 73, 78, 80–82, 85, 87, 89–91,
93, 95, 97, 99, 105–108, 110, 111,
114, 120, 121, 126–131, 133, 137,
138, 140–143, 148–156, 159, 160,
162, 164, 167–169, 173–175, 177,
178, 180–183, 185, 186, 188–191,
197, 199, 201, 202, 205, 206, 210,
216, 228, 230, 231, 233, 236, 237,
241–243, 246, 247, 250–253, 256,
264–266, 269, 271–273, 276, 277,
282, 284, 294, 295, 297–301, 304,
305, 313, 318, 320, 327, 331, 332,
334, 335, 341, 342, 344, 346, 347,
351, 352, 354, 362–364, 366, 367,
372, 375, 378, 381, 390, 392, 394,
396, 397, 403, 405, 413, 416, 420–
422, 427–433, 435, 437, 439–441,
452, 454, 455, 457, 459–461, 464–
466, 468, 470, 472, 480, 485, 489,
490, 492–496, 499, 500, 502, 504,
510, 512, 513, 515, 520, 522–525,
529–531, 534, 535, 538–546, 548–
553, 555, 556, 558–560, 563–566,
568, 569, 571–575, 577, 578, 588,
589, 596, 602, 603, 605, 608
- «Американские миллионы» — 563
- «Анкета об евреях» — 372
- «Большая любовь» — 190
- «Васса Железнова» — 22, 106
- «Вездесущее» — 201
- «В людях» — 420, 427, 440, 441,
510, 511, 524

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «В Москве» — 602
«Вниманию рабочих» — 602
«Воспоминания: Вечер у Сухомяткина» — 499
«Воспоминания: Вечер у Шамова. Вечер у Панашкина» — 494
«Воспоминания: Гривенник» — 470
«Воспоминания (На Чангуле)» — 427
«Воспоминания: Клоун. Весельчак» — 452
«В театре» — 427
«В театре и цирке» — 354
«В ущелье» — 241
«Герой» — 427
«Городок Окуров» — 62 («Окуров»), 63, 159, 162, 164, 228, 299 («Окуров»), 392, 394
«Губин» — 177, 178 (рассказ)
«Две души» — 430–433, 440, 441, 556
«Девушка и Смерть» — 569
«Детство» — 3, 246, 250, 256, 266, 273, 282, 284, 299, 351, 352, 362, 454, 495, 529, 572
«Едут!» — 241
«Ералаш (Из воспоминаний)» — 512
«Ералаш и другие рассказы» (сборник) — 427
«Еще о карамазовщине» — 250
«Жалобы» — 10, 30, 43, 62, 95
«Женщина» — 177, 190, 191
«Зрители» — 588
«Из воспоминаний» — 556
«Из впечатлений проходящего» (Ледоход) — 177, 178
«Издалика» — 87, 88, 114
«Из дневника» — 520
«Исповедь» — 572
«Как сложили песню» — 430
«Калинин» — 190
«Каторжанам N-ской тюрьмы» («Каторжанам Александровской центральной тюрьмы») — 67
«К демократии» — 602, 603
«Кладбище» — 201
«Книга» — 430
«Кошмар (Из дневника)» — 556
«Кража» — 236
«Легкий человек» — 563
«Лето» — 233, 299, 466, 468
«Макар Чудра» — 589
«Мальва» — 190, 351
«Матвей Кожемякин» («Жизнь Матвея Кожемякина») — 40, 63, 64, 95, 162, 163 (Кожемякин)
Ч. 2. «Постоялка» — 40
«Мать» — 299, 304, 468
«Миша» — 546
«М.М. Коцюбинский» — 241
«Мордовка» — 10
«Музыка» — 236
«На дне» — 252 («Дно»), 378 (Сатин), 431, 571
«На пароходе» — 228
«Наука и демократия» — 551
«Нельзя молчать!» — 588
«Несвоевременные мысли» — 553, 556, 563, 569, 578, 605
«Несогласный» — 461
«Нилушка» («Слобода Толмачиха») — 216
«О дураках и прочем» — 588
«О "карамазовщине"» — 250
«О писателях-самоучках» — 21, 95, 367
«О полемике» — 553
«О русской интеллигенции и национальных вопросах» — 63
«О современности» — 114, 461
«О футуризме» — 375
«Песня о Буревестнике» — 295
«Песня о Соколе» — 33, 342
«Писатель» («Н.Е. Каронин-Петропавловский») — 67
«Письма к читателю» — 461
«Письма к читателям. IV» — 544, 548
«Пожар» — 394
«Покойник» — 177, 201
«По поводу одной анкеты» — 440
«По Руси» — 177, 190, 201, 282, 299, 392
«Птичий грех» — 430
«Революция и культура» — 553
«Рождение человека» — 128, 129, 137, 520
«Русские сказки» — 177, 178, 188, 552, 553, 556, 569
«Светлое с голубым» — 430
«Сказки об Италии» — 10, 37, 43, 51, 67, 78, 87, 105, 114, 120,

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- 121, 137, 149, 151, 152, 174,
177, 190, 216, 435, 436
«Случай» («Тимка») — 556
«Случай из жизни Макара» — 141,
142
«Статьи 1905–1916 гг.» — 545
«Страсти-мордасти» — 520
«Три года» — 569
«Три дня» — 137, 405
«Трое» — 431
«Фома Гордеев» — 431
«Хозяин» — 228, 405
«Челкаш» — 351
Горячев И.Г. — 520
«Обманчивые огни» — 520
Готье Т. — 78, 211, 229, 446
Гофман В.В. — 20, 54, 82
«Любовь к далекой» — 82
Гофман Э.-Т.-А. — 421
Грааль Арельский (Петров С.С.) — 69,
74, 106, 173, 206, 256
«Голубой абажур» — 74
Грабарь И.Э. — 50, 80, 141, 221, 243,
244, 292, 361, 390, 422
«Письма» — 141, 221, 243, 244
Гребенщиков Г.Д. — 98, 197, 253,
291, 295, 313, 330, 343, 429, 440,
443, 480, 512, 553, 588
«В ползучем ельнике» — 512
«В просторах Сибири» (1913) —
197
«В просторах Сибири» (1914) —
330
«Змей Горыныч» — 343
«Лесные короли» — 98, 291
«Любава» — 440
«Степь да небо» — 588
Гредескул Н.А. — 257, 564
«Хорошо то, что хорошо кончат-
ся» — 564
Греков Н.П. — 425
Гречанинов А.Т. — 160, 390, 543
Гречев Б. — 577
Гречишкин С.С. — 35
Грежин З.И. — 347, 490, 538–540,
541
Грибоедов А.С. — 318, 543
«Горе от ума» — 318
Грибунина В.Ф. — 341
Григоров Л.М. — 443
Григорович Д.В. — 234, 509
Григорьев А.А. — 249, 425–427, 521
«Стихотворения» — 425–427
Григорьев Б.Д. — 404, 422, 465, 531
Григорьев В.Н. — 577
Григорьев Р. (Крахмальников Р.Г.) —
162, 229, 299, 321, 555
«Барыба» — 229
«О творчестве Куприна» — 555
«Поэт Окуровской Руси» — 299
Григорьев Р. (Лемберг Р.Г.) — 196,
197, 249, 395, 396, 464, 553
«На ущербе» — 196, 197
(произведение)
«Недавнее» — 395, 396, 464
Грин А.С. — 236, 294, 444, 527
«Искатель приключений. Расска-
зы» — 527
«Позорный столб» — 236, 294
«Пролив бурь» — 236
«Гриф» (альманах) — 292, 293
Грифиов Б.А. (Б.Г.) — 36, 43, 50, 91,
249, 261, 312
«Метод Ю.И. Айхенвальда» — 249
«Три мыслителя. В. Розанов. Д. Ме-
режковский. Л. Шестов» — 50
Гриц Т. — 70
«Матисс в Москве» — 70
Гроссман Л.П. — 26, 32, 52
Груббе — 522
Грузенберг О.О. — 105, 139, 242, 289
Грузенберг С.О. — 289
Грузинский А.Е. — 127, 159, 160,
257, 277
Гумилев Н.С. (Н.Г.) — 16, 20, 24, 26,
34, 38, 39, 41, 44, 46–48, 51, 54,
55, 65, 68, 69, 71, 74, 78, 79, 82,
83, 85, 90, 93, 102–104, 107, 112,
117, 120, 123, 125, 133–136, 139,
144, 146, 147, 150, 151, 153, 157,
158, 164, 166, 173, 175, 178, 184,
189, 193–195, 200, 208, 210, 211,
213, 221, 223, 229, 240, 255, 269,
272, 274, 285, 287, 299–301, 310,
311, 315, 324, 333, 336 (Коля),
356, 364, 388, 400, 405, 428, 434,
438, 442, 446, 447, 449, 450, 463,
488, 503, 516, 521, 527
«Актеон» — 269
«Андрей Рублев» — 442
«Блудный сын» — 39
«Болонья» — 210
«Венеция» — 210
«Владыка» (повесть) — 155, 370,
438
«Возвращение» — 178

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Война» — 364
«Гондла» — 521
«Деревня» — 442
«Дитя Аллаха» — 463
«Дон Жуан в Египте» — 135
«Жемчуга» — 135
«Записки кавалериста» — 428, 442
«Змей» — 442
«Игра» — 503
«Итальянские стихи» — 147
«Колчан» — 446, 447
«Леонора» — 274
«Мик и Луи» — 287
«Наследие символизма и акмеизм» — 193
«Наступление» — 356
«Отъезжающему» — 274
«Памяти Ин. Ф. Анненского» — 153
«Письма о русской поэзии» — 112, 120, 125, 164, 195, 196, 240, 255, 272, 299, 300, 310, 315
«Птица» — 178
«Путешествие в страну эфира» — 488
«Снова море» — 274
«Старая дева» — 442
«Теофиль Готье» — 78
«Флоренция» — 210
«Чужое небо» — 135, 136 (стихи), 158
Гуревич Л. Я. — 76, 78, 86, 91, 145, 171, 176, 181, 182, 197, 218, 219, 243, 255, 277, 297, 320, 357, 359, 425, 521, 529
«Война и современная литература» — 359
«Гастроли Художественного театра» — 320
«Литература и эстетика» — 145
«Немецкий романтизм и символизм нашего времени» — 255
«От "быта" к "стилю"» — 78
«Последние постановки Художественного театра» — 219
Гуро Е. Г. — 208, 211, 218, 317
«Небесные верблюжата» — 218, 317
Гусаков А. — 197
Гусев-Оренбургский С. И. — 38, 117, 120, 131, 147, 152, 186, 291, 323, 324 (Гусев), 413, 513
«В глухом уезде» — 120
«Враги» — 323, 324
«Голиаф» — 291
«Дьякон и смерть» — 147
«Над умирающим озером» — 513
«Рассказы» — 186
Гучков А. И. — 243, 488
Д-в М. — 518
Д-р П. — 503, 518
Давыдов Н. В. — 195
Далматов В. П. — 93
Даль В. И. — 229
Дальгонни И. — 402
Дан Ф. И. — 599
Данилевский Г. П. — 328
Данте А. — 46, 338
«Новая жизнь» — 46
Дейч А. И. — 226, 448
«В стане разногослых» — 226
Дейч Л. Г. — 119, 607
«Певец поколения, проклятого Богом» — 119
Делла-Вос-Кордовская О. П. — 435
Дельмас Л. А. — 355
Демосфен — 449
Денике Ю. П. (Юрьев) — 297
Дерман А. Б. — 102, 108, 109, 126, 142, 154, 174, 175, 187, 197, 199, 206, 208, 237, 239, 244, 249, 254, 261, 269, 271, 272, 274, 300, 303, 319, 331, 368, 370, 376, 377, 394, 396, 402, 405, 424, 433, 437, 454, 458, 467, 468, 476, 486, 487, 497, 508, 526, 532, 572
«Айхенвальд о Белинском» — 249
«В. Г. Короленко» — 296, 433
«И. А. Бунин» — 331, 332
«И. С. Шмелев» — 486
«Литературно-общественные черты минувшего года» — 437
«О Александре Блоке» — 244
«О гр. Алексее Толстом» — 300
«О Максиме Горьком» — 454
«Победа художника» — 424
«С. Н. Сергеев-Ценский» — 497
«Среди журналов» — 274, 303, 319
«Старое и новое у Бунина» — 526
«Театр вместо жизни» — 208
«Тленное и нетленное» — 199
«Художник-портретист» — 532
Десницкий В. А. — 553
«Наш праздник» — 553
«Десятилетие ресторана "Вена"» (сборник) — 242

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Джонсон И. (Иванов И.В.) — 279,
318, 371, 422, 468, 483, 487
«Л. Андреев о театре» — 279
«Теперешний Ремизов» — 371
- Дивильковский А.А. — 342
«Российского леса шепки» — 342
- Диесперов А.Ф. — 273
- Диккенс Ч. — 376, 394, 443, 454
- Дионео (Шкловский И.В.) — 253
«Сверчок на печи» — 376, 443, 454
- Дмитриева В.И. — 31, 96, 238
«Дни нашей скорби» (сборник) — 9
- Доброво Н.Е. — 312
- Добролюбов А.М. — 150
- Добролюбов Н.А. — 57, 95, 140, 387,
543
- Добужинский М.В. — 23, 91, 92, 173,
347, 404, 453, 538, 560, 585
- Добычина Н.Е. — 516, 529
- Долгоруков П.Д. — 257
- Долинин А.С. — 229, 245, 299
«Акмеизм» — 229
«Отрешенный (К психологии твор-
чества Федора Сологуба)» —
245
- Долинов М.А. (М.Д.) — 372
- Домогацкий В.Н. — 539
- Дороватовский С.П. — 37
- Дорошевич В.М. — 11, 91, 470
«Мания величия» — 11
- Достоевский Ф.М. — 9, 12, 18, 28, 36,
64, 87, 90, 99, 108, 109, 132, 143,
145, 154, 156, 170, 180, 181, 188,
198, 213, 214, 219, 233, 245, 247,
249–252, 280–282, 291, 294, 297,
313, 321, 327, 329, 363, 375, 385,
396, 405, 407, 409, 432, 453, 458,
461, 469, 474, 475, 477, 483, 489,
495, 516, 524, 529, 538, 543, 562,
579, 585, 595
«Бедные люди» — 64
«Бесы» — 143, 181, 219, 247, 250–
252, 280, 297, 313, 327, 474
«Братья Карамазовы» — 213, 214,
294, 385 (Алеша Карамазов)
«Записки из подполья» — 407, 409
(«Подполье»)
«Село Степанчиково и его обитате-
ли» — 585, 586
«Униженные и оскорбленные» —
64
- «Дохлая луна» (альманах) — 295
- Драверт П.Л. — 35
- «Под небом Якутского края» — 35
- Дрейфус А. — 102
- Дробыш-Дробышевский А.А. — 109,
585
- Дрожжин С.Д. — 187, 276
«Песни старого пахаря» — 187
- Дроздов Н. — 226
- Дубнова-Эрлих С. — 508, 509
- Думбадзе И.А. — 338
- Дункан А. — 272
- Дурасов М.А. — 376
- Дурново П.Н. — 564
- Дурылин С.Н. (Раевский С.) — 234,
297, 344, 350
- Дымов О. (Перельман О.И.) — 27,
121, 128, 202
«Веселая печаль» — 27
«Томление духа» — 121
- Дьяков А.А. (Житель, Неалобин) —
129, 142
- Дятилев С.П. — 269, 538, 541, 542
- Е.И. — 457
- Евгеньев-Максимов В.Е. — 340, 385
«Из истории “Русского богатст-
ва”» — 340
«Русская поэзия и война» — 385
- Евреинюв Н.Н. — 93, 158, 207, 208,
236, 243, 425, 478, 493, 528, 595
«Театр для себя» — 425, 478, 595
«Театр как таковой» — 207, 208
- Елачич А.К. (Albus) — 148, 172
«Будущники» — 148
- Елеонская Е.Н. — 360
- Елизавета, императрица — 180
- Елизарова А.И. — 87
- Елпатьевский С.Я. — 95, 119, 139,
148, 167, 170, 259, 265, 277, 278,
306, 344, 347, 381, 384, 385, 413,
460
«Еврейский вопрос» — 259
«Лев Николаевич Толстой» — 170
«Литературные воспоминания
(Близкие теи)» — 460
«Люди нашего круга» — 139
«Ничего не подделаешь» — 384, 385
«Охота на немцев» — 344
«Срам (Дело Бейлиса)» — 277, 278
- Ермилов В.Е. — 41
- Ермолова М.Н. — 341
- Ершов П.П. — 16
- Есенин С.А. — 383, 390, 403, 408,
416, 420, 427, 438, 459, 460, 463,

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- 471, 480, 481, 493, 494, 510, 527,
529, 549, 557, 580, 581, 584, 587,
591
«Вечер» — 403
«Гой ты, Русь, моя родная...» —
420
«За темной прядью перелесиц...» —
494
«Инок» — 403
«Калики» — 403
«Корова» — 494
«Марфа Посадница» — 580
«Микола» — 408
«Не с буйным ветром...» — 419
«Радунница» — 459, 460
«Русь» — 408
«Странник» — 493
«Товарищ» — 557
«У белой воды» — 493
«Ус» — 549
«Устал я жить в родном краю...» —
494
«Яр» — 480
- Жаботинский Вл.Е. (Altalina)** — 27,
30
Жамм Фр. — 104
«Жатва» (альманах) — 112, 113, 116,
123, 136, 151, 165, 272, 311, 328,
333, 387
Жегин Л.Ф. — 241
Желтовский М.В. — 422
Жилкин И.В. (Ж-н И.) — 181, 311,
542, 586
«Фома Опискин» — 586
Жирмунский В.М. — 255, 256, 382,
426, 450, 456, 468, 501, 502, 505,
515, 516, 580, 594, 597
«М.А.Кузмин» — 505
«Немецкий романтизм и современ-
ная мистика» — 255, 256 (кни-
га)
«Преодолевшие символизм» — 501,
502, 515, 516
Житель — см. Дьяков А.А.
Жуковский Д.Е. — 35, 398
Жуковский С.Ю. — 465
Жулавский Ю. — 93
«Конец Мессии» — 93
Журин А.И. — 354, 393, 402
- Заболотный Д.К.** — 545, 551, 560
- Зайцев Б.К.** — 13, 24, 37, 44, 88, 96,
142, 175, 194, 217, 223, 230, 239,
240, 254, 260, 266, 268, 295, 309,
317, 323, 329, 338, 342, 368, 391,
393, 395, 422—424, 427, 428, 464,
480, 486, 487, 511, 514, 517, 519,
545, 546, 582, 601
«Актриса» — 13, 24
«Ариадна» — 511
«Беседа о войне» — 582
«Враги» — 428
«Грех» — 266
«Дальний край» — 223, 239, 240
(роман), 480
«Домашний ларь» — 517
«Жизнь и смерть» — 393
«Заря» — 24
«Земная печаль» (рассказ) — 427
«Земная печаль» (сборник) — 486
«Изгнание» — 88, 96
«Мать и Катя» — 368
«Маша» — 422—424
«Открытое письмо» (А.В.Луначар-
скому) — 601
«Петербургская дама» — 395
«Попада» — 329
«Путники» — 545
«Рассказы» (1911) — 24
«Рассказы» (1914) — 323
«Студент Бенедиктов» — 260
«Усадьба Ланиных» — 44
- Залеский Б.** — 104
Залуские А.-С. и И.-А. — 567
Замятин Е.И. — 98, 228, 229, 253,
262, 277, 280, 282, 291, 295, 303,
335, 347, 365, 388, 410, 417, 418,
429, 457—459, 463, 470, 472, 479,
480, 589, 607
«Алатырь» — 410
«Апрель» — 388
«Африка» — 479
«Бог» — 470
«Дьячок» — 470
«Кряжи» — 458, 470
«На куличках» — 303
«Непутевый» — 98, 291
«О святом грехе Зеницы девы (сло-
во похвальное)» — 589
«Петька» — 470
«Старшина» — 365, 458
«Три дня» — 295
«Уездное» (повесть) — 228, 229,
277, 282, 417, 459

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Уездное» (сборник) — 457-459
«Чрево» — 388
[Замятина Л.Н.] (жена) — 229, 335, 347
Зарубин П.А. — 287
 «Темные и светлые стороны русской жизни» — 287
«Засахаре кры» (альманах) — 215
Заславский Д.И. — 154
Засодимский П.В. — 137, 424
Засулич В.И. — 82, 607
Зейер Ю. — 167
Зелинский Ф.Ф. — 269, 429, 471
«Земля» (сборники) — 121, 130, 234, 239, 280, 437
 4-й — 109
 5-й — 13
 6-й — 14, 25
 7-й — 73, 109
 8-й — 109
 9-й — 142, 149
 10-й — 174
 11-й — 199
 12-й — 234
 13-й — 280, 281
 14-й — 323
 15-й — 361
 16-й — 402
 17-й — 436, 437
 18-й — 484
 19-й — 509
Зенкевич М.А. — 68, 82, 123, 124, 144, 147, 189, 229, 256
 «Дикая порфира» — 123, 124, 147
Зеньковский В.В. — 101
 «Проблема бессмертия у Л.Н.Толстого» — 101
Зилов Л.Н. — 189
Зилоти А.И. — 538, 560
Зиновьев Г.Е. — 567, 592
Зиновьева-Аннибал Л.Д. — 366
Знаменский В.И. — 75, 83
«Знание» (сборники) — 80, 90, 130, 141, 218, 260, 277
 34-й — 13
 35-й — 40
 36-й — 63-65
 37-й — 95
 38-й — 120-121
 39-й — 141, 149
 40-й — 206
Златовратский Н.Н. — 90, 137, 424, 509
Зноско-Боровский Е.А. — 8, 10, 11, 20, 61, 62, 123, 184, 199, 208, 236, 418, 561
 «О творчестве М.Кузмина» — 561
Золотарев А.А. — 41, 206, 496
 «Во едину от суббот» — 206
 «На чужой стороне» — 40
Золя Э. — 167
Зотов В.Р. — 537
Зубов В.П. — 560

И.К. — 184
 «Символизм и акмеизм» — 184
Ибсен Г. — 157, 198, 218, 272, 417, 567
 «Пер Гюнт» — 218
Иван Грозный — 227
Иванов А.П. — 176
Иванов Вяч.И. — 4, 12, 16, 23, 39, 43, 46-48, 51, 68, 71, 78, 90, 96, 97, 100, 107, 115-117, 123, 132, 134, 135, 140, 150, 156-159, 167, 173, 181, 184, 186, 193, 195, 196, 210, 269, 275, 285-287, 289, 292, 297-299, 307, 312, 344, 350, 356, 359, 364-367, 381, 383, 385, 390, 401, 413, 427, 429, 434, 442, 445, 453, 461, 462, 465, 469-471, 474, 476, 477, 481, 491, 494, 503, 512, 515, 524, 546, 550, 557, 563, 566, 581, 593
 «Борозды и межи» — 476, 477
 «Вдохновение ужаса» — 474
 «Вперед, народ свободный» — 557
 «Вселенское дело» — 344, 359
 «В смутную годину» — 563
 «Два града (Венок сонетов из лирической трилогии "Человек")» — 442
 «Два лица русской души» — 471
 «Достоевский и роман-трагедия» — 51
 «Другу-поэту» — 356
 «Живое предание» — 385
 «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» — 524
 «Лири» — 299
 «Л.Толстой и культура» — 43
 «Манера, лицо и стиль» — 156
 «Мимо жизни» — 453
 «Мой дом. Мистический цикл» — 494

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Молитвы» — 593
«Мысли о символизме» — 116, 117
(статья)
«Над окопами» — 470
«Нежная тайна» — 195, 196
(сборник)
«О границах искусства» — 286, 287
«О лиризме Бальмонта» — 115
«О существе трагедии» — 186
«Ось» — 299
«О творчестве В. Брюсова» — 462
«По звездам» — 476
«Революция и самоопределение России» — 593
«Родное и вселенское» — 593
«Скрябин и дух революции» — 593
«Старая или новая вера?» — 469
«Сыны Прометея (Прометей)» — 299, 364, 383 (трагедия)
«Хоровая песнь новой России» — 563
«Чурлянис и проблема синтеза искусств» — 285, 307
«Элевсинские ночи» — 503
«Эстетическая норма театра» — 465
«*Cor ardens*» — 46–48, 158, 196
1-я часть — 46–48
2-я часть — 134–135 (книга)
«*Marginalia*» — 123
- Иванов Г. В. (Г. И.) — 68, 69, 93, 103, 106, 189, 200, 206, 248, 249, 256, 333, 340, 345, 363, 371, 372, 393, 395, 398, 403, 425, 438, 449, 450, 456, 459, 460, 467, 471, 503, 587
«Вереск» — 449
«Военные стихи» — 363, 395
«Горница» — 333
«Испытание огнем» — 345, 395
«Насильники» — 340
«О новых стихах» — 371, 372, 425
«Отпильте на о. Цигеру. Поэзы. Книга первая» — 103
«Павшим гвардейцам» — 340
«Стихи в журналах 1912 г.» — 189
«Стихи в журналах, издательства, альманахи, кружки в 1915 г.» — 438
«Черноземные голоса» — 249, 459, 460, 587
- Иванов И. В. — см. Джонсон И.
Иванова М. П. — 217, 262, 320
- Иванов-Разумник Р. В. (Тугарин, Скиф, В. Холмский) — 44, 45, 57, 58, 72, 85, 99, 100, 105, 110, 119, 127, 133, 137, 152–156, 161, 163, 170, 172, 179, 180, 182, 185, 187, 188, 192, 204, 205, 210, 217 (Разумник), 219, 220, 225, 229, 239, 240, 244, 249, 250, 252–254, 262–264, 273, 276, 282, 291, 301, 303, 308, 310, 322 (Разумник), 327, 383, 384, 410, 416, 432, 437, 457, 459, 472, 474, 475, 484, 489, 496, 501, 512, 534, 544, 545, 550, 559, 561, 565, 571, 573, 579–581, 584, 587, 589, 592, 596, 598, 602
«Было или не было (О романе В. Ропшина)» — 219
«Великие искания» — 85
«Великий искатель» — 44
«Вечные пути (Реализм и романтизм)» — 308
«В заколдованном кругу (Стихи Вл. Пяста)» — 254
«Вольга и Микюла» — 544, 545
«Восток или Запад?» — 474, 475
«Два юбилея» — 161
«Драмы Герцена» — 133
«Жеманницы» — 301, 310
«Жертвы вечерние» — 264
«Жизнь надо заслужить (Сергеев-Ценский)» — 253
«Заветы прошлого и достижения будущего» — 327
«Земля и железо» — 410, 432, 457, 459, 472
«Искусство и демократия» — 580
«Испытание огнем» — 561, 580, 581
«Клопные шкурки» — 204
«Крестный путь (Н. Г. Чернышевский как революционер)» — 559
[«Критическая история новейшей литературы»] («Русская литература XX в.») — 384
«Лев Толстой» — 187
«Литература и общественность» — 85, 99
«Литература и революция» — 579
«Мороженое из сирени» — 225
«"Народ" и "интеллигенция"» — 57

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Неизвестная повесть Герцена» — 133
- «О Куприне» — 105
- «Правда или кривда» — 249
- «Природы радостный причастник (Поэзия Н. Клюева)» — 291
- «Роза и Крест (Поэзия Александра Блока)» — 262, 263
- «Русская литература в 1912 г.» — 110, 153, 155, 185, 188, 192
- «Русская литература в 1913 г.» — 252, 273, 282
- «С Антихристом за Христа» — 587
- «Свое лицо» — 598
- «Силуэт г. Айхенвальда» — 250
- «Скифы (Вместо предисловия)» — 580
- «Т. Н. Грановский» — 210
- «Творчество и критика» — 85, 99
- «Гленное и нетленное» — 182
- «Улица» — 571
- «Черная Россия» — 163
- «Что впереди?» — 579
- Ивановская П. С. — 495
- Иванчин-Писарев А. И. — 118, 130, 217, 381, 580
- Ивинский Б. И. (Икар) — 113
- Ивнев Р. (Ковалев М. А.) — 175, 452, 471, 478, 484, 498, 499
- «Золото смерти» — 498, 499
- «Самосожжение (Откровения)» — 175, 452
- Игнатов И. Н. (И. И., И-тов И.) — 17, 32, 59, 94, 98, 108–110, 123, 124, 138, 143, 144, 155, 169, 174, 180, 182, 190, 192, 193, 198, 220, 225, 228, 234, 242, 251, 260, 261, 271, 279, 280, 294, 305, 312, 325, 328, 331, 347, 360, 361, 374, 383, 400, 402, 406, 412, 422, 423, 431, 438, 440, 453, 487, 497, 505, 511, 515, 524, 581, 586
- «Беллетристика и критика “Летописи”» — 440
- «Бессилие или сила личности» — 220
- «Гимн справедливости» — 242
- «Деревенская поэзия» — 360
- «Журнальная беллетристика последних месяцев» — 438
- «Литературные отголоски» — 524
- «Муки самопрезрения» — 406
- «На выставке А. С. Голубкиной» — 360
- «Неожиданности» — 581
- «Об Андрее Белом» — 512
- «Отдохновении» — 412
- «Философские опыты» — 422
- «Хамство» — 586
- Игнатьев И. В. (Ивей, Казанский И. В.) — 84, 106, 118, 144, 148, 158, 215, 227
- «Выставка картин Кульбина» — 158
- «Первый год эго-футуризма» — 84
- «Футуристы и футуризм» — 118
- «Эго-футуризм» — 215
- Игумнов К. Н. — 390
- Изгоев А. С. (Ланде А. С.) — 7, 8, 9, 17, 114, 169, 247, 414, 464, 555, 556
- «Летописные скандалы» — 464
- «Преодоление террора» — 169
- «Просветы» — 414
- «Революция и культура» — 556
- Измайлов А. А. (А. И., Аякс) — 10, 13, 18, 49, 58, 62, 97, 99, 110, 120, 126, 127, 159, 167, 169, 174, 209, 224, 229, 266, 307, 313, 315, 329, 331, 333, 357, 370, 371, 378, 380, 386, 393, 402, 403, 411, 419, 424, 437, 441, 444, 457
- «Вечный студент» — 386
- «Город Медного всадника» — 313
- «Грех деревни в городской обделке» — 266
- «“Жалобы” М. Горького и смятенные души по Гл. Успенскому» — 62
- «И. д. “властителя дум”» — 393
- «Кабинетные баталисты» — 402
- «Красавица, нюхающая табак» — 224
- «Кривое зеркало» — 419
- «Литературные кружева и война с дьяволами» — 441
- «Новые позиции футуризма» — 419
- «Осиновый кол» — 419
- «Парадоксы книжного рынка» — 444
- «Последнее слово о “Яме”» — 402
- «Пришедший хам» — 229
- «Русью пахнет» — 371
- «Сон илюхондрика» — 110
- «Темы и парадоксы» — 403

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «У Ф. К. Сологуба» — 127
«Ученик и учитель» — 329
Ильинский И. (Брук И. Д.?) — 90
«Памяти старого народника» — 90
Инбер В. М. — 301, 334
«Печальное вино» — 301, 334
Иоанн Златоуст — 101
Иорданская М. К. — 98
Иорданский Н. И. (Н. И.) — 98, 150, 244, 245, 314, 541, 546, 599
«Национализация Суворина» — 150
«Первые рабочие газеты» — 244, 245
Ипполитов-Иванов М. М. — 341, 390
К. Л. — 325
«Литература для каннибалов» — 325
К. Р. (Романов К. К., вел. кн.) — 75
«Стихотворения П. С. Соловьевой» — 75
Каблуков С. П. — 224, 361, 447, 462, 573
Кадмин Н. — см. Абрамович Н. Я.
Казанский И. В. — см. Игнатьев И. В.
Калинин М. (Каринян А.) — 174, 287, 288, 314, 332
«Возрождение реализма» — 287, 288
Калмыкова А. М. — 131, 381, 429, 607
Каменев Ю. (Каменев Л. Б.) — 220, 567
Каменский А. П. — 97, 140, 153, 268
Каменский В. В. — 268, 275, 290, 302, 307, 317, 344, 375, 378, 381, 399, 436, 451, 517, 518, 528, 595
«Девушки босиком» — 518
«Его — моя биография великого футуриста» — 595
«Железобетонная поэма» — 307
«Книга о Евреннове» — 528
«Культура и война» — 344
«Нагой среди одетых» — 302
«Стенька Разин» — 451
«Танго с коровами» — 307
Камур С. — 380
Кандинский В. В. — 21, 92, 198, 507, 516, 517
«Куда идет “новое искусство”» — 21
«О духовном в искусстве» — 92
Кант И. — 157, 344, 359, 530, 581
Карабчевский Н. П. — 242, 243
«Адвокат “honoris causa”» — 242
Кара-Мурза С. Г. (Садлукей) — 226
Карамзин Н. М. — 490
Каратыгин В. Г. — 31, 79, 538
Кареев Н. И. — 160, 306, 347, 381, 429
Карелин М. — 478
Каржанский Н. С. (Зезюлинский Н. С.) — 13
«Париж» — 13
Каронин-Петропавловский Н. Е. — 67, 602
Карпов Е. П. — 159, 528, 559
Карпов П. И. — 248, 263, 264, 510
«Говор зорь» — 264
«Пламень» — 263, 264
Каррик А. Г. — 243
Карсавина Т. П. — 93
Карташев А. В. — 185, 289, 351, 429, 555, 575, 603
Касаткин И. М. — 95, 253, 335, 354, 422, 443, 468
«Лесная быль» (сборник) — 468
«Село Миккульское» — 95
Катанян В. А. — 5, 106, 173, 197, 218, 241, 258, 267, 307, 373, 374, 428, 467, 539, 551, 559, 585, 591, 603
Катков М. Н. — 231, 238, 328
Катонин Л. И. — 552
Каховский П. Г. — 179
Качалов В. И. — 61, 91, 182, 213, 341, 365, 453, 584
Кашин Н. П. — 393, 400
Кашкин Н. Д. — 390
Келин П. И. — 357
Келтуяла В. А. — 63
«Курс истории русской литературы» — 63
Керенский А. Ф. — 506, 534, 540, 541, 544, 551, 552, 557, 560, 565, 568, 574, 576, 578, 583, 584, 586, 593, 596, 597, 599, 602
Керженцев П. М. — 131
Кизеветтер А. А. — 59, 159, 445, 556
«Новый труд Г. В. Плеханова по русской истории» — 445
«Русская свобода» — 556
Кипен А. А. — 25, 305, 337, 366, 500, 564, 570
«Мга» — 25
Кипен Г. — 377
Киреевский И. В. — 328

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Киреевский П.В. — 86, 328
Кирпичников А.И. — 267
Кисин С.В. — 435
Кладо Т. — 526
Клейнборг Л.Н. — 143, 247, 277, 305,
309, 327, 367, 368, 378, 417, 443,
444 (критик), 464
«Беллетристы-самоучки» — 443-
444
«Горький на родине» — 305
«Крах души» — 143
«М. Горький и читатель низов» —
277
«Наши песни» — 309
«Новый читатель» — 327
«Поэты-пролетарии» — 417
«Поэты-пролетарии о войне» — 464
«Рабочая интеллигенция и искусст-
во» — 247
Клестов Н.С. (Ангарский Н.) — 27,
81, 91, 454
Клинг О.А. — 4
«Клич» (сборник) — 393, 437
Клычков С.А. — 16, 20, 51, 82, 189,
248, 249 (автор), 416, 463, 510,
587
«Песни» — 16
«Потаенный сад» — 248, 249
Клюев Н.А. — 82, 83, 98, 111, 128,
146, 147, 167, 189, 215, 244, 268,
291, 295, 299, 319, 334, 414, 416,
427, 459, 460, 471, 472, 481, 510,
512, 522, 529, 530, 568, 580, 581,
587, 590, 591
«Братские песни» — 128, 146, 147
«В этот год за святыми обедня-
ми...» — 414
«Застольный сказ» — 590
«Красная песня» — 568
«Лесные были» — 215, 299
«Мирские думы» — 459
«Молитва солнцу» — 590
«Песни Голгофских христиан» —
146, 147
«Сказ грядущий» — 590
«Сосен перезвон» — 83, 84 (книга)
Ключевский В.О. — 43, 496
Клюшников В.П. — 129, 142
Книппер О.Л. — 341
Княжнин В.Н. — 176, 233, 237, 427
Князев В.В. — 553
Ковалевский М.М. — 257, 269, 416
Коган П.С. — 18, 127, 160, 256, 442,
471, 482
«И.А. Бунин» — 471
«Немецкий романтизм перед судом
мистики» — 256
«Очерки по истории западноевро-
пейских литератур» — 18
«Попранные святые» — 482
«Пролог» — 442
Кожебаткин А.М. — 425
Кожевников П.А. — 45, 72
Козловский Л.С. — 162, 368, 423
«Певец "Суходола"» — 162
Койранский А.А. — 22, 48, 61
Кожовцев Д.И. — 527, 533, 562, 575,
588, 594
«Русская лирика в 1917 г.» — 527,
533, 562, 575, 594
Кокорин П.М. — 69
Колбасина С. (Чернова О.Е.) — 84
Коллонтай А.М. — 429, 571
Колосов Е.Е. — 303
«Чему нас учил Н.К. Михайлов-
ский» — 303
Колтоновская Е.А. (Е.К.) — 9, 10, 15,
17, 28, 34, 44, 88, 96, 103, 107,
138, 154, 164, 186, 187, 191, 196,
216, 217, 220, 234, 239, 253, 254,
259, 260, 263, 271, 294, 303, 311,
322, 324, 326, 330, 346, 350, 351,
355, 359, 361, 366, 370, 374, 376,
378, 391, 396, 402, 405, 418, 420,
421, 424, 437, 476, 479, 480, 483,
505, 509, 519, 526, 532, 546
«Бунин и старая Россия» — 376
«Бунин как художник-
повествователь» — 326
«Быть или не быть» — 220
«Вечерние мотивы» — 216
«Возрождение романа» — 480
«Война и писатели» — 359
«Вокруг войны» — 370, 391
«В тоске по солнцу» — 303
«Гармония контрастов» — 526, 546
«Из новейшей литературы. Арш-
башев» — 259
«Критические этюды» — 96
«Литература и война» — 350, 355
«Литература отражений» — 483
«Мираж возрождения» — 322
«Мир и война в рассказах
Ал. Толстого» — 405
«Наследие индивидуализма» — 479

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Новая жизнь. Критические статьи» — 96
 «Новое в литературе» — 509, 519
 «Отстоявшееся (Война и деревня)» — 476
 «О Шмелеве» — 355
 «Поэт жизни» — 366
 «Пути и грани молодой литературы» — 370
 «Русское естество» — 186, 196
 «Сергеев-Ценский» — 253
 «Сон или умирание» — 418, 424, 437
 «Судьба альманаха» — 239
 «Театр и литература» — 374
 «Этнограф-поэт» — 103
 Кольцов А.В. — 248
 Комарович В.Л. — 517
 Комаровский В.А. — 255, 479
 «Первая пристань» — 255
 Коммиссаржевская В.Ф. — 198, 272, 274, 454, 515
 Коммиссаржевский Ф.Ф. — 294
 Кондратьев А.А. — 33, 72, 156, 287, 289, 388
 «Улыбка Ашеры» — 33
 Кондурушкин С.С. (С.К.) — 39, 89, 238, 277, 391, 400, 432, 555
 «Возрождающийся Китай» — 39
 «На Дальнем Востоке» — 39
 «“Публика” и “футуристы”» — 277
 «Чужой ум» — 432
 Коневской И. (Ореус И.И.) — 293
 Коенков С.Т. — 357, 516
 Кони А.Ф. — 252, 600
 Коновалов А.И. — 176, 522, 603
 Кончаловский П.П. — 39, 79, 106, 297, 349, 357, 409, 465, 508
 Коонен А.Г. — 61
 Корещкая И.В. — 4
 Корин А.М. — 341
 Коринфский А.А. — 187, 510
 Корнилов Л.Г. — 577, 578, 583, 584
 Корнфельд М.Г. — 55, 95
 Коробка Н.И. — 97, 309, 342
 «Б.Зайцев» — 342
 «И.С.Шмелев» — 309
 Коровин К.А. — 61, 79, 80, 92, 341, 349, 404, 435, 465, 539
 Короленко В.Г. — 3, 6, 17, 19, 20, 28, 30, 39, 65, 81, 82, 88, 98, 100, 104, 105, 111, 114, 119, 127, 130, 131, 139, 142, 146, 148, 153, 160, 190, 201–203, 205, 218, 228, 238, 242, 246, 248, 256, 259, 264, 265, 269, 284, 306, 327, 331, 333, 337, 340, 346–348, 351, 357, 372, 376, 381, 383, 403, 408, 413, 415, 433, 435, 454–456, 471, 489, 490, 492, 495, 504, 506, 510, 513, 520, 522–525, 529, 536, 540, 541, 544, 545, 547, 548, 556, 563, 566, 569, 573, 574, 577, 585, 598–600, 603–607
 «Бытовое явление» — 348
 «Вместо вступления» — 520
 «Война, отечество и человечество» — 574
 «В пустынных местах» — 331
 «В успокоенной деревне» — 20
 «Герой повести Л.Н.Толстого» — 104
 «Голоса отрезвления» — 603
 «Господа присяжные заседатели» — 256
 «Дело Глускера» — 348
 Дневник. 1917–1921 — 599, 600, 604
 «Извольт забавляться» — 520
 «Искушение» — 333
 «История моего современника» — 351
 «Истязательская оргия» — 88
 «Кризис» — 520
 «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)» — 82
 «Легенда о царе и декабристе» — 19
 «Мнение мистера Джаксона о еврейском вопросе» — 408, 413
 «Мыши в подполье» — 536
 «На Лукояновке» — 256
 «Н.К.Михайловский» — 284
 «Новейшая русская история по В.В.Шульгину» — 520
 «Один случай» — 39
 «О каштане Кюнене» — 504
 «О марьямпольской измене» — 492
 «Опять цензура» — 599
 «О “России” и о революции» — 88
 «О свободе печати» — 348
 «О суде, о защите и о печати» — 246
 «Отвоєванная позиция» — 372
 «Отечество в опасности» — 536

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Открытое письмо В.Л. Бурцеву» — 574
«Очерки и рассказы» — 376, 433
«Падение царской власти» — 547, 556
«Печатный станок и пишущая машинка» — 510
«Письмо в редакцию» — 563
«Пленные» — 536
«Побольше честности» — 569
«После приговора» — 256
«Прежде и теперь» — 603
«Протест в защиту свободы печати» — 605, 607
«Русская пытка» — 113
«С двух сторон» — 347
«Случайные встречи» — 504
«Старые традиции и новый орган» — 492
«Торжество победителей» — 604
«Турчин и мы» — 228
«Черты военного правосудия» — 30
[Короленко Е.С.] — 540 (жена)
[Короленко Н.В.] — 218 (дочь)
[Короленко С.В.] (дочь) — 243, 348, 372, 383, 408
Королицкий М.С. — 352, 392, 394, 469, 479, 509
 «Творчество Горького последних лет» — 352, 394
Корш Ф.А. — 14, 77, 161
Котляревский Н.А. — 195, 247
Котляревский С.А. — 344, 555
Коцюбинский М.М. — 38, 40, 87 (Коцюбинский), 128–130, 137, 152
 «Тени забытых предков» — 128
Коялович М.М. — 7
Крамской И.Н. — 77
Кранихфельд В.П. (Вл.Кр.) — 13–15, 32, 57, 60, 76, 85, 98, 99, 101, 121, 132, 136, 142, 151, 160, 169, 197, 199, 212, 219, 220, 232–234, 237, 239, 247, 254, 261, 264, 271, 279, 280, 290, 310, 316, 351, 363, 369, 400, 434, 527
 «Бард русской интеллигенции» — 13, 14
 «В деревне и около нее» — 234
 «В мире идей и образов» — 15, 85
 «В мире призраков» — 239, 261, 264
 «80 тысяч верст вокруг себя» — 212
 «Жизнь и кажимость» — 279, 290
 «Жупеческий декаданс» — 136
 «Метаморфозы» — 197
 «Новый тип альманаха» — 527
 «Обличение женщины» — 280
 «О критике и критиках» — 57
 «Ответ Г.В. Плеханову» — 220
 «Русская литература» — 363
 «Томление духа и утверждение жизни» — 121
 «Утро жизни» — 351
Красин Л.Б. — 545
Красинский З. — 167
Кратов А. (Книжник И.С.) — 413
Крашенинников Н.А. — 25, 74, 234, 361, 402, 444, 509
 «Амели» — 402
 «Девственность» — 234
 «Жизнь Игнатия Ильича» — 25
 «Мечты о жизни» — 74
 «Осень» — 509
 «Плач Рахили» — 361
Кремлев А.Н. — 400
Крустовский В.В. — 129, 142
Кречетов С. (Соколов С.А.) — 66, 118, 151, 165, 166, 215, 246, 248, 279, 292, 307, 310
Кривцов А. — 302
 «Нагой среди одетых» — 302
 «Критика о творчестве Игоря Северянина», сборник — 437
Кропоткин П.А. — 243, 536, 560, 574
 «К русским гражданам» — 536
Кроткий Э. (Герман Э.Я.) — 553
Крупн Ф. — 344, 359
Крупская Н.К. — 87
Крусанов А.В. — 13, 39, 79, 84
 «Русский авангард» — 13, 39, 79, 84
Кручных А.Е. — 106, 166, 198, 208, 209, 212, 213, 236, 241, 255, 258, 263, 266, 273, 275, 287, 295, 302, 349, 353, 378
 «Бух лесинный» — 241
 «Взорваль» — 241
 «Возропщем» — 241
 «Декларация слова, как таковое» — 236
 «Дыр, бул, шыл» — 209
 «Игра в аду» — 166
 «Полуживой» — 208
 «Помада» — 208, 209
 «Слово, как таковое» — 263, 275

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Старинная любовь» — 166
«Стихи В. Маяковского» — 302
«Трое» — 255
«Чорт и речетворцы» — 273
Кручинин А. — 345
 «У А. И. Куприна» — 345
Крылов А. Н. — 545
Крымов Н. П. — 357, 361, 404, 422,
 435, 465
Крэг Г. — 91, 236
Крюков Ф. Д. — 98, 138, 148, 202,
 203, 218, 234, 237, 263, 312, 381,
 388, 391, 400, 462, 494, 511, 512,
 547, 548
 «Весна-красна» — 218
 «В углу (Летние впечатления)» —
 494
 «Группа Б (Силуэты)» — 511
 «Неопалимая купина» — 202, 203
 «Обвал» — 547
 «Около войны» — 381
 «Ползком» — 512
 «Рассказы» — 312
 «Сеть мирская» — 98
 «Четверо» — 388
Крючков Д. А. — 148, 325, 346, 419
 «Поспешные поминки» — 346
Кубинов И. Н. — 314
 «О романе А. Библика» — 314
Кублицкая-Пиоттух А. А. — 79 (мать),
 117, 139, 217 (мать), 262 (мать),
 320 (мать), 543 (мать), 558, 564,
 566, 572
Кугель А. Р. (Негорев Н., Homo No-
 vus) — 60, 91, 154, 171, 182, 183,
 357, 417, 501, 507, 587
Кудрявцев А. П. — 445
Кудряшов М. И. (М. К.) — 49
Кузмин Г. Л. — 197
Кузмин М. А. — 47, 51, 54, 55, 60, 64,
 68, 69, 73, 76, 82, 87, 93, 94, 97,
 104, 109–111, 118, 121–123, 134,
 135, 140, 150, 151, 158, 163, 195,
 222, 316, 320, 332, 333, 339, 340,
 363, 378–380, 398, 400, 402, 403,
 420, 425, 434, 437, 438, 444, 449,
 450, 452, 470, 471, 484, 485, 493,
 503–505, 509, 511, 515, 517, 521,
 561, 567, 573, 591
 «Антракт в овраге» — 509
 «Апрель» — 470
 «Венецианские безумцы» — 425
 «Военные рассказы» — 400
«Все дни у Бога хороши...» — 503
«Герон» — 340
«Глиняные голубки» — 332, 333,
 438
«Кирикова лодка» — 400
«Мечтатели» — 222
«Осенние озера» — 150, 151 (кни-
 га), 158
«Осенний май» — 51
«Оставшиеся» — 340
«Письмо в редакцию» — 134
«Письмо о русской поэзии» — 135
«Плавающие-путешествующие» —
 379, 380, 438
«Принц с мызы» — 316
«Прямой путь» — 420
«Пятая книга рассказов. Зеленый
 соловей» — 402
«Раздумья и недоумения Петра От-
 шельника» — 333
«Сети» — 430, 437, 505
«Смертельная роза» — 521
«Среди ночных и долгих бде-
 ний...» — 503
«Третья книга рассказов» — 222
«Ушедшее» — 340
«Четвертая книга рассказов. По-
 койница в доме. Сказки» — 339
Кузнецов П. В. — 173
Кузьмин-Караваев Д. В. — 68, 90, 184,
 361
Кузьмина-Караваева Е. Ю. — 68, 79,
 90, 124, 485
 «Руфь» — 485
 «Скифские черепки» — 124
Кульбин Н. И. — 92, 106, 158, 184,
 195, 207, 208, 243, 276, 285, 286,
 297, 301, 420, 425, 493, 516, 517,
 523, 595
 «Новые течения искусства» — 92
 «Что есть слово» — 301
Купала Я. — 82
Куприн А. В. — 79, 101, 384, 409, 507
Куприн А. И. — 25, 30, 43, 67, 72, 88,
 96, 100, 105, 111, 128, 140, 154,
 187, 189, 194, 207, 246, 265, 268,
 274, 287, 319, 342, 344, 350, 361,
 362, 366, 376, 397, 402, 403, 420,
 427, 441, 476, 488, 497, 500, 527,
 531, 555
 «Гамбринус» — 105
 «Гоголь-Моголь» — 427
 «Гранатовый браслет» — 25, 72

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Жидкое солнце и другие рассказы» — 476
«Заметка о Джеке Лондоне» — 43
«Исполнины» — 88
«Королевский парк» — 30
«Лазурные берега» — 246
«Листригоны» — 30, 105
«Мирное житие» — 105
«Мысли Сапсана XXXVI» — 527
«Поединок» — 366, 397, 402
«Поэт-одиночка (О Саше Черном)» — 488
«Рассказы» — 72
«Река жизни» — 105
«Святая ложь» — 319
«Союзники» — 441
«Суламифь» — 105
«Тараканья щель» — 274
«Уточкин» — 441
«Яма» — 361, 362, 402, 497
Куприянов Л.П. — 558
Купченко В.П. — 80
Курдюмов В.В. — 74, 75
«Азра» — 74, 75 (стихи)
Курепин А. — 131
Кусевицкий С.А. — 31, 552, 560
Кускова Е.Д. — 89, 90, 152, 241, 251
«Еще о “раненых”» — 89, 90
«О нападках на Максима Горького» — 251
«Сказка о слове, девушках и бирюльках» — 241
Кустоднев Б.М. — 23, 91, 173, 347, 361, 404, 465
Кушнер Б.А. — 497
«О звуковой системе поэтической речи» — 497
Кшесинская М.Ф. — 559
Л.С. — 454, 519
Лаврин Я. — 167
Лавров А.В. — 91
Лаврский Н. — 212
«Желторотые мальчики» — 212
Лагерлеф С. — 34
Ладьянников И.П. — 181, 264
Лазаревский Б.А. — 243, 370, 403, 415, 434, 435, 512
Лазарис Г. — 40
Лансере Е.Е. — 91, 122
Лансере Н.Е. — 538, 560
Ларин О. (Рабинович И.Я.) — 145
Ларионов М.Ф. — 39, 79, 92, 100, 101, 115, 166, 181, 185, 208, 349, 384, 409, 517, 523
Ларошфуко Ф. — 407
Лассаль Ф. — 301
Левидов М.Ю. — 330, 353, 408, 436, 466, 509, 546, 556, 562
«Борцы против социализма» — 556
«Писатель без человека» — 353
Левин Д.А. — 227, 274
Левин К.Н. — 440
«А.И.Герцен и Польша» — 440
Левинсон А.Я. — 198, 362, 425, 429, 465
«Мир искусства» — 465
Левитан И.И. — 160, 473
Левитов А.И. — 229
Ледницкий А.Р. — 159
Лежнев Н.А. — 551
Леман Г.А. — 595
Лемке М.К. — 95, 384, 416, 489, 496, 596
Ленин В.И. (Ильин В.) — 6, 9, 33, 105, 114, 131, 133, 150, 151, 169, 186, 199, 201, 205, 221, 323, 342, 540, 546, 547, 552, 569, 571, 574, 576, 583, 589–592, 597, 599, 602–604, 607
«Карьера» — 150
«Л.Н.Толстой и его эпоха» — 9
«О задачах пролетариата в данной революции» («Апрельские тезисы») — 547
«Памяти Герцена» — 133
«Удержат ли большевики государственную власть?» — 589
Ленский Вл. — см. Абрамович В.Я.
Лентулов А.В. — 79, 222, 297, 349, 357, 384, 399, 507, 539
Леонидов Л.М. — 213, 305, 320, 341
Леонтьев К.Н. — 42, 85, 328, 380, 567
«О романах гр. Л.Н.Толстого» — 42
Лепковская А.Н. — 298
Лермонтов М.Ю. — 47, 135, 248, 414, 485, 516, 530, 543, 595
«Маскарад» — 530
Лернер Н.О. (Н.Л.) — 33, 34, 54, 187, 194, 232, 240, 387, 448, 482
«Гнев Бориса Саловского» — 387
«Забятая повесть Пушкина» — 194
«Заметки читателя» — 232

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Облезлая радуга» — 482
 Лесков Н.С. — 18, 111, 129, 145, 233, 394, 410
 Леткова Е.П. — 284
 «Из писем Н.К.Михайловского» — 284
 Лешковская Е.К. — 341
 Либер М.И. — 599
 Лившиц Б.К. — 26, 82, 198, 208, 211, 275, 295, 302, 307, 317
 «Волчье солнце» — 317
 «Флейта Марсия» — 26
 Лигин Л. (Гальберштадт Л.И.) — 576
 «Воскресшая "Правда"» — 576
 Лилина М.П. — 61, 453
 Линдер М. — 296, 392
 Липскеров К.А. — 424, 447-450, 456, 468, 481
 «Лирика» (альманах) — 234, 235
 Лиров М. (Литваков М.С.) — 394, 431, 440, 457, 464, 480
 «Литературная новь» — 480
 «О "Летописи"» — 464
 «Литературный Альманах» — 82
 Литовский Л. — 296
 «Лучезарные маэстро» — 296
 Лобанов С.Д. — 432
 Лозинский М.Л. (Л.) — 68, 79, 103, 157, 165, 210, 274, 450
 «Воскресшая» — 274
 «Горный ключ» — 450
 Локс К.Г. — 527, 532
 Лондон Д. — 43, 53, 214, 294, 317
 «Белое безмолвие» — 53
 Лопатин Г.А. — 265, 535
 Лопатин Л.М. — 525
 Лопатин Н.П. — 49
 Лопухова Е.В. — 93
 Лор — 14
 Лосский Н.О. — 43
 «Нравственная личность Толстого» — 43
 Лохвицкая М.А. — 106, 175, 184
 [Лошкарева (Короленко) М.Г.] — 540 (сестра)
 Луговой А.А. (Тихонов А.А.) — 221, 243
 Лукаш И.С. (Оредж И.) — 69
 Лукницкая В.Н. — 79
 «Николай Гумилев» — 79
 Лукницкий П.Н. — 79
 «Асупана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1» — 79
 Лукомский Г.К. — 538
 Луначарский А.В. — 85, 152, 154, 206, 307, 429, 553, 559, 564, 568, 571, 589, 593, 600, 601, 603-605
 «Идеи в масках» — 85
 «Культура общечеловеческая и классовая» — 564
 «Культура социализма торжествующего и социализма борющегося» — 564
 «Письмо из Парижа» — 206
 «Сретенне» — 604, 605
 «Чем может быть народный дворец» — 564
 Лундберг Е.Г. — 132, 192, 260, 261, 279, 315, 317, 329, 363
 «Лирика Федора Сологуба» — 132
 «О футуризме» — 315, 317
 «Проза и поэзия З.Гиппиус» — 192
 Львов Г.Е. — 544
 Львова Н.Г. — 113, 123, 144, 189, 272, 434
 «Холод утра. Несколько слов о женском творчестве» — 113, 123, 272
 Львов-Рогачевский В.Л. (В.Л., В.Л.Р.) — 17, 24, 32, 41, 44, 51, 54, 64, 66, 73, 93, 94, 98, 108, 109, 111, 127, 138, 142, 146, 149, 158, 163-165, 167, 187, 189, 198, 200, 232, 234, 237, 239, 241, 245, 248, 260, 261, 269, 282, 285, 313, 314, 318, 330, 352, 388, 395, 410, 418, 427, 432, 439, 542
 «Без темы и без героя» — 158, 189
 «Великое ожидание (Обзор современной русской литературы)» — 395, 410, 418
 «В мире звуков» — 142
 «В своем доме (А.С.Суворин)» — 149
 «Вчера, сегодня и вероятное завтра русской литературы» — 282
 «Две правды. Книга о Леониде Андрееве» — 318
 «Из жизни литературы (В лагере символистов)» — 285
 «Обзор современной русской литературы» — 439
 «Осенние сборники» — 260, 261
 «Погодин и Жегулев» — 93, 94
 «Символисты и наследники их» — 245

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Тихий Петя о бурной эпохе» — 239
 «Художник обездоленных (Ив. Шмелев)» — 164
 «Художник-правдоискатель» — 138
 Лыдов К.Н. — 26
 «Без размера и созвучий» — 26
 Любавина Н.И. — 428
 Любош С. (Любошци С.Б.) — 171, 177, 218
 «Суд над “Екатериной Ивановной”» — 218
 Люксембург Р. — 131
 Ляхович К.И. — 218, 506
 Ляцкий Е.А. — 98, 150, 152, 156, 173, 177, 180, 191, 206, 230, 249, 276, 500, 541
 «В мире намеков и символов» — 500
 «Господин Айхенвальд около Беллинского» — 249
 М.Г. — 37
 М.З. — 501
 М.Ск. — 445
 Майгур П.И. (Сурмин П., Раки-тин С.) — 482, 484, 509, 517, 532
 «Петербургская “повесть”» — 532
 «Театр А.Блока» — 482
 Маклаков В.А. — 176, 288, 506, 575
 Маковский В.Е. — 92
 Маковский С.К. — 93, 212, 231, 269, 270, 539
 «Душа реакции» — 231
 «Министерство искусств» — 539
 «“Новое искусство” и “четвертое измерение”» — 212
 «Ответ Н.Пунину» — 270
 «Страницы художественной критики» — 270
 Малахнева-Мирович В.Г. — 159, 453
 «О смерти в современной поэзии» — 159
 Малевич К.С. — 39, 79, 166, 181, 241, 297, 357, 434, 444, 507, 508, 517
 «От кубизма к супрематизму» — 444
 Малиновская Е.К. — 13, 25
 Малларме С. — 232
 Малышев С.В. — 366
 Малютин С.В. — 341, 361, 404, 435
 Малявин Ф.А. — 272
 Малянтович П.Н. — 550
 Мамин-Сибиряк Д.Н. — 159, 161, 167, 460
 Мамонтов С.С. — 100, 173, 305, 320
 Мандельштам Е.Э. — 223, 390
 Мандельштам О.Э. (О.М.) — 43, 68, 82, 90, 93, 104, 158, 178, 189, 194, 203, 206, 210, 223, 224, 229, 241, 252, 256, 269, 274, 275, 285, 340, 356, 358, 361, 390, 447-449, 462, 471, 490, 494, 502-504, 516, 567, 573, 604
 «Адмиралтейство» — 356
 «Анне Ахматовой» — 274
 «Бах» — 274
 «В душном баре иностранец...» — 206
 «В огромном омуте прозрачно и темно...» — 43
 «В разногласии девического хора...» — 503
 «В таверне воровская тайна...» — 256
 «Душа устала от усилий...» — 252
 «Европа» — 340
 «Зверинец» — 573
 «Из омута злого и вязкого» — 43
 «Как тень внезапных облаков» — 43
 «Камень» (1913) — 223, 224, 361, 390
 «Камень» (1916) — 390, 447-448, 573
 «Качает ветер тоненькие прутья...» — 252
 «Когда октябрьский нам готовил временщик...» — 604
 «Когда показывают восемь...» — 178
 «Когда удар с ударами встречается...» — 43
 «Лютеранин» — 206
 «Мы напряженного молчания не выносим» — 274
 «О собеседнике» — 203
 «О современной поэзии (К выходу “Альманаха Муз”)» — 503
 «От легкой жизни мы сошли с ума...» — 503
 «Паденье — неизменный спутник страха...» — 256
 «Перед войной» — 340
 «Петербургские строфы» — 206

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Пусть в душевной комнате...» — 256
«Темных уз земного заточения...» — 43
«Тысячеструнный поток» — 178
«Я не поклонник радости предвзятой» — 178
[Мандельштам Э.В.] — 223 (отец)
Мануйлов А.А. — 544
Манухин И.И. — 545
Марджанов К.А. — 243, 248, 267
Маринетти Ф.-Т. — 212, 288, 295, 296, 298, 302, 309, 491
«Манифест итальянского футуризма» — 296
«Футуризм» — 296
«Эстетика футуризма» — 295
Маркевич Б.М. — 142
Марков А.А. — 545
Марков Н.Е. — 514, 569
Маркс А.Ф. — 158, 187, 281, 302, 348, 437
Маркс К. — 99, 113, 239, 240, 301, 463, 496, 535, 606
«Капитал» — 240
Маркузе И.К. (М-е) — 407
«Правдивая душа» — 407
Мартов Л.О. — 127
Масаннов А.А. — 460
«Новые поэмы» — 460
Массалигинов Н.О. — 453
Матвеев В. — 464
«Поэт обыденности» — 464
Матисс А. — 69, 70, 107, 222
Матюшин М.В. — 197, 218
Маширов-Самобытник А. (Маширов А.И.) — 309
Машков И.И. — 39, 79, 92, 101, 222, 297, 349, 357, 384, 409, 465, 508, 539
Маяковский В.В. — 5, 106, 173, 197, 198, 206, 208, 211–213, 215, 218, 230, 241, 246, 258, 266–268, 274, 275, 278, 290, 295, 298, 299, 302, 307, 309, 320, 321, 326, 334, 335, 342, 345, 349, 356–358, 373–375, 378, 379, 383, 384, 399, 401–403, 408, 409, 412, 413, 415, 419, 421, 428, 436, 438, 451, 467, 486, 491, 493–495, 502, 503, 507, 517, 518, 536, 539, 548, 551, 553, 557, 559, 570, 575, 585, 591, 594, 603
«А все-таки» — 307
«Бегом через вернисажи» — 356, 357
«Без белых флагов» — 349
«Большевики искусства» — 585
«Будетляне» — 356
«Вам!» — 373, 436
«Владимир Маяковский» — 274, 309
«Военно-морская любовь» — 401
«Война и мир» — 494, 548, 551, 575, 585
«Война и язык» — 349
«Война объявлена» — 335
«Вот так я сделался собакой» — 403
«Вравшим кистью» — 349
«Гимн здоровью» — 403
«Гимн критике» — 403
«Гимн обеду» — 403
«Два Чехова» — 334
«Достижения футуризма» — 268
«Еще Петербург» — 307
«И нам мяса!» — 349
«Как бы Москва не осталась без художников» — 356, 357
«Капли дегтя» — 436
«К ответу!» — 575
«Кофта фата» — 307
«Мама и убитый немцами вечер» — 349
«Нате!» — 258, 302
«Наше искусство — искусство демократии» — 591
«Не бабочки, а Александр Македонский» — 349
«Облако в штанах» — 374, 378, 379 («Облако»), 383, 403, 408, 412, 413, 438, 536
«О новейшей русской поэзии» — 173
«О разных Маяковских» — 408
«Послушайте!» — 307
«Поззо-вечер Игоря Северянина» — 358
«Поэты на фугасах» — 349
«Пришедший сам» — 211
«Простое, как мычание» — 502–503
«Революция» — 557, 585
«Россия. Искусство. Мы» — 349
«Сказочка» («Сказка о красной шапочке») — 570

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Скрипка и немножко нервно» — 349
 «Театр, кинематограф, футуризм» — 246
 «Теперь к Америкам!» — 349
 «Теплое слово кое-каким породам» — 403
 «Флейта-позвоночник» — 428, 436, 467
 «Человек» — 591
 «Штатская шрапнель» — 349
 «Я!» — 241
- Медведев П. Н. — 135
- Мейерхольд В. Э. — 46, 61, 170, 171, 198, 199, 208, 219, 236, 274, 304, 319, 320, 374, 421, 443, 530, 551
 «О театре» — 198, 199
 «Переписка. 1896–1939» — 46
- Мельгунов С. П. — 68
- Мельников-Печерский П. И. — 111
- Мельшин Л. — см. Якубович П. Ф.
- Менделеева Л. Д. — см. Блок Л. Д.
- Меньшиков М. О. — 44, 149, 170, 243, 265, 335, 384, 531, 534
 «Должны победить» — 335
 «Еврейские янычары» — 265
 «Письма к ближним» — 384, 531
 «Суета сует» — 243
 «Три опасности» — 534
 «Фальшь толстовщины» — 170
- Мережковские — 530, 541, 577
- Мережковский Д. С. — 23, 30, 43, 50, 51, 82, 91, 98, 150, 153, 155, 156, 161, 170–172, 177, 179–181, 185, 192, 194, 195, 204, 207, 227, 238, 247, 248, 251, 265, 269, 270, 285, 287–289, 327, 332, 345, 350, 360, 374, 375, 381, 384, 386, 387, 391, 400, 403, 413, 421, 427, 428, 434, 453, 454, 470, 484, 490, 491, 495, 496, 500–502, 505, 519, 524, 532, 541, 546, 560, 562, 574, 579, 586–588, 592, 607
 «Александр I» — 30, 43, 51, 179, 180, 207
 «Ангел революции» — 546
 «Будет радость» — 453, 454, 519, 532
 «Было и будет» — 386
 «В. Розанов» — 238
 «Воскреснет (Из дневника)» — 470
 «Горький и Достоевский» — 251
 «Два ислама» — 350
- «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» — 386, 387
 «Декабрист Булатов» — 400
 «Есть Россия» — 579
 «Еще шаг грядущего Хама» — 332
 «Завет Белинского» — 375, 391
 «Зачем воскрес? Религиозная личность и общественность» — 484
 «Как Розанов пил кровь» — 270
 «Невоенный дневник» — 587–588
 «Некрасов» — 248
 «Не святая Русь» — 495
 «Несоленая соль» — 194
 «Осел и розы» — 172
 «О черных колодах» — 177
 «Павел I» («Смерть Павла I») — 153, 586
 «Первенцы свободы. История восстания 14 декабря 1825 г.» — 574, 587 («14 декабря»)br/>
 «Пророк русской революции» — 524
 «Религиозное народничество» — 327
 «Романтики» — 500, 501, 519, 562
 «Русские декаденты и самоубийство» — 285
 «Смерть Богов. Юлиан Отступник» — 23
 «Суворин и Чехов» — 288
 «Тайна Тютчева» — 285
 «Убийца лебедей» — 345
 «Упырь» — 607
 «Христос и Антихрист» — 23
 «Чего пожелать русским писателям в 1912 году» — 98
- Мерич А. (Даманская А. Ф.) — 431
- Меркуров С. Д. — 77
- Метерлинк М. — 15, 18, 198, 279, 320, 342, 397
 «Пелеас и Мелизанда» — 69
- Метнер Э. К. — 116, 117, 132, 146, 157, 172, 181, 350
 «Вступительное слово редактора» — 117
 «Маленький юбилей одной странной книги» — 132
- Мешков Н. М. — 144, 159, 167, 187
- Мнжуев П. Г. — 306
- Миль П. — 223
 «Любовные приключения Аманды Манжен» — 223
- Мильман А. И. — 539

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Милюков П.Н. — 256, 335, 336, 338,
341, 488, 506, 507, 534, 551, 552,
560, 568
- Минский Н.М. — 154, 161, 183, 184,
205, 306, 320, 380, 385, 428, 522,
585
- «Лики войны» — 428
- «Любовь к предметам и любовь к
людям» — 306
- «Хаос» — 183, 184
- Мирабо О.-Г. — 506
- Миролюбов В.С. — 40, 53, 98, 99,
107, 118, 128, 129, 138, 142, 152,
155, 192, 217, 240, 291, 334, 421,
432, 441, 463, 495, 496
- Мирский Б. (Миркин-Гецевич Б.С.) —
531
- «О Горьком» — 531
- Митрохин Д.И. — 400, 527
- Михайловский Н.К. — 102, 127-130,
140, 159, 170, 192, 265, 284, 301,
303, 312, 387, 406, 407, 567, 579,
602
- Мицкевич А. — 230
- Мокиевский П.В. — 341, 406
- «Война и культура» — 341
- «Обнаженный нововременец» —
406
- «Молоко кобылиц» (сборник) — 302
- Мольер Ж.-Б. — 218, 219
- «Мнимый больной» — 218, 219
- Моор Д.С. — 527
- Мопассан Г. де — 518
- Моравская М.Л. — 68, 82, 178, 295,
310, 358, 414, 434, 484
- «Каторжанам Нерчинской» — 358
- «Поэзия миллионов людей» — 414
- «Хочу» — 484
- Морозов И.А. — 269
- Морозов М.В. — 32, 37, 40
- «Очерки новейшей литературы» —
37
- Морозов Н.А. — 80, 82, 268, 303,
306, 373, 381, 511, 537, 545, 551,
564
- «Воспоминания» — 303
- «Звездные песни» — 80
- «Наука и свобода» — 551
- «Невозвращенное былое» — 511
- Морозов П.О. — 195, 247, 558
- Морозова М.К. — 50, 150
- Москвин И.М. — 61, 341, 585, 586
- Мосолов Б. — 333
- Мочульский К.В. — 382, 487
- Мстиславский С.Д. — 217, 580
- «Мысли о "Романтиках"» — 500
- «Скифы (Вместо предисловия)» —
580
- Музиль Н.И. — 341
- Муйжель В.В. — 11, 24, 31, 80, 81,
89, 140, 152, 176, 188, 268, 365,
401, 479, 518
- «Год» — 11, 89
- «Опустошение» — 518
- «Пронзая лежащий» — 365
- «Хутор № 16 и другие рассказы» —
479
- Муратов П.П. — 96, 140, 292, 345
- «Музей изящных искусств» — 140
- Мурашев П.В. — 34, 67
- Мусоргский М.П. — 79
- Мякотин В.А. (Вен. Ал.) — 19, 98,
119, 130, 153, 277, 318, 340, 415,
455, 463, 547, 548, 571, 598
- «Борьба с германизмом и нацио-
нальный вопрос» — 340
- «Великий переворот и задачи мо-
мента» — 547
- «Длящаяся трагедия» — 19
- Н.В. — 317
- Н.М. — 226
- Набоков В.В. — 504
- «Стихи» (1916) — 504
- Набоков В.Д. — 243, 260, 270, 277,
306, 480, 508, 560
- «Неожиданная исповедь» — 270
- Навашин Д.С. — 54
- Надсон С.Я. — 44, 419, 523, 524
- Наживин И.Ф. — 58, 61, 330, 379
- «Из жизни Л.Н.Толстого» — 61
- Найденев С.А. — 14, 206, 327, 328,
341
- «Авдотьяна жизнь» — 14
- «Дети Ванюшина» — 14
- «Роман тети Ани» — 206
- «Стена» — 14
- «Хорошенькая» — 14
- Нарбут В.И. (Вл. Н-т) — 20, 68, 135,
143, 144, 147, 158, 165, 178, 189,
200, 210, 214, 223, 538
- «Аллилуйя» — 143, 144 (книга),
147
- Нарбут Е. — 400
- Народин К. (Суховых К.А.) — 183,
207, 290

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Красота и хам» — 183, 207
«О футуризме» — 290
Натансон М.А. — 169
Наумов Н.И. — 108
Наумов П. (Гурович П.Н.) — 9, 17-19, 58, 70, 85, 96
Неведомский М. (Миклашевский М.П.) — 203, 268, 307, 339, 395, 397, 400, 434, 538, 607
«Невский альманах» — 400
«Что стало с нашей литературой» — 397
Негретов П.И. — 541, 603
Недоброво Н.В. — 196, 217, 269, 286, 312, 404, 429
«Анна Ахматова» — 404
Недолин С. (Поперек С.А.) — 64
Незлобин К.Н. — 22, 278, 356
Нейман Б.В. — 294, 330
Некрасов К.Ф. — 96, 126, 292, 338, 425
Некрасов Н.А. — 170, 224, 248, 317, 387, 394, 523, 543
Некрасов Н.В. — 560
Немирович-Данченко Вас.И. — 253, 408, 480, 564
Немирович-Данченко Вл.И. — 60, 182, 183, 218, 247, 253, 257, 277, 294, 305, 327, 341, 343, 374, 408, 421, 453, 454, 486, 501, 528, 533, 542, 543, 584, 585
Нерадовский П.И. — 560
Нерон — 56
Нестеров М.В. — 80, 222, 226, 227, 267, 272
«Письма» — 80, 226, 227, 267
Нефедов Ф.Д. — 108
Нечаев С.Г. — 602
Низен Е.Г. — 208
Никандров Н.Н. — 145, 253, 418, 463
«Береговой ветер» — 418
«Во всем дворе первая» — 145
Никитин С.И. — 60, 248, 287
Николай I — 485
Николай II — 11, 67 (император), 140, 338 (царь), 530, 533, 547, 573, 590, 600, 601
Николаев А. — 236
Николенко-Гильченко В. — 192
«Воспоминания о Н.К. Михайловском» — 192
Никольский Б.В. — 85
Никольский Ю.А. — 398
«Александр Блок о России» — 398
Никонов Б.П. (Аркатов Г.) — 235, 461, 479
Нилендер В.О. — 116
Нилус П.А. — 161
Ницше Ф. — 18, 36, 66, 156, 157, 307, 377, 407, 417, 461, 469, 504, 528, 567
«Автобиография» — 66
Новалис — 173, 255
Новгородцев П.И. — 344
Новиков И.А. — 174, 175, 418, 419 (автор), 464, 479, 480, 512, 525, 542, 545
«Вечер в театре» — 512
«Душка» — 545
«Из повести о коричневом яблоке» — 479
«Между двух зорь» — 418, 419, 464, 480
«Рассказы» — 174, 175
Новорусский М.В. — 253
«Новый сборник писем Л.Н. Толстого» — 66
Нолле-Коган Н.А. — 442
Нострадамус — 395
Нувель В.Ф. — 496
«Нужна ли война?» (сборник) — 574
О.Аз. — 293
«Столичная молва» — 293
О.Б. — 74
Обыватель — см. Розанов В.В.
Овсянко-Куликовский Д.Н. — 23, 28, 29, 99, 108, 109, 126, 127, 133, 152, 159, 160, 177, 209, 210, 243, 257, 294, 303, 306, 341, 346, 381, 429, 534, 541, 544
«Герцен-художник» — 133
«История русской интеллигенции» — 28
«Лев Николаевич Толстой» — 29
«Освобождение творческой силы» — 534
«О ценности жизни» — 303
Огарев Н.П. — 86
Одоевский А.И. — 293, 328
Ожигов А. — см. Ашешов Н.П.
Озаровский Ю.Э. — 304
Оксенов И.А. — 438, 446, 448, 450
«Литературный год» — 438
Окулов А.И. — 391
Олгер Н.Ф. — 15, 16, 403

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Праздник весны» — 15, 16
Олидорт Б. — 446, 460, 467, 468, 532
Олимплов К. (Фофанов К.К.) — 69,
106, 144, 215
«Хартия интуитивной школы...» —
215
Ольденбург С.Ф. — 176, 559, 571, 575
«Травля Горького» — 571
Ольминский М.С. (Александров М.,
Витимский А., Неон) — 13, 15,
30, 131, 251
««Беллетрист» В.Винниченко» —
13
«Между делом (Арцыбашев и Ку-
прин)» — 30
«О Вербицкой» — 15
«Поход против Горького» — 251
Ольнем О.Н. (Цеховская В.Н.) — 15,
346
«Без иллюзий» — 15
«Оранжевая урна» (альманах) — 144
«О религии Льва Толстого» (сбор-
ник) — 101
Орешин П.В. — 319, 552, 563, 584
«Деревенские песни» — 319
«К миру» — 563
«На полях» — 552
«Орлы над пропастью» (альманах) —
84, 175
Оршанин А. — 379
«Поэзия шампанского полонеза» —
379
Оскольский Н. — 41, 42
«Мертвый и живой Толстой» — 42
Островский А.Н. — 111, 183, 252,
457, 461
[«Гроза»] — 183 (Катерина)
Остроухов И.С. — 292
Остужев А.А. — 341
Отроковский В.М. — 226
«О Федоре Сологубе» (сборник) — 58
П.М. (Медведев П.Н.?) — 396, 397
«Ф. Сологуб о будущем искусст-
ва» — 396, 397
П.П.-ш — 307
П.Ц.-ва (Цветасева) — 281
Павел I — 529
Павлов И.П. — 545, 551
Павлович Б. — 372
Павлович М.П. — 152
Паганини Н. — 516
Пазухин А.М. — 27, 33
«Заря новой жизни» — 33
«Над пропастью» — 27
Палладиан В.И. — 545
«Памяти К.Н.Леонтьева» (сборник) —
85
Панафицина А.С. — 95
Пантелеев Л.Ф. — 257, 306
Парамонов Н.Е. — 205
Парнис А.Е. — 4, 93
Парнок С.Я. — см. Полянин А.
Пастернак Б.Л. — 185, 234, 246, 247,
293, 325, 330, 334, 349, 363, 390,
399, 436, 478, 488, 495, 503, 507,
518, 526, 527, 529, 532, 594
«Артиллерист стоит у кормила» —
349
«Близнец в тучах» — 293
«Поверх барьеров» — 526, 527 («Ба-
рьер») —
«Черный бокал» — 478
Пастернак Л.О. — 77, 160, 341, 361,
465, 549
Патрашкин С.Т. (С.П.-н) — 181, 291
«Г.Дж.Уэллс в России» — 291
Пашенина В.Н. — 341
Пашуканис В.В. — 568, 594
Певин П.И. — 7
Певцов И.Н. — 586
Первухин М.К. — 309
«Псевдофигуризм» — 309
«Первые литературные шаги» (сбор-
ник) — 18
Переверзев В.Ф. — 145, 154, 188,
236, 355, 386, 429
«Воздушный замок эстетики» —
236
«Творчество Достоевского» — 145,
154 (книга), 188
Переплетчиков В.В. — 390, 393, 435
Перовская С.Л. — 543
Перцов П.П. (Искатель жемчуга) —
50, 112, 179, 214, 226, 250, 255,
386, 407, 426, 445, 446, 473
«Интимная поэзия» — 214
«Конец Андрея Белого» — 473
«Литературные письма» — 50
«Немецкий романтизм» — 255
«Палка в муравейнике» — 250
«Поэзия критика» — 426
«Скука больших букв» — 446
«Тайны г. Мережковского» — 386
Пестель П.И. — 180
«Пета» (сборник) — 409, 412, 452

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Петников Г.Н. — 321, 409, 491
«Леторей» — 409
- Петр I — 338
- Петрашевский М.В. — 543
- Петрищев А.Б. — 148, 149, 547, 569, 590, 606
«Внутренняя летопись» — 547
«Как это произошло» — 547
«О грехах, перенесенных из самодержавия в революцию» — 569
«Хроника внутренней жизни» — 590
- Петров Г.С. — 408
- Петров Н.В. — 93
«50 и 500» — 93
- Петрова А.М. — 558
- Петров-Водкин К.С. — 92, 465, 531, 538, 539, 560, 561, 580
«На рубеже искусства» — 561
- Петровская Н.И. — 34
- Петровский А.С. — 116
- «Петроградские вечера» (сборник) — 333, 371, 372
- Пешехонов А.В. — 31, 90, 130, 148, 169, 205, 237, 238, 244, 258, 259, 277, 288, 337, 338, 340, 341, 347, 357, 381, 383, 415, 489, 502, 506, 520, 522, 525, 571, 598, 599, 606–608
«Бумажный кризис и журналы» — 502
«Вероятное и возможное» — 338
«Единая Россия» — 340, 341 (статья)
«На очередные темы» — 31
«На свежую могилу старого народника» — 90
«От редакции» (Р. Бог.) — 608
«Памяти товарища» — 31
«Политический кризис» — 506
- Пешкова Е.П. — 28, 53, 60, 63, 67, 80, 81, 87, 110, 114, 126, 128, 347, 422, 459, 534
- Пикассо П. — 222, 297, 409
- Пиксанов Н.К. — 152, 570
«Итоги прошлого и новые дали русского искусства» — 570
- Пильняк Б.А. — 471, 527
«Смерти» — 527
«Целая жизнь» — 471
- Пильский П.М. — 149, 290, 420, 516
«Бард власти» — 149
«Милые призраки» — 516
- «Футурист ли я?» — 290
- Пинкевич А.П. (Ад.Б.) — 423, 430, 468, 484
«Писарев и естествознание» — 430
- Пирожков М.В. — 153
- Писарев Д.И. — 140, 543
- Писемский А.Ф. — 18, 109, 111
- Платон — 113
- Плеве В.К. — 574
- Плеханов Г.В. — 9, 29, 44, 95, 117, 119, 127, 131, 133, 140, 152, 191, 206, 219, 220, 259, 331, 430, 444, 445, 546, 560, 568, 574, 599, 604, 606
«Еще о Толстом» — 29
«Искусство и общественная жизнь» — 191
«История русской общественной мысли» — 444, 574
«О войне» — 430
«О том, что есть в романе “То, чего не было”» — 219
«Смешение представлений (Учение Л.Н.Толстого)» — 9
«Столетие со дня рождения В.Г.Белинского» — 44
«Философские взгляды А.И.Герцена» — 133
«Чернышевский в Сибири» — 206
- По Э. — 401, 527
- Победоносцев К.П. — 231, 238, 250, 473, 515, 601
- Погорелов Е.Н. (Поселянин Е.) — 126
- Подгорный В.А. — 93, 195
- Подгут Н. — 277, 475
«Игорь Северянин и его поэзо-концерты» — 277
- Подлесный М. — 309
- Подьячев С.П. — 65, 98, 107, 114, 189, 196, 243, 284, 291, 295, 319, 330, 354, 381, 404, 422, 440, 443, 499, 588
«Бобы» — 588
«Благодетель» — 284
«Жизнь и смерть» — 114
«Забывтые» — 330
«Из-за пустого дела» — 295
«Московский рабочий дом» — 196
«На спокойе» — 499
«По этапу» — 196
«Рассказы. Т. 1» — 65, 107
«Рассказы. Кн. 5» — 196
«Свое взяли» — 98, 291

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Поленов В.Д. — 92
 Поливанов Е.Д. — 497
 «По поводу "звучных жестов"
 японского языка» — 497
 Полонский В. (Гусин В.П.) — 9, 44,
 145, 221, 237, 248, 261, 279, 312,
 321, 353, 391, 406, 458, 463, 483,
 486, 497, 509, 519
 «Заметки о молодых» — 145, 237,
 458, 463
 «Исповедь одного современника» —
 406
 «К новым берегам» — 321
 «Роман кающегося революционе-
 ра» — 221
 «Творчество Бориса Зайцева» —
 391
 Полонский Г.Я. — 244
 Полонский Я.П. — 425
 Поляков С.А. — 35
 Полянин А. (Парнок С.Я.) — 123,
 193, 200, 215, 225, 272, 313, 316,
 371, 379, 380, 446, 448, 449, 460,
 482, 490, 567
 «В поисках пути искусства» — 193
 «Отмеченные имена» — 123
 «По поводу последних произведе-
 ний В.Я. Брюсова» — 482
 «Стихотворения» — 460
 Поморский А.Н. — 309
 Попов М.В. — 395
 Посников А.С. — 256, 257
 Поссе В.А. — 142, 148, 381
 Постников С.П. — 129, 152, 217
 Поталенко И.Н. — 159, 243, 420
 Потебня А.А. — 107, 175, 497, 506
 «Мысль и язык» — 175
 «О национализме» — 175
 «Язык и народность» — 175
 Потемкин П.П. — 51, 93
 Потресов А.Н. — 321, 430, 607
 «Моральное босячество» — 430
 «Пощечина общественному вкусу»
 (сборник) — 3, 197, 198
 «Поэзия Армении с древнейших времен
 до наших дней в переводе русских
 поэтов» (сборник) — 494
 Праскунин М.В. — 16
 «Злые песни» — 16
 Пришвин М.М. — 9, 44, 45, 53, 54,
 77, 103, 111, 162, 163, 174, 189,
 192, 195, 204, 207, 210, 217, 256,
 289, 298, 311, 336, 348, 381, 389,
 393, 420, 428, 429, 471, 492, 499,
 537, 544, 549, 550, 553, 554, 572,
 580, 581, 584, 585, 592, 598, 602
 «Вагон Толстого» — 9
 «Дела и случаи» — 420
 Дневники. 1914–1917 — 289, 298,
 336, 389, 537, 544, 550, 554,
 572, 581, 585, 592, 602
 «Заворошка» — 207
 «Земля и власть» — 584
 «Коктебельские камешки» — 311
 «Крутойрский зверь» — 44, 54
 «На братскую линию» — 348, 393
 «На посевах» — 471
 «Никон Староколенный» — 162,
 163 (рассказ)
 «Отзвуки боя» — 381
 «Отзвуки войны» — 420
 «Очерки» (1912) — 174
 «По градам и весням» — 192, 210
 «Посевы» — 584
 «По хозяйству» — 471
 «Птичье кладбище» — 53
 «Рассказы» (1911) — 103
 «Сахар» — 492
 «Секрет помещика» — 492
 «Славны бубны и другие расска-
 зы» — 256, 311
 «Смех обезьян (Из дневника)» —
 598
 «Смута в сердцах» — 77
 «Странствующая солдатка» — 348
 «Страшный суд» — 580
 «Цепочка Иисусова» — 428
 «Чортова ступа» — 499
 Прокофьев С.С. — 471, 529, 551,
 560
 «Прометей» (сборник) — 239
 Пронин Б.К. — 93, 195
 Проппер С.М. — 415
 Протопопов А.Д. — 265, 489, 492,
 500, 507, 514, 524, 529
 Протопопов С.Д. — 265, 489, 529,
 547, 573
 [Протопопова Н.А.] — 265 (Ната-
 ша)
 Пругавин А.С. — 42, 381
 «О Льве Толстом и о толстов-
 цах» — 42
 Прутков Козьма — 195
 Пуни И.А. — 302, 434, 444
 Пунин Н.Н. — 270, 274, 292, 345,
 356, 404, 422, 465, 517

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «В защиту живописи» — 517
 «Выставка современной русской живописи» — 517
 «По выставкам» — 404
 «По выставкам (“Союз русских художников” и “Мир искусства”»)» — 404, 465
 «Проблема жизни в поэзии И. Анненского» — 356
 «Пути современного искусства» — 270
 «Три художника» — 422
 Пуришкевич В.М. — 265, 335, 338, 341, 514, 570
 Пушкин А.С. — 12, 18, 25, 39, 47, 86, 104, 134, 135, 156, 194, 198, 230, 246, 266, 267, 272, 290, 308, 314, 316, 387, 392, 398, 414, 429, 488, 511, 517, 543, 561, 571, 595
 «Евгений Онегин» — 429
 Пяст (Пестовский) В.А. — 46, 51, 68, 90, 107, 176, 254, 275, 279, 280, 285, 297, 314, 316, 424, 426, 447, 451, 452, 456, 474, 598
 «Встречи» — 90
 «Зимний дворец (Ночь на 26 октября)» — 598
 «Новая книга К.Д. Бальмонта» — 456
 «Поэзия вне групп» — 275
 «Поэма в тонах» — 254, 279, 280 (поэма)
 «Поэт о критике» — 426
 «Роман философа» — 474
 Пятницкий К.П. — 80
 Р.Д. — 450
 Радаков А.А. — 347
 Радимов П.А. — 125, 147, 210, 324, 325, 334, 416
 «Земная риза» — 324, 325, 334
 «Полевые псалмы» — 125
 «Попиادا» — 324, 325
 «Токаревские элегии» — 210
 Радлов Н.Е. — 523
 «О футуризме и “Мире искусства”» — 523
 Радлов Э.Л. — 35
 Раевский П.А. — 289
 Раевский С. — см. Дурьлин С.Н.
 Разин С.Т. — 451
 Райлян Ф.Р. — 60, 67
 Ракитников Н.И. — 130
 Раковский Х.Г. — 563, 571, 574
 Распутин Г.Е. — 227, 278, 328, 515, 585
 Ратгауз Д.М. — 398
 Рахманинов С.В. — 157, 160, 390, 401
 Рахманова Л.Ю. — 399
 Рачинский Г.А. — 23, 35, 297, 344, 359, 550
 «Братство и свобода» — 359
 Ревякина И.А. — 12
 «Шалапин и Горький» — 12
 Регинин В. (Вас.Р.) — 366
 «У А.И. Куприна после юбилея» — 366
 Редько А.Е. (Редько А.М. и Е.И.) — 30-32, 73, 94, 108, 110, 245, 246, 260, 261, 320, 323, 379, 393, 425, 527, 552
 «Откровения о жизни и театре» — 425
 «Письмо в редакцию» (газ. «Речь») — 552
 «У подножия африканского идола» — 245, 246
 «Фазы Игоря Северянина» — 379, 393
 Редько А.М. — 52, 58, 121, 132, 143, 163, 167, 186, 203, 207, 234, 264, 279, 280, 308, 309, 311, 352, 418, 423, 467, 508, 541
 «По поводу заметки г. Философа об акмензме» — 203
 «Среди “устремлений” к непостижимому» — 308, 309
 Рейснер Л.М. — 239, 516, 553
 «Атлантида» — 239
 Рейснер М.А. — 239, 499, 524
 Рембо А. — 379
 Ремизов А.М. — 17, 37, 45, 57, 58, 73, 82, 93, 94, 96, 98, 100, 111, 121, 138, 140, 152, 153, 155, 162-165, 167, 172, 175, 176, 188, 195, 205, 210, 215, 217, 228, 229, 232, 233, 248, 252, 261, 264, 291-293, 312, 347, 352, 361, 365, 371, 378, 416, 420, 427, 428, 434, 436, 438, 441, 443, 458, 512, 517, 527, 537, 566, 580, 581, 590, 596
 «Аника» — 512
 «Без пяти минут барин» — 57

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Весеннее порошье» — 98, 291,
371, 438
«Вещь темная» — 312
«Действо о Георгии Храбром» —
82
«Докука и балагурье» — 121, 293
«Жаркое лето» — 441
«За святую Русь» — 378, 438
«Исанч» — 428
«Крепость» — 57
«Кузовок» — 312
«Кумова кровать» — 517
«На птичьих правах» — 427
«Огневица» — 590
«Отреченные повести» — 111
«Петушок» — 93, 94, 100, 512
«Подорожие» — 232, 233
«Покровенная» — 153
«Придворный ювелир» — 57
«Пруд» — 73
«Пятая язва» — 155, 162–164,
188, 232, 233
«Свет немеркнувший» — 210
«Святой вечер» — 57
«Серебряные ложки» — 57
«Сказки» — 111
«Сторона небывалая» — 527
«Укрела» — 436
«Цепь золотая» — 261
«Чертыханец» — 37
«Ясня» — 580
- Ремизов Н.В. (Ре-Ми) — 347
Ренье А. де — 281
Репин И.Е. — 11, 77, 80, 92, 140,
214, 227, 243, 272, 317, 347,
349
Рерих Н.К. — 23, 173, 404, 531,
538, 560
Решетников Ф.М. — 129, 229
Рид М. — 236
Ровинская И.Л. — 4
Роднонов И.А. — 57, 108, 271
«Наше преступление» — 57, 271
Родзянко М.В. — 560, 572, 575, 577
Родичев Ф.И. — 552, 596
«Новое издание Герцена» — 596
Рождественский В.В. — 79
Розанов В.В. (Варварин В.,
В. Ветлугин, Петроградский старо-
жил, Обыватель) — 4, 17, 18, 42,
45, 48–50, 77, 85, 87, 91, 96, 114,
125, 126, 137, 138, 149, 185–187,
200, 204, 205, 213, 214, 220, 222,
226, 227, 238, 239, 247, 249, 255,
258, 265, 270, 272, 273, 278, 288,
289, 300–302, 328, 353, 354, 373,
394, 406, 407, 410, 415, 417, 425,
426, 432, 433, 443, 444, 465, 469,
470, 473, 478, 481, 490, 493, 505,
537, 547–549, 561, 567, 576
«Ангел Иеговы» у евреев — 302
«Андрюша Ющинский» — 288
«Анкета об евреях» — 465
«А.С.Суворин и Д.С.Мережков-
ский» — 288
«Библейская поэзия» — 96
«В.А.Серов на посмертной вы-
ставке» — 300
«Война 1914 года и русское воз-
рождение» — 353, 354
(книжка)
«Все “те же”, вечно “те же”...» —
415
«В Совете рабочих и солдатских
депутатов» — 549
«В соседстве Содома» — 302
«В чаду войны» — 478
«Голос правды» — 567
«Голос Руси» — 410
«Двое Беспятовых, критик и бел-
летрист» — 328
«Европа и евреи» — 302
«Еще погребенный “социолога-
ми”» — 301
«Заметки о новом правописа-
нии» — 567
«Запоздалое горе» — 576, 577
«Идея месснанства» — 469, 470
«Из последних страниц истории
русской критики» — 493
«Из предвидений Достоевского о
германнизме и борьбе с ним» —
432
«Из философии народной души» —
470
«К разгрому библиотек» — 567
«Кто истинно счастливый чело-
век?» — 490
«Левитан и Гершензон» — 444
«Литературные изгнанники» — 255
«Л.Н.Толстой и Русская Цер-
ковь» — 77
«Люди без лица в себе» — 204
«Люди лунного света. Метафизика
христианства» — 48, 49

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Максим Горький о самоубийствах» — 114
- «На концерте Шалапина» — 222
- «Напоминания по телефону» — 270
- «Наша кошерная печать» — 288
- «Не нужно давать амнистию эмигрантам» — 213, 288
- «Не те слова, не те думы» — 576
- «Новая религиозно-философская концепция» — 469
- «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» — 302
- «О картине И.Е.Репина “17-е октября”» — 214
- «Опавшие листья» — 226, 227 (книга), 353, 406, 443
- «Опавшие листья. Короб второй» — 406, 407
- «Ропшин и его новый роман» — 220
- «Русская церковь» — 49
- «“Само”-определение» — 537
- «Светлый праздник Русской земли» — 549
- «Споры около имени Белинского» — 249
- «Среди художников» — 272, 273
- «Темный Лик. Метафизика христианства» — 48, 49
- «Уединенное» — 49, 125, 126, 226, 238, 353, 406, 443
- «Физическая сила и власть идей» — 561, 562
- «Что такое буржуазия?» — 567
- «Что такое народ теперь?» — 549
- «Юбиляр» — 433
- Розанов И.Н. — 426
- Розанова О.В. — 39, 241, 302, 434, 507
- Розенберг В.А. — 462, 556
- Роллан Р. — 48, 362, 421
- «Жан Кристоф» — 48
- Романов И.Ф. (Рыц) — 443
- [Романов К.В.], вел. кн. — 540 (Киррил Владимирович)
- Романов Н.И. (Р.) — 292
- Романов П.С. — 511
- «В родном углу» — 511
- [Романова М.Ф.] — 11 (Мария Федоровна), 140 (вдовствующая императрица)
- Романовы, царская династия — 139, 205
- Ронсар П. — 46
- «Советы» — 46
- Ропшин В. (Савинков Б.В.) — 37, 128–130, 143, 153, 154, 168–170, 189, 197, 219–221, 404, 512, 574, 575, 582–584, 592
- «В почтовой конторе» — 512
- «Конь бледный» — 169, 219 («Конь»), 221
- «То, чего не было (Три брата)» — 128, 168, 170, 219, 220 (роман), 221
- Рославлев А.С. — 65, 403
- «Рассказы» (1911) — 65
- Ростиславов А.А. (Р-в А.) — 39, 305, 444, 531, 538, 539, 600
- «Выставка “Мира искусства”» — 531
- «Неоцененная» — 218
- «О выставке футуристов» — 434
- «Плевательница новаторов» — 444
- «Революция и искусство» — 539
- «Сверкающий талант» — 305
- «Съезд художников» — 92
- Рубанович С.Я. — 34, 234
- Рубенс П. — 194
- Рукавишников И.С. — 58, 96, 136, 140, 306, 427, 436, 437, 582
- «Проклятый род» — 58, 96, 136
- «Триолеты любви и вечности» — 582
- «Убийство» — 436, 437 (рассказ)
- «Руконог» (сборник) — 330, 334, 452
- Руманов А.В. — 399
- Румянцев Н.А. — 182
- Румянцева Т.В. — 182
- Рунова О.П. — 49
- Русанов Н.С. (Кудрин) — 119, 127, 218, 259, 284, 340, 346, 372, 415, 490, 548, 559, 599
- «Архив Н.К.Михайловского» — 284
- «Обозрение иностранной жизни» — 340
- «Чернышевский как нравственный тип социалиста» — 559
- Руссо Ж.-Ж. — 407, 423
- Рыц — см. Романов И.Ф.
- Рыбаков К.Н. — 341
- Рыжов И.А. — 341

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Рыкающий Парнас» (альманах) — 302
Рылеев К.Ф. — 179
Рындзюн В. — 438, 449
 «Сегодня» и «вчера» в русской поэзии — 438
Рысс П.Я. — 242
 «Литературно-трактирный пантеон» — 242
Рюрик — 440
Рябушкин А.П. — 158
Рязанов Н. (Гольдендах Д.Б.) — 131

С.Б. — 349
С.И. — 184
 «Символизм и акмеизм» — 184
Саакянц А.А. — 141
 «М. Цветаева. Жизнь и творчество» — 141
Сабанеев Л.Л. — 31
Сабашников М.В. — 273, 318, 394
Сабашников С.В. — 273, 318, 394
Саблин В.М. — 42, 50
Савельев М.А. — 87
Савинич Б. — 354, 380, 405
Савинков Б.В. — см. Ропшин В.
Савинков В.В. — 205
Савицкий А.И. — 94
Садовник В.Ф. — 425
Садовская Е.М. — 462
Садовская О.О. — 341
Садовский П.М. — 341
Садовской Б.А. (Голов И., Мимоза, Пушкин Л., Ртух) — 25, 26, 51, 54, 111 (Б.С.), 116, 121, 123, 125, 135, 151, 152, 158, 165, 176, 179, 233, 250, 287, 289, 292, 311, 314, 316, 324, 327, 334, 340, 387, 388, 403, 414, 415, 424, 425, 443, 451, 485, 518
 «Аполлон-сапожник» — 158
 «Белинский и Айхенвальд» — 250
 «Вредное чириканье» — 414, 415
 «Игорев сокольник» — 316
 «Конец акмеизма» — 311, 324
 «Косые лучи» — 334
 «Ледоход» — 485
 «Настоящий» — 111
 «Озимь» — 387, 388
 «Оклеветанные тени» — 179
 «Полдень» — 424, 425 («песни»)
 «Перед Германским посольством» — 340

«Пятьдесят лебедей» — 165
«Ремизов о России» — 233
«Самовар» — 316, 334
«Стенька-футурист» — 451
«Страшно жить без самовара...» — 424
«Узор чугунный» — 25, 26
«Федор Сологуб о современном театре» — 443
«Садок судей» (сборники)
 1-й — 241
 2-й — 208
Сажин М.П. — 128, 337
Сакулин П.Н. — 127, 145, 152, 154, 159, 160, 249, 250, 257, 277, 341, 459, 481, 558
 «Белинский — миф» — 249
 «Итоги спора о Белинском» — 250
 «Народный золотоцвет» — 459, 481
Саломонский — 539, 606
Салтыков-Щедрин М.Е. (Щедрин) — 406, 407
Сальери А. — 179
Самарин А.Д. — 550
Сандомирский Б. — 581
Санин А.А. — 248
Сапунов Н.Н. — 92, 93, 322, 422, 449
Сарьян М.С. — 23, 91, 92, 270
Сахаров С.И. — 595
Сахновский В.Г. — 294, 443
 «Писатель без догмата (Основные мотивы творчества Леонида Андреева)» — 443
«Сборник армянской литературы» — 485
«Сборник первый издательского товарищества писателей» — 107
«Сборник латышской литературы» — 568
«Сборник первый. О Владимире Соловьеве» — 48
«Сборник пролетарских писателей» — 332
«Сборник стихотворений в память 19 февр. 1861 г.» — 19
«Сборник финляндской литературы» — 596
«Сборники по теории поэтического языка» —
 1-й — 497
 2-й — 533
Свенцицкий В.П. — 28, 49, 146, 147
 «Жизнь Ф.М. Достоевского» — 28

**Указатель имён, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Свердлов Я.М. — 341
[Свердлова К.Т.] — 341 (жена)
Свицкий А.И. — 268
Святополк-Мирский Д.П. — 35
«Стихотворения. 1906–1910» — 35
«Северные цветы» (альманах 5-й) — 54, 55
«Северный сборник» — 409, 413
Северянин И. — 26, 27, 58, 69, 74, 84, 85, 93, 103, 106, 118, 134, 148, 167, 173, 175, 184, 185, 194, 204, 211, 212, 215, 216, 224–226, 230, 267, 272, 275, 277, 278, 290, 292, 296, 302, 306, 315, 316, 320, 322, 329, 332, 343, 345, 349, 356, 358, 375, 379–381, 387, 389, 392, 393, 398, 402, 419–421, 427, 434, 444, 446, 451, 460, 480, 491, 517
«Ананасы в шампанском» — 379
«Благословение» — 343
«Весенние триолеты» — 389
«Германия, не забывайся...» — 380
«Громокипящий кубок» — 224–226, 315
«Златолира» — 315, 316
«Качалки Грезэрки» — 118
«Мимозы льна» — 460
«Мороженое из спрени» — 185
«Открытое письмо» — 167
«Переход через Карпаты» — 356
«Поэза Бельгии» — 345
«Поэзоантракт» — 419
«Пролог. Эго-футуризм» — 84
«Ручьи в лилиях» — 58
«Электрические стихи» — 26, 27 (книжка)
«Эпилог Эго-футуризма» — 167
«Эпиталама» — 26
«Victoria regia» — 392, 393
Сезанн П. — 270
Семенов В.И. — 148, 205, 243, 306, 381, 429
Семенов М.И. — 332, 339, 379, 402, 425, 437
Семенов С.Т. — 295, 513
Семеновский А.Д. — 562
Семеновский Д.Н. — 230, 271, 354, 480
Серафимович А.С. — 37, 51, 81, 82, 137, 138, 216, 231, 237, 238, 241, 263, 266, 273, 274, 295, 319, 325, 333, 341, 354, 377, 381, 392, 393, 395, 401, 403, 408, 428, 441, 452, 480, 492, 521, 526, 536, 554, 564, 570, 582, 595, 605
«Большой двор» — 37
«В мышинном царстве» — 216, 263
«Впечатления» — 492
«Город в степи» — 137, 138 (книга), 480
«Два царства» — 325
«Две ночи» — 274
«Золотый якорь» — 393
«Как устроить русскую землю» — 582
«Клубок» (рассказ) — 408
«Клубок» (сборник) — 526
«Кому власть, царю или народу?» — 595
«Малаша» — 492
«На батаре» — 408
«Наваждение» — 441
«На ночлеге» — 266
«На побывке» — 403
«На приеме» — 273
«На реке» — 452
«Ночная мелодия» — 319
«По родным степям» — 263
«Раненые тыла» — 354
«Рассказы» (1913) — 263
«Родина-мать» — 521
«Сватовство» — 428
«Светает» — 595
«Семишкура» — 333
«Со зверьями» (рассказ) — 237, 241, 263
«Со зверьями» (сборник) — 392
«Странная ночь» — 51
«Сухое море» — 377
«Так почему же?» — 536
«То, чего не простят» — 554
«Чибис» — 51, 263
Сергеев Б. (Лавренев Б.А.) — 112
Сергеев Г. — 400
Сергеев-Ценский С.Н. — 13, 17, 25 (Ценский), 37, 62 (Ценский), 80, 81, 88, 96, 107–109 (Ценский), 111, 142, 178, 189, 194, 214, 231 (Ценский), 253, 254, 266, 277, 282, 303, 309, 322, 331, 496, 497, 513, 519, 525
«Близкий» — 178
«Движения» — 497
«Лерик» (Из романа «Красота») — 266
«Лесная топь» — 497

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Медвежонок» — 107, 189, 214, 497
«Наклонная Елена» — 303
«Наклонная Елена» (сборник) — 496, 497
«Недра» — 194
«Неторопливое солнце» — 88
«Печаль полей» — 497
«Преображение» («Преображение России») — 331
«Пристав Дерябин» — 13, 25 («Дерябин»), 62, 214
Сергеенко П.А. — 19, 66
Сергий Радонежский — 496
Серебров А. — см. Тихонов А.Н.
Серебряков Э.А. (Э.С.) — 29, 114, 180, 591
«Очерк по истории "Земли и Воли"» — 591
«Среди книг и журналов» — 114
«Серебряные трубы» (сборник) — 402
Серов В.А. — 11, 23, 80, 91, 101, 285, 291, 357, 454, 600
Серошевский В.Л. — 252, 253
Сивачев М.Г. — 33, 34, 264
«Прокрустово ложе» — 33, 34 (книга)
Сигов А.А. — 94
«Похождения революционного экспроприатора Савицкого» — 94
Сидоров А.А. — 234
Сидоров В.И. (Баян В.) — 296
Синякова М.М. — 491
«Сири» (сборники) — 262, 280
1-й — 261
2-й — 279
3-й — 312
Сналдин А.Д. — 175, 195, 503
«Стихотворения» (1912) — 195
Скворцов-Степанов И.И. (Степанов И.) — 429
Скиталец (Петров С.Г.) — 81, 127, 131, 202, 341, 485, 532, 555
«Аринушка» — 485
«Вблизи Перемышля» — 485
«Война» — 485
«За тюремной стеной» — 532
«Метеор» — 202
«На передовых позициях» — 485
«Огарки. Типы русской богемы» — 555
Скитник С. — 167
«Скифы» (сборник) — 580-581
Скобелев М.И. — 335, 560, 566
Скрябин А.Н. — 31, 365, 379, 390
Славенсон В. — 549
«Современный плакат» — 549
Слезкин Ю.Л. — 434
Слепцова М.Н. — 169
Словацкий Ю. — 365, 559
«Грустно мне, Боже...» — 365
«Слово» (сборники) — 383
1-й — 260, 261 (сборник)
2-й — 312
3-й — 322, 323 (сборник)
4-й — 368, 370
5-й — 422-424
6-й — 466
7-й — 545-546
Слоним М. — 481
Слонимская Ю.Л. — 198
«О театре Вс.Мейерхольда» — 198
Слонимский А.Л. — 581
Слонимский Л.А. — 517
Слонимский Л.З. — 306
Смельский В. — 248
Смидович П.Г. — 551
Смирнов А.А. (Треплев) — 191, 238, 302, 498
«Пленики навых чар (Ф.Сологуб)» — 238
Соболев Ю.В. — 42, 159, 183, 251, 252, 321
«Достоевский в Художественном театре» — 251, 252
Соболевский В.М. — 460
Соболь А.М. — 464
«Пыль» — 464
Соколов Н.Д. — 538, 560
Соколова А.С. — 48
Сократ — 181
Соловьев А.С. — 60
Соловьев В.Н. — 199, 208, 236
«Театральный традиционализм» — 199, 208, 236
Соловьев Вл.С. — 4, 23, 35, 48, 51, 70, 113, 135, 150, 239, 308, 359, 367, 410, 483, 515
«Письма» — 35
«Россия и вселенская церковь» — 35
«Русская идея» — 35
«Стихотворения. Посмертные стихи» — 410
Соловьев С.М. — 51, 116, 168, 410
«Розы Афродиты» — 51

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Соловьева П.С. — 75
Сологуб Ф.К. (Тетерников Ф.К.) —
17, 37, 38, 44, 52, 58, 82, 90, 109,
110, 121, 122, 127, 128, 132, 134,
138, 140, 149, 154, 159, 162–164,
167, 168, 170–172, 174, 175, 178,
188, 192–194, 199, 203, 205, 207,
210–212, 216, 224, 229, 240, 241,
245, 248, 252, 258, 261, 262, 264,
268, 278, 279, 286, 287, 289, 291,
295, 303, 306, 309, 312, 327, 329,
334, 336, 339, 340, 342, 343, 345–
348, 352, 356, 358, 363, 364, 366,
370–373, 378, 381–383, 385, 387,
389, 390, 392, 393, 396, 398, 401,
403, 405, 407, 408, 410, 411, 413,
414, 417, 420, 422, 427, 428, 433,
434, 442, 443, 454–458, 465, 471,
472, 476, 493, 494, 502, 512, 517,
527–530, 536, 538, 545, 551, 552,
562, 563, 566, 570, 573, 590, 592,
594, 600, 607
«Алая лента» (сборник) — 562
«Алый мак. Книга стихов» — 562
«Анкета об евреях» — 372
«Барышня Лиза» — 312
«Бельгиец» — 336
«Бодрая сладость» — 401
«Братьям» — 343
«Вильгельм Второй» — 342
«Власть мечты» — 414
«Возращение» — 382
«Война» — 370, 371
«Все вместе» — 373
«В этот час» — 403
«Гадания» — 364, 400
«Гимн» — 356
«Гневный лик» — 512
«Дождь и сон» — 348
«До Урала» — 408
«Дружная и недружная» — 590
«Дух Берлина» — 356
«Дым и пепел» — 174, 199
«Еще сражаться надо много...» —
340
«Жемчужные светила» — 240
«Завоевание правды» — 389
«Заложники жизни» — 162, 163
(пьеса), 164, 170, 171 (пьеса),
279
«Замертво» — 382
«Запасному — жена» — 340
«Звериный быт» — 109
«Земле» — 552
«Земля родная» — 303
«Индусский воин» — 382
«Искусство наших дней» — 433,
434
«Как хорошо, что реют пчелы...» —
442
«Каникулы» — 389
«Книга в деревне» — 528
«Кому завидовать» — 403
«Лампады любви» — 364
«Лихорадка окопов» — 348
«Любовь и верность» — 563
«Любовь над безднами» — 278, 279
(пьеса)
«Марш» — 339
«Мелкий бес» — 38, 164, 168, 229,
258 (Передонов), 286, 457
«Мечта» — 241
«Мечтатель о театре» — 417
«Мира не будет» — 343
«Навы чары» — 174, 264
«Надежда воскресная» — 382
«Об искусстве наших дней» — 287
«Обручальное» — 343
«Обстрелян» — 356, 358
«Олегов шит» — 343
«Опять из первозданной гли-
ны...» — 414
«Осенняя могила» — 348
«Острие меча» — 411
«От кладбищенских ворот...» —
420
«Оттого так прост и ясен...» — 528
«Очарования весны» — 261, 262
(стихи)
«Очарования земли» — 329, 334
«Пасха новая» — 382
«Петроград — Белград» — 364
«Пламенный круг» — 178
«Плыть вдоль волжских бере-
гов...» — 528
«Пляшут волны...» — 149
«Побеждайте» — 348
«Под спудом» — 408
«Помнишь, не забудешь» — 37
«Порог житницы» — 373
«Порой как будто онемешь...» —
442
«Преображение» — 536
«Проснусь я и думаю снова...» —
420
«Пусть пылит моя дорога...» — 401

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Россия в мечтах и ожиданиях» — 456
 «Св. Георгий Победоносец» — 348
 «Сергей Тургенев и Шарик» — 127
 «Сказка дочери гробовщика» — 427
 «Слаще яда» — 167
 «Снег» — 373
 «Сними траур» — 356
 «Солнышко» — 427
 «Там внизу костры горели...» — 149
 «Танни Ричард» — 348
 «Тихий зной» — 364
 «1914 — 19 июля — 1915» — 403
 «У Босфора» — 382
 «Утешение Бельгии» — 345
 «Хотя б столетие войны!..» — 403
 «Цветы для наглых, вино для сильных...» — 389
 «Часовой» — 343
 «Что же, что с долею бедной...» — 528
 «Я, мечтавший одиноко...» — 442
 «Я часть загадки разгадал...» — 149
 «Ярый год» — 476
 Сомов К.А. — 23, 54, 173, 267, 366, 374, 404, 529, 531
 Сорокин П.А. — 355, 442, 522, 607
 «Вихрь неумирающей жизни» — 522
 «Две бездны нравственности» — 355
 Софокл — 240
 Станевич В.О. — 234
 Станиславский К.С. — 60, 61, 91, 217, 219, 341, 507, 585
 Станкевич В.Б. (Станч В.) — 264
 Стасюлевич А.М. — 75
 Стасюлевич М.М. — 12, 75, 384, 433
 Стеклов В.А. — 551, 560
 Стеклов Ю.М. — 131, 429, 567
 «Стеклянные цепи» (альманах) — 148
 Стеллецкий Д.С. — 92
 Степанов Е.Е. — 79
 Степняк-Кравчинский С.М. — 169
 Степун (Степун) Ф.А. — 28, 29, 70, 116, 156, 157, 183, 250, 256, 259, 326, 468
 «Граф А.Н.Толстой» — 326
 «О "Бесах" Достоевского и письмах М.Горького» — 250
 «О некоторых отрицательных сторонах современной литературы» — 259
 «О философии пейзажа» — 70
 «Открытое письмо Андрею Белому» — 156, 157
 Столица Л.Н. — 51, 333, 354, 356
 «Из песен девицы-кавалериста» — 356
 «Русь. Третья книга стихов» — 354
 Столыпин А.А. — 263, 289
 «Апофеоз В.В.Розанова» — 289
 Столыпин П.А. — 59
 Сторицын П.И. — 402, 419
 «Страда», кн. 2 (сборник) — 562
 Стражев В.И. — 33
 «Рассказы. 1906–1910» — 33
 Страхов Н.Н. — 249, 255, 278, 328, 406, 425
 «Стрелец» (альманахи)
 1-й — 375, 378, 379, 383
 2-й — 493
 «Стремнины» (альманах) — 517
 Стриндберг А. — 34, 53, 133, 461
 «Чандала» — 53
 Струве П.Б. — 8, 20, 35, 36, 37, 54, 105, 133, 150, 176, 185, 231, 243, 289, 327, 332, 341, 344, 346, 381, 384, 555, 560, 564, 572, 575
 «Герцен» — 133
 «На разные темы» — 8
 «Наша задача» — 555
 «Религия и общественность (Ответ З.Н.Гиппиус)» — 327
 «Сильная власть и либеральная подпитка» — 176
 «Patriotica» — 35, 36
 Студенцов Е.П. — 93
 Суворин А.С. — 77, 96, 102, 125, 149, 150, 187, 226, 255, 272, 288, 289, 302, 327, 353, 387, 411, 537
 Суворин Б.А. — 403 (сын), 411, 415, 578
 Суворин М.А. — 376, 403 (сын), 411, 578
 Судейкин С.Ю. — 91–93, 150, 158, 195, 400, 425, 449, 465, 501
 Сулержицкий Л.А. — 91, 329, 376
 «Из воспоминаний об А.П.Чехове в Художественном театре» — 329
 Сумбатов-Южин А.И. — 160, 253, 257, 294, 341, 365, 429, 542, 584

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Сургучев И.Д. — 38, 99, 141, 142,
191, 207, 309, 328, 368, 389, 418,
422-424, 466, 486, 498
«Губернатор» — 141, 207
«Мельница» — 422-424, 466
«Осенние скрипки» — 328, 389, 486
«Осенние скрипки и рассказы»
(сборник) — 418
«Песни о любви» — 368
«Рассказы» (1913) — 207
«Следы вчерашнего» — 191
«Сон» — 207
«Соседка. Рассказы» — 498
- Суриков И.З. — 513
- Суханов Н.Н. (Гиммер Н.Н., Н.С.) —
378, 393, 429, 553
- Суховых К.А. (К.Народин) — 565
- Сухотин П.С. (П.С.) — 201, 352
- Сухотина-Толстая Т.Л. — 535, 596
- Сущевич Б.М. — 376
- Сытин И.Д. — 18, 50, 91, 104, 317,
380, 386, 394, 530
- Танров А.Я. — 507, 595
«Прокламация художника» — 595
- Тальников Д.Л. (Шпитальни-
ков Д.Л.) — 21, 162, 251, 286,
300, 310, 316, 346, 370, 379, 390,
394, 399, 404, 410, 411, 421, 440,
441, 572
«Бесовское наваждение» — 251
«Литературные заметки» — 411
«Недоразумение в стихах» — 316
«Об И.А.Бунине» — 162
«При свете культуры» — 440
«Символизм или реализм» — 286
«Эстетика и общественность» — 300
- Тан Н. (Богораз В.Г.) — 295, 329,
342, 347, 416, 564
«Крылоносный Икар» — 329
- Танеев С.И. — 390, 401
- Танин Г. (Рочко Г.В.) — 300, 313,
325, 329
«Творчество Бунина» — 300, 325
- Тарлов В.Г. (Арлов Т.) — 70, 108,
354
- Тареев М.М. (В-ский) — 49
- Тарле Е.В. — 243, 573
- Тарновский А.К. — 67
- Тастевен Г.Э. — 302
«Футуризм» — 302
- Татлин В.Е. — 13, 39, 101, 115, 181,
215, 222, 357, 384, 434, 444, 517
- Твен М. — 562
«Таинственный незнакомец» — 562
«Творчество» (альманах) — 527
- Телешов Н.Д. — 80, 243, 257, 260,
277, 322, 341, 347, 393
«Мама» — 322
«Ночлег» — 260
- Теляковский В.А. — 11, 171
- Терещенко М.И. — 172, 365, 603
- Терпигоров С.Н. — см. Атава (Терпи-
горов) С.Н.
- Тик Л. — 255
- Тиме Е.Н. — 93
- Тименчик Р.Д. — 38, 69, 93
«Заметки об акмеизме» — 69
- Тимирязев К.А. — 243, 416, 429, 440,
472, 493
«Наука в современной жизни» —
440
- Тимковский Н.И. — 127, 422, 423, 581
«В дворянской берлоге» — 127
«Неугасимая» — 422, 423
«Свобода, равенство и братство» —
581
- Тиняков А.И. (Одинокий) — 154,
166, 194, 234, 240, 280, 311, 315,
371, 378, 379, 392, 397, 400, 405,
412, 414, 436
«В защиту войны» — 414
«Великий незнакомец
(Ф.И.Тютчев)» — 194
«Органоны» — 378
«Navis Nigra» — 166
- Тихон Задонский — 496
- Тихон, митрополит Московский — 577
- Тихонов А.Н. (Серебров А., А.Н.С.) —
201, 206, 230, 332, 429, 445, 538,
541, 553
«Пусть веют знамена!» — 553
- Тихонов В.А. — 7, 8, 191
«Карьера» — 8
- Тихоплещев М. (Логиннов М.А.) — 85
«Звенья» — 85
- Толстая А.А. — 77
- Толстая А.Л. — 41 (Александра), 42
(дочь), 56, 59-62 (дочь), 75
- Толстая С.А. — 19, 41 (вдова), 42,
56, 62, 535, 596
- Толстая С.И. (Дымшиц) — 68
- Толстой А.Н. — 13, 20, 37, 44, 62, 67,
68, 80, 81, 92, 97, 107, 109, 121,
127, 189, 192-194, 256, 260, 268,
272, 282, 284, 292, 295, 301, 309,

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- 322, 326, 338, 339, 342, 348, 354,
361, 364, 368-370, 373, 375, 377,
380, 381, 388, 390, 391, 395, 401,
403, 405, 410, 413, 414, 420, 423,
428, 438, 441, 457, 466-468, 480,
488, 508, 512, 514, 519, 528, 542,
545, 546, 557, 567, 574, 589
«Анна Зисерман» — 388
«Без крыльев» («Маша») — 284,
339
«Большая неприятности» — 322
«Буря» — 401
«В Англии. На Кавказе. По Волины
и Галиции» — 508
«В гостях у англичан» — 480
«Весенний ветер» — 557
«Две жизни» («Земные сокровища»,
«Чудаки») — 13, 44, 109, 457
«Двенадцатого марта» — 542
«День битвы» — 364, 377
«Для чего идет снег» — 410
«Дым» — 414
«За стилем» («Приключения
Растегина») — 256, 284
«Золотая цепь» — 468
«Из дневника на 1917 год» — 528
«Из записной книжки» — 567
«Искры» (рассказ) — 466
«Искры» (сборник) — 508
«Касатка» — 545
«Крепкое развлеченне» — 512
«Кулик» (из романа «Болотные
огоньки») — 403
«Московское совещание» — 574
«На войне» — 369, 370
«На горе» — 405
«Насильники» («Лентяй») — 192,
193
«Наташа» — 354
«Невеста» — 428
«Нечистая сила» — 441
«Обыкновенный человек» — 354,
377, 405
«Овражки» — 260, 339
«Первого марта» — 542
«Письма с пути» — 339, 342, 348,
373, 381
«Поцелуй» («Синее покрывало») —
67
«Прекрасная дама» — 488
«Приключения Растегина» (сбор-
ник) — 405, 438
«Прогулка» — 37
«Рассказ проезжего человека» —
589
«Рассказы» (1912) — 121
«Рассказы» (1913) — 272
«Сказки» — 301
«Солдат и черт» — 589
«Спасенный» — 420
«Туманный день» — 20
«Хромой барин» — 107, 109, 339
«Четыре века» — 368
«Шарлотта» — 395
Толстой И.И. — 429
Толстой Л.Н. — 8, 9, 12, 15, 18, 19,
28, 29, 41-43, 50, 56, 59-61, 66,
75-77, 86, 87, 97, 101, 102, 104,
105, 119, 128, 132, 138, 139, 145,
149, 156, 169, 170, 187, 189, 198,
219, 233 (автор), 234, 240, 242,
252, 259, 264, 272, 277, 278, 282,
303, 308, 351, 362, 377, 385, 386,
388 («Власть тьмы»), 405, 407,
414, 420, 421, 424, 429, 430, 432,
440, 454, 460, 461, 474, 495, 525,
526, 535, 538, 543, 546, 551, 561,
572, 573, 579, 591, 595, 596, 602
«Алеша Горшок» — 75, 76
«Анна Каренна» — 42
«Власть тьмы» — 233, 252, 388
«Война и мир» — 42, 76, 128, 169,
179, 191
«Две различные версии истории
улья» — 101
«Детство» — 351
«Дневники» — 429, 430, 440
«Дьявол» — 75, 76, 86, 132
«Живой труп» — 59-61, 75
«Записки сумасшедшего» — 101
«Идиллия» — 86
«И свет во тьме светит» — 86, 87
«Крейцеров соната» — 76
«Нечаянно» — 29, 101
«Николай Палкин» — 573, 591
«Отец Сергей» — 86, 87, 132
«От ней все качества» — 75, 77
«Отрочество» — 351
«Письмо к Николаю II» (1902) —
573
«Плоды просвещения» — 77
«После бала» — 75, 76
«Посмертные записки старца Фе-
дора Кузьмича» — 104
«Тихон и Маланья» — 86
«Фальшивый купон» — 75, 76, 86

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Хаджи-Мурат» — 101, 546
 «Ходынка» — 101
 «Хозяин и работник» — 440
 «Что я видел во сне» — 75
 Толстой Н.В. (Н.В.Т.) — 407
 «Общественность и Царская
 власть» — 407
 Толстой С.Л. — 535, 596
 Топорков А.К. (Югурта) — 311, 493
 «Тризны и кануны» — 311, 493
 «Требник троих» (сборник) — 215
 Тредиаковский В.К. — 12 (Третьяков-
 ский), 451
 Тренев К.А. — 67, 98, 155, 192, 295,
 319, 339, 348, 354, 368–370, 393,
 397, 416, 422–424, 427, 429, 438,
 441, 457, 470, 480, 485, 492, 512,
 518, 522, 532, 546, 570, 583, 589
 «Вечная любовь» — 319
 «Владыка» (повесть) — 155, 438
 «Владыка. Рассказы» (сборник) —
 370
 «Войсковой круг» — 583
 «В провинции» — 546
 «В пути» — 348, 485
 «В родном углу» — 427
 «В станице» — 98, 291
 «Дома» — 354
 «Любовь Бориса Николаевича» —
 295, 370
 «Мальчики» — 512
 «Мокрая балка» (рассказ) — 368–
 370
 «Мокрая балка» (сборник) — 532
 «На Дону» — 589
 «На Украине» — 492, 570
 «На ярмарке» — 192
 «О некоторых украинцах» — 589
 «Письма» — 393
 «По тихой воде» — 422–424
 «Самсон Глечик» — 339
 Тренин В.В. — 197
 «Поэтическая культура Маяковско-
 го» — 197
 Третьяков С.М. — 419, 451, 452
 Троцкий Л.Д. — 571, 586, 590, 592,
 599, 602–604, 607
 Трубецкой Е.Н. — 48, 101, 344, 359,
 542, 550, 577, 600
 «Война и мировая задача Рос-
 сии» — 359
 «Спор Толстого и Соловьева о госу-
 дарстве» — 101
 Трубецкой П.П. — 77, 272
 Туган-Барановский М.И. — 288
 Тугендхольд Я.А. (Я.Т-д) — 101, 259,
 270, 296, 297, 384, 409, 417, 443,
 454, 455, 507, 508
 «В железном тупике» — 409
 «Выставка работ Нат. Гонча-
 ровой» — 259
 «Марк Шагал» — 455
 «Московские театры» — 443
 «Новый талант» — 384
 «О Гл. Успенском» — 454
 «Памяти Серова» — 101
 «Письмо из Москвы» — 259, 508
 Тумповская М.М. — 447, 482
 Тургенев И.С. — 18, 86, 108, 234,
 281, 308, 457
 «Бежин луг» — 108
 Тургенева Н.А. — 157
 Турыгин А.А. — 267
 Туголмина С.Н. — 442
 Тыркова А.В. — 176
 Тэффи (Бучинская Н.А.) — 33, 99,
 121, 253, 347, 358, 381, 407, 413,
 420, 428, 470, 471, 512
 «Юмористические рассказы» — 33
 Тютчев Ф.И. — 70, 71, 134, 147, 158,
 194, 224, 232, 238, 246, 285, 286,
 308, 328, 386, 387, 488, 516
 «Весенняя гроза» — 224
 Уайльд О. — 18, 151, 175, 272, 280,
 302, 317
 Уварова В.М. — 195
 Уитмен У. — 35, 237, 258, 276, 317,
 318
 «Побеги травы» — 35
 Ульянов Н.П. — 230, 292
 Урицкий М.С. — 429
 Усов Д.С. — 311
 Успенский Г.И. — 18, 62, 107, 110,
 137, 233, 301, 394, 454, 457, 523,
 602
 «Власть земли» — 233
 «Неизлечимый» — 523
 Уэллс Г. — 291, 491
 Фальк Р.Р. — 79, 92, 100, 384, 409,
 507, 516
 Фатеев В.А. — 48
 «В.В. Розанов. Жизнь, творчество,
 личность» — 48

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Федоров А.М. — 160, 202, 303, 319, 323
«Араб» — 323
Федотова Г.Н. — 341
Фег А.А. — 125, 147, 154, 165, 204, 248, 314, 387, 425, 524
Фигнер В.Н. — 128, 545, 546, 559, 563, 580
«Из воспоминаний» — 545
Фидлер Ф.Ф. — 18, 159
Филонов П.Н. — 39, 274, 302
Философов Д.В. — 28, 31, 78, 79, 91, 104, 107, 146, 170, 171, 176, 185, 203, 204, 210, 213, 227, 230, 231, 256, 262, 263, 265, 268-270, 279, 285, 289, 306, 307, 351 (Дмитрий), 381, 421, 477, 484, 496, 498, 533, 534, 540, 552, 561, 584, 592
«Акменсты и М.П.Неведомский» — 203
«Бред» — 263
«Волна пошлости» — 31
«Выставка Серова» — 285
«Газета без читателей» — 78, 79
«Культура и варварство» — 107
«Магия слова» — 498
«Немецкий романтизм в русской литературе» — 256
«Перелом» — 170
«Пиршественный стол» — 306
«Письмо в редакцию» — 204
«Принцесса Брамбилла» — 421
«Приятная откровенность» — 230
«Поэт и критики» — 262
«Расточительность» — 231
«Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы» — 104
«Тяга к театральности» — 269, 270
«Уединенный эстетизм» — 176
Фиолетов А. [Ост. Вас. Шор] — 402, 419
Фишер В. — 488
Флейтман — 84
Флобер Г. — 518
Флоренский П.А. — 204, 366, 373, 390, 443, 505, 537, 550
Фокин М.М. — 93
Фомин И.А. — 93, 538, 539, 561
Фомин С.Д. — 443-444, 468
Фонвизин С.И. — 108, 159, 270
«В смутные дни» — 159
«Две жизни» — 270
Фортунатов Л. — 406
«Гнилая душа» — 406
Форш О.Д. (Шах-Элдин) — 210, 343
«О новой пьесе Л.Андреева» — 343
«Своим умом» — 210
Фофанов К.М. — 43, 44, 106, 144, 175, 184, 204
Франк С.Л. — 9, 171, 235, 359, 543, 555, 575
«Демократия на распутье» — 555
«Мечта и жизнь» — 171
«О даре свободы» — 543
«О поисках смысла войны» — 359
«О смысле искусства» — 235
Франс А. — 243
Франциск Ассизский — 496
Фрейд З. — 86
«Психология сна» — 86
Френкель А. — 32
Фри-Дик — 397
«У А.И.Куприна» — 397
Фриче В.М. — 34, 48, 257, 276, 295, 307, 341, 381, 429, 531, 542, 584
«Поиски нового стиля» — 531
Фруг С.Г. — 44, 189
Харджиев Н.И. — 70, 197
«Матисс в Москве» — 70
«Поэтическая культура Маяковского» — 197
Хирьяков А.М. — 430
«В лаборатории Л.Н.Толстого» — 430
«К истории великого сердца» — 430
Хлебников В.В. — 166, 198, 208, 211, 212, 215, 218, 241, 247, 255, 258, 259, 263, 266, 268, 275, 278, 295, 296, 300, 302, 317, 349, 353, 399, 409, 413, 435, 451, 452, 478, 491, 493, 517
«Битвы 1915-1917 гг.» — 353
«Бух лесный» — 241
«Время — мера мира» — 478
«Декларация» — 258, 259
«Заключитие смехом» («Смехачи») — 278
«Игра в аду» — 166
«Изборник стихов с послесловием речаря» — 317
[Листовка по поводу приезда Маринетти] — 296

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Ляля на тигре» — 409, 413, 451
«Мы и дома» — 435
«Ошибка смерти» — 517
«Предложения» — 436
«Слово, как таковое» — 263
«Творения» — 317
«Трое» — 255
«Труба марсиан» — 491
«Учитель и ученик» — 211
Ховин В.Р. — 147, 184, 296, 358
«Распад декаданса и возникновение
футуризма» — 296
«Футуризм и война» — 358
Ходасевич В.М. — 516, 517
Ходасевич В.Ф. — 51, 103, 104, 113,
120, 123–125, 135, 136, 147, 151,
165, 167, 196, 200, 215, 222, 225,
226, 232, 292, 306, 310, 314–317,
322, 324, 329, 330, 334, 356, 362,
388, 393, 397, 409, 424, 425, 435,
445, 447, 449, 451, 456, 460, 481,
490, 495, 499, 505, 510, 553, 554
«Державин (К столетию)» — 499
«Игорь Северянин и футуризм» —
322
«Из мышиных стихов» — 356
«Лед и пламень» — 222
«Обманутые надежды» — 393
«О новых стихах» — 424
«Русская поэзия» — 103, 104, 113,
120, 123–125, 135, 136, 147,
151, 165, 167, 196, 200, 215,
225, 226, 316
«Счастливы домик» — 314, 315,
334
«Juvenilia» Брюсова — 232
Хомяков А.С. — 328
Храбровицкий А.В. — 243
«Автограф на визитке» — 243
Хромов А. — 399
Ц.Ф.Г. — 250
«Травля Айхенвальда» — 250
Цагорелли Г. — 402, 419
Цветаев И.В. — 140, 141, 272
Цветаева А.И. — 504
«Дым, дым и дым» — 504
Цветаева М.И. — 20, 51, 112, 113,
126, 141, 214, 315, 364, 365, 401,
461, 493, 495, 503, 521, 567, 594
«Але» — 461
«Байрону» — 364
«Вечерний альбом» — 112
«Волшебный фонарь» — 112, 113
(книга)
«В тумане, синее ладана...» — 503
«Генералам двенадцатого года» —
364
«Два солнца стынут...» — 493
«День угасший...» — 493
«Заповедей не блола, не ходила к
причастию...» — 493
«Идешь, на меня похожий...» —
401
«Из двух книг» — 214
«Какой-нибудь предок мой был —
скрипач...» — 461
«Новолуны и мех медвежий...» —
493
«Откуда такая нежность...» — 503
«Отмыкала ларец железный...» —
503
«С большою нежностью — пото-
му...» — 503
«Сказка» — 178
«Солнцем жилки налиты, — не
кровью...» — 401
«Стихи о Москве» — 521
«Уж сколько их упало в эту безд-
ну...» — 401
«Я знаю правду — все прежние
правды прочь!» — 493
Цезарь — 448
Цензор Д.М. — 118
Ценовский А.А. — 290
Ценский — см. Сергеев-Ценский С.Н.
Церетели И.Г. — 557, 573, 599
Цетлин М.О. (Ам-и) — 112, 122, 124,
582
«Заметки любителя стихов» — 122
Цетлин М.С. — 494, 582
Цехновицер О.В. — 337
«Литература и мировая война» —
337
Цеховская В.Н. — см. Ольнем О.Н.
Чаадаев П.Я. — 367
Чагин С. — 379
Чайковский Н.В. — 243
Чалыгин А.П. — 44, 186, 187, 236,
237, 282, 295, 319, 355, 365, 381,
389, 441, 463, 488, 511, 522
«Бегун» — 488
«Белый скит» — 236, 237, 282
«Другой» — 319
«За чужой грех» — 355

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «К людям» — 365
«Лесной пестун» — 44
«Неизбежное» — 381
«Неподимые» — 186, 187
«Ожидание» — 389
«Повести и рассказы», т. II — 236
«Под праздник» — 522
«Скрепа» — 441
«Старуха» — 511
Чарская Л.А. — 153, 317
Чарушиников А.П. — 37
Чацкина С.И. — 194, 214
 «О пантеизме С.Ценского» — 214
Чеботаревская Ан.Н. — 58, 136, 172,
193, 210, 211, 267, 275, 289, 306,
307, 388, 390, 428, 430, 431, 434
 «В защиту "военной" литерату-
ры» — 434
Чегодаев И. — см. Андреев Л.Н.
Чекрыгин В.Н. — 241
Черемнов А.С. — 13, 40, 80, 95, 130
 «Белоруссия» — 13
 «Сонеты» — 40
Чернов В.М. (Вечев Я.) — 30, 53, 99,
118, 128, 133, 139, 154, 169, 170,
205, 210, 217, 221, 232, 284, 547,
583, 598, 599
 «В деревне» — 284
 «В.И.Ленин» — 547
 «Где ключ к пониманию
 Н.К.Михайловского» — 210
 «Две бездны» — 169
 «Дела и дни» — 221
 «Не во время родившийся» — 133
 «Эрос и мечта в поэзии В.Брю-
 сова» — 232
 «Этика и политика» — 139
Черный С. (Гликберг А.М.) — 83, 93,
99, 109, 110, 154, 178, 191, 201,
202, 216, 236, 247, 276, 329, 362,
452, 522, 554
 «Белая колыбель» — 452
 «В снегах» — 452
 «Живая азбука» — 362
 «На пруду» — 452
 «Ной» — 329
 «Первое знакомство» — 109, 110
 «Письмо в редакцию» — 554
 «Приказ» — 236
 «Сатиры» — 191, 216
 «Сатиры и лирика» — 83
 «Спихотворения и сатиры» — 178
 «Сумерки» — 452
Черных В.А. — 20
 «Летопись жизни и творчества
 А.Ахматовой» — 20
Чернышевский Н.Г. — 57, 60, 140,
154, 248, 387, 406, 426, 427, 443,
543, 559
Чертков В.Г. — 9, 42, 59, 60, 75, 86,
101, 104
 «О последних днях Льва Николае-
 вича Толстого» — 9
 «Ответ на клевету» — 42
Черубина де Габриак (Василье-
ва Е.И.) — 74
Чехов А.П. — 15, 28, 102, 105, 108,
127, 138, 161, 162, 194, 207, 218,
233, 269, 271, 277, 288, 291, 312,
320, 329, 332, 334, 362, 366, 368,
370, 389, 392, 440, 468, 481, 486,
518, 523, 531, 555
 «Вишневый сад» — 271
 «В овраге» — 162 («Овраг»)
 «Мужики» — 108, 161, 368
 «Предложение» — 523
 «Скучная история» — 207
Чехов М.А. — 376, 443
Чехова М.П. — 102
Чешихин-Ветринский В.Е. (Ч. В-
ский) — 9, 18, 42, 58, 70, 139,
215, 240, 301, 386, 407, 426, 427,
477
 «Г.И.Успенский в 70-е и 80-е го-
 ды» — 301
Чириков Е.Н. — 13, 14, 23, 25, 73,
80-82, 109, 110, 131, 140, 160,
268, 319, 323, 328, 381, 429, 432,
436, 437, 440, 588, 590, 602
 «Великий провокатор» — 602
 «Возвращение» — 319
 «Волжские сказки» — 436, 437
 «Гиблое место» — 323
 «Лакеи мыслей благородных» —
 602
 «Лесные тайны» — 13
 «Неразбериха» — 432
 «При свете здравого смысла» — 440
 «Провинциальная комедия» — 25
 «Русский народ под судом Максима
 Горького» — 588
 «Ужасы Тверского бульвара» —
 602
 «Утро жизни» — 109, 110 (рас-
 сказ)
 «Что вы молчите?» — 590

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- «Шакалы» — 73
«Юность» — 82
«Чудо в пустыни» (альманах) — 548
Чудовский В.А. — 10, 37, 39, 51, 54, 90, 107, 117, 122, 156, 179, 180, 187, 204, 248, 251, 269, 286, 320, 429, 561
«За букву Ъ» — 561
«Несколько мыслей к возможному учению о стихе» — 429
«О Мережковском, Некрасове и о политике в искусстве» — 248
«О “Русской мысли”» — 37
«“Русская мысль” и романы В. Брюсова, Э. Гиппиус, Д. Мережковского» — 156, 204
«Футуризм и прошлое» — 248
Чуковская Л.К. — 255, 404
«Записки об Анне Ахматовой» — 255, 404
Чуковский К.И. — 11, 13, 17, 18, 21, 23, 25, 28–30, 32, 33, 44, 58, 62, 65, 88, 94–97, 140, 153, 154, 170, 175, 186, 187, 194, 214, 227, 237, 243, 258, 266, 267, 275, 278, 279, 296, 302, 307, 317, 318, 324, 327, 336, 347, 352, 360, 362, 480, 495, 525, 530
«Ал. Н. Толстой» — 317
«Безумие» — 227
«Большая Россия и ее исцелитель Горький» — 525
«Борис Зайцев» — 317
«В. Гаршин» — 317
«Дешевка» — 214
«Джек Лондон» — 317
«Дневник: 1901–1929» — 11, 296, 327, 336, 495, 530
«Э. Гиппиус» — 317
«Заметки читателя» — 324
«Искусство грядущего дня» — 258, 266
«Книга о современных писателях» — 317
«Критические рассказы» — 17, 18
«Леонид Андреев» — 317
«Лица и маски» — 317, 318
«Мы и Некрасов» — 170
«Мы и Они» — 21, 317
«Некрасов и модернисты» — 317
«Новая книга А.И. Куприна» — 362
«Новые слова» — 317
«Нуллос» — 187
«Образцы футуристических произведений» — 278
«О Леониде Андрееве» — 28
«Оскар Уайльд» — 317
«Пафос косности и безжеланности» — 194
«Первый футурист» — 237
«Поэзия грядущей демократии (У. Уитмен)» — 317
«Проклятый род» — 62
«Русская литература в 1911 г.» — 95–97
«Русские футуристы» — 267
«Самоубийцы» — 186
«Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина» — 360
«Тарас Шевченко» — 317
«Тоска по скандалу» — 275
«Устрицы и океан» — 32, 33
«Утешеньшко людишкам» — 352
«Футуристы» — 317
«Чарская» — 153, 317
«Эго-футуристы и кубо-футуристы» — 278, 279 (статья)
Чулков Г.И. (Кремнев Б.) — 13, 14, 47, 58, 82, 123, 154, 202, 219, 235, 268, 285, 286, 304, 310, 314, 328, 362, 371, 382, 388, 408, 464, 470, 483, 484, 567, 583, 591, 606
«Вчера и сегодня. Листки из дневника» — 583, 591
«Закатный звон» — 310
«Метель» — 483
«Пробуждаемся ли мы?» — 285, 304
«Пустое небо» — 235
«Сатана» — 328
«Свирель» — 13
«Сережа Нестроев» — 408, 464
«Судьба России» — 470
Чумаченко А.А. — 159
Чурболнова О.А. — 504
«Тайна Владимира Набокова» — 504
Чурилин Т.В. — 388
«Весна после смерти» — 388
Чурлянис М.-К. — 91, 285, 307
Чхеидзе Н.С. — 546
- III. — 296
«Эго и кубо» — 296
Шагал М.З. — 384, 409, 473, 507, 508, 516, 517

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Шагинян М.С. — 72, 99, 101, 113,
117, 132, 133, 135, 141, 144, 157,
200, 205, 214, 225, 234, 246, 248,
293, 310, 313, 314, 316, 394, 427,
468
«Академический журнал» — 101
«Женская поэзия» — 113, 310
«Литературный дневник. Петля по-
вешенного» — 99
«О блаженстве нмущего. Поэзия
З.Н.Гиппиус» — 144
«Письма о музыке» — 316
«Поэт Божьей милостью» — 133
«С.В.Рахманинов» — 157
«Семь разговоров» — 468
«Синематограф» — 205
«Тоска по быту» — 132
«Узкие врата» — 394
«Человеколюбие и человекоборст-
во» — 141
«Orientalia» — 200
- Шалапин Ф.И. — 11, 12, 79, 160,
222, 272, 513, 538, 539
- Шамбинаго С.К. — 26
- Шанявский А.Л. — 530
- Шаумян С.Г. (Стивин) — 10, 21
«О Горьком» — 10
- Шаховская Н.Д. — 139
«В.Г.Короленко» — 139
- Шевченко А.В. — 13, 79
- Шевченко Т.Г. — 23, 41, 317, 543
«Кобзарь» — 23, 41
- Шекспир В. — 91, 151, 211, 229, 426
«Гамлет» — 91
- Шелгунов Н.В. — 602
- Шеллер-Михайлов А.К. — 483
- Шеллинг Ф. — 113
- Шепкалов А.И. (А-лов) — 369, 370
«Война и литература» — 369
- Шервинский С.В. — 247
- Шершеневич В.Г. (Гальский В.) —
85, 200, 201, 215, 218, 247, 293,
296, 307, 310, 315, 387, 419, 448,
451, 452, 491
«Автомобильная поступь» — 451
«Быстрь» — 451
«Весенние проталинки» — 85
«Зеленая улица» — 451
«Златополдень русской поэзии» —
218
«Carmina» — 200, 201
- Шестов Л.И. — 50, 58, 73, 236, 422,
442, 477, 566, 580, 596
- «Вячеслав Великолепный» — 477
«Музыка и призраки» — 580
- Шидловский С.И. — 539, 561
- Шилейко В.К. — 274
- Шиллер Ф. — 230
- Шиманский С.А. — 468
«Кровь» — 468
- «Шиповник» (альманахи) — 90, 130,
137, 164, 209, 218, 239, 250
14-й — 13
15-й — 44
16-й — 93
17-й — 121
18-й — 162
19-й — 207
20-й — 223
21-й — 239
22-й — 175, 262, 278
23-й — 329
24-й — 468
25-й — 483
26-й — 562
- Широков П.Д. — 69, 215
- Ширяев А.В. — 215, 244, 295, 303,
319, 334, 416, 460, 463, 510, 591
«Залевка» — 510
- Шишков В.Я. — 291, 295, 343, 430,
432, 504, 508, 509 (автор), 522,
552, 553, 562, 570
«Бобровая шапка» — 562
«Ванька Хлюст» — 343
«Золотая беда» — 562
«Каторжник» — 522
«Междоусобица» — 570
«Подножие башни» — 552
«Сибирский сказ» — 508, 509
(очерки)
«Тайга» — 504
«Чуйские были» — 295
- Шкловский В.Б. — 285, 297, 412,
497, 498
«Заумный язык и поэзия» — 497
- Школьник И.С. — 274
- Шкулев Ф.С. — 131
- Шляпников А.Г. — 342
- Шмелев И.С. — 38, 63–65, 76, 80, 97,
107, 111, 146, 152, 164, 178, 189,
192, 218, 243, 254, 256, 260, 274,
277, 282, 309, 319, 322, 341, 352,
355, 364, 374, 382, 393, 397, 412,
417, 422–424, 427, 429, 454, 457,
466, 467, 475, 476, 480, 486, 490,

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- 512, 525, 545, 546, 549, 557, 564
(Шмель), 572, 582, 588
«Веселый» — 427
«Веселый разговор» — 588
«Весенний шум» — 218, 582
«Виноград» — 256, 352
«В Лужском уезде» — 393
«Волчий перекал» — 274, 352
«В Сибирь за освобожденными» —
549
«В усадьбе» — 319
«Гости» — 355
«Гражданин Уклеикин» — 111
«Забавное приключение» — 545
«Загадка» — 512
«За семью печатями» — 412
«Знамена. В деревне» — 417
«Карусель» — 412
«Лес» — 355
«Лик скрытый» — 466
«На большой дороге» — 422-424,
475
«На паях» — 365
«Наследники» — 393
«Ненастье» — 254
«Папка» — 164, 582
«Поденка» — 192, 254
«Поездка» — 322
«Пугливая тишина» — 107, 254
«Пятна» — 557
«Распад» (повесть) — 111
«Распад» (сборник) — 417
«Рассказы», т. II, 1912 — 111
«Рассказы», т. III, 1912 — 164
«Рассказы», т. V, 1912 — 352
«Ростани» — 260, 352, 486
«Слепые» — 382
«Стена» — 178, 254
«Суровые дни» — 355, 427, 475
«У плакучих берез» — 475
«Человек из ресторана» — 63-65,
97, 111, 164
Шмидт В. — 220, 225
«Безответственная публицистика
(Роман Ропшина "То, чего не
было")» — 220
Шмидт П.П. — 543
Шнцлер А. — 18, 207
«Фрау Беата и ее сын» — 207
Шолом-Алейхем — 53, 152, 178
«Записки коммивояжера» — 53
Шопенгауэр А. — 289
Шоу Б. — 53, 416, 574
«Кандида» — 53
Шперк Ф.Э. — 443
Штейнер Р. — 139, 150, 157, 204,
512
Штирнер М. — 18
Штюрмер Б.В. — 506, 520, 573
Шульгин В.В. — 506, 520, 555
Щеглова Л.В. — 279, 280, 323, 362,
412
Щеголев П.Е. (П.Щ.) — 152, 162,
168, 192, 276, 285, 347, 399, 415,
502, 551, 573
«Вопль русского футуриста» — 399
«Мычание» — 502
«Плач о погибели русской зем-
ли» — 162
Щелкина-Куперник Т.Л. — 152, 420
Щербина Н.Ф. — 425
«Щит» (сборник) — 408, 413, 437,
472, 492
Щукин С.И. — 69, 269
Щуко В.А. — 538
Щусев А.В. — 80
Э.С. — см. Серебряков Э.А.
Эйхенбаум Б.М. — 206, 229, 245,
249, 255, 270, 281, 283, 292, 297,
299, 334, 386, 391, 429, 445, 446,
456, 498, 502, 523, 580, 597
«Д.С.Мережковский-критик» —
386
«Душа Москвы» — 523
«К вопросу о звуках стиха» — 498
«Новые стихи Н.Гумилева» — 446
«О Чехове» — 334
«Страшный лад» — 229
Экземплярский В.И. — 101
«Гр. Л.Н.Толстой и св. Иоанн Зла-
тоуст в их взгляде на жизнен-
ное значение заповедей Хри-
стовых» — 101
Экстер А.А. — 297, 302, 507, 517
Эллис (Кобылинский Л.Л.) — 24, 51,
116, 146, 150, 156, 157, 315, 334
«Арго» — 315, 334
«Мюнхенские письма. Умер ли
символизм» — 156
«Stigmata» — 24
Эльберт Л.Г. — 502
Эльзон М.Д. — 4
Элькин Н.К. — 335
Энгельгардт Б.М. — 235

**Указатель имен, названий произведений,
альманахов и сборников**

- Энгельс Ф. — 535
«Энергия», сборник — 252, 253
Эрберг К. (Сюннерберг К.А.) — 235,
236, 473, 584, 600
 «О кубизме» — 473
 «О терпимости» — 584
 «Цель творчества» — 235, 236
Эренбург И.Г. — 65, 66, 74, 104, 178,
235, 274, 316, 389, 477, 478, 512,
514, 528, 603
 «Будни» — 235
 «Детское» — 316
 «Одуванчики» — 66, 104
 «О жилете Семена Дрозда» — 528
 «Повесть о жизни некой Надень-
ки...» — 477
 «Поэты Франции» — 316
 «Стихи о канунах» — 477, 478
 «Я живу» — 65, 66
Эрн В.Ф. — 23, 48, 50, 101, 344, 353,
359, 365–367, 383, 390, 505
 «Борьба за Логос» — 50
 «Налет валькирий» — 353, 367
 «От Канга к Круплу» — 344, 359
 «Толстой против Толстого» — 101
Эртель А.И. — 28
Эсхил — 232
Эфрон С.Я. — 141
Эфрос А.М. (Россий) — 14, 297,
322, 360, 361, 384, 435, 507, 516
 «Разрывающий узы» — 516
 «Союз русских художников» — 435
Эфрос Н.Е. (Князь Мышкин, Коль-
Коль) — 22, 61, 76, 77, 91, 182,
305, 307, 343, 453, 454, 511, 585,
586
 «Будетлянский журнал» — 307
 «Литературная злоба дня» — 511
 «Премьера Художественного теат-
ра» — 585
 «Студия» и ее «Потоп» — 454
Ю-н (Н.Н.Вентцель) — 459
Южин А. — см. Сумбатов-Южин А.И.
Юон К.Ф. — 361
Юрьев Ю.М. — 93, 530
Юшкевич П.С. — 49, 429
Юшкевич С.С. — 14, 15, 25, 41, 60,
160, 174, 269, 280, 328, 452
 «Вышла из круга» — 174
 «Комедия брака» — 14
 «Леон Дрей» — 25, 280
 «Улица» — 41
 «Человек воздуха» — 452
 «Miserere» — 14, 15, 25
Ющинский А. — 288
Яблоновский А.А. — 98, 226, 253
 «Голые люди» — 226
Яблоновский С. (С.Я., Потресов С.В.) —
200, 251, 277, 280, 307
 «“Николай Ставрогин” в Художест-
венном театре» — 251
Яблочкина А.А. — 341
Яблочков Г.Я. — 368
 «В плену» — 368
Языков Д.Д. — 134
Якобсен Й.П. — 34
Яковенко Б.В. — 116
Яковлев А.Е. — 465
Яковлев В.Н. — 539
Якубинский Л.П. — 497
 «О звуках стихотворного языка» —
497
Якубович Д.П. — 594
Якубович П.Ф. (Мельшин Л.,
П.Ф.Гриневич, П.Я.) — 31, 32,
89, 108, 199, 416, 460, 493
 «В мире отверженных» — 31
Якулов Г.Б. — 92, 316, 349, 539
 «Дневник художника» — 316
Якушкин Е.И. (Е.Як-н) — 346
Яремич С.П. — 50
 «Книга о Врубеле» — 50
Ярцев П.М. — 198, 248, 251, 275,
320, 586, 587
 «Искушение хлебом и царством» —
586, 587
 «О театральной молодежи» — 248
 «Театр доктора Дапергутто» — 320
 «Театр футуристов» — 275
 «Худая трава» — 320
Ясинский И.И. (Чуносов М.) — 124,
134–136, 145, 147, 151, 165, 166,
207, 263, 324, 418, 512, 562, 604,
605
 «Костомаров, Хвольсон, Пимен
Карлов и сатанаилы» — 263
 «О бреде» — 263
 «Певцы каменного плесца» — 145,
418
 «Случай» — 562
 «Накануне» — 56

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции.....	3
Список сокращений печатных источников.....	5
1911 год (сост.: <u>Е.Г.Коляда</u> , при участии <i>В.А.Келдыша</i>) ...	7
1912 год (сост. <i>М.Г.Петрова</i>).....	98
1913 год (сост. <i>М.Г.Петрова</i>).....	190
1914 год (сост. <i>М.Г.Петрова</i>).....	284
1915 год (сост. <i>М.Г.Петрова</i>).....	364
1916 год (сост. <i>М.Г.Петрова</i>).....	440
1917 год (сост. <i>М.Г.Петрова</i>).....	520
Указатель имен, названий произведений, альманахов и сборников (сост. <i>И.С.Багдасарян</i>).....	609

Научное издание

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы
им. А.М.Горького РАН*

**ЛЕТОПИСЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ
конца XIX — начала XX в.
(1891 — октябрь 1917)**

Выпуск 3

1911 — октябрь 1917

**Корректор
*Сченснович Е.Н.***

**Оригинал-макет изготовлен
*Мишутиной Т.И.***

**Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 42. Тираж 1000 экз.**

Заказ № 2295

**ИМЛИ РАН,
121069, МОСКВА, ул. ПОВАРСКАЯ, д. 25-А.
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6**